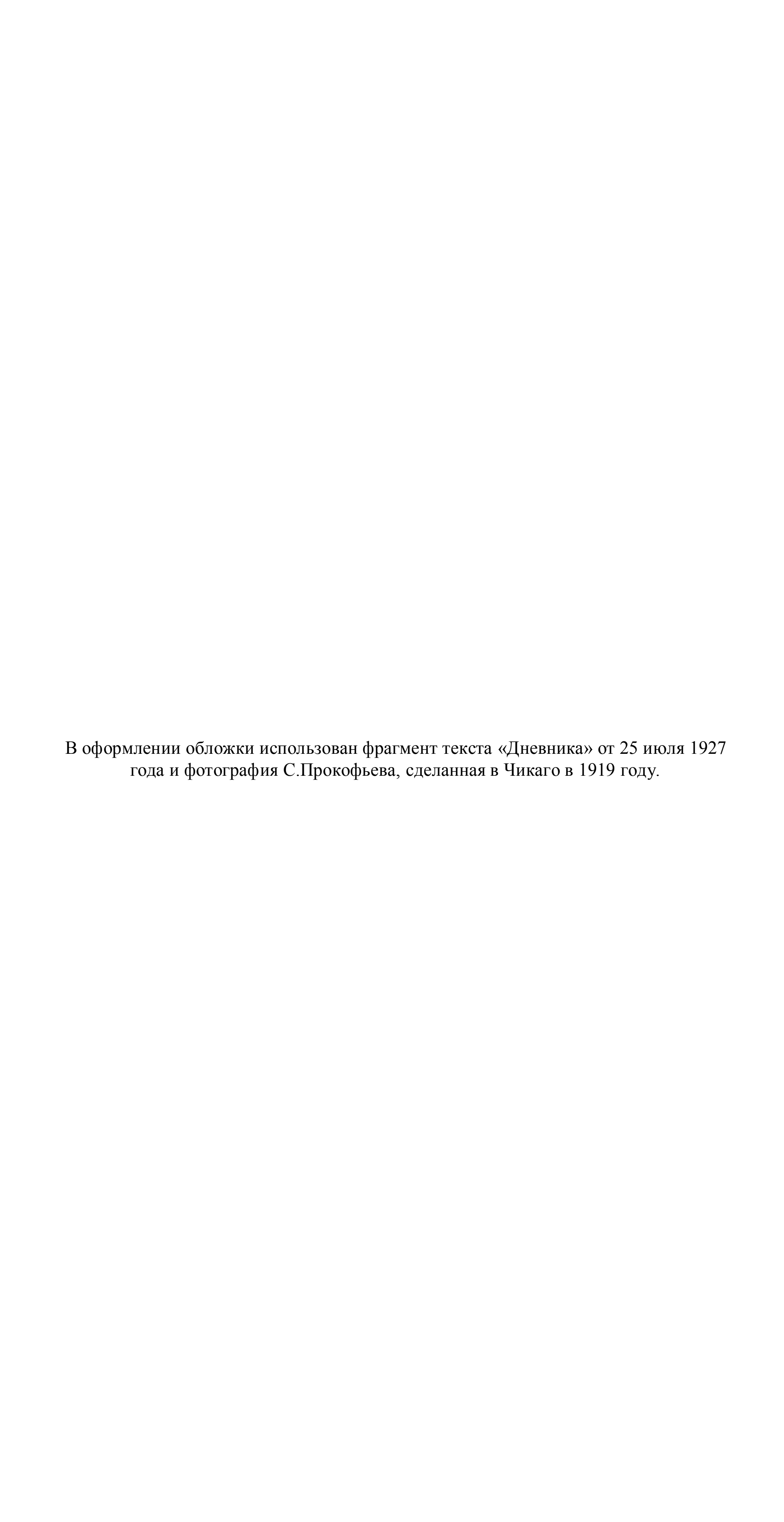
Сергей Прокофьев

ДНЕВНИК

1919 - 1933

sprkfv

Дневник

В оформлении обложки использован фрагмент текста «Дневника» от 25 июля 1927 года и фотография С.Прокофьева, сделанная в Чикаго в 1919 году.

Сергей Прокофьев

Дневник

1907-1933

(часть вторая)

sprkfv

sprkfv

54, rue de la Glaciere, 75013 Paris, France

ISBN: 2-9518138-1-3

«Склонность к записыванию была мне свойственна с самого детства».
(С.Прокофьев «Автобиография»),

«Если бы я был не композитором, я, вероятно, был бы писателем или поэтом».
(С.Прокофьев «Дневник», 23 ноября 1922 года).

Часть вторая
1919-1933

1919

1 января

Первый день нового года не был ни чем особенным замечателен. Был у Больмов и Владимира Николаевича; забросил нескольким американцам карточки, не в качестве новогодних визитов, которых здесь нет, а просто надо было куда-нибудь зайти. Вечером играл в бридж с милым Самойленко с большим удовольствием.

Оперу утром подсочинил, и недурно, но вот ещё история: уже две недели, как я уехал из Чикаго, а нет ни контракта, ни чека, ни даже ответа на запросную телеграмму. Я думаю, это просто небрежность, или Кан (секретарь Кампанини, русский) нарочно подлит (или, как Больм выражается, «воняет») за то, что я не дал ему комиссионные за его якобы старания. Это здесь принято, видите ли.

2 января

«Апельсины» быстро бегут к концу первого акта. И странно смешивается горячность сочинения с мыслью, что может просто никакого контракта нет и меня надули. Дописал либретто первого акта. У Гоцци он кончается как-то никак, и приходилось что-нибудь изобретать. В либретто мой конец вышел ужасно куцым, но, я думаю, я не ошибусь в расчёте, что с музыкой и сценой он выйдет как раз хорошо.

3 января

Кончил акт. Ах, хорош последний аккорд! Итого шестнадцать дней. Если так продолжать, то двадцатого февраля опера готова. Но пока контракта нет, закрываю лавочку и писать дальше не буду.

4 января

Башкиров и Альтшуллер ругают меня за легкомыслие, с которым я уехал из Чикаго, не получив подписи от Кампанини. Но что я мог сделать? Если Кампанини всё равно не хотел давать подписи, то он так и не дал бы её под каким-нибудь предлогом, например, сказав, что ему нужно время для выяснения какого-нибудь пункта. Если же тут простая небрежность, то значит я получу контракт на днях. Да и вообще, я не понимаю идеи обмана: ведь весь заказ затеял сам Кампанини. Тогда в чём же дело? На чём ему меня ловить? Башкиров послал телеграмму русскому консулу в Чикаго Волкову, прося его энергично вступиться за «Апельсины». В крайнем случае, есть ещё Мак-Кормик, который субсидирует это предприятие.

5 января

Оглянувшись на результат моей четырёхмесячной американской деятельности, с её концертами, успехами, длинными критиками, я неожиданно в итоге нашёл большой, круглый ноль: опера висит в воздухе, Адамс безмолвствует и концертных приглашений нет. Стоило ехать в Америку! В сущности, конечно, стоило. Ибо ужасные разбои в России, голод в Петрограде, озлобленная чернь и полная бесперспективность для композитора и пианиста - в тысячу раз хуже здешних маленьких неудач. Надо выяснить вопрос с оперой, переменить менеджера и достать деньги для саморекламы. Вот ближайший план.

Неожиданно интересным вышел сегодня большой обед, устроенный в честь Рахманинова обществом «Богемцев». Обед был дан в большом зале «Билтмор» - отеля человек на триста, а может, на шестьсот. Я сидел за столом «приглашённых», но стол был так велик, что я лишь к концу обеда заговорил с Рахманиновым, подойдя к нему. Рахманинов, по обыкновению, очень милым тоном, хотя чуть-чуть покровительственным, спросил:

- Ну как же ваши дела?

Меня эта покровительственность человека, у которого дела идут отлично, несколько уколола и я ответил:

- Да благодарю вас, две недели сидел и писал, и один акт готов.

Рахманинов, который не сидел и не писал два года, удивился:

- Не очень ли уж скоро пишете, Сергей Сергеевич? - спросил он.

Я ответил:

- Видите ли, Сергей Васильевич, когда уж очень хочется сочинять, я стараюсь себя не сдерживать...

- Да, да, конечно, - сказал Рахманинов, - вы мне как-нибудь сыграйте, что вы написали.

Я ответил добродушно:

- Да ведь вы всё равно ругаться будете...

Рахманинов ответил тоже добродушно:

- Это неизвестно. Я ведь ещё не совсем потерял способность к восприятию.

На этом мы расстались, я пообещал позвонить.

С американской публикой Рахманинов держал себя очень любезно, но сквозь эту любезность они не замечали высокомерия и тонкой издёвки. Когда его огромной овацией просили сыграть, он ответил, что находит приличным случаю сыграть итальянскую польку, которую он записал с заводного органа. И сыграл её, надо отдать справедливость, блестяще. Когда публика, не чувствуя того, что ничто лучшее не прилично случаю, расплескалась в бешеных аплодисментах, Рахманинов встал и сказал: «That's all»[1], чем всех посадил на место.

7 января

Сегодня был вечер из моих сочинений в Modern Music Society[2], - небольшой кружок, соответствующий нашим покойным «Вечерам современной музыки». Так как я просил, чтобы это было очень private[3], то они перестарались и «переприватили», устроив в частной, очень тесной квартире, с аудиторией человек в восемьдесят, причём многие не могли попасть.

Вообще же я с удовольствием сыграл 2-ю и 4-ю Сонаты и в первый раз «Бабушкины сказки», ибо они мне напомнили симпатичные цели «Вечеров современной музыки». Кстати, это оказалось как раз десятилетним юбилеем моей концертной деятельности. (Первое моё концертное выступление в «Вечерах современной музыки» - двадцать восьмого декабря 1908 года старого стиля, т.е. десятого января 1909 нового. Но никто об этом не знал. Это общество мне поднесло почётное членство.

9 января

От Волкова наконец телеграмма: хоть это стоило труда, но Кампанини дал слово

[1] Это всё (англ).

[2] Общество современной музыки (англ).

[3] В узком кругу (англ).

выслать на днях контракт. А то этот чёрт уже задумывает увильнуть. Почему? Ведь он же сам заварил всю кашу. Но теперь Башкиров поздравляет меня и считает, что контракт у меня в кармане.

10 января

Вечером была американка, типичная для Америки: красивая, плоскогрудая и бесчувственная.

11 января

Адамс меня встретил нежными улыбками, тем более, что я ему дал чек по его счёту (10% с моих доходов). Я спросил у него совета (!), не пройти ли мне к другому менеджеру, который бы более энергично занимался моими долгами. Адамс имел благорасположенный вид и просил в понедельник утром придти для окончательных разговоров.

Вся соль в том, что нужно истратить полторы тысячи на рекламу. Я их не дам даже при выгодных рассрочках. А потому мне нужен менеджер, который достал бы такие деньги.

Учил сонату Чайковского и пьесы Скрябина - «Прелюд» и «Desir». Обе знаю наизусть.

12 января

Сегодня день ушёл на гостей и receptions[4], на которых я был, хотя всё же играл.

Слушал Рахманинова. 2-й Концерт, сыгранный им великолепно. Успех оглушительный которому я очень радовался, аплодируя вовсю. Когда я зашёл к нему, он имел вид зверский, и я сейчас же ушёл.

Вечером дома захотелось сочинять пьесу для оркестра, не слишком сложную...«Сказку»? Вскоре стал ясен план: простая, спокойно-лирическая, повествовательная тема, которая возвращается несколько раз в неизменном виде, разграничивая собою ряд эпизодов, один бурный, другой радостный, третий лирический. Программы нет (к сведению будущих критиков), но, взамен готового сюжета, свободное поле для воображения слушателя.

13 января

Был у Адамса - и развод состоялся. Расстались мило и Адамс просил обращаться к нему всегда, когда он мне понадобится. От него отправился к Майеру, который очень желает быть моим менеджером. Он начнёт переговоры с фортепианными фирмами от себя, не от меня, конечно.

От Кампанини наконец письмо и неподписанный контракт с маленькими изменениями. Опять оттягивает время и несколько сотен долларов - переписку второго экземпляра партитуры. Но важно, что теперь у меня в руках появились уже документы.

На рояле не упражнялся, оперы не сочинял, но с удовольствием сочинял «Сказку» для оркестра[5]. Почему я вдруг за неё взялся? Вероятно, причина - инструментовка романса Римского-Корсакова: я получил большое удовольствие, слушая его в оркестре, и теперь захотелось написать пьесу для оркестра.

[4] Приемы (англ).

[5] Впоследствии - тема для вариаций во 2-й Симфонии. (Примечание автора).

14 января

По рекомендации Башкирова плюнул на изменения в контракте и. подписав его, послал Волкову (не Кампанини).

«Сказка» немного движется. Право, я напрасно взялся за неё. Оно, конечно, привлекательно, но раз «Апельсины» вновь наладились, не надо отвлекаться.

15 января

Решил продолжать писать «Сказку», но как только получу контракт, отложить её в сторону и кинуться на второй акт, написав его залпом.

Разговаривал с двумя менеджерами и теперь оба ищут для меня деньги. Мой 2-й recital, вероятно, в начале февраля.

16 января

«Сказка» ничего (то, что написано), но дальше сегодня не подвинулась. Поэтому учу сонату Чайковского.

Идея рассказа об идеалисте, косвенно подкупленном богачом. Начал писать.

17 января

Болели зубы. Сделал мало.

18 января

Много играл на рояле. Сделал либретто первой картины второго акта. Кое-что подсочинил в «Сказке».

19 января

Сегодня либретто всей второй картины второго акта. Даже удивительно, как она скоро написалась (в один час), но план и даже некоторые выражения были готовы раньше. Кроме того, я писал её с большим увлечением. А это всегда важно для скорости.

20 января

Играл. Раз «Сказка» не ползёт и оперу я не пишу, надо привести в порядок предстоящий recital. Но ни Майер, ни Хензель не достали ещё денег, а две тысячи на общую рекламу - это мой исходный пункт для дальнейшей концертной деятельности.

Вечером получил от Mme Lewisohn два кресла в первом ряду в Метрополитан и, похитив Mme Самойленко, отправился с нею на премьеру (этого сезона) «Золотого петушка».

Получил большое удовольствие.

21 января

Удалось, наконец, отправить маме письмо с американским консулом, отправляющимся в Тифлис. Письмо дойдёт только через полтора месяца, но и то спасибо, а то вопрос с мамой - моё больное место.

22 января

Сегодня не вытерпел и, хотя контракта ещё нет, начал второй акт. Однако первые такты долго не давались (отвык сочинять), а потом пошло.

Ужасно милая американка. Наконец-то.

23 января

Опера идёт отлично: быстро, легко и приятно.

Так как уже пора приехать Кампанини в Нью-Йорк со всею труппой на гастроли, то я, не получая контракта, пошёл его разыскивать, нашёл его офис, а в офисе и самого маэстро. Я отправлялся с единственной боязнью, что я изругаю его и Кана, и вообще устрою скандал. Но Кампанини имел симпатичный вид и воскликнул: «А, маэстро!». Контракт он уже подписал в понедельник и велел своему менеджеру препроводить мне вместе с чеком. На днях я его получу. Кампанини спросил, начал ли я сочинять, я ответил: «Некоторые эскизы набросал...» и, пожелав ему успеха, ушёл, считая его и Кана убеждёнными мерзавцами.

24 января

«Марш» - и затем картина быстро пришла к концу. Я даже не предполагал, что кончу её сегодня. С такою быстротою и лёгкостью у меня, кажется, не писалась ни одна вещь. Вначале меня одолевали сомнения, да хорошую ли музыку я пишу или просто так себе. Но теперь я бросил сомнения и просто сочиняю.

Был на концерте Ямады, японского композитора. Это бездарь в симфонической музыке, но один романс на японскую тему (вернее, японская тема) мне понравился.

Вечером был у Башкирова, который несколько в минорах и говорил софизмы. Причина - скверная политика: почему союзная конференция пригласила от России и большевиков, и анти-болыневиков? Да ещё куда - на Принцевы острова. Я очень слежу за политикой, хотя часто теряю нить, куда всё это идёт. Когда земной шар несколько соскочил с оси, то трудно учесть все феномены, которые могут произойти.

25 января

Вожусь с антрактом. Надо, чтобы бойкий марш подготовлял празднество.

Haensel объявил, что он может сделать рекламу в журналах в кредит, с уплатой осенью, и вообще он, по-видимому, хочет заняться мною серьёзно, поэтому я решил остановиться на нём и мы назначили концерт на семнадцатое февраля. Это немного поздно, но если раньше, то совпадает с «опасными» концертами в Carnegie Hall'e.

27 января

Дошёл до драки Уродов, но завяз на ней.

28 января

Рахманинов в первый раз сегодня исполнял новую редакцию 1-го Концерта. Я очень люблю первую часть, наивную и поэтичную, хотя и продолжительную. Теперь всё переделано очень ловко и гладко, но когда Рахманинов решается «подпустить модернизм» в виде параллельных трезвучий с квинтами, то это неприятно режет ухо - не стильно. Также неудачна новая заключительная партия, которая после

мечтательных побочных партий трубит самым отвратительным образом. Про вторую и третью части принято было говорить, что они просто плохи, но теперь, в новой редакции, вторая часть оказалась очень красивой, и только финал, увы, по-прежнему плох. Исполнение концерта имело у публики большой успех.

Инфлюенция ещё не стихла и триста случаев отмечаются каждый день. А сегодня ужасная пневмония в одни сутки скрутила бедную Mme Шиндлер, милую, здоровую, красивую женщину. Шиндлер убит, Больмы в слезах. Я очень им сочувствую, но не показываюсь к ним - боюсь заразы.

29 января

Сегодня мне надо было вырвать три зуба согласно обширной программе починки моего рта, выработанной доктором Hussa, здешним знаменитым дантистом. Здесь рвут зубы «с газом», т.е. с усыплением газом на пару минут. Когда я уже сидел в кресле, то меня остро интересовало, как это произойдёт, что я сейчас потеряю сознание, превращусь в небытие настолько, что не замечу, как меня лишат зубов, а через минуту опять сделаюсь самим собою и вернусь обратно, побывав неизвестно где. Мне поднесли ко рту резиновую кишку с широким резиновым раструбом, который закрыл мне весь рот, и велели дышать спокойно. Я почувствовал, что начал вдыхать газ, но он не производил никакого впечатления и даже был приятен на вкус. Так длилось секунд десять и я уже решил, что свойство моего организма таково, что этот газ не будет иметь на меня действия. Но в это время мне начало вдруг перехватывать дыхание и я стал болезненно задыхаться. Хотелось руками схватить этот раструб и отбросить ото рта. Но я, хотя всё уже задёргивалось вокруг меня светлой пеленой, имел ещё достаточно ясное сознание, чтобы отдать себе отчёт, что надо содействовать доктору и не мешать. Поэтому я крепко сжал свои пальцы и не подвинулся. Затем я потерял сознание и ощущения, если так можно выразиться, были геометрические, т.е. я не видел, но чувствовал какие-то геометрические формы, вероятно, это были формы зубов, которые мне вытаскивали. Очень ярко было соображение, когда один из зубов вырвали не сразу, а пошевелили им в только что образовавшейся ране. Это был, должно быть, второй зуб. Но затем моя память совсем потеряла власть, хотя к третьему зубу действие газа, очевидно, начало ослабевать. Вырывание этого зуба было мне определённо болезненно, но я уже не понимал, что мне рвут зуб - ощущение было каких-то больших жерновов. После этого я стал приходить в себя (ощущение очень приятное) и увидел перед ртом плевательницу. Доктор говорил: плюньте, точь-в- точь, как Труффальдино Принцу. Первое сознание было: всё-таки эксперимент довольно сильный, и если мне вырвали только один зуб, то остальные надо отложить до завтра. Я спросил ещё заплетающимся языком: «One or three?»[6]. Доктор ответил: все три, и вы вели себя прекрасно. После я расчленил свои полусознательные впечатления на три зуба, но в это время мне показалось, что всё мелькнуло так скоро, что, конечно, больше одного зуба мне вырвать не успели. Дальнейшее прихождение в себя было быстрое и приятное. Девица совала мне в рот бумажный стакан с холодной водой и я полоскал рот. Я бодро встал с кресла и отправился домой. Кровь сочилась ещё часа три.

30 января

Похороны Mme Шиндлер, американские: быстрым темпом в автомобиле через весь город в крематорий. Я всегда возмущался, глядя на эту сумасшедшую скачку

[6] Один или три (англ).

с гробом. Но сегодня мне показалось: а не лучше ли так - скорее, проще и меньше тянут за нервы. И всё же в нашей процессии есть какая-то значительность отношения к событию, а здесь простой business[7] - отвязаться в кратчайший срок. На это американцы возражают: сама процессия, как нечто внешнее о неискренности отношения.

31 января

Наконец, контракт и чек. В связи с этим разные business: с устройством концерта, с расплатой в отеле и т.д.

Всё же «Апельсины» пошли дальше. От драки Уродов вперёд.

1 февраля

Покинул Wellington, где настоящая консерватория - играют в каждом номере и мешают сочинять. - и переехал в частное помещение, очень комфортабельное и у самой 5-й Avenue. У меня две больших, устланных коврами комнаты. И тишина полная.

4 февраля

Познакомился с пианистом Артуром Рубинштейном, приехавшим из Южной Америки. Я слыхал о нём, но не его. Он оказался интересным человеком и очень интересуется моею музыкой.

Вечером, когда я сидел у Самойленко, Фатьма Ханум получила письмо из Баку, свежее, от десятого декабря, которое привёз английский офицер из числа войск, занимающих теперь Баку. И радость в этом письме, и горе, и мне жалко, что ничего нет от мамы, но она, кроме всего прочего, не знает, в Буэнос-Айресе я или в Нью- Йорке. Баку сделалось центром ужасных побоищ, больше национальных, чем классовых. Там по очереди царствовали то татары, то большевики, то турки, то теперь англичане. Много родственников и знакомых Фатьмы (мусульмане) погибло во время резни и она всплакнула, хотя вообще очень мило владела собою. В Кисловодске тоже была чистка генералов и богатых слоёв. Погиб милый генерал Рузский. О его гибели я уже читал раньше в здешних газетах, но думал, что ложь, как это было про других. Уверен, что эти события никак не могли коснуться мамы, ибо она в стороне, на скромной, тихой дачке. Да, верно сказал Сталь: «Мы ещё не знаем, какие синодики придётся нам читать!»

5 февраля

Видел в первый раз «Пелеас и Мелисанду», в представлении «нашей» Чикагской оперы, приехавшей гастролировать в Lexington-театре. «Пелеас» совершенно очаровал меня магической силой своей мечтательности и поэзии. Он опутывает, как сеткой, и уносит куда-то. Хороша ли музыка? Может быть, хороша. В ней есть обаяние недосказанности. А иной раз недосказанность так велика, что за нею нет прямо ничего. Пути для оперного изложения открыты удивительные, но мне кажется, по ним можно пойти дальше. И когда я расправлюсь с моими стремительными «Апельсинами» я ещё вернусь к мечтательным сюжетам.

Играли оперу недурно. Зал набит. Я начинаю думать, что они действительно поставят «Апельсины». И Кан, и Кампанини очень любезно подходили ко мне и

[7] Дело (англ).

трясли руку, а мне противно смотреть на них.

10 февраля

Рубинштейн был у меня и чрезвычайно расхваливал 4-ю Сонату, которую я ему сыграл. Он живой и интересный человек. Говорит отлично на восьми языках. Мы с ним сразу сдружились.

11 февраля

Хотя я решил до семнадцатого, т.е. до концерта, не сочинять, а честно играть, но надоело и сегодня кое-что сочинял.

12 февраля

Играл мало.

Кончил Пьяниц и Обжор.

Неожиданно закончился «Ультрафиолетовый рассказ». Всё последнее время я из-за рассказа или интересовался археологией и древней историей, или из-за древней истории интересовался этим рассказом, но читал и рассматривал английские книжки о Египте и Вавилоне, и понемногу пописывал рассказ. Сегодня он неожиданно сомкнулся и закончился. (Самый конец был уже написан раньше). Я доволен.

14 февраля

Сталь и Mile Janacopulos изъявили желание взяться за перевод «Апельсинов» на французский язык. У Сталя дела, кажется, плохи и он не прочь заработать меж делом триста долларов. А для меня это неожиданная и очень удобная комбинация.

Я думаю, что они сделают хорошо.

15 февраля

Сегодня вышел смех Принца, кажется, хорошо. Это трудное место.

Корзухин, очень интеллигентный господин, приехавший на одном пароходе с Рахманиновым, и большой мой поклонник, передал мне рассказ Рахманинова о том, как Рахманинов разговаривал с Глазуновым после исполнения «Скифской сюиты». Будто Глазунов ругал её, а Рахманинов находил, что в ней «что-то есть», и тогда Глазунов начинал выходить из себя (насколько это возможно при его равнодушном темпераменте). Это очень интересная картинка из жизни двух консервативных маэстро, но я сомневаюсь, чтобы Рахманинов особенно защищал сюиту.

16 февраля

Хорошенькая дочка у Годовского, но вертушка. Говорят: «Бедный Годовский, такой сорванец дочь». Впрочем, это говорят солидные дамы.

Меня она атаковала сразу (на five-o'clock'e у Либман) и после пяти минут разговора заявила:

- Вы мне понравились, как только вошли.

Я ответил:

- А мне вы понравились теперь, а сразу не понравились.

Она:
- О, теперь я вас ненавижу. Но отчего я вам нравлюсь сейчас и не понравилась сразу?
- Оттого, что я не люблю, когда вы прыгаете и люблю, когда вы сидите вот так спокойно.

17 февраля

Отношение моё к сегодняшнему концерту было всё время спокойное и даже равнодушное, хотя я и сознавал, что это довольно важный этап в связи с будущим концертным сезоном. Вечером я играл до часа ночи в бридж с Самойленко (восемь роберов) и только перед самым концертом почувствовал неприятную нервность. Однако программа была у меня спокойная и вещи я знал твёрдо. Даже философские рассуждения прошлого recital'я, которые теперь я постарался вспомнить, не очень понадобились. Народу собралось довольно много, приблизительно три четверти зала, хотя многие были не покупные, а приглашённые.

Рояль на этот раз был отличный и 4-ю Сонату я сыграл хорошо. Вообще весь этот концерт я играл спокойно и свободно и даже лучше, чем ожидал, благодаря хорошему роялю.

Соната имела малый успех после первой части, хороший после второй и большой после финала, как и следовало ожидать. «Прелюд» и «Desir» Скрябина были сыграны очень мягко, а 12-й Этюд (который я уже играл на первом recital'е) буйно. Десять «Мимолётностей» имели больше успеха, чем я думал. Во время юмористических номеров посмеивались, а после слишком коротких восклицали: «А!» Концерт окончился сонатой Чайковского, в которой самое лучшее - это размах. Поэтому я постарался сыграть её с настоящим размахом. Это первый раз, что я играю такой большой номер чужого сочинения и, даже я сказал бы, слишком большой. Поэтому я сделал ряд купюр, которые сделали её форму более стройной. Предпоследнюю страницу финала я аранжировал по-своему и она звучала блестяще.

Успех был большой, публика столпилась у эстрады. Бисов - 3. Всех вызовов, кажется. 3 + 3 + 4 + 8 = 18.

В артистической меня окружала порядочная толпа, в том числе много красивых девиц и дам. Молоденькая Гертруда скромно жалась сбоку, а Дагмара Годовская храбро висела на руке. Её атаки и её подруги Либман становятся энергичнее. Затем я пил чай у Cherris с Самойленко. а вечером играл в бридж.

18 февраля

Сегодня день рецензий, которые оказались хуже, чем я играл и хуже, чем был успех. Однако некоторые были весьма недурны и отмечали нежность исполнения.

Была у меня Гертруда, которая вчера прислала пачку роз, и вела себя как настоящая американка: заявила мне прямо и просто: «I love you»[8] и сказала, что ревнует меня к Дагмаре, которая держала меня вчера под руку.

Я ответил:
- It is because Dagmar has more passion than you[9].
Гертруда:
-1 am also passioned but I control myself[10].

[8] Я люблю вас (англ).

[9] Это потому, что у Дагмары больше страсти (англ).

[10] Я тоже обладаю страстью, но я себя контролирую (англ).

19 февраля

Результат концерта: приглашения от Ampico и Duo Art. двух механических роялей, предложение наиграть им руло[11]. По-видимому, я смогу получать теперь по двести пятьдесят долларов за пьесу (то, что я безрезультатно просил осенью) и даже больше. Одно предложение исключает другое. Поэтому надо выбрать и заключить договор с одним из двух.

Дагмара звонила по телефону в два часа ночи, спрашивая, снится ли мне она. Я хочу в отместку позвонить ей в полседьмого утра.

20 февраля

В «Апельсинах» Принц бежит и его ловят. Но работа движется урывками и помалу, потому что отрывают.

Днём был на концерте Рубинштейна, его первом нью-йоркском дебюте. Играл он хорошо, местами поражая, но иногда бледновато. Лучше всего модерную музыку: Альбениса и Дебюсси. После концерта чай у Либман, где опять Дагмара. Вечером Либман и Дагмара потащили меня в какой-то маленький театр, откуда мы отправились в студию к их знакомому, где был камин настоящий, с дровами, а не американский, газовый.

21 февраля

Не дают сочинять переговоры с механическими фортепианами. Надо ходить слушать ролики, у кого лучше, и умно выжимать условия. Всё же немного сочинил.

Вечером был в «Метрополитен» на скучном «Пророке». Вытащил меня Рубинштейн в ложу с Безансони, его подругой и новой для Нью-Йорка звездой меццо-сопрано. После спектакля ужинали в нарядном Cristal Room'e. Рубинштейн советовал мне ехать летом в Южную Америку, где можно делать большие деньги.

Кстати, от recital`я убыток двести тридцать долларов. Плохо. Я надеялся, что, по крайней мере, сыграем вничью.

22 февраля

С Башкировым была эти три недели крошечная размолвка (он не навестил меня, когда я чувствовал себя плохо), но сегодня он мне первый позвонил. Это делает ему честь и я сейчас же заехал его навестить.

Сегодня работал больше, потому что меньше мешали.

Вечером был на втором выступлении Рубинштейна, Концерт Брамса. Хорошая и скучная музыка, сыгранная на этот раз отлично. Большой успех, а затем ужин у Рубинштейна в отеле, куда я поехал больше из-за Дагмары. Но набилась куча всякого народа, болтавшего на всех языках.

23 февраля

Днём концерт Рахманинова, наконец, с русской программой, и даже модерной: Рахманинов, Скрябин и Метнер. Сыграно превосходно, но выбрано плохо. Когда я зашёл в артистическую, где была куча народа, то Рахманинов меня принял очень странно: протянул большую, мягкую и любезную руку, но не прекратил разговора

[11] Звуковой валик, носитель записанного звука у механического пианино, от французского rouleau.

с каким-то джентльменом. На это можно обидеться, но идея в следующем: три года назад я неосторожно, хотя и за дело, покритиковал ему в лицо его исполнение Скрябина. Теперь он остерегался неподобающих рассуждений.

24 февраля

Так как человек, который приходит убирать мою квартиру, заболел испанской инфлюенцией, то сегодня убирала её хозяйка. Она подобрала шпильки, которые растеряла Дагмара (7 штук) и с холодным укором разложила их шеренгой на белом мраморе камина. Каждая шпилька колола меня за возмутительное поведение. Я сначала ахнул, потом покраснел, а потом мне было очень весело.

25 февраля

Подписал контракт с Duo Art на пять лет, по пять пьес каждый год, по двести пятьдесят за пьесу. На пять лет много, но при меньшем сроке они не станут тратить деньги на широкую рекламу. А это важно. Кроме того, я немедленно играю за два года, т.е. десять пьес, и получаю две с половиной тысячи долларов. Если к этому прибавить полторы тысячи, которые я получу за клавир «Апельсинов», то нежданно-негаданно моё лето оказалось обеспеченным. Я всё-таки никак не ждал, что выкручусь из положения. Думал, опять придётся занимать.

Дагмара сегодня не звонила, но она меня всё-таки обожгла. И вечером, лёжа на диване, я одобрительно восклицал: «вот проклятая девчонка!» и смеялся, вспоминая афоризм: «Бедный Годовский, такая дочь!»

26 февраля

Позвонил вернувшийся из Чикаго Капабланка (из трёхсот партий он проиграл три) и мы вместе завтракали. Затем я заторопился домой, потому что должна была прийти Гертруда. Она явилась, как всегда, аккуратно и независимо, и сказала, что одна очаровательная girl, которая в восторге от моего концерта, хочет прийти приветствовать меня. Она скоро должна пройти мимо по улице и если я хочу, чтобы она зашла, то Гертруда сделает ей знак. Я сначала сморщился, но так как Гертруда доказала, что она очень хороша собой, то я сказал all right и действительно сигнализация состоялась.

Явление своей очаровательностью превзошло все ожидания. Это была изящная американка, тонкая и гибкая. Из-под огромной шляпы выглядывало очень красивое лицо и выбивались густые волосы тёмной блондинки. Она просила простить её, что пришла без спросу, но она была в таком восторге и от моей музыки и от меня! В результате обе пробыли у меня больше трёх часов (я не отпускал их), причём Стелла Адлер, так звали её, была так прелестна, так мягка, так нежна и мечтательна, что Гертруда исчезла на третьем плане и дело кончилось драмой.

27 февраля

Второй акт быстро движется к концу.

Вечером я пошёл на «Пелеаса». Раньше мы собирались на него с Дагмарой, но ввиду отсутствия телефонов я отправился самостоятельно. В результате оба попали в одну и ту же ложу, так как оба получили пропуски от дирекции. Я ужасно хотел углубиться в слушание оперы, которая меня близко трогала, но, с другой стороны, присутствие Дагмары не могло оставить меня спокойным, а потому Дагмара испортила мне «Пелеаса», а «Пелеас» Дагмару. Я расстался с Дагмарой холодно и

вернулся домой расстроенным. Камин, трубка и несколько философских мыслей возвратили мне равновесие.

28 февраля

Наиграл первые два номера для Duo Art: «Прелюд» Op.12 и две пьесы Скрябина. Немного волновался, потому что сознавал ответственность, особенно с собственными пьесами. Через пятьдесят лет будут справляться с этим и говорить: «А, он играл вот так». Поэтому нельзя делать произвольностей, но когда слишком начинаешь за собой следить, то невольно впадаешь в манерность. Это надо тоже избежать. Но, кажется, всё же сыграл недурно.

1 марта

Проработал четыре часа и кончил второй акт, что привело меня в состояние бурного веселья. Поэтому на чае у Ламберта я отчаянно дурил и с Дагмарой, и с Полиной, молоденькой, хорошенькой сестрой Хейфеца.

2 марта

Сегодня день Стеллы. Мы завтракали (я пригласил её, расставаясь в прошлый раз), а потом она провела у меня несколько часов. И это был совсем другой стиль, чем Дагмара - стиль акварели. Стелла была мечтательна и нежна. Был камин и подушки на ковре. Были поцелуи, которые приводили её в истому, но на которые она не отвечала. А конец самый странный. Она сказала:

- А как же Дагмара?

Я ответил:

- И в самом деле - Дагмара!, - и сел за рояль играть «Вальс» Рахманинова.

Она одела пальто и, подойдя ко мне, сказала «adieu»[12]. Я продолжал играть. Тогда она присела на клавиатуру, отстраняя руки, и проговорила:

- Я сейчас уйду, но если вы не хотите даже со мной проститься, то я буду плакать ночью.

Что мною владело - не знаю, но я, не отстраняя её и не отвечая, стал продолжать вальс на две октавы выше, там, где была свободная клавиатура. У меня в голове мелькнуло: если сейчас она уйдёт, то встреча с ней останется красивым сном. Стелла отошла от пианино, а я продолжал играть. Когда я кончил, её не было в комнате, а на полу лежал сломаный цветок, который я подарил ей, когда мы вместе завтракали в ресторане.

3 марта

Сделал программу третьего recital`я, который тридцатого марта. Приготовлял и чистил вещи для Duo Art. Анданте из 4-й Сонаты играть нельзя, нет нот, трудно корректировать, да и, вероятно, будут некоторые неточности по сравнению с рукописью. Поэтому «Марш» и «Гавот» из Op.12.

Сегодня мне стало так жалко милую, нежную Стеллу, особенно при мысли, что она всю ночь действительно проплакала, что я зашёл в магазин и безымянно послал ей две дюжины белых роз.

Обедал с Кучерявым, который приехал на один день в Нью-Йорк. Встреча была очень сердечная.

[12] Прощайте (фр).

4 марта

Зуболечение, фотографирование и всякие дела. От Стеллы ни слова. Мне жалко, что всё так оборвалось, но может это и лучше.

Писал либретто третьего акта, которое уже давно продумано и размечено.

5 марта

Приводил в порядок «Гавот» и «Марш» из Ор.12 для наигрывания.

Днём наигрывал и слушал мой «Прелюд». Все фальшивые ноты уже перекорректированы, но всякие неровности исполнения выходят чрезвычайно подчёркнуто, что ужасно противно слушать. Сделал корректуру с большим старанием. Ужасно много я затянул последнее мено моссо. Но уже исправить нельзя, а переигрывать всё не стоит.

Вернувшись домой, нашёл письмо от Стеллы. Письмо весеннее, мечтательное и бесплотное. Стелла всё-таки ужасно милая девушка, и я рад, что разрыв не состоялся.

Перед обедом у меня была Дагмара. но не одна, а с подругой, какой-то ужасающей кикиморой, которая приводила меня в бешенство (я приготовил коробку вкусных конфет: Дагмара раскусывала все по очереди и говорила «фу», «фу»). Затем мы всё же обедали в «Билтморе».

6 марта

Начал третий акт. кажется, хорошо, но много не сочинялось.

Днём интервью, дантист и Рубинштейн, обещавший прийти и надувший.

Написал Стелле ответ, краткий и милый, как мне казалось.

7 марта

Музыка третьего акта не двигается, очевидно, весь порох вышел на конец второго. Зато готовы первая и вторая картины либретто.

8 марта

На улице начинает проглядывать весна с тёплым ласкающим воздухом. Стелла со своею весеннею мечтательностью мне как-то напомнила о ней, а то я завертелся в омуте городской суетни. Я был рад, когда сегодня Букман заехала за мной в автомобиле и целый день катала по окрестностям, где трава уже зазеленела, но деревья стоят ещё серыми.

Да, сутолока ужасная. Только время от одиннадцати часов утра до двух часов дня я всегда берегу: для оперы, для себя и для занятий.

9 марта

Был у Сталя и видел перевод первой картины. Удивительно точно, но местами недостаточно ярко. Я говорю: прибавляйте и убавляйте сколько хотите речитативных нот. Пока вещь насвежо написана, мне легко их изменять. Но чтобы фраза была построена в соответствии с идеей музыкальной фразы, а не была бессмысленно прилеплена к ней.

От Сталей я отправился к Либман. у которой были и Дагмара, и Рубинштейн, и Капабланка? и куча гостей. Рубинштейн очень обрадовался меня видеть и мы всё

время обсуждали программу его предстоящего recital'я. Рубинштейн скоро уехал. Я вернулся домой. Половину вечера я был печален, но потом начал сочинять давно оставленный квартет и увлёкся им.

10 марта

Сегодня у меня была Намара, чикагская примадонна, очень красивая и живая молодая женщина, приехавшая сюда с пятьюдесятью платьями в шестнадцати сундуках и с успехом певшая у Кампанини. Она хотела со мною познакомиться и мы мило провели время.

Вечером сидел дома и немного писал квартет. Этот квартет может оказаться одним из лучших моих сочинений, но работать надо над ним бережно.

11 марта

Моё рабочее время - от одиннадцати до двух - остаётся неприкосновенным и третий акт понемногу движется вперёд. Параллельно с оперой готовлюсь к третьему recital'ю и к следующему наигрыванию на Duo Art. На этой неделе жизнь стала тише и спокойней. Почитываю всемирную историю по-английски и немного мечтаю о Стелле, сидя с трубкой у камина.

12 марта

Утром вместо, как я думал, письма от Стеллы получил письмо от цензуры, которая вернула мне телеграмму, посланную маме на Кавказ. Я так радовался, что наконец приняли телеграмму прямо в Ессентуки, а между тем на телеграфе, оказывается, просто была ошибка. Но скоро я войду в сообщение с мамой, и тогда надо стараться вытащить её сюда.

Днём наигрывал на Duo Art: 4-й Этюд (мой) и Прелюд g-moll Рахманинова, который у меня выходит очень хорошо.

Переписчик принёс переписанный второй акт, играл мне свои сочинения. Я был удивлён: очень сложная и модерная партитура, настолько сложная, что с первого блика трудно разобрать, насколько это хорошо. Но, во всяком случае, очень интересно.

13 марта

Письмо от художника Ларионова из Парижа, очень радостное и зовущее меня в Париж (в противоположность Баксту, который определённо говорит, что сейчас ехать не время). Оказывается, декорации для «Сказки про шута» давно написаны Ларионовым, и это известие ужасно меня порадовало, потому что я привык смотреть на «Шута» как на какой-то миф и даже почти забыл его музыку.

Днём чай у Полины Хейфец, сестры скрипача. Там и Дагмара, и Рубинштейн.

14 марта

Дописал первую картину третьего акта до того момента, когда Челио предлагает Труффальдино бантик. Скоро и конец первой картины. Не головокружительно скоро, но всё-таки ползём.

Хотя от Стеллы ни слова и уже скоро две недели, как я её не видел, но всё же сегодня поступила первая ласточка о её существовании: звонила та дама, за которую так нежно просила у меня Стелла в свой первый визит ко мне, чтобы я принял её

а послушал, как она играет Скрябина и меня. Я был мил с дамой и назначил её аудиенцию на понедельник. Думаю, скоро объявится и сама исчезнувшая принцесса.

10 марта

Ходил по Красным Крестам и другим учреждениям, отыскивая способ сообщения с мамой. Кажется, через связи Владимира Николаевича ей можно будет перевести немного денег.

Когда днём я шёл на второй recital Рубинштейна, то встретил Стеллу. Я уверен, что противная девчонка нарочно гуляла на моей дороге, зная, что в три часа я пойду на этот концерт. Любопытно, что я в это время думал о ней, но не узнал её. Стелла сказала: «Ну вот, вы уже и забыли меня». Я был ужасно доволен встречей.

После концерта чай у Либман, опять Дагмара, Рубинштейн и прочие.

У Mme Lewis большой приём. Среди других - король теноров Карузо, которому в был представлен в качестве «нового русского гения». Я не был у Люис месяц и был встречен с исключительной радостью.

Вечером догонял дневник.

11 марта

Сегодня, наконец, опять день Стеллы. Хотя этому и предшествовал большой чай у Ламберта, где снова и Дагмара. и Рубинштейн, и Полина, и Либман. Но мы с Дагмарой не разговаривали и я живо удрал, ибо в шесть часов - Стелла. Она появилась и мило спросила: «Может быть, хотите, чтобы я ушла?» Была мягка и нежна, и ужасно обрадовалась приготовленной для неё коробке конфет. Она высока, почти с меня ростом, и гибка, как Полина из «Игрока», которую можно завязать в узел. Мы обедали с нею в «Билтморе» и потом, вернувшись ко мне, провели вечер перед камином. Теперь уже Стелла отвечала на поцелуи и была много горячее, чем в прошлый раз. Очевидно, за две недели многое было передумано и многое подвинулось вперёд. Только иногда она с отчаянием восклицала: «Oh. I am so quick, so quick, but I can't resist!»[13] и прибавляла, что она не хочет остаться игрушкой в моих руках. Вероятно, она была бы ещё нежней, если бы могла поверить моей искренности. Но её держала боязнь полюбить человека, который играл бы с нею, как с одною из многих.

12 марта

Стелла создала мне отличное настроение и сегодня я кончил картину.

13 марта

Сочинял скерцо - антракт между первой и второй картинами третьего акта. Я боялся, что завязну на этом антракте, а между тем - в один день. Это очень хорошо.

Владимир Николаева обещает, что через Кооперативы мне будут на месте выплачены деньги, а после этого я их внесу здесь. Недели через две отсюда идёт в Одессу первый пароход, а потом установится прямое сообщение с Одессой. Надо обязательно, чтобы мама приехала сюда. При таком сообщении путь не будет труден для неё.

Владимир Николаевич с чрезвычайным интересом относится к событиям со Стеллой. Когда я сказал, что Стелла выглядит такою нетронутой, он холодно и

[13] О, я слишком спешу, слишком спешу, но не могу устоять (англ).

уверенно ответил: «Все они здесь тронутые, в Америке». Эта фраза меня поразила и заставила подумать. Я знаю, что все они здесь тронутые, но ведь от Стеллы веяло такой мечтательностью и акварельностью - и это создавало какие-то иные представления. Во всяком случае, спасибо Башкирову, что он натолкнул меня на эти рассуждения, я теперь буду смотреть на Стеллу с двух точек зрения и, может быть, лучше её разгадаю.

19 марта

День начался хорошо, звонком Уркса, главного директора Стейнвея, очень милого человека, дававшего мне хорошие советы при заключении контракта с Кампанини. По моей просьбе он закинул удочку к Отто Кан по поводу «Игрока». Сегодня он телеграфировал мне, что получил письмо от Кана, гласящее: «Прокофьев и опера - это интересная тема» и приглашающее его заехать по этому поводу к Кану. Hello? А не на пороге ли мы значительного события?

Играл с Эльманом в шахматы и чрезвычайно хотел у него выиграть. Я не мог простить ему, что в Чикаго он выиграл у меня партию. Но сегодня я разбил его быстро и легко: + 2 из двух. (Общий результат + 5 -1 из шести).

20 марта

В семь часов вечера пришла Стелла, которую я очень ждал. Сегодня она была несколько странная и неровная. То говорила, что не хочет сделаться моей игрушкой, то расплакалась, когда я играл на рояле. Опоздала домой, где приехал из Чикаго муж её сестры и где ей следовало быть, звонила домой и имела горячее объяснение со своей подругой. Это объяснение, очень её взволновавшее, повело к большому определённому разговору со мною, значительно прояснившему наши отношения.

Blanche, старшая подруга Стеллы, с которой она говорила по телефону - единственный человек, который имеет большое влияние на неё. Мать живёт отдельно, а отец и сестры говорят: сохраняй приличия и люби кого хочешь - мы поступили так же. Из дальнейшего разговора я заключил, что недавно, должно быть осенью, Стелла любила кого-то, но была несчастна, и теперь, когда она стала слишком явно увлекаться мною, Blanche начала принимать меры, чтобы остановить её, боясь, что я, избалованный артист и, вероятно, испорченный человек, поиграв с молоденькой девушкой, брошу её. Я сказал Стелле, что я с нею не играю, что она единственная женщина, которая меня сейчас увлекает. Поскольку это увлечение - глубокое и продолжительное, я не знаю и не буду пытаться измерить, чтобы не обманывать ни её, ни себя, но что, конечно, за всё время, что я буду с нею, я не буду ни с какой другою женщиной. И тут случайно, полушутя, мелькнуло самое главное: в конце мая Стелла кончает свой колледж и на июнь уедет в Канаду, и этот месяц она, быть может, могла бы провести со мною с глазу на глаз. Если всё так, то как бы хорошо всё это было бы!

21 марта

Начал вторую картину, но сделал немного.

Уркс был у Кана и в среду мы приглашены на завтрак. Урке говорит, что Кан очень заинтересован моей оперой, но полагает, что в лице Гатти-Казаца, консервативного италофила, мы встретим оппозицию и только разве интересный сюжет сможет убедить его. Если «Игрок» пойдёт в Метрополитен, то какая блистательная победа?!

Mme Больм прочла мне серьёзную нотацию: если хотите с дамами, то

развлекайтесь сколько хотите, а с девицами бросьте. Иначе с американскими законами сейчас же обвенчают или устроят процесс, причём «обыкновенно требуют двести тысяч долларов, но сходятся за десять тысяч». Это предупреждение было мне брошено по поводу Дагмары, - это ерунда, очень нужен ей процесс со мною, да я её бы и сам засудил за флирты. А вот Стелла - она прелесть, но ведь я не знаю, кто она. Её отец - артист, еврей, когда-то эмигрировавший из России. Это нелепость, чтобы она вдруг разыграла бы меня.

22 марта

Днём концерт Janacopulos, где она пела три моих романса из Ор.27, а я аккомпанировал.

Завтракал со Стеллой, которая выглядит очень интересной. Я её кормил свежей земляникой, а она была очень горда, что перед премьерой моих романсов (!) я провожу время с нею. Но я к их премьере относился очень равнодушно и ни на какие успехи не рассчитывал. Однако успех оказался порядочный, больше, чем когда Кошиц пела в Москве. Janacopulos пела очень недурно, но, конечно, не как Кошиц.

23 марта

Согласно уговору, Стелла позвонила мне в восемь часов утра и мы отправились с нею загород. Последнее время стояли такие чудесные весенние дни, а у меня весною тяга из города существовала всегда, ещё с времён Макса Шмидтгофа, так что я отправился с большим удовольствием, а Стелла - с радостью. Ни от кого не добившись, где красивые окрестности, мы сели в поезд и, отъехав сорок минут, вышли на берегу Гудзона и пошли гулять среди холмов и лесов. День выдался проладный, хотя и ясный, трава зазеленела, изредка показались цветы, но деревья ещё стояли мёртвыми. Мы гуляли до трёх часов, а потом завтракали в очень нарядном ресторане, откуда вид на Гудзон и на Нью-Йорк. Я немного придирался к Стелле, и она сказала, что видит меня сегодня в другом свете, чем всегда. Я ответил, что для неё же лучше узнать меня с разных сторон.

24 марта

Корректура валиков. Очень интересная, но длинная работа. Главный недостаток инструмента: если взят аккорд, то нельзя выделить ноты. Также нельзя выделить среднюю тему.

Был у Башкирова. рассказал ему кое-что про Стеллу. Спрашивал его мнение насчёт предупреждения Больм. Он жал плечам и говорил:

- В конце концов, если вы уверены, что она вас любит. Бог с вами, поезжайте с нею в Канаду.

25 марта

Писал маме письмо, так как едет офицер на Кавказ. Зову её сюда, но горизонт на Кавказе тёмен и большевики, храбро сражаясь, стоят у ворот Одессы. А из Одессы пароходы в Нью-Йорк. Вообще вся Европа клокочет. В Венгрии советская республика, в Париже мирная конференция не знает, как распутать положение.

Идея рассказа о красивой женщине и о политическом бридже. Хотя я не хочу писать на современные темы, но мне кажется, что так как я возьму этот сюжет, тема будет не временная, а постоянная.

26 марта

Утром ходил по Park Avenue и обдумывал, как я буду рассказывать сюжет «Игрока» Отто Кану.

В половину первого завтрак с ним. Кан мил, очень заинтересовался сюжетом и сказал, что весьма хочет поставить «Игрока». Приказывать Гатти он не может, но постарается повлиять на него и надеется, что Гатти заинтересуется сюжетом. Просил дать французский скетч сюжета для Гатти и недели через три, когда Гатти освободится от оперы, обещал устроить у себя слушание «Игрока».

Начало блестящее, и я считаю, что теперь больше шансов за, чем против.

27 марта

Вечер провёл у Сталя, проверяя его и Верочкин перевод «Апельсинов». Они попривыкли и недурно справляются, а я охотно даю им лишние «croches»[14], т.е. прибавляю ноты, ибо для французского языка всегда нужно больше нот и слогов, чем для русского. Зато очень строго требую, чтобы текст был в точном соответствии с идеей музыкальной фразы.

30 марта

Третий recital. Зал имел битком набитый вид, но это опять напыщенная публика.
Я играл спокойно и хорошо, и по общему признанию - лучше всех разов. Успех во время всей программы. Даже «Сарказмы», поставленные в заключение, не очень испортили настроение публики, а сыгранные на бис мои популярные пьесы и g-moll'ный Прелюд Рахманинова сделали огромный заключительный успех. В артистической, по обыкновению, масса народа, оторвавшего мне руки. Стелла держалась в стороне, я сам подошёл к ней и представил ей Башкирова, чтобы показать её ему.

После концерта - чай у Либман в мою честь, где масса народа, красивых женщин
и артистов.

31 марта

Рецензии были сегодня короче, чем раньше, потому что одновременно был филармонический концерт, и критики метались направо и налево. Половина хвалила, половина ругала.

Концерт дал убыток двести долларов (касса триста пятьдесят, расходы пятьсот пятьдесят). В сущности, не многим меньше, чем в прошлый раз. А многие по наивности считают, что после этого концерта я богач.

2 апреля

Так как проклятый дантист сказал, что всё равно необходимо выдрать ещё два зуба, то я решил, по моей системе, что чем скорей, тем лучше. Но газ оставил такое удручающее впечатление, что я готов был дёргать даже без кокаина, лишь бы не с газом. Однако доктор послал дёргать с газом и я, из упрямства, из самолюбия, взял себя в руки и пошёл дёргать с газом. Идти очень не хотелось, но я заставил себя. Я рассуждал так: что, собственно, так неприятно? Те четыре-пять секунд, во время которых задыхаешься. Но неужели уж так мучительно

[1] Нота, равная 1/4.

задыхаться каких-нибудь четыре-пять секунд? Нет, вовсе уж не так. Тогда что это? Животный страх. Теперь: если доказать животному, во мне сидящему, что я нисколько не умираю, а проделываю это на пользу медицины, то может дело выйдет совсем просто. С этим решением я полез в кресло. И действительно, с первым задыханием я почувствовал, что, пожалуй, это вовсе не так страшно. Я радостно ухватился за эту мысль и стал мысленно приговаривать: «Вовсе не так страшно». Затем я так крепко заснул, что совсем не чувствовал, как были вынуты два зуба. А при пробуждении первым впечатлением было, что передо мною стоит какое-то новое лицо, смотрящее на меня. И в не вполне пробудившемся мозгу вертелись в забавном смешении две моих фразы: «Кто этот человек?» (Клариче из Апельсинов») и «Это кто? Маркиз?» (Бабушка, «Игрок»). Человек оказался дорогим доктором, пришедшим из соседней комнаты.

С великолепным облегчением я вернулся домой. Обедал со Стеллой и ел одну жидкую пищу.

5 апреля

Скарлатина.

6 апреля - 6 июня

Собирался отправиться на два-три концерта в небольшой город, когда заболел. Концерты отменили. Думал, что испанская инфлюенция, и страшно испугался. Через Больмов была вызвана доктор Анна Ингерман. Вскоре выяснилось, что скарлатина, - я даже рад. что не инфлюенция. По законам Нью-Йорка меня должны были увезти куда-то в заразную больницу за город, но Ингерман как-то меня отстояла. На двери была прикреплена записка, что я заразный больной, и ко мне была приставлена сестра.

После первого кризиса стало легче, но затем второй кризис с ревматизмом в руках и плечах, нарывами (один в горле, едва не задушивший меня). Настроение сначала было не такое плохое, много писем, на которые отвечал телеграммами, диктуя их через сестру и телефон, дабы избежать распространения заразы. Пытался по секрету от доктора продолжать либретто, пряча его под подушку. Но сдал во время кризиса и тогда настроение сделалось подавленным. Однако разрез нарывов и антидифтеритная сыворотка разрешили благополучно кризис и температура

покинула 40 и 40.5. Много цветов, так как думали, что я умираю. Особенно замечательны были розы от Стеллы, огромные, на длинных стеблях. Когда не хватило денег - дат В.Башкнров. В начале мая наступило поправление. Когда в первый раз встал, ноги отказались служить и я едва не упал. Событием было, когда в первый раз разрешили побриться, а то вид был ужасный.

«Апельсины» были прерваны в начале второй картины третьего акта на беготне первых скрипок в том месте, где Принц и Труффальдино крадутся к апельсинам, когда Ингерман первый раз разрешила сесть к роялю, то стало работаться так легко, что я в один присест написал почти всю сцену с Кухаркой. Но температура

повысилась и рояль был опять запрещён. В один прекрасный солнечный день мне разрешили выйти на улицу. Я первым делом послал огромную корзину цветов

Ингерманам. Лечили меня муж и жена: она - специалист по общим болезням, он - по носу и горлу. Она считает, что спасла мне жизнь, а он - что спас меня от глухоты, ибо скарлатина в одном из своих поворотов едва не пала мне на уши - покраснели барабанные перепонки.

Весеннее выздоровление было необычайно приятно, хотя ещё не все тени ушли от пережитой болезни.

Третья картина третьего акта сочинялась легко. Я учил «Картинки с выставки» Мусоргского - и как-то весна и выздоровление надолго соединились с одной из них - с «Limoges», которая всегда потом вызывала в памяти это радостное состояние.

Появилась Стелла, которая водила меня гулять, а на моём письменном столе появился её портрет, очень красивый, который возбуждал всеобщее внимание. А.Ингерман, очень ко мне привязавшаяся, но и залезавшая в душу на правах мамаши, чрезвычайно интересовалась романом со Стеллой, однако предупреждала
меня, что она знает её семью: семья эта беспорядочная и сумасшедшая, - так чтоб я был осторожен. Между тем я в моих планах собирался со Стеллою в Канаду, хотя с самой Стеллой об этом не говорил. Когда же мы с ней наконец заговорили, то Стелла вдруг возразила, что я, кажется, от неё жду больше, чем она может дать. Ей надо бежать, и она через неделю уедет в театральное турне, вместе с труппой отца. У них в семье - все артисты, и Стелла играет тоже. Обманувшись в своих расчётах, я не сумел или не имел достаточного желания удержать её, но с отъездом Стеллы окончились мои весенние настроения.

7 июня

Сегодня хороший день, чтобы возобновить мой дневник: сегодня я кончил «Три
апельсина». Когда я нервил со всеми моими болезнями, то я очень боялся, что помру, не кончив музыки. Однако сегодня, когда я кончил, настроение не было особенно радостным (как, например, после окончания второго акта): омрачало дело вчерашнее расставание со Стеллой. Поэтому старался не оставаться один: днём играл в бридж у Самойленко, а вечером был с ними и Больмами в театре, Конечно, со Стеллой ушло много нежных иллюзий.

8 июня

С Больмами был в Larchmont'е, дачной местности, у Ингерманов. Там зелено и красиво, хотя день был дождлив. Было довольно много милой публики, но мне весело не было. Вина? Стелла. Надо механически заполнять то пространство, которое осталось во мне пустым после её исчезновения.

9 июня

Утром поправлял кое-что в последней картине. Днём у меня был Капабланка, возвратившийся из Гаваны после победоносного матча. Вечером играл Больм начало оперы. Он так накинулся на меня за «неисполнимую» быстроту действия второй картины, что даже ввёл меня в смущение: а вдруг и в самом деле не поспеть
ничего сделать? Но разгадка, вероятно, в том, что, играя ему, я брал темпы быстрее,
чем следует.

10 июня

В одиннадцать часов утра с большим удовольствием поехал в West End, нарядное дачное место на берегу Атлантического океана, в полутора часах езды от Нью- Йорка. Там будут проводить лето Люисоны, которые очень уговаривали меня последовать их примеру. У Люисонов всегда куча народу, бывают интересные люди. С тех пор, как со Стеллой всё полетело «верхним концом вниз», исчезли и планы поселиться на лето где-нибудь подальше от людей, наоборот, я решил жить я шумном месте, дабы заполнить пустое пространство, оставленное Стеллой. Ведь программа на лето - шестьсот страниц партитуры для «Трёх апельсинов». Буду

писать по десять страниц в день, а остальное время болтаться.

Обратно из West End'a поехал на пароходе и в первый раз увидел лицом к лицу статую Свободы при входе в Нью-Йорк. Статуя огромна по сравнению с пароходами, но ещё огромней оказались небоскрёбы, которые выросли из тумана с другой стороны.

11 июня

Сегодня опять надо было пойти к Лилиенталю, который в третий раз должен был решить, резать меня или нет, но данное им в последний раз лекарство со включённым в него бисмутом так высушило мою ранку, что она выглядела приятной и выздоравливающей. Поэтому решили отложить визит и посмотреть, не выздоровит ли она совсем. Уф, хорошо бы без операции!

Вечером был у Сталя. Сцены в пустыне и у Креонты переведены, многое с Кухаркой - очень ловко. Многое я исправил.

13 июня

Получил от Стеллы письмо из Бостона, которого не ждал. Письмо милое и нежное, но кончается «до свидания на будущее, прощайте на теперь». Тогда зачем писать? Я начал привыкать к исчезновению Стеллы, а это письмо опять всколыхнуло старое. Но где-то в глубине души мне кажется, что в Стелле сейчас сильное брожение и что, может быть, потом, скоро, она вернётся ко мне.

15 июня

Срок моей квартире. Завтра съезжаю на дачу. Пора: половина июня, давно так не засиживался в городе. Но и теперь придётся ездить раза три в неделю в город - лечить всё ещё незаживающий абсцесс. Мне жалко бросить мою квартиру: она удобная и уютная. И хотя с ней связаны некоторые неприятные воспоминания - скарлатина, и въехал я в неё под впечатлением смерти Mme Шиндлер, но всё же Стелла соединила с нею много хороших моментов.

Днём ездил в Ларгмонт, где на лето поселилось много русских. Среди них - бабушка русской революции - Бр.Брешковская, которой я был сегодня представлен и которая приняла меня с поразительной нежностью, долго целовала и гордилась, что не перевелись таланты земли русской. Вела со мной довольно сложный разговор о том, должны ли или нет таланты создавать школу последователей, или, если они начнут заниматься этим, это может вредно отразиться на их собственном творчестве. Последнее, конечно, в том случае, когда они эволюционируют до самой старости. Тогда всякое суммирование самого себя, необходимое для создания своей школы, конечно, будет вредить и мертвить собственную работу.

16 июня

Утро было посвящено доктору и укладке вещей. В четыре часа выехал в West End, где решил поселиться на первую половину лета. Я думаю, с Люисонами и их обширными знакомствами там будет весело. «Весело» - за подобным весельем я не гонюсь летом, но с моими плохими нервами и после того, как Стелла бежала, я думаю - это лучшее, что я могу для себя придумать. Буду днём и, главное, утром писать партитуру, перемежая новую страницу прогулкой к океану, а по вечерам ходить в гости.

Остановился в большом, пока пустом, отеле «Холивуд». Вечером прогулялся

по берегу океана и рано лёг спать.

Океан настоящий, без бухт и заливов. Если провести прямо линию, то ближайший берег - Португалия.

15 июня

Начал партитуру «Апельсинов». Но мешали дети, которые внизу, в салоне отеля, играли на рояле гаммы. На улице встретил француза, владельца друтого большого отеля, который оказался знающим о моей маэстрии. Он сказал мне, что был бы особенно рад иметь меня в своём отеле, и предложил за полцены небольшую, но хорошую комнату с балконом на океан в тихом annex[15] большого отеля. Туда я сегодня и переехал. Это почти рядом с Люисонами. Дал мне большой некачающийся стол, удобную лампу, кресло и вообще очень за мною ухаживал.

16 июня

Был в городе - у доктора, в Duo Art и за покупками. Вернувшись в West End, сынструментировал три страницы. Пора серьёзно браться за работу.

Анисфельду Чикагская опера сделала окончательное предложение писать декорации для «Апельсинов». Постановка их принимает значительный характер, на что я не надеялся. На днях надо будет прочесть Анисфельду всё либретто.

Из России (Новороссийска) - первый пароход. Жду писем от мамы. Хотя не очень верю, что они будут.

У Люисонов, перед уходом, мельком встретил Корнелию. Она выглядела бойкой и чуть-чуть громкой. Сказала: «Je suis tres heureuse de vous voir»[16]. Я очень рад. Я догадывался, что она будет здесь летом, но три раза подряд не встретив её у Люисонов, жалел, думая, что ошибся в моих догадках. Приехала сама, правя автомобилем, чтобы ехать кататься с младшим Люисоном.

17 июня

Много и с удовольствием инструментовал. Сделал семь страниц, затем устал. Это не так много, надо по крайней мере десять. Но, очевидно, я отвык или после скарлатины ещё не так силён, как прежде.

Гулял по берегу Атлантического океана. West End пока тих: народ съезжается к июлю. Иногда несколько беспокоит шрам - болит, а так настроение хорошее.

18 июня

Приезжал ко мне Капабланка, с которым завтракали у Люисонов, а затем катались в автомобиле. Он мил и молчалив.

Сегодня сделал меньше семи страниц. Когда начинаю высчитывать, то боюсь, что не кончу к сроку. Остаётся сто дней на пятьсот с лишним страниц.

Шрам болит сильнее.

19 июня

Был в городе - читать либретто Анисфельду и у доктора. Шрам вздулся. Может - это поверхностное раздражение, тогда ничего. А если новый абсцесс на месте

[15] Флигель, присторойка (англ).

[16] Я счастлива вас видеть (фр).

старого, тогда дело плохо - надо оперировать. Всё это несколько портит настроение.

За четыре дня - двадцать четыре страницы. Не очень много. Точь-в-точь поспеть, если работать без передышки.

Раскладывал пасьянс.

20 июня

Кончил с Прологом и начал первую картину. Теперь пойдёт скорее - здесь проще инструментовка.

Завтракал у Люисонов, где довольно много народу и нарядно. Однако, я почему- то взял важный стиль и не снисходил до молодёжи. Очень глупо.

Вечером было скверное настроение, потому что болел шрам и я боялся, что надо оперироваться. С тех пор, как выздоравливая от скарлатины, я узнал, что чуть-чуть не умер во время неё, у меня страх перед всякими усыплениями. И даже иногда, засыпая (не теперь, а раньше - месяц назад) я вдруг вскакивал, боясь впадать в небытиё.

21 июня

Был в городе у доктора. Езжу в Нью-Йорк на пароходе. Это делает поездку приятной.

22 июня

Был с доктором Ингерманом на консультации у Лилиенталя. Он нашёл, что всё-таки придётся прооперировать. Я сказал, что боюсь наркоза - эфира или хлороформа. Он сказал, что можно сделать с газом. Это меня чрезвычайно обрадовало: с газом я уже освоился благодаря выдернутым зубам. Придётся пролежать от недели до двух в больнице, а потом недели три носить повязку и ходить на перевязку. Но, вероятно, уже на третий день после операции можно будет работать в постели, так что моя партитура не остановится. Вообще я был раньше в страшном ужасе перед операцией, а теперь, когда дело подошло к развязке, нахожу её вполне терпимой.

Сегодня: сорок четыре страницы в восемь дней, т.е. пять с половиной в день. Маловато. Но как среднее число, принимая во внимание поездки в город, это ещё ничего.

30 июня

Надо бы делать операцию, комната в больнице готова, но Лилиенталь уезжает на несколько дней отдыхать, поэтому «резьба по мясу» откладывается на неделю. Кстати, и рана выглядит так хорошо, что, может быть, и вовсе заживёт.

Между двумя страницами партитуры раскладываю пасьянс. Жаль, что знаю только два. Бывает скучно. С Люисонами знакомство не расцвело, а усохло.

3 июля

Время в West End'e течёт потихоньку, внимание сосредоточено на партитуре. Временами скучно. Я думал, что у Люисонов пропасть знакомых, но и сами они скучают. Отчасти скука от нервного настроения - не знаешь, здоров ли, болен ли, будут резать, нет ли. Вообще, лето несуразное, но моя радость и утешение - партитура.

Вспоминаю Стеллу, мне жаль, что она исчезла.

4 июля

Бывая в Нью-Йорке, покупаю филадельфийские газеты. Это последний город, в котором играет Стелла перед возвращением. Я решил сдержать слово, поехать туда и найти её. Какую линию она примет - неизвестно, но раз я обещал, я буду приветствовать её возвращение.

Пока никаких сведений об этой труппе в газетах не мелькает.

5 июля

Анисфельд подписал наконец контракт на декорации «Апельсинов». Больм тоже почти. Сегодня играл им три акта. Оба чрезвычайно довольны. Обсуждали подробности. Всё это чрезвычайно приятно. Все задуманные мною герои и их действия начинают становиться действительностью. Но от исполнения трёх актов замучился до смерти.

6 июля

Вчерашний вечер и сегодня весь день провёл в Ларгмонте, где много русских, очень культурных людей: Ингерманы, Яхонтовы, Больм, Капустин и другие. Но под конец я устал быть два дня на людях. Впрочем, приезжал я с моей партитурой и шесть страниц всё-таки сделал.

7 июля

Вернувшись, Лилиенталь осмотрел мою рану и заявил:

- Выглядит очень хорошо.

Я спросил:

- Ну и что же?

Лилиенталь ответил:

- Я вам уже говорил, что операция не спешная, может, на ваше счастье, и пройдёт.

- А ваше мнение?

- По-моему, не пройдёт.

- Ну так давайте делать.

В самом деле пора. А то конца нет. Комната в больнице через день или два и я получу об этом телеграмму. Скоро Стелла вернётся, а я всё ещё калека. Впрочем, нет худа без добра, и если пятнадцатого (а пятнадцатого я буду лежать) я напишу ей из больницы, то сердце у неё дрогнет и она будет милостивее. Не зная, однако, бросили они свою квартиру совсем или оставили за собой, я, чтобы заблаговременно выяснить этот вопрос, решил позвонить к швейцару и потребовать, чтобы меня соединили с Adler's appartment[17]. Я был в полной уверенности, что негр ответит, что квартира пустая или они вовсе съехали, но не успел я опомниться, как услышал голос, похожий на Стеллу. Это была или её сестра или даже она сама. Так как она не получила ответа, то вскоре повесила трубку, а за ней и я. Но неужели Стелла уже в городе? Вернее - это её сестра. Я вернулся в West End, думая о Стелле, и меня радовало, что, может быть, я скоро её увижу. Скорее бы развязаться с этой операцией, висящей надо мной вот уже два месяца.

[17] Квартирой Адлер (англ).

8 июля

Много работал. Сто пятнадцать страниц в двадцать два дня. Итого пять с четвертью в день. Ежедневное среднее упало, но так и следовало ожидать с трудной второй картиной. Надо подогнать, а то операция опять помешает.

10 июля

Забрал с собою партитуру, французский роман и игральные карты для пасьянса и отправился в больницу. Дневника не взял, поэтому он прерывается на две недели и больничное происшествие сообщаю вкратце.

Настроение у меня было в конце концов не такое скверное. Издали операция была страшнее. Вечером у меня сидел доктор Ингерман, заходили больничные доктора, которые были на моих концертах и интересовались поговорить со мною.

11-22 июля

Операция в половину девятого утра. В восемь зашёл Ингерман, чтобы приветствовать и благоприятно влиять на меня. Затем мне впрыснули морфий с атропином и покатили в операционную комнату. Я чувствовал себя несколько взволнованным, но в общем хорошо и операции не боялся. Мне наложили газовую маску. Я почувствовал в полусознании ощущение боли, хотя уже не сознавая, где и как. Последовала следующая градация засыпания, т.е. боль хотя я и чувствовал, но она уже не имела власти надо мной и я как-то пошёл ей навстречу. В этом я отдал себе отчёт и затем сейчас же заснул.

После операции доктор Ингерман объяснил, что операция длилась целых двадцать пять минут, из которых пятнадцать минут меня исследовали зондами, а десять резали. Так как двадцать пять минут держать под газом нельзя, то мой сон поддерживали эфиром. Рана меня беспокоила очень мало, разве когда я шевелился. Вообще, в этот день я бы, пожалуй, даже принялся за партитуру, но разболелась голова. На ночь мне пригласили ночную сестру, но она не понадобилась.

После этого мне пришлось пролежать дней десять и три дня полулежать, полуходить. Со следующего дня я принялся за партитуру и она спасла меня от скуки лежания и сознания ненужного времени. С двенадцатого по двадцать четвёртое, т.е. в тринадцать дней, я сделал шестьдесят шесть страниц, т.е. по пять страниц в день, почти не уклонившись от нормальной скорости. В промежутках я раскладывал пасьянс.

Навещали меня Ингерманы, Капабланка, Самойленки. Заходили доктора, которые знали меня по концертам, и вели медицинские разговоры. Больница - еврейская, очень хорошая и доктора - евреи. Очень симпатизируя мне, они высказывали сожаление, что я не еврей. Окно моё выходило на 5-ю авеню и я мог смотреть, как каталась публика.

Иногда мне казалось, что всё это лежание в постели, то со скарлатиной, то после операции, должно было углубить моё мировоззрение. И действительно, вопросы жизни и смерти стали как-то проще и яснее, но никаких формулировок мне сделать не удалось. В будущем я должен найти какой-нибудь путь и выход читая, поучаясь и говоря с умными и чистыми людьми. Пока же я стоял между разными течениями: разными взглядами моих петроградских друзей, кантовскою трансцендентальностью, волей в природе Шопенгауэра с его исчезновением индивидуальности, и чисто американским деловым взглядом на жизнь, с полным неверием, т.е. от ничего к ничему. Этот последний взгляд как-то навязался окружающей обстановкой и примером усыпления, на которое я, кажется, больше

всего обратил внимания во время моих болезней.

Итак, время в больнице прошло не длинно и не тягостно, а комната больного Принца, которую я инструментовал, даже должна была выйти лучше в больнице, чем где-либо (недаром сестра нечаянно облила её йодом). За два дня до моего выхода из госпиталя я послал письмо Стелле. Это было 21 июля, пора, она давно уже успела вернуться из турне и даже, наверное, уехала куда-нибудь на дачу. Письмо было уже давно готово в моей голове. Письмо было простое, не уклоняясь ни в нежность, ни в игру. Я полагал, что суть не в тоне письма, а в самой Стелле.

23 июля

Мне позволили гулять в парке, где после дождей зелено, сочно и ароматно. Да, это лето вышло глупым, нескладным, да и вообще не было никакого лета. И опять моя мечта: прожить всю весну в деревне, от последних снегов до первой жары. Но в такой стране, где настоящая, пышная весна. Когда это удастся?

24 июля

Сегодня конец больницы. И утром письмо от Стеллы. Я почти не обрадовался. Я был готов, что оно будет отрицательным. По обыкновению написано неразборчиво и мне понадобилось много трудов, чтобы добраться до сути. Однако Стелла была мила и очаровательна и сегодня в шесть часов назначила встречу в Savoy. Я расцвёл.

Последним событием в больнице была операция аппендицита, на которую взял меня один из докторов. Мы сидели на балконе в превосходном белом операционном зале, а внизу на столе, укутанный во фланель, лежал пациент. Открыта была лишь небольшая часть живота, где резали, густо вымазанная йодом. Хирург стоял с одной стороны, ассистент с другой, зажимая жилы, когда они начинали кровоточить. Ещё двое стояли рядом, подавая ножи, тампоны, нитки, пятый человек, «усыпитель», обнимал голову, держа палец на виске, на пульсирующей артерии, и давая пациенту дышать эфир. Больной дышал часто и с глухим шумом, которому помогал мешок, в который он дышал и который всё время раздувался и сжимался. Живот от частого дыхания быстро поднимался и опускался, и это, на мой взгляд, очень мешало работе. Операция протекала молча, быстрыми движениями. Иногда силою внутреннего давления кишки выскакивали из разреза, тогда их бесцеремонно запихивали обратно. Слепая кишка была найдена, перетянута ниткой и отрезана. И вовремя. Она была в ужасном состоянии и, опоздай операцией на день, могло быть прободение. Больного начали зашивать. С этим я покинул операционную, а затем и больницу. И как приятно было ехать в автомобиле по улицам. Ещё предстояло недели четыре перевязывать мою рану, но она не болела и не мешала.

В шесть часов я явился в Savoy. Я решил быть очень сдержанным со Стеллой. Она появилась сейчас же, тонкая, высокая и очень хорошенькая. Она была очень оживлена, очень рада меня видеть и говорила гораздо больше меня. Нашла, что я выгляжу неприлично хорошо для человека, выходящего из больницы. Она вчера должна была уехать из города, но осталась для меня. Мы обедали. Я спросил её, не смогу ли я в следующий приезд взять её с собой на пароходе в West End. Она ответила: нет. Но тут же выяснилось, что рядом с West End - Asbury Park, там её родственники, туда она отправится на днях и оттуда позвонит.

Итак, возвращаясь довольный в мой West End, я думал, что всё хорошо: операция с плеч и Стелла вернулась. Конечно, старые мечты на близость с ней улетели, но Стелла мила и видя, как я сдержан, не бежит от меня. И я ужасно рад, что буду видеть её.

25 июля

West End и горячее писание партитуры. На этот раз уже без гнёта предстоящей операции.

В пять часов отправился к Сталю, в получасе езды, проверять перевод «Апельсинов». У них мило.

26 июля

Ночевал у Сталя и поехал в город, перевязка и всякие дела. А дел пропасть, с ума сойти: надо пршотовить пьесы для перепечатывания у Ширмера; проверить клавир, литографированный для певцов: отправить письмо маме с отходящим в Новороссийск пароходом и постараться устроить, чтобы этот пароход обратным рейсом привёз её в Нью-Йорк: узнать, нельзя ли снять копии с партитуры с помощью фотографии; затем эта бесконечная проверка перевода на французский и. наконец, неуклонные пять-шесть страниц партитуры в день. А хочется найти ещё время для Стеллы.

27 июля

Сделал четыре страницы, не очень трудные, мало. Корректировал литографию, первый акт.

В пять часов позвонила Стелла. Она - в Asbury Park, в восьми милях от West End'a и хочет меня видеть. Я взял автомобиль и поехал к ней. Мы с нею катались по country[18], обедали в West End, гуляли по морю. Стелла говорила, что она была уверена, что мы больше не увидимся, и спрашивала меня, зачем я её нашёл. Я отвечал: ни за чем, мне было скучно без неё. А когда поздно вечером я отвозил её обратно в Asbury, то дело свелось к нежным поцелуям. И разрыв, и сдержанность погибли.

28 июля

Вечером позвонила Стелла из Asbury и спросила, сколько я написал за сегодня страниц.

- Только четыре. - ответил я.
- А вы приехали бы в Asbury? - спросила она.
- Ну конечно, - ответил я и отправился в Asbury.

В Asbury, по обыкновению, уйма народу, но мы в автомобиле отправились в пространство по шоссе и ездили часа три, проведя их в нежностях. Стелла на этот раз сама меня обнимала, крепко-крепко, и говорила: «Сегодня я счастлива». Я отвечал: и я тоже.

Я был удивлён и обрадован поведением Стеллы.

29 июля

Был опять у Сталей. Старались кончить с переводом, но опять не смогли. А мне до зарезу нужны полторы тысячи из Чикаго. Столько чеков накопилось, многие повторные, пора платить. Да и у самого на руках скоро денег не будет.

Сталь и Janacopulos живут ужасно мило и нежно. Но я вспоминал вчерашнее и думал: а у меня есть Стелла.

[18] По природе (англ).

30 июля

Сегодня опять город и доктор. Рана заживает.

Стелла полетела с лошади и весь бок синий. «Я бы вам показала, если бы любила вас меньше», - сказала она. Впрочем, что сложена она как Венера, я знаю. Сегодня она сердилась, что я спешу в West End к моим страницам, а я сердился, что она не хочет понимать, что мне нельзя ни на йоту опаздывать с ними, иначе я с удовольствием провёл бы время с ней. В конце концов я на пароход всё-таки опоздал, и пришлось трястись в дымном поезде. Приехав в West End не хотел инструментовать и делал корректуру. Сегодня первый день после операции без единой страницы.

31 июля

Начинаю серьёзно беспокоиться, кончу ли, нет ли партитуру к сроку, к первому октября. Сегодня завяз и сделал всего одну страницу, правда, трудную (смех по поводу смеха Принца).

Корректировал литографировку клавира второго акта. Вечером был у Сталя, проверял перевод на французском языке. Езжу к ним с удовольствием и перевод выйдет отличный.

Ужасно много дел.

1 августа

Сегодня пять страниц. Опять не так много. А работал массу времени. Вечером выскабливал ошибки в партитуре.

Омское правительство очищает Омск и становится Иркутским правительством. Большевики победоносно наступают. В чём дело? Почему будущей России суждено выковаться сильной через грубость и разбой?

3 августа

Шесть страниц. Почти весь день до обеда занимался.

4 августа

Был у Стеллы в Asbury. Ссорились из-за всякой ерунды и говорили друг другу неприятности. Под конец помирились и поцеловались.

По-моему, она несколько дуется на меня за одесские погромы. В Одессе сейчас громят евреев и Стелла мстит христианину. («Не будьте жестоки, не будьте христианином!»).

5 августа

Перевод «Апельсинов» наконец окончен и проверен и, по-видимому, вышло очень хорошо. Сдал ноты и жду чека. А то осталось пятьдесят долларов и куча счетов, по которым надо платить.

8 августа

Стелла приехала ко мне в West End и обедала у меня. Так как я всегда обедаю один и на окружающую публику не обращаю внимания, то сегодня все на нас

таращили глаза. После обеда Стелла поднялась ко мне. В десять часов явился владелец отеля, еврей, говоривший по-французски, и, вызвав меня в коридор, с выпученными глазами сказал: «Ecoutez, mais vous avez une femme?»[19]. Он, конечно, не мешается в мои дела, но внизу уже разговаривают: есть мамаши, которые имеют дочек и т.д.

Стелла была очень смущена и заявила, что обыкновенно христиане бывают свиньями, но если еврей окажется свиньёй, то он уж будет всем свиньям свинья. После этого я её в автомобиле повёз в Asbury.

9 августа

С владельцем отеля я холодно раскланиваюсь. По-видимому, это будет стоить мне денег, потому что он не сделает скидку, которую обещал. Но в офисе безумно любезничал. Я решил объявить обитателям отеля войну и сделал заявление, что дети орут, как на рынке, и не дают покоя.

Начал инструментовать третий акт. Чувствую, что к первому октября не поспею. Устают глаза. Да и то я почти не пропускаю ни одного дня. Единственная надежда, что вторая половина третьего акта будет легче и пойдёт быстрее. Да ещё: может быть, вся опера будет не на пятьсот пятьдесят страниц, как я считал, а меньше, около пятисот. Тогда еле-еле к сроку.

11 августа

Из Чикаго чек на полторы тысячи. Очень мило, не то, что в первый раз, и я снова достиг максимального состояния. Впрочем, лишь номинального: если сосчитать долги (тысяча двесту Башкирову, пятьсот в Русское посольство, четыреста пятьдесят Вышнеградскому, сто шестнадцать преступных долларов, сто Лилиенталю, много - неизвестно сколько - Ингерманам, сто Минстеру), то температура окажется много ниже нуля.

Относительно клавира, то я всё-таки был шикарен: прислал его за месяц до срока. Поспею ли с партитурой? Она да операция, в сущности, заполнили всё лето. Конечно, жаловаться нельзя: живу удобно, у берега милого Атлантического океана, но самоё лето как-то скользнуло вне меня.

12 августа

Вожусь с разрешениями для мамы. Билет ей будет оставлен на «Владимире», уходящем в Новороссийск и затем возвращающемся обратно, а с визой дело ещё неясно.

На Кавказе американского консула нет. Можно ли достать отсюда?

19 августа

Начал играть на рояле, которого не касался с первого апреля. Но пальцы в очень приличном состоянии. Даже я сказал бы есть шаг вперёд в смысле гибкости удара. После весенних занятий роялем я развивался по инерции. Я верю в это и неоднократно проверял это предположение.

Буду учить Пятую французскую сюиту Баха, три контрданса Бетховена (которые я играл двенадцати лет с Глиэром) и Сонату-fis Шумана (играл, оканчивая Консерваторию). Считаю всё это учение потерей времени, но приходится сделать

[9] Извините, но у вас женщина? (фр).

уступку американским вкусам, просящим что-нибудь «известненького».

Первый recital двенадцатого октября. Несколько рановато, но я ничего не имею против (если позднее, то залы уже разобраны на все воскресные дни).

21 августа

Стелла сообщает, что, вероятно, она с отцом уедет на два месяца в Лондон играть. Я ответил: «Хорошо, я начну себе подыскивать кого-нибудь другого». Это её всполошило: неужели я снизвожу наши отношения до того, что их с лёгкостью можно заменить «кем-нибудь другим»? Мы с нею обедали за городом и провели время с большою негою.

22 августа

Очень любезное письмо от секретаря нашего посольства: виза для мамы будет, и всё проще, чем до сих пор казалось. Так как на Кавказе консула нет, то разрешение дать визу будет телеграфировано в консульство, а в Новороссийск будет дан приказ принять маму на пароход. Написал мне письмо и отправил с бароном Вольфом, официальным лицом, едущим на Кавказ.

Эта виза меня очень обрадовала.

24 августа

Кончил Кухарку и таким образом вторую картину третьего акта. Когда я сочинял, у меня был план инструментовать второй раз антрактовое скерцо иначе, чем в первый, но оно так «крепко» легло в первую инструментовку, что я не вижу второй. Поэтому оставил пустые страницы, дам переписать переписчику и приступлю прямо к третьей картине.

25 августа

Был в городе. Переписчик, поганец, переписав двести страниц партитуры, отказался, ссылаясь на болезнь и на уставшие глаза. Брал он, правда, дёшево, всего двадцать пять центов за страницу. Говорит, когда оправится, то может продолжить, но за шестьдесят центов. Я сказал: я дам восемьдесят, но не вам. Однако, это плохо: первого сентября надо сдавать, а осталось ещё пятьдесят страниц. Звонил Альтшуллеру о новом переписчике, но Альтшуллер не заплатил за телефон и его номер не дают.

Со Стеллой ездили загород обедать. Она уезжает пятнадцатого сентября и с тех пор, как это решилось, она стала и нежней, и милей.

В одиннадцать часов поехал к Самойленко ночевать.

26 августа

Вернулся из Парижа Monteux, ныне дирижёр Бостонского оркестра. Привёз 15-летнюю дочку Mme Больм, (но не Больма) из Швейцарии, где она училась.

Сегодня, едва я вернулся из Нью-Йорка в West End и хотел сесть за работу, вызвонили меня опять в Нью-Йорк: Monteux желает ознакомиться со «Скифской сюитой». Играл ему её по обыкновению фальшиво и позорно, но он кое-что понял и обещал сыграть. Я в этом не сомневался, но надо бы ещё пригласить меня солистом.

27 августа

Третья картина скользит легко, она яснее, чем второй акт. Есть надежда, что кончу к сроку.

28 августа

Триста сорок пять страниц. Осталось, вероятно, сто пятьдесят. Я думаю, поспею к сроку.

29 августа

Письмо от Скляревского с Явы. Немного завидно, что он в этих чудесных краях. Но и я там буду. Пишет, мои сочинения исполнялись в Батавии. Когда за завтраком я похвастался об этом maitre d'hotel'ra. который всегда чрезвычайно интересуется моей музыкой, то он спросил: «Ява - это в Нью-Йорке?», - и мой заряд пропал.

Сентябрь

Окончательно выяснилось, что Стелла уезжает восемнадцатого сентября и, по-видимому, не на два месяца, а на гораздо больше. Её отец едет играть в Лондон, с ним жена, старшая сестра Стеллы и сама Стелла - все будут выступать.

Так как в городе наши встречи были нелепы - то в парке, то в автомобиле - а ездить в West End для Стеллы было слишком сложно, то Стелла уговорила меня переехать в город. В West End'е было чудесное начало осени, но нью-йоркские дни Стеллы были считаны, и я переехал в Нью-Йорк. Поселился я в довольно милом отеле Laurenton в двух комнатах: гостиная и спальня. Стелла пришла в первый же вечер.

Я говорил ей, что она не должна уезжать в Англию. Она отвечала, что должна следовать за своей семьёй. Звала, чтобы я непременно пришёл провожать её на пароход. Но я отвечал, что так как она уезжает от меня в Лондон, то я за несколько дней до её отъезда сам уеду с друзьями на автомобиле на Ниагару кататься. Действительно, Самойленки, у которых был небольшой автомобиль, проектировали такую поездку, которая, впрочем, так и не состоялась.

В последний вечер я отвозил Стеллу домой. Она говорила мне много трогательного, хвалила меня, говорила, что чем бы ни были наши отношения - любовью или нет - она всегда сохранит о них лучшие воспоминания.

Провожать её я всё-таки не провожал. Зачем? Пародировать в толпе? После её отъезда (восемнадцатого) очень скучно, я старался не сидеть дома.

Инструментовка «Апельсинов» двигалась, но более сложный четвёртый акт шёл не так легко, как третий. Всё же я упрямо проталкивал его вперёд и закончил к сроку, к первому октября. Бывал я у Самойленко, играл с ними в бридж и разъезжал в их автомобиле. Ездили мы на автомобильные гонки. Последние произвели сильное впечатление, когда тринадцать машин пошли в стомильное состязание по огромному (кажется, полторы мили) кругу. Все ли дойдут? И действительно, у одной, на огромной скорости, загорелись оси, а затем и другие разогревшиеся части. Была бешеная картина, когда автомобиль несся в огне, а шофёр и механик стояли на спинках сидений, продолжая тормозить его и управлять им. При замедлении скорости они спрыгнули, очень мало пострадав.

Так как в моём отеле все комнаты были заранее разобраны на всю зиму, моя в том числе, и мне дали её только на две недели, то скоро возник передо мной квартирный вопрос. Я временно переселился к В.Н.Башкирову, у которого была

довольно большая и довольно пустая квартира, и там продолжил мои занятия оркестровкой.

Стелла, уезжая, завещала мне свою подругу Blanche Gang (Wolfgang, но её родители, при эмиграции в Америку, откинули первую половину фамилии). Через неделю после отъезда Стеллы я созвонился с нею и пригласил обедать. До сих пор я почти её не знал. Она мне ярко напомнила Стеллу. Blanche рассказывала, что Стелла, вернувшись после последнего свидания со мною, проплакала весь вечер. Когда огромная «Аквитания», на которой она уезжала, отходила от берега в чудный солнечный день, она просила Blanche передать мне, как это было красиво.

Помню летом, я, для пополнения моего английского лексикона, записывал каждый день несколько новых английских слов, которые затем вызубривал. Однажды я попросил Стеллу, которая увидела эту бумажку, приписать несколько слов, незнакомых мне. Стелла написала: «Love, comprehension, Stella»[20]. Когда я рассказывал об этом Blanche, та воскликнула: «It is just Stella!»[21]

1 октября

Сегодня срок контракту на «Три апельсина» и последнюю страницу партитуры я дописал ровно в два часа дня. «Страшно шикарно» - сказал бы Макс Шмидтгоф. Действительно, рассчитано было метко.

2-11 октября

Начало октября прошло в приготовлениях к концерту. После того, как я кончил партитуру «Апельсинов», стало свободнее. Но в общем, октябрь проходил довольно бледно и скучновато. С отъездом Стеллы, с окончанием большой работы было пусто, да и вокруг как-то не было видно интересных людей. Появился виолончелист Иосиф Чернявский, мой горячий поклонник ещё со времён исполнения «Скифской сюиты» в Петербурге, где он играл на виолончели и защищал моё имя от ругавших его оркестрантов. Время от времени я обедал с Blanche, один раз она даже была у меня на квартире, я играл ей, но разговоры были, конечно, о Стелле. Я жил в то время в огромной, довольно по-мещански обставленной квартире совершенно один. Эту квартиру мне на месяц устроил задарма В.Н.Башкиров, так как один его знакомый кооператор снял её, а затем уехал, и таким образом квартира всё равно стояла пустая.

Вместе с Blanche мы были у одного художника, который написал в красках портрет Стеллы. Художник был молодой, довольно жалкий, довольно бедный, хотя, может быть, не без таланта. Стелла мне говорила про этот портрет: её тщеславию очень льстило, что с неё пишет портрет настоящий художник (как она думала). Она даже в один из последних вечеров, просидев у меня до одиннадцати часов вечера, удрала к художнику, чтобы он сделал последние мазки (ночью-то!), а потом выражала мне удивление, что я отпустил её. Словом, я чуточку ревновал (впрочем, не к художнику - он был слишком жалок, а ко всей этой портретной истории) и был критически настроен. Портрет был ужасно жёлтый.

Приятной новостью было получение визы (американской) для мамы. Теперь я хлопотал, чтобы отсюда заплатить ей за пароходный билет и чтобы она в Чёрном море могла прямо сесть на пароход и приехать в Нью-Йорк. Таких русских пароходов было несколько. Я хлопотал через Башкирова, но он был порою непростительно небрежен, что впоследствии даже повело к ссоре, несмотря на

[20] Любовь, понимание, Стелла (англ).

[21] Это точно Стелла! (англ).

дружбу и заботы его о моих квартирах.

12 октября

Первый мой recital. Немного рано, но мы хотели воскресение, а все прочие воскресения уже расхватаны. Я несколько волновался за Баха, но он прошёл без инцидентов. Контрдансы Бетховена - очень хорошо и Соната Шумана тоже довольно хорошо. Но самый успех выпал на последние пять моих мелкотушек с Наваждением» в конце. Успех чрезвычайный, как в доброе старое время в Петрограде. Бисов - шесть. Требовали «Токкату», но я её не мог сыграть: забыл, давно не повторял, и вместо неё сыграл ещё раз «Наваждение». Зал выглядел набитым, но опять много было даровых. «Paper House»[22], как говорят американцы. В артистической после окончания масса народу. Меня хватали за руки, за плечи и от восторга рвали на части. Весной было выражено меньше темперамента, но зато мелькали Дагмара и Стелла и было пикантней.

После концерта Стали увезли меня на Staten Island, где они живут, где свежий воздух и красочная осень (хотя и не такая яркая, как под Петроградом).

Из Лондона от Коутса телеграмма: требует партитуру и партии «Скифской сюиты». Прекрасно! Умница. Коц! Это мне шанс на весеннее турне в Англии и на постановку «Трёх апельсинов» в Лондоне.

13 октября

Много рецензий, и хотя особенно не захлёбываются, но все хорошие. Классики вытаскивают меня за уши из тех помоев, которыми обливали меня после весенних концертов.

Но всё-таки ослы критики: я в Бахе вместо семи частей играл пять, а в финале Сонаты Шумана выкупировал почти половину. Ни один не заметил.

14 октября

Чернявский и Бейлизон показывали еврейские темы, некоторые из них оказались дряблыми, но другие совсем хорошими. Забрав материал и вернувшись домой, я сейчас же решил написать «Увертюру на еврейские темы» для фортепиано, квартета и кларнета, т.е. для состава их ансамбля. Проработал целый день и к концу прихлопнул всю «Увертюру». Конечно, подробностей ещё мало, но зато весь скелет. Если бы теперь в два дня привести в порядок и сынструментовать, то совсем вышло бы скоро.

15 октября

Начал инструментовку «Увертюры», но ясно, что двумя днями не управиться, а дай Бог в неделю. Да, я думал, что после recital`я можно будет отдохнуть, но не тут-то было: «Увертюра», подготовка чикагского recital`я, а через неделю и в Чикаго (пока на неделю).

16 октября

Открытка от мамы после полуторагодового молчания. Мама жалуется на здоровье, подкошенное пережитым, на плохое зрение и на подавленное состояние

[22] Карточный домик (англ).

духа. Последнее произвело на меня очень сильное впечатление. Я бьюсь уже полгода и никак не могу доставить её сюда. Надо немедленно приняться со всей энергией. Явилась даже мысль самому отправиться за ней, раз деньги есть, но из этого ничего не выйдет: я прозеваю и оперу, и сезон: привезу её, а кормиться обоим
нечем. Я отправился к Сталю на Staten Island. Он сказал, что на днях поедет прямо на Кавказ Соскис, с дипломатическим паспортом, и он всё сделает. Действительно, Соскис - человек, на которого можно положиться. Это меня несколько успокоило.

17 октября

Говорил с Башкировым о том, как удобней выписать маму. Письма и телеграммы не ходят и действовать можно лишь через людей, едущих туда. Но Башкиров говорил, что Соскис может не поехать и вообще был так неэнергичен и нелеп, что я ушёл в бешенстве, почти поссорившись с ним. Сталь меня успокоил, что Соскис, вероятно, всё-таки поедет.

Телеграмма о взятии Петрограда «антикрасными». Неужто? Какая радость! Завтра обитатели несчастной столицы поедят в первый раз после двух лет! Неужели
через месяц или два я уже войду в контакт с моими друзьями? А к весне и путь прямой будет открыт!

18 октября

Партитура «Увертюры» понемногу движется и будет готова до отъезда в Чикаго.

Большой компанией, с Ингерманами и Яхонтовыми, ездили к Сталям, где было солнечно и приятно. Я кокетничал с Linette, моей новой поклонницей, впрочем, сдержанной, несмотря на свои двадцать лет. Но Сталь утверждает, что это только снаружи, а на самом деле она даже петь решилась при всех, лишь бы это сделать с моим аккомпанементом.

А Стелла-то - хороша: сегодня ровно месяц с её отъезда - и ни слова. Я дней десять тому назад послал ей коробку шоколада, но сам тоже не писал, хотя вспоминал часто.

19 октября

Ночевал у Сталя. Потом поехали сниматься: группу для «Трёх апельсинов»: Miss Janacopulos, Ансермэ, Больм и я. В последний момент Ансермэ вдруг заявил, не объясняя причины, что он не будет сниматься. Я его уговаривал, но он упёрся как баран. Тогда я разгорячился и наговорил ему дерзостей.

Концерт Рахманинова, первый в этом сезоне. Отлично сыгранная Соната Бетховена, похуже Шопен, а затем «Rondo Caprice» Мендельсона и три вальса: Шопена, свой и из «Фауста» Гуно. За такую программу в России бросили бы в него дохлой кошкой. Из своих вещей только один «Etude-Tableau», очень хороший. Рахманинов держит себя олимпийцем, играет то чудесно, то деревянно, а в программе подлит перед толпой. Во мне он вызывает странное чувство: иногда восхищение, но иногда ужасную досаду. После концерта я зашёл в артистическую не столько к нему, сколько повидать других знакомых. Мы обменялись несколькими
словами, но довольно холодно.

20 октября

Писал «Увертюру» и повторял программу (весеннего концерта) для Чикаго. Обедал с Blanche, которая замечательно мила со мной, засыпает меня

комплиментами и спрашивает, не скучаю ли я без Стеллы. Blanche после обеда была у меня, и я играл ей чикагскую программу. Blanche очень милая девушка, мечтательница и пессимистка. Во многих её словах и взглядах на жизнь я узнавал Стеллу. Вернее, наоборот: Стелла переняла их у Blanche.

21 октября

Петроград не взят, но бои в окрестностях: в Красном селе, Царском и Тосне. Моя милая дача в Саблине, где я провёл такое хорошее лето, быть может, подверглась огню и уничтожению. Хотя правое крыло Юденича упирается в Тосно и ничего не слышно, чтобы оно перекинулось восточней Николаевской железной дороги. Большевики мобилизовали для обороны всех молодых людей. В какую кашу влипли все мои друзья: Борис Верин, Асафьев, Сувчинский, Мясковский! Одна надежда, что их, близких к искусству, хранит рука Луначарского. Неизвестно также, какая судьба постигла мою квартиру на 1-й Роте, в которую перед моим отъездом Сувчинский послал верного человека, своего управляющего. Домашний скарб мне абсолютно не жалко и даже премированный рояль не очень жаль. Но в письменном столе остались письма за несколько лет и толстая тетрадка дневника - один из последних годов, не помню какой. Вот эту тетрадку мне было бы очень жалко потерять.

22 октября

Почти весь день инструментовал «Увертюру». Также играл для Чикаго.

23 октября

Все дни писал «Увертюру» и сегодня кончил. Как будто вышло интересней, чем я собирался, и, по-видимому, придётся выставить опус. Вечером явился Чернявский. Я сыграл ему (он был в восторге) и отдал для исполнения.

24 октября

Так как поездка Соскиса в Россию затягивается и, с другой стороны, оказалось, что Добровольческий Флот может послать телеграмму в Новороссийск через своего агента в Константинополе (прямо телеграммы не ходят), то я внёс Шестаковскому (здешнему агенту Добровольческого Флота) четыреста долларов залогу за мамин билет из Новороссийска в Нью-Йорк, и он должен телеграфом известить её (и Новороссийскую контору) об этом.

Из его офиса едва попал на XX Century[23] и в 2.45 отправился на концерт в Чикаго. С моей огромной квартирой расстался, впрочем, без особого сожаления. Больно мещанская.

В поезде со мной ехал доктор из Виннипега, который хочет пригласить меня играть в его городе. С ним дочка тринадцати лет, краснощёкая американка.

25 октября

Утром Чикаго и Н.Т.Кучерявый, встретивший меня на вокзале и на своём новом автомобиле повёзший меня к себе.

Днём был у Ньюмана, моего чикагского менеджера, а затем упражнялся на

[23] Двадцатый век, название экспресса (англ).

рояле в паршивеньком Kimball Hall'e. в котором мне предстоит давать мои оба recital`я. Но лучшего в Чикаго нет, если не считать огромного, на несколько тысяч.

26 октября

В полчетвёртого первый recital из двух. Программа та же, что в прошлом феврале в Нью-Йорке: 4-я Соната, три пьесы Скрябина, десять «Мимолётностей», Мусоргский и «Токката». Залишка полон. Я не волновался и играл почти хорошо. За 4-ю Сонату я боялся, что публика не переварит, но ничего, финал разогрел. Остальное всё прошло с равным и хорошим успехом. Говорят, публика была избранная, серьёзная и музыкальная, как и полагается для Чикаго, где, конечно, больше понимают, чем в Нью-Йорке. Бисов - три.

После концерта в артистической, которая мала и тесна, приветы и поздравления, хотя и не такие яростные, как в Нью-Йорке. Одна девица показала мне все тональности «Мимолётностей» и смутила меня вопросом, в какой тональности №3. Я не знал (да никогда и не думал о тональности). После концерта с Кучерявым обедали у Волкова, очень милого русского консула. Волков рассказывал, что в прошлом январе задержка с контрактом оперы вышла потому, что разыгралась страшная интрига, чтобы вместо моей оперы поставить балет Карпентера. И только, когда Волков прижал Кампанини тем, что «слово, данное последним в присутствии русского консула, дороже золота», Кампанини пошёл на компромисс и поставил обе вещи.

27 октября

Был у Кампанини, который нездоров, в постели и выглядит очень плохо. Маэстро расспрашивал про мой вчерашний успех и был мил. Мы распределяли партии для певцов (причём я, не зная ни одного, делал характеристики персонажей, а он говорил: «ессо!» - и называл фамилию певца).

Дирижёр - Маринуцци, говорят, звезда, новый, из Буэнос Айреса, сейчас ещё плывёт. Певцы тоже ещё в большинстве не съехались, так что разучивание оперы начнётся не раньше пятнадцатого ноября и потому мне пока с оперой тут дела нет. Не желая утомлять больного маэстро, я вскоре покинул его.

Кан, секретарь, после того, как я его в феврале зачислил в подлецы и обошёлся с ним соответствующим образом, ругал меня всю осень, но теперь, по-видимому, счёл за более осторожное быть приличным и пригласил меня завтракать. Я решил, что хотя большого вреда он принести не может, но подкладывать маленькие свиньи в состоянии, поэтому решил быть тоже приличным и внешне мир был заключён.

Рецензии очень хорошие. Я здесь импонирую гораздо больше, чем в Нью-Йорке.

28 октября

Утром повторял программу для вечера (ту же, что играл две недели назад в Нью-Йорке), а потом Кучерявый возил в своём автомобиле по Чикаго. Мы сделали миль тридцать по бульварам и паркам, которые прорезают весь город кольцом. Сам город разбит на правильные квадратики, застроенные небольшими домами, которые совсем не так импонируют, как большие домины Нью-Йорка. Только центральная часть города - Michigan Avenue - великолепна.

Вечером второй recital при неполном зале (две трети), что сразу меня охладило. Всю классическую часть программы я сыграл без настроения, немного (и неизвестно почему) нервничая, словом - хуже, чем в Нью-Йорке. Однако Соната Шумана имела большой успех, вызывали раза четыре. Свои вещи я сыграл хорошо

и имел три биса. В артистической на этот раз было совсем мало народа и неинтересно. Я страшно устал.

29 октября

Я думал, газеты проберут меня, но не тут-то было - хвалили как никогда. Какой-- то Mr. Фауст интервьюировал меня для большевистской газеты New Republic и расхваливал меня (особенно за «Шествие солнца» из «Скифской сюиты», которую он в слышал год назад) с такой горячностью, что мне было даже неловко.

Отправил заказное письмо Стелле, первое. От неё пока ни слова ни мне, ни подруге, ни сестре. В письме я старался быть милым, таким же милым, как сама Стелла.

30 октября

Сегодня меня возили смотреть картины художника Витковича, который утверждает, что декорации «Трёх апельсинов» собрались заказать ему, но потом дали Анисфельду. Я пересмотрел картин шестьдесят, из которых большинство плохи, но есть несколько удачных, хотя как только большой замысел, так - срыв.

Большевики подвезли подкрепления и отбили Петроград. Опять и опять надо отдать должное их оружию. Но радость скоро снестись с друзьями меркнет и отодвигается. Боюсь также, что это как раз те дни, когда кого-нибудь, быть может, придётся не досчитаться. Голод, тиф. обыски, доносы...

Ой, не прав ли Демчинский. говоривший перед моим отъездом, что когда я,

«бежавший от истории», вернусь в измученную Россию, она не поймёт меня, ибо будет мыслить и чувствовать иначе! Но нет, он, без сомнения, не прав, поскольку это касается таких людей, как Башкиров, Асафьев. Мясковский. Они тонки и

глубоки, и достаточно любят меня.

Сел в быстрый Broadway Limited Express и отправился в Нью-Йорк. По дороге догонял дневник, глядел на бегущие осенние ландшафты, изуродованные бездной фабрик, и рано лёг спать.

1 ноября

Утром обратно в Нью-Йорк, где меня ждало письмо из Лондона с предложением поставить «Три апельсина» в Covent Garden в июне. Вот это событие чрезвычайной важности. Я ещё год назад затеял переписку с Бакстом, стараясь наладить «Три апельсина» на весенний сезон в Европе, но из этой переписки ничего не вышло, так как Бакст упёрся на Дягилеве, а я заранее знал, что Дягилев ещё не воскреснет (по крайней мере в оперном смысле) к этому сезону. Теперь Коутс, умница, сам догадался взяться за дело. Ура, если так. то через шесть месяцев будет моё быстрое и красивое entree[24] в Европу.

Днём был на концерте Janacopulos. которая пела частью очень хорошо, частью мимо. Вечером уехал со Сталями к ним в деревню.

В промежутке успел найти себе квартиру на ноябрь, что теперь в Нью-Йорке

- непостижимо трудно. Квартира так себе меблирована, но просторная и на солнце,

- и главное - найдена сразу и как раз до декабря, до моего отъезда в Чикаго на оперу, Кто-то, узнав про мой новый адрес, воскликнул: «Вы с ума сошли! Да в этом квартале живут одни кокотки!». Я смутился. Но более мудрые сказали: «Плюньте. Вам же веселее». И я плюнул.

[24] вступление (фр).

2 ноября

Солнечный и тёплый день. Приехали гости, приехала Linette, косили в саду траву и вообще было очень мило. Вечером я с Linette возвращаюсь домой вдвоём. На платформе в тёмном уголку я её поцеловал. Это, кажется, доставило очень большое удовольствие обоим.

3 ноября

Моя квартира в конце концов ничего. Жду рояля, чтобы начать учить «Карнавал», к которому открывается большая горячность. Был у меня Смоленс из Чикагской оперы, который будет готовить «Три апельсина» с певцами. Я ему проиграл всю оперу, которая произвела на него впечатление, но затем он схватился за голову: как трудно будет приготовить певцов

5 ноября

Рояль приехал и я кинулся на приготовление программы. В сущности до концерта осталось всего семнадцать дней.

8 ноября

Утром хорошенько поиграл на рояле и затем с необычайным удовольствием поехал к Сталю в деревню. Я думал, приедет Linette, но завтра Стали уезжают днём на концерт и гостей не будет.

9 ноября

Прелестный осенний день, и я много гулял среди красивых осенних пейзажей. Linette сама догадалась позвонить и, пока Сталь собирался объяснить ей, что днём они уезжают на концерт, я успел пригласить её к ним. Таким образом, мы провели в отсутствие хозяев несколько очень милых часов. Linette совсем в меня влюблена.

10 ноября

Занятия роялем и параллельно - длинное письмо Клингу в Лондон с условиями для «Трёх апельсинов».

Хлопоты: как перевести деньги маме помимо этого подлеца Шестаковского.

Mlle Blanche говорит, что Стелла со всей своей компанией и фамилией влипла в Лондоне в очень неудачный сезон. Работы масса, а успех средний. У неё в неделю
девять спектаклей и восемь репетиций, и она прямо заболела от утомления. Просила
мне передать, чтобы я не забывал её. Мне жалко Стеллу, но всё-таки написать мне слово она могла бы.

11 ноября

Дантист свирепствовал с пломбировкой корней и портил мне жизнь.

Вечером был у Самойленко, которых не видел шесть недель, так как они ездил в деревню. Играл им программу от двадцать второго ноября («Карнавал» и прочее). Они заявили: наконец-то у вас настоящая программа.

Деньги, кажется, удастся перевести при любезном содействии Русского и Английского консульств через Английскую военную миссию на Кавказе. Меня

это очень заботит.
Dr.Winkelstein прислал мне книгу Freud'a, которого здесь много читают. Я думал,
что это философия, но это скорее медицина. Книга, по-видимому, будет очень интересна и поучительна.

12 ноября

Учил программу и читал Freud'a. Вечером был с Linette в cinema и отвёз её с поцелуями домой. Но прийти ко мне она почему-то наотрез отказалась.
Вчера была у меня Blanche, я играл ей программу будущего recital`я. Она была, по обыкновению, очень мила, говорила мне комплименты и предсказала блестящий
успех. Стелла прислала ей несколько писем. Дела их труппы в Лондоне наладились и настроение Стеллы лучше.

14 ноября

Дирижёр моей оперы маэстро Marinuzzi до сих пор ещё едет из Буэнос-Айреса. Певцы французские, говорят, тоже ещё не съехались по случаю пароходных забастовок. Постановка оперы определённо затягивается.

15 ноября

Утром с большим удовольствием отправился к Сталям на week-end. Право, дни, которые я провожу там - самые приятные. Туда же приехала Linette и другие гости. Miss Janacopulos спела в Кембридже с Бостонским оркестром, имела чрезвычайный упех, поэтому настроение в доме царствовало самое весёлое. Сталь расхваливал моё исполнение «Карнавала» и особенно - русских вещей.

16 ноября

Утром с остервенением гребли листья в саду и так проголодались, что еле дождались завтрака. Днём Сталь и Janacopulos уехали в Нью-Йорк на концерт и мы с Linette остались вдвоём. Это время не было потеряно. Затем вернулись хозяева
и вечером обсуждали их будущую поездку в Бразилию. Вечером с Linette ходили смотреть на звёзды.

18 ноября

Вечером играл у Самойленко «Карнавал» на тугом рояле и разбил большой палец на левой руке. Я с ним вожусь уже месяц, залепливая его коллодиумом и ватой, но сегодня он вздулся и покраснел и принял такой зловещий вид, что я побежал к Ингерману. Он сказал, что палец нарывает, и разрезал его. Говорит, к субботе, к концерту, поправится.
Обедал с Linette и вечером был опять в кинематографе, ибо эта гадкая девчонка ни за что не хочет придти ко мне. Сегодня я, впрочем, и не настаивал, так как у неё разболелась голова, и я рано отвёз её домой.

19 ноября

Пальцу как-будто немного легче, но играть на рояле, конечно, нельзя, поэтому упражнял одну правую руку. Если на концерте левая будет хромать, надо отыграться хоть на правой.

Чек на «два с половиной пуда» стерлингов вручил нашему консулу и он пошлёт его с письмом в Английскую военную миссию на юге России. Дай Бог, чтобы дошёл, а то это мне не даёт покоя.

А в России политический узел затягивается, ибо побеждают большевики, а ведь, в конечном счёте, они должны проиграть. Значит, все города, которые они забирают теперь, забираются зря. А тем временем резня, грабёж, насилия, тиф и сифилис.

20 ноября

Пальцу, по-моему, хуже, но Ингерман говорит, что лучше. Во всяком случае трогать больно, а играть в таком виде нечего и думать. Звонил Haensel'ю и спрашивал, что он думает, если отменить recital. Он говорит, что теперь все пятьсот долларов уже истрачены, и если будем отменять, то со всеми ими и простимся. Поэтому он советовал подождать субботы, может палец и пройдёт. Советовал не трогать рояля до самого концерта и упражнять вещи в голове. Я последовал его совету, и действительно, это очень полезно, но страшно утомляет мозг.

Обедал с Linette и опять звал её ко мне, ибо отправляться каждый раз в кинематограф скучно. Она сначала заколебалась, но потом сказала: «Нет, нет, не сегодня! Посадите меня в subway[25] и я поеду домой». Я рассердился и, посадив её в subway, простился. Через час она мне звонила, называла букой и мир был заключён.

21 ноября

Письмо от мамы через русское посольство в Риме от той же даты, как и открытка, полученная месяц назад. Бедная, сколько ей пришлось терпеть! Я рад, что чек мой поехал и, кажется, верными путями. Меня очень тревожит вся эта история с мамой, а поехать туда невозможно, в Америке я только начинаю налаживаться. Да сейчас и денег просто-напросто нет на дорогу.

Пальцу лучше, и завтра смогу играть, хотя и хуже процентов на двадцать пять. С Linette говорили по телефону. Когда я спросил, проведёт ли она со мной вечер накануне концерта, она ответила, что сегодня занята. Я сказал: вероятно, есть кто- нибудь, кто больше вас захочет провести со мной этот вечер. Она ответила: «Vous etes mechant»[26].

Вечером я играл в бридж у Самойленко. Он чудно зажарил свою ногу (т.е целую ножку барана).

22 ноября

Linette звонила и спрашивала, с кем я провёл вчерашний вечер. Я не сказал с кем. Она вызвалась днём навестить меня, но потом позвонила, что идёт на фортепианный концерт Гофмана, а потом звонила опять и просила не сердиться. Я днём скучал и был нервным. Пальцу было лучше, но он всё же болел и я почти не упражнялся, чтобы его не разбередить. В половину девятого вечера концерт Зал полон и встреча хорошая. Первым номером - «Карнавал» Шумана. Играл я его ничего, но хуже, чем до пальца, например, Сталю и Дерюжинскому. Палец, залепленный в толстые слои ваты и коллодиума, цеплялся за чёрные клавиши и развлекал. В конце концов «Карнавал» был сыгран неплохо, но не все пассажи были чисты и не все номера искренни. Во время «Марша Davidsbundler'ов» было

[25] Подземка, метро (англ).
[26] Вы злой (фр).

больно и чувствовал, что делал из него котлету. Но русский отдел был сыгран хорошо и меня вызывали шесть раз. Мою 3-ю Сонату я сыграл не очень хорошо, Токккату - бойко. Бисов-четыре. В reception-room[27] много народу и поздравлений. Затем Ингерманы и Сталь поехали ко мне, перевязали палец, который был в крови, а затем Сталь позвал меня к себе. К ним же приехали Самойленки. Было очень мило и весело, ужинали и пили вино. С тех пор, как зубы мне вычистили до глубины корней, невралгия прошла и не появляется даже после вина.

20 ноября

Сегодня, как и в другие воскресенья, солнце и хорошая погода. Но наехала масса гостей и была толкотня, а на бедную Linette за моей спиной обрушилась целая атака – её почти до слёз дразнили мною досужие языки. И даже Соскис, за хорошенькой женой которого я немного поухаживал, чтобы не кричали про меня и Linette, не нашёл ничего умнее, как дразнить Linette тем, что я ухаживаю за его же собственной женой.

Палец, который раздулся и нарывал, держу в спиртовом компрессе. Хоть бы к пятнице, к Вашингтону, зажил!

24 ноября

Рецензии о концерте были немногочисленны, коротки и небрежны, а убыток от концерта двести пятьдесят долларов (триста сбор, пятьсот пятьдесят расходы), чего я уже вовсе не ожидал. А я-то рассчитывал, что это выступление с такой программой и после октябрьского успеха сделает настоящий бум. Но подкатил концерт Гофмана, на который днём все побежали и к вечеру устали, и концерт исполнительницы русских якобы народных, а на самом деле кабацких песен Тарасовой, на которую побежал русский East Side. И потому некоторый процент моих посетителей отхлынул. Вечером Linette таки приехала ко мне. Она, вероятно, первый раз в жизни на холостой квартире, дрожала и волновалась до такой степени, что я должен был её успокаивать. Однако время прошло мило, нежно и быстро.

26 ноября

Днём неважная певичка Dora de Philippe пела в своём концерте мои романсы на Ахматову, переведённые ею на английский язык. Пела мило, но без голоса, и зал был пуст. Романсы имели успех и бисировались.

Эту неделю я свободный человек (чего давно не случалось). Играть на рояле нельзя из-за пальца, но ему теперь лучше. Обдумывал: если месяца через два я дам новый концерт, то что играть? Пока неясно. Но если мне удастся сделать небольшую вытяжку из «Трёх апельсинов», то это может быть интересно.

Говорят, Рахманинов тоже не в «боевом порядке»: среди своего семидесяти-тысячного турне почувствовал себя плохо и, прервав его, вернулся в Нью-Йорк.

27 ноября

Так как Чикагская опера определённо и пренеприятно опаздывает с постановкой оперы (из-за запоздалого приезда Маринуцци и многих французских певцов) и даже ходят слухи, что «некоторые» из предположенных опер будут отложены на будущий

[27] Зал для приёмов (англ).

сезон, то я отыскал контракт и советовался со Сталем. Сталь говорит, в контракте совершенно ясно, что Чикагская опера обязана поставить «Три апельсина» в этот сезон и неисполнение этого расторгает контракт, т.е. лишает их права постановки в будущем сезоне, что при расходах в пятьдесят тысяч долларов на декорации (по рассчёту Анисфельда) едва ли им приятно. (Поэтому не лучше ли поднатужиться, и поставить в этом году?). Кроме того, я могу требовать с Чикагской оперы те убытки, которые мне нанесёт непостановка «Трёх апельсинов», т.е. меньшая популярность, меньшее количество концертов, непостановка в Лондоне (если там не поставят) и т.д. Это меня ободрило, и я теперь буду энергично нажимать, чтобы ставили, буде они действительно заколеблются.

28 ноября

Вчера в полночь сел в поезд и сегодня в семь часов утра, превосходна выспавшись, приехал в Вашингтон. Вашингтон мне чрезвычайно понравился, это один из лучших американских городов: просторный, спокойный, зелёный. Я два часа гулял по городу, потом зашёл к менеджеру, немного поиграл на рояле, позавтракал, зашёл в наше посольство поблагодарить Карповича за хлопоты о визе для мамы и затем отправился в Национальный театр давать recital, который начинался в полпятого. Театр довольно большой и без малого полный. Палец почти прошёл и хотя и был заклеен, но не мешал. «Карнавал» был сыгран лучше, чем в Нью-Йорке, и имел больше успеха. Второе отделение - русское и третье, моё, имели хоть меньше успеха, чем в Нью-Йорке, но всё же достаточный.

После русских номеров (последний - Prelude g-moll Рахманинова) пять вызовов. В конце бисов только один: Contredance Бетховена. Публика в партере – чопорная наверху - горячая. После концерта никаких reception, но в уборную примадонны где я сидел, окружённый пудрой, румянами и париками, пришли дивные дамы - одна сказала:

- Вы прекрасно сыграли «Токкату», но музыку я не люблю.

Я ответил:

- Полюбите, когда услышите в пятый раз.

Менеджер дёрнул меня за рукав и тихо сказал:

- Тише, это наш главный критик.

Вечером я был у местного бомонда, а в полночь отправился в Нью-Йорк.

29 ноября

Вернувшись в Нью-Йорк и не найдя ничего существенного, кроме обычных счетов за рекламу, я переоделся и отправился к Сталям, как это было заранее условлено. Вскоре туда приехала Linette и день прошёл мило и мирно, за исключением вечера, когда Linette и я отправились смотреть на звёзды и целовались совсем не мирно.

Жду ответа из Чикаго и не знаю, когда мне поехать на оперу.

30 ноября

День протёк в стиле того же мирного деревенского кайфа, как вчера. Janacopulos спела всю предстоящую программу, а мы её разобрали по косточкам. Очень жаль, что они скоро уезжают в Бразилию (за наследством) и наши воскресенья придут к концу.

Давно не попадались мне в руки русские книги, а тут досталась от Самойленко, и очень хорошая: «Огненный ангел» Брюсова, о котором я слышал ещё от Бориса

Верина года два назад. Со всего размаха попадаешь в гущу суеверий XVI века. Герой повести - трезвый человек, который мозгами того века пытается распутаться в них.

1 декабря

Вернулся в город и делал всякие дела, а вечером был на концерте Левина, у которого отличные пальцы и пустая голова. Тут же в ложе была Linette, с которой после пили шоколад. Завтра она обещала придти ко мне.

2 декабря

С большим интересом читаю «Огненного ангела». Вечером была Linette. Она хотя и в безумном страхе, что кто-нибудь увидит её, идущую ко мне, но теперь охотнее соглашается на посещение меня.

3 декабря

Самойленко известил меня, что Волков прислал телеграмму Башкирову, прося поскорее прислать меня в Чикаго, ибо Campanini при смерти и есть тенденция отложить оперу. Так как я с Башкировым не разговариваю с тех пор, как он, в ответ на мои просьбы о маме, вёл себя дураком, то я позвонил его секретарше. Однако Башкиров пожелал лично прочесть мне в телефон телеграмму, за что я холодно его поблагодарил, которая действительно требовала моего немедленного выезда в Чикаго. Тогда я позвонил в Чикаго Волкову (семь с половиной долларов) и вполне отчётливо слышал его голос на расстоянии тысячи миль. Волков сказал, что Кампанини лучше, но что мою оперу действительно хотят отложить до будущего сезона, так как певцы запоздали из Франции и весь план сезона перепутался. Я сказал, что сделаю Волкову подробное объяснение письмом, а через три дня просил его телеграфировать, надо ли мне ехать. А ехать мне определённо не хотелось, ибо раз певцы ещё не начали учить, то значит до постановки далеко, а раз Кампанини болен, то всё равно ничего не добьёшься. А между тем - тут Linette!

Вечером был у Фокина, который недавно приехал в Америку и очень мил, а вернувшись от него писал длинное письмо Волкову, объясняя главную истину: что, не ставя оперу в этом сезоне, они теряют право на следующий.

4 декабря

Видел Haensel`я, приехавшего из Чикаго. Он настроен отлично, говорит, что все в Чикаго очень заинтересованы моей оперой и только жаль, что выходит заминка. По его словам, Больм советует мне не приезжать: только изнервничаюсь: наговорю зря всем дерзостей. Совет, обратный вчерашнему. Haensel очень удивился, что мой нью-йоркский recital дал двести пятьдесят долларов убытка, и сказал, чтобы я не торопился с возмещением ему расходов, а наоборот, устраивал бы новый, на который он мне открывает кредит.

Вечером была Linette.

6 декабря

Утром пошёл на репетицию «Прибауток» Стравинского, которые Janacopulos репетировала с оркестром в восемь человек для первого исполнения в Нью-Йорке.

Я помню, как их играл Стравинский ещё в Милане в 1915 году, по рукописи, и они мне тогда очень понравились. Теперь я с большим интересом слушал их на репетиции и по мере возможности помогал оркестру разобраться в них. Многое звучит прелестно.

Вернувшись домой, нашёл две телеграммы, одну от Больма, гласящую, что Johns объявил об отмене моей оперы, и кончающуюся нервным восклицанием: «I am disgusted»[28]; другую, более спокойную, от Волкова, что он употребит всё своём влияние, чтобы поговорить с финансовыми директорами. Так как я дал ему веский, как мне кажется, материал, то я верю в этот разговор.

Вечером настроение у меня было так себе и Linette повела меня развлекать в| кинематограф.

7 декабря

Janacopulos уехала петь в Бостон, Сталь сидел один с кашлем на своём Stater Island. Я провёл с ним очень приятный день в неспешных разговорах, кайфе и прогулках по острову. Переделал для фортепиано скерцо из «Трёх апельсинов», как одну из частей сюиты, которую я хочу сделать из этой оперы для фортепиано, а позднее, может быть, также для оркестра.

8 декабря

Вернулся в город, где нашёл толстую пачку писем, одно хуже другого. Johns и Кан объявляют, что опера будет отменена на будущий сезон. Поговорив с Haensel'EM, который больше меня опечален событием (у меня настроение злое и боевое), я запросил Johns'a, хорошо ли он прочёл контракт, откладывая оперу на будущий сезон. Haensel говорит, что нажимать на них следует изо всех сил, и даже с адвокатом, но лучше не доводить до суда, ибо указать точный размер убытков трудно.

Вечером хотел видеть Linette, но она была занята. Самойленки тоже.

Так как настроение было нервным и ничего делать не мог, то пошёл в кинематограф.

9 декабря

Писал маме длинное письмо через Константинополь. Получил, наконец, обратно от переписчика мою партитуру «Трёх апельсинов». Перелистывал её с любовью, но увы, неужели она отвержена до будущего сезона? Так суждено всем моим сценическим произведениям срываться перед поднятием занавеса («Маддалена», «Игрок», «Шут», «Апельсины»), как суждено срываться всем моим весенним романам.

Вечером была Linette. Кажется, давно меня никто так не любил, как эта милая девочка.

10 декабря

Днём концерт Vera Janacopulos, которая пела «Прибаутки» Стравинского. Меня это исполнение очень интересовало и даже волновало: как они прозвучат и как будет аплодировать публика. Но первая прозвучала так странно, что даже наша ложа, где сидели Сталь, Фокин и я, которые заранее решили хлопать и орать

[28] Мне противно (англ).

- переглянулись и не захлопали. Но публика оценила раньше нас: поднялись аплодисменты пополам со смехом. Сразу определился успех. Требуя биса, я отхлопал все руки и открикал всё горло так, что на меня даже оборачивались.

В артистической, после концерта, все расспрашивают, как опера и скоро ли я еду в Чикаго, а я не знаю, что отвечать. После концерта пил шоколад с Linette, а вернувшись домой, написал Стравинскому. Вспомнил Нину Мещерскую, ей сегодня минуло двадцать три года. Где она? В Петрограде ли, жива ли? Мне всегда казалось, что нам ещё придётся встретиться, но она мне совсем далека.

11 декабря

От Волкова письмо. Он ходил беседовать к Harold'y Mac Cormick'y (не моему, а брату его, главному финансёру Чикагской оперы) и, по-видимому, совсем не использовал тех данных, которые я ему дал. Волков пишет, что они «решили дать оперу в будущем сезоне». Какого чёрта они «решили», когда они, не имея больше прав, могут только предлагать, а решать буду я. То, что Mac Cormick сказал, что в
финансовом вопросе они будут very generous[29], конечно, хороший симптом, но когда я с них потребую пятнадцать тысяч, едва ли они вспомнят о своих щедрых намерениях.

Вечером была у меня Linette, мило и просто.

12 декабря

Говорил по телефону' с Linette. У неё болит голова, но настроение хорошее. Сегодня нам увидеться не удастся - ей придётся сидеть дома, уже и так мать беспокоится, где она всё пропадает.

Крушение «Трёх апельсинов» привело к мысли написать новую оперу на «Огненного ангела». Перечитывал и обдумывал. Опера может выйти увлекательной сильной. Надо ввести весь драматизм и ужас, но не показать ни одного чёрта и ни одного видения, иначе всё сразу рухнет и останется одна бутафория. Также трудность в том, что вся опера зиждется на двух лицах и если оба не будут сходить со сцены в течение целого вечера, то никто не захочет петь эти партии. Надо подумать о сценарии.

13 декабря

Обдумывал сценарий «Огненного ангела», хотя ещё далеко от решения, что примусь за эту оперу. Linette сегодня опять придти ко мне не может, но мы завтра вместе едем к Сталям.

Днём занимался сюитой из «Трёх апельсинов». Делаю «заговор».

Говорил по телефону с Blanche, с которой видимся редко, но приятно. Она говорит, что от Стеллы не имеет писем целый месяц, а приняв во внимание, что теперь письмо из Лондона идёт месяц, то и два. К тому, что Стелла не пишет мне ни слова, я привык и решил, что это, вероятно, какая-нибудь политика.

14 декабря

Хотя лил дождь, но встретились в десять часов утра с Linette на пристани и отправились к Сталям. И, как полагается, погода скоро разгулялась, глянуло солнце,

[29] весьма щедры (англ).

и мы провели отличный день в деревне. Сталь сказал: «Смотрите, вы с вашим «Огненным ангелом» в католических странах ещё натолкнётесь на скандалы с церковью». Я возражал, что в «Огненном ангеле» нет ничего богомерзского, ни в идее, ни в деяниях, которые будут на сцене. Дал ему читать, чтобы он, подробно ознакомившись, высказал своё мнение.

Вечером проигрывали с Janacopulos романсы Римского-Корсакова, штук тридцать - один хуже другого. Прямо непонятно, как автор «Шехеразады» «Китежа» мог писать такое!

Деникин очистил Харьков и Полтаву. Я как-то за последнее время не следил ним и сегодня, узнав об этом, испугался за маму: ведь так через месяц-другой большевистская волна захлестнёт и Кавказ. Успеет мама выехать оттуда или нет?

Чек отправился через Лондон недели три назад. Будет у неё, пожалуй, через месяц. Все эти соображения не давали мне спать.

15 декабря

Вернувшись в город, нашёл письмо от Johns, в одном смысле неприятное, другом - приличное. Неприятное - ибо ясно, что в этом году опера поставлена не будет. Приятное - что в нём ни слова не говорится об их праве на постановку будущем сезоне, а напротив, всё письмо - попытка оправдаться в нынешнем. Это признак, что они согласятся уплатить мне компенсацию, чтобы получить право постановки на будущий сезон.

16 декабря

Настроение среднее. Я не могу сказать, что я особенно убит отменой «Трех апельсинов», а между тем надо сознаться, что весь мой сезон рухнул и полетел чёрту. Сейчас я как-то без руля и жду дальнейших переговоров с Чикаго, чтоб хотя бы денежно себя обеспечить на будущий год. А если и это не удастся, - результатом моих полуторагодовых стараний в Америке окажется ничего, кроме долгов.

Очень уравнивает моё состояние факт присутствия милой Linette. Linette - то, что я давно искал и то, что мне не удавалось. И я стараюсь рассуждать так: нет оперы, но есть Linette - радуйся ей. А если будешь печалить об опере, то опера от этого не приблизится, зато радость иметь Linette затуманится.

Сегодня Linette провела у меня два часа и была нежна.

17 декабря

По совету Сталя и Haensel`я пошёл советоваться к адвокату, Mr.Purrington'у. Purrington мямлил и слюнявил без конца и сказал совсем не то, что мне хотелось По его мнению, если я доведу дело до суда, то совсем не ясно, что я выиграю дело. Но с другой стороны, если дело дойдёт до суда, то и Чикагская опера должна учитывать, что они могут проиграть. А так как суд длится два года, то обоим выгодно кончать дело мирным соглашением, т.е. продлением контракта за денежную компенсацию. Он советовал мне энергично настаивать на том, что контракт нарушен и право потеряно ими, но разговаривать мягко и ссоры или суд во что бы то ни стало избежать.

Днём наклеивал рецензии, немного подсочинял темы, имея в виду «Огненного ангела».

Вечером был в кинематографе, который при моём пёстром настроении - самое лучшее развлечение.

18 декабря

Опять адвокат. Он написал для меня длинное письмо Johns'у, каковое я раскритикова и от начала до конца переправил. За это адвокат стал меня уважать, и, пока письмо переписывалось заново, угощал меня завтраком в адвокатском клубе. В письме - изложение причин, почему я требую компенсацию. Выяснение же всех обстоятельств и главный разговор будет двадцать девятого декабря в личном разговоре, когда я приеду в Чикаго на recital.

19 декабря

Мой палец ещё не проходит и начинает болеть, если играешь много. Поэтому стараюсь много не играть. Мало-помалу сочиняю темы в связи с образами и «Огненного ангела».

Обедали с Linette.

20 декабря

От мамы письмо, восемь страниц, от двадцать седьмого сентября. Письмо, полное любви и отчаяния. Мама почти ослепла. Я ужасно расстроен. Вся надежда, что она скоро получит мой чек в сто фунтов и выедет в Америку. Посылаю ей телеграмму через российское посольство в Константинополе. Может быть, дойдёт.

Днём ездили к Сталям. Сегодня рождение Vera. Но настроение было нервное и подавленное.

21 декабря

День протёк в деревне мирно и тихо. Вера - Сталь, Linette - я.

Кампанини умер. Это большая потеря для Чикагской оперы и для меня, ибо неизвестно, какой ветер у них подует после его смерти. Но меня больше волнует вопрос с мамой. Вечером со Сталем обсуждали «Огненного ангела». Он подал несколько хороших мыслей и мы совсем удачно распланировали оперу на семь недлинных актов. Идея этой оперы становится чем-то более определённым и осязательным.

22 декабря

Послал маме телеграмму через консула. Послезавтра уезжает Ильяшенко прямо в Ростов, где сейчас мама. Надо послать ей с ним денег. Хотя он проедет недель пять, но вдруг стофунтовый чек запоздает, а большевики будут приближаться к Ростову, тогда хоть бы она выехала в Константинополь.

23 декабря

Сгрёб мои последние деньги (а их совсем немного) и купил чек в сорок фунтов на Константинополь (на Россию не дают). Вечером у меня был Ильяшенко, который очень любит мою музыку. Играл ему до упаду, чтобы он внимательнее отнесся к письму и чеку. Купил билет в Чикаго и взял сто долларов на расходы. После уплаты за квартиру в банке останется восемьдесят долларов. Не много. Если концерт в Чикаго не будет доходен, придётся просить у Кучерявого.

24 декабря

Играл на рояле, повторял к Чикаго. Завтракал с Blanche, которая очень сердится на Стеллу, не получая писем более месяца. По одним сведениям, дела труппы идут неважно и в январе они вернутся в Америку. По другим - хорошо, и Стелла «весела как бабочка». Что же, возможно. И хотя я всегда вспоминаю о ней с радостью, но не лучше ли пристальней вглянуться в нежность Linette? И когда вечером Linette и я на пароходе поехали к Сталям встречать Сочельник и Рождество, моё сердце как-то нежнее лежало к Linette, зная, что Стелла там «веселится как бабочка». Linette очень идёт новая беличья шуба.

Где-то Демчинский? Я с ним провёл три Сочельника.

25 декабря

Рождество. Но первые новости нехорошие: Деникин продолжает отступать перед большевиками. Доскочат ли деньги до мамы прежде, чем они придут в Ростов? И успеет ли мама покинуть Россию? Считал по пальцам, и, по-моему, через две недели от сегодня деньги будут у неё. Тогда успеет, так как если большевики возьмут Ростов, то не раньше февраля. Всё утро очень нервничал. Успокоило несколько прогулок с Linette по острову по яркому солнцу и белому снегу. Стали нас выпроводили рано, так как им надо укладываться - едут в Бразилию. Затем с Linette влезли на Wolworth Building, где адски холодно, но откуда красивый вид весь Нью-Йорк, а потом Linette была у меня.

Вечером заходил к Ингерманам, где один человек, только что конспиративно побывавший в Петрограде, рассказывал о том, что видел. Петроград тих, пустынен, все вывески содраны. Автомобилей нет, лошадей мало. Китайцы торгуют мясом, говорят - человеческим. Интеллигенции не видно: или разъехались, или вымерли Оставшиеся не надеются ни на что и не думают ни о чём, кроме еды. Дома охраняются довольно строго домовыми комитетами. Дежурства и ночью, и днём. Мне не жалко моей квартиры, но жалко одну толстую тетрадку дневника, оставшуюся в письменном столе. А где мои друзья? Я спросил рассказчика про Б.Верина, так как знал, что В.Башкиров поручил ему узнать про свою семью, но он не узнал ничего.

26 декабря

Утром собрал мои вещи и расстался с квартирой на 340W57, держа путь в Чикаго. Завтракал в Pennsylvania Hotel с Linette, которая удрала по этому поводу со своей службы. В своей новой серой шубке она выглядит очень мило и так нежна, как никто. В 2.55, провожаемый ею, я уехал с Broadway Limited в Чикаго. По дороге глядел в окно на серые и белые зимние ландшафты и обдумывал предстоящий разговор с Johnson`ом. Надо не раздражаться, не упрямиться, не горячиться и не плеваться, а холодно вести игру, учитывая их психологию и не давая учитывать свою.

Настроение ничего, больше всего успокаивает существование Linette, больше всего огорчает - мама.

27 декабря

В Чикаго на вокзале встретил меня со своим автомобилем Н.Т.Кучерявый, которому я и поехал на поселение на всё время пребывания в Чикаго, которое продлится или несколько дней или даже две недели, в зависимости от хода

переговоров с Чикагской оперой. День прошёл мирно. Кучерявый закармливал и запаивал. Вечером ездили в Kimball Hall упражняться на завтрашнем рояле.

28 декабря

Концерт в половину четвёртого. Маленький Kimball Hall не полон, но зато не было ни одного дарового пропуска. Хотя палец был завязан, но не мешал. «Карнавал» сыгран совсем хорошо. Русские вещи и моя 3-я Соната тоже. Успех большой, как в Нью-Йорке. Бисов - четыре. В артистической больше свои: Кучерявые, Волковы, Больмы, какая-то дама, спрашивавшая, не общие ли родственники Прокофьевы, на что я отвечал, что у меня родственников Прокофьевых нет. Обедали у Волковых. Там же был Кан, который говорил, что, конечно, лучше, что моя опера не идёт. С тех пор, как для себя установивши, что он подлец, он даже довольно мил и занятен. Волков шепнул, что постарается устроить мне свидание с H. Mac Cormick, который большой джентльмен и на деньги которого существует Чикагская опера.

29 декабря

Сегодня разговаривал с Johnson'ом, который встретил меня любезностями и сожалениями, что оперу пришлось отложить до будущего сезона. Тут же присутствовал Больм, но он больше говорил о самом себе. Когда он ушёл, Johnson поставил вопрос прямо: он получил моё письмо, где я говорил о компенсациях и просит указать это в цифрах. На это я ответил так: у меня есть предложение н постановку оперы от Covent Garden, от Metropolitan, есть обещание от Бакста (которое я раздул почти до постановки), наконец, если бы моя опера сейчас уже прошла с тем успехом, с каким они ожидают, то, вероятно, мы сейчас бы говорили уже о новой опере, а не о той же, а между тем теперь, когда «Три апельсина» не представлены, то и предложения молчат, так как они не знают, что это за опера. С другой стороны, я теряю все концерты и на конец сезона, и все приглашения на будущий сезон, которые могли бы возникнуть после блестящего исполнения этой оперы. Если мы оценим четыре оперных контракта только в десять тысяч и годовой концертный сезон тоже в десять тысяч (Johnson не сморгнул), то эта оценка будет только скромной. Я, конечно, не собираюсь требовать все эти деньги, но считаю, что на половину, т.е. на десять тысяч я имею право. И, при получении с них компенсации в десять тысяч, я готов подписать новый двухлетний контракт за пять тысяч.

Тут Johnson завертелся на кресле, лицо его омрачилось, покраснело и он нервно сказал: «Нет, это слишком много. При таких условиях нам, вероятно, не удастся поставить вашу оперу». Однако он сейчас же овладел собою, вероятно вспомнив, что пятьдесят тысяч на оперу уже истрачены. Между тем я сказал, что эти цифры не должны его удивлять, так как пять тысяч за контракт - это уже цифра им знакомая: пять тысяч за потерянные годовые концертные приглашения – цифра скромная, уменьшая её, они будут просто унижать и значение своих постановок, и моё значение как пианиста, а пять тысяч за четыре, наконец три, наконец два потерянных оперных контракта всё-таки лишь половина или четверть того, что они сами мне платят за контракт. Наконец я подхожу к этим пятнадцати тысячам и с другой стороны: после годовой работы на Чикагскую оперу я теперь очутился без ничего, так как опера отложена на год. Исправить моё моральное состояние они не в силах, но обеспечить мне год, чтобы я мог продолжить мои композиторские работы - это их обязанность. После того, как я из этих пятнадцати тысяч заплачу три тысячи долгу (по рекламе и болезням), то мне останется тысяча долларов в

месяц, из которых двести я должен тратить на рекламу, чтобы Америка мен окончательно не забыла, и двести посылать матери. Шестьсот долларов в месяц - это та скромная сумма, о которой я говорю.

Johnson ответил, что сам он решить не может, но поговорив с Pam'ом и другими, сообщит мне. Я, прощаясь, просил подчеркнуть директорам, что я не пытаюсь тянуть с них деньги, но лишь забочусь обеспечить себе год спокойной работы. I

Результат разговора я себе не резюмировал никак, но отметил важность того, что Johnson ни разу не пытался опровергнуть нарушения ими контракта.

Рецензии про концерт недлинные, но все хорошие.

Вечером был на балете Карпентера, американского композитора, только что поставленном Больмом, и злился, что вещи с музыкой, подобной «вчерашнему холодному», идут, а моя опера, настоящая, лежит под сукном, автор же должен направлять всю свою силу и находчивость, чтобы выжать себе кусок хлеба (хоть бы помазанный маслом).

30 декабря

В три часа с Волковым были у Harold'a Mac Cormick, который принял нас своём офисе. Harold один из богатейших людей Америки. Ему лет пятьдесят, он энергичен, здоров, почти что красив, хорошо одет и очень любезен. Выразил большое удовольствие познакомиться со мной и сказал, что очень интересуете моей оперой. После нескольких минут общего разговора он спросил, имею ли предложить ему какие-либо специальные вопросы. Так как мы с Волковым заранее решили держаться такой политики, чтобы только понравиться ему, заинтересовать его и намекнуть ему о моих желаниях, отнюдь не говоря о конкретных вещах, то сказал, что Johnson известил меня об отмене моей оперы до будущего года, а потому я просил Johnson'a обеспечить мне существование в течение этого года, дабы иметь возможность продолжить мои работы. Так как Johnson не мог решить самостоятельно и будет докладывать ему, Mac Cormick'y, то я сейчас прошу его не протестовать Johnson'y. Mac Cormick ответил, что всё будет сделано «what is fair and square and just»[30], что, конечно, опера только отложена, а не отменена, и поэтому я не должен требовать за целый сезон, как если бы она была исполнена. Т.е. переводя на деньги, я должен требовать меньше двух с половиной тысяч, которые мне причитаются за сезон. Mac Cormick не знал, что у меня в кармане есть камень в виде запрета на будущий сезон, и потому со всем размахом архимиллионер предложил мне ровно шестую часть того, что я хочу. После этого я расписал ему декорации Анисфельда, говоря, что таких декораций Америка ещё не видела, и в прощание сказал, что надеюсь, что он будет много смеяться во время исполнения моей оперы. Он спросил: «О, ваша опера комическая?» Я ответил: «И даже очень».

Одна интересная подробность мелькнула в разговоре с ним: оказывается, по моём прибытии Cyrus Mac Cormick сказал Campanini о существовании моего «Игрока», и Campanini безо всякого разговора просто пригласил меня писать контракт. Так что Harold'y, который председатель директоров, пришлось просто констатировать факт контракта со мною.

Вечером был на трёх новых операх Пуччини[31]. Музыка пустенькая, иногда милая, иногда плохая, но в пользовании сценой виден мастер, хотя и не безукоризненный. Всё же кое-что доставило удовольствие, а не одно раздражена как вчерашний балет.

[30] Чтобы честно, справедливо и правильно (англ).

[31] Три оперы, объединённые общим названием «Триптих»: Gianni Schicchi; Suor Angelica; Tabarro. Их премьера состоялась в Риме, в январе 1919 г.

31 декабря

Ответ от Johnson' а поступит, очевидно, дня через три. Сегодняшний день провёл тихо. Сочинял темки для «Огненного ангела» и играл пьесы Скрябина, найденные у Волковых.

Новый год не был встречен никак: с Кучерявым в одиннадцать вечера пошли в какой-то негодный show, где в двенадцать часов американцы подняли оглушительный свист, который мне даже понравился. Затем мы вернулись домой и, чокнувшись рюмкой портвейна, легли спать.

1920

1 января

Первый день нового года принёс из России такие же плохие известия, как и первый день Рождества: Ростов эвакуируется ввиду продолжающегося наступления большевиков. Что с мамой? В Ростове ли она? Или уже в Новороссийске? Что она ещё не получила стофунтового чека - вне сомнения, он, вероятно, сейчас на " ти из Лондона в Россию. Но виза у неё есть, двадцать девять тысяч рублей тоже. Неужели она не решится доехать до Константинополя и оттуда связаться со мною? Я очень волновался целый день и послал телеграмму в Российское посольство в Константинополе, прося сообщить ей, что чек в Константинополь уже выслан.

Вечером был на «Пелеасе» и снова таял. Преудивительная вещь! Музыка неуловима, а между тем, вы пойманы, как в сети.

2 января

Большевики берут город за городом и лезут прямо на юг. Падение Ростова - вопрос двух дней, но мне почему-то кажется, что мама уже в Новороссийске, Настроение отвратительное. Начал перечитывать «Огненного ангела», обдумывая первый акт, и понемногу увлёкся, проработал до усталости и без малого кончил либретто всего первого акта. Надо пройти ещё начисто и заполнить некоторые пустые места.

В промежутках поигрываю Скрябина, несколько тетрадок которого дала мне мне Волкова. «Прелюд» fis-moll Op.74 отвечает моему настроению.

5 января

Так как сегодня уже шестой день, что нет ответа от Johnson'a, то я позвонил к нему. Он сказал, что пока ещё они не пришли к решению, но он постарается выяснить всё к понедельнику, когда и просит меня пожаловать для вторичных разговоров. Кучерявый предупреждает меня, что они избрали систему тягучки, чтобы вымотать из меня душу, и что эта тягучка может тянуться не дни, а месяцы.

Вечером играл в бридж с Волковым и Баклановым с удовольствием.

4 января

Опять тихий и спокойный день. Обдумывал и набрасывал либретто второго акта. Сочиняю темы. Учу Скрябина.

Большевики, приближаясь к портам Чёрного моря, уже предлагают Италии торговые сношения. В Италии уже появился какой-то представитель Советского правительства.

Если я слажу с Чикагской оперой и выясню, что маме не удалось уйти от большевиков, то не поехать ли мне в Италию и не попытаться ли оттуда снестись с мамой и, главное, снабдить её деньгами.

5 января

Сегодня целый день трезвонил Johnson'y и не мог его добиться. Кучерявый подтверждает свою теорию тягучки. Вечером поехал на премьеру Равеля «L'heure Espagnole» и в конторе поймал Johnson'a. Он просил меня пожаловать завтра в два.

L'heure Espagnole» - типичный Равель: расплывчато, скользко, элегантно, чудесно звучит, часто очень остроумно. Сюжет легкомысленный и пустой, и

столкнувшись с таким сюжетом, Равель иногда делает промахи: местами он слишком медлителен для шутки; местами, копируя банальность, он пишет, если так можно выразиться - изящную банальность, а этого не надо.

Но в общем музыка по-равелевски мила и, конечно, при втором слушании я оценю многое, что в первый раз скользнуло мимо незамеченным.

6 января

Разговор с Johnson'ом произошёл в три часа в присутствии Волкова, который был у него перед тем и которого Johnson попросил остаться.

Стиль беседы мягкий и благожелательный. Johnson опять жаловался, что я требую выше того, что они могут заплатить, а я вновь промотивировал все мои требования, указывая на их скромность. Тогда Johnson произвёл ряд атак на отдельные мои пункты. Он сказал, что не понимает, почему я требую за новый контракт пять тысяч: ведь четыре тысячи я получил за заказ оперы, а второй год оплачивался одной тысячью, поэтому и новый контракт на два года должен оплачиваться одною тысячью в каждый год. Я ответил, что Campanini при заказе сказал, что за десять спектаклей я получаю пять тысяч, т.е. по две с половиной тысячи в год, но так как я не мог прожить целый год работы на две с половиной тысячи, то мне и дали в первый год четыре с тем, чтобы во второй дать одну.

Тогда Johnson атаковал другие пять тысяч, те, которые я требовал за потерянные оперные контракты в Европе. Он сказал: хорошо, вы просите пять тысяч, а между тем эти предложения могут и осуществиться. Я ответил: да, но нет сомнения, что денежное вознаграждение будет втрое меньше, чем если бы я заключал эти контракты после успеха «Трёх апельсинов».

Тогда он атаковал третьи пять тысяч, за потерянный концертный год: как я могу доказать эту цифру? Я ответил, что она недоказуема и что те шесть концертов, которые были предложены и затем отказаны моему менеджеру за неимением у меня классической программы, ничего не говорит, но если мы возьмём для примера Новаэс, то я знаю, что она зарабатывает восемнадцать тысяч в год. Пускай она более популярна, чем я, но всё же пять тысяч по сравнению с этим совсем мало, т.е. меньше одной тысячи в месяц.

Отражённый по всем трём пунктам, Johnson долго думал, прикрыв глаза рукой, но контрпредложения не сделал, а сказал, что так как всякое решение всё равно должно поступить на утверждение Макса Пама, который приезжает в пятницу, то лучше отложить наше обсуждение до пятницы и решить с ним втроём. Я спросил: но тогда мы уже, наверное, можем прийти к тому или другому окончательному решению? Он ответил: о, безусловно.

На этом мы расстались, я - с довольно хорошими надеждами на благоприятный исход.

7 января

Сегодня и завтра опять дни ожидательные, медлительные и спокойные, если бы не мысли о маме.

От Linette наконец письмо, простое и мягкое. Мне бы очень хотелось её увидеть, но надо не торопясь закончить дело с Чикагской оперой: это исходный пункт для всего двадцатого года.

8 января

Сочинял темы, играл на рояле, писал дневник, сидел дома.

9 января

Johnson известил, что Пам запоздал и приедет не сегодня, а завтра. Опять - тягучка. Я рассчитывал, что если бы сегодня мы переговорили, то завтра смогли бы подписать контракт, послезавтра, в воскресенье, я смог бы выехать, а в понедельник быть в объятиях Linette. Но теперь дело, ясно, затянется до будущей недели.

Вечером Готлиб. очень любезный молодой человек, который всё время вокруг меня вертится, повёз меня в Cosmopolitan Club при Чикагском университете. Клуб устраивал мне reception. Помещение крошечное: три скромные комнаты, члены - студенты, студентки, профессора, профессорши, всех человек сто. Меня поставили у стенки, справа - председатель, очень милый мексиканец, слева - председательница, молоденькая блондинка. - и все присутствующие продефилировали перед ним, представляемые мне председателем, пожимая мне руку и говоря приветствия. Это была самая фантастическая дефилада. которую я когда-либо видел: тут были люди всех возрастов, размеров, национальностей и цветов - жёлтые, коричневые, розовые, светло-белые, китайцы, филиппинцы, панамцы, испанцы, евреи, армяне, финны и прочие. Одни подавали руку как доску, другие с треском жали мои пальцы, японцы кланялись несколько раз и услужливо хихикали. Я от души наслаждался и с удовольствием приветствовал все сорок языков. Затем меня заставили играть, оглушили аплодисментами, кто-то спел, профессор сказал небольшую речь в мою честь и честь русского искусства. Затем все разговаривали, я хотел немного пофлиртовать с хорошенькой армяночкой, но меня так рвали со всех сторон, что я скоро и потерял её. Затем Готлиб увез меня домой.

10 января

Весь день провёл у телефона в ожидании звонка о свидании с Памом. Звонил сам несколько раз, но Johnson как в воду канул. Вечером рассвирепел и поехал в театр искать Johnson'а. По дороге уговорил себя не сердиться и напомнил слова адвоката: что бы ни случилось - не сердитесь, пусть сердятся другие. Johnson'а нашёл и разговаривал с ним любезно. Там же вскоре появился и Пам, который действительно приехал только к вечеру. Пам (маленький человек с бородкой и брюшком) посмотрел на меня сердитыми глазами, вероятно, за пятнадцать тысяч. Назначили разговор на послезавтра в двенадцать.

11 января

Сегодня опять тихий и медлительный день. Работал над либретто второго акта. Вечером профессор Новаковский говорил, что сведения о нашествии большевиков si Кавказ сильно преувеличены. Хотя я ему не особенно верю, но приятно чуть-чуть убаюкать себя насчёт ужасов, которые могут ожидать маму. А вдруг большевики и не покроют Кавказ?

12 января

В двенадцать часов должно было наконец состояться решительное побоище на -предмет «Трёх апельсинов». Так как я прибыл туда на полчаса раньше, то пошёл гулять по Michigan Avenue, где в витрине я высмотрел чудесный чемодан особенной кожи, покупкой которого я решил отпраздновать заключение нового контракта и получение моей «годовой пенсии» в случае, если всё удастся.

Когда ровно в двенадцать я пришёл в офис, то мне пришлось ещё ждать, так

как Пам предварительно совещался с Johnson'ом. В полпервого я был приглашён в кабинет и разговор втроём длился два с половиной часа.

Начался он длинной речью Пама. Тут было обо всём: и о просветительском значении Чикагской оперы, и об убытках, которые они несут, и возможностях, которые мне открываются, и о старании как можно лучше дать мою оперу, и о риске, который они несли, принимая неизвестную вещь, и о том, что в этом сезоне они могли бы исполнить, но исполнили бы скверно, а в будущем исполнят хорошо и потому я безусловно выигрываю от того, что они откладывают. Резюме: что хотя они имеют право на пять спектаклей в будущем году по двести долларов, но они готовы предложить мне восемь по двести пятьдесят. Я выслушал всё терпеливо и прилично, кивая головой и давая понять, что очень уважаю их намерения, но когда дело дошло до жалкого предложения с таким достоинством сообщённого, я не выдержал и засмеялся, хотя и одними уголками губ. Пам, который говорил уже минут двадцать и был уверен, что он меня убеждает, вдруг понял, что всё зря, и сразу осёкся. Тогда я возразил на отдельные пункты, главным образом указывая, как и почему они могли дать оперу в этом сезоне (на что Пам и Johnson, в свою очередь, возражали), а затем сказал, что об их предложении, конечно, не может быть и речи, что я понёс большие потери, которые я уже объяснял Johnson'у и которые я ему сейчас повторю, и что я прошу у них десять тысяч в качестве компенсации. Пам разгорячился, пошёл красными пятнами и вообще с этого момента вёл себя нервно и невежливо. Johnson, наоборот, был всё время скромен и незначителен. Я все два с половиной часа сохранял тон безукоризненно приличный.

- Если вы не хотите предлагаемых двух тысяч, так вы и не получите, - стучал Пам пальцем по столу.

- Не получите! Мы дадим оперу без вашего согласия за одну тысячу по контракту.

Я возразил, что с тех пор, как они не выполнили в контракте самого главного для меня пункта, контракт не действителен.

- Мы не выполним его по независящим от нас обстоятельствам и американский закон примет это во внимание, - ответил Пам.

Я сказал, что тем не менее закон, без сомнения, даст мне возможность остановить такое исполнение оперы.

- Она будет исполнена! - кипятился Пам, - и вы из ваших десяти тысяч не получите ни цента!

С тех пор разговор, который ещё тянулся полтора часа, вступил в совершенно бесплодную фазу, ибо оба говорили на совсем разных языках, что Johnson нам и заметил очень осторожно.

- У вас все доводы сводятся к одному, - горячился Пам, - хотите я вам покажу, к чему? - и он хватал кусок бумаги, писал на ней 10.000 и ломал карандаш.

- Никто не предвидел, что вы представите нам подобную партитуру! – восклицал он.

Я отвечал, что какова моя музыка они знали, ибо Кампанини был на «Скифской сюите», которая гораздо сложнее «Трёх апельсинов», а сложность действия такова какова она у Гоцци, на чей сюжет они мне сами и заказали оперу.

В конце концов разговаривать больше было не о чем. Я простился очень любезно с Johnson'ом, а Паму прибавил, что мне жаль, что со мною он был так резок.

Итак, со щитом или на щите? Под щитом. Весь вечер я был с пустой душой, так как не ожидал такой развязки. Но, в конце концов, это ерунда. Не вышло – не надо, а я всё-таки написал хорошую оперу.

Судьба мамы меня огорчает гораздо больше.

13 января

Настроение скорее боевое, чем подавленное. Всё-таки в ближайшие две-три недели концерты мне дадут тысячу двести долларов, на которые я смогу существовать три месяца, если не буду платить по старым долгам. Кучерявый утверждает, что весь вчерашний разговор - bluff, пускание пыли в глаза, и что скоро окольными путями поступят новые предложения от Чикагской оперы. Я - тоже не вижу, на какой рожон они лезут, ибо и адвокат, и Сталь говорили, что я вправе наложить запрет на будущий сезон.

В 12.40 дня я, провожаемый консулом и Николаем Титовичем, уехал с Broadway Limited в Нью-Йорк.

14 января

Утром вернулся в Нью-Йорк, который выглядит очень мило по сравнению с - Чикаго, хотя холод собачий. Завтракал с Linette, а после своей службы она пришла ко мне и провела весь вечер. Это был наш первый настоящий любовный вечер.

Днём был на концерте Крейслера, который в этом сезоне затмил успехами всех скрипачей. Играл хорошо, хорошую музыку вперемежку с пошлятиной. Вот вам и великие артисты! Срам.

Больм говорит, что Max Pam'y влиятельная группа подкладывает мину. Не очень верю, но слушать приятно.

15 января

Был в Duo Art. Они согласились, чтобы вместо 1921 года я наиграл им пять - новых рекордов[1] теперь. Это мне даёт тысячу двести пятьдесят долларов. Стало быть, теперь мне две с половиной тысячи обеспечены, а там что-нибудь набежит. Вечер провёл у Самойленко. Фатьма Ханум расстроена: её отец умер в Москве, недавно она имела о нём хорошие новости, а теперь оказывается, что он уже умер три месяца назад. Я ей рассказывал про маму и мы вместе сетовали на события. Борис Николаевич говорит, что много деникинских войск со своими генералами перешли на сторону большевиков и что вообще все лучшие русские генералы сражаются на стороне большевиков. Очевидно, что-то есть, чего мы здесь не знаем.

16 января

Завтракал с Linette, звал её к себе, но она ещё не пришла в себя. Вечером зашёл ко мне Скляревский. Он только что приехал в Нью-Йорк из длинного тура по Китаю, Филиппинам. Яве. Повидал массу интересного, имел успех и сделал деньги, - небольшие, но несколько тысяч долларов. Теперь будет пытать счастье здесь.

17 января

Кончил либретто второго акта. Был на «Синей птице», опере бездарного французского композитора Вольфа. Старался не слушать музыку, чтобы она не мешала впечатлению, и только смотрел на декорации Анисфельда, которые изумительны. богаты красками и иногда не без гротеска в рисунке.
Вечером с Самойленко обсуждали план «Огненного ангела». Сделали важное открытие: шестая картина (у графа Веллена в замке) лишняя. Я решил её выкинуть,

[1] Записей, от record (англ).

так что всех картин будет шесть, а не семь.

В Париже решили частично снять блокаду с России. События принимают какой- то новый оборот.

18 января

Днём играл в каком-то концерте в Manhattan театре, где мне платили двести пятьдесят долларов. Когда я уже сыграл, то узнал, что концерт устраивается местными большевиками. Я смеялся и говорил, что завтра меня арестуют и депортируют в Россию. Моя 1-я Соната и пьесы других авторов имели очень хороший успех.

Обедал у Linette, точнее - у её матери, ибо Linette хочет, чтобы я иногда у неё показывался. После этого увёз Linette в кинематограф - так было сказано матери - а на самом деле к себе. Linette была у меня очень нежна, но всё ещё очень недотрожиста.

19 января

Ходил к русскому консулу: за визой в Канаду, куда я еду концертировать, и узнать, нет ли каких новостей о деньгах, посылках маме. Он говорит, что новостей нет, но началось коммерческое сношение между союзниками и большевиками - значительное событие, и, если мама даже в зоне большевиков, то, вероятно, мне скоро удастся вступить в сношения с нею.

20 января

Начал сочинять «Огненного ангела». Написал страницу: Рупрехт - Хозяйка. Вчерне это начало было у меня в голове уже в Чикаго.

Haensel устроил мне какое-то выступление с Филармоническим оркестром. Так как мой Концерт там ни за что не хотели принять, то я выбрал Римского-Корсакова, который здесь совсем неизвестен. Концерт через три недели. Придётся позаниматься, чтобы выучить.

Вечером играл в бридж, поздно и серьёзно. Шестнадцать долларов выиграл.

21 января

Продолжал «Огненного ангела» и учил концерт Римского-Корсакова. Вечер провёл с Linette.

22 января

Письмо от Отто Кана в ответ на моё. Он был бы счастлив видеть мою оперу на Метрополитен-сцене. К сожалению, уезжает в Европу, но говорил с Гатти и тот желает знать либретто «Огненного ангела». Такое письмо как будто слишком сильное для простой любезности, которой славится Кан. Несомненно, если Гатти будет действовать самостоятельно, то, наверное, прихлопнут мою оперу, но если Кан перед отъездом прикажет поставить, тогда дело в шляпе. Пока я стараюсь не обольщать себя надеждами, но настроение приятное.

Маленький барон, приехавший недавно из Палестины, передал поклон от Стеллы, которую видел проездом через Лондон. И пахнуло чем-то очень милым. По надеждам Blanche она в январе должна возвратиться в Америку. Но я не звоню Blanche.

23 января

Разыгралась довольно сильная инфлюэнция: за вчерашний день тысяча случаев в Нью-Йорке. Я, конечно, испуган. Жить в городе с эпидемией всё равно, что ждать выстрела в спину. Но в этом году эпидемия не такая злостная, как в прошлом, и смертность небольшая.

Письмо от Коутса из Лондона. Коутс теперь колоссальная звезда в Англии, но в своём письме очарователен. Очень интересуется «Тремя апельсинами», не вполне уверен, что они могут пойти в Лондоне в июне, но в будущем сезоне - обязательно. Да, в апреле мне надо съездить в Лондон.

Обедал с Linette и затем она проводила меня на вокзал. Была очень нежна и жалела, что я покидаю её на пять дней. В 7.45 я сел в поезд и отправился в Montreal.

14 января

Рано утром Montreal, мороз, солнце и ослепительный снег, которого было так много, что он засыпался мне в туфлю, когда я переходил улицу. Я остановился у Fortiers, очень милых людей, с которыми познакомил меня Сталь. У них много нот Скрябина и Метнера, которые я с удовольствием разыгрывал. В магазинах тоже появились издания Беляева, печатаемые в Лейпциге, но цена концерта Римского- Корсакова - вместо одного рубля берут пять долларов, ибо за ввоз из Германии - 400% пошлины.

Инфлюэнция в Нью-Йорке растёт: уже тысяча четыреста случаев. В Монреале эпидемии нет и воздух так чист, что кажется, будто её и не может быть. Уж не застрять ли мне здесь, пока Нью-Йорк оздоровится? Ехать в заразный город без специальной надобности даже глупо. Но мне хочется видеть Linette. Кроме того, пока горячо, начать беседу с Гатти.

25 января

Fortiers нарядили меня в ботинки, тёплую шапку и вязаную горжетку и повезли давать концерт. По улице летят трамваи, спереди которых прибит большой плакат, к котором издали видно: «His Majesty - Prokofieff»[2]. «His Majesty» - это театр, где я буду играть.

Театр довольно большой, приятный, но публики мало, меньше половины. Рояль очень хороший и слушали хорошо. Палец на этот раз без повязки. Успех очень хороший, вызывали раза по три-четыре после каждой группы, но bis'ов в конце только один. Я ожидал, что Скрябин будет принят в Монреале лучше, чем где- либо, но он имел меньше успеха, чем Рахманинов, Мусоргский и я. После концерта приём у Fortiers: в их гостиной публика в художественном отношении очень передовая, многие приветствовали меня восторженно, была пара-другая интересных мужчин и ни одной интересной женщины.

26 января

Критики - на французском и английском языках - колеблются между очень хрошими и одобрительными. Утром учил Корсакова, а в пять часов, провожаемый Fortiers, отправился в Квебек, до которого пять часов езды. В вагоне Fortiers познакомил меня с несколькими французскими канадцами, которые угощали меня обедом и ругали американскую (USA) культуру, называя её механической и пустой.

[2] Буквально - «Его величество - Прокофьев» (англ).

Вообще я сразу попал в другую обстановку и атмосферу. В Квебеке сани с мохнатыми покрышками, бубенцами и резвыми лошадьми. Я уже три года, как не видел саней и теперь наслаждался. Город с кривыми гористыми улицами, старинными зданиями и французской речью. Квебек - самый старинный и самый французский из всех канадских городов. Отель очень хороший, снаружи ввиде замка, с чудным видом на реку. Мой здешний менеджер и его associe[3], очень весёлые и подвыпившие, повели меня пить виски. Затем я погулял по заснувшему городу и лёг спать.

27 января

Утром пробовал рояль, а днём, пользуясь солнечной погодой, ездил осматривать город, в санях, укутанный меховыми полостями. Вечером концерт в Columbus Hall'e, небольшом зале человек на семьсот. Неполно, но народу порядочно. Программа та же, что в Монреале, и успех похожий, хотя здесь, пожалуй, несколько теплее. Бисов - четыре, я бисировал среди программы, против моих убеждений, но исполняя желание здешнего менеджера.

Инфлюэнция в Нью-Йорке - уже три тысячи. Увеличивается медленно, но верно и даже не очень медленно. Совершенно ясно, что я останусь ещё на пару дней в Квебеке - посмотреть, что будет дальше с эпидемией. Тем более, Квебек мне очень нравится. Моим опозданием больше всех будет огорчена Linette, и я тоже очень хочу её видеть, но... ведь вопрос в нескольких днях.

28 января

Критики не только хорошие, но наивно-восторженны. Менеджер принёс пятьсот долларов вместо шестисот, говоря, что я должен сбавить, так как он потерял в Монреале. Разговаривать было всё равно бесполезно, ибо он сказал, что больше денег у него нет. Но пусть Haensel стребует с него оставшуюся сотню.

Днём один из моих вагонных знакомых затащил меня в здешний парламент и я присутствовал на заседании, которое протекало весьма мирно и даже сонно. Я был представлен председателю (M.Francoeur), которьш угощал меня висками, а я играл для нескольких человек парламента. Вечером адъютант вице-короля просил позволения привести в мою комнату нескольких дам и кавалеров послушать мою игру. Их набилось столько, что были заняты и стулья, и столы, и кровать. Среди присутствующих была одна худенькая и изящная lady, которая, как я узнал позже, была в некотором отношении замечательна: принц Уэльский, наследник английского престола, осенью во время своего пребывания здесь, несколько раз танцевал с нею и так увлёкся, что выписал её в Монреаль и другие города для танцев и флирта. Нечаянно я оказался шикарней принца: он выписывал её в другие города, а у меня она сидела на кровати, а я даже не обратил на неё внимания.

29 января

Учил концерт Римского-Корсакова. Обдумывал сцену причитаний Ренаты, когда Рупрехт заснул. Днём меня водили на какой-то чай, а вечером Major Peltier (адъютант вице-короля) пригласил меня на бал, тут же в отеле. Я не танцевал, так как не знаю американских танцев, но ко мне девицы бегали за автографами. «Принцесса Канадская» (как здесь называют вчерашнюю барышню), которую я не узнал, улыбнулась и закивала первая, но продала свою улыбку дорого, так как

[3] Компаньон (фр).

когда я хотел подойти к ней, чтобы загладить мой промах, взяла и куда-то исчезла.

Она элегантна, но не слишком красива . и у неё неприятный голос. Может быть, с принцем она сумела сделать его шармантным.

Инфлюэнция в Нью-Йорке - за пять тысяч, достигает максимума прошлого сезона, хотя смертность и значительно меньше. Вчера, когда мы были у председателя парламента, он, выйдя из соседней комнаты, где говорил по телефону, сказал: «Я узнал печальные новости - в Монреале пятьсот случаев инфлюэнции». Но сегодня в газетах ничего подобного не было. Оказалось, что председатель любезно пошутил, чтобы удержать меня подольше в Квебеке.

30 января

Так как в Квебеке я пожил достаточно, а Fortiers звонили из Монреаля и звали обратно, то в час дня я сел в удобный поезд и в шесть часов был в Монреале, встреченный очень любезными Fortiers.

31 января

Холод собачий, по Цельсию -28°. Учил концерт Римского-Корсакова и разыгрывал пьесы Скрябина. Вечером были гости, милые и культурные канадцы.

Завтра придётся отправиться в Нью-Йорк, ибо в понедельник выступление с 1 Duo Art, а вечером клуб «Богемцев» мне делает приём по случаю первого исполнения «Увертюры на еврейские темы». День будет оставлен для Linette, а вечером, после приёма, уеду из заражённого Нью-Йорка в Буффало на концерт. Кстати, и в Монреале кое-какие случаи «флу» объявились.

1 февраля

Днём концерт Cortot, короля французских пианистов, как здесь объявлено. Он играл Двенадцать прелюдий Дебюсси. Многие чрезвычайно милы и элегантны, но многие водянисты, ах как водянисты! В восемь часов вечера, провожаемый супругами Fortiers, которые очень меня полюбили, я отправился в Нью-Йорк, уверенный, что из чистого воздуха погружаюсь в раствор бактерий. Впрочем, я сделал следующее вычисление: в день умирает двести с небольшим человек, т.е. 1/30.000 населения. Следовательно я, пробывший один день (а я пробуду только один) имею один шанс на тридцать тысяч быть до смерти слопанным микробами, что, следовательно, мало вероятно.

2 февраля

В девять часов утра Нью-Йорк, такой же как всегда, благоустроенный и оживлённый. И очень тёплый по сравнению с Монреалем. Едва я успел привести себя в порядок, как пришлось отправиться в Aeolian Hall, где в полдень концерт Duo Art, демонстрирующий их инструмент и артиста, игравшего на нём. Я сыграл несколько пьес, а затем «Прелюд» Рахманинова на концертном рояле, имевшем механику Duo Art'a. Когда же публика (которая принимала меня очень горячо) устроила мне овацию, то я вместо bis'a пустил в ход механизм, где уже был вставлен тот же «Прелюд», наигранньй мной прошедшей весной, - и рояль повторил тот же Прелюд», причём я сидел у клавиатуры со сложенными руками. Ничего, очень недурно, хотя всё же, конечно, не то. Публика была очень довольна, что же до меня, то я получаю за это двести пятьдесят долларов. Не Бог весть сколько, но всё деньги.

В пять часов пришла ко мне Linette. Ужасно радостная встреча и нежная любовь. Однако в семь часов всё это надо было кончить, пообедать, расстаться, уложить чемодан, одеть фрак и с неким Фонарёвым отправиться в Bohemian Club, клуб музыкантов, который делал мне приём по случаю первого исполнения моей «Увертюры на еврейские темы». Собрание было закрытое, одни члены, человек восемьдесят. При моём выходе - овация.

Затем наше «Зимро» исполнило квинтет с кларнетом Брамса, серьёзный и скучный, вариации Гнесина, такие же, и мою «Увертюру». «Увертюра» звучала чрезвычайно приятно, чуть-чуть иногда крикливо (к сведению будущих исполнителей: кларнету не кричать и не стучать роялью), но после предыдущей мертвечины, хотя и доброкачественной, так живо и свежо, что аудитория воскресла и устроила мне громогласную овацию. «Увертюра» была повторена, затем я сыграл сверх программы 3-ю Сонату.

Тут же я познакомился с пианистом Моисеевичем, который много и успешно играл в Англии. Он говорил, что у меня в Англии большое имя и советовал поехать туда. Я и так собираюсь и мне приятно это слышать, так сказать, навстречу. В половине двенадцатого вечера я во фраке выехал в Буффало.

3 февраля

В одиннадцать часов дня Буффало, город Буйвола. Большой, грязный и скучный для глаза.

Тепло, серый снег тает. Отель хороший, но ни в одной газете нет объявления о сегодняшнем концерте. Так как я не знал названия зала, в котором играю, а в телефонной книжке не мог найти фамилию здешнего менеджера, то очутился в дурацком положении. Отложив на завтра поездку на Ниагару, до которой здесь час езды в поезде или трамвае, я пошёл ходить по улицам в надежде найти на стене афишу о себе. Вместо этого я набрёл как раз на музыкальный магазин, где продавались билеты на мой концерт, и таким образом дело было улажено.

Концерт состоялся вечером в огромном зале на четыре тысячи человек, и довольно недурно наполненном, но менеджер раздал пропасть дешёвых билетов учебным заведениям, поэтому аудитория состояла почти сплошь из молодёжи, которая, слушая новые для себя вещи и нового пианиста, и, по-видимому, многого из того, что я играл, не понимая, - не знала, что ей делать, - аплодировать или нет. Поэтому у меня впечатление было, что приняли сдержанно, хотя успех в конце концов порядочный, а после «Прелюда» Рахманинова и «Наваждения» - bis'ы. Занимал меня так же вопрос, заплатит мне менеджер или нет, ибо Haensel предупредил, что он имеет привычку иногда недодавать, а потому я не должен начинать концерта, не получив всех трёхсот долларов. Однако перед началом он принёс двести, после конца ещё двадцать пять (серебром!), а остальные пообещал завтра.

В артистическую прибежали приветствовать с десяток лицеисток, почти все в очках, и я должен был писать им фамилию на программах.

4 февраля

Утром обдумывал либретто третьего акта и кое-что написал.

Менеджер принёс ещё двадцать пять долларов и расписку на остальные пятьдесят, которые отдаст завтра или пришлёт. Говорят, что сбор был всего двести тридцать, но критики, сравнивая с французским пианистом Cortot, знаменитостью, игравшем в другом зале одновременно со мною, писали в мою пользу.

Так как инфлюэнция в Нью-Йорке, спустившаяся было ниже трёх тысяч, снова

прыгнула вверх, то я решил застрять на день на Ниагаре, взял чемодан и в трамвае приехал туда. Отвергнув предложения гидов, которые, вероятно, назойливо рассказывали бы о количестве кубических футов падающей воды, я решил осмотреть водопад самостоятельно и первым делом достал план местности. Но погода была ветреной и очень холодной, а потому я взял закрытый автомобиль, который и возил меня два часа по самым важным местам. Когда мы подъехали сбоку к водопаду, то картина открылась самая фантастическая, и я сразу никак не мог ориентироваться, ибо Ниагара была вся завалена грудами снега, целыми горами замёрзшей пены и шероховатыми ледяными полями, до падения и после него. А среди всего этого царства холода бурлила и кипела вода, то скрываясь в замёрзшие пучины, то вырываясь из под льда. Мы объехали оба водопада, канадский и американский, со всех сторон и я спускался вниз. Картины интересные, местами величественные, местами просто живописные. Фабрики коптят небо, но относительно жмутся в стороне. Самое интересное, говорят - проходить под водопадом, но в зимнее время это недоступно из-за льдов: по бокам вода совсем остановилась в падении, замёрзнув в виде огромных сосулек, как обледенелые усы у извозчика.

Продрогший, я вернулся домой. Пробовал продолжить третий акт, но не клеилось. Настроение несколько нервное - вспомнилась мама, злила инфлюэнция, не радовала Чикагская опера. Поэтому я решил убить вечер кинематографом. Это хорошие капли для нервов.

5 февраля

Настроение лучше и погода теплей. Я бродил пешком вокруг Ниагары, оглядывая её со всех сторон. Потом долго ездил в трамвае, специально проложенном по берегу потока, ниже падения.

Работал над третьим актом, либретто. А вечером отправился в Нью-Йорк.

6 февраля

Из-за небывалых снежных заносов поезд опоздал на двенадцать часов и вместо восьми часов утра пришёл в Нью-Йорк в восемь часов вечера.

Утро пропало, потому что до двенадцати часов дня сидели без вагона-ресторана голодными, а затем работал над либретто и сделал много: кончил третий акт и привёл в порядок и написал первый.

В Нью-Йорке нашёл телеграмму из Константинополя, что виза для мамы получена и сообщена ей через Британского консула. Но это ничего не даёт мне нового. Мне надо знать, получила ли она чек и где она: в Ростове ли, под большевиками, или в Новороссийске, вне их.

7 февраля

Gatti-Casazza назначил мне аудиенцию на понедельник, в пять часов. Очень интересно, что из этого выйдет.

Завтракал у Ингермана, который мазал мне заболевшее горло. Шиндлер показывал мне программу испанского пианиста Виньеса, который два года назад играл в Мадриде мои «Сарказмы», дав при программе четыре страницы комментариев обо мне и «Сарказмах». Там же сказано, что перед тем он играл их в Париже, где они произвели сенсацию. Это меня очень заинтересовало и обрадовало: я не знал, что меня уже играли в этих двух столицах.

В четыре часа ко мне пришла Linette и пробыла до девяти. Сегодня она была какая-то взволнованная и тревожная, но потом развеселилась и не хотела уходить.

8 февраля

Учил концерт Римского-Корсакова, который идёт, но мешал палец (новый), который я обрезал, как полагается пианисту, перед концертом.

Артур Рубинштейн побывал в Европе и теперь, вернувшись в Америку для концерта, весь из новой музыки, между прочим - 2-я Соната Шимановского. Есть интересные моменты в вариациях, но целое - вспомнились слова Римского-Корсакова (сына), что это прилагательное, а не существительное.

После концерта большой чай у Liebman.

Познакомился с Гофманом, который чрезвычайно мил и мягок и очень недурно говорит по-русски. Играл в бридж с Боданским, который ныне очень важен среди нью-йоркских дирижёров. Он до сих пор ненавидел мою музыку, но сегодня был почему-то крайне любезен, расхваливал мою игру в бридж и очень заинтересовался, узнав, что я написал оперу на Достоевского, которого он обожает. Некоторые из Клуба Богемцев подходили ко мне и извинялись, говоря, что они прежде ругали мои сочинения, а теперь, после такой хорошей увертюры, исполненной в их клубе, они видят, что я совсем не то, что они думали.

Сколь часто мне придётся встречать людей, которые будут искренне возмущаться моей музыкой, всячески пресекать моё развитие, и затем, наделав мне всяких гадостей, открывать, что я хороший композитор, и приходить ко мне с ясным взором, невинно извиняясь, что они до сих пор стреляли в меня!

9 февраля

Чувствовал себя кислым и нездоровым, хотя температура нормальная.

Обедал с Рубинштейном. Он говорит, что в Париже и Лондоне артистическая жизнь бьёт ключом: совсем иные люди, иные взгляды. Конечно, там нельзя делать таких денег, как здесь, но всё же он рвётся вон из Америки.

О да, в половине апреля я поеду в Лондон.

Вчера Linette была со мною у Либман и, пока я играл в бридж, пользовалась большим успехом и за нею много ухаживали до Боданского и Гофмана включительно.

В пять часов меня принял Gatti-Casazza и спросил, что я хочу. Я ответил, что имею три оперы, что, быть может, это будет интересно для него. Гатти высказался, что о «Трёх апельсинах» ему говорить неудобно, так как они связаны с Чикагской оперой, что же до «Огненного ангела», то не в его правилах принимать то, что ему неизвестно, а между тем музыка ещё не написана, либретто же одного мало. «Я совсем не хочу тому верить, - прибавил он, - но говорят, что когда Чикагская опера взяла у вас ненаписанную вещь, то вы написали такую, что теперь нельзя её исполнить». Я ответил: но если я вас ознакомлю как раз с этими «Тремя апельсинами» и затем с сюжетом «Огненного ангела», то вы можете иметь представление, что я могу написать на этот сюжет. Гатти охотно согласился и обещал дать мне более длинную аудиенцию после девятнадцатого, после того, как они развяжутся с «Парсифалем».

10 февраля

Завтракал с Моисеевичем, который познакомил меня со своим английским manager'ом Ibbs'ом, который взялся войти в контакт с лондонскими симфоническими учреждениями (которых два: Coates и Woods) для моего приезда в мае.

Вечером была Linette.

11 февраля

Всё ещё кисну, хотя температура нормальная.

Учил «Сказку» Op.8 Метнера, которую я знавал и любил уже давно в Петрограде. Начал учить наизусть и, к удивлению, легко запомнил её всю. Конечно, я знал её раньше, но всё же музыкальная память моя, тренируемая концертами, несомненно развивается.

Вечером концерт в Carnegie с Филармоническим оркестром (общедоступный, и для меня бесплатный). Играл Концерт Римского-Корсакова, который чуть ли не первый раз даётся в Нью-Йорке. К удивлению, и Странский, с которым была лишь одна крохотная репетиция, и я, который приготовил его в две недели, были молодцами и Концерт имел большой успех: меня вызывали пять раз, но бисировать симфоническом концерте не полагалось.

2 февраля

Позвонил Blanche, которой не звонил с декабря, что есть безусловное свинство с моей стороны, так как она очень милая девушка, но не застал её дома.

Немного сочинял «Огненного ангела» и играл Метнера. Старался не выходить, такк как чувствовал себя изломанным и кислым. Однако вечером пошёл сыграть в бридж, за что и был раздет на тридцать два доллара.

13 февраля

Сегодня с большим трудом отрыл у Ширмера 2-ю Сонату Мясковского, ту, которую я безуспешно добивался два года. Страшно был рад, будто встретил самого Мяскунчика. Я её непременно выучу и буду играть, здесь ли или в Лондоне.

Вернувшись домой, нашёл записку, что звонила Miss Adler. Стелла? Неужели вернулась? Стелла, молчавшая шесть месяцев, снова здесь и звонит мне. Впечатление было самое сложное. И мне было страшно, что она своим появлением разрушит мои столь милые отношения с Linette. Надо быть благоразумным, надо беречь Linette, а что такое Стелла и как она ко мне относится - всё же остаётся загадкой.

14 февраля

Соната Мясковского сложна и трудна чрезвычайно. И хотя я, обрадованный успехом со «Сказкой» Метнера, решил учить её сразу наизусть, но это оказалось совсем не так просто.

В двенадцать часов позвонила Стелла, и мне было ужасно приятно услышать её голос. Я был мил, но сдержан: я не знаю, что она делала шесть месяцев и почему ни слова не написала. И потом я помню о Linette. В половине второго мы с нею встретились. Я принёс ей розы и это, кажется, больше всего её обрадовало. Мы провели два часа и у обоих были, вероятно, похожие чувства: и радость, и недоверие: что мы делали эти шесть месяцев? Я был немного сдержанней, чем Стелла. По- моему она осталась такой же. И я, по её мнению, не изменился. Она сказала, что так много слыхала обо мне в Лондоне и что хотела бы учиться у меня роялю. Я ответил, что она может прийти ко мне на урок в понедельник в полтретьего. После этого я проводил её домой и она обещала принести мне Баха. Через час после этого я встретил Linette. Linette была так проста и влюблена, что вскоре тень Стеллы покинула нас, и вечер прошёл нежно и безмятежно.

15 февраля

Работал над «Огненным ангелом». Истерика Ренаты. Думал, что будет очень трудно, но она прошла просто и ясно, и сегодня я дошёл до латинской молитвы Рупрехта, где и остановился, не зная, как ставить ударения в латинских словах.

16 февраля

Послал Ильяшенке в Константинополь телеграмму с оплаченным ответом, спрашивая о маме. Может быть, эта телеграмма толкнёт его на какую-нибудь активность. Новороссийск всё ещё не занят большевиками, и у меня есть надежда, что мама там в ожидании парохода Добровольческого флота с «оплаченной» кабиной.

Стелла позвонила, что не может взять у меня урока, так как ничего не приготовила; уезжает сегодня в Филадельфию на неделю играть с отцом, но зайдёт непременно повидать меня. В результате вместо трёх часов она попала ко мне в восемь. Рассмотрев мои рецензии, фотографии, оперы, распустила волосы и была очень мила. Я тоже мил, но сдержан. Меня даже как будто радовало, что я от неё теперь далеко. А между тем, когда я увидел у неё на пальце простое платиновое колечко, тонкое, точно проволока, то оно меня страшно разозлило.

Мы ужинали в Hotel Savoy, как бывало, и я проводил её домой. Завтра утром она едет в Филадельфию на неделю.

17 февраля

Пишу рассказ Ренаты и страшно увлекаюсь им, особенно моей лирической «тихоокеанской» темой.

18 февраля

Рассказ Ренаты.

Учу Сонату Мясковского. С её соскальзывающими хроматизмами её ужасно трудно запомнить.

20 февраля

Janacopulos и Сталь не вернутся в Америку, как собирались, а проедут прямо в Европу, поэтому концерт на двадцать седьмого марта, где она должна была петь «Гадкого утёнка», отменяется. Очень жаль, я их очень люблю. Они должны были пробыть здесь месяц и отправиться в Париж. Linette собиралась присоединиться к ним, чтобы поехать в Париж учиться пению, а на самом деле, чтобы провести лето со мной.

21 февраля

Утром звонила Стелла, которая должна бы быть ещё полнедели в Филадельфии. Но спектакли не состоялись и она вернулась до срока. Завтра придёт на свой урок. Неизвестно почему я чрезвычайно обрадовался и шёл по улице, улыбаясь.

22 февраля

Много работал над «Огненным ангелом» и продвинул рассказ Ренаты до самого

конца. Чтобы не прерывать работы, отказался от завтрака у Ингерман. А от Гатти пока ни слуху ни духу, хотя уже пора бы.

В три часа явилась Стелла «брать первый урок». Но она ещё ничего не приготовила, так как не успела достать Баха, которого я ей задал. Показывала мне свою технику, которая, конечно, в беспорядочном состоянии. Я объяснил ей упражнения. Урок длился четверть часа. После этого Стелла оставалась у меня часа два. Я прочёл ей первый акт «Огненного ангела», переводя на английский. Кажется, либретто произвело на неё впечатление. Затем Стелла говорила, что она много увидела и изменилась с тех пор. как побывала в Лондоне. И действительно, Стелла будто не та, что прошлой весной. Она говорит, что вступила в «переходный» период. Наши отношения милы и сдержанны, и, вероятно, я не ошибусь, предположив, что у обоих есть неясная надежда на что-то или ожидание чего-то. Вспыхнет это или потухнет - неизвестно. А когда мы расстались с ней, у меня осталось чувство не то неудовлетворённости, не то досады.

23 февраля

Кончил рассказ Ренаты. Очень хорошо.

Днем позировал Дерюжинскому, который лепит мою голову. Я удивился, как хорошо выходит.

Обедал у Wiborg, богатых американцев.

Сегодня в Нью-Йорке первое представление (днём) балета Carpenter'a, умеренно талантливого американского композитора, и обед в честь него. Подумаешь, как приятно: бездарь чествуют и балеты ставятся, а моя опера лежит. Впрочем, обед был довольно приятный, шумный, нарядный и, в сущности, совершенно мне чуждый. Поэтому я вскоре удрал и поехал сыграть роберок в бридж у Самойленко.

Говорят, в газетах мелькнуло, что Ростов снова взят войсками Деникина. Возникают какие-то надежды на то, что мама попадёт в Константинополь, но не знаешь - верить или нет. А на телеграмму, посланную Ильяшенке неделю тому назад, ответа нет.

24 февраля

Работал над Хозяйкой.

Позировал Дерюжинскому. Выходит превосходно и почти готово. Дерюжинский произрёк: американские женщины таковы, что мужчина, делающий много долларов, сексуально возбуждает их больше всего. Зло и почти верно.

Ростов опять занят большевиками. Прямо одно отчаяние с мамой: попасть в город, переходящий из рук в руки. У Дерюжинского мать в Херсоне, а у Анисфельда в Одессе. И на все три города навалилась большевистская рать. А мы – три артиста – сидим здесь и одинаково не можем помочь, только, просыпаясь ночью, с ужасом рисуем страшные картины.

15 февраля

Дерюжинский кончил мою голову и считает её самым своим удачным произведением за последнее время. Приходил Анисфельд слушать то, что я написал из «Огненного ангела». Когда он сидел у меня, явилась Стелла, с которой мы, оказывается, условились на сегодня, но я ерепутал. Она сразу атаковала Анисфельда, которым давно интересовалась. Но Анисфельд плохо говорил по-английски и был просто невежлив, похвалив

сестру Стеллы, которую видел на сцене. После этого обиженная Стелла сразу умерила свой пыл, а Mme Анисфельд стала торопить его домой. Когда они ушли я дразнил Стеллу, что она так привязывается к знаменитым людям, что жёны вынуждены уводить их.

26 февраля

Кончил Хозяйку. Решил поставить крест на мою скрипичную сонату, наброски которой начал в Японии, и взял тему из неё для «Огненного ангела».

27 февраля

Mme Liebman пригласила меня и Linette в ложу на филармонический концерт, где Рахманинов играл Концерт Листа. На этот раз Рахманинов играл превосходно и не вбил ни одного гвоздя. После концерта, на чае у Странского. я очень мирно и любезно разговаривал с Рахманиновым. У него, по обыкновению, усталый вид и он ждёт не дождётся, когда кончится сезон. Я сказал: «Сергей Васильевич, пора бы за 4-ю Симфонию приниматься». Он согласился, но сказал, что летом не придётся - надо готовить новую программу, будущей зимой - тоже, надо зарабатывать деньги, а вот через год он засядет.

Оттуда Либман потащила меня в кинематограф, где показывалась картина с участием Дагмары в роли преступной женщины. Это было очень увлекательно увидать на экране Дагмару, которую я знат так хорошо. Из неё вышла пренеплохая артистка, а постановку этой картины - так сообщает Либман - сопровождала целая скандальная история, центром которой была, конечно, прекрасная Дагмара.

28 февраля

Завтракал у Извольских, молодой пары, с которой недавно познакомился. Он сын нашего бывшего министра иностранных дел, а она уроженка Гаваны. Оба милы, красивы и богаты. С нами завтракала Mme Joe Thomas, молоденькая женщина, которая спросила меня, почему я не дам ещё концерт теперь, весною. Я ответил - потому что невозможно достать зал. Она сказала: «В таком случае, зал в моём доме к вашим услугам, он правда всего на сто пятьдесят человек, но мы можем продать билеты по десять долларов и это будет вам даже выгодно». После этого обе дамы объявили, что они берут на себя устройство концерта, и мне осталось только поблагодарить их. Это совсем мило и очень устроит меня к лету.

Вечер с Linette прошёл так пламенно, что ночью, когда я уже отвёз её домой, меня сделалась отчаянная мигрень.

29 февраля

Сочинял очень много.

1 марта

Получил в посольстве новый паспорт в обмен на большевистский, так как думаю, что с ним будут ставить меньше препятствий при переезде из одной страны в другую. Записал себе билет на семнадцатое апреля, но уже на «Мавритании» ни одного места.

Заходил Рубинштейн. Играл ему сонату Мясковского, которая понравилась, но не очень. Мои «Бабушкины сказки» понравились чрезвычайно. «И как просто!» - сказал он. Я сказал, что считаю, что я кончил идти вперёд в смысле искания новых путей. Рубинштейн очень обрадовался и воскликнул: «Это отлично! Поверьте мне, я заметил, что когда композитор решает, что он остановился, то только тогда он попадает на свой новый путь». Затем я сыграл ему истерику Ренаты, которая привела его в большой восторг.

Обедал со Стеллой, которая заявила, что не может продолжать занятия музыкой, так как дома ей не дают упражняться. Среди общих разговоров она призналась, что в Лондоне у неё было увлечение, граничащее с любовью. Это меня и укололо, и смягчилось при воспоминании о Linette.

1 марта

Жизнь течёт мирно и только в глубине постоянное беспокойство за маму. Утром писал оперу, днём корректировал рекорды, вечером нежная и всё ещё иногда растерянная Linette. Она боится, что ей не удастся устроиться, чтобы поехать на лето в Европу. «Я не знаю, что я буду делать, если я останусь здесь одна, -говорит она, - я заболею...».

Так как все сроки телефона от Гатти прошли, я звонил его секретарю. Тот извинился и объяснил, что директор завален работой и примет меня на будущей неделе, когда будет свободней.

3 марта

Письмо от Johnson'а, заказное с обратной распиской, - извещение о включении оперы в репертуар будущего сезона. Письмо такое, какое я и ожидал, только я думал, что оно будет сопровождено чеком на тысячу долларов, дабы соблазнить меня, и что письмо будет на месяц позднее, но Кан случайно видел меня в консульстве, берущим паспорт в Англию, и потому они, вероятно, заторопились. Мой ответ на письмо будет твёрдый и решительный.

4 марта

Писал «сцену изнасилования».

Днём должен был прийти Рубинштейн, но, как полагается, надул, чего я решил ему не прощать. Вместо него неожиданно явилась Стелла, но сегодня она была какая-то странная - вероятно, в ней говорили воспоминания о её лондонском друге, - мне она показалась более чем когда-либо для меня чуждой.

5 марта

Вместе с Haensel`ем написал ответ Johnson'у, вежливый и решительный. Ведь в крайнем случае, если уж очень надо будет поднять моё имя в Америке, есть и такой выход: я дам им сыграть один спектакль и наложу injunction[4] после этого. Тогда и им будет виднее, за что платить неустойку.

Днём был у Mrs. Joe Thomas, той дамы, которая предлагает устроить у себя мой концерт. Она принимается за дело, выбрав день - двадцать восьмое марта. Только жал, цену билетов с десяти долларов скостили на пять, т.е. сбор будет семьсот, а не поллторы тысячи. В конце концов и это прекрасно, особенно если Гатти сподлит.

[4] Приказ, здесь - запрещение (англ).

6 марта

Побаливала голова, потому сочинял мало. Потом пришла Linette и её присутствие вылечило голову. Вместе мы поехали на край города к некоим Трусовым, где должен был быть человек, едущий в Константинополь, а если удастся, то и в Ростов. Я просил его отвезти маме чек на тридцать фунтов и сведения обо мне. От них я отправился к Дерюжинскому, который собрал гостей на мою глиняную голову.

Ильяшенко прислал письмо из Константинополя, что он никого из порученных (а поручений была масса) не нашёл, за исключением матери Прокофьева, которую ждут на днях в Константинополе. Это известие привело меня в состояние невероятной радости. Конечно, мама ещё не спасена, пока она не в Константинополе, но всё же это такая новость, на которую я уже забыл и надеяться. Ведь надо мною висел приговор: что я, человек, спасший и себя и мать из российского водоворота или человек, удравший сам и низко бросивший мать на съедение событиям!

7 марта

Проснулся в самом блистательном настроении. С души свалился камень, который угнетал меня вот уже скоро три месяца. Со времени приближения большевиков к Ростову, судьба мамы меня так угнетала, что омрачала всякую радость.

Много сочинял. Рената спит и Рупрехт рядом с нею, - начались «стуки»[5].

Вечером с Linette были у Больмов, где большой костюмированный вечер. Познакомился с одной русской, молодой женщиной, фамилии не помню, кажется еврейка. Она из артистической среды и так интересно, сама того не замечая, копирует эту русскую артистическую среду, что мне она доставила большее удовольствие, чем развлекавший на этом вечере гостей платный имитатор.

8 марта

Настроение опять отличное. Почти не сочинял, так как ездил по делам - перевод для мамы, который я всё-таки хочу послать, и английскую визу для себя. Я думал, что виза - дело милое и простое, но оказывается канитель, будут запрашивать разрешение в Лондоне.

От Ильяшенко телеграмма через наше посольство в Вашингтоне. Сообщает, что маму ждут в Константинополе. Сначала я обрадовался, а потом сообразил, что телеграмма была послана на несколько недель позднее письма и что если мама всё ещё ждут, то это плохой симптом. Однако и телеграммы иногда идут теперь две недели, а письмо, если его везёт кто-нибудь через Париж, доходит нисколько не дольше.

9 марта

Сочинял «стуки». Как будто бег сочинения немного замедляется. Надо или остановиться на время, или чтобы что-нибудь оживило, например, свидание с Гатти, а между тем этот лгун не приглашает.

День я оставил свободным, чтобы идти смотреть Стеллу, которая сегодня в первый раз выступает в большой роли в еврейском театре со своим отцом. Так как она волновалась и готовила роль, то она не хотела видеться со мною в последние

[5] Эпизод с духами в опере «Огненный ангел».

дни. Однако я ошибся: она выступает завтра.

Вечером с Ингерманами был в русском театре, крошечном и бедном. Но играют с любовью «Женитьбу» Гоголя. Много недочётов, но было очень приятно.

10 марта

Сочинял.

В два часа встретился с Blanche, которая повела меня в еврейский театр. Театр, несмотря на будни, набит битком - Адлера евреи обожают. Blanche была по обыкновению мила, безумно волновалась за Стеллу и очень заботилась, чтобы публика и драма не произвела на меня дурного впечатления. Но впечатление было самое отличное, несмотря на некрасивый еврейский жаргон, из которого я понял

всего несколько немецких слов. Отец Стеллы хорош и в своей игре прост до схематичности. Очень мила в своей мимике сестра её Julia. Сама Стелла выглядит эффектно, но в своей игре она не всегда естественна. Я и любовался на неё и придирался, неизвестно на что будируя[6]. Blanche передала мне приглашение пообедать после спектакля с ними, отцом и сестрою. Это приглашение мне даже польстило, но я не мог даже досмотреть драму до конца: в половине шестого было свидание с Linette. Опять страшное перемещение из одного мира в совсем другой и опять Linette, ласковая, робкая, а потом пламенная.

11 марта

Сочинял, но не очень много.

Упоминал вчерашнюю пьесу. Мне казалось, что Стелла, вероятно, была обижено, что я не досмотрел её дебюта и не обедал с нею и её отцом. Я был даже доволен этим: за её лондонские похождения во мне сидит червяк против неё.

Днём корректура рекордов, дантист, а вечером бридж.

12 марта

Возился с подоходным налогом. Пришлось показать все доходы. Зато не простил им ни одного профессионального расхода. Пришлось заплатить сто сорок долларов. Я думал, будет больше. Зато устал вдребезги.

От Mme Самойленко телеграмма из Парижа, что мама прибыла в Константино- поль без денег и ей какой-то Яковлев послал тысячу франков. Ура, теперь всё в порядке! И даже отсутствие денег, я думаю, основано на недоразумении, так как Ильяшенко знает о приезде мамы и держит для неё чек.

Вечером отправился к Стелле, чтобы загладить моё отсутствие после спектакля, Это первый раз, что я у неё. Весной она много раз звала меня, но я всегда отказывался. Сегодня я нашёл её одну, очень мило выглядевшую. Вся семья уехала в театр. Но я был страшно утомлён вычислениями подоходного налога, а затем она меня рассердила, сообщив, что, кажется, летом она уедет в Европу, в Лондон, Париж и Вену, и что её это очень увлекает. Я сделался сух и скучен. Стелла пыталась быть любезной, но скоро израсходовала свой запас. Пробыв у неё час, я стал прощаться. Стелла удивилась и кажется обиделась.

Вообще вечер вышел до крайности глупым и наши отношения попали в какую- то идиотскую колею. Идя домой, я ломал себе голову и не мог понять ни самого себя, ни куда всё это идёт. А потерять Стеллу было бы жалко.

Но не потеряна ли она уже?

[6] От французского bouder - сердиться, дуться.

13 марта

Спал не особенно хорошо. Утром побаливала голова и потому не сочинял. А в четыре часа пришла Linette и вчерашние капризы исчезли, как за горизонтом. Я вращаюсь между Стеллой и Linette, как земной шар между месяцем и солнцем. В семь часов я расстался с Linette и отправился на большой обед, данный Либман для одних джентльменов. Обед оказался преинтересным. Было довольно много знаменитостей, были рукописи Вагнера, Листа, Гёте, Гейне, обманом вывезенные из Германии, было вино и был серьёзный бридж. Был также конкурс, кто скажет самую блестящую глупость. Пятнадцать минут на обдумывание, запечатанный конверт и номер вместо подписи. Призов три: изящная золотая спичечница, отличный чемодан и почему-то зонтик со слоновой ручкой. Мне очень захотелося выиграть чемодан, но после вина, среди общего шума, в пятнадцать минут и на заказ ничего нельзя было выдумать. Однако понемногу я заставил себя сосредоточиться, мелькали кое-какие идейки, я сделал набросок по-русски, а потом написал по-французски: «Un esprit brillant et clair reflete dans une sottise ressemble a un beau diamant que l'eau noir des egouts reflete comme un precieux diamant noir»[7]. Написав это, я нашёл, что вышло совсем неплохо, и стал надеяться на приз. Так и случилось, и когда выкрикнули мой номер, я почувствовал себя чрезвычайно гордым и умным. Но дальше последовало разочарование: я получил только третий приз и потому мне вручили зонтик. Чёрт знает, что такое. Первые два приза присудили за какую-то неприличную ерунду. Но они правы: ведь требовалась с умом сказанная глупость, а я пытался сказать умную вещь о глупости.

14 марта

Очень смешно: я проснулся в отличном расположении духа из-за вчерашнего приза. А всё-таки: писали и Гофман, и Бауэр, и Боданский, и Больм - и никто ничего не получил.

Сочинял. Но утром зашибло и не шло. Однако вечером талант вернулся и даже замаячил конец акта.

15 марта

Не сочинял.

Ездил в банк, переводил тысячу франков в Париж. Завтракал с Linette.

16 марта

Сегодня работал хорошо и почти кончил первый акт, осталось несколько тактов. Сыграл от начала до конца - тридцать пять минут! - и тут я только понял, почему я так долго писал этот акт: он чуть ли не равняется двум из «Трёх апельсинов».

17 марта

Письмо от Сони Бришан, моей троюродной кузины, недавно приехавшей с мужем, бельгийцем, из южной России в Брюссель. Она видела маму два месяца назад и говорит, мама выглядит очень плохо. Это меня волнует, хотя мама ходила с палкой ещё когда я покидал её, а о её плохом зрении я знаю из её сентябрьского

[7] Блестящее и светлое сознание, отражённое в глупости, похоже на прекрасный бриллиант, который чёрная вода сточной канавы отражает, как драгоценный чёрный бриллиант (фр.)

письма. Мой двоюродный брат Андрей Раевский заболел сыпным тифом. Ужасная штука.

Кончил первый акт, последние двадцать тактов очень хороши.

Днём была Linette, а потом мы с ней пошли на выступление «Ballet Intime» Больма.

18 марта

Хотел было начать второй акт, но не было бумаги. Ходил за бумагой, а потом учил сонату Мясковского и другие вещи. Сочинение второго акта пока отложено.

Соне телеграфировал, чтобы она постаралась выписать маму в Брюссель.

В шесть часов опять пришла Linette и вечером опять вместе отправились в концерт Скляревского. Скляревский играл добросовестно и непримечательно, как я и думал. После концерта были в студии у Дерюжинского, который на этот раз не очень много говорил о себе, был мил и ухаживал за Linette.

19 марта

Письмо от Нины Кошиц из Батума, стихийное и мятущееся. Она в отчаянии, измучилась и стремится в Америку. Письмо произвело на меня сильное впечатление, и я сейчас же пошёл разговаривать с Haensel'ем, стараясь устроить ей приезд в Америку. Странно, я думал, что я встречусь с ней холодно, а между тем достаточно такого письма, чтобы оно заразило своею кипучестью: так много разбрызгивает её вокруг себя Кошиц, что даже на бумаге за десятки тысяч вёрст она не умирает. Но всё же мои отношения к Кошиц как к женщине не пойдут дальше, чем они были в Москве.

Вечером сидел дома и писал письма. Заходил Скляревский, расстроенный, и спрашивал советов. Но он намерен дать второй recital.

Получил французскую визу, легко, в пять минут, по рекомендации русского консула. А из английского консульства ни ответа, ни привета.

20 марта

Кому письмо Нины Кошиц не даст покоя, так это Рахманинову, а особенно его супруге.

Сегодня была кислая голова и потому не сочинял, зато довольно много играл на рояле. Гулял в парке. Там тает снег, но трава ещё не зеленеет.

21 марта

На сегодня газеты предсказали первый весенний день. Так оно и случилось: в день весеннего равноденствия - солнце, теплота, и даже сквозь бензиновые пары Нью-Йорка можно было уловить весенние запахи. Я позвонил Linette, которая очень обрадовалась поехать загород, и мы весело отправились в Hastings on Hudson. А потом Linette была у меня и только в одиннадцать часов вечера я отвёз её домой.

Утром, до поездки, всё же успел поработать. Начал второй акт, до появления Купца. Спокойно-мистическое начало его не совсем в соответствии с сегодняшней смеющейся погодой.

22 марта

Сцена с Купцом.

Bohemians очень заинтересованы теперь и мной, и моей увертюрой, и будут её играть 3 апреля на большом обеде в Билтмор. Я доволен, так как там бывают все музыканты. Слава Богу, хоть наконец паршивые Богемцы догадались в меня уверовать.

Вечером был на репетиции испанского хора. Очень интересно. А что - написать сонату для хора без слов? Особенно если много стаккато и вообще, если хорошо инструментовать голосовую звучность.

Руководитель хора предложил послать в Мадрид телеграмму с тем, чтобы меня на май пригласили на несколько концертов. Что же, я с удовольствием заехал бы в Испанию. Испания, говорят, расцветающая в музыкальном отношении страна, и те музыканты, которые побывали в ней, в восторге.

23 марта

Появление Учеников. Что-то вроде немецкой песенки, хотя не обязательно, чтобы она была немецкой, так как по Брюсову часть учеников - итальянцы, и другие - южане.

А от Гатти, от подлеца, ни полслова. Я предчувствую, что дело кончится так: Гатти протянет ещё недели три, а потом объявит, что, к сожалению, репертуар уже сделан.

Вечером был у Наташи Войновой, племянницы Метнера, которая таяла, когда я играл ей «Сказки» дядюшки, но и делала строгие внушения, когда я что-нибудь исполнял не так, как он.

24 марта

Писал ссору с Учениками.

В первый раз удалось сыграть всю сонату Мясковского наизусть.

Завтрак с Linette.

25 марта

Обедал у Mrs. J.Thomas, у той, которая хочет устроить мне концерт. Концерт назначили на восьмое апреля. Я доволен: если уже и шестьсот-семьсот долларов, то и то приятный хлеб: денег у меня мало, на летние заработки рассчитывать нечего, на Гатти тоже, а между тем едет мама и я сам еду в Европу.

26 марта

Кончил ссору Рупрехта с Учениками.

Linette была у меня, а потом мы с нею отправились на концерт Фулейхана, молодого сирийского пианиста и композитора. У него, несомненно, есть талант, но он так лупит по клавишам, что нельзя слушать. В сочинениях яркие проблески Востока, смешанные со всяким модернистским балластом вчерашнего дня. После концерта с Linette были в студии у Дерюжинского, который был очень мил и предлагал мне перейти на «ты».

Письмо от Vera и Сталя - двенадцать страниц, из Рио. Оба захлёбываются дивной страной, едут в Париж и в июле возвращаются в Рио. Советуют и мне приехать к тому времени. Концертных гарантий нет, но масса шансов на успех и деньги. Меня всегда бешено тянет при таких зовах, но, вероятно, удастся поехать не в это лето, а в будущее, теперь же - Европа, нет денег на риск, едет мама и может приедет в Европу Linette.

27 марта

Сочинение сегодня не ползло и вообще настроение было вялое. Однако перед вечером мне удалось гармонизировать две русские песни для какого-то сборника и они вышли так хорошо, что я совсем развеселился.

28 марта

В это воскресенье, как и в прошлое, солнце и тепло.

С Linette отправились загород, на Staten Island, в другую сторону от того места, где жили Стали. Гуляли по берегу моря, было тепло, но природа ещё «сквозь сон встречает утро года». А затем Linette приехала ко мне и день закончился самыми милыми нежностями.

29 марта

Наконец звонок от секретаря Гатти и назначение свидания на четверг. Очень приятно, и хорошо, что я не напомнил о себе. По-моему, всё это свидание - чистая формальность и вопрос о постановке уже решён: если Кан сказал Гатти: «Пожалуйста, послушайте оперу Прокофьева, понравится она вам или нет», - тогда
опера, конечно, не понравится, если же Кан сказал: «Пожалуйста, послушайте оперу Прокофьева, я хотел бы, чтобы вы её поставили», - тогда хочешь не хочешь,
а оперу надо ставить.

30 марта

Сочинял «Огненного ангела» и повторял «Три апельсина» для исполнения для Гатти. Выбрал для него «Комнату у ипохондрического Принца».

1 апреля

Утром проигрывал мои оперы, в том числе «Игрока».

Несомненно, «Игрок» должен быть подвергнут основательной переделке: много
ненужных шероховатостей и неудобств в голосовой партии. Затем я уложил в чемодан «Игрока», «Огненного ангела» и «Три апельсина» (партитуры и клавир) и поехал к Гатти. По-моему, очень импозантно: композитор принесёт чемодан опер.

Гатти устроил настоящее слушание: он и шесть дирижёров, но, в сущности, это была лишь бутафория: решали Гатти и Боданский, а остальные сидели смирно. Я сыграл сцену у Принца, предварительно рассказав содержание, а затем выдержки из первого акта «Огненного ангела». Впечатление, по-моему, было неблагоприятное. Гатти находил, что очень трудно и голосу не к чему прицепиться. Если бы это была одноактная опера, они могли бы рискнуть, но пять актов... В конце концов Гатти сказал, что я, конечно, понимаю, что они в такой серьёзной вещи не могут дать сразу ответа. Но это равносильно отказу. Досадно и за себя, и за Метрополитэн, что хорошее учреждение не может поставить настоящую оперу и задыхается от всякой дряни. Для меня это большая неприятность и чувствительный финансовый крах, поэтому очень приятно было вечером выиграть шестьдесят один доллар в бридж.

Впоследствии я узнал, что только французский дирижёр Albert Wolff защищал меня, за что Гатти назвал его анархистом.

2 апреля

Утром продолжал сочинять «Огненного ангела» - Агриппину. Пускай «Огненный ангел» не принят, но это не резон бросать сочинение хорошей оперы.
Настроение так себе. А между тем на улице солнце и весна!

3 апреля

Обед у Bohemians в честь Бауэра в Билтморе очень парадный. Я и Linette. которую я пригласил в качестве моей дамы - за почётным столом, чем Linette вначале крайне смущалась.
Моя «Увертюра» и «Скерцо для фаготов» звучали несколько слабо, так как зал был большой и с очень плохой акустикой. Успех, и я раскланивался, но я думал, что успех будет гораздо больше. Чернявский рассказывает, что они играли её двадцать второго марта в Чикаго и успех был чрезвычайный.

4 апреля

Американская Пасха и наше Вербное воскресенье, но погода пасмурная и дождь. Поэтому поездка загород с Linette, как в два прошлых воскресенья, не состоялась. Я занимался, сочинял и ел пасху у Войновых.

5 апреля

Приехал Ильяшенко из Константинополя, и я с ним обедал. Он мамы не видел и уехал раньше, чем она прибыла в Константинополь, но поговорил обо мне в нашем посольстве, оставил чек на сорок фунтов и узнал, что посольство имеет другой чек. Однако не выяснил, дубликат ли это того же чека, что был у Ильяшенко или знаменитый стофунтовый чек, посланный через Британскую военную миссию.
Рассказывает ужасные вещи и на мой взгляд, самое страшное - это сыпной тиф: враг, который действует из-за угла и у которого нет ни идей, ни сострадания.

6 апреля

Днем неожиданное явление: когда я сидел дома и писал второй акт, вдруг явилась Стелла и Blanche. Они пробыли недолго и Стелла выглядела очень хорошо. Я мельком заметил, что звонил ей несколько раз, но поступил ответ, что вся семья уехала в Буффало. Поговорили обо всём понемножку и разговор протёк мягко и даже поэтично. Затем я их проводил до поезда, а после послал Стелле розы с тем, чтобы их передали ей завтра утром. Я был страшно рад видеть Стеллу, но меня держала на расстоянии память о Linette.

7 апреля

Письмо от мамы или вернее - продиктованное мамой, с Принцевых островов. Она там с Таней Раевской и её сыном. Андрюша умер от сыпного тифа, как я боялся, когда читал письмо от Сони Бришан. Мне и радостно, что наконец мама действительно вне бедствий, и грустно, что она в таком ужасном виде, слабая, почти без зрения.

9 апреля

Приводил в порядок контракты и объяснительные письма для Кошиц. Сегодня Скляревский уезжает во Францию и оттуда пошлёт ей в Константинополь. Маме послал телеграмму, что еду во Францию и Италию. Я думаю, что достану ей и себе визу и встречу в Бриндизи, куда три дня на прямом пароходе из

Констанинополя.

Послал дамам - Извольской и Thomas - много красных роз, как реверанс за хлопоты по концерту.

Больм говорит, что опера в Чикаго так протратилась в этом сезоне, что, безусловно, сожмётся в будущем. Это уже носится в воздухе и чтобы я имел это виду.

10 апреля

Сегодня у Либман состоялся грандиозный бридж, который начался в четыре и кончился в два часа ночи. Было очень мило, к обеду приехали Linette и Дерюжинский, которого я сегодня ввёл в дом. Обедали ещё Рахманинов, Гофман и куча всякого народу. Рахманинов в начале был сух, но потом мы совсем приятно с ним разговорились. Про Кошиц я сказал ему мягко, и мы даже обсуждали, что можно сделать для неё в Америке.

Сегодня Страстная суббота, Дерюжинский в одиннадцать часов ушёл в русскую церковь. Я тоже хотел пойти, но мне сказали, что там ужасная толпа и давка, ничего не видно и не слышно. Очень жать, я люблю этот обряд.

11 апреля

Тёплый, весенний день и мы с Linette отправились гулять за Hudson в New Jersey, прогуляв там пять часов. Linette сказала: «Милый, нынче праздник твой» - и подарила портсигар. Я ответил, что она украла из моей жизни тринадцать дней,

как как я родился одиннадцатого апреля по старому стилю, и пока абсолютно не чувствую, что мне уже двадцать девять.

Вечером обед в честь Ауэра, где все знаменитости Нью-Йорка и масса хорошеньких женщин, но меня посадили с Mme Рахманиновой и испортили весь обед. Она спрашивала, правда ли, что Кошиц едет. То-то, что правда.

Ауэр состарился и как-то сморщился в комочек, был очень любезен и расспрашивал про мои дела.

1 апреля

Второе письмо от Сони Бришан: она получила и мою телеграмму, и письмо от мамы с Принцевых островов. Предпринимает все старания, чтобы добыть маму в Брюссель. Это меня радует и успокаивает. Мы обедали с Linette, а потом сидели в кинематографе.

15 апреля

Играл на рояле и повторял всякие мои вещи, которые, вероятно, придётся играть

в Лондоне. «Огненный ангел» остановился, как и следовало ожидать, после провала с Метрополитэн, однако я надеюсь, что это всего лишь на несколько дней и что скоро пойдёт дальше.

Днём Mme Извольская повезла меня на чай к Mrs Otto Kahn, у которой

замечательный дом, вроде итальянского дворца. Я надеялся, что удастся поговорить что-нибудь об опере, так как она, говорят, больше самого Кана, но у неё был приём и много гостей, и дело ограничилось любезностями и поклонами. Зато какая-то французская певица из Метрополитэн, не зная, кто я, рассказывала мне, что недавно один русский композитор... Проко... Проко... - она не помнит фамилии, так как фамилия совершенно непроизносима, - играл для Гатти свою оперу, которая оказалась сумасшедшим футуризмом. Однако, она не теряет надежды, что, может быть, её поставят, по крайней мере ей очень хотелось, потому что тогда она получит в ней роль.

14 апреля

Играл сонату Мясковского, которая начинает идти довольно связно, а так же мою Вторую, которую не трогал полтора года. Я думаю, теперь я буду играть её гораздо лучше, так как я, как пианист, сделал большие успехи по сравнению с приездом в Америку.

От англичан никаких сведений о визе. Просил нашего консула навести справки. Он звонил в Британское консульство, но говорит, что там корректны, сухи и непроходимы, говорят, они написали в Лондон и теперь надо ждать ответа.

А между тем мои все американские дела, в сущности, окончены и пора ехать.

15 апреля

Linette никак не может решить, поедет ли она в Европу, и, конечно, бедная девочка в своём решении путается между целой бездной «да» и «но». Сегодня во время завтрака случилась даже мелкая размолвка на эту тему. Воспользовавшись этой маленькой размолвкой, я позвонил Стелле, которая очень обрадовалась моему телефону. Она звонила мне два раза, чтобы поблагодарить за цветы, не заставала дома, а её message[8] мне не передали. Решили, что завтра она придёт меня навестить.

Перечитывал мои рассказы и они мне очень нравились. Очень жаль, что отбился от моего писания.

16 апреля

Был в Британском консульстве - ответа из Лондона ещё нет. Если до вторника они не получат, то придётся отказаться от моей кабины на двадцать четвёртое и ехать во Францию, а оттуда в Лондон.

Когда в пять часов я вернулся домой, то Стелла уже ждала меня, очень интересная и милая. Она так была довольна, когда я прислал ей цветы и что сейчас я принёс её любимые незабудки. Ей давно никто не дарил цветы, потому что это весной никто за ней не ухаживает, а если кто и ухаживает, то ей не нравится, между тем она так любит цветы. Потом я отвёз её в театр и опоздал на обед к Цимбалисту ровно на час.

17 апреля

Так как от Чикагской оперы письмо с указанием, что они истратили сто тысяч долларов на мою оперу и с просьбой начать скорее процесс, если я намерен начинать таковой, чтобы они не делали новых трат, то я ездил к Purrington'у советовался об ответе. Purrington опять слюнявил и мямлил, и, в сущности, ничего

[8] Сообщение (англ).

не посоветовал и только проредактировал мой ответ.

В пять свидание у Больма с Маринуцци, который ныне музыкальный директор Чикагской оперы и будущий дирижёр «Трёх апельсинов». Он уже давно сказал Больму, что знает о существующих трениях между Чикагской оперой и мною, но что его денежная сторона не касается, а потому он очень хотел ознакомиться с «Тремя апельсинами» в моей передаче. Я согласился и, встретившись на нейтральной почве у Больма, я сегодня сыграл ему всю оперу. Маринуцци - очень хороший музыкант и отличный дирижёр. Видно было, что в «Трёх апельсинах» он разбирается и многое ему нравится, но, по его словам, «Три апельсина» оказались еще труднее, чем он предполагал. К моему удивлению, он нашёл, что можно сделать две купюры: во втором акте - в прощании Принца с Королём, и в третьем - в разговоре Челия с Принцем и Труффальдино. Я сказал, что если это окажется действительно длиннотами, то пусть купирует. О моём споре с дирекцией - ни слова.

Вечер провёл с Linette, которая была мила и нежна.

18 апреля

Утром Purrington, несмотря на воскресенье, и письмо чикагцам с новыми предложениям. С тех пор, как провалилась кампания с Метрополитэн, надо добиться, чтобы в Чикаго дали хотя бы один спектакль «Трёх апельсинов», а затем наложить на них вето.

Днём с Linette были загородом, где много солнца и уже совсем зелено, но удивительно - совсем нет цветов. Мы гуляли много и очень хорошо.

19 апреля

Утром делал всякие предотъездные дела, а затем звонил Стелле, для которой приберегал вечер. Но Стелла была занята и сказала, что провести его со мной никак не может. Я очень рассердился и на её вопрос, когда она может позвонить мне, ответил, что я не хочу, чтобы она мне звонила, и позвоню ей сам через несколько дней. Очень досадно, что вышло так: вечер был такой тёплый и весенний...

Писал письма и заходил к Дерюжинскому, который был в минорах и очень обрадовался моему приходу.

20 апреля

Haensel, которому я подарил фотографию с подписью «To the nice and phlegmatic man»[9], сказал, что он уже имеет для меня на осень два приглашения: в пятьсот и четыреста долларов, но буду ли я играть с оркестром - неизвестно, так как хотя и приглашают, но предлагают меньше трёхсот долларов за двойное выступление, на что мы соглашаться не должны. Я сказал, что уезжаю в Европу всего с 800-900 долларами, он ответил, что если не хватит, я могу телеграфировать ему и он мне переведёт, так как верит в моё будущее.

Английский консул сказал, что визы ещё нет. Это последний срок для удерживания каюты на двадцать четвёртое. Но у Кука обещали переменить на двадцать седьмое или на тридцатое, на паршивенький пароход, едущий во Францию. Я доволен, ибо такое переполнение пароходов, что ждут месяцами, а провести несколько липших дней с Linette и побывать на исполнении моей увертюры в Carnegie Hall даже приятно.

[9] милому и флегматичному человеку (англ).

21 апреля

Мой стофунтовый чек, посланный маме в Новороссийск через Британскую военную миссию, сегодня благополучно вернулся обратно, так как англичане не нашли мамы (вероятно и не старались). Столько было связано надежд с этим чеком - и в результате ничего. Надо телеграфировать Соне и через неё перевести маме франки.

Вечером должна была прийти Linette, но ей нездоровится, и потому я пошёл к Анисфельду. С Анисфельдом мы очень ладим и он сердится, что Метрополитэн воронит «Огненного ангела».

22 апреля

Mme Извольская дала мне пачку писем к французской аристократии на случай моей поездки в Париж. Это всё дамы, занятые новым искусством и долженствующие обрадоваться моему приезду.

Немного сочинял «Огненного ангела».

Вечером была у меня Linette и вечер прошёл пламенно.

23 апреля

Когда сегодня я зашёл к «Куку», чтобы узнать, переменили ли мне билет, то мне ответили, что мой билет они сбыли, а нового не достали и едва ли смогут достать, т.е. обманули меня самым подлым образом. Я устроил скандал и позвал старшего, но он защищал своих приказчиков, очевидно, деля с ними взятки.

Однако положение создалось отвратительное, ибо билеты были только на июль, а возвратных билетов ждали сотни желающих. Океан встал стеною между мной и Европой. Вместо того, чтобы зарабатывать деньги во Франции или Англии, где теперь сезон, я обречён был ждать и проживать последние в Америке. Я был очень расстроен и решил использовать все знакомства, чтобы достать билет.

24 апреля

Утром был в down-town'e и приводил в порядок чеки и дела. Говорят, билет может подвернуться перед отходом всякого парохода, а потому надо быть готовым чтобы собраться в несколько часов.

Повторял «Сарказмы», но я их здорово забыл, а ноты у меня кто-то свистнул. Если в Америке надо было разыгрывать все мои самые умеренные сочинения, то в Париже, надеюсь, потребуют более новые, а потому надо повторить.

Обедал у Либман с Дерюжинским и Linette. После обеда неожиданно вспомнмл и объявил им, что вчера мне минуло двадцать девять лет, за что Либман поцеловала меня и заставила Linette сделать то же. Ужас: тридцатый год!

С обеда поехали в Carnegie Hall, где был концерт «Зимро» и где играли мою «Еврейскую увертюру». Концерт был длинный и скучный, и увертюра последним номером. Успех был большой и я дважды вставал кланяться из ложи. Очень приятно кланяться из ложи: весь зал поворачивает лицо, вращаясь как на шарнирах.

Звонил Стелле, которая очень кокетничала в телефон и радовалась, что у меня сложности с отъездом. Сегодня и завтра она занята - играет четыре раза, и днём вечером, но в понедельник я должен ей позвонить и провести время с нею.

21 апреля

Пользуясь воскресеньем, солнцем и весной, отправились с Linette загород. Linette выбрала место, называемое Orange и состоящее из трёх частей - East, West и North Oranges, т.е. три апельсина. Место оказалось очень милым и прогулка вышла удачной. Но удивительно - совсем не видно цветов. Только изредка мелькали деревья, сплошь засыпанные белыми цветами, как в Гонолулу.

А вечер Linette провела у меня.

22 апреля

Утром позвонила Liebman, которую я третьего дня упрашивал достать мне билет на пароход, и сказала, что билет мне есть на завтра, на небольшой пароход «New- York», идущий в Англию через Францию. Я сейчас же помчался в контору и действительно получил билет.

А затем началась беготня и хлопотня с приготовлением к отъезду. В шесть пришла Linette, которая не ожидала, что я соберусь так скоро. Я звал её в Европу и оставил ей сто пятьдесят долларов на дорогу, «как аванс за перевод «Трёх апельсинов» на английский язык для постановки в Covent Garden». Ей и хотелось, и было боязно. К полуночи моя квартира и мои вещи были приведены в порядок, но не уложены. Я лёг спать, так как сбился с ног.

Денег у меня: около семисот долларов и сто тридцать фунтов. Последнее - два чека, посланные маме и возвращённые.

23 апреля

Велел разбудить себя в семь, и в девять вещи были уложены. Так как Linette говорила, что теперь ей будет скучно и в одиннадцать часов не от кого будет ждать телефона (я звонил ей каждый день), то заказал ей красные розы, чтобы их подали завтра в одиннадцать часов. Стелле послал пачку незабудок. Затем сундук и два небольших чемодана были взвалены на такси и в десять я приехал на пристань. Формальностей было немного: просмотрели и проштамповали документы, я сдал сундук прямо в Париж и затем попал на пароход. Пароход не очень большой, не очень чистый, а трёхместная каюта и вовсе тесная, еле больше российского купе второго класса. Но ворчать нечего, надо радоваться, что есть билет. Затем, ни с кем в Нью-Йорке не простившись, я наскоро написал пачку писем: Liebman, Ингерман, Анисфельд, Ясюк, Linette и Стелле - последней несколько нежных слов и извинение, что неожиданно уезжаю. Но время ещё оставалось и кроме того - пароход опаздывал с уходом на час. Поэтому сошёл на сушу и позвонил Linette: несколько прощальных слов, её просьба писать и моя - чтобы приезжала в Париж, и мы расстались. Я вернулся на пароход и больше Америкой в сущности не интересовался. День был серый и дождливый. Гораздо интересней было, скоро ли дадут есть, так как с семи часов утра к часу разгорелся голод. Едва пароход отчалил, как нас посадили за стол, а когда мы встали, то небоскрёбы и статуя Свободы остались за спиной. Но вид их не представлял новости, я насмотрелся на них, ездя осенью к Сталям (вид очень красивый, но не в такой серый, как сегодня, день). После обеда началась погоня за креслами: всех пассажиров первого класса двести пятьдесят, а кресел сто шестьдесят. Толпа обступила заведующую ими и лишь через два часа я с помятыми боками и креслом на плохой стороне (левой, северной) отправился прогуливать заболевшую голову. В дальнейшем не было ничего особенного: меня окликнул мимолётный нью-йоркский знакомый, затем заговорил со мной англичанин, и я рано лёг спать, причём сосед не хотел гасить электричество

и мешал спать.

28 апреля

Ветрено, холодно, дождь и качка. Утром чувствовал себя хорошо, но англичанин повёл в курилку играть в шахматы и после этого начало немного мутить. Поэтому остальную часть дня я провёл в кресле на палубе, завернувшись в плед, в пальто и тёплый шарф. Более благоразумные вытащили длинные автомобильные шубы. Обедать не спускался, а так как на этом паршивом пароходе на палубу не подают, то ходил в столовую, набирал еды на тарелку и съедал на палубе в моём кресле.

29 апреля

Погода прояснилась и качка унялась. Океан тёмно-синий, переливая серебром от солнечных лучей, но не такой синий, как Великий. Выиграл у англичанина шесть партий из шести. Догонял дневник, а завтра можно будет поработать над либретто «Огненного ангела».

За обеденный стол вползла калифорнийская семья, лежавшая во время качки. Они оказались моими поклонниками и относятся ко мне почти восторженно. Я просил не особенно распространяться обо мне, а то публика привяжется, чтобы играл.

30 апреля

Океан хуже, но не плох. Обедаю в столовой, но «Огненного ангела» отложил, как-то нет угла для работы: каюта - дрянь, а на палубе дует.

Сосед опять жёг электричество до первого часа ночи. Я вступил с ним в переговоры, но хитрый старик прикинулся глухим.

Он носит английскую военную форму и я, судя по возрасту, думал, что он генерал, но он только капитан, и то южно-африканский, колониальный.

1 мая

Порядочно качало и были случаи, когда волны оплёскивали палубу на носу, но публика привыкла и я тоже. Однако всё же временами чувствовалось неудобство в пищеводе и я предпочитал сидеть на палубе в chaise-longue, отказавшись от предложенного бриджа.

Вечером капитан зажёг электричество и, лёжа в своей койке, принялся читать. Так как штепсель находился около меня, то я, не говоря ни слова, потушил огонь. Капитан сначала ничего не сообразил, а потом страшно рассердился и стал требовать, чтобы я зажёг электричество. На этот раз я притворился глухим. Но капитан соскочил с койки и вцепился мне в руку, требуя, чтобы я зажёг (не он, видите ли, а я). По правде сказать, я не ожидал такой атаки и был несколько смущён, так как, конечно, не мог начинать драки с шестидесятилетним стариком. Поэтому я ещё три раза переспросил, что он хочет, и наконец поняв, зажёг огонь. Капитан влез на свою верхнюю полку, а я ему прочёл небольшую лекцию о злоупотребления покоем соседей. Капитан поупорствовал некоторое время, но вскоре погасил огонь и мир водворился.

2 мая

Шахматный турнир, о котором говорили уже три дня, наконец начался в составе

шести человек. Так как обо мне уже составилась слава как о чемпионе, то вокруг моего стола всё время стояли зрители. Я играл внимательно и выиграл подряд четыре партии. Турнир и отдых от игры в сущности заняли весь день.

Море было спокойное и день тёплый и солнечный. Спать я пошёл уже когда капитан заснул и потому инцидентов не было. Господин, с которым я всё время говорил то по-французски, то по-английски, оказался русским бароном, кажется, Шелкинг. «А вы, вероятно, офицер?» - спросил он. Я ограничился отрицанием.

3 мая

Море почти спокойное и на небольшую качку никто не обращает внимания. День проходит под флагом шахматного турнира. Я работаю в турнире исправно и выиграл ещё четыре партии, обеспечив первый приз. Барон Шелкинг представлял меня своей баронессе, отрекомендовав меня шахматным чемпионом, и среди разговора справился, не сын ли я известного композитора Прокофьева. Когда я оказался им самим, то барон очень обрадовался, сказал, что он мой большой поклонник, имеет мои сочинения и чуть ли не играл их на благотворительном концерте на пароходе по дороге из Японии. Сегодня на нашем пароходе тоже устроили благотворительный концерт и дамы-патронессы опросили, кажется, всех пассажиров, не умеют ли они чего-нибудь на чём-нибудь делать, за исключением двух единственных артистов на пароходе, меня и декламатора, датчанина, подошедшего ко мне в первый день, - чему мы были несказанно рады. Публика оделась во фраки и смокинги и пошла на концерт (нечто ужасающее), а я, барон, один француз и один американец играли в бридж до часу. Когда я вернулся в каюту, то мой капитан, страдающий старческой бессонницей, всё ещё читал. Однако вёл себя прилично и едва я разделся и лёг, как он погасил огонь.

4 мая

Две последние партии турнира - и я взял первый приз, выиграв все десять. Второй приз получил Феррарис, австриец. + 8, (все шесть человек внесли по три доллара, первый приз - 75%, второй - 25%). Если бы этот турнир был на русском пароходе, никто не обратил бы внимания, но англичане и американцы - спортсмены, и потому перед таблицей результатов, которая была вывешена на стене, всё время стояли пассажиры, которые обсуждали результаты, а за моей спиной я часто слышал: «Это шахматный чемпион».

Остальное время играл в бридж в той же компании, которая играет очень хорошо. Работать на этом пароходе невозможно, нет ни одного спокойного угла. Да и настроения нет. Завтра после полудня, говорят, причалим к Шербургу. Погода холоднее - мы ушли из Гольфстрима.

5 мая

Сильный южный ветер, но не качает. Удивительно, как часто ветер и качка не совпадают.

С утра уселись в бридж, а когда в полдень я вышел на палубу, то увидел несколько парусных шхун, а вдали, по северной стороне, гористый берег: это была юго-западная оконечность Англии, Scilly Islands. Острова скоро исчезли, а затем сменились самой Англией, узкая, серая полоска которой виднелась на горизонте. Странно, я думал мы сначала увидим Францию, но пароход вступил в Ламанш по его северной стороне.

День прошёл в мирном бридже, причём мои партнёры отобрали у меня всё, что

я старательно выиграл в предыдущие дни. Пароход двигался медленно, так как не стоило торопиться к ночи в Шербург. Часов в одиннадцать вечера показался и французский берег и несколько маяков. И странно было приезжать во Францию с запада, а не с востока. Завтра я буду в Париже и замкну круг вокруг земного шара.

6 мая

Спал всего два часа и с рассветом был на ногах. Пароход стоял на якоре и картина была очаровательна: море, берег и стоящая в порту эскадра были залиты предрассветным синеватым светом, из которого выступали ярко-зелёные холмы. Запах был свежий и ароматный, и он особенно дорог, когда после долгого океана приближаешься к земле. Около нашего парохода уже стоял французский тендер и французские власти уже проверяли паспорта. «Почему у вас в паспорте написано, что вы едете в Россию?» - спросили меня. Я ответил, что такова форма, но что я в Россию не еду. Чиновник переписал весь паспорт, взял мой парижский адрес и отпустил с миром. В таможне нас не тревожили и мы попали в поезд. Но так как поезд отходил только через два часа, то я пошёл гулять по городу и ужасно наслаждался старинными постройками, французской речью, любезным обращением, которого и в помине нет в Америке, и вообще переменой людей и обычаев. У Америки два преимущества: народ там здоровее и все чистоплотнее. Но насколько всё здесь милее и поэтичнее! Поезд - удобный, но грязный - довольно бодро повёз нас по Франции, которая казалась сплошным зеленеющим и цветущим садом. После ровных и скучных полей Америки глаз не мог оторваться от цветущих ландшафтов уютной Франции. В восемь часов вечера замаячила Эйфелева башня, которую я в своё время приветствовал рассказом, а затем мы выгрузились на Gare St.Lazare. Все отели, и большие, и маленькие, вокруг станции набиты битком. Между тем, в десять часов всё закрывалось и этак можно было остаться на тротуаре. Поэтому я и ещё один еврей, неся на себе чемоданы, попали в какие-то ужасные меблирашки за восемь франков (т.е. за американский полтинник) и решили заночевать. Я звонил Самойленко и Сталю, но не мог их добиться. Тогда я прогулялся до Елисейских Полей, причём Париж, экономя освещение, был совсем тёмен, зато как хороши здания и как просторны площади! Нью-Йорк и его 5-я Avenue походят на узкие и длинные каналы рядом с Elysees. Темнотой пользовались парочки и целовались на каждом углу. Я вернулся в меблирашки и, замученный дорогой, заснул.

7 мая

Дягилев в Париже: завтра его первый спектакль. Я до сих пор не знал об этом и очень обрадовался, что он здесь и процветает. Утром отправился разыскивать Сталей, но к чрезвычайному моему удовлетворению они только сегодня или завтра приедут из Рио. Затем разыскал Самойленко, с которым нежная встреча и вкусный завтрак в одном из гурманских ресторанов. После Америки французская кухня была восхитительна. После завтрака зашёл в Grand Opera и узнал адрес Дягилева, которого и нашёл через десять минут в Hotel Scribe. «Серёжа Прокофьев приехал!» - закричал Дягилев и мы расцеловались, а затем и с Мясиным. Оба, по-моему, мало переменились. Дягилев говорит, он в ответ на моё письмо (полтора года назад) послал телеграмму, звал меня в Лондон, но не получил ответа. Мой балет он готов ставить как только будет готова партитура, но обязательно в моём присутствии. Декорации и костюмы уже давно сделаны Ларионовым и очень удались. В восемь часов вечера мы встретились за обедом, плюс Стравинский, с которым тоже расцеловались и вообще встретились очень горячо. Про Стравинского ходили слухи

в Америке, что он почти в нищенстве, но теперь он окреп, был оживлён и пил алкоголь с увлечением. Говорил, что я единственный его любимый русский композитор из живых, и советовал мне печатать сочинения у Честера в Лондоне. Я страшно был счастлив снова быть в компании Дягилева и Стравинского, хотя это не мешало во многом расходиться и с остервенением пикироваться, когда они признавали только ярко-национальную музыку и отрицали Скрябина как композитора и оперу как форму.

8 мая

Утром гуляли с Самойленко в Булонском лесу и завтракали там же в прелестном ресторане. Но цены ужасны: завтрак на четверых двести франков. Впрочем, в переводе на доллары это только двенадцать. Фатьма Ханум получила от мамы ответ на своё письмо. Настроение мамы лучше, но она ещё на Принцевых островах. Я написал Соне в Брюссель и сообразно с её ответом начну так или иначе действовать. В два часа с необычайной радостью встретился со Сталями. У обоих цветущий вид - оба прямо из Рио, возвращаются туда через пять недель и зовут меня если не теперь, то к сентябрю. Сталь сулит мне успех и даже предлагает деньги на дорогу. Идея! Не поехать ли в сентябре?

Вечером со Стравинским. Mme Edwards и другими я был в ложе у Дягилева на первом спектакле Русского балета. После нью-йоркских потуг подражать Русскому балету с плохими декорациями и плохим человеческим материалом, ужасно приятно было увидеть настоящее, хотя, может быть, и не такое роскошное, как в 1913 и 1914 году. «Les femmes de bonne humeur» на музыку Скарлатти очень забавно и талантливо поставлены Мясиным, а «Петрушка» прямо несравним с нью-йоркским спектаклем. После спектакля ужинал у Дягилева. Дягилев разошёлся, спаивал шампанским, сыпал анекдотами и был великолепен. Стравинский подпил, увлекался скабрезностями, но был вполне хорош. Очень приятный вечер.

9 мая

Утро со Сталями, рассказы про Бразилию, зов ехать туда. Сталь увлекается, но он наблюдателен и проницателен. Право, поехать бы! Но сначала увидим, что мама и Linette.

Днём завёз рекомендательные письма к двум princesses, одной нет дома (оставил письмо и карточку), другой нет в городе. Вечером - Самойленко и бридж.

10 мая

Утром зашёл к Стравинскому, который обещал устроить мне рояль. Когда Стравинский, я и один швейцарский писатель шли по rue de la Paix[10], мы встретили молодую женщину небольшого роста, которая своей фигурой напомнила мне Нину Мещерскую. Я всмотрелся внимательней и по сросшимся бровям почти узнал её. Она, заметив мой внимательный взгляд, отвернулась, но в это время мы уже разминулись и я быстро отвернулся, вполне уверенный, что это Н.Мещерская. Это вполне возможно, потому что я уже давно от кого-то слышал, что её отец на юге России, а оттуда по нынешним временам прямая дорога в Париж. Эта встреча меня не взволновала, хотя и заинтересовала. Я от Нины так далеко, но всё ещё помню и яд её, и нежность.

Стравинский привёл меня на репетицию старой итальянской оперы и эту

[10] Улица Мира (фр).

репетицию вёл Дягилев с чрезвычайным увлечением и прямо-таки мастерством, муштруя певцов в каждой нотке, в каждом слове. Затем Стравинский попросил меня прокорректировать увертюру его нового балета «Pulcinella», причём, несмотря на то, что он хвастался, что у него нет ошибок, я выудил пару. Балет написан в старинном стиле и это преинтересное совпадение, - что я три года назад написал «Классическую» Симфонию, а Стравинский, не зная об этом, написал классический балет.

От Стравинского вместе отправились к Mme Edwards, где нашли Дягилева. Там меня заставили играть «Мимолётности» и «Бабушкины сказки». Играл я довольно скверно, потому что совсем забыл их, и кроме того, три недели не касался фортепиано. Дягилеву и Стравинскому больше всего понравилась 3-я «Сказка» и 15-я «Мимолётность», но, по-видимому, всё-таки самое сильное впечатление осталось от 2-го Концерта, который Дягилев теперь настойчиво просил припомнить, чего я не мог и не хотел сделать. Когда же я сыграл им «Сказку» Op.8 Метнера и хотел играть Скрябина, то и Дягилев и Стравинский стали хором ругаться, а я сказал им, что у них узкая и эмигрантская точка зрения, на что Дягилев возразил, что пушка от того и пушка, что бьёт по узкой линии. Когда я кончил играть, вошёл невысокий человек с загорелым лицом и волосами с проседью. Стравинский очень обрадовался и представил нас: Прокофьев - Равель. Я был очень заинтересован встретить знаменитого композитора, но поговорить нам почти не удалось. На прощание я ему сказал: «Аu revoir, maitre»[11]. У нас в России, да и в Италии, говорят «маэстро» каждому композитору, но здесь на Равеля это произвело впечатление, как будто я поцеловал ему руку. Он ответил: «Oh, non, non! Confrere alors...»[12]. После всех этих встреч я пошёл гулять в Булонский лес и, замученный, рано лёг спать.

11 мая

Письмо от Сони Бришан, но она знает о маме меньше меня. Поэтому пошёл к Самойленко, чтобы он свёл меня с Российским посольством для исходотайствования французской визы маме. Самойленко сказал, что приехали Минстеры прямо из Константинополя и кое-что знают про маму. Фроська-сан и Япония! Вот занятно – все в Париже. Оба успели побывать в Индии и Турции, загорели как сковороды, и хотя мамы не видели, но видели Таню Раевскую. По их словам, беженцы живут не так плохо; сообщение из Константинополя - пароходами на Марсель в семь дней. Я постараюсь достать маме визу, переведу деньги, пусть её посадят в Константинополе на пароход, а я в Марселе встречу.

Вечером был у Дягилева в ложе на втором спектакле Русского балета (они играют три раза в неделю) и видел «Chant du rossignol»[13], балет, сделанный Стравинским из «Соловья». Я слушал с большим интересом, особенно инструментовку, что касается музыки - то там много и интересного, но и много ненужного царапанья. Я должен прослушать ещё раз. Но «Весна священная», когда я разыграл её в Милане со Стравинским в 4 руки, произвела на меня гораздо большее впечатление, чем этот балет. Поставлен он Мясиным очень занятно, изобретательно и талантливо. Декорации Пикассо местами интересны, местами нелепы. Сам Пикассо был в ложе, но нас за общей сутолокой не познакомили и я только под конец услышал, что это он. Стравинский был злой и расстроенный, так как, по его словам, оркестр врал и не выучил балета.

[11] До свидания, мэтр (фр).

[12] О нет, нет! Тогда уж - собрат... (фр).

[13] «Песнь соловья».

А после Стравинского шла «Шехеразада» с пышными декорациями и костюмами Бакста. И я очень наслаждался ею.

Я в Париже пять дней и начинаю делать выводы. По-моему, мне здесь особенно делать нечего: надо налаживать паспортные дела, мамы и свои, и ехать в Лондон. Поскольку я наслушался - ни концертами, ни богатыми домами денег здесь не сделаешь, а если и да - то самые гроши. И даже носится в воздухе, что Париж, который был до войны для искусства «пупом мира», теперь теряет своё влияние и первенство. И даже «для славы» не стоит здесь работать. А между тем о деньгах мне приходится теперь думать: теперь я не один, а с мамой. Подожду ещё неделю- две и в Лондон.

12 мая

Janacopulos даёт первый концерт в Париже второго июня и тратит на него с хорошей рекламой семь тысяч франков. Я думаю, что в Париже никакого концерта устраивать не буду: расходы, возня - и всё неизвестно для чего.

Самойленко разговаривал с князем Львовым относительно устройства визы маме во Францию и мне в Англию, и послезавтра Львов меня по этому поводу примет.

Вечером обедали на Монмартре: Стали, Самойленки, Минстеры и я. Очень милая компания, хотя Самойленко и Сталь пикировались. После обеда Сталь водил меня в какой-то кабачок, где вас отпевают, укладывают в гроб и посредством зеркал устраивают так, что вы начинаете покрываться пятнами, а потом превращаться в скелет. Это старая шутка, очень занятная и, уж конечно, вовсе нестрашная.

Вспоминаю Linette, и будет очень мило, когда она сюда приедет.

13 мая

Встретил у Janacopulos Иовановича, того, кто лет двенадцать тому назад первый должен был играть мои сочинения, и с которым мы на эту тему поссорились. Потом мы помирились, а теперь он, услышав кое-что из моих пьес, сказал, что это лучшее, что создано в современной музыке. До него дошли сведения, что бедный, милый Николай Васильевич Андреев умер от сыпного тифа, а его жена и Борис Верин пробрались в Крым. Я страшно рад, что Борису Верину удалось спастись из Петрограда и вполне допускаю, что Анна Григорьевна вызвала его, но, конечно, и Крым не спасение от ужасной эпидемии. Что до милого Николая Васильевича, то мне ужасно жаль этого человека с его прелестной улыбкой и его удивительно мягким характером. А скольких придётся не досчитаться. Да! На тех близких и друзей, которые в России, надо ставить чёрный крест и считать воскресением появление тех, которые уйдут из-под этого креста...

Сегодня на улице, на том же месте, я, по-моему, опять встретил Нину Мещерскую. На этот раз она казалась совсем маленького роста, не изменившейся, в светло-коричневом костюме, большой чёрной шляпе, очень милой и глядела прямо на меня. Если это она, то отношения наши ясно установлены, так как я не поклонился. Если не она, то я нисколько не удивлюсь, ибо у Нины тип француженки, а я никого никогда не узнаю и мог принять другую за неё.

В половине одиннадцатого вечера я должен был встретиться в Гранд отеле с Хейфецем, который тоже приехал из Америки, и вместе отправиться по разным кабакам, но в Париже отели запирают в десять и потому мы друг друга не нашли.

После американок француженки милы, изящны и любезны.

14 мая

Б.Н.Самойленко устроил мне сегодня свидание с князем Львовым или с Вырубовым, дабы они помогли мне доставать визы: маме французскую, а мне английскую. Кто меня принял из двух - в точности не знаю, но судя по внешности, думаю, это был князь Львов. Он был мягок, рыхл и ничем не помог, так как, по его словам, недавно введены особые строгости и препятствия для русских, едущих во Францию, и потому надо, чтобы мама начала хлопотать из Константинополя, оттуда будет запрос в Париж, а я этот запрос должен поддержать. Минстер советует, чтобы мама просила бельгийскую визу, которая получается легче, а тогда французы дадут свою визу транзитно без затруднений.

Завтракал я у princesse de Polignac. Princesse - пожилая женщина, очень музыкальная и заказывает всем композиторам - Стравинскому, Равелю, Файя - вещи, платя хорошие деньги. У неё превосходный дом и почти этикет. После завтрака я сыграл несколько «Мимолётностей». Она уже была раньше знакома с моими сочинениями.

15 мая

Ходил в Русское посольство, в Русское консульство и в префектуру. Всё для английской визы. В консульстве опаздывают с приёмными часами, а в префектуре тянут и берут взятки. На стене аншлаг: давать деньги строго воспрещается. Тоже надо додуматься до такого аншлага. Сделал мало и вернулся домой злой: всё не клеится, а между тем надо доставать визы и надо как-то зарабатывать деньги, а то до осени не хватит. Маме послал телеграмму, чтобы хлопотала сначала бельгийскую визу, а потом транзитную французскую.

Вечером премьера нового балета Стравинского «Pulcinella», по наброскам Перголезе, открытыми где-то Дягилевым. Очень интересно, хотя в старинном стиле Стравинский поднапустил местами слишком много. Великолепно, когда вопят после убийства Пьеро.

Я был злой и почти ни с кем в ложе не разговаривал. Дягилев был рассеян и по- моему недостаточно интересуется моими сочинениями, а Mme Edwards недостаточно внимательна ко мне. Я ей платил двойным невниманием.

16 мая

Писал письмо Соне, чтобы хлопотала визу маме. Заходил к Стравинскому, чтобы поговорить с ним о вчерашнем балете, а то вчера я ничего ему не сказал и выходило неловко. Стравинский очень мил. Когда я ему сказал, что очень огорчён невозможностью достать маме визу, он ответил, что это действительно очень трудно, но Mme Edwards всё может и он с нею поговорит. Ну, слава Богу. Стравинский очень хорошо относится к моей музыке и считает меня единственным русским композитором (после него, конечно), однако смотрит на меня с какой-то особенной точки зрения, исключительно национальной, которую я ценю, но не разделяю в такой исключительной мере, как Стравинский.

17 мая

Был в английском консульстве, где ожидал тягучку и неприятности, но консул был не по-английски любезен и сказал, что как только я получу штемпель от парижской префектуры, он даст визу немедленно. Так как префектура ерунда, то я могу ехать в любой день. Очень приятно, но где же логика? В Нью-Йорке не

дали визы в семь недель, а здесь дают без препятствий.

Стравинский сказал, что он видел Mme Edwards и что она обещала устроить маме въезд. Он играл мне свой «Rag-time», очень занятный по ритмам, но не знаю, смогу ли я играть его в Америке - боюсь, что безнадёжно для их понимания. Сыграл Стравинскому все двадцать «Мимолётностей», из которых пять он нашёл совсем хорошими, а остальные написанными между прочим. Я никогда не могу догадаться заранее: что Стравинскому понравится.

Был у Wiborg, которая только что приехала из Лондона и встретил у неё Ларионова и Гончарову, которые оба так и накинулись на меня. Ларионов имеет планы и надежды на меня для организации всяких представлений помимо Дягилева. Я считаю, что Дягилев, конечно, делает в тысячу раз лучше, чем всякие другие, которые откалывались от него и пытались конкурировать, но с Дягилевым надо разговаривать, имея в кармане камень, и потому я ответил Ларионову, что очень заинтересован его планами. Кроме Ларионова, который ужасно забавен и нескладен, у Wiborg был ещё один господин, которого я принял сначала за англичанина, потом за русского, а потом чуть не наговорил ему дерзостей, но это оказался великий князь Дмитрий Павлович.

Вечером был опять на «Pulcinella» и сидел с партитурой, которая вылизана до предельной возможности и доставила мне огромное удовольствие. После спектакля ужин у Mme Edwards, где Стравинский и Дягилев сцепились чуть ли не до драки. Стравинский сказал, что в конце «Pulcinella» слишком медленно падает занавес, на что Дягилев возразил: «C'est parce que tu as rate la fin»[14]. Стравинский взъелся и сказал, что «Pulcinella» гениальная вещь и что Дягилев ничего не понимает в музыке. Дягилев возразил, что вот уже двадцать лет, как все композиторы говорят, что он ничего не понимает в музыке, и все художники, что не понимает в живописи, а между тем всё, слава Богу, движется, а «Pulcinella» имела три фазы сочинения: 1) Перголезе - Стравинский. 2) Стравинский - Перголезе и 3) Стравинский по Перголезе. В конце концов их разняли и через пять минут они уже мирно пили шампанское.

18 мая

Был с визитом у Mme Edwards, которая подтвердила, что с удовольствием и быстро устроит маме визу, а также мне для возвращения из Англии.

Janacopulos даёт второго июня первый концерт, а десятого второй, предлагает сделать его joined[15] со мною. С одной стороны, это будет и несолидно, что композитор начнёт пополам с певицей вместо собственного концерта, но с другой - я один всё равно не начну, поэтому не лучше ли пополам, чем совсем ничего. А в конце концов оба неважно, ибо Париж, теперь, по крайней мере, не город для концертов.

От Linette вчера второе письмо, одно нежнее другого, но ни слова о поездке в Европу. Я думаю, что пока она молчит, но недели через три-четыре соскучится и заговорит.

19 мая

Вечером на спектакле Стравинский передал мне бумажку, подписанную каким- то важным лицом из Министерства иностранных дел и дающую мне право на выезд из Франции и обратный въезд, а виза для мамы уже послана. Всё сделала Mme

[14] Это потому, что тебе не удался конец (фр).

[15] Вместе (англ).

Edwards и мне осталось только поблагодарить её. Быстро и хорошо, а я ещё находил её вульгарной! Впрочем, одно другому не мешает. После спектакля Стравинский повёз меня к принцессе Murat, у которой большой вечер в честь Русского балета: Дягилев, Стравинский, Ларионов, великий князь Дмитрий Павлович, Пикассо и несколько молодых французских композиторов, и миловидная молоденькая композиторша, и пропасть других. Много говорили, а потом много шумели и прыгали. В три часа ночи Стравинский сидел под роялем со своим врагом Кокто, на рояле визжал граммофон и кто-то дубасил по клавиатуре, а Дягилев, кажется, с хозяйкой дома танцевал lancier[16]. Я один сохранял спокойствие.

20 мая

После вчерашней поздней ночи пришлось встать рано, так как в десять условились со Сталем, что я приду читать ему три картины «Огненного ангела» и советоваться об остальных. У Сталя острый ум и отличное понимание сцены. Ещё больше я поверил бы Демчинскому, но и Сталь давал неожиданные и очень интересные советы. Четвёртая картина с психологией Ренаты, о которой Брюсов молчит, была мне не совсем ясна. Неясен конец в таверне, с Мефистофелем. Хотелось так же проверить, что скажет Сталь о вольностях по отношению к Брюсову в последнем акте. Обсуждение было очень интересное, жаль недостаточно длинное, ибо Дива[17] куда-то торопилась, всё время влезала и ужасно мешала. Я страшно рассердился на неё и сказал ей, что план оперы обсуждается раз навсегда, а нижние юбки можно покупать каждый день.

Днём был у Ларионова, и он показывал эскизы декораций для «Шута», которые сделаны уже пять лет тому назад. Декорации, по-моему, блестящи и даже после пышных декораций Анисфельда бьют в нос. Масса фантазии и изобретательности, и хочется, чтобы поскорее поставили «Шута». Но надо быть твёрдым и в разговорах с Дягилевым настаивать, чтобы он за партитуру выдал мне дополнительную плату. Писать теперь огромную штуку и не получать за неё ничего я никак не могу.

21 мая

Проигрывал балет Карпентера, жена которого в Париже и просит меня устроить свидание с Дягилевым. Я свидание устрою, но не думаю, что Дягилев этот балет поставит: переливание из пустого в порожнее, иногда мило, но всегда незначительно. Когда я ехал с нею в большом удобном автомобиле, то думал: ведь имеют же люди автомобили и могут не заботиться о завтрашнем дне! И как бы в ответ на мои мысли, Mme Карпентер уронила: о, чего бы не дал John, чтобы его балет был принят Дягилевым! Всякий хочет того, чего у него нет.

22 мая

Устроил Диве (хотя всё ещё сержусь на неё) свидание со Стравинским, который показал ей, как петь «Прибаутки». Кроме того, он играл свои новые романсы по корректуре. Очень интересно, я даже не ожидал, так хорошо. Очень русско и даже местами он пошёл вглубь, что я так ценю в «Весне священной» и чего нет во многих других его вещах.

Вечером был на «Жар-птице» и получил удовольствие. Декорации Головина, который должен был делать «Игрока», тоже очень милы. После спектакля у

[16] Название танца (фр).

[17] Вера Янакопулос.

Гюнсбурга играл в бридж и выиграл сто двадцать франков.

23 мая

Карпентер и Wiborg возили меня завтракать загород, а потом отправились на скачки, где много нарядной публики и пропасть русских. Но самими скачками я не увлёкся, так как не знал лошадей и не имел фаворитов. После был с прощальным визитом у Mme Edwards, где Mme Noble и её очень хорошенькая дочка звали меня к ним, когда я буду в Лондоне.

24 мая

Хотел делать предотъездные дела, но оказалось, что праздник, и всё закрыто. Вследствие этого образовался пустой день, который, впрочем, был заполнен велосипедными гонками, на которые повезли меня Гюнсбурги. Гонки сначала интересны, потом однообразны. Автомобильные куда увлекательней. Но день был чудесный и компания довольно приятная.

Вечером бридж и на этот раз -440. Очень противно.

25 мая

Сегодня: дела перед отъездом в Лондон. Английскую визу дали сразу и даже предлагали годовую, которую я не взял, так как жалко было пятьдесят шесть франков (и дурак). Затем разменял денег, увы, по 13,20 за франк вместо семнадцати, которые предлагали мне в Нью-Йорке.

Днём заходил на репетицию «Чимарозы», оперу, которую ставит Дягилев, с присыпкой балета. Декорации Серта благонамеренны и скучны, но Дягилев и Стравинский хвалят и, по-моему, кривят душой, ибо Серт «свой», а декорации - вчерашнее холодное. Со Стравинским простились нежно, с Дягилевым довольно мило. Но я думаю, что Стравинский передавал Дягилеву мои планы сражаться за дополнительную плату за «Шута», и Дягилев сдержан и изготовляется к бою.

Вечером был у Самойленко, а утром у Сталя, с которым условились, что десятого июля я должен телеграфировать ему, еду ли я на сентябрь в Бразилию, и тогда он вышлет мне деньги.

26 мая

Поезд в десять, я встал в семь. Так как укладывать мало, то успел съездить за письмами от Linette. Она пишет, что очень хочет ехать, но не может достать билета - всё битком до августа. Конечно, но если очень захотеть, всегда можно достать. Всё-таки я думаю, что она приедет, и тогда будет ужасно хорошо.

В десять часов поезд и вспомнил, как семь лет тому назад я с милым Н.В.Андреевым в таком же поезде отправлялся первый раз в Лондон. В Дьеп приехали с опозданием, формальностей мало, и затем пароход, крошечный после океанских. Когда отходили от Дьепа, то было довольно красиво: высокий берег и мягкое освещение, но потом полил дождь и я ушёл внутрь писать письмо Linette подталкивающего характера.

Затем английская таможня, меня на минуту задерживают, спрашивая, зачем я еду, но прочтя газетную рецензию, успокаиваются, и я попадаю в поезд. В девять часов вечера Лондон, где я проявил массу самостоятельности, сам вытащил чемодан, поймал такси и поехал в какой-то отель, название которого я слышал в поезде. Лондон теперь битком набит и достать комнату очень трудно. В третьем

отеле я устроился: дорого и плохо: за каземат с кроватью, умывальником и стулом, без стола и шкапа - полфунта. Накормили тоже плохо после чудесной кухни Парижа.

Затем я разыскал телефон Коутса и говорил с ним. Радостные восклицания, причём Коутс ни капли не забыл русского языка. Коутс спросил, привёз ли я мои сочинения и просил быть завтра в час в Covent Garden.

27 мая

Нашёл себе комнату в тихом отеле, довольно большую, удобную, хотя и без шика, с окнами в сад и с утренним завтраком за две с половиной гинеи в неделю, т.е. за 1,40 доллара в день, - и переехал туда. Таким образом квартирный вопрос был разрешён благоприятно.

В час я явился в Covent Garden - театр с большой сценой и с удивительно просторно, без всякой экономии, расставленными креслами. Коутс, по-видимому, действительно чувствует себя первым дирижёром Англии, покрикивает на хор и ведёт себя импозантно, хотя и мило. После репетиции мы завтракали вместе. Коутс всё время говорил, как он рад меня видеть; что этот сезон он всё время играл Скрябина, а в будущий будет играть меня. Но: «Скифскую сюиту» он до сих пор не сыграл, так как ноты пришли по окончании всех программ. Но: про оперу пока ни слова (кажется, у него трения с директором Бичемом, миллионером и плохим дирижёром, ревнующим Коутса). Но: будет ли у него симфонический концерт в ближайшем будущем, где я мог бы выступить - неизвестно, может быть одиннадцатого июня, и тогда, конечно, обязательно, но пока этот концерт ещё не твёрдо стоит на ногах. Резюме: много хороших видов на будущее (и я верю Коутсу) и пока ничего не видно на настоящее, надо немного подождать и выяснить. После Коутс заходил к Клингу (младшему), директору издания Chester. Он мил до невозможности, но пока тоже ничего и даже не предложил мне студии с фортепиано, как сделал это шесть лет назад его папаша.

28 мая

Открытие выставки Яковлева, Саши-Яши, и много русских на ней, некоторые, приехавшие недавно из Петрограда. Про Мясковского, Асафьева, Сувчинского и Бориса Верина я ничего не мог добиться. Бенуа и Зилоти в Финляндии. Метнер, Боровский и Кусевицкий благополучны в Москве. Каратыгин и Глазунов в Петрограде, последние два выглядят очень плохо. Смерть Н.В.Андреева, увы, подтверждается, но, по-видимому, никто, кроме него. Я спрашивал этого человека, чувствует ли он себя морально искалеченным после двух с половиной лет такой нелепой жизни. Он отвечал, что последнее время в Петрограде с ужасом чувствовал, что теряет и ориентацию жизни, и образ человеческий, но едва покинув Россию, возрождение совершается с удивительной быстротою.

Сама выставка состоит сплошь из портретов людей восточного типа, главным образом китайцев, где отлично схвачены черты Востока, с глазами, то невидящими перед собою, то высокомерно глядящими на европейца, то хитро занятыми своими делами.

После выставки, где я устал, сел на верх буса[18] и для отдыха поехал в Гринвичский парк «на меридиан». По завершении кругосветного путешествия прилично съездить на поклон меридиану, откуда Земля ведёт свой счёт. Обсерватория высится мрачным серым зданием на горке, а парк вокруг зелен и уютен.

[18] Верхний этаж двухэтажного автобуса (bus).

29 мая

Коутс очень занят театральными репетициями и вчера, и сегодня. Теперь у них Garden-season и потому играют всякую итальянскую дрянь или, как выражается Коутс, который ещё не забыл многие русские словца, давно вылетевшие из моей головы, - «всякое говно». Сейчас мы с ним видимся только мельком, но завтра он приглашает ехать с ним в автомобиле загород. Очень хорошо, и кроме того, мне с ним надо о многом поговорить и посоветоваться.

Я разговаривал с Adams'ом, моим бывшим менеджером в Америке, который теперь открыл свой офис и в Англии. Он говорит, что устроить концерт стоит девяносто фунтов, но, конечно, лучше, чтобы я сначала выступил с оркестром. Это я и сам знаю.

Был на выставке Рериха, с которым встретился вчера у Яковлева. У Рериха на полотне сказка и дикие северные ландшафты, и огромные пространства воздуха и приволья, которые он любит и чувствует. Днём я был у него и пил чай. Рерих мил, собирается в Индию и безумно увлечён спиритизмом. Он и его жена - сильные медиумы, и по их словам, у них бывают на сеансах удивительные явления, вплоть до древних монет и небольшого деревянного креста, принесённых на память. На рояле тоже тогда звучат аккорды, очень интересные, и они спросят на следующем сеансе, могу ли я присутствовать, и тогда пригласят меня, чтобы я попробовал записать аккорды.

После двухлетней американской прозы от их разговоров повеяло чем-то другим, увлекательным. Когда о таких вещах говорит кто-нибудь неизвестный, то их пропускаешь мимо ушей, но когда Рерих так просто и серьёзно сообщает о всех подробностях, то это заставляет взглянуть на дело пристальней.

30 мая

Целый день с Коутсом и его семьёй в его автомобиле разъезжали загородом. Были в Windsor'е и дальше. Прогулка вышла весёлая, приятная и интересная. Вернулись в полночь.

Я сыграл ему марш и антракт из «Трёх апельсинов» и Коутс был в страшнейшем восторге: он сказал, что приглашает меня в будущем сезоне на два выступления в симфоническом. Сейчас recital'я давать не советует: брошенные деньги, раз я выступаю с ним будущей зимой.

31 мая

Утром был с Сашей-Яшей в Британском музее, смотрели египетские древности. А вечером были в турецкой бане, где нас парили до одурения, а потом совсем избили, массируя туловище.

Немного скучно, потому что много свободного времени. Сочинять не хочется, а для упражнений нет рояля, который достать здесь очень трудно. А между тем ощущение, что я приехал в Лондон, чтобы что-то делать. Надо понять, что это «что-то» есть переговоры. А этого нельзя сделать в первые же дни.

1 июня

Сегодня наконец устроился с роялем: дали у Стейнвея на два часа зал, а завтра пришлют рояль на дом. Начну понемногу учить программу к осени.

Ходил по Лондону, хорошие магазины. Гораздо больше любви и вкуса к продаваемым вещам. Но покупать ничего нельзя: надо беречь деньги.

1 июня

Фатьма Ханум переслала два письма из Америки: одно от Linette, другое от Haensel. Linette пишет, что и хочет поехать, и не может, так как всё продано до августа. Я страшно рассердился. А Haensel озадачил: два приятных концерта, в пятьсот и четыреста долларов, он закрепил на седьмое октября. Следовательно, если ехать в Бразилию, то раньше ноября я в Нью-Йорк не поспею, а потому - либо Бразилия, либо эти концерты. Коутс сказал: «Плюньте и поезжайте в Бразилию».

Днём у Mrs Peto, к которой у меня было рекомендательное письмо, встретил Lady Cunard, даму, играющую важную роль в судьбах Covent Garden'a (и кстати ненавидящую Коутса, так как она живёт с Бичемом, который тоже дирижирует, но имеет меньше успеха, чем Коутс). Lady Cunard сказала: «Я очень интересовалась вами, приходите ко мне завтракать». Коутс советовал пойти, быть милым и не говорить, что я дружен с ним.

Вечером послал телеграмму Linette, указывая на способы достать билет.

2 июня

Опять письмо от Haensel'a и на этот раз неожиданно приятное: контракт на турне по Калифорнии - четыре концерта за две с половиной тысячи. Нет, помилуйте! Мне начинают платить деньги, а то я уже совсем стал вешать нос и за последнее время внимательно считать копейки. По-видимому, придётся «плюнуть» на Бразилию, а в Соединённые Штаты закатиться с начала октября, иначе не поспеть повернуться. Ведь если я выступлю в Лондоне с Коутсом, то не позднее января, ибо в феврале-марте концертный сезон в Лондоне глохнет с тем, чтобы воскреснуть к концу весны. Следовательно, Америка у меня только до Нового года, причём концерты ноября и начала декабря надо беречь для битвы с Чикагской оперой, а потому трёхнедельную поездку в Калифорнию нужно вклеить в конец октября или начало ноября. Год расписывается как гимназический день.

Завтракал у Noble, очень милых людей с хорошенькой дочкой. Оказалось, что они чрезвычайно богаты и одни из главных пайщиков Covent Garden, хотя и не принимают такого энергического участия в управлении им, как Lady Cunard. Затем я был у неё, но ничего особенного не произошло, так как там были и другие гости. Однако на прощание она дала мне два кресла на завтра и ложу на послезавтра, сказав, что ей будет приятно, чтобы я ознакомился с их театром. Вечером играл «Три апельсина» Коутсу, который следил по партитуре. И как было приятно играть человеку, который тебя понимает! У меня до сих пор терпкий вкус после игры Боданскому и Гатти. Коутс был чрезвычайно доволен и смеялся как дитя. Сказал, что, конечно, Covent Garden не будет тратить таких денег на постановку, но что их, может быть, можно достать на стороне. Советовал поладить с Lady Cunard и говорил, что провести эту оперу на сцену Covent Garden'a хотя и трудно, но не невозможно.

3 июня

Довольно много играл: учил короткие пьесы Шумана, Бетховена и повторял сонату Мясковского. Настроение улучшилось благодаря калифорнийскому контракту и некоторой, благодаря тому, обеспеченности. Вечером ходил на «Тоску», пуччиниевскую полусерьёзность, впрочем, часто ловко сделанную. Играют недурно, декорации будничные, оркестр хороший. Хотел разыскать Lady Cunard, но не видел её. После второго акта стало скучно и потому ушёл.

5 июня

Письмо от Linette, приятное: она, конечно, «неожиданно» получила место на десятое июня, но теперь другой вопрос: её мать не совсем здорова и ждёт исследования рентгеновскми лучами. Если что-нибудь серьёзное, то Linette не сможет ехать, если же всё благополучно, то даже полезно, по мнению Linette, расстаться с матерью месяца на три.

Днём пошёл в ложу, подаренную Lady Cunard, на «Пелеаса», но спектакль отменили.

6 июня

С Коутсом и какой-то чужой и совершенно чуждой для меня компанией ездили в двух автомобилях загород. Хотя компания, несколько неделикатная, мне до некоторой степени надоедала, но я решил не обращать на них внимания, так как погода была отличная и автомобили удобные.

Написал по совету Коутса письмо Lady Cunard, благодаря её за билеты в Covent Garden и выражая желание сыграть ей «Три апельсина». Я бы не стал так расшаркиваться, но Коутс сказал, что Lady Cunard - подводный камень, который может испортить всё дело.

7 июня

Был у Lady Lavary, урождённой американки и подруги Mrs Carpenter. Вечером она возила меня в ложу на «Louise» (дрянь). Видел опять Lady Cunard, которая с важным видом пригласила меня к себе в пятницу играть оперу. Очень жаль, что всё это тянется так медленно, потому что если Linette приедет восемнадцатого, то надо бы к тому времени быть в Париже, а то эта девочка будет себя чувствовать одинокой и покинутой. Но Коутс говорит, что ничего не поделаешь, надо вести дело через Lady Cunard, хотя он, со своей стороны, написал уже Бичему о «Трёх апельсинах».

8 июня

Сегодня и завтра, в сущности, дни пустые с точки зрения проталкивания вперёд моей оперы. Когда мы с Коутсом подходили к Covent Garden, то встретили Дягилева, который только что приехал из Парижа. Очень интересно было смотреть, как Дягилев и Коутс, два знаменитых пионера русского искусства, беседовали друг с другом. Со мной Дягилев был чрезвычайно мил - и таково обаяние этого человека, что до сих пор я хотел сражаться из-за «Шута», а теперь мне хочется уладить это дело мягко. Дягилев не стригся, должно быть, два месяца, и я сказал ему:

- Сергей Павлович, постричься надо бы...

Дягилев немного рассердился и ответил:

- Мне уже пятнадцать человек об этом говорили до вас.

В четверг открытие балетного сезона и он вручит мне «Шута», чтобы я его повторил, а потом сыграл ему. Очень будет приятно встретиться с господином «Шутом»: я почти не помню его, кроме пяти-шести тем, но помню, что это - удачное сочинение. Очень интересно услышать новое сочинение самого себя.

9 июня

В Париже Стравинский советовал мне взять для американского репертуара

вальсы Шуберта, которые он очень любит. «Иногда настоящий Глинка!» - восклицал Стравинский. Сегодня я купил том Шуберта с бездной вальсов и проиграл часть их, отчёркивая карандашом то, что нравится. Я давно не видел такой массы белиберды, как эти вальсы, разве что сборник романсов Римского-Корсакова может сравниться с этим, но зато попадаются действительно очаровательные. Скомбинировав сюиту, я думаю, можно получить отличный номер для концертов.

Много гулял, отправился через Regent Pare на север в другие парки и в конце концов вышел за пределы карты города.

10 июня

Продолжал играть вальсы Шуберта. Из полутораста вальсов выбрал штук пятнадцать-двадцать и пробую уложить их в приятную последовательность. Выходит очень мило.

Завтракал у Lady Lavary, где были другие lady. Играл им очень много и они были в чрезвычайном восторге, а также крайне заинтересованы постановкой «Трёх апельсинов» в Covent Garden и обсуждали планы, как воздействовать на Lady Cunard.

Вечером первый спектакль дягилевского балета и очень большой успех по сравнению с Парижем, с чем я и поздравил Дягилева. «Pulcinella» я слушал с большим удовольствием.

Жду письма от Linette - и нет его, а между тем сегодня она уже должна тронуться в Европу, если обстоятельства не удержат. Ужасно мне хочется, чтобы она приехала.

11 июня

Взял партитуру и клавир «Апельсинов» и поехал к Lady Cunard играть их. Вначале я почувствовал себя крайне неприятно, так как набилась целая компания, человек шесть, но большинство из них оказались вчерашними дамами, которые приехали влиять на Lady Cunard. Я, главным образом, рассчитывал на сюжет и потому рассказал его подробно. Потом играл второй акт, но не думаю, чтобы все они много поняли. Тогда ловкие дамы попросили, чтобы я сыграл что-нибудь из моих фортепианных вещей, и действительно, мягко сыгранные «Мимолётности», прелюды и скерцы очень понравились Lady Cunard. Под конец появился Beecham, художественный директор Covent Garden и главное лицо, очень милый господин, дирижёр и кое-что понимающий в музыке. Он смотрел партитуру и сказал мне, что Коутс уже нахвалил ему эту оперу. За поздним временем он просил оставить партитуру, чтобы ознакомиться с нею.

Как будто всё идёт хорошо.

12 июня

Думал получить письмо от Linette, так как был пароход из Америки, но ничего нет. Это тревожный симптом: значит, отъезд ещё не решён из-за нездоровья матери и она не знает, что писать.

Днём заходил в Covent Garden, где Дягилев был крайне мил, но балет до сих пор не достали со дна сундука, на который навалены какие-то картины. Я сказал, что могу остаться в Лондоне неделю и больше, но могу и уехать через несколько дней, если получу телеграмму от мамы из Константинополя.

Дягилев заволновался и сказал, что в понедельник балет будет добыт со дна ящика.

Коутс, которому я подробно рассказал о свидании с Lady Cunard, сказал, что симптомы благоприятные. Он надеется на днях устроить meeting[19] втроём (Бичем, он и я), дабы поговорить о деловой стороне. Это хорошо. Пора к делу.

13 июня - 30 июля

Здесь дневник прерван ввиду сутолоки, которая была в последние дни.

Дягилев наконец вручил мне балет со словами: вот ваша драгоценность. Это было в Covent Garden, во время антракта. Я был так заинтересован увидеть мой «новый балет», что тихонько ушёл из ложи Lady Cunard, в которой сидел, и отправился рассматривать его в пустое во время действия фойе. Многое в балете оказалось приятным, хорошим и как-то выплыло из забытия. Многое показалось очень корявым, требующим переделки. Кое-что сначала не понравилось, но понравилось потом, через несколько дней. Вообще же я был крайне доволен моей «встречей» и в улыбающемся виде вернулся в ложу. На другой день я «учил» балет, чтобы играть его Дягилеву, а затем слушание состоялось в присутствии Мясина и Ансермэ. Ансермэ громко хвалил, а Мясин и Дягилев, по-видимому, что-то соображали, но согласились даже со своей «эмигрантской» точки зрения, что в балете много красивых, чисто русских тем. На другой день вся компания ввалилась ко мне, прослушали балет и затем Дягилев начал речь, очень осторожно, очевидно, боясь, что я сразу накинусь на него. Дело касалось того, что балет в том виде, как он был сейчас, слишком подробно следовал за действием. Так и думали одно время, например, во времена сочинения «Петрушки», но теперь взгляды переменились и установлено, что впечатление гораздо больше, когда музыка остаётся большими, цельными симфоническими кусками, которым соответствуют целые балетные сцены, без детализации. В последнем случае и музыка выигрывает, так как она становится более текучей, более симфонической, и пластика становится более самостоятельной и цельной. Если же деталировать, как в моём балете, то и в музыке нет ни одного цельного куска: всё изрублено и искалечено, и с другой стороны пластика должна рабски следовать за музыкальными фразами и тем снизводиться до простой пантомимы. Поэтому, буде я согласился бы переделать мой балет так, чтобы выкинуть все иллюстративные части и вместо них развить темы, как я сделал бы это в симфонии, то от этого выиграл бы и балет, как музыкальное произведение, выиграла бы и пластика, которая сделалась бы свободной, не привязанной за нос к каждой фразе. Дягилев уже, очевидно, предвидел целую контратаку с моей стороны, но я нашёл, что говорят они вполне резонно, а мысль переделать «Шута» так, чтобы он сделался более цельным симфоническим произведением, была для меня очень приятна. Таким образом, вопрос был сразу улажен и в следующие три посещения, которые происходили каждый день, а иногда и два раза, Дягилев вместе со мной детально рассмотрел «Шута» и мы наметили, что надо развить и что урезать. Говорил Дягилев также, что каждая картина должна отличаться от другой и иметь свою физиономию, чего не видно в «Шуте», и приводил в пример «Петрушку». Я возражал, что в «Петрушке» иначе быть не могло, так как самый сюжет предписывает огромную разницу между двумя средними картинами с их интимной жизнью, и двумя крайними, с улицей и толпой. В «Шуте» же в каждой картине шуты, только в разных положениях и потому, если бы даже удалось сделать каждую из маленьких трёх-четырёхминутных картин непохожей на другую, то шесть таких перемен на расстоянии получасового балета создали бы только пестроту, быть может, в ущерб общему впечатлению «шутливости» пьесы. Во всяком случае приниматься за это исправление уже поздно.

[19] Встречу (англ).

Вслед за художественной стороной также благополучно была улажена и денежная. Дягилев сначала было заявил, что он с удовольствием заплатит за работу по переделке балета, но что инструментовка его не касается, так как он ведь, кажется, уже заплатил за весь балет (ещё бы, и даже 3500 рублей вместо 3000, причём моя вторая поездка в Италию должна была быть в счёт этой суммы, а я не поехал совсем). Но я поставил вопрос иначе: работа по балету займёт у меня всё лето и мне в течение этого времени необходимы деньги для проживания. Поэтому он может быть тысячу раз прав, но если у меня не на что будет жить, то балет будет сделать невозможно, ибо мне придётся принять предложение Сталя ехать в Бразилию, чтобы куда-нибудь поместить себя. Поэтому, если он хочет, чтобы я привёл в порядок и инструментовал балет в течение лета (осенью и зимой мне будет абсолютно некогда), то ему придётся выдать мне содержание в размере 3000 франков в месяц в продолжении четырёх месяцев до осени. «Не четырёх, а трёх» - сказал Дягилев. Я согласился на трёх. Тогда он согласился на три тысячи в месяц. Эта сумма, с одной стороны, казалась будто и большой, но по переводе на фунты, в которых Дягилев имел сейчас деньги, равнялась скромным шестидесяти фунтам в месяц. Приняв во внимание, что Дягилев платил за свой номер одиннадцать фунтов в день, это выходило совсем немного. «Только вы уж хорошенько переделайте» - сказал Дягилев, соглашаясь. Я ответил на это цитатой из «Снегурочки»: давать казну, так знать за что. «А то, - прибавил Дягилев, - французы теперь злые и говорят, что я, кроме Стравинского, никого не могу открыть». Из этого я заключил, что на мой балет Дягилев действительно возлагает большие надежды. Я сказал, что я хотел бы сам дирижировать балетом, так как не слишком верю Ансермэ. Дягилев ответил: что ж, дирижируйте, если сумеете. Я сказал: вы не знаете, как я дирижирую. Таким образом, мы расстались очень дружески и через неделю я получил первый чек в три тысячи франков. Балет пойдёт в Париже в будущем мае и в Лондоне седьмого июня. Другой новинкой сезона будет «Свадебка» Стравинского. Когда вопрос о моём дирижировании был решён, Дягилев улыбнулся и сказал: «Кончится тем, что вы сделаетесь дирижёром Русского балета». Я ответил, что пока меня чисто дирижёрская деятельность не привлекла, но моим балетом я буду дирижировать с удовольствием.

С Бичемом свидание состоялось семнадцатого июня, раньше он не мог, будучи занят до зарезу своими имениями и пилюлями. Коутс направлял разговор, а я отвечал на вопросы, которые ставил Бичем. Разговор сводился к тому, дорого ли обойдётся постановка оперы и что, конечно, Covent Garden не может истратить и половины тех ста тысяч долларов, которые ухлопала Чикагская опера. Когда зашёл вопрос о художнике, который мог бы написать декорации, я предложил Гончарову, которая в Париже говорила, что сделала бы дёшево и с удовольствием и работы которой я очень люблю. Бичем сказал, что пусть она предложит приблизительную смету расходов и, если она не будет велика, он ничего не имеет против постановки «Апельсинов», (но не зимою, а в летний сезон, т.е. май-июнь).

Коутс сказал: «Now, what will get the boy?»[20]. Бичем ответил, он не помнит условий с Пуччини и Штраусом, но что он мне предложит такие же. Я спросил, может ли он гарантировать десять спектаклей в два года и выдать половину при подписании контракта. Бичем сказал: половину или немного меньше. Мы расстались на том, что в Париже я увижу Гончарову и пришлю её смету. Коутс, когда мы выходили от Бичема, сказал, что когда он перед тем завтракал с Дягилевым и Дягилев спросил его, неужели правда, что Covent Garden поставит «Три апельсина», он ответил, что есть 99% шансов. Теперь он считает, что шансов 99,5%.

[20] Теперь, что получит мальчик? (англ).

Относительно моих выступлений в симфонических концертах, то двадцать седьмого января я играю в Филармонии, а перед тем Коутс исполнит дважды «Скифскую сюиту» и один раз «Классическую» Симфонию.

На этом я уехал из Лондона, так как пришла телеграмма от мамы, что она выехала из Константинополя в Марсель. Я так давно ждал маму, что эта телеграмма меня взволновала. Восемнадцатого июня вечером покинул Лондон, и проведя ночь на пароходе, где была отвратительная толкотня, проснулся в Гавре. Когда я очутился на берегу, то пошёл справляться, когда приходит «Touraine», хотя и не знал, приедет ли Linette или нет. «Touraine» ждали через два дня. Я хотел оставить письмо для Linette, но потом рассчитал, что, вероятно, я успею съездить в Марсель и вернуться в Париж к её приезду.

Таким образом, в двенадцать часов дня я был уже в Париже, а в два - на пути в Марсель. Хотя, благодаря дягилевскому «жалованию», я чувствовал себя довольно обеспеченным, особенно с 99.5%-ной надеждой на «Три апельсина», но всё же деньги с этим путешествием выскакивали, как будто они были круглыми, а не бумажными. Целый день пути по красивой, цветущей Франции, затем полночи некрепкого сна и в четыре часа утра я уже стоял у открытого окна, любуясь на южньй ландшафт, освещённый восходящим солнцем. Мы огибали залив, подходя к Марселю. Средиземное море синело настойчивым синим цветом, столь присущим ему. Умывшись и выбрившись на вокзале, я пошёл на пристань узнавать, когда приходит «Souirah» из Константинополя. После некоторых трудов мне удалось установить, что его ждут часам к десяти и что за полтора часа его увидят с колокольни. В ожидании я походил по Марселю, а в десятом часу действительно показался «Souirah». День был дивный, солнечный, южный, и настроение у меня отличное, хотя проскальзывала тревога: в каком виде будет мама. «Souirah» пристал к берегу, но на палубе, среди массы высыпавшего народа, я так и не видел мамы. Я прождал полтора часа, ходя у самого парохода, прежде чем началась его разгрузка по окончании медицинского осмотра. Тогда я влез на пароход, но, обойдя его, не нашёл никого и лишь услышал за спиной: «Сейчас только прощусь с госпожой Прокофьевой и затем будем спускаться на берег». Я обернулся и спросил, о какой госпоже Прокофьевой они говорят. Они воскликнули: «Да вы композитор Прокофьев?! Очень рады с вами познакомиться!» - и потащили через весь пароход. Оказалось, что это супруги Шлетцеры - на его сестре женат Скрябин. Шлетцер считался одним из вдохновителей Скрябина на философском пути. Мама оказалась не в первом классе, как я ожидал, а в ужаснейшей матросской каюте, так как лучшего места она достать не успела, а ждать не хотела. Когда я вошёл в большую каюту на восемнадцать человек, она смотрела в другую сторону и меня не видела, так что я не знал, совсем ли она слепа или видит ещё немного. Она загорела как пергамент, надела синие очки и сильно похудела. Однако встреча была бодрая и почти деловая, очень радостная. Вещей оказалось два небольших, прилично выглядевших чемодана, и тюк, совершенно неприличного «беженского» вида. Среди вещей прибыли и мои бумаги: рукописи «Семеро их» (не партитура, а эскиз её, очень полный), партитура Скрипичного концерта и клавир 2-го Концерта для фортепиано. Затем три тетрадки дневника и три рассказа. Это было ужасно приятно: я боялся, что всё это погибнет при обысках в России или будет задержано в таможнях на пути. Под руку с мамой мы спустились с парохода и поехали в гостиницу. На вечерний поезд не было билетов, поэтому мы решили отправиться в Париж завтра утром. День провели в разговорах (за два года сколько новостей!) - сколько лишений и в России, и во время бегства (восемнадцать дней в трюме на пути из Новороссийска в Константинополь). И теперь она почти не верила, что всё кончилось. Проведя весь следующий день в вагоне, мы вечером двадцать первого приехали в Париж и остановились в Hotel Quai Voltaire на берегу Сены.

Утром я поехал к Самойленко и - ура! - они вручили мне pneumo[21] от Linette: значит «Touraine» пришла, Linette приехала и, согласно телеграмме, которую я послал ей на «Touraine» из Марселя, извещала меня о своём прибытии. Я сейчас же отправился в её отель, который случайно оказался в двух шагах от моего, но не застал её дома. Оставив ей записку и придя через два часа я нашёл Linette, которая сейчас же потащила меня в другой отель, по соседству, куда она уже перебралась, а там сказала, что наверх неудобно подниматься, и мы пошли по Парижу. И всё нам казалось странным, до того наши отношения крепко были связаны с Нью-Йорком. Linette была немного нервная, но такая же очень милая, как всегда. Мы зашли к Сталям, но они два дня как уехали в Бразилию. Вечером мы отправились в Булонский лес и нежно целовались в тёмных чащах, но Linette опять была немного недотрогой.

Таким образом, в эти три-четыре дня все вопросы разрешились: мама, Linette и Дягилев. Лето наладилось как нельзя лучше, а на Бразилию «плюнули». Гончарова, очень обрадованная возможностью сделать декорации к «Трём апельсинам», бегала по Парижу, узнавая цены для сметы, а я принялся искать дачу. Это оказалось довольно трудно, ибо всё уже было разобрано, и лишь через неделю, написав свыше двадцати писем, получив массу отказов и побывав в пяти пригородах, я нашёл в Mantes-sur-Seine, в часе езды от Парижа, очень хороший дом на берегу Сены. Правда, это была не такая полная деревня, как я хотел бы, так как за спиной был город, и цена была немного высока (четыре тысячи франков до конца сентября), но дача была просторна, очень удобна и даже элегантна, местность прелестная и река у самых ног. В придачу нам перешла и очень хорошая кухарка (страшно дешёвая по сравнению с Америкой), тут же в Mantes я нашёл пианино. Дача была найдена второго июля, а шестого мы туда переехали. Для Linette я тем временем нашёл хорошего профессора пения и она с увлечением принялась за уроки каждый день. Маме я её отрекомендовал как «американку», которая будет переводить «Три апельсина» на английский для Covent Garden и они сразу поладили, а Соня Бришан, приезжавшая из Брюсселя повидаться с мамой, нашла, что Linette замечательно хорошенькая. Гончарова и Ларионов тоже с нею очень подружились. Однако Linette заявила, что сразу она в Mantes никак не переедет, чтобы не испугать маму, а будет наезжать. Кроме того, так как у неё уроки пения, то было бы слишком утомительно каждый день ездить в город. Так как это было лишь на первое время, то я согласился, но потом очень сердился на Linette, в сущности она приезжала только на субботу и воскресенье.

Водворившись в Mantes, я принялся за «Шута» и довольно быстро и с удовольствием переделал первые четыре картины, вклеив два новых танца мажорного характера (Дягилев жаловался, что весь балет в миноре): танец шутиных жён во второй картине (перед фугой) и танец шутовых дочерей в четвёртой картине (перед появлением жениха), затем сделал первый антракт и двадцать первого июня принялся за партитуру, которая потекла приятно, хотя и не очень быстро: три-пять страниц в день. Один-два часа в день играл на рояле, готовя программу для Америки и стараясь сделать мою игру как можно аккуратней: чтобы ни одна нота не была взята случайно. Не скрою, что слушая Рахманинова мне пришла идея об этой аккуратности, и в этом я вижу путь моего дальнейшего усовершенствования в игре на рояле. Это очень опасный путь для тех, у кого недостаточно природной жизни в игре, он может засушить, но, я думаю, мне нечего бояться сушки.

Мама очень оправилась на даче и зрение её стало лучше, теперь она гуляет по садику дачи самостоятельно. Я, по обыкновению, совершаю довольно значительные

[21] Пневмопочту, от pneumo (фр).

прогулки по окрестностям и восхищаюсь живописностью французского ландшафта. Получаем русскую газету, издаваемую в Париже и, как провинциалы, читаем её вслух от доски до доски. Момент политический очень интересный: с одной стороны, большевики крепки как никогда и бьют поляков как хотят, с другой - Врангель всё сильнее разворачивается на юге, а «союзники» мечутся и не знают, кого признать - большевиков или Врангеля.

Дача состоит из трёх этажей: гостиная и столовая внизу, мамина спальня и комната для гостей во втором, моя комната (прелестная, с огромным диваном и с балконом на Сену) - наверху, и рядом маленькая комната для гостей. Сюда я поместил и Linette, причём мама глазом не моргнула, очевидно, решив не вмешиваться в мои дела, - и нам с Linette очень хорошо наверху. Я жду с нетерпением, когда она наконец переедет в Mantes.

Двадцать девятого июля в Париже у сестры Фатьмы Ханум состоялся обед; в числе присутствующих были Алексей Толстой, Куприн, Бунин. С Толстым я уже встречался в Москве у Кошиц, а с Куприным и Буниным познакомился теперь. Куприн, который интересовал меня больше всех, мягкий, подкупающий, а по внешности невзрачен и провинциален. Бунин - тип отставного чиновника. Я много играл и писатели были в дичайшем восторге, даже целовали меня. Кто-то сказал: «Это звуки, отмытые в эфирах». Толстой сказал: до сих пор казалось, что новые композиторы бьются как мухи о стекло, ища новых путей, а вы просто распахнули окно - это так ново и понятно. Даже желчный Бунин сказал мне: вы очень приятный человек. После ухода писателей все поздравляли меня с необычайным успехом, а Фатьма Ханум, оставшись со мною на балконе, начала так кокетничать и класть головку на плечо, что я был прямо поражён.

31 июля

По сегодня сделано тридцать страниц партитуры (с двадцать первого), т.е. меньше трёх страниц в день: не очень скоро, хотя балет, да ещё довольно сочинённый, и должен идти тише оперы.

Про Covent Garden ничего не слышно, и я уже как-то начинаю думать, что там всё провалилось. Дягилев не шлёт жалованья. Мама тоже в миноре, так как доктор не похвалил её глаза. Но очень приятное событие - это Linette, которая сегодня в шесть часов водворяется на дачу. Я страшно доволен этим.

Август

Август протёк в Манте хорошо и спокойно. Linette окончательно поселилась на даче, лишь три раза в неделю выезжает в Париж на уроки пения. Отношения наши были самые нежные и если мы иногда чуть-чуть вздорили, то мало, и сейчас же мирились. Иногда она как будто немного тосковала, но мало. Я работал над балетом, написав за этот месяц восемьдесят семь страниц, а также сочинив второй а третий антракты. Программа тоже - на два recital`я стояла на ногах. Роялем я занимался только вечером, час или два.

Некоторое волнение причинил Дягилев, который не прислал денег ни к первому, ни к десятому (а должен был к двадцатому прошлого месяца). А надо было платить за дачу, да и вообще положение становилось необеспеченным. Я отправился в Париж и тут узнал, что Дягилев уже переехал из Лондона в Венецию, пробыв в Париже два дня и ничего мне не сообщив о том. В Лондоне его сезон кончился ссорой с Бичемом и крахом, так как Бичем заплатил лишь четверть того, что должен был получить Дягилев. Часть артистов даже не получила жалования, Дягилев затеял процесс, а сам уехал в Венецию, едва имея деньги для себя.

Положение у меня создалось самое глупое: снять дачу, «плюнуть» на Бразилию и построить себе счастье на лопнувшем Дягилеве! Б.Н.Самойленко, как друг и джентльмен, сразу пришёл на помощь и вручил три тысячи франков, пока дело уладится. Я послал Дягилеву телеграмму, аттестуя (несколько преувеличенно) своё положение как критическое, и вскоре, к крайнему удивлению, получил от него три тысячи. Это было не только удобно в финансовом отношении, но и лестно, так как Дягилев всегда аккуратен с теми, кто ему нужен, и редко с теми, кто негож. Если же он при таких критических обстоятельствах продолжает мне платить, то значит, я котируюсь хорошо.

Приехал из России Н.П.Рузский, удравший от большевиков, но семья, обвинённая в «белой» пропаганде, попала в тюрьму. По его словам, Захаров продолжает преподавать в Консерватории и производит «очень отрадное впечатление». Я ужасно рад за него и повидал бы его с большим удовольствием. Приехал Бальмонт, которого большевики выпустили с почётом. Я сейчас же отправился его приветствовать и нашёл в постельке, ещё не пробудившегося от сна, как всегда розового и в кудряшках, привёзшего с собой дочку и двух жён. «В России хаос, в котором мечутся, но из хаоса родится творчество, - сказал он, - а во Франции мертвечина, и нет надежды, чтобы она создала что-нибудь».

Про Бориса Верина слышали, что он в Крыму, но не наверное. Кусевицкий выехал вместе с Бальмонтом, но повидать его мне не удалось, так как приехав в Париж, он сейчас же отправился в Aix-les-Bains. Из письма его я узнал много приятного: мой чемодан цел и в верном месте. Асафьев и Мясковский живы. Российское Музыкальное Издательство скоро возобновит свою деятельность. Он звал меня приехать в Aix, дабы поговорить о многом, но приходилось беречь деньги, да и не очень мне хотелось уезжать из Mantes.

Коханский тоже мелькнул в Париже. Он привёз отлично отделанную им партию моего Скрипичного концерта и я надеюсь, будет играть его в Лондоне. Коханский говорит, что Сувчинский в Софии, и я немедленно ему написал туда. Дядюшка Элеоноры, который оказался в Копенгагене (как я прочёл из газет), ответил мне, что Элеонора в Петрограде, а Борис Борисович в Константинополе. Наконец ещё одно лицо, появившееся на горизонте, это Юнг, подруга Веры Миллер. Узнав, что её отец преподаёт в новооткрытой Рижской консерватории, я написал ей наугад и, к удивлению, очень быстро получил ответ. Миллер жива, в Петрограде, потеряла отца и мать, едва не умерла от воспаления лёгких, теперь поправляется и собирается в Ригу к Юнг. По словам Юнг, они в переписке, - а казалось, что с большевистской Россией нет ни почты, ни сообщений, как с тем светом. Миллер ходила на мою квартиру, которая разграблена и бумаги сожжены. Вот это очень плохо. Погибла партитура 2-го Концерта (хорошо, что клавир привезён мамой), и ужасно жалко мне, - погибла тетрадка дневника, по-видимому, с сентября 1916 по февраль 1917[22]. Там и период приготовления «Игрока», репетиции с певицами, репетиции с оркестром (первый и второй акт), мои концерты в Киеве, Саратове и Москве (в присутствии Рахманинова, Метнера и Бальмонта), камерные концерты из моих сочинений в Петрограде, выступление и знакомство с Горьким, эскапады с Полиной, моя поездка к ней в Харьков и её в Петроград, письма Ванды Оссолинской, Наташа. Борис Верин, вероятно, эпизоды с Элеонорой - всё это пожрало пламя. Погибла переписка за год или за два и много чего погибло, если мои друзья не спасли. Тоже ещё не велика радость, если дневник и письма попадут не в те руки!

Таким образом, сама мантская жизнь текла мирно и счастливо, и лишь тревожили её камешки, долетавшие из буйного российского смерча. Ещё событием было свидание с H.Johns, теперь полноправным, хотя и не очень смелым,

[22] Тетрадка дневника сохранилась. (Прим. Ред.)

директором Чикагской оперы. Он приехал в Европу набирать певцов и вызвал меня в Париж. Разговор был дружественный и я выказал сговорчивость, дав понять, что на шесть тысяч долларов согласился бы. Johns нашёл положение «quite satisfactory»[23], сказал, что по возвращении в Америку доложит директории и протелеграфирует мне. После разговора я несколько испугался, что слишком сдался, но потом решил, что наоборот, это хорошо: надо их втравить как можно дальше в постановку, тогда им уже нельзя будет отступить, тем более, что в этом случае всего две новинки: «Три апельсина» и «Jaquerie» Маринуцци, небольшая опера, и им нельзя терять «Апельсины». Не скрою, меня необычайно обрадовала возможность постановки, от которой я себя успел отучить, - и потянуло в Америку, на репетиции.

Сентябрь

Сентябрь начался некоторой передрягою. Я собирался выехать в Америку числа восемнадцатого и уже записал себе билет на двадцать второе из Ливерпуля, ибо первый концерт был в Чикаго седьмого октября. Вдруг получилось письмо от менеджера, где он вскользь упоминает о чикагском концерте седьмого декабря. Я послал телеграмму: что же, верно. Оказалось, что декабрь. Таким образом, мне некуда было торопиться и отъезд был отложен. Мне, в сущности, было очень приятно остаться ещё в Манте, а мама была ужасно довольна, так как в начале октября доктор хотел делать ей глазную операцию и она радовалась, что это будет сделано в моём присутствии. Однако возникал финансовый вопрос: бюджет был рассчитан до седьмого октября с тем, что седьмого и восьмого октября я получал девятьсот долларов. Теперь те же девятьсот долларов поступали на два месяца позднее и возникал вопрос, чем заткнуть образовавшуюся дырку. Я вспомнил Кусевицкого, который говорил о возобновлении деятельности Русского Музыкального Издательства и написал ему в Aix, спрашивая, может ли он напечатать восемь моих фортепианных пьес, Op.31 и 32, и объясняя ему, почему мне понадобились деньги. Я рассчитывал, что в крайнем случае мне даст деньги Вышнеградский под американские контракты. Кроме того, надо же, чтобы и Дягилев доплатил оставшиеся три тысячи франков, хотя тут надежды было мало, так как Бичем не только не заплатил Дягилеву, но и сам лопнул, заперев Covent Garden. Постановка «Трёх апельсинов», таким образом, пошла к чёрту, как обыкновенно и случается, когда дело касается постановки моей оперы. Тем более бережно надо относиться к постановке в Чикаго. Haensel прислал четыреста долларов взаймы на дорогу. Вообще же я решил не огорчаться финансовыми вопросами - и жизнь в Манте текла по-прежнему мило и приятно. С Linette мы были нежны, даже нежнее, чем в августе. Linette занималась с мамой английским и отношения у них были тоже хорошие. Гостила у нас Соня с сыном целую неделю. Я был сначала в ужасе от их вторжения, но и Соня, и девятнадцатилетний Андрюша оказались очень милыми, и их пребывание было перенесено легко. Пригласить же их было необходимо, так как мама собиралась провести зиму под их крылом. Занимался я много: сочинил три остальных антракта, переделал пятую и шестую картины и заново пересочинил заключительный танец. Инструментовал я столько же, сколько в прошлом месяце, т.е. восемьдесят семь страниц, и добрался до начала пятой картины, где инструментовка прервалась на весь октябрь. Таким образом, сентябрь докатился до октября, и ни мне, ни Linette не хотелось покидать тихого и комфортабельного Манта. Хотя погода закутана густыми туманами, но днём было хорошо, солнечно и пёстрый осенний наряд одевал деревья. Тридцатого октября

[23] Вполне удовлетворительно (англ).

было состоялось заседание: мама. Linette и я, и было решено, хотя и очень жалко, переехать в Париж. Маму ждала операция, мне надо было хлопотать о деньгах, визе и билете, а Linette возобновлять уроки пения, которые прервались на сентябрь. Лето прошло прелестно, приходила пора опускаться в сутолоку.

Октябрь

Второго октября мы переехали в Париж - мама отправилась прямо в больницу, где ей сделали операцию сначала в одном глазу, потом в другом. Операции были не слишком серьёзными - насечки на белке, для того, чтобы уменьшить его объём, - и мама перенесла их храбро. Особенного улучшения ждать было нельзя, но насечки сделать было необходимо, иначе грозила слепота.

Помня, что моя нью-йоркская операция стоила сто долларов, я думал, что едва ли придётся платить здесь более тысячи франков, но оказалось, что четыре тысячи, и таким образом финансовые затруднения, не будучи ничуть разрешены, усложнились ещё больше.

Кусевицкий вернулся в Париж, мы встретились очень радостно и разговаривали насчёт издательства. Он сказал, что вся задержка за Струве, который сидит в Копенгагене и не может попасть в Париж из-за визы. Он знает технику дела и как только он приедет в Париж, издательство начнёт свою деятельность.

Я поселился в Hotel du Quai Voltaire[24] и хотя Linette хотела поместиться в другом отеле, чтобы не было разговоров и компрометации, но как раз в Voltaire была хорошая и недорогая комната - так мы и устроились вместе, хотя и в разных этажах. Linette отправилась к Литвин, которая расхваливая её голос, сказала: «Nous en ferons un petit bijou»[25] и стала давать ей уроки. Linette расцвела и весь сплин, иногда её посещавший, рассеялся.

В Париже я встретил Стравинского, который играл мне свой новый Квартет, очень интересный, хотя, как полагается, с массой царапаний. Я ему играл «Шута», которого он расхвалил. Я просил указать поправки в инструментовке, но он ограничился исправлением некоторых лиг у деревянных духовых для получения большей рельефности.

Вскоре появился и сам Дягилев, по дороге из Венеции в Лондон. Как и полагается, он вновь воскрес из пепла, достал деньги, имел ангажементы, прослушал «Шута», расхваливал переделки, заплатил три тысячи, заставил наиграть его на фонолу для репетиции и вообще был великолепен. Надо сказать, что похвалы Стравинского и Дягилева меня очень обрадовали и я был горд. Одно плохо: кажется, весеннего сезона у Дягилева не будет ни в Париже, ни в Лондоне, так как в мае он собирается в Южную Америку. Когда пойдёт «Шут» - неизвестно. Таким образом, три тысячи у меня появились из самого неожиданного источника, так как на Дягилева я рассчитывал меньше всего. Но этого было мало. Я обратился к Вышнеградскому, прося пять тысяч франков под семь тысяч долларов американских контрактов, но получил отказ.

Я много метался и беспокоился, наконец налёг на Кусевицкого и получил от него три тысячи франков. Итак, кое-какие концы с концами были сведены, я оставил денег и маме, и Linette, не всё выплатил доктору, отложив до декабря, меньше всего оставил себе, но это неважно, и шестнадцатого октября отправился в путь.

Пора было ехать в Чикаго из-за «Трёх апельсинов» - или помогать постановке, или судиться с ними.

[24] Гостиница на набережной Вольтера (фр).

[25] Мы сделаем из него маленькую драгоценность (фр).

16 - 24 октября

Встал в шесть, собрал вещи, что не так трудно, так как force de voyager[26] всякая щётка выучила своё место в чемодане, забежал поцеловать Linette, и в девять часов уже поезд тронулся. Мелькнул в тумане Mantes, а в два часа мы уже в Гавре перегружались с поезда на пароход. Формальностями не мучали, хотя и пришлось пройти пять контролей. Пароход «Savoie» не очень большой, вроде «New York»'а, на котором я приехал из Америки, но элегантней и удобней. В каюте со мной бородатый француз, симпатичный отец девяти человек детей, которые все, слава Богу, остались во Франции. Оставив в каюте два моих чемодана, жёлтый и чёрный, я отправился в салон писать письма, а когда вернулся в каюту, то чёрный чемодан был на месте, а жёлтый исчез. Я заявил пароходному комиссару, он взял с меня письменное заявление и сказал, что чемодан, вероятно, перенесли по ошибке в другую каюту и завтра он будет найден. Унести его с парохода на берег невозможно, так как пароход соединяется с берегом единственным трапом, у которого стоит контроль и никаких вещей не выпускает. В чемодане у меня был костюм, смокинг, бельё и обувь, а главное - рисунки Ларионова: мой портрет в разных видах, карикатура на первое исполнение «Шута» (воображаемое) - я, Дягилев, Стравинский, Гончарова, Мясин и Linette, а также карандашный портрет моей головы Гончаровой.

Итак, путешествие началось неважно. Продолжение оказалось таким же. Со второго же дня начало качать и так продолжалось почти до самого Нью-Йорка. Первые два дня мне пришлось просидеть в кресле на палубе. Слегка подташнивало, но до кормления рыб не доходило. Большая часть пассажиров лежала. Барометр стоял на буре. Однако на третий день я привык к качке, начал ходить, потом спускаться в столовую обедать, а потом и заниматься, делая переложение балета в две руки для Дягилева. Однако всё же было ветрено, холодно, неуютно, не по себе. В каюте, наоборот, было жарко и душно. Мой попутчик простудился, кашлял и плевался всю ночь напролёт. В другой каюте пассажир умер от карбункула, его набальзамировали и спрятали в трюм. Позднее умер в третьем классе десятилетний мальчик. Относительно моего чемодана был предпринят обыск и я с помощником комиссара обошёл весь пароход, кают полтораста, - без результата. На пароходе ехал Морин, бывший дирижёр у Дягилева, ныне приглашённый в Чикаго, и Беллини, аккомпаниатор у Маринуцци. Про меня мало-помалу пароход разузнал, что я такой-то композитор и пианист, и пассажиры относились ко мне очень внимательно, но не надоедали, а которые пробовали, тех я быстро сплавлял. Лишь последний день пути несколько загладил впечатление: после чудного восхода целый день было тихое море и безоблачное небо.

25 октября

Подходили к Нью-Йорку при тихом море и тумане. Я чувствовал себя утомлённым семидневной качкой и злился на исчезнувший чемодан, но вообще настроение было недурное и я даже немного ухаживал за Clarette Verrier, прелестной блондинкой, ехавшей в Америку выходить за кого-то замуж. Хотя, приплывая к Нью-Йорку, я говорил с кем-то из директоров компании, особых шансов на возвращение чемодана или его цены нет. Очутившись на берегу, я с Морин и его женой отправились в Hotel Brewort, где когда-то состоялось свидание со Стеллой. Днём побывал у Haensel'а, который новых ангажементов мне не имеет, советует мириться с Чикагской оперой и говорит, что с тысячу они прибавят. Кошиц

[26] Привычная к путешествиям (фр).

приезжает завтра. Затем зашёл к Больмам, у которых родилось дитя; к Рериху, недавно приехавшему в New York и находящему (как и я), что при въезде с моря он очень красив; к Дерюжинскому, которого не застал дома. Он летом успел получить первый приз на конкурсе памятников Рузвельту. Обедая в ресторане с Морин, я носом к носу столкнулся с В.Башкировым и он так мило улыбнулся, что я к нему подошёл - и не раскаялся, ибо он сейчас же сообщил, что Борис Верин в Финляндии, куда недавно бежал из Петрограда, что ему посланы виза и деньги и что, возможно, он скоро будет в Америке. Я в страшной радости. Борис Верин мой самый большой друг, и дольше всех я не имел вестей о нём.

26 октября

Утром продолжал перекладывать балет, а днём встречал Нину Кошиц вместе с Mr Parmelee, пресс агент от Haensel'a. Мы пришли на пристань и спросили, где пассажиры первого класса, но получили ответ, что на этом пароходе только второй класс. Затем началась выгрузка, повалили какие-то греки, испанцы, итальянцы, грязные, с корзинами, верёвками, словом - впечатление самое тяжёлое. И вдруг - Кошиц, в мехах, в камнях, с одной стороны влюблённый капитан, с другой стороны помощник капитана, сзади муж, дочь, кузина, секретарь, огромная кукла, чемоданы, мечущиеся стюарды, - словом, и я и пресс агент совершенно обалдели, целый крестный ход. Только разве появление Бабуленьки в «Игроке» может сравниться с этим. Кошиц, очень, кстати, похорошевшая, кинулась меня обнимать, сказала, что я спаситель и её, и всей семьи. Затем мы поехали в Brewort, где я задержал ей две комнаты. Я сообщил ей о переписке, состоявшейся между Haensel и Рахманиновым, которая действительно была очень пикантной. Haensel в очень вежливых выражениях сообщил Рахманинову, что приезжает артистка Кошиц, которую здесь не знают, а потому найдёт ли он возможность оказать содействие своей компатриотке, сведя её с Бостонской Симфонией. Рахманинов ответил: я удивляюсь, что вы за менеджер, если вы не знаете, что все симфонические ангажементы делаются в апреле, а не в октябре. (Сам он приехал в ноябре и получил выступления во всех симфонических концертах. Он забыл об этом). Haensel ответил, что он свидетельствует получение rude answer на своё polite letter[27]. Если он обратился к Рахманинову, то только как к джентльмену. Он сожалеет, что ошибся. Эта переписка произвела на Кошиц потрясающее впечатление. По её словам, Рахманинов, прощаясь с нею три года назад, говорил, что где бы они не встретились, он всегда всё сделает для неё.

Вечером мы ездили на верху буса смотреть Нью-Йорк, который произвёл на них колоссальное впечатление. В Париже Нью-Йорк казался мне узким и тесным. Да, здесь берегут каждый квадратный аршин, но как в нагромождении своём он импозантен!

27 октября

Кошиц вручила мне два интересных письма: от Черепнина, ныне директора Тифлисской консерватории, но всеми силами стремящегося за границу, и от Сувчинского, которому я писал два раза, но безрезультатно. Последнее письмо - интереснее и содержательнее. Его управляющий домом оставался в моей квартире в Петрограде, но в конце концов его выселили. Что сталось с квартирой, он не знает, но надеется, что Асафьев убережёт. Сама Кошиц очень ажиотировалась по поводу письма, которое она решила написать Рахманинову (тем более, что у неё

[27] Грубый ответ на вежливое письмо (англ).

на руках было несколько чужих писем, которые она всё равно должна была послать ему). Её редакцию я раскритиковал и посоветовал переделать по-моему, причём в моей редакции после удостоверения, что Haensel обратился к нему без её ведома, письмо заканчивается так: «Я даже раньше не обращалась к вам с просьбой, тем менее мне могло придти в голову обратиться к вам теперь». Кошиц была в восторге и сказала, что это - гениальный конец.

Обедал я у Больма и за роялем проверял фортепианное переложение «Шута», сделанное на пароходе. Кое-что как нельзя лучше (хотя я работал без рояля), но есть места, звучащие на рояле плохо. Вопрос - можно ли их сделать, чтобы они звучали хорошо.

28 октября

Водил Кошиц к Haensel и их знакомство состоялось. Кошиц разыгрывала из себя важную примадонну, Haensel, со своей стороны, развалился в кресле. Я еле свёл разговор на более простую ногу. Кошиц возмущена, зачем он существует, если не бросает сразу деньги на рекламу и не лансирует[28] её. А Haensel ещё не уверовал, что такое Кошиц и мнётся. Морин, услышав её, прямо обалдел, и действительно, поёт она дивно. «Память солнца» спела с такой простотой и законченностью, что милая Вера перед нею ученица.

Меня Кошиц засыпает похвалами и словами любви. Гадалка сказала ей, что она будет любовницей Прокофьева.

- Если бы бросить всю эту свору и встретиться с тобою где-нибудь в другом городе! - говорила она.

Я отвечал полушутя:

- Так вот, приезжай в Калифорнию.

Вечером приходил Строк, мой менеджер в Японии, теперь разбогатевший, и старался её ангажировать. На всех нас произвёл впечатление жулика.

29 октября

Взял на завтра билеты в Чикаго. С завтрашнего дня и Johns, и Marinuzzi в Чикаго. И хотя Кошиц в отчаянии, что без меня она как в лесу, но надо ехать и моими делами позаняться. Строк сегодня опять лебезил вокруг Нины и кажется глупый Haensel готов переуступить ему Кошиц. Письмо Рахманинову она до сих пор не послала, колеблется и не решается, к великому моему сожалению. Когда я стал спрашивать её про Литвин, у которой она училась и от которой без ума, Кошиц с удивительным чутьём воскликнула: «Ну вот. завёл себе в Париже какую-то певичку и теперь заботится о ней!»

30 октября

Муж Кошиц, Шуберт, художник, рисовал меня и, хотя я просидел смирно два часа, не сделал особенно хорошо. Играл Нине первый акт «Огненного ангела», который произвёл на неё сильное впечатление, а также и на меня, не видевшего его много месяцев.

Завтракал с Владимиром Николаевичем. Он хвалил Бориса и говорил, что рад видеть его в Америке. А я тем более! В нём должны быть перемены. В какую сторону - не знаю. Буду читать ему мои рассказы.

А то я до сих пор никому их не читал, кроме нескольких штук Linette. В пять

[28] Запускает, от lancer (фр).

часов расцеловались с Кошиц очень нежно и я отправился в Чикаго. Железные дороги так подорожали, а денег так мало, что я взял медленный поезд: двадцать восемь часов вместо двадцати.

31 октября

Целый день ехал. Поезд тащился и опоздал на два часа.
Виды от Питсбурга до Чикаго неинтересные.
Догонял дневник.
В одиннадцать часов в Чикаго и Кучерявый с автомобилем. Поселился у него.

1 ноября

Отправил Johns'у письмо, что я в Чикаго, дабы защитить мои права, но хотел бы кончить миром, а потому прошу свидания с ним.

Был у Mrs Carpenter. Она и её муж очень влиятельны в чикагском обществе и в оперных кругах. Так как в Париже я случайно помог ей увидеть Дягилева и показать ему балет мужа, то с тех пор она необыкновенно тепло ко мне относится. Они очень милые люди.

2 ноября

Письмо от Johns. Я думал назначение свидания, но оказалось иначе: две недели назад они послали мне телеграмму во Францию, что «Апельсины» отменены совсем, дабы я не надоедал им с судебным процессом. Надо сказать, что впечатление было ошеломляющим. У меня даже потемнело в глазах, когда я читал. Но потом я стал соображать, не блеф ли это, чтобы заставить меня броситься им в объятия, ибо выкинуть в окно восемьдесят тысяч, не сторговавшись из-за двух, - для этого надо быть или слишком богатым, или слишком сумасшедшим. Не ожидал и теперь только понял, как важно с внешней стороны и как дорого с внутренней было для меня, чтобы опера шла. Ответил Johns'у дипломатично: это решение лучше, чем исполнять оперу против воли автора. Жаль, что поспешно, ибо я готов был уступить, (чтобы позондировать, не блеф ли). Завтра прошу позволения заехать, чтобы получить обратно ноты.

Ночью спал плохо. Было досадно и пусто без оперы.

3 ноября

Был у Johns. Корректно и с любезными улыбками с обеих сторон. Я сказал между прочим, что готов уже был соглашаться на четыре тысячи - жаль расстояние послужило помехой нашему примирению. Johns сказал: да, это один из тех несчастных случаев, когда вещь не удаётся. Я спросил, намерены ли они использовать декорации для чего-нибудь другого. Johns ответил: «Нет, разве одну сцену, да и то это похороны», - прибавил он, махнув рукой. Мы простились любезно.

Итак, не блеф. Очень скверно. Вероятно, психология такая: лучше мы сожжём восемьдесят тысяч, чем позволим навязывать себе условия мальчишкой, которого мы же хотели выдвинуть. Как ни так, моя политика, столь одобренная Кучерявым, неожиданно полетела вверх ногами.

Теперь ничего весёлого в перспективе, а в кармане три доллара. Буду жить у Кучерявого до седьмого декабря и настоял платить ему четверть всех его расходов на еду и квартиру.

Ночью спал опять плохо.

4 ноября

Был у Волкова и рассказал ему про оперное крушение. Он сказал, что поедет зондировать почву у Johns от себя, как консул, огорчённый, что русская опера не пойдёт. Он советовал, чтобы я заехал к Cirus Mac Cormick, который сейчас в Чикаго, просто объяснить ему положение дел.

Готлиб, молодой еврей, страстный поклонник моей музыки, в полном отчаянии, что «Апельсины» отменены. Хотя он сам бедный, но знаком со многими богатыми и влиятельными евреями Чикаго, которые интересуются моей музыкой. Он говорит, что надо поднять страшный шум вокруг отмены «Апельсинов» - и кто знает, может, они смогут ещё пойти в этом году.

5 ноября

Волков был у Johns и говорит, что у него нечего делать - решение бесповоротно. Волков звонил секретарше Mac Cormick, которая сказала, что в понедельник он уезжает и безумно занят (как всегда). И тут пикантный вопрос: «А когда же опера г. Прокофьева пойдёт? Mr Мак-Кормнк так интересуется этим...». Волков ответил, что опера отменена и принялся писать длинное письмо почему. Это был хороший луч: те, кто дают деньги на оперу, даже не знают, что восемьдесят тысяч уже полетели в окно.

Вечером я был у Волкова, который дал мне письмо для исправления. Письмо спокойное, дипломатичное.

Получил письмо от Миллер из Петрограда (!), первое из этого города за три года. Я очень рад письму, мне кажется, что Вера любит меня по-прежнему, преданно и почти безнадёжно. Она подтверждает, что квартира разграблена и бумаги погибли, за исключением тех, которые я перед отъездом отдал Асафьеву. Неужели я ему что-нибудь отдал? Дневники? Письма? Ничего не помню, но это, право, вышло бы очень умно.

6 ноября

Утром в консульстве, где было приведено в порядок и переписано исправленное мною письмо, подписано Волковым и отправлено Сайрусу.

Днём играл на рояле. Опера в трубе, так надо налечь хоть на рояль и отыграться на нём. Вечером Готлиб водил меня развлечь в театр и к Лобу, богатому еврею, в гости.

7 ноября

Деловой день. Готлиб позвал завтракать к Mme Rosenwald, муж которой стоит пять миллионов. От неё попали к его брату, который стоит уже семьдесят пять миллионов и состоит одним из финансёров Чикагской оперы. Там встретили Rosenthal`я, одного из известнейших адвокатов Чикаго и хорошего знакомого Мак- Кормика. Я рассказывал про инцидент с оперой. Тон - благородного негодования на зря бросаемые деньги. Слушали внимательно. Возмущались. Розенталь обещал поговорить с Харольдом.

Из еврейских слоёв отправился в христианские.

Обедал у Карпентер. Рассказывал. Тон - благородное негодование. Карпентер звонил туда-сюда. Харольд приезжает завтра и Карпентер будет говорить с ним. Это хорошо, что все будут говорить с ним. Карпентер сказал, что пока надо сделать негласную разведку: кто и почему. А если негласно уладить не удастся, то следует

поднять официальный запрос: почему такие дела делаются и деньги бросаются. Словом, неожиданно и легко я затеял значительную интригу.

8 ноября

Сидел спокойно дома. Начатая вчера интрига развивается сегодня без меня - по инерции. Отправил Дягилеву четыре картины клавира «Шута». Написал маме и Linette. От Linette второе письмо. Играл много на рояле. Программа идёт очень хорошо, с аккуратностью и чистотой, «под Рахманинова». Настроение недурное: хочется верить в успех интриги, и тогда..., о, тогда! Но лучше быть философом. Нет, так нет. А всё-таки у меня есть хорошая опера.

9 ноября

Утром Готлиб водил меня в Университет и мы видели нескольких профессоров, некоторые из них слышали меня на reception в Cosmopolitan клубе и очень восхищались. Один из них. Левит, близкий к оперным кругам, сказал, что поднимет вопрос, почему опера отменена. Очень хорошо, что ещё из третьего источника. Готлиб старается устроить мне концерт в Университете, там очень хотят этого. Вопрос в технической стороне дела. Днём видел Карпентера. Он очень старается для моей оперы и говорит, что напустит на Харольда, который приехал вечером, целый «дождь» влиятельных людей. Сам он предпочитает не говорить, так как он с женой уже недавно сманил таким образом Pam'a и пока слывёт за troublemaker[29]. Он говорил с Johns и вынес заключение, что причина - «узкое понимание гордости оперной компании», т.е. - «Ах, он упрямится, так совсем не дадим». Теперь Johns говорит, что уже технически невозможно поставить в этом году, но Карпентер находит, что это неправда: до тридцатого октября оперная труппа была в разъезде, а эту неделю репетировали новую оперу Маринуцци. Карпентер сказал, чтобы Haensel написал Johns, что я принимаю их условия. Тогда у Johns будет выбито последнее оружие защиты, а Карпентер поведёт пропаганду.

10 ноября

Письмо от Кошиц, которая мечется по Нью-Йорку и всем буйно возмущается, как я два года назад, приехав в Америку.

Сегодня ничего особенного, хотел взяться за инструментовку пятой картины, но не клеилось. Играл на рояле.

Готлиб звонит, что Mme Julius Rosenwald (семьдесят пять миллионов) очень волнуется и старается, чтобы моя опера шла. Кроме того, она хочет пригласить меня на домашний концерт, а это значит деньги.

Вспоминал Linette, Миллер и вообще было немного скучно.

11 ноября

Заходил с Готлибом к Розенталю, который ещё раз расспросил про обстоятельства оперы и сказал, что будет говорить с Х.Мак-Кормик. Он пригласил меня играть у него на вечере двадцать третьего. Я думал, что это пятьсот долларов, но он дал понять, что некоторые профессора, которые читали у него лекции в таком же порядке, получали по пятьдесят. Тогда я сказал, что буду играть даром.

Завтракал с Карпентерами, но они ничего нового не сообщили. Карпентер

[29] Создатель сложностей (англ).

просил двух своих друзей поговорить с Досом, который на днях получит назначение на место Pam, т.е. вице-председателя финансовых директоров. По мнению Карпентера, давить на Доса существеннее, чем на Харольда, так как последний даёт деньги, а от управления отмахивается.

Вечером звонил Готлиб: концерт в Университете решён и назначен на двадцать второе. По его мнению, это минимум шестьсот долларов. Мне приятно играть перед этой аудиторией.

12 ноября

Сегодня тихий в смысле внешних событий день. Играл на рояле. Пробовал взяться за инструментовку балета, но опять не шло. Однако всё же дело сделал: взялся за «Danz'y» из Op.32. которую всё никак не мог сочинить, и она лежала в полуразобранном виде уже два года. Сегодня я уловил идею и кончил пьесу, проработав над нею без малого весь день. Теперь надо закончить «Вальс» и тогда Op.32 готов.

13 ноября

Довольно много работал над «Вальсом» и кончил его. Вечером был на симфоническом. Когда я пришёл в артистическую, чтобы повидать Цимбалиста, который был солистом, то вместо него нашёл там Стока и Рахманинова. Так как Сток со времени моего появления в Чикаго со «Скифской сюитой» меня больше не приглашал, несмотря на свои обещания, то я не желал с ним долго разговаривать. Поэтому я очутился лицом к лицу с Рахманиновым. Рахманинов почему-то был мягок и приветлив, расспрашивал меня, что я делаю, что сочиняю, сказал, что сам не написал ничего, а на мой вопрос, правда ли, что он сочиняет оперетку, как то пишут в газетах, ответил: «Неправда всё это!» Я сказал, что завтра буду на его концерте и после зайду пожать ему руку в артистическую. Он с особенной готовностью сказал: «Приходите, я буду очень рад». Я не мог понять, почему он вдруг сделался таким симпатичным. Несомненно, тут замешан приезд Кошиц.

Рахманинов сообщил мне неприятную вещь: Струве, которого мы со Стравинским так яростно выписывали в Париж, приехал туда, чтобы начать дела Российского Музыкального Издательства, и на лестнице у Кусевицкого был убит лифтом. Жалко и Струве, жалко и Российское Музыкальное Издательство, и теперь опять неизвестно, когда что будет печататься.

14 ноября

Был на концерте Рахманинова, который при огромном стечении публики играл хорошо. Когда я пришёл к нему в артистическую, он издали махнул рукой и выразил своё удовольствие. Раньше такие вещи не делались. Тут же ко мне подлетел Маринуцци, с ним Смоленс и Беллини (два его помощника) и стали жалеть, что «Апельсины» не идут, говорить, что они были очень удивлены этим, что они их выучили, и в доказательство последнего пели отрывки наизусть. Маринуцци просил меня прийти завтра на репетицию его оперы, а также поговорить, так как он всё ещё не понимает, почему отменена моя опера. Это подавало некоторые надежды. Затем артистическая опустела, остались Рахманинов, Фокин и я. Рахманинов был очень мил, дружественен, расспрашивал, что случилось с «Апельсинами» и спрашивал, не могу ли я пообедать с ним, чего я не мог, так как ехал к каким-то еврейским богачам. «Советую вам - держитесь за Маринуцци», - сказал он на прощание.

15 ноября

Писал письма. Играл.

Вечером были Готлиб и Дина Сакновска, молодая, очень недурненькая еврейка, певица, которая будет петь в моём концерте в Университете. Почему она поёт - не знаю, но, кажется, ей протежирует Готлиб. Пусть поёт, я не вмешиваюсь. Она была мила и совсем скромна.

Днём был на репетиции «Jaquerie» по приглашению Маринуцци. Опера оказалась лучше, чем я думал, и, хотя как чистая музыка, она едва ли представляет особенную ценность, но как опера сделана ловко и часто эффектно, и пошлости уж не так много. Морин говорил, что Маринуцци в отмене моей оперы ни при чём, что он так же, как сам Морин, был удивлён, когда услышал от Johns об отмене «Апельсинов». Многие французские певцы подходили ко мне и говорили, что они ухлопали по несколько месяцев на изучение партий и знают их. Сам Маринуцци, хотя и звал меня сегодня, чтобы поговорить об «Апельсинах», но, по-видимому, в сутолоке и заботе о репетиции своей оперы совсем забыл об этом и никакого разговора не было. Я понял, что вчера он мне сказал об этом не в деловом смысле, а просто из любезности.

16 ноября

Сегодня должен был быть ответ от Rosenthal`я, который говорил с Harold Mac Cormick об «Апельсинах», но хотя Готлиб звонил ему пять раз, ничего добиться не мог, так как Rosenthal был целый день в суде. Жизнь течёт несколько тихо и чуть- чуть скучно. Мне никуда не хочется показываться из-за оперы, так как и сочувствия, и всякие негодования уже надоели. Кроме того, в кармане всего два доллара, - и у Кучерявого ничего. Надо ждать двадцать второго.

17 ноября

Новости ещё: Haensel пишет, он столько уже истратил на Кошиц, что когда же наконец я начну ему выплачивать то, что должен за концерты. Никак не ожидал этого от Haensel. Причём Кошиц? Проценты от её доходов будет получать он, а не я. Во всяком случае я надеялся, что Haensel выдержит до конца и не будет приставать с требованием денег. Впрочем, вместе с его письмом и другое, более приятное: приглашение в Новый Орлеан.

День сидел дома и играл на рояле. Звонил Карпентер и звал завтра обедать и в оперу. Я сказал, что с удовольствием, но у меня ещё не готовы новые штаны к фраку на место украденных. Тогда он пригласил на обед со штанами, сказав, что у него две пары и что он одинакового роста со мною.

Linette прислала критики[30] про «Скифскую сюиту», которую Коутс всё-таки исполнил первого ноября в первом концерте London Symphony. По-видимому, сюита произвела впечатление.

18 ноября

Николай Титович[31] был в Индианаполисе, где хотел продать своё кружево, всё то же, что у него не покупали два года назад, но кружево опять никто не купил. А так как всё его жалование уже ушло на платежи по автомобилю, то мы решили

[30] Критические статьи.

[31] Кучерявый.

заложить наши «драгоценности» и сегодня в автомобиле отправились в ломбард. Я взял жемчужную булавку Элеоноры и золотые часы Кошиц; Кучерявый - две пары золотых запонок. За всё это нам дали двадцать долларов. Недурно? За одиннадцать долларов купили мне лакированные ботинки, а остаток разделили пополам.

Днём был у профессора Шевиля, у которого собирались его коллеги-профессора с жёнами. Я им играл. Кажется, в первый раз за два года я был в Америке в настоящем культурном обществе. Потом «обед с панталонами» у Карпентеров и опера «Jewels of Madonna» (дрянь).

Карпентер говорил с Досом о «Трёх апельсинах», но, по-видимому, мало и неубедительно. Дос ответил, что, в сущности, его часть - финансовая, а не практическая. Чем же восемьдесят тысяч не финансовая часть?

19 ноября

Когда я заехал к Carpenter, чтобы возвратить штаны, то они были милы как всегда, но завтра уезжают на неделю в Нью-Йорк и я, таким образом, теряю главного союзника.

Mme Carpenter сказала, что в Чикаго приехала внучка знаменитого генерала Гранта, княгиня, друг детства обоих Mac Cormick'ов. Carpenter хочет пригласить завтра и её, и меня к завтраку. Она надеется, что княгиня может оказаться для меня очень полезной.

Из Калифорнии пишут очень любезные письма и надеются, что моё появление произведёт шум. Хоть где-нибудь. Вообще Калифорния, кажется - моё самое светлое американское пятно.

20 ноября

Звонила Carpenter и сказала, что лучше, если бы я не пришёл к завтраку, дабы они смогли бы поговорить с княгиней без меня, и чтобы я позвонил после завтрака. Звонил после завтрака - княгиня ждёт меня завтра в двенадцать часов дня. А Розенталь до сих пор не может добиться свидания с Харольдом Mac Cormick. По- моему, я ему сыграю задаром, а он мне ничего не сделает.

21 ноября

Был у княгини, которая хотя и говорила на русском языке, но на таком ломаном, что мы сразу перешли на английский. Я передал ей всю историю. Она была очень внимательна и очень заинтересована. Она сказала, что хотя Pam'a и выперли из председателей, но он всё ещё имеет влияние в делах Чикагской оперы и, вероятно, отмена «Апельсинов» есть его рук дело. Просила меня изложить письменно то, что я рассказал ей, и завтра вручить ей в двух экземплярах. После завтра она обедает с обоими Mac Cormick и серьёзно поговорит с ними. «Я думаю, - сказала она, - что я смогу больше, чем кто-либо для вас сделать. Mac Cormick'и очень щедры и справедливы, и я буду защищать вашу оперу как русскую вещь. Я чувствую себя русской и очень горжусь этим. Я надеюсь также, что инцидент с вашей оперой будет последним blow[32] для удаления Пама».

Это свидание поселило во мне серьёзные надежды. Вернувшись домой, я принялся за работу над меморандумом, отказавшись от приглашения провести вечер у Волковых.

[32] Удар (англ).

22 ноября

Провёл в консульстве с одиннадцати до трёх, приводя в порядок меморандум вместе со стенографисткой посольства. В четыре часа отвёз его княгине. Затем ездил пробовать рояль, на котором буду играть сегодня вечером в Университете, и в шесть часов с отчаянной головной болью вернулся домой. Принял пирамидон. Голова прошла.

В восемь поехали в кучерявском автомобиле в концерт. Зал очень хорошенький, но народу мало, чего я не ожидал, так как, по уверению Готлиба, должны были сидеть даже на эстраде. Очень приятно было играть программу, которую хорошо выучил. В первый раз играл вальсы Шуберта и в первый раз я играл публично Шопена, если не считать благотворительного концерта в Кисловодске перед отъездом из России. Успех был очень большой, bis'ов только три, но я не хотел бисировать больше. Посередине пела Дина, очень нарядная и довольно красивая. Пела средне. После концерта пили чай у профессора Шевиля. Готлиб очень расстроился, что мало народа.

25 ноября

Письмо от Кошиц, бурное, как всегда. Письмо Рахманинову в моей редакции она всё-таки послала и даже получила от него ответ, сухой и едкий. Дела её налаживаются медленно. Просит написать ей несколько песен без слов, которые она могла бы петь на своём концерте двенадцатого января. Об этих песнях она просила меня ещё в Нью-Йорке и идея мне нравится.

Сегодня начал сочинять и заработался так, что проворонил двенадцать часов, когда надо было позвонить княгине. Звонил, но она уже ушла. Досадно. Звонил в семь опять. Княгиня была очень мила, вручила Х.Мак-Кормику мой меморандум, сделала на нём надпись, изругала Мак-Кормику Пама и надеется, что что-нибудь из этого выйдет. Ну-ну!

1 декабря

Утром в окне снег и горы Сьеры-Невады, хотя мы пересекли перевал ночью. Но через час всё вдруг переменилось. Теплота, солнце, зелень, пальмы - куда девался декабрь! Я сидел на задней площадке observation car'a, вдыхал весенний воздух и радовался, что я в Калифорнии. Когда два года назад, в августе, я был в Сан-Франциско, то дул холодный ветер и я никак не ожидал такого приятного сюрприза в декабре. В 1.30 дня - Сан-Франциско. Я остановился в «Сан-Франсисе», лучшем отеле, очень шикарном и противно-дорогом, но надо держать фасон. Джесика, моя менеджерша, оказалась пребойкой дамой, довольно молодой, с длиннющими зубами и вечно улыбающейся. Четыре концерта в одну неделю, а затем через три недели ещё концерт в Los Angeles, но я решил выжать из неё ещё концерт и сказал, что согласен ждать, если будет добавочный концерт. Она ответила, что пока обещать ничего не может, но если мой концерт в Сан-Франциско пройдёт успешно, то она устроит добавочный концерт. Поэтому решили подождать сан-францисского концерта и отложили этот разговор до после девятнадцатого.

14 декабря

Благодаря рекомендательным письмам из Чикаго, у меня сразу развелось довольно много знакомых, довольно приятных, хотя ничем незамечательных. Русский консул, к которому я зашёл, тоже очень мил. Вечером заехала за мной

Джесика со своей подругой, певицей Gentle, в шикарном автомобиле и повезли меня через паром в Oakland на первый калифорнийский концерт. Мы очень дурили и весело провели время. Я старался играть хорошо, чтобы Джесика осталась довольной, чего и достиг, но сосредоточиться было не так легко, так как народу было до противности мало. Как бы то ни было, успех был очень хороший, а Джесика поздравляла меня и сияла.

Очень интересное здание, где я играл (Аудиториум). Зал как зал, и сцена как сцена. И вдруг в спине сцены открыли дверь и там оказался другой зал, да какой! – на десять тысяч человек. Я так и ахнул.

16 декабря

В четыре часа отправился в San Jose, до которого полтора часа езды. В половине девятого концерт, та же программа, что в Окленде. Играл я с удовольствием и очень хорошо, за исключением «Scherzo» Op.12, которое я никак не могу одолеть технически (в той мере, в которой я хочу) и «Novelett'ы» Римского-Корсакова, для которой очень трудно придумать исполнение. Народу много и принимали горячо, в этом причина хорошей игры. Если бы так сыграть в воскресенье в Сан- Франциско, то это было бы вовсе кстати. На сцене, на которой я играл, были поставлены декорации с большим окном, позади которого на некотором расстоянии была другая декорация со звёздным небом. Перед концертом я это окно велел заколотить, так как оттуда был сквозняк, и вот перед последним отделением явилась какая-то поэтическая американка, которая стала умолять, чтобы окно отколотили, дабы были видны звёзды. Я сказал, что оттуда несёт холодом.

- Ну хоть перед последним номером!
- В следующем концерте.

Когда я затем вышел играть мой «Прелюд» и вспомнил о звёздах, то едва не расхохотался и должен был искусать все губы, чтобы благополучно доиграть «Прелюд» до конца. После концерта в артистической много восторженного народа и среди них прехорошенькая южанка лет семнадцати, которую никто не хотел мне представить, но она переждала, пока все убрались вон и, захлебываясь, стала говорить, как ей нравятся мои вещи. Так как она мне очень понравилась, то я решил быть хитрым и сказал, что пришлю ей «Visions fugitives»[33], если она напишет мне в Сан-Франциско о своём имени и адресе. Кажется, чего проще дать имя и адрес сейчас, но умная девочка сразу сообразила, что в этом зацепка и ответила, что непременно сделает это. Между тем из-за двери раздавался чей-то нетерпеливый голос, который звал её. По-видимому, мамаша (должно быть, мамаша) сердилась, что она так долго со мной наедине, но не решалась войти в артистическую. Наконец мы простились с пылкой южанкой, появилась Miss Ives, местная менеджерша, старая дева, и повела меня есть мороженое.

Я был очень доволен пребыванием в San Jose.

17 декабря

Утром вернулся в Сан-Франциско, с улыбкой вспоминая вчерашнюю знакомую.

Днём был на симфоническом концерте. Дирижёр Hertz, человек тяжёлый и хромой, но иногда ведёт вещи совсем неплохо. После концерта обедал у него, а затем играл в шахматы с концертмейстером оркестра, ярым шахматистом, а несколько человек благоговейно смотрели. Партия кончилась вничью, но я так старался, что заболела голова.

[33] «Мимолётности» (фр).

18 декабря

Утром сочинял si-minor'ную песню для Кошиц[34], а также повторил программу для завтра, хотя это та же, что в Окленде и в San Jose. От санхозейской незнакомки письмо, несколько нескладное, но почтительное и трогательное. Её зовут Leona Spitzer. Она собирается на мой концерт. Это ужасно мило, надеюсь, удастся поболтать подольше.

Hertz водил в клуб играть в бридж. Я выиграл двадцать долларов.

19 декабря

Сегодня центральный концерт калифорнийского тура, ибо Сан-Франциско есть столица Запада с решающим голосом. Поэтому утром я старательно подготовился, хотя и очень хотелось досочинить si-moll'ную песню. В три часа концерт. Народу человек пятьсот, не так уж мало в конце концов, но так как театр на две тысячи, то выглядит очень пусто, и потому я начал концерт не в духе. Кроме того, за бетховенскую сонату я до сих пор ещё не спокоен. Появление Леоны в первом ряду хотя и было приятным, не совсем настроило меня. Однако к концу программы я разыгрался и успех был очень большой. В артистическую после концерта пришло с десяток поздравителей, но Леоны не было. Я подождал её немного - никого. Я вернулся домой несколько разочарованный.

Вечером был у Steinhardt'a и играл в бридж с крокодилами.

20 декабря

Джесика сказала, что она очень довольна моим художественным успехом и надеется иметь меня в будущем году на большее число концертов, но народу было мало и рискнуть на добавочный концерт она не может. Очень советует мне остаться в Los Angeles до тринадцатого, во-первых, там может что-нибудь наклюнуться, а во-вторых, это спасёт её от убытка от моего тура. Так как будущий сезон может принести мне четыре-пять тысяч, то я решил сделать bonne mine[35] и согласился.

Так как в Сан-Франциско больше было нечего делать, я вечером же отправился на юг, в Сан-Диего.

Одна из критик, R.Brown, прямо великолепная. С большим умом написана.

21 декабря

Утром приехал в Лос-Анжелес, знаменитый тёплый уголок. Ещё три-четыре года назад мало кто знал о нём, а теперь Los Angeles по населению обогнал Сан-Франциско. Adolf Tandler, мечтательный венец, дирижёр прогоревшего оркестра, мой здешний менеджер и чрезвычайный поклонник моей музыки (первый в Америке заявивший, что весь мой концерт должен быть из моих сочинений), встретил меня с распростёртыми объятьями и сейчас же начались интервью и прочее. Затем появился профессор Каль, тот самый, который, безумно влюблённый в Ариадну Никольскую, поехал за нею в Америку. Каль обрадовался мне до безумия, он теперь начинает становиться в Америке на ноги, читал ряд лекций о русской музыке и закончил лекцией обо мне. Он кормил меня завтраком, торжествовал, что я в Los Angeles, а затем заявил, что здесь Ариадна, что она

[34] Имеется ввиду один из номеров из Op.35 («Пять песен без слов» для голоса и фортепиано), посвященный Н.Кошиц.

[35] Хороший жест (фр).

очень талантливая композиторша, - «Вы понимаете, самоучка, вроде как Бородин или Римский-Корсаков», - и что она страшно хочет меня видеть, и что я должен быть снисходителен к её сочинениям. Здесь же и Дагмара Годовская, словом, эти три недели, что я проведу здесь среди пальм, солнца и красивых женщин, будут карнавалом. После мрачного Чикаго, а затем внимательного концертирования, это выглядело очень приятно. Кстати, и мои огорчения с крушением «Апельсинов» совсем улетучились, так что если бы чикагская компания мне сделала бы какие- нибудь предложения, я, вероятно, опять начал бы спорить.

В три часа я сел в поезд и отправился ещё дальше на юг, в Сан-Диего, к самой мексиканской границе. «Поезжайте оттуда в Tijuana, в Мексику, туда пускают без паспорта, только не проиграйтесь в рулетку», - сказал мне Каль на прощание. Приехав вечером в Сан-Диего, я сейчас же разузнал про Тихуана и, благо до концерта двадцать четыре часа, решил завтра съездить в Мексику.

22 декабря

Утром я деловито собрался в Мексику. Против отеля стояли автомобили, которые за шестьдесят пять центов везли вас в Tijuana и отправлялись по мере наполнения. Мы поехали по красивой местности и проехали почти час. Я подъезжал к Мексике с некоторым волнением, которое всегда поселяет «граница», какая-то линия, за которой местные обычаи, законы, язык вдруг теряют свою силу и уступают другим. Кроме того, у меня не было паспорта и я боялся, что меня задержат на границе, хорошо, если ещё туда, но хуже, если обратно. Однако всё обошлось благополучно, в маленьком таможенном домике мне выдали записку на обратный путь и мы подъехали к другой будке, мексиканской. Здесь господин с острой бородкой и в широкой мексиканской шляпе элегантным движением испанского гранда пропустил нас без расспросов - и через три минуты мы были в Tijuana. Но здесь разочарование: беговая площадка с трибунами, длинный ряд конюшен и расцвеченное флагами довольно бедное здание казино - и больше ровно ничего. Внутри казино приезжие американцы жадно пили алкоголь. Беговая площадка по случаю раннего часа была мертва, а рулетка вовсе закрыта приказом нового мексиканского правительства. Покорно благодарю. Но я решил не унывать и посмотреть на Мексику. Однако и ландшафт был некрасив, хотя и своеобразен: вокруг были невысокие горы, поросшие жёлтой травой и освещённые ярким, жарким солнцем. Вдали виднелась деревня, к которой вёл длинный мост через высохшую реку. Туда я и отправился. Небольшие, получистые домики и порою испанская речь, но главным образом, кабаки, в которых пьют заезжие американцы, удирая от своей prohibition[36]. Тут же несколько dancing'ов и штук пять очень дешёвых накрашенных девиц. Я послал с десяток открыток с мексиканской маркой и затем вернулся в Сан-Диего. Вечером я играл довольно равнодушно и разыгрался только к концу. Действительно, этот концерт не имел особого значения, публики было только ползала, да и программа по четвёртому разу на той же неделе начинала надоедать. Однако успех оказался самым большим, вызывали без конца и бисов было шесть.

23 декабря

Вернулся в Лос-Анжелес и поселился в Hotel Clark. Звонил Калю, который немедленно стал звать к себе. Он живёт в двух комнатках, в отдельном домике, никогда не запирающемся. Пианино, русская музыка, коробка сигар, на стенах

[36] Запретов, (имеется ввиду сухой закон) (англ).

портреты известных дирижёров, но главным образом - Ариадны Никольской. Едва я пришёл, он вдруг закричал: «Садитесь к столу и пишите: жук жужжит!» Вышло очень смешно и оригинально. «Скорее, это совершенно необходимо!» - кричал Каль. Я сел к столу и написал моим наилучшим почерком. Каль вдруг пришёл в чрезвычайное волнение и закричал: «Так и есть! Необычайно! Необычайно!» - и бросился к телефону, по ошибке вызвал не тот номер, затем дозвонился, куда следует. «Радочка, это вы?... Вообразите, совершенно верно, вылитое ваше «Ж»! Необычайно!» Я начал соображать, в чём дело. Дело касалось моих писем с Максом, которые мы анонимно, однако не скрывая своих почерков, посылали Ариадне лет восемь тому назад. Письма, вероятно, давно погибли, но осталась в памяти характерная буква «Ж», и чтобы уверить Каля в подлинности своих рассказов, Ариадна сослалась на букву «Ж». Конечно, идентичность этой буквы ещё не свидетельствует о текстах писем, но всё же противно было, что в чём-то поймали. Напиши я эту букву иным, нормальным способом, и Каль ничего не распутал бы. В это время Каль передал мне трубку телефона. Я сделал весёлый вид и разговаривал любезно, чуть-чуть свысока. Ариадна выразила удовлетворение, что говорит со мной, так как «в сущности, мы никогда не были знакомы», и прибавила, что завтра непременно зайдёт в мой отель повидать меня. Это выходило совсем прилично. Затем мы с Калем отправились к какой-то вздорной американской композиторше, а оттуда к Левину, русскому, но забывшему русский язык, где спаивали висками и джином. Дагмара Годовская здесь, в Los Angeles, играет в кинематографе и по обыкновению имеет какую-то громкую любовную историю. Она должна была быть сегодня у Левина, но не могла, и, узнав, что приеду я, приказала мне обязательно позвонить ей. Нас соединили и мы весело трещали.

24 декабря

От вчерашнего пьянства целый день болела голова. Очень весело болтали с Дагмарой по телефону, она звала провести сегодняшний вечер, сочельник, у них, но, к сожалению, я уже обещал его Тэндлеру, где чинно и скучно.

25 декабря

Рождество, солнце, зелень и теплынь. Всё утро с увлечением читал рассказы Куприна. Я и не знал, что у него такие отличные рассказы, и технически сделаны очень хорошо. Ах, отчего я бросил мои! Но я вернусь к ним. Честное слово, у меня большая любовь к писанию, но композиторство заело.

В двенадцать часов явился Каль, Илья Толстой, сын писателя, и Нюшель - богатый и милый русский еврей. Посадили в автобус и поехали к Нюшелю завтракать, где и просидели до семи часов вечера. Каль, после инцидента с буквой «Ж», ни слова об Ариадне, да и она сама говорила, что явится вчера, но не явилась. Но когда я играл «Бабушкины сказки», Каль растрогался, подошёл ко мне и незаметно поцеловал руку.

26 декабря

Так как из-за праздников мне в номер не принесли рояль, я пошёл заниматься к Калю, который впустил меня к себе и ушёл, чтобы не мешать. Я принялся за si-minor'ную песню, которую уже сочинил частью в Сан-Франциско, частью во время поездки в San Jose, но у которой много белого места в фортепианной партии. Однако вскоре явился Нюшель с автомобилем, забрали Толстых и поехали осматривать окрестности Los Angeles. Окрестности красивы, но про них столько насказано,

что ждёшь больше.

27 декабря

Утром провозился, посылая деньги маме и Linette. Ничего, франки покупаются довольно дёшево, почти семнадцать на доллар.

Днём заехал за мной Тэндлер и повёз в своём автомобиле к океану, который переливался дивными красками при закате.

28 декабря

Позвонил Калю, о котором два дня ничего не было слышно. Он стал звать к нему заниматься и я отправился кончать романс. Когда я пришёл, Каль как-то не глядя на меня, сообщил, что Румановы приглашают меня завтра вечером и что Руманов сам зайдёт сейчас познакомиться и передаст это приглашение. Он действительно скоро явился и разочаровал меня своим обликом: маленький, бледный, одутловатый. Прекрасная Ариадна могла бы выбрать получше. Он передал приглашение от жены и вскоре оба ушли. Тон был очень почтительный. Я остался работать и вскоре докончил пятую песню.

Днём ездил в трамвае к океану и катался с американских гор. Здорово. Очень высокие.

29 декабря

Утром телеграфировал Самойленкам три тысячи франков, взятые у них летом взаймы. Днём писал письма - куча.

Вечером отправился к Румановым. Это не простой визит, а всё-таки целое событие. Макс сказал бы «страшно шикарно», если бы знал, что через восемь лет после того, как мы посылали ей наши диалоги, Ариадна принимает меня где-то в Калифорнии среди зелёных пальм на Рождество! Живут они скромно. Ариадна сама открыла мне дверь с очень любезной улыбкой: «Узнали бы вы меня? - спросила она. - Хотя, в сущности, мы ведь никогда не были знакомы». И действительно, она очень изменилась, во всяком случае, не к лучшему. Как-то не было тех ярких красок, которыми она била в нос в свои пятнадцать лет. Несколько минут непринуждённого разговора втроём с мужем, который оказался вполне культурным человеком, затем появилось новое лицо, Барановская, ученица Мейерхольда, молодая и красивая женщина, которая отнюдь не пасовала перед Ариадной, а потом появился Каль. Пили чай, а затем Ариадна, по просьбе Каля, играла свои сочинения. Её романсы (название - с буквой «Ж», написанной по- моему) довольно сладки, но снисходительный слушатель может время от времени найти совсем неплохие обороты. Затем была симфоническая поэма с настоящей оркестровой партитурой. Партитура ужасно нелепа и рядом с этой нелепицей - вдруг какие-то изобретения, часто нескладные, но всё-таки изобретения. Я был вообще настроен против её музыки, но эти попытки что-то придумать меня подкупили. Кроме того, партитура написана тщательно и ни одного пропущенного диеза. Я сказал, что готов поделиться с нею несколькими принципами, которые могли бы её направить в инструментовке. Ариадна закричала: «О, я умру от счастья!» - и сказала, что завтра, если можно, придёт ко мне. Я просил позвонить сначала, так как завтра мне обещали прислать рояль и если его не будет, то лучше отложить. Вечер прошёл весело и незаметно. Я много рассказывал. Резюме: Ариадна произвела на меня меньше впечатления, чем я ожидал, и скорее милое, чем задорное. Барановская очень понравилась.

30 декабря

Немного побаливала голова и потому день прошёл вяло. Рояля не привезли. Вместо того, чтобы звонить, Ариадна забежала самостоятельно и я столкнулся с ней при входе в отель. Она была с нотами, но узнав, что рояля нет, сказала, что надо отложить на несколько дней. Вид у неё был скромный и тон - как в былое время - ученицы с Глазуновым. Я ей дал пока почитать «Инструментовку» Видора.

Вечером был у Каля. Рассказал ему мою биографию и играл сочинения для большой статьи в Париж.

31 декабря

Переписал начисто песню для Кошиц и вручил её Калю, который на днях уезжает в New York и там передаст. Был на завтраке в каком-то большом женском клубе, где пожилые дамы говорили о политике, а кстати и о том, как Россия притесняла Польшу. Вечером одел фрак и отправился к Калю - была обширная программа встречи Нового Года.

Первым номером был дом Бэкера, куда мы явились в десять часов. Туда мы попали по интриге Румановых и, главным образом, Барановской, и Каль, не спросив меня, уже пообещал, что я буду. Было довольно много нарядных дам, «куверты» и всякие попытки развеселить толпу, пересаживая кавалеров по звонку на стул вправо и предлагая каждому на разном языке прочесть стихи. Руманова и Барановская, декольтированные и нарядные, были очень красивы и старались держаться около меня. Однако, по нашей заранее выработанной программе, в 11.15 мы с Калем простились и уехали к Нюшелям. Туман был как молоко и мы едва не наехали на столб, пробираясь в автомобиле к ним. У Нюшелей было демократичнее, но оживлённее и искренней. Кричали, галдели, вывешивали плакаты и над уборной поместили вывеску: «Много лет здоровья». Откуда-то раздобыли вина, подпили и говорили смешные речи. Словом, провести там полтора часа и встретить Новый Год было совсем приятно, но дальше я собирался к Годовским. Я обещал Дагмаре быть к одиннадцати часам, а теперь был уже второй час. Полупьяный Дунаев, вроде поэт, повёз меня в своём автомобиле, треща всю дорогу, какой он знаменитый. Пользуясь тем, что туман рассеялся, он разгонял автомобиль до семидесяти пяти вёрст в час, а в патетических местах своего рассказа разводил руками, бросая руль и оставляя автомобиль на милость Божью. Спьяна он перепутал все улицы и мы долго носились по пустынному городу, пока, наконец, он не остановился перед небольшим особняком, домом Годовских. На террасе кто-то валялся в chaise-longue в позе зарезанного трупа, по-видимому, упившись до потери сознания. Я вбежал в дом и после скачки в автомобиле попал сразу в самую бучу вакханалии. В четырёх небольших комнатах было человек пятьдесят народу, почти все костюмированы, причём большинство мужчин, одетых женщинами, а женщин - мужчинами, выли два саксофона и барабан, и все с упоением плясали, путаясь в серпантине, которым был завален пол. Было что-то вроде последней картины «Петрушки», когда у автора в партитуре ремарка: Масленица достигла своего апогея. Я прошёл две комнаты и остановился у стены посмотреть на картину. Узнать кого-нибудь по раскрашенным и запарикованным лицам не представлялось возможным, да кроме Дагмары я никого здесь и не знал. Это было большинство stars из кинематографа, ибо Дагмара уже год играла в кинематографе и Los Angeles - столица кинематографической жизни. Большинство женщин были удивительно хорошенькими, некоторые застывшие в своей красоте, другие наоборот, с полной бесшабашностью отдавшиеся веселью. Вообще я почувствовал, что надо было приезжать в одиннадцать, а теперь в два все уже перезнакомились, разбились на парочки и я

являлся инородным телом. Действительно, в уголках уже обнимались, сидели друг у друга на коленях и т.д.

Какая-то дама подошла ко мне и сказала: «Ich bin Frau Godowsky»[37]. Я ответил: «Und ich bin Herr Prokofiev»[38]. Мы познакомились и она попыталась найти Дагмару, но безуспешно. Минут через двадцать Дагмара нашлась и так и впилась в меня (на что я совершенно не рассчитывал). Она потащила меня знакомиться со всеми подряд, в том числе с Назимовой, которая в России была средней актрисой, а здесь такая movie-star[39], что её вся Америка знает. Затем вдруг появились Руманова и Барановская и сразу образовалась своя собственная ячейка, нарядная и весёлая.

Настроение было довольно угарное, но больше от пляса, эротической атмосферы и воя саксофонов, так как вина не давали и несколько пьяных экземпляров напились или раньше, или где-то вовне. Мне самому захотелось прыгать и, хотя я никогда в Америке не танцевал и не знал американских танцев, я стал просить Барановскую выучить меня, что последняя с большим удовольствием и очень успешно и сделала.

- Только и всего? - спросил я, уловив легко па.

- И к тому - будьте безнравственны, вот и всё, - сказала она. Надо прижимать ноги к даме как можно выше и крепче.

Дагмара то исчезала, то мы снова сталкивались, и каждый раз радостно и нежно. А когда мы садились в какой-нибудь уголок, она восклицала: «Будьте осторожны, Франк ужасно ревнив». Frank Mayo - калифорнийский артист, знаменитость, с которым она живёт уже год, который разводится со своею женою и хочет жениться на Дагмаре. Она была без ума от него, а теперь охладела, а он разгорается всё больше и больше ревнует Дагмару, к чему она, надо сказать правду, даёт отличные поводы. Всё это не только рассказала Дагмара, но общая молва. Один раз, когда я обнял Дагмару, к нам подошла Ариадна и увела меня: «Что вы делаете, - сказала она, - он прямо вас убьёт или будет скандал. Посмотрите, как он на вас смотрит». У Mayo действительно вид страшный, в его костюме каторжника, хотя он красив и высок ростом.

Танцевал я и со старшей сестрой Дагмары. Ванитой, толстой, но кажется ещё более страстной, чем Дагмара. Под конец в одной из комнат потушили огонь и танцевали в темноте. Когда же в пятом часу утра мы собрались домой и Ариадна с Барановской пошли наверх и стали в куче наваленных на кровать шуб и манто отыскивать свои пальто, то очень испугались, открыв под этой кучей заснувшего Пьеро. Затем Румановы завезли меня домой.

[37] Я госпожа Годовская (нем).

[38] А я господин Прокофьев (нем).

[39] Кинозвезда (англ).

1921

1 января

После вчерашней вакханалии проспал до двенадцати и проснулся отдохнувшим и в хорошем настроении. Звонил Калю, который сказал: «Ну, поздравляю вас, что вы остались живы, когда вас вёз Дунаев. Он вернулся обратно без автомобиля и до сих пор не знает, где автомобиль». Затем Каль рассказал, что после моего отъезда у Нейшелей разгорелся ожесточённый спор, когда Каль сказал, что Прокофьев значительней и Глазунова, и Рахманинова. Все на него накинулись и всячески поносили.

Тем не менее, я днём, прогулявшись по дивной солнечной погоде, зашёл к ним и застал там ту же новогоднюю компанию, продолжавшую встречать Новый Год.

Обедали с Калем у Румановых. По просьбе Барановской я играл. У неё разгорелись щёки и, по-видимому, она была под сильным впечатлением.

Ей лет двадцать восемь, но выглядит она моложе. Она из хорошей семьи и была несколько раз замужем. Жила долго в Париже, потом училась у Мейерхольда. И то, и другое наложили на неё печать утончённости. В Сан-Франциско Барановские и Румановы сначала познакомились, потом подружились. Затем кавалеры обменялись дамами и Руманов с Барановской ездили в Нью-Йорк, а Ариадна с кем-то - не уверен, с Барановским ли - оставалась у Тихого океана. Теперь Барановский где-то в пространстве, а эти трое живут в большой дружбе, и делят ли дамы Руманова или тут есть какая-нибудь другая комбинация, я не знаю. Во всяком случае Руманов мил, культурен и покладист.

2 января

Утром Каль уехал в Нью-Йорк, я провожал его, а затем переселился в его домик, крошечный, из двух скромных комнаток, и совершенно отдельный. В три часа заехали Румановы. Барановская и ещё Mme Brunswick, здешняя миллионерша, и повезли меня на филармонический концерт, а оттуда к солисту концерта, молодому пианисту. Но он так плохо играл, что я сказал, что к такому дрянному пианисту не поеду и только после уговоров всех дам не разбивать компании отправился туда. Там оказалась куча народа, масса красивых лиц и знаменитостей из movies[1], а затем и Дагмара, которая успела ревниво спросить, почему Mrs Roumanova обращает на меня так много внимания. Я ответил ей, что кроме неё, Дагмары, я никого не люблю.

3 января

Спал отлично на новом месте, но в тонком деревянном домишке всё же холодно ночью. Завтракал с Дагмарой, которая рассказала про Мэйо, про свою жизнь и была удивительно мила со мной. Однако, когда появился скрипач Марк Розен, красивый мальчик, это не помешало ей быть удивительно милой и с ним.

Днём приходила ко мне Ариадна со своей партитурой. Свидание очень деловитое. Я честно старался уничтожить все нелепости в её партитуре и сохранить её идеи, которые всё же есть. Занятие продолжалось почти два часа и никаких других разговоров не было.

Вечером заходил скрипач из Сан-Диего, которого я всё никак не мог принять. От имени директорши сан-диегской консерватории он зондировал у меня почву, не могу ли я принять место профессора у них недель на десять. Я просил сообщить мне условия. А это идея! Если будут хорошо платить, отчего не провести пару

[1] Из мира кино (англ).

месяцев из будущей зимы в тёплом Сан-Диего?

4 января

Утром послал чек Polack (последний платёж за мамину операцию), а днём был у Mme Brunswick, у которой в очень элегантном салоне Барановская читала на безукоризненном французском языке лекцию о Мольере. Затем я поспешил домой, так как директриса сан-диегской консерватории, узнав, что я заинтересовался её предложением, отложила свой отъезд из Los Angeles и сегодня решила переговорить со мною. Она оказалась чрезвычайно милой дамой, сказала, какое впечатление я произвёл на всех в Сан-Диего, и предложила следующие условия: гарантия пятнадцать учеников по десять долларов за полчаса два раза в неделю, т.е. триста долларов в неделю за два с половиной часа ежедневных занятий. Уж вовсе не так плохо, но я решил попробовать лучше и сказал, что приехал бы недель на восемь, на сентябрь и октябрь, при гарантии двадцати учеников по пятнадцать долларов, т.е шестьсот в неделю - это уже совсем здорово - получить почти пять тысяч, хотя и убивать ежедневно четыре часа на бездарных учеников не подумаешь как приятно. Директриса предложила двенадцать долларов и пятнадцать учеников или десять долларов и двадцать учеников (т.е. четыреста в неделю), а затем решила произвести анкету и, буде она увидит, что ученики будут готовы на такую сумму (так как пятнадцать долларов в полчаса, по её мнению, довольно много), контракт может быть сделан до моего отъезда в Европу. Хорошо, очень хорошо! Может быть, начав преподавать, я буду уставать и бранить себя, но пока мне приятно, что мне уже предложили жалование в тысячу шестьсот долларов в месяц, а во-вторых, это сделает мне спокойное лето с обеспеченным будущим.

Вечером Ариадна и Барановская заехали за мной и повезли к Левину, у которого я был с Калем в первый Los Angeles'ский вечер, есть убитых на охоте уток. Я наелся утки и затем сидел, забившись в угол дивана, очень довольный сан-диегским предложением (вот и сидение в Los Angeles неожиданно привело к отличному предложению!). Ариадна и Барановская по очереди подсаживались ко мне. Ариадна с большим увлечением расспрашивала про диалоги, которые я посылал ей, и не без юмора рассказала, как она получала их и особенно, как она возилась с пустой бумажкой и приложенным к ней нелепым рецептом, каким составом её надо смазать, чтобы текст выступил, и как из этого ничего не вышло. Я объяснил, что Макс Шмидтгоф очень ею интересовался и изобретал всякие фокусы, а я помогал ему. В моём объяснении я покривил душою, так как изобретали мы оба. К моему удивлению, она совершенно не помнила Макса, но зато буква «ж»[2] навсегда осталась в её почерке!

Барановская была более мечтательна, чем Ариадна, мы говорили с ней об искусстве и о жизни, немного танцевали, причём она констатирует успех, а на обратном пути, в автомобиле, она клала голову на моё плечо.

5 января

Читал и писал письма и давал интервью. Была Руманова с партитурой. Вечером она очень обрадовалась, когда я снова пригласил её, и притом так скоро. Она тщательно выскабливает партитуру сообразно с моими указаниями и теперь партитура принимает «более культурный» вид. Работоспособность и любовь к сочинению у неё действительно удивительные. В некоторых страницах приходилось выскабливать столько, что переписать легче. Тон - весело-деловой, как и в

[2] Имеется ввиду характерное написание этой буквы Прокофьевым.

прошлый раз.
Вечером догонял дневник.

6 января

Получил письмо от Linette и очень был рад ему. Среди калифорнийских развлечений я не забыл Парижа.

Сегодня костюмированный вечер у Назимовой (в доме её подруги) и всем велено явиться в виде апашей[3]. Руманова и Барановская, которые взяли на себя нарядить меня, достали мне ужасный белый костюм с короткими штанами и ночными туфлями, а Ариадна с большим талантом сделала мне грим, приподняв одну мою бровь так, что на моём лице как бы застыло удивление перед жалким положением апаша. Барановская была одета дешёвенькой цирковой наездницей, Ариадна - мальчишкой из альфонсов, с продранной коленкой, а Руманов - толстой женщиной, с обнажёнными круглыми плечами, да так ловко, что когда мы приехали туда, то его провели в дамскую уборную. Дагмара была одета в какие-то ужасающие лохмотья, где всё что можно было голо. Марк Розен, как только увидел Ариадну, так и впился в неё глазами, ошалев, словно от кубка вина. Я танцевал с Барановской и пробовал присоединиться к Дагмаре, но безумный Мэйо вертелся вокруг как чёрт и она отгоняла меня. Было довольно много вин и некоторые очень оживились. В полночь Розен собрался домой, так как завтра у него концерт. Я ушёл в библиотеку и рассматривал довольно интересные книги с новейшими изысканиями о происхождении мира и человека. Наконец гости стали разъезжаться и наша компания в ожидании автомобиля вышла на тротуар.

Нам подали автомобиль и мы отправились домой. Так как я был одет в лохмотья, то мы сначала отправились к Румановым, а затем меня уговорили спать в том же этаже.

7 января

В десять часов утра все четверо собрались в кафе. У Руманова были мутные глаза и он ещё не переварил вчерашнего крюшона. У Барановской болела голова и только Ариадна и я чувствовали себя прекрасно. Проболтав о вчерашнем и посмеявшись, все разошлись. Я по дороге домой позвонил Дагмаре. Она сказала, что в час будет в Hotel Clark завтракать со мной.

Я вернулся домой и сел за рояль, позвонила Дагмара.

- Извините, я не могла с вами разговаривать. - сказала она, - так как рядом стоял Мэйо. Но я не могу с вами завтракать. Я заеду за вами в автомобиле часа в четыре.

Я рассердился.

- Не приезжайте слишком поздно, у меня будет Mme Барановская, - ответил я.

Дагмара воскликнула:

-You like her?!

Я ответил:

- Very much[4].

Дагмара сказала:

- Хорошо, я буду у вас в два.

Однако я ждал её и в два, и в три, - Дагмара не появлялась, очевидно рассердившись за Барановскую. Барановская тоже позвонила, что не придёт, так

[3] Хулиган, бандит, от apache (фр).

[4] Вы любите её? - Очень, (англ).

как лежит с головной болью (она собиралась прийти рассмотреть «Любовь к трём апельсинам», которыми очень интересовалась как ученица Мейерхольда). Словом, день оказался совсем не таким интересным, как должен был быть с утра. К вечеру Барановская поправилась и мы вчетвером с Румановыми были в театре. Барановская очень обрадовалась, что Дагмара из-за неё наказала меня.

8 января

Заказывал пишущую машинку для мамы. Ездил вдвоём с Румановым на берег моря кататься с американских гор (это было великолепно). Вечером были всем квартетом на филармоническом концерте. Дагмара, очень красивая, сидела в ложе с Мэйо, но я не смотрел в её сторону. После конца Ариадна и Барановская поехали домой, а Руманов и я к каким-то американцам, куда нас пригласили пить настоящее, вкусное пиво. Первые две кружки были превосходны, но когда заставили выпить семь, то было противно и болела голова. Румановы звали спать опять у них, но я решил, что пора когда-нибудь побывать и дома.

9 января

Утром я отправился к Румановым, где мне сказали, что только что звонила, по- видимому, Дагмара и спрашивала меня. Затем Левин повёз нас на автобусе в Altaden к своим знакомым, что около часу езды. Погода была дивной, краски ярки и настроение идеальное. Мы приехали в очень красивый дом к скучному хозяину и я, после тщетных попыток подбить на прогулку, ушёл гулять один. Я поднялся на фуникулёре до Echo, откуда чудесный вид. В настоящих сумерках весь Altaden лежал далеко внизу, горя через темноту тысячами огней, как опрокинутый звёздный небосвод. Когда я в седьмом часу спустился, было совсем темно и я не мог найти дачу. Адреса и фамилии своего хозяина я наивно не знал. Побродив около часу по тёмным, неосвещённым загородным авеню, я начал мёрзнуть в одном пиджаке, да и было просто жутко споткнуться в неведомой темноте. Наконец, я с радостью увидел ярко освещенный трамвай и взобрался в него. Тут на меня нашло просветление и я вдруг вспомнил фамилию хозяина: Петерсен. Я выскочил из трамвая и из аптеки позвонил ему. Румановы и Барановская в большом беспокойстве уже уехали в город. Я взял трамвай и через час был в Los Angeles у Румановых. Там на меня бросились с объятьями, меня считали погибшим и уже хотели заявлять в полицию. Вечер прошёл в рассказах и разговорах, а Ариадна выскабливала свою партитуру и бегала ко мне с вопросами. Посидел я вдвоём и с Барановской. В этот раз она явилась мне в более глубоком виде, чем до сих пор. Ужасная болезнь, которая её постигла год или два назад с туберкулёзом почки, и её отношение к этой болезни с каким-то беззаботным безразличием к исходу, меня удивило и заставило как-то ласковее взглянуть на неё. Ночевал я опять у них, на этот раз потому, что идти без пальто, оставшегося у Петерсена, было холодно.

10 января

Mrs Mason, миллионерша и почётный председатель здешней Симфонии. дирижёром которой состоял Танде до тех пор, пока она не развалилась, устроила сегодня в мою честь большой приём, на который были приглашены свыше четырёхсот человек, но было около трёхсот, всё это бомонд и сливки Los Angeles. Об этом приёме уже дней десять как возвещали газеты. Я стоял рядом с хозяйкой у входа в гостиную и меня знакомили с каждой входящей дамой (так как большинство гостей, ввиду дневного времени, были дамы). Улыбка, несколько слов

и следующий номер. Так длилось около двух часов (от пол-пятого до пол-седьмого) и я почти падал от усталости. Обедал с Румановыми в городе, а вечер провёл у них, ночевал тоже. Барановская, которая совсем замучилась чтением лекции по Comedia del Arte, и у которой туберкулёз одной почки, лежала слабая и больная.

11 января

Я был почти одет, когда ко мне постучалась Барановская. Ей было нисколько не лучше, скорее хуже, и она сейчас же повалилась в постель, с которой не расставалась весь день. Я посидел у её изголовья и меня удивляло равнодушие Барановской к своей болезни. Затем Ариадна засела за скобление своей партитуры по моим указаниям, которые я постоянно ей делал, а я ушёл домой играть на рояле и писать письма. К обеду я вернулся к Румановым, но Барановской было не лучше, она всё ещё лежала и мне пришлось кормить её с ложечки. Она хорошо знает Керенского, который женат на её кузине, и во время своего могущества, разводился с нею, чтобы жениться на другой кузине.

В семье Барановских, богатых и монархичных, относились к деятельности Керенского враждебно, однако сама Барановская была дружна с ним и теперь много рассказывала о бытовых сторонах его семейной жизни. Она называла его истеричкой, в этом, по её мнению, его сила и его слабость.

12 января

Утром Барановская объявила, что почечный припадок прошёл и она выздоровела. Все поздравляли её, а кстати и с днём рождения, так как ей минуло сегодня двадцать семь или двадцать восемь лет. Затем я отправился домой, а вскоре ко мне пришла Барановская рассматривать «Три апельсина». Я частью читал ей текст, частью рассказывал, как всё должно быть, и иногда играл музыку. Как человек, близкий к Comedia del Arte, к идеям Gozzi и Мейерхольда, Барановская очень живо переживала эту оперу и была в страшнейшем восторге. Глаза у неё разгорелись, и щёки тоже. Ей очень не хотелось уходить, но надо было. А я отправился в офис к Тендлеру и там получил длиннющее письмо от Кошиц и перчатки от Linette. Так как я писал ей, что мои хорошие, парижские, я потерял, а в Чикаго у меня не было денег купить новые, то милая девочка выслала мне новые внутри газеты, так что я до сих пор не понимаю, как их не украли. Кошиц разрастается в своём успехе, получила мои песни и к удивлению нашла, что мои гармонии слишком непонятны. Вот не ожидал, но она в них разберётся. Впечатление от письма Кошиц, как всегда, очень живое и кипучее. Как раз сегодня она поёт две песни в Нью-Йорке.

В шесть часов вечера ко мне явилась Глушакова, была застенчива, просила меня играть - и я никак не пойму, зачем она ко мне ходит. Однако скоро мне пришлось извиниться и отправиться на какой-то обед, откуда в девять часов я позвонил Румановым, спрашивая, есть ли планы на вечер и не желают ли они пойти в один маленький кинематограф, где идёт картина с участием Дагмары. Но Руманов кис, Ариадна скоблила партитуру и после семейного совещания мне сообщили, что если я возьму Барановскую, то она приедет одна, но чтобы потом мы оба явились чай пить.

Барановская была страшно оживлена и всё ещё под впечатлением «Трёх апельсинов». Когда мы достигли кинематографа, то картина уже началась и кассу закрыли. Нас впустили даром. Однако мы увидели Дагмару, в роли дикарки. Местами она была очень хороша, но далеко не всегда. Её возлюбленный, Frank Mayo, играл превосходно. После кинематографа мы купили именинный пирог для

Барановской и отправились пить чай к Румановым.

13 января

Вечером концерт, поэтому я решил провести день дома, поиграть и сосредоточиться. Ариадна и Барановская звонили несколько раз, справляясь, как я себя чувствую и не надо ли мне чего, говорили, что очень волнуются за меня.

Концерт состоялся в половине девятого вечера при весьма неполном зале, но так как зал был на три тысячи человек, то всё-таки народу было порядочно. Я играл хорошо и промахов не делал. Успех был тоже хороший, но не такой, как в Сан-Диего. Я несколько раз бисировал и получил букет цветов с русской лентой (от Румановых и Барановской), но чувствовалось, что публика раскачивается с трудом. После концерта артистическая буквально ломилась от восторженного народа: Румановы, Барановская, Назимова, Илья Толстой, Глушакова, Нейшин и прочие. Согласно заранее выработанной программе, после концерта Назимова позвала нас к себе встречать русский Новый Год, причём сделала это так поспешно, что я не успел ни остынуть как следует, ни пожать всех рук. У Назимовой прелестный особняк и небольшая и приятная компания из кинематографических артистов и артисток и нас четверых.

Вечер или вернее ночь прошла очень приятно, все немного подпили, я танцевал с Барановской. В двенадцать часов ночи тушили огонь, кричали «ура», кто-то спел «Боже, Царя храни», а вслед за тем сейчас же «Марсельезу». Помирились на «Славься» из «Жизни за царя»[5], которьш я рёк как будущий русский гимн и который мы тут же сыграли в четыре руки с Ариадной. В пять часов утра выходили в сад, где было тепло и пахло свежестью - и наслаждались Калифорнией. Затем поехали домой.

14 января

Заходил к Тендлеру в офис, который очень доволен и приглашает меня на будущий сезон играть с оркестром, а потом recital. Критика хорошая. Днём сделал визит Mrs Mason поблагодарить за приём, а затем обедал у Нейшин, которые не особенно смело язвили, что с тех пор, как я попал в руки Румановых и Барановской, меня две недели не видно и не слышно. Впрочем, были очень милы. В девять часов я отправился к Румановым. Барановская заявила, что я обязательно должен играть в Санта Барбара, где успех, по её мнению, обеспечен, и что через дам-патронесс этот концерт можно устроить в три-четыре дня и она и Ариадна очень горячо принялись за обсуждение этого плана: Барановской не хотелось отпускать меня в Нью-Йорк так скоро, а Ариадне хотелось, чтобы я кончил переделку всей её партитуры. Надо сказать, что во время моих частых визитов я непременно сидел с полчаса с Ариадной за партитурой. Она переделывала её наново согласно моим указаниям, причём обнаружив необычные способности и любовь к инструментовке и такое рвение, что просиживала за переделкой по пять-шесть часов в день.

15 января

Барановская звонила Mrs Murphy, очень важной даме, от которой совершенно зависит Tandler, и та сказала, что концерт в Санта Барбара обязательно надо устроить и что она немедленно примет меры и вызовет к себе для переговоров Tandler'a.

[5] Опера М.Глинки, более известна под названием «Иван Сусанин».

Днём Левины катали нас в автомобиле и всё с внешней стороны выглядело мило, но внутри у троицы был какой-то разлад. Я нервничал, так как, с одной стороны, о концерте в Санта Барбара ничего не выяснялось, а с другой пора было ехать в Чикаго. Кстати, оттуда и пикантная новость: Johns вылетел из директоров и директриса - Man-Garden. Ура! Туда и дорога. Не удивлюсь, если «Три апельсина» оказались одним из тех камней, через который он сломал себе шею.

Обедали у Левиных, причём Ариадна готовила суп и подавала его, а я давал ей в руку четвертаки на чай.

16 января

Утром Барановская с виноватой улыбкой сообщила, что она только что звонила Murphy и концерт состояться не может, так как зал занят вперёд на две недели. Это тем более досадно, что и гарантия была. Но во всяком случае Murphy готова сделать всё, чтобы в будущем сезоне для меня было по крайней мере пять концертов в Los Angeles и вокруг него. Таким образом мой отъезд вместо сегодня отложен на завтра. Поезд уходил в одиннадцать часов утра и сегодня управиться было нельзя.

Днём Барановская была у меня и я играл ей и рассказывал третий и четвёртый акты «Трёх апельсинов» и кое-что из «Огненного ангела». Она опять была в страшных восторгах, а также от моей фотографии, которую я подарил ей со стихами. «Эти стихи останутся со мной до самой смерти», - сказала она. Вечер провели опять вместе.

Я советовал Ариадне написать за лето симфонию, не углубляясь в столь любимую ею партитуру, а чисто задаваясь оркестральными целями. Ариадна ухватилась за идею и сказала, что посвятит её мне, своему первому учителю, «от Матрёши».

С Барановской опять посидели и поговорили вдвоём.

- Надо уезжать отсюда, - говорила она, - или в Нью-Йорк или в Европу. Если ехать к Керенскому, то он меня втянет в партийную работу, а я этого не хочу. Если можно было пробраться в Россию, я, вероятно, нашла бы себе там работу.

Я сказал:

- У меня были идеи проехать этим летом в Петроград и меня, конечно, туда пустили бы и выпустили.

Барановская воскликнула:

- Ах, возьмите меня! Я с вам поехала бы.

Потом опять говорили о её муже и о школе, через которую ей пришлось пройти. На прощание она сделала замечание, что я не умею целовать руку. «Могли бы научить» - сказал я. Барановская несколько смутилась и ушла.

17 января

Утром складывал чемодан и в одиннадцать все должны были встретиться на вокзале. Но вдруг позвонила Барановская и сказала: «Вы извините меня, мне, вероятно, не придётся приехать на вокзал, я ревела всё утро и у меня неприятности». Так как я сразу не сообразил, кто это говорит, она или Ариадна, то я сказал о моих сожалениях и она сейчас же повесила трубку. Однако первое лицо, которое я встретил на вокзале, была Барановская. «У меня был благодетельный телефон и теперь всё обошлось». Приехали Румановы и поезд отошёл под отчаянные взмахи зонтика Ариадны.

Я удалялся от Los Angeles'а с мыслями, оставшимися там. Но пора было уезжать. В Чикаго что-то происходило с оперой, в Нью-Йорке - с Кошиц, а в Лондоне было назначено свидание с Linette.

18 января

Я направился не прямо в Чикаго, но с заездом в Grand Canyon. Это трещина в земной поверхности глубиной в версту или две и, как говорят, одно из удивительных зрелищ во всей Америке. Однако увидеть сам Canyon мне не было суждено. Поезд опоздал на три часа, пересадочный ушёл и вместо восьми часов утра мы попадали к обрыву в пять часов дня с тем, чтобы в семь часов ехать обратно. Так как в пять заходит солнце, то ехать уже не стоило и я отправился прямо в Чикаго. Виновата Фру-Фру[6]. Если бы меня не задержали с Санта Барбарской фантазией на сутки, я попал бы в Canyon. Но не надо гневаться: благодаря Санта Барбарской фантазии я узнал, что на будущий сезон у меня может быть пять концертов в Los Angeles.

19 января

Путешествие протекает мирно и благополучно. Написал вчера Барановской, а сегодня Ариадне. Догоняю дневник. Возвращаюсь в Чикаго совершенно освежённый по сравнению с тем, как я его покинул. Весьма хорошие шансы, что будет новый контракт на «Три апельсина». Хотя странно, я так удалился от их исполнения, что как-то смотрю на контракт только с точки зрения аванса в тысячу или две, а эти деньги мне весьма нужны для Европы. В кармане кое-что есть - тысяча двести долларов, но это мало, а тут как на зло и размен стал хуже.

20 января

В два часа Чикаго и Готлиб, встретивший меня на вокзале. В течение дня я повидал Волкова, Кучерявого и Морин. Больше всего рассказал последний. Весь инцидент разыгрался из-за итальянской музыки, которая стараниями Маринуцци и Johns'a, вытеснила в этом году всякую другую. Это вызвало резкие нападки со стороны других, и несколько зарвавшийся, кстати же и нервный и усталый, Маринуцци первый подал в отставку как артистический директор. Он думал, что его будут упрашивать и таким образом он окрепнет, но в это время Мэри Гарден, которая всё время вела энергичную кампанию, была назначена директором с неограниченными правами, Johns'y же просто предложили удалиться, что последний и сделал с большим сожалением. В настоящее время Гарден очень сильна, императивна, намерена проводить в Опере всякие реформы, артисты встревожены и стараются с нею поговорить, а это делает её ещё более важною. Про мою оперу какой-то репортёр задал ей вопрос. Мэри ответила: «Я её не знаю, но если она мне понравится, то поставлю». Вся оперная компания через день переезжает в Нью- Йорк на гастроли и Морин предлагает там спросить Гарден, не намерена ли она решить вопрос с «Тремя апельсинами» в ту или другую сторону до отъезда автора в Европу.

21 января

В сущности вчерашним разговором с Морин и кончились все мои чикагские дела. Апельсинный вопрос явно откладывается до Нью-Йорка. Был я у Карпентера. Он бродит больной и слабый и ничего нового про Гарден и перемены не прибавил. Выяснил я только, что, пожалуй, вопрос об «Апельсинах» с Мэри Гарден лучше поднимать через Бакланова, чем через Морин, так как Бакланова она очень любит, а с Морин у неё бывали стычки. А так как в настоящий момент Мэри упивается

[6] Прозвище Барановской.

властью и мечет громы направо и налево, то лучше подъезжать к ней мягко. По этому поводу я пытался найти Бакланова, но он где-то болтался и пришлось отложить свидание до Нью-Йорка. Заходил на симфонический и видел Стока. Он сказал, чтобы я не забыл про новую симфонию для будущего сезона. Я ответил, что к будущему сезону будет новый фортепианный концерт.

Вечером я отправился в Нью-Йорк. Кстати, Готлиб совсем наладил для меня концерт в Чикаго на тридцатое января и телеграфировал об этом в Los Angeles, но в телеграмме вместо «Sunday Jan Thirtieth» переврали на «thirteenth». Так как тринадцатое января не воскресенье, то я посмотрел календарь и увидел, что воскресенье - тринадцатое февраля и ответил, что не могу ждать так долго. Досадно.

22 января

Сегодня опять целый день в вагоне. Так как выехав вечером из Чикаго я всё равно с самым скорым поездом попадал в Нью-Йорк только к ночи, то я взял медленный, который привезёт меня через две ночи в семь часов утра. Сберегаю десять долларов за скорость и ночь за отель. Это полезно при ещё не выяснившихся финансовых обстоятельствах и при ужасном падении франка. На Новый год за доллар давали семнадцать, перед отъездом из Los Angeles шестнадцать, а в Чикаго только пятнадцать. Так всегда, когда надо покупать.

23 января - 3 февраля

В New York'е я пробыл всего одиннадцать дней, с двадцать третьего января по третье февраля. Остановился я в Hotel Brevort. День был воскресный, а потому деловую часть пребывания приходилось начинать завтра. Я позвонил Кошиц, но она концертировала в Кливленде и возвращалась завтра. После её первых больших успехов двенадцатого января в New York'е была осечка, так как она пела неважно и была «измерзавлена» критиками. Haensel, который уже стал запрашивать за неё по тысяче долларов за выступление, расстроился и вроде как бы упрекал меня, почему Кошиц плохо спела. Однако по отношению ко мне был мил и не требовал больше процентов ни за прошлый год, ни за этот.

Дела у меня в Нью-Йорке были следующие: надо было постараться встретить Mary Garden и постараться, чтобы она приняла «Три апельсина». Во-вторых, следовало добиться от Duo Art, чтобы я мог наиграть им хотя бы четыре ролика и получить тысячу долларов. Так как один год уже был наигран вперёд, то я мог предвидеть возражения. Наконец надо было отыграть концерт в Elmira, близ Нью- Йорка, но скоро выяснилось, что этот концерт лопнул из-за общего застоя в делах, который посетил в эту зиму Америку. По этим же причинам в Duo Art, очень морщась, и единственное, что они нашли возможным предложить мне, это пятьсот долларов аванса с тем, чтобы я до будущего года к ним не приставал. Anyway[7], эти пятьсот, да отказ Haensel'а от процентов чуть-чуть уровняли мой денежный баланс и хотя мало, но кое-что для Европы было. Если бы хоть франк стоял семнадцать, а то он уже был ниже четырнадцати.

Осталось выяснить дело с М.Гарден. Я не знал, как к ней подступиться и на какие рога она меня встретит. Я просил Morin'а сообщить ей, что уезжаю в Европу и хотел бы поговорить с нею об «Апельсинах». Просил я и Бакланова, но оба, очень расположенные ко мне, не могли её добиться. Неожиданно я встретил Коханского, который только что приехал в Америку, и жена его оказалась

[7] В любом случае (англ).

приятельницей Mme Drepper, которая была секретарём Гарден и большой поклонницей моей музыки. Таким образом свидание было устроено в один день и в субботу двадцать девятого я был принят директрисой.

Симпатии были самые хорошие, так как Drepper сказала по телефону, что мисс Гарден очень заинтересована «Апельсинами». Однако, когда я пришёл к ней в Hotel Ritz, то ни её, ни Drepper, ни вообще никого не было. Я подождал, рассердился и ушёл. Но так как мне всё равно некуда было идти, то, погуляв по Пятой авеню, я через час позвонил, думая, что не половина третьего, а в половину четвёртого. Обе дамы оказались дома, страшно извинялись и просили немедленно приехать. Я закусил губу и отправился.

Про Mary Garden говорили, что ей сорок два, но выглядит она гораздо старше. Встретила меня чрезвычайно приветливо и, посадив на диван, стала расспрашивать, что это за опера, какой национальности, во-первых. Я ответил, что опера написана по-французски, на итальянский сюжет, русский композитор, для американского театра. Mary рассмеялась и в таком стиле пошёл разговор. Я в коротких словах рассказал историю заказа и отказа, отрекомендовав «Три апельсина» как дитя Кампанини, утеснённое Памом и Johns'ом после его смерти и ждущее реабилитации в лице Mary Garden. Так как она обожала Campanini и ненавидела Пама, то не дожидаясь даже знакомства с оперой, она сказала, что опера будет исполнена со всем необходимым количеством репетиций, с теми певицами, которые мне необходимы, и не иначе, как под моим личным контролем и наблюдением. Впечатление на меня было чрезвычайное: до сих пор я имел дело с торгашами, теперь я говорил с настоящей артисткой. Я рассказал ей сюжет, причём у неё горели глаза от удовольствия, а из музыки сыграл один «Марш», иллюстрируя рассказ. «Oh, how cute»[8] - закричала она. О деловой стороне проронили между прочим: я сказал, что желал бы гарантию восьми спектаклей по пятьсот, а она ответила: «О, конечно». Получалось впечатление, что запроси я вместо четырёх тысяч восемь, она так же мило сказала бы «О, конечно». Но на самом деле я попросил как раз то, что следует, так как в моей цифре я опирался на контракт с Campanini, а Mary делала всё, что делал Campanini. Затем она спросила, не надо ли мне каких новых певцов для моей оперы - она готова ангажировать. Я ответил, что я сейчас не решаюсь делать указаний, но, между прочим, в Нью-Йорке есть лучшее русское сопрано Кошиц. Drepper моментально поддержала меня, сказав, что много слышала про неё. Гарден сказала: «Пожалуйста, приведите её послезавтра», и на этом свидание с поклонами и благодарностью закончилось.

Кошиц была в диком восторге и от моего успеха, и от своего появления, страшно волновалась и через день была привезена мною к Гарден. Пела превосходно, очаровала Гарден и была немедленно принята на роль Фаты Морганы и, вероятно, на многие другие. Таким образом, два чуда были совершены в три дня.

Со мною в этот приезд Кошиц затевала безумное объяснение, гораздо хуже, чем в Москве: я единственный человек, я единственный солнечный луч, я – единственный, кто может спасти её искусство. Сначала было очень приятно, но потом, когда пошли разговоры о самоубийстве, о слезах и безнадёжности, то было трудно. Мои романсы она напела мне только один раз и не полным голосом, но звучали они хорошо, пожалуй даже лучше, чем я полагал.

Самый контракт с business manager`ом Чикагской оперы, Mr Spangler`ом, был заключён накануне отъезда и провозились мы с десяти до четырёх, с перерывом в один час. С их стороны сидело два адвоката и сам Spangler, я защищал свои права самостоятельно и не думаю, чтобы плохо. Гарден появилась лишь на момент, пожала мне руку и сказала, что будет рада увидеть меня летом в Монте-Карло. Зато эти

[8] О, как мило (англ).

три чёрта выжимали из четырёх тысяч, так легко принятых ею, всё, что только можно. Как ни так, я получал тысячу на руки и вторую первого июля, что отлично устраивает мне лето, независимо даже от «флюктуации» франка. Я заплатил четыреста Haensel, тысячу дантисту и сто сорок газетам, купил билет на пароход (и ещё какой. «Aquitania»!). и две тысячи долларов увёз чистых в Европу. До июля хватит, а там смотришь, и Кусевицкий зашевелится с издательством.

Хотел я пойти на спиритический сеанс к Рериху, который, кстати сказать, очень успешно дебютировал со своей выставкой в Нью-Йорке, а вообще очень хорошо ко мне относится. Но он запросил духов, можно ли мне, и они сказали: «Никакому постороннему», чему я искренне обиделся. На сеансах у Рериха их запрашивают про успехи и доллары. а когда желает придти человек серьёзный, то «Посторонним нельзя».

Страшно мило писал Los Angeles. Первое письмо от Барановской было кокетливое, а следующие два просто влюблённые. Ариадна писала тоже мило и смешно, но, конечно, без тонкости Барановской.

Завтракал я с Вл. Башкировым. Боренька[9] в Гельсингфорсе и мать его на пути в Гельсингфорс: она уже выбралась из России, но финны держат её в карантине. Как только она достигнет Гельсингфорс. Владимир хочет обоих переправить в Нью-Йорк. Я всячески зондировал почву, чтобы получить Бориса на лето во Францию, но упрямый Владимир под предлогом, что по таким временам всем надо быть вместе и нет лишь денег, категорически протестовал против всяких раздроблений семейств. Я всё же послал Бореньке телеграмму, извещавшую его, что еду на шесть месяцев во Францию. Ответ был, что у него нет денег и не могу ли я ему прислать. Мне очень хотелось пригласить его на все шесть месяцев ко мне в деревню (на юге Франции, как я собираюсь) и сказать, что деньги на дорогу я пришлю, но я боялся осложнений с Linette, зная, что он болтун и что я говорил ей, что он такой. Поэтому я решил отложить ответ до Лондона, до свидания с Linette, а пока, чтобы он не обиделся молчанию в ответ на его запрос о деньгах, послал ему телеграмму от имени Haensel'a. что «Прокофьев выехал в Лондон, каблограмма препровождена».

Третьего февраля я действительно тронулся в путь в отличном настроении, благодаря новому контракту.

3 февраля

В 9.30 утра я уже был на пристани для посадки на «Аквитанию». Огромный, белый, четырёхтрубный корабль стоял около дока. Некоторая возня с багажом, очень мало формальностей с паспортам, и я очутился на пароходе. Провожали меня Шуберт (Нина, простуженная, как и при отъезде из Москвы в Америку, лежала в постели), Кучерявые, которые через две недели уезжают в Ригу, и Каль, прибежавший в последнюю минуту. В двенадцать я простился с ними, так как пароход уже трубил, однако тронулся он только в два, причём так мягко, что я даже не заметил. «Aquitania» — tout ce qu'il y a de plus chic[10] - масса пространств, комнат, палуб, кулуаров, огромная столовая Louis XVI с чудесной тёмной курительной с глубокими креслами, тёмными стенами и камином. Если не будет качать (а в феврале, говорят, здорово качает), то очень приятно будет провести шесть дней в этом замке.

Я вытащил Coron'у, пишущую машинку, которую я везу для мамы, и стал печатать. Идея была привести её в состояние употребления, дабы не платить

[9] Борис Банкиров.

[10] Самое шикарное из всего (фр).

пошлины. Стал я переписывать мой старый рассказ «Мерзкая собака» и так увлёкся, что проработал четыре часа. Моря я в этот день так и не видел, так как когда я вышел на палубу, было уже темно. Но океан был так спокоен, а пароход так огромен, что нельзя было разобрать, идём ли мы или стоим на якоре. К обеду надел смокинг, как и большинство публики и как того требовала нарядная обстановка столовой. После обеда ещё немного попечатал и затем лёг спать. На пароходе едет Mme Otto Kahn, но я забыл, как она выглядит.

4 февраля

Пугали бурным морем в феврале, но океан спокоен и много солнца. Щёлкал на пишущей машинке с большим увлечением, просиживая часами над перепиской «Пуделя». Вечером опять смокинг и чинный обед. Соседи до противности неинтересные. Знакомств не делаю. Жду встречи с Linette в Лондоне.

5 февраля

Слегка покачивает, но не очень, и работать не мешает. Кончил переписывать «Пуделя» и решил приняться за фортепианное переложение моего Скрипичного концерта, а то по партитуре даже Коханский отказывается учить. Работа пошла легко и приятно и больше половины первой части сделал. Надо приналечь и тогда можно к Лондону прикончить. Только противно, что всюду сквозняки, и меня, кажется, уже продуло, во всяком случае чихал сегодня вовсю.

Подошёл ко мне Mr Brown, англичанин, отлично говорящий по-русски. Он жил в Петрограде и говорит, что лет пять назад нас познакомил Коутс.

Вечером начал печатать другой рассказ: «Блуждающая башня». Не забыть, надо написать письма: Миллер, Капабланке и, может, быть Барановской.

6 февраля

Так и есть: насморк и довольно тяжёлая голова. Однако утром довольно много просидел над переложением Концерта. Шло гладко и легко. Кончил первую часть и сделал половину скерцо.

Качает довольно порядочно, но на меня не действует.

Днём печатал «Блуждающую башню».

8 февраля

Кончил переложение Концерта.

9-21 февраля

Девятого вечером, после спокойного и приятного переезда, остановились в Шербурге, где выгрузили кучу пассажиров и тьму багажа, а десятого утром бросили якорь в Southampton'e.

В полдень я был уже в Лондоне и отправился в Hotel National, где мы условились съехаться с Linette. Но приедет ли она или нет, я всё ещё не знал, так как положительного согласия от неё не получил. Может она уже была в Лондоне? Может, меня ждало письмо от неё? Ни того, ни другого. Так как все поезда из Парижа приходят между шестью и восемью вечера, то к этому времени я уселся в вестибюле отеля и стал ждать. Однако вместо Linette пришла телеграмма, что Linette приедет завтра. Значит, приедет! Я не был уверен в том до сих пор.

На другой день я её встретил на Victoria Station[11], очень хорошенькую в её серой шубке, и мы поехали в National. Это большой, но очень странный отель. Комнаты были крошечные и все одинаковые. А если побольше, так называемая двойная, то страшно дорогие. Поместиться в одной комнате мы не решились (в Америке бы без разговоров вытурили), и потому у Linette была большая комната, а у меня маленькая напротив, в которой я ни разу не ночевал, но аккуратно каждый вечер мял постель для фасона.

Время нашего пребывания в Лондоне определялось получением французской визы, о которой я немедленно послал Стравинскому телеграмму и получил ответ, что всё будет сделано. Как бы то ни было, паспорт был провизирован мне лишь спустя десять дней, но мы их отлично провели с Linette. Правда, прокутили мы пятьсот долларов, т.е. четверть всего моего состояния, зато и я оделся, и Linette оделась - никаких покупок на полгода вперёд.

Я рассчитывал встретить Коутса, который на Рождество побывал в Нью-Йорке и имел там бешеный успех, получив приглашение на будущий сезон. Мне хотелось устроиться с ним, чтобы играть в Нью-Йорке 3-й Концерт. Насчёт Лондона у меня не было перспектив. Covent Garden был заперт со времени краха прошлым летом. Довольно скандально: самый большой город в мире, и без оперы! Однако Коутса в Лондоне не оказалось: уехал с оркестром на гастроли в провинцию. Досадно.

Кусевицкий, который был в Лондоне, сказал, что он готов печатать мои сочинения, и даже в большом количестве, но гонораров платить не может. Зато предлагал 50% с продажной цены. Он сказал, чтобы те три тысячи франков, которые я ему должен, я послал в издательство в Берлин, и на эти деньги немедленно начнут гравировать мои Ор.31 и 32. Итак, вместо гонорара за сочинения, который я рассчитывал иметь в размере тысяч тринадцати франков, надо платить три тысячи франков. Но 50% - огромный процент и очень уж надо было толкнуть в печать мои сочинения. Поэтому я согласился, и он забрал «Бабушкины сказки» и Ор.32.

Двадцать первого февраля я наконец получил визу (Linette, как испанка, уже имела давно) и в тот же вечер мы выехали в Париж. Провели ночь на пароходе, а утром проснулись в Гавре, на французской территории.

22 февраля - 20 марта

В Париже я не собирался оставаться долго. Это первый раз за долгие годы, что я весною не был привязан за нос к городу - хотелось использовать это обстоятельство и провести весну в деревне, как я уже давно о том мечтал. Надо было выбрать, где именно снять себе дачу: если на севере Франции, то слишком холодно в ближайшие два месяца, если на юге, то слишком жарко в июле. Кроме того, Linette хотела к морю. Значит, или Средиземное море или Атлантический океан. После самых подробных справок о береге Средиземного моря было установлено, что слишком уж жарко будет там в июле и августе. Поэтому решили перекочевать на Бискайский залив и после долгих справок, разговоров и рассмотрения карт, я в первых числах марта отправился в окрестности Нанта. После двухдневных яростных поисков я нашёл в Plage des Rochelets большой каменный дом, некрасивый, весьма просто обставленный, но довольно удобный, без докучливых соседей и у самого океана. Не было элегантности прошлогоднего дома, но зато не было и толкотни. Кроме того, всего три тысячи франков до первого октября, а так как деньги стремительно таяли, а курс доллара не повышался, то я, не рассуждая долго, и снял его. Места было достаточно и для Бориса Верина, и для Сталей, если бы они приехали летом. Я вернулся в Париж, можно было скоро и

[11] Лондонский вокзал.

переезжать - мамины глаза больше не нуждались в уходе доктора и здоровье её было в хорошем виде (хотя видела она всё так же плохо), но тут новое обстоятельство: у Linette доктора нашли аппендицит, и в довольно воспалённом состоянии, прописали ей безумную диету и советовали сделать операцию, чтобы поскорее и навсегда покончить с этим. Обсудили и, решив, что всё равно житья не будет, так чем скорее, тем лучше. Linette отправилась к лучшему хирургу и через неделю он ей сделал операцию. Бедная девочка относилась к событию храбро и только разревелась, когда за нею явились с носилками, чтобы брать в операционную. Операция прошла отлично и через три дня Linette уже быстро шла к поправке.

В Париже я нашёл Дягилева, но он был в расстройстве духа, ибо Мясин бросил его, променяв его, как в былое время Нижинский, на настоящую женщину. Так как Мясин одновременно ушёл из труппы, то у Дягилева лопнул контракт с Южной Америкой, куда они должны были отправиться весною и где Мясин был гвоздём. Поэтому Дягилев решил делать сезон в Париже, а для Парижа нужны были новинки, значит «Шут» и «Свадебка» Стравинского. Я был страшно доволен, но в дальнейшем произошло ухудшение: Дягилев решил делать сезон в Grand Opera, пригласить стариков Фокина и Больма, и возобновить некоторые забытые вещи. «Шут» был отменён. Когда же с Grand Opera у него сорвалось, ибо Фокин приезжал туда не кооперировать с Дягилевым, а конкурировать, то Дягилеву пришлось перекочевать в Theatre des Champs Elysees, и, дабы переплюнуть Фокина, дать новинки, т.е. опять «Шута» и «Свадебку». Трудность заключалась в том, что оставалось всего два месяца до сезона, - и так не много, а опытного балетмейстера не было. Вместо Мясина Дягилев выдвинул двух других своих танцоров, а постановку «Шута» поручил Ларионову. Первый случай, что художник, а не балетмейстер, ставит балет, но Ларионов - хитрый и талантливый мужичонка, и надо думать, что у него что-нибудь есть в голове, раз он берётся за это дело. Во всяком случае декорации его великолепны. Итак, после того, как я потерял надежду на постановку «Шута», дело вдруг наладилось в три дня. Дягилев был со мой страшно ласков, но между прочим ни слова не сказал в благодарность за то, что я посвятил ему «Шута» (в ноябрьском письме). Простое приличие требовало поблагодарить. Я, кажется, отниму посвящение[12].

Половина пятой картины, пятый антракт и вся шестая картина не были ещё инструментованы. Надо было спешить, так как, кроме всего прочего, партитуру требовалось ещё расписать на партии. Поэтому, как только Linette начала поправляться (а лежать ей ещё оставалось восемь-десять дней) я забрал маму и отправился в деревню. Это было двадцатого марта.

От Бориса Верина, которого я по телеграфу пригласил к себе гостить на всю весну и лето, я получил, к величайшей радости, согласие и благодарность. Вопрос за деньгами (я послал ему три тысячи финских марок) и за визой. Перед отъездом в деревню мне кажется удалось наладить и этот вопрос.

В Париже я чаще других (кроме Ларионова и Гончаровой) видел Сталей и Самойленко. И с тем, и с другим большая дружба. Из музыкантов часто встречал Шлёцера, который готовил статью про меня и Prunieres'a, очень культурного француза, издателя «La revue musicale», хорошего французского журнала. Слушал музыку Пуленка и Мийо (из «шестёрки»), кое-что интересное тонет в бездне дурного вкуса.

С Linette мы жили в разных местах, но виделись каждый день. Один раз случилась неприятность: она упрекнула меня, что живя с нею нелегально, я ставлю её в ложное положение, и это уже начинают замечать. Я рассердился. Но по

[12] Посвящение было оставлено. (Прим. ред.)

существу, мне было её очень жалко, однако выхода я не видел. Жениться? Это так просто и ясно казалось для неё. Женитьба мне казалась камнем, привязанным к ноге.

20 - 29 марта

Двадцатого марта в половине третьего мы с мамой сели в поезд и в одиннадцать часов вечера были в St.Nazaire, где пришлось переночевать. Следующее утро я истратил на поиск пианино и переписчика. Пианино я нашёл, хотя и не очень важное, а переписчика вовсе не нашёл. Затем мы со всеми багажами на небольшом пароходе переплыли Луару (у самого её впадения в океан) и затем в небольшом, совсем игрушечном поезде, достигли Rochelets, что в 8 км от Луары. Здесь нас встретил сам хозяин и мы вступили во владение дачей. Днём было чудесно, масса солнца, чистый от океана воздух смешивался с запахом сосен и массы цветущих кустов, но ночью холод был адский, и хотя мы пробовали зажигать камины, они больше дымили, чем грели.

Я засел за партитуру и через неделю пятая картина была готова. Переписчика я нашёл в Нанте, куда пришлось проездить целый день. Вообще это пренеприятная обуза с перепиской партий, которую мне навалил на плечи Дягилев! Сам он с труппой в Мадриде и конечно, ему трудно было бы заведовать расписокой партитуры на голоса. Там же в Мадриде и Ларионов, который уже начал хореографические репетиции «Шута».

Итак, если бы не так холодно (у меня уже болит горло, а у мамы подошвы), то на даче было бы отлично. Но перспектива будущего солнца, скорого приезда Linette (за которой я поеду), а за нею и Бориса Николаевича, заставляет радоваться, что дача нанята на шесть месяцев, а не на меньший срок.

30 марта

Вечером тридцатого марта я приехал в Париж за Linette и отправился прямо к Сталям, где сегодня происходило его рождение и где Linette уже жила второй день, переехав из больницы. Linette была ещё слабенькой, но уже двигалась довольно свободно, обрадовалась мне ужасно. Отпраздновав рождение и переночевав у Сталей, мы на другой день переехали в гостиницу, я доделывал всякие дела, главным образом по части переписчиков балета, и ещё через день, первого апреля, мы с Linette отправились в деревню.

1-30 апреля

Первого апреля вечером мы с Linette приехали в St.Nazaire, переночевали там в Grand Hotel и второго утром водворились в Rochelets. Окружающим я сообщил, что Linette - моя жена, как того Linette хотела, чтобы устранить лишние разговоры и косые взгляды. Linette здесь очень понравилось, но поправлялась она всё же медленно, жаловалась на боль в ране, была очень нервна и легко плакала.

В деревне было отлично, впрочем всё ещё порядочно холодновато, особенно ночью. Ложась вечером в постель, мы задавали друг другу вопрос: «Любите ли вы купаться в Ледовитом океане?» и затем с трепетом ныряли в холодные простыни. Цветов была масса, доминировал жёлтый цвет, целые моря жёлтого кустарника jeunets.

Поджидали мы Бориса Николаевича, но он замолк в своём Гельсингфорсе. Я запросил его телеграфом и получил ответ, что он всё ещё ждёт визы. А между тем Mme Sert ещё семнадцатого марта сказала мне, что всё будет сделано. Я послал

письмо Нувелю в Париж, прося навести справку у Mme Sert, но получил ответ, что она не думает, чтобы это было легко. Вот тебе раз! Пока я был в Париже, наобещала мне, а когда я засел в деревне - «не думает, чтобы легко». А Б.Н. сидит и ждёт. Тогда я, пользуясь что Дягилев в Париже и что я только что закончил клавир «Шута» и отправил его для репетиций в Мадрид, сообщил об этом окончании Дягилеву и просил его похлопотать о Башкирове. Через несколько дней Дягилев прислал телеграмму о всяких балетных делах, а кстати присовокупил, что поговорит о Башкирове с министром. Я страшно обрадовался и поблагодарил его телеграммой.

Между тем я много занимался инструментовкой «Шута». Начало шестой картины проскочило легко, но на заключительном танце я завяз, он еле полз, я бился, проталкивая его, словом, это было очень мучительно. Наконец, около двадцатого апреля всё было закончено и я вздохнул свободно. Но переписчики партий были мучителями. Правда, они берут здесь втрое дешевле, чем в Америке, но Боже, что за ужас были партии первой картины, которые прислал мне нантский переписчик с поэтичной фамилией Тристан. Страницы кишели ошибками как муравейник. Исправляя их, я, чтобы найти хоть какой-нибудь исход моей злобе, ставил на листе бумаги палочки, чтобы знать, сколько всего ошибок. Когда же их количество перевалило в четырёхзначные числа, я бросил. Около времени окончания партитуры началось наводнение Rochelets телеграммами: Дягилев, Кусевицкий, Шлёцер, Нувель. Кусевицкий давал двадцать девятого в Париже «Скифскую сюиту» и требовал, чтобы я приехал на репетиции. Дягилев, узнав, что Кусевицкий ставит сюиту за две недели до балета, всполошился и стал слать мне телеграммы на двух листах, подробно объясняя, какой ужасный вред в этом предвосхищении, и что если Кусевицкий сыграет сюиту до «Шута», то чуть ли не и я погибну, и Дягилев погибнет, и весь мир провалится. А мне интересно было послушать сюиту из зала, так как до сих пор я всегда дирижировал её сам. Но, конечно, и с Дягилевым было не время ссориться, особенно, если он обещал похлопотать за Башкирова.

Наконец, двадцать первого от Дягилева телеграмма и другого содержания: не угодно ли немедленно пожаловать в Монте-Карло на репетиции «Шута», дорога и расходы будут возмещены. Во время спектаклей в Мадриде Ларионов сделал ряд репетиций «Шута», затем труппа переехала в Монте-Карло и Дягилев, который уже там, вызывает меня для руководства. Мне давно хотелось туда попасть на эти репетиции и посмотреть на Cote d' Azur, но Дягилев так упорно молчал, что я решил, что ему жалко денег. И вдруг пожалуйте. Я обрадовался, простился с мамой и Linette, и двадцать второго отправился в Париж. Нувель, к которому я отправился первым номером, сказал, что, конечно, Дягилев очень не хочет исполнения «Скифской сюиты» Кусевицким, но как будто теперь уже поздно. А Кусевицкий, к которому я приехал от Нувеля, закричал, что и разговоров быть не может никаких, так как это piece de resistance[13] всего концерта - и чтобы я перед Дягилевым валил всё на него. Я был только рад и вместо протестов прошёл всю сюиту с Кусевицким, а в шесть был уже на дороге в Монте-Карло.

Ещё кого я встретил в Париже - это Борис Борисович Гершун. После долгого пребывания в Софии, где он часто встречал Сувчинского, он наконец попал в Париж, но тут очутился без дела и без гроша. Я был очень рад его видеть, но вид у него был растерянный и вскоре он взял у меня взаймы двести франков. В шесть часов вечера он провожал меня на вокзал. Я уезжал в шикарном поезде lux, как мне посоветовал Нувель, так как Дягилев торопил мой приезд и этот поезд был самым скорым.

Проснулся я, когда поезд миновал уже Марсель и держал свой путь на восток,

[13] Здесь: основное произведение (фр).

вдоль берега Средиземного моря. Его тёмно-синие воды всё время проглядывали из-за лесов и косогоров. Было яркое солнце, красная земля, южная растительность и прелестные виды. Ко всему этому отличное настроение. Мелькнули: Сен-Рафаэль, Канн, Ницца и наконец Монте-Карло. Всё больше и больше элегантных вилл и выхоленных садов, только раздражали меня красные черепичные крыши. Это couleur locale[14], но куда приятнее были бы другие. Наконец Монте-Карло, жду, что меня кто-нибудь встретит, так как я послал телеграмму, но никого. Я отправился в Hotel de Paris, где жил Дягилев, страшно шикарную гостиницу. Но Дягилев куда- то ушёл. Появился его секретарь, Кохно, хорошенький и очень лощёный мальчик, замещающий Мясина. Ларионов должен был меня встретить, но перепутал и опоздал. Вскоре состоялся завтрак: Дягилев, Матисс, мальчик, сконфуженный Ларионов и я. Пили и веселились. Сегодня по случаю воскресенья репетиций не было.

Монте-Карло весь как-то скучен на небольшом бугре и на первый взгляд состоит из одних отелей, окружающих казино, тут же театр. Море тёмно-синее, как нигде, горы прелестны, климат чудный, но никому не до этого. Мы, т.е. труппа, по горло заняты балетом, а прочие не выходят из игорного зала.

Ларионов сейчас же озаботился, чтобы достать мне билет в игорные комнаты. Они представляют собой довольно большую и широкую анфиладу залов, где на приличных друг от друга расстояниях расставлены столы, более или менее облепленные публикой. Игра происходит гораздо медленнее, чем я полагал: много времени уходит на постановку и расчёты. У меня в «Игроке» всё идёт горячее, но так и надо было изображать: люди, увлечённые игрой, теряют всякое понятие о времени и для получения лихорадочности впечатления надо было «гнать» мою сцену.

Я решил не играть, жалко было денег и я как-то совсем не чувствовал за рулеткой выигрыша, я слишком был сосредоточен на балете и на всей поездке сюда. Посмотреть же на игру было интересно. Как раз одному шведу везло, говорят, он уже перевалил за шестьсот тысяч. Я изучал его лицо, оно было утомлённым и глаза затуманены. Его зарисовывали, о нём только и говорили. Я увидел этого шведа и на другой день вечером. За утро он успел выиграть свыше миллиона, потом плавно спустил, затем опять стал выигрывать. Ему выдавали пачки тысячных билетов, от которых его карманы пухли. Он давал крупьерам по две тысячи на чай несколько раз. В семь часов вечера он уходил обедать и теперь был в смокинге, что мне очень понравилось. Лицо его теперь носило отпечаток ужасного утомления. Он играл уже на двух столах сразу, переходя от одного к другому и отдавая приказания крупьерам. За ним бежала толпа и несколько красивых женщин. Говорят, здесь подсылают к выигрывающим, чтобы они приводили счастливца обратно. При мне он три раза поставил максимум на «31», окружив эту цифру со всех сторон, и три раза подряд она вышла. Говорят, он играл ещё и уехал, выиграв десять миллионов.

В понедельник двадцать пятого началась репетиция. Ларионов сказал, что три картины уже поставлены, но они были в таком ужасном состоянии, как будто их совсем не ставили. Играла на рояле пианистка Земская, и вот в постановке всей музыкальной части и была вся загвоздка. Этой пианистке просто дали разобрать ноты, а затем посадили играть на репетиции и стали под это ставить. Пианистка не имела ни малейшего понятия ни о музыке, ни о темпах, ни об акцентах, ни главное - об инструментовке, т.е. например, соло трёх фаготов она играла forte, а tutti всего оркестра - вяло, и Ларионов ставил во время трёх фаготов энергичные движения толпы, а во время tutti - соло одного человека. Прямо удивительно, как

[14] Местный колорит (фр).

в таком серьёзном учреждении, как Дягилевский балет, царствовало такое нелепое отношение к музыкальной части. Говорят, Стравинский в Мадриде делал какие-то указания, но, делая их, по-видимому, случайно и с бухты-барахты, он ещё более напортил дело (в каком-то месте он нашёл, например, «вальсик», хотя никаких вальсиков у меня не было). Ставил балет Ларионов, который действительно много изучал танцы всех веков, имел некоторые - и очень неплохие - идеи, и приехал с толстой тетрадью, зарисованной позами и группами для «Шута». Вероятно, вышло бы очень хорошо, если бы он мог работать с Мясиным, но за отсутствием последнего, был выдвинут молодой Славинский, хороший танцор, но абсолютно пустая голова. Изобрести что-нибудь он, конечно, не мог, хотя имел способность очень быстро схватывать то, что говорил Ларионов, и передавать это танцорам. В заключение всего оба, и Славинский, и Ларионов, ничего не понимают в музыке, и таким образом весь музыкальный авторитет сосредотачивался в руках пианистки Земской, которая не разбиралась в «Шуте».

В таком виде я застал постановку. И слава Богу, что меня пригласили. Пришлось всё чистить и делать сначала, и прежде всего натренировать Земскую, с которой я сделал ряд отдельных репетиций, доведя её несколько раз до слёз, но всё же она хоть выучилась играть балет прилично. Это была молодая польская еврейка, которая, осушив слёзы, отъявленно кокетничала со мной. Затем с Ларионовым сразу был заключён безмолвный союз. Он делал всё, что я говорил, а я верил в его огромную изобретательность и хороший вкус. Оставалось одно: победить отсутствие балетной техники. Частично это удалось, но всё-таки, забегая вперёд, постановка «Шута» так и страдала проблемами. Славинского мы забрали в руки. Дягилев часто приходил на репетиции и это было одно удовольствие, так как всегда он давал отличные советы.

Словом, каждый день было две репетиции по три часа, а кроме того, я два раза репетировал в день с Земской, у которой пухли пальцы от восьми часов игры. Таким образом, с раннего утра до поздней ночи мы только и делали, что репетировали, я ничего в Монте-Карло не видел, кроме репетиционного зала, и уставал до потери сознания.

Один раз только я ездил в Ниццу к Матиссу, который по заказу Дягилева нарисовал мою голову для программы в Париже. Дягилев очень восхищался, а мне не понравилось. В Ницце изумительная набережная и чудное море, но я не хотел бы жить среди этой толкотни и удивляюсь Матиссу, как он туда ежегодно приезжает на четыре месяца. В игорный зал мы с Ларионовым заходили только три раза на краткий срок поздно вечером, часов в одиннадцать. У меня не было ни гроша денег, так как я взял мало, рассчитывая, что Дягилев даст согласно обещанию, но Дягилев не давал. Ларионов, наконец, уговорил меня сыграть и дал денег взаймы, под чек. Я не чувствовал игры и таков же оказался результат. Играли жмотисто, ставя понемножку на дюжины. Почти ни одной ставки не приходило и я проиграл двести франков. На другой вечер я не хотел идти, но Ларионов опять уговорил и опять дал денег. На этот раз всё выходило, я отыграл сто франков мелкими ставками, но рулетку закрыли за поздним временем. Тем и кончилось.

Через три дня я собрался уезжать. Дягилев, узнав, что я еду на репетицию «Скифской сюиты» к Кусевицкому, пришёл в большой раж, устроил мне скандал, послал Кусевицкому ругательную телеграмму - словом, пришлось остаться ещё на два дня и, пропустив репетицию «Скифской сюиты», приехать прямо на концерт. Остаться действительно следовало, так как в этот мой короткий приезд в Монте- Карло мы замучили и танцоров, и себя, но поставили дело на ноги. Много принимал участия в постановке и я сам, и по моему настоянию был сделан танец мытья полов в самом начале, а этот танец мне остался памятен ещё с 1915 года, когда в Риме мы обсуждали балет и Мясин случайно показал это движение. Словом, по прошествии

пяти дней, всё, кроме последней картины, было довольно твёрдо намечено, и двадцать восьмого, вместе с Дягилевым и Кохно, я выехал в Париж. Перед отъездом случился инцидент из-за денег, так как Дягилев, конечно, ничего мне так и не дал, купил мне билет в Париж в lux'e и ждал на вокзале. А мне нечем было заплатить за гостиницу. Я явился на вокзал без вещей, так как не мог взять их из гостиницы, не заплатив. По объяснении причины, Дягилев любезно вытащил бумажник со словами:

- Пожалуйста, пожалуйста, сколько вам надо?

Получив деньги, я сказал:

- Благодарю вас, но это надо было сделать раньше.

Так как гостиница была против вокзала, то я всё-таки поспел на поезд. В поезде мы были в разных купе) Дягилев сказал: «Ну что же, господин Петушков, пойдёмте завтракать!» За завтраком Дягилев разошёлся, много рассказывал и спаивал вином. Про Башкирова сказал, что Нувель прибавил это обещание в телеграмме без Дягилева, так что когда он, Дягилев, получил мою благодарственную телеграмму, то он не сразу понял, за что его благодарят. Но раз уж так вышло, то по приезде в Париж он постарается устроить и, если хочу, то со мною поедет к Pean'y, главному лицу по части виз.

Действительно, по приезде в Париж, мы вместе побывали у Pean'a, ministre plenipotentiaire[15], который уладил проклятую визу в одну минуту с любезной улыбкой. Я немедленно послал радостную телеграмму в Гельсингфорс. Дягилев молодчина.

В Париже я у Сталей нашёл Linette, которая накануне вечером приехала, чтобы присутствовать на «Скифской сюите». Она получила из Америки сведения, будто Кошиц вновь сошлась с Рахманиновым. Действительно, Кошиц мне бросила писать с февраля. Linette всегда ревновала меня к Кошиц и ни за что не желала поверить, что между мною и Кошиц ничего не было.

Вечером со Сталями поехали на концерт. У меня была ложа, к сожалению, слишком близко расположенная к оркестру. Да и зал Gaveau был слишком мал для такого огромного оркестра. Публики была масса. Всюду стояли и к ложе можно было протиснуться лишь с большим трудом. Первым номером шёл «Остров мёртвых» Рахманинова, сыгранный Кусевицким превосходно. Успех был хороший, но не больше. Затем «Скифская сюита». Мне было чрезвычайно интересно её слышать - ведь первый раз из зала. Ничего! Первая половина первой части звучит хотя немного грубовато, но нарядно, а вторая половина совсем хорошо. Кусевицкий только затянул тем и вышло длинновато. Окончил он «с настроением» и публика хлопать не посмела. Вторая часть прошла бойко, но тут рядом с хорошими звучностями попадались и простенькие, вылезавшие несколько вульгарными пятнами. После второй части бурные овации. Кусевицкий указывает на мою ложу и я несколько раз кланяюсь. Третья часть. «Ночь», проходит более вяло. Кое-что не звучит, надо переинструментовать, кое-что просто недоучено, так как репетиций было мало. Публика встречает сдержанно. В четвёртой части есть дырки, которые следует переделать, но это искупается «Восходом Солнца», который действительно звучит ошеломляюще, особенно то место, где Глазунов встал и вышел (предпоследняя страница). После «Скифской сюиты» огромные овации и масса поздравлений. Стравинский пришёл в ложу после второй части и всё время похваливал. Linette возмущалась его поощрительным тоном. На концерте была масса русских поэтов и художников. Из французов многие тоже подходили ко мне, среди них Floran Schmitt. После концерта ужин: Стали, Кусевицкие, Linette и я. На другой день мы с Linette отправились в деревню.

[15] Полномочный представитель (фр).

1-31 мая

Первого мая, как и первого апреля, мы с Linette появились в Rochelets - на неделю, так как седьмого следовало возвращаться в Париж на заключительную репетицию и постановку «Шута». В Rochelets было прекрасно и всё цвело, но дел была пропасть и неприятностей с переписчиками партий ещё больше. Ошибок - миллион и неуверенность, что всё будет готово к сроку. В промежутках я дирижировал по партитуре, чтобы подтянуться и явиться в Париж за пульт в хорошей форме.

Седьмого мама, Linette и я выехали в Париж. Мама настояла, чтобы взяли непременно и её на постановку. Несмотря на огромное событие в моей жизни, каковым было появление первой моей сценической вещи на сцене, было жалко покидать Rochelets, так как там было хорошо и спокойно. В Париже мама поселилась в своей глазной лечебнице, а мы с Linette в Hotel Vauban, против театра. Жили мы в разных комнатах и этажах, не по той причине, что в Лондоне, а просто, чтобы иметь возможность оставаться одному, отдохнуть и отоспаться: время предстояло жаркое.

И действительно, я сразу окунулся в омут бесконечных репетиций, сначала с балетными, потом с оркестром, а перед этим возня с запоздалыми переписчиками. Слава Богу, хоть театр был напротив отеля. Театр (Gaite Lirique) был не очень большой и довольно старый. До сих пор Дягилев давал свой сезон в шикарном театре, но в этом году всё было сделано наспех и хорошие театры уже были заняты. Главным для меня событием было, конечно, начало оркестровых репетиций. К сожалению, они происходили не в зале, а в небольшом фойе, и потому звучность совсем не та. Оркестр был средний. Партитуру с дирижёрской точки зрения я знал хорошо и хотя Бог знает, как давно не дирижировал, освоился с моею ролью сразу, только быстро уставал и после часовой работы уступал место Ансермэ, который репетировал другой репертуар.

Я не в точности ориентировался, всё ли хорошо звучит и так ли звучит, как хотелось бы. Но и Ансермэ, и Дягилев, и критики, которые то и дело заходили на репетиции, были в полнейшем восторге. Дягилев был то очень мил, то недоступный, особенно, когда я с него требовал деньги для переписчиков, с которыми у меня на тему этих запаздываний был целый скандал. Тогда я набрасывался на Дягилева. Ларионов со своей хореографией был не совсем готов, многое было поставлено наскоро, либо совсем не поставлено. Конечно, было бы хорошо, если бы балет можно было дать не семнадцатого, а двадцать седьмого. Что касается меня, то я имел почти каждый день четыре репетиции, переходя с оркестровой репетиции прямо на хореографическую, и до того уставал, что временами у меня являлись «абсансы»[16], т.е. я забывал, что собирался говорить.

С Linette мы старались завтракать и обедать вместе и это было почти единственное время, когда мы виделись.

Наконец пришла телеграмма от Бориса Николаевича. Приятно удивил: он был уже в Лондоне, куда выехал, не дожидаясь французской визы. Когда же виза пришла в Гельсингфорс, её немедленно протелеграфировали ему в Лондон, и теперь он извещал, что выезжает в Париж. Прибыл он в Париж тринадцатого мая вечером но на глаза не показался, так как был, по его словам, утомлён дорогой, небритый, не в своём виде. Четырнадцатого он появился у мамы в лечебнице (единственный из наших адресов, который был ему известен). Я узнал об этом только четырнадцатого в шесть часов вечера, возвратясь с репетиции, и был даже задет, что он уже сутки в Париже, а не был у меня. Я стал звонить в Hotel Select, где он

[16] Здесь - провалы в памяти, от absence - отсутствие (фр).

остановился вместе с матерью, с которой приехал, и где уже давно жила Варвара[17]. В это время он появился в моём отеле прямо против телефонной будки. Изменился он мало. Чуть-чуть грубее стало лицо, да по бокам рта залегли складки. Радость была огромной с обоих сторон и вопросы несколько сбивчивые. Через час мы вместе с Linette отправились обедать и выпили бутылку шампанского по случаю встречи. Б.Н. говорил, что эта встреча была несбыточной мечтой в продолжении всех трёх лет ужасной жизни в Петрограде. Наблюдая звёзды, он почему-то ассоциировал меня с Денебом, ему казалось, будто я нахожусь, как Денеб[18], в каком- то другом, недоступном мире. После обеда сейчас же пришлось пойти на репетицию, так как постановка «Шута» не желала считаться с приездом никаких друзей. По отношению к Linette Б.Н. держался чуть-чуть отчуждённо, ибо её присутствие мешало нам остаться вдвоём.

Накануне спектакля и утром в день спектакля состоялись две репетиции с оркестром и в костюмах. Я привёл своих друзей. Кроме того, было порядочно народу, много критиков, а также почему-то американских дирижёров: Дамрош, Герц, Смоленс, а позже и Monteux. Я в сущности мало видел и декорации, и костюмы, и то, что делалось на сцене, ибо очень был занят оркестром. Костюмы занятные, совершенно нелепы и очень неудобны для танца. Артисты сердились и Ларионов отбивался. По-моему, репетиция прошла неважно, но Дягилев нашёл, что лучше, чем генеральные репетиции многих других балетов. Оркестр неважный. Французские музыканты - синдикалисты, и по законам своих синдикатов имеют право в экстренных случаях замещать себя другим музыкантом. Этим они постоянно злоупотребляют и я, например, во время всех репетиций перевидал таких разных концертмейстеров, которые в конце концов длинное соло в последнем танце играли чёрт знает как.

Семнадцатого, после последней костюмной репетиции, имевшей место утром, днём, вместо отдыха, предложили что-то доучивать с кордебалетом и к спектаклю уложили всех в гроб. Билеты были по сто франков за лучшие места и съезд был исключительно блестящий. Весь околоток был заполнен шикарными автомобилями, и так как в театре Gaite, вообще довольно скромном, ничего до сих пор подобного не было, то даже из соседних домов высыпали люди смотреть на съезд. Ложи мне не дали, но дали три места: маме, Linette и Б.Н. Первым номером шла «Жар-птица» (не нарочно ли? - первый балет Стравинского, а затем - первый мой). Затем я вышел дирижировать. Я очень мало волновался и если что меня смущало, так это три кнопки: одна для поднятия казённого занавеса, другая для поднятия ларионовского занавеса и третья для спуска. Так как занавес поднимался и спускался шесть раз, а кнопку каждый раз надо было давить дважды - для предупреждения и для поднятия или спуска, и так как мне всё это объяснили на последней репетиции, то это выходило крайне неприятным и сложным дополнением к моим дирижёрским обязанностям.

Моё появление у пульта было встречено хорошо, хлопали, я кланялся. Затем, когда всё стихло, я надавил первую кнопку. Театральный занавес поднялся и за ним оказался невероятный, нелепый, пёстрый ларионовский. В зале смех, движение, аплодисменты. Когда затихло снова, я надавил вторую кнопку (предупреждение) и начал музыку. Через шесть тактов надавил опять, ларионовский занавес ползёт кверху, зацепляется, начинает идти боком, но его выправляют - и это единственный инцидент. Дальше всё идёт гладко. Я, конечно, почти не вижу, что делается на сцене, что же до оркестра, то он для первого спектакля подтягивается и играет почти совсем хорошо. По окончании большой успех. Я выхожу на сцену кланяться,

[17] Старшая сестра Б.Н.Верина - Башкирова, Варвара Николаевна.

[18] Звезда в созвездии Лебедь.

но пока я туда добираюсь из оркестра, артисты уже кланяются несколько раз. При моём появлении аплодисменты значительно усиливаются, но начинают раздаваться и свистки. Танцоры очень милы, пожимают мне руки и тоже аплодируют. Выходили раз пять. Все довольны. После спектакля за кулисами масса поздравляющих, а затем Ларионов, Гончарова, Linette и Б.Н. решаем с радости хорошенько напиться. На душе было легко, тяжесть свалилась, всё прошло прекрасно.

Мы отправились в какой-то довольно шикарный кабак на Монмартре. Ярко освещенный зал, от краю и до краю затянутый красным ковром, иностранцы, вино, цветы, бумажные шарики, которыми бросаются, сильно декольтированные кокотки, которые липнут, и отличное настроение. Мы заняли удобный стол в углу и с необычной жаждою выкатили пять бутылок шампанского и по огромной рюмке ликёра. Было чрезвычайно весело. Лучше всех выдержал Б.Н. Я был пьян, но у себя в руках и весел, у Ларионова было vin-triste[19], Гончарова тоже под конец захмелела и прослезилась, жалуясь Linette, что её никто не любит. Linette держалась хорошо, но когда на смену шаманскому появилась большая рюмка ликёра, то вдруг опьянела, очень этому испугалась и сразу ослабела. Тогда мы решили, что пора ехать домой. Кто-то у Linette свистнул часы, вероятно в передней, когда мы одевались.

Приехали мы с Linette домой пьяненькие. Я её уложил в постель.

На другой день вся компания опять встретилась и оказалось, что все чрезвычайно довольны вчерашней кутёжкой. «Шут» прошёл ещё три раза: восемнадцатого, двадцатого и двадцать второго в заключительном спектакле. Оркестр играл хуже и хуже, а на последнем спектакле я слышал, как в теме Купца кто-то подыгрывал терциями. По окончании спектакля я в бешенстве устроил скандал заведующему оркестром. Тот потом делал анкету у музыкантов, но те свидетельствовали (и заведующий оркестром полагает, что они ему не стали бы врать), будто они в терцию не подыгрывали. Это, однако, не меняет моего мнения.

Критики были хорошие, а некоторые очень длинные и совсем отличные. Успех у музыкантов чрезвычайный. Ravel сказал, что это гениально. Стравинский, что это единственная модерная вещь, которую он слушает с удовольствием. «Шестёрка»[20] захлёбывалась, хотя появление «Шута» нанесло им большой удар, ибо «Шут» оказался тем, что им надлежало сделать и чего они сделать не смогли. Про эту шестёрку Ларионов очень остроумно сказал: «Есть люди недюжинные, есть люди просто дюженные, но есть и полудюженные. Чего хуже!»

Двадцатого Vera Janacopulos пела в своём концерте «Гадкого утёнка», только что ею переведённого на французский язык, Ахматову[21] и две песни без слов[22]. К сожалению, я не мог присутствовать, так как дирижировал третий спектакль «Шута», и мы съехались только потом, за ужином. Утром в этот день, когда я репетировал с Иовановичем, который аккомпанировал Vera мои вещи, последний случайно обронил: «Третьего дня, на вечере, я встретил Нину Мещерскую. Она сказала, что непременно будет и сегодня». Где - на исполнении «Гадкого утёнка» или на «Шуте», так как оба имели быть сегодня? Скорее, на «Гадком утёнке». Однако дирижируя вечером, я несколько раз вспомнил, что, может быть, она в зале.

Двадцать третьего состоялся последний спектакль короткого сезона Русского балета. Этот спектакль был весь посвящен балетам Стравинского, и я в первый

[19] Хмельная грусть (фр).

[20] Музыкальное объединение, включавшее Дариуса Мийо, Артура Онеггера, Франсиса Пуленка, Жоржа Орика, Жермен Тайерфер и Луи Дюрей.

[21] Пять стихотворений А.Ахматовой для голоса и фортепиано, Ор.27.

[22] Из Ор.35 - Пять песен без слов для голоса и фортепиано.

раз увидел «Sacre»[23]. Впечатление было огромным, я был прямо потрясён и от души обнял Стравинского. С успехом «Шута», которому всё время противопоставлялась несколько поблёкшая «Жар-птица», и слушая всё время от друзей, что теперь Стравинский выбит «Шутом» из седла и с досады щёлкает зубами, я как-то стал недооценивать Стравинского. Сегодня он вновь встал в моих глазах во весь свой рост.

После этого спектакля все стали разъезжаться из Парижа. Труппа спешила в Лондон. Мне раньше очень хотелось, чтобы Дягилев взял меня в Лондон дирижировать премьерой «Шута», но теперь я чувствовал такую усталость, что стремился только в Rochelets. Но Дягилев только переговорил со мной о купюре и о слитии пятой и шестой картины, про Лондон же ни слова. Б.Н. тоже всё время рвался в деревню, так как здесь, по его мнению, мы совсем не виделись. Однако он оказался неготовым: и надо доктору показаться, и с кого-то деньги получить, словом, двадцать шестого выехали мама и я, двадцать седьмого Linette, а Б.Н. завяз ещё на неделю.

У Linette событие: до сих пор она занималась пением у Литвин, которая была очаровательна, но недостаточно внимательна. Теперь она перешла к Calve, одной из знаменитых французских певиц. Между прочим, проведя апрель в деревне, Linette много пела и я занимался с нею тоже, и голос её вырос прямо преудивительным образом. Calve приглашает её к себе в chateau[24] заниматься. Придётся в июне расстаться с Linette на три-четыре недели. Очень досадно, но важно, чтобы Linette наладила свои отношения с Calve, которая как никто заботится о своих ученицах и прямо создаёт им карьеру. Я же очень забочусь, чтобы Linette стала на самостоятельную и независимую дорогу.

Linette тоже очень не хотелось расставаться, по приезде в Rochelets очень огорчалась предстоящей разлукой и была невероятно мила и нежна. В деревне тепло, даже жарко, цветы исчезли. Вместо них на кустах jeunets какие-то гусеницы, выделяющее слюни, которыми залиты целые рощи кустов. Я чуть-чуть отдохнул, но вскоре принялся за 3-й Фортепианный концерт и прикончил вариации.

1-30 июня

Начали июнь, наслаждаясь деревенским покоем и очень нежничая с Linette, так как скоро она должна была уехать на несколько недель к Кальве учиться. Работал я над вариациями и скоро вчерне сделал их. Поджидали Б.Н., но он со всякими делами завяз в Париже. Вдруг телеграмма от Дягилева: просит приехать в Лондон дирижировать премьерой «Шута» восьмого июня. Проезд и расходы будут оплачены. Т.е. то, что мне хотелось раньше. Теперь же я так наладился в деревне, что мне лень было двинуться. Однако Linette всё равно уезжает пятого, можно было с нею доехать до Парижа, а затем вернуться сразу после восьмого. Продирижировать же в Лондоне было интересно. Словом, обсудив, я послал согласие Дягилеву и стал собираться в путь. Как раз накануне отъезда появился Б.Н. и был страшно огорчён, что я тут-то и уезжаю. Дача ему понравилась гораздо больше, чем я ожидал. Он сразу надел рубашку с открытым воротом, верёвочные туфли и принял летний вид. На другой день мы с Linette выбыли.

В Париже я провёл всего несколько часов, повидав Шлёцера и Ларионова. Последнего Дягилев не пригласил в Лондон и он старался узнать у меня, как всё обстоит. Простившись с Linette, я вечером отбыл в Лондон, продремав ночь на пароходе среди качки и болевших соседей.

[23] «Sacre du printemps» («Весна священная») - балет И.Стравинского.

[24] Замок (фр).

Дягилев был чрезвычайно любезен, собирался ехать меня встречать на десятичасовой поезд (но я приехал в восемь), предлагал мне остановиться у него в Hotel Savoy, но я уже устроился в более скромном Imperial. Сейчас же отправился на балетную репетицию, чтобы установить купюру, о которой говорили перед отъездом из Парижа. Купюра состоит из перескока из пятой картины прямо в шестую, т.е. после того, как на зов Купца вбегают Свахи, сразу является Шут с семью солдатами. Весь шантаж с требованием Сестры происходит в спальне. Когда же Купец отпущен, на сцене на момент делается темно, весь же заключительный танец происходит при декорациях шестой картины. Я не протестовал против купюр, хотя мне и было жалко всей заключительной сцены из пятой картины (тормошение козы). Наоборот, начало шестой картины я не жалел. Пятый антракт я очень люблю, но его почти всегда было плохо слышно из-за разговоров в публике.

Итак, купюра была срепетирована (я очень был рад увидеть наших балетных, очень милый и весёлый народ), отправился завтракать в Savoy, а затем репетиция с оркестром. Ансермэ уже подготовил оркестр несколькими репетициями до моего приезда и кроме того оркестр был во много раз лучше французского. И к тому же отношение совсем другое. Это не парижские наёмники, а народ серьёзный и внимательный. Кроме «Шута» я репетировал «Классическую» Симфонию, так как Дягилев в Лондоне между балетами даёт музыкальную антрепризу из современной музыки и включил «Классическую» Симфонию. Мне было очень приятно её вспомнить, но когда я спросил Ансермэ, как она ему понравилась, он сказал, что эта вещь совсем слабая, и насколько он в восхищении от «Шута», настолько симфонию он считает неудачной. Ансермэ вообще недурной музыкант, но своих взглядов не имеет, и будучи креатурой[25] Стравинского, всецело впитал его точки зрения. Теперь он решил, что в симфонии нет ничего национально-русского и никаких открытий, поэтому она плоха. Каково же его было удивление, когда Стравинский, пришедший на вторую репетицию, вовсю расхвалил симфонию! Стравинский нашёл, что она ловко сделана и что в ней сплошь свежие модуляции. После этого Ансермэ чувствовал себя смущённым и угощал меня завтраком.

Спектакль «Шута» был отложен с восьмого на девятое, а восьмого состоялась генеральная репетиция с приглашённой публикой и критикой, словом - все важные лица артистического Лондона. Это первый раз, что Дягилев делает такую репетицию в Лондоне. Репетиция началась благополучно (хотя меня опять смущали проклятые кнопки, расположенные здесь в ином порядке, чем в Париже). Однако в середине первой картины оркестр стал врать. Я остановил, исправил и стал продолжать. В это время подлетел Дягилев, очень взволнованный, и прошептал: «Вы просрались на весь Лондон, не смейте больше останавливать, хотя бы у вас ни одного инструмента не было вместе, как будто это спектакль!»

Девятого состоялся и самый спектакль. При выходе я был встречен совсем большой овацией и кланялся дважды. Почему? Или меня уже знают в Лондоне? Ведь не Дягилев же это подстроил: тогда ему пришлось бы раздавать даровые билеты для клаки[26], а театр в этот вечер был задолго распродан. Вернее всего, аплодировали русские, каковых было много в театре. Спектакль проходил хорошо. Я немного волновался только перед купюрой. Оркестр играл много лучше, чем в Париже. По окончании огромный успех, больше даже, чем на премьере в Париже. От Дягилева большой лавровый венок с красными и белыми лентами. После спектакля с Дягилевым, его мальчиком и Барокки, очень милым секретарём Дягилева, сидели в Savoy и пили шампанское. Сначала было вяло, но потом Дягилев пустился в воспоминания, много рассказывал про русских царей - и было интересно.

[25] Создание, от creature (фр).

[26] Оплаченные для аплодисментов зрители, от claque (фр).

Через день, одиннадцатого, «Шут» шёл опять, на этот раз я просил, чтобы дирижировал Ансермэ, а я мог бы посидеть барином и послушать. Перед «Шутом» я продирижировал «Классической» Симфонией, принятой хорошо, но не сенсационно, а затем уселся в ложе со Стравинским и слушал «Шута». Так как наша ложа была на очень видном месте, то весь зал таращил на нас глаза.

Слушать «Шута» из ложи было в десять раз приятней, чем от дирижёрского пюпитра. Всё звучит гораздо красивее (именно красивее). Кроме того, я в первый раз услышал трубы и тромбоны достаточно громко, т.е. как им и надлежит звучать. С дирижёрского места я, например, ни разу не слышал или вернее еле-еле слышал тему у тромбонов среди общего гвалта финального танца. Не слишком ли много пения у первых скрипок? Но я обожаю это пение. Я, кроме того, в первый раз по- настоящему глядел на сцену. Дирижируя, я только иногда бросал мутные взгляды на неё. Зрелище интересное, много превосходных выдумок, но много и недопоставленного, есть и несоответствие с музыкой. Не мешает починить, хотя бы к следующему сезону.

После окончания меня вызывали, а затем я очень мило распрощался с Дягилевым и на другое утро отправился в Париж. Дягилев сказал, что в августе-сентябре будет отдыхать в Венеции: надеется меня выписать, дабы на свободе обсудить новый балет.

Слышал я перед отъездом Симфонию для одних духовых[27] Стравинского, первое исполнение которой состоялось под управлением Кусевицкого. Не всё понимаю, особенно двуголосицу, но надо ещё послушать. Монашескую идею написать для одних духовых, пожалуй, улавливаю.

Двенадцатого вечером я приехал в Париж. Ларионов встретил меня на вокзале и вместе поехал в гостиницу, прося показать ему рецензии на «Шута». Он очень интересовался ими, особенно с картинками, и просил перевод, не понимая ни слова по-английски. В то же время, пользуясь тем, что я внимательно переводил, он крал рецензии в карман. Один раз я заметил и спросил:

- Что это вы прячете в карман?

Но он ответил:

- Записную книжку.

После ухода его я не досчитался многих интересных рецензий и программы первого спектакля. Я был в бешенстве и написал ему дерзкое письмо.

Вечер провёл у Тамары Ханум, где были Фатьма Ханум, Сар Хан - подруга последней, красивая персиянка, недавно приехавшая из Москвы, Свирский и Саша- Яша[28]. Самойленко ещё не вернулся из Лондона, где мы, между прочим, виделись. «Как! - закричала Тамара Ханум. - Дягилев угощал вас шампанским? Чем же я хуже?» Появилось шампанское и все здорово подпили. Тамара Ханум говорила: «Пропиваю на вас последнее: денег больше нет, а за колье дали только сорок тысяч». Действительно, колье исчезло. Шёл я домой, пошатываясь, и чрезвычайно весёлый. На другое утро безумная головная боль. По утовору я приехал к Фатьме Ханум на завтрак, где собралась вчерашняя компания, но ничего не мог есть, а в два часа я уже сидел в поезде по дороге в Rochelets.

Дома - мама и Б.Н., которому очень нравится в Rochelets. Он начал уже купаться, голым, так как пляж абсолютно пустынен, но кто-то его увидел и ему заявили, что если он не наденет костюма, его посадят в тюрьму. Б.Н. не спал всю ночь и на другое утро помчался в St.Brevin за костюмом.

Жизнь пошла по расписанию: устанавливался порядок дня, который нам очень нравился и которого мы аккуратно держались. Утром я работал, сочинял финал

[27] Симфония для духовых инструментов, памяти Дебюсси.

[28] Прозвище художника А.Яковлева.

Концерта, использовав темы, написанные в Японии и по дороге из Японии в Америку (две первые, «белые», сначала предназначались для «белого» квартета). Это, кстати, темы 1918 года, ибо весь материал первых двух частей был сочинён в 1917-18 годах. Завтрак в половине первого, затем партия в шахматы, не больше одной в день, ибо партия матчевая. Матч до десяти очков. Результат за июнь: я - 5, Б.Н. - 3, ничьих - 4. Затем купание, причём Б.Н. учил меня плавать, подкладывая руку под живот. После купания чай с крыжовниковым желе и газетами, ибо к тому времени подходил «важный фактор дня» - le facteur[29], принося три газеты и всегда несколько писем. От шести до половины восьмого я ещё занимался, потом обед и «приват-доцент» читал лекцию, т.е. пока мама и Б.Н. ходили за молоком, я прочитывал главу из «Outline of History» Wells'a и затем торжественно излагал по- русски. Слушали с большим интересом и подвергали обсуждению. Часов в десять мама шла спать, Б.Н. к себе читать, я до одиннадцати писал письма или занимался. В одиннадцать мы делали прогулку, смотрели звёзды, заходили к океану, затем ели творог с молоком и шли спать. Ложились в полдвенадцатого-двенадцать. Это не понравилось бы Linette!

Так протекало с четырнадцатого по двадцать шестое. А двадцать шестого мне пришлось катнуть в Париж. Дело в том, что Бальмонт уже давно находился в тяжёлом денежном положении и его друзья Цетлины проектировали устроить в своей просторной квартире соединённое выступление его и моё, в пользу его. Так как Кусевицкий пригласил меня и настоял на том, чтобы я непременно сыграл на выставке «Мир искусства» в Париже, которая устраивала в своём помещении два концерта, один Стравинского, другой мой, то я решил отыграть оба вечера подряд и предложил вечер с Бальмонтом двадцать седьмого, а в «Мире искусства» - двадцать восьмого июня. Мне не особенно хотелось играть на выставке, но помня, как лет пять назад я весело играл на закрытии этой выставки в Петрограде, я решил сыграть. Они обещали исполнить кроме того все мои романсы и «Скерцо для четырёх фаготов», а Кусевицкий сказал, что расходы по приезду будут оплачены. Что касается Бальмонта, то по другим сведениям дела его были совсем не так плохи, и он с Б.Н. бойко пил порто, платя по двести франков и никому не давая платить вместо него. Так мы с Б.Н. добродушно и решили, что я поеду играть «Косте на вино» и двадцать шестого я отправился в Париж. Двадцать седьмого вечером в квартире Цетлин всё протекало прекрасно. Я сыграл 2-ю Сонату, а Бальмонт прочёл свою «Белую страну» (несколько длинную вещь, чтобы читать её толпе). Затем я сыграл ещё серию мелких вещей - «Мимолётности», «Бабушкины сказки» и более ранние пьесы. К сожалению (говорю совершенно искренне), мой успех был гораздо больше, чем Бальмонта: он замучил всех длинной «Белой страной». Но Бальмонт был очень доволен, так как билетов продали гораздо больше, чем он рассчитывал. В заключение Бальмонт торжественно читал мне сонет «Ты солнечный богач», все аплодировали и были очень довольны.

Но вечер двадцать восьмого оказался премерзким. Единственное, что там оказалось хорошего, это красивый зал, сплошь увешанный картинами наших художников. Во-первых, вместо всех моих романсов и двух певиц, пела одна, Давыдова, из Музыкальной драмы. Спела она три «ахматки»[30] и притом скверно. Недурно фаготисты сыграли «Скерцо» (было повторено), а остальное должен был играть я. Публика сдержанная, почти холодная. В заключение мне подарили рисунок Григорьева, но не из лучших, а триста семьдесят франков за дорогу так и не заплатили.

Самойленки хотели было тащить меня «куда-нибудь в кабак», но я уже

[29] Почтальон (фр).

[30] Пять стихотворений А.Ахматовой для голоса и фортепиано, Ор.27.

абонировался с кем-то другим, и вот это был кто: Люси Ходжаева, старшая из двух сестёр, моих приятельниц по Кисловодску. В Америке я их всегда с большим удовольствием вспоминал и даже писал им открытки, которые, к удивлению, дошли. Вскоре после моего отъезда из России, как рассказывает Люси, «подвернулся довольно богатый молодой человек Давыдов, за которого я и решила выйти замуж». Затем они бежали в Константинополь и в Париж, где оказались почти ни с чем. Он поступил в труппу Балиева, а она немного поигрывает в кино. Словом, мы были страшно рады друг другу. Первый раз мы встретились на «Шуте» и я позорно не узнал её. Теперь, после концерта, мы отправились в кафе и проговорили до часа ночи, пока кафе не заперли.

На другое утро я хотел ехать домой, но Стали, которые купили автомобиль, уговорили меня поехать с ними в Фонтенбло. Они собирались на июнь к нам, но у Дивы случилась ангина и теперь планы изменились. У нас в Rochelets наладился такой хороший режим, что я теперь особенно и не настаивал. Мы сделали отличную поездку в Фонтенбло, а к шести часам вечера я вернулся в Париж и пошёл обедать к Кусевицким, с которыми мы очень сдружились. Кусевицкий сказал, что в будущем сезоне, вероятно весной, я буду играть с ним 3-й Концерт в Париже и Лондоне (отлично!), а madame Кусевицкая сообщила мне гостиницу, где жила Мэри Гарден. Я знал, что она где-то в Париже, и очень хотел найти её, тем более, что до меня дошли слухи, будто она меня разыскивала, но никак и нигде не мог узнать её адреса. Итак, получив название гостиницы от madame Кусевицкой, я немедленно отправился туда, но получил ответ, что Мэри Гарден сейчас нет в Париже и что, если я желаю, то могу написать ей. Я ей написал, но потом мне говорили, что это неправда, будто её нет, что она в Париже, но не велит говорить, дабы не надоедали.

Вечер я провёл с Люси, гуляя по Avenue des Bois и сидя в кафе в лесу. Прощаясь со мной, она поцеловала меня. Тогда я поцеловал её несколько раз. На другой день в семь часов утра я отправился домой. Уже четвёртый месяц подряд я к первому числу возвращаюсь в Rochelets из Парижа. Каждый раз непременно к первому.

Дома опять мама и Б.Н., и ещё нет известий от Linette, когда она возвращается домой, - а уже пора бы. Б.Н. поправляется, а то у него было нечто вроде лёгкой лихорадки и он хандрил.

21 октября[31]

Разбудили в семь, так как «Аквитания» была уже в нью-йоркском порту и навстречу выходила целая эскадра миноносцев - салютовать адмиралу Бити, приехавшему с нами. Мэри Гарден я снова не видел. Выгрузились только к двум часам и я поехал «на ура» в отель «Пенсильвания», где и получил хорошую комнату за пять долларов. Нью-Йорк выглядел весёлым, оживлённым, богатым - и весь был залит солнцем. Мне было приятно в него вернуться.

Haensel принял меня, по-моему, скверно, т.е. был-то он любезен, но занят до чёрта, и мы почти ни о чём не говорили. Тем не менее придётся завтра взять у него двести долларов.

В Нью-Йорке у меня, собственно, не было никаких дел, но и в Чикаго нечего было особенно торопиться. Вообще похоже было на то. что я приехал на неделю раньше, чем следовало. Я решил разыскать Стеллу. Звонил ей по телефону несколько раз, но телефон молчал - очевидно, её квартира была пуста. Плохой знак.

В девять часов меня безумно стало клонить ко сну и я лёг спать.

[31] В оригинале записей с 30 июня по 20 октября нет. В этот период С.Прокофьев отправился в США, чтобы участвовать в постановке оперы «Любовь к трём апельсинам» в Чикаго.

22 октября

Утром, не одеваясь, уселся за дирижирование «Трёх апельсинов». Затем принял ванну и пошёл пить кофе. Haensel дал двести долларов до первого концерта и сегодня был очень мил. Уверяет, что мне необходимо дать два, или три, или пять концертов в Нью-Йорке. А я уверяю его, что это стоит денег.

Начал снова трезвонить к Стелле, но квартира молчала. Тогда я позвонил к Blanche, которая очень мне обрадовалась, наговорила кучу комплиментов. У Стеллы другой адрес, телефона у неё нет, Blanche не видела её почему-то три недели. Может быть, на сегодня и завтра - субботу и воскресенье - уехала из города. Я немедленно отправил ей special delivery[32] и после завтрака, дирижируя у себя в номере, поджидал телефона от неё. Но вероятно, Blanche права, и Стелла уехала на week end в деревню. Очень жаль. Других никого особенно не хочу видеть и вообще никто не знает, что я в Нью-Йорке. Приятно подразнить Бориса Николаевича и Кошиц.

В девять опять безумно тянет ко сну. Это потому, что в Париже два часа ночи, и организм так привык.

23 октября

Утром, как и вчера, дирижировал, а потом принимал ванну.

Стелла ни слова, подождём завтрашнего дня. Днём был на концерте Дамроша, на который дал билет Саминский, встреченный мною на улице. Какая-то ужасная вещь американского композитора Грюнберга, получившая премию в тысячу долларов. Затем был у Коханских, которые необычайно восторженно относятся к моим сочинениям. Кошиц в Нью-Йорке и сегодня вечером поёт в каком-то концерте. Просил Коханских не говорить ей, что видели меня, но и они сами считают её невероятной истеричкой и бегут от истерии. В девять часов вечера начало клонить в постель.

Узнав, что я не хочу видеть Кошиц, Коханская стала интересоваться, какие женщины мне нравятся. «Вышнеградский обещал показать мне барышню (?), в которую вы были влюблены, - сказала она, - но мы уехали». Кого? Конечно, Нина Мещерская. Значит, и Нина ходит по Парижу, и легенда о нашем романе, вероятно, не очень в мою пользу.

24 октября

Дирижировал. Затем ходил к Коханскому - показать ему корректуру «Еврейской увертюры» на предмет смычков. Он был как всегда понятлив, поразительно находчив и сделал несколько указаний, впрочем, немного. Днём сидел дома и вносил поправки в партитуру и партии, приготовляя корректуру к отправке.

Я отправился к Ингерман. Тайная цель была узнать, не в Нью-Йорке ли Барановская, как она мне писала во Францию. Попал я прямо в цель: всего два дня назад Барановская показывала горло Ингерману. Я немедленно звонил ей в «Билтмотр», но её не было дома. Мне так захотелось увидеть Фру-Фру, что пообедав у Ингерманов, я в девять часов отправился в «Билтмор», но её всё ещё не было. Оставив ей записку: «Фру-Фру, ведьма моя, жду видеть вас», я вернулся домой и нашёл другую записку - от Стеллы. Завтра в двенадцать она будет звонить мне. Стелла - Фру-Фру, вот тебе и раз! Очень интересно. Жаль, что надо в Чикаго. Но помнить: во главе всего опера, я жду её три года.

[32] Письмо с курьером (англ).

25 октября

Утром дирижировал, но не очень прилежно, поджидая телефонов от Стеллы и Фру-Фру. Первая зазвонила Фру в своих обычных блестящих выражениях. Затем Стелла, очень радостно, а я вдвойне. Стелла сказала, что будет у меня в четыре часа и спросила, прийти ли ей прямо в мою комнату. Я очень обрадовался и сказал, что конечно, если только её пропустят. Но когда пришли четыре часа, а с ними и Стелла, то её задержали в коридоре по дороге ко мне, а мне протелефонировали, что меня ждёт дама. Я вышел в коридор. Радостная встреча, несколько сдержанная присутствием отдельной дамы, оберегающей этаж (о, идиотская Америка!). Делать нечего, мы отправились вниз пить чай. Стелла была как-будто больше наряжена и подкрашена, чем прежде, зато и глаза её стали больше. Мы много вспоминали прошлое. Я сказал, что хотел завтра ехать в Чикаго, но останусь ещё дня на два. Мы просидели два часа и я отвёз её домой. В семь часов я едва успел в «Билтморе» к Фру-Фру - взять её обедать. Фру-Фру изменилась, прибавила двенадцать фунтов, потолстела, порозовела и тем чуть-чуть погрубела, внешне, конечно, внутренне же осталась такой же тонкой и живой, как прежде. Мы обедали, а потом смотрели Назимову в новом фильме (отлично). От общения с Фру-Фру я испытывал огромное удовольствие, она же мне была безумно рада, «совсем воскресла».

26 октября

Утром вместо дирижирования, пошёл искать гостиницу. Догадался я отправиться в «Clint», где жил полтора года назад, и хотя там сдают apartament'ы помесячно, но мне, как старому жильцу, согласились сдать на два дня. Затем мне звонила Стелла, а в половине третьего она уже была с автомобилем отца в «Pennsylvania» для того, чтобы перевезти меня в «Clint». Так я и въехал туда с чемоданами и Стеллой, но в «Clint» на это не обижаются. Затем Стелла сидела у меня, рассматривала программы парижского балета и разные фотографии. Она немного изменилась, как - я точно не могу сказать, но безусловно похорошела. Стелле понадобилось кому-то позвонить, у кого она добивалась встречи на сегодняшний вечер, но тот ей в этой встрече отказал. Стелла вернулась от телефона вскипевшая. Кто-то ей нравился - и не давался. Козлом отпущения явился я. Она подчеркнула, что совсем отвыкла от меня, и на мой вопрос, придёт ли она привыкать завтра, ответила, что приходить ей сюда не надо, но в филармонический концерт со мной пойдёт. На премьеру «Трёх апельсинов» в Чикаго, может быть, тоже приедет. Я сказан: увидите в опере ваших братьев - пустоголовых - и от филармонии отказался. Болтая обо всём, мы доехали до её дома. «До Чикаго?» - спросила она, прощаясь. Я ответил: «I will be a sportsman[33], и привезу вам оперу сюда. До января».

27 октября

Дирижировал и переписывал «Столбы»[34]. Вчера вечером заходила ко мне Фру- Фру и пришла в дикий восторг от текста этих «Столбов». Заходил к Haensel, который шутил, что оттого я не дал адрес, что, вероятно, у меня горячая любовная история. Были у него и Кошиц, и Б.Н.. но он совершенно искренне не мог сказать им, где я. Оба они оставили телефоны и настоятельные требования позвонить им, но я просил считать, будто я сегодня тоже не заходил - и схоронить телефоны в офисе.

[33] Я буду спортсменом (англ).

[34] Романс на стихи К.Бальмонта, Ор.36 (№ 5).

была, то едва ли видела. Я с наслаждением прослушал 5-ю Симфонию Бетховена. Ведь никаких гармонических изобретений - а как увлекательно!

28 октября

Был у Breitkopf'a на тему copyright[35]. Положение русской музыки таково, что прямо не получишь - и надо пускаться на всякие ухищрения, для будущих сочинений, конечно. А с Op.31 и 32 уже больше ничего сделать нельзя. Перепечатают, если захотят. В шесть часов вечера выехал в Чикаго, провожаемый Фру-Фру и Воиновым. Фру-Фру шутила и пускала искры, и тоже, как Стелла, собиралась на премьеру. Но для неё, знатока Comedia del Arte, это целое событие, и я, право, не удивлюсь, если она приедет.

29 октября

Целый день в поезде. Я мог выехать на другом и быть в Чикаго днём - но не всё ли равно, а этот дешевле. Пока деньги не начали поступать, а должишки каплят - нечего шикарить. Хотя по моим расчётам после американского сезона, даже если опера провалится, моя касса будет в совсем приличном состоянии.

За целый день пути написал пять писем и догнал несколько дней дневника.

В Чикаго меня встретил верный Готлиб и сожалел, что я приехал вечером, а не утром, иначе бы меня встретили репортёры. Едва мы подъехали к Auditorium Hotel, где я просил его задержать мне комнату и который соединяется с театром, как навстречу появился Смоленс, репетитор «Трёх апельсинов». Комната у меня оказалась большая, с огромным окном на Мичиган. Оба, Смоленс и Готлиб, ввалились вслед за мной. Смоленс уже сделал пять оркестровых репетиций «Апельсинов», чем я остался очень недоволен, так как хотел их сделать сам, но Смоленс уверен, что будет дирижировать и спектаклями, поэтому мне с первого же дня приезда придётся начинать вести театральную политику - не говорить ему прямо, что дирижировать буду я, дабы не охладить его пыла к работе.

Итак, здравствуй, Чикаго. При каких различных обстоятельствах я приезжаю в этом году по сравнению с прошлым!

30 октября

С самого утра Готлиб взял меня под контроль и привёл ко мне двух репортёров, а затем повёз завтракать к Розенвальдам, богатым и вполне культурным евреям, у которых я бывал в прошлом году.

В три часа свидание с Polacco. В наших отношениях адаптирован тон рассыпательных любезностей. Решено, что завтра я познакомлюсь с хормейстером и режиссёром и начну работу с обоими, а в промежутках Смоленс будет поставлять мне солистов по мере выучивания ими партий. Оркестровые репетиции Polacco советовал взять за неделю до того, когда певцы будут готовы, чтобы петь с оркестром. Резонно. После Polacco работал со Смоленсом, показывая ему темпы. По окончании занятий Смоленс прямо спросил, имею ли я «амбицию» дирижировать. Я ответил, что Гарден пригласила меня дирижировать первым спектаклем и что я не считал нужным отказываться. Вечером продолжал заниматься со Смоленсом. Летом я обещал Linette, что принцесса Виолетта, для которой я совершенно случайно придумал имя, будет переименована в принцессу Linette. Сегодня, когда мы дошли до Виолетты, я объявил о переименовке Смоленсу.

[35] Авторское право (англ).

- Это почему? - спросил он.
Я ответил:
- Так у Гоцци.

31 октября

Сегодня меня познакомили с режиссёром Coini и хормейстером Nipoti. Первый произвёл впечатление среднее (может, я предубеждён, так как Кошиц мне писала, что он был против постановки «Апельсинов»), а второй - прямо плохое, ибо он сказал, что моё присутствие на репетиции хора нужно только через неделю, а разбивать хор на группы он будет дня через четыре. А между тем хор - самое главное и трудное в этой опере. Я даже ходил по этому поводу разговаривать с Polacco и он обещал подчинить. С Coini начали проходить мизансцену и сделали сегодня почти весь первый акт. Coini - добросовестный работник, но пока никаких блёсток от него я не видел. Он только честно собирался выполнить все мои ремарки. Что же, и то хорошо. Заходил к Волкову в консульство. Мил, но спрашивал - не лучше ли, чтобы дирижировал Смоленс.

Гарден приехала в Чикаго вчера и сразу улеглась в постель, чувствуя себя больной. Скорее бы вылезла из норки.

Конечно, весь день вокруг меня вертится Готлиб и приводил новую репортёршу. Одна уже написала, кое-что смешно, кое-что ужасная чушь.

1 ноября

Выходя утром после кофе из ресторана внизу отеля, встретился с Кошиц, которая только что с поезда из Нью-Йорка. Поцеловались. Остановилась она тут же, этажом ниже меня. Передала мне словесный message от Б.Н., вообще бессвязно, но смысл, что он погибает совсем и что я должен спасти его. Комментарии Кошиц: он действительно очень расстроен моим безмолвным пребыванием в Нью-Йорке, проклинает день отъезда из Франции и чувствует себя очень несчастным, живя с совершенно чуждым ему братом, выдающим ему редко-редко по доллару. Параллельно с этим и ряд комических рассказов, как, например, у него вскочил на губе прыщик и он с перепугу несколько дней, умирая, пролежал в кровати, а затем всё прошло.

После встречи с Кошиц занимался с Coini, который сегодня первый раз придумал кое-что: Леандр, Клариче и Смеральдина, взывая в конце первого акта к Фата Моргане, будут обращаться по очереди на все четыре стороны, как бы не зная, где пребывает Фата Моргана. Вот противно, что с хорами затяжка и что Мэри невидима. Певцы же зубрят вовсю.

Завтракал с Готлиб, но пришаталась и Кошиц. Вернувшись домой, приятно было найти в номере рояль. Сейчас же начал заниматься. Вечером Кошиц сидела у меня и говорила, что её земная любовь ко мне прошла, что, впрочем, не мешало ей иногда бросаться ко мне и целовать. Я показал ей летние фотографии Бальмонта, а кстати, чтобы подразнить, и Linette.

2 ноября

Утром опять занятия с Коини. Кончили второй акт и прошли почти весь третий. Готлиб водил завтракать с доктором Шмидтом, богатым немцем. Днём играл на рояле, учил 3-й Концерт и повторял программу к двенадцатому, Cleveland. С 3-м Концертом анекдот: торопясь кончить партитуру во Франции, я в финале не всюду вписал фортепианную партию, укладывая же сундук, оставил все эскизы Концерта

у мамы, дабы на случай пропажи сундука, они бы уцелели. Теперь оказывается вся середина финала у меня без фортепианной партии и я еле помню этот кусок. Восстановить можно, но надо время, а его нет.

Обедал с Кошиц. Она жила летом случайно близ Рахманинова, но встретились только раз и... не поклонились. Она много и интересно рассказывала про него.

Вечером получил извещение, что завтра оркестровая репетиция «Трёх апельсинов». Взволновался и сидел с партитурой. Завтра большой день: я в первый раз услышу «Апельсины».

3 ноября

Оркестр отличный и акустика в зале замечательная. Кроме того, Смоленс как ни так сделал в октябре пять трёхчасовых репетиций, поэтому всё протекало гладко и приятно. Звучало всё хорошо, иногда здорово и увлекательно, особенно вторая, Инфернальная, картина. Но больше всего меня привела в восторг трель фаготов во время слов Леандра: «Ты подслушал государственную тайну». Я совсем забыл про эту трель, а выходит здорово, особенно потому, что фаготы сидят у самого моего носа. Днём сидел в библиотеке театра и чинил некоторые партии. Polacco похвалил меня за дирижёрство и за то, что не теряю времени во время репетиций.

Кошиц играла и пела свои новые песни, написанные не ею, а «её учителем», спиритическим путём, через указания постукивающего столика. Две из них совсем хороши, оригинальны - прямо я раскрыл глаза и уши. Ничего общего с тем, что она играла четыре года назад в Москве. В чём дело? Надо послушать ещё раз.

Вечером у меня разыгралось тортиколи[36] (верно, продуло после репетиции), и Кошиц растирала мне затылок. Вольность.

4 ноября

Утром просматривал партитуру для следующей репетиции и играл на рояле, вспоминая финал Концерта (невписанную часть).

В два часа репетиция с оркестром. Начал с повторения Докторов, места, которое ещё не клеится, а затем со второй картины второго акта дальше. Репетиция, как и вчера, протекала отлично. Оркестр хорош и внимателен. Хорошо выходит проклятие Фата Морганы, здорово вызов Челием Фарфарелло и очень недурно интермеццо. Словом, я чрезвычайно доволен. Смоленс, который заходил на репетицию и ревниво наблюдал, так ли я дирижирую, делает мне несколько замечаний о мелочах, которые я сделал плохо.

Вообще же я не совсем здоров: тортиколи поползло вверх и вниз, т.е. болит не только затылок, но и голова, и спина. Выпил аспирина и натирал шею без помощи Кошиц.

5 ноября

Думал, что свободен утром, но в девять позвонил Polacco, что в десять опять оркестровая репетиция. Шее лучше. Прошли третий акт. Подогнал темп в сцене, где Принц и Труффальдино крадутся к кухне. Всё идёт хорошо и Polacco хвалит. Днём сидел в библиотеке и чинил партии. Выходя оттуда, попал в зал, где оркестр репетировал «Саломею»[37]. Тут же оказался и Рихард Штраус, только что приехавший в Чикаго, а также Мери Гарден. Гарден радостно повисла у меня на

[36] Шейный радикулит, от torticolis (фр).

[37] Опера Рихарда Штрауса.

руке и спросила, как «Апельсины». Я ответил: «Апельсины» растут. Но Гарден уже разговаривала с кем-то другим. Я попросил её представить меня Штраусу, что она охотно сделала, отрекомендовав меня «знаменитым русским композитором». Штраус (говорили по-французски, немецкий я забыл) был рассеянно мил и сказал, что в половине декабря вернётся в Чикаго, тогда придёт на «Апельсины». У него приятное лицо, лишённое той пошлости, которая иногда бывает в его сочинениях.

Перед обедом восстанавливал оставленную в Париже часть Концерта. Кажется, это удастся без особого труда, хотя и с потерею нескольких часов.

Кошиц, с которой мы вместе обедали все эти дни, сказала, что с тех пор, как этим летом с нею что-то произошло (конец огромной любви, к Рахманинову или к Прокофьеву?), все страсти в ней окончательно замерли и она совсем теперь импотентна. Неправда. Игра.

Вечером был в Симфонии послушать Коханского. Но предварительно меня уморили 7-й Симфонией Малера. Ненужная музыка. А между тем, есть музыканты как Менгельберг, которые её восхищаются. Целуют мертворожденного младенца.

6 ноября

Сегодня день без репетиций. Поэтому утром хорошо поиграл на рояле. Затылок прошёл, но ударился в насморк.

После завтрака с Кошиц наблюдал парад в честь Фоша, приехавшего в гости в Америку. Парад был как нарочно перед самым отелем. А в три часа пошли на концерт Штрауса. Направо - демонстрация в честь французов, налево - в честь немца. Не догадались посадить посередине обрубок без рук и ног - героя, пострадавшего на войне! Концерт Штрауса состоял из его романсов, автор у рояля. Аккомпанировал он прелестно, чуть-чуть суховато. Первые романсы были просты и хороши, но затем пошла такая свистопляска дурного вкуса, что я удрал с полконцерта. Ну, я понимаю пошлость в кабаке. Когда играют садовые оркестры, я просто их не слышу. Но когда пошлость представляется с первоклассной техникой, благородным выражением лица и мировой славой, то это, право, оскорбительно.

Готлиб возил меня обедать к Розенталю, где было неинтересно.

Написал мировую Башкирову. Я совсем не хочу с ним ссориться, а за его выходку он наказан моим молчаливым проездом через Нью-Йорк.

7 ноября

Пошёл к Спэнглеру разговаривать о моём дирижёрском контракте. Это надо было сделать уже неделю назад, но я надеялся, что Мэри сама, как обещала, заявит о том Спэнглеру. Кроме того, мне хотелось, чтобы прошли первые оркестровые репетиции, чтобы не было сомнений в моём умении дирижировать. Спэнглер сказал, что Мэри куда-то опять на два дня уехала, и он просит зайти меня через четыре дня. Затяжка, которую следовало учитывать. Впрочем, в кармане ещё сорок долларов - продержусь. Со Спэнглером я разговаривал почему-то смущаясь, он же был великолепен, спокоен и крайне любезен. Вообще, любезность есть флаг отношений всего театра. По-видимому, Мэри меня хорошо поставила.

Днём репетиция (четвёртая) с оркестром - с безумным сквозняком в затылок, так что я в конце концов одел шарф и шляпу, и дирижировал, обливаясь потом. Кончил всю оперу, и последние страницы (чего я совсем не принимал во внимание) прозвучали так здорово, что я решил: вероятно, оркестр просто принатужился для последних тактов. Оркестр устроил мне овацию, а я раскланивался, снимая шляпу.

Вечером Кошиц и Готлиб потащили меня в кинематограф и я сердился на потерянный вечер. Лучше бы поиграть на рояле.

8 ноября

Вчера, во время оркестрового сквозняка, я довольно хорошо защитил затылок шарфом, но продуло поясницу и сегодня болит. Поясница - ещё туда-сюда, но схватить плеврит - совсем не время. Впрочем, никогда не время.

Утром в одиннадцать часов репетиция оркестра, пятая (вернее, пятая полурепетиция, так как я пока просил целых трёхчасовых репетиций не давать - не выдержу). Начал оперу сначала. Идёт отлично, хотя Смоленс потом и делал мне упрёки, что не добиваюсь подробностей (он, надо полагать, добивался бы). После репетиции спина болела ещё больше. Кошиц приходила и бранила, что не пью аспирина и горячего чая с лимоном. Однако я чувствовал себя неплохо и порядочно играл на рояле.

Вечером написал Linette (третье письмо). Я боюсь, что мои письма не радость ей, а огорчение, так как в них только повествовательные элементы и ни слова лирики. Но что же я могу сделать - лирика поведёт к ещё более запутанному положению.

На улице дождь и буря. Но я не выхожу: отель и театр теперь весь мой мир. Вечером аспирин, йод на спину и горячий чай с лимоном, по совету Кошиц.

9 ноября

Ночью из-за потогонных спал плохо, но здоровью лучше. Слава Богу, утром нет репетиции, поэтому играл на рояле, писал письма и заходил в театр на хоровую спевку. С хормейстером, наконец, сделали разделения и хор пел мне первый акт, очень хорошо, но безумно тяжело, ибо, когда быструю болтовню десяти Чудаков ревёт хор в сорок пять человек, то это как слон, танцующий на пуантах. Слышал ещё Панталона, репетировавшего со Смоленсом. Панталоне талантлив и смешон. Жаль, до сих пор Смоленс упорно не даёт мне артистов на проверку. Полагаю, он желает самостоятельно выучить всю оперу.

Днём скоблил партии, а вечером должен был докончить четвёртый акт с Коини, но он не смог, поэтому сидел у себя и читал провинциальные рассказы Лазаревского из области гимназической любви. Было даже приятно.

Внизу, разговаривая с Баклановым и Смоленсом, встретил Johns, бывшего директора («конторщик», сказал я). Пришлось поздороваться, а Смоленс, дурак, поздравил меня насчёт нелепости «Апельсинов», Johns же грязно смеялся. Я внутри взбесился и решил, что этого Смоленсу не прощу, но потом махнул рукой. Ну его! Вообще сейчас всё неважно, за исключением хорошего исполнения «Апельсинов».

10 ноября

Смоленс взял первую картину со всеми певцами. Было очень интересно и выходило хорошо. Меня все-таки старательно убеждали, что я пишу плохо для голосов, что прослушать такую сцену и увидеть, как она здорово выходит - приятная неожиданность. Мексиканец Mojica после ансамбля пел Принца и это было совсем великолепно: музыкальный, интересующийся, он жарил самые трудные места как ни в чём не бывало. Вообще дело идёт хорошо.

Днём играл на рояле, скоблил, а обедал у профессора Mead, где ко мне очень хорошо относятся и где всегда целая гирлянда хорошеньких племянниц.

Получил письмо от Захарова в ответ на моё, которым я из Парижа приветствовал его бегство из Большевизии. Захаров чрезвычайно любезен и ласков, и я буду рад, если наши, долгое время бывшие нелепыми, отношения восстановятся.

25 октября

Каждый день в семь часов утра выходившее из-за озера солнце начинало будить меня. Сегодня же было такое туманное утро, что ни солнца, ни луча, и еле не проспал репетиции. В десять часов шестая полурепетиция, и я доделал третий и четвёртый акты. Днём был у Спэнглера, который сказал, что я приглашён дирижировать первым спектаклем в Чикаго и первым в Нью-Йорке и получу по пятьсот за выход. Я спросил, кто будет дирижировать остальными. Он сказал, что, во всяком случае, не Смоленс.

Пятьсот за выход, это отлично, но ведь Мэри в своём письме приглашала меня дирижировать всеми спектаклями? Я поблагодарил Спэнглера и ушёл, забыв спросить у него, не заплатят ли мне они тысячу долларов, причитающихся за исполнение оперы, вместо пятнадцатого декабря пятнадцатого ноября. Глупо, очень глупо: надо послать маме, Linette, возвращать Haensel`ю двести, словом, четыреста в Cleveland и триста в Pittsburg мне никогда не хватит до премьеры.

Учил Концерт и заполнял пустое место в финале, а в одиннадцать, провожаемый Готлибом, уехал в Cleveland. Перед отъездом получил письмо от Б.Н., до приторности сладкое и радостное по поводу заключения нашего мира. При письме довольно хорошие стихи.

12 ноября

Рано утром Cleveland, запорошенный снегом, который, впрочем, к полудню стаял. Cleveland такой же хороший американский город, как и все американские города. Зал - Masonic Hall - отличный и рояль тоже. Было, впрочем, и несколько «противностей»: надо было получать с менеджера деньги до концерта, так как после он не всегда платит, программа была пополам с Titta Ruffo, известным баритоном, и он жарил всякую гадость, что тошнило глядеть на программу. Само собой, его имя стояло всюду на первых местах. Положим, так и должно быть, ибо меня в Cleveland мало кто знает. Но это всё решительно пустяки: я приехал сюда заработать четыреста долларов, которые мне очень нужны, и играть буду хорошо, а в одиннадцать вечера поскорее удеру назад в Чикаго.

Концерт в полдевятого вечера. Я играл хорошо, хотя замечтался в Метнере и выпустил середину. Успех сначала сдержанный, а к концу большой, нисколько не хуже Titta, который, кстати, был не в голосе. Требовали бисов, которые я забыл повторить. Всё же четыре раза бисировал. В одиннадцать часов был уже в поезде, на дороге в Чикаго.

13 ноября

Вернулся в Чикаго. Вспомнил пустую часть финала Концерта и почти всю записал. Кошиц охала и жаловалась на свои заботы. Действительно, въехав в одиннадцатую тысячу долга, позволительно просыпаться ночью с холодным потом на челе. Обедали у консула. Сыграли в бридж: консул, Бакланов, Смоленс и я. Я:

- 9. Не к месту. После того, как я пошлю деньги в Европу, еле доживу и доеду до Питсбурга.

14 ноября

Утром бегал по банкам, послал маме тысячу франков, Linette пятьсот, и три тысячи марок Миллер. Мне хочется, чтобы она повеселилась, в её жизни это будет событие.

В двенадцать часов первая общая репетиция всего первого акта (без хора, который, конечно, ещё не готов и неизвестно, когда будет готов). Смоленс играл, я дирижировал. Шло хорошо и певцы молодцы. Хуже Леандр, у которого хороший голос, но который плох как артист. Он не понимает, что Леандр - благородная фигура, а внутри негодяй. Клариче - хорошая актриса, но голос высок - меццо, а надо контральто. Искал Коини, нельзя ли других Леандра и Клариче, но сегодня вечером открытие сезона, и он невменяем. После репетиции Кошиц и Готлиб сказали: «Ну, теперь идём завтракать», но я был нервный и усталый и сказал: «Вы мне все надоели!» Кошиц безумно обиделась и устроила мне целую истерику. Но и в самом деле поднадоели.

Письма от Linette, Бориса Николаевича и Бальмонта, которые меня очень взволновали. Бальмонт в безвыходном положении и не знает, откуда у него будут деньги, ласков беспардонно. Как только к пятнадцатому декабря будут деньги, пошлю ему хотя бы сто долларов. Б.Н. томится у своего брата и стонет.

От Linette письмо сдержанное. Надо, чтобы отношения вступили в такое русло. Я не знаю иначе, какая развязка.

15 ноября

Вчера вечером Кошиц звонила на мировую, но я сказал, что скучно, надо передохнуть. Кошиц со своей патетикой ужасно утомительна.

Сегодня нет репетиций и даже скучно. Играл и привёл в порядок органную фугу Букстехуде, изумительную вещь, которую я летом часто играл Бальмонту и которая меня каждый раз волнует. Лет десять назад я по рекомендации Танеева играл в Консерватории фугу Букстехуде, за что смолоду был прозван учениками Будой. Это не та, но рядом, d-moll. Переложить её с органа для фортепиано и сократить оказалось нетрудной и приятной работой.

Рецензии из Cleveland'a. Хвалят меня больше Ruffo и констатируют мой успех. Здорово! Побить Метнером «Тореодора», это кое-что для американской провинции!

В двенадцатом часу ночи, когда я уже засыпал, звонил от Кошиц Волков. Они вместе были в опере, теперь пили чай и звали меня. Я ответил:

- Я уже сплю, вот подождите, я позвоню вам в половине пятого утра.

Волков расстроенно сказал:

- Ну, тогда нам не о чем разговаривать.

На том разговор окончился, я улёгся в постель и мне стало жалко, что я чем-то обидел незлобивого волка.

16 ноября

Написал Волкову, чтобы он на меня не сердился, потому что не за что.

Сдал репетицию с певцами первого акта. Они готовы и можно начать сценическую репетицию, но Коини сбился с ног с первой неделей сезона, так что, по-видимому, на этой неделе внимание к «Трём апельсинам» ослабеет.

С Нипоти я больше разговаривать не буду, ибо на мои вопросы, как репетиции хора и не прийти ли мне на них, он цедит, что репетиции идут, что мне приходить не надо и что он безумно занят с другим репертуаром. Смоленс мне объясняет, что самый неприятный элемент в театральной жизни - это авторы, ибо они ничего, кроме своей оперы, не видят, а остальные тридцать пять можно послать к чёрту. Впрочем, один из хористов, русский, сказал, что они с хором уже прошли всю оперу, хотя наизусть ещё не знают.

Будем себя утешать, что всё-таки подвигаются.

25 октября

Репетировал второй акт с Принцем и Труффальдино. Последнего слышал в первый раз. Он хороший актёр, но боюсь, что голосок слабоват.

Днём учил Концерт. Поспею или не поспею? Надо думать, всё-таки поспею. А в восемь часов, провожаемый Готлибом, выехал в Питтсбург. Сидел в club-car и читал Горького.

18 ноября

Спал в вагоне так себе. Утром Pittsburg, царство дыма и копоти, как принято говорить, но сегодня был хороший, солнечный и удивительно тёплый день, с малой примесью дыма. Днём гулял, писал письма и пробовал рояль. Вечером концерт.

19 ноября

В десять часов утра обратно в Чикаго, где меня разозлил Смоленс, который объявил, что необходимо сделать купюру во второй картине третьего акта, прямо с того момента, где Принц и Труффальдино увидели вывеску о появлении кухарки, т.е. выбросить весь поспешный разговор Труффальдино с Принцем на фоне стрекочущих скрипок, в тот момент, когда он крадётся к кухне. Я как раз очень носился с этим местом, так как оно сценически должно производить впечатление, да и музыка совсем не такая плохая. Смоленс же утверждает, что и музыка плохая, и сценически неинтересно, а я отвечаю, что это просто трудно для разучивания и ему лень учить.

За моё отсутствие никаких особых репетиций не произошло и ясно, что за эту неделю «Апельсины» замёрзли. Однако я решил держаться политики молчания: не всё ли равно, пойдут первого или десятого декабря, лишь бы не семнадцатого вместе с 3-м Концертом. Кстати: Спэнглер ушёл (почему?) и на его место - одни говорят - Шоу, другие - Джонсон. Вот ещё номер, если Джонс!

Вечером был на симфоническом и забеспокоился, что через три недели я играю, а Концерт ещё ни в зуб.

20 ноября

Серьёзно и старательно учил Концерт всё утро, пора браться за ум, тем более раз опера примёрзла.

Читал «Последние новости». Думал прочесть интересные театральные новости, но вместо того повеяло таким ужасом из России и Константинополя, что стало стыдно увлекаться здесь постановкой «Апельсинов», когда там такой плач. Но чем поможешь? А тут есть хоть оправдание (формальное! формальное!), что через мою голову хоть хвалят русское имя и русское искусство. Но оправдание это только политического характера, а не общечеловеческого.

Днём концерт Рахманинова с второстепенной программой, но играл он отлично, прямо-таки изумительно. Заходил к нему. Рахманинов будто помолодел и повеселел, шутил, удерживал меня около себя. Спросил, как постановка. Впрочем, разговаривал мало, так как к нему всё время приставали («пожалуйста, не отходите от меня и говорите», улыбался он, «может тогда не будут приставать»). Надо бы ему послать «Бабушкины сказки», может он разберётся в них и будет относиться к моим сочинениям более прилично, чем до сих пор.

Вечером Кошиц с Готлибом у Розенталей на обеде, где много пёстрого народа и для развлечения кинематограф. Я сидел на одном диванчике с принцессой

Линеттой[38], которая очень кокетничала. С Кошиц заключён мир. На концерте она очутилась в соседней ложе с женой Рахманинова и их немедленно «познакомили». Mme Рахманинова пошла красными кругами и обнаружила такое волнение, что Кошиц спрашивала у меня: «За что?»

21 ноября

Учил Концерт. Заходил на репетицию Смоленса с Труффальдино. Смоленс разозлил: я думал, что он только говорит о купюре, между тем он, оказывается, уже вымарал в клавире. Я сказал, что пока это шутки, то пускай, но раз он намерен вымарывать, то я формально запрещаю делать эту купюру.

Коини, который до того занят, что еле можно с ним поговорить, сообщил, что «Апельсины» назначены на семнадцатое декабря вечером, а генеральная репетиция на шестнадцатое днём, т.е. глупее трудно придумать, ибо семнадцатого вечером и шестнадцатого днём я играю в первый раз 3-й Концерт с Чикагским симфоническим оркестром и дирижирую «Классической» симфонией. Коини сказал, что в таком случае можно переставить на три дня позднее. На этой же неделе ему, во всяком случае, некогда начинать сценическую репетицию. Необходимо повидать Гарден, а то «Апельсины» замерзают.

Вечером Кошиц и я были приглашены почётными гостями на обед в какой-то женский клуб, где большинство - старые дамы.

22 ноября

Учил Концерт. Ничего, начинает идти. Если хорошенько подтянуться, тогда выучу к сроку. В одиннадцать часов у Кошиц было назначено rendez-vous с Мэри, я хотел воспользоваться этим, чтобы тоже её повидать, но Гарден совсем не появилась в театре.

Днём приходила одна из вчерашних дам, пианистка, игравшая в целом ряде провинциальных городов очень модерную программу и в том числе мой «Сарказм». Сегодня она воспользовалась случаем, чтобы сыграть его мне и испросить указания. Ничего, недурно.

Вечером бридж у Бакланова, двенадцать робберов. Я сыграл в ноль.

23 ноября

Завтрак с Карпентером. Он играл свой новый маленький балет. Конечно, не первый класс и не всегда безупречного вкуса, но сделано ловко и весело.

Коини сказал, что и на будущей неделе едва ли начнутся сценические репетиции, поэтому я решил, что пора говорить с Гарден, иначе и до января не поставят. Но как добиться с нею встречи? Вероятно, нарочно, чтобы не приставали, нет ни секретаря, ни приёмных часов. Наконец кто-то сказал, что дело надо ладить через Pater'a и я заявил ему о моём желании видеть директора. Он ответил, что это самое трудное, что можно придумать. Я настойчиво сказал: «И тем не менее, я должен её видеть». Патер обещал завтра увидеть её и выяснить, когда Мэри может меня принять.

24 ноября

Учил Концерт. Болела голова. Гулял.

[38] Исполнительница роли принцессы Линетты в «Трёх апельсинах».

Большой вечер у Розенталя. на манер прошлогоднего, но только сегодня пела Кошиц. Впрочем, и я сыграл пару пьес. Было много разнообразного народа и в конце концов не так уж скучно. Кошиц спела одну из своих песен и я опять удивился, почему так свежо и красиво. Ясно, что она не лжёт, что песня эта явилась через выстукивания столика (если бы она лгала, то слишком непостижима разница между её московскими сочинениями и этими, совсем другой воды и глины). Если же она стучала столиком, то нельзя случайно выстучать красивую музыку. А если музыка диктовалась «оттуда», то почему её учителю дана способность создавать красивую музыку? На обратном пути я задал последний вопрос. Кошиц ответила, что однажды ей было сказано, что её учитель в последнем воплощении был Шуман, но что она не знает, верно ли это, так как среди верных сведений для испытания сообщается всегда куча ложных. Объяснение интересное, но если Шуман, то почему её песни такие русские? Если бы «оттуда» следовала творческая струя и воплощалась в музыку Ниной, то это было бы понятно, но ведь Кошиц писала буквально под диктовку.

25 ноября

Зашёл к Патеру узнать, когда же rendez-vous с Мэри. Он сказал: «Она сейчас репетирует на сцене «Кармен», это самый лучший момент, чтобы с нею условиться». Я ответил, что это как раз тот момент, когда я не хотел бы ей мешать. Но он сказал: «Уверяю вас, это лучшее время - пойдите и поговорите с ней». Я пошёл нехотя, но сразу же наткнулся на Мэри, которая очень радостно меня приветствовала вопросом - «Ну, как же «Апельсины?» В ответ я сделал гримасу и спросил, когда бы я мог её повидать. Мэри сказала:

- Только не здесь, приходите ко мне домой, в воскресенье.
- В котором часу?

В это время Мэри бросилась на сцену и крикнула:

- Вы видите, у меня нет записной книжки!

Я рассердился и решил, что попрошу у неё письменно, однако дождался её возвращения. Она сама подошла и спросила:

- Вам долго со мною говорить?
- Пять минут.
- Ну приходите в воскресенье в двенадцать. Дайте, я напишу вам мой адрес.

Пока она писала, я сказал:

- Я прийду к вам с часами.

Она нахмурилась:

- С кем?
- С часами.
- А, ну это ничего.

Я поцеловал у неё ручку и мы расстались.

В пять часов в очень фешенебельном, преимущественно дамском клубе, председателем которого состоит Mme Mac Cormick, я по приглашению Карпентера читал по-английски лекцию о «Трёх апельсинах». Главное - по-английски! В прошлом году читал Маринуцци о своей опере и его еле кто понял. Я волновался, так как первый раз говорю в публике по-английски, но сошло хорошо. Начал я с заявления, что разделяю чикагских дам на две группы: дамы первой группы понимают, что я сумасшедший футурист и потому так нелепо назвал свою оперу, дамы второй группы думают, что я назвал так, карикатуря другую оперу, игранную здесь в прошлом году: «L'amore dei tre Re». Обе группы неправы, ибо название «Любовь к трём апельсинам» старше и понятия футуризм, и оперы «Tre Re», и даже старше самого Чикаго, ибо существовало в Италии в виде сказки ещё в XVI,

а может быть, и в XV столетии. Затем я рассказал про самою сказку, про Карло Гоцци и, наконец, собственное либретто. Лекция длилась час и под конец порядочно аплодировали. Зал не мог вместить всей аудитории.

26 ноября

Учу Концерт. Начал пописывать кой-какие темки. Надо, пока голова в «Апельсинах», сделать концертную сюиту из них или по крайней мере план её.

Вечером бридж у Бакланова: двадцать четыре роббера с восьми до половины третьего. У меня убыток в восемнадцать долларов - обобрали.

27 ноября

Встал позднее обыкновенного: после вчерашнего бриджа. В двенадцать часов у Мэри, у которой прелестная квартира на озеро и стилизованный лакей. Мэри не было дома и меня занимала её сестра (но не та, с которой велась летняя переписка), которая всегда очень мила со мною. Свидание вместо официального приняло характер светского визита. Mrs Walsh (так зовут сестру) говорила, что Мэри очень любит играть в бридж и что надо, чтобы мы как-нибудь сыграли на этой неделе. Появилась Мэри и оставила меня завтракать. Про «Апельсины» заявила, что это самое замечательное событие сезона и что даны они будут двадцать третьего декабря, не позднее, что это отличный день и что всё Чикаго будет на них. Моё «дело» к ней я формулировал так: необходимо сейчас же закончить учение хоров и начать хотя бы пока по два раза в неделю репетиции на сцене, иначе или вовсе не выучат к сроку, или выучат поверхностно и на спектакле будут сбиваться с толку. Мэри наморщила лоб и сказала: всё будет немедленно сделано. Я ушёл очарованный.

Получил от Б.Н. письмо, очень нежное и радостное, по поводу моего заверения в крепости нашей дружбы.

28 ноября

Спускаясь вниз к брекфесту и соображая, будут ли мне письма, я решил, что никаких писем, по крайней мере интересных, быть не может. Но нашёл я письмо от Веры Миллер, и какое! Письмо, и главное, как оно написано, произвело на меня ошеломляющее впечатление, под которым я более или менее пробыл весь день. Я решил подождать несколько дней с ответом, чтобы не сделать глупости.

Вчерашнее свидание с Гарден уже принесло плоды: Коини встретил меня с широкой улыбкой и прозанимался со мною полтора часа, проходя сценарий последнего акта, который мы до сих пор с ним вместе не прошли. А на завтра мне назначена репетиция с оркестром, которая мне особенно не нужна, но вероятно для того, чтобы заткнуть рот.

Сценическая же репетиция лишь двенадцатого, за десять дней до спектакля! Хорошо, что Мэри приглашает в четверг обедать - опять поговорю.

29 ноября

Утром повторял партитуру к репетиции, которая была с часу до трёх. Проиграл почти три акта, останавливаясь сравнительно мало. Идёт и звучит хорошо. Устал до полусмерти и затем лежал у себя, попивая чай. Сегодня почти не играл на рояле, а между тем совершенно необходимо.

Вечером сестра Гарден (говорят - невеста Бакланова) пригласила меня к себе

в ложу на «Монну Ванну»[39], но кажется не очень осталась мною довольна, так как я бранил музыку оперы и удивлялся, как такие хорошие артисты как Гарден, Бакланов, Мюратор могут тратить свои силы на такую ерунду. Кстати, пели ещё мои Король и Принц. Принц выглядит как картинка, но в большом зале театра их голоса звучат вовсе не так хорошо, как мне казалось в репетиционной комнате.

Вчера в «Daily News» мой портрет с надписью: «The best dressed man in Chicago»[40]. Я очень важничаю этим.

30 ноября

Свободный день, можно было хорошенько поучить Концерт. В два часа я проигрывал его Стоку, чтобы он знал темпы. Сток хвалил Концерт и через пять дней проиграет его с оркестром, причём просил меня быть готовым хоть как-нибудь играть фортепианную партию. Вот тебе и раз, а я ещё не готов!

Днём, когда я зашёл к Кошиц пить чай, она стала говорить про спиритизм и прочла мне Credo[41], про,диктованное ей на одном из сеансов. Я обратил внимание на то, что во всех словах была буква «с», иногда несколько раз в одном слове, а если не «с», то «ш», что давало шелестящий оттенок всей фразе - форма поэзии, столь воспитанная Бальмонтом. Затем Кошиц заинтересовалась, кто мой покровитель, и, не долго думая, села за свой спиритический столик. Она села на ковёр, протянув ноги и прислонясь к кровати, поставив низенький, лёгкий столик над коленями и положив на него обе ладони. Через несколько секунд столик пришёл в колебание. Я сидел напротив на диване, развалившись, но мне не хотелось менять позы. Кошиц стала читать азбуку. Столик приподнимался и склонялся к ней, а затем медленно шёл назад, падая при какой-нибудь букве. Это можно было делать нарочно, но я охотно допускал, что колебания стола происходили независимо от воли Кошиц. Первое слово начиналось «напара...». Я решил, что будет «напрасно», но вышло «направо». Кошиц, как бы читая мои мысли, воскликнула: «Я думала будет «напрасно». Фраза оказалась: направо от тебя стоит Учшикай (покровитель Коши, живший под этим именем в V веке по Р.Х.). После нескольких вопросов подготовительного характера Кошиц спросила, кто мой покровитель. Ответ был: Учшикай. Кошиц пришла в дикий восторг, что, во-первых, у нас общий покровитель, во-вторых, что у меня такой хороший покровитель. Кошиц прибавила: вот видишь, он был в одном из воплощений Шуманом. Я тогда спросил (но не обращаясь с вопросом к столику, а скорее к Кошиц), почему такой, по-видимому, совершенный человек, как Учшикай, в последующем воплощении был столь несовершенен, как Шуман? Кошиц повторила вопрос столику и ответ был такой: Учшикай не был совершенен. У меня явился новый вопрос: если Учшикай не был совершенен и Шуман тоже, то каким образом он является в виде покровителя? Но я ещё не успел сформулировать моей фразы, как столик резко качнулся три раза. Кошиц сказала: «Требует алфавит» и стала читать его. Фраза была такова: что я сначала должен ознакомиться с теософической литературой, а затем задавать такие вопросы. Т.е. меня поставили на место: не лезь с рассуждениями, когда не знаешь, о чём говоришь. Затем последовала ещё одна фраза, обращённая ко мне: «Если хочешь слушать меня, развей свою душу верой и чтением (теософии)». Я сказал: но я как раз не хочу этого (т.е. слушать его). Я имел в виду, что мир передо мною достаточно светел, чтобы я рискнул броситься в бездну сомнений спиритизма. На что последовал удивительный ответ: «Сергей, ты ещё меня не чувствуешь, но я

[39] Опера H.Février.

[40] Самый хорошо одетый человек в Чикаго (англ).

[41] «Верую» - начальное слово одной из частей мессы.

скажу тебе словами твоего поэта - «помни меня!» На этом сеанс окончился. Я вернулся к себе, поражённый, главным образом, последней фразой. Можно отрицать всё происшедшее, но красота этой фразы остаётся ценностью несомненной!

1 декабря

День дождливый, мокрый, с низкими, тяжёлыми облаками. Болела голова и работа клеилась вяло. Днём Смоленс репетировал ансамбль: весь второй акт, но так как взяли всех вместе в первый раз, то меня пригласят только завтра. Бакланов передал, что обед у Гарден отменён. Обед и бридж после обеда налаживала сестра Гарден, а так как я третьего дня в её ложе был злой и бранил оперу, на которую она меня пригласила, то может быть и бридж потому разладился. Отчасти хорошо, ибо болит голова, но с другой стороны жаль - случай напомнить Мэри о репетициях.

В оперном офисе мне очень охотно выдали пятьсот долларов из тысячи, которую надлежит получить пятнадцатого.

2 декабря

Отправил Кусевицкому долг в пятьдесят семь фунтов. Хотел послать маме две тысячи франков, но франк как раз прыгал, поэтому отложил до понедельника. Готлиб взял взаймы пятьдесят. В общем, пятьсот долларов так и растаяли. Репетировали ансамбль: первый акт идёт хорошо. Коини был на репетиции и тоже нашёл, что они знают. Когда я хотел учить Концерт (надо подтянуться к репетиции в понедельник), то попросили не играть, так как в соседнем номере больная. Вечером играл у Кошиц, а Кошиц села за спиритический столик писать песню - настолько она пишет песни независимо от себя, под диктант. Всё же я удивился, как можно писать, когда тут же играют. Действительно, на этот раз столик не дал ни одной ноты. Кошиц очень расхваливала мой Концерт. А потом, когда я кончил, сказала, что пока она тщетно пыталась получить диктовку своей песни, Учшикай через столик сказал вдруг: «И мне нравится Концерт». Удивительная вещь! И между тем я вполне уверен, что Кошиц не лжёт и что если она сказала мне это, то значит так действительно выстукал ей столик.

3 декабря

Ходил сниматься по приглашению оперного фотографа, затем относил материалы Концерта в офис Чикагской Симфонии. В одиннадцать часов репетиция с артистами, первый и второй акты. Я дирижировал, Смоленс играл. Со Смоленсом отношения становятся более любезными и очень корректными, а то он как-то надерзил мне, а я его обрезал. Артисты знают хорошо. Когда же, Господи, сценическая репетиция? Мне советуют опять поговорить с Гарден, но мне не хочется надоедать ей.

Были с Кошиц у Шаляпина, который вчера приехал в Чикаго. Кошиц ему звонила и он пригласил её и меня. Шаляпин так же великолепен, чуть поседел и несколько угнетён, так как со дня его приезда в Америку его преследует простуда. В Нью-Йорке он пел так себе и уже семь концертов отменил. Вот и завтра концерт, а сегодня начался насморк. Я спрашивал про Мейерхольда, Асафьева, Мясковского. Про последнего он ничего не слышал, Асафьев на видном месте при Мариинском театре, Мейерхольд болен - увы, чахотка. А как бы мне хотелось, чтобы он когда- нибудь поставил «Апельсины». Мы вышли вместе с Шаляпиным. Это такая великолепная фигура, что все вокруг на него оглядывались.

Днём много и старательно учил Концерт, вечером играл в бридж: двадцать четыре роббера - и катастрофа: -38! Кошиц слышала в театре всякие сплетни про «Три апельсина»: говорят, они опять будут отложены, говорят также, что у автора скверный характер, между тем я с артистами и оркестром исключительно любезен.

4 декабря

В одиннадцать репетиция, опять первый и второй акты, которые певцы выучили. Затем и хорошие новости: Коини сообщил, что послезавтра первая сценическая репетиция, что хор почти готов и что теперь будут репетиции на сцене всё время, за исключением тех дней, когда придётся репетировать оперы текущего репертуара. Наконец-то! Значит, разговор с Гарден всё-таки помог.

От Linette телеграмма, поздравляет с первым представлением (я писал, что пятого). Вероятно, она только что получила мои полторы тысячи франков. Телеграмма эта породила странное ощущение какой-то горечи. Linette так давно не писала, что она как-то стала отходить от меня в пространство. Я не могу жениться на Linette, как она хотела бы, а продолжать наши отношения - значит чувствовать или слушать её жалобы о том, что я гублю её. А между тем такая телеграмма напоминает, что она хочет их продолжать.

Днём и вечером учил Концерт, отказавшись от обеда у Волковых.

5 декабря

Репетиция со Стоком. Благоразумный Сток решил проиграть с оркестром Концерт заблаговременно. Просил меня подыгрывать на рояле, но, во-первых, рояль был без педалей, так как их отломили, втаскивая на эстраду, а во-вторых, я ещё не совсем знаю Концерт. Некоторые места идут, а в иных сбиваюсь, играя с оркестром. Но Сток и не требовал аккуратной игры, и я больше стоял рядом с ним, глядя в партитуру. Аккомпанемент звучал мягко и приятно, Сток похваливал, а оркестр по окончании похлопал. Вообще Концерт оказывается гораздо лучше, чем я полагал, сочиняя его летом.

В час дня - приятная новость - меня пригласили прослушать хор, который оказался совсем готовым, а через три дня будут жарить всё наизусть. Ура, постановка зашагала к премьере. То место, где Кошиц проклинает Принца, Нипоти выучил с хором так, что он превосходно сольфеджировал все ноты. Нипоти был крайне огорчён, когда я просто попросил их выть, попадая лишь в верхнюю и нижнюю ноты.

Днём и вечером учил Концерт по нотам, внимательно запоминая, что играет оркестр, дабы не сбиваться в следующий раз. А то как провинциальная барышня долбил только одну фортепианную партию и наполовину забыл, что делает оркестр.

6 декабря

Сегодня большой день - моя первая сценическая репетиция.

Работали вовсю, с десяти до часу, и сделали почти весь первый акт. На сцене поставили анисфельдовский трон, Смоленс играл на рояле, я дирижировал, рядом суфлёр, очень милый француз, и дальше за столиком то и дело вскакивающий Коини. Пошло сразу очень бойко, ибо все артисты знали музыку и кроме того оказались именно отличными артистами. Когда репетировали сцену Короля, Принца и Труффальдино, то присутствующие так и покатывались со смеху. Коини оказался менее плох, чем я думал, во всяком случае с техникой, а там, где Панталоне бросается на Леандра с криком «Предатель!», даже выдумал пресмешной прыжок.

В общем, я был чрезвычайно доволен.

Днём прошли музыкально третий акт. Принцессы довольно милы. Нинетта (Dusseau) имеет чистый и славный голос. Linette пригодилась бы для неё! Смоленс вызудил-таки с Панталоне и Труффальдино то место, которое он хотел купировать, и я доволен.

Попалось мне в руки либретто, отпечатанное на французском и английском языках, оказывается, ещё два года назад. О ужас, постарались напечатать будто это стихи, начиная каждое предложение с новой строки. Вообще, как смели, не показав мне?!

В промежутке часа два играл на рояле.

7 декабря

Вторая сценическая репетиция. Почему-то созвали участников второго и третьего акта, а между тем провозились полтора часа с третьей картиной первого акта, затем всех отпустили. Коини был часто недурён, но часто не понимал, в чём дело, иногда же просто пошл. Спасибо, всегда слушался, когда я отводил его в сторонку и объяснял, как надо это сделать. Накинулся на меня, что слишком много музыки между тем моментом, когда Леандр видит Смеральдину и когда она начинает петь. Я объяснил, что это очная ставка между ними: Смеральдина, как мышь, хочет ускользнуть, Леандр, как зверь, стоит над нею. После этого так и сделали.

Тем не менее, усиленно говорят, что пойдёт не двадцать третьего, а тридцатого. Ах, не всё ли равно!

Концерт играл порядочно и в первый раз ощутил, что может пойти.

8 декабря

Репетировал с хором, который идёт очень хорошо. Мои опасения были напрасны. Днём с певцами прошли третий акт. Знают назубок. Ходят слухи, что плевок в спальне Принца приказано отменить (так как американские ипокриты[42] будут шокированы). Я взволновался: как смеют без меня!

Играл на рояле часа два-три, но сегодня чувствую себя усталым. Впрочем, то ли будет через десять дней.

Письмо от мамы. Описывает успех «Скифской сюиты» в Париже, в Grand Opéra, двадцать четвёртого ноября под управлением Кусевицкого. Равель сидел рядом и сказал маме: «Vive la Russie», на что она ответила: « Vive la France». Мама была с Linette и Борисом Башкировым. Опять напоминание о Linette отозвалось на мне как-то болезненно. Иллюзия, что наши отношения разошлись, не воплощаются. А разве я могу жениться, если я убеждён, что это не принесёт мне счастья?

9 декабря

Сегодняшняя сценическая репетиция, третья, открылась стычкой с Coini. Ничего не сказав мне, он просто объяснил Принцу, что вместо плевания он будет чихать. Тогда я коротко заявил, что я этого не позволяю. Произошло сражение, во время которого все певцы затихли. Коини попробовал взять натиском и закричал, хозяин он наконец или не хозяин у себя на сцене?! Я ответил, что после моей смерти он может коверкать мою оперу, как ему угодно, но я именно здесь для того, чтобы этого не позволять. Дошло дело, что «так опера не может идти совсем!» и моего ответа «об этом надо было думать, когда заключался контракт». Видя, что натиск

[42] Лицемеры, от hypocrite (фр).

не ведёт к победе, Коини смягчился и сказал, что из-за такого пустяка не стоит так много говорить и чихание совсем не хуже плевания, зато гораздо приличнее. Видя смягчение, я тоже стал стихать и сказал, что в таком случае надо сначала посоветоваться с автором, а потом уже объяснять артистам. Коини сделал ещё одну моральную уступку, объяснив, что он придумал это вчера поздним вечером, и если сегодня стал прямо объяснять Принцу, то только для выигрыша времени. Словом, после двадцатиминутной стычки, я согласился на чихание, и, надо отдать справедливость Коини. он показал это очень занятно.

Далее репетиция протекала без инцидентов и очень хорошо. Коини обнаружил даже некоторую изобретательность, а если делал что не так, то я сейчас же ему указывал и он безропотно переделывал по-моему. Репетиция продлилась с одиннадцати до четырёх, пять часов, с перерывом в сорок минут на завтрак. Затем я отдыхал, а вечером заходил на «Кармен», где Гарден, в роли Кармен, мне не особенно понравилась.

Играл мало, около часу, но завтра нет репетиций - буду играть целый день.

10 декабря

День без репетиций. Пользовался этим для зубрёжки Концерта. Часа три играл, больше не могу. Обедал в каком-то женском клубе, где Кошиц и меня пригласили почётными гостями. Сыграв им после обеда «Гавот», я удрал к Бакланову играть в бридж. После шестнадцатого роббера произошёл инцидент. St.Leger, один из оперных репетиторов, чрезвычайно милый англичанин и отличный бриджист, сделал подряд несколько крупных ошибок, на которые я ему и указал. Страшно самолюбивый, он заявил, что больше не будет играть и стал расплачиваться. Несмотря на все упрашивания, он прекратил игру. Тогда я встал и, простившись со всеми, кроме него, ушёл.

Результат: сначала +14, а затем - ух! - на -14.

11 декабря

Встал поздновато - вчера с бриджем лёг в два. Учил Концерт и проигрывал его по нотам, чтобы хорошо помнить, что делает оркестр. Фортепианного-то переложения у меня нет, чтобы с кем-нибудь поиграть. В три часа репетиция «Апельсинов», первый, второй и третий акты с певцами, без сцены. Провозились, несмотря на воскресенье, почти до шести. В восемь часов вечера должна была быть сценическая репетиция. Но Коини заболел (потерял голос) и её отменили. Во время репетиций артисты покатываются со смеху. Панталоне, Труффальдино, Кухарка - отличные комики и проделывают всё с увлечением.

St.Leger прислал извинительное письмо и мы встретились друзьями.

Из Парижа приходят первые критики о «Скифской сюите».

Оказывается, публика не только аплодировала, но и протестовала, некоторые даже демонстративно ушли, как в добрые старые времена Глазунов. После единодушного успеха во время апрельского исполнения, это меня удивило. Но в том-то и дело, что в апреле была главным образом русская публика, а теперь французская. Русская уже воспитана на Прокофьеве, французы же ещё нет.

12 декабря

Разбудили в 7.30, а в девять уже репетиция Концерта. На этот раз рояль с педалью, но ещё не концертный и противно тугой. Сток внимательный, серьёзный и брал замедленные темпы, что меня радовало, так играть было легче. Провозились

без малого час. Я старался не слушать оркестра (а интересно было и внимательно играть свою партию). В общем, дело стало налаживаться и не выходило всего несколько мест, штук пять головоломных пассажей. Через две репетиции пойдёт, если не хорошо, то совсем прилично. Зато общего впечатления от Концерта я пока ещё не имею: слишком занят техникой исполнения. После Концерта я прошёл «Классическую» Симфонию, которая была сыграна отлично. Вообще оркестр - чего лучше!

С этой репетиции я почти бегом отправился на другую, в театр, и попал на сцену как раз к началу. Сцена была набита битком, так как привели хор и даже балетных для чертенят. Балетные приятно радовали взгляд: это были хорошенькие девочки, все лет шестнадцати-семнадцати, в светлых танцевальных костюмах. Но самое интересное было то, что сегодня, в первый раз, поставили декорации первого акта и башни. Любопытно, отлично сделано, и анисфельдовская краска так и брызжет в глаз, даже без надлежащего освещения. Коини был занят, группируя Трагиков, Комиков и вручая им зонтики, лопаты, пальмовые ветки. Он почти потерял голос, говорил в рупор, часто пульверизировал горло. Началась репетиция Пролога. Хор знал отлично и не путал. Коини довольно ловко ими распоряжался, но, например, придумать для каждой группы свои жесты, это было, конечно, свыше его сил и разумения. Слава Богу, слушался всего, что я ему говорил, хотя и пытался вразумить меня, говоря, что это хор, а не солисты. Вообще же репетиция, длившаяся с одиннадцати до четырёх с перерывом для завтрака, прошла оживлённо, не раз прерываемая хохотом участвующих.

Я был очень увлечён постановкой, не чувствовал усталости и испытывал огромное наслаждение.

После репетиции спал, а вечером придумывал упрощения для тех пассажей Концерта, которые сегодня не шли, ибо доучить их к пятнице до точки, конечно, нет надежды.

13 декабря

«Апельсины» идут окончательно тридцатого, но теперь, когда репетиции шли полным ходом, меня мало волнует, на неделю ли раньше или позднее спектакль. Сегодня опять большая репетиция на сцене с хором и балетом: второй и почти весь третий акт. Без конца возился с «дивертисментами» второго акта. Три раза с Коини отчаянно ссорились: один раз при выходе Пустоголовых он нашёл, что слишком мало, а потом слишком много музыки; другой раз из-за того, как Кухарка находит Труффальдино (оба раза я настоял на своём); третий инцидент был трагикомического характера - три апельсина выехали на дребезжащих колесиках с таким лязгом, что ничего не было слышно, что начинал петь Принц. Коини не нашёл ничего умнее, как потребовать, чтобы я прибавил музыки, пока апельсины шумят. Я ответил, что не напишу музыки для заглушения шума, а надо переделать никуда негодные апельсины. Коини сказал:

- Je m'en fiche des oranges.[43]

Я ответил:

- Vous vous en foutez de votre business.[44]

Помирились на том, что я подниму занавес на восемь тактов раньше и таким образом будет больше музыки, а Коини отдаст апельсины в переделку.

Прощаясь, он сказал:

- Et bien, sans rancune![45]

[43] [44] Мне наплевать на апельсины. - Вам наплевать на ваше дело (фр).

[45] Ну, помиримся! (фр).

14 декабря

Третья репетиция Концерта. Идёт уже гладко (у оркестра), я же ещё попадаю в фальшивые ноты и раза два совсем терял линию, однако всё же освоился с Концертом и, по-видимому, справлюсь с делом. Симфония идёт хорошо. Вернувшись домой, лежал, очень усталый.

В опере история с костюмами: вместо тридцати женщин и пятнадцати мужчин для придворных, сделали наоборот и сообщили мне об этом таким тоном, будто я в том виноват. Слава Богу, Анисфельд приезжает двадцать третьего. Днем должна была быть репетиция с балетными, но так как часть их взяли на репетицию «Саломеи», то не состоялась. Видел кончик «Саломеи» и, хотя я хорошо знаю сюжет, было страшно. Музыка как-будто способствует впечатлению, но я должен послушать всю «Саломею». Будто немного растянуто.

15 декабря

Продолжали репетировать «Апельсины» с того места, где они выехали на сцену. Чтобы они не шумели, Коини решил совсем их не двигать. Принцессы пели хорошо. Когда пела Нинетта, я вспомнил Linette и её письмо, как она была бы счастлива петь в Чикаго эту роль. Ещё бы. Это было бы совсем мило, но до сих пор я не имел никакого влияния в Чикагской опере, а что будет в будущем году - неизвестно. Кроме того, я не уверен, каков у Linette голос, а певиц с небольшими голосами они предпочитают подбирать у себя в Америке, не заботясь привозить их из-за моря. В час я должен был покинуть репетицию, уступив палочку обрадованному Смоленсу, и пойти на генеральную репетицию Концерта. С каждой репетицией он идёт лучше, но всё ещё недостаточно хорошо. Симфония - отлично. Вернувшись с репетиции, переоделся, вытерся одеколоном и отправился опять на сцену, где после завтрака продолжали возиться с «Апельсинами». Как раз последняя картина и Коини требует выкинуть последнюю беготню. Действительно, ввиду узких кулис, невозможно сделать то, что я задумал, но я ему представил carte-blanche - делай, что хочешь, лишь бы весь хор бегал как сумасшедший. Коини ворчал, сердился, говорил, что это сорвёт спектакль, что слишком много музыки, но так как я оставался непоколебимым, то репетировал и бегал вместе с хором.

Вечером, несмотря на усталость, дозубривал пассаж в Концерте. Во время обеда (с Кошиц и приехавшим из Нью-Йорка Рерихом) зашёл разговор о Бальмонте, от которого я только что получил очаровательное письмо. Кошиц бросила такую фразу: «Ну, мы знаем поэтов и получше Бальмонта». Эта фраза меня внутренне взбесила. Я знал, что Кошиц имела ввиду Учшикая. У Учшикая большая красота речи, но это не даёт права так говорить о Бальмонте. Кроме того, вся фраза значила «вот мы какие». Я охотно верю, что Кошиц черпает какую-то неведомую мне мудрость, но тем не менее это не даёт ей право на такой тон. Однако я сдержал себя и промолчал, главным образом из уважения к Рериху. Когда же он ушёл и Кошиц тоже стала собираться, она вдруг остановилась и пристала, почему я мрачен. Я ответил:

- Потому, что мне не нравится, как ты говоришь о Бальмонте.

Кошиц сказала, что она же пошутила.

Я сказал:

- Бывают шутки и шутки. А теперь уходи.

Достаточно было попросить её уйти, как она завязла на целые десять минут и затеяла нелепейший спор, в котором я был резок и каждую фразу заканчивал словами: «Уйди, прошу тебя». После отчаяннейшей перепалки она наконец ушла в бешенстве, оставив меня в таком же состоянии. Вернувшись в мою комнату, я

долго обдумывал, почему я так разозлился, и в конце концов решил, что Кошиц неправа: можно сколько угодно уважать Учшикая, но это не резон третировать Бальмонта, того Бальмонта, которого цитирует Учшикай. Я хотел даже позвонить Кошиц и объяснить ей это по-хорошему, но в это время неожиданно пришла идея рассказа, над которым я и провозился часа два. Ах, мои милые рассказы, совсем я забыл вас! Было уже половина первого - звонить поздно.

16 декабря

В полтретьего состоялся концерт. Я решил, что надо играть сосредоточенно, не торопясь, стараясь всё выигрывать и главное, не обращая внимания на оркестр. Постановив так, я не волновался, и первая часть прошла почти совсем хорошо. Переполненный зал (по пятницам симфонические всегда полны) зааплодировал совсем здорово, несмотря на то, что большинство было white gloved ladies[46]. Во второй и третьей частях я подоврал, но в конечном счёте всё прошло благополучно. Успех был не чрезвычайный, но хороший: вызывали три раза. Симфония имела больше успеха.

Затем я удрал домой, куда явились Готлиб и Смоленс, оба очень восхищённые, переоделся, отдыхал, а вечером состоялась первая общая репетиция «Апельсинов»: сидячая - оркестр, хор и солисты. Репетиция прошла очень хорошо и было очень приятно, хотя я устал до чёрта. Мне казалось, что хор и солисты еле слышны за оркестром, но так всегда кажется с дирижёрского места, певцы же наоборот приходили благодарить меня за то, что я не заглушаю их. На репетиции был Милюков, он в Чикаго на несколько дней и сегодня уезжает. Он сидел с клавиром, который я ему дал, и остался очень доволен. То, что певцы поют с таким увлечением, ему, по-видимому, очень импонировало. Через две недели он будет уже на пути в Париж и там расскажет о своих впечатлениях.

17 декабря

Критики были хуже, чем успех. Все хвалили Симфонию и ни один осёл не оценил Концерта. Была всего одна или две попытки разобраться в Концерте, да и те неудачные. Вообще в Америке отличные симфонические оркестры, тщательные комментарии к программам и - совершенно случайная критика, к которой, однако, все прислушиваются.

Я так устал после вчерашнего дня, что между завтраком и обедом спал два раза, а в промежутках поучил пассажи и написал письма маме и Linette. Вечером второй раз концерт. Сыграл я почти совсем на пятёрку. Успех больше, чем вчера, как и полагается, потому что вечером больше мужчин, которые громче хлопают, и во-вторых, публика прочла критику и знает, надо ли хлопать или нет, чтобы не оказаться в дураках. Симфония опять имела больше успеха - прямо-таки успех трескучий: вызывали семь раз. Вернувшись домой, я опять принимал у себя Готлиба и Смоленса, а затем прочитав прелестный рассказ Гиппиус «Snor Maria», заснул очень довольный. Кошиц (которую не видел со времени инцидента) сказала Готлибу, что я отличный композитор, но что у меня нет сердца. Рерих, который всё время говорил о «космичности» моего творчества и даже заговорил о балете с тенями, как действующими лицами, променял космическое творчество на тарелку супа - поехал обедать к Волковым и не попал на концерт, говоря, что не достал автомобиля. Уж лучше, как Бакланов, который ничего не говорил, а просто воскликнув: «Не могу удержаться», бросил билеты и уселся играть в бридж.

[46] Дамы в белых перчатках (англ).

18 декабря

Приятно! Никакого концерта больше над душою не висит и не надо садиться за рояль и зубрить пассажи. Можно было написать письма, почитать, вообще не торопиться. Про вчерашний успех все знают и поздравляют.

Бакланова я спросил:

- Ну, по крайней мере, вы вчера проиграли?, - но оказалось, что выиграл.

Утром должна состояться «примерочная» репетиция - для прилаживания костюмов, но потом ее отменили. В восемь часов в сценической репетиции под фортепиано, продолжавшейся до половины первого, шла сцена ещё вовсе неладно (особенно Чудаки), а между тем следующая репетиция уже с оркестром. Коини, у которого не варят мозги для изобретения последней сцены беготни, упрашивает меня купировать её. Я отвергаю. «Вы очень упрямы» - говорит он, - и на сцене начинается беготня. Со Смоленсом, который играет на фортепиано во время репетиции, ссора, ибо он ломит свои темпы, не глядя на мою палочку. Кошиц подошла и сказала, что за вчерашний концерт она мне всё прощает. Это меня даже взбесило: что навязчивее непрошенного прощения!

Рерих, которому я поставил на вид диссонанс между его словами и делом, старается держаться от меня в сторонке. Кошиц патетически восклицает Готлибу: Ведь он разгонит всех друзей!»

19 декабря

Ходил в банк и телеграфировал Бальмонту полторы тысячи франков. Но франк опять поднимается, а надо послать Linette, Сталю и маме. Однако знакомые в банке говорят, что через неделю-две опять упадёт.

В Art's Club выставка эскизов Анисфельда к «Трём апельсинам». На открытии небольшая, но, по-видимому, избранная толпа. Меня, как автора оперы, познакомили с массой народа, и было даже приятно, так как с моею работой я прямо одичал.

20 декабря

Пользуясь, что сегодня нет репетиций и что мой досуг продолжается, я обдумывал оркестровую сюиту из «Трёх апельсинов» и обдумал её всю. Первый номер - Чудаки - скроил и слепил из кусочков. Теперь надо то же сделать с Заговором, Принцем и Принцессой, а остальные три номера почти целиком из оперы. Работа небольшая, надо лишь иметь желание и ясную голову, а затем пригласить переписчика и заставить списывать кусочки.

В промежутках дочитал книги из библиотеки. Нечаянно за этот месяц я прочёл около двадцати томов русской беллетристики. Как это случилось - не знаю, главным образом в виде отдыха между и после репетиций.

21 декабря

Очень важная репетиция: в первый раз сцена вместе с оркестром. Приятное волнение, но всё прошло много глаже, чем я предполагал. Плохи только ещё хоровые сцены: не совсем сценически оживлённым был Пролог, и бестолковщина в беготне последней картины.

С Коини только один инцидент. Он заявил, что в конце второго акта нет музыки для занавеса и потому я должен приписать несколько тактов. Я сказал, что просто надо раньше начать опускать занавес. Поспорили. Затем опять прорепетировали,

я продолжал делать маленькое фермато после последних слов Панталона - на том помирились. Репетиция длилась пять часов с небольшим перерывом, и самое приятное было после - переодеться, вытереться одеколоном и лежать, попивая чай и куря папиросы. Вечером небольшой бридж: +3.

22 декабря

Такая же репетиция, как вчера. Идёт совсем хорошо (кроме тех же вчерашних хоровых сцен) - и следующая репетиция через неделю, генеральная. В промежутках же «освежат» репетицией под фортепиано. Там же Коини обещает подтянуть хор. Едва я вернулся к себе с репетиции, как телефон от Барановской, которая только сегодня утром приехала в Чикаго. Я накинулся на неё, отчего не звонила сразу - мне так бы хотелось, чтобы она посмотрела, что делает Коини! Ведь как ни так - она отсвет Мейерхольда. Затем появление Анисфельда: только что из Нью-Йорка, и тоже опоздал на репетицию. Опять досадно, но я очень рад, что приехал Анисфельд, - я знаю, мы будем действовать рука об руку, и вместе легче будет обуздать Коини («блоха», действительно, он похож на блоху). Весь вечер провели вместе с Анисфельдом.

От Linette письмо, упрёки, что я бросаю её одну и не забочусь о её жизни, о её карьере певицы. Конечно, ей грустно, и тем неприятней читать мне это. Но до сих пор я не мог рекомендовать её как певицу. Что будет после успехов «Апельсинов» - неизвестно, может можно её устроить на будущий сезон петь Нинетту, но я всё ещё не знаю, хорош ли её голос и могу ли я её навязывать.

23 декабря

Ходили с Анисфельдом в костюмерную и рылись в костюмах, которые не совсем в порядке. Анисфельд хотел непременно, чтобы я был с ним, так как он плохо объясняется и по-английски и по-французски. Завтракать ко мне пришла Фру-Фру, с которой проразговаривали с необычайным увлечением. А наши баритоны потом приставали с расспросами, кто эта замечательная интересная женщина. Вечером обедал у неё, вернее, у тех богатых американцев, у которых она теперь гостит. Но у меня начала болеть голова и я скоро ушёл домой.

24 декабря

Были с Анисфельдом на репетиции боя Уродов из второго акта. Дубины для этого боя вышли такими тяжёлыми, что балетные еле их поднимают и бой поставлен вяло и несмешно, не говоря уже о том, что ритм совсем не схвачен. Я объяснял и показывал, какие надо делать движения. Затем ходили с Анисфельдом за кулисы насчёт освещения декораций. Он очень недоволен, так как ему не дают необходимых зелёных ламп.

Завтракал с Фру-Фру, которая была по-обыкновению интересна, тонка и остроумна, но хныкала, так как у неё опять болят почки. Днём писал письма, которых (главным образом деловых) накопилась пропасть. Кошиц, в виде смягчения, прислала мне к празднику чёрную, с золотыми застёжками, ленту к часам, надеясь (в приписке), что «эта лента, наконец, кантиком свяжет нашу дружбу», на что я ответил, тоже письменно, что лучше связывать дружбу не чёрными узлами, а светлыми отношениями.

Вечером забегал в симфонический на «Crazy Cat» Карпентера. Карпентер один из наиболее живых (остальные мёртворожденные) композиторов Америки. У него есть техника и он умеет оркестровать, но, к сожалению, слишком часто бродит у

самой границы дурного вкуса.

Затем бридж у Бакланова до половины третьего. Результат: +2,5 only[47].

25 декабря

Несмотря на праздник, примерку костюмов и, как в таких случаях полагается, поочерёдные вопли всех артистов: одному жмёт, у другой не умещается грудь, там тяжела шапка, здесь слишком длинный трен[48]. Кошиц не сделала исключения и ссорилась с Анисфельдом как каждодневная примадонна.

В полпятого «мёртвая репетиция»: декорации и освещение. Хотя Анисфельду достали его зелёные лампы, но с первой же сцены пошла контра с электротехником, Коини и прочими. Я думал, что дело кончится плохо, но дальше всё смягчилось и проработали без остановки семь часов, до половины двенадцатого, пройдя все декорации, световые и прочие эффекты, до самого конца. Я иногда помогал Анисфельду объясняться с техническим персоналом сцены и иногда давал мои советы, вообще же старался не очень вмешиваться и сидел с Фру-Фру в зале, наслаждаясь декорациями.

Смоленс, который не кланялся со мною целую неделю, поздравил меня с праздниками.

26 декабря

Довольно свободный день. У Барановской опять история с почкой и она лежит. Я читал, гулял и делал план Принца и Принцессы для сюиты из «Апельсинов». Кошиц звонила, что Анисфельд нагрубил всем в опере, что это дошло до Гарден и что все выражены против него, а так как она знает, что я во всём его поддерживаю, то чтобы я держался в стороне. Это очень любезно со стороны Кошиц, но мне было противно выслушивать все эти сплетни, а во-вторых, Анисфельд был совершенно прав, поставив на вид Коини, бутафорам и электрикам, что всё делалось не так, как следует, и если они сердятся, что ворвались в их тихое гнездо, то чёрт с ними. Анисфельд - настоящий артист, а они наёмники.

Вечером бридж у Бакланова со Смоленсом, игравшим, как сапог, и проигравшим. Я: +10.

27 декабря

Сегодня предполагалась сценическая репетиция под фортепиано для «освежения» - перед генеральной. Но Коини нашёл, что никакого освежения не нужно - можно освежить под фортепиано без сцены, - а взял только хор для Пролога и финальной беготни. Я старательно вмешивался, показывал движения Трагикам и Комикам. В общем, хор несколько подтянулся. Репетиция была короткой и притом на сцене со спущенным железным занавесом, так что Фру-Фру и Готлиб, пришедшие на репетицию (Фру-Фру волновалась перед репетицией «как ребёнок»), ничего не увидели.

Кошиц не нашла лучшего времени и места, как репетицию, для настойчивых вопросов, почему же я, наконец, так к ней изменился? Или из-за Барановской? Кошиц начинает на меня действовать, как искра на порох. Я отвечал ей: «Уйди ты, ради Бога!»

В четыре часа «освежительная» сидячая репетиция под фортепиано, прошедшая

[47] Только (англ).
[48] Шлейф, от traîne (фр).

довольно сонно, так как все всё знают и всем уже начинает надоедать. Кошиц не явилась, объявив, что у неё что-то с сердцем.

Затем сидел у себя и читал очень интересный этюд Мережковского о Лермонтове. Вечером бридж у Бакланова: -13,5.

25 декабря

Спокойный день. Репетиций нет. Анисфельд докрашивает костюмы. Я днём гулял, читал, играл. Заходил князь Арабелов, милый юноша, приятель Кошиц, и по её поручению зондировал почву, в чём дело у меня против неё. Вечер провёл у Барановской, но торчали её американки и было скучно.

26 декабря

В одиннадцать генеральная репетиция. Коини простуженный и вялый. Заведующий оркестром сообщает, что добавочных инструментов (малый кларнет, V и VI валторны и дополнительные ударные), которые были до сих пор лишь на одной репетиции, не будет. Это сразу испортило мне настроение: какого чёрта делали мы пятнадцать оркестровых репетиций, если пять музыкантов явятся прямо на спектакль и всё изгадят! Поговорив об этом драматически, наконец начали репетицию. Пролог я повторил не более не менее как четыре раза, выводя из себя Коини. Но хоры или входили слишком рано, или входили недостаточно энергично, или дирижировали в такт руками. Я знал, что дальше пойдёт глаже. Вторую картину я тоже повторил. После первого акта меня подозвала к себе Гарден и очень хвалила. Затем я обсуждал с Барановской недочёты. Второй акт прошёл гладко. Не было только фонтанов и марш за кулисами звучал слабо. Во время смеха Принца в зале все хохотали. В антракте пили кофе с Фру-Фру. Среди других, очень тонких сценических замечаний, Фру-Фру напомнила, что барабан во время заклинания Кошиц слишком шумит. Я сам это заметил. В это время подошла Кошиц и стала жаловаться, будто хор чертенят её заглушает (врёт). Я сказал: «Хор - это ничего, а вот Барановская сказала про барабан, так я его уйму». Кошиц накинулась на Барановскую, что вот её, Кошиц, никто не слушается, а появилась какая-то Барановская и по её желанию переделывают барабан. Третий акт проходит гладко, я, согласно желанию Коини, делаю повторение в Интермеццо, дабы декорации менялись спокойнее. Во время сцены Кухарки в зале слышен громкий смех Мэри. В последних массовых сценах несколько инцидентов, я останавливал и повторял, но Коини торопил, так как в три надо было окончить репетицию. «Завтра повторим под фортепиано», - кричал он со сцены. После репетиции я сейчас же ушёл домой, так как был мокр, как лягушка. Звонил Гарден и спрашивал её про впечатление. Она расхваливала и сказала, что горда, что ей пришлось дать такую оперу. Я ответил, что счастлив, что моя опера идёт под таким директором. Барановская прислала мне цветы. Она совершенно потеряла голову от «Трёх апельсинов». Да по-видимому, что-то неладно было и по отношению ко мне. Вечером мы с нею катались и она сказала, что завтра утром уезжает - бежит в Нью-Йорк. Едва я упросил её остаться на спектакль и Новый Год.

27 декабря

Итак, день премьеры.

Однако ничего особенного, спал хорошо и утро провёл спокойно, почти вяло. С Анисфельдом вместе ходили в парикмахерскую подстригаться к вечеру. Настроение немного нервное, что усиливалось непрерывными звонками по

телефону. Первый раздался в восемь часов утра: звонила монденистая[49] барышня, с которой меня познакомили на выставке декораций Анисфельда, и просила билет для d'Indy, только что прибывшему в Чикаго. Я закричал, что невыносимо, когда композитора и дирижёра будят ни свет ни заря в день премьеры. Об этом потом пошла целая история.

В восьмом часу, за сорок минут до начала, мы с Анисфельдом, во фраках, уже были на сцене, где Анисфельд заботился о костюмах и гриме, а я о закулисном марше, поднятии занавеса и прочем. Эти сорок минут пролетели незаметно и Коини заявил, что восемь часов, всё готово, можно начинать. Зал выглядел не совсем полным. Дирекция не сделала в газетах почти никаких реклам об «Апельсинах»: или Мэри была слишком уверена, что и так всё Чикаго говорит о них, или тут подгадила консервативная bel-cant'ная партия. Однако зал вскоре дополнился. Пустовало только несколько лож и, вероятно, около сотни мест в партере. Даровые билеты выдавали туго. Наконец я отправился дирижировать. Оркестр и публика встретили меня аплодисментами. Я раскланялся и начал. При первых же звуках пополз театральный занавес, а затем появились Трагики. Как играл хор в Прологе я не помню, так как был увлечён дирижированием (не волновался), но пел хор хорошо. Знаю, что появившиеся Чудаки держали себя плохо. Герольд так разволновался, что всё спел на тон выше и от страха дирижировал рукой. Дальше всё пошло гладко и первый инцидент случился только в третьей картине, где Леандр запел «я его кормлю» на такт раньше. Но я не смутился, продолжил своё и скоро суфлёр вогнал его на место. Вообще я в первый раз почувствовал, какой союзник суфлёр! Акт кончился, и я ушёл под аплодисменты. Когда мы встретились с Анисфельдом за кулисами, то артисты выходили уже несколько раз. Мы вышли вдвоём и аплодисменты усилились. Яркая рампа и позади, как в тумане, кричащий и хлопающий зал. Мне показалось, что аплодисменты не слишком сильные, но зал так огромен, что никакие аплодисменты в нём не сильны, в чём я и убедился через день на концерте Шаляпина. Мы выходили кланяться несколько раз с артистами, но взять Коини Анисфельд наотрез отказался. Прибегает Бакланов и говорит: «Да это настоящий успех!» Я подхожу к Коини, но он, видимо, обижен, что его не взяли кланяться. Начинается второй акт и во время чихания Принца публика хохочет. Всё идёт отлично. При поднятии занавеса второй картины - аплодисменты за марш, а вернее, за декорации. Во время смеха Принца в зале хохот, а затем взрыв аплодисментов. После проклятия Кошиц тоже хлопали и кричали. В конце чрезвычайный успех. С артистами выхожу кланяться. Тащат они и Коини. Я тоже его зову: всё-таки работал, хоть и скверно. Но Анисфельд, увидев в цепи Коини, круто поворачивает и уходит, не желая выходить с ним вместе. Выходим без Анисфельда. Затем я и артисты несколько раз. Кошиц поздравляет меня. Не желая портить торжество, поздравляю и её с успехом. Она расцветает и хочет броситься целовать меня. Я отстраняюсь, ссылаясь на её грим. Коини в бешенстве и, стоя посередине сцены, кричит - как смел Анисфельд сделать такую демонстрацию! Я подхожу и говорю: «Раз уж он не хочет, то пусть после третьего акта идёт кланяться один, это тем более справедливо, что больше всего имеют успех его декорации».

Третий акт. Всё благополучно. Во время сцены Кухарки в зале хохот. Декорации третьей картины (с апельсинами) аплодируют. Во время появления Линетты вспоминаю Linette. Но успех меньше, чем во втором акте. Бакланов, придя за кулисы, просто говорит, что нужна купюра.

В четвёртом акте Челио вступает на такт позднее и половина ссоры с Фатой идёт неверно. Во второй картине St.Leger вступает с маршем не вовремя. Выстрел опаздывает. Беготня проходит на сцене довольно бестолково. Я беру темп

[49] Светская, от mondaine (фр).

безумный. Я не помню, выходили ли мы кланяться в конце. Это перед началом четвёртого акта, когда я вышел дирижировать, мне устроили продолжительную овацию, начатую оркестром. У меня в артистической масса народа. Мэри в бурном восторге. За нею Harold Мак-Кормик. Затем Розенвальды, Розентали, Карпентеры, консулы, Барановская, Готлиб и т.д. Когда поздравители отхлынули, решили отправиться к Фру-Фру, вернее к Nelson'ам. у которых она жила, - пить вино. Вино в Америке большая редкость, а после удачного спектакля хотелось выпить. Поехали: Карпентер, Анисфельды, Готлиб и я, и ещё несколько американцев. Относительно Кошиц я сказал, что лучше не надо, но Барановская сжалилась и по приезде туда выговорила у меня разрешение вызвать её. Я сразу хлопнул три коктейля и приятно опьянел. Вообще было очень весело, хотя не так вакхично, как после «Шута». Через час приехала Кошиц с князем Арабеловым. Многие, услышав, что он prince, решили, что это исполнитель партии Принца, и поздравили его с успехом. По общему требованию я играл несколько раз «Марш». Кошиц пела. Изумительно. Я сказал ей: «Если бы ты только пела, а не трещала всякий вздор!» Барановская и она сидели около меня. Кошиц рассказывала что-то Барановской потихоньку. Впоследствии оказалось, что это о том, как она меня любит. Барановская встала и деликатно ушла к другому концу стола, чтобы не огорчать Кошиц. В третьем часу поехали домой. Все подпили. Я - больше всех и чувствовал себя безмятежно. В автомобиле Кошиц, сидя рядом со мной (князь и Готлиб напротив), несколько раз бросилась меня целовать.

31 декабря

Проснулся в отличном настроении, но подташнивает, болит голова и, по-моему, я ещё немного пьян. Выйдя на улицу, жадно глотал воздух и пил в маленьком ресторанчике чай с лимоном, читая рецензии. По-моему, рецензии опять хуже успеха, хотя и констатируют его. Ни одной сколько-нибудь серьёзной. Вернувшись домой, спал. На телефоны не отвечал. Пребывал один среди своего успеха. Даже письмо от Миллер открыл не сразу. Открыл позднее, когда почувствовал себя более нормальным, но это ещё не ответ на ответ, а ответ на последние деньги. Таким образом, в этот день я мало кого видел, а вечером пришёл в себя и отправился к Фру-Фру, чтобы вместе ехать куда-то встречать Новый Год. Туда она уже давно обещала, а я рассудил, что приятнее всего встретить в обществе Фру-Фру, и поехал с нею. Опять богатый американский дом, с шампанским, несмотря на prohibition[50]. Меня, как вчерашнего героя, встречали с почётом.

Сейчас же после двенадцати мы с Фру-Фру сорвались и поехали к Волковым. Это была моя затея, резонов несколько: во-первых, меня приглашали и была бы страшная обида, если бы я не появился вовсе (впрочем и так обиделись, что опоздали, и пуще обиделись, что вчера без них кутили), во-вторых, там была Кошиц, и появление Прокофьева и Барановской в час ночи было острым ножом в живот. Появились у Волковых в час ночи. Смоленс и St.Leger выскочили навстречу и, приплясывая и визжа, сыграли на рождественских дудках «Марш» из «Трёх апельсинов». Консулы встретили несколько сдержанно, несмотря на бутылку шампанского (большую редкость), которую привезла Барановская. Мы сели рядом с нею и рядом с Кошиц. Вообще же было неинтересно. В полтретьего стали разъезжаться. Я отвёз Фру-Фру домой.

Итак, год окончен. Хороший год. Начался хорошо и весело в Калифорнии, затем контракт с Мэри Гарден, постановка «Шута», чудесное лето в St.Brévin и постановка «Апельсинов». Чего же лучше! Феноменальный год.

[50] Запрещение, здесь - сухой закон (англ).

1922

1 января

Первый день нового года ознаменовался приёмом в честь Мэри Гарден у некоих Чальмерсов. Нельсоны притащили на этот приём меня и Фру-Фру. На приёме была масса спонсоров оперы и тут-то я в первьй раз действительно понял, что моя опера произвела настоящий успех: давно я не слышал столько восторженных комплиментов от знакомых и незнакомых людей, как сегодня. Murial Mac Cormick, дочку Harold'a, я не узнал - нас как-то познакомил Coini в темноте за кулисами. Тем не менее она была чрезвычайно любезна со мной, а Барановская, с которой мы держались более или менее вместе (и которая была самой эффектной дамой общества), уже подметила, что она за нами всё время подглядывает. Самою Гарден я видел всего один миг: как полагается, поток любезностей с обеих сторон.

Вечером с Барановской были на концерте Шаляпина, внимали ему, как пророку, но против пророчеств он грешил, пел много дряни, и голос - вообще изумительный
- был не всегда в порядке.

2-15 января

Второго в полдень Фру-Фру уехала в Нью-Йорк, а накануне уехала туда же Кошиц. В Auditorium'e стало тише. Я очень мало куда показывался, читал, обдумывал сюиту из «Трёх апельсинов» и несколько отдыхал от шума предыдущей недели. Пятого состоялся второй спектакль под управлением Смоленса. Я сидел с Готлиб в последнем ряду партера, откуда видно и слышно очень хорошо. Но здесь (а может и в большинстве мест этого театра) оркестр и особенно струнные звучат чрезвычайно слабо. В результате особенный эффект, вероятно, похожий на эффект Байретского театра, где оркестр нарочно упрятан. Певцов было слышно идеально: каждую ноту, каждое слово, зато те места, где царствует оркестр, выходили слабовато, например Инфернальная сцена была менее грозна, чем я хотел бы, и в конце Марша не слышны были струнные. Я сначала волновался в трудных местах
- хорошо ли они пройдут, - а потом махнул рукой: пусть Смоленс справляется, я же буду слушать. В Прологе хор держался скверно (чёрт бы побрал этого Коини). Первый акт имел сдержанный успех, во втором - Марш, смех Принца и проклятие Фаты вызвали аплодисменты, а в конце я выходил несколько раз раскланиваться. Третью картину третьего акта я слушал с той точки зрения, что длинна она или нет, но вынес впечатление, что нет, не длинна: она кажется длинной только для тех, кто не понимает её музыки. Во второй картине четвёртого акта опять катавасия с беготнёй и исчезновением Простаков. Негодяй Коини. Успех меньше, чем на премьере, но стойкий, и театр полный, даровых билетов почти совсем не давали. Смоленс дирижировал хорошо.

Затем я готовился к recital'ю в Университете, и десятого отыграл его с большим успехом. Тринадцатого было ещё одно выступление, с Кошиц, в пользу русских голодающих, однако организация была большевистского характера и, к сожалению, подпустила политику в концерт. Очень противно, что политика, и не совсем удобно, что большевики (могут быть неприятности), но, во-первых, собрали голодающим две тысячи долларов, а во-вторых, нам заплатили по четыреста долларов. Я играл себя и Мусоргского, Кошиц была не в голосе, плохо спела три моих романса и не слишком блестяще остальную программу. Публика была в основном из рабочих. Успех хороший, с вызовами и бисами. Наконец, третий концерт, пятнадцатого, в пользу чикагских детей. Здесь ничего не платили, но отказаться нельзя было, так как, во-первых, приглашал Карпентер, а во-вторых, получая блага от Чикаго, надо было поиграть и для Чикаго. Зато этот концерт был страшно помпезен, с оперными star, в Auditorium. Случилось и следующее приключение: когда я на бис стал играть

Марш из «Трёх апельсинов», то публика выразила своё удовольствие, зааплодировав при первых тактах - Марш очень живо приобретает популярность и грозит сделаться таким же «неприятно модным», как рахманиновский Прелюд.

Необычайно деятельное участие в организации этого концерта принимала Мюриэль. По этому поводу она несколько раз мне звонила, заезжала в отель, и в lobby[1] мы обсуждали программу, причём отчаянно флиртовали сначала на словах, а потом и вплоть до пожатия пальчиков. Murial - единственная дочка Harold'а, лет двадцати, очень недурна собой, собирается стать артисткой, помешана на всём, что касается театра - и в том, вероятно, причины её необычайного интереса ко мне.

Кстати, её отец перестал быть председателем финансовых директоров оперы. Вместо него, для меня неизвестный, Insull. В руководящих кругах оперы борьба, интриги и кавардак. Мэри, говорят, за этот сезон пробухала столько денег, что гаранты за голову хватались. Всё же она удержалась директором на будущий сезон, но, кажется, её самодержавие сильно огорчили всякими контролёрами её финансовых операций. Я раньше думал, что в случае успеха «Апельсинов», «Огненный ангел» само собою влезет в репертуар будущего года, но пока что-то не похоже на это.

16 января

Утром сборы, а в 12.40 «XX Century» в Нью-Йорк. Еду с удовольствием: с Чикаго всё кончено, а в Нью-Йорке концерт с Коутсом, нью-йоркская премьера «Апельсинов», Банкиров и Фру-Фру, а затем и Европа. Перед отъездом получил письмо от Linette, милое и без разговоров о будущем. Я телеграфировал ей две тысячи франков. Письмо и от Бальмонта, очаровательное. Я старался достать ему денег и обратился с письмом к Mrs Kohnwald, но пока плохие симптомы. В Нью-Йорке снова примусь за поиски денег для него, надо мобилизовать Барановскую.

17 января - 25 февраля

В Нью-Йорке я устроился на углу 7-й авеню и 55-й улицы, рядом с Wellington'ом, где я жил три года назад. Две комнаты за 175 в месяц - немного дороговато, но ввиду оперной премьеры надо было сохранять приличный вид.

С Борисом Николаевичем встретился в тот же день и проговорили девять часов, что стоило головной боли на следующий день. Б.Н. говорил, что встреча со мной для него целое спасение, брат его угнетает, и за моё предложение провести весну и лето где-нибудь под Мюнхеном он горячо ухватился. И Германия отличная страна, и Мюнхен старинный город, и окрестности его - чудо, словом, целая серия восклицаний. Отсюда целый последующий месяц главной темой наших разговоров сделался Мюнхен, дача и переселение туда. Б.Н. считал дни. когда можно будет туда выехать, но дня ещё назначить было нельзя, пока опера не будет представлена и не станет ясно, желает ли меня после этого Нью-Йорк или я могу ехать.

Оперный сезон Чикагской оперы в Нью-Йорке начался двадцать третьего января, но «Апельсины» шли не раньше, как на второй-третьей неделе, поэтому в первые дни моего нью-йоркского пребывания особых дел не было. Барановская была больна: после чикагских выпиваний её туберкулёзная почка дала себя знать, а теперь обострилась до того, что в день моего приезда Фру-Фру вынуждена была перебраться в частную больницу. Здесь она собиралась остаться неделю и мы уже проектировали совместные выезды в свет, но здоровье, вместо улучшения, пошло

[1] Вестибюль, холл (англ).

на ухудшение, и в начале февраля бедную Фру-Фру увезли в Калифорнию на солнце. Б.Н., познакомившийся с нею, был без ума от неё, говоря, что такой интересной женщины, как Барановская, он в свою жизнь не встречал. Сама же Фру-Фру затеяла со мною весьма определённые разговоры. Проведены они были ловко, эстетично, ввиде полушутки, но смысл их был, конечно, серьёзный. Идея: я должен жениться на ней. Муж, с которым она разошлась два года назад, по-видимому, погиб в Мексике, она получила бумаги на руки, «я декоративна, хорошо сложена, чем я для вас не жена?» И действительно, едва ли лучше Барановской сыщешь себе жену, но вся её утончённость и эстетизм убили в ней женщину. Как женщина, она не возбуждала во мне никаких чувств (и между прочим, такого же мнения о ней был Б.Н.). Обдумывая всё это, я отправился в Метрополитэн на премьеру «Снегурочки» в декорациях Анисфельда, и тут неожиданно столкнулся со Стеллой. Эта встреча оказалась ответом на все тонкие плетения Фру-Фру. Едва я увидел Стеллу, я совершенно забыл о Барановской, так Стелла влекла к себе. Разговор со Стеллой был недлинный, но острый, с уколами и с комплиментами с обеих сторон. Ей страшно нажужжали про представление «Трёх апельсинов» и, по- видимому, это ей сильно импонировало, а она меня поразила своею красотою, ещё больше расцветшей. На другой день, вечером, она приехала ко мне якобы по делу и проболтала со мной целый вечер, на третий мы завтракали, поссорились - и расстались. Она через несколько дней уезжала во Флориду со своим больным отцом. Вообще, отношения со Стеллой какая-то сплошная нелепость, но каждый раз встреча производит на меня большое впечатление, а в этот раз был яркий пример, как далеко я от женитьбы на Барановской. Таким образом, я так же полушутя доказал Фру-Фру, что из этого вышло бы сплошное недоразумение, и разговор больше не возобновлялся, хотя я и продолжал ежедневно навещать её.

Двадцать шестого и двадцать седьмого играл с Коутсом 3-й Концерт. Конечно, с Коутсом играть было одно удовольствие. Качество исполнения и успех были приблизительно такие же. что и в Чикаго, но критика более развязная, тон более небрежный. Haensel был доволен успехом (но не критикой) и настаивал на том, чтобы я дал один или два récitais. По его расчётам больше двухсот-трёхсот долларов убытка быть не могло, для будущего же сезона это могло очень помочь. Он даже обещал не брать свою fee[2]. Я согласился и концерты были назначены на четырнадцатое и семнадцатое февраля. Тогда я принялся за приведение в порядок программы, между тем как «Апельсины» всё откладывались и даже кто-то пустил слух, что вовсе не пойдут. Мэри, конечно, была невидима.

Между тем, Зилоти, Шимановский и Коханские жили в Wellington'е, рядом со мною, и мы постоянно встречались за завтраком и обедом. Все мы жили очень дружно, а я интриговал в пользу Бальмонта, стараясь раздобыть для него деньги.

«Апельсины» назначили было на шестое февраля, но расходившаяся в городе инфлюенция (хотя и не такая сильная, как два года назад - тогда до пяти тысяч в день, теперь лишь тысяча) уложила в постель Труффальдино и Принца, и вместо «Трёх апельсинов» удивлённая публика увидела перед собой «Травиату», отмена была сделана всего за несколько часов до спектакля. Переложили на четырнадцатое и попали как раз на тот же день, что и концерт. Т.е. recital днём, а опера вечером. Тяжело, но я решил отнестись к событию бодро, боялся только, не заболеть бы как раз в этот день инфлюенцией. Б.Н. уже лежал с 39,5 и даже пропустил моё выступление с Коутсом.

Однако всё обошлось благополучно. Программа recital`я была нетяжёлая и хорошо известная, затем я по совету Капабланки принял очень горячую ванну, выпил горячее молоко и лежат два часа. Одел фрак и поехал дирижировать оперой.

[2] Доля заработка (англ).

Оркестровой репетиции в Нью-Йорке не было, но оркестр был так настроен, что каверз с его стороны не было. Зал был полон, но говорят, раздали много контрамарок: на шестое была отличная продажа, а после того, как вместо «Апельсинов» дали «Травиату», продажа пошла много хуже. Рекламы не было никакой: или слишком понадеялись, что про «Три апельсина» уже все знают, или просто кто-то в дирекции рыл мне яму. Исполнение было хорошее, без скандалов (неважна сценическая игра хора, конечно). Публика вела себя приблизительно так же, как на чикагской премьере, т.е. был большой успех, мне поднесён был венок (от Liebman) и только перед четвёртым актом не было чикагской овации. После спектакля пили вино у Букман, а на другой день я развернул газеты. И тут- то началась зверская ругань. Посвящались длиннейшие статьи, но только в двух газетах, в «Globe» и в немецкой, оперу похвалили. Я внимательно всё прочитал и был озадачен. В чём дело? Почему они ничего не понимают? Haensel был просто расстроен. В добавок выяснилось, что оперу больше не дадут, так как осталась всего одна неделя сезона, репертуар которой уже давно составлен. Было впечатление, что собачье нападение газет свели на нет весь успех «Трёх апельсинов».

Второй концерт, семнадцатого, начался неважно. Днём у меня болела голова, прошедшая благодаря порошкам за час до концерта. Начал я Сонатой Бетховена, которой боялся, немного напутал во второй части, еле собрал себя в руки, но доиграл сонату корректно. Однако второе и третье отделения концерта я играл хорошо, было шесть бисов и вообще полнейший успех. Но убыток от обоих концертов достиг трёхсот семидесяти пяти долларов. Haensel опять был смущён и говорил: «Я в вас так верю, я не понимаю, в чём с вами дело?!»

После концерта стало ясно, что мои американские дела закончились на этот сезон. С оперным спектаклем и с этими концертами можно было ожидать каких-нибудь новых ангажементов, но никто не ангажировал, значит, можно ехать. Мне хотелось тронуться в Европу и Б.Н. рвался безумно, но денег было не так много, меньше, нежели в прошлом году, однако, с дешевизной германской валюты можно было прожить до осени спокойно.

Возобновляет ли Чикагская опера «Три апельсина» в будущем сезоне не было известно, так как вообще там шли какие-то перемены, и никто ничего не знал.

Отъезд назначили на двадцать пятое февраля. Последняя неделя была очень хлопотливая: билеты, паспорта, денежные переводы, дантист, Duo Art, несколько бриджей и несколько прощальных визитов.

Двадцать третьего Капабланка, с которым мы очень дружили и который, кстати сказать, только что женился, дал сеанс одновременной игры в Manhattan Club против сорока игроков. Б.Н. и я отправились играть. Это было целое событие. Вокруг нас сидели Либман, Дерюжинский и прочие. Я развил безумную атаку и думал, что прямо разнесу его величество. Я до сих пор не могу понять, как он выкрутился и сам пошёл в атаку. Однако я держался дольше всех и Капабланка, прикончив со всеми, уселся против меня со словами: «Maintenant je vais jouer avec mon ami»[3]. Человек сорок-пятьдесят столпилось вокруг нас. Я был уверен, что партия ничья, но, геройски продержавшись двадцать ходов, мне пришлось сложить оружие. Между тем Б.Н., не без моих советов, сделал ничью - настоящую ничью - и был горд и счастлив. Словом, вечер был из ряда вон выходящим событием.

На следующий вечер, когда я погрузился в укладывание чемоданов, какая-то дама позвонила, говоря, что ей необходимо увидеть меня по поводу «Апельсинов». Думая, что это интервью, я категорически отказался, но она настаивала, говоря, что дело важнее интервью. В восемь часов вечера я её принял и дело оказалось

[3] А теперь я буду играть с моим другом (фр).

таковым. Они (их было две дамы) решили, что «Три апельсина» - один из наиболее блестящих спектаклей, который они видели, и может с успехом идти ежедневно. Поэтому они хотят снять большой театр и давать их всю будущую зиму. Важно моё принципиальное согласие, а затем они начнут переговоры с Чикагской оперой, с театром и певцами. Если будет большой успех в Америке, то повезут в Европу и в Австралию.

Вот уж предложение, которого я никак не ожидал! Ведь если это пройдёт, то одним ударом я делаюсь богатым человеком и известным всем странам. Но я не слишком верил: что-то да неладно. Серьёзно переговорив обо всём, расстались на том, что к моему приезду в Париж будет ясно, как идут дела, а теперь они отправятся выяснять вопрос с Чикагской оперой: надо получить разрешение на права будущего сезона и взять декорации на прокат. Пускай вся эта комбинация провалится, но уже одно предложение интересно. Таким образом, был хороший прощальный аккорд, отличное настроение и на другой день в девять часов утра отъезд с Б.Н. в автомобиле, доверху нагруженном чемоданами.

25 февраля - 23 ноября

Двадцать пятого февраля наш голландец «Noordam», немного престарелый, но добрый 1200-тонный пароход, покинул Нью-Йорк и направился в Европу. Народу было мало и у каждого из нас оказалось по каюте. Первые два дня погода была тихой и солнечной, затем заволновалась и перешла в бурю, которая и протрепала нас безжалостно восемь дней. Хотя я не прерывал моих занятий и по часу или два делал клавир 3-го Концерта (мне суждено делать клавиры на пароходах), но временами буря достигала невиданных мною дотоле размеров, Б.Н. трусил и бегал к повару справляться, не тонем ли мы, а капитан один раз действительно повернул пароход по ветру, чтобы облегчить напор волн, и сказал, что мы попали в ураган.

После десяти дней мы бросили якорь в Boulogne и я расстался с Б.Н., который ехал через Голландию прямо в Мюнхен. Я же отправился в Париж, где мог оставаться всего несколько дней, так как виза была транзитной «sans arrêt»[4]. Впрочем, в Париже особых дел не было: надо было повидать маму, Кусевицкого, Дягилева, а затем можно было ехать в Берлин и Мюнхен - искать дачу. Кусевицкий сказал, что я играю с ним в Grand Opéra двадцатого апреля и что надо печатать все мои сочинения. Дягилев был мягок, мил, неопределёнен. Прогорев в Лондоне со своей роскошной постановкой «Спящей красавицы», он сидел сейчас без денег.

В Берлине было назначено свидание с Миллер: надо было узнать наконец, что такое Миллер. Я ехал посмотреть, что за музыкальная жизнь в Берлине, повидать Сувчинского, побывать в своём издательстве, а затем в Мюнхен искать дачу.

Действительно, очень интересно было увидеть Германию после войны, то грозную, то платящую контрибуции, но всегда хорошо налаженную. Чрезвычайная дешевизна благодаря низкому курсу марок, но в этом году денег мало, и только при условии этой дешевизны можно жить. Поэтому я первое время совсем не знал, что дорого, что дёшево, и сколько можно было тратить.

Очень нежная и дружеская встреча с Сувчинским, с которым у нас много общего в мировоззрении и во взглядах на современное состояние России и Европы.

Миллер приехала на несколько дней позднее меня и появилась со знакомым вопросом на лице. Она оказалась приблизительно такой, какой я ожидал: волнительной, преданной, наивной и очень простенькой, несмотря на своё знание четырёх языков. Мы провели с ней около недели, после чего я уехал в Мюнхен.

Видел я ещё Глазунова, приезжавшего из России и дирижировавшим концертом

[4] Без остановки (фр).

из своих сочинений. Со мной Глазунов был вежлив, но не больше. По-видимому, я всё ещё вредный элемент. Метнер (к которому я подошёл мягко и который уже слышал, что я в Америке играл его сочинения) был чрезвычайно любезен и пригласил обедать, что совершенно ново после его московского афоризма «или музыка Прокофьева не музыка, или я не музыкант». Последние годы Метнер в Москве, за отсутствием Скрябина, Рахманинова, меня и новых сочинений Стравинского, достиг доминирующего положения. Теперь он приехал в Берлин в надежде, что немецкий стиль его музыки будет здесь особенно по душе, но ошибся – никто не обращает на него внимания. Поэтому он чувствует себя депеизированным[5] – и отсюда мягкость. Я обедал у него, давал сведения про Америку, куда его собирается устроить Рахманинов, играл ему «Бабушкины сказки», но он понял только вторую. «Как жалко, - сказал он впоследствии Захарову, - Прокофьев такой симпатичный человек, а пишет такие вещи, что я ничего не могу понять».

С Захаровым и Цецилией была приятная встреча, хотя виделись мы совсем мало. Он был мил и подчёркивал, что всегда хорошо ко мне относился. Цецилия имела в Берлине большой успех, действительно, играла прекрасно. Пыталась разобрать мой Скрипичный концерт, но мало что поняла. «Это какая-то chair-à-violon»[6] - воскликнул раздосадованный Сувчинский. Видел я ещё Ремизова и познакомился с Андреем Белым, который очень меня интересовал.

Двадцать пятого марта я приехал в Мюнхен и, несмотря на ранний час, был встречен на вокзале Б.Н. Он уже успел потерять часть данных ему денег, однако жил в одном из лучших отелей, где счёт не был заплачен, и дачи ещё не искал - так, бродил по озеру. Восхищался Мюнхеном и говорил, что очень счастлив. Пришлось забрать дело в свои руки, купить план и начать правильный изыск окрестностей. Первым делом мы отправились в Берхтесгаден, чудесное место, но проездив два дня, ничего не нашли.

Вторая поездка была в Гармиш, откуда нас послали в Ettal, тихое местечко около большого монастыря, долина зажата между горами, в четырёх километрах от Обераммергау, знаменитого места, где раз в десять лет - и как раз в этом году - бывают Passionenspiele, представления из библии, в память избавления от чумы времён «Декамерона». Приехали мы в Этталь в семь часов вечера, когда было уже темно и валил густой снег (ибо высота здесь всё-таки девятьсот метров). Первое, что меня поразило в указанной мне даче, была футуристическая картина. А затем всё оказалось превосходно: дача просторная, элегантно обставленная, комфортабельная, с великолепными печами, с библиотекой, с портретами Шопенгауэра и картами звёздного неба. Мы были в диком восторге, когда её нам сдали на год за сорок тысяч марок (цену, которую мы приблизительно имели ввиду ещё в Нью- Йорке), хотя несомненно за неё можно было дать и восемьдесят, и сто двадцать. Хозяйка, немка, замужем за французом, и её совладелец, брат, Keil, женатый на красавице еврейке и автор картины, оказались крайне утончёнными людьми. Словом, мы нашли лучше, чем могли подумать, и вернулись в Мюнхен с тем, чтобы через три дня водвориться в наш «дворец».

Миллер приехала в Мюнхен через несколько дней после меня и поселилась в другом отеле. Хотя у неё была виза на две недели, ей удалось получить разрешение находиться в Баварии на неопределённое время, и Миллер была страшно довольна, так как ни за что не хотела возвращаться в Ригу. Но с Миллер я не забыл Linette и даже скорее понял, насколько Linette тоньше Миллер.

Первого апреля мы с Б.Н. въехали в нашу дачу. Хозяева держали себя деликатно, незаметно, кончали свои дела и через несколько дней уехали. Дача была

[5] Т.е. потерявшим корни, от dépayser (фр).

[6] Скрипичная плоть.

восхитительна, мы не могли нахвалиться - тихая, просторная, «эстетичная». Жаль, что не было тенниса и негде летом будет купаться. Трудно было найти и инструмент: ни в Мюнхене, ни здесь. Я доканчивал переложение Концерта и, за неимением рояля, ходил упражняться к парижским и лондонским выступлениям к соседу- лавочнику.

Событием было появление контракта от Miss Beirne, той дамы, которая была у меня накануне отъезда из Нью-Йорка на предмет постановки «Апельсинов». Она обещала телеграфировать ещё в Париж, но не сдержала слова. А тут был форменный контракт, длинный и сложный, и в довершение всего подписанный. Я провёл несколько дней в его изучении и пришёл к заключению, что он может сделать меня богатым человеком. Однако несколько пунктов всё же надо исправить и попросить аванс. В этом смысле я и написал, а также послал кабель[7], оставив подписанный ими, но ещё не мною, контракт в своём письменном столе.

Пятнадцатого я отправился в Париж играть с Кусевицким 3-й Концерт. Исполнение произошло в Grand Opéra очень парадно: весьма важно, что мой парижский дебют начался при подобной обстановке. Успех был отличный и много вызовов. После концерта ужин: Кусевицкие (он пил со мной на «ты»), Стали и Фру-Фру, появление которой было очень эффектно. Она недавно приехала из Калифорнии. Затем, повидав на другой день Дягилева, который сказал, что он снял на будущий сезон в Париже театр на девять месяцев и намерен заказать мне оперу на лермонтовскую «Казначейшу», я переплыл Ла-Манш и очутился в Лондоне, где тоже имел быть мой пианистический дебют - с Коутсом. Между репетициями в Лондоне я немного отдохнул от парижской сутолоки, так как в противоположность Парижу, у меня в Лондоне было мало знакомых. 3-й Концерт имел здесь ещё больше успеха, чем в Париже, чего я никак не ожидал от холодных англичан. Вызывали меня раз шесть-семь и даже Коутс заставил меня против правила сыграть на бис.

На другой вечер я уже был в Париже, где от Дягилева узнал приятную новость - что «Шут» возобновляется этой весной (значит и деньги). Но мама меня огорчила: поехали мы с нею к доктору Манухину, нашей знаменитости, и он прощупал у неё опухоль, не исключающей возможности рака. Он сказал, что это хорошо, что мы направимся в Мюнхен, ибо там ей могут применить радий и икс-лучи, которые пресекут болезнь в самом зачатке.

На другой день мы выехали в Мюнхен, где мама, посетив профессора Штубенрауха, осталась в Красном Кресте на недельный курс лечения рентгеновскими лучами и радием, а я вернулся в Этталь.

Как хорошо было в деревне! Эттальская весна была любезна ко мне и за две недели моего отсутствия не подвинулась вперёд. Но зато с первого мая начался расцвет: «La nature tombe en ivresse»[8], - по словам нашего хозяина Dr.Keil'n. Вследствие высокого положения Этталя весна здесь позднее. Две недели назад, в окнах вагона я видел цветущие вишни и яблони от Мюнхена до самого Ла-Манша, а здесь всё это произошло теперь, на моих глазах, в мае.

Миллер жила в Мурнау, куда я ей посоветовал переехать из Мюнхена. Мурнау
- маленький городок в часе езды от Этталя. Я навещал её дня через три-четыре. Сначала Миллер переводила на немецкий язык мои романсы, даже «Три апельсина», и наклеивала в тетради рецензии, которых накопилось множество.

Между тем, я засел за klavierauszug[9] «Трёх апельсинов». Хорошо было их выпустить на предмет американского контракта, кстати и издательство сообщило,

[7] Телеграмму.

[8] Природа впадает в буйство (фр).

[9] Переложение партитуры для фортепиано.

что если я быстро сдам им рукопись, то они к июлю изготовят. Литография клавира Чикагской оперы была сделана с моих первоначальных эскизов, и потому он был совершенно неудобоиграем. Надо было сделать заново весь клавир, вписать русский и французский текст. Словом, я решил, что работа будет на месяц. Так приблизительно и вышло (шесть недель), но я никак не ожидал, что работа будет такая жёсткая: часов шесть-семь почти каждый день. А между тем Америка молчала!

По вечерам с Б.Н. играли в шахматы. Я выиграл два матча, один - серьёзных партий, +5-2 = 2, другой из партий a tempo: + 100 - 40.

Другой конкурс имел несколько средневековый характер, это был матч сонетов. Б.Н. в Нью-Йорке разыскал томик сложных и строгих сонетов Hérédia и перевёл около десятка, причём ужасно важничал, что одолел такую вещь, говорил, что многие поэты ломали себе на Эредиа ногу. Я посмотрел и нашёл - что за ерунда! Конечно, сонет перевести можно. И вызвал его на матч: кто лучше переведёт десять сонетов из Hérédia. Конечно, переводить тоже в форме строгого сонета, сохраняя ту же рифму, что в подлиннике. В жюри я выбрал Бальмонта, Б.Н. - Северянина, и было решено, что мы будем посылать им сонеты на пишущей машинке переписанные так, чтобы было неизвестно, который чей, а те будут ставить отметки, каковые мы будем складывать. Получивший большее число очков выигрывает состязание.

Это было задумано ещё в апреле, а в мае три сонета уже поехали к судьям. Первый ответ был от Северянина с массой пикантных примечаний. Волнение чрезвычайное. Я выиграл на несколько пунктов. Затем последовал приветственный сонет от Бальмонта. Это уже совсем придало помпу нашему состязанию. Наконец появились отметки от Бальмонта, к сожалению без примечаний, как у Северянина, но выигрыш оказался тоже в мою пользу. Общая сумма очков за три сонета была: у меня пятьдесят восемь, у Б.Н. сорок девять. Б.Н. - прирождённый поэт - никак не ожидал такого афронта и даже были попытки прекратить состязание или ввести в него новые правила, но я заявил, что тогда составлю протокол его бегства с приложением таблицы отметок, и, отпечатав на машинке, разошлю его всем знакомым. Б.Н. подумал, возмутился - и состязание продолжилось.

Таким образом наступил июнь.

Мама, пробыв в Мюнхене неделю, присоединилась к нам, успокоенная, так как Штубенраух не нашёл ничего опасного. Переписка с Linette продолжалась. В начале июня она написала, что занятия её пением идут отлично, и в октябре она рассчитывает дебютировать. В июле, может быть, приедет в Этталь «недели на две, отдохнуть». Очень рад. Её не хватало в Эттале. Ей здесь понравится. Двенадцатого июня я кончил клавир к великой своей радости и облегчению, но вместо него стали приходить корректуры.

От Haensel`я и от Beirne ни слова, и таким образом надо было приготовиться к отсутствию американского сезона в будущую зиму. Однако имея Christophorus[10] на год и при здешних ценах, и при тысяче долларов на текущем счету можно было держаться довольно долго.

В июне меня порядочно заели корректуры клавира «Апельсинов». Так как его печатали довольно энергично, то корректуры приходили часто, пачками, страниц по тридцати, а так как я корректировал тщательно, «честно», то уходило на них немало времени. Только в половине июля дело закончилось. Однако, цель всей этой спешки постепенно меркла, так как Бейрн затихла, не возвращала контракта и ни о чём не извещала, а Haensel, который в это лето как раз путешествовал по Баварии и на час заехал ко мне, сказал, что действительно что-то назревало, но

[10] Название виллы в Эттале.

ничего не вышло.

Кончив с корректурой, я принялся за третий акт «Огненного ангела» шестого июля, который наметил прикончить в это лето. В самом деле - опера эта пережила перерыв в два года, а музыка вовсе не так плоха! Третий акт пошёл хорошим темпом и с большим увлечением.

В конце июля появился дирижёр Мангеймской оперы Клейбер, который откуда- то слышал о «Трёх апельсинах», и, проезжая мимо, пожелал познакомиться. «Три апельсина» ему понравились и он объявил, что принимает их к постановке будущей зимой в Мангейме, и что «интендант» театра вступит со мной на этот предмет в переписку. Впечатление он производил несолидное и молодое, и действительно, из этой постановки в конце концов ничего не вышло, хотя с интендантом я и переписывался и даже встречался в Мюнхене. Однако Клейбер всё же устроил мне рояль, который вскоре и привезли из Мюнхена, а то до сих пор мне удавалось нанять такую дрянь, что еле можно было играть.

Лето было прохладное и дождливое. Говорят, так во всей Европе и даже в Америке, но мы всё же поругивали Этталь за климат. Впрочем, было много клубники, смородины, крыжовника и прочего. Мама и Б.Н. варили варенье и делали наливку.

Остались мы в это лето и без купания, так как ближайшее озеро было около Мурнау (где жила Миллер), и доехать туда и обратно значило потерять день. Миллер оказалась милой и преданной, тщательно переводившей на немецкий язык мои романсы и даже оперы, но места в моей жизни она занимала чрезвычайно мало.

С половины июля Б.Н. и я заиграли в теннис, так как мальчишки из монастырской школы (привилегированной и очень благоустроенной) уехали на каникулы и очистили место: при школе был теннисный корт и директор разрешил нам играть. Играли мы с огромным удовольствием, хотя и неважно, но под конец немножко подтянулись. Б.Н. меня бил (чему очень радовался). Давая вперёд пятнадцать, он всё ещё выигрывал, давая тридцать - проигрывал. Зато шахматный матч (из лёгких партий) кончился снова моей подавляющей победой. Матч игрался в июле и августе до ста партий. Я выиграл сто, Б.Н. тридцать четыре. Так как происходили бурные ссоры из-за обоюдных обвинений в долгом думанье, то были выписаны контрольные часы, а мною придумано превосходное правило: тот, кто думает больше другого на пять минут, проигрывает партию, (вернее, его противнику просчитывается очко, а эта партия продолжается). Это правило тем хорошо, что не определяет скорости игры, но если один начинает играть скорее, то он тянет за собой и другого. Сонетное состязание шло с успехом в мою пользу. Игорь Северянин прислал превосходные примечания. Но Б.Н. тянул, ленился переводить сонеты и состязание затягивалось. Вообще, ленность его и «лежание пузом в потолок» не имеет границ, и это часто вызывало во мне взрывы возмущения.

Фру-Фру очутилась на одном из германских курортов, намекала на Этталь, на маленький заезд, но я ждал Пташку[11] - и визы не дал. Пташка приехала только седьмого августа, из Милана через Швейцарию. Я её встречал в Мюнхене. Она очень похорошела, вообще оказалась гораздо лучше, чем я думал. Я был чрезвычайно доволен её приездом. Christophorus оживился. Мы втроём с Б.Н. совершали поездки, делали восхождение на вершины, смотрели Oberammergau'ские Passionenspiele (представление длится восемь часов), которые произвели-таки впечатление. Б.Н., несмотря на восьмичасовое представление, сказал, что пойдёт ещё раз, но по лени не пошёл.

[11] Прозвище Linette, данное ей С.Прокофьевым.

В конце сентября с Пташкой присоединились к Сталям и в их автомобиле совершили поездку из Штутгарта через Schwarzwald и Рейн в Эльзас. Перевалили через Вогезы, которые в осеннем уборе были ослепительны, и спустились в долины Франции. Поездка была чрезвычайно приятна, а со Сталями у меня отличные отношения, и я их очень люблю.

В сентябре я писал четвёртый акт «Ангела» и размечал сюиту для «Шута». Вчерне она была уже намечена во время весеннего пребывания в Лондоне, теперь же приписывались кончики и спаивались отдельные куски. Сюита получилась предлинная: двенадцать частей, более тридцати минут в целом. Но я предпочёл использовать всё лучшее из балета, а если дирижёру будет слишком длинно - может играть не полностью. Это я даже помещу на первой странице.

К сентябрю относится необычайное увлечение Андреем Белым, именно его «Первым свиданием». Я выписал эту книжку, многое мне понравилось, но показалось слишком путаным. Через месяц я взял книжку во второй раз, и тут стал открывать одну красоту за другою. Я позвал Б.Н., он начал вчитываться, встрепенулся, и через день мы были влюблены: «Первое свидание» не сходило со стола, цитаты из него так и сыпались. Даже Пташка знала первую страницу наизусть. Через месяц Б.Н. знал наизусть всю поэму.

Четвёртого октября я закончил четвёртый акт, написав сцену Мефистофеля с Фаустом с большим удовольствием. Затем «Ангел» запнулся, так как надо было хорошенько продумать либретто и вообще построение пятого акта, дело очень трудное и ответственное. Это не то, что работа, к которой можно подсесть со свежей головой и спокойно её делать - тут надо было думать, думать, и ждать момент, когда вдруг придут идеи.

Пташка уехала в Милан седьмого октября. Её голос развился и вышколился, надо было ещё позаняться - и постараться достигнуть сцены. Но это свидание нас очень связало, да и Пташка развилась, похорошела и во всех отношениях много подвинулась в лучшую сторону.

На другой день после Пташки уехал в Берлин Б.Н. После пятилетней работы с прохладцей - у него всё-таки накопился том стихов. В Берлин как раз приехал Игорь Северянин, с которым Б.Н. очень дружен. Б.Н. рассчитывал, нельзя ли через Северянина, который, конечно, знает всех издателей, напечатать этот том.

Мы остались с мамой вдвоём. Здоровье мамы пошатнулось за этот год: случались сердечные припадки. Доктора говорили: ничего не поделаешь: машина расшаталась, починить - не починишь, а надо покоить и беречь.

В сентябре мне начал писать из Берлина какой-то Зальтер, оказавшийся по справкам довольно крупным театральным дельцом, энергичным и жуликоватым.

Он предлагал мне подписать с ним контракт, передавая ему права на представительство «Трёх апельсинов», за что он обещает к будущему июлю поставить «Апельсины» на шести (!) сценах. 20% с германских сцен и 30% с прочих поступают за это в его пользу. После некоторой переписки состоялось свидание с его сыном и соучастником в деле, и я подписал контракт, исключив из его компетенции Америку, Францию, Дягилева и несоветскую Россию. Конечно, если бы ему удалось, то было бы здорово (снова «Апельсины» воскресают), а если нет, то ни он, ни я ничем не рискуем. Я лично не верю, что у него выйдут шесть (!) сцен, слишком трудно впихнуть такую трудную оперу в шесть театров, особенно при теперешней прижатости Германии. Вероятно, дело кончится тем, что к будущему июлю он достанет одну-две сцены и (хотя после этого контракт должен нарушиться) попросту не нарушить его, а предложить совместную работу. Что же, и две сцены в сущности кое-что!

Во второй половине октября я отправился в Париж играть у Кусевицкого 3-й Концерт. После апрельского успеха - реангажемент. Успех был отличный: Париж

меня любит. Впрочем «Марш» и «Скерцо» из «Трёх апельсинов», сыгранные в тот же вечер (и которые весною Кусевицкий, играя в Лондоне, бисировал) здесь прошли незаметно. Мне самому «Марш» почти не понравился, - а как великолепно звучал в Чикаго, в опере! Через день (двадцать шестого) был реситаль с Дивой. Программа по изобретению Сталя: Мусоргский - Прокофьев. Вообще со Сталями дружба, остановился я у них и называют они меня «notre fils adoptif»[12] (Дива на год моложе меня). Она отличная певица и очень хорошо спела «ахматки». Я играл «Картинки с выставки» Мусоргского и мои мелкие вещи с «Токкатой» под занавес. Успех был огромный и зал (небольшой) полон. В артистической масса народу, знаменитостей, поздравлений: Бальмонт, Бакст, Ларионов, Гончарова, Милюков. Среди других Н. Mac Cormick с новой женой Ganna Walska, знаменитой красавицей. Б.Н. её знал ещё десять лет назад, в Петербурге и Киеве, почти шансонетной певицей. Постепенно она выходила замуж за более богатых людей и наконец завершила цикл Mac Cormick'ом. У неё небольшой голос, и она сгорает от желания сделаться артисткой (выступала в Америке, но малозаметно). Она сидела с Mac Cormick'ом в первом ряду, размашисто хлопала и, придя в артистическую, звала завтра к себе. На неё, вернее, на её амбицию, соединённую с миллионами, возлагают надежды дюжины музыкантов и предпринимателей (Дягилев в том числе). На другой день я был у неё, около получаса мы весело болтали, но никаких деловых разговоров не было.

Из Парижа я решил возвращаться домой, сделав маленький крюк через Берлин, куда ехали Кусевицкий, Дягилев, Стравинский. Ксатати, я хотел познакомиться с моим Зальтером и повидать Сувчинского. Дягилев заговаривал со мной о коротком балете без сюжета, т.е. о «танцевальной симфонии» длиной минут в двенадцать, к которой будут придуманы танцы. Это интересовало меня.

В Берлине я провёл несколько очень интересных дней. Во-первых, я был очень рад увидеть Сувчинского, с которым мы виделись каждый день. Я его познакомил с Дягилевым и Дягилев очень заинтересовался его мнениями и взглядами. Дягилев был мил и почти каждый день приглашал нас ужинать. За ужинами ещё присутствовали Стравинский, Маяковский, Челищев (молодой художник).

Между прочим, ещё в Париже я играл Дягилеву по его просьбе «Игрока» и «Три апельсина», а Дягилев снова произвёл на меня атаку, что я пишу оперы. Стравинский поддерживал его, говоря, что я на ложном пути. Произошла громоносная схватка с ужасными криками. Я сказал Стравинскому, что всегда очень ценю его указания в инструментовке, считая его мэтром, но что указывать пути он не может, так как сам способен ошибиться. Стравинский, который глубоко убеждён, что он угадал истинные пути искусства и что прочие пути ложны, безумно разгорячился, стал страшно кричать, подпрыгивая как воробей. Смысл его речи был тот, что нельзя отделять инструментовку от другого: или он во всём мэтр, или я не понимаю его. Чтобы его извести окончательно (меня этот «орёж» интересовал главным образом с внешней, так сказать театральной, стороны), я ему закричал: «Да как же вы можете мне указывать путь во времени, когда я на девять лет моложе вас и, следовательно, на девять лет впереди вас! Мой путь настоящий, а ваш - путь прошлого поколения!» Что тут поднялось, трудно передать. Нас еле развели. Впрочем, это не помешало нам выйти под ручку и затем встретиться в Берлине, куда он приехал на два дня позднее меня, очень дружественно.

Довольно интересной встречей в Берлине была встреча с Маяковским. Маяковский который ужасный апаш (я всегда боюсь: а вдруг ударит? так, ни с того ни с сего), очень благоволил к Дягилеву, и они каждый вечер проводили вместе, яростно споря, главным образом о современных художниках. Маяковский,

[12] Наш приёмный сын (фр).

который, конечно, ничего не признаёт, кроме своей группы художников-футуристов, только что приехал из России и имел ввиду заявить миру, что мир отстал, а что центр и будущее в руках московских художников. Их выставка как раз была открыта в Берлине. Но тут в Дягилеве он нашёл опасного оппонента, ибо Дягилев всю жизнь возился с новым искусством и знал, что за последнее время сделано заграницей; Маяковский же просидел все последние годы в Москве, а потому никакой его нахрап не мог переспорить веских доводов Дягилева. Дягилев под конец даже стучал руками по столу, наседая на Маяковского. Следить за этими спорами было очень любопытно.

Я держался с Маяковским очень сдержанно, но он ко мне явно благоволил и почему-то априорно не любил Стравинского. Его попытки доказать Дягилеву, что я настоящий композитор, а Стравинский ерунда, тоже оказались неубедительными, так как и тут для аргументаций Маяковский был недостаточно вооружён. Зато чем Маяковский одержал истинную победу, так это своими стихами, которые он прочёл по-маяковски, грубо, выразительно, с папироской в зубах. Они привели в восторг и Стравинского, и Сувчинского, и Дягилева; мне они тоже очень понравились. Вся группа нередко соединялась, чтобы ругать меня хором за то, что я пишу на Бальмонта и Брюсова. Я, чтобы подразнить Маяковского, скромно прибавил: «Вот я ещё на Ахматову написал», - на что Маяковский ответил, что иногда приятно похвастаться, что вот, мол, вы все говорите мне одно, а я делаю другое! Но мои поэты так плоски, что и хвастаться тут нечем. Дягилев вожделенно поддерживал Маяковского.

С Сувчинским мы навестили Белого (я ездил на поклон после «Первого свидания»). Белый был тронут, жаловался на Берлин («По мне тут мостовую мостят!») и сделал восторженный вид, когда я стал звать его погостить в Ettal. Обещал приехать через две недели, но не сдержал слова.

Зальтера я видел лишь мельком, у Кусевицкого. Он говорил, что Смоленс ему постоянно играет «Три апельсина», но о ходе своей пропаганды не обмолвился ни словом. Вообще, произвёл впечатление хитрое и ненадёжное. Того же мнения и Кусевицкий: «Пальцев в рот Зальтеру не кладите - откусит!»

Кусевицкий дирижировал в Берлине Концерт и дал «Скерцо» и «Марш» из «Трёх апельсинов». Очень глупо начинать в Берлине с таких пустяков, но у Кусевицкого была полна программа: «Скифскую» не втиснешь. Я сидел в ложе с Mme Кусевицкой, Дягилевым, Лурье. К последнему я поворачивался спиной, конечно, не как к большевистскому комиссару, а как к дрянному композитору, который «тоже куда-то лезет». Мои отрывки прошли без особого успеха. Внизу около вешалки, когда мы собрались ехать ужинать, Дягилев, Сувчинский и я, увидел в нескольких шагах тоже одевавшуюся Нину Мещерскую. Наша компания была шикарна, в смокингах (в Берлине не одеваются). Н.Мещерская была с двумя дамами, держала себя скромно. Заметили друг друга, но не подали виду, хотя я разговаривал громче, чем полагается.

Встреча с Ниной произвела на меня некоторое впечатление, но за ужином явилась другая новость. Я по какому-то поводу заметил, что Боровский получил ангажемент в Южную Америку. Сувчинский сказал:

- Да, да, женится и уезжает в Аргентину.

Я удивился:

- На ком же?

- На какой-то Барановской.

- Какой Барановской?!

- На Марии Викторовне, она очень интересная женщина.

Я был потрясён: как раз на концерте Боровский сообщил мне, что Фру-Фру в санатории под Берлином, и предложил мне на другой день съездить вместе её

навестить. Выйдя вместе с Сувчинским, я взволнованно говорил ему, что это невероятная вещь, что я близко знаю Марию Викторовну и что это совершенно невозможная вещь, чтобы она вышла за потного Боровского. Сувчинский ответил:

- Вот я боюсь, что вы завтра поедете спасать её, да сами и женитесь.

Я успокоил его и на другой день с Боровским поехал к Фру-Фру. Боровский был почтителен, любезен, не позволял мне платить за билет и, доставив меня к Фру-Фру, моментально исчез под каким-то предлогом. Фру-Фру была в восторге от моего приезда, а то она, не зная о существовании Linette, не понимала мотивов моих уклонений от её приезда в Ettal. Затем она спросила:

- Ну что ж, Прокоша, вы ещё не собираетесь жениться?

Я ответил:

- Пока нет.

Тогда она несколько туманно объяснила, что, может быть, для разнообразия она выйдет за Боровского.

Мне было очень трудно говорить ей да или нет, одобрять или порицать. Конечно, если бы я пошёл по пути, испугавшем вчера Сувчинского, то Фру-Фру была бы моей в два слова. Но так как у меня этого и в мыслях не было, то имел ли я право порицать её: ведь она лежала со своими туберкулёзными почками совсем одна. Могла, может, скоро умереть. Боровский же был влюблён в неё безумно - лучшей няньки не придумаешь. И всё-таки Боровский, несмотря на свой несерьёзный вид и иногда проскальзывавшую пошлость, был очень знаменит: тут и Южная Америка, и круг интересных людей. «Он лепкий, как воск» - говорила Фру-Фру, - «и из него можно всё вылепить». Это в ответ на моё замечание о его несуразности.

Я спросил:

- А вас не смущает выйти за еврея?

Она ответила, что еврейские мужчины лучше относятся к женщине, чем славянские, - славяне все мучители.

Фру-Фру трогательно заключила:

- Да кроме того, раз Прокоши нет вблизи, то, выходя замуж за Боровского, я могу постоянно слушать музыку Прокоши.

Я её поцеловал. Затем пришёл Боровский, разговор перешёл на другое, и он проводил меня на вокзал.

В Берлине за эти три-четыре дня было столько впечатлений, что я кажется никогда не кончу о нём.

Сувчинский читал мне своё «Движелище», сценарий оперы, задуманной в самом что ни на есть современном стиле. Очень интересно, хотя грандиознейшая работа. А я ещё «Ангела» не кончил.

Наконец пятого (кажется) ноября я вернулся в Этталь и был счастлив после толкотни попасть в тишину. Можно было вновь приняться за работу, накопились письма, запылилась шахматная доска. Сонетное состязание дошло до седьмого сонета с неизменным очком в мою пользу, как от Игоря, так и от Бальмонта. После седьмого сонета я был настолько впереди, что выиграть состязание Борису Верину не представлялось возможным. Он долго оттягивал продолжение, а затем заявил, что сдаёт матч. Победить поэта - недурно! Если бы я был не композитор, я, вероятно, был бы или писателем или поэтом. Одно достоверно: я пишу стихи лучше, чем это делал Чайковский.

Мысли о Linette. Привязанность больше, чем раньше. Этот приезд её сыграл большую роль. Мысль о женитьбе ещё не окрепла, но чуть крепче, чем раньше.

24 ноября

Пятый акт сегодня не клеится: не ясен выход Инквизитора и тон его речи.

Вследствие этого плохое настроение. Корректирую клавир 3-го Концерта. Гуляю. Снег по колено, погода солнечная, вокруг удивительно красиво. Тишина. Даже слишком тихо. Б.Н. отпросился в Берлин на четыре дня, но вот уже завяз на неделю и не подаёт духу - подумаешь, как красиво! Пташка тоже не пишет. Вечером читал «Старика» Горького. Очень талантливо. Как смеют все политики правого, провалившиеся по своей специальности, безумно щёлкать зубами на Горького, талантливейшего и гуманнейшего человека?

25 ноября

Проталкиваю пятый акт. Решил пропускать то, что не выклеивается, и идти дальше. От Пташки открытка, очень нежная. Я начинаю слишком много обращать внимания на Пташку.

26 ноября

Переделал Инквизитора, дошёл до стуков. Иногда кажется, что всё начало пятого акта очень хорошо, иногда - что скука. От Б.Н. всё никаких известий, мама начинает беспокоиться. Вообще в теперешней тишайшей жизни главное событие почта. Цедербаум сообщает о приглашении меня к Pasdeloup. Париж вообще относится ко мне милее всех городов. Платят мало - полторы тысячи франков, в Америке и не посмотрел бы, но при жизни в Германии - это весьма значительное кое-что. Читаю «Goha le simple» Adès'a. Нравится. Читал рассказы Эренбурга - плохо. «Лик войны» его же - лучше.

27 ноября

Письмо от Эберга. Опять доказывает мне, что я запутался в моём контракте с Зальтером. Разбирался в контракте, обдумывал, писал ответ, был несколько взволнован и задет, так как контракты - это в некотором роде мой point d'honneur, и меня очень задевает, если ошибаюсь. В общем, под флагом этого письма (да походом в Обераммергау за разменом денег) и прошёл весь день.

Сочинял чуть-чуть начало стуков в пятом акте. От Сувчинского длинное письмо, его впечатления от Стравинского. В связи с нападками Стравинского на меня и убеждения, что будто я иду по ложному пути, мне интересен взгляд Сувчинского, так сказать со стороны. В остроту взгляда его я верю.

28 ноября

От Б.Н. телеграмма. Думали приезжает - оказывается: «Prière télégraphier 50.000, position très compliquée»[13]. Надо сказать, что перед отъездом он почти силой взял у меня пятьдесят тысяч. Когда я спросил, зачем ему так много? - он ответил: «Для спокойствия». В конце концов пятьдесят тысяч - сумма небольшая, но что за манера - молчать десять дней, а когда приспичило - просить денег, не объясняя причины! Я ответил: « Vous envoie mille mark, revenez immédiatement 4-e classe»[14].

А вообще кроме этого развлечения болела голова, вероятно после вчерашнего писания писем. Надо мне начать вести статистику моих головных болей и принимаемых порошков.

Кое-что сделал в 5-й Сонате.

[13] Просьба выслать 50.000, положение очень сложное (фр).

[14] Посылаю вам 1000 марок, немедленно возвращайтесь 4-м классом (фр).

29 ноября

Можно было бы предположить, что моя телеграмма Борису Николаевичу была весьма эффектным ходом, то, что в шахматах называется ходом с восклицательным знаком. Но ответ пришёл с двумя восклицательными знаками: «Viendrai dimanche avec ma fiancée Munich»[15] - и опять просьба прислать пятьдесят тысяч. «Avec ma fiancée!» - вот так раз! После пятилетнего монашества!

Впечатление было весьма сложное и разнообразное. Стало жалко, что прежний Б.Н. канул в вечность. Смешно и грустно при воспоминании трагикомичной фигуры Боровского. Можно ли нам поселиться вместе? Мне остаётся жениться на Linette и венчаться в один день?!

Я ответил: «Vous êtes fou. Télégraphiez explication. Envoie argent»[16]. И послал деньги.

30 ноября

Объяснений от Б.Н. не поступило. Мама заметила: «Ну что ж, деньги теперь получил - не жди телеграммы». И увы, кажется, она права. Если бы я телеграфировал «Expliquez-vous. Enverrai argent»[17], - то сегодня у меня было бы объяснение, но не мог же я спекулировать на ста франках в момент криза поэта!

В общем, я недоволен его поведением.

Начал «проклинания» Инквизитора.

Дочитал «Goha»; очень ароматная книга.

А Пташка не пишет.

1 декабря

По хорошей погоде ездил в Мурнау. Вернулся в полпятого. Думал найти телеграмму от Б.Н. Не тут-то было. Мама, со своей материалистической точкой зрения, права: пока нужны деньги - пачка телеграмм; деньги получил - молчание.

Письмо от Сувчинского. Безумно ругает романсы, Ор.20, Мясковского, которые я ему послал. Во многом он прав, но романсы страдают главным образом не худосочием, а сомнительным вкусом многих мест.

2 декабря

День прошёл тихо. Подвинул «проклинания», делал корректуру. Злился на поведение Б.Н., готовил ему встречу на рога. Ещё злился, что Пташка не пишет. Думал о ней и не мог решить вопрос. По-видимому, идёт какой-то внутренний процесс созревания: от определённого «нет» дело дошло до качания - туда ли, сюда ли.

3 декабря

Телеграмма от Б.Н.: приезжает сегодня «один». Я не пошёл его встречать и решил, что лучше вместо орёжа выражать молчаливый протест. Потом за полчаса до его появления ушёл гулять в Обераммергау и прогулял два часа. Когда я вернулся домой, то он сидел у себя наверху и не показывался. На моём письменном

[15] Приеду в воскресенье в Мюнхен с моей невестой (фр).

[16] Вы с ума сошли. Сообщите подробности. Посылаю деньги (фр).

[17] Объяснитесь. Вышлю деньги (фр).

столе лежала записка, что он в ужасном состоянии, в его жизни что-то происходит, что он без конца извиняется и прочее. Я пошёл к нему наверх. Он действительно выглядел очень взволнованным, похудевшим, безумно извинялся, даже чуть ли не на колени встал около того кресла, в котором я сидел. Невеста? - Ирина Одоевцева, молодая петербургская поэтесса. Я даже огорчился. Однако подавил это чувство, решив, что я ведь «Ирэн» ещё не знаю, а может быть, раз Б.Н. так влюблён, и в самом деле что-нибудь очень интересное. Далее последовал рассказ про роман, безумная влюблённость, предложение, сомнения и отступление в Этталь после моей телеграммы «Vous êtes fou». Вот уж не ожидал, что эта телеграмма оказалась стаканом холодной воды! Теперь вопрос: выписать ли её в Этталь, пущу ли я, порвать ли, жениться ли - он теряет голову. Я сказал: прежде всего проживите три дня в Эттале и не телеграфируйте сгоряча. На этом и порешили, он повеселел и вечером играли в шахматы.

Белого он видел мельком, М.В.[18] совсем не видел - всё Ирэн.

4 декабря

Б.Н. ещё спал, когда пришла телеграмма от Ирэн. Впрочем, он спал до часа дня (в Берлине от любви не спал и не ел). Телеграмма гласила, что сегодня она приезжает в Мюнхен.

Энергично! Я сказал, что это гамбит Муцио, с пожертвованием коня. Б.Н. хотел сегодня же ехать в Мюнхен, я советовал поехать завтра и привезти её в Этталь, а сегодня послать телеграмму. Мы сели играть в шахматы, я шутя - гамбит Муцио. Звонок - и сама Ирэн. Б.Н. смущённо увёл её наверх, затем повёл меня представляться. Мне она не особенно понравилась: громко говорит и неприятная нижняя часть лица; верхней не видно под шляпой. Впрочем, элегантна и находчива. Вечером она мне понравилась больше.

От Пташки наконец письмо, нежное, но после трёхнедельного молчания можно было и нежнее. Я бы её помучил и тоже ответил через три недели, но через три недели Рождество. Может, если списаться, так она и приедет на Рождество?!

5 декабря

Письмо от Haensel`я: есть только один ангажемент: на девятнадцатое января, в Индианаполисе, четыреста долларов. Конечно, я не поеду, но есть маленькое «но». Я должен наиграть пять роликов в Duo Art по старому контракту. Я надеюсь, они согласятся, как это уже говорилось многократно, чтобы я сделал это в Лондоне. А если нет? Тогда лучше поехать наиграть их в Нью-Йорке. Но нет, слишком полупочётно ехать на один ангажемент, а если наиграть ролики в Лондоне не выйдет, можно их сыграть в Нью-Йорке будущей осенью, до осени же, Бог даст, как-нибудь дотянем.

Ирэн ничего, но не больше. Б.Н. шепнул, что своими разговорами она его уже утомляет, и что, вероятно, из всего этого ничего не выйдет. Стихи её не особенно нравятся мне.

Кончил корректуру (первую) 3-го Концерта.

6 декабря

«Огненный ангел» подвигается. На улице вьюга, навалило аршины снега. Писал Пташке ответ; продёрнул за молчание; рассказал про роман Б.Н.: звал на Рождество.

[18] М(ария) В(икторовна) (Барановская).

Ой, ой! Как бы этот приезд не кончился тем стихотворением, которое я написал Элеоноре перед моими fiançailles[19] с Ниной Мещерской!

О, соратник дорогой, Дел
галантных, дел лихих,
Плачьте, плачьте надо
мной: Я скончался, я -
жених!

Вечером Б.Н. читал вслух «Первое свидание» Белого, которое мы уже хорошо знаем. Какая изумительная, блистательная вещь!

Ирэн всё ещё у нас. Иногда немножко громко разговаривает, но очень не мешает. После полуночи, когда мама и я уже спим, они сидят с Б.Н. до четырёх. Б.Н. говорит, что бывают бурные объяснения и что она его «утомляет».

7 декабря

Довольно толстая почта. Письмо от Держановского: разыгрывали мой «Гавот», Op.32, просочившийся в Москву, и «очумели». На Кузнецком открывается новый магазин «Книга», где целая витрина будет посвящена мне.

Ещё письмо от Игоря Северянина: просит взаймы. Не могу. Дипломатически отклонил. Б.Н. переменился к нему, кажется потому, что Игорь издал последние свои книги в большевистском издательстве. Но Игорь дитя, и меньше всего ответственен в политических платформах.

Эти два дня свободнее: нет корректур.

11 декабря

Ирэн уехала. Каждую ночь они сидели и разговаривали до пяти-шести и даже восьми часов утра. Б.Н. жаловался на утомление, а небось на писание стихов не мог затратить такой энергии!

Я получил сюиту из «Шута», переписанную переписчиком из балета согласно моим указаниям. Засел корректировать.

Кроме того, надо сочинять и сынструментовать кончики для отдельных частей сюиты, которые у меня лишь более или менее в голове.

12 декабря

Исправлял сюиту. Приделывал концы.

Б.Н. вернулся с проводов Ирэн. Провожал в Мюнхен. Говорит, в последние часы она какими-то фразами его вновь зажгла. Свадьбы никакой. Я иронизирую: «Индийский брак?» Пока же ждёт телеграммы или письма.

15 декабря

Б.Н. умчался в Берлин. Добивался, чтобы я одобрил его поездку. Я не одобрил.

Меня злит: с апреля месяца он написал с полдюжины стихов среднего достоинства, пролежав остальное время в кресле, с кружкой пива, пузом в потолок. А теперь мы желаем кататься в Берлин и ухаживать. Меня поражает, как человек, во многих отношениях работающий над своим совершенствованием, не чувствует всей мерзости своего тунеядства! Написал бы он за это время тридцать сонетов -

[19] Помолвка (фр).

и был бы прав в своей берлинской гонке.

16 декабря

Письмо от Элеоноры, взволновавшее меня: она устанавливает старый факт, но насчёт которого я всё ещё не был уверен, ибо ещё недавно Сувчинский и Лурье в Берлине утверждали мне обратное, - именно, что мои рукописи и бумаги из квартиры на 1-ой Роте не были спасены Асафьевым, а погибли. Погибли: партитура 2-го Концерта (это ещё не так жалко, так как мама вывезла из Кисловодска клавир, кроме того, я всё равно хотел переделать и проинструментовать концерт - теперь только работы много больше); затем детские и юношеские сочинения - оперы «На пустынных островах» (девять лет), «Пир во время чумы» (двенадцать лет), Симфония g-dur (одиннадцать лет); вероятно, толстая, переплетённая в чёрную клеёнку, тетрадь с фортепианными пьесами (свыше семидесяти) возраста тринадцати-семнадцати лет (из неё тема «Марша» Ор.12); затем тетрадь дневника от сентября 1916 по февраль 1917 (ибо у меня сохранилась предыдущая и последующая); год или два года моей переписки, аккуратно подобранная для переплёта, как это делалось с другими годами; возможно, несколько годов моих писем к отцу возраста пятнадцати-семнадцати лет; рассказы и театральные пьесы, писанные в детстве; книжка с ребусами моего сочинения и моими проектами вычислений боевого коэффициента для броненосцев (возраста тринадцати лет, увлечение времён японской войны); шахматные партии турниров, игранных мною в Петербургском Шахматном Собрании, и мои партии в сеансе одновременной игры: выигрыш у Капабланки и ничья с Ласкером - две моих знаменитых победы. Вероятно, я ещё многого не упомню: многое ещё вспомнится, многое уже забыто навсегда. Погибли фотографии: родителей, мои - детства и юношества. Макса Шмидтгофа, Захарова, Тони Рудавской. Но из всего мне больше всего жалко тетрадки дневника, затем писем, затем партий против Ласкера и Капабланки. И в самом деле: вся музыка 2-го Концерта осталась, детские сочинения мне не так дороги, ибо в них я - не я, главный же тематический материал я помню и запишу «для биографии». Дневник же ужасно жалко, ибо было много интересного: это была последняя моя зима в Петрограде, постановка «Игрока» и, в сущности, большой расцвет. С осени 1916 задержка с перепиской партий «Игрока». Так как это было в ведении Малько, то, говорят, Малько, обидевшись, что ему не дали дирижировать оперой, тянул переписку, что привело к ряду громких ссор с ним. Затем начало фортепианных репетиций. Дранишников, в то время репетитор, ныне, кажется, дирижёр, зудил с певцами; я присутствовал, но больше сидел в курилке и играл в шахматы с певцами. Вообще хождения в Императорский театр молодого композитора, только что написанная опера которого там репетировалась, были минутами радостными. Оркестровых репетиций было только две или три: первый и второй акты - я страшно интересовался, как звучит моя оркестровка. Не помню, был ли проигран третий акт; четвёртый не был. Затем мои концерты в Киеве и Саратове. Возвращение из Саратова глухой зимой, среди метелей и заносов, в «товарную неделю» военного времени, в вагоне первого класса, прицепленном к товарному поезду, тащившемуся несколько дней, в компании с милейшим А.И.Скворцовым, впоследствии расстрелянным большевиками. Непосредственно за Саратовом концерт в Москве (устроенный Музыкальным Современником во главе с Сувчинским). Концерт торжественный, вся музыкальная Москва: Кусевицкий, Рахманинов, Метнер, Бальмонт. Рахманинов сидел каменный, как идол; Метнер сказал свою знаменитую фразу: «Или это не музыка, или я не музыкант». После концерта ужин у Т.Н., сестры Б.Н., у которой я остановился, с Бальмонтом, Сувчинским и Асафьевым. Я говорил Бальмонту (которого тогда совсем мало

знал), что хочу писать «Семеро их», и Бальмонт отвечал: «Вы смелы». В эту же зиму премьера «Осеннего» у Зилоти, повторение «Скифской сюиты», с огромным успехом, превзошедшим успех игравшего непосредственно перед тем Рахманинова свой 2-й Концерт. Рахманинов прослушал «Сюиту», стоя в проходе Мариинского театра, и сказал (так мне передавали): «Я не понимаю этой музыки, но чувствую, что она талантлива». В эту зиму мой первый целый концерт в Петрограде (камерный, у Зилоти) и скандал Сабанеева, моего врага, провравшегося со «Скифской сюитой».

Из романтической области: история с Полиной Подольской, за которой мы с Максом неудачно ухаживали ещё четыре года назад, когда она была прелестной, толстой 14-летней девчонкой. В осень 1916 года она вдруг сама мне написала, - воскресли отношения, а когда я играл в Киеве, она из Харькова заказала цветы, которые мне подали на концерте. Это произвело такое впечатление, что я, вместо возвращения в Петроград, махнул на два дня в Харьков, к великому недоумению Глиэра. Затем переписка с Полиной и её приезд в Петроград ко мне в гости, на Масленицу. С этого места и начинается следующая тетрадь дневника, которая сейчас со мною в Эттале. Но переписка погибла за всю первую половину 1917 года. Погиб и дубликат моего письма к Полине, когда та не поехала вместе со мной по моему сумасшедшему плану в Гонолулу. Отрывки из этого гневного письма у меня до сих пор в памяти: «Итак, Полина, всё проверено и взвешено с точностью, достойной не только медички, но целой аптекарши, и Вы, солидная и прозаичная, уезжайте в «новый» город Таганрог! И когда, глядя в окно на свиней, роющихся в грязи таганрогских улиц, вы станете думать о широте ваших взглядов, то знайте: слышны вы мне будете в этот момент!» - и так далее, всего письма не помню, но написано оно было не чернилами, а ядовитой слюною.

Сейчас, погрузившись в эти воспоминания, я несколько отошёл, а вначале, при получении письма от Элеоноры, очень злился: и на Асафьева, не сумевшего вовремя спасти бумаги, и на подлеца Лурье, якобы не давшего ему на то разрешения (имея власть), и на Сувчинского, вселившего в мою квартиру своего «верного управляющего», пропавшего без следа и бросившего квартиру на ветер[20].

Теперь, успокоившись, унял гнев: сердись - не сердись, всё равно давно уж прах сожжённых рукописей ушёл по ветру! Лучше точнее узнать, действительно ли цела моя рукописная партитура «Игрока» (я думал, она погибла у Тюлина, и осталась лишь копия, как это пишет Элеонора, и нельзя ли её выцарапать сюда для переделки и превращения «Игрока» в менее взъерошенную оперу).

17 декабря

Вспомнил, что ещё погибло на 1-й Роте. Погибла «Священная жёлтая книга», в которую мы с Максом в 1912 году записывали наши любовные похождения - очень детские и невинные. В дневнике погибли заметки о чтении с Б.Н. Шопенгауэра, начав с «Афоризмов житейской мудрости» и продолжая «Миром как воля и представление». В ту зиму я часто бывал у Б.Н. и мы проводили вечера за чтением Шопенгауэра. Это чтение меня очень увлекало и углубило. Оно породило лето 1917, проведённое в одиночестве, - и «Семеро их» было результатом.

Письмо от Пташки, очень нежное. Её томило, что я отпустил её из Этталя, не сказав ничего.

Я написал ей, что очень люблю её, жду на Рождество и что теперь мы не должны

[20] На самом деле часть этих документов сохранил Н.Я.Мясковский, а в 1927 году, будучи в Москве. С.Прокофьев их взял у него и увёз заграницу (см. записи от 20 марта и 25 ноября 1927 года). (Прим. ред.)

так часто расставаться, но что всё же пока ещё в браке я боюсь мглы любви.

18 декабря

Много занимался, делая кончики у номеров сюиты из «Шута» и проверяя переписчика. Писал Держановскому. Настроение хорошее. По вечерам читаем с мамой «Хулио Хуренито» Эренбурга. Много остроумного, но всё это какая-то накипь современных мировых неурядиц.

19 декабря

Продолжал вчерашние занятия. Хочется поскорее кончить и развязаться с сюитой. Подождал Б.Н., но он традиционно не сдержал слова: и не приехал, и телеграммы не прислал. По приезде будут талантливые отговорки.

Письмо от Цедербаума, который с Кусевицким в Барселоне. Кажется, мне будет там концерт. Это страшно приятно: Испания очень музыкальная страна, а пезета хорошо меняется. Кроме того, в случае успеха в Испании всегда можно иметь множество концертов.

20 декабря

Просидел шесть часов и кончил поправлять сюиту из «Шута». 195 страниц мелкой рукописи переписчика, который, как и все переписчики, иногда фантазирует. Надоело. В глазах рябит.

От Б.Н. телеграмма: «Viendrai dans quelques jours»[21]. Хочет независимость свою показать! Вообще за месяц он с очаровательными восклицаниями «Какой вы незаменимый друг!» прокутил мне четыреста франков (двести тысяч марок). Лучше бы Маяковскому посылку с новым костюмом послать!

Надо сознаться, Б.Н. всё-таки не поэт. Скуден ключ! Но переводчик недурной, и не лучше ли ему идти на этот путь? Не есть ли лучшая заслуга Бунина - его перевод «Песни о Гаявате»? Быть может, мне надо такую позицию занять по отношению к Б.Н.

21 декабря

От Мясковского рукопись - четыре «Причуды» для фортепиано. Две совсем хороши, и я их долго играл. Удастся Барселона - сыграю.

Так как с сюитой «Шута» кончил, то принялся за «Огненного ангела», где застрял на скандале, который очень трудно не то что писать, но охватить. Дел полно, графический план (как при сочинении «Семеро их»), и дополнил текст, роясь в Брюсове.

Читал второй том Блока. Он лучше первого, который часто невозможно читать. Очень нравятся «Когда вы стоите на моём пути» и «Песня Фаины». Может потому, что это меньше всего Блок?

24 декабря

Сочельник обещал быть очень будничным: мы с мамой сидели вдвоём, от Б.Н. ни звука, и даже Пташка прекратила писать. Но вдруг в семь часов вечера явился Б.Н., телеграмма которого не дошла, а в девять часов вечера - Пташка. Это уж

[21] Приеду через несколько дней (фр).

вовсе неожиданно! Она тоже телеграфировала и телеграмма шла дольше, чем она ехала. Бедная девочка должна была целый час в темноте и по снегу лезть в гору, причём сын начальника станции тащил её чемодан. Я прямо не верил её приезду. Появилось шампанское и праздник разыгрался вовсю.

Вообще, всё Рождество прошло очень весело. Катались на саночках с эттальских гор.

1923

5 января

Составление шахматных задач для Пташки; Б.Н. угадывает, для неё трудно.

Имея 36 зубов от Хуссы, Он делал
страшные укусы.

13 января

Написал всю последнюю сцену Мефистофеля с Рупрехтом, и таким образом кончил «Огненный ангел».

Конечно, есть много мест несомкнутых, а пятый акт и вовсе сшит на живую нитку, но важно, что поставлена конечная точка, и, как выразился Б.Н., «броненосец всё-таки спущен на воду». Второе сегодняшнее событие - сегодня в Брюсселе и вообще в Бельгии в первый раз исполняются мои сочинения, во всяком случае крупная вещь - «Скифская сюита». Наконец, третье событие: мама довязала шарф, который она хочет послать в Пензу тёте Кате и который она вяжет уже с полгода. Словом, решили встречать русский Новый Год, что и сделали очень весело, выпив под полуночный звон монастырской башни бутылку шампанского.

14 января

От вчерашней встречи Нового Года болела голова. Пташка собирала вещи, так как ей давно пора в Италию - учиться. Там есть шансы получить ангажемент и выйти на дорогу певицы, а в Эттале всё проворонишь.

В шесть часов вечера мы оба выехали в Мюнхен по снегу и морозу.

15 января

Весь день с Пташкой пробегали по Мюнхену по билетным и визовым делам, а также по поводу ксилофона. Мы побывали в четырёх музыкальных магазинах, прицениваясь якобы к ксилофонам, и в трёх книжных, покупая якобы итальянские словари, но так и не узнали, есть ли в Италии что-нибудь вроде Silofono - или повсеместно - Xylophon. В одном магазине показали мне инструмент и сказали, что это германское изобретение, и потому только и правильно, что Xylophon.

В полдвенадцатого ночи Пташка уехала в Милан. Расстались нежно.

16 января

Поезд еле довёз меня из Мюнхена, ибо бурлила метель и мы несколько раз останавливались. Из Обераммергау шёл в Этталь пешком, увязая в снегу и утопая в метели, но, согреваясь подъёмом, не мёрз. Дома всё благополучно, только тише без Пташки. Семь писем. Боровский сообщает, что он играл мои сочинения в Барселоне с огромным успехом.

Переделал конец четвёртого акта. Вечером много играли в шахматы с Б.Н. Результат: 7-2. Дива пишет из Брюсселя, что «Скифская сюита» была встречена отлично.

17 января

Переделывал и дополнял пятый акт: обдумывал конец второго, который до сих пор ещё не существует. Писал письма. На улице по-прежнему бурная метель.

18 января

Подчищал «Огненного ангела». Кое-где налепил заплаты.

23 января

Из Америки два письма: Musical Courrier и Haensel интересуются, когда я смогу выплачивать по их счетам. Всё-таки у меня в Америке осталось счетов минимум на две с половиной тысячи долларов, и напоминание о них неприятно.

Ходил в Обераммергау и разменял пять долларов; получил девяносто пять тысяч марок. Подумать: здесь пять, а там две с половиной тысячи!

В Oberammergau приезжала Миллер - проститься. Уезжает в Ригу.

24 января

Сегодня - из Барселоны приглашение на два камерных вечера с каким-то виолончелистом (но мы к этому уже в Америке привыкли!), с очень удобной датой: между пятнадцатым и двадцатым февраля, как раз перед Парижем. Плата две с половиной тысячи франков + билет второго (!) класса, не Бог весть что, но при бедности и то хлеб. Обдумывал и писал длинный ответ.

Мысль: а ведь туда можно ехать через Милан, т.е. через Пташку! Дадут ли итальянцы транзитную визу? Другая мысль (уже вечером): а если не дадут, то я еду через Страсбург - Лион - Тараскон. Пташке вовсе не так далеко до двух последних пунктов, - и по дороге мы можем провести вместе два-три дня. Это привело меня в отличное настроение.

Сегодня результат в шахматы 4-1. а то последнее время Б.Н. усилился и результат был ровный.

25 января

Цедербаум пишет, что может быть у Кусевицкого весною будет хор и тогда он сыграет в Париже «Семеро их». В таком случае надо сделать клавир. А так как у меня с «Ангелом» - остановка (за последние дни много поотделал, а теперь надоело), то как раз время заняться этим клавиром. Немного поработал.

Писал письма. Письмо от Daniel`я: предлагает по пятьсот песет за серию из десяти концертов будущей осенью в Испании. Не много, но турне по Испании - приятно!

26 января

Хорошее настроение по поводу поездки в Брюссель и встречи с Пташкой продолжается. Ходил в монастырь и рылся в путеводителе. Какая сложная вещь - доехать до Брюсселя! Да и Пташке до Лиона не так просто.

Писал письма. Мешала голова, которая немного побаливала. Кое-что сочинял для финала 5-й Сонаты. Письмо от Мясковского, очень милое, хотя чуть-чуть любезно-сдержанное, в том стиле, как писал Чайковский Направнику. Я очень люблю Мясковского и рад, что мы вступили в контакт.

27 января

Начал перекладывать для фортепиано «Семеро их». Думал, что никак нельзя переложить, но оказывается, кое-что выходит.

30 января

Из Барселоны пишут: торопят начать хлопоты об испанской визе, поэтому немедля выехал в Мюнхен. По-видимому, мои сочинительские работы временно прекращаются, начинается вагабондажно[1]-концертная деятельность.

31 января

Мюнхенский испанский консул к удивлению дал визу сейчас же, «как музыканту». Пошёл к австрийцу - то же. Таким образом ещё итальянскую - и я поеду через Милан! Доллар - сорок пять тысяч, поэтому всё дёшево: купил себе шапоклак[2], пижаму, перчатки. Вечером выехал в Passau, городок при слиянии Дуная и Инна, около австрийской границы, где нам очень рекомендовали искать дом. Этталь кончается в апреле и мы ищем куда переселиться, так как несмотря на весь комфорт, в Эттале холодно, мало солнца, негде купаться и главное - кажется вредно для мамы.

Так как в Passau, говорят, все отели заняты, то остановился в Plattering'e, паршивом полугородишке, и ночевал в харчевне в комнате за двести марок, т.е. полцента.

1 февраля

Встал в пять. Темно, дождь. Поезда все перепутаны, так как вследствие занятия французами Рура и трудностей с углём, уменьшено движение на железных дорогах.

Побывал в Дегендорфе и Пассау. Дач для съёмки нет, но три агента, с которыми я говорил и которым обещал проценты, обещали сообщить через несколько дней. Поздним вечером, измученный, вернулся в Мюнхен.

2 февраля

Получил-таки итальянскую визу и, таким образом закончив дела, вернулся в Этталь, где сегодня, не в пример предыдущим дням, солнце и первый намёк на отдалённую весну. Б.Н. говорит, что я сделал для дачи максимально, но что агенты ничего не найдут. Вообще он интригует в пользу Этталя.

Куча писем, спешных, на которые надо отвечать.

Лишь по вечерам продолжаем читать совместно, а то целый день занят: отвечаю на письма, да и подыгрывать к концертам надо.

Читаем «Историю» Уэлса и «Круг чтения» Толстого. Много мудрого, но и много чересчур елейного, а часто провинциального.

7 февраля

Чемоданы были уже собраны и утром, провожаемый Борисом Николаевичем, я отправился в дальнее следование. Еле поспели к поезду, в Гармише остановка, виза, финансовые дела, затем в Миттенвальде пересечение границы, что я всегда совершаю с некоторой долей почтения: позади одно государство, впереди другое - разные законы, разные судьбы, костюмы, деньги. Путь от Миттенвальда до Инсбрука чрезвычайно интересен. Дорога лепится довольно высоко на склоне горы: с одной стороны красиво очерченные, залитые солнцем вершины, с другой

1

- пропасть и далеко внизу долина, по которой вьётся Инн. Сам Инсбрук оказался менее интересным, чем я ожидал. Не желая ночевать в поезде, я заночевал в Инсбруке. Цены пятизначные, много дороже немецких. Вероятно, они невысоки рядом с испанскими, но пугает пятизначность: например, 28.000 крон за номер. Гулял по городу, устал, рано ложусь спать. Настроение хорошее.

8 февраля

Встал, когда было ещё темно, и в семь часов утра выехал дальше. Путь продолжает быть красивым, особенно в косых лучах восходящего солнца. Вскоре мы выехали из Австрии (причём итальянцы на границе немного ко мне придирались и рылись в чемодане, ища большевистскую пропаганду, испачкали крахмальные рубашки) и поехали по землям, недавно отхваченным Италией у Австрии. Я с интересом рассматривал их, так как ехать по только что «завоёванным» странам не так часто случается. Южное солнце стало пригревать теплее. Затем я дремал, так как укачивало и я рано встал. В семь часов вечера Милан и Пташка на вокзале. Она заявила в своём пансионе, что уезжает на несколько дней, и мы отправились с нею в гостиницу «Como», против вокзала. Она недавно пела на театральной пробе и возможно, что получит дебют в «Риголетто» в самом Милане. Отлично! Ужинали в центре города и выпили Asti.

9 февраля

Милан туманен, мокр и неособенно приятен. Были в соборе. Хотели подняться на крышу, но моросил дождь. В «Скале» сегодня перерыв.

11 февраля

Утро было посвящено писанию деловых писем, которые я не успел кончить в Эттале. В пять часов выехали в Геную, куда приехали вечером, под дождём. Немного поссорились, но сейчас же помирились. Генуя обещает быть очень интересной со своими гористыми, узкими улицами, и старинными palazzo[3].

12 февраля

Осматривали Геную. Целый день провели, бегая по её гористым улицам. Насколько Милан - интернационально немецкий город, настолько в Генуе много итальянского. Были на знаменитом кладбище, этой мраморной вакханалии мёртвых; в милом парке посреди города на освещённой изумительным закатом набережной, где дом с невероятной колоннадой, по словам жителей, проигран владельцем в Монте-Карло.

Устали, но остались очень довольны.

13 февраля

Расставшись с Пташкой очень трогательно, я отправился из Генуи в Марсель: предстояла интересная дорога - итальянская и французская Ривьеры. День солнечный и путь всё время по берегу. Море ярко-синее.

На Ривьере оживлённо: масса ряженых по случаю Масленицы. Ментон, Монте- Карло - слишком конфетны, занятно пожить, но короткий срок. Кроме того, уж

[3] Дворцами (ит).

очень раздражало бы несносное количество бездельников. В этом отношении у меня «социалистические» взгляды! Но вообще от этого проезда я получил большое удовольствие. Вечером, подъезжая к Марселю, беседовал с французом с проломленной головой, ужасным петухом, который, сидя в танке, брал в лоб немецкие батареи, знал в точности во скольких миллиметрах следует одна пуля от другой из пулемёта, сколько секунд надо снаряду, чтобы достичь аэроплана на трёхверстовой высоте (две с четвертью) и т.д. Словом, горел сразиться и проломить голову с другой стороны. В одиннадцать часов вечера Марсель, где я заночевал, чтобы ехать дальше утром.

14 февраля

В восемь часов из Марселя. Поезд рапиден[4] и народу мало. С интересом читал французские газеты: после германских мне интересно было узнать французские - о занятии Рура. По-моему, это бульдожья хватка и французы не намерены разжимать челюстей.

После довольно энергичной езды остановка в каком-то маленьком городке у границы и затем в семь часов в Испании. Я чувствую огромную симпатию к Испании, но был предупреждён, что на границе придерутся. Кстати, мой поезд не имел корреспонданса[5] - так что было достаточно времени на объяснения. Так и есть: визы оказалось мало, пришлось телеграфировать в Барселону и задержаться. Я сначала огорчился, но потом, помня, что это уже такая печальная традиция с русскими со времени большевизма и что в своё время здесь были задержаны и выходили из себя и Кусевицкий, и Жанакопулос, и Ларионов, - я решил не обращать внимания и дождаться телеграммы из Барселоны, которую обещали завтра к полудню. Тем более, и чиновники были милы, и сами очень огорчились, и вероятно, даже пропустили бы, если бы я лучше говорил по-испански и смог бы пустить в ход красноречие. Пока же, зная по-испански полтора слова, я что-то плёл на смешном итало-французском наречии. В девять часов я отправился в отель спать.

15 февраля

Хорошей стороной моей задержки было то, что я отлично выспался: с девяти до девяти. Если меня пропустили бы сразу, то пришлось бы выехать в четыре часа утра и изломать всю ночь. Так как чиновники велели мне явиться к двенадцати, то утром гулял по залитому солнцем городку и смотрел на тёмно-синий залив, вдававшийся в городок из Средиземного моря. Странное положение: в Барселону меня не пропускают, а между тем я разгуливаю по Испании как угодно. Значит верят, что я есмь я и есмь личность лояльная. Но тогда зачем меня держать? А если я подозрителен, то нельзя мне давать такую свободу, иначе я и без паспорта могу пробраться, куда мне следует. Непоследовательно.

В двенадцать явился к чиновникам, но ответа из Барселоны ещё не приходило. Были любезны, просили садиться. Предложили зайти полчетвёртого. Настроение начало портиться. Зашёл полчетвёртого. Телеграммы нет. Я предложил задержать мой паспорт и отпустить меня в Барселону без него, обещая через то же место через пять дней проехать обратно. Улыбались, сочувствовали, объясняясь между собой и ударяя по моему паспорту, говорили «stupido»[6]. Наконец поручили мою душу какому-то чиновнику (а может быть, сыщику), предложили сесть в

[4] Быстр, от rapide (фр).

[5] Пересадки, от correspondance (фр).

[8] Глупо (исп).

подошедший экспресс на Барселону и доехать до следующей остановки, где помещался комиссар. Забрав вещи, вместе с чиновником, который, положим, деликатно всё время куда-то эклипсировался[7], я в великолепном экспрессе доехал до Figueras, и там с ним же отправился через весь городишко в полицейское управление. Там мне предложили сесть, а паспорт куда-то унесли. Затем явились и сказали «passo», т.е. «номер прошёл», проводили до вокзала, поздравили и я с подошедшим почтовым поездом уехал в Барселону, очень довольный, что, наконец, отвязался от этих отрыжек большевизма. В Барселону я приехал поздним вечером, ужасно усталый, и сейчас же лёг спать.

16 февраля

Выспавшись, вымывшись, вычистившись и вырядившись, пошёл по Барселоне. Мне столько про неё рассказывали (ещё десять лет тому назад Белоусов), что я ожидал какого-то особенного великолепия - которого не нашёл.

Однако солнце прожаривало, бульвар был полон пышными цветами и целые птичники продаваемых канареек, колибри и попугаев галдели по сторонам. Clausells, секретарь общества, где я играю, сокрушался моей пограничной задержкой, говорил, что они и писали, и телеграфировали в мадридское министерство, и всё им обещали сделать, но уж такие милые порядки в Испании. Днём упражнялся, гулял по Барселоне, читал французские и немецкие газеты. По поводу занятия Рура, немецкие визжат собакой, французские фыркают кошкой. Приятно глядеть на Испанию и знать, что она удержалась от мирового побоища!

17 февраля

Из Этталя перетелеграфировали приглашение Daniel играть в Valencia, но нельзя понять когда. Был доволен, телеграфировал Даниэлю, искал на карте, где Valencia. Упражнялся, гулял. Образ жизни спокойный, даже чуть-чуть скучноватый. В десять часов вечера (здесь вообще жизнь опаздывает на два часа) - первый концерт. Программа коротенькая: первые два отделения - виолончелист Alexanian, третье отделение - я: шесть «Картинок с выставки» и 3-я Соната. Публика шумливая и кашляющая, охотнее аплодирует лирике, чем технике. «Картинки» принимает прилично, Сонату очень хорошо. Рояль тугой и глухой, приходится чуточку форсировать звук. После концерта некоторые члены Общества повезли Alexanian'а и меня ужинать.

18 февраля

То ли от вчерашнего испанского пива, то ли от начинающейся простуды, целый день болела голова. Завтракал у Mompou, здешнего молодого композитора, который играл довольно милые сочинения. Затем он взял меня показывать окрестности города, великолепную avenue, которую теперь строят. Я теперь понял, что хорошо в Барселоне: это её узкие улицы, ярко освещённые в шесть-семь часов вечера и засыпанные оживлённой толпой.

19 февраля

Виолончелиста и меня взяли в Tibidabo, по фуникулёру. Это вертттина, с которой виден и город, и море, и горы. Очень красиво, но дул сильный ветер, а у меня

[7] Исчезал, от éclipser (фр).

разыгрывается злейший насморк.

Вечером второй концерт. Я играю ещё меньше: шесть коротушек. Успех порядочный, после «Наваждения» - шумный, с двумя бисами. Дирекция довольна, и даже ввиду падения франка, в котором контракт, выдала Алексаняну и мне по сто пезет «на чай». Вечером опять возили ужинать.

20 февраля

Думал в десять утра выехать в Париж, но оказалось, что можно получить обратную испанскую визу - это важно, поэтому остался ещё на день. Daniel рассчитывает, что я могу остаться и больше, и предлагал концерты в Valencia и Мадриде. Предложил ему устроить три концерта в апреле или мае.

Насморк в три ручья. Отпеваю накопившиеся письма.

21 февраля

В десять часов вместе с Alexanian'ом и провожаемый несколькими членами, выехал в Париж. На границе очень мило встретился с моими «пленителями» и показал им разрешение от барселонской полиции на возвращение. Улыбались и желали счастливого пути.

Мой метод путешествовать - это ехать до вечера, спать в гостинице и утром отправляться дальше. Однако Алексанян уговорил меня не делать этой «глупости» - и мы поехали дальше, проведя ночь впятером в отделении второго класса. Я спал на полудиване, протянув ноги на чемоданы, поставленные между диванами. В конце концов оказалось вовсе не так скверно, и, приехав в девять часов утра в Париж, я чувствовал себя бодро.

1 марта

Утром уложил вещи и, простившись со Сталем, в двенадцать выехал в Антверпен. Поезд быстрый, на границах никаких придирок, и в семь часов вечера я был встречен на антверпенском вокзале Van Сашр'ом, очень милым секретарём того Общества, где я играю. Он меня устроил со скидкой в хорошем отеле. Вечером гулял по городу, который выглядит очень солидно, насколько можно рассмотреть вечером. С дороги устал и рано лёг спать.

2 марта

Первая репетиция 3-го Концерта, посвятили ему два с половиной часа. Вот как зудят в провинции!! Дирижёр молодой, но старательный. По вкусам довольно консервативный, однако ездил в Брюссель на исполнение «Скифской сюиты» и вернулся в восторге, поэтому сейчас он старается.

Директора крайне любезны. Один из них, командир одного из фортов во время взятия Антверпена немцами, рассказывал много интересного про осаду и бой. Я до сих пор помню, с каким волнением в Петрограде по газетам мы следили за боем под Антверпеном. - и потому рассказ одного из командиров был мне очень любопытен и даже увлекателен. Б.Н. всегда с волнением вспоминал о том огне, который немцы открыли против Антверпена.

3 марта

Утром упражнялся, так как за время моего путешествия и 3-й Концерт, и

программа брюссельского реситаля запущены. Днём один из директоров водил меня осмотреть дом-музей Plantin, одного из основателей печатного дела, жившего в шестнадцатом веке. Это действительно музей древних книг, манускриптов, рисунков - всё в обстановке как раз того времени, когда жил Рупрехт, а так как Рупрехт из-за Ренаты всё время рылся в книгах, то этот дом изумительно точно давал обстановку, в которой протекает «Огненный ангел». Когда кто-нибудь будет ставить мою оперу, рекомендую ему посетить этот дом. Он тщательно хранится с шестнадцатого века. Вероятно, в такой обстановке работали Фауст и Агриппа Неттесгеймский.

14 мая

Концерт с Бальмонтом. Сбор четыре тысячи франков. Бальмонт раньше предложил условия: пополам, а после концерта не дал ничего: тысячу уже истратили раньше, пока устраивали концерт, тысячу заплатили за квартиру, на восемьсот сшит Бальмонту новый костюм, а если остальное разделить, то ничего в сущности не останется. Хотя у меня денег не так много, но меня огорчили не столько деньги, сколько недержание слова Бальмонтом.

1 сентября

Начинаю от первого числа, чтобы начать от какой-нибудь точки. Этталь вроде пятидесятилетней красавицы: и свежа и будто молода, а прихворнула инфлюенцией - и встала с постели старухой. Так и у нас: лето - как настоящее лето, а полил дождь - и сразу октябрь.

Переделываю финал 2-го Концерта. Всё же ещё работать очень энергично нельзя: сердце начинает биться, а потом болеть.

Жизнь сильно дорожает. Поговаривают о беспорядках. Не переехать ли в какое- нибудь иное царство?

2 сентября

Эберг пишет, что придётся прекратить (временно) печатание моих сочинений, так как цены вскочили в двадцать раз, даже если считать на золото. Поэтому гравировка «Классической» Симфонии, «Вальсов» Шуберта и прочего откладывается до неопределённого времени. Просит поспешить с корректурой партитуры сюиты «Шута». Поэтому налёг на корректуру.

Приехал полковник Эвальд с женою. Мы не любим гостей. Впрочем, эти переносятся довольно легко.

3 сентября

Пребывание полковников (то есть полковника с женой) я использую на то, чтобы подгонять корректуру сюиты из «Шута».

Вечером демонстрировал перед полковником нашу высокую игру в шахматы: играли с Б.Н. четвёртую партию матча. Я выиграл и очень изводил Б.Н. Я действительно, после того, как сердце моё окрепло и мы вновь возобновили недавнюю игру, - непобедим: из восьми я не проиграл ни одной - выиграл пять и три ничьи.

Полковник говорит, что в Баварии социальной революции не будет. Если случатся беспорядки в Берлине, то Бавария сразу отделится. Советует нам оставаться в Баварии и снять дачу графа Мантейфеля - очень хорошую. Написал

на всякий случай графу.

4 сентября

С полковником ходил гулять и имел таинственное объяснение: как наладить брак с Пташкой. В Америке это делается просто, в семь минут; в Deutschland'e же столько формальностей и тягучки, что и в семь недель не сварганишь. Полковник был чрезвычайно мил и обещал налечь на свои связи в Мюнхене, дабы ускорить дело.

Письмо от Цедербаума: Скрипичный концерт идёт у Кусевицкого в Париже восемнадцатого октября (наконец-то, после семи лет со дня написания, хотя и с плохим скрипачом), я играю 2-й Концерт двадцать пятого, а «Семеро их», хотя восьмого ноября и есть хор, вовсе не идёт. Я возмущён: «Семеро их» мне важнее всего сыграть! Да и Концерт к двадцать пятому я не выучу: при моём ещё слабом сердце я не могу лезть вон из кожи.

5 сентября

Полковники уехали. Всё-таки приятно.

8 сентября

Очень отлегло, что Второй концерт не надо гнать к октябрю. Но всё же надо его проталкивать, ибо если к осени не кончу, то завязнет до весны. Работал над Intermezzo.

Писал письма Tokugava и Ohtaguro, по случаю землетрясения в Японии. Живы ли они?

9 сентября

Были с Пташкой в монастыре на мессе, где происходило торжественное пострижение трёх монахов. Кроме того, служил приезжавший из Мюнхена кардинал, поэтому парад и миллион народу. Кардинал - рослый, с правильными чертами лица, вроде недавно умершего Хардинга, но с плотоядным складом губ, в золотых одеждах с красной шапочкой, на спине белая лента с двумя чёрными крестиками - точно двойка треф. Вся служба была очень интересной.

По возвращении - стычка с Б.Н., который объявил, что теперь он будет ложиться под утро, а вставать в пять вечера - «перейдёт на ночной режим». Все возмутились. Он мотивировал это тем, что ночью может работать. Я отвечал, что больше он не обманет: это как раз наоборот, чтобы не работать и чтобы никто не мог его проверить. Кончилось тем, что я рассердился и объявил, что этого не будет, а у него после целый день болела голова.

1924

1 января

Встреча с Пташкой Нового Года у Самойленко. Боровский пил со мной на брудершафт. Подпили. Пташка и Фру-Фру под конец лежали. Вернулись в Sèvres в автомобиле. Встали с головной болью. Днём учил наизусть 5-ю Сонату.

2 января

Письмо от Б.Н. Мама слабая - не может ехать. Деньги на исходе. Я озадачен и огорчён: как быть?

Были с Пташкой в городе. Я проверял по совету Le Boeuf в Обществе авторов: очень напутано и наврано. Я обращал внимание на ошибки. Обещали возместить. Обедали у Сталей. Были блины с икрой. Ученица Янакопулос пела Op.35, все. Некоторые слышал в первый раз.

В русском ресторане, где мы обедали, на стол подавал Грунау, которого я не узнал, но который представился после конца обеда. Странное впечатление. Смущённый тем, что я только что оставил ему на чай, я был преувеличенно любезен.

3 января

Спокойный день. Сидели в Sèvres. Учил 5-ю Сонату. Почти знаю всю наизусть. Ждал телефон от Идки[1]. Читал «Путешествие в Тибет», чрезвычайно интересно, хотя и медлительно.

4 января

Очень спокойный день. Опять учил 5-ю Сонату и ждал телефон от Идки. Долго возился с начатым вчера письмом Мясковскому. Очень увлёкся. Конечно, письмо – ответственное, но Мясковскому надо вылезти из его медлительности и нескладных устарелых приёмов, иначе его никто не будет слушать.

5 января

Третий тихий день. Хочется начать что-нибудь сочинять, и потому телефон Идки, не говоря уже про финансовую сторону, крайне желателен. Вспомнил, что у меня не переписана начисто каденция из 2-го Концерта, и занялся ею. Прочёл брошюру Сабанеева о Скрябине. Какой жуткий безумец! А вдруг он был прав? А вдруг его безумие было возможно, - но там, где-то в запредельном, шла тоже борьба, и в пылу борьбы его оттуда срезали невидимой стрелою?! Но всё же мне Скрябин сейчас далёк и ближе мне Стравинский, полнокровный, со своей изумительной техникой. Всегдашний вопрос: что более настоящее для художника

- идти в глубь своего мастерства или в ширь космоса? Скрябин или Стравинский? Оба, соединённые воедино!

6 января

Четвёртый тихий день, даже чуть монотонный, так как нет настоящей горячей работы. Переписывал и доделывал каденцию. От Б.Н. письмо из Oberammergau: мама настолько слаба, что её привезти нельзя. Сложная задача: ехать туда и сложно,

[1] Ида Рубинштейн.

и дорого, и нет реальной пользы. Не ехать, когда мать при смерти - тоже неладно. Мучительно обдумываю, как быть.

7 января

Был в Париже, в настроении довольно злом. Написал Демази, выражая сомнение в рубинштейновском предприятии.

8 января

Демази звонил, что Рубинштейн примет меня десятого. Наконец-то дело решится или туда, или сюда. Если бы я был один, то финансовое положение меня не беспокоило бы, но так как теперь на моей ответственности люди и по восходящей, и по нисходящей линии, то этот вопрос меня очень заботит. Впрочем, касательно «Библейской сюиты» у меня и идейки кое-какие есть.

5-ю Сонату играю наизусть.

9 января

Болела голова, поэтому мало что сделал. Были у Шаховской. У неё, среди общей бедности, хранятся интересные документы: дневник Алексея (наследника) и письма царских дочерей к родителям, большинство времени Екатеринбурга и Тобольска, несомненно оригинальные, так как много с конвертами, адресами и штемпелями. Содержания мало, бессодержательности - тьма. Может быть потому, что при создавшихся условиях ничего нельзя было писать: приходилось отделываться общими фразами.

10 января

Был у Иды: длинные, красивые руки, оголённые до плеч, много грации и пленительные ноты в голосе, стареющее слегка лицо с глазами, подведёнными четырьмя толстыми прямыми полосами - когда щурит, кроме полос ничего не видно. Со мною очень любезна, даже почтительна. Я рассказал о том, какую музыку я намерен сделать, что очень её вдохновило. Драму она будет ставить, но не раньше декабря, так что времени много. Я дал понять, что сейчас я свободен, а что дальше - не знаю. Она обещала на днях написать - т.е. вероятно, о деловых условиях. Про Демази сказала, что у него есть страдание, которое может быть у еврея и не может быть у француза; про Бакста - что он давно бредит «Юдифью» как сюжетом; про меня - что никто, кроме меня, не может написать достаточно глубокую музыку.

Итак: я - единственный еврейский композитор!

11 января

Итак, как будто с финансовой стороной дело может наладиться. Хотелось бы мне написать нонет для духовых инструментов с контрабасом, чтобы сразиться со Стравинским и его октетом, но большая вещь - между делом не закончу. Вот если- б кто-нибудь заказал!...

Пока же проигрывал «Шехеразаду» Римского-Корсакова для того, чтобы сделать конденсировку[2] для семиминутного валика для Duo Art, согласно их просьбе. Может быть, в благодарность пришлют аванс.

[2] Т.е. сжатое изложение, от condenser (фр).

12 января

Занимался «Шехеразадой», а также переложением для фортепиано арии Ренаты, оркестрованной летом.

Сталь вызвонил нас в Париж обедать и угостил шикарнейшим обедом у «Прюнье». Дела его расцветают. Дива только что выступила со Стравинским в Антверпене. Стравинский дирижировал и волновался до самозабвения. Свой фортепианный концерт он, кажется, кончил и теперь учит: хочет делать деньги как пианист.

13 января

После вчерашнего обеда и старого ронского вина плохо спали ночью; кроме того, разыгрался ручьистый насморк. Завтракали у Гамбурга. Играл с ним скрипичную сонату Pizzetti. Кое-что сделано ловко, но итальянец не может, чтобы не сбиться на слащавость.

Сегодня русский Новый Год, но мы сидели смирно дома.

Занимался «Шехеразадой»: надо сделать выборку на семь-восемь минут и хорошо сцепить.

14 января

Почти целый день в Париже. Боровские нашли квартиру в три комнаты и убеждают нас переехать к ним (на общих началах), так как Боровский уезжает в концертное турне и Мария Викторовна остаётся одна.

Эберг представил отчёт о продаже моих сочинений. Очень интересно смотреть, где сколько. Мне надлежит получить около двух тысяч франков. Тоже кстати. От Мясковского - 7-я Симфония. Начинается в fa-mag на si-mag. Это уже шаг вперёд после пятой!

Вечером концерт Боровского. Он с колоссальным блеском зажарил третий из трёх отрывков из «Петрушки». Феноменально «оркестровано» для фортепиано. Какой скачок от старика Листа! Слушаешь - и кажется, больше ничего не изобретёшь для фортепиано. По форме неудачно: самый кончик охлаждает и заключительное глиссандо грубо. В Сонатине Равеля мне понравилась первая часть.

Цедербаум сообщил, что он заинтересовал Рушэ в «Трёх апельсинах» (Рушэ: Я хотел бы поставить какую-нибудь русскую оперу, например, «Царя Салтана». Цедербаум: «Это одна из худших опер Римского-Корсакова; поставьте лучше что- нибудь поживее, например «Три апельсина» Прокофьева; декорации можно достать из Америки, где они не нужны»), Рушэ заинтересовался и выразил желание, чтобы я ему сыграл. Очень неожиданно, хотя я как-то мало верю, чтобы допотопная Opéra раскачалась до «Трёх апельсинов»!

15 января

Перекладывал арию Ренаты. Был у нас Сталь. Гуляли по хорошей погоде в Saint-Cloud. Старик-канадец показал пасьянс вдвоём под названием Russian Bank, и я вспомнил, что играл его, когда мне было шесть лет. Я даже вспомнил, в каком порядке раскладывались кучки карт.

Была Шаховская. Бальмонт озабочен: Мирка[3] влюблена и хочет замуж. Своими тайнами делится только с Бальмонтом, запираясь с ним в ванне. Мирка ужасная

[3] Дочь Бальмонта.

дрянь и, несмотря на свои шестнадцать лет, вероятно, уже не невинна, так как ещё до этого героя она уже встретила - как она выражается - «рокового человека».

16 января

Думал о 2-й Сонате Скрябина, которую играл вчера Боровский. Первая часть, с её неудачной, демодированной патетикой, никуда не годится. Финал задуман интересно: на неудержимо бьющей (впрочем неприятно шопенизированной) правой руке - острые, колкие басы, а затем врывается очень хорошая тема, характерная по своему отречению, отдаванию, abandon[4].

День прошёл в укладке, причём при расплате я сразился с хозяйкой. В полпятого свалили одиннадцать штук багажа в автомобиль и приехали в Париж, Auteuil, в новую квартиру, которая очень мила и даже нескверно меблирована: три комнаты, Мария Викторовна уступила нам спальню, сама устроилась в гостиной, столовая нас разделяет. Боровский в тот же вечер уехал в Берлин на концерт. Перед этим съели обед, приготовленный Марией Викторовной, и выпили вишнёвки.

17 января

На новом месте (которым мы очень довольны) проспали долго. Плейель прислал рояль. Никуда не хочется уходить из квартиры. Пташка рассказала Фру-Фру о своём состоянии (восемь месяцев). Об этом, кроме Сталя, кажется, никто не догадывался до сих пор. Вечером корректировал партитуру 3-го Концерта и раскладывал пасьянс.

18 января

Был на репетиции одного нового симфонического общества Cora. Познакомился с дирижёром Вольфом, которого, впрочем, уже встречал в Нью-Йорке, когда играл в «Метрополитэн» Гатти-Казацце мою оперу. Заинтересовал его симфониями Мясковского и завтра буду ему их показывать. Повторил 1-й Концерт, но идёт гладко.

«Ménage en trois» протекает очень приятно, только обе «барышни», как я называю Пташку и Фру-Фру, кряхтят от ожидания потомства.

19 января

Играл Вольфу 5-ю Симфонию Мясковского, не без хитрости, т.е. пропустив медлительную вторую часть и совсем не сыграв финала. Симфония понравилась, а то, что она сочинена во время войны (точнее - на войне) на галицийские темы и вовсе ободрило француза: он будет играть её двадцать восьмого марта. Я был страшно доволен, точно это моя симфония.

20 января

В двенадцать часов дня выехал в Лондон на концерт, без особого удовольствия, так как в Лондоне критики меня травят и, хотя я выступаю в четвёртый раз в симфоническом, никто не интересуется мною в других городах Англии. Переезд был лёгкий, море тихое, к паспортам не придирались. Приехал в Лондон ровно за четыре часа до начала железнодорожной забастовки. Как же обратно? Остановился

[4] Самозабвение, непринуждённость (фр).

в Hotel Craven по рекомендации Черепнина, но отель дрянной и вовсе недешёвый. Вечер провёл с Цейтлиными, которые приехали в Лондон в том же поезде, что и я. Говорят, что Мережковский и Гиппиус совершенно немузыкальны. Вот тебе и все «зинки»[5] Мясковского!

21 января

В 10.30 репетиция с Гусенсом, который сопровождал очень хорошо, приняв во внимание, что мы сыгрывались и он раньше не слыхал этого Концерта (мой Первый, очень жаль, что не Второй, но его еле выучу к весне, к Кусевицкому).

Ходил на Victoria Station узнавать про поезда. Кое-какие идут и станция, несмотря на всеобщую забастовку, не мертва. Говорят, завтра мой поезд пойдёт. Заходил в лондонское отделение Aeolian Co. Попал удачно, так как они только что получили предписание из Нью-Йорка заключить со мною новый контракт наигрывания, но не на пять лет, а на пять сезонов, т.е. на пять моих будущих приездов в Нью-Йорк, по три рулона вместо прежних пяти. Ясно, что мои фонды в Америке низки и мне сбивают количество, а так как от предлагаемого контракта я не могу извлекать пользы, пока я в Европе, я просил отложить переговоры до моего следующего приезда в Нью-Йорк. Пока же воспользуюсь случаем, чтобы сообщить, что я переложил «Шехеразаду» (хотя я её не кончил) и попросить аванс под ещё неиспользованный последний год предыдущего контракта. Mead (директор лондонский) сказал, что, вероятно, к авансу препятствий не встретится, но он всё же должен предварительно запросить Нью-Йорк. Таким образом, отлично: шесть тысяч франков для бюджета.

В восемь часов вечера концерт. Когда я вышел на эстраду и сел за рояль, у меня отскочила пуговица у фрачного жилета и упала на моё колено. Я взял её и сунул в карман. Гусенс сделал мне рожу. Это меня развеселило. Концерт я играл недурно. Вначале чуть-чуть намазал. Успех хороший, как в прошлый раз, но меньше, чем в Женеве. Вызывали четыре раза. В артистическую никто не приходил и денег никто не платил.

22 января

Встал рано и бегал за чеком и его разменом. Купил новую шляпу у Locks. По случаю забастовки не было известно, пойдёт ли поезд. Но поезд на континент пошёл и в два часа я был уже во Франции, очень довольный, что покинул дорогой, забастовочный и довольно безразлично принимавший меня Лондон. Сидя в поезде, обдумывал судьбы и пути оперы. И Дягилев, и Стравинский кричат, что довольно, пора кончать с декламационным стилем в опере; если уж писать оперу, то в старых формах - с номерами, ариями, ансамблями. Мне стало совершенно ясно, что это совершенно неверно. Писать надо так, чтобы музыка всё время усиливала впечатление по сравнению с тем, если-б это была простая драма без музыки. Либретто должно быть составлено так, чтоб никакой служебной музыки не было. Отсюда «Женитьба» Мусоргского - на ложном пути. Неважно, будет ли опера написана в ариозном или декламационном стиле, но важно чтобы ария или ансамбль вызывались сценой, а декламационный момент требовал музыку для усиления впечатления. В моих операх есть много промахов в этом направлении, потому что я не вполне ясно отдавал себе отчёт, но сегодня, я считаю, я этот вопрос разрешил и впредь буду действовать соответственно. В «Игроке» и «Огненном ангеле» я слишком зависел от текста. В будущем надо брать только идею сюжета, а

[5] Имеются ввиду романсы Н.Мясковского на стихи Зинаиды Гиппиус.

разрабатывать её надо гораздо свободнее - подчиняясь сегодняшним принципам.

В семь часов вечера был дома и нашёл обеих барышень в хорошем настроении, хотя и с насморком.

23 января

Играл на рояле: учил каденцию 2-го Концерта и 5-ю Сонату. Был у Манухина, он нашёл дальнейшее улучшение моего сердца. Предписал продолжать принимать фосфорные препараты: фитин и глицерофосфат, так как главный изъян моего организма - недостаток фосфора. Я действительно чувствую себя лучше и последнее время могу спать на левом боку. Также меньше возбуждается сердце при занятиях музыкой. Вечером сидели в столовой за столом, писали письма и раскладывали пасьянс.

24 января

Учил каденцию. Ездил в русское консульство за паспортом для Пташки, а то у неё всё ещё девичий испанский. Всякие затруднения, но у консула дочь консерваторка, и узнав, что «тот Прокофьев», он обещал устроить.

Вечером Фру-Фру рассказывала про дни Временного правительства и про Керенского, который женился на её кузине. Ругала его за то, что он управление государством путал с романтическими похождениями.

25 января

Эберг сообщил, что маленький нью-йоркский театрик на четыреста мест The Neighborhood Playhouse хочет поставить в марте «Шута», на сокращённом оркестре, в собственной переделке. Писал Дягилев, спрашивая разрешения, ибо он владеет «Шутом» ещё на два с половиной года. Событие это - малого калибра, и постановка будет, видимо, ерундовая, но могут прислать несколько сот долларов - и то хлеб.

В Обществе авторов рассчитывал получить кое-какие деньги, но дали только пятьдесят два франка - ибо это, главным образом, за летние месяцы, когда мало что исполняется.

Вечером был у Кусевицкого, видел Бальмонта, с которым радостная встреча и который читал свой новый рассказ «Мужик Пётр». Очень консистентно[6] с точки зрения языка, но, мне кажется, неудачно с точки зрения формы. Бальмонт повторил своё желание напечатать книжку сонетов: переводы Эредиа - его, мои и Б.Н.

27 января

Утром занимался. Днём ездил в Boulogne, в лечебницу вдовы Плеханова, узнать, нельзя ли поместить туда маму, когда она приедет из Германии. Mme Плеханова меня знала по концертам и всячески старалась быть мне приятной, но всё-таки сорок франков в день.

Днём были Черепнины. Я играл им «Три апельсина» и 5-ю Сонату.

28 января

В немецком консульстве сказали, что пошёл прямой вагон Париж-Мюнхен, что меня чрезвычайно обрадовало, так как сильно облегчает мою поездку в

[6] Содержательно, от consistent (фр).

Oberammergau.

С Пташкой ссорились, главным образом оттого, что в конце февраля я должен поехать в Ригу на концерты, а она как раз перед этим ждёт свою délivrance[7]. Мать её опаздывает из Америки и она боится остаться одна. С другой стороны - упускать рижскую серию концертов для меня трудно, так как с деньгами туго, а расходов тьма.

29 января

Отнёс Кусевицкому 7-ю Симфонию Мясковского. Он, кажется, благосклонен, посмотрит её и возможно исполнит весною.

С Пташкой трогательно помирились.

Вечером я взял маленький чемоданчик и в metro поехал на вокзал. Поезд шёл в 11.35 вечера. Вагон в Мюнхен был налицо. Про этот вагон публика пока не знает, поэтому народу мало и я отлично спал ночь.

30 января

Утром Страсбург, граница и пересадка в третий класс, который сейчас в Германии дороже, чем второй во Франции. Целый день ехал и вечером прибыл в Мюнхен. Немцы всё время ругали французский вагон, который действительно был очень пылен, но сами всё время лезли не в немецкий, а во французский, потому что в нём мягкие сидения, а в немецком деревянные.

31 января

Встал рано, побывал во французском консульстве, справляясь о визе для Б.Н. и мамы. Видел в магазине пишущую машинку с прикреплённой к ней цитрой: каждая буква издаёт звук. Занятно!

В полпервого был встречен на вокзале Oberammergau Борисом Николаевичем. Dr.Lang сказал: «Если есть прямой вагон, то везите вашу маму: сейчас она немного крепче, но лучше едва ли когда-либо она будет». Мама действительно сидела в кресле, но вид у неё ужасный: лицо жёлтое, худое, кроме того, воспалён глаз, который очень красен. Поездка в Париж её страшно обрадовала. Но Боже, как мы повезём такую слабую!

В квартире у Dr.Lang'a, где я поселился, у меня очень хорошая комната, но холодно. Б.Н. всех тут научил играть в шахматы. Я дал сеанс одновременной игры против семи человек (первый раз в моей жизни) и все семь выиграл.

Б.Н. продал инкубатор в пять раз дороже, чем мы его купили. Это, конечно, здорово, но какой толк, коли все эти деньги уже прожиты!

1 февраля

В Oberammergau солнечно и снежно, и в общем очень красиво, хотя я оставляю эту красоту как-то без внимания, сосредоточенный на предстоящем отъезде. Приводил в порядок мои старые письма за несколько лет, которых тут пропасть - целый чемодан.

Предстоящий перевоз мамы очень заботит и меня, и Б.Н. Довезём ли мы её? И правы ли мы (т.е. в конце концов не мы, а я), что везём её. Во всяком случае, она очень довольна.

[7] Буквально - освобождение, здесь - разрешение от бремени (фр).

2 февраля

Ездил в Гармиш получать разрешение от полиции на выезд из Германии. Боялся, что будут затруднения (полиции всех стран всегда чинят затруднения!), но всё обошлось благополучно: содрали шестьдесят франков и дали разрешение.

Вообще я никак не могу понять, что творится с Германией: жизнь, по сравнению с Францией, страшно дорога, но немцы как будто свободно распоряжаются деньгами, а между тем платить контрибуции не могут...

Расписание поездов идиотское: кончил полицейские дела в полдвенадцатого, а домой попасть можно лишь к семи; расстояние же по прямой линии - десять километров. Чтобы убить время, писал философские рассуждения «Почему я не верю в церковь». Писал с увлечением. По возвращении в Oberammergau, читал Б.Н., который сказал: «Я так же думаю», и одобрил работу, за исключением нескольких высказанных выражений, без которых можно обойтись.

3 февраля

Ходил с санками в Ettal и там в течение трёх часов потрошил мой сундук, который у мэра. Сундук так тяжёл, что тащить его во Францию немыслимо, поэтому я брал нужные вещи и ноты. Нагрузил всё на санки и, усталый, привёз в Oberammergau. Б.Н., который только что проснулся, встретил меня на верхней ступени лестницы и предложил помочь. О том, чтобы помочь мне в Эттале, он, конечно, не подумал. Я рассердился и прогнал его вон.

4 февраля

Сегодня должны бы в путь; но маме хуже, опухли ноги и слабый пульс. Ехать она очень хочет и в то же время еле может подняться с подушки. Плачет при упоминании, что ей ещё надо оставаться здесь. Вечером с Б.Н. я имел длинные рассуждения: как быть. Я стоял за то, что всё-таки ехать, он говорил, что в таком виде везти и думать нечего - она умрёт в дороге. Решили, что я уеду один (я не мог более оставаться из-за концертов и положения Linette), а он останется и, если маме будет лучше, выедет с нею через две недели.

От Linette письмо: говорит, доктор скоро скажет ей: boy или girl[8]. Пикантно! До рождения.

5 февраля

Учил 2-й Концерт. Навещал маму. Писал письма. Мама очень огорчена, что она остаётся ещё в Oberammergau. Ей немного лучше сегодня, но всё же она не встаёт. Как её везти при слабом, нервном пульсе и при немного опухших ногах?!

6 февраля

Маме хуже. Большая слабость, с трудом говорит, почти не поднимается с подушки. По-видимому, её никогда уж не придётся везти в Париж. Но пульс не хуже, и ноги не пухнут. Lang находит положение тяжёлым, но непосредственной угрозы не видит.

Завтра я думаю ехать в Париж, так как не хочу оставлять Linette одну в её положении. Очень трудно решать, а разделить себя пополам нельзя.

[8] Мальчик или девочка (англ).

7 февраля

Утром мама вызвала меня и Б.Н. к себе, говоря, что умирает. Действительно, вид у неё был очень плохой, голос слабый, но, что удовлетворительней всего, настроение арогантное[9] - и это сквозь ужасную слабость. Lang сказал, что несомненно, значительное ухудшение, общая слабость. Если удастся эту слабость побороть, она сможет ещё тянуть, если нет, то конец будет скорый. Я ему объяснил положение с Linette. Он советовал подождать ещё два дня - и тогда будет ясно, куда пойдёт здоровье. Поэтому я телеграфировал Пташке, что должен остаться, и спрашивал о её здоровье.

8 февраля

Маме хуже. В полусознании от слабости. Я спросил, плохо ли она себя чувствует. Она ответила: нет, хорошо, только разоспалась. Я закричал. Она сказала, что приятно пахнет дымком. Доктор сказал, что вопрос двух дней. Были с Б.Н. у католического священника - пришлось реально обсуждать вопрос похорон. Действительно, он сказал, что не имеет права. Советовал выписать русского священника из Мюнхена. Lang говорит, что такая смерть лучше грозившей смерти от водянки.

9 февраля

Маме лучше. Утром сама умывалась и, рассердившись на сестру, пыталась дать ей по физиономии. Однако всё ещё слаба. Доктор сказал: «Die russische Dame kann ich nicht verstehen!»[10] И советовал мне ехать к жене, так как такое состояние может длиться и неделю, и две. В тот же вечер я решил ехать. К маме я зашёл проститься, говоря, что еду в Париж на несколько дней на концерт. Мама реагировала мало. Борису Николаевичу было поручено вызвать меня телеграммой, если будет серьёзная опасность. В одиннадцать часов вечера я был в Мюнхене, где остался ночевать.

10 февраля

Встал в полседьмого и в восемь выехал дальше. Железные дороги в Германии стали ужасно дороги, вдвое против Франции. Я ездил в третьем и четвёртом, но сегодня так плохо выспался, что разорился на второй. Путь прошёл не очень длинно. Читал китайские легенды по-английски - подарок Леоны Шпицер. На границе боялся, что будут рыться в нотах и бумагах, которых я вёз тьму. Но отобрали только колоду карт. В семь часов вечера Страсбург и я залёг спать до самого Парижа.

11 февраля

Встал в пять, а в без десяти шесть поезд был уже в Париже. Дома всё благополучно и Пташка себя чувствует лучше, чем я полагал. Очень радостная встреча. Боровский уехал только накануне вечером, за несколько часов до моего приезда. Даже неприлично: то один муж приезжает, то другой, но вместе не встречаются. Без меня он выучил «Марш» из «Трёх апельсинов», и даже кухарка напевает его.

[9] Высокомерное, от arrogant (фр).

[10] Я не могу понять эту русскую даму (нем).

12 февраля

Жизнь вступила в мирную колею. Только неизвестно, что готовит Oberammergau. Эберг сообщает, что Стоковский затребовал «Скифскую сюиту» в Америку.

Учил 2-й Концерт, делал переложение его для второго фортепиано. Составлял сокращённое либретто «Трёх апельсинов», а Пташка переводила на английский: в марте Mme Кусевицкая будет в Лондоне и хочет там проталкивать «Апельсины». Вечером Боровский звонил из Бордо. Он играл там Прокофьева и Стравинского, но публика так хохотала и шумела, что он еле кончил.

13 февраля

Купил пишущую машинку Underwood, портативную - я в восторге, ибо вообще питаю к машинкам большую нежность. Стоит пятьдесят два доллара, но так как Б.Н. продал мою старую за сорок три, то я истратил только девять. Говорят, есть стенографические машинки. Со временем надо будет купить.

14 февраля

С Пташкой были у её доктора, Bouffe de Saint-Blaise, очень известного. Он нашёл, что всё хорошо, délivrance между двадцать вторым февраля и пятым марта, и 80% на мальчика, а 40% - на девочку.

15 февраля

Приходил к нам Сталь. Дива в Нью-Йорке и он очень скучает, поэтому был у нас с пяти часов до часу ночи. Играли в тройной пасьянс - очень весело.

16 февраля

Были на митинге русской колонии, где говорили Бунин (сухо и академично; я не люблю его), Мережковский (более интересно, но у него тоненький голос и незадача с буквой «р»), Карташев и другие. Все они ругали большевиков, жалели попранную Россию и во имя Христа призывали к ненависти. Я с интересом слушал их, хотя душою был как-то в стороне. Говорят, Пифагор (или Архимед), когда брали приступом город, в котором он жил, сидел у себя в саду и чертил на песке теорему. Так его и убили за чертежом. Этот человек по-настоящему любил свою науку!

17 февраля

Сталь очень хочет, чтобы я написал для Дивы романсы с аккомпанементом квартета. Он уже давно говорит мне об этом. Сегодня я кое-что сочинил, и даже была бурная стычка с Марией Викторовной, которая пришла в ту же комнату сводить счёты с кухаркой.

От Демчинского письмо. Ругает либретто «Огненного ангела» за неподвижность и обещает прислать изменения. Он может дать преинтересные.

Вечером приходил Бальмонт, читал стихи, но не очень удачные.

18 февраля

Утром Пташка почувствовала, что теряет воду. Испугалась. Я звонил её

акушеру. Он сказал: везите в лечебницу. Позвонили ещё на всякий случай русскому, очень известному акушеру Проскурякову, который явился лишь вечером и сказал: роды начались. Я позвонил в лечебницу, откуда немедленно прислали автомобиль, и мы с Пташкой отправились туда.

Оставил её там в относительно good spirits[11].

19 февраля

Сегодня три раза был в лечебнице у Пташки. Но никаких событий. Впечатление, будто приехали слишком рано. Её приятельница Consuelo так пролежала три дня, а затем вернулась домой. Но Пташкин доктор Bouffe de St.Blaise ей не советует даже много подниматься.

Немного играл, но в общем музыкой эти два дня занимался мало.

20 февраля

У Пташки без перемен. Был у неё два раза.

Днём переделывал конец каденции в первой части 2-го Концерта, а то она плохо входила в последующее заключение с оркестром. Эберг, у которого я был, чтобы обсудить дату моего будущего реситаля, сообщает, что в будущем сезоне он будет держать оперную труппу и в связи с этим интересуется моими операми. «Огненный ангел»? По этому поводу писал Демчинскому, подгоняя его переделки либретто.

От Duo Art предложение нового контракта. Было бы отлично, но горе, что наиграть рулон надо ездить в Нью-Йорк!

21 февраля

От Duo Art аванс четыреста долларов, не под новый контракт, а под последний год старого. С деньгами стало снова прилично.

Пташка переехала в другую комнату, но кроме этого никаких перемен в её состоянии нет. Также в здоровье мамы, как пишет Башкиров.

Обедал у Prunières'a. который всегда очень мил со мной, играл 5-ю Сонату, имевшую большой успех у него, Шлецера, Le Boeuf'a; гораздо больший, чем у Боровского и Кусевицкого, но я теперь её недурно играю, а тогда ковырял. Заведующий амстердамскими концертами, где дирижирует Менгельберг, очень обиделся, когда я сказал, что в Америке я играл Менгельбергу мои сочинения, но последний ничего не понял.

22 февраля

У Пташки без перемен. Занимались с нею проверкой перевода «Апельсинов».

Вечером у Цейтлиных, где Милюков, Бунин, Мережковский, Куприн, Шмелёв, Ремизов, Ларионов и прочие. Самые фантастические фигуры у Шмелёва и Ремизова. Последний недавно переехал из Берлина в Париж. Я спросил, как нравится Париж. Он ответил, что уж очень хорошо кричат по утрам торговки. Куприн мягкий и пьяненький. Бунин сухой и неприятный. С Мережковским мы говорили о Кносое и критской культуре, из области которой он пишет роман. После вечера Сталь сказал: завтра у вас родится сын, надо выпить за его здоровье - и потащил в кабачок на Монмартре. Пили шампанское, и я в четыре еле вырвался домой.

[11] Хорошем расположении духа (англ).

23 февраля

Спал с полпятого до полдевятого, затем поспешил в госпиталь, думая, что предсказание Сталя исполнится. Но нет, всё без перемен. Пташка переехала в третью комнату, огромную, - солнечную и тихую. Ездил два раза на вокзал встречать Пташкину маму в пять и одиннадцать вечера, но она не приехала.

После вчерашнего кутежа безумно хотел спать.

24 февраля

У Марии Викторовны завтракала Славина, наша знаменитость Мариинского театра. Когда ставили «Игрока», она рассматривала партию Бабуленьки и должна была её петь, но отнеслась не особенно одобрительно. Теперь наоборот, очень хвалила мою музыку. Пташкина мама приехала в шесть часов вечера и, конечно, первый вопрос был: что Linette. Я отвёз её в отель, где ей была резервирована комната, а оттуда к Пташке. Встреча.

25 февраля

Ольга Владиславовна очень нервна. Держится политики никому не мешать и не тратить ни копейки денег, кроме своих. Всё время у Пташки в больнице. Сама Пташка без перемен.

М.В. собралась в Мадрид к Боровскому и бегает за визами и паспортом.

Учу 2-й Концерт. Был Шлецер, снова слушал и хвалил 5-ю Сонату. От 2-го Концерта в большом восторге, считает его лучше Третьего.

26 февраля

Вечером отправился к Пташке, чтобы навестить её на несколько минут. По-видимому, дело шло к развязке. Однако боли не были очень сильными и мы в промежутках играли в карты. Я остался весь вечер, а в двенадцать Пташка просила меня остаться ещё. Я лёг на кушетку и задремал. Пташка стонала, но в промежутках тоже несколько раз засыпала. В час ночи боли усилились. Сестра заходила каждый час и в три часа послала меня спать в другую свободную комнату.

27 февраля

У входа в больницу встретил Ольгу Владиславовну. Доктор уже приехал, прогнал О.В. и велел ей вернуться через полчаса. Мы стали бродить по соседним улицам. О.В. очень волновалась, я её старался подбадривать. Затем я пошёл в больницу, а О.В. осталась на улице, дошёл до двери Пташкиной комнаты, но дверь была закрыта и внутри всё тихо. Затем вдруг появилась сестра и доложила, что всё благополучно кончилось, родился сын, и я могу войти. Доктор надевал пиджак и поздравлял меня.

Пташка лежала страшно плоская, без живота. Она была ещё в полусне, но улыбнулась, когда я подошёл к ней. Ребёнок был в люльке, он был лиловый и очень уродливый. Сестра побежала на улицу звать О.В. Рождение прошло чрезвычайно благополучно и произошло в 8.45 утра.

Отношение моё к ребёнку скорее тёплое, лишь бы не очень орал. Пташка очень хотела сына. Я не имел специального выбора. Назвать решили по моему предложению Святославом. Я хотел было Аскольдом, но, вероятно, поп не окрестил бы.

28 февраля

Пташка себя чувствует хорошо, лежит не шевелясь. Святослав выглядит приличнее и избавился от лиловой краски. Он в общем похож на меня, мало на Пташку.

Я обдумывал новую форму «музыкальной драмы», которая может родиться из мелодекламации. Только декламации надо ритмовать и записать нотными крючками, чтобы строго координировать с музыкой. Впрочем, можно даже не очень строго - лишь бы сильные части такта были вовремя (а то речь будет слишком скована). Кроме того, можно указывать повышение и понижение голоса и писать его на трёх линейках (без какого бы то ни было отношения к тону). Таким образом вся драма будет крепко связана с музыкой. Главная трудность - это неприятный звук говорящего голоса на фоне музыки, но тут, я думаю, можно выучиться оркестровать так же, как выучились оркестровать фортепианные концерты, в которых тоже легко нарваться на неприятные сопоставления. Надо ещё подумать и «выносить» эту идею.

29 февраля

Двадцать девятое - день, бывающий раз в четыре года. Собственно Святославу надо было родиться сегодня.

Письмо из Риги, из которого следует, что там концерты не состоятся. Жаль в финансовом отношении, но ехать туда мне было лень. В связи с отпаданием Риги, назначил в Париже recital на девятое марта. М.В. уехала в Мадрид «в гости» к Боровскому, который даёт концерты по Испании.

1 марта

Занимался, писал письма, переписывал на машинке сокращённое либретто «Апельсинов», переведённое Пташкой, был у Пташки, в русском консульстве, чтобы взять новый паспорт. Вечер провёл со Сталем, сестрой Дивы и её мужем Волковысским. Адриенна хочет делать мой бюст.

2 марта

Ссорились с Пташкой, так как надо исправлять английский перевод «Апельсинов», а между тем Святослав орал, как оглашенный.

3 марта

Занимались с Пташкой проверкой перевода «Трёх апельсинов».

Святослав не орал. Когда его кормят, он временно перестаёт и не выпускает грудь, то ему зажимают нос. Тогда не хватает дыхания и он волей-неволей выпускает. Очень мило!

4 марта

Днём готовился к концерту. Вечером был у Мережковского, в первый раз, и в первый раз познакомился с Гиппиус. Но А.Белый в своих воспоминаниях о Блоке так хорошо описал их домашнюю жизнь, что я пришёл в будто давно знакомый дом. Гиппиус мне очень понравилась, хотя неприятно, как она по-петербургски растягивает гласные. Я заводил с ней разговор про Маяковского, стараясь добиться,

чтобы, откинув политику, она признала за ним крупный талант, но она упорно не соглашалась. Мережковский показывал свой новый роман из жизни древнего Крита. Поговорили о том, чтобы я написал оперу на этот роман. Оба они признались, что ничего не понимают в музыке, но Гиппиус знает, что я написал романс на «Серое платьице».

5 марта

Гиппиус дала свою книжку: стихи за десять лет. До войны хороши (очень хороши!), а затем - особенно во время революции и большевиков - хуже. Но «Серое платьице»! У меня всюду «Серенькое», девочка в сереньком платьице - и в таком виде дал мне текст Держановский, а на самом деле в сером. Однако теперь ничего не поделаешь и переделать нельзя.

Сегодня опять что-то сердце.

Вечером был у Фатьмы Ханум и не попал на лекцию Бальмонта, как хотел.

6 марта

Все эти дни О.В. с остервенением искала квартиру, так как М.В. из-за младенца,
деликатно, и даже не особенно деликатно, нас выпирает. Сегодня я нашёл через русского комиссионера, которому пришлось заплатить восемьсот (!) франков, впрочем, он клянётся, что из этой суммы пятьсот он должен отдать консьержу. Квартира из четырёх маленьких комнат, все на солнце, немного видна Сена. Меблирована так себе, но ничего.

7 марта

Был у Mme Кусевицкой, которая одна и простужена. Маэстро уехал в Лондон. Наталья Константиновна - любительница пасьянсов, и я тоже. Объясняли друг другу. Между прочим, Лурье выселили из Парижа: кто-то донёс, что он был комиссаром. Подозревают Якобсона - тоже композитор и тоже сволочь.

8 марта

Был господин из Лиона: приглашает играть у них тридцатого. Платит гроши: тысячу франков, но зато у них уже четыре раза исполнялись мои сочинения. Поэтому я согласился.

Я был на квартире, но она мне мало понравилась, однако в Париже выбирать не приходится.

9 марта

Реситаль в три часа: второй в Париже в этом сезоне и первое исполнение 5-й Сонаты. Народу мало, Эберг плохо объявлял, но тем хуже для него. Однако играть,
когда мало публики, неприятно. Встречали хорошо, но сдержанно, разошлись только под конец. Были Пуленк, Орик, Шлецер, но в общем мало интересного народа. После реситаля пил чай с Эбергом у Самойленко и пошёл к Пташке.

10 марта

В общем я не совсем доволен организацией вчерашнего концерта. Доволен же тем, что больше не надо возиться с программой.

11 марта

Вернулась М.В. Я. собственно, ожидал её холодно: всё-таки сживает нас с квартиры. Но она с таким увлечением рассказывала про Испанию и была так интересна в своих рассказах, что холодность стушевалась. Играл 2-й Концерт. Прислали корректуру голосов Третьего, которые печатаются в Париже, но сделали белым по такому яркому синему фону, что надо ослепнуть, чтобы всё это прокорректировать. Придётся отослать обратно.

12 марта

Играл; укладывал вещи для переезда на новую квартиру; развивал М.В. план моей новой формы «музыкальной драмы» - она ведь занималась с Мейерхольдом и даже читала лекцию про театр - но ничего интересного от неё не услышал.

Вечером был у Кусевицкого. Он не хочет, чтобы давались ноты «Скифской» Стоковскому для исполнения в Филадельфии. Сам будет играть её и в Филадельфии, и в Бостоне, и в Нью-Йорке. Кроме того, Корто будет играть 3-й Концерт в Бостоне, а концертмейстер - скрипичный Концерт там же. Очень хорошо.

13 марта

Нагрузив гору чемоданов, а ноты - просто стопа в метр вышиной, - О.В. и я переехали на новую квартиру, 5, rue Charles Dickens. Квартира лучше, чем я полагал, очень солнечная. Пташка переедет завтра.

Французский парламент голосовал за присоединение Бессарабии к Румынии. Русские газеты рвут и мечут, и, конечно, правы. Однако, я думаю, дело обстоит так: единственный ветер в политике Франции - это отношения с Германией. Поэтому пока Россия ноль, ей важно хоть как-нибудь усиливать своих маленьких друзей. Но как только Россия станет вновь собой и отберёт Бессарабию, то тот же французский парламент с той же чистой совестью будет вотировать[12] за присоединение Бессарабии к России!

14 марта

Перевёз Пташку и младенца. Пташке понравилась квартира. Сегодня же привезли рояль, еле втащили. Пренеприятное соседство: под нами живёт девчонка, которая дубасила на рояле всякую ерунду с шести часов вечера до половины одиннадцатого. Я в отчаянии, особенно если так будет продолжаться все три месяца. Я даже стучал каблуками в пол (очень громко), в ответ на что раздавались её негодующие крики. Стены в этом доме прямо картонные.

15 марта

Продавал доллары, так как франк, недавно упавший до двадцати восьми и даже двадцати девяти за доллар, теперь поднялся до двадцати одного. Учил Концерт, который начинает чуточку идти. Вообще колоссальная махина, и больше такого писать не буду. Надо бы сделать маленький Четвёртый! Вечером вызвонил меня Сталь, повёл сначала в кинематограф, а потом в какое-то шикарное место, где надо быть во фраках - мы же в пиджаках. Выпили шампанского и съели шашлык - ибо учреждение русского происхождения.

[12] Голосовать, от voter (фр).

16 марта

В девять паршивка из нижнего этажа начала дубасить по роялю, а так как вчера я лёг в четыре, то не выспался. Пташка поручила О.В. купить мне восковые шарики для затыкания ушей. Это и от девицы, и от Святослава. Хорошо хоть в эту весну у меня нет планов на сочинения! Вот в июне уедем куда-нибудь на море - тогда!

17 марта

Ходил позировать к Адриенне. Она лепит не так быстро, как Дерюжинский, но у неё есть интересные работы. Кроме того, она более передовая, чем он.

19 марта

Вечером со Сталем были на «Царе Давиде», оратории Онеггера, в которой, между прочим, введено чтение и даже есть моменты мелодекламации. Последнее меня как раз очень занимает. Успех колоссальный, и действительно есть места, сделанные необычайно блестяще и изобретательно. Декламация на фоне ноющих (несколько в рахманиновском стиле) женщин - превосходна. Фраза гнусавая, в еврейском марше, которая сначала внизу у фагота, а во второй части - у скрипок наверху - прямо ошеломляюща. Но рядом ужасные пошлости и обыденности. Мелодический дар слаб. Это какой-то новый Рихард Штраус, со штраусовской изобретательностью и штраусовским блеском, но более современный; зато без штраусовского мелодического дара. Так или иначе, послушать любопытно, а молодым авторам (да и не только молодым) есть чему поучиться.

Между прочим, кто-то сказал мне, что это из ранних его вещей. Когда после концерта я зашёл в артистическую, чтобы пожать ему руку, он сказал, что это совсем не из ранних. Если бы пьеса была ранняя, то понятны прорехи, но в позднейшей они уже становятся алармантными[13].

20 марта

Не совсем выспавшись, утром выехал в Марсель на концерт. Двенадцать с половиной часов езды в рапиде[14], - очень хорошем и быстром поезде - но как утомительно! По дороге читал «Вавилон» Мережковского и очень увлекался мифом Гельгамеша. Вот на что можно было бы написать ораторию, как Онеггер, - и насколько это интересней! Только без промежуточных чтений, а только с мелодекламацией! Была бы денежная возможность, - и я бы ещё вернулся к этой мысли.

21 марта

Когда я был в Марселе, чтобы встречать маму, я почти не видел его. Теперь я рассмотрел, что это отличный город в стиле Парижа. Больше всего мне, конечно, хотелось полюбоваться на Средиземное море, но моросил дождь и было мало красок.

Концерт в половине шестого, аудитория маленькая, но внимательная (в этом обществе, кажется, всего четыреста членов).

Больше всего имела успех моя 2-я Соната.

[13] Тревожными, от alarme (фр).

[14] Скором, от rapide (фр).

22 марта

Утром - в рапид, - и обратный путь в Париж. Сегодня солнечный день, и Средиземное море, по берегу которого идёт сначала путь от Марселя, сияло тёмно- синим цветом. В цвету персики и jeunets.

Вечером, в очень усталом виде, вернулся в Париж. Пташка и «устрица» в порядке. От Б.Н. письмо: маме лучше, немного ходит, но доктор всё ещё запрещает везти.

23 марта

День провёл дома. Учил 2-й Концерт. Оказывается, «Шута»-таки поставили в Нью-Йорке, в крошечном театрике Neighborhood Playhouse. Ставили с маленьким оркестром в чьей-то оркестровке с моего клавира. Вероятно, скверно и уж во всяком случае не по-моему. Остаётся один вопрос: нельзя ли вытянуть хоть сколько-нибудь долларов!

24 марта

Боровский вернулся из испанского турне и завтра едет в Германию. М.В. чувствует, что виновата передо мной, поэтому воспользовалась приездом мужа, чтобы явиться к нам. Боровский мил, рассказывал про Испанию. Стравинский дирижировал концертом в Барселоне, имел колоссальный успех - приезжала даже королева, но его программа: «Жар-птица» и «Пульчинелла», т.е. наиболее популярные вещи.

Приходил Эберг, с которым писали от имени издательства, в Neighborhood Playhouse, New York, требуя с них деньги за «Шута».

Был на вечере Бальмонта, на котором не мог участвовать в этом году из-за контракта с Эбергом. Пела Тобук-Черкасс, всё это было скучно и как-то ненужно, хотя Тобук (что по идее удачно) и пела различные романсы на слова Бальмонта: Стравинского, Черепнина, мои. Бальмонт читал венок сонетов «Золотой обруч», очень хорошая вещь, но как-то никто не оценил виртуозность, которую требует венок сонетов. Вечер прошёл холодно. Грустно, но я и сам не был увлечён.

25 марта

Пташка получила от Mrs Garvin три тысячи франков на покрытие расходов по деторождению. Она даже удивлена и смущена такой крупной суммой, но сама сумма нам очень кстати. Вечером был Сталь, играли в двойной пасьянс. Рассказывал про Диву, которая в Америке, а я про планы о Гильгамаше. Сталь советует: напишите пять романсов на слова Цетлина, а он в благодарность будет финансировать вам сочинение Гильгамаша. Я добавляю: а затем издать эти романсы как песни без слов!

26 марта

Показывал Полаку глаза. Левый глаз изменился мало, правый ухудшился, догоняя левый, поэтому переменил мне очки. Любопытно, что у меня невралгия с левой стороны, а ухудшился правый глаз.

Приходил Ларионов, предлагал написать небольшой, минут на пятнадцать, кукольный балет, который в конце апреля шёл бы в Монте-Карло, а затем в Париже. Увы: очень мало времени!

27 марта

Продолжаю учить 2-й Концерт. Каждое утро после кофе сразу сажусь за рояль. Такого усердного занятия фортепиано давно не упомню.

Был Цедербаум, принёс французский перевод «Семеро их», сделанный Лалуа. Я даже не ожидал, что можно было сделать так ловко, но, конечно, есть пробелы и я просил Цедербаума сделать мне рандеву с Лалуа, чтобы переговорить.

28 марта

Так как Боровский на два дня вернулся из Германии, то М.В. пригласила нас обедать, но мы отказались под предлогом того, что Пташка ещё не выезжает. Поэтому вечером был Боровский у нас, я играл ему 5-ю Сонату, к которой он теперь относится с почтительным восхищением.

Был Шлецер, говорил про тот же балет, что Ларионов, но я опять объяснил, что, к сожалению, не поспеть в две-три недели накатать пятнадцать минут музыки, продолжая учить 2-й Концерт.

29 марта

Отправился в Лион - на концерт. Семь часов езды не очень утомительны, но поезд опоздал на полтора часа, да часы перевели по всей Франции на час вперёд, так что я приехал поздно ночью, попал в отель с картонными стенами и спал плохо, так как за стеной была любовная пара (целое представление), а потом - в четыре часа ночи - ночной сторож громко подметал отель.

30 марта

Лион построен на длинном узком полуострове, образованном слиянием рек Роны и Соны. Один берег высок и красиво застроен. Но сам город скучный, дома однообразны и некрасивы. Жизнь, говорят, замкнутая и лежит в прошлом столетии.

Концерт прошёл в красивом зале, и каждому из номеров предшествовало краткое объяснение директора. Я играл хорошо, лучше, чем в Марселе и Париже, и публика была очень внимательной и чуткой - успех очень большой, устроители довольны.

Обедал у одной здешней музыкантши, Mme de Lestang, которая пела мне мои песни Op.35.

31 марта

Так как на эту ночь я переехал в другую, более спокойную гостиницу, то отлично выспался, а в полдвенадцатого дня отправился обратно в Париж. В восемь часов вечера я был дома, где всё благополучно.

1 апреля

С Цедербаумом были у Лалуа - говорить о переменах в «Семеро их». Лалуа - заведующий отделом прессы в Grand Opéra и занимает кабинет в здании театра. Он очень нервный господин, похож на наркомана, и наш разговор происходил бурно, чуть не переходя иной раз в ссору. Однако он очень талантлив, и некоторые поправки предложил хорошие. Расстались мирно.

Вечером был у Цетлина, где опять все наши писатели: Бунин, Мережковский,

Гиппиус. Куприн, Ремизов, а также сотрудники «Последних новостей». Очень было любопытно, как Осоргин, нашумевший своими призывами к русской молодёжи - ехать немедленно в Россию, и Милюков играли в шахматы. Милюков защищался очень осторожно, но проиграл. Тогда я сел с Осоргиным и разнёс его, пожертвовав ферзя. Хотел я поговорить с Мережковским о Гильгамаше, но он так важно беседовал с Буниным о миссии русской эмиграции, что не удалось.

2 апреля

Кроме Концерта, занимаюсь вписыванием всех трёх переводов романсов на Ахматову. Наконец эти переводы сделаны и их можно будет перепечатать на четырёх языках. Эти романсы самые «доступные», а их никто не знает.

Был на генеральной репетиции Романтического театра, во главе которого стоит Романов, тот, который должен был ставить «Алу и Лоллий», если бы балет этот удался. Но их спектакль мне не понравился, а музыка Метцеля невыносима.

3 апреля

Надо взять себя в руки при подготовке Концерта: страшная точность - и не прощать себе ни одной сомнительной ноты.

При такой системе можно достичь рахманиновской безукоризненности.

4 апреля

Приходила певица Гонич, которую прислал ко мне Шлецер, чтобы она спела мои романсы. Молодая, красивая женщина, недурный, но не безукоризненно поставленный голос. Недавно из Москвы и, кажется, хочет обратно.

Вечер Ремизова, который, в противоположность бальмонтовскому, прошёл очень живо. Сам Ремизов очень картинен, какой-то упырь. Читает он прелестно, очень удачно подчёркивая свои «словечки», а порою - с большой простотой и трогательностью. Большой успех.

5 апреля

Хотя мои занятия фортепиано - мои главные занятия всего этого времени, но играю я не больше полутора-двух часов в день. Сердце всё ещё не наладилось и устаёт от энергичной игры.

Водил Пташку гулять и к парикмахеру, а то у нас целую неделю был сломан лифт и она не выходила, так как лестницы ей пока запрещены. Теперь, при выходе, у неё закружилась голова.

Вечером со Сталем был на «Р.У.Р.», так называется чешская пьеса из жизни автоматов (искусственных людей). Я смотрел с большим увлечением, а Сталь более равнодушно.

6 апреля

Вечером у Pranières. Пташкин первый выезд в свет, хотя она несколько утомлена после вчерашней прогулки. У Prunières масса композиторов: Равель, Пуленк, Орик, Онеггер, Руссель. Равель сцепился с Шлецером на тему о Чайковском, говоря, что-то вроде «вы, люди византийской культуры, никогда не поймёте нас, западных...». Я вставил: «тем более, что Шлецер бельгиец...». Орик и Пуленк, которые против Равеля, стали радостно смеяться. На том же вечере я встретил

директора венского Универсального издательства[15], который очень интересовался, нельзя ли печатать мои сочинения, даже оперы, обещая способствовать их исполнению в Вене, если бы я уступил ему. Я должен был ответить, что связан с издательством Кусевицкого и советовал ему лично переговорить с Кусевицким, который возвращается из Лондона через два дня.

7 апреля

От Duo Art новый контракт: они приняли мои условия: т.е. на три части по три пьесы в год по четыреста семнадцать долларов за пьесу. Это значит, что в будущий февраль поеду в Нью-Йорк.

Был у Манухина, который нашёл, что сердце моё нормально - не увеличено, но пульс неровный. Велел продолжать принимать фосфорные препараты и прибавить к ним валериану с ландышем на некоторое время. Он сказал: «Если бы вы были просто переписчиком, так я отпустил бы на все четыре стороны, как здорового, но так как вы композитор, да ещё замечательный, то вас надо поддерживать фосфором».

Вечером был на концерте из сочинений Баха - действует очень освежающе, хотя и чувствуется некоторая медлительность.

8 апреля

Учил Концерт. Вносил в голоса некоторые поправки, сделанные в партитуре. Вечером с Пташкой были у Самойленко, играли в пасьянс вчетвером. Был такой азарт, что выли от волнения и ненавидели партнёров.

9 апреля

Немного набрасывал пьесы со струнным квартетом. Та, которую я набросал в квартире Боровского, никуда не годится.

С Пташкой очень нежные отношения. Сегодня шесть недель, как родился Святослав. Вечером заходил к Кусевицкому, который вернулся из Лондона и завтра едет в Варшаву. С Кусевицким теперь очень хорошие отношения.

Его издательство вступает в соглашение с Оксфордским издательством, которое имеет представительство во всех британских колониях, а это значит, что мои сочинения будут выставлены во всех Тасманиях и Сингапурах. Кусевицкий сообщил, что из Шотландии запросили пятьсот экземпляров Марша из «Трёх апельсинов». Здорово: первый раз такая порция. У издательства, конечно, такого количества не оказалось, и поэтому экстренно печатают второе издание.

От Кусевицкого - на концерт, где исполнялось Трио Villa-Lobos'a для гобоя, кларнета и фагота. Он отлично знает эти инструменты, у него масса интересных моментов, ритмов, звучностей, но нет текучести, и я не уверен, сколь ценен его материал. Если б ему было двадцать два года, я не задумываясь сказал бы, что из него выйдет значительный композитор, но так как ему уже тридцать два, то надо воздержаться от резких осуждений других мест, менее удачных, и подождать его других сочинений. После концерта Сталь угощал ужином. Довольно занятен Мийо, который очень мне не нравился до сих пор. Он меня очень удивил, рассказав, что когда ему нужно оркестровать, то он едет в санаторий, где тишина, и работает с девяти часов утра до одиннадцати часов вечера, делая до тридцати-сорока страниц в день. Или он врёт, или это что-то невероятное. Я делаю максимум десять-

[15] Издательство Universal.

пятнадцать, а обыкновенно четыре-пять.

Дива только что вернулась из Нью-Йорка, жаловалась, что на неё там накинулись старые кредиторы и очень ободрали её. Очень противно, если случится то же со мной, когда я поеду наигрывать Duo Art!

10 апреля

Учил Концерт. Поздравления Adrienne, которая заканчивает мою голову. Говорит, что за десять дней перерыва мои щёки успели потолстеть и ей надо прибавлять глину. Вечером догонял дневник.

11 апреля

Были у нас Бальмонт и Шаховская с сыном (пренесносный ребёнок, который всюду ползает и за всё дёргает, но как specimen[16] хорош: крупный и сильный. Бальмонт скоро уезжает к океану, но приедет к исполнению «Семеро их». Хвалил Святослава. Святослав ему улыбнулся. Бальмонт остался очень доволен улыбкой и воскликнул: «Я ему нравлюсь!»

12 апреля

Вечером Сталь и Жанакопулос. Последняя находит перевод «ахматок», сделанный d`Harcourt, никуда негодным.

16 апреля

Завтракал у Mme Dubost, у которой был в первый раз. Среди других приглашённых были Тайфер и Флоран Шмит. Последний сначала не узнал меня, а потом был чрезвычайно любезен, хвалил «Шута» и «Скифскую» и приглашал к себе.

17 апреля

Позировал Волковысской. Так как мне порядочно надоело этим заниматься, то сегодня она пригласила фотографа и сняла во всех поворотах, чтобы доканчивать без меня.

Концерт подвигается и начинает идти.

18 апреля

Был на генеральной репетиции драмы Demasy «Иисус из Назарета». Так как Demasy прежде всего еврей и в своём творчестве берётся только за библейские сюжеты, то меня интересовало, под каким углом он возьмёт Христа. Но этот вопрос мне разрешить не удалось - с половины пришлось уйти: уж очень затянули репетицию. Demasy не очень оригинален, но у него есть хорошо задуманные моменты. Очень утомляла музыка, которой была масса: по целой увертюре или пьесе Вагнера или Франка перед каждой из восьми картин. Очень глупо: увертюра «Лоэнгрина» - средние века; поднимается занавес и - Иудея.

Вечером был у Н.К.Кусевицкой, куда был приглашён ещё Сталь: всё это для обработки статьи Кусевицкого (который сам был в Варшаве) против Шлецера, с

[16] Образец (фр).

которым у него газетная перебранка. Я был приглашён для прибавления ядовитых словечек в статью. Конечно, я в этой полемике всецело на стороне Кусевицкого, хотя и не считаю, как Кусевицкий, что Шлецер такой бесконечно вредный элемент.

19 апреля

Цедербаум переписал начисто вчерашнюю статью и приезжал читать её мне. Наталья Константиновна так занята этим вопросом, что тоже приехала. Я продолжал делать им указания и ввёртывать ядовитые обороты; хотя действовал в данном случае скорее как наёмные войска: не столько из желания уничтожить Шлецера, сколько из любви к сражениям.

Завтракал у Марии Викторовны, где был ещё её родственник и мой первый учитель гармонии - Померанцев. Он показал хороший пасьянс, но в своих рассуждениях о музыке был близоруким и отсталым. Вернувшись домой, узнал, что были Захаровы, Борис и Цецилия, которые только что из Америки; узнав, что меня нет, они начали было писать письмо, но потом влезли к Пташке в спальню, так как им очень хотелось посмотреть, что у меня за такая за жена. Я не совсем доволен этим.

21 апреля

Был у Захаровых в отеле. Циля начала подкрашиваться, что ей очень идёт. Захаров мало изменился, впрочем, выглядит весьма старым. Очень мило провели время.

Был у Жанакопулос. Выбирали ей романсы для моего концерта двенадцатого мая. Она так хотела петь в этом концерте, а теперь старается дать как можно меньше новых романсов, чтобы не учить.

22 апреля

Обедал у Натальи Константиновны, где был ещё Эберг. Договорились наконец до контракта, а то были всякие мелочи и я печатался у них без подписанного контракта.

23 апреля

В Обществе авторов получил четыреста одиннадцать франков за триместр (исполнение в концертах). Не много, но всё же значительное увеличение. А Пташка получила две тысячи от Garvin из Америки на Святослава и на няньку для него, а также обещание присылать в дальнейшем. Всё это, кажется, на основании слухов о том, что я хочу на лето его куда-нибудь сдать, чтобы он не докучал. Очень жаль, если это не удастся.

Днём заходил к Захаровым и отнёс Цецилии цветов: у неё ангина. Вечером Борис был у нас один, а также Боровские. Я вспомнил, что сегодня мне стукнуло тридцать три года («Что это за шум раздался в соседней комнате? Это мне стукнуло тридцать три года»). Борис очень хвалил Пташку.

24 апреля

От Жанакопулос письмо с программой: только три новых романса, остальные уже петые. А если мне не нравится, то она может отказаться, пишет она. Я ответил, что она может петь какую угодно программу, но пусть, кстати, укажет имя своей

аккомпаниаторши (т.е. я неинтересную для меня программу аккомпанировать не буду). Вечером ответ от Сталя. очень грубый. Жан петь не будет. Но это же подвох и подлость?! Кто первый, как не Сталь, затеял разговор о её участии, а теперь отказывается, да ещё грубо!

25 апреля

Ночью спал плохо, обдумывая ответ. Утром написал ответ, вежливый, но доказывающий, что поступок был непорядочный. Днём ожидали, что Сталь ворвётся скандалить. Решено было, что при его появлении ***я*** исчезну чёрным ходом и будет объявлено, что я уехал искать дачу. Однако Сталь не явился. Вечером был у Н.К. Очень сочувствовала и искала мне другую певицу. От неё на «Историю солдата» Стравинского, которая давалась в Champs Elysées. Впечатлений - меньше, чем когда осенью слышал в концертном исполнении. Сцена мешала музыке, а музыка растягивала сценическое действие. Очень здорово то место, где чёрт в ритм декламирует под музыку. Это то, о чём я думаю. Встретил Стравинского. Расцеловались. Я сказал, что хотел бы с ним повидаться, поболтать и показать ему 5-ю Сонату. Он ответил: «С удовольствием; я вас очень люблю; позвоните дня через два». Хвастался, что уже имеет несколько ангажементов играть свой Концерт. Был с Судейкиной, которую я как-то никогда не узнаю.

26 апреля

Играл много. Обдумывал программу для реситаля на случай, если не будет певицы. Эберто к отказу Жанакопулос отнёсся довольно равнодушно.

Вечером у Боровских; также Захаровы и Н.К. Завтра русская Пасха. В двенадцать часов ночи христосовались и все перецеловались трижды. Н.К. рассказывала, что Метнер из Германии, Рахманинов из Америки - оба трогательно съехались во Флоренции. Очаровательно!

27 апреля

Русская Пасха.

Обед у Н.К.: Боровские, Захаровы. Пташка и я. Н.К. хотела ещё позвать Сталей, но, зная о нашей ссоре, отменила это приглашение. Обед был замечательный, особенно хороша была сёмга, каковой не ели даже в России. Когда я рассказал, что «Семеро их» идут только семь минут, Захаров сказал: «Значит, по минуте на каждого из них!»

Захаров рассказывал, как он однажды в Риге отвозил запьяневшего Глазунова. «Как вам понравился хозяин?» - спросил Захаров, чтобы что-нибудь спросить. Глазунов, еле артикулируя слова, ответил: «Человек-то он хороший, да только больно уж пьяница!»

Утром я получил от Mangeot, одного из сотрудников Hebertot, письмо, рекомендующего мне певицу Юрьевскую. Я стал расспрашивать, что это за певица. И Н.К.. и Борис очень её хвалили, а Захаров сказал, что это его хорошая знакомая, и мы немедленно отправились к ней. Она недавно приехала в Париж и была рада выступить в моём концерте. Таким образом дело было сразу налажено.

Оказалось, что я её знал двенадцать лет тому назад в Консерватории, когда немного ухаживал за Леной Клингман. Теперь я обо всём этом забыл, но вспоминая, восстановил, что эту Юрьевскую звали тогда Зинка Ленкина, и мы с Максом Шмидтгофом коверкали это в Ленку Зинкину. С тех пор она превратилась в хорошую певицу, выступала в Мариинском театре и берлинской Штатсопере.

25 апреля

У Пташки безумный насморк. Она в постели. Была Юрьевская, выбирали с ней мои романсы. Она берётся выучить в две недели восемь штук, и все почти в Париже непетые. Это вам не по-жанакопуловски. От Бальмонта милое письмо с рекомендацией дач у океана. После сталевских скандалов приятно такое внимание.

Haensel извещает, что я буду играть в Бостоне (с Кусевицким), но напоминает о долгах.

26 апреля

Боровский тщательно вызубрил партию второго фортепиано, и сегодня мы с ним в магазине Плейеля репетировали 2-й Концерт. Местами было очень смешно, так как второе фортепиано меня сбивало и я не мог играть. Так было в средней части Интермеццо и в начале Финала.

27 апреля

Приходила Юрьевская, пела те романсы, которые она выбрала. Конечно, всё это в сыром виде. У неё очень приятный лирический тембр, но в piano будто ничего нет. Много рассказывала про свою службу в Мариинском театре во время большевистского режима. Мелькали знакомые лица. Маруся Павлова попала в Мариинский театр, но на вторые роли.

1 мая

Репетировал с Боровским у Плейеля. Идёт лучше. Боровский восхищается Концертом. По случаю первого мая нет такси. По сему поводу Париж очень симпатичен: никто не сшибает при пересечении улицы.

2 мая

Кусевицкий вернулся из Польши, где дирижировал шесть концертов. Боровский и я обедали у него и наигрывали ему 2-й Концерт, хотя на одном рояле это было трудно. Кусевицкий очень доволен им. «Семеро их» он хочет сыграть дважды в одном концерте - для пущего вразумления. Солист и хормейстер уже получили ноты и, говорят, очень довольны вещью. Это очень важно для подготовки.

Н.К. деликатно отказала Сталям от места в её ложе на восьмое, чтобы мы не встречались.

3 мая

Играли с Боровским Концерт Кусевицкому. Когда мы все пришли в магазин «Плейель», то застали там Стравинского, который без пиджака и в расстёгнутой рубашке репетировал с Вьенером свой. Мы услышали только заключительные такты, которые выходят очень ловко и даже производят впечатление технических мест, когда Стравинский, напыжившись, набрасывается на октавы. Стравинский хвастался своими бицепсами. Откуда бы они у него?

4 мая

Днём Кусевицкий был у нас, репетировал 2-й Концерт: я играл, он следил по

партитуре и дирижировал: мне самому это было очень полезно, кроме того, он указал несколько хороших оттенков. Вчера они вместе со Сталями были на «Царе Давиде» Онегтера, который с колоссальным успехом исполняется уже четвёртый раз в этом сезоне. Сталь подвыпил и безумно орал бис так, что его даже останавливали. Вероятно, орал отчасти в пику мне.

5 мая

Первая оркестровая репетиция, в фойе Opéra, где всё гудит и потому трудно что-либо понять. Кусевицкий только прочёл, без меня, чтобы ознакомить оркестр и выудить несколько ошибок в голосах.

После репетиции мы вместе поехали в магазин, им рекомендованный, выбирать мне пальто. Выбрали чёрное с белым, шотландское.

6 мая

Для твёрдости ещё репетировал Концерт с Боровским на двух фортепиано. Он был очень мил и репетировал со мной, несмотря на то, что завтра у самого концерт.

Говорят, что на семнадцатое мая в Champs Elysées объявлен «Фестиваль Жанакопулос». Что-то совершенно невероятное! Перед репетицией с Боровским заезжал к Кусевицкому - взять ноты. Он не совсем здоров, лежит в постели и учит партитуру «Хованщины», которую должен дирижировать в Opéra. Поразительно, как бедная «Хованщина» оркестрована: не верится, что эту партитуру писал Римский-Корсаков! Когда я зашёл к Кусевицкому на обратном пути, чтобы вернуть партитуру Второго концерта, то застал там Стравинского, который жаловался на то, что у него лопаются пальцы от учения своего Концерта. Я ему советовал рахманиновский способ заклеивания. Мы вышли вместе. Стравинский говорил, что он с детства любил играть на фортепиано и что он намерен играть свой Концерт как пианист, а не как композитор, которого бы снисходительно хлопали по плечу за пианистические попытки. «Смотрите, — сказал он, - дым из трубы стелется по земле. Значит, перемена погоды и оттого лопается кожа на моих пальцах».

7 мая

Вторая оркестровая репетиция. Из Концерта попробовал две части: скерцо и финал; но обстановка была неприятной, оркестр был в оперной яме, я играл на плохом пианино на авансцене и не видел Кусевицкого, а он не слышал меня. Настоящая репетиция будет только завтра.

Днём ходил к Плейелю пробовать рояль. Кстати, там же репетировал «Еврейскую увертюру», которую будут играть через неделю и которая почему-то в программе названа «Еврейской рапсодией».

8 мая

Генеральная репетиция. Я чувствую себя спокойно и крепко. Репетируем старательно, но, конечно, нужна бы ещё репетиция, особенно если принять, что Кусевицкий совсем не так хорошо аккомпанирует. В этом же концерте в первый раз исполняется «Pacific» Онеггера, очень здорово оркестрованная вещь, - пример того, как без музыки можно делать интересные вещи.

Днём я себя чувствую хорошо (я боялся за сердце и нервы). Вечером, перед выступлением и Кусевицкий, и я выпили Kola Astie для подкрепления. «Pacific» шёл до моего Концерта и имел шумный успех: одни требовали повторения, другие

шикали: Онеггер, после «Царя Давида», модный композитор и публика его приемлет. Год назад «Pacific» бы освистали. Или я не замечаю, или музыкального материала в нём нет, но есть масса изобретательности в оркестровке и звукописи. Этот «паровоз» теперь со свистом объедет весь мир, переехав через шею многих композиторов, но когда другие композиторы используют его открытия и применят их к настоящей музыке, то паровоз будет сдан на слом. Не может быть, что я не замечаю в нём музыкального материала!

Я играл Концерт почти хорошо. Всё время держал себя в руках. Очень было важно, что я крепко его зазубрил. В каденции порядком устал. Но скерцо, пожалуй, вышло лучше всего. В финале оркестр врал. Публика после каждой части заставила меня раз или два вставать кланяться, но в конце аплодисментов сравнительно немного, что отчасти объясняется необычайной длиной всего первого отделения, в конце которого стоял мой Концерт и утомил публику. Во всяком случае успех был значительно меньше успеха «Pacific». В антракте в артистической много народу. С Онеггером мы поздравили друг друга с успехом. Стравинский сказал, что он немного помнит этот Концерт по Италии 1915 г. и что ему больше нравится третья часть. Несмотря на колоссальный успех Онеггера. Стравинский не спустился с пьедестала и на мой вопрос, каков «Pacific», ответил: «Очень, очень мило». Приходил жать руку Кусевицкому Дамрош. но я делал вид. что не вижу его; он тоже, или не узнал меня.

Стали сидели с Боданским в третьем ряду и сдержанно аплодировали. После концерта ужинали: Кусевицкий, мы, Боровские, Эберг и Цедербаум.

9 мая

Сегодня отдыхал. Собственно, через три дня recital, но после вчера пальцы разбиты, надо отдохнуть хоть до завтра. Впрочем, с Юрьевской репетировали. Думал о «Pacific»: хороший урок: надо подтягиваться и в оркестровке, и в изобретательности!

10 мая

Начал зубрёжку к recital'ю двенадцатого. Думал о «Pacific». Хорошо, пускай в нём музыкального материала мало, но ведь и в «Семеро их» не Бог весть как много музыки! А между тем, я очень ношусь с «Семерями». Очевидно, в «Pacific» есть что-то, что я просмотрел, и это что-то есть напор, та сила, которая и заставляет этот паровоз нестись так стремительно.

11 мая

Зубрил. Приходила Юрьевская репетировать. У неё хороший голос, лучше Дивы, и романсы она выучила, хотя и не очень твёрдо в них впелась. Вечером были на концерте Боровского. Русская программа. Начал 1-й Сонатой Чайковского: одну первую часть. Вероятно, только эдак можно играть эту Сонату. Играл мой «Прелюд» и «Токкату» - последнюю очень бойко. Кончил концерт «Петрушкой» Стравинского. Автор явился к своему номеру. Сидел с Судейкиной в ложе рядом с нами.

12 мая

Позубривал «Токкату», чтобы сыграть её не хуже Боровского. Вечером концерт. Народу больше, чем в прошлый раз, но всё же мало для такого большого

зала. Я играл спокойно и чисто. Двухмесячные занятия фортепиано перед выступлением у Кусевицкого сделали меня профессиональным пианистом и Боровский нашёл, что я играл очень хорошо.

Юрьевская пела весьма недурно, но, увидев Кусевицкого. струсила и наврала в «Я свет зажгу». После концерта пили чай с Юрьевской, её мужем и Боровским.

13 мая

Рано утром, не выспавшись, сел в поезд и поехал искать дачу около Бальмонта, на океане. В поезде досыпал. В шесть часов вечера Chatelaillon с Бальмонтом, Еленой и Миррой, которая, между прочим, из девчонок выросла в барышню. Бальмонты собирались кейфовать, но я объявил, что прежде надо искать дачу и вместе с местным агентом бегал до десяти часов вечера. Сначала они меня сопровождали, но потом один за другим отвалились. Chatelaillon - довольно пыльное местечко, пляж средний,. к тому же неприятно укреплённый каменной стеной, и в заключение - ни одной дачи, стоящей уединённо, - все в общей толкучке. Вечером, в десять, ужинали. Бальмонт угостил вкусными лангустинами. Выпили бутылку белого вина. У них небольшая, но милая дача на песке у самого океана. Для меня была отдельная комната, где я и заснул как убитый.

14 мая

В девять часов утра явился агент, и мы снова отправились на поиски. Мирра вскочила и отправилась со мною. Бальмонта я обнял полусонного. Нашли очень скромненький домик, который можно было бы взять в крайнем случае. В автомобиле с Миррой и агентом побывали в соседнем местечке Angoulin, но там вовсе скверный пляж. Тогда я купил гид, изучил, где есть другие пляжи, выбрал St.Gilles, сел в поезд и после многочисленных пересадок к вечеру приехал туда.

15 мая

St.Gilles-sur-Vie - маленький городок километрах в восьмидесяти к югу от St.Brevin. Когда подъезжаешь к нему, то вокруг чудесная французская campagne[17], но в нескольких километрах она иссякает из-за близости океана. Пляж изумительный. Я нашёл очень комфортабельный дом до первого ноября за четыре тысячи двести франков, только нет сада вокруг. Но больше всего меня покорил пляж, а так как мы мечтали об океане, то вопрос пляжа был на первом месте. Я дал задаток и в четыре часа дня двинулся обратно в Париж.

16 мая

Ночь спал так себе, хотя в купе второго класса я был один. В шесть часов утра - Париж. Уселся за корректуру голосов «Семеро их» к предстоящему исполнению.

17 мая

Видел Эберто. В будущем сезоне у него опера и он намерен прослушать «Огненный ангел». Дирижёр Вольф, режиссёр Комиссаржевский, которого я немного знал (он осенью мне сам представился). Так как слушание через неделю, то пока я написал Комиссаржевскому, предлагая прочесть ему либретто.

[17] Сельская местность (фр).

От мамы письмо с советом отдать Святослава в хорошее место на воспитание. Я сказал, что я об этом давно говорил. Пташка в слёзы. По этому поводу ссора.

18 мая

Начал корректуру партитуры 3-го Концерта, который у меня лежит уже больше месяца. Вечером был на Павловой: колоссальное gala, сбор восемьдесят тысяч, танцует замечательно, но на такую мерзейшую музыку, что уши вянут. Встретил Дягилева с двумя мальчиками. Дягилев был величественно-благодушен, я - насмешливо-любезен.

19 мая

Корректировал 3-й Концерт. С Пташкой помирились. Были вечером в камерном концерте, где исполнялась «Еврейская увертюра». Сыграли её хорошо и принята была тоже хорошо, хотя народу было мало. Кларнетист почему-то считал себя главным действующим лицом и когда аплодировали, выходил кланяться один. Кусевицкий был на концерте и хвалил увертюру.

20 мая

Были на концерте Дамроша, который даёт здесь цикл Бетховена из шести концертов. Французы над ним посмеиваются, и действительно, старик дирижирует прескверно. Однако, благодаря участию ирландского тенора Мак Кормака, зал был полон и публика пренарядная.

21 мая

Был на концерте Стравинского, который сегодня играл с оркестром в первый раз в жизни. Очень волновался, сбивался, забывал и рылся в партитуре, которая стояла на пюпитре. Сам Концерт - скрещение двух влияний, Баха и американских регтаймов. Первое мне не нравится, второе - да! Музыка «под Баха» уже появилась у него год назад в финале «Октета», и мне сразу не понравилась как явная подделка. (Я ничего не имею против Баха, но против самого факта подделки). Сделан Концерт бодро, сурово, и в этом несомненно залог его жизненности. Суровость его отчасти проистекает от оркестровки - без струнных. Такая оркестровка мне отчасти нравится - своею аскетичностью; отчасти нет - отсутствием полутонов и мягкости, которые исчезают вместе со струнными. Кое-что в меди просто сделано грубо: кричит и заглушает фортепиано.

22 мая

На концерте Стравинского мы сидели в ложе с Н.К. и Боровским. Немножко волновались за него: а вдруг запутается? Я говорил: «Стравинский сейчас себя чувствует как девушка перед потерей невинности». Он вышел действительно заметно взволнованный, но ободрился от овации. Рядом с ним на табуретке положили партитуру на случай инцидента. Однако играл он хорошо, бойко и без видимых сходов с рельс. Успех огромный: ещё бы, композитор в сорок лет вдруг сделался пианистом, да ещё таким бойким. Это всё равно, как если бы я выступил соло на фаготе! Концерт совсем не такой лёгкий, хотя есть много мест неинтересных пианистически. Не нравится мне подражательный стиль музыки и обилие мест откровенно скраденых, хотя бы у стариков.

23 мая

Репетиция хора «Семеро их». Кажется, это уже шестая у хора, но первая, на которую можно пригласить автора. Однако, когда я пришёл, оказалось, что репетиция переложена на завтра, так как сегодня Шаляпин и Кусевицкий репетируют «Годунова». Шаляпин приехал из Америки на несколько гастролей. Я не имел ничего против, так как мне любопытно посмотреть, как ведёт репетицию Шаляпин, который не только пел, но и режиссировал и даже вмешивался в дирижирование Кусевицкого. чем немало изводил последнего, тем более, что он вмешивался, хотя и ласково («Серёжа, ты...»), но в не особенно корректной форме. (Шаляпин Кусевицкому: «Серж, зачем ты так широко машешь: ведь так ты вовремя не поспеешь», или: «Серж, выдержи ты хорошенько паузу. Пауза - ведь это тоже музыка!»).

После репетиции я с ним разговаривал, он был мил (charmeur) и сейчас же предложил написать музыку на слова, которые ему нравятся (о короле и шуте). Он тут же очень элегантно продекламировал эти стихи. Возвращался с репетиции с Кусевицким, который всю дорогу очень капризничал и говорил, что Шаляпин его извёл, вмешиваясь в дирижирование, что он чувствует себя больным и откажется от дирижирования.

24 мая

Проводил Ольгу Владиславовну, которая уехала в Америку, оказав нам массу услуг по хозяйству и, вместо отдыха, замучившись окончательно.

Днём репетиция с хором «Семеро их». Хор знает очень хорошо и поёт лучше, чем я ожидал, а местами даже с увлечением. Здорово вышло «Закляни, закляни, закляни..» перед соло литавр. Глиссанды у хора звучат наоборот, менее эффектно, чем я ожидал.

25 мая

Price с дочкой возил Пташку и меня в автомобиле в Sevres пить чай. Святослава в первый раз оставили совершенно одного в квартире, но по возвращении нашли в благополучном состоянии, хотя и утомлённым от рёва.

Price совершенно умирал от болезни сердца, и когда доктор отказался, за него взялся Christian scientist[18], который его совершенно вылечил. Это произвело на нас большое впечатление.

26 мая

Первая оркестровая репетиция «Семеро их», в фойе, поэтому всё звучало оглушительно, хотя и не особенно ясно. Слушал с интересом и волнением. Некоторые пустяки надо переделать, но не так много.

Вечером открытие Дягилевского сезона: блестящий съезд. Я очень интересовался балетом Пуленка «Les biches», но был разочарован и прямо огорчён. Материал наивный, шарманочно-танцевальный. Но ещё Бог с ним, с материалом, я не хочу к нему придираться: кажется, по его мнению, он пользуется таким материалом, потому что этот материал отражает современность. Пускай. Но использован этот материал никак, формы никакой (сплошь четырёхтакты, связанные с неимеющими к ним отношения другими четырёхтактами), разработки никакой, и инструментовка

[18] Проповедник Христианской науки.

пускай милая, но в конце концов - никакая.

Шедшая после «Биш» «Свадебка», которую я слышу в первый раз, сделана рукою мастера и с напряжением, сближающим её с «Весной священной». Очень хорошая вещь. Когда я пошёл поздравлять Стравинского, с которым мы расцеловались, то, кстати, ругнул «Biches». Я очень был удивлён, когда Стравинский стал защищать Пуленка. Я: «Не верю вашим похвалам». Стравинский (несколько обиженный): «Между тем у вас нет оснований считать меня неискренним. Но мы смотрим с разных точек зрения». Я не понимаю, в чём дело, и хотел бы поговорить со Стравинским серьёзно на эту тему. Пуленку я не сказал ни слова и он, кажется, смущён моим отношением. Но и я огорчён, ибо считал его настоящим композитором.

27 мая

Хоровая репетиция под управлением Кусевицкого, который, конечно, ещё подтянул их, хотя сам не совсем был твёрд в темпах, кое-где гнал, а кое-где затягивал.

Вечером был на концерте Дамроша, где Гофман играл 4-й Концерт Бетховена. Любопытно, что Гофман, который имеет такой успех в Америке и России, в первый раз играет в Париже. Играл он просто и тонко, и имел шумный успех.

28 мая

Генеральная репетиция «Семеро их», впрочем единственная, где хор сведён с оркестром. Началась нескладно, так как тенор не знал, что в девять, и явился только в десять, и сам же обрушился, что его не предупредили. Словом, вышел целый скандал. Он хотел отказываться, мне пришлось его уговорить, словом, целая история, весьма не ко времени. Голосишко у него пронзительный, но так себе, а музыкант он хороший. «Семеро их» в большом зале звучало не так грозно, как я думал. Хор восемьдесят-девяносто человек, а надо бы сто пятьдесят. Дрянной тамтам. Было масса волнений, так как сначала всё шаталось, но Кусевицкий очень старался и под конец наладил дело. Я вернулся домой совсем измученный.

Вечером был на концерте Szigeti. Он. кажется, первый из скрипачей искренний поклонник моего Скрипичного концерта и через несколько дней будет играть его в Праге. Он очень корректный скрипач, целомудренный в своих средствах, и хороший музыкант. После концерта он пригласил меня ужинать. Я расспрашивал его про Москву и 6-ю Симфонию Мясковского, которую он только что слышал.

В Москве он дал девять концертов. Жизнь очень дорога. Публика внимательна. 6-я Симфония ему не очень понравилась. По его мнению, в ней нет единства и она не особенно хорошо воплощена.

29 мая

День начался хорошо: письмо от Szenkar, дирижёра Кёльнской оперы, где в очень лестных выражениях он высказывает желание поставить «Три апельсина». Затем был Szigeti и проиграл Скрипичный концерт. Играл хорошо, но я как-то не мог вдуматься, занятый предстоящим исполнением «Семеро их». Вечером мы с Пташкой в ложе Кусевицкого. Тут же Боровские, вдова Дебюсси, позднее Равель. Я волновался и плохо слушал предыдущую программу. Неудачно было, что моей вещи предшествовала шумная вещь Ф.Шмитта. Во время исполнения «Семеро их» моё волнение ещё более увеличилось, но сыграно было хорошо и успех был очень большим. Меня вызывали и я выходил кланяться к барьеру ложи. Затем играл

Стравинский свой Концерт, но имел меньший успех, чем в прошлый раз. В антракте видел Бакста, Черепнина, Милюкова, которые необычайно горячо выражали свои восторги. Затем появилась целая гирлянда нарядных дам: Фатьма, Тамара и другие. В соседней с нами ложе была Ида Рубинштейн, к которой мы зашли с Бакстом. Тут же Рушэ. Ида говорила вошедшему со мною Демази: «Вот музыкант, который нужен для вашей вещи», - и сказала, что на днях пригласит меня для переговоров. Во втором отделении шли «Ноктюрны» Дебюсси, а затем «Семеро их» были повторены снова. На этот раз я слушал более спокойно, но успех был меньше, чем в первый раз, и меня не вызывали. Концерт закончился плясками с хором из «Игоря». Равель присутствовал только при втором исполнении. Он очень хвалил, говоря, что я нашёл очень сильные выражения и новые звучности. Mme Debussy сказала Пташке, что ей нравится самостоятельность моей музыки. «Вы понимаете, о чём я говорю», - прибавила она. Так как перед тем шли «Ноктюрны» её мужа, которые она прослушала со слезами на глазах, а перед ними играл Стравинский, укравший начало этих «Ноктюрнов» в «Соловье», то, вероятно, намёк касался его.

30 мая

Приятное состояние отдыха, удовлетворения и лени, как после выигранного сражения. Впрочем, я сейчас же сел за корректуру партитуры и голосов 3-го Концерта, которые уже давно гниют у меня. Приходил Эберг, мы вместе писали ответ Сценкару. Эберг рассказывал, что на предыдущем концерте Кусевицкого - из сочинений Стравинского - он случайно встретил Метнера, приехавшего в Париж совсем инкогнито. Метнер был возмущён Концертом Стравинского и говорил, что такую вещь надо играть ногами. Метнер: почему Издательство не печатает моих сочинений? Эберг: нет денег. Метнер: ну, а Стравинского вы печатаете? Эберг: на печатание Стравинского Н.К. дала денег из своих частных средств. Метнер: а Прокофьев? Эберг: тоже.

Метнер проводит лето на берегу моря во Франции, а затем уедет в Америку, где Рахманинов всё-таки устроил ему контракт.

31 мая

Комиссаржевский, наконец, ответил на моё письмо об «Огненном ангеле» и просил назначить ему свидание. О «Семеро их» начали появляться рецензии, хорошие, хотя и неглубокие по содержанию.

Вечером с Пташкой был на Венской опере, которая приехала в Париж давать Моцарта. Шло «Похищение из сераля». Замечательный ансамбль. Очень занятный дирижёр Шалк. «Похищение» я слышу в первый раз. Оно устарело, но много милого.

1 июня

День относительно спокойный. Писал длинное письмо Мясковскому. К завтраку купил «кианти» и мы с Пташкой немного подпили.

Вечером, в Венской опере, на «Фигаро». Опять та же замечательная сыгранность. Хотя меньше, чем «Похищение», но всё же «Фигаро» тоже устарело, сюжет больше, чем музыка. Как-то неинтересно, о чём и зачем они суетятся. Мы были с Mme Newman. Подошёл Дягилев, говоря, что он засыпает от скуки. Подошёл он не из- за нас, а из-за Mme Newman, или из-за того, что у неё в Лондоне есть муж, злой и влиятельный критик, а Дягилев, по окончании парижского сезона, хочет везти свою

труппу в Лондон. Со мной Дягилев равнодушно-мил. Когда он заговорил с Newman по-английски, я воскликнул: «Ого, да вы делаете успехи!» Он улыбнулся: «Да, мальчик развивается».

2 июня

Приехал Сувчинский. Он хотел быть в Париже на моём концерте, и на концерте Стравинского, и на «Семеро их», но на всё опоздал. Мы были чрезвычайно обрадованы встрече и даже не знали сначала, о чём говорить. «С чего же начнём?» - спросил Сувчинский. Я играл ему 5-ю Сонату. Приехал он по евразийским делам. Он очень увлекается евразийством и говорит, что дело разрастается. «Хотим крестить большевиков», - объявил он. Я познакомил его с Пташкой, объяснив, что я оттого ничего до сих пор не говорил ему о моей женитьбе, что он сам ничего не говорил мне про свою, а потом я думал, что так ему приятней. Пташке он понравился. Затем явился Романов, тот Романов, который в 1914 году должен был ставить балет «Ала и Лоллий». Он хочет заказать мне новый балет для крошечного оркестра, человек шесть. Последнее совпадает с моими желаниями написать что-нибудь для малого ансамбля. Он хотел заручиться моим принципиальным согласием, окончательно же поговорит со мной через неделю или две.

Вечером с Пташкой были опять в Венской опере: «Дон Жуан». Это несомненно лучшая опера Моцарта и музыкально, и сценически. Она до сих пор совершенно не утратила свежести. Сцена на балу, где три оркестра на три счёта, мне живо напомнила, как я наряженный, дирижировал на сцене в Консерватории. Какой смелый и живой изобретатель был Моцарт! Но, строго рассуждая, трюк не удался, так как ухом совершенно не слышишь три разных ритма, знаешь трюк лишь по партитуре.

3 июня

Был Комиссаржевский. Обещал в два, пришёл в три. Вид усталый, ленивый, лицо бритое, очень интеллигентное, голова лысая. Всё поведение какое-то странное, но сквозь эту странность я чувствую симпатию к себе. Я прочёл ему либретто «Огненного ангела», помня приговор Демчинского и прося указать сценические промахи либретто. Однако он нашёл либретто вполне сценичным, и только в трёх местах посоветовал сделать маленькие вставки, чтобы лучше спаять отдельные акты, что я сейчас же и выполнил. Он сказал, чтобы я известил и его, когда буду играть «Ангела» Вольфу, чтобы он мог влиять на него в мою пользу.

Вечером был в концерте, где Хейфец играл Концерт Бетховена. Очень хорошо и безлично. Публика неистовствовала.

Блуа сообщает: Дамрош будет играть «Семеро их».

4 июня

Сувчинский завтракал у нас, с аппетитом ел котлетку, которую подкладывала ему Пташка. Развивал «теорию лени». Так как я всё время ругал Б.Н. за его лень и паразитизм, то теория Сувчинского мне была очень любопытна. Он, конечно, тоже не одобряет людей, которые никогда ничего не делают, но обвиняет и тех, которые работу возводят в культ. «Посмотрите на современную Германию или Америку; оттого в этих странах такое развитие техники, что миллионы людей только и делают, что работают всю жизнь не покладая рук. В конце концов они сами превращаются в машины, потому что им некогда подумать. Люди же, которые немного ленятся, часто бывают очень хорошими людьми». После завтрака поехали

в Opera, где Шаляпин должен был репетировать «Хованщину», но опоздали и встретили Шаляпина уходящим с репетиции. Поговорили немного. «Мне Шаляпин, независимо от всего, просто нравится как вещь. - говорил Сувчинский. - Он великолепен просто как кусок мяса!»

Вечером Пташка. Сувчинский и я были на дягилевском спектакле, П.П. в моём цилиндре. В первый раз шли «Докучливые» Орик. Сувчинский очень хвалил декорации, о музыке же особенно не высказывался. Мне музыка не то, чтобы понравилась, но, во всяком случае, не взбесила, как музыка Пуленка. Может быть, это и не очень талантливо, но, во всяком случае, не так скандально, как «Биши». Дягилев ко мне (и к Сувчинскому) никак. Первый раз такая странная полоса.

5 июня

День прошёл сравнительно тихо. Ходил покупать школы валторн, труб и других духовых инструментов, чтобы в моих партитурах писать для них удобно и удачно. К сожалению, эти школы очень старых изданий и нередко отстают от современной техники.

6 июня

Была у нас Mrs Wake, англичанка, которая жила в Sevres в том же пансионе, что и мы. Она рассказывала удивительные вещи про Christian Science. Старик Price, живший в том же пансионе, очень милый человек, которого мы знали еле живым, больным сердцем, был исцелён в несколько приёмов.

7 июня

Hebertot, которого я предупредил, что уезжаю из Парижа десятого и который обещал, что до того времени состоится слушание «Огненного ангела», прислал письмо, что Вольф страшно занят, и потому слушание состояться не может, но если будет возможно поставить мою оперу, то он известит меня среди лета. Из этого письма я заключил, что «Ангел», по-видимому, проваливается. Жаль, но, может быть, это к лучшему: буду писать Симфонию, а то я давно уже не сочинял новой музыки, если исключить 5-ю Сонату. Все мои «новинки», которые в этот сезон исполнялись в Париже в первый раз, по существу были старьём.

Был у Боровских. Он наигрывал мой 3-й Концерт, который выучил в три недели. Занятно слушать его в чужом исполнении.

Думал о Christian Science.

Нельзя глухим проходить мимо учения, сопровождающегося такими изумительными результатами.

8 июня

Так как Пташка всё не оправляется от осложнении после родов, то она хочет пойти к Christian Science practitioner. Я её поддерживаю и, может быть, сам пойду с моим сердцем и невралгией. Думали пойти даже сегодня (я не люблю откладывать), тем более, что такой practitioner живёт совсем рядом, но мешали всё время приходившие разные люди.

Забежавший Сувчинский рассказывал, что он был у Стравинского, с которым они очень дружно завтракали и который даже вызвонил по телефону Вьенэра, специально, чтобы с ним сыграть Сувчинскому Концерт. Про меня Стравинский сказал: «Плохо с Прокофьевым, что он всё ещё продолжает быть модернистом».

(Это, вероятно, после слушания «Семеро их»), И вдруг: «Ужасно, что Прокофьев всё ещё пишет на Бальмонта». Ну, а сам Стравинский, который пишет на дягилевского мальчика Кохно?!

9 июня

Так как оказалось, что Christian Science practitioner, жившая близ нас, уехала, то сегодня с Пташкой пошли к другой, Mrs Getty. Но сегодня праздник и её не было. Днём были на крестинах - Пташка крестная мамаша. Крестил аббат Petit, очень живой человек, бывший музыкант, очень хотевший со мной познакомиться. Я много разговаривал с ним о современной французской музыке. Он знает Пуленка, Орика, Тайфер. Когда я ему сказал, что Тайфер, с которой я случайно оказался в одной ложе на «Biches» Пуленка, кажется, обиделась на меня за моё возмущение последним, - то аббат ответил: «До сих пор я знал, что Тайфер совсем непрочь, чтобы поругали её товарищей!»

10 июня

Раньше мы планировали уехать сегодня, но мама с Б.Н. всё никак не выберутся из Oberammergau, а мои дела не устроились. Удалось немного продлить квартиру. Поэтому остаёмся. По-видимому, из всех моих дел вернее всего наладится самое неожиданное: балет для Романова.

В Champs Elysees Дамрош даёт цикл концертов из Бетховена. Парижане издеваются над ним, но ходят, так как доход в пользу французских музыкантов-стариков. «Это единственный красивый жест из всех жестов этого дирижёра», - говорят про него. Blois, который вертится вокруг него, взял мои партитуры, чтобы показать Дамрошу. Теперь Blois передал мне. что Дамрош хочет непременно играть «Семеро их» в Нью-Йорке и просит меня завтра утром заехать к нему.

11 июня

Пташка была у Mrs Getty. Последняя приняла её очень мило, поговорила с нею, а затем, сказав: «Now I will make you a treatment»[19], закрыла глаза рукою и пробыла так в сосредоточенном состоянии минут десять. После этого сказала: «Вы будете здоровы».

Между тем я был у Дамроша. Старик был любезен и сказал между прочим: «Я слишком стар, чтобы лгать, и скажу вам прямо, что ваш 3-й Концерт мне не нравится, но «Семеро их» замечательная вещь, и я хочу их исполнить в Нью-Йорке». Я уже знал, что он не был на исполнении «Семеро их», были его дочки, которые и пришли в восторг. Старик потому и хвалил, что не слыхал. Мы расстались на том, что к нему заедет Эберг и поговорит об условиях найма материала.

Днём очень болела голова. Принял порошок - в последний раз, так как завтра пойду к Mrs Getty, а после того голова должна или больше совсем не болеть, или, если будет всё-таки побаливать, то надо быть честным и лекарств не пригашать. Голова прошла и вечером я был на Дягилеве. Опять «Биши». Мотивы на этот раз лезут в уши и напеваются, но это не есть тематическая изобретательность: он просто взял забытые танго, которые были одно время модны, а затем отложены в стороны за ненадобностью и пустопорожностью. Встретил Шимановского. Он был в Праге на музыкальных фестивалях, где, по его словам, наибольший успех имели

[19] Теперь я буду вас лечить (англ).

скрипичные концерты, его и мой. На мой вопрос, как ему, приезжему человеку, нравятся парижские новинки, он ответил: «Я уже ничего не понимаю, но «Salade»[20] Мийо, которая идёт в Pigale, ещё хуже». Пикассо добродушно говорит: «Я просто на все вопросы отвечаю: ах, очень мило». После «Biches» я не пошёл в зал на пляски «Игоря», а остался разговаривать с испанским художником Sert. Серт довольно известный и имеет связи и при испанском дворе. Дягилев над ним посмеивается, но иногда, ради этих связей, заказывает ему декорации. Женат он на Mme Edwards, большой покровительнице Дягилева, даме, которую я не люблю. Когда я высказал Серту моё мнение о «Biches», он сказал: «Точно такого же мнения Равель, который во время исполнения сидел рядом со мной». В дальнейшем разговоре он сказал: «Нет в искусстве ни передового, ни отсталого, а есть талантливое и неталантливое». Мы с ним разговаривали по душам и, прощаясь, он выразил желание чаще встречаться в будущем сезоне. А для меня мораль неожиданная: я почувствовал себя приятно в обществе людей отсталых. Не описываю ли я ту же эволюционную линию, что Метнер: новатор в двадцать лет, и закаменелый академист в тридцать-тридцать пять?

12 июня

Встал раньше и отправился к Mrs Getty с тем, чтобы быть у неё одним из первых. Полчаса ждал её прихода; был в несколько взволнованном состоянии. Mrs Getty имеет «office» в очень хорошем деловом здании американского образца. Сама она - очень милая дама лет сорока-пятидесяти, на первый взгляд ничем не замечательна. Она посадила меня в кресло, против себя, у окна. Я сказал, что вчера была у неё моя жена, а сегодня пришёл я: жалуюсь я на невралгию, которая у меня держится уже десять лет, являясь с поразительной аккуратностью по три раза в месяц, и на сердце, которому хотя и лучше, но которое никак не войдёт в норму. На её вопрос о моём знакомстве с Christian Science, я ответил, что имел случай видеть замечательные явления (Price), но о его сущности слышал от людей, к сожалению, недостаточно тонких, чтобы представить его в истинном свете (Mrs Wake). Затем она сказала: «Maintenant je vais vous faire un traitement»[21] и дала мне в руки книгу «Science and Health»[22], прибавив: читайте. Я начал читать, она прикрыла глаза рукой и ушла в себя. Я читал довольно долго, но мне сначала было трудно сосредоточиться. Но затем я, ожидая вопроса о прочитанном, усилием заставил себя дать ясный ответ о написанном. Через некоторое время она сказала, что надеется, что и я, и жена будем здоровы и больше не будем нуждаться в помощи. Я сказал, что из прочитанного я понял, что человек есть отраженье Божье, и как таковое не должен страдать: когда же он забывает об этом, то естественно встречается со страданиями. Она очень обрадовалась и сказала, что это совершенно верно. Я знал, что за визит надо платить двадцать франков. Так как у меня в кармане было тридцать, то я положил все тридцать, но Mrs Getty заставила меня взять десять обратно. Я простился, поцеловав её руку, и вышел. Идя домой, я невольно следил за моим сердцем и за влиянием на него быстрой ходьбы. Но затем заставлял себя обращать внимание не на медицинскую сторону учения, а на моральную.

Вечером был у Кусевицкого, рассказывал ему про мою идею написать симфонию. Он очень хвалил идею и обещал сыграть симфонию в Америке и Париже, как только напишу. Советовал мне непременно сделать одну часть - тему

[20] Имеется ввиду «Saudades do Brazil», сюита из двенадцати танцев для оркестра.

[21] Теперь я буду вас лечить (фр).

[22] «Science and Health» (Наука и здоровье) - книга, написанная основательницей Christian Science (Христианская наука) - Мэри Бэкер Эдди (Mary Baker Eddy).

с вариациями. Идея мне понравилась.

13 июня

Письмо от Hébertot: Вольф освободился и будет слушать «Огненного ангела». Удивительно, как всё это делается: я должен был уехать из Парижа сегодня утром, но отъезд задерживается из-за того, что мама не приехала и дела не налажены. Поезд должен был уйти в 8.40 утра, а письмо от Hébertot подаётся в девять. Серьёзное ли у него намерение при такой тактике? Но во всяком случае будем почитать за серьёзное и надеяться на Вольфа с Комиссаржевским. Я отправился к Вольфу, который был весел и дружественен, показал длинный, уже отпечатанный список опер, которые они объявляют на будущий год, но прибавил: «Не беспокойтесь, мы всего этого ставить не будем, и некоторые из объявленных заменим другими». Слушание «Ангела» назначил на послезавтра.

Вечером - на дягилевский спектакль: Пташка, я, Сувчинский, его belle-soeur Апухтина. Шла какая-то оперетка Шабрие, которая была некогда написана с разговорами, но для этих разговоров Мийо написал музыку. Получилась вещь пустая, нудная, длинная. Оперетка без остроумия и живости. Дягилев её поставил под влиянием каких-то непонятных законов своей новой эволюции. Публика была недовольна. Во время действия начались с галёрки восклицания, шикание, подсвистывание с целью сбить актёров или аплодисменты без всяких поводов с целью заглушить музыку. Словом, то, что творилось в зале, было во много интересней происходившего на сцене. Стравинский сидел в ложе недалеко от нас и был в видимом бешенстве от поведения публики. Иногда он резко шикал по направлению к галёрке. Весьма возможно, что именно он убедил Дягилева поставить эту вещь. По окончании Сувчинский сказал Стравинскому: «Я понимаю, что могут существовать известные принципы, которые заставили поставить такую вещь, но мне кажется, выбор неудачен: зачем же брать такую скуку: «Севильский цирюльник», сделанный в таком же стиле, куда живее». Стравинский рассердился и, сказав: «Вы все дикари», ушёл. Последним номером шла «Весна священная». Я слушал с большим увлечением, и опять эта вещь мне больше понравилась со сценой, чем без сцены в концертном исполнении. Для концертного исполнения «Весна» неприятно-бесформенна; в сценическом же исполнении эта бесформенность оправдывается сценой. Как раз обратное со «Свадебкой»: там я чувствую сцену необязательной, как бы придатком, и очень хотел бы послушать её в концерте. По окончании «Весны» в кулуаре я встретил Стравинского и, подойдя к нему и похлопав, совершенно искренне сказал: «Браво, молодчина, старик!» «Старик» я сказал в дружеском смысле, как во Франции постоянно говорят «mon vieux», но Стравинский вскипел: «Как бы вам не оказаться в стариках!», - воскликнул он и убежал не прощаясь. Все были удивлены и амюзированы[23].

14 июня

Был у Вольфа. Рассказал либретто. Он нашёл, что немножко запутано, но интересно. Затем *я* играл первую истерику и рассказ Ренаты. Последний инструментован, Вольф следил по партитуре и хвалил. Затем явилась его дама, очень интересная, но которая впуталась в дело, чем я был недоволен. Она вскоре увезла его завтракать. Продолжение слушания завтра.

Днём с Пташкой ездили сниматься к фотографу Липницкому по его даровому приглашению. Он очень забавный, заговорит зубы и снимет, когда не ждёшь.

[23] Развлечены, от amuser (фр).

13 **июня**

Были с Сувчинским у Коханских. Коханский учит мой Концерт для исполнения в Америке в будущем сезоне. Наконец-то. Я у него справлялся про разные эффекты на скрипке, до которых он мастер. Был ещё Дукельский, молодой композитор, которого я встречал в Америке. Mme Коханская шепнула мне, что он большой мой поклонник, но мне он показался противным мальчишкой, и я умышленно не обращал на него внимания. Зашёл Артур Рубинштейн, который держится скромнее, чем в Америке. Зубрит фортепианные транскрипции «Петрушки» для своего концерта на будущей неделе. «И подумать, - трагически восклицал он, - что я показал все эти пассажи Стравинскому, когда он сочинял, а теперь должен мучиться, чтобы их учить!» Кажется, он действительно принимал деятельное участие в переложении «Петрушки» для двух рук.

Обедали вшестером: Пташка и я, Коханский с женой, Сувчинский и Шимановский. Было очень весело. Коханский рассказывал уйму глупостей и непристойностей. За обед никому не позволял платить.

14 июня

Играл Вольфу «Ангела», не всё подряд, но то, что я находил более достойным внимания, приблизительно половину. Затем Вольф повёз меня к себе завтракать, а после завтрака я доиграл остальное. Вольф хвалил. «Ну что-ж, надо ставить, я поговорю с Эберто», - говорил он. Я просил, чтобы это было сделано до моего отъезда.

15 июня

Не знаю, что будет с «Ангелом», но с Романовым дело налаживается. Теперь уже слово за мной, так как я не хочу браться до выяснения вопроса с «Ангелом». Романов согласен заплатить десять тысяч франков. Работу же я рассчитываю кончить недель в шесть.

Все эти дни к нам ходили из бюро: датчанки, шведки, норвежки - в няньки к Святославу. Платить содержание взялась Mrs Garvin. Сегодня наконец поступила к нам норвежка. Miss Mack, приятная, чистая и скромная.

16 июня

Пташка купила «Science and Health» , основную книгу Christian Science. Читаем
её.

Вечером пришёл Сувчинский и привёл Дукельского. Он играл свой фортепианный Концерт. Очень недурно. Есть немного моего влияния. Сувчинский должен сократить своё пребывание в Париже и ехать к матери в Ниццу. Сегодня его последний визит. Очень жалко, что опять мы расстаёмся.

17 июня

В два часа поехал встречать маму и Б.Н., приезжающих из Oberammergau, но они приехали только в пять, со следующим поездом. Я немного волновался, так как не знал, в каком виде будет мама; последний раз, в феврале, я её видел почти умирающей. Но мама оказалась в самом лучшем виде и бодро шагала, когда я её вёл под руку. Прямо чудо после умирания в течение целой зимы. Мы поехали к нам. Мама очень интересовалась внуком. Для Б.Н. я нашёл комнату в отеле,

которую он не преминул найти слишком скромной. Взял у меня триста франков. Затем Пташка устроила вкусный обед с вином, который показался особенно вкусным приезжим после немецкой кухни.

18 июня

Вечером Пташка и я на премьере «Train bleu» Мийо, преднамеренная попытка написать вульгарность и оркестровать её в вульгарном стиле. Но это всё в цепи тех «новых» направлений, смысл которых я не улавливаю.

При входе встретили Коку Бенуа, который только что приехал из Петербурга. Он мой большой поклонник, а я очень им интересовался, так как он мне представлялся очень обещающим художником. Теперь он превратился в интересного юношу и вдобавок объявил, что женился, хитро прибавив: и вдобавок на вашей хорошей знакомой. В антракте я был совершенно изумлён встретить его... с кем? С Марусей Павловой! Я тут же сказал бестактность: «Маруся, но ведь вы же гораздо старше его!»

Она выглядела такой же хорошенькой, особенно глазки: немного похудела, вероятно, от петербургской жизни. Пела в Мариинском театре, но не на первых ролях. И она, и Кока, и мы очень жалели, что через два дня мы уезжаем, и таким образом не сможем ещё повидаться и побеседовать.

19 июня

Hébertot категорически отказался дать мне какие-нибудь деньги под «Огненного ангела», хотя бы как аванс под будущие поспектаклевые гонорары. Обещал поставить в будущем сезоне, но без гарантии. Словом, всё выглядело шатко. Ему очень хотелось, чтобы Кусевицкий в будущем году давал концерт в Champs Elysées. а не в Opéra. Я предложил свести его к Кусевицкому, предупредив, что Кусевицкий. может быть, даст мне денег на оркестровку «Ангела», если Hébertot гарантирует постановку.

Мы поехали к Кусевицкому. Hébertot сразу обещал ему поставить «Ангела» осенью 1925 г. (т.е. через сезон), Кусевицкий же обещал к тому времени представить ему оркестровый материал и напечатанный с французским текстом клавир. С обеих сторон неустойка в десять тысяч франков. Затем разговор перешёл на концерты Кусевицкого в Champs Elysées. Кусевицкий сказал, что подумает. Hébertot уехал, предложив, чтобы Эберг приехал к нему оформлять это дело. Дело выглядело в шляпе и я очень благодарен Кусевицкому. Относительно же денег Кусевицкий, конфиденциально от Hébertot, сказал мне, что просто субсидирует меня суммой в десять тысяч франков независимо от «Огненного ангела». Эти деньги я должен возвратить ему, когда мне это будет удобно. Таким образом, Кусевицкий поступил как джентльмен и друг. Расцвету дружеских чувств способствовало то, что я несколько дней перед тем сказал ему, что, если я напишу симфонию, то для него, и посвящу её ему.

Днём Б.Н. приводил Никиту Магалова, который очень чисто играет на рояле; сочиняет он тоже чистенько, но абсолютно бесцветно. Правда, ему так мало лет, что ему трудно что-либо предсказывать.

Я заметил, что у детей-композиторов переломный возраст тринадцать-четырнадцать лет, т.е. наступление половой зрелости. В это время талант или глохнет, заслоняемый другими интересами, или же становится на твёрдую почву.

Никита очень хорошенький мальчик, но его так испортили в Америке дамы и больше всего сама мамаша, что он превратился в противного ломаку.

20 июня

Канун отъезда, поэтому безумный день.

С Романовым подписали контракт: десять тысяч франков и лёгкая и приятная работа. Затем, так как «Огненный ангел», видимо, наладился, я вызвал к себе Комарова, которому хотел дать французский перевод (он очень недурно переводит «Китеж»), и переписчика. Днём гости: Marnold (критик из «Mercure de France»), чрезвычайный мой поклонник, и Downes (критик из «Нью-Йорк Тайме»), ещё не совсем поклонник мой, но уже весьма интересующийся моей музыкой, что уже много для американского критика. Я играл им 5-ю Сонату и другие вещи. Тем временем приехала Mme Chevallier, скрипачка, довольно пикантная дама, которая выучила мой Концерт. Проиграть его мне было одной из причин её поездки из Страсбурга в Париж. Одновременно с этим приходила масса народа: Б.Н., доктор Полак, Эберг. Последний был у Hébertot, но последнего не было в его бюро. Это показалось мне странным, и после ухода гостей мы с ним отправились вдвоём к Hébertot. Там я узнал, что последний болен и сегодня в театре не появлялся. Мне это представилось как нехороший симптом. Я хотел бы, чтобы условие было подписано до моего отъезда, ибо я не был уверен ни в готовности Hébertot, ни в ловкости Эберга, медлительного и росомашистого[24]. Вечером я ему ещё раз звонил в театр, где шёл спектакль, и попросил заехать Эберга. У заведующих и служащих я справлялся про Hébertot. но они подтвердили то же. Пришлось поручить дальнейшее Эбергу, так как откладывать отъезд было невозможно: билеты взяты, вещи почти уложены, квартира оканчивается завтра утром, словом, мы одной ногою вне Парижа.

21 июня

Встали в шесть. Если бы не Miss Mack, не уложились бы. Выехали с поездом в 8.40: мама. Пташка, Святослав. Мак, я, семь вещей в багаже и пятнадцать в вагоне. Пересадок три. На одной из них носильщик грохнул и сломал пишущую машинку. В восемь часов вечера были в St.Gilles. Дача снаружи выглядит средне, стоит как- то торчком, но внутри удобная.

Повалились спать. Впрочем, предварительно с Пташкой сбегали на море.

22 июня

Сегодня главным образом отдыхали. Ходили на океан, который ещё прохладен для купания. Во время отлива пляж изумительный: гладкий, песчаный, бесконечный. Это главная прелесть St.Gilles.

23 июня

Делаю корректуру голосов 3-го Концерта. Стравинский прав, говоря, что печатаемые голоса надо корректировать самому автору, ибо оркестр ведь играет по голосам, а не по партитуре, и в них вся соль. Но Боже, какая это работа!

Святослав после дороги спит второй день!

24 июня

С океана **сильный** ветер, меня продуло, насморк. Наша комната наверху,

[24] Т.е. хищного (росомаха - хищный зверёк, разновидность куницы).

просторная, много шкафов, большой стол, удобная кушетка. С балкона виден океан. За спиной нашей комнаты - комната Святослава и Miss Mack. В нижнем этаже под нами большая комната мамы, а под Святославом - столовая и кухня. Вот и всё.

25 июня

Привезли рояль. Pleyel прислал даром из Парижа большой скоростью. К нам по лестнице втащить было нельзя, поэтому поставили в комнате мамы. Завтра можно начать работать.

Письмо от Demasy: по его мнению, Рубинштейн на днях напишет мне с официальным предложением писать музыку для «Юдифи». А я уже махнул на них рукою. Впрочем, некоторые темы уже записаны.

26 июня

Встаём (т.е. начинаем вставать) в семь, пьём кофе в восемь, и в половине девятого я засел за балет для Романова, который я окончательно решил писать для квинтета и даже, сочиняя, иметь ввиду и балет, и концертный квинтет. Первую тему я сочинил перед отъездом в Париже, идя по улице, и записал под фонарём. Теперь развил её. Работал час - и бросил. Потом корректировал 3-й Концерт.

27 июня

Хотя одолевал насморк, но сел опять сочинять. Сделал довольно порядочно в третьей части.

Днём заболела голова - невралгия, которая не должна бы быть после лечения Mrs Getty. Читал книжку Christian Science. Делал корректуру, но мало. К вечеру голова прошла. Редкий случай.

Если Christian Science меня не избавило совсем, то оно вызвало улучшение.

28 июня

Утром сочинял, сделал первую вариацию. Идёт легко.

Потом гулял по берегу океана и обдумывал побочные партии для симфонии. Главную возьму из записных книжек: я её сочинил ещё в Rochelets, и она мне очень нравилась.

1 июля

Сочинял. Для второй части взял тему, сочинённую в Париже незадолго до отъезда. Разработал её. Кажется, квинтет выйдет отличный.

Из Парижа пришла коляска для Святослава. По этому поводу взяли его гулять. С одной стороны занятно, с другой - неловко выступать в этой роли.

2 июля

Работал над третьей частью, но мало. Хотя в общем темп недурный. В четыре- пять недель, может быть, кончу всё.

Читал недавно вышедшие отрывки из записной книжки Чехова: материалы, которые он не успел использовать. Все эти словечки, мысли, полны совершенно очаровательной наблюдательности, юмора, свежести. Приятнее читать их, чем иные законченные сочинения.

3 июля

Работал над квинтетом. Сделал вторую вариацию в первой части. Погода ветряная, холодно и дождливо. Днём - острый припадок ревматизма в правой руке. Мой ревматизм ведёт начало от скарлатины, когда был первый припадок в обеих руках. В Эттале он дважды возобновлялся, но каждый раз на один день. Сегодня был очень острый, прямо не знал, куда деваться. Когда отпускало, читал Christian Science. Вечером прошло.

4 июля

Рука прошла. Но сегодня не сочинял: решил сделать пропуск после целой недели работы. Днём проверял переводы романсов: французские и английские: Laloy и Burness. В «Mercure de France» рецензия Марнольда о концертах Кусевицкого: превозносит меня и ругает Стравинского.

5 июля

Была тяжёлая голова (но не невралгия), поэтому занимался мало, а много гулял
- и действительно выгулял тяжесть. В квинтете всё же закончил наброски второй части. От Эберга неприятное письмо: Эберто всё тянет и ещё не заключил контракт на «Огненного ангела».

6 июля

Сыграл всю написанную музыку квинтета с часами: вышло семь минут. Мало! Я думал, что уже десять. А надо всего четырнадцать-пятнадцать. Сочинял хлопушку
- введение серьёзного Adagio. Пожалуй, по качеству музыки, это ниже первых трёх частей, но есть какая-то залпом схваченная мысль, благодаря которой, я думаю, можно оставить.

От Б.Н. письмо: какое-то случилось с ним несчастье: просит тысячу франков. Я рассердился - вечно тянет деньги. Но было жалко его. Решил послать семьсот.

7 июля

Работал над пятой частью квинтета: хлопушка. Не слишком ли выходит серьёзно? Но ведь и «Похоронный марш» Шопен сочинял первоначально на смерть собаки.

Запаковывал корректуры 3-го Концерта и относил на почту.

Обдумывал первую часть Сюиты из «Трёх апельсинов». Эта Сюита давно задумана, но всё не было настроения выполнить. Конечно, она будет беднее, чем Сюита из «Шута» или из «Огненного ангела».

Вечером гулял один по берегу океана. Одно из достоинств нашего места, что через десять минут ходьбы можно выйти на берег, совершенно лишённый цивилизации, без вилл, заборов и человеческих следов. Океан, песчаный берег и невысокая дюна, заслоняющая континент. Я гулял и думал: такой же берег существовал тысячу лет назад, и десять тысяч лет, и люди приходили глядеть на тот же бесконечный океан.

8 июля

Кончил пятую часть. Работал над четвёртой, взял тему из записной книжки.

Днём оркестровал Сюиту (первую часть) «Трёх апельсинов». Побаиваюсь за трио.

9 июля

Работал над четвёртой частью. Днём экситантные[25] письма: от Эберга - Hébertot с «Огненным ангелом» ни с места и контракт не подписывает; но вместе с тем, известие, что из Америки за постановку «Шута» прислали двести семьдесят два доллара, т.е. пять тысяч франков, а я думал, будет только тысяча.

Затем письмо от Гаука, что Мариинский театр хочет поставить «Игрока» и «Шута». Не знаю, выйдет ли что из этого, но во всяком случае приятно, что Петербург вновь заинтересовывается мною. Писал длинный ответ.

11 июля

Кончил четвёртую часть. Работал утром и днём.

Сегодня первый жаркий день, а то с холодным ветром, то Пташка, то я простужались. Читал Кокто и Леонида Андреева. Писал письма.

12 июля

В местном гиде прочёл, что St. Gilles существует с незапамятных времён и, вероятно, был финикийской или карфагенской колонией.

13 июля

Работал над второй вариацией первой части и почти закончил её во всех подробностях. Днём соркестровал две страницы в Чудаках из Сюиты «Апельсинов».

Очень приятное письмо от Szenkar'a, хвалит «chef d'oeuvre» «Три апельсина», и обещает непременно поставить зимою в Кёльне.

14 июля

Решил шестую часть временно отложить, так как нет идей, а пока заняться вылащиванием первых пяти, на что уйдёт времени не меньше, чем ушло на их сочинение. Днём мигрень (не невралгия). Читал Christian Science. К вечеру голова почти прошла.

15 июля

Не работал утром, так как была слегка тяжёлая голова. Однако она скоро прошла и я написал кучу писем.

Первый раз сегодня Пташка, Miss Мак и я ходили купаться, и очень визжали, влезая в воду, которая для первого раза казалась ужасно холодной, хотя и не была таковой. Дно должно бы быть совершенно песчаным, но предыдущим волнением натащило массу мелких камешков, очень неудобных для непривычных босых ног.

16 июля

Работал утром и днём. Отделал начисто третью часть, самую трудную, и много отделал во второй. Если так быстро пойдёт отделка, то балет кончу до конца месяца.

[25] Волнующие, от exiter (фр).

Читал и обдумывал Christian Science. Не всё легко приемлется. Но я ещё мало читал и не всё охватил. Любопытная мысль (если я верно её понял) проскальзывает несколько раз - что люди делятся на сыновей Божьих и сыновей Адама. Мне уже раньше приходила мысль, что люди, верящие в бессмертие, - бессмертны, а неверящие - смертны: те же, которые колеблются, должны родиться ещё раз.

К этой же последней категории, вероятно, относятся неверящие в бессмертие, но у которых духовная жизнь превышает материальную.

17 июля

Кончил отделывать вторую часть.

18 июля

Отделал четвёртую часть (в Квинтете будет пятая) и проигрывал пятую. Хотел кое-что изменить в партии гобоев, но потом показалось, что можно оставить.

Экситантное письмо из Берлина. Какая-то менеджерша Мери Бран (Meri, а не Mary) предлагает тридцать (!) концертов по Германии. Польше, Прибалтике и спрашивает мои условия. Конечно, помещать свой труд в лимитрофы[26], особенно, когда хочется сочинять, неблестящая перспектива, но, во-первых, тут может быть хороший заработок, во-вторых, лестно, что предлагают тридцать концертов (первый раз!), в-третьих, занятно посмотреть на новые места. Лучше всего, если б ангажировали и Пташку в качестве исполнительницы моих романсов. Её голос звучит лучше, и практика для неё хорошая, а мне веселей разъезжать с нею.

19 июля

Отделывал первую часть, но не всю кончил. Самое трудное - отделывать начало.

Отсылал доверенность Загорскому для ведения дел против Международного Банка (пикантно: против Вышнеградского!) В этом банке были у мамы и у меня некоторые счета; говорят, банк вывез бумаги и свои книги, и с него можно получить кое-что. Пока адвокату - пятьсот франков.

20 июля

Решил сочинять шестую часть. Сначала ничего не клеилось, но потом пошло. Днём проверял английские переводы романсов Ор.9.

Гулял по берегу моря, далеко.

21 июля

Сочинял шестую часть. Но она идёт медленней других частей. Днём закончил Чудаков для Сюиты «Трёх апельсинов».

Купались первый раз во время отлива. Пляж чудный. Было очень приятно.

22 июля

В газетах статья Шлецера - итоги музыкального сезона. Он констатирует, что в музыке много новшеств, сдвиги в музыкальной эстетике, повергших многих музыкантов и композиторов в смущение и даже растерянность. Конечно, Шлецер

[26] Окраинные страны, от limitrophe (фр).

дурак и ему самому труднее всего разобраться, но эта статья как-то опять всколыхнула чувства не то что растерянности, но недоумения, которое у меня возникло на дягилевских спектаклях. Но что же меня смущает? Ведь Пуленк, Мийо, Орик - это всё покушения с негодными средствами. С другой стороны, то, что делает Стравинский, меня нисколько не смущает. Что же смущает меня? Я думаю: союз Стравинского с Пуленком и Ориком. Это совершенно непонятная для меня вещь. А также Дягилев, вцепившийся в эту молодёжь и вдруг нежелающий меня знать. Вот эстетическую сторону всего этого я никак не могу понять. То, что они делают, мне не нравится, поэтому я стал по отношению к ним в позицию открыто враждебную. В душе же вопрос: эти люди такие передовые - почему же я их не понимаю?

23 июля

Вечером, под впечатлением музыкальных рассуждений, сочинял мало, так как очень к себе придирался. Но сегодня шло лучше. Ещё несколько потуг - и Квинтет будет окончен. Оркестровка - если её можно так назвать - а вернее, писание партитуры будет быстрой и лёгкой, клавираусцуживание - труднее.

Начал оркестровать пятую часть Сюиты «Трёх апельсинов»: Принц и Принцесса.

24 июля

Работал над шестой частью. Днём сделал страницу в Принце и Принцессе. Надо подгонять, а то начну писать партитуру Квинтета, затем сочинять симфонию - и некогда будет.

Письма душат. И всё-таки не на все успеваю отвечать.

25 июля

Несколько штрихов, и Квинтет был прикончен. Сделал ещё несколько заплаток на первой части, и мог бы начать оркестровку, но решил, что надо передохнуть начать с нового дня. Мы плохо спим. Вина - море и ветер (здесь очень ветрено). Дом снят до ноября, но говорят, хозяева хотят поселиться сюда осенью. Может быть, можно вернуть им дом на октябрь и самим поехать в более спокойное место. Только возня перебираться со всеми бебехами.

26 июля

Сел за партитуру. Одно наслаждение, так как в сущности всё уже обдумано. Испытываю то же удовольствие, как дети, раскрашивая картинки. Сделал четыре страницы.

27 июля

Болела голова, поэтому сделал только одну страницу партитуры. Много гулял («бегал от головной боли»). Пташка тоже расклеилась, вероятно, купалась в холодном океане. Днём читали Christian Science и писали Mrs Getty, прося заочно лечение для Пташки. К вечеру голова почти прошла, что очень редко случалось в былые времена.

Письмо от Gottlieb с очень хвалебной рецензией об исполнении моего Скрипичного концерта в Праге. Совпадение, очень меня изумившее: рецензия из

Christian Science Monitor.

28 июля

Сегодня много оркестровал. Начал одновременно делать переложение в две руки. Если первое очень увлекательно, то второе часто огорчало: клавир создаётся для того, чтобы убивать идеи партитуры. Пташка скрипит. Может, это у неё от гимнастики, которую не следовало бы делать. Читал Christian Science. Оно убивает не только всё земное, но и многое отвлечённое, философию, науки, поэтому часто при чтении чувствуешь растерянность.

29 июля

Кончил первую часть и оркестровал половину второй. Клавир опаздывает, но всё же плетётся. Утром оркеструю, днём клавираусцужу.

Б.Н. опять просит денег. Он хочет продавать бриллианты, т.е. лёгким (и бесполезным) трудом зарабатывать много денег, но пока никто у него не покупает. В результате расплачиваюсь я.

30 июля

Пташка получила от Getty ответ: «Не думайте о боли, и она не будет думать о вас» - и ссылки на страницы книги. Мы оба читали эти страницы. Я открыл, что Christian Science и Кант сходятся: оба считают, что окружающий нас мир есть только представление, вероятно неверное; в основе же лежат идеи. Кант через посредство пяти чувств и разума отказывается познать их. Christian Science зовёт познать через Божество.

Работал.

31 июля

Оркестровал третью часть. Клавир - начал первую.

От Бран ответ. Условия гораздо лучше, чем я мог ожидать, и на Пташку согласна. Отчасти противно, отчасти забавно выступить в Вильне, Ковне и прочих. Ревель - совсем далеко, и что пикантнее - в двух шагах от Петербурга! В общем финансовые дела наладились: будущий год не сулит беспокойств, как прошлый.

1 августа

Третья часть очень цветистая, но уходит масса времени на разрисовывание этих цветов в партитуре!

Погода, наконец, тёплая, вода в океане тоже: 21°! Купался. Пташке немного лучше.

2 августа

Кончил оркестровать третью часть и клавираусцуживать вторую. Надо поскорее кончать и приниматься за симфонию.

3 августа

Если Christian Science исцелением больных доказывает существование Бога и

тем обращает людей, но не менее ли эти обращенные достойны, чем люди, не верящие в Бога, но всё же творящие добро для добра? В первом случае человек, дающий деньги под верный залог, во втором - дающий без надежды на возврат. Вот как сделан ум человеческий: если нет доказательств бытия Божьего, то он не хочет верить, а если перед ним возможность получить доказательства, то ему кажется, что он встаёт на путь менее достойный, чем у тех, которые не верят...

Не оркестровал, но много перекладывал. Третья часть очень трудная для клавираусцуга. Получается так сложно, что надо делать второй вариант, более доступный.

4 августа

Christian Science многое отвергает в Ветхом Завете, однако приемлет сказание о сотворении Мира. Значит ли это, что отвергаются теории учёных о происхождении видов, а так же геологическая теория и другие? По-моему, нет. Если Бог сотворил льва, то это не значит, что сразу возник живой лев. Идея льва родилась, но может быть было положено миллион лет, чтобы он развился в самого себя из первобытного моллюска. Композитор создаёт симфонию, она уже написана, но ни для кого не существует, кроме самого автора. Ей надлежит пройти через ряд стадий, быть расписанной на партии, разученной музыкантами, и только тогда, может быть через несколько месяцев или лет, она предстанет перед слушателями.

Кончил клавир третьей части и начал упрощённую редакцию. Много работал.

5 августа

Кончил третью часть окончательно и скоблил ошибки, помеченные на полях. Начал оркестровать Adagio.

Вечером далеко гулял.

6 августа

Отправил первые три части переписчику. Кончил четвёртую часть.

7 августа

Читаю книгу «Люди, звери и боги» (по-французски). Автор её, спасаясь от большевиков, провёл несколько месяцев в лесах, а затем странствовал по Монголии. Чрезвычайно увлекательно.

9 августа

У Боровских дочь: Наташа. Боровский в упоении сообщает, что похожа на него. Послали телеграмму: «Oura, Natachka, mamachka, papachka!»

10 августа

Кончил оркестровать Квинтет. Осталось сделать клавир.

12 августа

Работал много, но переложение двигалось медленно: очень трудно; да кроме того, чувствуется утомление.

13 августа

Christian Science говорит, что материальный мир нереален и что грех (ошибки) тоже нереальны, ибо Бог всеобъемлющий, и мог создать только доброе, поэтому только доброе реально, ошибки же и материальный мир ирреальны. Однако я нигде не мог найти, откуда же в таком случае пошли эти нереальные вещи, какая их отправная точка и что двинуло их от этой точки. Думал об этом и пришёл к следующему заключению: для того, чтобы человек был не тенью, а существовал разумным и индивидуальным, ему была дана свободная воля; проявление этой воли повело в некоторых случаях к ошибкам; материализовавшиеся ошибки суть материальный мир, который нереален, так как он ошибочен.

14 августа

Кончил всё. Осталось немножко поскоблить ошибки, отмеченные на полях. Я ещё в Париже говорил, что закончу Квинтет никак не позднее пятнадцатого августа, и затем примусь за Симфонию.

Святослав ревел целый день: у него не то резались зубы, не то болело пузо. Пташка, глядя на него, тоже ревела. Вообще мы немного беспокоились. К вечеру лучше. Святослав очень заискивает передо мной, и, когда прихожу, не спускает с меня глаз.

15 августа

Болела голова, испортила почти весь день. Доскабливал ошибки - можно отправлять переписчику.

17 августа

Начал обдумывать Симфонию. То, что она будет в двух частях, первая - сонатное аллегро, вторая - тема с вариациями, у меня давно решено. Главная партия для первой части и тема для вариаций были сочинены уже давно: первая в Rochelets, вторая ещё в Америке. Теперь обдумывал побочные партии, несколько хорального характера.

18 августа

Думал о Симфонии, но ничего не сделал. Как-то не знаю, как приняться.

Днём пробовал аккомпанировать Пташке «Серое платьице», транспонируя его на тон вверх. Мусоргского я транспонировал легко, себя же никак не мог: выходило сплошное враньё, а когда выходило верно, то всё же была точно не моя музыка. Странный феномен! Автор крепко прирастает к своим тональностям.

19 августа

Вчера было письмо от В.Ф.Демчинской, из которого следует, что «сам», по-видимому, склонен заняться обработкой либретто «Огненного ангела». Только дела у них трудные: тонкий намёк, что за работу надо заплатить. Это только справедливо. Писал ответ.

Симфония ни с места, хотя думал о ней. Зато закончил пятую часть в сюите из «Апельсинов». Таким образом, моя работа закончена, переписчикам осталось вписать куски из оперной партитуры.

20 августа

Симфония ни с места, что не способствует хорошему настроению.

Когда-то Демчинский рассказывал мне, что Гоголь говорил: «Если не пишется, то всё-таки бери лист чистой бумаги и пиши на нём хотя бы: Гоголь, Гоголь, Гоголь, смотришь - дело неожиданно и пойдёт». Конечно, он прав: если настаивать, то больше шансов что-нибудь написать, чем если вовсе опустить руки, но можно написать случайно плохое, которое и придётся оставить, если оно будет переслоено с хорошим.

22 августа

Симфония положительно не ладится, хотя каждое утро думаю или сижу за роялем. Решил пока отложить первую часть и взяться за вариации: на них легко раскачаться.

Читал Christian Science. Римляне, когда первые христиане проповедовали бессмертие души, возражали, что раз человек родился, он не может не умереть, ибо вещь, конечная с одной стороны, не может быть бесконечной. Как бы отвечая на это, Christian Science говорит, что человек (душа) никогда не родилась и никогда не умрёт, но если я никогда не рождался, т.е. существовал всегда, но не помню об этом прошлом существовании, то почему я должен считать это существование моим, а не существованием какого-то иного существа? Ведь если я через рождение на этот свет отрезан памятью от прошлого, то прошлое для меня не существует. Тогда не должно существовать для меня и будущее, если смерть меня отрежет (оборвёт память), как отрезало рождение. Поэтому это объяснение Christian Science мне не совсем ясно. Вообще, легче поверить смертности человека, чем его бессмертию. Но с другой стороны, легче себе представить существование Бога как творца, чем полное безбожье в природе. Отсюда самое естественное миропонимание для человека это: Бог есть, но человек смертен, как у Wells'a, теорией которого я очень увлекался год назад. По его мнению, человек лишь этап в творчестве Божества, одно из звеньев в биологической цепи от зелёной цвели, появившейся на ещё не остывших водах молодого земного шара, до того сверхчеловека, в которого мы когда-нибудь разовьёмся и который, может быть, будет достоин бессмертия. Пока же роль человека - способствовать этому движению вперёд, а затем умереть, т.е. исчезнуть в качестве quantité négligeable[27], как выбрасываются ещё несовершенные скетчи и наброски. Christian Science назовёт эту теорию ошибочной, но оно не может осудить её, так как в корне её лежит смирение, и её положения отвечают почти всем Заповедям Блаженства. Учение Christian Science более оптимистично, но прежде чем принять его, надо ещё многое понять и разъяснить себе из того, чему оно учит.

23 августа

Были с Пташкой в Sables-d'Olonne, что в тридцати километрах от St.Gilles; ездили в огромном, очень удобном автобусе, который, вероятно, раньше возил любопытствующую публику из Парижа на поля сражений. Sables-d'Olonne - морской курорт, недостаточно шикарный, чтобы быть неприятным.

По возвращении нашли письма из Кёльна: хотя гарантии на постановку «Трёх апельсинов» не дают, но обещают отнестись к ним, как любящие родители. Так как выбора нет, то придётся согласиться и на ласковые обещания.

[27] Незначительного количества, незаслуживающие внимания (фр).

24 августа

Сидел над первой вариацией. Кое-что сочинялось.

25 августа

Вторая вариация. Тема, в конце концов, не особенно удобная для вариации. Очень трудно изобретать. Легко удариться в глупости.

По вечерам раскладываю пасьянс.

27 августа

Кончил роман Кузьмина «Плавающие и путешествующие». Кузьмин хороший писатель, почему же он написал такую дрянь? Педерастический уклон романа так наивен, что он отнюдь не к чести педерастии, которую воспевает Кузьмин. А затем: к чему так много пустословия?

28 августа

Пять вариаций задумано, две из них набросаны почти сполна. Последние дни сочинялось лучше.

29 августа

Встали в шесть и в полвосьмого на довольно большой парусно-моторной лодке отправились на Ile d'Yeu. В лодке двадцать человек экскурсантов и два человека экипажа. Через два часа причалили к острову, небольшому (три на шесть километров), каменистому, симпатичному своею оторванностью от мира. На нём встречаются жители, которые никуда не ездили с родного острова. Мы объехали его на лошадях. Растительность скромная из-за постоянных ветров и каменистой почвы. И в этих ветрах главный недостаток острова. Посетили развалины старого замка. Когда-то в нём сидел старый герцог и правил островом. У главной пристани чистенький городок, где нас вкусно накормили.

Назад шли не мотором, а парусами, так как хозяин экономил на газолине. Море было неспокойное, лодку покачивало, некоторые пассажиры страдали морской болезнью. Меня «мутило». Раздали спасательные пояса «для того, чтобы было нежёстко сидеть».

Мы были рады ступить на берег, тем более, что благодаря парусам болтались три часа вместо двух.

30 августа

Сочинял немного. Вернулся к первой части и придумал начало.

31 августа

Сегодня вовсе ничего не сочинялось. Только трепались нервы. Бросил и занялся письмами.

1 сентября

Работалось лучше. Сделал кое-что в первой части.

2 сентября

Святослав всегда мне улыбается и в общем меня любит, вероятно, главным образом, за красную полосатую куртку и очки. Par contre[28] ненавидит одетого в белое аптекаря, к которому его возят еженедельно взвешиваться. Однако, если я снимаю куртку и остаюсь в белой теннисной рубашке, он начинает дико орать, так как принимает меня за аптекаря.

3 сентября

С большим увлечением кончил книгу о Микуле Буяновиче.
Симфония идёт лучше.

4 сентября

Работал над побочной партией, которая, впрочем, была сочинена раньше, несколько недель назад. Работаю над Симфонией с девяти до одиннадцати, иногда ещё с пяти до шести. Жаль, что нет никаких корректур: у меня есть свободное время для них. А то потом, когда времени не будет, навалятся сразу и из Германии, и из Парижа.

5 сентября

Кое-что сделал в побочной партии. Симфония движется медленно, но всё же движется. Эскизы очень грубые, без всяких отделок, но самое важное - сделать скелет.

Сегодня очень хорошо купались: июль и август были скверными, кажется хорош будет сентябрь!

6 сентября

Сочинял заключительную партию. Работал мало, так как голова грозила разболеться. Но не разболелась.

Днём приходил фотограф и снимал нас: главное лицо - Святослав.

8 сентября

Письмо от Бран - насчёт турне. Вообще её предложения производят некоторое впечатление. Жаль, что без Пташки, но надо попытаться, чтобы Мери Бран ангажировала и её.

13 сентября

Пришли корректуры романсов Ор.27, новое издание на четырёх языках.
С Пташкой ссора на тему о её пении.

14 сентября

Лето было холодное, но теперь отличная тёплая погода. Океан тоже тёплый. Купание усиливается.

[28] С другой стороны, зато (фр).

15 сентября

Пришла корректура партитуры Скрипичного концерта - порядочная работа. Но, слава Богу, пора, чтобы этот Концерт появился в печати. Сигети пишет из Москвы, что играл там и бисировал скерцо.

18 сентября

Сегодня сенсация: прочёл в газетах о том, что в Bellevue, под Парижем, сдаётся огромная зимняя дача, цена тысяча двести франков, т.е. столько, сколько мы платили за тесную квартиру на улице Charles Dickens. Через месяц нам предстояло возвращаться в Париж и мучиться с поисками новой квартиры, вероятно неудобной и тесной; это отравляло нам заранее существование. Я же всегда предпочитал быть не в городе, а в деревне: лучше воздух и лучше работается. А тут за ту же цену - и какой простор! Словом, состоялся семейный совет, и в результате послали Б.Н. длинную телеграмму с просьбой исследовать эту дачу и, если подходящая (он знает наши вкусы), то задержать.

Сегодня даже не сочинял, а то регулярно, каждое утро.

19 сентября

Кончил эскизы первой части Симфонии. Письмо от Гаука. Когда-то мой товарищ по классу дирижёрства. Сладенький, карьерист, со всеми любезный. Теперь он при Мариинском театре и пишет о возможностях постановки «Игрока». Это очень экситантно! Писал Эбергу длиннейшее письмо, спрашивая об условиях, на каких можно будет давать им материал после переделки «Игрока».

20 сентября

Телеграмма Б.Н. о даче перебила занятия. Опять разговоры и рассуждения о даче.

Святослав говорит очень ясно «да», иногда «нн-да». Остальное сомнительно, хотя мамаша и бабушка утверждают иное.

21 сентября

Сочинял медленную вариацию (будет четвёртая или пятая). Хорошо работалось. Днём много корректировал Скрипичный концерт.

Очень любопытный сон: начало очень реальное - я сидел в каком-то театральном вестибюле, появился Hébertot и, видя, что моё отношение к нему неприязненно, поспешно сказал, что в этом году он вообще не делает никаких новых постановок. Тогда я решил замолвить слово за Кошиц и стал рекомендовать её как певицу в его труппу. Находившийся тут неизвестно почему Смоленс поддержал меня. После этого Hébertot направился к выходу, за ним Смоленс, а за Смоленсом я. Однако, в этот момент я увидел, что из внутреннего двора появился Римский-Корсаков и остановился шагах в десяти от меня. Он был очень похож, но несколько моложе, чем я привык его видеть в Консерватории. Одет он был в синий костюм. В полном сознании, что Римский-Корсаков давно умер, я воскликнул Смоленсу: «Но ведь это же нереальность!» и с этими словами быстро подбежал к Римскому-Корсакову. Но едва я к нему' приблизился и хотел дотронуться, как он моментально перенёсся в соседнюю комнату, откуда появился. Я побежал за ним. Это была большая зала, вроде столовой в большом отеле. Римский-Корсаков стоял шагах в

двадцати от меня. Я побежал к нему и схватил за руку. На этот раз Римский-Корсаков не подвинулся и я, к чрезвычайному моему удивлению, почувствовал, что рука его вполне осязаемая и притом тёплая. Я поцеловал её. Римский-Корсаков не двинулся и с полуулыбкой смотрел куда-то в сторону. Я поцеловал его в бороду, а затем довольно бесцеремонно взяв его за лицо, повернул его голову к себе и поцеловал несколько раз в губы. Мелькнула мысль о Christian Science. Затем Римский-Корсаков исчез - как, не помню, я же направился к выходу, но никак не мог найти моей шляпы. Я искал её под столом, потом вернулся в большую столовую, но нигде не мог найти, и это исчезновение ставилось в какую-то странную связь с появлением Римского-Корсакова. Глядя на сидевших в столовой людей, я думал: неужели моё поведение и всё случившееся не удивляет их? Но они не обращали внимания и вели свои разговоры, отрывки которых долетали до меня. На этом я проснулся.

22 сентября

Продолжал медленную вариацию (четвёртая). Сочинялось хорошо. Днём много корректировал. А решительного ответа про дачу от Б.Н. нет.

23 сентября

Ответ Б.Н. про уехавшего хозяина, а мы боялись, что дача уже сдана. Ещё бы, такое завидное объявление. Ругали Б.Н. за нераспорядительность. Мама пыталась его защитить, но тоже была смущена его молчанием. Кончил четвёртую вариацию.

24 сентября

Начал новую вариацию, быструю. От Бран наконец контракт, жаль без Пташки. Писал длинное письмо Борису Николаевичу: ругал его, требовал энергичных действий с дачей, вместо которых он подносил только описания таковой.

25 сентября

Продолжал вчерашнюю быструю вариацию. Сочинялось хорошо.

26 сентября

В Christian Science вчитываюсь, заметен успех. Читаю очень аккуратно. Писал ответ Гауку, длинный, провозился четыре часа. Сочинял скерцозную вариацию. Раскладывал пасьянс.

сентября

Сочинял. Корректировал. С тех пор, как получена корректура Скрипичного концерта, нет ни одной минуты свободного времени.

сентября

Послал телеграмму Б.Н., а то проснувшись утром, я сообразил: дача ни с места, а пятьсот франков в задаток я ему послал вот уже девять дней. А вдруг он решил сыграть, сыграл неудачно и теперь умолк?

Пять вариаций вчерне закончены.

30 сентября

Обдумывал: какой избрать конец для Симфонии. Писать третью часть, финал, но не вижу как. Идея: разработать последнюю вариацию с введением в неё тем из первой части.

От Б.Н. телеграмма: сегодня (т.е. вчера) он будет, наконец, говорить с хозяином. Ругали Б.Н. «типичным скверновцем», и в самом деле: дачу можно было снять две недели назад, а он всё ещё собирается говорить с хозяином.

1 октября

Решил делать большую вариацию с введением тем первой части, а заключать Симфонию повторением мирной темы, на которую написаны вариации, словом так, как было предположено раньше. Кое-что начал сочинять для этой вариации.

Кончил корректуру второй части Концерта, третьей ещё нету.

Начал корректуру 5-й Сонаты, которую отлично награвировали у Брейткопфа, особенно если сравнить со скверной гравировкой по кальке Capdeville'Н.

2 октября

Телеграмма от Б.Н., требует второй задаток для дачи, на этот раз тысячу франков. Обсуждали. Решили послать.

3 октября

Голова болела, поэтому не сочинял. Старался противодействовать через Christian Science.

Необходимо уладить дело с Вышнеградским. Я поручил адвокату Загорскому вести дело против Международного банка (Петербургского, но теперь открывшегося в Париже), стараясь получить проценты с бумаг, которые до революции туда вложила мама. Теперь, когда пришлось подписывать доверенность, оказалось, что дело против Вышнеградского, председателя правления этого банка. А это выходит неловко: в Америке он давал мне денег (четыреста пятьдесят долларов) на устройство первого реситаля.

4 октября

Два дня не сочинял, зато сегодня порядочно сделал в шестой вариации, правда, ещё в области начала её.

Телеграмма от Б.Н.: дача снята! Волнения, горячие обсуждения и даже приподнятое настроение: ведь этим до некоторой степени определяется характер нашего жития в течение всей зимы. Б.Н. не посмел бы снять, если дача была бы плохою.

5 октября

Сегодня не до занятий: укладка, уплата счетов, спешные письма в банк и другие места о перемене адреса, и прочее.

Мы собирались остаться здесь ещё три недели, но дача в Bellevue снята с сегодняшнего дня, в таком случае лучше жить там: просторное помещение; здесь же в октябре стало темно, ветрено, океан холодный, шумный, временами грозный. Есть дикая красота и неуютность.

7 октября

Сегодня переезд из St.Gilles в Bellevue. Встали в 5.30 утра, а так как во Франции часы перевели на час вперёд, то значит в 4.30. Miss Мак, наша норвежская бонна, была очень полезна в укладке, без неё бы не снарядились. Доехали в общем недурно, и бабушка, и внук вели себя хорошо. В Париже в 6.20 вечера. Б.Н.. в визитке и котелке, встретил нас на вокзале. Он порядочно изменился, похудел, переменил причёску: раньше чесался на пробор, теперь назад, по модному парижскому «à l'embusqué-loin du front»[29]. Во всех этих нюансах скорее привкус чего-то неприятного. Зарабатывает деньги на жизнь в игорных клубах, но не играет, на это нет денег, а как-то около, но как — я ещё не выяснил. Все его разговоры и рассказы вращаются вокруг картёжных тем.

После St.Gilles, океана, Симфонии и чтения Christian Science, это производило странное, тяжёлое впечатление: какая-то тина. Не выходя с вокзала перебрались на другую платформу, попали в битком набитый дачный поезд, едва не растеряли наши пятнадцать вещей, и отправились вместе с Б.Н. в Bellevue - пятнадцать минут езды. Вагон остановился где-то за платформой, в конце длинного поезда, мы еле вытащили наши тюки. Б.Н. побежал за станционным служащим, который на шаретке[30] повёз чемоданы. Мы отправились пешком к даче. Дивный сад, много цветов, которых в St.Gilles не было вовсе. Дом произвёл впечатление довольно неожиданное. Некоторые комнаты очень хорошие, другие маленькие, лестницы узкие, всюду ступеньки, множество комнат, расположенных самым невероятным образом. Происходит это от того, что дом состоит из трёх домов, которые постепенно один к другому пристраивали. Б.Н. пожалуй был прав, когда телеграфировал нам «впечатление двойственное» - фраза, так нас рассердившая тогда. Мама, кажется, довольна. Я доволен садом. Б.Н. вскоре уехал в клуб, а мы легли спать. В St.Gilles, когда мы прочли, что в этой даче много комнат, мы проектировали одну или две комнаты предложить Б.Н., но теперь он своим видом, разговорами и настроениями до того обезоружил нас, что мы не знали, как поступить. В Эттале мы привыкли считать его как бы членом семьи, теперь же он, конечно, явился бы диссонансом.

8 октября

Утром прогулка по саду, осмотр. Сад разнообразный и интересный. Стоят урны, саркофаги. Хозяин сказал Б.Н., что одна из них стоит всего дома. Но мне они не очень нравятся, особенно, когда позади дом в каком-то средневековом стиле, а спереди эти вазы. Впрочем, одна мне понравилась больше, напомнив скифскую вазу, которую я видал не помню где. Вероятно, во мне есть азиатская кровь: азиатские древности меня привлекают, а Греция и Рим (начало Европы) нисколько.

Поехал в Париж. Загорского не застал. Вышнеградского, к которому я затем отправился, я встретил на улице, но не хотел к нему подходить среди толпы для тонкого разговора. Эберг в Лондоне.

Я отправился к Blois - попросить прислать в Bellevue инструмент. Blois рассказывал всякие новости и среди них историю крушения оперной антрепризы Hebertot. Эта история в самом деле невероятна. Оказывается, та красивая женщина, которую я видел с Вольфом, была не только любовницей Вольфа, но и богатого американского банкира. Она взялась достать крупную сумму для оперного предприятия Hébertot с тем, чтобы Вольф стал во главе дела. Сама она, кажется,

[29] От лба к затылку (фр).

[30] Двухколёсная тележка, от charette (фр).

должна была петь. Всё шло, пока банкир не поймал её с Вольфом в постели, после чего всё сразу рухнуло, а Вольф должен был даже уехать из Франции, так как он подписал ряд контрактов, которых не мог выполнить. Остальные контракты подписал Hébertot. Тогда последний пригласил к себе артистов с их контрактами и заявил, что он должен прибавить ещё один пункт, и взамен предложил какую-то компенсацию. Так как компенсация оказалась значительнее добавочного пункта, то артисты охотно дали контракты для внесения в них этого пункта. Hébertot же, получив на руки контракты, выбросил их в печь. Так было ликвидировано предприятие, от которого зависела судьба моего «Огненного ангела». А я-то рвал и метал!

Кончив свой рассказ, Blois посадил меня в свой маленький автомобиль и повёз в Bellevue. В Bois de Boulogne он развил скорость до 80 км в час. А когда мы подъехали к заставе, то с обеих сторон к нам подкатили два полицейских и потребовали у Blois его бумаги - за чрезмерную скорость. Оказывается, была картина, как в кинематографе: мы летели со скоростью 80 км/час, а сзади нас неслись на мотоциклетках два полицейских в попытке задержать нас. Blois хвастался, что у него есть связи и он избежит наказания.

Сегодня мои именины. Ждали Б.Н. и купили вкусного «порто», но он прислал телеграмму, что болен. Не очень поверили: вероятно, надо было в клуб.

9 октября

Утром сел корректировать. Гулял по нашему саду. Хорошо! Нет соседей, никаких звуков, сад интересен с ботанической точки зрения, много разнообразных растений, хорошая оранжерея. Наконец, нет ветра, а то в St.Gilles нас буквально выдувало из нашего тощего сада.

Поехал в Париж, чтобы выяснить от Б.Н. наши отношения с домовладельцем: вот уже третий день, как мы здесь, а никто с инвентарём[31] не является. Снимая дом. Б.Н.. разумеется, не удержался: сказал, что снимает для себя, но будет жить не постоянно, а наезжать, жить же будет «его друг, известный композитор Прокофьев», что, впрочем, не произвело на хозяина никакого впечатления. Б.Н. дал мне телефон хозяина и я ему звонил. Он был чрезвычайно любезен и расшаркивался, так как тем временем узнал, кто я. Фамилия Лапин, но ввиду того, что это выходит не очень удачно по-французски[32], то он переделался в Lapinà. Он еврей, принявший французское подданство, богатый и безалаберный человек, стоит во главе большого гравёрного дела, во время войны сделал немало денег, продавая картинки с полуголыми женщинами. Что касается самого Б.Н., то он очень картинно рассказал о сердечном припадке, помешавшем ему вчера приехать, так что мне стало его жалко. Он только что проснулся, когда я пришёл в четыре часа дня, бойко оделся и вышел со мной прогуляться. По дороге разговоры о клубе: что-ж, это борьба за существование. Я: борьба недостойная. Он: не хуже, чем играть на бирже, а торговля - ведь это тоже выжимание денег. Я: тогда можно открыть и публичный дом. Он: нет, там торговля кровью. Я: а в игорном доме нервами и желчью. Вся эта специфическая аргументация производила неприятное впечатление. Затем он пытался занять у меня тысячу («вы ничем не рискуете, они даже не двинутся из моего бумажника, но мне важно, чтобы, когда я раскрываю бумажник, они выглядывали оттуда»), но я не дал, напомнив, что у него осталось ещё триста франков из денег, посланных для задатка за дачу.

Был у Загорского, объяснял ему неловкость, которую я чувствую перед

[31] Имеется ввиду опись имущества и состояния сдаваемого помещения.

[32] Lapin по-французски означает заяц.

Вышнеградским. Он согласился, чтобы я пошёл к нему.

Когда я вернулся в Bellevue, пианино от Pleyel уже было прислано, стараниями Блуа, но я так устал, что даже его не попробовал.

10 октября

Опять был в Париже, у Вышнеградского, в его банке. Меня провели в великолепный салон. Поневоле мелькнула мысль: а бумаги-то не отдают.

Вышнеградский появился весёлый и любезный, и уселся на стул, подсунув под себя ногу. Для своего возраста он был чрезвычайно молод: ведь у него родился сын одновременно с моим Святославом и одновременно с его собственным внуком. Но когда я объяснил ему, что с целым рядом лиц выступаю против Международного банка, требуя возвращения бумаг, он омрачился (видимо, вся эта история была ему неприятна) и сейчас же встал. «Ну что-ж, будем судиться», сказал он. Я начал объяснять, что мне самому это очень неприятно, что я отлично помню его услуги, оказанные мне, и что, наконец, если ему моё выступление неприятно, то я могу прекратить это дело. Он ответил: «Нет, пожалуйста, лишний человек, примкнувший к этой группе, для нас не составляет разницы». Затем он поклонился и вышел. Итак, хотя я формально получил разрешение, но ушёл я с неприятным осадком.

Вернувшись в Bellevue, я старательно делал корректуру Скрипичного концерта.

11 октября

Слава Богу, что в Париж сегодня не надо.

Утром сел за Симфонию - сочинял последнюю вариацию. Пошло хорошо. Днём корректировал.

Какая благодать, что мы не в Париже, а здесь, в тишине и зелени!

12 октября

Писал Симфонию. Корректировал.

Много времени отнял тенор Александрович, директор вновь образовавшейся Русской народной консерватории в Париже. Хотел во что бы то ни стало, чтобы я преподавал инструментовку. Но для меня преподавание - убийство времени, и потому я всячески отказывался. Тем более, что консерватория ещё не открылась, а уже налицо трения: партия еврейская, партия русских, люди, желающие серьёзных профессоров, люди, главным образом думающие, как бы пристроить своих родственников, etc. Я согласился номинально участвовать в концерте, которым откроется консерватория, но если разрешит Hébertot (вполне уверенный, что он не разрешит).

Вечером были хозяева дачи: он - весьма грубый с виду еврей, но был любезен чрезвычайно. Инвентарь успеется - он «знает, с кем имеет дело».

13 октября

Сочинял. Симфония движется. Виден конец скелета, хотя сегодня в доме производились перестановки мебели, кроватей, пианино, а потому мешали заниматься. Корректировал мало, тем не менее кончил корректуру 5-й Сонаты.

Приехали Ранвиды: хромой полковник с пожилой, но энергичной женой, мамины друзья с Принцевых островов. Теперь она поступает к нам заведовать хозяйством и делать кухню. Он будет тоже жить, хотя к работе полковник не способен: у него только одна нога. Очень красивый старик.

15 октября

Ездили в Париж: надо было с Загорским идти в Palais de Justice[33] подписывать жалобу на банк. Противно, в Palais кишат адвокаты в своих средневековых робах. Оказалось, что свидетель, к которому ввёл Загорский меня и ещё какую-то даму (тоже жалобщицу), жил летом в St.Gilles. Узнав, что я композитор, он был очень мил со мною.

Затем был у Эберга в новом магазине издательства. Эберг сообщает, что, кажется, «Апельсины» удаётся устроить в Лондоне, хотя платят мало, а потому издательство должно по меньшей мере получить половину. Я возмущался: ругали Зальтера, сами хуже дюжины Зальтеров. Вернулся усталый. Как хорошо, что мы в Bellevue!

16 октября

Сочинял Симфонию. Много корректировал Скрипичный концерт.

17 октября

Кончил эскиз Симфонии. Но какая работа ещё! Сначала отделка, потом оркестровка. Ездил в Париж. В Обществе авторов получил девятьсот сорок франков. Неожиданное повышение: думал, будет триста. Затем был у Эберга в новом магазине. Спорили из-за Лондона. Эберг тяжёлый человек и с ним трудно. Но он говорил: «Издательство должно существовать, а в будущем вы не знаете, что в букве завещания Кусевицких богатому купцу». Т.е. намёк, что-то если перепадёт, то самим же авторам.

18 октября

Кончил корректуру партитуры и голоса Скрипичного концерта. Были у нас Кошиц, с Шубертом и Марочкой. Она только что из Южной Америки, теперь приехала искать счастья в Европе, в Америках были отдельные успехи, но не карьера. Сегодня была её первая встреча с Linette. Linette при первом взгляде решила, что Кошиц, наверное, еврейка. Про меня Кошиц сказала, что я потолстел и помолодел. Марочке двенадцать лет, девчонка довольно несносная, но нельзя ожидать воспитания в такой сумасшедшей семье.

19 октября

Принялся за отделку Симфонии, это большая работа, так как местами скелет весьма мало субстенциален. Сегодня начал отделку прямо с самого начала, с первого такта. Если сохраню аккуратность занятий (до одиннадцати утра каждый день - больше не могу, тупею), то думаю, в месяц кончу отделку.

Днём были опять гости. Вообще воскресенье намечается настоящим приёмным днём. Сегодня были: Консуэло (Пташкина подруга), Б.Н. и Эберг. Мы придумали вводить гостей через целую анфиладу комнат - это производит впечатление, стараются узнать цену. Эбергу я решил устроить насчёт «Апельсинов» для Лондона: так как это будет стоить дорого издательству, то гонорар разделим пополам. Б.Н. говорил только о клубе и картах. Он до того отстал от всего остального, что даже и не знал о кончине Брюсова, хотя уверяет, такая жизнь нисколько не влияет на

[33] Дворец правосудия (фр).

него. Между прочим, комический случай: оказывается, Эберг тоже иногда поигрывает в таком же клубе и сидит иной раз до пяти часов утра. Встретив у меня Б.Н., он насупился и спросил тихо: «А чем вообще этот господин занимается?» По-видимому, Эбергу неприятно, что я разузнаю, а что ещё хуже - растрезвоню про его слабость.

20 октября

Утром по обыкновению работал над Симфонией.

Слава Богу, нет корректирования, зато масса писем. Романов подтверждает, что на днях вышлет деньги за балет. Пора: заплатил две тысячи и с тех пор ни гу-гу.

Вчера и сегодня у меня разыгрался насморк, но после работы Christian Science к вечеру почти прошёл. Это надо отметить: обыкновенно течение насморка - неделя.

21 октября

В Симфонии продвинулся мало: завяз в «предварительной» побочной партии. Пташкино рождение, поэтому опять гости: Тамара Ханум, Самойленки. Обещал быть Б.Н., но обманул. В прошлый раз он получил моё старое пальто, а теперь больше получать нечего. Вероятно, он чувствует критическое отношение к себе, он же хочет, чтобы им восхищались. Впрочем, мы его ругаем, но любим - сжились с ним за два эттальских года. Он тоже говорит, что мы - его единственная семья. Своих родственников, кроме матери, он не считает близкими людьми и имеет к тому основания.

24 октября

Из-за головной боли день пропал без занятий. Письмо от Сувчинского. Возможно, что в декабре он приедет во Францию и тогда поселится в Bellevue. Мы с Пташкой очень довольны. Не сдать ли ему один из составных домов нашего бельвюсского владения? С Б.Н. будет удар...

Дягилев заказал балет Дукельскому. Дукельский - способный и весьма развязный мальчишка, но окажется ли он новым дягилевским открытием, сказать трудно. Почему Дягилев вдруг круто отошёл от меня - вот загадка!

25 октября

Занимался Симфонией. Работалось хорошо. Днём много возился со второй корректурой партитуры и голосов 3-го Концерта. Вторая корректура в данном случае заключалась в том, что я проверял, исправлены ли мои поправки в первой корректуре. Подлец Ниель: целую кучу указанного мною не внёс. Вот вам дешёвая гравировка на кальке!

26 октября

Мало работал, боялся, что разболится голова. Но кончил экспозицию. Голова, кстати, помиловала, и, чтобы её окончательно разгулять, я отправился в Chaville к Черепнину. По дороге немного заблудился, а то было бы не так далеко. У Черепнина целое сборище, среди других петербургских профессора Ляпунов и Гандшин. Здороваясь с последним, я сказал: «Вот человек, который заставил меня разлюбить орган». Гандшин, думая, что он ослышался, переспросил, но в самом деле, он за

полтора часа моего пребывания в его классе, ничего мне не сказал о красочной стороне органа, а всё тренировал мои пальцы на легато, да координировал левую руку с правой ногой. А я ведь когда-то хотел написать сонату для органа. Однако теперь, видя, что мои слова его огорчают, я замял неприятный уклон разговора, Гандшин же был мил и высказывал интерес к новой музыке. Он живёт теперь в Цюрихе, скучает о Петербурге, звал меня остановиться у него, когда попаду в Цюрих. Черепнин играл мне свой новый балет, который в мае хотели заказать мне, а затем, вследствие моего отказа, предложили Черепнину. Несколько милых мест, но в общем слабо, и, как ни странно, есть влияние Стравинского, которого он так ругает.

Mme Черепнина по обыкновению влюблена в Пташку, и сегодня была очень нежной с нею. Бранила Марусю Павлову, ныне Бенуа (Кока - двоюродный брат Mme Черепниной), находила её мещанкой. Пташка поинтересовалась её голосом. По словам Саши Черепнина, голос у неё довольно сильный, но неровный.

27 октября

Начал отделывать разработку. Эберг звонит по телефону из Парижа: телеграмма от Кусевицкого - успех «Скифской сюиты» в Америке. Днём поехал в Париж. Заказал фрак: старый узок, жилет расставляла Ольга Владиславовна ещё весною. Да и честно отслужил шесть лет. С Эбергом обсуждал контракт; куча сочинений напечатана, а контракт ещё не подписан. Эберг требует 50% с доходов от механических инструментов. Я не соглашаюсь - много. Эберг говорит: зато издательство будет следить и защищать вас.

28 октября

Продолжал отделывать разработку. Днём корректировал Op.9, выходящий на четырёх языках. Паршивый Laloy молчит и не делает исправлений, которые я хочу во французском переводе. Он талантливый человек, но есть отдельные места, которые мне не нравятся.

Вечером в Париже на лекции по Christian Science. Атмосфера лёгкая, радостная.

29 октября

Работал над Симфонией. Корректировал Op.9. Приятно, что сегодня никуда не надо ехать. Письмо от Hébertot: очень мило предлагает расторгнуть контракт. Но мне это совсем невыгодно. За ним ещё десять концертов в два сезона, т.е. двадцать тысяч франков. А вдруг вовсе лопнет? Тогда ни денег, ни концертов. Не пойти ль на компромисс, пока не поздно?

30 октября

Был в Париже у Эберга: торговался из-за 50% за механические инструменты. Механизация музыки так развивается, что неизвестно, может это как раз и будет главный доход. Но Эберг ни за что не уступает: «Не сердите вы Кусевицких, - говорит он, - уверяю вас, от издательства всё равно со временем перепадёт композиторам». Обедал у Рульмана, бельгийского дирижёра. Играл ему 3-й Концерт и «Шута», которые он будет дирижировать в Брюсселе, где он два года назад блеснул «Скифской сюитой». Купил «Круги» Мясковского, очаровательный меланхоличный романс. Играл его Пташке, он очень нам нравится. Пташка будет учить.

31 октября

Открытие Русской народной консерватории, поэтому «акт» и концерт отдельно. В консерватории сорок учеников и сорок два преподавателя, но ей покровительствует Maison Pleyel, с помощью которого и состоялся акт. Ляпунов для этого акта переложил увертюру «Руслан и Людмила» для двух роялей. Утром мы с ним срепетировались и затем с неё начался акт: Ляпунов за первым роялем, я за вторым. Когда аплодировали, я пустил его вперёд раскланиваться как автора. Старик сиял, точно он сочинял «Руслана и Людмилу». С Blois разговаривал об Hébertot. Он говорит, что у Maison Pleyel тоже дела с ним и они недурно осведомлены о положении Hébertot: в январе он лопнет. Совет: постараться до Нового года выжать из него по крайней мере два или три концерта, хоть это!

1 ноября

Болела голова: мало наработал. Ниель вернул ещё порядочно корректуры голосов 3-го Концерта, в которой снова тьма неисправленных ошибок. Романов не шлёт денег. Посылал телеграмму. Эберто лопается. Как весело! Спасибо, хоть вечером Blois говорил, что постарается устроить мне заказ для компании Шведских балетов.

2 ноября

Отделывал Симфонию.

По поводу воскресения: ждали гостей, но никто не приехал. Переписывал рецензии на машинке, для турне Мери Бран. Святослав вытолкнул свой первый зуб. Его нянька, норвежка Miss Mack, покинула нас. Весною она была милой и полезной, а последнее время прижилась и стала часто дуться.

3 ноября

Работал. Очень интересно было получить письма от Мясковского с подробным описанием впечатлений от исполнения моего Скрипичного концерта в Москве (Сигети). По-видимому, оркестр играл недостаточно хорошо, но скрипка бисировалась!

4 ноября

Днём отправился в Париж объясняться с Ниелем. Обедал с Эбергом. Он рассказывал про Б.Н., которого встречает в клубе. В июле Б.Н. проиграл восемь тысяч франков. Чьих? У него не было таких денег. Его кольцо, бриллиантовое с рубином, которое нынче исчезло с пальца? Вот причина истерического письма о «катастрофическом несчастье». Сейчас, по словам Эберга, он уже не играет, хотя иногда даёт карту за чужой счёт, на счастье, и если выигрывает, то получает от дававшего. Или же даёт взаймы проигравшему под залог золотых часов. На него смотрят косо. Эберг говорит с презрением. Да и в самом деле, большое падение с облаков Ettal'я. Лучше бы мести улицы.

Концерт Саши Черепнина, кажется, первый его концерт. Сочинения его милы, хотя материал не очень значителен. Все вокруг кричат, что он всецело под моим влиянием. Видел на концерте ласкового Александра Николаевича Бенуа, видел Коку и Марусю. Она похудела и скорее подурнела, хотя теперь одета элегантно, по-парижски. Прежде у неё было очень милое полудевичье кокетство. Впрочем я

видел её только мельком и лишь успел подразнить, что она не умеет подкрашивать губы. Пташке она жаловалась, что в этом Париже чувствует себя одинокой. Кока красив, но его я тоже видел один момент. Сашенька, выходя на эстраду, имел смущённый вид, но играл хорошо: не как пианист, а как умеющий играть композитор. Это как раз мне нравилось. Николай Николаевич волновался за сынка и был пьяненький, впрочем, как всегда за последнее время.

5 ноября

Так как вчера возвратились поздно, то сегодня работалось хуже. Вечером заходил Коля Кедров, сын Кедрова (квартет Кедрова) и Гладкой - бывшие профессора Петербургской консерватории, а теперь профессора новооткрытой вчерашней. Заходил взять мои романсы для матери. Он очень милый, скромный, хорошо воспитанный юноша девятнадцати лет. Часто приходится слышать, что большевизм разрушил всё в России: воспитание, нравы, взгляд на жизнь, всё. Но коли семья сколочена крепко, то вот вам простой и милый юноша. А ведь Кедровы всего несколько месяцев, как из России, где прожили всю революцию. Учился он в Петербургской консерватории. Я с интересом расспрашивал его про Консерваторию, в которой сам провёл десять лет, всю свою юность. Он говорит, здание ни снаружи, ни изнутри не изменилось, только рояли стали хуже. Ученики часто одеты в кожаные куртки, иногда даже в валенках. Ученицы больше следят за своей одеждой, поэтому выглядят почти так же, как раньше. Но есть среди них коммунистки, очень в себе уверенные. А жизнь течёт своим чередом и затягивает, так и Коле не хотелось расставаться с Консерваторией, когда пришла пора уезжать, хотя сейчас он и рад, что заграницей.

6 ноября

Работал над отделкой Симфонии. Виден конец первой части. Корректировал.

7 ноября

Голова. Что-то часто она стала заболевать, хоть и стараюсь считать это за самообман, как учит Christian Science. Я аккуратно читаю Christian Science каждый день и несомненно двигаюсь вперёд. Был в Париже по разным делам. Снова ходил объясняться к Ниелю насчёт неисправленных ошибок в корректурах. Надо бы ругать его, но сидит почтенный старик, который говорит тихим голосом и вдобавок ещё болен астмой, и опускаются руки, а между тем работа движется плохо и медленно, и главное, всегда не в срок.

От Цедербаума письмо: подробности о большом успехе «Скифской сюиты» в Америке. Когда в 1918 году я приехал в Америку, то эта великая республика была слишком глупа для меня, но за шесть лет дурафья заметно развилась. Я рад, ибо в других отношениях Америка мне очень симпатична, и Christian Science идёт из Америки.

Голова болела до вечера, но в десять часов вдруг стремительно прошла.

8 ноября

Blois сообщил мне соображения адвоката Maison Pleyel относительно положения Hébertot. На основании этих данных сегодня всё утро писал ему письмо. Романов денег не шлёт. Hébertot взлетает на воздух, был у меня уравновешенный бюджет, а тут восемнадцать тысяч франков попали под вопрос... А между тем Пташка и я

заказали всякой одежды на три-четыре тысячи!

У Святослава новая нянька - швейцарка, мало декоративная, но старается, впрочем, как все вначале.

15 ноября

Премьера сюиты «Шут» в Concerts Populaires в Брюсселе.

Я играю 3-й Концерт. Успех.

16 ноября

Повторение вчерашнего концерта.

19 ноября

Письмо от Кусевицкого, довольно длинное, милостивое. Видно, что мы очень знамениты, но благосклонны.

Неприятная повестка из Justice de Paix: вызывают по делу Argus, причём день вызова уже прошёл, так как повестка без конца гуляла по старым адресам. Я думал, что уже отвертелся от Аргуса, а тут нет, пожалуйте в суд. Очень неприятно, что я очутился под судом, хотя ещё неизвестно, выиграет ли Argus свои двести пятьдесят франков.

20 ноября

Принялся за отделку второй части и отделал тему для вариаций. Романов прислал успокоительное письмо: вышлет деньги.

Очень милое письмо с Ривьеры от Дукельского - о моей «Балладе».

21 ноября

Утром не сочинял, а упражнялся к завтрашнему реситалю в Брюсселе. Днём - в Париж по визовым и корректурным делам, а также в мировой суд. Приготовил длинное объяснение, почему я не явился по вызову повесткой, и как случилось, что она так запоздала, но сонная барышня разъяснила, что это меня вызывают для примирения, и не важно, что я не пришёл. Вот если пришлют ещё повестку, то тогда надо явиться обязательно. Зашёл к Загорскому. Он смеётся: это не «под суд», а просто иск, каких бывает миллионы и которые никого не порочат.

Письмо от Цедербаума насчёт Brennan, менеджера бостонского оркестра. Он согласен взять мой management и даже готов заплатить Haensel`ю тысячу долларов моих долгов. Ого, это уже серьёзно: Америка налаживается по-настоящему.

22 ноября

Повторил программу и в одиннадцать часов отправился в Bruxelles, куда приехал в пять часов. Немного погулял, затем читал Christian Science и раздумывал сложную проблему духа, очень горячо. Пришёл к заключению, что если я отказываюсь от лекарств, но ношу очки, то это противоречие и недобросовестность. Решил снять очки. Очки у меня несильные и я могу относительно свободно обходиться без них. Но доктора, надевая их мне, говорили, что если я носить их не буду, глаза мои будут быстро портиться. Тем не менее, после горячего обсуждения с самим собой, я решил, что я всё же должен их снять, если честно верю в Christian Science, и что

через Christian Science глаза мои должны улучшиться. Таким образом вопрос был решён, и я снял очки. В полдевятого концерт, зал неполон, приблизительно две трети. Играл недурно, успех главным образом под конец, когда публика зааплодировала очень шумно. В антракте в артистическую явилась... Лиана Коллини. Шесть с половиной лет назад, во время драматического расставания в Ростове, она говорила, что в будущем, если увидит моё имя в программе или газетах, то приедет и встретит меня в том городе, где я буду давать концерт. И вот этим городом оказался Брюссель. Но она не постарела - такая же, хотя я, когда вспоминал её, думал, что эти годы наложат на неё печать. Она замужем за югославянином и имеет ребёнка. Я тоже похвастался, что у меня жена и сын. Что Пташка испанка - произвело на неё впечатление (верность южным женщинам?). «Я жалела, что не поехала с вами тогда. - сказала она, - я надолго застряла ещё в Ростове, а затем Одессе». В Румынии она нашла свои драгоценности, но не больше.

Разговор тёк очень оживлённо и с крайней любезностью с обеих сторон. Разумеется, никаких чувств у меня к ней нет давно, но открылась целая эпоха, поднялся занавес над живописным отрывком из моей прошлой жизни - и встреча произвела на меня большое впечатление.

После концерта некто Piron водил меня пить вино к какому-то богатому Maier'у. Рассказывал, что хорошо знает Стравинского, который был у него во время своего последнего визита в Брюссель. Будто Стравинский ненавидит Мийо, меня же хвалит.

23 ноября

Лёг в час, встал в полседьмого и отправился в Париж. В два часа дома - Bellevue. По дороге читал книжку Кошиц. в которую она записывала изречения, стихи, сказки, частью свои, частью продиктованные ей спиритическим путём. Много общехристианских мест, но есть хорошие сказки, как сказка о жизни и смерти, и есть удачные фразы, например: «Он протянул руки Жизни, но взяла их Смерть», или «Не следует свои солёные слёзы считать за соль жизни».

Едва приехал домой, как гости. Сегодня гала: наехало двенадцать человек, среди них Орик, с которым намечается сближение. Он заканчивает второй балет для Дягилева («Матросы»), а затем собирается сочинять оперу. Я : «Но Дягилев убьёт вас! Ведь он считает оперу отжившей формой». Орик смеётся. Я спрашиваю его про Дукельского. Орик видел наброски его балета для Дягилева. Находит, что сделано хорошо, но, конечно, не гениально.

24 ноября

Не сочинял: тяжёлая голова. Был в Париже, отвёз корректуру партитуры и голосов Скрипичного концерта, которые теперь пойдут в печать, обгоняя материал 3-го фортепианного Концерта. В издательстве говорили, что по полученным из Америки сведениям. Метнер при дебюте в Нью-Йорке имел огромный успех. Вот неожиданно! Пианист он, правда, первый сорт, но как композитор уж очень скучен для американской публики.

25 ноября

Очень приятно, что целый день можно быть дома. Отделал всю первую вариацию в Симфонии. Писал письма, которых накопилась уйма. Отсылал контрамарки на мой реситаль пятого декабря, который таки вырвал у Hébertot. Отправил сорок один пакет. Очков не ношу.

5 декабря

Récital в Champs Elysées. Народу немного. Деньги заплатили. Ира Рузская - болтали в антракте. Не виделись десять лет.

12 декабря

Кончина мамы, у меня на руках, в 12.15 ночи на тринадцатое декабря.

1925

1 января

Встречу Нового года проектировали различно, с Бенуа и Черепниным, но под конец Черепнины изменили и поехали встречать к Вышнеградскому («нельзя, Сергей Сергеевич, традиция, старая дружба»), за что мы даже хотели послать Черепнину открытку с цитатой из «Снегурочки»: «Его любовь и ласки для богатых, а пастуху - спасибо и прощай». Итак, мы остались встречать домашним путём в Бельвю. Неожиданно явился Б.Н.Б. В полдвенадцатого выпили бутылку шипучки, за полчаса до Нового года, так как последний поезд отходил в Париж в 12.30.

Первого числа болела голова, как, впрочем, каждый год: пренеудобная традиция. Днём был Цедербаум, секретарь Кусевицкого, с ним поехавший в Америку, но не вынесший характер Натальи Константиновны и после ссоры вернувшийся в Европу. Он очень хорошо ко мне относится, рассказал про Америку, видит возможность моего турне, и если его организовать как следует, то даже гонорар не меньше десяти тысяч долларов. Ого! Может, через год я смогу купить дом, сад, огород и заняться разведением кур! Какая пастораль...

2 января

Оркестровал Симфонию, боюсь очень, но выходит одна-две, редко три страницы в день.

Был молодой композитор из Одессы с очень еврейской фамилией, которую я не запомнил. Пишет партитуру складно, даже очень, но как выходец из прошлого века. Оказывается, в Одессе до сих пор ничего нового не слышали, кроме 2-й Симфонии Скрябина. Меня знают больше по имени, почему-то считают за «пролетарского композитора» и даже ведут из-за меня горячие споры. Теперь он явился ко мне на поклон и показаться.

4 января

Была Чернецкая (Инна Самойловна), которая ко мне подошла на днях в театре, а затем просила позволения приехать. Она балерина и режиссёрша, только что из Москвы, танцевала в Большом театре, ставила мои «Сарказмы» (я действительно как-то раньше видел снимок в журнале с «Сарказмов»). Уверяет, что изобрела новое в пластике, и даже при встрече с Дягилевым доказывала ему, что он упёрся в тупик. Ищет новый балет. Говорит: если я напишу, то его схватят в Москве с радостью. Про Москву она рассказывала много и интересно. Рахманинова там больше не любят: забыли. Так ли? Публика в Большом театре восприимчивая и понимающая: осталось кое-что от старой, есть студенты, есть коммунистическая интеллигенция. Приедет ко мне ещё раз, чтобы послушать «Шута», которого я пообещал ей сыграть.

5 - 8 января

Перед отъездом в Польшу. Сложности с Мери Бран, которая не даёт достаточно залога.

9 января

Отъезд. Ехать ночь, **сидя** во втором классе, а затем ещё целый день довольно утомительно, поэтому взял в первом классе до Кёльна и оказался один в купе. Провожала Пташка и Таня Калашникова. Всю ночь не давали спать: то passeports

français, то passeports belges[1], бельгийская таможня, проверка билетов бельгийскими контролёрами, затем deutsche Zoll, «bitte Ihre Pass», «die Fahrkarte, bitte»[2] и т.д., словом, врывались в купе каждые полчаса, так что заснул я крепко только под утро и проснулся, когда поезд стоял уже в Кёльне.

10 января

Проснувшись, быстро вскочил, перебрался во второй класс и получил место у окна. Затем вымылся и даже выбрился без кровопускания, и пил кофе в шпейзеваген[3]. За café-complet и два кусочка сыра заплатил 13 франков - ценочка не французская! Погода хорошая, солнце, снега нет, но виды однообразные - во Франции красивее.

В пять часов Берлин. Вышел на Шарлоттенбургский вокзал и был встречен Сувчинским и Гессеном. Сувчинский отлично выглядит и через месяц собирается перебираться в Бельвю. Все вместе поехали к Гессену, у которого я остановился. Едва вошли, зазвонила Бран, но ей ответили, что я вышел давать телеграмму. Гессен, оказывается, не сказал ей, что я выйду на Шарлоттенбургском вокзале, и она помчалась встречать меня на Bahnhof Friedrichstrasse, прихватив с собою Вебера из нашего издательства. Тут случилось совпадение: Гессен, встречая меня, проводил одновременно Гзовскую, севшую в мой вагон, который шёл дальше в Варшаву. С Шарлоттенбургского вокзала поезд перешёл на Фридрихштрассе и там, вместо меня, Бран увидела Гзовскую, от которой и узнала, что Прокофьев уже поехал к Гессену.

11 января

Спал я как убитый. В семь часов утра пришла телеграмма от Фительберга, что в понедельник (сегодня) мне будет виза в польском консульстве в Берлине. Были с Гессеном у Юрьевской, репетировали романсы: она будет петь «Голос птиц», «Бабочку» и «Помни меня». Юрьевская рассказала, что Зальтер попался в мошенничестве, и его фирма ныне окончила существование (закрыли). Бран звонила каждые полчаса, но я с ней разговаривал только один раз и пригласил её для объяснений на завтра утром. Пока же надо повидать серба-пианиста, у которого, по словам Сувчинского, есть тысяча долларов на устройство концерта, и этот концерт серб хочет устроить со мною.

В пять часов концерт у редактора «Vossische Zeitung». Публика почти исключительно еврейская. Сувчинский говорит, что он пытался насчитать хоть пять христиан, но не мог. Играл я удачно; Сувчинский наделал мне комплиментов за пианизм: он не слыхал меня со времён российских. Юрьевская пела хорошо, хотя не дотянула заключительную ноту в «Бабочке» и в «Помни меня». Раичев, (болгарин, хороший сладковатый тенор) ничего моего не выучил, поэтому спел Римского-Корсакова, публике же объяснили, что они спеты оттого, что Римский- Корсаков мой учитель. Снимали фотографы и зарисовывали карикатуристы. Вышли на улицу с Сувчинским. Пошли пешком, говорили о богословии. Когда я осторожно навёл разговор на Christian Science, то он как-то небрежно отмахнулся: «Ну вот, эта вещь, например! Ну что это такое!» Но я думаю, что он лишь туманно слышал о Christian Science.

Обедали в Furstenhof'е, там же, где два года назад. Пришёл серб, обедал с нами,

[1] Французские паспорта, бельгийские паспорта (фр).

[2] Немецкая таможня, «пожалуйста, ваш паспорт», «ваш билет, пожалуйста» (нем).

[3] Вагон-ресторан, от speisewagen (нем).

обсуждали предстоящий симфонический концерт: серб хочет играть мой 3-й Концерт с тем, чтобы я дирижировал. Остальная программа - из моих вещей.

12 января

Утром явилась Мери Бран. Она небольшого роста, как Таня, но хуже и уже в плечах, и до смешного похожа на мальчишку, у которого ещё не растёт борода. Эта мальчишестость во всём строении лица. Волосы на пробор, одета в костюм и в мужском галстуке. Лет ей около двадцати пяти. Несмотря на все попытки её уладить дело и даже согласие заплатить мне аванс (в Польше и, стало быть, из моих же польских денег), я решительно заявил, что контракт нарушен. Она была огорчена, взволнована и чуть не разревелась, когда мы вместе вышли на улицу.

Был в польском консульстве, но визы ещё нет. Был у меня Штробах, художник и режиссёр для «Апельсинов». Его из Берлина выписывают в Кёльн для этой постановки. Ему 34 года, Сценкару 32, мне 33, всем вместе 99. Он в диком восторге от «Апельсинов». Говорит, что сценически это самая интересная опера, которую он знает. So lustig![4] Придумал массу трюков и первого февраля уже едет репетировать сцены с хором. Показывал эскизы некоторых декораций: они довольно нелепы, кубистичны. фантастичны, но по его карандашным наброскам трудно было получить верное представление. Немецким текстом он не очень доволен.

13 января

Вторая телеграмма из Филармонии, что виза послана. Был опять в консульстве, убил два часа, перебывал у всех, от секретаря до генерального консула, но разрешения не было, а без разрешения нельзя. Послали меня к послу, и тут секретарь сообщил, что только что виза получена. Я страшно замучился с милыми панами и их дурацкими порядками.

Сегодня русский Новый год, Сувчинский звал встречать его к профессору Карсавину, очень милому человеку, но я устал. Бран звонила опять. Вечером она заболела от огорчения. Теперь она предлагала новые условия на апрель, Пташке и мне.

По вечерам читаю Christian Science. Глазам не лучше.

14 января

Сувчинский живёт в Süd-Ende, своего вида Bellevue при Берлине. Сегодня он повёз меня к себе завтракать. У него очень хорошая гостиная и маленькая, узкая и длинная спальная. Жена его мила, хотя бесцветна. Была ещё Mlle Гучкова, дочь автора «Приказа №1», она же племянница Зилоти и родственница Рахманинова. Ей восемнадцать лет и она иногда исполняет секретарские обязанности у Сувчинского. После завтрака мы с Сувчинским вернулись в Берлин, к Гессен, где уже сидела Мери Бран с новым контрактом, но, конечно, контракт был написан скверно и я заставил его переделать. Пришлёт она мне чистовой экземпляр для подписи в Варшаву. Затем мы втроём отправились на вокзал. Спальных мест не оказалось. Я уехал в простом втором классе, а на границе (где, кстати, поезд держали три часа) перешёл в пустой первый класс и недурно спал, один в купе. На границе ко мне не придирались, но одну русскую даму, у которой что-то было с документами не в порядке, высадили.

[4] Так весело (нем).

15 января

Варшава в девять часов утра. На вокзале меня встретил Фительберг, сияющий, в великолепной шубе. Расцеловались. Оказывается, он уезжал из Варшавы, и оттого возникла путаница с визой. Он сказал мне, что я буду жить не в гостинице, а у Mme Гросман, полурусской, полупольки. У неё в Петрограде был большой фортепианный магазин «Герман и Гросман». В 1914-1918 годах у меня даже был рояль их фирмы, недурный и громогласный. Квартира огромная, шикарная, две горничные, лакей. У меня удобная комната. Самой хозяйке лет сорок-сорок пять, она мила, хорошо говорит по-русски, просила меня не стесняться, «точно в гостинице». В десять часов утра уже состоялась оркестровая репетиция, вся посвящённая моему 3-му Концерту. Фитиль[5] старался и вызубрил недурно, но я очень устал.

После репетиции Фительберг угощал меня в ресторане огромным завтраком (фляки по-польски), а затем я спал. В пять часов отправился погулять по Варшаве, которая мне напомнила Москву и Петроград: есть что-то общее в архитектуре домов; номера домов пишутся на треугольных синих фонарях жёлтыми прозрачными цифрами; много народу в шубах: есть бабы в платках.

Вечером концерт. Зал хороший, народу порядочно, но не полно. В первом отделении я играл 3-й Концерт: большой успех. Во втором - несколько номеров соло, в том числе «Наваждение» (по-польски «Змора»), после которого успех огромный. Я дал три bis'a, но мог бы дать ещё три, так как народ собрался у эстрады и кричал «Марш» или «Сказку»! Оказывается, эти вещи уже играли здесь Орлов, Боровский, Артур Рубинштейн и два польских пианиста, и публике хотелось послушать, как их играет автор. По мнению всех, мой успех был больше успеха Стравинского, который был здесь в начале сезона со своим Концертом. Вечером ужинали у Mme Гросман: Фительберг, директора Консерватории и Филармонии, секретарь президента республики и прочие. Секретарь был мил и сказал, что он, если будет нужно, всегда мне устроит визу в Польшу в один момент.

16 января

Утром упражнялся к реситалю. Завтракал с Фительбергом. Его жена в Берлине, он живёт у сестры, в скромной квартире. Уличил Бран во лжи: в Берлине она сказала, что концерт в Лодзи провалился оттого, что в Лодзи, видя, что я не получаю визы, уступили зал другому. В Варшаве я рассказал об этом директору Филармонии. Тот воскликнул, что этого не может быть, он знает лодзинского человека и уверен, что это не так. Директор запросил его телеграммой и сегодня получил возмущённый ответ, опровергающий слова Бран. Телеграмма эта теперь у меня в кармане.

Вечером в опере на премьере «Зигфрида», в ложе у директора Консерватории. Театр не очень большой, декорации плохие, певцы посредственные, но есть недурные актёры, и публика в зале нарядная. По-польски, со всеми их шипящими и трещащими буквами, выходит довольно выразительно в драматических и комических местах (Миме), но в лирических хуже. После спектакля целой компанией, с местной прима-балериной, очень хорошенькой, поехали ужинать в кабаре «Оаза» (Оазис) - дансинг и дивертисменты. Просидели до трёх часов. Платил жених балерины и никому не позволял участвовать в платеже.

[5] Фительберг.

поэтому упражнялся на фортепиано. Хозяйка дома была так любезна, что предлагала мне привезти «Стейнвей», но я отказался. В её квартире раньше останавливались всякие знаменитости: Рахманинов, Сафонов, Казальс. Завтракал у Майер, богатых людей, к которым ходил упражняться Стравинский, когда был в Варшаве. Стравинский, говорят, ругает Шлецера, который в своих статьях распинается перед ним и постоянно наступает мне на ногу в пользу его. Стравинский говорит: «Пишет обо мне этот Шлецер, пишет, а о чём пишет - не знает». Затем с «Фитью», как здесь называют Фительберга, были у балерины, у которой прощальный чай перед отъездом в Бухарест. Один господин сказал: «У меня есть кузен, тоже недурный пианист». Я довольно небрежно спросил: «А! Кто же?» Он ответил: «Гофман». Довольно неожиданно! Затем я поехал в редакцию здешней русской газеты, которую издаёт Философов. Лет десять назад он страшно напустился на меня за то, что я «Кудесника» написал на такие ерундовые слова. Вечером, встретив меня на «Зигфриде», он сказал, что рад приветствовать в моём лице «настоящего большого мастера» и что мой приезд в Варшаву и успех они хотят особо отметить в своей газете, дабы подчеркнуть значение русской культуры. Таким образом, сегодня я отправился «отвечать на вопросы» для статьи. В редакции встретил Арцыбушева, который тоже принимает участие в газете. Певец «упругих грудей» и сильных молодых людей, насилующих красивых молодых девушек, теперь почти глух, но у нас была общая тема: он ярый шахматист. Вечером бридж у директора Консерватории: он, я, директор Филармонии, Mme Гросман и секретарь президента республики (который обещал мне визовые удобства). Я думал, что со времени моих славных бриджевых дней в Америке я забыл игру, но ничего, вышел из этого дела с честью: выиграл пятнадцать франков.

18 января

Утром занимался, днём играли в бридж у Списа, вечером обедали у богатых евреев, друзей директора Консерватории: накормили до отвала. Молодые люди, бывшие у них в гостях, играли мне мой «Марш» и «Мимолётности», очень недурно. Но хватит! Хватит! Надоело выезжать, хотя и очень приятно, что Варшава принимает меня столь радушно.

19 января

Играл. Читал газеты: целая литература про меня и про Стравинского. Очень занятно, хотя кое-что и наврали (о Дебюсси, сонатах и прочем). У хозяйки интересный альбом, в котором собираются автографы ещё со времени её деда. Там Лист, Гуно, Боито, Пуччини, Рахманинов etc. Стравинский обвёл карандашом свою руку. Гордый пианист, со вчерашнего дня ставший таковым. Когда хозяйка попросила мой автограф, я приписал внизу: «Когда я к сорока годам немного подучусь играть на фаготе, я вам нарисую мои лёгкие».

20 января

Приехала М.В.: «Я не могла, чтобы не быть на вашем реситале». У её родных имение в Польше, часть этого имения принадлежит ей, там она и живёт эту зиму. Завтракала у нас, рассказывала, как Боровский, который сейчас в Нью-Йорке, был у Рахманинова и играл ему всякую новую музыку, в том числе Стравинского и Прокофьева. Рахманинов, разумеется, ругался, но про мою музыку сказал: «Прокофьев талантлив, пока нахал, а когда хочет быть серьёзным, то не лучше остальных».

Реситаль состоялся в том же зале Филармонии, но публики немного меньше. Успех тоже меньший. Но я был не совсем в настроении и устал: играл на бис скупо, два раза.

21 января

Получил пятьсот долларов приятными американскими билетами, а также спальный вагон, хотя сначала говорили, что всё продано. Покинул гостеприимную Варшаву, провожаемый Марией Викторовной, которую было очень жалко, так как у неё опять болели почки и она совсем скисла, и Фителем, явившимся в великолепной шубе, раскланивавшийся направо и налево - в экспрессе, уходившем в Париж, уезжало много нарядной публики и было много провожающих. Видя горячее отношение ко мне, я предложил Фительбергу выпить без вина на «ты», что он с удовольствием принял.

22 января

В шесть часов утра у германской границы. Я несколько волновался, ибо больше ста долларов вывезти нельзя, но всё обошлось благополучно. В полдень я высадился в Берлине и опять поехал к Гессенам, у которых остановился. Днём играл на рояле.

23 января

Mme Wolf, директриса одного из самых больших германских концертных агентств, просила меня заехать. Я отправился, но её не было. Ушёл рассерженный. Днём явилась Мери Вран. Она на всё согласна: снова переделывает контракт по моим указаниям; обещает завтра заплатить гонорар до концерта. Я требую привезти гонорар в четыре часа, - «чтобы мне зря не надевать фрак». Согласна. У Гессена был молодой органист из Петербургской консерватории. Расспрашивал меня. Я вещал. Но на моё утверждение, что ныне Стравинский выбрал своим отцом Баха, он внёс поправку: «От Баха ли он происходит? А не по побочной ли линии от его предшественника Вивальди?» Я ответил: «В сущности, это не так важно; важно, что от эпохи, которую венчал Бах».

24 января

Днём Сувчинский пригласил меня к Mme Гучковой, сестре Зилоти и матери Mlle Гучковой, которую я видел у него. Там было собрание евразийцев: профессор Франк, профессор Трубецкой, профессор Ильин, задававший мне сложные музыкальные вопросы, и какой-то господин из Москвы, который очень напористо стал хвалить Рославца и Мясковского. В этой напористости играл главную роль московский патриотизм, который, говорят, там очень развился: вот мы какие. Когда же я стал сам расхваливать Мясковского и оказалось, что я его и лучше знаю и больше люблю, то он сделался сразу очень простым и милым. Впоследствии Сувчинский сказал мне на ухо, что этот человек из красного штаба, но сочувствует евразийству и здесь инкогнито. Жаль, что я не знал этого раньше, я бы отнёсся к нему внимательней. Сам Сувчинский больше сидел в сторонке, на диване с Mlle Гучковой, и они ласково ворковали.

К четырём часам я вернулся домой, к Гессену, но Бран с деньгами не явилась. Я лёг отдохнуть перед концертом. В пять никого. Наконец явился страдальческого вида господин, который сказал, что всё будет сделано хорошо, концерт состоится, деньги мне заплатят. Я ответил, что как же я могу им верить, когда они первого

условия уже не исполнили, не принесли гонорар в четыре часа. Он стал продолжать свои убеждения, но я сказал, что не одену фрака, пока гонорар не будет в кармане. Человек ушёл. Мы пообедали. Без четверти восемь (концерт был объявлен в восемь) от Мери Бран не было ни слуха, ни духа. Я всё-таки надел фрак. Гессены тоже приготовились идти в концерт. Все сидели в гостиной и ждали, точно перед встречей Нового года. Гессен говорил: «Я всё-таки не понимаю - ведь публика же собралась!» Наконец в 8.20 звонок по телефону, телефонирует по поручению Мери Бран тот же болезненный человек: просит приехать, публики собралось много, Бран заплатит гонорар при входе. Сели в автомобиль и поехали: я, Гессен, его жена и два сына. Я смеялся, говоря, что окружённый в такой мере, я могу не бояться никаких атак со стороны Мери Бран. Но Гессены оказались трусами: едва мы подъехали к залу, у подъезда которого стояли Мери Бран и болезненный человек, как вся гессеновская семья высыпала и скрылась. Я остался один в глубине автомобиля и ко мне подошёл болезненный человек, который стал очень вежливо уговаривать меня, но я сказал, что не выйду из автомобиля, пока не получу по уговору денег, а если не получу, то уеду. Тогда ворвалась Мери Бран. Она была в последней степени волнения, рыдала, кричала, грозила, умоляла, словом, припадок Ренаты из первого акта «Огненного ангела». Обещала заплатить после концерта, дать сейчас какие угодно расписки, говорила, что если я откажусь, то она банкрот и её чуть ли не посадят в тюрьму. Убегала, прислала своего немецкого партнёра, очень приличного молодого человека, затем снова возвратилась в таком волнении, что я испугался - а вдруг ударит. Поэтому я насторожился и незаметно принял позицию для бокса с тем, чтобы левой рукой отвести её удар, а правой вытолкнуть её из автомобиля. В конце концов на её громкие восклицания стали обращать внимание прохожие, которые начали собираться вокруг автомобиля. Надо было что-то решить: или уезжать или идти играть. Я рассудил так: денег всё равно не получишь и будущее турне с этой госпожой, конечно, полетело к чёрту. Проще уехать. Но публика и критика собрались. К тому же, если я уеду, то эту дуру ещё чего доброго в самом деле посадят в тюрьму. Я решил перенести переговоры из автомобиля в артистическую и взять с неё хоть обещанную расписку. Я вышел из такси и рассчитался с шофёром. После этого мы вошли в здание с главного подъезда, направляясь к боковому коридору, который вёл в артистическую. Шли: я, немецкий сотрудник Бранши и откуда-то взявшийся Гессен. Сама Бран исчезла. Было девять часов вечера, концерт должен был начаться в восемь. Кое-кто из публики сердито уходил. Одна из дам, узнав, что я и есть концертант, крикнула вдогонку: «Такой молодой, а уже такой нахал!» Какой-то критик, уходя, сердито сказал мне: «Wir sind nicht gewohnt dazu!»[6]. Я ему ответил: «Ich auch!»[7], имея ввиду, что я не привык не получать деньги. Немец удивлённо остановился на момент, но затем пошёл к выходу, а я в артистическую. В артистической никакой Бран не оказалось, сотрудник бегал её искать, но не нашёл. Я его спросил: «В таком случае, вы-то какую тут роль играете?» Он ответил, что с Мери Бран он случайно: у него своё бюро, Бран же через него получила зал и через него печатала афиши и билеты, и теперь ему самому чрезвычайно неприятно, что он с нею связался. Гессен советовал плюнуть на всё и выйти на эстраду играть. Я приоткрыл дверь и заглянул в зал: зал был на три четверти полон, и это решило судьбу вечера: было невозможно перед лицом стольких слушателей повернуться и уехать. Немецкий импрессарио предложил: «Хотите, я выйду и скажу публике, что Бран вас обманула и оттого и произошла задержка?» Я опять глупо сблагородничал: «Не стоит её добивать, она и так влипла». Я вышел на эстраду. Можно было ожидать, что меня встретят

[6] Мы не привычны к этому (нем).

[7] Я тоже (нем).

свистом... Но публика довольно громко аплодировала. Я поклонился и сел играть 2- ю Сонату. Тут, оказывается, я сделал ошибку: надо было по-немецки извиниться за опоздание. Тогда бы меньше за него свирепствовала пресса.

Первую часть Сонаты я ещё не совсем пришёл в себя после перенесённых волнений и должен был всячески держать себя в руках. Но после Скерцо дело пошло, и концерт протекал хорошо, с большим успехом. В артистической много всякого народа: Сувчинский, князь Трубецкой, Таня Раевская, жена Фительберга etc. Fräulein[8] Мещерская, которую я не узнаю, сказала, что едет к Нине в Париж, но я не поддержал разговора. После концерта никто, разумеется, ко мне не явился, ни с деньгами, ни с расписками.

25 января

На другой день утром, когда я вышел куда-то и затем возвращался домой, у гессенского подъезда меня ждал вчерашний человечек со страдающим лицом. Он передал мне предложение Бран третейского суда. Я ответил, что тут дело не в третейском суде, а в иске в тысячу долларов, который я ей предъявляю за нарушение контракта (такая неустойка действительно существовала в контракте). Человечек что-то ещё поговорил и помялся, затем поклонился и ушёл.

Поезд мой отходил в восемь часов вечера, но Гессены куда-то уезжали днём, поэтому я собрал вещи и в четыре часа отвёз их на вокзал, а сам пошёл гулять по Берлину. Мери Бран могла меня ещё подстерожить на вокзале, но так как в Берлине вокзалов много и поезд проходит через целый ряд их, то я выбрал как раз такой, с которого она никак не могла ожидать моего отъезда, и действительно никого не встретил.

26 января

Рано утром Кёльн, а в пять часов Париж, и очень нежная встреча с Пташкой, приехавшей на вокзал. Отправились в Bellevue.

27 - 31 января

Принялся за оркестровку Симфонии: побочные партии. Это - главное моё занятие, а то не кончу ни к каким срокам. Надо для майских концертов Кусевицкого в Париже. Письмо от Лианы Коллини: она в Париже, хотела бы повидаться. Решили с Пташкой пригласить её к нам в воскресение, когда у нас вообще приём. Blois говорит, что Русская консерватория, образовавшаяся в Париже, разваливается и что если она желает опираться на Maison Pleyel, она должна быть переорганизована, и вместо Александровича, который всем насолил, надо в директора человека с именем, например, меня. Я отвечал, что ненавижу административную деятельность, и рекомендовал Черепнина: он любит это, к тому же уже был директором Тифлисской консерватории.

О Christian Science. Глядя на окружающие предметы, трудно себе представить, что материя реальна. Но мы не с той точки зрения на неё смотрим. Если взглянуть на неё с точки зрения вечности, в которой каждый день есть только мгновение, и год - мгновение, и миллион лет мгновение (ибо этот миллион затеряется в вечности как секунда в человеческой жизни), то всё, что мелькнёт и исчезнет в это мгновение, конечно, малореально. Реальны только незыблемые истины, которые живут вне времени.

[8] Барышня, девица (нем). (Имеется ввиду сестра Н.Мещерской).

1 февраля

Усиленное занятие Симфонией. Каждый день оркеструю по две-три страницы, больше - трудно, редко четыре, иногда же только одну в три такта. Но двигаюсь упорно и непреклонно.

2 февраля

Были с Шубертом в Grand Opéra на «Борисе Годунове». Кошиц пела партию Марины. Ужасный спектакль. Как не стыдно в Париже иметь такое учреждение! Идёт вяло, разлезается, декорации старые, словом, срам.

Сама Кошиц тоже неважна: партия для неё низка, да и растолстела больно Нина Павловна! Но вообще у неё во Франции и соседних странах большие успехи. Забила Жанакопулос. Шуберт говорит, что если её зовут «Жена-копулос», то Сталя надо звать «Муже-копулос». Мы много хохотали над этим, и так Сталь и превратился в Мужекопулоса.

3 февраля

Болела голова. Лечил её через Christian Science. Днём прошла. Результат, в первый раз выявившийся с такой определённостью[9].

В семейной жизни Christian Science несомненно заметно влияет на смягчение характера, сглаживая, а иногда вовсе уничтожая ненужные ссоры.

6 февраля

Эберг передал романс с моими поправками Laloy; его отказ и позволение дать кому угодно.

7 февраля

Отмена «Трёх апельсинов», даже с двадцать первого февраля на четырнадцатое марта; очень огорчён.

8 февраля

У нас Шаховская, беременная вторым ребёнком, а Бальмонт - Шошана Авивит.

9 февраля

Вышла 5-я Соната, выглядит мило, я доволен её рисунком.

Дурак Шлецер пишет, что я толкусь на месте и не развиваюсь. Рассуждение о перемене взглядов: раньше охали, что что-то новое; теперь же так привыкли, что всё время новое, что ставят композитору в упрёк, если в его последних сочинениях нет открытий и новшеств по сравнению с предыдущим. Между тем история учит, что часто композиторы вырабатывали свою манеру и затем держались её всю жизнь - и считалось хорошо: есть своё лицо и свой язык. Таковы Гайдн, Шуман, Шопен.

[9] Двенадцатого и шестнадцатого февраля тоже отличные результаты влияния Christian Science на голову. Двадцать второго февраля болела, я работал Christian Science, но исцелить не удалось: к вечеру легче, но не прошла. (Добавлено автором позже).

16 февраля

Вечер Бальмонта и Шошаны Авивит. Встреча с Бальмонтом после бойкота за «Семеро их». Он очень доволен. Увы, я его защищаю всегда, но право, Бальмонт как-то отошёл и чужд. Было холодно и немного скучно. Раздражали сапфиры и изумруды, от которых он никак не отделается. Оживляла Шошана, бледная, с глазами подрозовлёнными - болезненный вид. Читала Исайю по древнееврейски. Была исступлённость, но по-моему, какая-то инфернальная. Кулак в небо. Я, смеясь, Бальмонту хвалю, но Бальмонт принимает всерьёз и (как мне потом рассказали) говорил, что Прокофьев в диком восторге - кулак сотрясает небеса. Самое интересное, как читала бы Бальмонта, и это было в программе, но вместо того - Гамсун![10] Какая пошлость. Я возмущён.

Письма от Фительберга, Сигети, Шимановскорго об огромном успехе Скрипичного концерта в Варшаве. Кто бы мог подумать, чтобы Варшава оказалась «моей»?

17 февраля

Был Зак - секретарь Русской консерватории в Париже, щупал почву насчёт моего директорства, ухаживал (или действительно поклонник?), так что проворонил последний поезд и должен был остаться ночевать. Уехал рано утром и увёз книгу, которую затем не вернул.

19 февраля

Концерт Сигети; идея - песни без слов, вообще же надо сочинять мелкие скрипичные пьесы.

Чернецкий жаловался - история с Blois. Очень встрепенулся, узнав, что я - будущий директор.

21 февраля

Концерт Боровского и Кошиц; об её успехе (не совсем честные методы - часть поёт пошлятинку). Но теперь знаменита, как не была в Москве, и разбогатела.

У Боровского; об исполнении «Сарказмов»; семь лет не слыхал (кроме третьего, перепечатанного в Америке). Б.Н. рядом и сопел. Из-за быстрого темпа ничего не понимал. Безумный темп у «Токкаты», конечно, вещь проигрывает, но успех пианиста выигрывает. У меня сделалось сердцебиение.

Ещё не стихли аплодисменты - столкновение с Бальмонтом. Он передаёт письмо от Авивит, по Бальмонту - чуть ли не руководителю всего искусства в Палестине. Меня задевает, что очень солонельный тон[11]. Я: ну и приезжайте завтра все вместе. «По-моему, вы должны поехать к женщине». По-моему, к маэстро желающий его, а не маэстро к желающему. Но я бы, конечно, и поехал, если бы не Гамсун... «Прокофьев! Есть границы воспитанности и приличия, и вы их переступаете». Эберг, Б.Н., толпа.

Кошиц, набитый зал, приподнятое настроение, цветы. «Есть иные планеты» - врёт в первый раз. Вообще очень хорошо, но «Планеты» растянула, и надо их больше рассказывать и меньше петь.

Звали ужинать, но - поезд.

[10] Были прочитаны отрывки из «Викторий» Гамсуна.

[11] Торжественный, от solennel (фр).

22 февраля

Черепнину объясняют цели Авивит.

23 февраля

Christian Science - лекция. Очень интересно (изумительный голос). Откуда зло, если Бог создал человека по образу и вообще мог создать только добро? (Вопрос, который я всегда задавал себе). Первый ответ: Christian Science так занято сотворением добра, что ему некогда заниматься этими изысканиями, особенно, если зло есть нереальность. Например, если ребёнок спит и во сне начинает кричать: «Мама, мама, меня кусает дикий зверь!», то дело матери разбудить его от неверного сна и успокоить от несуществующих страхов, а не доискиваться, какого происхождения тот зверь, которого ребёнок видит.

Однако, если уж очень хочется знать, откуда зло, то он предлагает ссылку на Иова - вероятно, единственное юмористическое место в Библии: о Сатане и прочем. Т.е. зло есть ложь, ошибка, ниоткуда не пришедшее.

Мои рассуждения (я много думал после лекции): если добро есть явление положительное, а зло отрицательное, то нельзя эти понятия рассматривать как положительные и отрицательные числа в математике.

В математике с отрицательными числами можно производить те же действия, как и с положительными, а затем только переменить знак. Но зло как отрицательное понятие отрицает всё, и, отрицая всё, идёт до конца, т.е. отрицает также самоё себя. Что же получается? Бог создал добро и отрицает зло, зло тоже отрицает себя. Отсюда понятен знак равенства: зло есть ложь, как говорится в Christian Science.

24 февраля

Я у Blois. О директорстве: чистка всего, в том числе и Зака, и, надеюсь - любовницы. О Чернецком: под наблюдением полиции - сигнализируют из Берлина.

27 февраля

Mrs Cobbe, Christian Science, мы страшно довольны. Можно положиться: двадцать пять лет возится с младенцами. Сразу притащила Святослава в кухню в одной рубашечке, где и горячая плита, и открытое окно. Но мы не волновались.

1 марта

Концерт (третий) с парижской Консерваторией. Колоссальный успех в набитом небольшом зале: кажется, первый раз совершенно без инцидентов. Накануне генеральная репетиция с публикой - меньше. Скрипичный концерт одновременно в другом зале - не знал, никто не сказал. Затем к нам: чета Боровских, Самойленко и мы - в такси в Bellevue. Затем доехали Шуберт (Кошиц в Испании), Б.Н., Коля Кедров, Roblin, Таня. Пять бутылок шампанского и восемьдесят пять пирожков. Было очень мило.

2 марта

Конюс - связки в «Классической» Симфонии. Интересные указания, например, три связи, одна и снова три. Или аккорд из двух нот и из четырёх.

3 марта

Концерт Боровского. 9-я Соната Скрябина. Столько времени не слышал Скрябина - и последние впечатления были, кажется, что он чужд, поэтому интересно было себя проверить. Во-первых, блестяще сделано (и Боровский очень чётко сыграл). Во-вторых, очень интересная картина какого-то мистического устремления с касанием эротики и каких-то тёмных сил, устремления, которые достигают судорог. А затем - бессилие и утомлённая послушно-мечтательная печаль: результат как эротики, так и нервно-направленной мистики. В третьих, я возвращусь к моему парадоксальному утверждению: не Стравинский, а Скрябин - национальный композитор, ибо Скрябин отрезал целую русскую эпоху - увлечения теософией, сплетённой с эротикой, взлётами, утончением и утомлением. А Стравинский? То, что он использовал народные темы ещё не делает его обязательно национальным. То, что его больше любят заграницей, чем в России, большой grief[12] его национальности. И - оставляя этот вопрос нерешённым - ему всегда будет большой угрозой, что он не настоящий русский, а такой русский, каким хочет изобразить русского француз!

Окончена первая часть Симфонии.

Blois знакомит с новым менеджером Boquel, главным образом из-за Пташки.

Monteux - везёт в Россию Сюиту «Шута». Он звонил мне - примирение.

В последствии ничего не вышло: французы приветствовали, но в последний момент Советы отказали в визе. Говорят, будто интриги немецких дирижёров.

8 марта

Укладка (Пташка), а я чищу первую часть «Классической» Симфонии по указаниям Конюса. Особенно трудно было сделать побочную партию с её двухоктавными скачками. Но к указаниям Конюса - с осторожностью: пока дело касается смычков - хорошо (и то, иногда он пускался в тонкости, вовсе ненужные и при быстром темпе неисполнимые), но когда, например, он начинает менять расположение аккордов, то непременно садится в калошу. Иногда самый простой аккорд можно расположить изобретательно, а Конюс его выправит и опошлит.

Приезжали Кока и Маруся Бенуа и Blois. Кинематограф.

9 марта

Встали в 5.30. Из Bellevue в 6.47, из Парижа в 8.10. Настроение очень хорошее. В Льеже Бришаны. В Кёльн в шесть часов. Mme Нобель (старика Нобеля в Кисловодске). Богатый особняк. Интересный, чисто немецкий. Чрезвычайно предупредительная встреча. Каждый день автомобиль на репетицию.

Вечером Сценкар. Молодой, очень любезный, жена маленькая, с огромными глазами, тоже очень любезна, но, чувствуется - мегера. Оба искренне увлечены «Апельсинами».

10 марта

Репетиция под фортепиано. Когда я вошёл, меня представили, все встали и я поклонился. Идёт очень бойко, хоры отлично акцентируют. Сценкар кое-где берёт не мои темпы, я осторожно указываю на это, но он обнаруживает упрямство. Я уступаю, так как мой принцип вообще не вмешиваться в толкование артиста, если

[12] Упрёк (фр).

оно делается сознательно и продумано.

В это время в зале на сцене световая и декорационная репетиция. Декорации не так пышны, как у Анисфельда, но более юмористичны. Я бы сказал ещё - схематичны, чтобы быстрее делать перемены: антракт только один, после второго акта, что рассекло оперу ровно пополам: по пятьдесят минут.

11 марта

Первая репетиция всего вместе, в декорациях и частично в костюмах. Современная сцена. Особенно поражает меня сценически отделанный хор. В Чжаго хор под режиссурой Коинп не играл никак, а артисты - каждый по-своему, по мере собственных талантов, здесь же видна была рука режиссёра, любящего своё дело. Что касается до качеств голосов у певцов, то женские голоса были средние, мужские довольно хорошие, некоторые из них, как Король Челий - отличные.

12 марта

Полугенеральная.

13 марта

Генеральная, публичная. Вторая картина: очень демонично; красное освещение Челия и Фаты. Пролог стилизован, надо больше драки. Свалка Уродов плохо, и предпоследняя картина из-за Фаты Морганы. Всё провернул во много раз лучше Чикаго, где они были погублены вздорностью Коини.

14 марта

Приехал Эберг. Днём ничего особенного. Вечером премьера. Довольно много англичан. Красные формы и пустоголовые, исполнили почти без инцидентов. Мы с Пташкой в ложе, но во втором акте я прохожу в другую ложу около оркестра. Он имел ввиду мой выход во время единственного антракта после второго акта. Но успех сдержанный. Я несколько смущён. Но старожилы говорят: публика огорошена новой вещью и не знает, как реагировать. В антракте они между собой проговорят и в конце будет успех. Предсказание оправдывается. Выходим слишком часто. Двадцать раз по счёту критика.

Christian Science читал мало, но всё же читал и даже обдумывал некоторые мысли, стараясь додумать их до конца. Если Бог создал человека, то, следовательно, было время, когда человека не было. Но с этим рассуждением расходится Christian Science, которое утверждает, что человек существовал всегда. И действительно: если человек имел бы начало, то он должен бы иметь и конец, т.е. он не мог бы быть бессмертным, так как нечто бесконечное не может быть с одной стороны конечным. Таким образом, утверждение Christian Science о том, что человек вечен как в будущем, так и в прошлом, говорит против первого положения, т.е. против того, что был некий момент, в который Бог создал человека, и до которого человека не было. Против этого положения говорит и следующее рассуждение: если действительно был такой момент, когда Бог, который вечен, создал человека, то, следовательно, существовала вечность до этого момента и вечность после него, иначе говоря, две вечности, каждая с одной стороны ограниченная, т.е. два абсурда, так как никакая вечность (бесконечность) не может быть с одной стороны ограниченной. Чтобы примирить эти противоречия, надо вывести, что наши

представления о вечности, как о часе, бегущем за часом (и так без конца) - неверно и что вне этого мира законы времени (а также несомненно и пространства) совершенно иные. Вероятно, наша смерть есть выход нашего сознания за пределы времени и пространства. Но если так, т.е. если понятие о времени есть понятие локальное, то с этой меркой мы не можем подходить к вопросу о сотворении человека, т.е. не можем спрашивать, было ли время (в вечности, в которой нет времени), когда человека не было. А потому на мой первый вопрос нельзя ответить ни да ни нет. Таким же образом должен быть снят с очереди и вопрос некоторых людей, которые, вдумываясь в идею бессмертия, так пугаются, что не знают, что страшнее: бессмертие или смерть. Им тоже надо отвечать, что в вечности понятие о времени исчезает.

15 марта

Поездка в автомобиле, до 90 км/час, видели автомобиль вверх колёсами, Бонн - чай пили на берегу Рейна.

16 марта

Отъезд, хотя очень удерживали. Вечер у Бришан. Невеста Андрюши.

17 марта

Отъезд в одиннадцать часов. Дома к обеду.

Вышли Ор.27 в новом издании, которое я кое-где чуть-чуть отделал по сравнению с первым. Для протекции от перепечатки в Америке стоит «Ed. by Spalding». Однако изменения, разумеется, мои, а не его. Его я даже в глаза не видел.

18 марта

Отличная берлинская пресса.

19 марта

Завтрак у Dubost. Прюньер рассказал анекдот про даму с трубой на концерте Стравинского в Женеве. Вейс - гвоздь завтрака. Выражает желание приехать ко мне. Едем. Проводит целый день и обед. Слушал 3-й Концерт, «Шута». Обязуется пропагандировать симфонические вещи немецким дирижёрам, и оперу в Берлине. Я об «Огненном ангеле».

20 марта

Вожусь с отделкой второй и третьей части «Классической» Симфонии по указаниям Конюса.

22 марта

Встали в 6.30 и отправились с Пташкой в Monte-Carlo. Оделись ради юга легко и потому дрожали от холода. Из Парижа в девять утра с отличным рапидом, одним из самых скорых поездов Франции, и в 9.30 вечера в Марселе, где заночевали. Немного походили по улицам, глядя на пёструю портовую толпу: матросов,

африканцев, кокоток etc.

23 марта

Утром дальше - и в два часа Монте-Карло. Предварительно мелькнули Cannes, Ницца, Болье, Монако. Мы с увлечением глядели в окно и радовались югу, но было прохладно и моросил дождь. Остановились в Hôtel National. Хорошая комната в верхнем этаже и отличный вид на море, синее, несмотря на серую погоду. Гуляли, а вечером сидели в вестибюле казино и глядели на публику, выходившую и выбегавшую из игорного зала, угадывая по лицам: выиграл или проиграл. Впечатление тяжёлое: многие выходили в трансе, шаркая ногами, ничего не видя; ужасные старухи...

24 марта

Репетиция. Оркестр аккомпанировал довольно вяло, но я мало волновался относительно Монте-Карло. Пока я репетировал, к Пташке, которая была в зале, подсели Кохно и Дукельский. Дукельский демонстративно мне аплодировал. После репетиции вышли вместе. Дукельский заканчивает оркестровку балета для Дягилева. Кохно расспрашивал о балете, который я написал для Романова. Я говорил, что это, прежде всего, не балет, а квинтет для концертного исполнения, но так как Романов платит мне деньги, то он получает право постановки на него балета. Я спрашивал про Орика, Мийо, Пуленка. Орик пишет Дягилеву новый балет, Мийо женится на толстой и богатой кузине. Пуленк, по словам Кохно, сочиняет мелочь, «которая ему больше подходит». Так как слова Кохно есть выражение мнения Дягилева, то любопытно отметить поворот по сравнению с весной.

Вечером на новую оперу: «L'Enfant et Sortilèges». Самое начало огорчительно, кофейник тоже, но когда полезли кресла, то хорошо и много ещё хорошего, вроде кошачьего дуэта, (атаки учителя арф с цифрами), ягнёнка и много других мест, где Равель обнаружил массу изобретательности. Рядом с этим тоскливое появление книги, весьма сомнительного вкуса балет и много других промахов. В общем произведение очень неровное. Но оркестровка очаровательная. Говорят, Орику какой-то журнал поручил дать отзыв и Орик, ненавидя и презирая Равеля, не знал, как выйти из положения. Однако, если бы Орик научился оркестровать хоть в половину так хорошо, как Равель, он мог бы быть счастлив.

После «L'Enfant» нас поджидал Дукельский, чтобы проиграть свой балет. Мы отправились в репетиционный зал, где присоединился ещё Кохно. «Классический балет с русским душком» - так определил балет Дукельский, - определение, которое мне не слишком понравилось. И действительно, первый номер, живой и неплохой, очень отвечал этому определению. Но уже быстро тема второго номера мне понравилась, а также и всё остальное, особенно прекрасна тема с вариациями (хотя тема под что-то и стилизованная). Предпоследний номер меньше. Вообще же это был вечер, который, вероятно, случается нечасто: т.е. когда перед глазами встаёт настоящий большой композитор. Я думаю, я не ошибаюсь. Я очень поздравлял Дукельского и вернулся домой под впечатлением этого балета. Дукельский, кажется, был очень доволен моими похвалами.

25 марта

Письма от Зилоти и Мясковского, оба о 5-й Сонате. Зилоти выругал, а Мясковский, хотя и похвалил, но не без сдержанности.

В три часа концерт. Когда Пташка у Getty - о волнении; «пойте, как если бы для Бога». Думал об этом сегодня. Это хорошее правило. Играл хорошо и не волновался. Старик аккомпанировал довольно корректно, оркестр играл лучше, чем на репетиции, но хуже, чем парижский. Зал неполон, но в «царской» ложе Принц Монакский. Династия Монакских - Гримальди. А так как этим именем названа целая раса допотопных людей, то и впечатление, будто династия Гримальди - древна до допотопности.

После исполнения за кулисы явился Дягилев, который только что приехал из Парижа, расцеловался со мной, сказал, что Принц желает, чтобы я был ему представлен, и пригласил вечером ужинать.

Затем Дукельский, Пташка и я отправились к Саше Черепнину чай пить. Он живёт со старой и богатой американкой, что нас очень потрясло. Очевидно, проведал, что мы будто смущены, он, чтобы смягчить, прислал мне на концерт лавровый венок с визитной карточкой от него и её. Я очень люблю Сашу (но не как композитора) и не допускал мысли о корыстности в этом сожительстве, но что свело мальчишку двадцати пяти лет с пятидесятилетней женщиной, да ещё некрасивой, - это для меня загадка!

Я разговаривал с Дукельским. Он говорил: «Хорошо, что Стравинский уехал в Америку, а то при нём всё были правила: это можно любить, это нельзя. Так и на вас одно время все обрушились, я один всё время был за вас».

Вечером спектакль Дягилева (старые вещи). В антракте я и Дукельский в ложе Принца: дочь, молодой Полиньяк, старуха (принцесса Полиньяк) - главным образом с ней, о вечере из моих сочинений у неё в Париже.

Затем ужин с Дягилевым в Café de Paris: мы двое, Дукельский, Кохно и ещё несколько человек. Пташка, единственная дама, была очень интересной, танцевала с Дукельским, а Дягилев смеялся: «Mon cher, vous voilà cocu[13]: Дукельский красивее вас». Очень интересовался моим балетом для Романова (я говорил, что написал не балет, а квинтет, но так как Романов заплатил мне деньги, то он получил право ставить его) и заговаривал о новом балете, на что я отвечал неопределённо. Говорил и ядовитости: «У меня, как у Ноя - три сына: Стравинский, Прокофьев и Дукельский. Вы, Серж, извините меня, что вам пришлось оказаться вторым сыном!», (намёк на Хама). Я отвечал: «Подождите, когда вы напьётесь, посмеюсь я над вами!»

26 марта

Саша Черепнин со своей дамой заехали за нами в её автомобиле и повезли в горы. Меня всегда интересовало: что в глубь от Côte d'Azur.

27 марта

Ницца, дождь, Mme Сувчинская, прощальный визит к Дягилеву, торопится в Cannes; Дукельский бежит за запонкой. Провожает нас в пять часов на вокзал. Я расцеловался с ним.

28 марта

Ехали всю ночь и в четыре часа дня были дома, усталые и довольные, что вернулись восвояси.

[13] Мой дорогой, вот вам и изменили (фр).

29 марта

Начал оркестровать вторую часть Симфонии» Тема, сочинённая в январе 1919 года, т.е. одновременно с первым актом «Апельсинов». Сейчас в значительной степени отделана.

31 марта

Генеральная репетиция «Идиота»[14]. Ужасное переложение в драму. Ида Рубинштейн не особенно нравится - «перепринцессила».

2 апреля

Нувель сообщил, что устроит визу Сувчинскому.

3 апреля

Тысяча шестьсот франков за первое представление «Апельсинов»; не очень много, я думал три тысячи. Эберг говорит, что в Вене заинтересовались «Апельсинами» и взяли изучать клавир.

4 апреля

Был у Иды Рубинштейн: по поводу музыки к «Юдифи». Теперь уже она хочет, а я не уверен: после Симфонии не хочется больше симфонической вещи. Да и Дягилеву лучше написать балет, если он раскачается на заказ.

5 апреля

Держановский - успех 3-го Концерта в Москве, моя большая радость по этому поводу. Воскресение, были Боровские, Кока и Маруся Бенуа, демонстрировали фильму, снятую у нас в саду. Большинство плохо, вследствие неумения и плохого освещения, но кое-что очень смешно. Маруся о Захарове, по поводу его приезда, романчик. Маруся что-то ему en veut[15].

Играл Боровскому из Квинтета. Несмотря на ужасный клавир, который я отвратительно играл, Боровский хвалил.

6 апреля

Концерт Боровского. Сонатина Орика - дрянцо.

7 апреля

Champs Elysées, который переделан в Musique Hall. Обидно, точно знакомая женщина, когда-то честная, а теперь кокотка. И Musique Hall-то скучный, очень медленный.

Поёт Кошиц, получает восемьдесят тысяч за две недели (шестнадцать выходов), но я ею недоволен: нигде ничего не поёт моего, а сколько выступает. Лгунья!

[14] Спекталь по роману Ф.Достоевского «Идиот» с Идой Рубинштейн в главной роли, декорации и костюмы Александра Бенуа.

[15] На него сердится (фр).

8 апреля

Gallié: принимайте две тысячи, а то и этого не получишь. С восемнадцати на четыре, с четырёх на две.

9 апреля

Ещё концерт Боровского. Между прочим, вещи Шимановского и Онеггера. Последний страшно раззнаменитился (особенно во Франции) за последнее время. Но вещи, право же, пустяшные.

10 апреля

Были художник Зак и ещё два его друга художники - слушать Квинтет, так как Зак будет делать декорации. Хотя и играл отвратительно - очень были заинтересованы и оживлённо обсуждали постановку, которая - увы - едва ли раньше осени.

11 апреля

Princesse Polignac - письмо. Что за новая струя? До сих пор всё Стравинский. Звонили Захаровы: приехали из Америки.

12 апреля

Французская Пасха. По случаю воскресения и нашего приёмного дня, масса народу: Захаровы, Самойленки (четверо), Боровские. В саду всё цветёт. Вообще Bellevue с наступлением весны становится отличным уголком.

13 апреля

Так как была тяжёлая голова, не занимался.

С Пташкой много гулял, дошли до Chaville (4 км) к Черепнину. Они были страшно рады. Н.Н. был и утончён, и никчёмен: будто вагон первого класса, сошедший с рельс и оттащенный в сторонку; за неимением лучших заказов пишет музыку для кинематографических фильмов: что-то безнадёжно пустое и расплывчатое.

14 апреля

Прошёл к Нувелю поговорить о визе для жены Сувчинского - и встретил Сироту, берлинского антрепренёра. Прошлой весной он на меня смотреть не хотел, теперь предлагает дать ему представительство на Германию и обещает достать серию симфонических концертов.

16 апреля

Был у Иды Рубинштейн по её приглашению. Относительно «Юдифи» сказала ни да ни нет, но скорее да. Говорят, Онеггер пишет ораторию на «Юдифь». Выйдет состязаньице! Но сегодня о другом: был А.Бенуа, я играл «Скифскую сюиту». Ида хочет поставить как балет. Я уже давно об этом говорил Дягилеву, но он пропускал мимо ушей.

17 апреля

У Б.Н.Б. был припадок боли в животе: в клубе он упал без чувств и его отвезли в больницу. Говорят, или камни в почках или случайный заворот кишок.

18 апреля

Русская Страстная Суббота. В Медоне сарайчик превратили в церковку и в полдевятого вечера служили заутреню. Мы с Пташкой были. Было трогательно, даже хор, певший с чувством, но кто в лес, кто по дрова. Встретили художника Петрова-Водкина (мужичонка), который очень мне обрадовался. Завёл его к себе, съели красные яички и выпили рюмку вина.

Письмо от Попы. Как они узнали, что я Christian Science?

19 апреля

Русская Пасха - и письмо от Демчинского: довольно прохладное (ещё бы, после христианина со злющей улыбкой!), но деловое: согласен взяться за деньги за либретто «Огненного ангела». Я страшно доволен: добился-таки своего. А уж ломался он хуже опереточной девицы: два года.

По поводу Воскресения были Захаровы, Б.Н.Б. и Черепнин. Было очень мило, Черепнин пьяненький, но занимательный. Б.Н. читал стихи, но запинался - забыл. Он на диете - можно только молочное. Поэтому один съел всю пасху.

20 апреля

Письмо от тёти Кати. Ей ещё не сказал про смерть мамы. О Шурике. Что за болезнь[16]? Паралич? Сумасшествие? Очень жалко. Как разрушается семья!

21 апреля

Лес de Meudon зелёный. Дивная погода. Прогулки. «Эрмитаж». Кофе. Чудесно.

22 апреля

Пташка говорит о Cobbe, что для неё всё ясно через призму Christian Science. На все вопросы она отвечает не задумываясь. В таком случае, откуда возникло зло? Сенека говорил: «Если направляющий разум не знал, что зло народится, значит, Он не всеведущ; если Он знал, что зло будет, но не мог его устранить, - значит, он не всемогущ; если Он знал и мог предотвратить, но не пожелал, значит, Он не всеблаг».

Пташка задала этот вопрос Miss Cobbe. Ответ был старый: зло - ошибка. Но иллюстрация очень интересная: дитя идёт в школу; его учат: 2 + 2 = 4. Дитя приходит домой. Мать спрашивает: ну сколько же будет 2 + 2? Дитя говорит: 5. Откуда взялась ошибка? Ведь никто этому не учил в школе.

Очевидно, ошибка есть вещь в себе, сама из себя рождающаяся, как и сказано в Библии: «Дьявол есть ложь и отец её». Отсюда я возвращаюсь к моей теории: когда был сотворён человек, то для того, чтобы он был живым отражением Бога, а не безвольным автоматом, ему надо было дать свободную волю, т.е. он по своему выбору мог поступить так, так или так. Отсюда рождение ошибки, т.е. грехопадение.

[16] Иносказательное сообщение об аресте А.А.Раевского, кузена С.Прокофьева.

А затем длинное мытарство человечества, во время которого ошибки, с одной стороны, умножались, а с другой - постигались. Пройдя через все мытарства и постигнув существо ошибки, человек возвращается на лоно, сохранив свободную волю, но уже застрахованный от возможности ошибаться.

23 апреля

Мне тридцать четыре года. Раньше я всё восклицал: как, уже двадцать пять? Уже тридцать? Как я стар! А теперь с Christian Science годы как-то потеряли значение. Годы и вообще время созданы для удобства конечной жизни; в бесконечной же жизни не может быть понятия о времени: смешно пытаться разделять бесконечность на несколько частей!

Были вечером у Самойленко, привёл туда в первыш раз Б.Н. Он мне посвятил сонет, памяти Этталя - лучшее воспоминание Б.Н. Сонет недурён, но в двух строках оказались лишние слоги, в чём я публично поймал Б.Н.

Из Льежа контракт на концерт для Пташки и меня - первое её выступление после двухлетнего перерыва. Она готовится очень серьёзно и с рвением. Я в Льеж из-за гонорара в тысячу франков не поехал бы, но для Пташки начать в провинциальном городе очень удобно, поэтому едем.

25 апреля

Длиннейшее письмо Демчинскому, которое пишу четыре дня.

Наталья Константиновна ничего не устроила с менеджером для Америки: это сильно пошатнуло шансы будущего «важного» визита в U.S. Слава Богу, в Европе чувствую себя достаточно солидно.

26 апреля

Бегаю в погоне за переписчиком, чтобы всё было готово к концерту Кусевицкого.

27 апреля

Телеграмма Кусевицкого об успехе Скрипичного концерта в Бостоне.

Первая корректура «Классической» Симфонии, но корректировать некогда.

28 апреля

Пришёл наконец сундук из Ettal, огромный, тяжёлый, но масса хлама. Разобрали. Ядовитое замечание Пташки по поводу портретов моих старых увлечений.

Письмо Prunières по поводу концерта интернациональной музыки. Сюита «Шут» не годится, длинна, дают только восемь минут.

Орик поселился в Бельвю, чтобы никто не мешал дооркестровать новый балет для Дягилева - «Матросы». Оркеструет по десять страниц в день, заходит ко мне отдыхать и поболтать. Про Prunières говорит, что он «вечный создатель инцидентов».

29 апреля

Кошиц уже два месяца не кажет носа, с тех пор, как закружилась в парижских успехах.

Предложение Н.К.Кусевицкой исполнить «Огненного ангела». Но ведь только одну часть. Стоит ли? Пользуюсь случаем, чтобы лансировать интригу (через Боровских).

Вечером я был у И.Рубинштейн, чтобы продолжить играть «Скифскую сюиту» для балета. Было установлено свидание ещё две недели назад, но никого дома. Я разлетелся зря. Оставил записку: «Очарован приёмом. Больше не приду».

2 мая

Через Боровских получили приглашение посетить парижскую обсерваторию. Я недоволен, что Боровские захватили кучу всякого пёстрого народу, который вдобавок ещё опаздывает. Встречали нас два астронома; каждый из них заведует башней с телескопом. Один, Фату, оказался большим поклонником моей музыки и был чрезвычайно доволен моим визитом, чем я был приятно удивлён и польщён. Другой тоже был чрезвычайно любезен, так сказать, из-за коллеги. Фамилия его Jacobi, выглядит пьяницей, но он открыл семь комет и тем увековечил своё имя: через пятьсот, тысячу лет будут наблюдать возвращающуюся комету: комету Jacobi. Луна, прекрасные синие отсветы, Сатурн, кольцо, разложили двойную звезду (Гамма Lion'a - Гаммалион) и разложение ясное, но цвет (звёзды были разноцветны) я не мог уловить. Говорят, астрономы не все сами улавливают. Потом пили вино у Mrs Barbara, я по просьбе астрономов играл, охотно; они были чрезвычайно довольны.

Письмо тёте Кате и Кате. Что же это Шурик? Паралич? Сумасшествие? Насчёт помощи Саше Раевскому. Трудная этическая задача. Решил временно отказать ему, но в то же время известить тётю Катю о высылке денег ей.

Пташка была у Miss Olmsted, у которой бывает довольно часто последнее время, так как чувствует себя не совсем уверенно перед концертом. И мои глаза.

Сегодня Miss Olmsted сказала, что для моих глаз она достигла особого сосредоточения и просветления, такого, которого редко достигает, и потому она уверена, что отныне мои глаза будут в порядке.

3 мая

Эти дни ставлю на ноги заключительную вариацию. Когда я сочинял осенью Симфонию, то к заключению у меня ослабел заряд, а характер этой вариации требовал как раз напряжения. Теперь я очень боялся: сделаю ли её или нет, тем более времени мало, надо кончать всю Симфонию в течение мая. Но работа пошла хорошо: хотя осенние эскизы были нескладны, но всё же там было порядочно материалу: теперь я довольно быстро поставил на ноги эту вариацию и кончаю отделку. Затем надо ещё оркестровать, штук сорок густых страниц.

Днём по поводу воскресения явились Кошиц и Шуберт: лансированная интрига произвела действие с расчётом почти математическим. Кошиц была мила, порывиста, уверяла, что всюду меня поёт и будет петь, просила оркестровать «Утёнка» (верно, надо когда-нибудь), и очень осторожно ставила косвенные вопросы о концертах Кусевицкого. Я на этот счёт был непроницаем, отчасти оттого, что сам не был уверен, отчасти, чтобы её наказать. Так и уехала она ни с чем.

4 - 5 мая

Очень работаю над Симфонией: это главное, что занимает время и внимание. В виде отдыха хожу в Медонский лес, там дивно, и каждый раз всё зеленее и лучше. Запахи от цветущих трав и деревьев. Иногда цветы невидимые, зелёные, но аромат

изумительный.

Бальмонт, с которым после шошановского инцидента отношения прерваны, уехал снова на океан, выбрав на этот раз наш St.Gilles и попав ни более ни менее, как в нашу Béthanie.

6 мая

В одиннадцать часов дня выехал с Пташкой в Liège: первый её концерт после двухлетнего перерыва, к которому очень готовилась; я репетировал, её учитель. Удачно выбрали город. Только тысяча франков - но для Пташки. В Liège в шесть часов вечера; у Сони; у меня болит голова; рано легли спать; узкая кровать - плохо спали.

7 мая

Утром были в зале, это выставка картин и концерт при выставке (какой pendant[17]: я играю картинки с выставки!), ни одной мягкой вещи, поэтому без публики колоссальный резонанс. Тем лучше для Пташки: снимается забота, звучит или не звучит голос. Вечером концерт, много народу, отчасти оттого, что билеты дешевы. Мне довольно безразлично; Пташка очень волнуется, не дотягивала ноты в первой группе (мои романсы), но недурно пела во второй (русские романсы) и имела большой успех, не меньше меня. После концерта Леля Бришан вытащила бутылку шампанского 1911 года (привилегированного для вина года) и чествовала нас.

8 мая

Выехали в одиннадцать обратно и к вечеру дома. Н.К.Кусевицкая прислала рецензии про бостонское исполнение Скрипичного концерта: блестящие. Вот и разбирайтесь в прихотливости успеха: в Лондоне ругали и издевались, в Бостоне, хотя скрипач был хуже, чрезвычайные похвалы.

От Башкирова телеграмма - помогите: дела плохи. Но и вообще непонятно, чем он существует.

9 мая

У Пташки отличные критики, лучше моих; моя музыка оказалась не по уму льежцам, хотя и рассуждают с почтением.

Приехала Н.Кусевицкая. Сам проехал прямо в Лондон на несколько концертов. Я был у неё. Про исполнение Симфонии, к удивлению, не сказала ни да ни нет, так как Кусевицкий имеет мало репетиций и вообще хотел бы дать её премьеру в Boston'е. Неожиданный реприманд[18]! На будущий год настаивает, чтобы я ехал в Америку: Кусевицкий уже предлагал мне семь концертов, правда, только за три тысячи долларов.

Затем видел Haensel, который проездом в Париже. Про мою попытку уйти от него к Brennan он ни слова: или не дошло до него, или считает излишним говорить. Тон очень дружественный, но в Америке дела тугие: очень подорвало концерты домашнее радио. Сказал, что пошлёт телеграмму Parmelee и поручит ему принять все необходимые шаги. Я закинул удочку и про Пташку, показав её рецензии.

[17] Соответствие (фр).

[18] Замечание, от réprimande (фр).

10 мая

Был возвратившийся в Париж Романов. Но Смирнов ещё лежит. Тем не менее он надеется дать балет в конце июня. На будущий год ему уже обеспечено четырёхмесячное турне по Германии. Я играл балет. Он очень доволен, расцеловались. Но просит переставить части. Бог с ним, но жаль: я ведь работал по указаниям им самим составленного плана, и мне совсем нелегко было, подчиняясь этому плану, написать заключительную часть. А теперь извольте менять. В концертном Квинтете, впрочем, так уж и останется, из-за тональностей.

Заходил Орик, в дурном настроении: работает как сумасшедший, иногда тринадцать страниц в день, устал, и, кажется, не вполне доволен результатами. Я делаю две, три, четыре, редко пять страниц в день - конечно, нельзя изобретательно оркестровать, делая восемь или тринадцать страниц!

12 мая

Вечером зовёт Дукельский, приехавший из Монте-Карло, где по его словам, генеральная репетиция его балета имела большой успех; премьера в Париже. Просто позвал придти с Ориком и Пуленком. «С Ориком да, Пуленк же пусть сидит дома». «Это невозможно, они оба со мной». Ну, чёрт с ним, пусть приходит. Пуленк, оказывается, действительно очень смущался, когда шёл, и с дороги хотел вернуться. Но раз уже я его «допустил», то надо с ним было быть милым. Пуленк тоже из кожи лез в любезностях, таким образом мир был заключён. Орик имел утомлённый вид и сидел мешком. Дукельский трещал, был страшно любезен и немного раздражал Пташку тем, что форсил - но не передо мной. Его рассказ о монокле в супе. Перенял массу выражений от Дягилева. О мидинетках. Просил Пташку познакомить с какой-нибудь интересной дамой, предпочтительно одинокой. Моё предположение об афишировке из-за слухов об ухаживании Дягилева.

14 мая

От Meyer довольно остроумный ответ относительно денег Бран. Будто трудно что-либо получить.

Святослав не совсем здоров. Желудок. Mrs Cobbe лечит его Christian Science и продолжает ему давать сырую воду. Святослав вялый и скучный, но ведёт себя молодцом.

15 мая

По случаю именин Б.Н. пригласили его обедать. Варвара[19] едет из Китая через Индийский океан и скоро ожидается в Париже, а с этим и улучшение дел. Б.Н. был приличен и не просил сегодня взаймы. С Пташкой у них отношения плохие, хотя внешне любезные. Он старается её игнорировать, а её возмущает его вечное тунеядство, попрошайничество и посмеивание над другими. Оба не желают учитывать, что их стычки мне очень неприятны.

17 мая

Утром, конечно, работал, из кожи лез, кончая Симфонию; днём гости. Дукельский, которому демонстрируется Mrs Barbara, американка, довольно

[19] Сестра Б.Н.Башкирова.

интересная, разводная, богатая. Он её старается пленить, играя фокстроты. Ему самому они очень нравятся, но по-моему тошнотворные и бледные. Затем играл мне и Боровскому Концерт, а также первый номер и тему для вариации из «Зефира». Балет я слушал с самым нескрываемым удовольствием. В Концерте хорошее начало, остальное хуже. Я играл по его просьбе 5-ю Сонату и кое-что из Квинтета. Дукельский хвалил многое, особенно фугу из Квинтета, но жалел, что я удалился от диатонизма моего 3-го Концерта. Я с ним согласился и отвечал ему, что я удалился только для разнообразия, но, конечно, скоро вернусь обратно.

Вечером я у Кусевицкого, который только что вернулся из Лондона. Играл ему Симфонию, очень коряво и мимо. Он находит, что это самая сильная моя вещь, но в ужасе от сложности: лучше отложить до Америки, где можно сделать хоть десять репетиций. Я в отчаянии: все композиторы всё время появляются в Париже с новыми вещами (Стравинский, Онеггер, Орик, Дукельский), а я вечно с залежью («Скифская сюита», 2-й Концерт, «Классическая» Симфония). Он обещает переговорить с заведующим оркестром и постараться добыть две добавочные репетиции.

18 мая

Заходил снова к Кусевицкому, но ещё с репетициями не выяснено. Я рекомендовал ему Дукельского - печатать. Для иллюстрации играл тему вариаций из балета. Кусевицкий хохотал: «В Америке Рахманинов направо и налево хвалил Метнера, потому что Метнер пишет под Рахманинова. Приехал Метнер и стал хвалить Рахманинова. Теперь та же история: Дукельский пишет под вас и вы расхваливаете его».

19 мая

Окончена Симфония: две лёгкие страницы и всё. Двести двенадцать страниц. Работал девять месяцев. А начиная, думал справиться в три! Чувствую себя гимназистом, выдержавшим экзамен. Как раз приехал Сувчинский. Я отправился в Париж и встретил его на вокзале, оттуда в Bellevue на такси. Остановился у нас. У Пташки была в гостях в первый раз Miss Olmsted. Я был удивлён тем, что Пташка говорила, ей не больше тридцати пяти лет, но выглядит на сорок пять, морщины вокруг глаз. Однако полная здоровья и спокойствия, какой-то особой тишины. Зная, что она занимается музыкой, я говорил с ней о музыке, потом поблагодарил её за «помощь» (она не называет это treatment[20]), сказал, что ещё не вполне уверен, что я вижу хорошо (хуже, чем в очках), но нет больше тяжести во лбу, в месте перекрещения глазных нервов. Говорили мы недолго, так как тут же появлялся только что приехавший Сувчинский, и мне надо было спешить к Кусевицкому - узнать участь Симфонии. Она меня проводила уверенностью, что всё будет хорошо. Потом она говорила Пташке о хорошем впечатлении, произведённом мной на неё.

У Кусевицкого. Репетиции получены, Симфония идёт - ура! Четыре добавочных контрабаса, итого четырнадцать. Я объясняю Кусевицкому разницу между вещью, посвящённую потом, и специально написанной «для».

20 мая

Беготня по переписчикам. Работает восемь, живущих по всем окраинам Парижа.

Сувчинский рассказывал, что есть другие Евангелия, кроме четырёх; эти четыре

[20] Лечение (англ).

выбраны были из целого ряда. Но те немного прибавят по существу. Сувчинский возражает против пренебрежения к телу. Человек после смерти воскресает во плоти, и Иисус Христос давал ученикам после воскресения трогать своё тело и раны.

21 мая

Сувчинскпй рассказывал, что видел в Берлине Сашу Раевского[21], правда только в затылок, но удивлён был сходством его затылка с моим. Саша ленив в науках, интересен в обществе, хорошо танцует.

22 мая

Был Дукельский, которого я просил поиграть балет для Сувчинского. Я, по обыкновению, был доволен слушать его музыку. Сувчинский нашёл, что ни капли Стравинского, но масса Прокофьева, впрочем, мимоходом и Шопена, и Шумана. Затем Сувчинский затащил нас на полчаса ко Льву Шестову. Потом Дукельский повёл нас в ночное кафе, где подсаживались девицы, полураздетые и довольно неприятной внешности. Они повели нас в отдалённую комнату, чтобы демонстрировать «cin viv»[22]. Когда они начали приготавливаться и мыться, мне стало так противно, что я ушёл. За мной появились рассерженный Дукельский, который возмущался «отступлением с полдороги», и хохочущий Сувчинский, который говорил, что больше всего ему нравится наблюдать Дукельского. Затем мы сидели в приличном кафе и Дукельский рассказал, как год назад он потерял невинность, и о прочих интимных подробностях своей жизни. Его бесстыжесть граничит с наивностью. И всё-таки с Сувчинским мы нашли, что он мил.

23 мая

Я давно сбился, как стал писать вчерне.

Концерт Кусевицкого. Первое исполнение Концертино для фортепиано Онеггера. Мило: приятные оркестровые эффекты скромными средствами; симпатичные темки. Но редко неинтересно для пианиста и очень элементарно. Я говорил, что это новый Концерт для репертуара Стравинского. Сувчинскому Концертино понравилось, Дукельский очень ругал. Затем был «Экстаз» Скрябина, который я давно не слышал и теперь прослушал, кроме некоторых мест, не без удовольствия - за что в меня будут бросать камнями, так как мало кто теперь любит Скрябина. Я считаю, что это временно.

24 мая

Наше последнее приёмное воскресение, так как контракту конец и хозяин вытесняет нас из Bellevue. Были всякие Пташкины американки, итальянцы, Mme Кусевицкая, Дукельский. Святослав был центром внимания. Mme Кусевицкая дразнит меня, что сын красивее отца. Святослав только что стал более менее ходить самостоятельно, хотя и походкой прогрессирующего паралитика. Слыша шум аэроплана, поднимает голову и ищет его на небе.

Дукельский ворвался с восторженным сообщением: Дягилев, уезжая в Англию, поручил ему спросить, написал бы ли я ему балет к будущему сезону. Дукельский

[21] Сын Тани и Андрея Раевских.

[22] Cin(éma) viv(ant) - живое кино (фр).

очень хочет, чтобы у меня снова восстановились отношения с Дягилевым, так как чувствует, что я был бы для него хорошей опорой. Я ответил степенно: написать - да, но важно знать цену. Если дёшево, то нет. Дягилев возвращается седьмого июня. Я просил написать, что шестого идёт Симфония и я хотел бы, чтобы он её послушал.

Вечером Пташка, я и Дукельский отправились к Боровским. Туда же приехали Сувчинский, Захаров, Б.Н., Самойленки. Было очень интересно: собрались все мои друзья. Самойленки с Дукельским и Сувчинским встречались в первый раз. Сувчинский держался скромно, в стороне, и не лез в разговор, хотя, когда говорил, то говорил веско и все его слушали. Дукельский играл балет, но его плохо слушали. Сам он Самойленкам не понравился. Б.Н. тоже в ужасе и не понимает, как этот паршивый мальчишка может быть замечательным композитором. Сам Б.Н. выглядел ужасно, у него был опять припадок с почками (или кишками) и отсутствовали деньги. Варвара не приехала, а может быть приехала, но инкогнито, не желая никого видеть из родственников. Он всё лип ко мне, рассказывая вполголоса о болезнях, а мне тем временем хотелось свести Сувчинского и Самойленко. Самойленки говорили ему: нам очень интересно с вами познакомиться, потому что всегда, когда мы чем-нибудь хвастаемся Сергею Сергеевичу, он отвечал: «А у меня есть Сувчинский».

26 мая

Ночью и днём постепенно пришёл в голову такой для балета (в связи с возможностью заказа Дягилева и боязнью, что он навяжет сюжет Кохно).

Название: «Ключ скрипичный и ключ от сардинок». Появляется скрипичный ключ и группа шестнадцатых, которых он старается разместить на пять линеек. Врывается группа пауз. Если шестнадцатая подчинится ключу, так как значение их зависит от него, то паузы из рук вон, потому что ключ для них никакого значения не имеет. Ключ мечется, размещая их на пяти линейках. Наконец все размещены, ключ на месте, спокойствие. Въезжает коробка сардин. Сардиночный ключ, кувыркаясь, её открывает. Выходят шесть сардин. Они боготворят ключа, давшего им свободу. Образуют группу на другой стороне сцены. Тут два ключа замечают друг друга. Церемонное сближение и знакомство. Сардиночный ключ рекомендует послушных сардинок; скрипичный ключ жалуется, что нет сладу с паузами. Обе группы сближаются. Паузы всё время безобразят и огорчают скрипичный ключ. Но всё же terre-à- ter'ные[23] сардинки так поражены неземной красотой и изяществом представителей искусств, что замирают от восторга. Вдруг замешательство: паузы и шестнадцатые слышат запах оливкового масла сардинок. Они в ужасе, они больны, скрипичный ключ тоже. Паническое бегство. Сардинки ничего не понимают. Им всё ещё слышатся очаровательные звуки танца шестнадцатых и пауз. Сардиночный ключ огорчённо укладывает их в коробку и закрывает её. Занавес.

27 - 29 мая

Переписчики Симфонии. Укладка в огромном доме. Поиск квартиры или пансиона в Париже.

Двадцать восьмого была Miss Olmsted. Мы жаловались, что не знаем, куда переезжать. Она говорила, беспокоиться не надо, всё будет устроено. На другой день я нашёл отличные комнаты в хорошем пансионе.

[23] Заурядные, приземлённые, terre-à-terre (фр).

30 мая

Второй концерт Кусевицкого. Фортепианный Концерт Тайфер. Сначала как-будто мило, весело, под Моцарта, но недолго; дальше скучно и несамостоятельно. С точки зрения пианизма и интереса для пианиста играть этот Концерт - очень слабо. Писать Концерт, интересный для пианиста, не так легко. В своё время Зилоти ругал меня за 1-й Концерт - что он недостаточно пианистичен; ну, а этот гораздо менее. К тому же её еле было слышно.

Другая новинка - длинная вещь[24] американца Тейлора: ужасно. Сверху свистали, и я тоже посвистел.

Затем пил чай у Коханских. Он будет играть мой Скрипичный концерт в Нью-Йорке в декабре. Стравинский аранжирует с ним «Пульчинеллу» для скрипки.

31 мая

Играл Кусевицкому Симфонию: пора, завтра репетиция. Конечно, он мало чего знает с двух проигрываний, и завтра репетицию начну я.

Дома Святослав ревел, я сел играть на рояле, он замолчал, думая, что это для его утешения. Но так как я продолжал играть, не обращая на него внимания, он обиделся и вновь ударился в рёв.

Вечером опять поехал к Кусевицкому, которого не было дома. Я сидел один и принимал переписчиков (четыре человека), которые привезли дублюры струнных.

1 июня

Надо было переезжать из Bellevue, но из-за сегодняшней репетиции отложил до завтра. Репетиция двойная: два часа струнные, два духовые. По просьбе Кусевицкого репетицию начал я, а он следил по партитуре и знакомился с вещью. Я не дирижировал почти пять лет, да и свою Симфонию почти не учил с дирижёрской точки зрения, а в ней есть трудные места, как например 6/4 и 3/2 в репризе первой части. Репетировать было трудно, я потел - и был страшно рад, когда Кусевицкий, наконец, прогнал меня с пульта и взялся сам за дело. Тогда я мог спокойно следить по партитуре. Через два часа струнные ушли, пришли духовые, которых взял снова я, а затем Кусевицкий. О моих впечатлениях трудно сказать что-нибудь определённое; скорее оно было неприятное, как, впрочем, всегда, когда новая вещь берётся по группам. Оркестр читал недурно и относился к Симфонии и ко мне довольно мило.

Вернувшись домой, чуть-чуть передохнул и стал вместе с Пташкой заниматься укладкой дома.

2 июня

Утром колоссальная укладка и к двенадцати часам выехали в грузовом автомобиле, нагруженном двадцатью пятью вещами. Поселились 32, rue Cassette; у нас очень хорошо, большая комната, у Святослава и Mrs Cobbe - маленькая. Кормят хорошо.

Пташка мечтает о квартире в Париже, чтобы иметь постоянный угол, а то эти переезды действительно мучительны. Я хотел бы под Парижем кусок земли в 3000 кв.м., с небольшим домом. Но последнее надо покупать, а деньги можно достать после хорошего удара в Америке.

[24] Была исполнена симфоническая сюита «Сквозь зеркало».

2 ИЮНЯ

Вторая репетиция, общая, в фойе театра, поэтому всё очень громогласно. Кое-что выходит, но большинство нескладно. Кусевицкий не знает темпов, да и я не очень твёрд в них. Больше раздражения, чем удовольствия. Нет, теперь я не скоро примусь за такую громоздкую вещь: Дукельский прав - надо писать проще и диатоничней.

Mrs Cobbe покинула нас, она уже давно собиралась ехать в Италию со своей подругой. Расстались большими друзьями. Пташка в ужасе, как она будет справляться со Святославом, а такой клад, как Mrs Cobbe, не скоро сыщешь.

Вечером на генеральной репетиции пьесы Demasy «Cavalière Elsa». Он талантливый человек и у него есть сцены и лица, которые врезаются в память.

3 июня

Письмо от Асафьева: Мариинский театр серьёзно хочет ставить «Три апельсина». По этому поводу разговор с Эбергом, стараясь, чтобы издательство не ставило препятствий. Но Эберг требует высокой цены и большие залоги, а я говорю, что этих сумм нельзя брать с обедневшей России. На эту тему целая стычка.

Другое письмо от Mme Лапиной - страшно ругается, что оставили дом в беспорядке. Третья репетиция - подобная вчерашней.

4 июня

Генеральная репетиция. Всё ещё не совсем. Сувчинский, Дукельский и Обухов сидели с партитурой, жадно уткнувшись в неё. Дукельский говорил, что материал отличный, сделано замечательно, но зачем так нагружено - не так надо писать. Сувчинский и Обухов ничего не сказали.

5 июня

Концерт. Первая часть проходит почти гладко, вариации хуже. Особенно хромают валторны, хотя их пять: одна добавочная, чтобы дать отдых другим; и всё же, где ответственное место, они не выделяются. Да и акустика Opéra дрянная.

Успех выше среднего; хуже, чем после «Семеро их» в прошлом году. Меня вызывали. Я кланялся из ложи после того, как убедился, что всё-таки аплодирование настойчиво. Пробовали и свистеть. Прежде это было модно: значит очень модерная вещь; теперь же просто глупо.

После Симфонии Цецилия Ганзен играла Концерт Моцарта, а затем антракт, во время которого масса знакомых приходили жать руку. На многих лицах недоумение. Princesse Polignac пришла первая в ложу и поздравила меня: это очень элегантно с её стороны. Очень хвалили Обухов. Demasy, Черепнин плёл ерунду. Копшц тоже. Сувчинский что-то промычал.

Появился Стравинский. Я сказал: «Ну, бейте». Он начал долго говорить о том, что я должен знать, как он меня любит и уважает, но что это не то, что он ожидал, когда узнал, что Прокофьев пишет симфонию. Я ответил: это чистая музыка и притом музыка, вышедшая из контрапункта - это немного наша общая платформа; в чём же несогласие? Стравинский: «Об этом надо говорить дома и подробно». Я: «Я только этого и хочу. Когда же?» Стравинский: «Я очень занят теперь, через несколько недель я буду свободный, тогда встретимся и побеседуем». Лицемер! Если он музыку мою «любит и уважает», то незачем откладывать разговор на месяц.

Были Коутс, Фительберг, Купер, Штейнберг, Гречанинов (два последних только что из России), но я с ними не беседовал.

Вечером Пташка, я. Цецилия и Захаров поехали в Casino de Paris, а потом ужинали и подпили, словом, кутили после моей премьеры и её первого выступления в Париже.

6 июня

Симфония прошла, хотя и оставив неудовлетворённость, как от исполнения, так и от принятия публикой и музыкантами. Но иначе и быть не могло с такой сложностью, которую я еле сплёл за девять месяцев! Перелистывал партитуру. Намечал кое-какие переделки, но их мало. Перелистывая партитуру, вновь убедился, что мног о чего не вышло.

Ездили со Святославом к Захарову пить чай. Была Наталья Константиновна, которая почему-то всё время язвила мне, вероятно, за стычку (с Эбергом, в её присутствии) по поводу нот для Мариинского театра и за то, что маэстро замучился с репетициями Симфонии и вероятно сам понимал, что Симфония не была доведена до блеска. Но это обидно: я посвятил ему Симфонию, а в ответ язвят. Свинство.

7 июня

Были у Рузских. Затем я поехал на оркестровую репетицию балета Дукельского, который сам заехал пригласить меня, но опоздал.

Дукельский говорил, что Симфония ему второй раз понравилась гораздо больше, Poulenc тоже очень хвалил. Нувель тоже; я был приятно изумлён. Нувель, который прошлой весной, когда Дягилев отошёл от меня, поворачивался спиной, теперь изъяснялся в чувствах долговечной дружбы. Симпатимчик?

Вечером был на симфоническом концерте современной музыки под управлением Страрама. Delage, Casella, «Valses nobles» Равеля - всё было очень снотворно. Живее итальянец Rieti, много милого и остроумного; но итальянец не может не удариться в какую-нибудь итальянскую пошлятину. А жаль!

8 июня

Марнолд захлёбывался от восторга от моей Симфонии и пришёл взять партитуру для изучения. Другие критики в газетах ругают, хотя большинство с оглядкой, что я и предсказал.

Вечером концерт Боровского, который начал с моей 2-й Сонаты. Первые три части сыграл так себе, хуже меня, финал - блестяще. Успех средний.

Б.Н. говорит: вернулась его сестра. Но там назревают драмы. С мужем у неё тяжёлые отношения из-за каких-то векселей и романа. Сам Б.Н. пока получил восемьсот пятьдесят франков в уплату долгов за гостиницу. Он жалуется на боли в животе: по его мнению, у него язва в двенадцатиперстной кишке и он скоро умрёт.

9 июня

Вечером было письмо от тёти Кати. Она всё ещё не знает о смерти мамы. Я ей месяц тому назад писал, что высылаю двадцать пять рублей, но за толкотнёй и по бедности до сих пор не выслал. Поэтому бегал в банк и отправлял.

Вечером концерт Цецилии, которая играла скерцо из моего Концерта и вторую Песню без слов, которую мы с ней без труда приладили для скрипки. Вышло очень мило. Успех. Я вставал кланяться.

Довольно мило беседовал с Купером и Штейнбергом. Штейнберг мне передал официальное приглашение от Ленинградской филармонии на будущий сезон, но я ответил, что не рискую ехать, пока не буду уверен, что меня беспрепятственно выпустят обратно.

Видел А.Г.Жеребцову. Она пополнела, порыхлела, постарела.

10 июня

Заходил Сувчинский, но не застал меня. Он не едет в Лондон, а остаётся в Париже, так как евразийский съезд перенесён из Лондона в Париж.

Забегал Дукельский так, поболтать. Говорит, Стравинский изъявляет ему знаки большого внимания. Но была и стычка: Стравинский хвалил Онеггера, Дукельский ругал.

Затем был Б.Н. с Никитой и с сестрой, и главноуправляющим шанхайскими богатствами её мужа. Последних двух Б.Н. просил позволить привести «в качестве зверинца». Но у него какие-то планы, и новый серый костюм, хотя и довольно плохой. Никита не сделал успехов и игра его лишена мужественности.

Обедала Miss Olmsted. Ей понравилась Симфония, хотя она признаёт, что не всё поняла. Говорили о талантах. Меня интересовал вопрос: талант есть дар Божий; почему же таланты часто даются плохим людям? Какая связь между этим даром Божьим и совершенством человека? И человек, несущий этот дар, несёт ли он также большую ответственность перед Богом? Её объяснения по этому поводу я не понял, главным образом из-за английского языка.

Затем мы втроём отправились на третий концерт Страрама. Молодой немец Kurt Weill изобретателен, но какой-то безразличный, «трупный». Две пьесы Шёнберга из «Пяти пьес для оркестра» были жутки и интересны. Остальные - скука смертная.

11 июня

Генеральная репетиция последнего концерта Кусевицкого, посвященного Стравинскому. Причём всё старое! Вот она, мода. Впрочем, маленькая старая новинка: Ragtime, который написан шесть лет назад, но которого я никогда не слыхал. Десять инструментов, дирижировал Стравинский (который делает успехи в дирижировании; Ragtime он не продирижировал, а прямо проплясал). Неинтересно. Кусевицкий, после необходимого предисловия о том, как он любит мою музыку и как хотел бы говорить мне правду, объяснил, что моя Симфония хороша - и главная партия, и заключительная, и все вариации - но нехороша побочная партия, и на моём бы месте он не остановился бы перед крупной переделкой, сочинением совершенно новой побочной партии. Я ответил, что едва ли это возможно: если так, то надо вон половину экспозиции, всю разработку и половину репризы. Останется только изложение главной партии и заключительной. Такая капитальная переделка невозможна: если побочная партия плоха, то она как рак печени, который так оплёл всю печень, что если его вырезать, то ни от печени, ни от человека ничего не останется.

Стоит жара. Жара и сутолока не дают заниматься. А надо бы делать корректуру «Классической» Симфонии.

12 июня

Последний концерт Кусевицкого из сочинений Стравинского. «Петрушку» и «Весну» слушал с большим удовольствием, хотя обе эти вещи, взятые без сцены,

очень бесформенны и клочковаты (за исключением первой части «Петрушки»). Стравинский сделал успехи не только как дирижёр, но и как пианист, и играет свой Концерт совсем бойко, хотя и с неприятным ударом. Стравинский имел большой успех, и публики больше, чем на предыдущем концерте. Но фортепианный Концерт мне по-прежнему немил (за исключением нескольких очень хороших мест). Дукельский хвалил. Я говорил ему: «Ой, и вы влипаете в трясину». Некоторые музыканты (Гобер, Marnold, Casadesus, Шимановский) демонстративно хвалили мне мою музыку и ругали Стравинского.

15 июня

Днём отправился на репетицию «Зефира», как меня об этом предупредил Дукельский, но оказалось, что «Зефира» репетировали утром, и я попал на первое чтение «Матросов» Орика, — кусочки и корректура ошибок. Появился Дягилев, расцеловался со мной и, проходив туда и сюда, уселся рядом. «Свинская музыка», - улыбнулся он по поводу одной темы Орика, действительно абсолютно пошлой, но сказал это не без ласки к этой музыке. Через некоторое время он сказал: «Ну что-ж, Серж, нам надо балет писать». Я ответил: «Да, надо. Но сперва надо выяснить, какую музыку вам хочется иметь. Такую (как эта тема Орика) я писать не могу». Дягилев: «Всякий композитор сочиняет по-своему; сложившемуся композитору нельзя делать указки». Этим разговор пока ограничился.

Вечером открытие Дягилевского сезона и премьера «Зефира». Первым номером шёл «Пульчинелла», которого я прослушал с большим удовольствием - очень ловко и мило сделано. Затем «Зефир» - и некоторое разочарование: оркестровано тускло и часто угловато, на фортепиано звучит много лучше. Декорации Брака оказались вялыми, сюжет Кохна - никаким. Только заключение балета, когда нимфы перед Бореем ложатся веером на спины, предлагая ему отдаться, доставило публике удовольствие. Успех средний. Дукельский выходил кланяться один раз, выглядел взволнованным и забавным. Резюмэ - некоторое разочарование. И всё же, балет можно переоркестровать, сцену переставить, а по музыке это одно из самых значительных явлений сезона.

16 июня

Был у Марнольда, который пригласил к себе Страрама, дабы заставить его исполнить мою Симфонию. Я играл, Страрам расхваливал. Решено, что в течение будущего сезона, во время которого Страрам даст чуть ли не двенадцать концертов, он исполнит обе мои Симфонии и «Семеро их»! Приятно.

Страрам неважный дирижёр, но может иметь сколько угодно репетиций, так как, по последним сведениям, живёт с Ганной Вальской.

Вернувшись домой, чувствовал себя усталым и лёг вздремнуть, но ввалились Дукельский с Ориком и уселись на кровать. Дукельский не может придти в себя, что балет его находят скверно оркестрованным. «Я так хотел. Я хотел «камерную оркестровку», довольно уже фейерверков Римского-Корсакова». Я отвечал, что камерная оркестровка одно, а оркестровка угловатая - другое. Орик и я, соединившись, поддразнивали Дукельского, что просто он не сумел как следует оркестровать свой балет, что выводило его из себя.

17 июня

Письмо от Terpis'a, балетмейстера берлинской Staatsopera, насчёт балета для Берлина. Писать я не буду, но как документ для давления на Дягилева оно может

пригодиться. Был у Blois. Он предлагает несколько дешёвых и хороших дач в Dordogne, а также утверждает, что ему удалось устроить у Pasdeloup исполнение Сюиты «Шут».

Вчера на Дягилеве. Первым номером «Песнь соловья» - медлительно и скучно. Затем премьера «Матросов». Сделаны они в простых линиях, почти эскизно (видно, что Орик ужасно спешил, их сочиняя), музыка «матросская», залихватская, но по- французски залихватская, т.е. весёлая и шансонеточная. Кой-какой материал мил, но есть и невыносимый, вроде той темы, о которой была речь третьего дня на репетиции. Декорации молодого художника Prima, последователя Пикассо, очень приятны и просты. Поставлен балет Мясиным хлестко и весело. Вообще, весёлость была главным качеством и музыки, и всей постановки, и причиной шумного успеха. Эта же весёлость особенно подчеркнула тягучесть «Соловья», которого после «Матросов» невозможно было бы слушать, несмотря на все ориковские промахи против хорошего вкуса. «Когда я слушаю эту тему, у меня всегда болит живот», - сказал когда-то Дягилев про одну из тем «Соловья». После «Матросов» шли «Biches», про которые Пуленк говорил, что он их теперь совсем переделал и переоркестровал. На деле оказалось как и раньше. То танго, то скрадено у Бетховена, а то из «Жизни за царя». Дилетант - вот определение Пуленка, и это особенно подчеркнулось соседством «Матросов». «Матросы» написаны мастером, и, сопоставленные с «Бишами», они их убивали без остатка. Впрочем, кое-что от «Бишей» осталось: это обольстительный силуэт Немчиновой - и ею они будут держаться.

18 июня

Одна весёленькая песенка из «Матросов» нам очень понравилась и мы поём её Святославу, который хохочет. Когда я спросил у Орика, не есть ли это какая-нибудь народная, Орик откровенно заявил, что он взял ритм какой-то мелодии Чайковского, которая ему очень нравилась, и на этот ритм сочинил новую музыку. Он тут же наигрывал мелодию Чайковского, которая, впрочем, нисколько не была похожа на его собственную. Орик - милый парень, немного нелепый, увалень, добродушный.

Днём заходил Дукельский, долго у меня сидел. Под секретом он передал свой разговор со Стравинским о моей 2-й Симфонии, но передавал так расплывчато, что мне трудно формулировать. Кажется, Стравинский упрекает меня в том, что я всё ещё связан с патетикой Мусоргского, русизмами Корсакова, и всё ещё пишу закорючистые темы, между тем как теперь надо перейти к чистому классицизму. Значит, к Баху? - лицо которого Стравинский изъедает как оспа! Увидев же где-то заглавие 1-й Симфонии - «Классическая», Стравинский сказал: «Вот дурак! Это только Прокофьев мог дать такое заглавие».

Затем Дукельский рассказывал о своей статье, (которая должна была быть напечатана в прошлом году в Америке, но не была), - о влиянии регтаймов на поворот в современной музыке. Идея была развёрнута занятно и парадоксально, но сейчас я последовательно её не помню; при случае спрошу опять. Я, между прочим, сказал о предложении написать балет для Берлина. Дукельский взялся сообщить об этом Дягилеву. Я ответил: «Расскажите ему, потому что мне в самом деле надо давать какой-то ответ в Берлин, но сделайте это так. чтобы вышло вроде провокации перед Дягилевым». Дукельский: «Не беспокойтесь, я сделаю это осторожно».

У меня болела голова. Miss Olmsted, которая недавно переселилась в наш пансион (она в большой дружбе с Пташкой) делает мне treatment. Она говорила мне, что каждое утро, просыпаясь, в постели делать урок из Библии и Science and

Health, или часть урока. Есть специальные брошюры на каждое воскресение: в них указаны тексты из Библии и соответствующие места в Science and Health, и в чтении этого состоят воскресные службы сайентистов. В течение недели, предшествующей каждому воскресению, сайентисты прочитывают эти уроки - и то, что все они изучают в эту неделю одни и те же тексты, объединяет их. Miss Olmsted советует мне тоже начать такие занятия по утрам, говоря, что это служит добрым залогом целого дня. Я решил завтра начать.

Вечером чествовали Кусевицкого в Comedia, по поводу Почётного Легиона, который он получил в прошлом году перед отъездом в Америку. Casadesus, который организовывал чествование, просил меня написать коротенькую штучку для этого, говоря, что целый ряд композиторов сочинил пьески для самых невероятных сочетаний инструментов. Я несколько дней тому назад написал отрывок для пианолы: начинается очень скромно, а затем пассажи, как-будто играют на рояле в двенадцать рук. Это было наиграно на пианолу, а затем вечером после речей исполнено, среди отрывков других композиторов, - Онеггера, Танцмана, Русселя, кажется, Равеля. Casadesus разыграл маленькую комедию, сказав, что Прокофьев стал très timide[25] и боится играть в публику, поэтому, когда я вышел, опустил занавес на эстраду, и затем заиграла пианола. Пока шла простенькая музыка, было ничего, а когда пошло в двенадцать рук, было очень смешно. Сам Кусевицкий был не слишком мил: с сознанием своего достоинства.

Голова улучшилась, но не прошла, однако вечера не испортила.

19 июня

Начал уроки. Каждый недельный урок разбит на шесть частей. Делаю две.

Сомнения относительно лета и денег: с Дягилевым не налажено, с Рубинштейн всё тянется вопрос о «Юдифи» - а уже пол-лета прошло и денег нет. Написал письмо Рубинштейн, впрочем, держа тон.

Вечером на Дягилеве. Второе исполнение «Зефира» - но впечатление то же. После великолепного исполнения Дукельским на рояле, в оркестре звучит как-то вяло, кроме того, не достаёт чувства яркости в целом - это уже дефект формы и распределения музыкального материала. Успех средний. Мы сидели в ложе у Ганны Вальской по предложению Страрама. У Вальской он под сапогом; сама же красавица начинает стареть и в углах её рта легли складки злобы и горечи. Ещё бы!

В антракте встретил Дягилева. Он сказал: «Не смейте писать для Германии!» Значит, Дукельский передал. Я ответил: «Я сам не хотел бы, но тогда давайте говорить с вами серьёзней». Дягилев просил позвонить ему через два дня, чтобы назначить rendez-vous для серьёзного разговора. Появился Сувчинский, который две недели не показывался на глаза - был страшно занят евразийскими делами (и не Mlle ли Гучковой, с которой он появлялся?). «Ну, что же, вы балет будете писать для будущего сезона?» - сказал он уверенно. Я: «Это ещё не решено». Сувчинский: «Но это чувствуется из окружающих разговоров». Вообще манёвры дягилевской группы остаются для меня загадкой: как непонятны причины, побудившие предать меня проклятью в прошлую весну, так непонятны причины возвращения ко мне теперь. Ведь я всё тот же! И именно это обстоятельство, что я всё тот же, а они от меня отхлынули в прошлом году, причинило мне тогда столько беспокойств. Наоборот, теперь, когда я опять-таки всё тот, а они ко мне прихлынули, создают мне чувство превосходства, ибо выходит, что мечутся они, а я твёрдо стою на месте.

По-видимому, в этих дягилевских приливах и отливах не последнюю роль сыграл

[25] Очень застенчив (фр).

Стравинский. В течение прошлой зимы его отношение ко мне, дотоле скорее хорошее, повернулось на опозиционное. Какие причины были к тому, сказать трудно, но у Стравинского вечно - это можно любить, а это нельзя. Это совпало с выдвижением Дягилевым французской группы: Пуленка, Орика, Мийо. Стравинский поддерживал Пуленка и ругал меня - непонятно, но так. Когда Пуленк и Мийо у Дягилева провалились, так как Дягилев всё-таки достаточный музыкант, чтобы чувствовать, что Пуленк не то, что надо, а Орик прошёл на четвёрку, то спасением для Дягилева явился Дукельский, которого и раздули, как могли. Раздувающие были правы, но не учли его молодости и неопытности, и в этом сезоне Дукельский прошёл тоже не Бог знает каким козырем (недооценен - согласен). Между тем Стравинский ударился в чистую музыку и отошёл от театра, а стало быть, от Дягилева. И к закрытию теперешнего дягилевского сезона создалось такое положение: Дукельский не сенсация, из французов только Орик, новых нет, Стравинский отступился. Кстати, в лице Стравинского исчез и главный хулитель Прокофьева. Отсюда естественное движение Дягилева ко мне.

20 июня

Был молодой дирижёр Désormière, прошли с ним 3-й Концерт, затем поехали репетировать к Princesse Polignac, где собрался оркестр в уменьшенном составе: тридцать два человека. Уменьшены были струнные, но принцесса гордо говорила, что я специально для неё переработал Концерт для малого состава. У неё огромный особняк - дворец, обладателем которого я не желал бы быть. Уж один этот огромный штат лакеев отвратителен. Désormière очень старательно зубрил с оркестром Концерт. В углу зала слушали какие-то простенько одетые дамы, присутствие которых меня раздражало. Впоследствии явилась хозяйка и представила меня им. Они оказались дюшессами[26].

Вечером закрытие дягилевского сезона. «Train bleu» теперь все ругают, а ведь в прошлом сезоне было немало таких, которые хвалили. Я до сих пор помню сияющее выражение на физиономии Rolland-Manuel. После спектакля Серты давали ужин в честь Дягилева, на который пригласили и меня с Пташкой. Словом, я вновь ввожусь в дягилевский цикл. Впрочем, за ужином не было особенно интересно.

21 июня

Днём были у Кусевицких, так как они уезжают из Парижа в Германию. Но оказалось, что ещё не уезжают. Затем от Brennan'а я хотел узнать даты моих американских концертов, но Brennan ещё сказать их не мог. Равель, который тоже был у них, ругает Дукельского. Я защищал.

Вечером концерт у Polignac. Страшная помпа, титулы висели в воздухе. Было ещё много музыкантов (Дягилев, Стравинский, Дукельский, Артур Рубинштейн, Боровский, Коханский, Шимановский), что заставляло подтягиваться. Слушали очень хорошо. Говорят, когда играл Стравинский свою сонату, то разговаривали, и барон Ротшильд ходил, шаркая ногами. Успех очень большой, что особенно замечательно у такой чопорной аудитории. Среди массы народу, с которой нас знакомили, очень мила была герцогиня Мальборо, одна из знатнейших и богатейших английских дам. Она звала нас к себе, когда мы будем в Лондоне.

С Дягилевым мы отходили в сторону и имели первый серьёзный разговор о будущем балете. Зашёл вопрос о сюжете. Я осторожно намекнул, что у меня

[26] Герцогини, от duchesse (фр).

сюжет, где действуют лица - ноты и паузы. Дягилев отклонил предложение. «В балете, в конце концов, самое красивое - это человеческое тело, - сказал он, - и я не хотел бы ни символических фигур, ни конструктивных костюмов». Дальнейший разговор отложили на завтра.

22 июня

Письмо от Асафьева и Дранишникова, где запрошенную мною сумму за постановку «Апельсинов» они согласны заплатить не за один сезон, а за два. Таким образом сумма, запрошенная издательством, остаётся неизменной, а мне срезают половину. Я сначала взбесился, а затем придумал комбинацию: поторговаться не с Мариинским театром, а с издательством.

Днём большой приём у Боровских, масса народу. Кошиц пела мою «Песнь без слов», а затем романсы Гречанинова - милое сочетание! Встретив Эберга, я провёл комбинацию и в Ленинград послали телеграмму с согласием. Затем я у Иды Рубинштейн. Она великолепна и изысканно любезна, говорила о балете, или новом, или постановке «Скифской сюиты», говорила и о «Юдифи», но ни слова конкретного.

Затем - Дягилев (о трёх постановках в один день!), который сказал: «Писать иностранный балет, для этого у меня есть Орик; писать русский балет на сказки Афанасьева или из жизни Иоанна Грозного, это никому не интересно; надо, Серёжа, чтобы вы написали современный русский балет». «Большевицкий?» «Да». Признаться, я был довольно далеко от этого, хотя мне сразу представилось, что что-то из этого сделать можно. Но область чрезвычайно деликатная, в чём и Дягилев отдавал себе отчёт. Я решил сначала проинтервьюировать на эту тему Сувчинского и вообще сразу же предложить Дягилеву притянуть его к работе, так как Сувчинский знает и сцену, и музыку, и очень в курсе того, что творится сейчас в России. Выдвижение мною Сувчинского имело для меня и другой смысл. Дело в том, что за последние три года для всех либретто Дягилев подсовывает своего мальчика (ныне отставного, но просто эстетического друга, как ни странно, очень на Дягилева имеющего влияние) Кохно. На Кохно писали и Стравинский, и Орик, и Дукельский. Хуже всего то, что на афишах объявляется: прежде всего - балет Кохно, затем музыка такого-то, декорации такого-то и хореография такого-то. Я всегда, глядя на эти афиши, громко ругался, а теперь, когда дело шло о заказе балета мне, решил дать бой и ни за что на Кохно не писать. Важные обстоятельства часто смешиваются с пустяками. Так и здесь: когда Дягилев сделал мне неожиданное предложение написать большевицкий балет, я, быстро взвешивая в голове плюсы и минусы, сразу учёл, что, выставляя Сувчинского, я легко выбью из седла Кохно, который, конечно, не может быть компетентным в таком сюжете. Дягилев, который знал и хорошо относился к Сувчинскому, сказал, что он будет рад обсудить этот вопрос с Сувчинским, а так как последний уехал в Лондон, Дягилев же ехал туда через день, то решено было, что я немедленно же напишу Сувчинскому и пошлю его к Дягилеву в Лондоне в Savoy Hotel. Затем разговор перешёл на деньги. Я напомнил, что за «Шута» я получил тридцать тысяч франков. Дягилев сказал, что о таких ценах он и слышать не может, что Орику он платит пять тысяч, и Дукельскому столько же, а так как я постарше, то он даст мне десять. Я сказал, что десять - какие же это деньги! Разговор отложен на завтра. Я рассчитывал на двадцать тысяч; десять действительно очень мало.

23 июня

Сегодня свидание с Дягилевым было довольно бестолковым: Орик, я, Pruna,

ещё какие-то люди; Дягилев брал каждого по очереди и уводил в угол на диван. Я смеясь назвал это приёмом у доктора. С Дягилевым спор: двадцать или двадцать пять минут; я сказал, что больше двадцати минут у меня пороху не хватит; Дягилев говорил, что балет меньше двадцати пяти минут не балет. Относительно гонорара сошлись на пятнадцати тысячах: пять тысяч при подписании контракта, пять тысяч при предъявлении клавира и пять при предъявлении балета. Затем мы ударили по рукам. Дягилев предложил стоящему рядом Орику разбить. Орик разбил, ударив по нашим рукам. Затем Дягилев ударил по рукам с Ориком (балет - съёмка кинематографом в деревне; сюжет Кохно), и я разбил. Дягилев воскликнул: «Ну вот! Два новых балета!» Дягилев вернётся из Лондона пятнадцатого июля, тогда кончим обсуждение сюжета.

Затем я отправился на польский концерт. Концерт Шимановского в исполнении Коханского. Ничего, хорошо сделано, хотя скучновато и, несмотря на всю мудрёность, как-то провинциален: уж очень любит Шимановский замирать и наслаждаться вчерашними эффектами. Артур Рубинштейн играл Концерт Шопена, и мне было непонятно, как такой современный пианист, как он мог с серьёзной физиономией разыгрывать Шопена. По-моему, сейчас Шопена невозможно слушать: его можно было слушать или пятьдесят лет назад или через пятьдесят лет, когда он станет восприниматься в порядке музыки Моцарта.

24 июня

Телеграмма Вебера: «Апельсины» приняты в Staatsoper в Берлине.

Колоссальная победа. В случае успеха в Берлине, за Берлином пойдёт вся Германия. В данных обстоятельствах по значительности только постановки в Вене и в Scala могут спорить с этой.

25 июня

Был у Казеллы, который проездом в Париже и с которым мы в переписке о моих выступлениях в его концертах в Риме, а может быть, и в Нью-Йорке, где он дирижирует в январе серией концертов. Затем Ида, у которой А.Н.Бенуа, - обсуждение балета на «Скифскую сюиту». Я играл по партитуре. Бенуа должен выдумать сюжет. Разумеется, роль Иды должна быть апофеозной.

Болела голова. Беседовал с Miss Olmsted, которая живёт в нашем пансионе. Она объясняла мне то, что до сих пор было мне не вполне ясно, именно: что есть молитва об исцелении. Она говорила: молитва об исцелении есть ясное представление, что зло не от Бога, что зло ошибка, что болезнь есть проекция человеческого рассудка и что действие высшего Разума, Правды и Любви уничтожают эту проекцию. Я излагал ей мою теорию о возникновении греха как следствия свободной воли, данной человеку и по неопытности неправильно им применённой. Она сказала, что это не Божеская мысль, а «человеческая» теория (man made theory): искать происхождение зла - занятие бесполезное (как гадать о значении рисунка песка от волн на берегу моря). Ведь Бог не ведает зла и истина вне зла, поэтому всякое исследование в этой области не приближает к цели, следовательно - бесполезно.

26 июня

Завтракал у Романова в Neuilly, играл ему Квинтет. Теперь я играю более гладко, да и он вслушался. Он вообще воспламенён идеей этого балета, хотя сюжет ещё не совсем придуман и постоянно подвергается изменениям. Вообще он тугодум.

Постановка осенью, и уже четыре месячных турне по Германии ему обеспечено.

Дягилев уехал. Я был у Кохно, который мне обещал напеть несколько частушек начала революции. Кохно сразу стал заикаться, что, собственно, у него есть и сюжет для балета, и что, собственно, эти частушки он бережёт для этого балета, но я сюжетом не заинтересовался, а частушки попросил напеть не для того, чтобы их записывать и пользовать, а просто чтобы составить себе картину того, что пелось в России в первые годы большевизма. У Кохно на этот счёт хорошая память и он спел мне с десяток. Есть премилые деревенские, городские же дрянь, сентиментальщина. Новый режим прибавил слова, но не музыку.

Прочёл книжку, данную мне Сувчинским, - «Наследие Чингисхана» (взгляд на русскую историю не с запада, а с востока) неизвестного автора, не самого ли Сувчинского? Очень увлекательный взгляд на то, как идёт линия нашей истории.

27 июня

Был у меня Demasy и читал мне свою «Юдифь». Ида вчера сказала, что постановка решена, что Головин (который за смертью Бакста будет делать декорации) приезжает из Ленинграда, а так как Demasy через два дня едет на юг, то и решено было устроить сегодняшнее чтение, чтобы окончательно условиться о том, где нужна музыка. Многое в «Юдифи» очень хорошо; мне нравится соединение высокой трагедии с обыденщиной. Но конец, патриотически-наивный, хуже. Я надеялся, что Demasy всё-таки удержится на высоте и закончит какой-нибудь драматической ситуацией, а не ура-патриотизмом. Пока Demasy читал, приходил Кохно и перебил нам чтение. Цель его визита была не совсем ясна: звонил ему Дягилев из Лондона, что видел Сувчинского, но Сувчинский ничего нового не прибавил. У самого же Кохно есть полный балет, в который войдут частушки. Это «дворницкий» балет, поэтому, по его мнению, очень подходящий к идее Дягилева (но ведь в России сейчас как раз нет больше дворников, а если есть, то это бывшие генералы!), и этот балет уже собирается писать другой композитор, но, конечно, у него можно отнять и подсунуть что-нибудь другое. Одним словом, цель его визита была, пожалуй, ясна, и даже очень, но я был глух и нем, и больше интересовался подробностями разговора Дягилева с Сувчинским. А затем извинился, говоря, что Demasy ждёт, чтобы продолжать читать «Юдифь».

28 июня

Сегодня - ничего особенного. Париж начинает рассасываться на летние вакации. Мы опять засиделись в городе, отчасти оттого, что дела никак не решаются, отчасти не выбрали, куда ехать на лето. Но раз пансион наш удобный, милый и недорогой, а комнаты наши огромные, Святослава же взяла на две недели Miss Cobbe, мы решили остаться здесь до пятнадцатого июля, до возвращения Дягилева и окончательного решения вопроса с балетом.

Вечером были у Боровских, говорили о Кусевицком, который в этом году закинул нос и стал менее приятным: Бостон вспенил ему мозги. Между прочим, наше издательство приняло в своё лоно Дукельского, частью из-за моих интриг, частью из-за того, что Дягилев дат его балет, - а теперь вдруг решило не печатать «Зефира»: и успех был не так велик, и многие ругают, да и денег у издательства не хватает.

29 июня

Был у Эберга. Он в бешенстве на Кусевицких: «Всё время вмешиваются в дела

издательства, а денег не дают». Между нами, не лишне, что они вмешиваются в дела такого мямли, как Эберг («шарик больше не варит», говорит он, тыкая себе в лоб), но что денег не дают - свинство. Деньги у них есть. А для того, чтобы устранить затор с печатанием моих сочинений и начать печатать Дукельского, надо-то всего пустяк.

Был у меня затем Дукельский, он страшно взволнован: Эберг сказал ему, что «Зефира» печатать не будут. Дукельский кипятился и говорил, что Engel у него возьмёт сразу и даже лучший гонорар заплатит, но я уже от Орика знал, что Engel после среднего успеха «Зефира» охладел к идее его издать. Я посоветовал Дукельскому: «Не ходите вы ни к Engel'ro, ни к Эбергу, а пойдите к Кусевицкому. Поймите: отказ Эберга был не принципиальный, а материальный - Кусевицкий урезал ему денежный источник. Если вы поговорите с Кусевицким, то, может, найдутся и деньги, и всё наладится. Поезжайте к нему завтра в двенадцать; я знаю, Кусевицкий назначил Эбергу в двенадцать, вот вы обоих и застанете».

Затем случайно на огонёк зашёл Н.Черепнин. Я познакомил его с Дукельским и заставил Дукельского играть «Зефира». Знакомство не лишено было пикантности, так как у Черепнина-сына были с Дукельским бурные стычки. Но папаша оказался на высоте и (кажется, очень искренне) расхваливал «Зефир».

Затем мы с Пташкой нарядились и отправились к Princesse Polignac, у которой сегодня был прощальный вечер. Очень шикарный и скучный. Играл сегодня Артур Рубинштейн. Но народу было меньше, чем на моём, и вечер прошёл более вяло. Сезон кончился, многие разъехались.

30 июня

Были у Baronne de Brimont, есть такая писательница. Она читала мне свою пьесу из индийской жизни по документам её друга, русского учёного Голубева, который и сейчас сидит в Индокитае. Пьеса пышная и нелепая. От меня требуется написать музыку. Я отделался всякими софизмами и увёз пьесу с собой.

Обедал у нас А.Н.Бенуа, очаровательный человек. Затем я играл ему «Скифскую сюиту» и мы планировали с ним сюжет - для Иды. Затем с Пташкой были у Кедровых: там старая гвардия: Жеребцова-Андреева (постарела, потолстела, о своё кумире Б.Н. отзывается сухо), Купер, Штейнберг. Последний передавал мне (не без торжественности) официальное приглашение от Ленинградской Филармонии, но я возражал, что прежде, чем мне не будет обеспечен обратный выезд из России, я не хотел бы начинать даже переговоров. Однако я очень не хочу, чтобы Оссовский и Ленинградская Филармония сочли бы такой отвод для себя обидным. Этот отвод не против неё, а против паспортной системы. Купер был мил, хотя он вообще неважный человек, - дирижёр очень недурный. Он теперь с успехом дирижирует в Испании. Предложил приехать ко мне, чтобы послушать мои сочинения.

1 июля

Был у Коханского, возились с Ор.35, перелаживая его для скрипки. Уже давно надо было что-то написать для скрипки и фортепиано, особенно после успеха Скрипичного концерта. Я даже решил, что займусь этим в августе. Но Цецилия как-то взяла вторую «Песню без слов» и мы её живо приладили для скрипки. Тогда я решил переделать весь опус, но работать не с наивной Цецилией, а с блистательным на этот счёт Коханским. Коханский охотно согласился. Как раз он только что работал со Стравинским над переложением «Пульчинеллы». Итак, сегодня я отправился к Коханскому, предварительно всё наметив вчерне, особенно

в пятой, где середину я порядочно видоизменил. Проработали мы с Коханским два часа и перевернули почти весь опус. Коханский замечательно талантлив и изобретателен, что, впрочем, известно решительно всем. Окончание отделки отложено до его возвращения из Лондона. Коханский страшно восхищался пьесами, я думаю (надеюсь), что искренне.

Дукельский явился обедать сияющий: он был у Кусевицкого, застал и Кусевицкого. и Эберга, играл вариации. Кусевицкий сказал, что это великолепно, что он, когда первый раз слушал в оркестре, ничего не понял, и что, разумеется, будет печатать и даже заплатит шесть тысяч франков.

После обеда мы собрались идти на выставку, где к нам должны были ещё присоединиться Захаровы и Самойленки. Дукельский за обедом (в пансионе общий стол) увидел молодую американку (еврейку), знакомую Miss Olmsted, только что приехавшую из Америки. Он сразу впился в неё и стал тихо нас упрашивать, чтобы взяли и её на выставку. Мы её совсем не знали, но желая доставить Дукельскому удовольствие, переговорили с Miss Olmsted, и в конце концов обе они присоединились к нам. Дукельский ухватил молодую девицу под руку и так с ней больше не расставался: впрочем, она знаков неудовольствия не выражала. Наша компания очень этим потешалась, особенно над силуэтом Дукельского, на котором был серый костюм с необычно широкими брюками. Он утверждал, что это самая последняя мода и что он совсем недавно сшил себе этот костюм у превосходного портного в Лондоне. Я же распускал слух, что это Сувчинский подарил ему свой старый костюм, и оттого он так широк. Мы катались с гор. Горы здесь совершенно невероятны по своей жестокости. Вагонетки несутся со скоростью сто вёрст в час, почти по вертикальному спуску, подымаются, снова летят с не менее крутой горы, и так четыре раза, не давая опомниться. Чувствуется, как колёса тычутся о рельсы, стремясь соскочить, - в результате впечатление действительно пресильное: когда сходишь, то будто залпом хватил большой стакан шампанского. Дукельский так трусил перед поездкой, что нарочно оттёрся и не попал в первый поезд, с которым уехала вся наша компания. Пришло ещё три поезда, и только у четвёртого я встретил его с его девицей. «Ну как?» - спросил я его. «Вовсе не страшно. Совсем не страшно», - ответил он, белый как бумага. Американка рассказывала, что когда вагоны летели с горы, он закрывал лицо руками и сгибался пополам головою в собственные колени. Однако, пока вагоны поднимались, он пытался за нею ухаживать. Затем вагоны снова неслись вниз, и он снова тыкался в колени, и так далее, через все четыре горы. Мы хохотали до упаду.

2 июля

Работал над Op.35, приводя в порядок то, что наметили вчера с Коханским. Вообще пора работать. Хорошо было в деревне, но уже решили ждать Дягилева, да и с Идой всё ещё не кончено - слава Богу, скоро уже два года как тянется! Только жаль, наш симпатичный пансион закрывается. Придётся опять куда-то переезжать.

Б.Н. прислал письмо с просьбой о ста франках, на этот раз в более независимом тоне: «Через несколько дней я вам верну». Тем не менее это письмо меня рассердило: за последнее время Б.Н. ведёт себя по отношению ко мне, как самый заправский интересант[27]. Даже на Симфонию, ни на репетицию, ни на концерт не явился, хотя я посылал ему письма и билет. А слышно о нём только тогда, когда нужно попросить деньги. Две, три, четыре недели молчания, а затем письмо или визит: «Серж, если вам не трудно, то сто». Вместо денег я написал ему

[27] От intéressé, т.е. руководствующийся только собственным интересом.

пробирательное письмо, но затем стало жалко его, и в конце концов я ничего ему не послал, ни денег, ни письма. С тех пор он канул в воду. Но в самом деле, у него сестра с миллионами, брат с тысячами, а сам он, кроме всего прочего, совершенно не желает работать: за год несколько слабых сонетов, не говоря уж просто о добывании себе хлеба.

Рассуждения о времени в связи с мыслью, которая мне раньше приходила в голову, - что в той жизни, в вечности, вообще нет понятия о времени, т.е. что время связано только с этой нашей жизнью. Теперь такая мысль: время, поскольку мы его знаем, имеет только одно измерение, и даже пол-измерения, так как в этом одном измерении мы можем двигаться только в одном направлении, а не в двух. Даже если на первый взгляд кажется, что при помощи памяти мы можем двигаться назад, то это неверно: при помощи памяти мы можем захватить какой-то отрезок времени, находящийся позади, но двигаться по этому отрезку мы будем опять-таки вперёд. Например, если мы вспоминаем вчерашнюю автомобильную поездку, то мы не можем заставить нашу память действовать так, чтобы автомобиль ехал задним ходом по направлению к тому месту, откуда мы приехали. Нельзя ли представить себе, что в «той» жизни время имеет не одно измерение, а, как и пространство, три (а может быть и то, и другое по четыре?!). Чтобы такое предположение не было сухой схоластикой, я пробовал вообразить, в чём могут заключаться эти два другие измерения времени, ширина и толщина. Известно, что время иногда протекает бесцветно, когда, оглянувшись назад, трудно сказать, сколько это было, неделя или месяц; бывает и наоборот - в какой-нибудь час впечатлений столько, что от них потом не опомнишься целый год. Нельзя ли это рассматривать как намёк на большую или меньшую толщину времени? А если допустить такой намёк, то от него можно много фантазировать, представляя себе движение во времени в таком направлении. Третье измерение времени - ширина - может быть отождествлено с вездесущием. Не следует думать, что, говоря о вездесущии, я здесь сбиваюсь со времени на пространство, ибо вездесущие надо понимать не только как свойство быть одновременно в разных местах пространства, но и как способность единовременно воспринимать различные мысли (Бог одновременно воспринимает различные молитвы миллионов людей). Я не настаиваю, что другие измерения времени именно таковы; может быть, они совсем иные; это только пример того, как их можно себе воображать, ибо на первый взгляд кажется, что вообще нет возможности вообразить себе какие-нибудь другие измерения во времени.

Всё это, конечно, не даёт разрешения вопроса о вечности с точки зрения бесконечности времени, как увеличение количества измерений в пространстве не разрешит вопрос о бесконечности пространства. Но допущение трёхмерного времени, по которому ещё вдобавок можно двигаться в разных направлениях, заставляет многие вопросы ставить иначе, чем до этого допущения.

3 июля

Так как Романов заказал переделать вальсы Шуберта для двух роялей, чтобы так давать их балетно, и попросил приписать ещё вступление к квинтетному балету (что, разумеется, не войдёт в Квинтет концертный), и платит за это пять тысяч франков, а я сейчас свободен, то сел за работу, за вальсы и. подсыпая к ним разные украшения, провозился всё утро с увлечением. Когда я делал вальсы Шуберта для двух рук, задание было другое: там я был, наоборот, страшно строг, старался почти не менять Шуберта, и целью моей было только «выбрать и сомкнуть в сюиту». Теперь, наоборот, хотелось разукрасить их и сделать пикантную пьесу для двух роялей.

Во время работы ввалился вдруг Дукельский. Я был очень недоволен, что меня прервали в самом разгаре, и сказал ему: «Уходите, уходите, милый, я страшно занят, я работаю». А так как я видел, что Дукельский совсем не спешил уходить и чего доброго мог остаться в соседней комнате ухаживать за американкой, я закричал: «Пташка, пожалуйста, убери Дукельского». Пташка действительно довольно быстро и мягко его выпроводила, причём Дукельский смущённо лепетал: «Я пришёл, потому что я очень хорошо отношусь к Сергею Сергеевичу, я понимаю, что он работает, но я не понимаю, почему так решительно...». Словом, был обижен. Затем он уехал в Лондон и временно исчез с горизонта.

Днём с Пташкой ездил в кинематографическую студию, где Бенуа руководит художественной частью постановки большого фильма из жизни Наполеона. Я первый раз был на съёмке и это было мне очень интересно. В огромном сарае (или, если угодно, зале) была поставлена сцена, комната на Корсике. Разыгрывалась сцена очень незначительная, что, однако, не помешало начинать её сызнова раз пять. Крутятся три аппарата, режиссёр орёт в рупор, а главное, слепит невероятно яркое освещение: целый ряд прожекторов, устремлённых на сцену. Я удивляюсь актёрам, как они могут выдерживать такие лучи. У меня, стоя в тени, и то покатились слёзы. Говорят, гораздо интересней, когда снимают толпу в триста человек.

4 июля

Говорил по телефону с графом Сан-Мартино, который на вечере Princesse Polignac предложил же устроить турне по Италии. Это уже не в первый раз, но на этот раз кажется серьёзно. Завтракал у Романова. Зак сделал три различных эскиза для моего квинтетного балета, очень милые. Романов всё ещё не придумает заглавия.

5 июля

Продолжал переделывать вальсы на два рояля. В три часа у Коханского, который снова в Париже, проездом из Лондона на юг. Дочистили Op.35. Я предлагал поставить в издании, что «переделка Коханского и автора», но он отказался и был очень доволен, когда я ему посвятил три песни. Одна Цецилии (та, которую она играла) и одну Сигети, который по-настоящему лансировал мой Концерт, в то время как Коханский осторожно жался, а Цецилия вовсе ничего в нём не понимала.

7 июля

Пришлось расстаться с нашим симпатичным пансионом ввиду его закрытия и переехать в отель Terminus, против Gare Montparnasse. Дорого, тесно и шумно. С Бенуа были у Рубинштейн, опять игралась мною «Скифская сюита», а Бенуа обдумывал сюжет. Я спросил у Иды, в каком же, наконец, положении вопрос с «Юдифью». Она сказала, что Головин, который будет писать декорации, получил визу и недели через три из Ленинграда приедет в Париж. Для заключения условий со мною она пригласила меня через три дня. Пора, два года собираемся!

8 июля

Так как Романов в течение лета, по-видимому, будет репетировать мой балет (и даже два, если считать вальсы Шуберта) и так как вообще дела с Парижем никак не хотят завершаться, то решили искать дачу неподалёку от Парижа, часах

в двух, и сегодня с Пташкой встали рано и поехали в северном направлении. По совету Blois вышли в Vernon, небольшом городке, где вокруг красивая campagne, с лесами и рекой. В агентстве получили несколько адресов, взяли автомобиль и объехали окрестности, где были свободные дачи. Одна мила и удобна, стоит отъединённо. Недостаток - нет сада. Затем проехали дальше, в Les Andélis, но ничего путного не нашли. Вообще было приятно после города проехаться, но очень устали и вернулись домой поздно.

10 июля

Утром ездили в Sèvres объясняться с налоговым инспектором, который закатил мне за лапинскую дачу жилищный налог в девятьсот франков. На моё возражение, что в течение 1924 года я жил в этой даче неполных три месяца, выяснилось, что если бы я въехал в дачу тридцать первого декабря, то всё равно я плачу за весь год. Но если я въехал второго января и выехал тридцать первого декабря, то выходит, что я ничего не плачу. Словом, во французских налогах роковая дата первое января. Боюсь однако, что придётся-таки эти девятьсот франков заплатить, хорошо хоть дают срок в шесть месяцев. Хотел побывать на могиле мамы, но не поспел, не вышло с поездами.

Днём отправился к Иде, уславливаться об «Юдифи», но негодяйка, назначив мне свидание, куда-то уехала. Это уж свинство!

Из Terminus переехал в Victoria Palace, так как в Terminus не позволяли перевезти рояль. В Victoria попали в комнату Сталей, ту, в которой я когда-то гостил. Самойленки говорят, они недавно видели Сталя. Он спросил: «А как мой сын? (т.е. я). Я его по-прежнему люблю». Это мило, но зачем же он тогда сподлил?

11 июля

Не найдя дачи к северу от Парижа, поехали к югу, вблизи Fontainebleau, так как нам хотелось около леса, да кстати и Пташкин учитель пения, уроками которого она очень дорожит, будет летом в тех краях. Были в agence de Fontainebleau, видели несколько дач в соседних местностях (в самом Fontainebleau сохрани Бог); затем подвинулись южней, в Moret, там тоже нашли мало хороших; наконец, хотя совсем уже устали и уже вечерело, проехали ещё дальше, в Montigny, и здесь, в Marlotte, видели три дачи, которые все показались приемлемыми. Одна из них, чистенькая, заново отделанная, в которой сам хозяин ещё не жил, нам совсем приглянулась. Решили обдумать, если да, телеграфировать согласие.

12 июля

Завтракал с Сувчинским, который это время был невидим. Разговор всё время, естественно, о «большевицком балете». Сувчинский говорил, что он думал об этом и, не раскрывая карт, беседовал с людьми умными и недавно из России приехавшими, в том числе с художником Рабиновичем и с Эренбургом. Последнего он не очень любит, но считает человеком умным и интересным, пускай неприятным и неприятно мыслящим. Общий вывод: такой балет сделать невозможно. Положение так остро, что нельзя написать балет нейтральный, надо делать его или белым, или красным. Белый нельзя, потому что невозможно изображать современную Россию русскому композитору через монокль Западной Европы; да кроме того, разумно ли мне отрезать себя от России теперь, когда там как раз такой интерес к моей музыке? Красный балет делать тоже нельзя, так как он просто не пройдёт перед парижской буржуазной публикой. Найти же нейтральную точку,

приемлемую и с той стороны, и с этой, невозможно, ибо современная Россия именно характеризуется борьбой красного против белого, а потому всякая нейтральная точка будет нехарактерна для момента. «Кто не с нами, тот против нас», поэтому нейтральная точка вызовет отпор и оттуда, и отсюда.

Выйдя из ресторана, мы в кафе нашли Эренбурга, с которым Сувчинский познакомил Пташку и меня. У него интересное лицо, но, засыпанный табаком, с гнилыми зубами, небритыми щеками и ссохшимися нестрижеными волосами, он напомнил лесной пень. Говорил он охотно, но в его манере себя держать было что-то неприятное. Чувствовалось также, что этот человек прошёл какую-то революционную школу, которая мне неизвестна. Он рассказывал много интересного, многое казалось привлекательным в современной Москве.

О балете - то же, что Сувчинский.

Затем мы расстались с ним и с Сувчинским. Я сказал последнему, что завтра или послезавтра возвращается из Лондона Дягилев, произойдут окончательные разговоры про балет. Но Сувчинский ответил, что он, в сущности, всё уже сказал, и от дальнейшего пытался уклониться. Чистоплотный Понтий Пилат! Пилат, наверно, потому умыл руки, что боялся микробов от иудейской черни. Так, вероятно, он объяснит, если потребовать его дух к ответу.

13 июля

Решили взять дачу в Marlotte и послали телеграмму. Получили телеграфный ответ, что дача за нами. Неизвестно, хорошо ли выбрали, но во всяком случае чисто, да и нельзя быть особенно требовательными, снимая дачу в середине лета. Приятно чувствовать, что дача снята и ждёт нас.

От Идки ни извинения, ни вообще какого-либо signe de vie[28] после её свинского поступка. Ввиду тех сложностей, которые возникали в связи с сюжетом дягилевского балета, я решил ещё раз попробовать снестись с Рубинштейн и сегодня послал ей телеграмму, что на днях покидаю Париж и до отъезда хотел бы знать условия.

Думал, что вечером приедет Дягилев из Лондона, и ходил справляться в Grand Hôtel. Там мне ответили, что я не первый справляюсь о нём, но он не приехал.

14 июля

Национальный праздник, на улицах масса народу, танцуют около кафе на тротуарах. Вместо Рубинштейн телеграмма от её dame de compagnie[29], Mme Régné: Ида уехала в Италию, но скоро вернётся. Вот свинья! Надо улаживать с Дягилевым, а это дело к чёрту.

Обедал у нас Романов. Я наигрывал ему вступление, которое по его заказу сочинял эти дни к балету.

15 июля

От Бальмонта очень милое примирительное письмо, но я как-то отошёл от него. Подумать: он в St.Gilles - и въехал в нашу прошлогоднюю дачу!

Ходил опять в Grand Hôtel, но Дягилева нет, и даже он не задержал комнату на ближайшие дни. Послал ему телеграмму: когда же? Дача снята, пора начать работать, а тут всё ещё неизвестность.

[28] Признак жизни (фр).

[29] Компаньонка.

16 **июля**

Был Marnold, вернул партитуру 2-й Симфонии, которую он всю проанализировал и про которую готовит огромную статью. Он в восторге. Кажется, это единственный настоящий поклонник моей Симфонии. Удивительней всего, что этому человеку за шестьдесят лет. Был ещё Романов с пианистом, который будет аккомпанировать мой балет (Квинтет) во время репетиции. Поэтому я играл два раза Квинтет и новую увертюру к нему. Марнольд в восторге и от Квинтета. Романов хочет, чтобы я приписал ему номер - «Matelote». В коридоре отеля сговорились о цене: две тысячи франков. Я, конечно, беру заказ: пока только от Романова реальные заказы.

От Дягилева телеграмма: приезжает завтра. Раз из Лондона, значит вечером.

17 июля

Под вечер ходил в Grand Hôtel: никакого Дягилева. Тогда я пошёл к Нувелю: оказывается, приезжает в одиннадцать часов вечера и остановится не в Grand Hôtel, а в Hôtel Vouillemont - это чтобы не приставали ненужные люди, особенно те, которые будут требовать деньги.

18 июля

Дягилев наконец приехал и сегодня мы завтракали: он, я, Кохно, Лифарь (слово, построенное по тому же принципу, как свинарь, звонарь etc.), Нувель и «Пашка», премилый старичок, кузен Дягилева. Я спросил Дягилева: «Вы непременно настаиваете на большевицком балете?» Дягилев: «Непременно: я перед отъездом из Лондона даже говорил немного об этом с Раковским, нашим послом». «Нашим?» Дягилев усмехнулся: «Ну да, вообще, российским». Я тогда изложил точку зрения Сувчинского, говоря, что мне она представляется вполне разумной. Но Дягилев пропустил всё это мимо ушей. Он воскликнул: «В России сейчас двадцать миллионов молодёжи, у которой... (тут нецензурное выражение о прославлении полового желания). Они и живут, и смеются, и танцуют. И делают это иначе, чем здесь. И это характерно для современной России. Политика нам не нужна!» Я сослался на мнение Эренбурга. «Очень хорошо, - сказал Дягилев, - давайте постараемся достать Эренбурга и поговорить с ним». Затем он указал на художника Якулова, недавно приехавшего из России и проведшего там всю революцию. На большой выставке, в русском отделе, он выставил ряд моделей своих декораций для московских театров, также проект памятника, который был ему заказан в память каких-то революционеров, погибших в Баку. Я тоже был на выставке и видел это. Как конструктивные декорации, так и памятник (огромная многоэтажная башня, спирально взлетающая вверх) меня очень поразили, а потому я был непрочь встретиться с Якуловым. Решено было, что после завтрака Кохно и я отправимся за Якуловым и Эренбургом (адресов которых мы не знали) и постараемся собраться у Дягилева в пять часов. Чтобы найти Эренбурга. я посоветовал поехать в кафе, где я с ним познакомился, так как он сказал, что всегда сидит там в два-три часа дня. Кафе было почти пустое, но Эренбург сидел. Поговорив с ним недолго, получив от него согласие явиться к Дягилеву в пять и достав от него адрес Якулова, мы поехали к Якулову. Но его не было дома. Оставили записку и поехали к Сувчинскому. Застали. Кохно философствовал о значении либретто в балете, а мы в душе посмеивались над ним. Но важно, что теперь Кохно уже сам подчёркивал свою некомпетентность в либретто из жизни современной России - стало быть, почувствовал, что наступило время очистить поле битвы. Угроза, что мне придётся

работать с ним, прошла. Затем Кохно ушёл, а мы с Сувчинским потихоньку отправились к Дягилеву, так как время уже шло к пяти часам. Вскоре туда явился Эренбург и мы довольно долго сидели в большом и светлом салоне Hôtel Vouillemont, пока наконец появился Дягилев. Разговор начался несколько нелепо и в конце концов свёлся к разговору Дягилева с Эренбургом. Сувчинский упорно молчал и вставил, кажется, два незначительных замечания. Я тоже сидел и слушал. Разговор часто уклонялся от темы и, например, на довольно долгое время свёлся к спору о том, что же такое конструктивизм. Вообще же Дягилев выспрашивал о России, а Эренбург рассказывал. В этот день дело ничем не кончилось. В восемь часов пора было расходиться. Дягилев взял адрес Эренбурга и обещал с ним снестись в ближайшие дни. Мне же сказал, что завтра надо сделать другое заседание с Якуловым.

19 июля

Утром опять собрались в салоне Hôtel Vouillemont, но на этот раз Якулов, я, Дягилев, Лифарь и Кохно. Якулов - человек лет сорока, ясно подчёркнутого армянского типа, в необыкновенном фиолетовом жилете. Он принёс целую папку рисунков и эскизов его бывших постановок в Москве, также проект бакинской башни. Всё это он показывал нам, главным образом Дягилеву, и очень много объяснял, правда довольно путано и многословно. Общее впечатление, что он чрезвычайно хотел заинтересовать Дягилева, но не знал, чем он заинтересуется, а потому всё время щупал почву, показывая то один тип, то другой, и всё время заливая Дягилева потоками туманных объяснений. На вопрос Дягилева, можно ли сделать балет из современной русской жизни, он ответил, что бесспорно можно. На вопрос о том, надо ли сотрудничать с Эренбургом, он ответил уклончиво, очевидно не зная, в каких Дягилев отношениях с Эренбургом, но тут же дал понять, что в случае чего можно обойтись и без последнего. Результат заседания: как будто Дягилев остался доволен Якуловым, но сюжет пока ни с места. Решено, что сегодня я перееду в Marlotte, но через два дня вновь приеду к Дягилеву. Дягилев же ещё тем временем потолкует с Якуловым, а Якулов подумает о сюжете.

В 4.22 Пташка, я, Святослав и молодая шведка (новая няня, очень приятная) выехали с Gare de Lyon в Marlotte. Хотя один сундук в American Express, а два ящика в издательстве, всё же у нас было двадцать пять вещей.

До станции Bourron, где нам надо выходить, два часа езды. Выехали при хорошей погоде, выгружались под проливным дождём. Там нас ждал заказанный по телеграфу фургон. От станции до дачи полтора километра. Хозяин встретил нас с зонтиком, был очень мил, таскал сундуки - это вам не свиная морда Лапина. Внёс ему 1800 франков за полсрока, затем он сдал инвентарь (всё чистенькое, новенькое, с иголочки), сел на велосипед и уехал. Очень приятный француз. Мы заснули как убитые, наслаждаясь тишиной.

20 июля

Дача оказалась много лучше, чем нам показалась раньше. Соседей почти нет: через дорогу школа, летом пустая, и секретариат мэрии; через другую дорогу одинокая фермерша. Вот и всё. Стало быть тишина, ни пения, ни фальшивого фортепиано, ни граммофонов. Место открытое, уютные французские поля с отдельными деревьями, но в сотне шагов начинается фонтенблосский лес, который тянется на десятки километров - масса прогулок: и в лес, и по полям, и к реке. В нашем владении не очень большой, но с многими цветами сад. Сам дом с ванной, электричеством, удобным креслом в моём кабинете - словом, мы все довольны. Я

сел за работу, но пока нет рояля и с Дягилевым не договорились, занималсяприведением в окончательный порядок Op.35bis.

21 июля

Поехал в Париж к Дягилеву. Далеконько: больше двух часов езды. Хорошо бы прикончить в одну поездку. Опять заседание в самом отеле: Дягилев, Якулов и я. За моё отсутствие Якулов предложил Дягилеву схему балета. По его мнению, балет должен состоять из трёх звеньев, характеризующих три различных момента большевизма: первый - на Сухаревской площади (мешочники, комиссары, толкучка, матросы в браслетах); второй - НЭП (комический номер разбогатевших проныр); третий - на фабрике или на сельскохозяйственной выставке (большевистская Россия начинает строиться). Дягилев и я одобрили план, но Дягилев возражал против второго звена - НЭП'а, говоря, что, в сущности, это - высмеивание нуворишей, что не ново для Парижа, так как их и здесь расплодилась масса после войны. Якулов защищал свой план, но сразу согласился урезать вторую часть. Полный балет он изобразил тогда графически в виде трёх дисков, расположенных в ряд, причём крайние наползали на средний и охватывали часть его. Таким образом средняя часть балета, НЭП, выходила короткой, но в конце предыдущей и в начале последующей должны были перемешиваться элементы его. Дягилев не возражал; я сказал, что не вижу, как музыкально изобразить НЭП. Якулов ответил: «Это скерцо».

Затем Дягилев извинился, что у него дела, и велел Кохну вести нас завтракать. Так как Кохно начал опять немного вмешиваться в обсуждение сюжета балета, то я решил ставить его на место и, едва мы расстались с Дягилевым и вышли на улицу, стал приставать к нему, что у него небритый подбородок и что с таким человеком совершенно неприлично идти завтракать. Кохно, который красив и очень занят собой, подошёл к зеркалу в какой-то витрине и согласился.

- Пожалуйста, поезжайте и выбрейтесь, - сказал я.
- После завтрака.
- Нет, до завтрака, вы отбиваете аппетит.
- Сейчас все парикмахерские закрыты.
- Нет, уже два часа, они только что открылись.
- Сергей Сергеевич, надеюсь, вы не серьёзно...
- Совершенно серьёзно: нельзя же завтракать с мопсом vis-à-vis. Идите, мы займём столик в ресторане и подождём вас.

Кохно пожал плечами и отправился бриться. Мы с Якуловым, беседуя о балете, отправились в ресторан, куда минут через двадцать присоединился Кохно.

- Приятно видеть красивого человека, - сказал я, когда он уселся напротив.
- Но не всегда приятен вид требовательного человека, - парировал Кохно, но вёл себя скромно.

Якулов рассказывал, что он в молодости много занимался музыкой и даже одно время готовился к музыкальной карьере, но рано оставил эту мысль. Он провёл на фронте всю войну, был ранен и имел ордена. Оттого во время революции, когда в Москве шла стрельба, он мог спокойно заниматься живописью. Затем он всё время жил в России и вполне сросся с новым режимом. Он немного нелеп, и кроме того, многое у него кажется чуждым, как у всякого человека, пережившего большевизм в России и хотя бы частично принявшего его.

Мы вернулись к Дягилеву. Дягилев сказал, что схема Якулова в общих чертах приемлема, но схемы мало, надо её подробно разобрать. Якулов ответил, что у него много материала и мыслей, Дягилев сказал, что его отъезд снова откладывается, а так как сейчас сюжет ещё не стоит на ногах, то надо, чтобы я

приехал ещё раз , к тому же времени Якулов окончательно разработает свой план.

Якулов пообещал кроме того принести несколько рисунков костюмов и схему декораций. На этом расстались. От поездки в Париж, видимо, не так скоро отделаешься.

Вернувшись домой, я нашёл привезённое пианино, а также письмо от Сигети, где тот просил меня приехать к нему в Париж и повидать Красина - представителя Всероссийской Филармонии, брата посла, - у которого было дело ко мне. Вращаясь всё время в антибольшевистской среде, я привык, что с большевиками не надо общаться, иначе «это может запятнать». Но из письма Мясковского я знал, что этот Красин милый человек; кроме того, меня заинтересовало, что за дело может быть ко мне; наконец, у меня были все резоны побывать у Сигети, - поэтому я ответил последнему, что через два дня буду в Париже и зайду к нему, чтобы передать пьесу, посвящённую ему.

Я имел ввиду переделку Op.35: три из них я посвятил Коханскому, одну Циле (ту, которую она играла) и одну Сигети, как главному исполнителю моего Скрипичного концерта. В сущности, эти пьесы посвящены Кошиц, но она еле-еле поёт одну из них, а переделки ведь кажется можно посвящать! Вот-то Кошиц будет в бешенстве!!

22 июля

Кончил отделывать Op.35. Пошлю Коханскому на окончательный пересмотр.

Письмо из Магдебурга: интересуются «Шутом» в целях постановки. Приятно: и маленькие города начинают интересоваться мною.

23 июля

Начал оркестровую увертюру для романовского балета. Идёт легко.

Письмо от жены Лапина, очень злое. Предъявляет счёт в полторы тысячи франков за dégâts[30]. Были взволнованны, возмущены; обсуждали, как действовать. Чёрт бы их драл. Уже и так богаты.

24 июля

Опять в Париже. Якулов притащил несколько эскизов костюмов (комиссар, матрос), очень интересных; также эскиз декорации, вся стального цвета, с площадками разной высоты. Дягилев хвалил; я удивлялся: до сих пор он всегда старался сладить декорации как можно портативнее - для перевозок. Как он будет перетаскивать всю эту сложную конструкцию - непонятно. Итак, зрительная часть сюжета несколько выяснилась, но сам сюжет всё ни с места. Якулов обещал разработать к сегодняшнему дню свои три «сферы», но его объяснения были так туманны и так общи, что Дягилев заволновался: «Надо просто-напросто кому-нибудь заказать сюжет, иначе мы никогда с места не сдвинемся. Сюжет выдумать нетрудно, но нельзя подгонять к Советской России какую-нибудь западноевропейскую интригу. В России сейчас и думают, и любят, и веселятся иначе, поэтому сюжет этот может написать только советский писатель». Но кто? Думали. Никого в Париже нет. Вернулся к Эренбургу. Мы с Якуловым морщились. Эренбург - avant dernier cri[31]. Дягилев говорил, что наоборот. Эренбург произвёл на него очень хорошее впечатление; пускай он неприятный человек, но он умён и

[30] Ущерб (фр).

[31] На крайний случай (фр).

наблюдателен. Мы уступили, однако советовали привлечь Эренбурга только как консультанта. Т.е. чтобы не было «либретто Эренбурга», а просто использовать его советы, сведения, заплатить ему деньги, а либретто уже мы разработаем сами. Словом, выжать и отстранить. На этом расстались, а через два дня пожалуйте опять в Париж.

Поехал я к Сигети. Сам был в отъезде, была только жена и Б.Б.Красин, который, оказывается, у них остановился. Красин - высокий мужчина, с выдающимися скулами, грубоватым лицом, но приятный; несколько семинарского типа. Говорит простовато, но в то же время старается говорить красиво, при этом морщит переносицу. С ним молодой еврей, хорошенький мальчишка, спокойный и самоуверенный. Я не мог отделаться от мысли, что Красин - не коммунист, а мальчишка состоит при нём, коммунист и «око Москвы».

- Ну что-ж, Сергей Сергеевич. - начал Красин. - надо ехать в Москву!

Я ответил:

- По-моему, тоже надо.

- Вот я вам предложение от ЦИК'а привёз.

Он вынул бумагу и развернул. Я машинально протянул руку, чтобы взять, но он, повернув бумагу так, чтобы и я, и он могли её видеть, не выпуская из рук, начал читать. Я замял моё движение, решив, что ему, может быть, не велено отдавать мне бумагу.

Красин прочёл предложение ЦИК'а написать «киносимфонию» (!) к двадцатилетним торжествам в память революции 1905 года.

- Если вам трудно подгонять музыку к фильму, то вы просто можете написать увертюру и отдельные номера. По поводу юбилея соберутся представители со всей России, и будет торжественный акт в Большом театре.

Он прибавил:

- Я говорил - «Прокофьев дорого запросит», - и мне ответили: ну что-ж, заплатим.

Но разумеется, предложение принять нельзя было. Принять - значит подписаться под большевизмом, и тогда прощай моя деятельность в буржуазных странах! Я не говорю уже о том, что мне всякое участие в политике противно. Однако надо было не обидеть Красина. Я спросил:

- А когда надо, чтобы это было готово?

- К Новому году.

- Ой, боюсь, что заказ приходит слишком поздно: я только что принял другой заказ от Дягилева. Оба я не сделаю, а от Дягилева отказаться я уже не могу.

Красин сказал:

- Ну, подумайте, Сергей Сергеевич, и потом дайте ответ.

С этими словами он положил бумагу на стол, но я остерегался её трогать. Затем он заговорил о концертном турне в России, на которое он хочет меня пригласить от имени Государственной Филармонии. Так как я очень торопился к Дягилеву, то решили, что в следующий мой приезд я опять зайду к Сигети, и тогда мы опять поговорим о концертах. Кстати, он узнает, где остановился Экскузович, который только что приехал. Я сказал, что очень бы хотел поговорить с Экскузовичем о предстоящей постановке «Апельсинов». Красин сказал: «И Экскузович очень хочет видеть вас».

Я вернулся к Дягилеву, но ничего нового не прибавилось. Решено, что завтра он увидит Эренбурга и будет стараться его «выжимать». Затем через два дня я должен снова вернуться в Париж. Якулов поехал провожать меня на вокзал. Я ему сказал: «Вы всё говорите, что у вас для сюжета масса материала, а когда дело доходит до того, чтобы изложить его, вы бродите в каких-то туманах». Якулов стал рассказывать материал: тут и папиросники, и дамы в абажурах, переделанных

в шляпы, тут и жулики, которые, спасаясь от комиссаров, перебрасываются с одной площадки на другую на верёвках, прикреплённых к потолку, и рабочие, работающие на фабрике молотками (прекрасно! молотки в качестве ударных на сцене!), и оратор с книгой, привязанной к нему на резинке, - когда он бросает книгу, она сама к нему возвращается. Передо мною предстала целая картина большевистского балета. Я сказал: «Действуйте, у вас масса материала; его только надо влить в крепкую форму - и сюжет готов, никакой Эренбург не нужен». «Я всё время это и говорю». - ответил Якулов. Но как раз у него этого дара - спаять всё в одно крепкое целое - и не было.

25 июля

«Как хорошо было в деревне!»

Кончаю оркестровку увертюры к балету Романова.

26 июля

Переложил увертюру для фортепиано.

27 июля

Ещё раз в Париж. Выехал в семь утра, вернулся в одиннадцать ночи. Побывал в издательстве и, так как до Дягилева ещё оставалось время, зашёл к Сувчинскому, которого застал вылезающим из постели. Я рассказывал ему про ход дел с балетом, он отвечал: «И всё-таки я не вижу, как можно создать такой балет». Затем он рассказывал, как Вера Гучкова, которая приходится Рахманинову родственницей, на днях была у последнего. Рахманинов выдал дочку за светлейшего князя Волконского и так как князь учится живописи в Париже, то решил провести лето в ненавистной Франции, ненавистной потому, что здесь над его музыкой смеются. Рахманинов снял великолепный замок близ Версаля; подле него в скромной даче поселился Метнер. Оба часто встречаются. Когда приехала Гучкова и затем явился Метнер, Рахманинов, смеясь, сказал: «Вот, Николай Карлович, я заранее наслаждаюсь, как вы сцепитесь: Вера Александровна - поклонница Стравинского и Прокофьева, а ты их терпеть не можешь». Метнер рассердился: «Тебе хочется веселиться и устраивать из этого представление, а я вот ночей не сплю, стараясь разрешить эту загадку!» Бедный Метнер!

Я отправился к Дягилеву. Дягилев повидал Эренбурга, но у меня создалось впечатление, что во время этого свидания не Дягилев высосал Эренбурга, а Эренбург слопал Дягилева. Дягилев говорит, что он всячески старался объяснить Эренбургу, что он нужен нам не как ответственный либреттист, а как советчик. Дягилев: «Я даже говорил ему, что Прокофьев всегда пишет на своё либретто, что он пренеприятный человек и не любит никакого сотрудничества», но Эренбург на это ответил твёрдо, что как консультант он участвовать не желает, но если ему закажут либретто, то он может взяться за него. Тогда первую картину он, конечно, сделал бы не на рынке, а на вокзале, так как вокзал в первом периоде большевизма сделался чрезвычайно характерным местом для толкучки и меновой торговли между мешочниками и голодными горожанами. Дягилев склонялся заказать либретто Эренбургу. Последний вскоре явился. Дягилев удалился с ним в соседнюю комнату для переговоров об условиях и вышел оттуда сердитым. Эренбург вскоре ушёл, причём Дягилев сказал ему, что напишет на днях. После же ухода Эренбурга сердито воскликнул: «Вот! То у человека нет штанов, а то, когда предложишь вместе работать, с вас лупят пять миллионов!» Выяснилось, что Эренбург запросил

с Дягилева пять тысяч франков, и при этом дал понять, что, хотя он и согласен сделать либретто, этот вопрос его особенно не интересует. Кажется, последнее особенно рассердило Дягилева. Тогда я решил, что время выступить. Я сказал: «Сергей Павлович, мне кажется, что из расплывчатых речей Якулова вы вывели, что у него мало материала, между тем в прошлый раз, когда я с ним ехал в такси на вокзал, я из него выудил массу любопытных вещей и черточек: передо мною прямо развернулась картина и большевистской Москвы, и нашего балета. У Якулова не хватает только организующего начала, чтобы привести весь этот материал в стройный порядок, но зато это начало есть у меня. У вас сейчас размолвка с Эренбургом, - очень хорошо. Пусть завтра Якулов приедет ко мне в деревню и мы в один день смастерим либретто. Если вы его одобрите - вопрос будет решён; если нет, Эренбург никуда не уйдёт в эти два дня». В ответ на эту тираду Дягилев проявил больше готовности, чем я ожидал: уж очень ему, видно, насолил Эренбург. Решено было, что Якулов через день приедет в Marlotte, а затем мы соберёмся опять. В этот же день был подписан мой контракт с Дягилевым; Дягилев немного подгонял, так как слышал о моих переговорах с Красиным и предстоящих с Экскузовичем. Подписанию контракта предшествовала яростная торговля, главным образом из-за сроков (предоставления партитуры, владения Дягилевым этим балетом и прочее). В большинстве случаев уступал я; Дягилев уступил только несколько мелочей.

Затем я отправился на квартиру Сигети - к Красину. Сигети мелькнул и исчез. Я беседовал с Красиным и молодым евреем (его фамилия Тутельман). Они предложили мне десять концертов: по симфоническому в Москве и Ленинграде, и по два клавирабенда в Москве, Ленинграде, Харькове и Ростове. Они спросили о цене. Так как я считал, что в данном случае хорошее отношение важнее лишней сотни долларов, да кроме того, мне и в самом деле не хотелось обдирать уж и без того ободранную Россию, то я сказал: «Я на вас наживаться не хочу, скажите сами, сколько вы находите удобным для данного случая». Кажется, это произвело чрезвычайно благоприятное впечатление. Они даже немного смутились и стали советоваться. Наконец Тутельман предложил два варианта: или мне платят по двести долларов за концерт, или же сто пятьдесят + 25% (кажется) с чистого сбора. Последнее, по их словам, было бы более справедливо, и, в случае успеха, в котором они не сомневаются, было бы для меня, разумеется, более выгодным. Я сказал, что главным для меня является получение гарантии на свободный выезд обратно заграницу, что о цене мы ещё поговорим, так как едва ли я смогу приехать в предстоящий сезон, который у меня весь расписан, и что, вероятно, я соберусь осенью через год. Красин спросил : «Но мы можем считать, что ваше отношение к этой поездке благоприятное, и можем сделать в прессе заметки, что вы собираетесь приехать?» Я: «О, конечно». Тутельман, который был вначале холодно-самомнителен, теперь смягчился и похлопал меня по коленке.

Между прочим, они были у Метнера, который сказал, что сейчас он на целый год снял дом под Парижем и намерен этот год проработать, а затем с удовольствием вернётся в Россию и не на время, а насовсем. Они пытались увидеть Рахманинова, но Рахманинов уклонился от встречи, сказав: «Я знаю, они будут звать меня в Россию, но я дал зарок, что не поеду, поэтому нам не о чём разговаривать». Затем Красин дал мне телефон Экскузовича, который очень хотел меня видеть, и вручил мне ту бумажку, которую он в прошлое свидание не выпускал из рук, прося дать на неё письменный ответ, чтобы он мог его предъявить по возвращении в Москву. На этом мы расстались.

28 июля

Сочинял «Матлот» для Романова.

29 июля

Продолжал работать над «Матлотом». В два часа приехал Якулов. Мы сначала болтали втроём с Пташкой о том, о сём, главным образом о России. Затем решили, что пора работать. Обсуждать сюжет мы решили во время прогулки, благо день был хороший. Незаметно Якулов и я дошли до Grez - село, лежащее на берегу Loing, который здесь очень живописен, со своим старым мостом, быстрым течением и свесившимися над водою деревьями. Около моста, у самой воды, мы увидели сад и в нём столики. Оказался отель «La poule d'eau». Мы вошли туда и, спросив кофе, начали делать либретто. Якулов выкладывал материал, я же старался что-то из этого материала построить. Во-первых, я настоял, чтобы местом действия была выбрана не Сухаревская площадь, а вокзал - единственный полезный совет, который мы вытянули из Эренбурга. Затем меня прямо-таки посетило вдохновение, и первый акт быстро встал на ноги - в том виде, как он и остался. Со вторым актом был сначала затор, а затем снова луч вдохновения - и он был готов в следующем виде. Декорации переставлены, фабрика в полном ходу, вертятся машины, стучат молотки. Через некоторое время на авансцене разыгрывается частный эпизод: оратор, проклиная режим, уезжает с чемоданами заграницу; молодая работница и матрос насмешливо их провожают. Работа на фабрике продолжается. Вдруг появляется директор фабрики и заявляет, что, ввиду недостатка денег и материала, фабрика закрывается. Показывает фабричные книги. Рабочие негодуют, выгоняют директора. Но с фактами ничего не поделаешь: фабрика останавливается. Печальный митинг: что же делать? В это время с шумом, гамбадами[32] и барабанным боем - детская процессия (Якулов говорит, что это очень характерно для современной Москвы). Процессию сопровождают матрос и работница. Процессия уходит, а матрос убеждает рабочих не предаваться печали, а заняться гимнастическими упражнениями, ибо здоровье тела дороже всего. Бодрыми гимнастическими упражнениями заканчивается балет.

Я был удовлетворён двусмысленностью сюжета: не разберёшь, в пользу ли большевиков он или против них, т.е. как раз то, что требуется. Якулов немного боялся, не обидел бы такой сюжет Москву, ибо ему надо было туда возвращаться, однако соглашался. Словом, мы покинули «La poule d'eau» и вернулись домой, а затем Якулов уехал в Париж, я же должен был отправиться в Париж на другой день с первым поездом - для доклада сюжета Дягилеву. Якулов ещё посоветовал хорошее название: «Урсиньоль» (Ursiniol) от URSS, официальные литеры Советской России. Я сразу уцепился за это название: действительно, «Урсиньоль» звучит полушутливо, безобидно, не то медвежонок[33], не то карикатура на «Rossignol» Стравинского.

30 июля

Уже в десять часов утра я был в дягилевском отеле, но Якулов проспал. Я рассказал содержание нашего сюжета, которое было принято Дягилевым очень сочувственно. Два замечания: побольше бы развить частную интригу и закончить балет не гимнастическими упражнениями, а полным ходом фабрики со стучащими на сцене молотками. Я: «Но ведь вы же сами говорили, что всякие гимнастические парады комсомола очень характерны для современной России и что хорошо бы это пустить в заключение балета!» Однако Дягилев настаивал на фабрике и молотках, находя, что это эффектнее, с чем я охотно соглашался, но тогда надо

[32] Прыжками, от gambade (фр).

[33] Урс - медведь, от ours (фр).

было всю вторую картину переворачивать наново. Это было последнее свидание, вечером Дягилев наконец уезжал в Италию на месячный отдых. Было решено, что мы ещё раз встретимся с Якуловым в «Poule d'eau» и тогда, переделав и записав сюжет, пошлём его Дягилеву в Венецию.

Затем я получил чек в пять тысяч франков - первый взнос, а наконец проснувшийся Якулов должен был в пять минут переговорить с Дягилевым о денежных условиях, чем, разумеется, воспользовался Дягилев, говоря: «Вот, надо было приходить раньше!» Затем я отправился завтракать, а потом к Экскузовичу. Экскузовича я никогда раньше не встречал. Перед моим отъездом из Петрограда, когда он только что сделался директором и был возобновлён вопрос о постановке «Игрока», он позвонил мне по телефону и сообщил, что этот вопрос, к сожалению, не может быть решён до моего отъезда. «Куда можно вам телеграфировать?», - спросил он. Я рассердился и ответил: «В Буэнос-Айрес, до востребования». Теперь Экскузович оказался очень мягким и любезным человеком, а так как я выразил моё удовольствие по поводу постановки «Апельсинов» в Мариинском театре и готовность всячески идти ему навстречу, то он совсем расцвёл. Оказалось, что «Апельсины» ставят наверное, а, может быть, также и в Москве; что они хотят поставить «Шута», а также «Игрока» и, если я настаиваю на переделке, то доставят мне партитуру с тем, однако, что я пообещаю им премьеру. Затем Экскузович предлагал мне дирижировать первым спектаклем «Апельсинов», от чего я уклонился, говоря, что отвык. Весь разговор прошёл в любезных обещаниях, затем мы расстались, я чрезвычайно довольный.

Вечером вернулся в Marlotte.

31 июля

Кончил сочинять «Матлот».

Резюме июля: неожиданный расцвет отношений с Россией: вдруг явилась реальная возможность и ехать, и иметь постановки. А до сих пор было полное отдаление.

1 августа

Оркеструю «Матлот».

2 августа

Кончил оркестровку.

3 августа

Переложение для фортепиано.

Читаю «Барсуков» Леонова, новый роман, только что вышедший в России. Очень любопытно: вязко, насыщенно. Любопытная Советская быль, особенно, когда надо начинать балет и когда последние дни всё время сталкивался с людьми оттуда.

5 августа

Обещал Дягилеву сесть за балет первого августа, и аванс получил. С первого по четвёртое доканчивал романовские отрывки - сегодня всё кончил, семафор открыт. Обдумывал форму.

Идея, как можно применить «яблочко»: надо сочинить тему по ритму и рисунку родственную «яблочку», которая, развиваясь симфонически, урывками переходила бы в «яблочко», а затем немедленно возвращалась бы обратно. Затем сел сочинять темы. Легко сочинил четыре подряд. Не знаю, сколько из них удержится.

Днём два инцидента: Святослав треснулся об пол, дико ревел, разбил затылок и ногу, и хныкал до поздней ночи. Затем нагрели бак, в котором не было достаточно воды: та немногая, которая была, вскипела, хлынула коричневым кипятком - был переполох, совпавший с криком Святослава.

Вечером читал «Барсуков». В первый раз взял этого автора - дитятю Советской России. Здорово. Увлекательно, хотя читается с трудом из-за насыщенности.

Август - сентябрь

Начал работать над «Урсиньолем». Сначала темы. Как реакция после Симфонии, которую никто не понял (и я не понял, хорошо ли вышло), я решил писать диатонично и мелодично. Сочинялось легко. Начерно сочинил до конца в три недели, к концу августа: затем досочинял, переделывал, подчищал весь сентябрь. Параллельно, между делом, оркестровал «Утёнка».

Якулов приезжал несколько раз. Мы уходили в Hôtel «La poule d'eau» в Grez и там работали над либретто, на берегу Loing. Наброски, которые я играл, очень нравились ему - отражают современную Россию.

С удовольствием дочитал «Барсуков», и с пользой для «Урсиньоля».

Время текло очень деловито и приятно. Заедали письма (хотя, признаться, я иногда работал над ними с удовольствием).

Визитов к нам было мало: Эберг и один раз Захаровы и Боровские. В сентябре состоялось моё свидание с Кусевицкими, которые приехали из Германии и уезжали в Америку. Причины: издание книги Асафьева и мои жалобы на медлительность, с которой издательство (богадельня) печатает мои сочинения, Кусевицкие были скорее милы, насчёт книги Асафьева сразу решили положительно, но насчёт сочинений сказали, что издательство не может печатать выше своих средств и если я такой плодовитый композитор, то мне нужно двух или нескольких издателей. Я ответил, что от них уходить не собираюсь, так как хочу оставаться у русского издателя, но других порядочных русских нет, а иностранные, разумеется, будут меня обворовывать. Кажется, это произвело приятное впечатление, так как Кусевицкий начал доказывать, что, в сущности, издательство печатает не останавливаясь и всё, что требуется. Словом, расстались хорошо - до встречи в Америке. Я думаю, что из свидания будет прок и печатание несколько подгонят, но всё же их предложение перейти, хотя бы частично, к другому издателю, я ещё припомню.

5 октября

Окончил оркестровку «Утёнка»; ждали Ольгу Владиславовну.

6 октября

Приезд Ольги Владиславовны.

7 октября

Телеграмма Дягилева: Париж, жду три часа, играю балет два раза, девять номеров хороши (из двенадцати), длинный антракт. Нувель тоже хвалит.

8 октября

Именины; утка, asti, письма, Симфонию чинил.

9 октября

Немного голова, поэтому мало сделал; идея о переделках в «Урсиньоле»; моя странная ошибка о длительности антракта.

10 октября

Чинил Симфонию; отличные известия: Gaubert, «Три апельсина»; «Три апельсина» и «Шут» в Кёльне.

11 октября

Поехали с Пташкой в Париж. Лея Любошиц играла мой Скрипичный концерт, Вольф дирижировал. Мы были в ложе: Пташка. Мария Викторовна, Фатьма Ханум и я. Исполнение было очень недурное. Я с чрезвычайным вниманием слушал. Опять, конечно, не слышно начало Концерта и там, где фон - тремоло, всё висит в воздухе, без басов. Надо, чтобы нижний голос тремолировал громче. Успех. Пытались вызвать меня, но я скрылся из ложи. Затем были на репетиции «Трапеции», а потом собирались у Боровских, у которых мы и остались ночевать.

12 октября

Репетировал с Захаровым 2-й Концерт на двух роялях, а то я его играю как барышня и сбиваюсь. Затем всякие дела, и вечером, замученные, попали домой. Пришли деньги из России. Я вступил в полосу достатка. Купил «Евгения Онегина» и с удовольствием читал. Б.Н.Б. пропадал в безвестности три месяца: но неделю назад Эберг видел его - увы - по-прежнему в клубе! Рахманинов уезжает в Америку лишь на двадцать пять концертов, но по четыре тысячи, да пятьдесят тысяч за граммофон, да пятьдесят ещё за что-то. Но страдает безумной невралгией; опухает глаз.

13 октября

Чинил Симфонию; писал много писем: корректировал «Классическую» Симфонию, голоса, вторая корректура.

15 октября

Симфония. В общем всё переправил в партитуре, кроме первой страницы, насчёт которой ещё некоторые колебания. Но надо внести всё это в голоса!

16 октября

Париж. Чтение с оркестром Сюиты «Апельсинов»; звучало неприятно, как всякая первая репетиция. Переписчик - генерал-лейтенант Воеводский. Заказал два костюма; получил тысячу двести долларов чеком от Эберга. Завтрак с ним в клубе, появление Б.Н. Через неделю он держит экзамен на шофёра такси, показывал список улиц, который учит. Целый мир, улицы с двойным запрещением.

Свидание с Якуловым, интересные эскизы.

Дягилев - встречают Ларионов и Кохно. Оба расхваливают балет. Чувствую по настроению, что произвёл впечатление на Дягилева. Я играю у Шанель. Главные разговоры: Дягилев - Якулов, (не было бы красивости в описании современной России). Дягилев держит стиль, когда я уезжал: только ласково улыбнулся, не прерывая разговора. Пташка недовольна, что придёт Башкиров и что я, конечно, дам ему денег, даже ссора на эту тему.

17 октября

Получил корректуру Op.35bis и всю сделал. Интересные письма: Москва - Держановский, Хэнсель - Нью-Йорк. Казелла - Рим.

Много корреспонденции и сам писал письма. Письма заедают.

18 октября

Голова мешала работать, но всё же порядочно сделал в корректуре голосов «Классической» Симфонии.

19 октября

Корреспонденция. Кончил «Классическую» Симфонию. Начал обдумывать оркестровку «Урсиньоля». По-видимому, приём такой: обдумывать до последней подробности и отмечать, а затем быстро писать.

21 октября

Конец регулярной работе: начались сборы.

22 октября

Отъезд. Хозяин очень мил. Расстались дружно, с комплиментами. С миллионом вещей ввалились в город. Ольга Владиславовна, Святослав и нянька поехали в St.Cloud в пансион. Мы с Пташкой в маленький отель на эту ночь, а завтра получаем комнату в Victoria Palace, одном из немногих отелей, где допускают рояль.

23 октября

С утра по разным делам. Был у Дягилева - насчёт чека и клавира (когда нужен). Дягилев мил, занят, разговор незначительный. Дукельский выразил бурную радость по поводу встречи со мной, но искренен ли? Вечером он зашёл на минутку к нам в отель, безумно ругал московских композиторов, я рассердился и в ответ ругал Пуленка и Орика, говоря, что они без вкуса и техники. Дукельский говорил, что со мной невозможно разговаривать, что я совсем не хочу подумать о том, куда музыка должна идти и что он, напротив, подумал и очень ясно и твёрдо стал на ноги. Это утверждение мне импонировало, хотя и не убедило в достоинствах Орика. Мы не договорили, так как он торопился на свидание.

24 октября

Репетиция «Гадкого утёнка», пела Кошиц, дирижёр Батон. Условия ужасные, так как Батон совсем не знал вещь, а в партитурах много ошибок. Кларнеты

проклятый переписчик перетранспонировал не на полтора тона вверх, а на полтора вниз, т.е. in Es вместо in A. Днём взялся и переписывал партию кларнетов. Транспонировать на уменьшенную кварту вверх очень трудно. По счастью, я догадался сделать in B - тогда на кварту. Еле поспел к спектаклю.

На концерте «Утёнок» проходил неплохо, звучит мило, успеха мало, отчасти оттого, что плохо по-русски и без переведённого текста в программе.

Вечером играл «Урсиньоля» Дукельскому и Баланчивадзе. (Дягилев просил, может быть последний будет принимать участие в постановке). Дукельский был необычайно внимателен. Во время исполнения иногда испускал восклицания восхищения, иногда молчал. В конце сказал, что чрезвычайной свежести тема матроса (лирическая) и очень хороша вторая тема в первом номере. Остальное хорошо, сильно, но ему чуждо.

Дукельский рассказал про свой визит к Стравинскому в Ниццу. Стравинский живёт в доме, напоминающем русский; был подчёркнуто любезен с Дукельским, пил много водки, говорил непристойности, сравнивая музыку с женщиной, сочиняет серенаду, по его собственным словам - музыку «злую и неприятную». По дороге ругнул меня.

26 октября

С Дукельским репетировал на двух роялях 2-й Концерт - к предстоящему исполнению в Стокгольме. Дукельский хорошо читает ноты. Ему нравились самые неожиданные места: например, подход к сольной каденции в первой части. Затем я по его просьбе проаккомпанировал ему его Концерт, который у него в корректуре.

Много метался по визам, дантистам и прочее. Что за жизнь!

Улучшилось материальное положение; я — два костюма; Пташка — платья и прочее.

28 октября

Брал билеты в Швецию. Я получаю там тысячу крон минус сто пятьдесят менеджерам, итого пять тысяч франков, а билеты туда и обратно на двоих – четыре с половиной тысячи!

Проверил последнюю корректуру материала «Классической» Симфонии. Можно печатать.

29 октября

По просьбе Марнольда играл ему и его друзьям 2-ю Симфонию. Он восхищался и неприлично бранил Стравинского.

Был в Meudon на маминой могиле. Вёл переговоры о переводе её из категории на тридцать пять лет в вечную.

30 октября

В издательстве встретил Стравинского, с которым расцеловались и беседовали минут двадцать с подчёркнутой дружественностью. Он интересовался, куда я этой зимой еду и что мне платят.

Вечером с Пташкой до поздней ночи укладывались. Святослав с Ольгой Владиславовной остаются в Clamart. По возвращении из Швеции мы пробудем в Clamart три недели и Ольга Владиславовна постарается найти комнату поблизости, чему я очень рад, так как жить в сутолочном Париже одно мучение.

31 октября

Встали в шесть. В 8.10 выехали из Парижа в Стокгольм. В Льеже - Бришаны. Андрюша женился. В Кёльне встречал Сценкар, у которых мы обедали. Будут ставить «Шута» в этом году. Обязательно хотят «Огненного ангела» (теперь уже обязательно, а во время постановки «Апельсинов» я заводил разговор, но Сценкар отвечал предположительно). Я не говорил ни да, ни нет, валил на издательство, будто я завишу от него. Но не придётся ли дать Берлину?

1 ноября

Schlafwagen[34]; я спал хорошо; Пташка так себе; первый раз вместе в Schlafwagen.

Утром Берлин: Вебер, Курц. Пересадка в хороший шведский вагон.

Четырёхчасовой переезд через пролив на пароходе, в который вкатили вагон. Покачиваю; немного, не то чтобы мутило, но была печаль в пищеводе. Вечером Швеция, хороший спальный вагон. Накануне в Мальмё большое крушение как раз со спальными вагонами, которые перевернулись. Если бы не уверенность в Christian Science, то могло бы быть очень неприятное впечатление.

2 ноября

В девять часов Стокгольм, и Mme Nobel на вокзале. Она приятельница Самойленко и уже два месяца назад приглашала нас остановиться у неё. Её муж потомок Нобеля, учредившего знаменитую премию.

В одиннадцать часов репетиция. Добровейн - дирижёр. Чёрненький, юркий, приятный, внимательный, аккомпанирует хорошо, лучше Кусевицкого.

3 ноября

Спали с девяти до девяти. Отдыхаем от парижской сутолки в большой, полутёмной, спокойной квартире. Хозяйка очень мила, ругает Швецию и с любовью вспоминает Россию. Вторая репетиция прошла тоже хорошо. Стокгольм - красиво расположенный, приятный город. Оркеструю «Урсиньоля», т.е. не пишу партитуру, а отмечаю оркестровку в эскизах.

4 ноября

Утром ещё репетиция, хотя можно было обойтись без неё. Вечером концерт в Auditorium, большом, некрасивом круглом зале вроде цирка. Говорят, раньше это было огромной цистерной для нефти. Много народу. Я играл на «Стейнвее». Хорошая марка, но тугая. Привыкнув к лёгкому «Плейелю», я плохо рассчитывал удар. Каденцию я технически сыграл неважно. Скерцо хорошо. В финале заслушался оркестра (в главной партии) и наврал, но Добровейн молодчина и поймал меня очень ловко. Успех хороший. Вызовов три. Добровейн затем дирижировал 6-ю Симфонию Чайковского и имел шумный успех. Я давно не слышал Шестой и потому была большая свежесть восприятия, первая часть превосходно сделана, вторая наоборот - и сделана плохо, и материал неважный. Скерцо отлично слажено и очень красиво, хотя не всё - конец плох. В четвёртой части изумительное заключение (и какая звучность!), об остальном можно спорить.

После концерта приём у Нобелей. Я много говорил с Добровейном, который

[34] Спальный вагон (нем).

очень мил, много рассказывал забавного. Вспоминали мой инцидент с Рахманиновым; после смерти Скрябина исполнение Рахманиновым 5-й Сонаты; я: «Сергей Васильевич, вы всё-таки очень хорошо сыграли Сонату». Негодование Рахманинова. Но Добровейн сказал, что с Алчевским, который обожал Скрябина, вышло ещё хуже: во время исполнения Рахманиновым 5-й Сонаты (но не в Петербурге, а в Москве) Алчевский так бесился, что его прямо держали за фалды; по окончании он всё-таки вырвался, помчался к Рахманинову и сказал: «Вот, Сергей Васильевич, я радуюсь, что я не композитор, а то умру я - и какой-нибудь осёл её вот так же исковеркает». Его увели друзья в предотвращении скандала.

5 ноября

Легли в три, но не заснули до шести. В результате Пташка не выспавшаяся, разбитая; ещё с Парижа лёгкая хрипота, а завтра концерт. Поэтому весь день тяжёлое настроение, а вечером меня послали спать в другую комнату (благо комнат в этой квартире много), чтобы никто не мешал певице выспаться. Словом, теперь у нас центральное событие - её выступления, а не мои.

Хозяйка переводила длинные шведские критики (шесть штук) - не умны и не глупы, но, разумеется, мой Концерт лишён глубины, и Скрипичный (который Сигети играл здесь полгода назад) лучше фортепианного - словом, попались во все нормальные ловушки, ибо глубина второго до них не дошла, а Скрипичный показался им лучше не оттого, что он лучше, а оттого, что доступней.

6 ноября

Утром звонил здешний импрессарио, спрашивал, не отложить ли сегодняшний камерный концерт ввиду малой продажи билетов. Отложить? Но на когда? Засиживаться в Швеции мне не улыбалось. Решили не откладывать.

Сегодняшний день как раз день смерти, кажется, Густава-Адольфа, поэтому в опере парадный спектакль, на котором все будут. Словом, в нашем зале (довольно большом, но нескладном) оказалось человек пятьдесят, а то и меньше. Акустика скверная, а при пустоте и вовсе никуда. Я решил, что наплевать, и исполнил мою программу равнодушно. Но Пташка хрипела, волновалась, пела плохо и не получила никаких похвал, что очень её огорчило.

Любопытно, что несмотря на пустыню в зале, импрессарио предлагал через неделю ещё дополнительный симфонический, от чего я отказался. Почему? Вероятно, местный дирижёр (Добровейн - гастролёр) уверовал в меня и достал денег для финансирования концерта со мною.

7 ноября

Mme Нобель возила нас в автомобиле по окрестностям Стокгольма. Красиво. Холодно.

Пташка огорчена вчерашним неуспехом. Я советовал не обращать внимания: это неудачное стечение обстоятельств.

8 ноября

Второй симфонический со 2-м Концертом. Я играл лучше, чем в первый раз.

Успех тоже был больше. На этот раз Добровейн, дирижировавший Симфонией Бородина, не побил меня своим успехом. Но всё-таки мне надо ещё зубрить 2-й Концерт, чтобы он шёл корректно.

9 ноября

Mme Нобель переводила критики. Признаются, что на этот раз лучше разобрались в Концерте. Собирали вещи. Вечером отправились обратно, в одном и том же поезде с Добровейнами.

10 ноября

Переезд на пароходе с Добровейнами; идея - Добровейна к Дягилеву для моего балета. Вечером Гамбург, М.Рейн.

11 ноября

Париж - Clamart; две комнаты, холодно.

12 ноября

Заботы о тепле, печки. Я - вторую корректуру «Классической» Симфонии - много неисправленных ошибок.

14 ноября

Кончил корректуру, отвёз переписывать.

Встреча Сувчинского - живёт почти напротив нас - совпадение.

15 ноября

Начал оркестровать балет; идёт очень приятно.

16 ноября

Много оркестровал.

19 ноября

Американская виза: русская секретарша, любезны, сразу дали.

20 ноября

Отправился на репетицию «Апельсинов», но Гобер отложил, переполох, наконец поставили на двадцать девятое. Письмо от С.Эше; очень приятное.

21 ноября

Концерт Кошиц, «собачья свадьба», по выражению Фатьмы Ханум. Исполнение Кошиц «Для берегов отчизны дальней». Пошлая программа, конец концерта. Сувчинский знакомит с женой - я говорю: хорошая жена. Едем вместе домой.

22 ноября

Думал об элементах очарования «Для берегов отчизны». Ведь мелодия незначительна, даже в этих пределах можно сделать интересней, контрапункта

никакого... Неужели гармония и «чувство»? И что-то, что не поддаётся в музыке учёту?!

23 ноября

Оркестровал; надо торопиться, а то всё поездки. Когда же я сделаю весь балет?

Письмо Дранишникова. В Ленинграде начали репетиции «Трёх апельсинов». Когда я десять лет назад вертелся у Мариинского театра, какой священный трепет он внушал - самый зал с голубыми креслами! А теперь, когда, наконец, ставят мою оперу, я за тридевять земель. Жаль.

27 ноября

Встретил Сувчинских. Он необычайно помолодел и даже похорошел - от счастья. Живём друг против друга и почти не видимся, правда, оба очень заняты. Но я имею зуб против него: за «Урсиньоль» и за книгу Асафьева. В обоих случаях к нему обращался по дружбе и оба раза он улизнул - это меня весьма разочаровало.

28 ноября

Генеральная репетиция Сюиты «Апельсинов», в Conservatoire, дирижёр Гобер. Я зашёл за Сувчинским, отправились вместе - так как он изъявил желание. Репетиция публичная, играли средне, звучало тоже средне. Я не обольщаю себя: это, конечно, вещь по материалу менее значительная, чем другие мои вещи, но сегодня всё как-то так плохо звучало, что я начал думать: уж не сделал ли я просто дрянь? Сувчинскому, видно, не понравилось, он молчал.

29 ноября

Исполнение Сюиты. Мы с Пташкой получили отвратительные места: в чьей-то ложе, в заднем ряду, откуда мне даже дирижёра не было видно. Я ругался: вот вам французы! Немцы так бы композитора не посадили. Но сыграли сегодня отлично, звучало хорошо, и успех определился сразу. Марш бисировали. В конце кричали автора, но так как я сидел на задворках, никто меня не видел и можно было не кланяться, чему я был очень рад.

Вечером ездили к Бенуа в Версаль. Я его очень люблю. Видели Коку и Марусю. Марусю поражает необычайно, что Пташка свободно говорит по-английски и итальянски: она никак не может понять, как это возможно. Кока идёт в гору: получил заказ на декорации «Хованщины» для Скалы, уезжает в Милан. Маруся попала в люди и разъезжает! Я мельком спросил А.Н.Бенуа про Идку. Он как-то замял разговор. Конечно, времена изменились: мне теперь на неё наплевать. Но всё-таки: что случилось со старой чертовкой?

1 декабря

Сколько мне возни с Демчинским и его ломанием по поводу «Огненного ангела» ! Теперь надежда на Элеонору и вынужденное ухаживание за нею: «брак по расчёту». Опять письмо от неё: нужны ей струны, сумочка, перчатки, шарф - все эти выкупы на алтарь «Огненного ангела», так как она обещала «устроить» мне Демчинского.

Казалось бы, откуда такое влияние этой фитюльки на Демчинского. Предположение: рояль, её стоны, его возмущение, обещание меня проучить; параллельно с тем её ухаживание за Демчинским в смысле доставления

материальных удобств: отсюда ключ к Элеоноре, если я правильно учёл.

3 декабря

В десять часов утра с Пташкой выехали в Страсбург - концерт в небольшом городе с небольшим гонораром, но главным образом из-за Пташки: для её практики. Вечером приехали туда. Chevillier угощали нас обедом.

4 декабря

Днём упражняюсь к концерту - я боялся за 5-ю Сонату, которую совсем забыл. Ко мне приходили русские студенты: русских беженцев занесло и сюда. Играть было приятно: небольшой, набитый зал, стараниями Chevillier уже воспитанный на новой музыке и очень внимательный. Сначала Chevillier прочёл небольшую лекцию о музыке в теперешней России (по моим данным), говорил о Стравинском, обо мне и Мясковском. Пташка пела недурно и в этом зале голос звучал много лучше, чем в ужасном зале в Стокгольме. Её вызывали четыре раза и после «Росянки» Стравинского был bis. Я имел большой успех в конце после «Токкаты» и гавотов.

5 декабря

Путь обратно.

6 декабря

Разбирал бумаги, вещи, костюмы, сортировал, приводил в порядок, так как еду в Голландию, откуда вернусь на одну ночь в Clamart - и затем в Америку.

7 декабря

Беготня за визами, всякие дела и дописывание кучи деловых писем.

8 декабря

Продолжение беготни по делам в Париже. С Пташкой снимались у Шумова по его приглашению. У Эберга видел Стравинского, обнимались, он рассказывал, как учится править автомобилем, я ему рассказал про успех его романсов в исполнении Пташки. Вечером дописывал письма. Устал до смерти. Пташка, которая чувствует себя всё время неважно, была у Olmsted, но нашла её саму слабой и больной, в кресле. Она говорила странные вещи: нельзя злоупотреблять собой, надо всё-таки следить за собой, не утомляться и т.д. Это повергло нас в смущение. Упадок духа в связи с нездоровием? И присутствие родных, мало сайентичных?

9 декабря

Я отправился в Голландию. Пташка осталась ещё на шесть дней: уроки, туалеты и укладка (надо всё имущество уложить в три сундука, два ящика и несчётное количество чемоданов. Господи, когда же у нас будет постоянный угол?) В поезде болело сердце. Летом оно совсем прошло, но в октябре, когда я, уезжая из Bellevue, ворочал чемоданы, опять ухудшилось. Старался воздействовать на него через Christian Science. Заметил улучшение! В Голландию приехал вечером, в окно ничего

не видно, а потому впечатлений два: 1) поезд идёт очень быстро: 2) всё очень дорого. В том же вагоне-ресторане на французской территории за обед взяли пятнадцать франков, а здесь тридцать пять. Никто меня не встретил и я проехал прямо в Amstel Hotel, где мне резервировали комнату и где сообщили, что звонил Monteux и что репетиция завтра в девять утра. Я потрясён газетным известием о самоубийстве Юрьевской: в Швейцарии выпила морфий, перерезала горло (какое горло!) и бросилась с Чёртова моста в поток - и действительно в объятия чёрта! Что толкнуло? Какая роль мужа? В голландских газетах тоже заметки о ней, которые я переводил со швейцаром отеля, поклонником музыки и лично знавшего Юрьевскую, которая здесь останавливалась.

В голландских заметках высказывается сомнение: уж не мистификация ли? Тела не нашли.

10 декабря

Репетиция началась «Скифской сюитой», (но они уже сделали две репетиции до моего приезда). Затем Шмуллер - Скрипичный Концерт. Наконец прочли Третий, я за фортепиано, - замечательная читка. Monteux очень добросовестно, аккуратно исполняет всё, что я говорю, и хорошо слышит все ошибки. Шмуллер тоже очень честен, берёт медленные темпы и выигрывает все ноты. После репетиции я завтракал у Шмуллера. Он два года назад ездил в Россию - и потому было много тем для разговора. В сущности, этот Шмуллер меня сюда устроил. Он мой большой поклонник, но Стравинского покусывает. Стравинский в прошлом году имел здесь большой успех, но всем насолил, поэтому к нему придираются.

Вечером концерт, в котором Шмуллер играл мой Скрипичный. Играл хорошо, но я предпочёл бы более быстрые темпы. Зал Concertgebow большой и, главное, необычайно широкий. Я сидел в самой середине с новой женой Monteux (в Америке, шесть лет назад, была старая). Меня предупредили, что если меня будут вызывать, то надо выходить на эстраду кланяться. Концерт имел успех и Шмуллер с Monteux первые стали вызывать меня на эстраду. Пришлось идти через весь зал на эстраду и кланяться.

11 декабря

Опять почти вся репетиция посвящена мне: «Скифской» и 3-й Концерт. «Скифскую» я слушал с удовольствием, представлял, как её будут слушать в Москве, где она в эту зиму идёт три раза. Что до 3-го Концерта, то, несмотря на мою «технику, беглость, ритм», о которых говорят и пишут, я всё ещё не играю его корректно, хотя постепенно выигрываюсь.

Amstel страшно дорогой отель. Ввиду приезда Пташки я спрашивал, сколько стоит комната для двоих - семнадцать флоринов. Ужасно по сравнению с Францией. В поисках другого жилища я случайно попал в пансион Monteux и получил там две приличных комнаты у милых хозяев.

12 декабря

Ещё репетиция. Прошли один раз «Скифскую» и один раз 3-й Концерт, хотя это роскошь, можно было обойтись и без этого. Переехал в Museum Pension, куда представитель P1eye1'я уже прислал мне инструмент. Завтракал с Monteux. Он живёт с американкой, очень любезной. В феврале собирается в Москву и Петроград, будут играть, между прочим, «Шута». Обсуждали с ним его московскую программу. Я советовал выкинуть Шоссона и Рабо, которые никого в России

интересовать не могут.

Говорил ему про симфонии Мясковского.

Вечером концерт в Гааге. Весь оркестр, дирижёр и солист едут туда в специальном поезде. Concertgebow вообще очень шикарен: нас в автомобиле довезли до поезда, посадили в первый класс, довезли до Гааги, там в автомобиле до зала, а в артистической бутерброды, чай и вино - всё за счёт Concertgebow. Зал не такой хороший, как в Амстердаме, но большой, и народу много. Амстердам музыкальней, но Гаага - монденистая резиденция. Первые две части я играл хорошо, но финал хуже, кое-что путал, чувствовал утомление. Успех большой: вызывали три раза, что для чопорной Гааги очень много. Меня поздравляли. Затем путь обратный, автомобили и специальный поезд.

13 декабря

День смерти мамы. Думал о ней. Не дожила мама до исчезновения столь волновавшей её формулы «а с деньгами туго»!

Днём «Скифская», а затем 3-й Концерт - в Амстердаме: главное выступление в моей голландской поездке. Начать концерт «Скифской сюитой», идущей первый раз, довольно здорово. Встретили её хорошо, немного сдержанно. Затем я играл 3-й Концерт, лучше, чем вчера, не путал и даже загнал темп. Успех чрезвычайный: зал (три четверти) поднялся и аплодировал стоя; часть оркестра тоже встала. Это было в первый раз в моей жизни, и я был этим взволнован. Затем пили чай у Шмуллера. Вечер я провёл дома.

14 декабря

Утром повторял то, что было некорректно в 3-м Концерте вчера и третьего дня. Письмо от Пташки, которое я поджидал уже несколько дней. Приедет, вероятно, завтра.

Вечером отправлюсь в Роттердам так же, как позавчера в Гаагу, только это немного подальше. Зал в Роттердаме меньше, и вообще это выступление менее существенное. Это первый случай, что я играю три дня подряд. Чувствую утомление, настроение сонное. Темп я взял немного медленнее. Играл я корректно, но во время медленной вариации чуть не заснул и сделал опасную ошибку, перепрыгнув не туда. Однако успех огромный: встал весь зал и весь оркестр (какой оркестр! Один из лучших в Европе!). На меня это произвело большое впечатление. Затем полтора часа возвращение в экстренном поезде в Амстердам.

15 декабря

Вечером приехала Пташка из Парижа; нежная встреча. Но она нервная и усталая: затормошилась с платьями к Америке. К тому же хрипит.

16 декабря

Телеграмма. Эберг скоропостижно умер. Что случилось? Неужели почки? Я всегда, глядя на него, думал, что он недолговечен. Я очень огорчён. Он относился по-дружески и был трогателен в своём увлечении издательством и преданности ему. Как отзовётся его смерть на издательстве? Были у Эрнеста Александровича и недостатки - медлительность, упрямство, и трудно сказать, лучше или хуже пойдут после него дела.

Первое время, во всяком случае, хуже.

17-18 декабря

Делал клавираусцуг «Урсиньоля» для Дягилева. Пташка хрипит, голос не звучит, поэтому настроение в доме мрачное.

19 декабря

Так как голос у Пташки не звучит, решили, что лучше, чтобы она не пела. Concertgebow - первоклассное учреждение и здесь позориться нельзя. Решено было, что я буду вместо этого играть ещё 2-ю Сонату. В дирекции вели себя по-барски, вошли в положение, не сердились, из гонорара не вычитали и даже успели напечатать новую программу. Симфонический оркестр играл сегодня в Гааге, солист Тибо, и тот тоже заболел; дирекция разрывалась на части, кромсая и затыкая программы. Вечером концерт в малом зале Concertgebow. Народу на три четверти. Успех очень хороший. После концерта угощали ужином. Пташка не была на концерте, неудобно, но за ней заехали и тоже взяли ужинать.

20 декабря

В общедоступном концерте шла «Скифская сюита». Я слушал её из ложи позади оркестра. Это как-то разлагало звучность: отдельные инструменты выделялись яснее, но ансамбль звучал хуже. Большой успех, меня вызывали.

21 декабря

Рано утром Пташка уехала, замученная и неудовлетворённая, хотя сознавала, что правильно сделала, не пев. Вечером опять погрузили оркестр, дирижёра и солиста в экстренный поезд и поехали в Arnhem: четвёртое исполнение Концерта. Опять очень большой успех, публика и оркестр поднялись, мне поднесли лавровый венок от местной дирекции. Вернувшись домой после полуночи, укладывался.

22 декабря

Выехал рано утром, с тем же поездом, что и Пташка. Случайно в мой вагон сел Алёхин, с которым проразговаривали всю дорогу, главным образом о только что закончившемся московском турнире, на который Алёхин не решился поехать: побоялся большевиков. Б.Н., встретив Алёхина в Париже, занял у него сто франков, а затем упорно сманивал его в клуб, где, по мнению Алёхина, он получает за привод игроков. Это произвело на Алёхина очень неприятное впечатление. В Париже Алёхина встретила его жена, очень накрашенная женщина, лет на десять- пятнадцать старше его.

Домой, в Clamart, я попал лишь в восемь часов вечера. Весь вечер Пташка, Ольга Владиславовна и я завершали укладку: что остаётся, что едет в Америку, что на склад.

23 декабря

Встали затемно, докончили укладку, волновались из-за автомобиля, который запоздал. В девять часов утра выехали в Америку. Святослав, которого Ольга Владиславовна держала на руках, заревел и Пташка тоже. На Gare St.Lazare порядочно провожающих: Боровские, Olmsted, переписчики. Конюс и Пайчадзе.

Пайчадзе рассказывал о последних днях Эберга. У него срослась слепая кишка

с печенью. Прободение слепой кишки произошло во время завтрака со Стравинским. Ввиду сильных болей и полусознательного состояния Эрнеста Александровича, его сестра, Стравинский и Пайчадзе решились на операцию. После операции надежд не прибавилось. В пять часов утра сердце стало слабеть и через полчаса Эрнест Александрович умер.

Поезд отошёл в одиннадцать часов утра. Встретили Lankow, баса из Чикагской оперы, довольно славного парня, но балду. В четыре часа погрузились в Гавре на «De Grasse», пароход французской линии, новый, чистый. Вышли в море при довольно холодном ветре. Так как шли по Ламаншу, то покачивало мало. А вчера был шторм и даже в Clamart рвало крышу.

23 декабря - 1 января 1926

Переезд через океан.

Пока выходили из Ламанша - ничего, но со встречей дня начало покачивать. Нас и Тибо, который был на пароходе, пригласили к капитанскому столу, чем мы были очень польщены, но à la longue[35] это было утомительно, так как завтрак и обед сервировали за капитанским столом медленнее и параднее, и каждый длился более часу. Я первые дни качки чувствовал себя не то чтобы больным, но сонным и «печальным», и ел на палубе. Дня через три привык и всё обошлось.

Немного работал, перекладывая «Урсиньоля» и отвечая на письма. Принял участие в шахматном турнире и взял первый приз, выиграв все партии: партии были слабые. Пташка перенесла качку хорошо. Мужики за ней всячески пытались ухаживать, капитан тоже; он был очень мил.

Новый Год не встречали никак (на другой день утром Нью-Йорк, а накануне был бал и легли поздно) и легли спать, немного поссорившись с Пташкой, которая, утомлённая укладкой сундуков, сказала, что лучше бы она не ездила в Америку, а в Калифорнию и вовсе не поедет. Бал был костюмированньш, с призами, но мы в костюмировке участия не принимали. Самым интересным было выходить на палубу и сопоставлять яркое освещение, музыку и наряды внутри, и снежную бурю снаружи. Внутри качание парохода делало танцы более забавными.

[35] В конце концов (фр).

1926

1 января

Первого утром на «De Grasse» подходили к Нью-Йорку. День был хороший, ясный, несколько прохладный. Все пассажиры высыпали наверх. Нью-Йорк - его силуэт, когда подъезжаешь к нему, - очень красив. Скажу больше: я не помню города, который так красив, когда к нему подъезжаешь. Как всякие добрые русские, из обиженных эмигрантов, мы чувствовали некоторое волнение перед паспортным контролем, но всё обошлось легко. Лишь в таможне, где я имел глупость объявить, что везу ноты, с меня содрали шесть долларов пошлины. Затем такси, уродливые улицы, прилегающие к пристани, и Great Northern Hotel, ныне модный музыкантский отель, где нам уже была задержана «сюита» из двух комнат с ванной и где уже стоял присланный Стейнвеем рояль. Это было очень приятно (от Плейеля ждёшь две недели). Между тем уже смеркалось и мы отправились в город погулять и обедать. Попали прямо на Broadway к Times Square, с невероятной толпой по случаю праздничного дня. После Европы поражает сытость, богатство и безвкусие. Пташка - знаток моды, так жаждавшая снова вернуться в Нью-Йорк, была особенно поражена безвкусием здешних женщин. Обедали в rôtisserie[1], где я раньше часто обедал. Была у нас Mme Schmitz, чтобы сговориться относительно разных подробностей турне в Pro Musica, с которого начинается моя деятельность в Америке. Оказывается. Пташке тоже оплачивают дорогу, хотя не во все города, и, таким образом, она примет участие в концертах. Она в этом была не уверена и потому теперь очень довольна, я тоже доволен за неё, хотя это означает, что турне будет беспокойным, и всё настроение будет зависеть от того, как будет звучать наш голос.

2 января

Утром пошёл к Haensel`ю. Он мил, медлителен, но долгов не требует (а их, кажется, тысяча триста долларов). Затем Duo Art. Заведующий Schaad тоже чрезвычайно мил, вообще эти два - чрезвычайно симпатичные американцы. Решено, что я буду наигрывать восемь рулонов: пять за последний год старого контракта, две трети денег за которые я уже получил авансами в Европе, и три за первый год нового контракта. Всего получу тысячу шестьсот долларов. Днём у нас появился Захаров. Очень радостная встреча, вместе отправились на 5-ю avenue пить американский напиток: шоколад, молоко, яйца, всё взбитое вместе.

Звонил Владимир Башкиров, сначала нерешительно, боясь, что я рявкну, но, увидев, что я ничего, объяснился в любви, говорил, что я близкий для него человек, и вскоре приехал, причём мял в руке чек, правда, ещё не написанный, остаток долга (сто долларов) за заплаченный мной билет Б.Н. из Нью-Йорка в Европу. Расспрашивал про брата. Я, разумеется, не выдавал истинного рода занятий Б.Н., хотя и сказал, что он не прочь потереться вокруг клуба. Была ещё дочь Дамроша, которая очень хочет, чтобы отец дал «Семеро их». Пригласила нас на концерт, которым дирижирует Дамрош.

Пташка чувствует себя неважно и решила пойти к Christian Science practitioner, Америка - родина Christian Science. Она отправилась в Aeolian Building, где читальня Christian Science, и просила порекомендовать ей practitioner'a. Но там не имеют права давать предпочтение одному перед другими, поэтому ей дали целый список находящихся в том же здании (кажется, двенадцать человек). Пташка не знала, кого выбрать. Случайно попала к Worran Klein. Говорит, что совсем другой, чем те женщины, которых мы знаем в Париже: очень убеждённый и убедительный.

[1] Ресторан-закусочная (фр).

Я тоже хочу к нему пойти.

3 января

Утром занимались: я кончал отделку «Шехеразады» для Duo Art`a Пташка пела. Завтракали у Захаровых, мило и весело. У Цили достоинство: чем она знаменитей, тем проще. А успех у неё сейчас в Америке очень большой. И в самом деле: играет она отлично, красива собой, особенно с эстрады, и других женщин-скрипачек, конкуренток достойных - нет. Завтракал ещё брат Бориса - Василий, которого Борис перетащил в Америку и который недурно зарабатывает, играя на виолончели в оркестре большого кинематографа. Мне было приятно его встретить. Затем отправились на концерт Дамроша, опоздали и застали лишь кусочек Концерта с оркестром Гершвина, который автор исполнял сам. Гершвин сделал себе имя на jazz'е, а теперь пустился в серьёзную музыку, вернее «полукровную», сочиняя jazz-концерты. В Америке за это ухватились, думаю, что этим создаётся, наконец, национальная американская музыка. Надо сказать, что в его Концерте много занятного, есть изобретательность, всё это очень напористо в ритмическом отношении, но мало материала, а ведь это главное. Создавалось впечатление, что он не есть настоящий композитор, а лишь предтеча другого, который, использовав эти средства, напишет настоящую музыку. Дамрош постарел. Как-то во всей его фигуре выступало, что он или скоро умрёт или, по крайней мере, перестанет дирижировать. Мне стало его жалко, и я решил не пикироваться. Он хотел для будущего года «Семеро их», но я не знал, согласится ли Кусевицкий, который сам имел ввиду играть «Семерых». Тогда Дамрош сказал, что вообще хотел бы новинку. Я назвал сначала 2-ю Симфонию, но потом испугался: Дамрош её, конечно, провалит, да и рано подносить такую штуковину Америке. Сам себя убьёшь. Поэтому я сказал, что подумаю и напишу. Вечером были у Charles Crane, важного американца, любителя русских. Я слышал о нём ещё до первой поездки в Америку, в Кисловодске от Сафонова; потом он приходил с Милюковым на репетицию «Апельсинов» в Чикаго. Теперь мы у него встретили Л.Л.Толстого, сына писателя, и русскую даму, которая мне понравилась, а Пташке нет. Толстой, конечно, пользовался ореолом своего отца, но от Б.Н. я знал, как он в доме Башкировых проигрался в карты по секрету от собственной жены. Crane близок с Рерихом и показывал мне несколько его последних картин, написанных в Индии. Самому Рериху его учитель, духовник, велел отправиться в Тибет за последним посвящением. Он осенью с женой и, кажется, сыном с большими лишениями пересёк Гималаи, но тут тибетские власти не пустили его дальше, возвращаться же было уже нельзя, так как тем временем наступила зима и горные дороги сделались непроходимыми. Какой-то преданный туземец всё же перебрался обратно в Индию и из первого города послал Crane длиннейшую телеграмму с просьбой ходатайствовать перед Вашингтоном, чтобы оттуда повлияли на Пекин и добились бы разрешения для Рериха двинуться через Тибет на Пекин. Crane исполнил просьбу, но в Вашингтоне ответили, что в Китае теперь революция и такой кавардак, что если Рерих и получит разрешение, то его по дороге, конечно, убьют, поэтому пусть он лучше сидит там, где застрял. Так он и остался где-то на диких кручах.

4 января

Пташка была второй раз у Klein. Она предупредила, что придёт муж, и я сегодня отправился. Ближайшей причиной были «блохи» на руках, вдруг расплывшиеся в большие красные пятна - весьма некстати перед концертами, где все смотрят на

руки, и перед всякими receptions, где будут shake hands[2]. Но когда я сидел у Klein в приёмной и ждал очереди, я увидал, что руки не так плохи, поэтому, войдя к нему, решил говорить и о руках, и о невралгии в виске, которая ко мне возвращается два-три раза в месяц вот уже почти тринадцать лет. Он сказал: это всё - страх. Klein невысок ростом, лицо свежее, но волосы седые. Ему, вероятно, лет сорок пять. Говорит он с большим увлечением, выразительно и убедительно, иногда стучит рукой по столу и повышает голос. «Вы должны понимать Бога не как личность, к которой обращаются с просьбой, но как принцип, как закон, и вместе с тем - как самою сущность любви». Далее он говорил: старая теология учила, что мы грешники, что мы задушены грехами - и дай Бог как-нибудь и когда-нибудь от них освободиться. Это неверно. Человек есть сын Божий, и грехи его забываются, как только он становится на верный путь и движется по нему. Klein говорил ещё много и его истины поражали всякий раз, хотя потом я не мог восстановить всё, что он мне говорил. Я не мог понять, в чём тут секрет, ибо слушал я его с чрезвычайным вниманием. В заключение он дал мне treatment от страха, который считал корнем всего, а затем заставил меня повторять слова за ним - о том, что у меня нет страха, нет невралгии, нет сыпи на руках, «и я знаю это». Ушёл я от него очень бодрый и, идя по 5-й авеню, думал, что Нью-Йорк не только городит механику, дома и доллары, но таит и настоящие идеи.

Наигрывал на Duo Art: «Шехеразаду» — моё специально для них сделанное переложение на семь-восемь минут (за то, что в своё время прислали мне в Европу авансы) и четыре «Причуды» Мясковского.

5 января

Наигрывал 3-ю Сонату и Andante из Пятой. Стоковский сегодня исполняет 5-ю Симфонию Мясковского по материалу, который я год тому назад послал Зилоти, устроившему это исполнение. Надо ведь было случиться, что я как раз приехал в Нью-Йорк. Я третьего дня уже просил Зилоти достать мне билет; Зилоти мялся, говорил, что на концерты Стоковского всегда всё продано, словом, сегодня выяснилось, что никакого билета нет. Хотя В.Башкиров пригласил нас сегодня обедать в русском ресторане против Carnegie Hall (он привёл с собой хорошенькую girl'у, еврейку, немного вульгарную), но я удрал с пол-обеда и за полконцерта было уже, чтобы достать входной. Но тут было человек сто, жаждавших попасть, толкотня и давка, и с артистического подъезда тоже самое. Я истратил полчаса, пока, наконец, работая локтями, извиняясь, ругаясь и потея, поймал за фалды помощника manager'а, которого рвали на части и который пытался скрыться, - и выпалил ему: «Я только что с парохода из Европы и по поручению Мясковского должен услышать Симфонию. Вы играете её по моему материалу». Помощник ничего не понял, но что-то в моих словах всё же произвело на него впечатление. Он спросил: «Как ваша фамилия?» Я назвал себя, ни на что, впрочем, не рассчитывая, так как это проклятое учреждение никогда моих сочинений не играло. Но помощник улыбнулся: «Ах, мы хотели играть ваш Скрипичный концерт. Проходите, хотя вам придётся, вероятно, стоять». Мы с Пташкой прошли. Стояла уйма народу, в том числе Зилоти. Казелла, Сигети. Невоспитанное учреждение! Если у них всё продано, то значит дела идут хорошо, а если хорошо, то они могут позволить себе роскошь иметь две ложи для заезжих музыкантов. Оркестр действительно изумительный; Стоковский дирижировал хорошо, наизусть. Некоторые места, которые, когда я глядел в партитуру, по-моему, не должны были звучать, в этом оркестре звучали. Сигети выразился так: «Оркестр звучит так

[2] Рукопожатие (англ).

хорошо, что в сущности всё равно, что он играет». Сама Симфония не лучшая у Мясковского. В ней пропасть глазуновских приёмов, а то и просто ученических. Есть длинноты. Я не был доволен. Но успех порядочный и какая-то часть зала аплодировала долго и упорно.

Пташку едва не затолкали, но потом ей уступила место Mme Schmitz и она попала в третий ряд рядом с Ганной Вальской. После Симфонии мы немедленно ушли складывать сундуки к завтрашнему отъезду.

6 января

Встали в семь. В 8.45 выехали в Чикаго. Пташка первый раз в американском спальном вагоне. Как всё солидно и удобно сделано! И очень милые виды на Hudson.

Купил американские газеты, о Мясковском очень недурные критики, лучше, чем обо мне. Писал ему письмо.

7 января

Несмотря на то, что в Чикаго прибыли в семь часов утра, Готлиб встретил на вокзале, нарядный - дела улучшились, за год сделал шесть тысяч долларов. Повёз нас к своему богатому знакомому, где мы остановились до вечера. Dr.Schmidt устроил парадный lunch для меня, и как я не отворачивался, пришлось говорить речь по-английски - о музыке в России, о том. что я сделал за четыре года отсутствия в Америке. Я сидел на председательском месте между Carpenter и Моррисом, бывшим американским послом в Швеции. Вечером выехали в St.Paul, провожаемые Готлибом.

Речь о том, что я сделал за четыре года отсутствия в Америке: я сказал приблизительно следующее: «Выехав в 1918 году из России, я пробыл в Америке четыре сезона. За это время у меня были и успехи, и неуспехи, но главнейшим событием была постановка «Трёх апельсинов». После неё критики написали, что прежде всего у меня нет мелодий; во-вторых, что и гармонии плохи: в-третьих, что и контрапункт нехорош; и в-четвёртых, что там вообще нет никакой музыки. После этого я отправился в Европу и пробыл там четыре года. Главнейшей вещью, которую я написал там, была моя 2-я Симфония. Но после её исполнения критика сказала, что, во-первых, она совершенно лишена мелодии; во-вторых, что гармонии её ужасны; в-третьих, что контрапункт совершенно непонятен; и в-четвёртых, что там вообще нет музыки. После этого я покинул Европу, и вот я снова в Чикаго». Речь имела большой успех, и даже некоторые критики из присутствующих пытались впоследствии её воспроизвести в газетах, правда, неудачно.

8 января

St.Paul - город, известный своей некрасивостью.

Pro Musica, общество, которое меня ангажировало, имеет целью пропаганду новой музыки. У него по провинциям ряд отделений, и по этому отделению мы теперь и едем. Руководят, главным образом, дамы общества, и концерты имеют закрытый характер.

Днём упражнялись в квартире председательницы, которая предоставила нам квартиру, а сама ушла. Вечером концерт в частном особняке, человек сто пятьдесят публики, очень нарядной. Пташка была целый день усталая и безголосая, но вечером пела недурно.

Мы оба не волновались. Klein?

Успех очень хороший. После концерта приём в нашу честь.

9 января

Завтрак в клубе в нашу честь, человек двадцать. Так как я не хотел говорить спича, то ограничилось тем, что задавали вопросы, а я отвечал: о происхождении диссонанса (я объяснял теорию обертонов), о том, что за вещь «Семеро их», и т.д. Пташка говорит, что я объяснялся довольно недурно. Выехали в шесть часов вечера. Пташка так устала, что скоро завалилась спать: я же на моей верхней bench[3] читал русскую газету, издаваемую в Париже.

Перед отъездом из St.Paul отправил Дягилеву клавир с шестого по девятый номеров «Урсиньоля», который переложил в Нью-Йорке и на пароходе.

10 января

Рано утром Omaha. Пташка привередничает и ругается за то, что ей надо рано вставать. Расписание действительно дурацкое, так как, приехав в семь часов утра, надо ждать следующего поезда до двух часов дня. Зато, подъезжая к Omaha, пересекли Missuri и любовались на эту реку при восходе солнца, очень красивом, вишнёвом на тёмно-синем облаке, отчего небо казалось не голубым, а зелёным. Missuri - большая, красивая река, но Omaha, дымившая трубами, портила пейзаж. Погода холодная и город уродливый. Я уселся за оркестровку «Урсиньоля» (пока соркестровано два с половиной номера, и я, конечно, ни за что не поспею к сроку). Оркестровал частью в отеле, где мы пили кофе, частью на вокзале и сделал пять страниц. В два выехали дальше. Observation car. Снег. Ровная местность и одноколейный путь, который еле виден среди снега.

11 января

В семь часов утра Denver, весь в снегу, так как он на высоте одной мили над уровнем моря. В Hotel Metropole, в котором мы остановились, явилась немедленно дама устроительница. Опять завтрак в клубе (человек пятнадцать), говорить не пришлось. Затем возили нас в автомобиле по Denver'у. К сожалению, гор, прилегающих к городу, не было видно из-за туманной погоды. В гостиницу прислали пианино, поэтому мы занимались. Вечером опять приём в нашу честь, по- американски: нас поставили к стенке, затем все дефилировали (человек сто-сто пятьдесят), нас знакомили и жали руки. Платят триста долларов на двоих, а за эти деньги хотят не только послушать, но и потрогать руками! Угостили местным композитором и певцом, и лёгкой закуской. И то, и другое плохо. Однако надо ценить следующее: эти общества образуются специально для знакомства с новой музыкой, поэтому меня принимают с уважением и стараются фетировать[4], а не с усмешками и не с сожалениями, что я не играю Шопена, как это случалось во время моих прежних поездок по Америке, когда я играл не в Pro Musica, а в обыкновенных концертах.

12 января

Так как вечером концерт, то мы категорически отказались от всяких завтраков и приёмов, тем более, что в номере фортепиано, значит, можно заниматься. Я соркестровал три страницы и довольно много играл.

Концерт состоялся в небольшом зале, человек на триста-четыреста, в котором

[3] Полка (англ).

[4] Праздновать, от fêter (фр).

присутствовало около двухсот слушателей. Я опять не волновался. Пташка очень мало. Неужели Klein нас избавил от этого бремени?! Когда не волнуешься, как можно творить во время исполнения! Пташка пела недурно, особенно если принять во внимание утомление, плохое самочувствие и голос, утром совсем незвучавший. Публика была внимательна, благосклонна, старалась понять, но по-серьёзному разаплодировалась только в конце, после «Токкаты». После концерта опять приём, очень скучный.

13 января

В час дня я выехал в Portland. Portland и San Francisco не хотели заплатить Пташке за дорогу, поэтому я туда отправился один. Пташка осталась в Denver, на попечении дамы из Pro Musica. Дивная солнечная погода, observation car, сначала цепь гор на горизонте, затем плоская степь и чудный воздух, напоминающий Сонцовку.

Догонял дневник.

14 января

Опять солнечная погода, observation car, но степь холмистая, порой гористая и покрыта снегом, который поезд заметает за собой белым облаком. Я много занимался: обдумывал и размечал инструментовку «Урсиньоля». Новая система для дороги: я отмечаю, сколько тактов составляют партитурные страницы, затем до точности размечаю оркестровку и записываю, какие инструменты, т.е. сколько строк понадобится для этой партитурной страницы. Таким образом, когда дело дойдёт до писания партитуры, дело сведётся до простой механической работы, почти переписки.

Придумал новое начало для 2-й Симфонии, до некоторой степени отличающееся от первого варианта, который меня не удовлетворял. Летом я пытался его пересочинить, но не выходило; может, теперь удалось.

15 января

Утром Portland. Виды совсем иные, чем вчера. Здесь каменистые горы, покрытые хвойными лесами, мхами, кое-где зелёной травой, кое-где высохшими папоротниками. Вид красивый и приятный, дорога вьётся, воздух тёплый, напоминает начало весны. В Portland на вокзале меня встретила представительница Pro Musica, Mrs Jesse, учительница, фитюлька. Затем два интервьюера, затем завтрак человек на пятьдесят, я на почётном месте, речи. Им это необходимо для демонстрации своей деятельности и для подъёма интереса к молодому делу. Был местный дирижёр, голландец, Ван-Хувстратен, и сиднейский профессор фортепиано Хечкинсон (кажется). Последний меня очень обрадовал, сказав, что в Австралии моя музыка хорошо известна, и он надеется, что я скоро буду приглашён туда. Меня всегда интересовало путешествие в Австралию и Новую Зеландию. Пришлось и мне говорить: о состоянии музыки в современной России, об оркестре без дирижёра, о композиторах, чем я воспользовался для пропаганды Мясковского, так что меня даже просили к программе из моих сочинений прибавить несколько вещей Мясковского. Днём меня возили по красивым окрестностям, затем я успел поработать, а вечером концерт. Народу мало, человек сто (всех членов в портлендском отделении семьдесят), но очень внимательны.

Случился и трагикомический инцидент: в том же здании, двумя этажами выше, был бал. Стук барабанов и вой саксофонов доносился до нашего зала и мешал

играть и слушать. Начались переговоры. Наконец барабанщика удалось заинтересовать, и он пришёл меня слушать, саксофоны же согласились временно играть тише.

Публика была receptive[5]. Интервьюеры написали, что я величайший из живущих композиторов. Мог ли я рассчитывать на это в Америке?! Впрочем, это, вероятно, нужно было для собственного портлендского престижа.

16 января

После вчерашнего концерта и маленького ужина уложил чемодан и в час ночи сел (или, вернее, лёг) в поезд. Сегодня очень приятное путешествие на юг, в Сан-Франциско. Железная дорога буквально извпвается среди невысоких, поросших хвоей гор. Хотя к вечеру мы порядочно продвинулись на юг. погода сделалась холодной и пошёл снег. Вот тебе и Калифорния! Днём много занимался и даже пользовался остановками поезда, чтобы писать ноты. Но к вечеру затяжелела голова и потому прекратил занятия.

17 января

Утром поезд привёз в Окланд, а затем на пароходе надо было пересечь залив, чтобы попасть в Сан-Франциско, что напротив. Пересекая этот залив, вспомнил мой первый приезд в Соединённые Штаты и неожиданный визит на Angel Island. В Сан-Франциско на пристани меня встретил Шмитс и повёз в Hotel Clift, где он сам живёт. К сожалению, у меня начала разболеваться голова. Я думал, уж не исцелил ли меня Klein одним разом от этой почти пятнадцатилетней напасти. Шмитс сказал, что сегодняшний концерт - первый в сан-францисском отделении Pro Musica. Он будет без программы, информальный. Кроме моих сочинений хорошо бы сыграть Мясковского и хотя бы Мусоргского. Поэтому я сидел в номере Шмитса и повторял их. Шмитс играет массу модерной музыки, учит также «Причуды» Мясковского. Любопытно, что из шести он выбрал как раз те же четыре, что и я.

Приятель Шмитса возил меня в автомобиле по окраинам Сан-Франциско. Видел Golden Gate, зелёные парки и Сан-Франциско с горы, внизу как на ладони. Погода была тёплая, солнечная, краски-яркие.

Днём у меня голова постепенно прошла: я работал в этом направлении. Обедал с Herz'ом, местным симфоническим дирижёром, тяжёлым, любезным, отсталым. Концерт в клубе. Народу человек сто пятьдесят. Шмитс сказал речь на тему открытия общества и обо мне. Говорит он монотонно и тоскливо, слава Богу, только пятнадцать минут. Затем играл я. Публика была внимательна и аплодировала. После Гавотов и других мелочей раздавались восклицания: «О!» После концерта тут же скромный ужин. Подходили дамы и говорили: «Мы с вами встречались здесь четыре года назад», или «...пять лет назад в Нью-Йорке». Я конфузился, так как, конечно, их не помнил.

18 января

Утром укладывал вещи, репетировал 3-й Концерт у Шмитса в номере и писал открытки. Именно из Сан-Франциско надо послать открытку в Европу, ибо всякий в Европе знает, что Сан-Франциско где-то на краю света. В час дня выехал обратно на восток. Опять на пароходе через залив и в Окланд на поезд.

Новая неприятность: разболелся передний зуб.

[5] Восприимчива (англ).

19 января

Днём пересекли Солёное Озеро. Погода снежная, серая, холодная; вид у озера пустынный и неприветливый. И только подъезжая к Ogden, картина приняла вдруг акварельный оттенок. Небо прояснилось, озеро сделалось нежно-голубым, снег на горах от заходящего солнца - розовым, а теневые складки гор - тёмно-синими. Зуб вёл себя смирно. Я занимался корректурой Op.23 (новое издание на четырёх языках), которое получил ещё в декабре, но за которое никак не мог взяться. Корректура - как раз вагонное занятие.

20 января

Мой поезд, по дороге в Kansas City, проходит через Denver, где я оставил Пташку. В Denver поезд прибыл к полудню. Пташка зелёная и замученная: на неё действовала высота Denver'а (1,5 км) и внимание дам, которое выразилось не столько в предоставлении ей тишины и комфорта, сколько в таскании её по завтракам и обедам. И только в последние дни, когда Пташка едва не хлопнулась в обморок, эти развлечения прекратились.

Продолжал корректуру.

21 января

Утром Kansas. Нас встретили на вокзале и повезли в отель, где нам уже задержаны две хорошие комнаты, разумеется, на наш счёт, оттого и две. Гонорар платят скромный, а комнаты задерживают дорогие. Haensel переслал из Нью-Йорка пачку европейской почты - очень приятно. Особенно приятно было письмо от Держановского - о необычайных успехах моей музыки в Москве. Затем был интервьюер, и нас возили в автомобиле по городу, который скорее симпатичный, особенно если попасть в него летом. После поездки мы просили нас не беспокоить, и были оставлены одни. Так как прислали пианино, то можно было заниматься. Но настроение в семье было скорее тяжёлым, так как у Пташки не звучал голос. Она чувствовала себя усталой после Денвера, а вообще, кажется, с ноября.

22 января

Концерт состоялся в клубе, очень хорошем, вступление в который стоит тысячу долларов. Это здание в двадцать два этажа, зал на двадцать втором, но комнаты для артистов нет. Нас сначала поместили в четвёртом этаже, потом подняли наверх и посадили недалеко от рояля, за ширмой. Председательница сказала речь (аудитория человек четыреста) обо мне и Пташке, а главным образом о задачах общества. Общество молодое, меньше года. Перед первым концертом у них было только сто шестьдесят членов, после первого концерта сто семьдесят пять, потом сто девяносто, а теперь двести четырнадцать. Это трогательно, особенно если принять во внимание, что цель общества - знакомиться с новой музыкой. Я играл хорошо. Пташка пела недурно, лучше чем в Denver'е, и во всяком случае лучше, чем можно было ожидать от её утренних упражнений.

После концерта нас поставили у эстрады и из четырёхсот человек по крайней мере триста подходило жать руки; одни подавали мягкую макарону, другие жали пальцы с хрустом. Большинство при этом говорило: «I am so glad, I am sure»[6]. Это «I am sure» очень меня забавляло: как будто, не будучи вполне уверены, они спешили

[в] Я так рад, я уверен (англ).

уверить и себя, и нас.

Затем тут же в клубе мы переоделись - и нас отвезли на вокзал в поезд. Kansas City знаменит своим огромным вокзалом. В старой Европе таких вокзалов нет. Там строили огромные храмы, здесь - вокзалы: у каждого свои идеалы!

23 января

Целый день ехали по направлению к Нью-Йорку. Я корректировал.

24 января

Приехать в Нью-Йорк должны были в 1.30 дня, но утром выяснилось, что мы опаздываем на три часа. По этому поводу машинист торопился и гнал поезд. Вдруг поезд окутался густым слоем пара как облаком, таким густым, что ничего не было видно. Из облака в оконные стёкла хлестала вода. Очевидно, что- то случилось. Поезд стал замедлять ход и остановился. Побежали люди. Выяснилось, что у паровоза взорвался котёл. Стали вызывать новый паровоз, который явился довольно скоро, через полчаса. Больной паровоз отвели и поставили на запасной путь. Котёл у него был действительно разворочен внизу у будки машиниста. Говорят, дело прошло весьма благополучно, а то могли сойти с рельс.

В Нью-Йорк приехали в шестом часу вечера. Остановились в Laurelton, где живёт Haensel и где я когда-то жил две недели - в сентябре 1919 года.

25 января

Вносил в банк чеки, заработанные во время турне. Упражнялся у Steinway, - в Нью-Йорке мы на два дня, и присылать рояль в отель не стоило. Обедали с Захаровыми, которые очень милы.

26 января

Пташка сегодня вовсе без голоса, поэтому решили - лучше, чтобы она вовсе не пела вечером. Концерт (от Pro Musica) состоялся в частной квартире, говорили о трёх связанных между собой залах, но оказалось три средней величины комнаты. Народу человек тридцать, преимущественно дамы, так что когда я сел играть, то чувствовал себя почти глупо, тем более, что ввиду манкировки[7] Пташки, не был уверен, заплатят ли мне все обещанные двести долларов. Играл я хорошо, а когда я кончил программу, то оказалось, что аудитория удвоилась и пришли кое-кто из музыкантов. Особенно хвалили за мои успехи в игре Захаров и Цецилия, что мне очень польстило, так как Захаров всегда относился к моей игре более или менее скептически. Деньги тоже заплатили сполна, а Пташке послали цветы. Вечером мы выехали в Бостон, где завтра утром репетиция с Кусевицким. Взяли себе compartment[8], которые здесь чрезвычайно комфортабельны, удобнее европейских купе. Но Пташка всё-таки не спала.

27 января

В семь часов утра Бостон. Остановились в Lenox Hotel. Бостон напомнил Англию, а тающим снегом - Петербург. Пташка легла спать, а я отправился на

[7] Отсутствие, от manquer (фр).

[8] Купе (англ).

репетицию. Куся встретил меня очень нежно, Наталья Константиновна тоже явилась на репетицию и была чрезвычайно мила, а то летом наши отношения были скорее прохладные. Оркестр прочёл Концерт разумеется хорошо, я тоже получил комплименты за мою игру. Действительно, страху и волнения никакого, а в связи с этим больше точности и возможность творить во время исполнения. То, что я не волновался во время провинциальных реситалей ещё не есть событие, но если я не буду волноваться в симфоническом концерте в Бостоне и Нью-Йорке - это будет огромной победой, огромный результат моего визита к Клейну. И какое облегчение! Ибо сколько мучения причиняло это волнение! После репетиции заехали за Пташкой и поехали завтракать с Кусевицкими, которые живут довольно далеко от центра в очень милом особняке. У них русский повар, вкусный завтрак и вкусное вино, которое, несмотря на prohibition, они получают из Канады. Место Эберга, по-видимому, займёт Пайчадзе, который уже полгода состоял его помощником, человек более деловой и гибкий, нежели Эберг, и джентльмен. Эберг вёл все дела в записной книжке и оставил их в таком запущенном состоянии, что теперь Пайчадзе распутывает их и никак не может понять, есть ли деньги в издательстве или оно в долгах. Пайчадзе лет сорок пять, он грузин, знает несколько языков, человек спокойный, вежливый, женат на давнишней знакомой Кусевицких.

28 января

Вторая репетиция. Оркестр играет хорошо, хотя ещё не все пассажи чисто. Концертмейстер - Бургин из петербургской Консерватории. Это он, лет пятнадцать назад, соблазнил Катюшу Борщ, в то время мою симпатию, за которой я довольно безуспешно ухаживал. Потом они лет десять были вместе, кажется поженились, и в конце концов попали в Америку. Здесь в неё влюбился персидский консул и увёз её в Персию. Бургин же попал в Бостонский оркестр. В прошлом году, по предложению Кусевицкого, он выучил и исполнил мой Скрипичный концерт.

Сегодня Кусевицкий репетировал ещё 3-ю Симфонию Скрябина. Я не понимаю, почему современный Париж, во главе со Стравинским и Дягилевым, ругает Скрябина, считая увлечение им - дурного вкуса модой. Пускай у Скрябина много нескладностей, пускай его программность и философствование делают часто его музыку чуждой, но всё же и огульное отрицание его есть, по-моему, тоже дань моде: у Скрябина замечательный мелодический дар, большое контрапунктическое чутьё, много красивых гармоний (но не тогда, когда он делается рабом своих гармоний), а всё это делает из него настоящего большого композитора, к которому надо относиться с большим респектом, чем Стравинский.

Сегодня я с чрезвычайным удовольствием слушал «Божественную поэму».

Днём оркестровал «Урсиньоля».

29 января

Днём мой первый концерт с Бостонской Симфонией[9]. Зал весь распродан. Пташку посадили рядом с Натальей Константиновной, на место Слонимского, а Слонимский стоял за кулисой. Я не волновался. Это Клейн. Какое облегчение! И насколько лучше я играю! Это тем более замечательно, что к Клейну я пришёл за другим - голова и блохи, и просто желание поучиться у него, но он сказал, что это всё страх, и действительно излечил меня от страха. Кусевицкий отметил улучшение в моей игре. Он был вообще очень мил: вывел меня на эстраду, как бы представляя публике, затем аплодировал после каждого номера и в конце; оркестр тоже;

[9] Бостонский Симфонический оркестр (Boston Symphony Orchestra).

вызывов пять, - по мнению Кусевицкого. это самый большой успех солиста за сезон. Но главное, что я играл так спокойно. После концерта поехали к Кусевицким, у которых обедали и провели вечер. Я говорил с Натальей Константиновной об издании книги Асафьева, а с Сергеем Александровичем об исполнении симфонии Мясковского. Пытался получить разрешение на гравировку моей следующей партитуры, но до мая никаких новых гравировок не будет, пока не распутают дела после Эберга. Слава Богу, хоть идёт работа над партитурой и материалом сюиты из «Апельсинов», и над новым изданием романсов Ор.23.

Обдумывали с Кусевицким купюры в «Божественной поэме»: эта вещь невыносимо длинна. Я предложил удалить нарост в первой части, между концом репризы и кодой, и некоторые тягучие места в финале, ибо тягучих мест уже достаточно во второй части (несмотря на купюры, сделанные Кусевицким).

30 января

Днём оркестровал, но не много.

Вечером второй концерт, с той же программой, который прошёл так же спокойно и успешно. Аплодировали, пожалуй, горячее, чем вчера, но вызовов было четыре вместо пяти. После концерта ужинали у Кусевицких.

Christian Science Church, самая первая, находится как раз около концертного зала. Вечером её купол освещается со всех сторон прожекторами, поставленными на окружающие дома; это очень красиво.

Вчерашние купюры в «Божественной поэме», по-моему, оказались удачными, но большой барабан, который я предложил прибавить к заключению темы вступления, звучал почему-то неважно.

31 января

Были у Пташкиного отца. Пташка уже была у него в предыдущие дни, а он приходил на концерт, которым остался очень доволен. Ему шестьдесят лет, но можно дать сорок-сорок пять. Он произвёл на меня очень приятное впечатление, даже несмотря на то. что плохо говорит и по-французски, и по-русски.

В пять часов мы выехали в Нью-Йорк, куда прибыли в десять вечера, и остановились в Laurelton: хорошая комната с ванной, на целый месяц.

1 февраля

Утром явился Gottlieb, который приехал в Нью-Йорк на всё время моего пребывания. Пытался подарить мне сто долларов, что я отверг, хотя без негодования, Пташка же чуть не обиделась за то, что он дарит деньги. Но я объяснил, что это от добрых чувств и по бестактности.

Вечером были на концерте Сигети, но мне не очень понравилось, как он играл.

2 февраля

Завтракал с Захаровыми. Оркестровал.

3 февраля

Приехала в Нью-Йорк Наталия Константиновна, которая привезла материал на «Кармен-сюиту» - Московский Художественный театр перекромсал «Кармен» и переделал музыку Бизе. От этого драматическое действие очень выиграло в своей

интенсивности. Кое-где, вместо речитативов, разговоры. Это меня вновь вернуло к мысли о пьесе, построенной на ритмованной мелодекламации. Но для этого надо быть в России, так как такая вещь тесно связана с языком, и, если я делал бы, то только по-русски. Кроме того, для первого опыта надо найти очень подходящий сюжет.

После спектакля, который я нашёл чрезвычайно интересным, Сальседо, обиженный манипуляцией с музыкой Бизе, налетел на меня и даже надерзил.

4 февраля

Вечером нью-йоркское выступление с Бостонским оркестром, центральное событие моего американского пребывания. Нью-Йорк - самый отвратительный город для артиста: обожравшийся, слышавший всех лучших артистов, придирчивый, в новой музыке почти ничего не понимающий и в то же время решающий судьбу артиста для Америки; словом парвеню[10], покупающий старинный замок. Перед обедом я чувствовал некоторую нервность, но к вечеру она прошла. Играл хорошо. Зал полон. Когда я вышел на эстраду и сел за фортепиано, то почувствовал, что всё дрожит; оказалось, что это проходит subway[11].

Успех, пожалуй, больше, чем в Бостоне[12]. Вызывали три раза, затем четвёртый, последний, и я ушёл в артистическую, но через некоторое время за мной пришли и сказали, что надо кланяться ещё раз, так как в зале всё ещё хлопают. Я вышел в пятый раз, и тогда была большая овация. В артистической Клемперер, немецкий дирижёр, который сделал большие успехи в России, Гизекинг, Тайфер и другие, все очень приветствовали. После концерта ужинали: Захаровы, мы. Бургин и Саминский.

5 февраля

Парадный (и очень вкусный) завтрак у Steinway: Toscanini. Рахманиновы, Кусевицкие, Ауэр, последний бодр и весел, несмотря на свои восемьдесят два года. Рахманинов, как только со мной поздоровался, ушёл в другую комнату, и за завтраком был посажен в другом конце стола, но перед прощанием я его расспросил про его концерты, про Метнера, а Пташка про внучку, и эти темы были для него приятны. Тосканини чрезвычайно близорук, почти слеп, но самое красивое в нём - это его глаза. Я мало с ним смог поговорить, но с Кусевицким они условились сообщать друг другу об интересных новинках и в качестве первой из них Кусевицкий рекомендовал ему «Классическую» Симфонию, которую Тосканини и обещал сыграть в мае в Милане. Пташка разговаривала с ним и его женой, толстоватой и простоватой итальянкой, по-итальянски. Она пригласила нас навестить их, когда будем в Италии.

Вернувшись домой, едва успел передохнуть и почитать Science and Health, как пришлось одеть фрак и ехать к Кусевицкому, вместе с которым отправились в Бруклин. Жёны устали и остались дома. Концерт исполнили хорошо, хотя менее бодро, чем вчера в Нью-Йорке, так как у нас самих напряжение было меньше. Вызовов три или четыре. В числе слушателей был Klein, которому я послал билет. В артистической были Анисфельды и Готлиб с братом и сестрой. Анисфельды прошли за это время через полосу неуспеха и забвения, но теперь дела их вновь улучшились.

[10] Выскочка, от parvenu (фр).

[11] Подземка, метро (англ).

[12] Был исполнен 3-й Концерт для фортепиано и оркестра.

Телеграмма Вебера о принятии «Огненного ангела», без знакомства с музыкой, в Берлинскую Оперу.

6 февраля

Днём второе нью-йоркское выступление, которое прошло так же хорошо, как и первое. В артистической поседевший Асланов, которого я не видел восемь лет, затем Люси Ходжаева, по мужу Давыдова, с которым она, впрочем, развелась. Люси изменилась: я помню её барышней, почти девочкой; теперь лицо у неё интересное, жгучее, но уже потрёпанное. Так рано! Нам мало удалось поговорить. Её родители и Лиза в Кисловодске.

Вечером с Кусевицким были у дирижёра Шеллинга, где кишели всякие знаменитости: Тосканини. Габрилович, Ольга Самарова и прочие.

Вчера в Бруклине, пока я дожидался моего выхода на эстраду, мне пришло в голову новое разрешение старого «вечного» вопроса о происхождении зла. Человек есть отражение Бога; человек есть индивидуальность, которая сохраняется за ним навеки; согласно Christian Science индивидуальность никогда не уничтожается, не поглощается и не растворяется в Божестве. Когда был создан человек, т.е. индивидуальность, то в каждом человеке надо было вложить сознание своей индивидуальности, т.е. сознание, что он отличается от своего брата и, следовательно, не есть свой брат. Отсюда родилось себялюбие: это я, а не он. Быть может, это себялюбие было в некоторой мере необходимо для того, чтобы неокрепшие индивидуальности не слились между собой? Ибо, если нет себялюбия, то индивидуальности склонны к слиянию: вообразим человека, который любит другого больше себя; он начинает перенимать его свойства и постепенно теряет собственную индивидуальность. Но раз мы признали рождение себялюбия, то мы уже признали рождение зла, ибо зло происходит от большей любви к себе, чем к другому. Выводы: зло есть необходимый составной элемент в процессе сотворения индивидуальности. Бог не сотворил зла, Бог сотворил индивидуальность, зло же есть то временное, что должна преодолеть индивидуальность, чтобы сделаться самой собой. Christian Science считает зло нереальным, ибо зло есть явление временное: в вечности же, где нет времени, всё то, что во времени - нереально. Это мировой миг, который не относится к вечности. До каких пор будет длиться зло? До тех пор, пока индивидуальности окрепнут настолько, что их устремление друг к другу не будет вести к слиянию и уничтожению. Отсюда: поворот человека к добру и отказ от зла есть симптом созревания его индивидуальности.

7 февраля

Критики после каждого из этих трёх концертов наполовину хорошие, наполовину дрянные. Если хорошие, то с оглядкой, если плохие, то в наглом тоне. Умнее других написал старик Гендерсон: он хотя не много понял, но рекомендовал отнестись внимательно и осторожно. Так же следовало писать и вышеуказанным наглецам, которые до того глупы, что не видят собственной глупости. Как я рад, что не завишу от этих отбросов, как, к сожалению, многие зависят: через три недели я уезжаю, а если вернусь, то вернусь по приглашению дирижёров, которые сделают эти приглашения не на основании критики (как делает американская провинция), а на основании того признания, которое даёт мне Европа.

8 февраля

Последующее пребывание в Нью-Йорке восстановлено по очень сокращённым

записям, поэтому оно записано неполно.

9 февраля

Был у издателя Кнопфа. Прошлым летом Кусевицкие сами заикнулись, что интересуются печатать книги Асафьева, а когда я в связи с этим написал последнему и тот с чувством заговорил о своей мечте издать книгу о стиле русской оперы, Кусевицкие пошли на попятную. Получилось положение, неловкое по отношению к Асафьеву. Поэтому я всё время напирал на них, говоря, что это дело надо бы как-нибудь разрешить. Кусевицкие сдружились в Нью-Йорке с Кнопфом, молодым и богатым издателем, их поклонником, и теперь посоветовали мне пойти с ним объясниться. Кнопф был мил, подарил мне английский перевод автобиографии Римского-Корсакова, отлично им изданной, но сказал, что подобного рода книги имеют лишь малый сбыт, и если он их всё же печатает, то только «по сентиментальным соображениям». Словом, книгу Асафьева он готов взять, но гонорар будет ничтожный. Таким образом, в поисках лучшего гонорара, я решил этот вопрос пока отложить.

Вечером старик Нельсон, у которого после премьеры «Апельсинов» в Чикаго я ужинал, пригласил нас обедать в Plaza, а потом в театр на пьесу «Патси». По глупости он перепутал и думал, что она называется «Taxi». Всё было бы мило, но он пригласил ещё безнадёжно тупую и развязную даму, которая испортила мне весь вечер и так извела, что я под конец пренеприлично надулся.

10 февраля

Днём в приятном американском вагоне-салоне отправился в Бостон, провожаемый Пташкой.

11 февраля

Утром пошёл на репетицию, так как после неё Кусевицкий обещал сыграть мой Квинтет тем же увеличенным составом, которым он играл осенью в Нью-Йорке. Квинтет исполнители, конечно, забыли (да и никогда, вероятно, хорошо не учили), а Кусевицкий и вовсе не смог промахать третью часть, которую пришлось пропустить. В результате Квинтет совсем не звучал, и впечатление было тягостное. Я был расстроен, но потом, посмотрев дома в партитуру, нашёл, что он всё-таки сделан хорошо и должен звучать, только его выучить надо назубок и играть, конечно, без удвоений.

Вечером мы с Кусевицким по колоссальным сугробам в автомобиле поехали в Cambridge, город, примыкающий к Бостону, где состоялось шестое выступление с той же программой. Прошло хорошо, хотя более сонно, чем в Нью-Йорке, да и рояль Steinway для провинции дал мерзкий.

После - ужинали у Кусевицких, которые были в полосе милой и простой, и дали, чтобы я отвёз Пташке, бутылку настоящего португальского портвейна, что в «сухой» Америке подарок ценный. Укрепил мою интригу относительно исполнения Кусевицким 7-й Симфонии Мясковского в Париже весною. Кусевицкий говорит, что хорошо, это решено.

12 февраля

Путь обратно. В момент отхода поезда вскочил Сигети. Сидели с ним в вагоне- ресторане и беседовали. В Европе он целых два года повсюду разыгрывал мой

Скрипичный концерт, и неизвестно, кто кому сделал карьеру: он ли Концерту или Концерт ему. Но, приехав теперь в Америку, он вдруг чего-то испугался и, хотя ему предлагали играть мой Концерт в Бостоне и Филадельфии, предпочёл ему Брамса. Глупо. С моим Концертом был шанс на удар, а Брамса, разумеется, лучше играют и Хейфец, и Крейслер, и другие. Сегодня Сигети говорил: Америка - странная страна: если артист в ней «прошёл», то у него сотня городов для концертов, но если не прошёл, то вдруг вокруг него вырастает каменная стена и, несмотря на множество городов, он должен уехать - или он умрёт с голоду.

Дамрош просил меня ему позвонить, говоря, что у него ко мне есть дело: хочет исполнять мои сочинения. Сегодня Пташка звонила ему по моей просьбе, но вышло как-то так, что ему теперь некогда, что он сейчас ничего не может сказать, словом, будто не он просил, а я к нему навязываюсь.

13 февраля

Вечер современной музыки.

Бледный Квартет Казеллы и «Свадебка» Стравинского. В зале чувствуется интерес, много музыкантов. Дирижировал Стоковский, но он не выучил партитуры и выехал только на том, что все четыре фортепиано были в надёжных руках: Казелла, Тайфер, Энеско и Сальседо.

Вышло недурно и очень приятно было послушать «Свадебку». Всё-таки это лучшая вещь Стравинского. Был большой успех. «Свадебка» шла первым номером, затем Казелла (ерунда и скука), а затем опять повторили «Свадебку». Рахманинов сидел в одном из первых рядов. Как только он увидел, что опять собираются музыканты, чтобы повторить «Свадебку», он опрометью бросился из зала, задевая стулья и наступая на ноги встречным.

15 февраля

Утром пошёл к Klein'y, который очень хвалил мне мой Концерт, на котором был десять дней назад в Бруклине. Сегодняшний сеанс не был таким удачным, как первый, так как всё время прерывали звонки по телефону, в том числе о новой квартире, на которую он скоро переезжает. Впрочем, Klein имеет удивительную способность немедленно сосредоточиться и не терять линии после телефонного разговора. Между прочим, Klein говорил о простоте восприятия Бога, о том, что Бог не есть где-то там, в метафизических высотах, а здесь, рядом, - готовая помощь в любом затруднении, ибо Бог есть не отвлечённое понятие, а принцип добра, самое добро, следовательно, всякий добрый поступок и есть присутствие Бога. Я ему рассказал о моей борьбе с зубной болью и о том, что, хотя боль прошла, но время от времени зуб даёт себя чувствовать по сегодняшний день. Рассказал ему про замечательный результат уничтожения волнения во время концертов и про то, что невралгия за этот месяц была у меня только один раз, слабо. После этого Klein дал мне «help»[13], а затем заставил повторять меня, что нет невралгии, нет «dental low»[14], нет грешных образов, ни образов болезни. Желал мне большого успеха в Providence и просил зайти вновь.

Судя по последнему месяцу с его единственной слабой невралгией, я думал, что теперь я исцелён от этого спутника на протяжении тринадцати лет, но днём без каких бы то ни было причин началась сильная невралгия, которая испортила весь день и прошла лишь ночью. Терпение!

[13] Помощь (англ).

[14] Зубной фон (англ).

16 февраля

Поездка в Providence, приятная: четыре часа езды в удобном Pullman car при солнечной погоде. Догонял дневник.

Концерт (седьмой и последний с Кусевицким) прошёл хорошо, это было, пожалуй, лучшее исполнение из семи. Кусевицкий сказал, что в будущем году я не могу быть ангажирован Бостонским оркестром, который никогда не ангажирует два года подряд, но через год он мне устроит ещё большее турне.

Я заночевал в Providence, в очень удобном отеле, но спал плохо, так как шумел водопровод. Вот: столько удобств, а до спокойствия своих клиентов не додумались.

17 февраля

Обратно из Providence в Нью-Йорк.

18 февраля

Днём отправились в Metropolitan на генеральную репетицию «Skyscrapers» Карпентера.

История этого балета такова. Как-то Дягилев, обедая с Карпентером, сказал ему: «Отчего бы вам, американцам, не написать настоящий американский балет?» Тут он начал импровизировать - небоскрёбы, машины и прочее. Карпентер взял и вдохновился - и действительно написал такой балет. Словом, через год он явился к Дягилеву со словами: «Я написал балет, о котором вы говорили, и специально приехал из Чикаго сыграть его вам. Через несколько дней я уезжаю обратно в Америку». Дягилев был смущён, что человек примчался из Чикаго, дабы сыграть ему балет, и во время исполнения мычал звуки одобрения. После этого Карпентер уехал, уверенный, что балет принят, а Дягилев сунул ноты в какой-то ящик и забыл. Так прошёл год или больше, наконец к Дягилеву явился посланный от Карпентера и спросил, будет ли он в конце концов ставить, а если нет, то пусть вернёт ноты, потому что в таком случае балет поставят в Америке. Дягилев отыскал ноты и поручил Дукельскому просмотреть их. Дукельский просмотрел и заявил, что хотя Карпентеры были очень милы к нему, когда он жил в Нью-Йорке и что хотя он ухаживал за их дочкой, но «Небоскрёбы» ни к черту не годятся, - после чего Дягилев вернул их. Таким образом они попали в Metropolitan, и сегодня увидели свет рампы.

Дукельский, впрочем, оказался прав. Декорации занятные, танцуют слабо, больше бегают. Музыка - отлично оркестрованная, «модернистичная», но пустая. Отзвуки «Петрушки» Стравинского и французов.

Вечером были у Ингерманов. Там же был Асланов. Его жена даёт уроки пения, а он ей аккомпанирует.

19 февраля

Занимался. Несмотря на толкотню, оркестровка балета движется.

Вечером у Анисфельда. После ряда цветущих годов, лучшим из которых был год постановки «Апельсинов», Анисфельдом в Америке перестали интересоваться, и он провёл весьма голодный период. Теперь он снова воскрес, по крайней мере материально, где-то работает и сделался американским гражданином. Когда я стал упрекать его за измену России, он сказал: «Ведь я бессарабец и теперь отошёл к Румынии; так лучше уж быть американцем».

21 февраля

В былые мои приезды в Америку критиком в самой влиятельной вечерней газете в Нью-Йорке «Evening Post» был некто Fink, консерватор из консерваторов. Теперь времена переменились и на его месте сидит Mme Olga Samaroff, современная пианистка и разведённая жена Стоковского, американка, принявшая русский псевдоним. Сегодня она пригласила меня к себе, дабы я дал ей интервью, и это было моё первое серьёзное интервью в Америке. Вопросы ставились серьёзные, дельные, и на многие я, прежде чем отвечать, должен был подумать. Ура, Америка идёт вперёд! У Самаровой же я слышал нового молодого скрипача Вейсборда, молодого русского еврея из Прибалтийского края. Он мне показался скрипачом весьма замечательным. Жаль, что при нём состоит ужасный папаша, вроде как у Эльмана, которьш всё время вмешивается в разговор и расхваливает сына тогда, когда это вовсе не надобно.

Был на концерте Клемперера, который пользовался таким бурным успехом в Советской России. Он на меня не произвёл особого впечатления. Да и бьёт его здесь его же соотечественник Фуртвенглер.

22 февраля

Днём занимался. Вечером были у Эдуарда Ласкера, шахматиста, однофамильца чемпиона. Это тот, который помещал в американских газетах мои шахматные партии. Были ещё: старший Пиастро со своею женой Березовской, за которой я немного ухаживал в Консерватории лет двадцать тому назад (ого, какие сроки уже появились в моей жизни!) и Миша Эльман. К удивлению, у него довольно недурная жена. С Мишей Эльманом мы, разумеется, сейчас же сели за шахматы - старая rivalité[15]! На этот раз он проиграл довольно быстро. Разыграл он довольно неплохое Ginoco piano, но затем был вял, потерял положение и я выиграл, пожертвовав довольно красиво фигуру. «Что же это вы?» - спросил его. Он ответил: «Я не могу сосредоточиться, ведь я жду ребёнка!» Я спросил его, знает ли он Вейсборда. Эльман ответил: «Да, он хороший скрипач, но ему всю карьеру испортит ужасный папаша». Пикантное замечание из уст Эльмана, знаменитого своим монструозным папашей.

24 февраля

Кусевицкий получил доктора музыки в Brown University, он очень доволен, и сегодня состоится его коронование. Послал поздравительную телеграмму.

25 февраля

Был на концерте Фуртвенглера, пользующегося здесь огромным успехом. Мне было интересно послушать, как немец играет такую вещь, как 6-я Симфония Чайковского, - немного сдержанно и точно выигрывая все пассажи. Хотя я с ним не был знаком, но решил после концерта пойти пожать ему руку (ко мне же приходили незнакомые дирижёры!). Фуртвенглер спросил, как я нашёл 6-ю Симфонию. Я ответил: «Очень интересно, немного слишком классично». Фуртвенглер задетым тоном спросил: «Что вы понимаете под слишком классично?» Я начал объяснять ему, запутался в немецком языке, в это время к нему подходили различные дамы, и в конце концов так его заполонили, что я откланялся и ушёл

[15] Соперничество (фр).

под впечатлением, что пришёл я пожать руку, а на самом деле сказал какую-то неприятность.

26 февраля

Уехал в Сиракузы, мой последний концерт, за который, впрочем, платят две копейки. Город Сиракузы замечателен тем, что поезд жарит прямо по улице, едва не задевая автомобили, стоящие у тротуаров. В гостинице я нашёл ужинающего дирижёра Савича, с которым прошли темпы моего 3-го Концерта.

27 февраля

Утром репетиция. Оркестр провинциальный, но старается. Играем одну первую часть 3-го Концерта, - всё трудно, к тому же программа должна быть короткая. Но я и рад. За гонорар в двести пятьдесят долларов и одной части много. Концерт сейчас же после репетиции в двенадцать часов дня. Я имею успех, но ещё больший успех имеет местная свистунья. Дело в том, что исполняются ещё «Римские сосны» Респиги, где должен свистеть соловей в лице граммофона, записавшего истинный свист соловья. Здесь же вместо граммофона пригласили одну местную miss, которая свистит лучше граммофона. А так как мисс оказалась дочерью известного отца, то публика устроила ей овацию. Когда после концерта она стояла с букетом роз, я спросил у неё, не замирали ли у неё со страху губы. Она, смеясь, ответила, что замирать не замирали, но было очень страшно. Последним номером концерта шли «Прелюды» Листа. Я давно не слышал их, кажется, со времени исполнения в Консерватории, и теперь слушал с интересом, хорошо, но много деланного и холодного.

После концерта завтрак, а затем на поезд и в Нью-Йорк. Вернулся поздно вечером, усталый. Но Пташка была на спектакле Фокина, а затем уехала с Фокиными и Mme Рахманиновой ужинать и вернулась лишь в три часа ночи. Я очень рассердился. Рахманинов был тоже на спектакле, в одной ложе с Пташкой и был любезен с нею, но ужинать не поехал.

28 февраля

Haensel с женою пригласил нас обедать в шведский ресторан, где масса всяких закусок, так много, что самого обеда не хочется.

1 марта

Корректирую ролики Duo Art. Сижу там по несколько часов в день до одурения. Но надо кончить до отъезда. Тут же корректор, который работает со мной, в прошлом году работал с Метнером; говорит, что Метнер отличный музыкант и с ним было интересно работать.

Вечером в концерте, где исполняли симфонию Мийо, кажется, шестую, для малого ансамбля: голоса и несколько инструментов. Задумано, как звучность, интересно, но музыка плохая.

2 марта

Корректировал Duo Art. Обедали у В.Башкирова, в Бруклине. Его мать сделала вкусный русский обед. Тут же была красивая girl'a, которую он неофициально выставляет своею невестой. Она пишет стихи и Владимир Николаевич собирается

издать их. То-то бедный Б.Н., если б он знал это! А.Д. хлопотала по хозяйству, была любезна, но по-моему, немного сдержанна. Кажется, она обвиняет меня в том, что я бросил Бориса Николаевича на произвол жизни в Париже. Но ведь не мог же я вечно кормить его грудью!

3 *марта*

Фуртвенглер таки пригласил меня завтракать и допытывался, что я хотел сказать выражением «слишком классичное исполнение». Говорили о музыке, о Стравинском. Фуртвенглер собирался играть меня в Германии.

4 марта

Duo Art. Работаю вовсю. Вечером были у Клемперера, который тоже высказывал интерес к моим сочинениям и интересовался, может ли он получить для Америки или Германии мои премьеры. Именно премьеры, а не просто исполнение. С моей музыкой он довольно мало знаком и любит Стравинского.

Сделали несколько прощальных визитов, в том числе Стейнвеям и Зилоти. С Зилоти, впрочем, это был в то же время и визит, представляющий ему Пташку, ибо за два месяца пребывания в Америке мы, из-за сутолоки, до сих пор не удосужились у него побывать. Зилоти, по-видимому, был очень обижен и под предлогом, что у него ученик, не принял нас. Потом он звонил мне по телефону и мы говорили о том, как получить с Филадельфийского оркестра гонорар Мясковскому за материал его 5-й Симфонии.

5 марта

Самарова передала мне приглашение обедать сегодня у Mrs Otto Kahn. По-видимому, Ольга Самарова ведёт мою пропаганду. Mrs Kahn интересовалась, скоро ли пойдёт в Берлине «Огненный ангел», если этой весной, то она пошлёт Gatti Casazza его послушать (то-то наслушал бы!). Я ответил, что его надо ещё переделывать и оркестровать, и следовательно, если пойдёт, то в будущем сезоне.

6 марта

Отплыли обратно в Европу на «France», недавно ещё лучшем пароходе французской линии, но теперь забитый более элегантным и большим «Paris». У нас хорошая каюта. Никто нас не провожал.

Чистый доход от этой поездки в Америку определяется приблизительно в две тысячи долларов. Кроме того, уплачено различных старых долгов приблизительно на тысячу долларов (Haensel, Hussa, журналы etc).

12 марта

Уже с утра были видны английские берега. Перед полуднем зашли в Plymouth, а вечером прибыли в Гавр, однако, чтобы не приезжать в Париж в два часа ночи, оставили пассажиров ночевать до утра. Но мы, хоть рано легли, почти не спали: до часа шумели кутившие пассажиры, а с полпятого утра началась разгрузка парохода. Когда пароход в движении, то шумы не так проникают в каюту, но когда он стоит на месте, то видишь, что стенки у него картонные.

Ночью я много думал о либретто, придумывал новый скелет, а последнюю картину обдумал довольно подробно.

21 марта

В Америке, в поезде, мне пришла идея, как переделать первые восемь тактов 2-й Симфонии. Теперь я окончательно доделал это изменение, соркестровал и вклеил - для исполнения Страрамом шестого мая.

Читал присланную из Москвы книгу Сабанеева о Скрябине. Любопытно было прочесть о негодовании, которое вызвала моя музыка у Скрябина. Сам Сабанеев недавно приехал в Париж. Мне он безразличен, но Мясковский с сердцем отмечает ругань Сабанеева по его адресу, по-видимому, желая, чтобы я поддержал его, Мясковского, в случае встречи с Сабанеевым.

22 марта

Почти весь день ушёл на визы для предстоящих поездок. Вечером неожиданно явился Дукельский. Он только что из Лондона, где провёл зиму, сочиняя оперетки и revues и подработав порядочно денег. За какую-то оперетку он получает теперь «пенсию» - пятнадцать фунтов в неделю. Новые костюмы, галстуки и любовные приключения, о которых он рассказывает с наивным бесстыдством. Играл он мне также начало нового, «серьёзного», балета: интересно. Совершенно непостижимо, как он соединяет написание фокстротов с настоящей хорошей музыкой!

23 марта

Приехал Дягилев из Монте Карло. «Урсиньоль» репетировать не начинали. Дягилев телеграфировал Якулову, прося привлечь Мейерхольда, но Якулов ответил, что Мейерхольд занят до июня, и предложил Таирова, которого Дягилев принять не мог, так как Таиров уже был в Париже и Парижу не понравился. Дягилев не прочь отложить постановку до будущего года, так как в будущем году двадцатилетие его, как он сказал, «славной деятельности», и он хотел бы дать исключительно русский сезон: Стравинский - Прокофьев - Дукельский. Но самое главное - у него сейчас совсем нет денег. «Найдите мне восемьсот франков и я завтра же начну репетировать ваш балет». Разумеется: всё может повернуться и в ту, и в другую сторону в зависимости от целой серии обстоятельств. Но я скорее склонен думать, что симптомы неважные и что опять, когда сочинишь удачную вещь, её будут солить.

Завтракали и обедали втроём: Дукельский. Пташка и я, и в этой же компании были у Самойленко, где Дукельский пытался ухаживать и за Фатьмой, и за Тамарой, и за Милей. Он согласился со мной, что «Серенада» Стравинского, которая как раз выходит из печати, содержит мелодические обороты под Рахманинова и звучности типа Метнера. Ха-ха!

24 марта

Утром выехал во Франкфурт-на-Майне - мой первый концерт с оркестром в Германии. Переезд приятный. Виз не спрашивали. Во Франкфурте в десять часов вечера. Большой, хороший немецкий город. Почти нет автомобилей на улицах. Погулял и лёг спать.

25 марта

Оказывается, меня выписали сюда по ошибке на сутки раньше, чем следует. Репетиция лишь завтра. Дирижёр Krauss человек моего возраста, с приятной

проседью, красивый, вроде тореадора из «Кармен». Кто-то говорил мне, что он незаконный сын австрийского эрцгерцога. Днём я писал письма, отвечал на известия о постановке «Апельсинов» в Ленинграде. Гулял по Франкфурту, был чудный весенний день.

26 марта

От десяти до одиннадцати утра репетиция, затем в одиннадцать явилась в зал платная публика и состоялась платная репетиция. Краус аккомпанировал очень приятно. Затем одна дама, имеющая отношение к организации, повезла меня к себе завтракать. Она голландка, замужем за немцем, у неё останавливался Сигети. Большой особняк, милые дочки, особенно одна, лет пятнадцати, которая учится в Швейцарии. Фамилия Roediger. Днём я спал и когда проснулся, то оказалось, что на улице прошёл дождь и был совершенно изумительный весенний воздух. Я вышел в сквер, там пахло распускающимися почками и влажной землёй. Когда же я опять буду встречать весну в деревне?! В семь часов вечера концерт - парадный, абонементный, - богатая и равнодушная публика. Но Концерт имел успех, вызывали три раза. После концерта ужин в клубе, человек пятнадцать. Рассказывали, что кто-то в зале остался недоволен, когда в побочной партии первой части заиграли кастаньеты. «К чему это?» - сказал он. Сосед, который, по-видимому, немного знал мою биографию, ответил: «У него жена испанка». Здорово!

27 марта

Писал письма. Хотел оркестровать «Урсиньоля», но потом решил, что лучше развязаться с письмами. Гулял по берегу Майна. Обедал у Крауса, у которого отличная квартира. Он очень хвалил мои сочинения, которые ему нравятся гораздо больше Стравинского, что, впрочем, ещё не большой комплимент, так как больше всего Краус любит своего венского согорожанина Рихарда Штрауса. Так или иначе, но в будущем сезоне он обещает играть ряд симфонических вещей и интересуется моими операми, ибо он дирижирует также в Франкфуртской Опере.

На глазах у меня опять красные блохи. Работал Christian Science вчера и сегодня; сегодня лучше.

28 марта

В пятницу был абонементный концерт для накрахмаленной публики, сегодня в одиннадцать часов утра - популярный, в зале главным образом молодёжь, очень горячая. Я играл очень хорошо и Краус хорошо аккомпанировал. Хлопали очень громко, весь зал. Вызовов четыре. Когда мы выходили на улицу и садились в автомобиль, несколько молодых девиц стояли и ждали нашего выхода. Стояли они неподвижно, без выражения на лице, точно при выносе покойника. Как только мы сели в автомобиль, они ушли. В 3.27 я выехал обратно в Париж, увозя очень приятное впечатление от Франкфурта.

1 апреля

Встали в 6.15. поезд уходил в 8.10, целый день ехали и в полдевятого вечера прибыли в Модану, на итальянской границе, где остановились ночевать, чтобы не ехать ночью. Спальных билетов мы достать не могли: всё продано: все на Пасху едут в Италию. Модана - на высоте 2000 м, зажата горами, под окнами горная речка. Очень приятно, но для краткого пребывания.

2 апреля

Утром немного гуляли, но был такой яркий свет, что у меня текли слёзы. Затем я оркестровал «Урсиньоля», который за последнее время остановился - после расхолаживающего разговора с Дягилевым. Но всё же, будет он его ставить в этом году или в будущем, партитуру надо кончать, а затем уже приниматься за «Огненного ангела». Обдумывал тему главной партии для небоскрёбной увертюры, которую начал сочинять в Париже. В двенадцать часов пришёл из Парижа поезд в Италию, вышедший из Парижа вечером. Мы сели в него, доплатив до первого класса, так как поезд был набит битком. В пять часов Турин, пересадка. Гуляли и ездили по городу. Турин нам не так понравился, но очень приятно было посидеть в парке над По: очаровательный весенний аромат, вид на По и на ту сторону, и много катающихся в лодках по реке. В восемь часов вечера выехали в спальном вагоне в Рим.

3 апреля

Подъезжаем к Риму. Мелькнул кусочек моря и яркие зелёные поля. В 9.25 Рим. Сундук ещё не пришёл. Поехали в отель, где нам уже заранее задержали комнату. Hôtel des Princes, после Америки - учреждение довольно ветхозаветное, комната так себе, цены вдвое против парижских, но рассуждать не приходится: завтра Пасха и Рим набит битком. Столкнулись с Боровским, очень обрадовались. Он, оказывается, приехал тем же поездом, что и мы, и завтра едет играть в Неаполь. Вместе пошли гулять по городу. Рим производит большое и внушительное впечатление. На каждом углу здания, такие новые в своей старине. Затем Боровский завтракал у нас. Поехали за сундуком. В таможне чиновник пытался выудить с нас деньги, беззаконно, а когда я потребовал расписку, он гневно воскликнул: «Рим существует две тысячи лет! Не нужно мне ваших денег!» Вообще на каждом углу тянут деньги, то полузаконно, то вовсе обманно, и потому чувство от Рима смешанное: и восхищение, и досада.

4 апреля

Боровскому удалось найти Муратова, писателя и корреспондента, который отлично знает и любит показывать Рим, и он всё утро водил нас то по старинным улицам, то мимо дворцов, то на вершину, где испанская академия и очаровательный маленький храмик во дворе, где по преданию распят был апостол Пётр. Оттуда вид на весь город и мы считали семь холмов, на которых построен Рим. Дальше мы пришли к собору Св.Петра, невероятно огромному внутри. Говорят, он вмещает до тридцати пяти тысяч человек. И опять противоречивые чувства: с одной стороны - великолепие собора и удивление перед мощью католицизма как организации, с другой стороны - какая-то гниль в корне этой организации, когда налево от алтаря Муратов показал гробницу одного из пап, у подножия которой скульптура обнажённой женщины, моделью для которой скульптор выбрал любовницу этого папы. Да и алтарь - барокко - мне не понравился: какое-то адское пламя с папскими фигурами, вьющимися в нём. Муратов развивал мысль, что сила католицизма в безбрачии духовенства. Не важно, что иные аббаты грешат, важно, что у них нет семьи, нет привязанности, что аббат чувствует себя солдатом своего дела, носителем известной миссии.

Оказывается, что мой концерт оттого перемещён на седьмое, что сегодня исполнение «Царя Давида» Онеггера, которое, в свою очередь, было перемещено из-за взятия зала правительством под какую-то демонстрацию. Это уже второе

исполнение «Давида», а так как первое имело огромный успех, то принесли в жертву меня, отодвинув с праздника на будни. Кроме того, главный дирижёр Молинари, с которым я играл одиннадцать лет назад, так занят «Давидом», что дирижировать мне будет молодой Rossi. В общем, по отношению ко мне свинство. Нам прислали билеты на сегодняшнее исполнение «Давида», но мы решили не идти.

5 апреля

Вчера так находились, что сегодня решили умерить пыл. Кроме того, надо было позаняться, ответить на письма, проиграть мой Концерт дирижёру. Росси (двадцать четыре года) оказался хорошим музыкантом, он знал хорошо партитуру и даже выудил ошибки.

6 апреля

Репетиция с оркестром. Когда Росси, по обычаю, представил меня оркестру, они в ответ на мой поклон тоже встали - вежливость, которой не могут похвастаться другие оркестры: обыкновенно, в ответ на поклон солиста, хлопают смычками о скрипку или пюпитр, сидя пузом вверх. Но во время репетиции чихали и разговаривали, может быть оттого, что ни в грош не ставят Rossi. Последний был очень вежлив с оркестром, но деловито вести репетицию не умел. Днём проходили романсы с Пташкой, которая не может отделаться от страха. Вечером опять репетиция с оркестром: довольно гладко проиграли весь Концерт, от начала до конца.

Секретарь общества вручил нам письма к монсиньору, заведующему приёмами у папы, говоря, что мы можем получить аудиенцию. Это нам не приходило в голову, но мы очень заинтересовались: я не знал, что это так просто.

7 апреля

Утром отправился в Ватикан с письмом от академии, чтобы по этому письму получить аудиенцию у папы. Меня встретила швейцарская стража в средневековых костюмах, сделанных, как я узнал позднее, по рисункам Рафаэля, и указала дорогу в канцелярию монсиньора. Там сидело человек двадцать разного народа: монашки, англичане - и мне пришлось прождать с полчаса, пока я попал к столу секретаря, энергичного и любезного монаха. Он спросил, на какой день я желаю аудиенцию, я ответил - на завтра; он сказал: завтра утром мы вам пришлём приглашение. Я поблагодарил и ушёл. Возвращаясь в отель, я услышал, что, пока я сидел в Ватикане, какая-то старая женщина стреляла в Муссолини и отстрелила ему часть носа и что потому весь Рим в волнении. Самое главное: будто эта женщина русская. Вот так и сегодняшний концерт! Или освищут, или бросят чем-нибудь, или ещё хуже - стрельнут: или - отменяй концерт вовсе, а с ним и всё турне по Италии! Настроение было неприятное.

В два часа появились газеты, в них сказано, что национальность стрелявшей не установлена, но, по-видимому, она славянского происхождения. Стало легче, так как прямого указания, что она русская, не было. В пять часов мы отправились на концерт и там от Сан Мартино узнали, что она даже не славянка, а ирландка. Стало совсем приятно, хотя всё же головы публики были заняты не тем, да и народу мало: человек с тысячу, а зал почти на четыре. Концерт прошёл недурно, но Росси меня заглушал. Успех небольшой: вызывали меня один раз, и то, когда я уходил, не проводили меня аплодисментами до двери. Вся программа была составлена глупо, провинциально, вероятно, под силу Росси: «Гебриды» Мендельсона и «Пляски» из

«Игоря»[16] - вот так итальянская столица!

В заключение программы я должен был сыграть несколько пьес (3-ю Сонату, «Токкату»), которые были приняты теплее Концерта, но всё же энтузиазма не вызывали: аплодировала группа человек в сто-двести, упорно и долго, но я кланяться не вышел, не желая, чтобы меня опять бросили на полдороге без аплодисментов. В артистической Казелла, Респиги, Риети, с которым я только что познакомился и которому сказал комплимент за Concerto grosso[17], Сан Мартино, Вячеслав Иванов. Я был рад видеть последнего. Уговорились, что мы придём к нему завтра.

8 апреля

В восемь часов стук в дверь: привезли от папы билеты на аудиенцию. На билете написано: мужчины во фраке и белом галстуке, дамы в чёрном и в вуали, причём тут же нарисована очень хорошенькая женщина в длинном чёрном платье до пят, а теперь носят до колен. Волнение, так как у Пташки ничего подобного нет, да и едва ли есть у какой-либо современной дамы. В конце концов она достала чёрное платье матери Казеллы, я нарядился во фрак, и мы отправились. Я не знал, какой жилет - белый или чёрный, поэтому надел белый, а чёрный свернул в трубочку и положил в карман пальто. Одевание доставило нам несколько весёлых минут - точно на маскарад, но по дороге мы спрашивали друг друга: а вдруг папа спросит: «Какой вы веры?», то что говорить? «А дети у вас есть?» - да, сын, - «А он крещёный?» - что говорить? «А вы в мою непогрешимость верите?», - я предлагал ответить, что мы «очень уважаем такую идею». Вообще же я говорил, что, вероятно, он не будет предлагать щекотливых вопросов, а вернее всего будет много народу и он вовсе не будет разговаривать. Подъехав к «бронзовым воротам», т.е. ко входу в Ватикан, что у правого крыла собора Св.Петра, мы увидели ещё несколько экипажей, из которых выходили дамы в чёрных вуалях, но мужчин во фраках было мало, большинство в чёрных пиджаках, а некоторые - о ужас - в смокингах. Мы вошли в здание, где канцелярия, и, поднявшись на несколько этажей, вышли во двор, находящийся гораздо выше, чем площадь Св.Петра (Ватикан стоит на горе). Здесь швейцарская стража указала нам новый подъезд и мы снова, вместе с другими посетителями, стали подниматься на несколько этажей по красивой мраморной лестнице. Здесь нам предложили снять пальто и отобрали билеты. Впрочем, некоторые дамы остались в пальто, вероятно те, у которых под ним не было чёрного платья. Здесь мы были уже во дворце. Дорогу нам указывали лакеи в маленьких кафтанах. Через несколько больших пустых зал с очень красивыми мраморными стенами и мраморными полами нас проводили в длинную тронную залу; по сторонам стояли стулья, а в глубине трон с балдахином. Здесь по стенам, образуя толстый круг, стояло около трёхсот человек, все в чёрном, ждавших аудиенцию. Едва мы стали вблизи той двери, через которую вошли, но так, что нам был виден трон, как к нам подошёл лакей и пригласил следовать за ним вместе с ещё несколькими посетителями. Идя впереди, мы взволновались: а что если нас первыми подведут к папе, - что надо делать? - надо ли становиться на колени? На одно? На два? Целовать кольцо или туфлю? И что говорить? Впрочем, мы были уже предупреждены, что туфлю не целуют, а когда он протягивает руку, то целуют на ней кольцо. Я решил, нас оттого повели первыми, что мы стояли с краю и что я был во фраке. Других фраков было три-четыре и они затерялись в толпе. Но, проведя нас ещё через анфиладу залов меньшего размера (в одном из них мне

[16] «Князь Игорь», опера Бородина.

[17] Концерт для пяти духовых инструментов (1924).

очень понравился зелёный мрамор на стенах), нас привели в новый зал, в котором по всем четырём стенам стояла ещё партия посетителей в чёрном, человек шестьдесят-семьдесят. Нас включили в линию и, так как папа долго не шёл, то все присели на скамьи, стоявшие по стенам. Некоторые лакеи осмотрели дам, у которых горло было открыто, и попросили их заколоть шарф на шее булавкой. Сидевшая рядом с Пташкой американка, уже бывшая на приёме, сообщила, что папа никаких вопросов не предлагает.

Наконец зашевелились лакеи, вошло несколько монсиньоров, посетители поднялись, а затем опустились на колени. Вошёл папа в сопровождении двух монсиньоров, одетых в чёрное с малиновыми накидками. Хотя мне потом объяснили, что они из очень аристократических семей, но вид у них был скорее грубый. Сам папа небольшого роста, бритый, в очках, с лицом незначительным, но добрым, гораздо более добрым, чем он выглядит на фотографиях. Одет он был в простую длинную одежду с пелериной кремового цвета и с маленькой шапочкой на голове. Войдя, он остановился, сказал несколько слов молитвы, а потом начал обходить коленопреклонённых посетителей, стоявших треугольником по стенам. Шёл он медленно, останавливаясь, опустив правую руку, на которой целовали кольцо. Готовясь целовать кольцо, я хотел заставить себя вообразить, что я действительно целую кольцо наместника Петра: если так можно выразиться - поцеловать идею. Однако вообразить не удалось, так как по мере приближения папы я стал наблюдать формальную сторону дела. Он держал мягкую руку пальцами вниз, целующий просовывал пальцы позади его руки, чтобы эта мягкая рука получила упор, и целовал кольцо. Кольцо состояло из продолговатого, но не очень большого, изумруда, окружённого бриллиантиками, а по мнению Пташки - жемчужинами. Я не успел поцеловать, а только приложился губами, но Пташку, у которой от стояния на коленях оттопырилось пальто, папа, вероятно, принял за беременную, и потому задержал ей руку немного дольше. Обойдя всех, папа оборотился лицом к присутствующим, прочёл молитву, благословил, и последовал дальше, вероятно, к тем, которые остались в первом зале. Все встали с колен и понемногу двинулись к выходу через анфиладу зал. Многие задерживались у окон, из которых красивый вид на Рим. Мы вышли на улицу, усталые, но не могли найти извозчика, они были расхватаны посетителями.

Днём репетировал пташкины романсы, а в пять отправились к Вячеславу Иванову. Он жил, кажется, уже второй год в Риме, с сыном и дочкой, в маленькой бедной квартире. Из рыжего он превратился в седого, но это ему шло. Его можно было принять за немецкого учёного. Стихов он последнее время не пишет. Занимается научными работами. Про мой Концерт он сделал несколько метких замечаний. Но как-то в атмосфере чувствовалось состояние упадка, несправедливой выброшенности за борт. Дочь его, некрасивая блондинка лет двадцати восьми, учится теории композиции в Римской консерватории у Респиги и в этом году кончает. Она играла мне свои сочинения, и он, видимо, волновался. У дочки есть способности, прелюд и фуга мне прямо понравились, но я боюсь, что влияние Вячеслава Иванова на неё вредно: он вносит литературщину в музыку, она хватается за большие планы, хочет изображать стихию, но попадает в пустые или просто плохие места. Сын - очень славный мальчик лет тринадцати, но во время путешествия ему отсекло пальцы на правой руке. Я уходил от них с чувством грусти.

9 апреля

Утром с Пташкой репетировали, а днём наш концерт в зале консерватории St.Cecilia. В начале как-будто никого народу, но тут публика шикарная - любит опаздывать, и к концу концерта зал был на три четверти полон. Программа

приблизительно та же, что в провинции Америки, но приём довольно холодный, хотя после концерта Сан Мартино, Казелла и другие пытались доказать, что этот успех для римской публики даже очень значительный. Пташка была не в голосе, но получила комплименты от Риети и Казеллы, а от последнего даже романсы с надписью. Кроме вышеуказанных лиц, в артистической был Вячеслав Иванов, голова которого обращала на себя внимание присутствующих. Я его познакомил с Сан Мартино и Казеллой, чем он, видимо, был доволен - знакомства, полезные для его дочери. Я получил на руки шесть тысяч лир за два концерта в Риме: мне очень хотелось дать тысчёнку Вячеславу Иванову, но я не знал, как это сделать, пытался навести разговор на эту тему, но всё время подходили люди и мешали. Решил отложить и посоветоваться завтра с Муратовым.

После концерта Казеллы угощали нас обедом в маленьком, но чрезвычайно вкусном ресторане Alfredo. Это было первое внимание, оказанное нам в Риме. Казелла хвалил «Токкату» и говорил, что в ней есть что-то нечеловеческое (inhumain), - слушая её, он чувствует, что едет в поезде. По его мнению, столь модный «Pacific» Онеггера родился из неё. После обеда Casella повёл нас к Респиги, который снимает квартиру в одном из старинных римских дворцов. Этих удивительных зданий можно встретить в Риме довольно много. Респиги был очень внимателен ко мне и, несмотря на то, что у него было много гостей, большую часть времени сидел со мною. Мне же представлялось, что передо мной - итальянский Глазунов.

10 апреля

Утром укладывались - одна из скучных сторон всякого путешествия, - и после завтрака отправились в Сиену. Говорил с Муратовым, зашедшим к нам проститься, о Вячеславе Иванове. Муратов сказал, что, конечно, Вячеслав Иванов живёт бедно, но непосредственной нужды нет: он получает жалование из Баку как профессор Бакинского университета. Беда в том, что пора скоро возвращаться в Баку, детей он везти не хочет, и предстоит разлука. Тысячу лир ему предложить неудобно, разве что написать музыку на его текст и предложить деньги в качестве авторских.

Путь в Сиену приятен и красив. Поля красиво разработаны: виноградники и сады, всё украшенное месяцем апрелем. Приехали в Сиену вечером, никто нас не встретил и мы не знали, в каком отеле нам задержана комната. Поехали в Grand Hôtel, и оказалось, что именно там. Сиена - старинный город, остановившийся в своём развитии на шестнадцатом веке. По главной улице движение автомобилей и повозок воспрещено.

11 апреля

Сегодняшний концерт наш должен был состояться в замке графа Киджи (Chigi), очень старинном, кажется, тринадцатого века. Граф из любви к музыке устраивал каждый год серию концертов, платил артистам, билеты же продавались и доход с них шёл на благотворительные цели. Управляющий замком так и не явился к нам, и нам самим пришлось идти разыскивать замок. При нашем появлении заведующий довольно небрежно извинился, что не встретил нас. Я был с ним холоден и даже резок. День был праздничный и по городу шли религиозные процессии в облачениях, с хоругвями и музыкой. Когда мы из окон замка, выходивших на главную улицу, глядели на извивающуюся по узкой улице процессию, то впечатление было очень средневековое. Возможно, что такую же картину наблюдал Рупрехт в шестнадцатом веке во время своего итальянского похода. В Риме нам сказали, что концерт состоится днём, и напутали, так как концерт был объявлен

на вечер. Мы же взяли с собою только дневные костюмы. Пришлось выступать в них, передав публике извинения. Принимали нас холодно: чувствовалось, что ничего не понимают. Пташка пела немного лучше, чем в Риме. Сам граф появился лишь перед самым концертом - приехал из деревни. Это бритый господин лет сорока пяти, очень любезный, но недостаточно, чтобы избавить от какой-то стены, отделявшей от него. Никогда не было у меня такой роскошной артистической, как здесь: её роль исполняла одна из гостиных замка, отделанная со старинной роскошью. Красная шёлковая мебель и обои из той же материи.

12 апреля

Легли в полночь, встали в шесть, выехали в восемь в Геную, где вечером концерт. В Пизе пересадка: позавтракали и осмотрели город. Пиза некрасива, особенно после средневековой Сиены, но чрезвычайно интересна главной площадью, на которой собор, покосившаяся башня и часовня (баптистерия). Про знаменитую башню я слышал ещё с детства, когда в моём присутствии кто-то сказал про кого-то: «У него нос, как башня в Пизе». Но больше всего меня заинтересовала часовня, снаружи - своей необычайной архитектурой, изнутри - своими акустическими свойствами. Если взять ноту, то после того, как она брошена, она ещё звучит, очень громко, в продолжение нескольких секунд в куполе. Вероятно, это целая система мелких отражений, которые сливаются воедино и образуют непрерывное звучание. Если громко и ясно спеть арпеджио, то в куполе горит весь аккорд; при этом замечательно, что аккорд, спетый сверху вниз, звучит лучше аккорда, спетого снизу вверх. Если хлопать несколько раз в ладоши, то в куполе раздаётся цепь громких аплодисментов.

В Геную мы приехали в шесть, а концерт состоялся в девять, в театре, довольно недурно наполненном публикой. Устав от дороги. Пташка была совсем без голоса. Решили, что она не будет петь и что вместо её романсов я сыграю 2-ю Сонату, которой я, впрочем, не касался три месяца. Объявили публике, что она больна. Успех - некоторый, вроде римского.

13 апреля

Генуя красивый и очень симпатичный город.

Оркестровал. Разменивал заработанные в Италии деньги на доллары - чек на Нью-Йорк, который затем внесу в Париже в мой американский банк. За вчерашний концерт заплатили мне сполна. Снимались по приглашению местного русского фотографа.

15 апреля

Флоренция неизвестно почему, может быть оттого, что корень этого слова есть флора, мне всегда представлялась цветущим уголком. Оказалось наоборот: город был пыльный, жаркий, без единого деревца. Но не в этом направлении надо было устремлять взгляды. Мы отправились в галерею Pitti.

17 апреля

Концерт во Флоренции происходил в зале дворца Pitti, там же, где картинная галерея. В Италии этот концерт был первым порядочным успехом. Пташка была средне в голосе, но имела успех. Требовали bis, между прочим, после Мясковского. Ей поднесли огромную корзину в пять дюжин роз.

18 апреля

Переезд Флоренция - Неаполь. В Неаполе добавочный концерт. В окне красивый итальянский пейзаж, особенно между Римом и Неаполем. На вокзале встретил Челентано, представитель Общества современной музыки, которое ангажировало меня. Комната была нам задержана в отеле средней руки, не на набережной, а в самом центре города. На набережной останавливаются англичане и американцы, вообще иностранцы, и потому там чисто и удобно, а здесь останавливаются свои люди, поэтому грязно и неудобно. Пташка простужена, не знает - петь или нет. Устроители концерта относятся к этому очень мягко и предоставляют нам carte blanche.

19 апреля

В погоне за лучшим отелем попали на набережную. Здесь совсем другое дело: солнце, синь, море, удобство. Но, разумеется, гораздо дороже. Обедали в центре города, в маленьком ресторанчике, где итальянцы требуют, чтобы им приносили живую рыбу, со вкусом её выбирают. В этот ресторан входил какой-то человек с видом убийцы и страшным голосом кричал: «Устрицы, свежие устрицы!»

Выбирали рояль. Нас познакомили с монахом-каталонцем, патриотом и любителем музыки. Он страшно заинтересовался, узнав, что предки Пташки каталонцы и она говорит на этом языке.

20 апреля

Днём концерт. Я играл один. Успех был настоящий, большой. В антракте пришёл какой-то старый артист и просил помочь ему. Дал пятьдесят лир. Старик отвёл меня в сторону, показал на посуду и сказал: «Это если синьор пожелает сделать маленький акт».

По окончании концерта пришёл сын Горького и сказал, что Горький в зале и очень надеется, что я приеду к нему обедать. Мы вышли к нему навстречу и потом все вместе на улицу. Горький нанял автомобиль и мы все вместе (он, я, Пташка и его сын) отправились на дачу, которую он снимал на берегу залива, на краю Неаполя или в предместьи его. Дача - большой дом с огромными, неуютными и пустынными комнатами. Сын женат на молоденькой и очень красивой женщине, которая в доме за хозяйку. С Горьким разговор, разумеется, сейчас же зашёл о России. К моей поездке туда он отнёсся сначала как-будто отрицательно («А как ваше прошлое? А как воинская повинность?»), но потом советовал предупредить его, Горького, чтобы он мог написать Рыкову, который, разумеется, там всё может, так как он премьер-министр. Горький получает из России массу писем, рукописей, книг, и очень внимательно следит за новой литературой, находя в ней много интересного. Среди писателей называл мне Пастернака, Тынянова, Ольгу Форш, Каверина, Никулина. Советовал прочесть. Хвалил Л.Леонова. Сели обедать. За столом пили французские вина: Горький любит, а ведь в Италии такие хорошие итальянские вина! Он много курит и постоянно кашляет коротким сухим кашлем, неприятным и даже страшным, похожим на собачий лай и напоминающий о том, что у него осталось лишь четверть лёгких. Говорил он много и о колонии его имени для беспризорных где-то на юге России, и о тех методах мягкости и ласки, которыми пытаются воздействовать на беспризорных. Мы пробыли довольно долго, и затем сын Горького проводил нас до трамвая, рассказывая о замечательной почве везде здесь вокруг: где ни копнёшь, всюду можно найти остатки древностей. Пташке Горький чрезвычайно понравился.

21 апреля

Совершили подъём на Везувий. Поехали сначала на маленьком поезде, потом в фуникулёре. Выйдя из фуникулёра очутились на голом скате горы, необычайно неуютном и неприятном. Голые, колючие склоны без растительности. По узкой дорожке, усыпанной серым порошком, пошли к кратеру. Кратер обычно принято представлять как большое отверстие, скажем, величиною с садовый бассейн, ну, в крайнем случае, туда влезет дом. Ничего подобного: кратер три километра в оружности и не менее ста метров в глубину, нечто вроде круглой ванны, но дно колючее и шершавое, а посередине небольшой прыщ - конус, а из этого-то конуса и происходит извержение, выходят пары, вспыхивающие багровым цветом, и вылетают чёрные точки-камни. Слышны время от времени удары, которые ревут очень сильно, если спуститься на дно ванны, где резонанс от крутых стен. Разумеется, конус не так мал, метров пятьдесят в вышину, но с бортов кратера он выглядит средней величины прыщом. Гид предложил за такую-то цену свести нас вниз и показать текущую лаву. Хотя спуск был крут и гид просил дорого, но мы решили, что раз мы на краю кратера, то надо видеть лаву, и двинулись с его помощью вниз. Идти по дну было неудобно: всё это в своё время было кипящей лавой, а лава, застывая, имеет свойство принимать форму колючек, которые рвут ботинки и даже чулки. Мы приблизились к извергавшему конусу и здесь раскаты сделались угрожающе эффектными. Лава сочилась довольно далеко от конуса, медленно двигалась огненной массой, которая была так жарка, что к ней нельзя было подойти близко, но эта масса сейчас же подёргивалась тёмно-серым пеплом. Тут же стояли какие-то любители заработать, брали у нас монеты и запекали их в кипящей лаве, за что брали у нас уже крупные монеты. Очень утомлённые непривычным переходом, мы выбрались обратно к фуникулёру и, спустившись, остановились завтракать. Пили чудесное красное вино, лозы которого растут тут же на склонах Везувия. Называется оно Lacrimi Christi, Христовы слёзы, название как-будто кощунственное, но, вероятно, данное пьяницей в припадке восторга перед выработанным им вином. После завтрака спустились ниже и Пташке непременно захотелось ехать ещё в Помпею, а я устал, да к тому же было уже довольно поздно: осматривать её подробно - не хватит ни времени, ни сил, а наспех скакать не стоит. В результате бурно поссорились и наговорили друг другу кучу глупостей, совершенно зря.

22 апреля

В два часа дня двинулись в Париж. Хотели train de luxe[18], но всё было продано. Я не люблю тратить на luxe, и не по жадности, а просто свинство вываливать столько денег за то, чтобы выгадать несколько часов и проехать с некоторым шиком... Но тут мы были утомлены, да и неаполитанский концерт был сверхштатным, и приняли мы его для удовольствия поездки. Итак, не получив на luxe, мы выехали в обыкновенном поезде до Рима, а там пересели в спальный вагон до Турина.

23 апреля

Утром Турин и пересадка. Далее очень красивые виды; подъезжая к границе, - цветущий горный пейзаж. Пересекли границу и, чтобы ночью не ехать, сидя в поезде, заночевали в Chambéry, неожиданно оказавшимся премилым городом с

[18] Поезд-люкс (фр).

красивым замком.

Прочёл статью, посвященную доктору Куэ (Coué) по случаю его смерти. Я уже не раз слышал о нём. Его лечение заключается в том, что он заставлял своих пациентов думать и говорить: «Я с каждым днём чувствую себя всё лучше и лучше». И это многим помогало. Ещё бы! Зная Christian Science, это вполне понятно. Вероятно в этом отношении Куэ ближе других докторов к Christian Science. Но тут меня очень поразил воображаемый разговор между Куэ и сайентистом. Сайентист говорит: «Да, вы правы, болезнь нереальна и через утверждение божественной истины о том, что человек совершенен и нематериален, представление о болезни исчезает». Куэ отвечает: «Вы можете утешиться вашими божественными истинами сколько вам нравится, я же ими мало интересуюсь; я просто утверждаю: если человек будет ежечасно утверждать, что он чувствует себя лучше и лучше, то его организм начнёт подчиняться этому». Вот тут и требуется доказать доктору Куэ его ошибку, но как это сделать? Сначала это показалось мне трудным, ибо Куэ будет глух. Правда, за примером идти недалеко: через Christian Science исцеляются все виды болезней, самые безнадёжные, и многие немедленно, в непостижимый срок с точки зрения доктора медицины; а Куэ, вероятно, исцеляет лишь малый цикл болезней, и то понемногу и постепенно. В воображаемом споре с Куэ ему именно на это, столь очевидное для него преимущество Christian Science над его системой, и надо указать, а затем, когда Куэ увидел бы, что система, защищаемая сайентистом, претендует на более грандиозные результаты, можно начать объяснять ему причины ограниченности его собственной системы.

Куэ умер нестарым. «Я чувствую себя с каждым днём лучше», - не помогло.

24 апреля

Выспались, погуляли по Chambéry и в полдень поехали дальше, в Париж.

Вчера был день моего рождения, мне минуло тридцать пять лет, но с переездом он прошёл незаметно. Вечером Париж, остановились в Victoria Palace, который сделался, с улучшением моего финансового положения, нашим постоянным отелем. Очень приятно снова приехать в Париж, который чрезвычайно обаятелен. Въезжая в него даже чувствовалось приятное волнение.

25 апреля

По возвращении в Париж, принялся за оркестровку балета. Были в Clamart, где Ольга Владиславовна со Святославом. Приехал Avi. Он смуглый, приятный и скорее незначительный. Наказывая его за его незначительность, жена и дочь его всю жизнь третируют, что он переносит с удивительной кротостью.

26 апреля

Отправился в Guaranty Trust[19], где накопилась куча корреспонденции. Много писем из России, также рецензии, очень хорошие, про постановку «Апельсинов» в Мариинском театре.

Из Guaranty в издательство. Пайчадзе чрезвычайно приятный и милый человек, и чувствую к нему большую симпатию. С ним дело будет легче иметь, чем с покойным Эбергом, который был хотя и мил, но «с вывертом», как сказал Черепнин. Пайчадзе вручил мне корректуру сюиты из «Апельсинов».

[19] Американский банк.

27 апреля

Сел за корреспонденцию. Телеграмма от Кусевицкого о чрезвычайном успехе «Семеро их» в Америке. Ура, Америка!

29 апреля

Отправились искать дачу. Выехали в половине восьмого утра, вернулись в полдвенадцатого ночи, ничего не найдя, - утомлённые после того, как без устали промотались весь день. Дачу искали где-нибудь не очень далеко от Парижа, чтобы быть в контакте с ним на случай различных дел. А так как Пташкин любимый учитель пения живёт в Fontainebleau, то искали вблизи последнего.

Я ничего не имел против, так как вокруг Fontainebleau и леса, и реки, и поля - очень приятный пейзаж. В прошлом году мы жили в этом же районе и были довольны.

30 апреля

Страрам начал репетировать 2-ю Симфонию. Дирижёр он неважный и оркестр не очень его уважает, что сразу видно, но за спиной его мешок с деньгами, и к тому он недурной музыкант. Так или иначе, но за симфонию он принялся по- серьёзному: сегодня репетиция посвящена одним только скрипкам. Здорово! Вначале он запросил скрипачей, кто из них играл симфонию в прошлом году у Кусевицкого. Подняло руки больше половины. Затем началась зубрёжка.

Днём у Mme Dubost: исполнение духового квинтета Шёнберга. Я слушал внимательно, но не ощущал удовольствия и ждал конца. Много разговаривал с Gil-Marchex'ом, французским пианистом, который недавно вернулся из турне по России. Он хвалил постановку «Апельсинов» и говорил, что у меня в России «popularité inouïe»[20].

К концу приёма к Dubost приехал Сталь. Мы с ним издали столкнулись взглядами; после этого он отошёл в угол с моим «врагом» Шлецером и они долго и горячо беседовали. Самойленкам он как-то рассказывал: «Вот Прокофич, я его очень люблю, а теперь он встретился с Верой Григорьевной и даже не поклонился ей».

1 мая

Вторая репетиция Страрама была посвящена альтам, виолончелям и контрабасам (вот как мы работаем!). Я решил, что её можно пропустить, и мы с Пташкой опять отправились на поиск дачи. В прошлый раз мы видели одну в Samoreau, очень приятную, утопающую в зелени, но немного дорогую: семь с половиной тысяч (впрочем, дешевле ничего хорошего не сыщешь).

Сегодня решили проверить её. Проверка дала положительный результат и мы сняли её, не вполне уверенные, что выбор удачен. Но сегодня первое мая, а завтра воскресенье - того гляди, последние приличные дачи подберут, поэтому рекомендовалось решаться. Дача скорее старая, но с электричеством, ванной, водопроводом. Много зелени и цветов. В саду груши, а с передней стороны густые деревья защищают от дороги. У меня — отличная рабочая комната, большая и прохладная.

В два мы были уже в Париже и я сел за корректуру сюиты «Апельсинов».

[20] Невероятная популярность (фр).

2 мая

Третья репетиция Симфонии. Благополучно срепетировав вчера альты, виолончели и контрабасы, сегодня свели их со скрипками, т.е. весь струнный квартет. Отлично, так именно и надо ставить на ноги эту симфонию.

Завтрак с Боровским с успехом концертировавшим в Англии. Вечером концерт из сочинений Орика и Пуленка. В зале много публики, которая хлопает. Но Боже, что это за музыка! Всё это какие-то шарманочные штучечки, простенькие, пошленькие, в которых даже не видишь, что именно было сочинено. И ведь это неспроста, как сочиняет капельмейстер в глухой провинции, - это, ведь, дань какой- то странной снобистической моде, носящейся по Парижу, которая, разумеется, завтра же увянет. Кто-то сказал: «Ну, да, но ведь это - musique d'occasion[21], Орик написал её по заказу для какого-то театра...».

На концерте были Борис и Циля Захаровы, недавно приехавшие из Америки, где Цилины успехи продолжаются. В Чикаго она играла мой Скрипичный концерт. Девица развивается: в 1922 год}' в Берлине она просто ничего в моём Концерте не поняла, а теперь играла, и с каким успехом. Готлиб в Чикаго вертелся вокруг неё и возил её в гости к доктору Шмидту. Сказал, что со мною отношения стали прохладными, обещал послать мне рецензии, но не послал.

3 мая

Репетиция одних духовых, всегда мучительная для автора: звучит резко, голо, грубо - без струнных, которые всё смягчают и смазывают. В некоторых местах я прямо думал: «Неужели это я такую гадость написал?», - и виновато ловил взгляды музыкантов, которые, как мне казалось, играли с возмущением.

Вечером пошёл на концерт польского пианиста, очень милого, с которым я познакомился во время моих концертов в Варшаве. Он первый пианист, который играл мой Des-dur'ный Концерт[22] в Варшаве и Риге. Пришёл я сегодня из вежливости - и как страдал за неё! Играл он скверно, а мою «Токкату» и вовсе из рук вон. В этот момент подлетел ко мне его импрессарио, рыжий де Вальмалет, и закричал: «Какой пианист! И как вы должны быть довольны!», и умчался. Я так опешил, что даже ничего не нашёлся ему ответить. В это время подошёл ко мне Лабунский и спросил, действительно ли я ищу себе секретаря. Секретаря я в самом деле себе подыскивал. Слишком заедают письма. Прошлым летом они каждый день у меня лопали несколько часов. Кроме того, в Америке, оркеструя в поезде мой балет, я напал на новую систему, благодаря которой всю черновую работу оркестровки можно свалить на секретаря. Так как поезд тряс, то писать ноты было нельзя, никак не попадёшь в нужную клетку. Поэтому я в вагоне обдумывал и размечал всю оркестровку, но до точности, «до дна», а приехав в гостиницу, быстро и почти механически расписывал её на партитурный лист. Вот эту-то механическую работу и можно поручить секретарю, если он немного композитор и сможет разбирать мои сокращения. Но кого взять? Кого впустить в дом? Кому доверить свою корреспонденцию? Надо, чтобы был дельный, джентльмен и не сплетник. «Да вот, - как-то на днях сказал мне Шуберт, муж Кошиц, - у Нины Павловны есть секретарь, очень приличный и толковый поляк; он на лето ей не нужен. Хотите, я спрошу его?» Хочу. И вот Лабунский, ссылаясь на Шуберта, подошёл ко мне. Ничего, довольно солидный, медлительный, хотя, на первый взгляд, не очень приятный, чрезвычайно высокий, белобрысый.

[21] Музыка по случаю (фр).

[22] Первый концерт для фортепиано и оркестра (Ор.10).

4 мая

Пятая репетиция - первая, в которой собрали вместе весь оркестр. Выходит довольно складно и не очень грязно, лучше, чем выходило на репетициях Кусевицкого в прошлом году. Кусевицкий брал нахрапом и размахом, но партитуры не знал, и потому вышло сумбурно в деталях, но общий профиль был недурен. Страрам наоборот - выучил партитуру добросовестно, даже наставил мне кой-где смычки у струнных. Сейчас приятно видеть, как он возится над деталями. Выйдет ли у него «большая» линия? На репетиции был Марнольд, самый злой из французских критиков и самый большой мой поклонник. Собственно он устроил эту симфонию к Страраму и теперь очень близко к сердцу принимает репетицию, несколько раз крича Страраму из зала так, что я ловил его за рукав, чтобы молчал.

Вечером концерт Годовского. Играет чистенько, но сдержанно и скучно. В артистической Боровский, Захаровы. Вейсман и Коини, который так мерзко режессировал «Апельсины» в Чикаго. Как только я его увидел, я шарахнулся в сторону и смешался с толпой. Лабунский подходил к Пташке, был любезен и старался ей понравиться. Мария Викторовна рассказывает про Дагмару Годовскую, что она подурнела, погрубела и потолстела.

5 мая

Шестая репетиция. Совсем недурно, хотя, конечно, со временем эту симфонию будут играть гораздо лучше. Необходимо подумать о переходе от побочной партии к заключительной репризе первой части, и о шестой вариации во второй части. На репетиции был сиракузский дирижёр Шавич, очень интересовался симфонией. Из Бостона рецензии о «Семеро их», очень хорошие. Говорят, что в этой вещи я сумел выразить величайший страх. Но ведь по Christian Science страха быть не должно. О да, моя 3-я Симфония будет светлой. Вторая с сороковым опусом заканчивает мрачный период.

Видел Тарновского, ученика Есиповой, кончившего с роялем за несколько лет до меня. Он преподаёт в Киевской консерватории и недавно оттуда. Говорит, мою музыку очень любят там, и даже он помнит четыре ученических вечера, все из моих сочинений.

Боровский встретил Сталей (все мы, т.е. Боровские, Стали и мы) живём в одной гостинице Victoria Palace. «А как наш уважаемый?» - спросил Сталь. Боровский рассказал, что знал. «А какой он всё-таки потребитель, - продолжил Сталь, - Шмидс устроил ему турне по Америке, а теперь он даже не счёл нужным пойти на концерт Шмидса!»

6 мая

Генеральная репетиция симфонии. Лучше, нежели вчера. На репетиции американские дирижёры Рейнер и Шавич. Рейнер хочет играть симфонию в Цинциннати и в Нью-Йорке, но одолеет ли? Лучше бы начинал с другого. Вечером концерт. Обыкновенно у Страрама пусто, но сегодня празднично, много народу, частью из-за меня, частью из-за Горовица. Страрам волнуется и исполняет хуже, чем утром. Волнение сковывает ему руки и он машет как мельница. После первой части аплодисментов мало, но после второй неожиданный успех, и очень порядочный. Я два раза встаю с моего кресла, чтобы кланяться. Прюньер и Ролан- Манюэль, стыдливо удиравшие от меня после прошлогоднего исполнения, теперь говорили, что поняли, и хвалили. Онеггер и Руссель были вежливы и любезно поздравляли. Были папаша и сын Черепнины, но папаша плёл околесицу: видно,

симфония ему не по душе. Мелькнул Боданский; ну, этому едва ли понравилось. Затем играл Концерт Листа Горовиц, о котором много говорят за последнее время. Прюньер даже утверждает, что это лучший пианист после Антона Рубинштейна. «А вы Антона слыхали?». «Нет...», - смущается Прюньер. Играл Горовиц с блеском и очень интересно, но женственно. Боровский ревниво его слушал. После окончания концерта мы с Боровскими и Захаровыми сидели в кафе.

7 мая

После вчерашних эмоций тяжёлая голова. Просматривал симфонию, отмечал нужные поправки и переделки. Святослав увидел ноты и сказал: «Это папин цизик». Завтракали в ресторане отеля: Боровские и мы со Святославом. Пришлось пройти плечом к плечу мимо столика, за которым сидели Стали. «Держитесь!», - шепнул мне Боровский.

Днём были на выставке Саши-Яши. Он попал в экспедицию Ситроена через Африку, наделал там уйму эскизов и после яростной работы приготовил очень любопытную выставку африканских типов и пейзажей. Очень интересно, но обилие чёрных физиономий и чёрных тел с «напряжённостью соска», как писал о них князь Волконский, в конце концов превращается в какой-то кошмар.

8 мая

Корректировал сюиту из «Апельсинов». Покупал газеты, но рецензий о Симфонии пока нет.

9 мая

Пошли с Боровским в кинематограф: фильм экспедиции Ситроен через Африку, та, из которой Яковлев вывез свою выставку. Очень увлекательно: и автомобили на гусеничном ходу, и песчаные пустыни, и кости в пустыне, потом непролазные леса, слоны, негры, танцующие полуголые негритянки (которых нарочно, чтобы раздразнить французов, пустили au ralenti[23]), Саша-Яша. стреляющий в плавающих гиппопотамов, etc.

Когда мы вышли из кинематографа и сели в кафе, мальчик передал мне карандашную записку. Оказалось от Башкирова, который ждал за углом и просил меня подойти к нему. Я удивился. Осенью он, не заплатив какой-то долг, скрылся с глаз, и я не видел его с полгода. Но почему такая таинственность? Я вышел к нему. Мамино пальто (т.е. моё 1915 года, но потом его носила мама, а после её смерти я подарил его Башкирову), но чистая рубашка; на щеках глубже складки; чуть пахнет винцом. Он очень хотел меня видеть, заметил сидящим в кафе, но не хотел подходить к компании - не так одет и не то настроение. Упрекал, что не даю о себе знать. Поговорив немного, я покинул его, обещав звонить. Пташка и Боровские изумлены и обижены, почему он не подошёл.

10 мая

Кончил корректировать партитуру сюиты из «Апельсинов», принялся за партии. Завтракая у Дюгеклена, столкнулись с Сувчинскнм, с которым сто лет не виделись (с прошлого года и «Урсиньоля» я инсценировал некоторое охлаждение). Теперь лёгкое замешательство, затем поцеловались и произошёл разговор в слегка

[23] В замедленном темпе (фр).

пикировочном тоне.

Я: - Что же вы не были на моей Симфонии?

Сувчинский: - Что же не сообщили? Я не знал.

Я: - Дорогой мой, я не мог же всех зазывать.

Сувчинский: - Вот в том-то и дело, что не всех.

Я: - В конце концов, tant pis pour vous[24].

Сувчинский: - По-моему, для вас tant pis.

(Это уже вовсе некстати, зарапортовался).

Яворский в Париже, вот уже десять дней. По словам Сувчинского, они часто видятся и беседуют, в том числе обо мне. Сувчинский дал адрес Яворского и прибавил, что Яворский очень хочет меня видеть. Что за история! А я-то всё хотел, чтобы Яворский услышал Симфонию. Вечером Пташка и я пошли на концерт Шмидса (дабы Сталь не злословил). Кстати, Шмидс играл «Причуды» Мясковского, впрочем не очень хорошо и совсем иначе, чем я. Со Шмидсом на концерте играл Боровский. Войдя во время антракта, я подсел к Захарову. «А ты не узнаёшь? - сказал он, - это Кузнецова, наша, есиповская». Я действительно увидел рядом с Захаровым Кузнецову, девочку, бывшую в нашем классе, маленького роста, большеголовую, впрочем миленькую, кавказского типа. Она за пятнадцать лет такой же девочкой и осталась. Я очень мило её приветствовал, как старую товарку, спросил, давно ли она в Париже, даёт ли концерты и т.д. В это время мимо меня прошёл, направляясь к выходу, Яворский, не заметив меня или сделав вид, что не замечает. Я кинулся ему вдогонку и поймал. «В чём дело? Почему вы здесь, но о вас ничего не слышно?» Яворский, заикаясь, объяснил, что собирался звонить, что на Симфонии он был, не подошёл же, так как хотел слушать самостоятельно, и что он рад со мною завтра завтракать. Расставшись с Яворским, я вернулся в зал, где Боровский очень здорово сыграл фортепианное переложение «Петрушки» Стравинского. После окончания концерта Боровские, Захаровы, мы и ещё кто-то отправились в кафе посидеть и поделиться впечатлениями. Подходя к кафе, увидели, что за столиком сидит Кузнецова. Я сделал ей ручкой и хотел пройти. Но она подозвала меня и, указывая на сидевшего рядом с ней мужчину, сказала: «А вот, позвольте вас познакомить, это мой муж». Я ответил: «Ах, очень приятно», и, протянув руку, увидел, что как-будто лицо его мне знакомо. Уж не Сабанеев ли, подумал я. Но он уже уцепился за мою руку обеими потными руками и говорил: «У нас когда-то с вами вышло одно недоразумение, но об этом пора забыть... К тому же вы увидите, я вовсе не так виноват... А вы ведь школьный товарищ с моей женою...». Я не знал, куда деться, бормотал что-то вроде «да, конечно» и тщетно старался вытянуть мою руку из его. Когда я наконец вошёл внутрь кафе, где за столиком уже расположилась вся наша компания, то меня встретил общий хохот: «Ну что, брат, наговорился с Сабанеевым?» Я накинулся на Захарова: «И не мог ты, лысый чёрт, сказать мне, что Кузнецова - жена Сабанеева? Представляешь её как Кузнецову!» Захаров оправдывался: «Милый мой, я думал, ты и без того знаешь...».

11 мая

Яворский завтракал у меня. Повёл его к Дюгеклену, где вчера произошёл разговор с Сувчинским. Хотя Яворский - потомок литовских королей (чем в тайне, кажется, очень гордится), он теперь довольно важный чиновник по министерству народного просвещения в Советском государстве. Во всяком случае он имеет право выгонять профессоров из Консерватории. Человек он подозрительный (т.е. к

[24] Тем хуже для вас (фр).

людям) и не без выверта, но я его знаю уже двадцать лет и рад был видеть, угощал его омаром с «шабли» и цыплёнком. Яворский, видя, что я с ним прост, тоже разошёлся. Сказал: «В Москве у большой публики вы сейчас так же популярны, как Чайковский в последние годы своей жизни». Симфонию можно и должно играть в России: поймут и примут. Ему лично из моих сочинений больше всего нравится 5-я Соната и романсы на Бальмонта[25]. Советовал мне приехать в Россию и даже давал понять, что ему поручено узнать у меня, как я отношусь к этой поездке и на каких бы условиях я отправился. Я ответил, что условия мне более или менее безразличны, так как я считаю сейчас несвоевременным наживаться на голодной России, а если приеду, то чтобы повидаться с российскими музыкантами, посмотреть, что они делают и показать им, что делаю я, но что меня беспокоит - это возможность свободного въезда и выезда, ибо стольким самым неполитическим людям уже чинили препятствия при выезде, что, попадая в Россию, теперь не знаешь, выберешься ли оттуда, я же хочу приехать и уехать точно, по часам. Яворский убеждал меня, что об этом беспокоиться не стоит, что мне наконец дадут все необходимые гарантии, что артистов, по своей воле приезжающих в Россию, силой задерживать там, разумеется, не будут, и что он наконец сам вносит проект предложить артистам, проживающим за границей, следующий уговор: Советское правительство согласно - пусть они живут заграницей одиннадцать месяцев в году, но двенадцатый непременно проводят в России. Таким образом Россия будет видеть хоть мало, но всех своих артистов, а для них удобство в том, что они могут ездить в Россию без боязни, что их задержут. Красин, с которым я беседовал прошлым летом, теперь вылетел из Росфила, и сейчас в этой организации идёт перестройка. Я спрашивал Яворского про Мясковского, - его, по словам Яворского, очень любит публика и он стал более светлый, чем раньше. Он играет большую роль в Государственном издательстве. «Но он такой мягкий», - сказал я. Яворский поправил: «Вернее, мягко стелет». Французские гастролёры - Монтё, Мийо, Вьенер, Маршекс - у публики большого успеха не имеют и сборов не сделали, разве заинтересовали только некоторых музыкантов. Решили через день завтракать в компании с Боровским, а пока расстались.

Днём был у Шошаны Авивит, еврейской декламаторши, которой я как-то надерзил за Кнута Гамсуна, что мне тогда стоило ссоры с Бальмонтом. Недавно я её опять встретил, кажется, на моей Симфонии, и она просила зайти к ней - поговорить об одном проекте. Помня прошлогоднее столкновение, я решил быть приличным и пришёл. Авивит - трагическая актриса, и такая «особенная», «несущая скорбь народа», она и в частной жизни, или по крайней мере старается быть. Дело заключалось в том, что она хотела заказать мне музыку к какому-нибудь отрывку из Библии - псалму или стиху из пророка Исайи. Для неё пишет Онеггер, ещё кто-то, но я «единственный композитор, могущий написать библейскую вещь». Ну да, это не ново: я единственный еврейский композитор! Но в данном случае вопрос разрешился просто: вещь нужна была к концу июня, я же был с головой занят, поэтому проект пришлось похоронить. Любопытно было, какие тексты она выбирала из Библии: это было или отмщение еврейского народа, или беспощадный Савоаф, в крови идущий на людей, - я был в ужасе и не ожидал, что такие страшные вещи заключает в себе Библия!

12 мая

Вчера возвратились из Америки Кусевицкие. Вид у них довольный и цветущий. Рассказывают о чрезвычайном успехе «Семеро их» в Бостоне (в Нью-Йорке ещё

[25] Пять стихотворений К.Бальмонта для голоса и фортепиано (Ор.36).

не играли - надо везти целый хор). Предсказывают мне триумфальное возвращение в Америку через сезон (два сезона подряд он не имеет прав ангажировать того же солиста). Впрочем, в этот парижский сезон он из моих вещей будет играть только сюиту из «Шута», и то несколько частей. От Мясковского уклоняется, несмотря на обещание, данное в Бостоне, что будет играть его 7-ю Симфонию. Я с его слов наобещал Мясковскому, а тут Кусевицкий опять поставил меня в дурацкое положение, так же, как с книгой Асафьева.

От Дранишникова интересное письмо о постановке «Апельсинов» в Мариинском театре, с фотографиями декораций и с сообщением частушки, сложенной по поводу моей оперы (это ли не свидетельство популярности?).

С Сабанеевым вторая встреча. Он пришёл к Боровскому в Victoria Palace, а я как раз спустился за чем-то в вестибюль отеля. Сабанеев раскланялся, подошёл, опять мял руку своими потными руками, заикался. Сабанеев говорил, что переменил мнение обо мне и даже пишет про меня книгу. Но, чёрт возьми, - «переменил мнение» - ну, а как же читатели? Ведь десять лет он писал одно и читатели поучались, а теперь, с милой улыбкой переменив мнение, он будет писать обратное, - а публика? Опять поучаться? Сабанеев же звал меня к себе, «Вы ведь дружны с моей женой, ну вот, будем видаться», вообще же был жалок. Я вспоминал Скрябина, который, по описаниям того же Сабанеева, был неизменно вежлив с надоедавшими ему субъектами, и своею вежливостью держал их на расстоянии. Так же я вёл себя теперь с Сабанеевым.

Обедал с Б.Н. в русском ресторане, довольно дорогом и шикарном. Разумеется, я его угощал. Б.Н. всячески объяснялся мне в любви, говоря, что теперь он окончательно убедился, что я единственный человек, которого он любит, а что его родственник, это божья кара. Теперь он ночной шофёр.

После обеда он повёз меня кататься в Bois на автомобиле, на котором он работает.

13 мая

Утром корректировал, затем состоялся завтрак в том же ресторане: Яворский, супруги Боровские и я (Пташка «осердилась» и с нами не завтракала). Боровский в своих разговорах сразу стал на более деловую ногу, чем я, и начал ставить конкретные вопросы: сколько платят, что гарантируют, в какой валюте, как с паспортам, к кому обращаться и т.д.[26]

После завтрака все поехали к Кусевицкому. По дороге Яворский рассказал, что после того, как разгорелся знаменитый конфликт между Скрябиным и Кусевицким, но конфликт ещё не был окончательным, Скрябин на концерте, увидев Наталью Константиновну, подошёл к ней и раскланялся, но Наталья Константиновна повернулась спиной и спрятала руку, которую Скрябин намеревался поцеловать. Яворский говорит, что каждый раз, как он вспоминает это, у него закипает негодование на Наталью Константиновну.

Впрочем, встретились Кусевицкие и Яворский очень хорошо. Я играл им новый дягилевский балет и 5-ю Сонату. И Кусевицкий, и Яворский как-то необычайно подчёркивали своё внимание ко мне: вдруг выяснилось, будто я в самом деле стал большой знаменитостью!

Вернувшись домой, вновь зарылся в корректуру и много работал. От «синёвок» глаза на лоб лезут.

[26] Впоследствии я узнал, что как раз эта практичность произвела невыгодное впечатление. (Примечание автора).

14 мая

Сегодня захирел: жар, головная боль (болит весь скальп), - пришлось лечь в постель, кажется, первый раз за пять лет. Начал старательно работать над собой, Christian Science. Пришла навещать Мария Викторовна, советуя принять сразу несколько аспиринов, дабы перебить болезнь. В шесть часов вечера ещё сильнее жар и физиономия, как у рака, а вечером здоров! Замечательное demonstration[27]. Любопытней всего, что вместо меня заболела Мария Викторовна.

С Пташкой были в ссоре, так как она обиделась, что Б.Н. третьего дня хотел обедать со мною и ни словом не обмолвился о ней, и я всё-таки пошёл. Но во время болезни помирились, что меня очень обрадовало и очень облегчило мне мою работу в Christian Science.

15 мая

Совершенно здоров. Замечательное исцеление. Мария Викторовна лежит и у неё доктора. Сегодня я навещал её.

Завтра именины Б.Н. и он просил меня обедать с ним в клубе. В связи с этим вспыхнуло опять бурное объяснение с Пташкой, но через Christian Science ссору погасили, что есть несомненная победа в смысле работы над собой.

16 мая

Ездили в Clamart навещать Святослава и родителей. У Святослава насморк и красные, как у кролика, глаза.

Обедал с Б.Н. в клубе, том же, где когда-то обедал с покойным Эбергом. Б.Н. был крайне мил и догадался не только спросить о Пташке, но и справиться, может ли он к ней заехать. Я очень рад, если этот вопрос может быть разрешён. Вечные дискуссии с Пташкой относительно Б.Н. очень утомительны. Не встречаться же с ним из-за того, что ей это неприятно, я не намерен, так как в конце концов вопрос о моей дружбе с ним должен решать я, а не она. Б.Н. много вспоминал Этталь и маму. Жизнь в Эттале - лучшее воспоминание его жизни, ибо до Этталя большевики и «скучная Америка», а после борьба в Париже, в Эттале же жилось привольно и лениво, у меня за пазухой. Теперь он каждую ночь выезжает на такси. Один из плюсов: лицом он выглядит много здоровее, так как много часов проводит на воздухе.

17 мая

Днём пошёл на торжественный концерт памяти Сати, по случаю годовщины его смерти. Сбор - на памятник. Я еле выдержал одно отделение: так скучно, вяло, беспомощно. При жизни Сати был как бы композитором, сочинявшим передовые статьи, которые некоторым били в нос. Но злободневность усохла, а под ней не осталось ничего.

Встретил Мийо, он недавно из России, и даже похорошел. Был в Ленинграде, видел «Апельсины», хвалил постановку и рассказывал о необычайной популярности Марша. Даже на улицах «on le sifflote»[28]. Познакомился там с Асафьевым - «c'est un homme charmant»[29].

[27] Демонстрация, доказательство (фр).

[28] Его насвистывают (фр).

[29] Это очаровательный человек (фр).

18 мая

Сегодня в издательстве были все три главных композитора: Рахманинов, Стравинский и я, но разновременно.

Вечером открытие Дягилевского сезона. Всё-таки без моего балета. А уж как возились над ним прошлым летом! Полный зал, нарядная публика. Первым номером «Пульчинелла», которую я прослушал с большим удовольствием, уж очень ловко сделано. Второй номер - новинка: «Ромео и Джульетта» молодого англичанина Ламберта. Но в антракте, перед началом этого балета, стало известно, что готовится демонстрация. Оказывается, есть группа художников-сюрреалистов, которые отрицают всякую утилитарность в искусстве, а следовательно, и театральную живопись, тем более за деньги. Сообразив это, Дягилев умудрился заказать двум вожакам этого движения декорации к «Ромео». Оскорблённая группа решила на премьере устроить скандал, и, надо отдать ей справедливость, устроила его так здорово, что я ничего подобного себе не мог представить. Едва началось представление (мы сидели на балконе у прохода), как появились молодые люди, начали свистеть в свистки, кричать и бросать в партер прокламации. Их было много, человек пятьдесят, и шум и свист стоял оглушительный. Дягилев, который был предупреждён о готовящейся демонстрации, в свою очередь, предварил артистов и оркестр, приказав им продолжать спектакль во что бы то ни стало и что бы в зале ни случилось. Таким образом, оркестр что-то играл (что не было слышно), а на сцене что-то танцевали (что никто не видел, так как все смотрели на демонстрантов), а в зале шёл свист, демонстративные хлопки и перебранка со стороны тех, кто желал слушать. Я, разумеется, аплодировал, поддерживая спектакль. Сидевший рядом со мною в ложе Пуленк, протянул руку к одному из крикунов и сказал: «Дайте мне листок». Тот взглянул на него, узнал и воскликнул: «Вам? Ни за что!» Дело в том, что демонстрация носила ещё несколько пролетарский характер, против закрепощения искусства богачами, а Пуленк - богат. Любопытнее всего, что больше всего протестовала против демонстрации как раз галёрка, которая, купив за свои заработанные деньги билеты, не желала, чтобы ей мешали.

Вскоре появились полицейские, которые были заготовлены Дягилевым, и начали вытаскивать демонстрантов из зала. Спектакль всё шёл, и ведь в сущности он держался весь на дирижёре: сшибить его - и спектакль остановится. Это, вероятно, сообразили демонстранты и стали через партер прорываться вперёд. Но тут случилось нечто неожиданное: по случаю английской премьеры в зале было много англичан - великолепных джентльменов во фраках и моноклях. Эти последние, не зная, в чём дело, вообразили, что это - демонстрация какой-то группы против постановки английской вещи. И тут-то они за себя постояли. С моего балкона я увидел великолепных фрачников, развёртывавшихся и по всем правилам бокса наносивших ужасающие удары в несчастных демонстрантов. Один из них, получив в скулу, присел на пол и закрыл голову руками, а декольтированная леди подлетела к нему и несколько раз ударила его программой. Полицейские мало-помалу очистили зал и публика потребовала, чтобы балет начали сначала. Тут выяснилось, что музыка сама по себе дрянь, и как раз под «Пульчинеллу». Декорации были милы, но, как мне показалось, незначительны. Так что в сущности спектакль не стоил демонстрации.

В антракте было видно несколько советских евреев, которые хихикали, считая, что в демонстрации есть элемент большевизма. Третьим номером шли «Матросы» Орика, которые, кроме нескольких бойких мест, заметно попривяли по сравнению с впечатлением прошлого года.

Вернувшись домой, после всех эмоций, спал ночью довольно плохо.

20 мая

Пошли на концерт Pro Musica. Теперь «уважаемый» (т.е. Сталь) не может больше ехидничать. Скука была смертная и мы поспешили переселиться в другой зал, где был камерный концерт из сочинений Н.Черенина по случаю его юбилея. Исполнялись, между прочим, отрывки из его новой оперы «Сват», которую он мне уже играл раньше, когда я как-то зашёл к нему. Черепнин мне говорил тогда, что он открыл какую-то новую манеру писать оперу, но на деле эта манера сводится к речитативам на фоне водянистых движений в оркестре. Нет, оперу надо писать так, чтобы был и сценический интерес, и чисто музыкальный, точнее - чтобы получилась форма чисто музыкальная (объяснимая с музыкальной точки зрения), и в то же время, чтобы это была безукоризненная сценическая вещь. Сочетание это было бы идеалом, но оно очень трудное, главным образом, для сочинения либретто.

Юбилей был тёплый, трогательный, речи, квартет Кедровых, объятия, но было в нём и что-то жалкое, чувствовалось, что Николай Николаевич в конце концов всё-таки неудачник. Мы, разумеется, забыли послать цветы и вспомнили об этом только увидев, что другие послали. Стыдно.

21 мая

Заканчиваю корректуру сюиты из «Апельсинов». Долго тянется, много берёт времени и в глазах рябит от синих оттисков. Досадно: лучше бы это время употребить на сочинение чего-нибудь нового. Но теперь Grande Saison[30], рассеянная жизнь, и трудно сосредоточиться на чём-нибудь более творческом.

22 мая

Первый концерт Кусевицкого. Мы, по обыкновению, в ложе у Натальи Константиновны. Пьеса Копланда, американского протеже Кусевицкого. Злые языки говорят, что он Каплан, но, эмигрировав в Соединённые Штаты, превратился в Copland'a. В его вещи есть несколько интересных моментов, но мало. Тематический материал на первый взгляд неважный, а вся вещь какая-то бесформенная. Очень приятно было после долгого перерыва услышать «Tyl Eulenspiegel» Штрауса: сделано лихо, и играл Куся хорошо. Затем на Русселе я спал. Концерт заканчивался «Римскими соснами» Респиги - это модная, нарядная и пустая махинация, но дирижёр в ней плавает, с наслаждением утопая в море звуков, и публика тоже довольна. Вечером Куся позвонил мне, спрашивая про впечатления от концерта. В первый раз такая честь.

23 мая

Корректура сюиты из «Апельсинов» закончена, увы, только первая; будет ещё вторая. Но я делаю всё в первой, а вторая лишь дополнительная, для проверки - так ли исправили отмеченные опечатки. Принялся за дооркестрирование «Урсиньоля», в котором осталось ещё страниц тридцать партитуры, да кроме того надо переделать первоначальный набросок заключительного танца. Впрочем, оркеструю понемножку, не торопясь, всё равно раньше будущего года не пойдёт.

Днём был у Черепнина. Он едет дирижировать несколькими летними концертами в Риге, будет играть мою «Классическую», просил показать темпы и

[30] Большой сезон, пик концертного сезона (фр).

попросить издательство недорого взять за прокат нот. Как-то жалко его. Затем у Кусевицкого. Проигрывал ему сюиту из «Шута». Выбирали части для исполнения. Надо так, чтобы не больше десяти минут. Встретил у него молодого румынского композитора Филиппа Лазаря (Lazar). Кусевицкий хвалил его и говорил, что в будущем году сыграет его Скерцо. Я смотрел фортепианные вещи, но они были бледны. Вот лучше бы сыграл симфонию Мясковского, а то в Америке обещал, а теперь, видите-ли, нет места.

Обедали с Пташкой у Захаровых и после были вместе на какой-то ярмарке. Стреляли в цель. На билеты через месяц будет розыгрыш и можно будет выиграть автомобиль «Пежо».

25 мая

Был в издательстве. Долго беседовал с Пайчадзе о всяких музыкальных делах. Он был мил и говорил: «Наша цель - обогащать не издательство, а наших композиторов». Он выгодно отличается от Эберга, который хотя был тоже мил, но, по выражению Черепнина, «с вывертом».

Вечером на Дягилеве. После скандала с сюрреалистами такая бешеная продажа билетов, что тех. кто получил пригласительные билеты, не пускают. Пролезли через артистический вход. Это не трудно. Если останавливают, надо говорить «я из труппы». Если всё-таки не пропускают, то надо говорить «я из дирекции». Тогда обыкновенно пропускают, ибо местные сторожа никогда не знают, кто из труппы и кто из дирекции. Но места у нас не было. Дягилев закричал: «У меня двадцать человек в ложе!» Кохно просто улизнул. Пришлось стоять. Риети, балет которого «Барабао» сегодня в первый раз шёл в Париже, имел места, но уступил их кому-то, получил страпонтен[31], и теперь снова уступил его Пташке. Она сначала отказывалась (как же, автор!), но потом села, а я с ним стоял в проходе. С появившимся Нувелем, который у Дягилева заведует раздачей пригласительных билетов, я жестоко сцепился, причём с первыми аккордами «Барабао» мы послали друг друга к черту. Музыка милая, простая, приятная, весёленькая, немножко под Россини, как будто теперь не под что-нибудь нельзя сочинять. Мелькают симпатичные темки, другие - довольно случайного характера. Контрапункты ясные, без претензий. Декорации Утрилло, художника, погибшего от бедности и пьянства. Ныне, когда он сошёл с ума, им заинтересовались, и считается элегантным дать вещь в его декорациях. Впрочем, какие декорации! Он более ни на что не способен: взяли его картину и расписали на декорации. Вместе с костюмами это дало красивые, сочные пятна. Хореография «гротескная» (употребляя модное до оскомины слово), со многими нелепыми движениями задом и ногами. Мне не нравится, а публика ржёт.

26 мая

Зайдя в издательство, встретил Стравинского, с которым опять демонстративно- ласковая встреча, как это вошло в моду последнее время. Впрочем, может быть в этот раз более искренняя с моей стороны, ибо я, видя, насколько все кишащие кругом композиторишки ничтожны, почувствовал к Стравинскому прилив нежности. Много говорили с ним о том, о сём, о предметах музыкальных и о посторонних, о налогах и о желании французов заставить платить налоги за деньги, заработанные за границей. Во Франции, хоть лопни, больше двух копеек не заработаешь; привозишь им из-за границы, да ещё плати с этого налоги!

[31] Откидное место, от strapontin (фр).

Затем был на приёме у Шмидса: Несколько молодых французских композиторов - следующее поколение после «шестёрки» - расхваливали мне мою 2-ю Симфонию.

Вечером, обедая в ресторане, встретил Сомова и Остроумову, недавно приехавшую из Ленинграда. Лет десять назад, Добычина, придя в нашу квартиру на 1-й Роте, ужаснулась картинам, висевшим на стенах. Мама ничего в живописи не понимала и купила что-то в золотых рамах, что заполняло бы пустые стены. На другой день она мне прислала маленькую картину Остроумовой-Лебедевой, талантливой художницы из «Мира искусства», а через некоторое время, ко дню моего рождения, подарила другую. Теперь Сомов, который до нашего прихода, видимо, обсуждал с нею, что ей написать во время её пребывания в Париже, воскликнул: «Да вот кого вам надо написать!». «А захочет?» - спросила Остроумова. Я с удовольствием захотел, и было решено, что послезавтра я явлюсь к ней позировать, но при условии, что я буду аккуратен.

27 мая

По просьбе Захарова слушал фортепианный концерт Виноградовой, молодой композиторши, недавно приехавшей из Ревеля. Концерт был сыгран с аккомпанементом второго фортепиано. Но Боже мой, какой это был провинциализм, какой умерший язык, которым можно было выражаться в прошлом веке, а не теперь. Есть даже приятные моменты, но в целом - невыносимо скучно и ненужно. Приближался конец вещи и я ломал голову, не зная, что сказать. Отделаться несколькими неопределённостями или кисло-сладкими комплиментами - значило втирать очки и только приносить вред. Я решил не малодушничать и честно объяснить ей, что то, что она делает, никому не нужно, что она слишком долго жила в провинции, что ей надо попытаться писать иначе, и тогда, может быть, у неё что-либо выйдет. Виноградова ревела и сквозь слёзы благодарила.

Днём приём у Мийо в честь Мейерхольда. Мы с Мийо теперь называли друг друга «cher ami»[32], словом, новая дружба, при обоюдном отрицании музыки друг друга. Во французских газетах появилось интервью Мийо о России, очень интересное, но в нём есть несоответствие с тем, что он рассказывает в частных разговорах, например там, где он касается меня, Росфила etc.

Появился Кокто. В своё время он был одним из главных вдохновителей, если не создателем, группы «шести». Его фигура и его попытки создать шум вокруг второстепенных композиторов всегда раздражали меня и я его игнорировал. Эта встреча была первая на частной почве. Кокто решил блистать, может быть, играя на покорении меня, и в самом деле был очень интересен. Занятен был его рассказ о том, как Дягилев, увлечённый Лифарём, никак не мог помириться с его носом, и решил при помощи подкожного вливания парафина претворить его нос в греческий: как затем Лифарь ушёл смотреть на пожар и как парафин от жары потёк вниз и образовал шишки вокруг подбородка. Другой рассказ был о том, как Дягилев хотел заказать Браку декорации, кажется, для одного из балетов Чайковского, но Брак запросил слишком дорого. Между тем, во время одного из обсуждений, Брак чертил на бумажке, объясняя Дягилеву, как он собирается сделать декорации (кажется, это должно было быть чёрное небо со звёздами), и эта бумажка осталась у Дягилева. Не сторговавшись с Браком, Дягилев позвал одного из маленьких художников и по этой бумажке велел расписать чёрное небо со звёздами, а в программе поместил «декорации Брака». Взбешенный Брак подал в суд, но Дягилев указал, что декорации в самом деле сделаны по наброску Брака и ввиде эксперта позвал своего друга Пикассо. Кокто рассказывал ещё другие вещи.

[32] Дорогой друг (фр).

В это время явился Мейерхольд. Я его знал тонким и живым. Он потолстел с тех пор. Взгляд у него мне показался тяжёлым, вошёл он волком. Однако дальше он оказался по-прежнему мил и говорил, что любит меня. Я смотрел на него, был рад его видеть, но не мог отделаться от мысли, что он «безбожник». С ним была жена его, актриса, раньше жена Есенина, скорее противная, хотя и довольно красивая. Самое замечательное, что она преопределённо держит его под сапогом. При встрече мы с Мейерхольдом расцеловались, и он сразу же стал звать меня в Россию. Мало-помалу явились гости: Пуленк, Орик, Согэ, Жакоб. Так как Мийо в восторге от постановок Мейерхольда, то его появления ждали, на него пришли смотреть, но Мейерхольд ни на каком языке не говорит и из приёма ничего не вышло. Я иногда пытался переводить. Мийо показывал ему фотографии каких-то декораций и Мейерхольд что-то мычал.

Вечером второй концерт Кусевицкого, и второй без русских вещей. Ай да русский дирижёр! Ну, понимаю, был бы швед, у которых своей музыки нет, а русскому - глупо. Танцман в первый раз исполнял свой новый фортепианный концерт. Он не пианист, но с лёгкой руки Стравинского все композиторы теперь заиграли, плохо ли, хорошо ли. Кое-где в Концерте под меня, но в общем всё как-то очень второсортно. Затем следовала 4-я Симфония Брамса. Эта нескладная по технике и убогая по материалу вещь окончательно испортила мне настроение. По окончании концерта я спросил у Натальи Константиновны, как же быть с книгой Асафьева об опере. Н.К. ответила, что ей некогда сейчас этим заниматься. Я сказал:

- У вас никогда нет времени заниматься тем, что вы пообещали.

Н.К:

- Вы становитесь неприятным, до свидания.

Я:

- И вы становитесь неприятной, заставляя меня лгать другим.

Конечно, Н.К. неправа, но в данном случае виновата ещё и дурацкая симфония Брамса.

28 мая

Писал Асафьеву: надо объяснить, раз Н.К.тянет. Днём позировал Остроумовой, два часа. Она живёт в маленьком, очень скромном пансионе, с окном, выходящим на тихую квадратную площадь (удивительные места есть в Париже!).

Остроумова, Анна Петровна, очень приятная дама, и два часа прошли скорее незаметно, в разговорах. Работая над портретом, она умеет занимать свою модель. Очень интересен портрет Андрея Белого, сделанный ею прошлым летом в Крыму: страшно загорелый и со светлыми голубыми глазами. Занятен также портрет Максимилиана Волошина, взятый снизу, в ракурсе. Но Волошина я не знаю, Белого же до сих пор люблю за его «Первое свидание».

Вечером у Прюньера. Много народу. Лазарюс играет свою оперу. Он молодой франко-еврейский композитор, толстый и скорее неприятный с виду, женат на Ариадне Скрябиной, дочке композитора, а потому, кстати, родственник Шлецера. Всё это родство потянуло его в сторону мистицизма - такова его опера. И чувствовалось, что в парижских кругах она чужда и не ко двору. Есть моменты, спёртые из моих «Столбов»[33]. На вечере был дирижёр Курц, который делал турне с Романовым. Оказывается, «Трапеция» шла в целом ряде немецких городов, в том числе в Мюнхене, и затем чуть ли не десять раз в Турине, также в виде вступления к спектаклю играли Марш из «Трёх апельсинов». Курц обещал прислать мне прессу. А Романов-то. ничего и ни гу-гу! Между тем он на днях как раз приехал

[33] Пять романсов на стихи К.Бальмонта (Ор.36). № 5 - «Столбы».

в Париж. Вероятно потому, что должен мне четыре тысячи франков, и даже больше. От Прюньера поехали на вечер к Princesse de Polignac, где снотворная музыкальная программа: тягучий Шоссон и незначительный Jacob из молодёжи. Барон Ротшильд (Роберт, это не глава дома) отвозил нас домой и говорил о выступлении, моём и Пташкином, на его вечере. Спрашивал, нельзя ли какую-нибудь камерную мою вещь. Я предложил Op.35 для скрипки и фортепиано, и Цилю, как скрипачку. Он заранее начал торговаться, говоря, что скрипачка, вероятно, дорогая и ему не по средствам. Вернулись домой в третьем часу ночи.

29 мая

Лёг поздно, встал рано, так как пообещал Мейерхольду заехать за ним, чтобы вместе отправиться на репетицию Дягилева. Хотя я убеждал, что Дягилев очень желает видеть его, Мейерхольд всё же не хотел отправиться один. Жил он где-то в стороне в маленьком отельчике. Когда я подъехал, то увидел Мейерхольда, выбегающим с молочником. Он крикнул: «Подождите момент! Я сейчас только за молочком!» Через минут пятнадцать мы все тронулись на репетицию: он, его жена, ещё какой-то человечек, скорее неприятный, из большевиков, служивший ему переводчиком, и я. Когда мы проходили через артистический вход, Мейерхольд стеснялся, говоря, что Дягилев не ответил ему на два письма. Репетиция уже началась, но Дягилева не было. Когда он вошёл в зал, я приблизился к нему и сказал, что тут Мейерхольд. Дягилев заволновался и поспешил к нему. Расцеловались. Дягилев сразу начал извиняться за то, что не ответил на письмо. «Вы понимаете, я так безумно занят сейчас со всеми премьерами... Вот и сейчас, не смотрите, вечером спектакль, а ничего ещё не слажено... Но ваши письма я всё время ношу в кармане для ответа...». Тут он начал вынимать из карманов письма и бумажки, но, как на зло, письма Мейерхольда не было. Так как в это время репетиция шла своим чередом, то Дягилева всё время отрывали, и он скоро исчез, успев однако пригласить Мейерхольда к себе в ложу на все спектакли. Со мною - никак. Остальную репетицию я просидел с Мейерхольдом. Подходили Мийо и Орик. Начали репетировать новый балет Орика «Пастораль». Чёрт возьми, каждый сезон Орику заказывается новый балет. Но Орик несколько виновато и полушутливо шепчет мне, что это несерьёзная вещь, так просто... Действительно, музыка припахивает цирком. В ней есть кое-что от «Матросов», но без ярких тем. Впрочем одна, в предпоследнем номере, здорово подмывает, хотя и не особенно высокого качества. Но такою темою балет будет держаться. Декорации Прюна, очень симпатичные. В постановке много неприличия, но Баланчин делает успехи. Лифарь в прыжках опаздывал против музыки. Мейерхольд обратил на это внимание. Я шутя объяснил: «Это оттого, что у него слишком длинные нервы, которые идут от ушей». Мейерхольд захохотал и сказал: «Ах, это надо запомнить». Он находил, что в постановке нет соответствия между группами на сцене и декорациями, что освещение никуда не годное и что наконец всё не слажено, точно в любительском спектакле. Говорили мы ещё о Москве, о том, что мне необходимо приехать, об «Игроке», которого он с удовольствием взялся бы ставить, о том, что если я буду бояться циркулировать по Москве, то он приставит ко мне охрану из двух коммунистов, таких, которые больше преданы театру, чем коммуне, и которые меня в обиду не дадут.

На репетицию пришёл ещё Пикассо, который очень мило сказал мне: «Ведь мы почти компатриоты», намекая на наших жен.

Днём состоялся второй сеанс у Остроумовой, который прошёл в уютных разговорах, хотя я и порядочно устал. «Это что, - ответила Анна Петровна, - когда я в молодости жила в Париже и Сомов делал мой портрет, очень знаменитый

портрет, то на него потребовалось семьдесят три сеанса!»

30 мая

Третий сеанс у А.П. На этот раз она много и в сильных красках рассказывала про Валерия Брюсова. У него тигровый злой рот, но длинные ресницы, которые он любил опускать даже в свои пятьдесят пять лет, с портретами его всегда что-то случалось, их подстерегал злой рок. Некоторые были уничтожены авторами перед самым окончанием. Рената списана с действительно существовавшей и кажется поныне живущей в Париже женщины, в которую Брюсов (Рупрехт) был влюблён и которая в свою очередь была влюблена в своего Генриха. Самое пикантное, что этим Генрихом был... Андрей Белый, которого Брюсов даже вызвал на дуэль. Дуэль эта не состоялась, но я помню, что о ней упоминается в воспоминаниях Белого о Блоке, хотя эта дуэль и перекрыта литературными спорами. Когда Брюсова спросили, правда ли, что он занимался магией и занимался ли он ею для «Огненного ангела», или же «Огненный ангел» зародился как результат занятиями магией, Брюсов ответил, что он занимался магией для магии, а «Огненный ангел» явился некоторым результатом его занятий. Незадолго до смерти Брюсов увлекался одной женщиной и жил с нею. Когда он заболел, её не пустили к нему. Она сидела на скамейке вблизи дома и плаката. Кто-то спросил у умирающего Брюсова, желает ли он её видеть. Брюсов ответил: «К чёрту». Когда он умер, его тело подвергли вскрытию. Была сделана также трепанация черепа. Когда был вынут мозг, то надо было перед закрытием черепной коробки чем-нибудь заполнить голову, но ничего не было под руками. Тогда брали листы газеты «Правда», скатывали их комками и забивали ему в голову. Так он и был похоронен с большевицкой газетой вместо собственных мозгов - отмщение судьбы за его переход в коммунизм, совершённый не по убеждениям, а по расчёту. Какие мрачные легенды обвивают память о Брюсове - как Агриппу Нетесгейского!

Вечером был на Дягилеве, слушали опять «Барбао», впечатление от которого заметно поблекло при повторении. Зато как всегда приятно было услышать «Свадебку». Пуленк, Орик и Риети играли на рояле. Четвёртым должен был быть Дукельский, но он не приехал из Лондона и его заместила Марсель Мейер. Зал опять полон. Когда Пуленк попросил у Дягилева себе место, Дягилев ответил: «Я не понимаю, чего вы хотите; у вас ведь есть же стул перед роялем!» Ответ так великолепен, что Пуленк не знает, сердиться ли или смеяться.

31 мая

Заходил в издательство по целой серии мелких вопросов. Встретил Рахманинова. Он несколько смущённо заявил: «Моя жена сегодня послала письмо вашей жене». Дело в том, что тётя Катя написала о каких-то родственниках жены Рахманинова, которые в большой бедности в Пензе, и просила узнать адрес Рахманинова. Я посоветовал Пташке просто написать его жене, дабы не терять времени. На это письмо долго не было ответа, и это молчание и вызвало объяснительную фразу Рахманинова.

В семь часов вечера зашёл к Ротшильду, который просил поговорить с ним о предстоящем вечере. Он сам - высокий мужчина, лет под пятьдесят, с довольно красивым бритым лицом. Жена его лишена тонкости, мало похожа на еврейку, может быть, не еврейка. Дом его, несмотря на то, что в центре Парижа, с огромным чудесным садом. Ротшильд хочет, чтобы пела Пташка, и я ей аккомпанировал. Решили, что она споёт несколько моих романсов и несколько испанских Фальи. На последней выставке Яковлева он купил целый ряд африканских картин и мы их

рассматривали, я с большим удовольствием.

Вечером пошёл на концерт Курца, виолончелиста. Очень неинтересно, но я сделал это для его брата, дирижёра, который обещал дать мне программу и прессу исполнений «Трапеции», а также указать, что в моей партитуре не выходило и почему. Конюс сообщает, что Рахманинов не только закончил свой 4-й Концерт, но даже играл ему, Конюсу. «Ну что же. интересно?» Конюс начал хвалить, затем прибавил: «Но я не всё понял. Впрочем, когда в своё время Пётр Ильич сыграл мне свою Шестую, я тоже ничего в ней не понял...». Чудесно!

1 июня

От Демчинского телеграмма: «План послан». Ну-ну! Неужели я таки добился его coup de main[34] в «Огненном ангеле»? Много это мне стоило! Ходил заниматься к Пташкиной подруге, так как у нас всё ещё нет пианино в номере, она же на целый день уходит, оставляя пустую квартиру. Позировал Остроумовой. Так как Пташке очень хотелось, чтобы с неё был написан портрет (Гончарова и Якулов пробовали, но неудачно), то я прозондировал на этот счёт почву у А.П. Раньше А.П. говорила, что если пишет женщин, то только некрасивых. Постепенно я выяснил, что за портрет она берёт сто рублей. Наконец я завёл разговор о Пташке и Остроумова согласилась. Я шёл домой очень довольный, а потом смутился: ведь по существу Остроумова, хоть и хорошая художница, но такая vieux jeu[35]. Хорош современный композитор, который сам со всей семьёй пишется у неё! Звонил Яворскому (а то он в Париже - и никакого на него внимания): оказывается, как раз завтра он неожиданно должен возвращаться в Москву. Я пригласил его пообедать со мной и он охотно приехал, но в отеле не было ни одного столика, и как я ни скандалил с maître d'hôtel'ем, ничего добиться не мог. Тогда мы отправились в ресторан Дюгеклена, где завтракали в первый раз. К нам присоединилась Пташка, с которой Яворский был очень любезен и галантен, сыпал комплиментами и говорил, что в Москве чрезвычайно заинтересованы, кто такая моя жена, да ещё испанка. Он только что получил письмо из Москвы «из сфер», в котором выражено удовлетворение по поводу его удачного выступления передо мною, а также по поводу моих ответов (моей подчёркнутой незаинтересованностью). Вызывают же его в Москву по поводу переформировки Росфила после удаления оттуда Б.Красина. По-моему, Яворскому намекнули, что он может сделаться директором Росфила, а потому он сегодня был весел, доволен и приятен, и даже прост. Условились, что если ко мне будут поступать предложения из России, то я буду предварительно запрашивать Яворского, а потом отвечать, дабы верно ориентироваться относительно учреждений, которые будут меня ангажировать. Главное же, я сказал - я должен получить вескую гарантию свободного въезда и выезда, и только тогда я мог бы поехать. Расставшись с Яворским (он очень понравился Пташке), мы с ней отправились на Дягилева, смотрели и слушали «Пастораль», и было скучно. Орик блекнет.

2 июня

Пошёл на репетицию Кусевицкого, но запоздал: оказалось, что «Шута» уже сыграли. Наталья Константиновна очень мила, сама заговорила о книге Асафьева. Издательство хочет ограничиться печатанием нот, но не музыкальных книг, но Асафьева они постараются устроить в другое место и даже кое-что имеют в виду.

[34] Помощь, подмога (фр).

[35] Старомодная (фр).

Репетировали пролог к «Книге жизни» Обухова. Этот безумный композитор пугал всех ещё в Петербурге в дореволюционное время. Затем он принялся за большую вещь - «Книгу жизни», работу не нескольких лет, а целой жизни. Это какая-то кошмарная оратория, где Иисус Христос. Иуда, Николай II и Николай Исступлённый, последний и есть сам Обухов. Те, кто уже слышали, подготовили интерес к чему-то необычайному. С первых, услышанных мною тактов, вещь показалась мне любопытной, есть интересные гармонии, чувство оркестровых красок, последнее тем более удивительно, что это первая его оркестровая вещь, и он сравнительно не так много занимался оркестровкой у Равеля. Но мелодическая линия, в тех редких моментах, когда она появляется, довольно сомнительного достоинства и не лишена пошловатого уклона. План сочинения такой: отдельные эпизоды в трёх-пяти медленных тактах и затем общая остановка. Вначале это производит впечатление важности, но à la longue[36] раздражает. Всё же в антракте, встретив Обухова, хвалю ему его вещь. К удивлению, Обухов, который ничего, кроме себя, не видит, отвечает, что моя похвала уравновешивает ему все насмешки, которые приходится слушать вокруг.

Позировал Анне Петровне. Водил Пташку - поговорить о её портрете и поглядеть на мой. Мой меня несколько разочаровал, и Пташку. Остроумова признаётся, что и она не особенно довольна.

3 июня

Генеральная репетиция Кусевицкого. Из «Шута» Кусевицкий играет только четыре номера, наиболее эффектных по его мнению. Немного медленно, но очень ясно. Затем «Книга жизни» («Книга живота», как её перевели на славянский язык). Сувчинский рядом со мной шепчет: «Кусевицкий - ведь это подвижник какой-то, чтобы свернуть эту махину!» Действительно, рыхлая «Книга» еле слаживается. В оркестре два фортепиано, на одном из них играет сам Обухов и врёт. Кусевицкий выходит из себя и кричит на него: «Если вы не можете играть собственную вещь, то как же вы хотите, чтобы другие играли прилично?» Обухов, всегда бледный, краснеет ушами и оправдывается; я злюсь на Кусевицкого за то, что он кричит на автора - ну, хорошо, взялся за трудную вещь, и слава тебе, а зачем же орать на композитора... Сувчинский сообщает, что Обухов по ночам слышал голоса, вскакивал и записывал. Так создавалась эта «Книга». Если голоса, то не сверху, а снизу, не с неба, а из преисподни. Впрочем, нечистая сила вмешивается и в исполнение: по окончании репетиции Обухов объясняет, что он сегодня путал, так как волновался за жену: вчера она спешила на репетицию и была сбита автомобилем, потеряла сознание, и долго не знали, кто она, и не извещали его. Теперь она в больнице. Выходя после репетиции на улицу, видим Равеля, тоже спускающегося из зала. Сувчинский и другие, зная, что Равель очень интересуется Обуховым, учит его оркестровке и даже выхлопотал ему маленькую пенсию, просит проинтервьюировать его о впечатлении от «Книги». Я «абордирую» Равеля, остальные нас обступают. Равель говорит: «C'est du génie et de la folie»[37].

Днём я у Остроумовой. В моё отсутствие она много поработала над портретом, и теперь он значительно улучшился. Вчера она смыла рот и нос и сделала их заново. Ещё несколько штрихов и портрет закончен.

Вечером концерт Кусевицкого. Первым номером «Фейерверк» Стравинского, довольно бледно. «Шут» сыгран хорошо, большой успех, я дважды встаю кланяться из ложи Кусевицких. Начинается «Книга жизни». Жена Обухова, хромая,

[36] В конце концов (фр).

[37] Это гениально и безумно (фр).

притащилась на концерт и сидела рядом с Пташкой. Пташка говорит, что Mme Обухова так волновалась, что передата волнение даже ей. «Книга» прежде всего скучна: эти остановки через каждые несколько тактов становятся вскоре невыносимыми. Если бы вся вещь длилась пять-восемь минут, публика её вынесла бы, но двадцать пять минут было сверх её сил. Публика начала волноваться, раздался смех. Впрочем, шикать и даже смеяться не имело смысла, ибо артисты в связи с драматическим текстом, должны были местами хохотать и шикать. Публика тогда начала пользоваться остановками, чтобы иронически аплодировать, шумом аплодисментов срывая вещь. Другие на них шикали, началась перепалка. Последние пять минут никто не слушал музыки, а жаль, это была наиболее интересная часть. По окончании шум и в виде протеста слабые аплодисменты. Равель демонстративно стал у самого борта ложи и громко хлопал. Я стал радом с ним и тоже хлопал. На концерте было много музыкантов: Стравинский, Рахманинов со всею семьёю, Мери Гарден. «Самая прекрасная ложа во всём театре!» - сказала Фатьма Ханум про ложу Рахманиновых. Мери Гарден подлетела ко мне во время антракта, жала руку и говорила любезности. После концерта мы сидели в Café de la Paix с Захаровыми и молодыми Бенуа. Стравинский сидел за другим столом со своей компанией. Он приветствовал «Шута» и сказал, что всегда считал его моею удачнейшею вещью.

4 июня

Дача наша снята с первого июня, но раньше как через две недели мы туда не соберёмся, поэтому решили пока что перевезти Святослава с дедушкой и бабушкой - там им будет лучше, чем в Кламаре (в Кламаре теперь столько русских, что Сувчинский, который, кстати, тоже там поселился, называет их «кламаринскими мужиками», пародируя «камаринского мужика»). Итак сегодня всем семейством отправились в Samoreau. Святослав вёл себя молодцом, не ревел и не отрываясь смотрел в окно вагона. Впечатление от снятой нами дачи такое: очень милый сад, закрытый от постороннего взора, с многочисленными розами, которые, к сожалению, начинают отцветать; сама дача тесновата и будто грязновата. Ольга Владиславовна решилась приняться за генеральную чистку. Окрестности прелестны. Оставив старое и малое поколение в Samoreau, мы с Пташкой в тот же вечер возвратились в Париж.

5 июня

Утром в наш отель ввалился Дукельский, который весь сезон был в Лондоне. Новые ослепительные костюмы, дорогие рубашки, красивые галстуки, но, кажется, мало новых сочинений: несколько страниц второго балета (я смеюсь: посвящённый Дягилеву и два такта музыки - вот и всё), да и три романса, из которых он уже кое- что наигрывал раньше. Увидев в нашем отеле молодую американку, Дукельский сейчас же вынул монокль и принялся её пристально рассматривать. Мы упрашивали его не портить нашу репутацию в отеле. Был ещё Романов, с осени не дававший о себе знать. «Трапеция» шла в Штутгарте и других немецких городах, а затем в Турине. Я нахожу, что больше её в этом виде давать нельзя: это игра на провал. Надо оркестровать для нормального оркестра, прибавить ещё номер, построенный на материале из увертюры и одного из квинтетных номеров, и совершенно переработать сюжет. Теперь Романов приглашён балетмейстером в Ла Скалу и проектирует поставить там «Шута». Курц, его дирижёр, сообщает мне некоторые поправки, которые он советовал бы сделать в Квинтете (по части оркестровки). К удивлению, их совсем мало и они незначительны. Вечером на Дягилеве. Дают «Зефира и Флору». Дукельский сидит радом с нами и хватается за голову от дурного

исполнения. По последней традиции Дягилева музыку теперь репетируют мало. Сегодняшнее исполнение настолько плохо, что даже нельзя разобрать, удачны ли переделки, внесённые Дукельским в партитуру. Но всё же я склонен думать, что даже при хорошем исполнении оркестровка Дукельского будет звучать как плохой Брамс, и на фортепиано этот балет выходит много лучше. Брак прибавил две новые декорации к прошлогодним, но они мне мало понравились. Когда в антракте мы прогуливались с Дукельским - последний во фраке, цилиндре, белых перчатках и с тростью, то Мийо, пришедший в пиджаке и мятой рубашке, за спиной Дукельского присел и начал хохотать над ним как сумасшедший. Я случайно обернулся и Мийо, смутившись, смолк. Пташка беседовала с Прюна и его женой; ей втайне хочется, чтобы Прюна сделал её портрет. Он очень удачно написал Mme Мийо.

6 июня

А.П.Остроумова приходила к нам выбирать, в каком платье писать Пташку, потом завтракала с нами. Днём Blois возил в своём гоночном автомобиле в Версаль к А.Н.Бенуа, который в ближайшие дни уезжает в Ленинград. И не хочется, а надо: там и Эрмитаж, и квартира, и требуют. Были Кока с Марусей, также Саша Черепнин с молодой негритянской пианисткой. Вдруг Леля, дочь Бенуа, отозвала меня в соседнюю комнату и объявила:

- Вы знаете, эта негритянка - невеста Сашеньки.

Я рассердился:

- Что вы мне голову морочите!

Но она ответила:

- Вот вы сейчас увидите.

После чего мы пошли в гостиную и она сказала:

- Саша, а твоя невеста нам не сыграет?

Саша ответил, что она устала. Я опять вышел в другую комнату, тут присоединился Бенуа-отец и с комическим удивлением заявил:

- Но это же чёрт знает что такое! - воскликнул он, сложив ручки на животике и выпятив глаза из под очков.

Мы с Blois вскоре уехали, всю дорогу рассуждая о сенсационной новости. Врёт! Но как же он смеет так мистифицировать старика Бенуа в его же собственном доме! Пташка была больше нас огорошена известием.

7 июня

Утром в одиннадцать были с Пташкой у Ротшильда, репетировали перед её выступлением. Пела она хорошо. Когда мы вернулись домой и завтракали, заходил Дукельскпй, жаловался, что у него в отеле украли рубашки, рубашки же у него не какие-нибудь, а из лучшего лондонского магазина. После завтрака заходили с ним в его отель, он объяснялся с хозяйкой, но ничего, разумеется, не добился. Держал он себя барином, безукоризненно: я бы на его месте, конечно, наскандалил и назвал бы всех жуликами. Затем вместе с ним (так как ему нечего было делать) ездили в несколько квартирных агентств, ибо мы с Пташкой решили искать себе немеблированную квартиру, дабы меблировать её и иметь постоянный угол в Париже. Этого особенно хочет Пташка, которой укладывание всего скарба пять раз в год буквально вгоняет в гроб, но найти в Париже немеблированную квартиру непросто.

Вечером концерт Бургина, играет с оркестром три скрипичных концерта, в том числе мой. У него неважный тон и верхи не звучат: раза два он сбивается, но вылезает. Тем не менее успех, хотя меня и не вызывают. Так как мне одному было

скучно идти на концерт и, кроме того, был лишний билет, то я по дороге зашёл в клуб, где оказался обедающим Борис Николаевич (да и только ли обедающим?). Он очень обрадовался и отправился со мной. На концерте был ещё Дукельский, который обедал у Кусевицких и приехал с Натальей Константиновной. Неожиданно он очень хвалит мой Концерт, особенно вторую и третью части. Я был уверен, что ему и тем кругам, мнение которых он выражает, этот Концерт нравиться не может.

Получил от Демчинского план «Огненного ангела». Фу ты, наконец-то! Накинулся. Сразу трудно охватить. Есть интересные подробности, но всё же я ждал как-то больше.

8 июня

Проигрывал «Шута» Романову. Как истинно русский человек он опоздал на полтора часа и затем без конца извинялся. «Шута» очень хвалит и хочет ставить в Скале, но затруднение в том, что его просили русский балет, но лучше не из русской жизни. Вот чудаки! Завтрак: Сувчинский, Дукельский, Романов. Пташка и я. Очень весело покушали. Дукельский рассказывал неприличные вещи про того сербского пианиста, который проектировал выступить со мной в Берлине, а затем канул в пространство и попал в аккомпаниаторы к Дягилеву. Романов не без удивления слушал рассказы Дукельского и фыркал в салфетку. Затем Сувчинский и я забрали Дукельского к фортепиано и он играл нам отрывки из нового балета. Сочинил он мало - две страницы к тому, что показывал в марте, а всего музыки на пять минут за всю зиму, и в характере этой музыки отнюдь не прогресс, а скорее регресс по сравнению с «Зефиром», хотя есть премилые места. Мы с Сувчинским всячески пробирали его.

Вечером я должен был играть на каком-то концерте Русской культуры, имевшим якобы целью показать Парижу, что советская революция не убила ещё российской культуры. Но Сувчинский закричал: «Вы не знаете, вы собираетесь играть! Русскую культуру поддерживают сочинения Стравинского и ваши, да писатели, которые сейчас в советской России, несмотря ни на что, пишут замечательные вещи, а здесь какая-то эмигрантская накипь устраивает какой-то сборный концерт, на котором вам вовсе нет места». Словом, я послал телеграмму о том, что непредвиденные обстоятельства и прочее...

9 июня

Утром молодой Вышнеградский демонстрировал свою пьесу, написанную в четверть-тонах. Исполнялась она на двух фортепиано, настроенных один на четверть тона выше другого. Таким образом, тема, блуждающая по четверть-тонам передаётся от одного фортепиано к другому и обратно. Я не очень увлекаюсь четверть-тонами, по-моему и с полутонами ещё много работы, но всё же м любопытством послушал эксперимент Вышнеградского. Композитор он неталантливый и на его пьесу надо смотреть не с точки зрения музыки, а с точи зрения возможностей, которые он демонстрирует, вроде того, как, например, интересно послушать кларнетиста, как он играет упражнения из кларнетной «школы». Ничего, интересно, как тема соскальзывает на четверть тона, а
некоторые аккорды необычайно полнозвучны - целой щёткой лезут в ухо!

Затем я проигрывал отрывки из «Шута» Больму, который теперь балетмейстер в Чикагской опере и был бы не прочь его поставить, если бы обстоятельств сложились благоприятно.

Вечером концерт и вечер у Ротшильда. Пташка пела недурно, лучше, чем в Италии. Приём был хороший, хотя без особого энтузиазма. Может быть потому,

что это всё выхоленная и любящая свои ладони публика. Из музыкантов на вечере присутствовали Пуленк, Тайфер, Риети. Марсель Мейер играла вещь Риети, но это было из рук вон как плохо. Риети слонялся обиженной тенью, но в самом деле, нельзя же сочинять такую ерунду! Был ещё Саша-Яша, я довольно приятно с ним беседовал. Он обращал моё внимание на замечательные картины у Ротшильда.

10 июня

Болела голова, потому день пропащий. Но к вечеру стала улучшаться и затем вовсе прошла.

Пошли к Самойленкам. На них производит чрезвычайное впечатление, что у меня будет секретарь. Был у неё ещё Саша-Яша. Фатьма Ханум говорила: Стравинский мне нравится, я люблю таких корявцев». Яковлев сидел на ковре у её ног, ластился к ней и говорил: «Фатьма Ханум, возьмите лучше меня. Уверяю вас, je sais très bien faire ma petite besogne!»[38]

11 июня

Утром пошёл на репетицию Кусевицкого, слушал вещь Эрнста Блоха. Этот композитор мне казался вовсе неплохим, но эта вещь бледна, нелепа, даже безвкусна. Он хотел пошутить и с техникой написать простенькую вещь, а вышла тяжёлая штука, которой можно ещё кого-нибудь обмануть в Америке, но не в Париже.

Целый день думал о либретто «Огненного ангела». Сидел в номере, обложенный планом Демчинского, моим старым либретто и романом Брюсова. Пришли хорошие идеи, кажется, всё додумал до конца: будет скромное либретто, не Демчинское, не моё старое, а нечто новое. Придумывал не только переделки, слияния и добавления, но и ответы на предполагаемые возражения Демчинского: почему так, а не иначе. Это полезно, так как имея перед собою невидимого оппонента, я всё время подвергал критике изобретаемое. От Демчинского в сущности вышло пока мало, но кое-какие оживления в первых двух актах он несомненно породил. Главное, что мне было нужно, это получить толчок, который вывел бы меня из состояния окаменелости в отношении либретто. Качество работы Демчинского тут не сыграло роли: если хороша работа, то тем лучше; если плоха (как в данном случае), то критика её дала мне идеи.

Обедали с Кокой и Марусей Бенуа, очень приятно. Потом были в Паласе. Маруся становится менее провинциалочкой. Кока чрезвычайно мил.

12 июня

Видел неоконченный портрет Пташки. Отдельные части очень хороши (глаза, рот, хотя глаза очень печальны), но всё как-то склеено неважно, что, впрочем, Остроумова сама сознаёт. Днём последний концерт Кусевицкого. Концерт для оркестра Хиндемита лишён красивости и приятности, но неплох в своей грубости и имеет много блестящих выдумок и интересных звучностей. «Пасифик» Онеггера напорист и интересен, но я не уверен, есть ли в нём чисто музыкальные достоинства. Видел Мери Гарден: она была чрезвычайно мила и хвалила отрывки «Шута», слышанные в прошлом концерте. От Кусевицких так и не добился сведений о книге Асафьева и печатания моих дальнейших партитур. Уж очень «мы» заняты. Вообще Кусевицкий в «неприятном периоде», который обыкновенно бывает среди

[38] Я очень хорошо выполняю свою работёнку (фр).

парижского сезона, когда он устал и когда его рвут пополам.

13 июня

Целый день писал письмо Демчинскому - ответный план «Огненного ангела».

14 июня

Пошёл в издательство забирать на лето всякие мои рукописи, которые обыкновенно для верности лежат не в гостинице, а в издательстве. Так как свидания с Кусевицкими я так и не добился, то давал указания милому Пайчадзе, чтобы он при удобном случае переговорил с ними. В первую голову я хотел бы печатать Вторую симфонию. Также о книге Асафьева надо же что-нибудь решить.

Затем пошёл в квартирное агентство, ибо квартиру лучше всего искать в течение лета. В одном американском агентстве нам сказали, что у них русский служащий: Mister Maslikof. Этот Маслянников, бывший гвардеец, оказался большим говоруном и наобещал нам массу интересного. Звонили мы и архитектору Кусевицких - Фидлеру, который послезавтра обещает показать нам квартиру в доме, где он сам управляющий. Это большой плюс для будущей квартиры.

16 июня

Ввиду прыгания франка на бирже, перемен министров и разговоров о налогах на капитал, перевели две тысячи долларов в Америку, не без труда и лишь после того, как мы доказали, что мы не постоянные резиденты во Франции, а эти две тысячи всего лишь несколько месяцев, как перевели из Нью-Йорка в Париж.

Анна Петровна кончила Пташкин портрет, очень изменив его по сравнению с последним разом, и теперь он приятен и схож. Заплатили ей пятьдесят долларов. Анна Петровна говорит, что, по-видимому, «Рената» до сих пор живёт ещё в Париже. По приезде в Россию она постарается узнать от Волошина об этой женщине, и тогда напишет мне.

Фидлер возил нас смотреть квартиру, которую мы, впрочем, не увидели, так как нас не пустила консьержка: хоть Фидлер и управляющий, но новый, и консьержка его не знает. Дом в отличном месте, близ Invalides, но с виду староватый. Фидлер тем не менее хвалит квартиру. Дело отложено, так как время ещё есть: квартира будет перестраиваться и ремонтироваться.

Затем упаковка и отъезд на дачу в Саморо. Появился Борис Николаевич и провожал нас на вокзал, с чувством поглядев на наш первый класс. А взяли мы первый класс потому, что с кучей вещей боялись толпы. В Саморо приехали к вечеру. Дождливо, но тихо и чудный воздух. Сад ещё полон роз.

17 июня

Саморо в трёх километрах от Фонтенбло, на друтом берегу Сены, оно межу двумя лесами: Фонтенблосским и Bois de Valence. Ольга Владиславовна вычистила дом и он выглядит недурно, сад же вовсе мил, огорожен забором, соседей не видно и не слышно. У меня большая и удобная комната для работы; остальным немного теснее. Святослав очень обрадовался нам. Он заметно развился, становится болтливым, на русском и французском языках, и довольно удачно пытается произнести букву «р». Входя в дом, вытирает ноги, а выходя - закрывает за собой дверь. Отличное развитие для младенца в два с четвертью года.

С утра я отправился в Фонтенбло - получать пианино, пришедшее туда для

меня от P1eyel`я, и покупать себе рабочий (кухонный) стол, так как хозяйский развалился. От нас в Фонтенбло ходит трамвай, но я пошёл пешком по красивой дороге (вообще здесь прогулки очаровательны). Попал под дождь, но благополучно выполнил все задачи: вернулся в автомобиле с пианино и столом.

Днём писал и кончил ответное письмо Демчинскому, начатое в Париже: вышло шестнадцать довольно мелких страниц. Демчинский внёс в конце концов не так много, но всё же внёс. Но в письме приходилось всячески извиваться и расшаркиваться, чтобы он чего доброго не затянул или не забросил дело.

18 июня

Утром сочинял конец «Урсиньоля»: первоначальный вариант мне никогда не нравился. Днём переписывал на машинке письмо Демчинскому. Отвык от машинки и от множества страниц - «пух шарик». Не кончил.

Наш тихий уголок прелестен для работы. Планов много: надо за лето переделать и закончить сочинение «Огненного ангела» и оркестровать акта два; надо кончить оркестровку «Урсиньоля (немного) и сделать клавир, из которого как следует сделана четверть; написать пятиминутную увертюру для Duo Art; переделать «Симфоньетту», окончательно вычистить 2-ю Симфонию и Квинтет для печатания; корректуры. Порядочно!

19 июня

Работал над «Урсиньолем»: сочинял конец, оркестровал, скоблил ошибки. Кончил переписывать письмо Демчинскому и отправил. Дождь, ливший с перерывами два месяца, перестал. Встаю в восьмом часу, ложусь в десять. Как здесь тихо после Парижа!

20 июня

Продолжал работу над «Урсиньолем». Оказалось, что я его начал оркестровать без басовых кларнетов, и так сделал три номера, а когда возобновил работу в Америке, то прибавил басовые кларнеты, поэтому сегодня я вписывал его в первые три номера.

Погода солнечная и тёплая. Слава Богу, лето.

21 июня

Оркеструю конец «Урсиньоля». Просматриваю «Симфоньетту», приятную, свежую и совсем не так плохо сделанную. Досадны квадратность и секвентность. Кое-что исправляю, но так, чтобы не нарушать её стиля.

22 июня

Отделывал сочинённый конец «Урсиньоля».

Обширная московская почта: Мясковский прислал «Осеннее», невиданное мною десять лет и частично забытое. От Персимфанса запрос, приеду ли я в Москву и выступлю ли у них. От Дианова вырезки и московские новости.

«Осеннее» меньше нуждается в переделке, чем «Симфоньетта», но и меньше ей поддаётся. Кое-что в корне задумано сентиментально. Но у меня есть тёплое чувство к этой пьесе, хотя неизвестно, где её можно будет сыграть: в Париже она, разумеется, провалится — это слишком чуждо парижским настроениям; в России

играть её рано - там сейчас ждут от меня иных вещей; в Америке её просто не заметят - недостаточно ярко...

23 июня

Дооркестровываю последние страницы «Урсиньоля»; ползут медленно, с вознёю. Днём писал Яворскому и другим письма. Вечером ничего не делал: надо бы играть на рояле: в России знают назубок все Сонаты и Концерты, следовательно, если ехать туда, то надо играть их совсем хорошо, но к вечеру я устаю и садиться за фортепиано не хочется. В Ettal'е по вечерам мы с Борисом Николаевичем играли в шахматы; увлекательное занятие, но опустошающее: на другой день голова не такая свежая для работы, а если, храни Бог, проиграл, то и настроение дурное.

Сделал облегчённое переложение Марша из «Апельсинов» по требованию русской публики. Процесс «оголения» для лёгкости - очень противен.

24 июня

Приехал секретарь, Лабунский; я ещё в Консерватории слыхал (или знал) о его брате, пианисте, ученике Николаева. Лабунский - поляк, живший в России, учился в Политехническом институте в Петербурге. Потом занялся музыкой, занимался контрапунктом и фугой, познания в инструментовке проблематичны. Высокого роста, блондин, сдержанный, корректный, медлительный.

Пташкины родители уехали на море. Одна из причин - несогласие с Пташкой в методах воспитания Святослава. Ольга Владиславовна действительно его порядочно избаловала.

Так как Лабунскому нужно каждый день играть два часа на рояле, а я не хочу в нашем доме лишних звуков, я обещал ему нанять рояль где-нибудь на стороне. Отправились в одну из дач, где, как говорили, можно устроиться с фортепиано. Дама спросила, серьёзный ли он музыкант или любитель. Лабунский ответил: «Я композитор». Когда же дама спросила, почему он не играет на нашей даче, Лабунский сказал, указывая на меня: «Monsieur est aussi compositeur»[39]. Таким образом мой секретарь оказался композитором, а я «тоже композитором». Своего фортепиано ему тем не менее дама не дала.

25 июня

Продолжал работу. Лабунскому поручил приводить в порядок и переписывать начисто мою облегчённую переделку Марша из «Апельсинов», а затем вписывать те страницы «Урсиньоля», которые в последнем номере тождественны с первым. Сразу видно, что он работает медленно. Так как была тяжёлая голова, то много гулял. Был в Bas-Samois, в трёх километрах от нас, очаровательное место по берегу Сены; пил кофе в теннисном клубе, на берегу реки. Кстати, Лабунский хороший теннисист, брал призы, но мы забросили эту игру, да и никогда хорошо не играли.

26 июня

Кончил оркестровать «Урсиньоля». Дата 26-6-26. Но не всё ещё кончено с этим опусом: надо делать клавир. Как следует сделаны только три номера, остальные кое-как, лишь бы послать Дягилеву.

Лабунский работал целый день и переписал нужные страницы для «Урсиньоля».

[39] Господин тоже композитор (фр).

Порядочно ошибок. Я моими «рысьими» глазами сразу их вылавливал.

27 июня

Кое-что исправлял в «Симфоньетте». Лабунский отдыхал по случаю воскресенья. От Плейеля прислали хороший рояль взамен плохого пианино. Приехали также сданные на хранение к Плейелю наши ящики и сундуки - с нотами, летними костюмами и прочим имуществом и старьём.

28 июня

Как-то я настроился на большую работу, но Демчинский задерживает «Огненного ангела», а Страрам не шлёт Симфонию, в которой надо сделать последние переделки (между прочим довольно значительные в репризе побочной партии и в последней вариации). Поэтому занимался «Симфоньеттой» (которой надо заниматься понемножку) и кое-что чистил в Квинтете. Дал Лабунскому разбивать длинные такты третьей части Квинтета на три части каждый. Лабунский работает медленно, а письма, которые я дал ему переписывать на машинке, переписал скверно.

Я его упрекнул: он сконфузился и проработал до одиннадцати часов вечера.

1 июля

Приехала наконец 2-я Симфония: партитура и материал - в виде посылки, на ближайшей станции Vulaine, куда я отправился со Святославиной коляской, а то бы не дотащил. Отыскал список переделок, который я составил после последнего страрамовского исполнения, и принялся за них.

2 июля

Делал поправки в Симфонии, скорее мелкие. У нас ушла прислуга, поэтому в доме непорядок с завтраками, обедами и прочим. Вечером приехал Борис Николаевич, которого я рад был видеть. Много разговаривали. Он чрезвычайно взволнован тем. что я собираюсь в январе поехать в Россию: что об этом скажут? Неужели я буду жать руки «этим убийцам»? Я отвечал, что я не еду за деньгами, а еду к русским музыкантам, тем же, которые пожелают упрекнуть меня за поездку, легко заткнуть рот следующим вопросом: «А вы, если вам было возможно съездить в Россию, посмотреть на родные места, повидать друзей, просто погулять в Москве и Петербурге, и затем свободно выехать обратно, неужели вы не поехали бы?».

3 июля

Сегодня грозовой день, атмосфера тяжёлая и нет никакого расположения к работе. Почти ничего не сделал. Впрочем, пришли в голову несколько идей о переделках, нужных для репризы в Симфонии. Корректировал вторую корректуру сюиты из «Апельсинов», привезённую вчера Борисом Николаевичем. Лабунский работает медленно, но довольно старательно, у него просто ещё нет привычки. Сегодня он сделал всё, и я его даже отпустил под вечер.

4 июля

Сегодня, наконец, ясно сообразил, как наново переписать репризу, а то

отдельные сцепления были недостаточно гладки и не вводили в последующее. Провозился целый день, очень устал, но был доволен.

Вечером приезжал Blois.

5 июля

Ездили с Пташкой в Париж. Три недели, которые мы отсутствовали в Париже, пролетели совсем незаметно. Смотрели квартиру на Lowendal, которую предлагает нам архитектор Кусевицких. О квартире трудно судить, так как она в необычайно грязном виде, но Фидлер обещает привести её в вид блистательный. Отличное место, но сама квартира скорее тесновата. Фидлер говорит, что мы можем думать месяц.

Был в издательстве, оттуда взял часть второй корректуры сюиты из «Апельсинов». Пайчадзе сказал, что через десять дней, по его возвращении из Берлина, можно будет пустить в печать Квинтет. Что касается 2-й Симфонии, то он говорил с Кусевицким. Кусевицкий дал ему carte blanche, но выразил сомнение, стоит ли немедленно печатать такую грузную и дорогую вещь. Пайчадзе предлагал награвировать партитуру, а материал переписать от руки (второй комплект). Это уже довольно приятный выход.

Был в Banque des Pays du Nord[40], который оказался болыпевицким банком. Получил сто двадцать долларов авторских из России и немедленно перевёл их в Нью-Йорк, чтобы избежать французских налогов. Еврей, выдававший мне чек, узнав мою фамилию, чрезвычайно расшаркивался.

В восемь часов мы возвратились в Саморо.

6 июля

Работал над Симфонией и теперь всё сомкнул по-новому: в репризе, от хода до заключительной партии. Думаю, теперь будет гладко и звучать будет хорошо. Подсыпал всю эту работу Лабунскому: вносить в партии; теперь у него хватит этих заплат дня на четыре. Немного сочинял в «Увертюре для семнадцати» (может так её назвать?)[41], но не очень клеилось.

Святослав, которого посылали звать меня к обеду, когда я играл на рояле, сказал: «Папа, ням-ням; довольно бум-бум».

7 июля

Прочёл «Митину любовь», одну из последних вещей Бунина, о которой много говорят в эмиграции. Я не люблю Бунина, и даже очень, но «Митину любовь» хвалил Горький, когда в Неаполе я спросил у него про неё. Читается приятно и легко; у каждого способна пробудить приятные юношеские воспоминания. Но и всё. Слог гладкий и никакой.

8 июля

От Демчинского, вернее от его жены, ответная телеграмма: «Lettre reçu. Barbe Demtchinsky»[42]. Вероятно «сам» в отъезде и за него отвечает «Варя». А если знать французское арго, то можно перевести и так: письмо получил, тоска смертная

[40] Банк Северных стран (фр).

[41] Речь идёт об «Американской увертюре», ор.42. заказанной фирмой Duo Art.

[42] Письмо получено. Варя Демчинская (фр).

(«barbe») - по случаю того, что я заново перекроил весь план. Но едва ли они знают арго. А всё-таки свинство ужасное и небрежность непростительная: ведь дал же человек слово, что первый и второй акты будут к первому июня. Что я выправляю кривые места в Симфонии - хорошо, но надо же и за «Огненного ангела» приниматься. - Симфонию можно чинить в промежутках.

9 июля

Сегодня Лабунский попросился в город. Приятно было без чужого человека. Раскрыл «Огненного ангела». Кое-что исправлял в вокальной партии, кое-где отмечал оркестровку, некоторые места - неудачные - отмечал: к переделке. Но серьёзно за него взяться нельзя, пока не будет окончательного текста хотя бы одного акта. Я, по правде говоря, уже больше не жду многого от Демчинского... Но где-то в глубине голос: а вдруг?! Демчинский - пустоцвет, но у него есть яркие вспышки и их можно ловить.

Пока здесь Лабунский, я всё никак не могу приучить себя садиться за рояль и сочинять. Сегодня, пользуясь его отсутствием, сел за «Увертюру для семнадцати» и работал над второй темой. Сначала казалось, что я разучился сочинять, и вообще неизвестно - как надо сочинять. Но потом кое-что для второй темы записал.

Послал Демчинскому вторую телеграмму (а с начальным счётом шестую или седьмую), прося всё-таки сообщить, когда же пришлёт первый акт. Сколько денег ухлопывается на эти по существу совсем необязательные телеграммы. Удивительный человек.

10 июля

Работал над Симфонией. Развивал вторую тему для Увертюры. Кажется вышло всё-таки недурно. Мне не хочется писать сонатное аллегро: возьму рондообразную форму, по принципу Шумана - побольше материалу, поменьше разработки (разработки достаточно было в Симфонии). Для третьей темы можно взять тему, набросанную в вагоне во время турне по Италии.

Пташка киснет.

От Б.Н. телеграмма: просит триста пятьдесят. Опять начинается...

Приезжал Маевский. Я долго не мог понять, что это за Маевский, но оказалось, что Шмаевский, который за пятнадцать лет, что я его не видел, успел потерять первую букву - для красоты фамилии. Он учился со мной в классе Есиповой и соприкосновений у нас было мало, но теперь он выражал чрезвычайную нежность и дружбу, и обещал озаботиться устройством моих концертов в Риге, где у него сейчас музыкальная школа. Очень восхищался Святославом. Он сам женат, но бездетен.

11 июля

Развивал третью тему. Присутствие Лабунского больше не мешает. Лиха беда начало.

Так как Лабунский гулял в пятницу, то работает сегодня. Медленно кладёт заплаты в партии Симфонии, переводя туда поправки, сделанные мною в партитуре. Хотя он изучает фуги и в Revue Musicale его фамилия была упомянута в списках польских композиторов, он всё же врёт в транспонировке и мне приходится проверять его работу и отсылать скоблить. Таня, которая в прошлом году переписывала эти голоса, транспонировала без ошибок. Фуги не учила, а просто была внимательна.

12 **июля**

Утром сочинял Увертюру и кое-что переделывал в Симфонии. Все эти исправления делаются по списку, составленному на другой день после исполнения Симфонии Страрамом. Днём с Пташкой ездили в Фонтенбло за разными покупками. Там жарко, много американцев и толкотня. У нас в глуши лучше.

13 июля

Довольно удачно работал над Увертюрой. Сочинял беготливое соединение между двумя B-dur`ами.. Но днём чувствовал себя тяжёлым и ленивым и мало что сделал. Даже спал час по секрету от Лабунского, который сидел и клеил заплаты. Вечером, по случаю кануна 14 Июля[43], было шествие с фонарями и фальшивыми, но очень громкими, трубами. Не давали спать до часу ночи (а мы ложимся в десять). Спал только Святослав. Какое падение по сравнению с 14 Июля два года тому назад! Тогда ему было не два года и четыре с половиной месяца, а просто четыре с половиной месяца, но в десять часов вечера ему давали «дудушку», и по этому случаю он любовался на фейерверк. А теперь спал, не слыша даже громовых фанфар.

14 июля

Очень охотно взялся продолжать вчерашнюю беготню между двумя B-dur`ами. Но сегодня она показалась бледной и мало чего стоящей. Обдумывал оркестровку, и в оркестровке она показалась всё же приемлемой. Кое-что прибавил. Днём занимался Симфонией и наводил лоск на Квинтет перед гравировкой, а так же диктовал письма Лабунскому. Сегодня первый жаркий день.

15 июля

Как же быть с Демчинским? - ведь надо работать над «Огненным ангелом». Сегодня перелистывал мою музыку, нашёл, что сцена между хозяйкой, работником и Рупрехтом переделкам со стороны Демчинского не подвергнется, а потому отделал и вычистил её (изменил гармонии и кое-что в вокальной партии), затем, так как всё было испещрено моими поправками, дал Лабунскому переписать начисто и по чистому стал размечать оркестровку. Размечаю с максимальной подробностью, так сказать до дна, чтобы Лабунский мог с этого расписывать по партитурным строчкам. Это моя новая система, для которой я, главным образом, и нанял Лабунского. Если она удастся, то я буду избавлен от расписывания пятисот партитурных страниц «Огненного ангела».

16 июля

Опыт более или менее удаётся: Лабунский просидел над одной страницей часа три, но переписал туда все инструменты так, как они были у меня помечены. Правда, ошибок была тьма, но это, во-первых, оттого, что в первый раз, а во-вторых, оттого, что он от природы не умеет быть внимательным или не приучен к тому.

Я сегодня отложил Увертюру Ор.42 и занимался «Огненным ангелом», продолжая дальше начатую вчера работу. У сцены изнасилования музыка была вовсе плохая. Пришла идея, как можно сделать иначе, лучше.

[43] Национальный праздник во Франции.

Сегодня, когда я вечером писал дневник, через открытую дверь увидел кошку, лезшую на дерево к гнезду. Какая-то глупая птичка свила гнездо в двух шагах от дома на высоте человеческого роста. Правда, гнездо было хорошо замаскировано, а ствол был обвит колючими розами, но раз появилась кошка, то гнезду приходилось плохо. А мы очень любили трёх птенцов с огромными ртами. Я с криком кинулся на кошку, которая удрала. Затем мы ломали головы, как защитить гнездо, но ничего не было под руками. Я протянул гамак с одной стороны, а с другой поставил садовую мебель в неустойчивое равновесие, чтобы, если кошка на неё прыгнет, то кресла перевернулись бы и спугнули её. Едва мы поднялись в спальню, как кошка была уже тут как тут. Я её опять согнал и усилил укрепления. До двух часов я спал чутко: всё казалось - лезет кошка. Потом закрыл окно (не поможешь!) и заснул крепко.

17 июля

От Ленинградской филармонии запрос, сколько бы я взял за четыре концерта. Письмо подписано Климовым, оно кратко и сухо, и написано на ужасающей машинке, у которой буквы до того расхлябаны, что можно вывихнуть глаз. Климова я знаю: он был в дирижёрском классе, но гораздо раньше меня. Это добродушно улыбающаяся луна. Человек он тупой, методичный, к Глазунову почтительный. Как в революционной России такая фигура влезла во главу Филармонии, не вполне ясно.

Отвечал на письма сам. Лабунского не отвлекал от партитурной работы, над которой он просидел весь день.

За ночь кошка таки слопала птенцов. Кресло, на которое она прыгнула, опрокинулось, но это её не испугало.

18 июля

Болела голова, не очень сильно, но заниматься не пришлось. Много гулял: ходил в Héricy, оттуда переезжал на лодке в Samois через Сену и возвращался по другому берегу назад. Сделал эту прогулку дважды. Вечером духота. Очень давящая ночь; затем гроза с раскатами и приятная свежесть.

19 июля

После вчерашней грозы день сегодня солнечный, нежаркий, весёлый. Работалось хорошо. Отделал порядочный кусок в первом акте, так как по моему мнению он не может подвергнуться изменению со стороны Демчинского. А этот странный джентльмен молчит, на телеграмму не отвечает. Послал ещё одну. Лабунский расписывает в партитуру мою оркестровку, работает медленно и, разумеется, пропускает диезы. Пташкины родители уехали: хотя она со своею матерью очень друг друга любят, но вместе жить совершенно не могут.

20 июля

Сформирован новый кабинет Эррио. Доллар по этому поводу взвился в сорок восемь франков. Ничего хорошего во Франции не предвидится. С одной стороны - очень выгодно сейчас покупать мебель для квартиры; с другой - при такой тревожной для Франции атмосфере стоит ли здесь заводить квартиру и вообще оседать?

Много работал над «Огненным ангелом». Идёт хорошо. Обдумывал в точности

оркестровку и размечал её подробно с тем, чтобы передать расписывать по клеткам Лабунскому. Конечно, при такой работе я шутя размечаю в день на десяти страницах будущей партитуры, но когда-то доползёт Лабунский, делающий по две-три страницы в день! Ведь не оркеструет же он, а, если так можно выразиться, только пишет оркестровый диктант.

21 июля

Так как «Огненный ангел» порядочно подвинулся за эти дни, Лабунскому надо неделю, чтобы меня догнать, - то решил вернуться к «Увертюре для семнадцати», и сегодня работал над нею. Однако сделал не очень много: не клеилось. Днём обдумывал инструментовку в «Огненном ангеле».

День мой распределяется так: просыпаюсь между 7.30 и 8.00, бужу Лабунского и иду в ванну мыться. Бреюсь ради деревни через день, в зависимости от этого спускаюсь вниз через пятнадцать минут или через полчаса. Пью кофе, отворяю ставни и сажусь заниматься до десяти. В десять часов приносят почту, что перебивает занятия. Если писем немного, то вскоре возобновляю занятия до половины двенадцатого. Затем пускаю Пташку петь, а сам ухожу гулять; иногда беру с собой Святослава в его трёхколёсной коляске, «таси», как он её называет, коверкая английское слово taxi. Иногда ещё чуть-чуть занимаюсь по возвращении с прогулки. Без четверти час завтрак. После завтрака диктую Лабунскому письмо или два, если таковые имеются. Послеполуденные занятия менее интенсивны, чем утренние, т.е. я редко сочиняю днём, хотя иногда что-нибудь доделываю. Зато занимаюсь корректурами, или чиню Симфонию, или обдумываю оркестровку. В четыре часа чай, а в полшестого я иду на большую прогулку километров за пять- шесть, иногда в Champagne, оттуда возвращаюсь в поезде в полвосьмого, к обеду.

Вечером немного играю на рояле (2-й Концерт, 4-я Соната) и пишу дневник, новый, или подгоняю старый, сокращённый. Ложимся в десять.

22 июля

Работал над Увертюрой. Материал есть, и хороший, но как-то спаивается неважно. А от Демчинского и на новую телеграмму, посланную три дня назад, ответа нет. Решил подождать ещё два дня, а затем послать ему решительное письмо. Прежде чем принять это решение, обдумывал, смогу ли я собственными средствами справиться, прежде чем рисковать идти с Демчинским на разрыв. Выходит, что как будто смогу. Демчинский отлично критиковал, но когда дело дошло до работы, то предложил мне план худший, чем был мой. Всё же какой-то нужный толчок он мне дал, я вышел из оцепенения, перекроил либретто, и теперь, насколько я могу понять, опера имеет стройный вид, это самое главное. Что он может мне ещё дать? Несколько элегантных вывертов, которых я от него всегда ожидал? Может, даст, а может, нет, ведь он же пустоцвет. Мне важно использовать лето, чтобы музыка была сделана как следует, да и для того, чтобы опера шла в Берлине, нельзя больше терять время. Это меня и заставляет послать ультиматум, тем более, что он относится к этому произведению явно непорядочно.

23 июля

Работал над Увертюрой, которая всё же подвигается, а днём над «Огненным ангелом». В конце концов я могу и не ждать Демчинского для того, чтобы отделать начало первого акта. Лабунский сегодня сделал пять страниц и работает лучше: набил немного руку.

24 июля

Написал письмо Демчинскому, как решил третьего дня. Старался быть решительным, но без излишней резкости. Готовлюсь к тому, чтобы доканчивать либретто без него: посылая ультиматум, надо быть готовым к тому, чтобы разрыв не застал самого врасплох.

25 июля

Лабунский взял свой свободный день и уехал в Париж к Кошиц докладывать про дачу, которую приискал ей в километре от нас (вот удружил). Мы остались en famille[44]: Пташка, Святослав и я. Было приятно.

26 июля

Лабунский вернулся: Кошиц раздумала, дачи не берёт, словом, пронесло. Сегодня Пташка была в городе. Привезла корректуру сюиты «Апельсинов» (оставшиеся партии), письмо от Klein'а (он в Париже!) и всякие другие новости. Я под проливным дождём ходил её встречать на станцию и под зонтом тащил папку с корректурами, охраняя её больше себя, так как гравировка сделана на кальке и если эта калька промокнет, то всё погибло. Пайчадзе сообщает, что «Три апельсина» запросили Харьков, Киев, Одесса и Загреб. Здорово! «Апельсины» пошли провинцией.

28 июля

Третьего дня Пташка по моей просьбе привезла «Серенаду» Стравинского. Играл её. Странная вещь... А ругать боишься, ибо этот человек столько раз изобретал фокусы, которые только с годами понимались. Музыка нарочито неприятная. Трудно понять, что мыслил Стравинский и какие цели преследовал, когда избирал этот язык. Но одно поражает - это убогость мелодических линий. А что вовсе уж странно - это метнеровские обороты, которые то и дело встречаются. Стравинский под влиянием Метнера - вот уж нелепость!

29 июля

Сегодня чувствовал себя очень настроенным для работы. Сомкнул что надо в Увертюре, так что скелет готов. Надо теперь всё отделать и досочинить, и придумать три варианта для троекратного повторения B-dur'а. Работал, кроме того, над «Огненным ангелом». Вечером догонял дневник.

30 июля

Переделывал истерику Ренаты в первом акте, но работа шла без особого увлечения. С Christian Science я совсем отошёл от этого сюжета, и всякая припадочность и чертовщина меня более не привлекает. У меня уже раньше были мысли: не проще ли вообще бросить сюжет, от которого отошёл... Но жалко музыку. Да и теперь я больше подхожу к работе музыкально, а не сюжетно. Может, это и хорошо.

Сегодня наработал мало. С Пташкой и Святославом совершили большую

[44] В семейном кругу (фр).

прогулку в Champagne, откуда вернулись в поезде. Это первый раз за лето, что мне удалось вытащить Пташку на прогулку.

31 июля

Отложил «Огненного ангела», у которого заскок, и занимался отделкой B-dur'ов в Увертюре. Сделал немного.

Б.Н. вернул деньги, взятые последний раз взаймы. Первый раз в истории.

1 августа

Сегодня работалось хорошо: переделал всю истерику Ренаты и сделал по-новому молитву Рупрехта.

Гуляли с Пташкой и Святославом. Сегодня последний отличился: нагрузил свою коляску медведями и уехал с нею из сада по большой дороге - искать пароходы, которые он вчера видел на Сене. По дороге к нему привязались ребятишки, которые начали рассматривать его медведей. Святослав поднял рёв. Пташка увидела его из окна второго этажа - далеко на дороге, и в отчаянии помчалась на выручку, после чего он был водворён со строжайшей нотацией. Медведя он называет «хми», причём первая буква - какая-то его собственная согласная, которую он выдыхает через нос, морща его при этом.

2 августа

Утром холодный и густой туман со стороны Сены: совсем осень. Но день разошёлся ясный и горячий. Между занятиями я много гулял со Святославом и с Пташкой; сделал километров четырнадцать. Я привык уже таскать с собой в коляске Святослава - должно быть, в этом воскресла моя детская любовь таскать за собой «поезда», которая длилась у меня чуть ли не до поступления в Консерваторию.

Отделывал сегодня то, что сочинил вчера.

От Климова письмо по аэропочте (в три дня, первый раз так скоро). Предлагает двадцать концертов от Ленинграда до Тифлиса, в том числе дважды дирижировать в Мариинском театре «Апельсинами», с гонораром в девять тысяч рублей + отели и дорога. Это уже солидное предложение. Но я должен предварительно снестись с Яворским.

4 августа

Утром работал над B-dur'ами в увертюре. Затем совершил длинную прогулку в Vulaines и Héricy. В три часа приехали в автомобиле Klein и его друг Barton, которых мы ждали. Разговор вскоре самым естественным образом склонился к Christian Science и на эту тему затем вращался всё время. Barton, актёр из Нью-Йорка, тоже сайентист. Он мне понравился, главным образом, тем убеждением, с которым он сказал «я знаю, что смерти нет; это только те, которые остаются позади умершего, сочинили смерть». У него острый профиль и резкие глаза, но Christian Science делает его чрезвычайно мягким. У него большие склонности к медиумизму: столы вращаются и рука его пишет бессознательно, но это его не интересует и не тревожит. «Как наивно думать, что это - общение с потусторонним миром», - говорит он. «Теперь, когда в каждом американском доме есть беспроволочный телеграф, так естественно представить такую способность как приемник чужой воли, мыслей и желаний. Медиум есть подобие аппарата беспроволочного

телеграфа - не более». Клейн был, как всегда, замечателен. Ему очень понравился Святослав, который кстати вёл себя очень прилично и после их отъезда сказал «gentil monsieur». Клейн говорил, неверно думать, что мы сейчас далеки от совершенства; что нужно время, дабы это пришло; что пока мы лишь тускло отражаем образ и подобие нашего Отца. Это всё неправда: мы в данную минуту уже суть отражение Отца и мы должны это знать. Не завтра, не со временем, а сегодня, сейчас.

Я спросил, не потому ли, что в вечности нет понятия о времени, и в данном вопросе нет ни вчера, ни завтра, а только сейчас? Он сказал, что это очень хороший ответ. Они пили у нас чай, во время которого всё время говорили о Christian Science (Лабунский, слава Богу, взял свой свободный день и уехал в Париж) и, пробыв два часа, уехали, оставив самое радостное впечатление. Они через два дня отправляются в Женеву на автомобиле, затем в Англию, и уезжают обратно в Америку. После их отъезда мы с Пташкой сделали большую прогулку, делясь впечатлениями, а вернувшись, нашли у себя Кохно. Неожиданный визит. Дипломатическая миссия, по-видимому. Дягилев, который на днях уехал из Парижа в Венецию отдохнуть и во след которому скоро отправляется Кохно, намерен в будущем сезоне обязательно поставить «Урсиньоля», и, по-видимому, хотел прозондировать почву, какие у меня настроения, а кстати получить от меня либретто и некоторые отрывки клавира, которые он успел потерять. Кохно разливался в любезностях, я тоже был мил с ним и обещал через несколько недель сделать клавираусцуг недостающих номеров. (Тогда, из Америки, я послал Дягилеву весьма приблизительный клавир; настоящий клавир надо всё равно рано-ли, поздно-ли делать, - так сделаю его теперь между делом). По просьбе Кохно я сыграл ему отрывки из новой увертюры, но начало ему не очень понравилось, больше - тема на три четверти. Впрочем, он сейчас же оговорился, что он судить не имеет права. Дукельский где-то под Парижем, но, кажется, не много работает, так как увлечён дочкой консьержки того пансиона, где он живёт. Так как Кохно увидит его завтра, то я просил передать Дукельскому, что весной он поступил как свинья, уехав не попрощавшись, и что не мешало бы ему явиться к нам.

5 августа

Много работал. Утром отделывал в увертюре A-dur на три четверти. Днём делал клавираусцуг «Урсиньоля» и писал письма. Еле опомнился, как прошёл день.

Франк повышается, в связи с этим французы становятся вежливее. Когда франк летел, то тогда же летела и французская вежливость.

6 августа

Отделывал тему на три четверти в увертюре. Днём занимался «Огненным ангелом» и обдумывал либретто для заключения акта: сцену с гадалкой. Надо делать самому. На пророка с вывертом - Демчинского - надежды плохи.

Вообще дел тьма, а тут ещё клавираусцуг «Урсиньоля».

7 августа

Кончил отделку куска на три четверти в увертюре. Кажется, вся музыка сочинена. Пора садиться за оркестровку. Немножко непривычно для того состава оркестра, который я беру. Ходил по саду и обдумывал оркестровку B-dur'a. Днём начала болеть голова и я, продиктовав два письма Лабунскому, прекратил занятия. Надо сказать, что хотя головные боли ко мне возвращаются, но скорее реже и, во

всяком случае, в более слабой форме. Довольно много гулял.

Предложения концертов: в Лондоне и в Лионе; с Лондона надо лупить - за то, что там всегда ругают. Уж претерпевать, так за сумму. В Лионе надо наоборот согласиться ради Пташки. Город богатый, но французы жадны.

Нашлась Вера Прокофьева, однофамилица, которая получает корреспонденцию в том же банке, что и я, и поэтому иные мои письма по недосмотру попадают ей. Пишет милое, но не очень грамотное письмо по-французски (по-русски вовсе забыла): «Мы оба носим это простое имя, сделанное Вами знаменитым». Надо сохранять хорошие отношения, чтобы возвращала письма...

8 августа

Лабунский, ползя черепахой, всё же догнал меня в оркестровке «Огненного ангела». Надо взять новый кусок, который я буду мало менять, даже если Демчинский пришлёт своё либретто (во что я ныне мало верю). Таким куском я выбрал третий акт, первую картину, и сегодня всё утро занимался отделкой, небольшими переделками и обдумыванием оркестровки. Вообще наработался до отвалу.

Пайчадзе пишет, что Черепнин сыграл дважды «Классическую» Симфонию в Риге, а Купер будет играть сюиту из «Апельсинов».

9 августа

Начал оркестровать увертюру. С непривычки трудно для такого состава, тем более, что увертюра начинается со звучного tutti. Провозился порядочно, а наоркестровал две страницы. Днём обдумывал и переправлял третий акт «Огненного ангела». Вообще работы тьма. Пташка очень хотела бы поехать на недельку на море, в Royan к Захаровым, но, кажется, прямо не оторваться от дел. Вообще я становлюсь рабом моих занятий. Это нехорошо. И главное, без всякой надобности.

Сегодня уехали в Америку родители Пташки, которые три-четыре дня перед отъездом провели с нами. Хотя расставание было трогательным, но чувствовалось, что они отчасти оттого уезжают, что мать и дочь не сходятся характерами. И в этом сознании - большое огорчение для обоих. Ольга Владиславовна обещает вернуться в январе, чтобы нянчить Святослава, если мы уедем в Россию. Денег у них немного, но они путешествуют скромно, в третьем классе.

10 августа

Утром соркестровал ещё две страницы - и очень устал. Днём всё же занимался и кое-что выправлял в рассказе Ренаты. Пташка сказала: «Брось, если устал: иначе плохо выйдет». Около десяти вечера мы, усталые, ложились спать, браня Лабунского, который куда-то провалился, отчего нельзя было запирать дверь, как вдруг у калитки раздались постукивания и затем звонок. На мой вопрос «кто тут?» смущённый голос ответил из темноты: «Это я, Дукельский». По его словам, он выехал из Парижа в пять часов, но Кохно ему плохо объяснил дорогу, и он только теперь добрался до нас, не обедавший, усталый. Пока Пташка готовила ему яичницу, он уже успел рассказать о своём последнем приключении, о молоденькой ирландке, которая пришла к нему в Лондоне и с которой последовал горячий роман, завершившийся угрозой появления маленького Дукельского, после чего большой Дукельский бегал по разным докторам, которые однако от его предложения наотрез отказались, говоря, что за такие вещи в Англии сажают в тюрьму. Пришлось

тащить возлюбленную в Париж, где вчера наконец освобождение благополучно свершилось, «и она очнулась на постели, окружённая цветами». В ближайшие дни очаровательная ирландка возвращается в Лондон, очень благодаря Дукельского за оказанное внимание и за то, что ей удалось повидать Париж; однако всё это влетело ему в десять тысяч франков, и, если бы не две новые оперетки, на которые он получил заказ, то финансовые дела были бы вовсе швах; но если оперетки будут иметь успех, он будет получать по восемьдесят фунтов в неделю.

Мы уложили его спать в комнате родителей, а так как нужны были чистые простыни, то он лёг в чистый и выглаженный мешок для хранения шубы.

11 августа

Пока Дукельский спал, я успел соркестровать страницу. Затем я играл ему увертюру, которая ему понравилась, кроме первой темы. Он считает, что лучшая моя вещь - 3-й Концерт и что так я и должен писать; худшая - 5-я Соната, сухая и скучная. Играл мне свой новый балет, к которому присочинил ещё два номера. Кое-что мило, но не очень: стилизация под балетную музыку русско-итальянского пошиба, вступление куда лучше. Затем мы вместе поругали «Серенаду» Стравинского, но зато в «Мавре» он мне показал несколько очень занятных мест, хотя это опять-таки какая-то стилизация под Даргомыжского[45]. Через неделю он собирается в Венецию к Дягилеву, который, по его словам (Дукельский склонен приврать), решил ставить его новый балет в будущем сезоне. После завтрака Дукельский отправился в Париж, а я принялся за шлифовку и обдумывание оркестровки третьего акта «Огненного ангела».

Когда мы с Пташкой разбирали романсы Казеллы, с полки от сотрясения упала кипа газетных рецензий и программ за год, недавно рассортированных Пташкой для наклейки. Всё смешалось, надо сортировать снова. Романсы Казеллы - плохие, не стоили катастрофы.

18 августа

Последние дни не писал дневник, так как колоссально насел на оркестровку «Американской увертюры», сообразив, что времени до срока остаётся не так уж много, оркестровка же для непривычного состава требует гораздо больше возни, чем я думал. Кроме того, надо было закончить кусок в оркестровке «Огненного ангела», чтобы сдать его переписчику, который уже освободил время для этой работы. Словом, я и вечерние часы, которые раньше посвящал игре на фортепиано и дневнику, повернул на оркестровку - оттого и белые страницы в дневнике.

С Ленинградской филармонией переписка наладилась. Благодаря аэропочте оттуда письма «долетают» в три дня. Жалеют, что я отказался дирижировать «Апельсинами», которые пойдут и в Мариинском, и в Большом московском, и в Харькове. Вот уж - «мог ли он мечтать о таком счастье» - как сказано в «Гадком утёнке»! Но Яворский, с которым я тоже в переписке, как-то увёртывается от прямых советов. Вообще хитрый мужчина, и, если бы не моё личное доверие к нему, как к музыканту, и не слова Сувчинского, что Яворский человек, на которого можно положиться, то вообще может взять сомнение. А тут ещё такая фраза: «Фотография вашей жены пользуется таким успехом, что я вам прямо посоветовал бы оставить её в Париже». Заядлый эмигрант сказал бы, что, конечно, это - предупреждение: не берите, не то могут оставить залогом. Но я думаю, что это просто «элегантная шутка».

[45] Всё же я доказал ему, что в «Серенаде» целый ряд мест сделан под Метнера. (Прим. автора).

20 августа

Оркестровка увертюры начинает утомлять. Сегодня вообще какая-то тяжёлая погода: все ходят кислые. Три страницы тем не менее сделал. Виден конец. Сегодня карандашную партитуру «Огненного ангела», писанную Лабунским, опрыскали фиксативом и отослали Жасмину переписывать; шестьдесят девять страниц. Но есть ещё почти такая же порция, где кое-что надо выправить (в рассказе Ренаты, оркестрованном ещё в Ettal'е), и тогда она тоже поедет к Жасмину.

Святослав сегодня произнёс: «Святослав Прокофьев». Выучил, наконец, своё имя, хотя и довольно неохотно. Когда его спрашивали: «Бэби Святослав?», он отвечал: «Бэби обезьяна». Затем вместо «Святослав Прокофьев», говорил «тра-та-та Прокофьев».

21 августа

С утра голова тяжёлая, поэтому не работал, прогуливал голову. Целый день и болела, и не болела, а к вечеру стала разбаливаться. Не работал над увертюрой. Сделал только несколько изменений в «Огненном ангеле».

В пять часов поджидал Дукельского, но он, как полагается, явился, когда мы уже закрывали ставни, чтобы ложиться спать. Я сначала его принял холодно (что за паршивец, в самом деле!), но тут как из рога изобилия посыпались всяческие объяснения и необыкновенные события. За завтраком он подавился костью, которую затем в больнице вынимали щипцами с двумя зеркалами. Оттого опоздание. Затем он привёз мне эскизы своего балета, которые значительно подвинулись. В вагоне он положил их в сетку, но ветром сдуло верхний лист, который через раскрытое окно улетел в поле.

22 августа

Голова моя прошла ещё от разговоров Дукельского. Сегодня утром я заявил, что намерен работать, так как увертюру надо гнать вовсю. Дукельский спал и брился до одиннадцати часов, а когда в одиннадцать часов я, сделав две страницы, ушёл на мою обычную прогулку, он уселся за рояль и стал восстанавливать улетевшую страницу. После завтрака я опять оркестровал в гостиной, а он - в столовой, свой Концерт. Кстати, его партитура мне не нравится, - он всё-таки не умеет оркестровать. В четыре часа он, Пташка, Святослав и я отправились в Samois, и там, в саду большого отеля на берегу Сены, пили чай. Дукельский был очень мил со Святославом и много возился с ним. Рассказывал он и про другого Святослава, сына Рериха, своего ровесника, про жизнь в Нью-Йорке, про свой роман с Валентиной Больм, с раздвоениями, про драмы и необычайный скандал, который разыгрался после того, как открылось, что они со Святославом послали ей неприличный подарок и она, рыдая, нажаловалась Рериху-отцу. Дукельский обедал у нас, после чего мы играли друг другу сочинения: он очень хвалил мои, мне тоже его новый балет понравился больше, чем в предыдущие разы. Затем он прозевал поезд и остался вторично ночевать. Остаток вечера прошёл в бурной схватке, так как я его ругал за то, что он пишет оперетки, говоря, что это сплошное общее место; он же яростно защищал свою позицию. Он говорил, что опереточная музыка настолько в ином плане, что не может оказать никакого влияния на его серьёзную музыку. Я же говорил, что это влияние непременно скажется, и притом совершенно для него незаметно; но вдруг он почувствует, что настоящие музыканты начнут отходить от его музыки и что сам он сходит на положение второстепенного композитора; тогда он бросит серьёзную музыку и останется на одних оперетках.

Нас развела Пташка, которая сказала, что соседи, слыша наш громогласный разговор, скажут, что «les monsieurs russes ont trop bus»[46].

Странное письмо от Нади Раевской. Тётя Катя давно писала, что Шурик болен и находится в санатории. Я боялся, что он сошёл с ума. И вдруг всё объяснилось: болезнь и санаторий - это тюрьма, куда его засадили как бывшего лицеиста. Вот она, милая Россия: не так ещё там мило!

24 августа

Сегодня, слава Богу, кончил увертюру. Пора было её задушить, а то она сама меня душила. Лабунский дописывает страницы с повторением предыдущего и скоблит отмеченные мною ошибки, я корректирую переписанное им.

Думал о выражении «Божье испытание», «Бог посылает это для испытания». Мне кажется, это выражение неправильно. Можно подумать, что Бог расссуждает так: «Попробуем, если человек выдержит испытание, то он укрепится и подвинется вперёд, а если нет, то жаль - погибнет человек, подававший надежды». Всё это совершенная нелепость. Бог знает наперёд результат испытания, а если результат заранее известен, то испытание не есть испытание. Поэтому рассуждать надлежит так: Бог посылает человеку только то испытание, которое человек может выдержать; через такое испытание человек укрепляется или искупает грехи, или и то и другое. То же «испытание», которое человек не выдерживает, не есть испытание, посланное Богом, но просто сцепление случайностей из мира человеческих фантазий, ничего общего с Божественной реальностью не имеющих (Christian Science). Тем не менее и во втором случае надо держаться до конца, чтобы не поддаваться слепой власти случайности, помня, что случайность есть признак мира не-Божьего, нереального.

25 августа

Увертюру кончил, но сегодня проверял те страницы, которые писал Лабунский, и, разумеется, в них тьма ошибок. Удил их, пока не распухла голова («шарик пухнет», как говорил Эберг), но всё-таки кончил, и увертюра уехала к переписчику. Кое-что обдумывал из оркестровки, но в общем очень устал.

26 августа

Сегодня дочинивал рассказ Ренаты, а Лабунский писал партитуру по заметкам, сделанным мною вчера.

Дивная солнечная погода; со Святославом были в лесу, нашли небольшое озеро. Когда мы ехали мимо цепной собаки, которая с диким лаем кидалась в нашу сторону, причём лай превращался в хрип, когда ошейник перехватывал ей горло, Святослав спокойно сказал: «Довольно, собака; дура-собака». Завтра ему ровно два с половиной года.

27 августа

Много обдумывал оркестровку «Огненного ангела». Кое-что сочинил для конца третьего акта. Обдумывал вторую картину этого акта, так как на Демчинского больше рассчитывать не приходится.

В пять часов, устав, поехал для отдыха в Fontainebleau, со Святославом,

[46] Господа русские слишком выпили (фр).

навстречу Пташке, которая брала там урок пения. Купили Святославу большой мяч. Мне постригли волосы, которые уже ложились на уши.

29 августа

Лабунский отдыхал, а я занимался. Жаркий день. Ждали Кошиц. но приехали Шуберт и Марочка. Кошиц не успела вернуться из Vichy с концерта. Марочке только что минуло четырнадцать лет, но выглядит взрослой барышней: «C'est bien rond»[47], как говорил патер про эттальских девиц. Шуберт мил. Он дал зарок не пить в течение некоторого времени вина, дабы теософическим путём влиять на здоровье брата Кошиц. Когда мы пошли гулять, у него закружилась голова от деревенского воздуха. Он пробовал закурить, но это не помогало. Вернувшись, он тайно попросил вина, чтобы прийти в себя, но так, чтобы не видала Марочка, дабы не дискредитировать себя перед дочкой. За обедом я спросил, не хочет ли он воды с сиропом. Он ответил: «Да, дайте жёлтого». Я понял, что он хочет вина, отошёл к шкафчику, налил рюмку вермута и вернулся к столу, держа в одной руке рюмку с вином, а в другой бутылку с жёлтым лимонным сиропом. Я сказал: «Попробуйте сначала просто сироп без воды». Шуберт с наслаждением выпил вермут и сказал: «Очень вкусно». Тогда я налил сироп в его стакан и разбавил водой. Ни Пташка, ни Марочка ничего не заметили. В девять часов они отправились в Париж.

30 августа

Так как завтра надо поехать в Париж, то сегодня подгонял оркестровку, дабы завтра Лабунский не гулял. Пташке, когда она делала урок Christian Science, пришла мысль: вот кто мог бы быть моим секретарём - это Попа Горчаков из Кишинёва, который пишет мне восторженные письма, играет мою музыку - и сайентист, значит, человек порядочный, преданный и свой. Я справился, когда было его последнее письмо - оказывается, в апреле; там он пишет, что к первому ноября кончается его воинская повинность. Всё это на руку. И я ему немедленно написал несколько слов, справляясь, как он поживает и каковы его планы по окончании повинности. Не собирается ли он в Париж?

31 августа

Поехал в Париж, чтобы сделать последний просмотр сюиты из «Апельсинов», партитуры и голосов, после чего она пойдёт в печать. Завтракал с Пайчадзе, который говорил, что хозяева вернулись из Швейцарии и справлялись обо мне и что мне надо бы к ним зайти. Но я, помня их весеннюю занятость, сказал, что не хочу их беспокоить. Они недавно были в издательстве и Пайчадзе делал им двухчасовой доклад о положении дел. После доклада Кусевицкий выразил ему благодарность за то, что издательство никогда не было в таком блестящем порядке, как сейчас. Приятная новость: «Апельсины» приняты ещё в Майнце, но мне ничего об этом не было сообщено. Надо посмотреть на карте, где этот симпатичный город.

Корректировал три с половиной часа. То, что я последний раз поручил проверять Лабунскому, пришлось пересмотреть вновь, так как мой оболтус, разумеется, пропустил четверть ошибок. Звонил Фидлеру - он говорит, что для нас есть на примете хорошая квартира около Champs de Mars[48] и что он на днях пришлёт нам телеграмму. Я очень обрадовался, а Пташка, которой я рассказал по возвращении,

[47] Это довольно округло (фр).

[48] Марсово поле (фр).

ещё больше. Затем пытался дозвониться до Б.Н., но не добился. В 8.30 был обратно в тихом Саморо.

1 сентября

Лабунский вчера, в моё отсутствие, работал целый день и сделал семь страниц - число довольно порядочное, но ошибок ещё больше, поэтому день начался с того, что я целый час их выуживал и отмечал на полях, а он стоял рядом и краснел ушами. Затем я обдумывал оркестровку дальше и писал письма. Сенсационное письмо от Вебера: премьера «Апельсинов» в Берлине назначена на тридцатое сентября. Вот так рань! Я думал, в ноябре. Мы собирались ехать с Пташкой, но как быть с baby?

С Пташкой последнее время мы не ссоримся: очень хорошие отношения. Christian Science сыграла большую роль.

2 сентября

Много работал. В 5.30 приехал Б.Н. Он вообще теперь умник: пишет сонеты, статьи для французских журналов, вырабатывает на такси до 2800 в месяц и даже работает над научным сочинением о том, что если человек из обезьяны развился до теперешнего состояния, то в будущем он разовьётся до божества. Развитие это состоит в отпадении животных элементов и расширении духовных.

Я спросил:

- А в какое соотношение вы ставите эту мысль с религией?

Он ответил:

- Христианская религия остаётся для меня нерушимой.

- Но в таком случае, как с вами должен поступить Христос после того, как вы умрёте в качестве звена столь ещё отдалённого от Божества?

Я попал сразу в слабое место: оказывается, связь с христианской религией держится на нескольких намёках, которые можно найти в Евангелии о новом рождении человека. Я не стал разбивать его идей: слава Богу, что он хоть за какой- нибудь труд принялся! Какая благодать Christian Science, которая даёт столь стройное построение и которая соединяет в себе и религию, и науку! И какой чуждой показалась мне фраза Б.Н.: «Видите ли. Серж, я в этом моём труде не хотел бы касаться отвлечённых вопросов, а хотел бы держаться в рамках строгой научности» (!).

3 сентября

Пересочинял наново конец первой картины третьего акта. Шло хорошо.

Довольно много почты. Хозяйка дачи, которая не исполнила в своё время ничего из того, что обещала, и которой я теперь в назидание тяну с платежом, угрожает судом, я ей грожу тем же за то, что электрический насос был показан нам в исправном виде, а сдан в сломанном, вследствие чего мы целый месяц черпали воду в колодце.

Длинное письмо от Кати Игнатьевой. Трогательно: она двенадцать лет назад рассталась с мужем, а теперь они вновь в переписке: она в Пензе, он в Сербии, а посреди - революционная граница. Сувчинский подарил коротеньким письмом: видел Зою Лодий, только что из Москвы. Когда она поёт в России мои романсы, то при одном моём имени в публике проходит ток. «Это хорошо и для России, и для вас», - назидательно прибавляет Сувчинский. Если я так близок к родной почве, то понятно, почему я чужд отрезанным ломтям.

4 сентября

Сделал оркестровку вчерашнего. Много занимался, устал. Невозможно: я становлюсь рабом моих занятий.

Очень милое письмо от Персимфанса. Кажется, меня скоро по-настоящему потянет в Москву, и я сяду в вагон не со страхом, а с наслаждением. Mme Liebmann переболела всё лето и поправляется, вернётся в Берлин в середине октября. Всё против того, чтобы Пташка ехала со мною на премьеру «Апельсинов» в Берлин: и Liebmann, приглашавшая нас у неё остановиться, ещё не вернётся; и Святослава неизвестно куда деть; и квартиры ещё нет; и с дачей ещё не развязались. Но лето психологически уже ликвидируется. Да и туманы с Сены ползут на нас целый день.

6 сентября

Болела голова, не очень, но всё же заниматься не пришлось. Лишь кое-что переделал. От Б.Н. новый сонет: «Бетховен», довольно приятный, хотя не яркий. Когда я думал о Бетховене, мне пришла в голову замечательная иллюстрация к тому, чему учит Christian Science; именно, что только духом, не органами чувств, можем мы познавать настоящее, истинное. Бетховен сочинял гениальную музыку и играл её окружающим. У них были отличные уши, но они не понимали того, что играл им этот глухой чудак, и думали, что он играет нелепость, потому что он глух. И что же? - глухой человек слышал красоту не ушами, но духовным путём, а люди с острым слухом слушали всеми ушами - и не слышали её...

Я не работал из-за головы, а Лабунский умудрился прищемить палец в двери, как орех. Вот ещё младенец! Словом, тоже полдня не работал. Вечером он очень волновался и хотел на ночь положить согревательный компресс. Я ему сказал: «Положите его на ночь в рот». Кажется, Лабунский обиделся.

7 сентября

Ночью голова прошла и сегодня я закончил первую картину третьего акта и начал переделывать и оркестровать антракт. Днём провозился с ответом Ленинградской филармонии, не желая посвящать в эту переписку Лабунского. Последний всё ещё носится со своим пальцем и не мог писать. Я предложил ему взять свободный день вместо воскресения, но Пташка потом сделала мне замечание, что таких вещей нельзя делать, ибо в случае болезни страдает хозяин, а не работник. Ну да, работник настоящий, а не такой, который еле плетётся.

От Н.К.Кусевицкой письмо Пташке с приглашением на завтра (её именины и день свадьбы), а так как мы из деревни, то с ночёвкой. Надеется, что «С.С. забыл свои обиды и тоже приедет». Словом, мы решили ехать. Будет забавно.

8 сентября

Утром оркестровал антракт. Не работалось, но я заставил себя сделать до того места, откуда начинается переделка. Пташка уехала в Париж раньше, по разным делам - главным образом к парикмахеру, так как в глуши за лето отрасли волосы, а теперь здорово подстригают. Я отправился в путь в четыре, затем мы встретились, легко пообедали, купили цветы и к девяти поехали к Кусевицким с чемоданом, в котором были наши вечерние туалеты. Каково было наше удивление, когда мы застали огромный накрытый стол: садились обедать, поджидали нас. Среди гостей Боровский, только что приехавший с Ривьеры; Дукельский всё ещё уезжающий в Италию к Дягилеву; Танцман, который безумно липнет к Кусевицкому и всячески

обольщает его сочинениями и женой; Копланд; Пайчадзе; Фидлер etc. Было мило и весело, очень занятно было шипение Дукельского на Танцмана - Дукельский не может придти в себя от этой «ставки на бездарность» со стороны Кусевицкого. На самом деле вопрос не так опасен: Кусевицкий вполне отдаёт себе отчёт в том, что Танцман в лучшем случае звезда второй величины, но Танцман во всю кадит Кусевицкому. Кусевицкий наслаждается и в благодарность время от времени поигрывает Танцмана. Со мною Кусевицкий подчёркнуто дружественен: моя российская слава докатывается до Парижа, кажется, через всех, кто оттуда приезжает - и многие ласковые слова, которые мне теперь приходится слышать, суть отражение московского успеха. Так или иначе. Кусевицкий зимой будет играть в Америке сюиту из «Шута» (в сокращённом виде), сюиту из «Апельсинов», «Классическую» Симфонию и «Семеро их». По словам Кусевицкого, когда я приеду через год в Америку, меня будут там на руках носить. Пайчадзе заметил: «Лучше пусть ездит в собственном автомобиле». Mme Пайчадзе Пташке и мне очень понравилась. Кусевицкий сказал, что он также обязательно сыграет в Америке 7-ю Симфонию Мясковского. Затем Кусевицкий прекрасно играл на контрабасе (звук насыщенный, толстый червь). В два часа ночи гости разошлись, легли спать в полтретьего, я заснул в три. Пташка в пять.

9 сентября

По привычке я проснулся в восемь и сел в прекрасную кусевицкую ванну. Затем явился кузен Фидлера и повёз нас смотреть квартиры через какое-то дружественное квартирное агентство. Но то, что мы видели, было удручающе плохо, хотя в одной просили не более не менее как сорок пять тысяч франков отступного. Квартиры очень поднялись, но хуже всего то, что во Франции подоходный налог исчисляется по квартирной плате (особенно для свободных профессий) и растёт прогрессивно. Поэтому как квартира дороже, так ещё скорее скачет подоходный налог. Кусевицкие были ласковы и заставили нас вернуться завтракать, после чего мы опять совершили квартирный рейд и, недовольные результатом, к шести часам вечера вернулись в Саморо, где всё было благополучно, а Лабунский с выздоравливающим пальцем написал за два дня тринадцать страниц партитуры. Уж не снять ли нам вместо Парижа новоотстроенный Фидлером домик в Булони?

Дома письмо от Экскузовича: «Апельсины» пойдут (официально) в Большом театре в Москве. Экскузович ждёт контракта. Это тысяча двести долларов! Рента выделила жирный купон. Но не лучше ли, по совету Московского общества авторов, пойти на проценты? Затем Экскузович просит моих советов для репертуара академических театров. Это тоже веско.

10 сентября

Сочинил большую переделку в антракте - место, которое раньше было сделано плохо (подход к лирической теме).

Днём диктовал и писал письма (шесть). Устал. Одно письмо Экскузовича породило три. Но очень приятно, что «Апельсины» пойдут в Большом театре. И приятно было, что мои успехи в России отразились вчера на обращение Кусевицкого, Пайчадзе и других.

11 сентября

Исправлял работу Лабунского. Начал оркестровать вчерашний переделанный кусок. Но от вчерашних писем тяжёлая голова. А днём писал длиннейшее письмо

Персимфансу, в которое не хотел посвящать Лабунского. В общем, хоть и есть секретарь, а письма время от времени заедают.

12 сентября

Соркестровал весь кусок (сочинённый третьего дня).

Лабунскому дал воскресный отпуск, сказав, что я решил принять прищемлённый палец на мой счёт.

13 сентября

Утром старался разметить побольше оркестровки, чтобы задать работу Лабунскому, а в два часа мы с Пташкой отправились в Париж - на охоту за квартирой. Воспользовавшись приглашением Кусевицких, приехали прямо к ним. Там уже ждал предупреждённый нами Фидлер; он повёз нас смотреть домик, который он построил в Boulogne и который предлагал нам снять. Ему, очевидно, этого очень хотелось, так как он предлагал даже пробить в стене дверь, присоединить комнату от соседней квартиры, словом, всё, что мы захотим. Домик мил, с отличной студией, но место дурацкое. Уж если Париж - так Париж, а если не Париж, то подайте нам зелень, а тут ни то и ни другое. Фидлер согласился ждать нашего ответа до конца недели.

Вечером Пташка была с Кусевицкими и Танцманами (которые торчат у Кусевицких каждый день) в кинематографе, а я гулял по Парижу и думал: столько в городе домов, почему же мы должны закатиться в какой-то нелепый пригород?

14 сентября

Утром сговорились с кузеном Фидлера и поехали по городу смотреть квартиры по списку, полученному в другом агентстве (не в том, что в первый раз). Мотались целый день, прокатали сотню на taxi и - единственная польза - видели хорошую барскую квартиру у Champs Elysées, за которую надо было платить «репризу», или, как называют здесь, «pas de porte» (шаг в дверь) в пятьдесят тысяч франков. Таких денег у нас нет, но и квартира велика. А если бы найти поменьше, да с более дешёвым «шагом в дверь», то cela ferait notre affaire[49]. Вернувшись после рейса в первое агентство Вольфа, мы узнали, что есть отличная квартира на avenue Kléber, правда дороже, чем мы бы хотели, но зато очень хорошая. Мы собственно должны были бы возвращаться в Samoreau, где Святослав был на руках у кухарки, а Лабунский, наверное, уже написал все заготовленные ему страницы, к тому же Кусевицкие завтра утром уезжали в Америку - пора нам и честь знать, но Кусевицкие так уговаривали остаться, говорили, что мы им нисколько не мешаем, что мы решили в самом деле провести ещё ночь, проводить завтра Кусевицких и посмотреть avenue Kléber.

За обедом были Танцманы, Фидлер, Пайчадзе. Выпили шампанского, пожелав доброго пути.

Вечером перед сном, Кусевицкий спросил меня, очень мягко: «Тебе, ведь, не очень нравится музыка Танцмана?» Я, видя их дружбу, пробормотал какую-то невнятность и прибавил: «Он не выдержит сравнения с Дукельским». Кусевицкий поспешил согласиться. Таким образом, Дукельский, так возмущавшийся дружбой Кусевицкого с Танцманом, может спать спокойно.

[49] Это было бы то, что нам нужно (фр).

15 сентября

Встали рано и поехали на вокзал провожать Кусевицких. На вокзале провожающих довольно мало. Я щёлкнул фотографическим аппаратом. Боровский отвёл меня в сторону и попросил взаймы семьдесят долларов. Я пообещал прислать ему чек. Он чуть не упал в обморок, увидав, что Кусевицкий расцеловался не только со мной, но и с Пташкой. Кусевицкий же считает, что его возраст позволяет ему целоваться с молодыми дамами.

С вокзала отправились смотреть квартиру на avenue Kléber. Квартира хорошая, большая, удобная. Мы решили брать. Немного для нас дорого, но она безусловно стоит дороже. Я спросил у прислуги: «А музыкант по соседству есть?» Она ответила: «Да, наверху живёт дирижёр Страрам». Совпадение! Я вспомнил, что действительно несколько дней назад я послал ему письмо по этому адресу. Я решил подняться к Страраму, чтобы узнать, сколько у него роялей и в каких комнатах они стоят. «Сам» был в отъезде и я говорил с его женой. Разговор принял сразу неожиданный оборот: «Вы снимаете внизу квартиру? Да мы сами ищем квартиру для дочки, которая выходит замуж, вот бы нам её!» Я увидел, что дело принимает дурной оборот, стал что-то путать, говоря, что мы сами вырываем её у других и что если это нам удастся, то уж, конечно, со Страрами мы как-нибудь дело уладим (!). Положение облегчалось тем, что без мужа Mme Страрам ничего решить не могла.

Барон Вольф, узнав о случившемся, пришёл в ужас и сказал, что я испортил всё дело. Словом, переговорить с тем русским он смог бы только завтра, оставаться ещё одну ночь в Париже мы не могли, поэтому ничего не оставалось, как вернуться в Саморо. Я решил рассуждать по Christian Science: если высшим порядком эта квартира суждена нам, то волноваться нечего - она всё равно будет наша. Если же мы её не получим, то, значит, нашей квартиры мы ещё не нашли.

20 сентября

Говорят, надо искать квартиру настойчиво, а то с наступлением осени в Париж съезжается публика - и чем дальше, тем труднее достать. Поэтому опять отправились на поиски. Новое агентство Огнева, кн. Труханов, очень приятные люди. Ещё одно агентство (Дитрих), это уже сволочь: сразу взял триста франков на расходы, обещая вернуть, если не найдёт. Думаем, однако, что не вернёт и что мы просто сделались предметом недовольства.

Завтракали с Пайчадзе, обедали с Боровскими, которые устроились на меблированной квартире, в том же доме, что в прошлом году, и теперь выглядят успокоенными. Ночевали в пустом доме Кусевицких, где Ксюше, кухарке, было оставлено распоряжение нас принять.

21 сентября

С утра опять квартирная свистопляска. Но видели хорошие. Колебались, уж не взять ли. Но когда колебания стали склоняться в сторону «взять», оказалось, что на эту квартиру претендует хозяйский сын, а потому неизвестно, будет ли. Словом, опять уехали ни с чем, кроме надежды на агентство Огнева, где разнюхали кто я, и кажется решили во что бы то ни стало nous caser[50]. Так по крайней мере обещали.

Вернулись домой в десять часов вечера; Святослав бурно выражал свою радость нашему возвращению.

[50] Нас устроить (фр).

22 сентября

После двухдневного пропуска много наработал: кончил оркестровать антракт (надоело) и двинул вторую картину. Кое-что переменил и пересочинил в музыке. В этой работе главным образом и прошёл день. В новом варианте этой картины, который я придумал, гуляя по полям, окружающим Саморо, есть довольно значительные отступления от Брюсова, но зато он будет более сильным и сценичным, чем первый, более близкий к Брюсову.

23 сентября

Вставши утром, я узнал, что на нашей маленькой станции Vulaines-Samoreau произошло в шесть часов утра огромное крушение: экспресс, шедший из Лиона, налетел на три вагона, отцепившихся от швейцарского поезда, прошедшего в том же направлении на пятнадцать минут раньше. Мы с Лабунским немедленно отправились на место происшествия.

Сегодня мало работал.

24 сентября

Письмо от Разумовского с разъяснением моих авторских прав на случай постановок «Апельсинов» в Москве. В связи с этим диктовал Лабунскому письма Веберу и Экскузовичу о моих условиях.

Работал над второй картиной третьего акта. Получил корректуру партитуры Квинтета.

Награвировано в Париже, но (!) недурно. Обыкновенно во Франции гравируют много хуже, нежели в Германии, но в Германии сейчас так дорого, что не подступиться.

25 сентября

Работал над второй картиной, писал и диктовал письма.

Погода становится холодней: седые туманы плывут к облакам. Под вечер получили телеграмму от квартирного агентства, что есть хорошая квартира, с просьбой позвонить в восемь часов вечера в Париж. Но в Samoreau телефон иссыхает в шесть, поэтому ездил в Fontainebleau звонить. Прозевал обратный трамвай, последний; шёл домой пешком в полной темноте.

26 сентября

Работал.

Письмо от Климова. Пользуется моим широким жестом и оставляет гонорар в пятьсот рублей. Если бы я поторговался, то можно было получить больше. Но зато теперь подписывается «Глубоко уважающий», а раньше просто «Климов».

Днём взяли Святослава и поехали смотреть квартиру, о которой сообщалось вчера. Квартира принадлежит Трахтенбергу, русскому, делающему в Париже крупные деньги большим ночным рестораном. Это типичная гарсоньерка[51], отлично отделанная, но для нас тесная. Он угостил нас чаем, а затем мы вернулись домой, опять ни с чем.

Святослав был в восторге от поездки: и трамвай, и «таси», и «чуф-чуф».

[51] Холостяцкая квартира, от garçon (фр).

27 сентября

Интересные письма. Попа согласен. Остроумова сообщает о тех лицах, с которых был списан «Огненный ангел». «Рената» и по сию пору живёт в Париже. Но самое пикантное, что Мадиэль - никто иной как Андрей Белый. Какая прелесть!

Эти дни что-то неважно ведёт себя сердце. Я, кажется, двинул довольно тяжёлый чемодан в одну из поездок в Париж. Обидно. Уже почти год, как оно меня почти совсем не беспокоило.

28 сентября

Сегодня, во время прогулки, я задал себе прямой вопрос: я работаю над «Огненным ангелом», но этот сюжет определённо противный Christian Science; в таком случае, почему я делаю эту работу? Тут есть какая-то недодуманность или нечестность: или я Christian Science принимаю несерьёзно, или я не должен посвящать все мои дни тому, что против него. Я постарался додумать до конца и дошёл до большой степени кипения. Выход? Бросить «Огненного ангела» в печку. И не тем ли велик был Гоголь, что он посмел бросить вторую часть «Мёртвых душ» в огонь? То есть не оттого ли его другие сочинения так сияют, что его чувство критики и справедливости было настолько сильно, что он не остановился перед уничтожением ценностей неугодных. Я вернулся домой и рассказал об этом Пташке. Я не сказал, что сожгу. В этом у меня было преимущество перед Гоголем: музыкальный материал можно было употребить для симфонической вещи. Надо было развязаться с сюжетом. Но Пташка советовала не принимать крутых решений. Сюжет, как таковой, был облюбован в прошлом, теперь я отошёл от него и работаю над музыкой, мало интересуясь, каков сюжет. Раз сюда ухлопано столько музыки, то это надо кончить, и в будущем к таким сюжетам не возвращаться. Конечно, это был более безболезненный выход, и я его принял, не поднявшись до крутых высот безумца Гоголя.

29 сентября

Поехали в Париж: я - получать визы для поездки в Берлин, Пташка - по своим делам, и оба - по квартирным. Завтракали с Пайчадзе и Стравинским, которого я застал в издательстве. Стравинский был мил, хвалил меня, говорил, что я композитор, который ему ближе всех из живущих, что, конечно, не всё ему в моих сочинениях нравится, но зато во всяком сочинении есть что-нибудь, что нравится. Когда он ездил в гравёрную и ему для примера подали награвированный лист, то, хотя это была партия гобоя, он сразу узнал по рисунку, что это Прокофьев. Словом, искренне или неискренне, но находил нужным гладить меня по головке. Это тем более неожиданно, что ещё недавно Дукельский рассказывал, что Стравинский, слушая у Princesse de Polignac мой 3-й Концерт, вылетел в соседнюю комнату и говорил: «Это невыносимо! Это какой-то русский ложно-классический стиль! Это прямо Васнецов какой-то!» О самом Дукельском Стравинский сегодня отозвался довольно сдержанно: мило, ловко, но без физиономии. Мийо и Казеллу ругал с пеной у рта (что я охотно поддерживал). Орика и Пуленка считал второстепенными (правильно), но Пуленка - честнее Орика; это несколько неожиданно. Сочиняет Стравинский большую вещь, но что за вещь - секрет. Мало ест и чувствует себя более духовным. Завтрак прошёл приятно.

Затем мы с Пташкой отправились на осмотр квартир. Одна выходила в сад, была солнечна, но передававшая её дама требовала сорок пять тысяч за мерзкую мебель, которую она хотела во что бы то ни стало сбыть с квартирой. Дело

рушилось. Затем видели ещё одну, гае Davion, менее светлую, но просторную и удобную. Ухватились за неё. Огнев обещал немедленно переговорить с управляющим. Вобщем, измучились от беготни. Зашли на часок к Самойленкам и поехали спать в пустой Кусевицкий особняк.

1 октября

Много работал. Кончил оркестровать третий акт. Затем сочинил нехватавшее начало его, до слов «Рупрехт, он здесь», частью переделывая старую редакцию, частью сочиняя заново. Лучше всего удался небольшой эпизод, когда Рупрехт говорит: «Забудь о стуках и о духах: всё это бред и достояние шарлатанов». Нет ли в этой удаче отблеска моего оправдания, что я пишу «Огненного ангела»?

От Вебера опять телеграмма: после того, как премьера «Апельсинов» была «окончательно» назначена на восьмое, она переносится на девятое. Странная манера двигать на один день. А нам трудно решить всякие домашние дела: переезжать ли в город теперь, в отель, или ждать моего возвращения из Берлина. Пташка тоже очень хотела бы поехать в Берлин на премьеру, но куда деть Святослава?

Сердце становится на место.

2 октября

Опять много работал. Оркестровал всё, что сочинил вчера. Лабунского послал в Париж, менять спальный вагон с четвёртого октября на шестое. Пташка ходила на почту и без конца оттуда добивалась по телефону Blois, чтобы узнать, когда от Плейель пришлют грузовик за роялем и всеми пожитками, ибо от этого зависит наш выезд из деревни. Билась больше часа и телефон не получила.

Святослав сказал: «Тёмпенький суп» = тёпленький. Очень милое слово.

3 октября

После двух дней энергичной работы сегодня была несколько тяжёлая голова, и поэтому занимался меньше, хотя и хотелось подвинуть разные вещи до перерыва, который, естественно, наступит с моей поездкой в Берлин и переездом в город на несуществующую квартиру. Довольно много переложил в третьем акте для фортепиано.

Очень милое письмо от Schaad'a. Увертюра благополучно доехала до Америки и деньги внесены на мой счёт. Вышло по три доллара за секунду музыки.

4 октября

Переделывал третий акт. Исправлял ошибки в партитуре, написанной Лабунским. Доделывал всякие дела и диктовал письма перед отъездом в Берлин.

5 октября

Очень хорошее письмо от Персимфанса: с моим приездом в Москву они устраивают пять симфонических концертов из моих сочинений. Это что-то невероятное: так чествуют только Бетховена через сто лет после его смерти. Вот она, Москва! На время пребывания в СССР дают Пташке и мне «проходное свидетельство», не навязывая советского паспорта. Это свидетельство я могу вновь обменять на мой обычный паспорт Лиги Наций по выезде из СССР. Но не дают

обратной визы до выезда, хотя и говорят, что при выезде чинить препятствий не будут.

Вообще же сегодня настроение было неважным, в Берлин ехать не хотелось, хотя я и знал, что будет интересно. Побаливало сердце и давило на дыхание, хотя я всячески противодействовал этому через Christian Science. В шесть часов вечера с Пташкой выехали в Париж, чтобы использовать завтрашнее утро на поиск квартиры. Залегли на ночёвку в пустом особняке Кусевицких.

6 октября

Искали квартиру через агентство Огнева и бар. Вольфа. Видели одну милую со спальней в большой сад, но для нас слишком тесную; другая тоже ничего, но вокруг четыре дымящих фабричных трубы и напротив пустырь, на котором будет возводиться дом, значит стук и пыль в течение года. Словом, снова ничего не нашли. Говорят, никогда так скверно не было с квартирами, как в эту осень. Завтракали с Пайчадзе. Только что вышел из печати материал сюиты из «Трёх апельсинов» и Пайчадзе подсовывает мне один для Берлина, где сюиту хотят играть в концертах по беспроволочному телеграфу («Телефункен»). Nordexpress, на который я взял себе билет, оказался прешикарным поездом: новые, тёмно-синие вагоны, отделанные медными полосами. Пташке было вовсе досадно, что она не едет в Берлин. Мне тоже было жаль с ней расставаться. Неожиданно на вокзал явился Дукельский, недавно вернувшийся из Италии. Он видел там Дягилева, но Дягилев моим балетом сейчас не занимается, а готовит балет Бернерса[52], каковой последний сочинил всего наполовину. Удивительный человек Дягилев! Орик перешёл на оперетки.

Поезд тронулся, а Дукельский повёз Пташку к Самойленкам. У меня отдельное купе, очень комфортабельное. Но спал неважно. Только что заснул, как «deutsche Zoll»[53]. Поезд идёт очень быстро. Но вагоны тяжёлые, спокойные, и скорость незаметна.

7 октября

Приехал в Берлин в девять часов утра и был встречен Вебером, который задержал мне комнату в Furstenhof'е, хорошем отеле, где мы несколько раз завтракали с Сувчинским во время моих предыдущих приездов. Репетиция в одиннадцать часов. Само здание Staatsoper сейчас перестраивается и спектакли происходят в другом театре, стоящем очень мило в зелени, в Тиргартене. Дирижёр Блех сообщил мне, что он сделал несколько изменений, кое-где повторили четырёхтакты, чтобы поспеть с декорациями, в двух местах сделали маленькие купюры, на которые я охотно согласился, но в двух местах изменения были более серьёзны. Выкинули то место, где Принц плюёт, говоря, что это грубо, и, разумеется, не сумели поставить беготню в последней картине, а потому, вырезав её, прибавили на место её марш под занавес. Рассуждать не приходилось, надо было приезжать не на последнюю репетицию. Но против сцены плевания я выразил протест, хотя и мягко. Репетиция началась с того, что все темпы оказались гораздо медленнее, чем надо. Зато оркестр аккуратно играл все ноты. На сцене Пролог шёл довольно смутно, толкались без толку. Но голоса были значительно лучше, чем в Кёльне, хотя сценическая игра в Кёльне была много интереснее, чему

[52] Речь идёт о музыке к балету «Триумф Нептуна», художник-постановщик А.К.Шервашидзе, балетмейстер Дж.Баланчин.

[53] Немецкая таможня (нем).

способствовало то, что там режиссировал молодой и горячий Штробах («sehrlustig»[54]), а здесь старый рутинёр Holy, по типу родственный чикагскому Коини. Все промахи и недочёты я записывал на бумажку и затем сообщал их режиссёру и дирижёру. Декорации в первом действии были средние, но праздник во втором акте хорош, пустыня в третьем акте близка к кёльнской, но лучше, а замок Креонты и вовсе удачен, с его обманчивой перспективой. Музыкально, за исключением темпов, дело шло гладко, но не хватало горячей итальянской крови. Сделано было честно, тяжело, по русскому образцу. И по сравнению с Кёльном, было меньше любви к трём апельсинам.

После репетиции Вебер завтракал у меня в отеле, затем я спал, а вечером заходил к Гессенам. Мне было интересно, как дружественный редактор консервативной русской газеты отнесётся к моей предстоящей поездке в Россию. Он сказал: «Конечно, вы должны ехать. Я сам бы поехал».

8 октября

Генеральная репетиция, публичная, но публика только по приглашениям. Перед началом её я поймал Блеха и ещё раз попросил его подогнать по возможности темпы. Кажется, это начало раздражать его, у него огромное самомнение, но всё равно надо, чтобы моё желание сидело у него в голове. Вообще разница между Блехом и Холи следующая: когда я выражаю мои пожелания первому, он отвечает: «Теперь уже больше ничего нельзя сделать», но затем незаметно делает; второй же, когда я ему даю советы, неизменно восклицает: «Я сам всегда это думал!» Но затем всё остаётся, как было. Темпы были живее, но недостаточно. На сцене же большинство из моих требований выполнено не было, так что я опять писал на бумажку и после репетиции около часу разговаривал с режиссёром. Пролог прошёл глаже, на сцене намечался некоторый порядок, но кто плох, это Принц: не шестнадцатилетний капризный мальчишка, а престарелый Зигфрид; недаром этот певец специализировался на Вагнере. Смех вышел невесёлый (хотя в зале смеялись); любовная сцена вышла не лёгкой акварелью, а прямо вторым актом из «Тристана». Кухарка хороша. Вообще многое хорошо. По окончании репетиции - аплодисменты и вызовы. Говорят, для сдержанного Берлина это большой успех. Мне же показалось, что нет, и я не пошёл на сцену кланяться, за что меня потом упрекали. Вечер провёл у Вебера.

9 октября

Не выспался. Днём ходил по делам: обратный билет, обратные визы, деньги, заходил в издательство и беседовал с Вебером о текущих делах.

Вечером премьера. Я первые два акта сидел в партере с Вебером и случайно приехавшим Боровским, а в третьем акте пошёл за кулисы. Терпис, балетмейстер, по-видимому, благожелательно ко мне относившийся и собиравшийся поставить мой балет, советовал быть повнимательней к артистам и выразить им мою признательность. Я принимаю намёк и бегу жать руки. Но хорошо в такой опере, как, например, «Тристан», где два лица и объелся, а в «Апельсинах» их миллион и я сбился с ног. Некоторые принимали мои благодарности радостно, другие корректно, но некоторые, как, например, Принц, которому режиссёр, вероятно, передал не одно моё замечание, еле жали руку и спешили исчезнуть. Очень смешно вышло перед началом спектакля, когда через сцену я шёл в зал. Я встретил тромбониста, которому надо выходить с герольдом на сцену в Прологе. Вероятно,

[54] Жизнерадостный, весёлый (нем).

он всю жизнь честно проиграл в оркестре, а тут его нарядили в шутовской костюм, намазали и привязали красный бант к тромбону. Он стоял и сердито перебирал свой инструмент. Когда я с улыбкой остановился против него, он сказал: «Да, вот столько немецких денег истрачено на эти декорации и на костюмы, а будут ли сборы?»

Итак, я бегал и жал руки, а спектакль тем временем протекал приблизительно в том же роде, как вчера на генеральной. Холи волновался, кричал из кулис на сцену, но сценические указания, которые я сделал, в жизнь не проводились. Очень эффектно вышло появление Кухарки. Аравентинос, художник (грек), сделал в этой сцене чрезвычайно ловкую перспективу: было впечатление, что сцена уходит на пять вёрст вглубь и когда в этой глубине появилась снизу Кухарка, то она казалась такой огромной, будто восходило какое-то колоссальное солнце.

Спектакль кончился, начались вызовы, довольно громкие, но не чрезвычайные. Появился из оркестра Блех. Я хотел к нему подойти, но он, что-то пробормотав, ускользнул, очевидно, враждебно настроенный, и пошёл кланяться. Появился директор Hörth и потащил меня на сцену. Я несколько раз выходил кланяться. Затем Блех исчез, а я для приличия благодарил старика Холи за работу. Так как я благодарил без похвал, то Hörth тут же демонстративно его расхваливал. После спектакля Боровский, Вебер и я отправились в большое новое кафе ужинать.

10 октября

С Вебером поехали в Städtische Oper для свидания с Bruno Walter'ом в связи с предстоящей постановкой «Огненного ангела». Вебер объясняет, что здесь гораздо меньше казёнщины, чем в Staats Oper, и конечно, «Огненный ангел» поставят лучше, чем «Апельсины».

Вальтер очень эффектный господин. Тут же присутствовал Интендант, фамилия которого что-то вроде Тициана и который в ближайшем будущем должен занять важный пост заведующего всеми Прусскими государственными театрами. Поговорили о действующих лицах, о декорациях, я сыграл отрывки из первого акта, но они ничего не поняли, тем более, что немецкого текста ещё не существовало. Таким образом касались более технических вопросов. На их вопрос, в каком стиле я хотел бы постановку, я ответил, что когда я был в Антверпене, на меня большое впечатление произвёл плантеновский музей[55], и в этом роде я вижу постановку «Огненного ангела». Тициан вставил: «Я знаю этот музей». Вообще он говорил мало, тихо, но веско. Расставаясь, Бруно Вальтер сказал, что если я не задержу с нотами, то премьеру можно предвидеть около первого апреля. Из Städtische Oper отправился к Гессену обедать. Там восторги по поводу «Трёх апельсинов», кстати, уже четыре рецензии, из которых две хороших, а две плохих.

У Гессена аппарат беспроволочного телеграфа, а так как сегодня для беспроволочного телеграфа игрались мои Марш и Скерцо из «Трёх апельсинов», то в означенное время мы повисли на аппарате и слышали сначала лекцию Вейсмана (причём мне представлялся глупый вид, с которым он с чувством говорит в пустой комнате), а затем Марш и Скерцо. Ничего, занятно. Огромный оркестр превращается в какой-то маленький комочек. Тембры инструментов совсем какие-то особые, хотя можно разгадать, кто из инструментов играет, может быть оттого, что знаешь партитуру. Конечно, современные аппараты будут улучшаться и тембры очищаться.

[55] Музей нидерландского типографа Кристофа Плантена (1514-1589), который в 1555 году открыл в Антверпене типографию и напечатал большое количество книг по анатомии, ботанике, географии, а также произведения античных авторов и теологическую литературу.

В девять часов вечера я выехал обратно в Париж.

11 октября

В Кёльне пересадка ни свет ни заря. Так как поезд в Париж отходил через три часа, то брился, пил кофе, гулял. В связи с грубой и сделанной без любви берлинской постановкой, вспомнил кёльнскую, и мне захотелось написать Сценкару несколько тёплых слов, что и сделал. А то отношения с ним как-то заглохли. Кажется, он обиделся, что от постановки «Огненного ангела» в Кёльне я отмолчался, несмотря на то, что действие «Огненного ангела» происходит в Кёльне и, казалось бы, это как раз место для его мировой премьеры. Но «Апельсины» кёльнская публика переварила не без труда, а куда же тут с «Ангелом»!

Париж в пять часов дня. Встречала Пташка, а так же примчался Дукельский, который в издательстве узнал о моём возвращении. Смеялись, что Пташка с Дукельским меня провожали и вместе встречают. Ночевать отправились в особняк Кусевицких.

12 октября

Смотрели квартиры, целый ряд и очень недурных, но одна темноватая, другая свободна лишь с пятнадцатого января, наконец третья, на rue Michel-Ange, нам очень понравилась и, хотя агент, показавший её, порядочный хамишка, решили ею заняться. А это непросто: нужны взятки и управляющему, и консьержу, и агенту, и другому агенту, который сообщил её этому; словом, тянут денег уйму и самым подлым образом, но, говорят, иначе теперь в Париже с квартирой нельзя. Так метались по городу с квартирами, что я даже не успел купить немецкие газеты со статьями про «Апельсины».

13 октября

Но и здесь нет покоя. Разбудили в семь часов: приехал грузовик от Pleyel'я забирать рояль. Выехали они с вечера, где-то ночевали и чуть свет ввалились к нам. Мы в ужасе, так как кроме рояля они должны были увезти и наши сундуки, но мы их ждали завтра и потому ничего ещё не уложено. Далее оказалось, что они не только напутали день, но и чехол: привезли чехол пианинный, а нужно было рояльный. Пианинный на рояль не налезает, а везти рояль без чехла нельзя, так как грузовик открытый и идёт дождь. Так они и уехали ни с чем. Приедут завтра.

Перекладывал для фортепиано третий акт. Пташка паковалась. Сердце опять неважное.

14 октября

Начался отъезд: Pleyel опять приехал с грузовиком и с правильным чехлом и увёз рояль, сундуки и стол, на котором я работал. Уехал Лабунский, говоря, что пребывание в Samoreau остаётся приятным воспоминанием. Спрашивал о будущем, о работе над четвёртым актом в течение осени, но на это я не мог ответить ему определённо ввиду появления нового секретаря - Горчакова.

15 октября

Мы боялись, что нас будут притеснять с инвентарём, но сдача его обошлась благополучно, даже очень благополучно, ибо заплатили мы за причинённые

разрушения, кажется, шестнадцать франков. Тронулись в Париж и, по традиции, пытались остановиться в Victoria Palace, но там ни одной комнаты, поэтому въехали временно в особняк Кусевицких, где Ксюша нас встретила очень радушно.

16 октября - 25 ноября

В особняке Кусевицких мы прожили четыре дня, затем решили, что дольше неудобно, и переехали в тихий отель поблизости, Hôtel Beauséjour на rue Ranelagh. С квартирой на rue Michel-Ange вышла тягучка: то надо, чтобы кто-то осторожно переговорил с управляющим насчёт взятки (а у этого управляющего чуть ли не семьдесят домов и целая огромная контора для их управления), то теперь управляющий должен переговорить с домовладельцем, но домовладелец в отъезде, и т.д. Словом, сначала выходила взятка всего тысяч пятнадцать и годовая плата четырнадцать; затем выяснилось, что годовая плата будет девятнадцать, но её можно сделать в тринадцать (вследствие налогов важно, чтобы годовая плата была как можно ниже), но надо за три года вперёд заплатить разницу, т.е. 6 x 3 = 18.000, да к этому пятнадцать взятки, итого сразу мерзавцам тридцать три тысячи. Мы жались, огорчались, но квартира нравилась, шесть комнат, из них четыре больших, много зелени, словом, согласились. Через некоторое время нас, наконец, пригласили подписывать контракт, но тут выяснилось, что ещё ремонт одиннадцать тысяч. Тут мы плюнули и ушли, потеряв на этой комбинации около двух тысяч франков на марки, задатки и прочее. С меблировкой квартиры этак влетело бы тысяч в девяносто, что посадило бы на мель. Да и очень уж отвратительно было всё это выжимание.

Решили на эту зиму устроиться в меблированной квартире, но и это оказалось непросто: Париж переполнен и всё колоссально подорожало, как раз за последние месяцы. Когда франк этим летом полетел к чёрту на рога, французы спохватились и подняли на всё цены, а когда он вновь теперь оправился, то оставили цены там, куда они взлетели. Словом, со всей этой квартирной комедией мы порядочно изнервничались и даже начали ссориться, что, слава Богу, в значительной мере вывелось в летнее время. Очень было неудобно в одной отдельной комнате втроём со Святославом, хотя комната и была хорошая. Он, беря пример с нервных родителей, тоже стал капризничать. Его отводили то к Ксюше, то к Марии Викторовне, но от дочки Ксюши он научился ужасающим манерам, а у Марии Викторовны атмосфера тоже заряжена электричеством: в Ленинграде умерла мать Боровского, это известие захватило его среди концертов, Мария Викторовна волновалась, к тому же концерты шли неважно: в Польше ему недоплатили, в Ригу не дали визы, etc.

С поисками квартиры мне сначала было даже не до занятий, но потом я понемножку принялся за дело, то у Боровских, то у Franciz, Пташкиной подруги, которой днём никогда нет дома. Принялся за переделку четвёртого акта. Это пошло легко, так как в первой редакции четвёртый акт был сделан лучше других, и переделки были не так существенны. Переделав его, я принялся за оркестровку, по моей сокращённой манере, как летом, подготавливая работу Горчакову, которого ждал из Кишинёва. Сердце моё вело себя непохвально: то ничего, проходило, а то душило за горло.

В конце концов мы через знакомых, а не через одно из четырёх обслуживавших нас агентств, нашли меблированную квартиру на rue Troyon около Etoile. Квартира была на самом верху, мансардная, шесть маленьких комнат и с террасой на крышу. Дом был хороший, но улица дрянь: дома свиданий и по вечерам девицы хватают за руки. Меблирована она была дёшево, но с какими-то тканями, ковриками, словом, художническая богема, что, впрочем, лучше, чем трафарет обыкновенных

меблирашек. Решили сначала брать, потом не брать, потом, после недели безуспешных поисков, опять брать - и взяли. Я был рад, что наконец есть письменный стол, рояль и можно работать, но Пташка переживает квартирный вопрос острее меня. Она разочарована тем, что мы опять на бивуаках и снова без постоянного угла, квартира на Trayon ей скорее показалась отвратительной (но мы ведь совместно решали!), и она чувствует себя несчастной. Действительно, по утрам нас будил шум автомобилей, выезжавших из гаража, где-то там внизу, но в семь часов утра пускалась в ход какая-то электрическая машина, которая так равномерно гудела, что я прямо ждал этого момента: тогда автомобильные гудки заглушались и я снова крепко засыпал. Пташка же не могла переносить этого шума. Хотя я соглашался, что надо иметь где-нибудь угол и что время для этого подходящее, так как и деньги завелись, но я не чувствовал такого стремления к городу, как Пташка. Я предпочёл бы, после удачного турне в Америке, купить виллу под Парижем, а в Париже иметь гарсоньерку, куда мы могли бы приезжать на те дни, или недели, или месяцы, когда нам надо было бы оставаться в городе.

Башкиров случайно говорит о его заветной мечте бросить шофёрство и город и купить ферму. Есть уже партнёр на совместную покупку, есть надежда получить деньги от Варвары, хотя бы для покупки на её имя, наконец, он даже ездил смотреть ферму за Версалем, и это вполне доступно. Я ему сочувствую и интересуюсь его планами: в деревне лучше, чем в городе. Прямо вошёл бы тоже в долю, но Б.Н. в деловом отношении невозможный человек: всем партнёрам сядет на шею, а сам ничего не будет делать.

На квартиру rue Troyon мы переехали тринадцатого ноября. В тот же день приехал из Кишинёва Попа-Горчаков. Странное соединение этих двух фамилий произошло следующим образом: будучи уроженцами Бессарабии, они носили фамилию Попа; отец его пел в Московском Большом театре под псевдонимом Горчаков, и впоследствии, чтобы избавиться от некрасивой фамилии, он подавал прошение на высочайшее имя о перемене Попы на Горчакова. Это было утверждено, но когда Бессарабия отошла к Румынии, румыны этой перемены не признали, и таким образом у моего будущего секретаря часть документов оказалась на Попу, а другая на Горчакова. Ему двадцать три года. Он чёрный, держится немного угловато, по-солдатски - немудрено: только что отбывал воинскую повинность. На груди два Георгия - это за Корниловский поход: мальчиком пятнадцати лет он отправился добровольцем сражаться с большевиками и попал в самый жестокий «ледяной» поход. Три вопроса его интересуют в жизни: Christian Science, музыка и бой-скаутизм. С Christian Science он знаком с шести лет, был исцелён от гангрены и многих мелких явлений, одно время изучал Science and Health, очень упорно по несколько часов в день. Мужчина серьёзный, твёрдый и убеждённый, хотя несколько странный, на многие вопросы отмалчивается. Не курит и не пьёт вина, и, вероятно, не знает женщин. Если он так хорошо знает Christian Science и так твёрд в нём, то такое соседство с ним очень полезно.

По переезде на Troyon моя работа по оркестровке четвёртого акта пошла вовсю: нередки были дни, когда я наоркестровывал до пятнадцати будущих страниц партитуры. Горчаков остался жить в отеле, но утром являлся ко мне и садился за работу над партитурой четвёртого акта. Пишет медленно, но ошибок мало, особенно если сравнить с безголовым Лабунским. Я окончил оркестровку четвёртого акта двадцать пятого ноября, но Горчаков от меня отстал, ибо я летел стрелой.

Двадцать четвёртого ноября мы праздновали у себя новоселье: были двое Самойленко, двое Пайчадзе и Мария Викторовна (Боровский был в разъездах). Выпили шампанского и весело провели вечер. Был у нас ещё А.Н.Бенуа, который благополучно вернулся из России, где всё оказалось совсем не таким страшным,

как казалось при отъезде из Парижа. Рассказывал много интересного, был мил как всегда. «Конечно поезжайте, - говорил он, - вас там никто не тронет».

Из других событий можно отметить лекции Карсавина о Евразийстве, очень интересные. Мы ходили туда несколько раз по приглашению Сувчинского. Там же я познакомился с Мариной Цветаевой, но дальше нескольких слов разговор не пошёл. Были мы два раза у князя Bassiano, плохого композитора, но очень милого человека, итальянца, женатого на богатой американке. У них отличная вилла близ Версаля, и каждый раз они присылали за нами автомобиль. Я не очень люблю выезжать в «монды», но эти люди были на редкость приятны, кормили замечательными завтраками, привозили и отвозили, - и я ездил туда с удовольствием. Кроме того, там бывали Сувчинский, Карсавин и другие евразийцы.

26 ноября

За последнее время Дягилев дважды заходил к Пайчадзе в издательство по разным делам и даже за что-то заплатил деньги, что редко с ним случается. Пайчадзе спросил: «А как же новый балет Прокофьева?» Дягилев ответил, что будет ставить его весною, но надо переделать сюжет, ибо большевики теперь уже не в моде.

Очаровательная бесцеремонность! Может, китайская междуусобица теперь моднее, и её дорогой Сергей Павлович собирается подогнать под мою музыку? Кстати, Сувчинский спросил, как называется балет. Я ответил: «Не знаю, мы с Якуловым назвали его «Урсиньолем», но Дягилев находит, что это пошло». Сувчинский ответил, что ему, наоборот, это очень нравится.

27 ноября

Работал над пятым актом. В нём гораздо больше чего надо переделать, чем в четвёртом. Многое было набросано лишь приблизительно, надо теперь сочинять почти заново. Похоже, что опера не будет кончена к январю, а значит, и постановка с марта отложится на будущую осень.

Приходил Б.Н., небритый, похудевший, просил денег, «под Варю», которая через неделю приезжает из Китая с крупными суммами. Дал ему двести франков.

Программы и рецензии из Бостона. Что делается с Америкой? Тон не только хвалебный, но почтительный. То, что мой успех в Америке рождается из Бостона - симптоматично! Зато милые англичане верны своей немузыкальности: неделю тому назад Бруно Вальтер играл там сюиту из «Апельсинов», и ругань в газетах была образцовая.

29 ноября

Заходил в банк: там много писем, которые мне почему-то не пересылали. Одно из них от Моролёва. Жив, курилка! Я ему много раз посылал открытки в Никополь, но он на них не отвечал, и я был уверен, что он погиб во время революции. Очень рад его воскресению, хотя, вероятно, мы теперь найдём мало общего друг с другом.

Заходил к Прюньеру. Целый час допрашивал его про книги, которые Асафьев просил достать и выслать.

30 ноября

Были на лекции Christian Science. Лекция понравилась мне меньше, чем в прошлый вторник; показалась мне примитивной. Лектор из Сан-Франциско говорил скрипучим голосом и подолгу останавливался на простых истинах. Но одна,

вероятно, тоже простая истина, показалась мне очень важной: он говорил - если у вас что-нибудь болит и вы хотите помочь себе, то помните, что это у вас совсем не болит, но что Бог, который вездесущ, находится и там, где вам кажется, что у вас болит. Что касается боли, то это не есть вы, не есть часть вас, а нечто стороннее, вне вас находящееся. Рассуждая таким образом, вы на пути к исцелению.

2 декабря

Приходил Б.Н., встревоженный: он не мог заплатить штрафа в сто восемьдесят франков и у него арестовали автомобиль. Просил выручить. Я сначала отказал: не могу же я выносить на плечах его дружеские чувства, выражающиеся каждый раз в займе, но потом мне стало жаль его и я дал. А он дал честное слово, что завтра принесёт.

3 декабря

Обедали с Боровским, он приезжал на два дня в Париж по дороге из Финляндии в Англию. Ели блины. Боровский играл 4-ю Сонату в Лейпциге, где писали в газетах, что авторов следовало бы наказывать за такую безответственную скуку. Я играл Боровскому 5-ю Сонату, которую я начал играть по-новому, более красочно. Вообще Россия приближается, и я начинаю играть на рояле больше - надо явиться в приличном виде.

Б.Н. соврал и денег не принёс. Мне нужны не деньги, а порядочность.

5 декабря

Святослав давал ночью концерт. Встали поздно, с тяжёлой головой. Гулял в Bois[56]. Затем много работал, до четырёх часов. Порядочно подвинул пятый акт. Пересочиняю его в значительной мере. От старой редакции остаётся кое-что из материалов и общий план. По существу пятый акт распадается на три части: первая - спокойная, до инквизитора; вторая - полубурная, кончающаяся изгнанием духа из юных монахинь; и третья - бурная, беснование Ренаты и остальных. Сегодня я закончил вторую часть. Остаётся третья, самая трудная и ответственная.

10 декабря

Были у Бенуа. Родители и Кока с Марусей живут вместе. С новым мужем Лели, который в автомобильном деле, много говорили о покупке автомобиля. Маленького Peugeot никто не советует, это совсем не то, что большие Пежо. Бреславский (муж Лели) говорит, что лучше всего Рено и что очень удачно можно купить слегка подержанный автомобиль.

12 декабря

После того, как пятый акт был, если не окончательно досочинён, то во всяком случае, окончательно посажен в раму, оркестровка пятого акта пошла быстро и легко. Только боюсь, что ненадолго, так как надо будет увеличить занятия на фортепиано ввиду России, а в ближайшем - ввиду выступления моего через две недели со 2-м Концертом у Pasdeloup. Концерты паршивые и гонорара не платят, но это будет репетицией в провинции перед выступлением в столице - Москве.

[56] Лес (фр). Здесь имеется ввиду Bois de Boulogne (Булонский лес).

13 декабря

Сегодня состоялся мой первый урок управления автомобилем, в школе Versigny, там же, где учился Стравинский. С учителем мы выехали в Bois de Boulogne, там он мне объяснял все рычаги, которых, к моему огорчению, оказалось гораздо больше, чем я думал. Все эти «дэбрэйажи»[37], перевод скоростей и прочее сбили меня с толку, да ещё когда автомобиль поехал, я боялся наскочить на что-нибудь. Словом, урок прошёл в крайнем напряжении и я вернулся домой, озадаченный сложностью науки, впрочем, утешая себя тем, что очень часто девятнадцатилетние дуры отлично правят автомобилем, - чем же я хуже!

14 декабря

Были в Opéra на концерте Горовица. Это ещё молодой, но очень Богом одарённый пианист. Лучше всего он играл Сонату Листа. Лист ему близок, он его действительно переживает. Технический аппарат у Горовица изумительный. Ещё бы немножко прибавить силы. В Бахе Горовиц слишком легковесен - не дорос. Мы были в ложе у Марии Викторовны, которая всё время нервничала и ругала Горовица.

15 декабря

Второй урок управления автомобилем. О ужас, из Bois выехали в Париж! Пока не умеешь как следует ускорять и замедлять, довольно неприятно пересекать такую avenue, как avenue du Bois!

Сабанеев, которого я встретил в издательстве, рассказал смешную историю про Яворского. В 1920 году, когда в Москве были часты грабежи, Яворский зашёл к Сабанееву. Дверь отворила старуха-мать Сабанеева и, видя незнакомого мужчину, испуганно спросила: «Кто вы?» Яворскому передалось её смущение и он, заикаясь, попытался назвать свою фамилию: «Я...ворр...я...ворр». Старуха в ужасе захлопнула перед ним дверь.

Судьба наказала Сабанеева за помои, вылитые на всех композиторов: не имея заработка, он переписывает ноты для нашего издательства и сидит над гречаниновскими рукописями.

16 декабря

Америка положительно преспособный ребёнок и развивается с отличной быстротой: Стоковский дал в Филадельфии и Нью-Йорке концерт, программа которого состояла только из 6-й Симфонии Мясковского и моей «Скифской». Публика и критика всё это выслушали, переварили и вдобавок остались довольны. Что больше пришлось ко двору - Симфония Мясковского или моя сюита - трудно сказать. Пожалуй, Симфония, так как она показалась им солиднее. Но я искренне рад за Мяскуна. Меня ещё Нью-Йорк покусывает, но Америка быстро мне сдаётся. Тем хуже для кусачей.

Пила чай у нас Miss Crain, practitioner, у которой Пташка бывала несколько раз прошлой весной, когда она себя чувствовала неважно. Miss Crain сначала производит не очень приятное впечатление, но это только в первый момент. Я говорил с ней о раскаянии. До сих пор, вероятно под влиянием православного учения, мне было известно, что раскаяние и самобичевание за совершённые

[37] Сцепление, от debrayage (фр).

поступки хорошо и необходимо; она же говорила, что это состояние самоуничижения несвойственно отражению Божьему, оно не двигает нас вперёд. Надо осудить свой поступок, решить его не повторять и тем поставить на нём точку. Узнав, что я не хожу по воскресениям в Christian Science Church, она взяла с меня слово, что я пойду. Я не ходил, потому что мне казалось, что в одиночестве я могу лучше сосредоточиться, чем на людях.

17 декабря

Третий урок управления автомобилем. Разогнавшись на второй скорости, я хотел перевести рычаг на третью, но по ошибке попал на первую. Под ногами что-то затрещало, я с перепугу нажал не на ту педаль. Учитель, сидя за соседним рулём, быстро остановил автомобиль и долго меня ругал. Я же ничего не понимал и только думал: сломал я машину или нет? Видя мой уничтоженный вид, он смягчился и сказал: «Ну, поедемте дальше!»

Меня, оказывается, уже видели учащимся в Булонском лесу и в связи с этим Горчаков слышал в métro следующий разговор: «А у Прокофьева-то дела неважны: учится на таксиста!» Горчаков говорит, что он чуть не помер со смеху.

18 декабря

Я высказал Горчакову мысль о том, что память есть необходимая составная часть бессмертия в прошлом, потому что в этой жизни мы отрезаны от прошлого отсутствием памяти о нём. Горчаков ответил, что эта мысль не сайнтистична, ибо в бессмертии вообще нет понятия о времени. Я возразил, что не следует смешивать «время» и «последовательность событий». Если в вечности нет времени, то это не значит, что там нет последовательности событий, иначе получается хаос. Характерной чертой времени в том виде, в котором мы ему подчинены сейчас, является способность времени двигаться только в одном направлении. Но быть может, в вечности исчезновение нашего понятия о времени выразится как раз в том, что мы получим возможность двигаться во времени в обоих направлениях и притом с любой скоростью. Эта гипотеза подтверждает моё предположение, что память есть составная часть бессмертия (=нашей вечности), ибо как раз память обладает способностью двигаться во времени в обе стороны и с любой скоростью!

19 декабря

Пошёл в Christian Science Church, как обещал Miss Crain. По воскресениям две службы: сначала на французском языке, потом на английском. Я пошёл на английский. Ловил себя на том, что меня многие узнают, будут на меня смотреть и говорить об этом. Старался изгнать из себя это чувство как чувство эгоцентричное. Только изгнав его, можно, придя в церковь, углубиться, иначе не стоит ходить. Церковь помещается в большом зале, с мягким освещением, удобными сидениями. Очень хорош момент, когда все погружаются в «Отче наш», в том духовном толковании, какое даёт нам Christian Science. Несколько раз поют псалмы, текст и музыка которых специально сочинены для Christian Science различными лицами. Псалмы приятны, но неприятно соло, которое поёт певица за занавесом дрожащим, непоставленным голосом и ужасающим по музыке. Это меня выбило из средоточия и мне приходилось бороться с собою, задавая себе вопрос: а мой собственный вкус, если взглянуть на него с мировых высот, разве так он непогрешим? Центр службы - чтение урока. Ушёл я с несколько смешанным чувством. Если бы исключить музыкальную часть, то служба была бы ближе моей душе.

13 декабря

Утром у Плейеля проигрывал 2-й Концерт Батону. Боровский аккомпанировал. Перед началом разыгрался инцидент. Батон возмущённо сказал, что издательство требует за прокат материала триста франков, что это во Франции не принято и что вообще неизвестно, заплатит ли комитет концертов Pasdeloup. Чёрт возьми, копеечники французы: я играю им задаром, а они ещё будут торговаться из-за трёхсот франков! Я ответил: издательство не уступит им ни сантима; если во Франции не привыкли, то пора привыкнуть, так как за наём материала платят во всех странах, а если комитет ещё не знает, будет ли он платить, то мы отложим сегодняшнюю репетицию до того момента, когда он это узнает. Затем я одел шарф и шляпу. Батон несколько завертелся, сказал, что не надо ставить вопрос так остро, Blois прибавил, что если не комитет, то заплатит Maison Pleyel, после чего репетиция состоялась.

По окончании репетиции Боровский и я с Пташкой отправились в советское консульство. Консульство как консульство. Висит карта естественных богатств России. Большой портрет Ленина. Если станешь перед ним, то сразу становится тепло, так как как раз в этом месте в полу - bouche de chaleur[58]. «Граждане Боровский и Прокофьевы!» - вызвали нас. Нас провели сначала к помощнику консула, а затем к самому товарищу консулу. У него хороший кабинет и хорошая шуба. Пташка заметила, что у него тяжёлый взгляд; Боровский, что у него красивые руки; мне он показался человеком прямым и толковым. Консул сказал: визы для вас есть, проходные свидетельства вы можете получить в любой момент, но при этом я считаю долгом вас предупредить, что выехать обратно из России вы можете уже только как советские граждане, и разрешение на этот выезд вы должны будете испрашивать в Москве на общих основаниях. «Вот если бы вы приняли национальность вашей жены, - прибавил он, - то вам было бы гораздо проще ехать в Россию». Действительно, пикантно было бы, если бы я явился в Москву испанцем!

Пока же брать советский паспорт совсем не так приятно для дальнейшего пребывания. Персимфанцы писали мне, что всё так отлично устроили, а тут вот какие неожиданности. Решили с консулом, что я вновь снесусь с Москвой - время ещё терпит, хотя его остаётся не Бог весть сколько: пусть в Москве торопятся.

23 декабря

Первая репетиция 2-го Концерта с оркестром Pasdeloup. Батон читал музыку с оркестром, а я стоял рядом.

Две телеграммы с разных концов мира об «Апельсинах»: одна от Рейнера из Цинцинати: за сколько продали бы эту оперу вообще. Что значит «вообще»? Но во всяком случае запрос обещающий. Другая от Экскузовича - почему издательство тянет с вопросом о постановке в Москве? Вот тебе и раз! А было впечатление, что Москва заглохла в смысле постановки «Апельсинов». Издательство, конечно, не тянет, но ясно, что вышло какое-то недоразумение.

Вечером концерт Боровского из сочинений Баха. Народу мало, но играл он очень хорошо, и приятно было послушать Баха.

24 декабря

Вторая и последняя репетиция с Батоном. Оркестр играет так себе, Батон дирижирует плохо, к тому же он глуховат. Очень плохи французские валторны:

[58] Отверстие отопления (фр).

совсем не слышно в forte.

Водили Святослава на ёлку к Боровским, затем обедали у них. Они угощали холодной заливной осетриной, - рыба, забытая российскими эмигрантами.

От Вебера письмо, объясняющее вчерашнюю телеграмму Экскузовича. Оказывается, Экскузович хочет ставить в Москве «Апельсины» на ленинградских условиях. Но это теперь мне очень невыгодно ввиду успеха, хороших сборов и частого повторения «апельсинных» спектаклей.

25 декабря

Смешной разговор Святослава с Пайчадзе по телефону.

Я решил послать телеграмму Экскузовичу, указывая, что ленинградские условия больше несправедливы. Я решил напирать именно на справедливость, чтобы меня в России не смели упрекнуть за то, что я с ними торгуюсь.

26 декабря

Был второй раз в Christian Science Church. Опять хороши моменты, когда все молчаливо погружаются в «Отче наш» в толковании Christian Science и когда делается урок, но опять стоило большого труда примириться с номером соло, спетым качающимся голосом и, главное, ужасном по музыке (наверное писал американец). Псалмы, наоборот, очень милы; один оказался со странными пустотами - аккордами без терций. Оказалось, его написал Гайдн, а затем он был адаптирован к словам Christian Science. Вышел я из церкви в очень хорошем настроении.

Концерт в пять часов. Мой номер в шесть.

Когда я пришёл, то оказалось, что даже нет артистической комнаты: пальто надо складывать тут же за кулисами на стуле. Играл я довольно хорошо, лучше, чем два года назад у Кусевицкого. Но у всякой вещи наступает какой-то момент, когда эта вещь вдруг пошла сама собою. Так этот момент ещё не наступил. У 3-го Концерта он наступил только год назад в Америке. Были моменты, когда я начинал волноваться, но я боролся через Christian Science и напоминал себе, что однажды я уже был исцелён от волнения и что к нему не должно быть возврата. Батон дирижировал, разумеется, неважно, а во вступлении к третьей части закатил такой темп, что я еле мог начать. Я стал задерживать, как мог, и к чести Батона будь сказано, он за мною пошёл, но это стоило мне таких усилий, что всё исполнение первой половины третьей части было не исполнением, а рубкой топором. Успех был хороший, вызывали раза четыре. Впоследствии выяснилось, что Пташку со знакомыми еле пустили в зал, хотя меня накануне заверяли, что ей будет ложа. Чёрт возьми, играешь им даром, а они даже не могут ложу устроить, хотя и были пустые. Я страшно рассердился и сказал, что с нищими можно только тогда иметь дело, когда они умеют быть вежливыми. Так как в этот момент из администрации концертов Pasdeloup не было никого, а был только Blois, то вместо них попало ему - зря, конечно. Он, кажется, очень обиделся.

Обедали с Fortier, я в первый раз ел улитки. Вечером были у Prunières'а.

27 декабря

После вчерашних усилий сегодня проспали. Принялся за 3-й Концерт. Вчера сбыл Второй - теперь надо приниматься за остальную программу. Правил автомобилем, учил demi-tour, т.е. маневрирование с поворотом обратно. Вечером были на какой-то глупой пьесе, на которую пригласил нас Fortier.

13 декабря

Хотя с паспортами дело ещё не уладилось, но отъезд в Россию явно близится. Какие бы успехи мне там не прочили, а всё же это - путешествие в неведомое царство, из которого за последнее время вышло много ужасов и насилий.

Тем интересней было сегодняшнее письмо от М.Г.Кильштетт, моей бывшей либретистки «Ундины». Теперь ей седьмой десяток, она бывшая генеральша и сотрудница «Нового времени», а как она хвалит теперешнюю молодёжь, с которой не теряет контакта, и как бодро смотрит на творящееся в России!

С приближающимся отъездом - всякие новые дела, да играть на рояле надо больше. Поэтому занятия с «Огненным ангелом» начинают усыхать. Уже конченный пятый акт не дооркеструю.

Делал тематический разбор моей «Увертюры» Op.42 для Держановского, который поместит его в журнал, всецело посвящённый мне по случаю моего приезда.

29 декабря

Играл, правил автомобилем, заказывал тёплое пальто для России. Учитель говорит, что надо взять ещё несколько уроков прежде, чем держать экзамен. Экзамен бывает иногда каверзный. Танцман, например, провалился три раза.

Был Лабунский. Он получил предложение от Musical America давать туда ежедневную корреспонденцию из Парижа. Будет получать тысячу франков в месяц. Первое интервью он делает со мною. Очень мило, но в самом продажном журналишке будут удивлены: почему начинает с Прокофьева.

31 декабря

Ввиду накопившихся дел и желания закончить то, что можно до отъезда, решили выезжать в гости как можно меньше, и даже Новый Год было собрались вовсе не встречать. Но потом сговорились с Самойленками и поехали к ним запросто, Борис Николаевич имел температуру и мы уговорили его остаться в халатике. Встречали сначала в десять, по-московски, но потом кто-то запротестовал, что не желает встречать по-большевицки. Тогда встретили ещё в одиннадцать, по-берлински, и в двенадцать, по-парижски. Было мило и просто.

1927

1 января

Первый день нового года прошёл в работе.

2 января

Ездил в Meudon, на могилу мамы. Я давно там не был. Могила немного заросла. Я велел её вычистить и посыпать гравием.

Телеграмма от Малько в ответ на моё письмо от 23 декабря. Въезд и выезд будут устроены и соответствующие инструкции даны в советское посольство в Париже. Это звучит уже лучше, чем слова консула во время моего визита к нему.

Была Mlle de Saussine, по рекомендации Blois, скрипачка, желающая выступить со мною в концерте. Но, проигрывая сегодня мой Скрипичный концерт, она несколько раз сбилась. Советовал ей подучить и отложить разговор до того времени.

3 января

В декабре моё сердце было как будто лучше, но в последние дни снова начало душить меня за горло. Я пошёл к Miss Crain. Рассказал ей, что пытался сам над ним работать, но не достиг результатов. Она сказала, что очень хорошо, что я пришёл к ней: «Я сама была исцелена от сердца, и я знаю, вы тоже будете исцелены». Сказала она ещё интересную мысль, граничащую почти с игрою слов: «Принято считать сердце двигателем (motive) организма, поэтому важно контролировать, что именно движет сердцем (motives)». Она дала мне treatment. В связи со вчерашним посещением могилы мамы, я спрашивал её, приносят ли пользу умершим молитвы о них. Она ответила: нет. Умерший продолжает развиваться и в той жизни, но не надо вмешиваться в это развитие. Вернувшись домой, я задал тот же вопрос Горчакову, и он, с обычной своей убеждённостью, ответил: конечно нет. Но для меня это не совсем понятно.

5 января

Держал экзамен на получение carte-rose, т.е. на право управления автомобилем. Боялся, что провалюсь. И в самом деле, я ведь только-только научился ездить и был, разумеется, не твёрд, поэтому, если экзамен потечёт гладко - то я могу его выдержать, но при малейшей неожиданности или нервности - сразу наделаю глупостей.

Идя на экзамен, рассуждал ещё с собою по принципам Christian Science: чего я боюсь? Злого экзаменатора? Но надо помнить, что он также отражение Божье, как и я, и, стало быть, мне неестественно его бояться. А раз я не буду его бояться, то, значит, я буду править не хуже, чем на последних уроках, поэтому я должен пройти. Если же я всё-таки не пройду, то, значит, я просто ещё плохо правлю, и слава Богу, что меня в таком виде не выпустят на шумные улицы Парижа.

Экзаменатор в самом деле оказался довольно приятным. Экзамен начался в одном из боковых переулков на avenue de la Grande Armée, и притом с довольно трудной вещи: я должен был двинуться на подъёме и сделать трудный поворот, причём на меня вылетел автомобиль и я дал ему дорогу. Экзаменатор выругался, но не по моему адресу, а по адресу вылетевшего автомобиля, который должен был уступить мне дорогу.

Затем я сделал ещё несколько маневров, ответил на три вопроса и, получив розовый лист, с сияющим видом вернулся домой.

6-12 января

Моё посещение Miss Crain дало замечательные результаты, и я с моим сердцем почувствовал себя гораздо лучше; затем мне показалось, что как будто дальнейшего улучшения нет, скорее как будто опять хуже, и я был у неё второй и третий раз. Она спросила, нет ли ещё чего, на что я могу пожаловаться. Я упомянул о головных болях. Miss Crain дала мне определение Бога в Science and Health и сказала, что нет смысла прочитывать это быстро, но надо над каждым словом, над каждым определением подумать несколько минут и осмыслить его, тогда перед глазами вырастет нечто огромное. И при этом надо помнить, что мы - отраженье Божье.

Дело близилось к отъезду в Россию.

13 января[1]

Сегодня отъезд в Россию. Одновременно с этим ликвидация квартиры на rue Troyon. А потому - уборка, сдача инвентаря, укладка и толкотня. Даже волновались, боясь, что не кончим всего к отходу поезда. У одного из чемоданов, только что купленного, не оказалось ключей. Горчаков, хотя и скаут, не мог завязать по- человечески ни одного пакета, несмотря на то, что узлы, по его мнению, он делал специально скаутские. Под конец действительно пришлось порядочно спешить. По дороге завезли в издательство различные предметы: некоторые из остающихся чемоданов, картины и прочее, и попали на вокзал за десять минут до отхода поезда, когда там собралось уже порядочно народу: Боровские, Самойленки, Пайчадзе и т.д. Поезд страшно шикарный, синий, с золотой отделкой; я выбрал его нарочно, наперекор стихиям, дабы не жалели бедных уезжающих в страну большевиков. Ехать к пролетариям - так с «Норд-экспрессом». Было много конфет, оказавшихся очень вкусными, и отъехали весело.

У Пташки и у меня было по отдельному купе, которые соединялись друг с другом. Тут бы и выспаться, но в полночь разбудили на немецкой границе. Осмотр вещей и паспортов, довольно поверхностный, но когда я заикнулся о большом багаже, немецкий чиновник заявил, что таких сундуков в багажном вагоне нет, несмотря на то, что я отлично помнил, как их на моих глазах погрузили в него.

В дальнейшем так и оказалось, что добрый немец напутал, но его утверждение испортило настроение и сон.

14 января

Утром Берлин, Вебер и Таня Раевская на вокзале. Сашка опять не появился, представив уважительную причину - грипп, если не врёт. Первым долгом пошли заказывать ключи для чемодана, купленного в суете без них. Иначе неудобно сдать на хранение, даже честным немцам. Затем вчетвером пили кофе в большом кафе на Унтер ден Линден. Потом делали покупки, главным образом подарки для России или поручения из неё, словом, то, что не успели купить в Париже. В отель «Фюрстенгоф» я пригласил завтракать ту же компанию плюс жену Вебера. Затем были в издательстве - надо было обсудить кучу мелких вопросов. Мой отчёт за истекший 1926 год ещё не готов, но, по-видимому, он не перевесит предыдущего. Видно, не каждый год скакать в семь крат, как это было с 1924 года на 1925. Продажа сочинений Стравинского падает, но это с толикой вознаграждается

[1] Дневник с 13 января по 25 марта 1927 года в первый раз был опубликован на русском языке в 1990 г. издательством «Синтаксис» в Париже и в 1991 г. издательством «Советский композитор» в Москве.

поднявшейся тантьемой за исполнение их. Из издательства Пташка поехала на веберскую квартиру упражняться, а я пошёл покупать стило[2] Кучерявому.

В 6.40 выехали в Ригу, провожаемые Веберами. Поели в вагоне-ресторане и сразу легли спать, замучавшись берлинской беготнёй и, вероятно, ещё парижской.

15 января

Утром Эйдкунен, бывшая русская граница, а теперь граница Германии с Литвой. Пересадка из специального вагона в обыкновенный. Холодно и зябко. Перед отъездом из Парижа я спешил сшить себе новое пальто, без меха - к общему ужасу. Но ведь в России я никогда не носил мехового, решил поэтому продолжить ту же линию.

Литовцы вежливы, спокойны и говорят по-русски, как будто не Литва, а Россия. Поезд еле тащится. В старые времена они ходили по этой линии иначе.

В вагоне-ресторане меня окликнул Пиотровский - тенор, который когда-то учился со мной в Консерватории. Он оказался литовцем и, за музыкальной бедностью Литвы, первым музыкантом в своём государстве. Поёт он впрочем, кажется, недурно и для тенора очень музыкален. Первый организовал в Ковно оперу, и слава его не только распространилась по всей Литве, но и докатилась до других провинциальных столиц, вроде Ревеля и Риги. Сейчас он ехал выступать в Ригу, был мил, с удовольствием вспоминал Россию. Его пригласили опять в Ленинград, но он боится ехать: литовское правительство правеет и переарестовало нескольких большевиков: видным литовцам поэтому не рекомендуется соваться в Россию, дабы не попасть в заложники.

День длинный и медленный. Поезд еле тащится. Всюду белый снег. Я спросил у Пиотровского, почему так ползёт наш поезд. Он ответил философски:

- Видите ли, страна маленькая. Чем медленнее через неё ехать, тем больше она производит впечатление.

К тому же поезд умудрился опоздать на пару часов. Поэтому приехали в Ригу в половине двенадцатого ночи. На вокзале встретил Маевский и два ангажировавших меня менеджера. Очень приятно было сесть в саночки; я не помню, когда в них ездил. Маевский разыгрывал первейшего друга со мной и чувствовал себя чем-то вроде хозяина, так как я попал в Ригу его стараниями. Компаньоны-менеджеры оказались добродушными латышами, кормили ужином и угощали водкой, поданной в чайнике. По субботам в Латвии спиртные напитки запрещены, чтобы не напивались к воскресенью.

16 января

Утром интервью с тремя газетчиками, двумя латышскими и одним русским. К концу интервью спустилась также Пташка, очень интересная в голубом платье, и также отвечала на вопросы. Затем нас снимали на фоне Рижской оперы и на фоне нашей же собственной афиши. Леопардовое пальто Пташки выходило отличным пятном. Появился Шуберт, мой бывший товарищ по классу Есиповой. Он оказался латышом - и теперь преважным лицом в музыкальной Латвии, важнее Пиотровского, потому что Литва - дыра рядом с Ригой. Шуберт успел уже побывать в директорах Рижской оперы, а теперь он инспектор Консерватории. Я смотрел на него и покатывался со смеху: Павлушка, который любил сыграть в «железку», кутнуть в ресторане и ещё кое-что, и к которому никто не относился серьёзно, - теперь безукоризненный инспектор в великолепной визитке, солидный и чуть-чуть

[2] Авторучка, от stylo (фр).

важный. Даже мой смех он принял сдержанно. Впрочем, он остался довольно милым парнем.

Пошли гулять по городу, который, если не очень столичен, то не плох. Холодно, воздух пахнет свежим снегом, иногда с примесью навоза, ибо автомобилей здесь нет и ездят на лошадях, и этот составной запах приятно напоминает зимний Петербург из далёкого прошлого. У меня память на запахи, и по ним иногда встают целые картины.

В два часа пришли обедать к Маевскому. Он опять чувствовал себя героем и другом чуть ли не с колыбели, хотя по существу в Консерватории мы встречались мало, а после и вовсе не встречались. Кроме Шуберта, к Маевскому пришёл Крейслер, приличный парень, с которым я был всегда в хороших отношениях и даже на «ты» ещё со времён дирижёрского класса. Удрав из России и потеряв там, кажется, порядочное состояние, он долгое время не мог пристроиться и даже одно время писал мне в Этталь, прося совета и содействия, но я тогда ничего не помог ему сделать, да к тому же, насколько я его помнил милым парнем, настолько и плохим дирижёром. Теперь он женат на женщине гораздо старше себя и кажется более или менее устроен материально, но не артистически и не семейно. После обеда Пташка и я занимались, повторяя программу.

Увидел у Маевского портрет Мясковского. Мясковский не любил сниматься, и до сих пор я знал всего один его портрет, где-то случайно щёлкнутый Держановским и затем увеличенный, впрочем, очень приятный. Портрет, который показал мне Маевский, вероятно, был вторым в жизни. Я изумился перемене: вид скучный, взгляд тяжёлый; вместо пиджака какая-то куртка, застёгнутая до подбородка. Надеюсь, что он снят просто в неудачный момент.

Вечером меня пригласили в оперу, на «Майскую ночь». Очень пикантно услышать «Майскую ночь» по-латышски (вместе с полузабытой музыкой). Нахлынула масса юношеских воспоминаний о постановке этой оперы в Консерватории, особенно во время очаровательного первого акта. Зато третий акт нелеп и скучен: либреттисту не удалось развязать завязки. Постановка вовсе неплоха и хоровые массы приятно оживлены. Объясняется это тем, что из России эмигрировало в Ригу немало отличных артистов. Это и подняло уровень здешнего театра. В антракте подходил директор - Рейтер, когда-то тоже ученик нашего дирижёрского класса, но он был, кажется, младше меня, и я его мало помню. Теперь это, по примеру Шуберта, тщательно одетый и тонирующий вершитель судеб латвийской музыки.

17 января

Ночью Пташка чувствовала себя нездоровой, плохо спала и будила меня. Утром заказали билеты на Москву. Днём упражнялись и старались не предаваться светской жизни на манер вчерашнего. В восемь часов вечера наш концерт в том же оперном театре, где я был вчера. Народу много, по мнению менеджеров - 1400 человек, хотя тут же они прибавили, что около трёхсот мест они роздали даром.

Я играл чуть нервно. Где моё американское спокойствие, которое я считал приобретённым навсегда? Пятая соната имела успех лишь весьма относительный, впрочем, я и не рассчитывал, что она понравится рижанам, поставил же её в программу для того, чтобы прорепетировать перед Москвой. Последнее отделение занимали мои короткие пьесы с Маршем из «Апельсинов», гавотами и прочими удобоваримыми вещами. Успех был совершенно трескучий, с вызовами и бисами. Пташка спела две группы романсов, но голос её звучал слабо, так как она сама чувствовала себя слабой. Успех средний, но ничего.

После концерта в артистической довольно много народу.

18 января

Утром получил гонорар и разменивал его на червонцы. Пришёл еврей, только что приехавший из Москвы по пути в Америку, куда он направляется по поручению каких-то организаций, для установления музыкальной связи. Так, по крайней мере, он говорит. Другие говорят, что он врёт и под прикрытием культурных связей устраивает собственные делишки. Меня же он заинтриговал: едучи в Россию, хотел знать, что за типы оттуда выходят. А этот тип совсем особый. Прежде всего вытащил свои документы и положил передо мной, чтобы я знал, кто он. Уж не потому ли, что врёт? От меня он хотел, чтобы я дал карточку к директору Рижской консерватории - Витолю, в благодарность за что обещал справиться у советского консула, как мне быть с багажом, ибо я хотел быть застрахованным от каких-либо придирок на границе. По его словам, консул обижен, что я сам не зашёл.

Вечером пошли с Пташкой к А.Г.Жеребцовой-Андреевой, которая была чрезвычайно довольна нашим визитом и говорила без конца. Пташку за вчерашнее пение она хвалит, что несколько подняло её настроение. От А.Г. вернулись в отель, собрали вещи и отправились на вокзал - ехать в Большевизию. Мелькали мысли: а не плюнуть ли на всё это и не остаться ли? Неизвестно, вернёшься ли оттуда или не отпустят. А тут есть целый ряд предложений концертов, и таким образом поездка в Латвию всё равно не выйдет впустую. Однако трусливые мысли были отброшены и мы явились на вокзал. Поезд отходил в половине первого ночи. Стоял страшный мороз. Приятно было увидеть русские вагоны, но это всё были вагоны третьего класса, тускло внутри освещённые. Только где-то в конце был наш вагон второго класса. Первого класса в советской России не существует и вообще классов нет: вагоны делятся на твёрдые и мягкие. Твёрдые вагоны сохранили зелёный цвет третьего класса, вагоны же первого и второго класса выкрашены в жёлтый цвет и называются мягкими.

Мы вошли в наш мягкий вагон. Было неуютно: холодно, сумрачно, на полу без ковриков, умывальник в нашем купе заколочен. Появились три менеджера (они втроём держали концертное бюро). Несмотря на поздний час, они приехали нас провожать. Всех других я просил не беспокоиться. Поезд тронулся и мы в довольно среднем настроении легли спать. Русский проводник постелил нам бельё, но оно было грубое и диван жёсткий.

19 января

Спали мало, так как рано утром границы, сначала латвийская, потом русская. Ввиду заколоченного умывальника пришлось бегать умываться в общую уборную, но там вода настолько ледяная, что пальцы коченели. На латвийской границе таможенники ничего не смотрели, и мы пили кофе на вокзале. Опять приходили мысли: теперь последний момент, когда ещё не поздно повернуть оглобли. Ну хорошо, пускай это очень стыдно, но в конце концов на это можно пойти, если вопрос идёт чуть ли не о жизни.

Между тем, к нашему поезду прицепили какой-то крошечный служебный паровозик. Был дивный солнечный день без облачка. Мороз минус двенадцать Реомюра[3].

Так с этими рассуждениями мы сели в поезд и поехали в страшную СССРию. Переезд от латвийской границы до русской длился около часу. Мелькнул латвийский пограничный пост, затем засыпанная снегом канава, которая и есть граница, и поезд проехал под аркой, на которой написано «Пролетарии всех стран,

[3] Соответствует минус пятнадцати по Цельсию.

соединяйтесь!» Около рельс стоял русский солдат в матерчатой каске и длинной до пят шинели. Поезд остановился и принял солдата, который через минуту появился у нашего купе и отобрал паспорта.

Вскоре приехали в Себеж, русскую таможню. Появился носильщик и забрал наши вещи. Когда их расположили на таможенном прилавке, я первым долгом спросил, получена ли телеграмма об имевшем быть проезде Прокофьева. Телеграмма оказалась, и это сразу дало приятный тон осмотру багажа. Смотрели поверхностно, немножко перелистывали французские книги по музыке, которые я вёз для Асафьева. Большой сундук и мешок для Персимфанса (с тростниками) шли прямо в Москву. Впрочем, заставляли подписать бумажку о том, сколько каких носильных вещей мы везём с собой, причём они не могли понять, что такое пижама, а Пташка - что такое ночная кофточка. Вообще же были вежливы, даже с еврейкой, у которой рядом с нами отобрали целый ряд вещей. У другой дамы отобрали детские туфли. Это огорчило Пташку и дало повод вспомнить Святослава. После того, как осмотр кончился, носильщик потащил наши вещи обратно в вагон. На стене написано, что за перенос вещей надлежит уплачивать - четвертак за штуку. Пташка советует прибавить на чай, но я лояльно возразил, что раз установлена такса, то в коммунистической стране сверх неё на чай не дают, - и не дал.

До отхода оставался час, был полдень, и мы отправились в вокзальный буфет завтракать. С любопытством рассматривали лиц, пришедших туда же, по-видимому, из числа служащих на станции в таможне и спрашивающих служебные обеды. У всех вид здоровый, спокойный, солидный, вежливый. Многие из простых стараются есть по возможности прилично, глупостей не говорят. После обеда я сунулся купить шоколаду, но он оказался в пять раз дороже, чем в довоенное время, и плохого качества. Впрочем, может быть дерут на пограничном вокзале. Вернулись в вагон и поезд отъехал.

Вокруг беспредельная снежная пелена. У самого полотна снег имеет вкусный вид, точно сбитые сливки. При поезде нет вагона-ресторана, поэтому на больших станциях бегали в буфет и покупали бутерброды. Достали кучу московских газет; несмотря на то, что станция была не особенно большая, у газетчика оказались все музыкальные и художественные журналы. Смотрел, что пишут по поводу моего приезда. Но пишут мало - в газетах главным образом речи политических лидеров. Впрочем, мелькнула заметка о том, что по поводу приезда Прокофьева организован комитет встречи, со включением в него Асафьева в качестве представителя от Ленинграда. Я больше всего боюсь официальностей. Но хорошо, если будет Асафьев: он по крайней мере скажет, как надо себя держать.

20 января

Проснулись рано. На улице ещё темно и в купе тоже, так как сломался газ. К Москве подъехали как-то незаметно, кажется, к Александровскому вокзалу, который имеет скорее доморощенный вид. В 7.30 утра поезд, имея за спиной некоторое опоздание, неожиданно останавливается у деревянного перрона. Пока мы кричали носильщика, которых мало, в вагон вошли Цейтлин и Цуккер, а за ними Держановский. Цейтлин - представитель Персимфанса и главная его душа, а в прошлом - концертмейстер в оркестре Кусевицкого. Цуккер, как я узнал позднее, деятельный коммунист. В своё время он хотел быть певцом - и это связало его с музыкой. Затем он принял боевое участие во время советского переворота, а теперь состоит чем-то вроде секретаря при ВЦИКе и таким образом имеет возможность самым тесным образом касаться со всеми членами правительства. Он единственный человек в Персимфансе, не состоящий членом оркестра; должность его заключается в изготовлении программ, давании объяснений по радио

во время концертов и, разумеется, проталкивании всяких дел Персимфанса сквозь правительство. Держановский как-будто изменился мало, похудел и стал меньше. На ногах валенки, и вообще все они одеты в необычайные шапки, тулупы и пр., словом, та декорация, что так пугает приезжих иностранцев.

Восклицания, приветствия, «неужели Прокофьев приехал в Москву!», - и мы, пересеча скверный вокзалишко, попадаем в такси, ибо в Москве теперь не очень много, но всё же есть таксомоторы. Стёкла у автомобиля густо замёрзли и потому совершенно не видно Москвы, по которой едем. Це-Це (Цейтлин и Цуккер) наперебой и со страшной горячностью рассказывают про хлопоты по нашему приезду, ожидания, сомнения, волнения и пр. Он, между прочим, рассказывает, что это Литвинов разрешил выдать нам советские паспорта, без отбирания нансеновских. Конечно, преследовать меня не будут, но всё же лучше, чтобы я поменьше пользовался последним.

Приехали в «Метрополь». «Метрополь» ещё с самого начала советской революции был захвачен под советские учреждения и под жилища для ответственных работников, но недавно было решено, что выгоднее перевести их в другие места, а это здание вновь превратить в гостиницу. Выселять, однако, всех сразу в перегруженную Москву было не так легко, и потому сейчас пока очистили и вновь отделали под гостиницу один этаж, который и поступил в аренду немцам, взявшимся вести отельное дело. В верхних же этажах остались ещё ответственные работники и потому всюду была ужаснейшая грязь, за исключением, впрочем, нашего коридора, где отличный ковёр, хорошая парикмахерская и вообще чистота. Наш номер выходил прямо на Театральную, ныне Свердловскую площадь. Вид из окон восхитительный. Сам номер безукоризненно чист, довольно просторен и с необычайно высокими потолками. Кровати - в углублении и отделены зелёной плюшевой занавесью почти до потолка. Но ванны нет и вода в кувшинах. Я заказал кофе для всех, который принесли в стаканах с подстаканниками. Разговоров была масса, но важно было немедленно повернуться лицом к делу, так как завтра утром уже первая оркестровая репетиция. Первым долгом надо было достать мне в номер инструмент; к моему первому московскому выступлению я хотел быть в форме. В России на инструменты голод: новых не выделывают или выделывают очень мало, а на выписку из-за границы не дают лицензий. Держановский предложил пройти в «Книгу» (нотно-музыкальный магазин, которым он заведывал), откуда я мог получить рояль.

Окончив кофе, отправились туда. На улицах довольно много народу. С одной стороны, много меховых воротников, с другой - женщины в платках. Сколько писалось о том, что приезжие из-за границы поражены бедностью одежды у толпы. Однако не скажу, чтобы меня это поразило: быть может, от того, что слишком много об этом кричали, а может потому, что известный процент платков и тулупов всегда гулял по русским улицам, а следовательно, не удивлял и теперь. Навстречу ехали огромные автобусы - гордость Москвы. Они в самом деле очень красивы и огромны, и, хотя заказаны в Англии, гораздо лучше по линии, чем лондонские.

Рояль в «Книге» не подошёл - расколоченный. Встретил там Лелю, которая секретарём у Держановского. Тут в первый раз бросился в глаза огромный промежуток, который я пробыл вне России: Леля так и осталась у меня в памяти толстой тринадцатилетней девочкой, а теперь это огромная дама. Очень милая встреча.

Отправились в другой магазин, кажется, прежний Дидерихса, а после национализации-государственньй. Там совсем новенькое пианино, довольно тугое, т.е. то, что мне надо. Я немедленно на нём остановился и в течение дня оно было мне прислано. Снова вышли на улицу. Холодно, мороз. Толпа спокойная, добродушная. Это ли те звери, которые ужаснули весь мир?

Был второй час и нам хотелось есть. Це-Це указали нам на «Большую Московскую гостиницу», недавно вновь отремонтированную, и мы отправились туда завтракать, а остальные - по своим делам. В «Большой Московской» огромный зал с массой столиков. Действительно видно, что всё наново сделано; чисто, но грубовато. В огромном зале мы были почти единственные: здесь во втором часу никто не ест. Едят позднее, часа в три-четыре. А заполняется зал главным образом вечером. Россия - царство икры, но не тут-то было: в этом ресторане на свежую икру такие цены, что мы подумали, повертели карточку - и от икры отказались. Вообще на отдельные порции цены не ниже американских. Обеды по готовому меню начинаются позднее. Лакеи вежливы и берут на чай. Метрдотель в смокинге опёрся на скатерть ручкой с такими наманикюренными ноготками, что от них пошло сияние на весь стол. Когда мы вышли из ресторана, захотелось чуть-чуть походить по Москве. Пока мы бегали за роялем, нас всё время окружали Це-Це и Держановский, немилосердно тараторившие: теперь интересно было пройти по Москве, по этому страшному городу, самостоятельно. Мы вышли на Тверскую, купили пирожных, так как ждали днём гостей, и вернулись в «Метрополь». Гулять много не пришлось, так как с непривычки было очень холодно. Вскоре явился Цейтлин с интервьюером и фотографом. Пока интервьюер задавал вопросы, начали собираться гости. Всё это люди, которых мне было страшно интересно увидеть, между тем, приведённый Цейтлиным интервьюер не отставал ни на шаг и выходило преглупо: я то отвечал ему на вопросы, то раздавался стук в дверь и я бежал открывать, - восклицания, объятия, входим назад в номер - тут снова вопрос интервьюера, надо думать, чтобы не ответить глупости; новый стук в дверь и т.д. Появился Асафьев, потолстевший и поздоровевший; под пиджаком вместо жилета, рубашки и воротничка - коричневая вязаная куртка, с вязаным воротником до подбородка: тепло и не надо заботиться о чистых воротничках. Затем Мясковский, который в конце концов мало изменился - не скажешь, что десять лет его не видел, а рижская фотография соврала или была снята в тяжёлый момент. Мясковский такой же утончённый, в нём то же очарование. Быть может, на лице появились чуть заметные морщинки, которые подчёркиваются, когда он устаёт, и исчезают, когда он, свежий, появляется с улицы. По-видимому, Мясковский нашёл гораздо больше во мне перемены, чем я в нём. По крайней мере, первое время он долго рассматривал меня и всё усмехался, дивясь, вероятно, тому, что я потолстел и полысел.

За Мясковским появился Сараджев, немножко поседевший, но эффектный и ставший похожим на Никиша. Кроме Сараджева - уже бывшие утром Держановский и Цуккер. Интервью, слава Богу, кончилось, а фотографа заставили снять всю группу. Так как в России пластинки дороги, а ему был приказ снять только заморского гостя, то в начале он как-будто заколебался, снимать не хотел, но когда Цуккер налетел на него и объяснил, что здесь собрались все что ни на есть знаменитости музыкальной Москвы, то он снял нас, и эта группа действительно понадобилась для нескольких газет.

Общий разговор не клеился, так как все были взволнованы и несколько смущены. Мясковский, Асафьев и Сараджев уткнулись в мои новинки, во Вторую симфонию, Квинтет и Увертюру для семнадцати инструментов.

- Но это совсем не так сложно. - восклицал Сараджев, рассматривая партитуру Второй симфонии: ему очень хотелось, чтобы симфония пошла у него, а не в Персимфансе.

Большинство из присутствующих скоро убежало - все народ занятой вырвавшийся на минутку, чтобы меня повидать. Дольше всех оставался Асафьев и Цуккер. Асафьев, будучи куда-то приглашённым, не мог остаться обедать с нами и после его ухода Цуккер позвал нас в ресторан на Пречистенский бульвар, где, по

его словам, проще, вкуснее и дешевле, чем в «Большой Московской».

Цуккер - активный и очень горячий коммунист. Всю дорогу он с увлечением объяснял благотворную работу своей партии. Выходило действительно очень интересно и в планетарных размерах. Очень интересно было увидеть огромное здание Коминтерна, нечто вроде банки с микробами, которые рассылаются отсюда по всему миру.

Ресторан, в который он нас привёл, помещался в отдельном деревянном домике, построенном среди бульвара. Говорят, что летом столики выползают на улицу, и тогда вовсе мило. Цуккер тут же объясняет, что ресторан содержится компанией «бывших людей» из богатых купеческих и аристократических кругов.

Действительно, сервируют очень милые, воспитанные дамы. По разговорам между кассиршей, буфетчицей, поварами (которым кричат вниз, в кухню, помещающуюся в подвальном этаже) видно, что это люди непростые. Обед был необычайно вкусен: тут и рябчики, и изумительные взбитые сливки, и клюквенный морс, которого мы выпили по несколько больших стаканов - и вообще масса отменных и забытых было русских вещей. Цуккер ни за что не желал, чтобы мы платили.

После обеда расстаёмся с ним, садимся в санки и по морозу возвращаемся домой. Ложась спать, открываем, что простыни из изумительно тонкого полотна, какого мы не видали ни в одном европейском или американском отеле. Наволочки и полотенца тоже первый сорт. Мы совершенно ошеломлены Москвой, но у меня в памяти крепко сидит напоминание о том, как тщательно следят большевики за показной стороной для иностранных гостей. Делимся впечатлениями шёпотом. В микрофоны, привинченные под кроватями, о которых рассказывают в эмиграции, мы не верили, но между нашим номером и соседним есть запертая дверь, через которую можно отлично подслушивать, если кому-нибудь это нужно. Засыпаем усталые вдребезги.

21 января

Встали в восемь с половиной утра. Заехал Цуккер и повёз нас в таксомоторе на репетицию в Большой зал Консерватории. В Москве таксомоторов не то чтобы много, но на нашей площади всегда стоит несколько. Все они фабрики «Рено» - кажется, по случаю закупили во Франции целую партию.

Когда мы входили в артистический подъезд Консерватории, я едва не поскользнулся на льду, которым были покрыты все сени.

- Смотрите, - сказал Цуккер, - это Райский тут плакал по поводу вашего приезда, и слёзы его замёрзли.

Райский - заведующий Большим залом и директор Росфила, полугосударственного симфонического учреждения, с которым Персимфанс бешено конкурирует.

Когда мы поднимались в зал по лестнице. Цуккер спросил:

- Слышите, играют из «Трёх апельсинов»?

Я решил, что мы опаздываем на репетицию и прибавил шагу, в то же время делясь с Цуккером, что они играют слишком медленно: необходимо им сказать, что темп должен быть живее. Но тут выяснилось, что это был туш. Оркестр установил сигнализацию и мой вход в зал приветствовался той вещью, которая у них имела больше всего успеха.

Доиграв Марш, оркестр аплодирует. Я поднимаюсь на эстраду. Цейтлин произносит приветственную речь - радость меня видеть здесь в Москве. Я в панике от речей, потому что на них надо отвечать, однако сразу же решаюсь броситься головой в пропасть и держу ответ: радость быть снова в Москве и при том среди оркестра, который я считаю одним из лучших в мире. Аплодисменты, поклоны - и

сразу приступаем к репетиции 3-го Концерта. На этот раз волновался не я, а оркестр, что выражается главным образом в недержании темпа.

- Да не гоните же, товарищи, - кричит Цейтлин. - Что вы волнуетесь?

В общем, репетицию ведёт Цейтлин. Перед ним на пюпитре не партия первой скрипки, а партитура, в которую, впрочем, заглядывают и соседи. Иногда встаёт второй тромбон или третья валторна и говорит:

- Товарищи, здесь надо сделать то-то и то-то.

Репетиция, впрочем, идёт хорошо и приятно. Оркестр уже дважды выступал с этой вещью, один раз аккомпанируя Фейнбергу, другой раз - совсем молодому пианисту Оборину. Но в этом был и минус, так как оба брали совсем другие темпы, чем я. Оборин ещё туда-сюда, не очень уклонялся от моих темпов, но Фейнберг играл нервно и изломанно, выворачивая многое наизнанку. Какая уж тут изломанность в моём Третьем концерте!

Оркестр без дирижёра возился, конечно, дольше, чем если бы был дирижёр, но в других местах, например, дирижёр будет биться над учением пассажей, над выделением голосов, здесь же народ добросовестный и ноты играют сами собой, честно, оттенки тоже соблюдают в точности, пассажей не учат, а если трудно, так просматривают дома. Зато какое-нибудь ритардандо, которое у дирижёра выйдет само собой, здесь заставляет завязнуть минут на двадцать, так как каждый замедляет по-своему. Таким местом оказалось, например, возвращение от последней вариации к повторению темы, где оркестр никак не мог прийти вместе со мной. Трудность усугублялась тем, что Фейнберг устраивал здесь ритардандо, которого в партитуре нет, а я вместо того делал аччелерандо, которого в партитуре тоже не было. Кажется, на тему этого ритардандо у Фейнберга была схватка с Мясковским. Когда я впоследствии сказал Мясковскому, что ни о каком ритардандо здесь и подумать нельзя, он остался очень доволен и воскликнул:

- Вот это я припомню Фейнбергу!

А когда, чтобы его ещё побольше порадовать, я прибавил, что делаю здесь даже аччелерандо, то правоверный Мясковский рассердился.

- Ну, это уж, пожалуй, лишнее, - сказал он.

По окончании репетиции Пташка, я и Цейтлин отправились в правление Персимфанса, здесь же в Консерватории, этажом ниже. «Правление Персимфанса» - звучит важно, но это небольшая комнатка, которая одновременно служит жилищем Цейтлину и его жене, спавшими за занавеской. После репетиции сюда набилось миллион народу, стульев же было всего два, столов тоже два, оба заваленные бумагами, беспрерывно трещал телефон, стоял гвалт – словно сумасшедший дом. Решив несколько мелких текущих вопросов, отправились с Цейтлиным завтракать в тот же ресторан на Пречистенском бульваре, куда водил вчера Цуккер.

После завтрака вместе с Цейтлиным шли по улице и он показывал нам магазины в Охотном ряду, где мы покупали икру, сыр и масло. Икры масса, на различные цены, магазины набиты битком - прямо не дождёшься своего череда. Мы ничего не понимали: где же голодная Москва? Впрочем, сегодня покупателей было гораздо больше нормального ввиду праздников: дня смерти Ленина и воскресенья.

- Вот видите, - торжествовал Цейтлин, - как у нас здесь хорошо! Слава Богу, что уехали из Парижа. В газетах пишут, что там прямо гробов не хватает.

Я изумился.

- Как гробов?

- Ну что вы, точно не из Парижа приехали. А инфлюэнца? Ведь в газетах пишут, что ежедневно столько умирает, что не знают, как хоронить.

В общем, в Москве также талантливо врут на Париж, как в Париже - на Москву. Отведя нас в «Метрополь», Цейтлин продолжал захлёбываться.

- Вот посмотрите на Большой театр. Его недавно заново облицевали. Так при этом до того заботились о художественной стороне дела, что не решились облицевать новыми камнями, которые дисгармонировали бы с возрастом здания. Инженеры отправились на кладбище и отыскали там надмогильные плиты соответствующего года - и теперь видите, как хорошо вышло?

- Правда, правда, - прибавил он, видя, что я с совершенно ошарашенным видом смотрю на него.

Расставшись с Цейтлиным, мы немного посидели в номере, отдыхая и удивляясь порядку и той жизни, которая бьёт в Москве. Ввиду того, что вечером мы ждали к себе персимфанцев, выходили ещё раз - сделать кое-какие покупки - ветчину, пирожные и пр. Были в огромном кооперативном магазине рядом с Большим театром. Всюду много покупателей, но большой порядок. На прилавках масса вкусных вещей, которые заворачивали в отличную бумагу, не жалея её количества.

Вечером явилось всё правление Персимфанса - пять человек. Рассуждали и пили чай с закусками. Держали они себя скромно и почти ничего не ели, вероятно, из скромности. Обсуждали темпы «Шута» и Сюиты из «Апельсинов». Также надо было решить дни для Ленинграда. Персимфанс, разумеется, захватил себе все удобные даты и выходило, что попасть в Ленинград я мог не раньше, как через две недели. Обидятся. Но Це-Це утверждают, что Хаис (ужасный, по их мнению, тип, который всем ворочает в Ленинграде) очень выгодно использовал для себя моё нежелание говорить о гонораре и назначил мне гонорар ниже, чем следовало; и что хуже всего, Хаис успел уже этим ткнуть многим в нос, хвастаясь, какое ловкое дельце он сварганил. Начали по этому поводу говорить о моих условиях с Персимфансом, но из-за позднего времени не успели. Не успели поговорить и о некоторых предложениях, уже поступивших из провинции. Да и рано ещё говорить о провинции.

22 января

Утром опять заехал Цуккер и мы отправились на репетицию. Учили сюиту из Шута». Играют её почти полностью, за выпуском только двух номеров. По-моему, это длинно, лучше номеров восемь, но Цейтлин не сдаётся и хочет играть все десять. У оркестра хорошая, уравновешенная звучность: соотношение силы звучности инструментов как раз то, которое я хочу, а если не совсем то, то после первого же замечания становится на место. Противники Персимфанса говорят, что без дирижёра они не могут взять ни одного аккорда вместе - все аккорды как у пьяного гусара, арпеджиато. Пускай; зато каждый оркестровый музыкант честно играет все ноты, а потому всё звучит и выходит именно так, как хотел композитор. Не то что, когда играют отвратительные наёмники, которые только делают вид, что дуют в свой инструмент, а на самом же деле пропускают половину нот, играя хорошо только то, что выделяется, и чего нельзя не сыграть. А как только дело касается аккомпанемента и средних голосов, которые можно услышать, но можно и не услышать - так сейчас же начинают мазать. Само собой пьеса начинает звучать гораздо хуже и совсем не так, как её оркестровал композитор.

На репетицию пришёл Фейнберг. Зная, что он исполняет уже мой 3-й Концерт и теперь пришёл ревнивым ухом слушать, как я его играю, я несколько волновался, репетируя этот Концерт.

По окончании репетиции. Пташка и я в сопровождении Це-Це отправились в тот же ресторан на Пречистенку, но ввиду праздника он был закрыт. Поэтому повернули оглобли и вернулись к нам в «Метрополь». В «Метрополе» нет ещё ресторана, дают только чай и кофе, но у нас были кое-какие закуски и таким образом был сорганизован лёгкий завтрак, во время которого мы обсуждали

ленинградские даты и возможность согласовать их с московскими. Во время этого разговора позвонил Луначарский, приветствуя мой приезд и приглашая зайти к нему сегодня в семь часов. Благодаря его за приглашение, я сказал, что сегодня обедаю в пять часов у друзей, а потому нельзя ли мне прийти не в семь часов, а в восемь. Луначарский нашёл, что это для него вполне удобно, на этом разговор кончился.

Вскоре приехал Асафьев и мы с ним отправились к Мясковскому в Денежный переулок. Он живёт в большом доме, однако выходящем не на улицу, а в небольшой садик или дворик, а потому спокойном. Квартира была, по-видимому, хорошая, но, как и во всех квартирах в Москве, теперь жило в ней несколько семей. Сам Мясковский занимал одну лишь комнату, к которой примыкала другая, занятая его сестрой, Валентиной Яковлевной, с дочкой. Комната Мясковского - узкая и длинная, впрочем, довольно большая, но так заставлена мебелью, что в ней трудно повернуться. Ещё бы: кровать, умывальник, рояль, большой письменный стол, несколько шкапов и полок с нотами ! Мясковский уж и так говорит, что он подвинет рояль - тогда стул перед роялем упрётся в письменный стол; то он подвинет стол - стул упрётся в рояль. Так он и двигает, в зависимости от того, что ему нужно.

Мы застали Мясковского за корректурой 7-й Симфонии. Я, разумеется, чрезвычайно интересовался моим чемоданом с рукописными нотам, письмами и дневниками, во время революции отданным на сохранение Кусевицкому, затем попавшим в Музсектор, а оттуда к Мясковскому. Из переписки с Мясковским я никак не мог выяснить, подвергся ли этот чемодан вскрытию, и очень боялся, как бы его не распотрошили. К моей большой радости, он оказался в совершенном порядке и даже те пачки документов, которые были запечатаны, не были вскрыты. А ведь во время революции, переписей и обысков могло случиться всякое.

Я спросил Мясковского, как мне быть с Юргенсоном. Дело в том, что издательская собственность Юргенсона теперь вся национализирована, но эта национализация имела, разумеется, силу только в пределах России. Таким образом, представлялась возможность, чтобы он продал мне обратно мои права для заграницы, так что все мои некогда уступленные ему сочинения, могли попасть к Гутхейлю. Мясковский ответил, что эта задача очень деликатная, так как если здесь узнают, что Юргенсон торгует своими заграничными правам, его посадят в тюрьму, а потому дело можно обделать только потихоньку или же в том случае, если сам Юргенсон пожелает поговорить конфиденциально.

Втроём, Мясковский, Асафьев и я вышли на улицу и пошли к Держановскому, до которого было недалеко и к которому мы все были приглашены обедать к пяти часам. Я рассказывал про Сувчинского, как он живёт, на ком женат, чем занимается и что такое Евразийство, умолкая, когда попадались встречные, ибо тема была нелегальная, да и Асафьев отметил, что письма к Сувчинскому и от Сувчинского, по-видимому, пропадают. Впрочем, переулки, которыми мы шли, были довольно пустынны и поэтому разговаривать можно было свободно.

Когда я остановился после точки, Мясковский критически посмотрел на меня и сказал:

- Ну ничего, вы, кажется, не забыли русского языка.

Я форменно смутился и даже рассердился:

- А почему мне, собственно, надо было его забыть?

Мясковский:

- Вот когда я был в Вене и встретил Сашеньку Черепнина, то он заковылял такими галлицизмами, что я его едва понял, - и в подтверждение своих слов Мясковский привёл несколько галлицизмов действительно забавных.

Не скрою, что после этого я следил за своей речью и говорил запинаясь.

У Держановского мы нашли Пташку - за нею ездил хозяин, который уже,

кажется, начал за нею ухаживать. Едва мы кончили обедать, как явился Цуккер и увёз её в Большой театр на «Садко». Я обещал подъехать позднее, если меня не задержит наркомпрос. Познакомился с мужем Лели, довольно милым и скорее тихим молодым человеком, меньше её размерами и, кажется, у неё под сапогом.

После обеда, в восьмом часу вечера, Мясковский, Асафьев и я вместе отправились по тем же тихим и морозным переулкам к Денежному, 7, где жил Мясковский. Луначарский жил несколькими домами дальше, и Асафьев, который у него уже бывал, взялся меня проводить не только до дома, но и до самой двери. Дом большой и, по-видимому, когда-то очень хороший, но сейчас лестница, по которой мы лезли в верхний этаж, грязная и отвратительная. Лифт не действует.

Я позвонил, а Асафьев пошёл вниз. Отворила дверь кухарка и, спросив мою фамилию, пошла доложить, затем попросила зайти в гостиную, огромную комнату, довольно комфортабельно меблированную. В соседнюю столовую дверь была приоткрыта и там кто-то читал стихи.

Через несколько минут толстая кухарка появилась опять и попросила меня войти в столовую. Навстречу появился Луначарский, как всегда очень любезный, несколько обрюзгший по сравнению с 1918 годом.

За небольшим столом сидело человек пятнадцать. Некоторые поднялись мне навстречу, но чтение стихов не было ещё окончено и Луначарский, жестом наведя тишину и предложив мне сесть, попросил поэта продолжать.

Фамилия поэта была Уткин и читал он ещё довольно долго. Разумеется, только что попав в СССР, да ещё к наркомпросу, я ждал от стихов прежде всего какой-нибудь революционности. Но стихи по мысли и сюжету были довольно дряблые: это был скорее декаданс в его основном смысле, чем стихи бодро восставшего пролетариата. Уткин кончил. Меня знакомят со всеми, среда которых несколько полузабытых лиц из артистического мира дореволюционного времени. Жена Луначарского, или вернее, одна из последних жён, - красивая женщина, если на неё смотреть спереди, но гораздо менее красивая, если смотреть на её хищный профиль. Она артистка и фамилия её - Розанель.

Переходим в гостиную. Ко мне подходят какие-то молодые люди и засыпают меня комплиментам. Больше всех говорит сам Луначарский, который не даёт открыть рта своему собеседнику. Он сообщает мне приятную новость: весной в Париже предвидится международное состязание театров разных стран. Четыре страны, в том числе СССР, уже выразили согласие и в качестве боевика пошлют туда «Любовь к трём апельсинам». Это ещё окончательно не решено, но дело на мази. Несколько молодых поэтов и музыкантов обступают меня, говорят о моих сочинениях и просят сыграть. Я сажусь за рояль среднего качества и играю Марш из «Апельсинов». Затем Луначарский просит одного из присутствующих пианистов сыграть финал из своей 2-й Сонаты, которую он называет своей любимой вещью. Пианист играет довольно неважно. От рояля переходим в другую, малую гостиную, обставленную не без уюта. Луначарский вытаскивает первый номер «ЛЕФа», - новый журнал, издаваемый Маяковским. ЛЕФ - означает левый фронт. Луначарский объясняет, что Маяковский считает меня типичным представителем «ЛЕФа».

- Тем полезнее вам послушать, - прибавляет он, - обращение Маяковского, помещённое в этом номере.

Затем Луначарский не без увлечения и очень неплохо читает письмо в стихах Маяковского Горькому. Письмо в самом деле остро, а некоторые формулы в стихах просто хороши. Идея: почему, мол, Алексей Максимович, когда столько работы в России, вы проживаете где-то в Италии? Весьма назидательно по отношению ко мне, и Луначарский, окончив чтение, смеясь, рекомендует мне оценить это стихотворение. Я его спрашиваю, какое положение в литературном мире занимает

Маяковский. Он отвечает, что очень хорошее, хотя некоторые и не прочь просунуть трость в калитку и подразнить «ЛЕФа». Я ещё разговариваю немного с Розанель и в девять часов прощаюсь, говоря, что хочу ещё поспеть в Большой театр. Все провожают меня в переднюю, а один юноша, ученик Яворского, провожает до театра на извозчике.

- Мы вас ревнуем к загранице, - говорит он, пока мы едем в санках по переулкам.

Но на улице невероятный мороз. Я стараюсь ему отвечать, но больше забочусь о спасении моих ушей от отмораживания, ибо моё осеннее парижское пальто без мехового воротника.

В Большом театре меня проводят в ложу бельэтажа, занимаемую Пташкой и Цуккером. Эта ложа рядом с центральной - царской, и резервируется обыкновенно для дирекций. Большой театр полон, но публика по типу одежды чрезвычайно серая. Я наслаждаюсь картиной отплытия Садка: музыка изумительная, хотя сценически многое в этой картине нелепо. Зато куски подводной фантастики, которые в своё время, вероятно, были откровениями, теперь увяли и превратились в скучные пространства с малым количеством чистой музыки.

В нашу ложу во время антрактов, а иногда и во время действия, забегают дирижёры театра: Голованов, затем Пазовский, и говорят о постановке «Апельсинов», которая, по-видимому, состоится в Большом театре в конце сезона. Дирижировать ими будет Голованов, и он просит, как только схлынут мои первые концерты, например, через неделю, поиграть ему оперу, дабы указать темпы и авторские пожелания. Разговаривая затем с Пазовским, я не мог отделаться от воспоминания одной фразы Канкаровича, написанной чуть ли не пятнадцать лет тому назад. Только что сделавшись в то время музыкальным критиком и изругав мой 1-й Концерт, он, в подтверждение своих слов, прибавил к своей рецензии следующую фразу: «Это какой-то бег дурашкина[4], - сказал сидевший рядом со мной дирижёр Пазовский». Кто такой был дирижёр Пазовский, я так и не знал до сегодняшнего дня, но теперь, когда он любезно со мой разговаривал, у меня этот «бег дурашкина» всё время вертелся в голове.

23 января

Всё утро опять ушло на репетицию, во время которой я довольно часто останавливал оркестр, делая указания относительно темпов и соотношения звучности.

На репетицию пришёл Глиэр, мой старый учитель, с которым до сих пор сохранилась та же форма общения, как двадцать пять лет тому назад, когда я был ребёнком, то есть я ему говорю «вы» и «Рейнгольд Морицевич», а он мне «ты» и «Серёжа». Глиэр - толстый и солидный, бритый, немного лоснящийся сытый кот. Несмотря на шестой десяток, много говорит о своих занятиях над фортепианной техникой и о том, что он нашёл теперь изумительную систему, в которой открыто влияние спинных мускулов на каждый из пальцев (он показал на моей спине, который влияет на какой). Таким образом, он за последнее время делает большие успехи. Он путешествовал по России с певицей, аккомпанируя ей наизусть целые вечера из своих романсов, и теперь надеется проделать то же по Германии. В таком случае, бедные немцы, а также бедный Глиэр. Я ему рассказал про Дукельского, тоже его ученика, и о том, что иногда гуляя с последним, мы развлекались напеванием тем из 1-й и 2-й Симфонии - воспоминаний нашей юности.

Затем меня потребовали на эстраду, так как сегодня учили главным образом вариации и финал 3-го Концерта.

[4] Глупышкин (Дурашкин) - популярный герой ранних кинокомедий.

Днём отдыхал, от всей московской сутолоки уже чувствуется утомление, а ведь это только начало.

Отдохнув, поехал смотреть рояль Бехштейна для завтрашнего концерта. Несмотря на рояльную бедность в советской России, «Бехштейн» оказался превосходным, но, чтобы заполучить его, Цейтлину пришлось выдержать с управлением Консерватории, которой принадлежал этот рояль и которое берегло его как зеницу ока, целое сражение. Райский и Игумнов не хотели его давать. Райский - пускай, но ведь Игумнов считается моим поклонником? В конце концов Цейтлину удалось их уломать и рояль согласились дать, кажется, за пятьдесят рублей с концерта.

Тем временем мы с Пташкой отправились к Наде Раевской на Арбат, 5. Раз Шурик сидит в тюрьме за политическую неблагонадёжность, то и наш визит к Наде казался нам каким-то полулегальным. А вдруг к нам вообще приставлен сыщик, который едет за нами на другом извозчике? А вдруг сыщик дежурит у её ворот, зная, что это мои родственники и желая проверить, имею ли я сношения с контрреволюционными элементами? Словом, мы подъехали не к самому дому, а затем быстро шмыгнули в ворота. Впрочем, Пташкина леопардовая шуба так бросалась в глаза, что нас нетрудно было запомнить. Знакомые припоминали только одну ещё такую шубу во всей Москве - у Неждановой.

Раевские занимают квартиру из маленьких четырёх комнат в нижнем этаже во дворе и, разумеется, с грязным ходом. В квартире нас встретила Катюша Уварова, которую я помнил хорошенькой пятнадцатилетней девочкой, а теперь оказавшейся здоровой, но погрубевшей барышней лет под тридцать. Она радостно приветствовала меня, а когда я её познакомил с Пташкой, то, полагая, что Пташка не говорит по-русски, протянула ей руку и сказала: «Шармэ». Я чуть не расхохотался, вспомнив Бабуленьку из «Игрока», и объяснил, что моя жена говорит по-русски как русская. Нади не было дома, но вылезли три её дочки, от трёх до двенадцати лет - заморыши, милые, но некрасивые и гораздо меньшего роста, чем полагалось бы их возрасту. Я быстро и вполголоса стал объяснять Кате Уваровой, что мы подождать Надю не можем, так как очень торопимся, что мне очень хочется выписать тётю Катю и Катю Игнатьеву из Пензы, что у меня для этого есть деньги, что если у меня наладятся отношения с властями, то я намерен предпринять шаги к освобождению Шурика, но что с этим не надо торопиться, - словом, поспешил сразу выболтать всё, что касается их семьи, имея в виду, что, может быть, нам неудобно будет часто сюда наведываться, а потому, чтобы сразу поставить их в курс дела.

Прощаемся, и, уходя, сталкиваемся с входящей Надей. Её бурная радость, хотя в тот момент мне показалось, что в этой бурности был элемент наигранности. Тяжёлые годы наложили на неё отпечаток, и она как-то странно была похожа на императрицу Александру Фёдоровну. Шурик мужественно отсиживает своё тюремное заключение - десять лет, сокращённое на треть. В тюрьме сидят всякие, есть и жулики, есть и политические. Последние более или менее его круга и держатся в тюрьме вместе. В тюрьме Шурик занимается сапожным ремеслом, а также играет на фортепиано во время кинематографа. Я спешу объяснить Наде то, что я уже сказал Кате Уваровой, но останавливаюсь, так как в квартиру входит мужчина, одетый мужиком, в валенках и шапке с наушниками. Этот наряд резко контрастирует с его очень тонким и красивым лицом с лёгкой проседью в бороде. Видя моё замешательство, Надя говорит:

- Ничего, это муж моей сестры, Лопухин. При нём можно разговаривать обо всём.

Мы скоро прощаемся и вторично уходим, так как надо спешить к Держановским: мадам Держановская справляет сегодня пятидесятилетие со дня своего рождения. Это очень храбро для женщины - справлять свой пятидесятилетний юбилей, хотя

злые языки и говорят, что она делает это для того, чтобы не думали, будто ей шестьдесят.

У Держановских - Мясковский, Асафьев, Александров, Фейнберг, Половинкин, Книппер, Крюков, Мосолов и ещё кто-то. Почти все они ученики Мясковского и, разумеется, под его обаянием. Фейнберга я выучил сразу - он лицом ни на кого не похож. Но спокойного и непримечательного Александрова никак не мог запомнить. Из младших, кажется, наиболее талантливый Мосолов, сочиняющий сложные вещи. Он недурён собой, но жена некрасива и выглядит старше его. Однако она, кажется, довольно примечательная пианистка, хотя бы потому, что дала концерт из современных сонат, да каких! - и Мясковский, и я, и муж, и Скрябин последнего периода, и ещё какие-то подобные шестиэтажности. Несколько позднее просят Фейнберга сыграть; он исполняет свои «Импровизации», вещи сложные и бессодержательные. Играет он невероятно: страшно переживает, сопит, перегибается, как-то вытягивает из себя каждую ноту, словом, не играет, а страдает. И становится неловко, что вытащили его на эту пытку. Затем просят играть меня. Я играю, разумеется, 5-ю Сонату. Уж если не здесь её играть, то где же? Слушают молча, очень внимательно; впечатлений не высказывают. Просят сыграть ещё что-нибудь - играю Третью и выхожу в соседнюю комнату, где сидит Асафьев. Асафьев сообщает, что я её играю совсем иначе, чем в 1918 году перед отъездом в Америку и что даже благодаря этому он кому-то проспорил пари, так как я взял теперь иной темп, чем он утверждал. Тут же он напоминает мне, что подход к побочной партии я играл раньше лучше, ставя в басу точку перед её началом. Я соглашаюсь с ним и обещаю впредь восстановить эту точку.

Леля и мадам Держановская накрывают ужин, пока мы сидим в комнате, называемой Цекубу, что означает - центральный комитет улучшения быта учёных. Держановским удалось сохранить за собой всю квартиру, уступив одну комнату кухарке. Что касается комнаты Цекубу, то она выходила лишней, и в неё должны были кого-нибудь вселить. Удалось отстоять её только через центральный комитет улучшения быта учёных, через посредство которого удалось доказать, что Держановскому необходимо погружаться в научно-музыкальную работу, для чего нужен отдельный кабинет.

Садимся за ужин. Я сижу между Мясковским и Асафьевым. У Мясковского в этом доме постоянное кресло рядом с хозяйкой, которое никто занимать не имеет права. Я потрясён, что он с Лелей на «ты» и говорю ей:

- Как это вы умудрились совратить Колечку?

Действительно, это, вероятно, первая женщина, с которой он на «ты».

Молодые композиторы всячески ухаживают за Пташкой, но больше всех старается сам Держановский. Во второй половине ужина появляется даже шампанское - предмет роскоши в советской России, но мы удираем до конца ввиду завтрашней генеральной репетиции и моего первого московского концерта.

24 января

Как-никак, а вчера попали домой довольно поздно. Встать, однако, пришлось в восемь часов, а в девять уже началась генеральная репетиция. Голованов сидит с партитурой сюиты из «Шута» и отмечает в ней карандашом указания, которые я делаю Персимфансу. Персимфанцы, которые не считают его своим другом, язвят, что сам он не знает, как продирижировать «Шута» и поэтому записывает каждый такт. Когда я репетирую 3-й Концерт, в зал набивается довольно много народу, но толпа схлынула, как только я окончил. Обе сюиты, из «Шута» и из «Апельсинов», идут хорошо, но всё же лишняя репетиция не помешала бы. Днём с Цейтлиным мы едем на таможню, так как не осмотренный на границе сундук, а также мешок с

тростями для духовых инструментов застряли в московской таможне. Все духовые инструменты Персимфанса с волнением ждали этих тростей, так как их старые износились, и им приходилось дуть чёрт знает во что, а новых в России не достать. Разумеется, Цейтлин запасся всеми необходимыми рекомендациями и протекциями, так что осмотра в сущности не было почти никакого: раскрыли сундук и развязали мешок только для проформы. Впрочем, увидав старую шёлковую юбку, которую Пташка даже больше не носила, а везла в подарок бедным родственникам, сразу заинтересовались и даже накинулись, но увидав, какое это старьё, пропустили. Завтракали в три часа одни, в «Большой Московской». Собственно, неизвестно, завтрак это или обед - здесь часы все перепутались, да в Москве и едят-то главным образом среди дня, быть может из экономии, соединяя завтрак и обед воедино. За соседним столиком оказался Меклер, здешний импрессарио, который раза два уже успел оставить мне записки, и Полякин. скрипач, в своё время вундеркинд в классе Ауэра, одновременно с девочкой Цецилией Ганзен, но как-то в своё время усохший и померкнувший перед её ослепительными успехами. С тех пор Полякин успел побывать в Америке, приобрести там американское гражданство, но не успех, и теперь Меклер возил его по России. Они одним духом пересели к нашему столику и Меклер сразу накинулся на меня с предложениями. Однако, видя, что я отнекиваюсь и отношусь довольно равнодушно к провинции, он насел на Пташку, думая её соблазнить как певицу и рассказывая ей всякие концертные возможности. Чтобы поднять свои акции, он тут же упомянул о «мировом артисте» Маршексе, которого он тоже возил и будет возить по России. Мы хохочем и объясняем, что Маршекс просто-напросто третьесортный пианист. Меклер не сдаётся и говорит:

- Помилуйте, это настоящий барин.

Я:

- Быть может, он старается здесь изобразить из себя барина, но в Париже он голодранец.

Полякин вдруг захохотал и закричал:

- Голоштанник!

Но тут же покосился на Пташку и смутился. Мы с Пташкой кончили завтрак раньше их и когда спускались по лестнице, то Меклер бежал рядом и предлагал по триста пятьдесят рублей за концерт в провинции, в передней уже по пятьсот, а когда я выходил на улицу, то по полторы тысячи для Москвы и даже два за три тысячи. Надо сказать, что последняя сумма меня даже несколько смутила, но всё же Меклер мне представляется каким-то жалким, и я, прощаясь с ним, попросил его позвонить дней через пять, когда сойдёт угар первых концертов.

Вернувшись домой, несколько отдыхали перед концертом. Звонит Серёжа Себряков. Пташка, не зная, кто он, отсылает его, говоря, что я перед концертом не подхожу, но затем сообщает, что он, видимо, был расстроен отказом. Тогда я звоню ему и прошу зайти за нами перед концертом, обещая провести его.

Отдохнув, одеваемся и едем в концерт. Большой зал Консерватории полон и даже кое-где стоят, хотя это запрещено пожарным ведомством. В артистической встречает нас Моролёв, которому я очень рад, но как он изменился за эти пятнадцать лет! Да, пятнадцать лет, срок немалый. Теперь он сильно поседел и хотя нельзя сказать ещё. что старичок, но уже перевалил за мужчину средних лет.

Концерт начинается сюитой из «Шута», довольно длинной, так как играют десять номеров. Мне отлично слышно из артистической, отделённой от эстрады тонкой, неплотной стенкой со щелями. Играет Персимфанс отлично, очень чётко, ясно, с выражением, с увлечением. По окончании сюиты аплодисменты и крики «автора», но по предварительному уговору с Це-Це решено, что на вызовы я выходить не буду, дабы не предвосхищать моего выхода к исполнению Концерта. Впрочем, Цейтлин врывается в артистическую в такой подмазке, что он уже сам

готов нарушить договор и спрашивает меня, не выйти ли мне. Пока аплодисменты продолжаются, мы совещаемся и решаем, что всё-таки нет.

Перед тем, как играть Концерт, я начинаю волноваться. Работаю и несколько успокаиваюсь. Как-никак, а появиться в Москве, где меня так ждут и где, самое ужасное, отлично знают мой Концерт, который, стало быть, врать нельзя, дело нешуточное.

Наконец появляется Табаков, первый трубач (замечательный), и сообщает, что оркестр на месте и что мне надо выходить. При моём появлении оркестр играет туш, затем весь встаёт и аплодирует. Овация зала и оркестра становится грандиозной и необычайно длинной. Я долго стою, кланяюсь во все стороны и вообще не знаю, что делать, сажусь, но так как аплодисменты продолжаются, опять встаю, опять кланяюсь и опять не знаю, что делать. Я не был десять лет в Москве, мне хочется сосредоточиться, чтобы сыграть как следует, а эти эмоции совершенно не способствуют углублению. Наконец мне это надоедает и я решительно сажусь. Цейтлин, стул которого находится как раз за моей спиной, шепчет, что надо посидеть пару минут спокойно, дабы и я, и оркестр, и публика, могли прийти в себя. Я стараюсь ни на кого не смотреть и утыкаюсь в фортепиано. Минуты через три начинаем.

Я играю неспокойно, но довольно хорошо. Инцидент только один: в третьей вариации я что-то подпутал, сам не помню что, во всяком случае несерьёзно, и мы сейчас же вылезли на чистую дорогу. По окончании Концерта зал ревёт. Конечно, такого успеха у меня не было нигде. Я выхожу без конца. На бис сначала играю Гавот из «Классической», затем «Токкату». Оба штюка выходят хорошо. Наконец уединяюсь в артистическую, а оркестр играет сюиту из «Апельсинов». Марш по традиции бисируется, а по окончании новые вызовы и я ещё выхожу несколько раз. Концерт окончен и артистическая набивается публикой. Одним из первых приходит Литвинов, ныне, ввиду длительного отсутствия за границей Чичерина, исполняющий обязанности министра иностранных дел. Вид у него несколько грузный, бритое лицо, тонкие губы, умное выражение, но в общем впечатление фармацевта средней руки, а с его грузностью как-то странно вяжется пришпиленная к нему слава лихой экспроприации тифлисского банка. Но Литвинов важное лицо по отношению ко мне, ибо все паспорта, послабления и удобства моего приезда в СССР были сделаны через него. Он сам представляется мне и затем знакомит со своей женой - англичанкой. Меня сейчас же перехватывают другие: Мясковский, Асафьев, Моролёв, теперешний директор Консерватории - Игумнов, бывший директор - Гольденвейзер, с которым, впрочем, несколько фраз не о музыке, а о шахматах; Глиэр, Фейнберг, Александров и другие. Несколько отделавшись, я считаю своей обязанностью подойти к Литвинову, который сидит на диване. При моём приближении он встаёт - как-никак, хоть и фармацевт, но всё же дипломат, и неплохой. Я благодарю его за содействие, знакомлю с Пташкой его и его жену. Англичанка страшно рада, что может говорить с Пташкой по-английски. Но меня отрывает новая партия - приходит Голованов, Дикий и Рабинович - директор, режиссёр и художник, которые будут ставить «Апельсины» в Большом театре. Я очень рад познакомиться с Рабиновичем, о котором слышал много хорошего от Сувчинского. Когда проектировался «Урсиньоль», то Дягилев колебался между Якуловым и Рабиновичем.

В артистической ещё вертится Чернецкая, которая бывала у нас когда-то в Бельвю. Теперь у неё какие-то замечательные планы о новом балете, который она может сделать только со мной, для которого у неё такие идеи, которые перевернут весь балетный мир. Она готова тут же начать объяснять эти идеи, но меня рвут на части и, слава Богу, перевёртывание балета откладывается. Понемногу артистическая пустеет и я остываю. Наконец вечером выходим на улицу: Пташка,

я и Це-Це, которые, восторженно болтая, провожают нас до «Метрополя».

25 января

Первое утро без репетиций, следовательно, почили на лаврах и никуда не торопились. Завтракали с Асафьевым в ресторане на Пречистенском бульваре. Асафьев с увлечением рассказывал о своём летнем путешествии на дальний север, где много остатков старины и куда советское влияние хотя и проникло, но больше только внешне. Асафьев чрезвычайно понравился Пташке. На её вопрос о существующем теперь брачном кодексе он объяснил, что, конечно, всё это неладно, но всё-таки, быть может, это был лучший способ хоть как-нибудь попытаться защитить женщину после распущенности войны и революции. В подтверждение своих слов он сказал, что теперь ощущается политика постепенного подтягивания.

Расставшись с Асафьевым, встретился с Цуккером и отправился с ним испрашивать заграничный паспорт. Так как процедура с выдачей заграничного паспорта тянется месяц и больше, то Це-Це советовали немедленно заняться этим вопросом, дабы сразу обеспечить мне выезд. Паспортное отделение помещается в учреждении, подведомственном Наркоминделу, но, как объяснил мне Цуккер, на самом деле находится в ведении ГПУ. Не без любопытства приехал я в этот филиал ГПУ. Нас принял тов. Гирин, молодой человек не без изящества, рыжеватый, резвый, хорошо одетый, напоминающий лицеиста, недавно попавшего в чиновники. Речь держал Цуккер, я стоял сзади. Цуккер прежде всего заговорил о Литвинове, через которого мне был устроен въезд и вообще постарался подчеркнуть моё привилегированное положение. Но Гирин улыбнулся:

- Вы могли бы не упоминать о тов. Литвинове и просто обратиться к нам.

Затем он взял опросный лист, который был уже мною заполнен, и попросил заплатить шесть копеек. Я удивился скромности мзды, но Цуккер объяснил, что за два паспорта придётся заплатить двести долларов, если не удастся получить что-нибудь вроде фиктивной командировки, при которой налог сокращается вчетверо, а шесть копеек - это только предварительная плата за бумагу. Вся работа была сделана с быстротой и точностью. Провожая меня, Гирин сказал, что с интересом вчера слушал мой концерт по радио. Я в ответ похвалил порядок в его учреждении, выгодно отличавший его от бестолковой парижской префектуры, где приходится давать чаевые направо и налево, дабы поскорее протолкнуть паспорт. Гирин остался очень доволен и просил зайти через некоторое время.

Вечером супруги Мострас, оба члены правления Персимфанса, устраивали нам маленький приём от имени всего правления Персимфанса. Были ещё Це-Це, Ямпольский и др. Мострасы были в своё время людьми со средствами и занимали хорошую квартиру с громадными и очень высокими комнатами. С пришествием большевизма квартиру заселили, оставив им только одну комнату, положим, самую большую. Затем нашли, что она слишком велика и перегородили её пополам, а затем ещё раз пополам. В результате получилось нечто вроде узкого и длинного коридора с непомерно высоким потолком и одним окном. Была очень вкусная закуска - икра и изумительная белорыбица, и токайское вино. Мне поднесли подарок - целый ряд персонажей из «Сказки про шута» кустарной работы. Тут и Шут, и Купец, и Козлуха, и пр. Цуккер принёс фотографический аппарат и магний и пытался нас снимать. Каждый раз, когда объектив был уже открыт и шнур у магния зажжён, Цуккер бросался в нашу группу, чтобы самому попасть на снимок. При этом происходило комическое кипроко[3], так как Цуккеру хотелось непременно стать рядом с Пташкой, а его товарищи, угадывая его намерения, устраивали так,

[3] Недоразумение, от quiproquo (фр).

чтобы он не мог попасть. Цуккер волновался и принимался за следующий снимок.

26 января

Проснулись оба вялые. Или нас замучали, или простудили, словом, надо сосредоточиваться и над собою поработать.

Появился Держановский, худой, в валенках, с бородёнкой и хитро глядящими глазёнками из-под качающегося пенсне, - и предлагал пойти с ним выбрать фортепиано для сегодняшнего вечера, но мне было лень и я поручил выбор его собственному таланту.

Днём явились Це-Це, чтобы наконец поговорить о наших условиях, до которых всё не хватало времени. Ругали Ленинградскую Филармонию и главного заправилу Хаиса, который постарался выкатить мне самые невыгодные условия и ещё хвастался этим. Что касается Персимфанса, то у них каждый член оркестра получает по двадцать рублей за концерт, а если остаётся прибыль сверх этого, то она отчисляется в кассу. На мне они наживаться не хотят и согласны, чтобы вся чистая прибыль за малым отчислением пошла в мою пользу. Но они обязаны представить отчёт о своих условиях с заграничными артистами, а такая формула неприемлема: надо выставить гонорар, причём этот гонорар должен быть в пределах известной нормы. Словом, они мне предлагали, чтобы, не выставляя слишком высокого гонорара, они мне заплатили за дорогу, за номер, суточные и вообще всё, что можно придумать.

Мне ещё в Париже Яворский говорил, что очень важно дать один концерт в пользу чего-нибудь, и как только Цуккер слегка заикнулся в этом смысле, я сейчас же заявил, что один из моих клавирабендов я хочу дать в пользу беспризорных, что сразу произвело весьма приятное впечатление на Це-Це.

По их уходе я продолжал чувствовать себя кислым и три раза засыпал.

Вечером заехал Держановский и мы отправились на закрытый концерт Ассоциации Современной Музыки, в которой ворочает Держановский. Об этом закрытом концерте «для одних музыкантов и лиц искусства» Держановский вёл со мной переписку ещё в Париже. Хотел он также, чтобы пела Пташка, но она ему ответила ни да ни нет, а так как теперь нас успели затормошить в Москве, то голос был в среднем состоянии, и потому решили, что лучше не петь, чем понижать от утомления.

Держановский страшно волновался и объяснял:

- В зале триста мест, желающих полторы тысячи, все обрывают телефон, непопадающие кричат - с вами только наживёшь врагов!

Приехав в концерт, я встретил многих знакомых, в том числе Шуру Сеженскую, мою троюродную племянницу, которая так и осталась у меня в памяти шалуньей- девочкой, а теперь оказалась дамой с проседью; также Костю Сеженского, её двоюродного брата и мне троюродного племянника, с которым, впрочем, родства у меня нет, так как он приёмный сын. Косте лет под двадцать, он уродец, очень нелепый, учится в Консерватории и кажется потрясён, что у него такой знаменитый дядюшка.

Встретив Асафьева, рассказываю ему про козни Хаиса. Асафьев волнуется:

- Как патриот своего города, я возмущён. Надо с ним поговорить.

Держановский сообщает, что могу идти в зал, так как концерт начинается с «Еврейской увертюры», после которой поёт певица, а я играю только потом.

Зал не очень большой, но набит до отказа. Пока я иду через него, все аплодируют, когда я наконец сажусь на единственный оставленный мне стул в первом ряду, на эстраде появляется Сараджев и говорит мне речь. Я волнуюсь, но всё же замечаю, что цитату о Гансе Заксе, ввёрнутую Сараджевым, он переврал.

После окончания речи - вторая овация. Затем исполняют «Еврейскую увертюру», у фортепиано - директор Консерватории Игумнов. Так как я сижу в первом ряду, то звук не сливается и я не получаю удовольствия от исполнения. По окончании увертюры Игумнов спускается в зал, несколько человек пересаживаются, и он садится на освободившийся стул рядом со мной.

Игумнов довольно занятная личность, длинный, бритый, нервный, с торчащими изо рта остатками зубов. Мне интересно на него посмотреть, так как уже лет двадцать, как я про него слышу, ещё с тех пор, как я гостил в Сухуме у Смецких.

Затем появляется певица, которая, волнуясь, поёт мои романсы - первые два плохо, третий довольно своеобразно.

Далее моя очередь. Я вылезаю на эстраду, играю 3-ю и 5-ю Сонаты и «Токкату». Рояль крикливый и плохой: Держановский в выборе не отличился. Я играл со средним спокойствием, а в 3-й Сонате совершенно непонятным образом замечтался и остановился. Впрочем, сейчас же спохватился и дальше дело пошло без ляпсусов. После аплодисментов сыграл на бис «Гавот», Оп.32. После окончания спускаюсь с эстрады, толкотня невероятная, все ко мне подходят: тут и Игумнов, и инспектор Консерватории, вручающий мне книгу, в которой есть обо мне статья, и старый Юргенсон, когда-то громовержец, а теперь служащий небольшим чиновником в Музсекторе, который занимает его же собственный магазин. В толкотне Юргенсон успевает сказать мне, что он позвонит ко мне и зайдёт, чтобы поговорить. Таким образом, вопрос, который Мясковский находил таким щекотливым, по-видимому, сам собой идёт к разрешению. Подходит Б.Б.Красин. Он уже звонил ко мне, но подвернувшийся к телефону Цейтлин ответил, что меня нет дома. Красин связан с Росфилом, враждующим с Персимфансом, а потому Це-Це всячески ограждали меня от него. Учитывая это и помня, что полтора года назад Красин был со мной чрезвычайно любезен в Париже, я на этот раз встречаю его с подчёркнутой внимательностью. Появились снова Костя и Шура Сеженские. Пташка находит Костю трогательным, а Шуру противной, но Шура успевает обмолвиться, что у неё остались кое-какие фотографии моих родителей - и Пташка настораживается. Дело в том, что все мои семейные фотографии погибли вместе с петербургской квартирой, и теперь Пташка задалась собрать у моих родственников и знакомых то, что у них сохранилось в альбомах. Я расспрашиваю у Шуры, что сталось с другими моими московскими племянницами и племянниками. Как-никак, у отца была сестра, у неё четыре дочери, мои кузины, а у четырёх этих кузин - несметное количество потомства, двоюродных братьев и сестёр этой Шуры. Но Шура говорит, что они распались и она большинство из них потеряла из виду, чем я, впрочем, мало огорчён, так как в большинстве случаев это был народ довольно серый. Наиболее интересная из племянниц, Надя Фалеева, заделалась драматической артисткой и гастролирует где-то в провинции.

Публика начинает расходиться, так как надо пробираться в другое учреждение, где будет ужин. Одеваемся и идём в находящийся по соседству клуб - для улучшения быта учёных, как раз то самое Цекубу, благодаря которому Держановский сохранил любимую комнату. Это огромный особняк, принадлежавший старой одинокой генеральше, умершей с наступлением большевизма. Цуккер не выпускает случая, чтобы указать, что, вот, в старые времена такую махину занимала одинокая старуха, которая, может быть, из комнаты в комнату не могла передвинуться, а теперь это достояние писателей и учёных, которые могут чествовать в нём Прокофьева.

В огромной зале поставлена целая серия длинных столов, на которых накрыт ужин. Я сижу между Асафьевым и Е.В.Держановской. Пташка - рядом с Мясковским. Тут же за столом Персимфансы. Яворский, кое-кто из молодых композиторов. Тосты, фотографии. Держановский старается сниматься около Лины Ивановны. Вообще он. Мосолов и другая молодёжь всячески за нею

ухаживают. После нескольких тостов мне начинают намекать, что и я должен бы сказать что-нибудь. Я всячески отворачиваюсь, но чувствую, что говорить в конце концов надо, и потому встаю. В зале быстро водворяется тишина, возгласы удовлетворения «А!» Словом, ждут от меня многого. Но за кого и за что пить? Я догадываюсь выпить за музыкальную Москву, которую особенно научился ценить после всех моих шатаний по белу свету. Пью, аплодируют, хотя, по-видимому, ждали, что я скажу что-нибудь сложнее и цветистее. Позднее я перехожу к другому столу, за которым собрались все молодые композиторы и к которому уже присоединились Мясковский, Асафьев и Беляев. Нас снимают всех вместе и я выхожу невероятной рожей. Вообще же мне оказывается столько внимания, что я совершенно ошеломлён отношением ко мне. Сообщают, что в «Вечерней Москве» появилась первая рецензия, которая отмечает политическую важность моего приезда. В час ночи я вдребезги измучен и, хотя пиршество, по-видимому, склонно продолжаться, мы с Пташкой решили бежать. Уходим под аплодисменты всего зала. Внизу меня ловит Костя Сеженский. Он, оказывается, тоже принял участие в ужине, но сидел где-то далеко за пальмой, так что я его не видел. Он, по-видимому, опьянел от вина и от оваций по адресу дядюшки, и в нелепых и восторженных выражениях просит автограф на экземпляр 3-й Сонаты.

27 января

Наш номер тихий и спокойный, и после вчерашних торжеств мы порядочно проспали. Звонил Цейтлин и сообщил, что они приступили к репетиции второй программы, в том числе «Увертюры для семнадцати инструментов». Я решаю однако эту репетицию проспать: пусть немножко разберутся без меня. На мой вопрос, какое впечатление производит увертюра. Цейтлин мялся и начинал хвалить другие вещи. Вероятно, не разобрались ещё, или не привыкли к новой звучности, или просто скрипач Цейтлин, которого в этой пьесе обошли, не чувствует себя особо заинтересованным.

Использовал остаток утра и часть дня на то, чтобы хорошенько поиграть на рояле. А то в самом деле, когда надо быть во всеоружии, то как раз приходится заниматься всем чем угодно, кроме фортепиано. Погода смягчилась. На улице мягко и приятно. Завтракали с Пташкой вдвоём. С изумлением рассматривали царские орлы на Иверских воротах. Говорят, их оставили за невозможностью снять, не изуродовав здания, а кроме того, «советская власть так сильна, что несколько орлов её не поколеблят, хотя бы и в коронах».

Давал интервью, а вечером с Пташкой отправились к Мясковскому, куда пришёл также Асафьев. Так как соседнюю комнату с Мясковским занимает его сестра Валентина Яковлевна, чрезвычайно милая, то я просил у него позволения привести с собою Пташку - к ней в гости. Кроме нас и Асафьева, была другая сестра Мясковского, Вера, со своим мужем В.В.Яковлевым, но эта сестра много грубее Валентины и менее понимает Мясковского. Присутствовала ещё шестнадцатилетняя дочь Валентины Яковлевны, казавшаяся мне малосимпатичной со своим круглым, несколько одутловатым лицом и неприятными манерами. Её лицо мне странно воскресило в памяти облик её отца, которого я видел всего лишь раз или два у Мясковского много лет тому назад, вероятно, до рождения этой девицы. В те времена я однажды зашёл к Мясковскому и нашёл его расстроенным, а в доме говорили шёпотом. Мясковский объяснил причины: застрелился муж Валентины. Я спросил почему. Мясковский ответил:

- Запутался в каких-то финансовых операциях.

Сегодняшний вечер прошёл очень мило. Мужчины собрались в комнате Мясковского, дамы сидели у Валентины Яковлевны. Говорили обо всём

понемножку - и в общем ни о чём особенном.

Возвращались домой по мягкой погоде пешком. Я шёл впереди с супругами Яковлевыми, Пташка - сзади с Асафьевым. После американских небоскрёбов и парижских, насаженных один на другой домов, я любовался московскими переулками, из которых иные целиком состояли из просторных особнячков, тихих и уютных. Я высказал это Яковлеву, он ответил:

- Да, может быть, так было раньше. Но теперь эти тихие особнячки укомплектованы до невозможности, а так как комнат много, кухня же одна, то эта кухня является часто местом пересечения интересов всех семейств.

И можно себе вообразить тот ад, который творится на кухне в момент, когда восемнадцать семейств, населяющих этот тихий особнячок, готовят на восемнадцати примусах восемнадцать обедов.

Когда мы с Пташкой остались одни, она рассказала мне интересные вещи, которые происходили сегодня вечером на дамской половине в то время, когда я сидел на мужской. Оказывается, дочка Валентины Яковлевны яростная комсомолка, нахваталась коммунистических лозунгов и создаёт своей матери настоящий ад, не давая ей открыть рта и обрывая всякую её фразу словами: «Ну уж эти твои буржуазные теории». Своими грубыми рассуждениями она испортила Пташке весь вечер, хотя Пташка из осторожности и старалась поменьше ввязываться в разговор такого типа. Параллельно с этим девица живёт на счёт матери, маникюрит ногти и пропадает неизвестно где. Асафьев, идя с Пташкой по тихим переулкам, добавил, что она изводит не только Валентину Яковлевну, но и Мясковского, доводя его иногда до того, что он кричит на неё и топает ногами. При всём моём желании, я не мог вообразить себе Мясковского кричащим и топающим ногами. Но этому приходится верить, раз так рассказывает Асафьев, который, вероятно, узнал это от самого же Мясковского.

Вернувшись в «Метрополь», мы с Пташкой возмущались и мысленно желали одутловатой племяннице скорее сбежать с каким-нибудь комсомольцем и тем очистить атмосферу.

28 января

Утром приходил фотограф. Затем в течение дня я мало куда показывался: вечером первый клавирабенд, а потому надо было сосредоточиться и подтянуться. Довольно много играл на рояле. В «Известиях» статья с моим портретом, имеющая не столько музыкальный, сколько политический вес.

Вечером клавирабенд, в милом русском стиле начинается с опозданием на полчаса. Публика, по-видимому, знакома с этим обычаем и не спешит, заполняет зал медленно, но когда я вхожу, весь Большой зал консерватории полон.

Первым номером идёт 3-я Соната - это Сувчинский когда-то рекомендовал мне все концерты начинать с 3-й Сонаты. Затем - десять «Мимолётностей». Обе вещи встречаются с очень хорошим, но не с горячим приёмом. Следующая затем 5-я Соната встречается вовсе сдержанно, хотя группа, вероятно, человек в пятьдесят, настойчиво аплодирует и кричит, вызывая без конца. Успех начался с Марша из «Трёх апельсинов», который был бисирован - публика сразу заревела и затем в том же градусе прошло всё последнее отделение, состоявшее из мелких вещей и кончившееся «Токкатой». Тут стоял крик и вой, каких я не слыхал никогда. Бисы были следующие: вторая «Сказка»[6], Гавот из «Классической» и, наконец, пятая «Причуда»[7] Мясковского. Дабы последнюю не приняли за мою собственную

[6] «Сказки старой бабушки», четыре пьесы для фортепиано, Оп.31.

[7] «Причуды», шесть набросков для фортепиано, Оп.25.

вещь, я объявил публике её название и автора. Сказал я, по-моему, довольно громко, но потом мне доложили, что половина зала этого не слыхала. Зная, что в зале Мясковский, и помня ещё с давних времён, что он всегда недоволен тем, как его вещи исполняются, я очень волновался, играя «Причуду»: в первой половине немилосердно мазал и путал, но в медленной середине взял себя в руки и конец сыграл довольно прилично. Тем не менее крики и вой не уменьшились и за «Причудой», которую большинство так-таки и приняло за мою вещь, следовало ещё много вызовов, хотя я больше не бисировал.

В артистической опять масса народу, в том числе жена Литвинова, говорившая с Пташкой по-английйски. Сам великий аптекарь отсутствовал. Приходил также Юровский, стоящий во главе Государственного Музыкального Издательства. Он представился и сказал, что нам необходимо повидаться, дабы легализовать мои отношения с Государственным Издательством, которое печатает и продаёт мои сочинения. Юровский - господин не без шика, высокого роста, с гладко выбритым лицом и даже головою. Он был очень галантен и сказал, что как только у меня освободится время, он ко мне заедет или будет рад меня видеть у себя в Издательстве.

Вернувшись домой, я презирал себя за волнение. Это, в конце концов, совершенно глупо и нелепо, хотя я и работал над собой перед и во время концерта. А прошлой зимой во время таких спокойных концертов в Америке я думал, что этот призрак ушёл от меня навсегда.

29 января

Завтракали с Серёжей Себряковым в «Большой Московской». Мне хотелось расспросить его про обстоятельства, сопутствовавшие аресту Шурика, дабы лучше ориентироваться в моих попытках вытащить его из тюрьмы. Впрочем, много нового я не узнал. Серёжа Себряков подтвердил, что Шурик ни в каких политических делах не повинен, а влип за компанию и отчасти от того, что при допросе не хотел назвать фамилии людей, которых это упоминание могло бы подвести.

Удивительный человек этот Серёжа Себряков. Когда-то давно он был «красным» студентом и вечно бил тревогу по поводу предстоящих беспорядков, хотя в то время было ещё далеко до революции 1905 года. Теперь ему пятьдесят лет, но его алармистские приёмы нисколько не изменились, и, сидя в «Большой Московской», он с таким же конспиративным видом расспрашивал, правда ли, что у англичан уже готов план сбросить с аэропланов на Москву столько снарядов с удушливыми газами, чтобы одним ударом задушить весь город, ибо англичане якобы решили пожертвовать даже двухмиллионным населением, лишь бы отравить Кремль. В конце концов мы были рады, когда этот завтрак кончился, потому что хотя он и говорил о пустяках, но с таким видом и с таким нашёптыванием, что казалось, будто мы впрямь принимали участие в адском замысле англичан.

Днём заходила к нам старшая дочка Шурика, Алёна, с письмом от матери. Милая девочка, ей тринадцать лет, но с трудом можно дать десять. Ясно, что Надя волновалась относительно моих шагов к освобождению Шурика, и хотя я не хотел за это браться слишком рано, прежде чем не осмотрюсь и не соображу, к кому лучше обратиться, всё же я решил попробовать почву у Цуккера, который в конце концов будучи секретарём при ВЦИКе мог проделать эту вещь запросто и между прочим. В семь часов он как раз явился для того, чтобы заполнить кое-какие бланки для заграничного паспорта. В связи с вопросом в бланке о моих родственниках, разговор естественным путём коснулся Шурика. Я спрашиваю его, не сможет ли он предпринять каких-либо шагов к освобождению моего кузена. Цуккер сначала смущается, потом советует взять справку у Нади о приговоре суда, именно: когда,

за что, на сколько и т.д.

Затем Пташка. Цуккер и я отправляемся в МХАТ второй, Московский Художественный Академический Театр №2. Дают «Блоху» Лескова в переделке Замятина и постановке Дикого. «Блоха» - один из сенсационных спектаклей и о нём нам уже говорили в Риге. Нас проводят в директорскую ложу, что у самой сцены. Там уже сидит какая-то фигура, но её ликвидируют, переведя в партер. Первый акт начинается с карикатуры на императорский двор и на Александра I, причём это превращено в такую буффонаду, что мы с Пташкой только переглядывались.

- Правда, как здорово? - захлёбывался от восторга Цуккер.

Мы в пределах деликатности и в меру горячо поддакивали, хотя надо сказать, что фигуры некоторых камергеров были действительно схвачены неплохо. Вся суть в том, что мы в первый раз видели советскую постановку и поневоле наклёвывался вопрос, неужели же все постановки выдержаны в этом стиле? Однако второй акт, начавшийся тульскими частушками, сразу переменил настроение. Частушки были прямо-таки очаровательны, шум издали приближающихся казаков передан необычайно изобразительно, и вообще вся постановка дальше шла на славу. Очень хорош был акт в Лондоне.

В антракте, в маленькой гостиной, примыкающей к нашей ложе, был сервирован чай с бутербродами и пирожными. Появился Дикий, который не только ставил эту пьесу, но и играл атамана Платова. Во время чая разговоры о моих впечатлениях от постановки «Блохи», а также о будущем постановки «Апельсинов» в Большом театре, которая поручается Дикому. Мне также было вручено письмо от дирекции МХАТа, в котором приветствуется мой приезд. В общем, очень приятный и ласковый приём, тем более, что это не музыкальный мир, а театральный.

30 января

Утром повторял программу, а в половине второго дня второй клавирабенд в Большом зале Консерватории, с повторением программы первого.

Зал полон. На этот раз я чувствую себя спокойным, ибо начинаю привыкать к русской публике, а потому играю без инцидентов. Успех такой же и в том же порядке, как третьего дня. Несмотря на небывалый вой в конце, я заставил закрыть рояль после второго биса. Однако вой продолжался и после этого. Сегодня в артистической среди других - Мейерхольд, Яворский, Луначарский с женой, Чернецкая со своими балетными проектами и требованием немедленного обсуждения их. После того, как толпа схлынула. Яворский увозит нас к себе обедать.

По отличной морозной солнечной погоде, в двух санках, мы едем к нему в Замоскворечье. Впереди едет Пташка с Яворским, сзади я с Протопоповым. Яворский живёт с Протопоповым вместе и называет его «Мусенькин». Пересекая Москву-реку, я кричу Пташке, чтобы она оглянулась на Кремль, он весь залит солнцем и вид у него ошеломляющий. Наши с Протопоповым санки догоняют их санки и я прошу Яворского указать мне дом Сувчинского, эту фамилию здесь лучше громко не кричать.

Яворский и Протопопов чрезвычайно галантны и не позволяют платить за извозчиков. Квартира их тесная и три комнатки до отказу заставлены мебелью, в том числе двумя роялями. Яворский угощает нас совершенно феноменальным обедом, вероятно, самым вкусным за всё наше пребывание в СССР. Тут и закуски, и изумительные блины, и феноменальные пирожки, и словом, с половины обеда я уже ничего не могу есть. Обедает ещё певица Держинская с мужем и мать Протопопова.

После обеда я из любезности прошу показать сочинения Протопопова, зная, что Яворский сходит от них с ума. и, с другой стороны, зная также, что это мертвецкая скука. Однако обед так вкусен, что надо принести себя в жертву. Яворский моментально садится за рояль и по рукописи играет Сонату (кажется вторую) Протопопова. Рояль необычайно крикливый, комнаты крошечные, знаменитый пианист Яворский ни на минуту не отпускает педали, в сонате раскаты по всей клавиатуре, звенят струны и стёкла. Закончив. Яворский извиняется за нечисто сыгранные ноты и за то, что недостаточно ясно выделил семиголосный канон в увеличении и обращении. Чтобы чем-нибудь заместить похвалы, я заинтересовался каноном, который действительно кажется сделан очень ловко. Затем Яворский и Протопопов садятся за два рояля и играют «Гудочек» Протопопова, неимоверно длинный романс, приблизительно длиной в четыре «Утёнка», написанный на печальную народную сказку, недавно записанную на севере России. Эта вещь уже напечатана. Яворский по одному экземпляру играет сложный аккомпанемент. Протопопов на другом рояле подыгрывает вокальную партию. Несколько раз он сбивается. Яворский сердится и кричит на автора. Романс движется в чрезвычайно медленных темпах около сорока минут. За обед заплачено с толикой и можно вернуться в столовую пить кофе. О том, что «Гудочек» скучен и местами впадает в скрябинские гармонии, я решаю умолчать, дабы не портить атмосферы. Но всё же задаю себе вопрос: Яворский изобрёл какую-то гениальную теорию ладов, Протопопов - ревностный воплотитель этой теории и даже через каждые несколько тактов выписывает анализ употребляемых им ладов. - каким же образом он в результате влетел в скрябинский супернонаккорд?

Между тем разговоры перешли на другую тему. Держинская, очень милая дама, рассказывает про колоссальную посещаемость московских театров, несмотря на дороговизну билетов; люди недоедают, но ходят в театр. Затем Яворский рассказывает, что в прошлом мае, когда он вернулся из Парижа в Москву, то в сферах уже в подробностях знали о разговорах, которые Яворский имел со мною, ибо во время нашего завтрака - случайно или нарочно - сидел нужный человек, который всё это записал и сообщил. Отсюда разговор естественно переходит на слежку в Москве, особенно за теми, кто является из-за границы. Яворский описывает характер того шума, который слышен в телефоне, когда к нему прицепляется официальный подслушиватель. Действительно, на такого рода шум мы уже обратили внимание. Хотя мы ничего предосудительного в телефон не говорили, но всё же этот шум надо иметь в виду. Из всех сегодняшних разговоров неожиданный вывод: москвичи ругают теперешнюю Москву, но болезненно ждут, чтобы её похвалили. Выходим вместе с Держинской, Яворский и Протопопов нас провожают до трамвая, который набит до отказу.

31 января

Утром репетиция - освежить программу предыдущего симфонического концерта, который повторяется сегодня вечером.

Днём были у Нади Раевской, прося её приготовить записку со всеми данными о деле Шурика. Вручил ей сто рублей для пересылки тёте Кате в Пензу и ещё пятьдесят - для неё самой.

Анонимное письмо, подписанное «русская женщина». Советует, когда улягутся фимиамы с восхвалением зигзагов и уколов, и я смогу сосредоточиться в тишине, то чтобы я усвоил, что сфера моя не сочинительство, а исполнение Бетховена, с его страстью и титанической мощью, и что тогда мир падёт ниц передо мной. Очень надо! Спасибо, русская женщина.

Вечером - симфонический в Большом зале Консерватории, с повторением

программы. Зал снова полон. Из правительства присутствует Луначарский, но ко мне в артистическую не заходит. Сюиту из «Шута» сыграли отлично. Перед моим выступлением Цуккер, по требованию Луначарского, объявляет с эстрады, что на международном конкурсе пианистов в Варшаве первый приз получил москвич Оборин. Оборин - молодой юноша, кажется, лет девятнадцати, играл с Персимфансом перед моим приездом мой 3-й Концерт. Говорят, он, кроме того, композитор и собирается ехать ко мне учиться.

Третий концерт проходит сегодня хуже, чем в первый раз, но это по вине оркестра, так как я сегодня был почти спокоен и играл хорошо, хотя и несколько медленнее, чем в первый раз. У оркестра же сегодня тридцать три несчастья: у первого контрабасиста сердечный припадок, у первой флейты воспаление лёгких, первый альт сломал себе ногу, - вот они и расстроились без главарей. Контрабасисты напутали в трудной для них третьей вариации, где у меня ударения с синкопами и где им приходится брать ноты на сильные части, на восьмую позднее меня. Таким образом мои ударения их всё время сбивали, они путали их и в конце концов сбили меня. Наконец я поймал и дело обошлось сравнительно благополучно. После окончания Концерта - бисы и рёв. В сюите из «Трёх апельсинов», стоявшей в конце программы, Марш бисировался согласно традиции.

1 февраля

Встал в восемь, так как в девять репетиция Увертюры для семнадцати человек. Впрочем, оркестр собрался с опозданием, и я пришёл первым. Играли её в медленном темпе, отчего Увертюра выходила вялой и скучной: теперь я понимаю, почему на прошлой репетиции оркестр отнёсся к ней холодно. Пришлось подогнать темпы, заставить делать ударения - и Увертюра пошла лучше. Затем без конца возились со 2-м Концертом. Оркестру он, по-видимому, нравился и после каждой части музыканты громко аплодировали. Всё же репетиция вышла довольно тяжёлой, так как мне большую её часть пришлось просидеть за фортепиано, ставя на место трудный 2-й Концерт.

После репетиции я чувствую себя усталым и днём отдыхаю дома. Впрочем, я устал с первого же дня приезда в Москву и так не приходил в себя в течение всех двух месяцев.

В пять часов явился Голованов и повёз нас к себе на Среднюю Кисловку для проигрывания и обсуждения «Трёх апельсинов». Пройдя через целый ряд сложных переходов, мы очутились в его квартире, очень просторной и меблированной не без роскоши. Голованов, вероятно, моложе меня, но живёт он с Неждановой, которой теперь за пятьдесят, и это она вытащила его в люди, причём он занимает положение выше своего таланта. Впрочем, он милый парень и, по-видимому, очень серьёзно интересовался постановкой «Апельсинов», клавир которых довольно недурно знал. Кроме нас присутствовали режиссёр Дикий (причём это, оказывается, не псевдоним, а так-таки и есть настоящая фамилия), и художник Рабинович. Последнего уже давно хвалил мне Сувчинский как художника и как человека, и действительно, он оказался человеком с большим шармом.

Мы сейчас же принялись за дело: я уселся за рояль, а Голованов и Дикий стали сзади с карандашами. Я играл, давал объяснения и сообщал находки и промахи предыдущих постановок этой оперы. Дикий строчил в своей записной книжке, а Голованов, с чрезвычайной непринуждённостью, моментально переводил мои темпы на метроном и вписывал их в клавир. Для меня это совершенно непостижимо, как это можно так, на ухо, определять цифру из метронома, и я не без недоверия косился на его заметки в клавире. Хотя мне помнится, что Черепнин рассказывал, что такая способность была у Римского-Корсакова, который очень гордился ею и

говорил, что у него «не только абсолютный слух, но и абсолютный ритм». Надо сказать, что все трое относились к предстоящей постановке с необычайной горячностью: им во что бы то ни стало хотелось переплюнуть ленинградскую постановку. Рабинович уже туда ездил «посмотреть, как не надо делать». Дикий же, наоборот, решил не ездить и не интересоваться, дабы не претерпеть никаких влияний. Насколько скептичен Голованов, находя, что сезон уже подвинут и едва ли до мая успеют поставить оперу.

Между первым и вторым актом, в виде отдыха, сели обедать. Голованов блеснул замечательным обедом с массой всяческих закусок и со старой польской водкой, на которую он просил обратить особое внимание. Я. впрочем, отпил только один глоток, Дикий же не без удовольствия опрокидывал рюмочку за рюмочкой.

Затем на сцене появился ангорский кот и фотографический аппарат с крайне светосильным объективом, которым можно было снимать даже при лампе, и к тому же со сравнительно короткой, во всяком случае не мучительной, выдержкой. Эта фотография впоследствии попала в газеты. Пташка в ней не участвовала, так как за ней заехал Цуккер и повёз её в оперную студию Станиславского, на «Царскую невесту». Мы же вернулись к «Трём апельсинам» и прошли второй акт.

Предполагалось, что по окончании второго акта я подъеду на «Царскую невесту». Оттуда даже звонили несколько раз, спрашивая, скоро ли я приеду, но мы провозились со вторым актом до половины одиннадцатого, я очень устал и мне показалось, что не стоило ехать на последний акт. Поэтому я отправился домой. Между тем оказалось, что туда надо было всё-таки поехать, там были в ожидании, приказали пропустить меня в зал даже во время действия и вообще приготовляли какую-то встречу. Пташка вернулась домой лишь в половине первого, так как спектакль затянулся, а после него была такая толкотня, что немыслимо было получить шубу. Я на неё обрушился, что из-за её выездов я не могу вовремя ложиться спать, между тем завтра с утра надо много заниматься. В результате на сон грядущий поссорились.

2 февраля

С Пташкой помирились. Вчерашняя постановка «Царской невесты» произвела на неё очень сильное впечатление. Пускай певцы и оркестр не на высоте, но интересен режиссёрский замысел и отделка каждого жеста. Вчера она сказала Цуккеру:

- Вот в таком театре я хотела бы работать.

Цуккер:

- Отлично. Хотите, завтра же подпишем контракт.

Словом, для этого Пташка готова переселиться из Парижа в Москву.

Звонил Кучерявый, которому я написал два слова, видя, что сам он не показывается. У него всё благополучно, но восторженный тон относительно того, что все должны возвращаться в СССР и работать над восстановлением, который был в его предыдущих письмах, заметно упал.

Я упражнялся на рояле и готовил вторую программу. Затем отправились в Большой зал Консерватории для того, чтобы репетировать с Фейнбергом вальсы Шуберта для двух роялей. Ждал его без конца, наконец он появился и начал с чего-то, вроде того, что «не думайте, что я опоздал». Оказывается, были какие-то препятствия, не то опаздывали часы, словом, в Большом зале уже репетировать было нельзя и мы пошли к Ламму, у которого квартира тут же при Консерватории и два рояля. Это тот самый Ламм, который аккомпанировал вещи Мясковского во время моих первых выступлений в Москве на концертах, устроенных Держановским.

Моё переложение вальсов Шуберта я слышу в первый раз, и по существу даже

не слышу, ибо занят ансамблем и старанием играть верные ноты, так как свою партию, конечно, не доучил. Пока мы играли, подошёл Мясковский и сам Ламм, и мы пили чай. Мясковский ругал Персимфанс и находил, что последний раз они аккомпанировали 3-й Концерт отвратительно.

Я:

- Но у них было смягчающее обстоятельство: у них выбыло из строя три музыканта, из числа самых нужных.

Мясковский:

- Вот именно! Оттого, что выбыли деревянные и струнные, медные попадали не в такт.

Мясковский хвалил Оборина как композитора. Не всё у него приятно, но как раз то, что считают у него неприятно, и есть талантливо.

Только что вышла из печати партитура 7-й Симфонии Мясковского - дивно издана Универсалем; наше издательство печатает хуже.

По возвращении домой застал Надю, которая принесла написанные на машинке листики с объяснениями, когда и почему приговорили Шурика.

Вечером никуда не пошли - не хотелось мотаться, да и надо было поиграть на рояле, а то 4-я Соната была, например, недоповторена.

3 февраля

Утром занимался и приводил в порядок вторую программу, главным образом 4-ю Сонату. Письмо от Горчакова с каракулями от Святослава. Бэби «охоший мальчик».

Днём заходил в Персимфанс. Там угрозная телеграмма от какого-то Воробьёва из Харькова, официального лица в украинском министерстве народного просвещения. В телеграмме сказано, что если на Украине я выступлю с концертами не от имени Украинских Государственных театров, то мои концерты будут запрещены. Я возмущён и говорю, что если так, то выступлю именно не от Гостеатров, а с частным импрессарио, и объявлю, что сбор от концерта поступит в пользу беспризорных. Пусть тогда посмеют помешать. Цейтлин однако смеётся и говорит, что из Харькова грозятся зря, ибо не имеют на это права.

Репетировал с Фейнбергом на двух роялях вальсы Шуберта. Идёт хорошо. Но говорят, хуже идёт на завтра продажа, может быть, потому, что в афише недостаточно ясно упоминали о новой программе, и публика думала, что я в третий раз жарю одно и тоже.

Вечер провели дома, так как программа не была доведена до должного совершенства, надо было позаниматься.

Пили чай с Моролёвым, с которым было приятно поболтать. На свою жизнь он ворчит, хотя, пожалуй, мог бы и не ворчать, так как многим другим хуже. Получает он всего сто рублей жалования, но имеет ещё вторую службу, где получает ещё сто. Кроме того, старшая дочка тоже начала служить и получает около ста, наконец он частной практикой подрабатывает ещё около ста. А четыреста в месяц - это вовсе неплохо.

4 февраля

Утром репетиция с оркестром, во время которой с меня производили кинематографическую съёмку, слопавшую в конце концов четверть репетиции, ибо сначала снимали меня со всем Персимфансом, причём мы в это время что-то фальшиво играли. Затем снимали меня одного. Тут уж меня окружили со всех сторон ослепительными лампами, которые не только слепили, но даже грели, и

заставили довольно долго играть «что-нибудь, где особенно прыгают руки». Я выбрал для этого финал 4-й Сонаты, там, где гаммы перехватываются по очереди обеими руками, и, разумеется, врал отчаянно, сбиваемый шипящими лампами и вертящим съёмщиком. Потом я подумал: а ну, как эта лента сохранится для потомства и, пожелав узнать, как это исполнял свои вещи композитор, её пустят замедленно. То-то ужас откроется тогда!

После репетиции нас с Пташкой отвели в фойе, она в леопардовой шубе, и, посадив нас рядом, заставили между собой беседовать, причём у меня слёзы текли от света. При демонстрации можно озаглавить эту фильму - сцена со слезами в семье Прокофьева.

Затем с Цейтлиным ездили в Управление по заграничным паспортам. Тов. Гирин был по обыкновению галантен и монденен. Между делом он сказал:

- А мы тут за вас должны были заступиться, - и объяснил, что в «Вечерней Красной Газете» появилась заметка о том, что Прокофьев просил вернуть ему советское подданство и ходатайство это было удовлетворено. Заметку эту я уже видел, и она мне очень не понравилась. Родилась же она, по-видимому, из того факта, что я подал заявление о заграничном паспорте. Я объяснил Гирину, что у меня даже были интервью на эту тему, мол, правда ли я ходатайствовал о советском подданстве и что на это я ответил:

- Неправда, ходатайствовать было совершенно излишне, ибо как в 1918 году я уехал с советским документом, так и вернулся теперь с таковым же. О чём же мне ходатайствовать?

Гирин сказал:

- Совершенно правильно, и в этом же смысле мы послали опровержение в «Вечернюю Красную Газету».

(Между прочим, я так и не видел, чтобы это опровержение появилось). Что касается до сегодняшних формальностей относительно заграничных паспортов, то понадобились какие-то дополнительные документы, которые взялся достать Цейтлин. Кроме того, Гирин рекомендовал предпринять кое-какие шаги в Наркомпросе, дабы я мог быть избавленным от уплаты четырёхсот рублей за два заграничных паспорта. Вернувшись домой, готовился к вечернему концерту, но доучить 4-ю Сонату всё-таки не удалось.

Вечером Большой зал Консерватории опять полон. Говорят, много купили билетов в последний момент, хотя возможно, что управление Персимфанса заполнило непроданные места даровою публикой. Впрочем, этот вопрос Цейтлин как-то замял, чтобы не произвести на меня дурного впечатления, а может затем, чтобы я его не винил за слишком частые насаждения одного концерта на другой.

Первым номером идёт 2-я Соната, которая сходит прилично. Затем - «Бабушкины сказки», причём я вру в третьей, то есть просто в течение двух тактов забываю, что надо играть правой рукой и потому играю только левой. Мясковский, к которому после концерта я бросился на шею со словами: «А как я заврался в третьей «Сказке»! - лукаво улыбнулся и сказал:

- И это было очень заметно. Но, впрочем, ничего, ничего. Вы ведь не играли фальшивых нот.

Помимо этого инцидента я играл остальные «Сказки» хорошо, «с чувством и настроением». Успех определяется гораздо ярче, чем в первой программе. После «Сказок» он очень большой.

В антракте прошу в артистическую никого не пускать. Сидит только Цуккер, который, очень довольный «Сказками» и их успехом, говорит:

- Вот именно такие вещи и надо давать публике.

В ответ на это я на него обрушиваюсь, говоря, что публику надо воспитывать, давая ей более сложные и значительные произведения, а он, которого я считал

одинакового со мной мнения, оказывается, проповедует подлаживание ко вкусам толпы.

4-я Соната, которую я играю неважно, следует после антракта. Первая часть мне кажется скучной и я играю её без удовольствия; вторую часть - лучше, хотя боюсь наврать в самом лёгком месте, то есть в середине; финал - скорее «декоративно», чем точно, как я потом доложил Мясковскому, но всё же большой успех.

Затем раскрыли второй рояль, и мы с Фейнбергом сыграли вальсы, которые сошли, по-моему, хорошо и после которых разразились такие аплодисменты, как и в концах предыдущих концертов. Я бисирую из двенадцатого опуса и затем отказываюсь, прося закрыть рояли, но ворвавшийся Яворский бурно требует повторения вальсов. По его приказу вновь открываются рояли и он, схватив ноты, первый бросается на эстраду, говоря, что будет перелистывать. За ним поплелись и мы с Фейнбергом и повторили вальсы к большой радости публики, хотя на этот раз играть было менее приятно, мне, по крайней мере, сидевшему у самого края эстрады, где столпилась масса народу, во время игры рассматривавшего руки и ноги.

В артистической ученики Яворского поднесли Пташке цветы.

5 февраля

Утром оркестровая репетиция. Увертюра идёт лучше. По совету Цуккера, который даже нарисовал план, пересадили семнадцать человек, исполнявших Увертюру, в новом порядке, а то они сидели на тех же местах, как и в оркестре, поэтому были далеки друг от друга, и получалось впечатление унылого полупустого оркестра. Теперь их посадили всех в кучу, причём арфы, согласно чертежу Цуккера, неожиданно для них, попали в первый ряд, что привело к забавному конфузу: оказалось, что сидя сзади, они играли свою трудную партию довольно приблизительно, когда же они оказались впереди, я два раза поймал их на неверных пассажах, они покраснели, смутились и сказали, что возьмут свои партии учить домой. В общем. Увертюру удалось подтянуть, но 2-й Концерт, с которым провозились большую часть репетиции, шёл ещё плохо.

Днём спал и занимался на рояле. Так как вчера было ещё анонимное письмо от другой русской женщины, на этот раз подписанное «Пава», и притом менее назидательного, но более эротического и даже демонического характера, с приложением телефона и просьбой позвонить, то мы с Пташкой забавлялись, что позвонит она, Пташка, и, заявив, что она мой личный секретарь, и прочтя это письмо прежде, чем докладывать его мне, желает знать, какого рода удовольствия и развлечения предлагает мне эта Пава. Впрочем, потом на это дело махнули рукой, так как по очереди начали приходить Держановский, Юргенсон и Кучерявый. Какой-то нетерпеливый женский голос требовал меня к телефону, но я не подошёл.

Юргенсон как-будто постарел, но, пожалуй, не очень для двенадцати лет, которые я его не видел. Говорит он довольно сложно, медленно и с отклонениями, что страшно затягивает разговор. Он занимает небольшую должность в Музсекторе и, таким образом, служит в том же магазине, владельцем которого он был в прежние времена. Разговор вёлся не особенно громко, так как неизвестно, кто жил в соседнем номере, от которого нас отделяла запертая дверь.

Дело сводилось к следующему: после национализации его издательских прав в России, он передал свои заграничные права своему приятелю, германскому издателю Форбергу, который на основании этого перепечатал и продаёт за границей целый ряд сочинений, в том числе и все мои, раньше изданные у Юргенсона, за исключением 1-го Концерта. За это он время от времени переводит Юргенсону

некоторые суммы, впрочем небольшие и неособенно аккуратно. О какой-нибудь отчётности нечего и думать, так как это делается полулегально.

Цель моего разговора - устроить так, чтобы эти права перешли от Форберга в наше издательство с тем, чтобы авторские права, которые я буду получать от продажи этих сочинений, я делил бы пополам с Юргенсоном, то есть каждый из нас получал бы по 12,5% от продажи. Некоммерческая идея нашего издательства гарантировала бы Юргенсону корректность расчёта. Юргенсон охотно согласился на это, но сложность заключалась в том, чтобы заставить Форберга отдать свои права нашему издательству. «Хотя Брут бесспорно честный человек», но всё же он истратил деньги на перепечатку этих сочинений и под этим предлогом мог бы всячески увиливать. Юргенсон взялся написать ему, причём просто написать было невозможно, ибо письмо могло быть перехвачено цензурой, а надо было действовать какими-то окольными путями, кажется, через кого-то в германском посольстве.

Кучерявый явился ещё более толстым, чем я его знал по Америке, и я ему вручил автоматическое перо и карандаш, которые по его просьбе привёз из-за границы. Бодрое настроение его первых писем по приезде в Советскую Россию, когда он принял пост директора клееваренного завода в Москве, ныне сильно упало. Работать невозможно. Все лентяи, чиновники и формалисты, нужна частная инициатива, иначе дело совсем замёрзнет, уже не говоря о том, что ладить с коммунистами, которые всё время контролируют и шпионят - чистое мучение. Переходя на английский язык и понизя голос, он прибавил:

- Здесь каждый шестой человек - шпион.

Вечером за нами зашёл Цуккер и мы отправились в гости к Каменевой, сестре Троцкого и жене советского посла в Риме. Сама она - глава культурной связи с заграницей, то есть должна показывать лицом культурный товар советской России и, с другой стороны, вводить в Россию из-за границы то, что для неё полезно с советской точки зрения.

Так как Каменева имеет жительство в Кремле, то нам были выданы особые пропуска, и это путешествие в Кремль само по себе не было лишено интереса. Мы отправились пешком и, подходя к Кремлёвским воротам, предъявили наш пропуск в окошечко. После выполнения каких-то формальностей - в точности не знаю каких, так как выполнял их Цуккер, а я тем временем переминался с ноги на ногу от страшного мороза, - мы прошли через ворота, где стояли солдаты с ружьями с переливавшими на морозе штыками. Странное ощущение было, когда мы вступили в красный Кремль - соединение старины с самой революционной новизной, собирающейся отсюда перестроить весь мир.

Между тем, Цуккер шагал рядом и, захлебываясь, объяснял:

- Вот прошёл такой-то, это министр того-то, а вот здесь Ленин сделал то-то, а вот тут живёт Демьян Бедный.

- Скажите пожалуйста, как важно, в самом Кремле, - сказал я.

- Он старый коммунист, - объяснил Цуккер, но жить в Кремле вовсе не так удобно, ибо если он хочет пригласить кого-нибудь к себе, то постоянная возня с пропусками.

После ряда длинных коридоров одного из огромных кремлёвских зданий несколько министерского типа, мы остановились у двери Каменевой. Нас ввели в переднюю, довольно нелепую, а затем в огромную и очень комфортабельную комнату с великолепными креслами и диванами, и множеством шкапов и полок с книгами. Ввели нас с лёгкой торжественностью, чувствовалось, что мы в высоком месте и почтение носилось в воздухе.

Сама Ольга Давыдовна показалась мне живой и приятной дамой, несколько американского типа, в чём, однако, Пташка со мной не согласилась, не находя её

ни приятной, ни американской. Тут же был Карахан, затем явился Литвинов с женой. Оба они очень любят музыку и кое-что понимают в ней. Карахан объявил мне, например, что у него в Китае было Duo Art и среди роликов много сделанных мной и что по вечерам, отдыхая от своей работы, он любил слушать мои сочинения. Страшно трогательно: Карахан, насаждая китайскую революцию, черпал свой отдых и новые силы под звуки моих сочинений.

Цуккер осторожно подполз ко мне и дал понять, что хорошо было бы, чтобы я немного поиграл, что я и сделал, даже не без удовольствия, так как всем присутствующим, по-видимому, очень нравилась моя музыка. Я им играл главным образом мелкие вещи, в промежутках между которыми шли беседы с Литвиновым и Караханом. Они расспрашивали про заграницу и про мои впечатления об СССР. А я им ругал то, что плохо за границей, и хвалил то, что хорошо в СССР, не выходя, разумеется, из рамок искусства. И таким образом выходило, что мы в сущности во всём согласны.

После этого хозяйка пригласила пройти в столовую поужинать. Стол был сервирован ни богато ни бедно, но, во всяком случае, беспорядочно. На салфетках стояли инициалы А.III. Подавала горничная, но её звали по имени и отчеству. Кроме Литвинова и Карахана за столом ещё несколько человек, малозамечательных, в том числе сын Каменевой, совсем молодой человек, и его жена, ещё моложе, с виду девочка лет пятнадцати, но на самом деле несколько старше. Она ученица балетной школы и очень интересуется моей музыкой, но, к сожалению, вернулась домой сегодня слишком поздно и не слышала моей игры.

После ужина Каменева просит меня поиграть специально для этой девицы. Тут я решаю, что надо держать тон и отвечаю, что сейчас уже поздно, что, кроме того, устал. У девицы капризно вытягивается лицо. Я назидательно говорю:

- Надо возвращаться домой вовремя.

Но она, оказывается, не могла вернуться вовремя, так как должна была где-то танцевать. Я говорю:

- В таком случае вы меня услышите на одном из ближайших концертов.

Но оказывается, что по вечерам она вообще занята, и Каменева всё-таки просит меня сыграть ей. Я отвечаю несколько нетерпеливо:

- Я тоже занят завтра утром на репетиции и мне нужно иметь свежую голову и крепкие пальцы, - и прибавил: - если вам очень хочется меня слышать, то вы всё равно сможете устроиться, а если не сможете, то значит вам вовсе не так хочется меня слышать. В таком случае не стоит, чтобы я вам играл и сейчас.

После этого начинаю прощаться. Кажется, разговаривать с принцессами крови не полагается так и моё упорство произвело на Каменеву неприятное впечатление, но я рад, что поставил девчонку на место.

Однако уйти сразу не приходится: оказывается, что уже первый час ночи, наш же пропуск годен только на тот день, на который он выдан, то есть до двенадцати часов, а без пропуска обратно не выпустят, поэтому надо звонить в комендатуру о новом пропуске. Литвинов любезно предлагает подвезти в своём автомобиле, так как он живёт вне Кремля.

- Со мною у вас пропуска не спросят, - прибавляет он.

Словом, ещё пьём чай и я нетерпеливо жду, когда приедет за Литвиновым автомобиль, потому что мне хочется спать, а завтра рано репетиция. Наконец докладывают, что автомобиль подан, мы прощаемся с Каменевой и идём по бесконечным коридорам. Мадам Литвинова почему-то несёт свои ботинки в руках, кажется, потому что они грязные и она не хочет пачкать коридора. В просторный лимузин Литвинова нагружается он с женой, я с Пташкой, Карахан и Цуккер.

- Как я люблю этот тихий Кремль, - мечтательно говорит жена Литвинова.

Зная, какую бурную деятельность проявляет этот Кремль, мне курьёзно

слушать это наивное восклицание.

В кремлёвских воротах часовой останавливает наш автомобиль. Литвинов, Карахан и Цуккер вынимают свои постоянные пропуска. Мы сидим, забившись вглубь автомобиля. После этого автомобиль трогается дальше и Литвинов отвозит нас в «Метрополь».

Дома мы ещё делимся впечатлениями. Пташка справляется, кто этот любезный чёрный господин, который так тряс её руку. Я объясняю, что это тот самый Карахан, который возмутил весь Китай. Пташка изумлена и передаёт забавный разговор жены Литвинова.

- Вы знаете, - говорила ей последняя, - в Париже так трудно с шофёрами: ведь там все белые шофёры.

Пташка только что собиралась ей объяснить, что в Париже чёрных почти не бывает и что только в Нью-Йорке разве есть негры среди шофёров, но жена Литвинова пояснила свою мысль:

- Ну конечно, каждый третий шофёр - врангелевский офицер и того гляди, когда дам адрес советского посольства, откажется везти, да ещё надерзит.

Затем мадам Литвинова пригласила Пташку непременно навестить её, по-видимому, пленённая возможностью поболтать по-английски.

6 февраля

В девять часов репетиция с оркестром и учение 2-го Концерта. По окончании репетиции спрашиваю у Цейтлина совет, принимать ли предложения Тутельмана на шесть концертов по Украине. Тутельман, тот самый, который приезжал два года назад в Париж вместе с Б.Б.Красиным и который мало понравился мне во время парижской встречи, пользуется неважной репутацией и в Москве. Год назад он не без скандала вылетел из Росфила, но, будучи человеком крайне ловким, попал в дирекцию Украинских Государственных театров. На мой вопрос Цейтлин сказал, что Тутельман, конечно, маложелательное лицо, но поскольку он предлагает контракт от имени Украинских Гостеатров, обмана быть не может, а раз он обязуется платить в долларах и гонорар предлагает хороший, то можно согласиться.

Возвращаясь в «Метрополь», встретил Меклера. Он был в большом волнении, ибо ему не хотелось уступить меня Тутельману, между тем он уже пронюхал, что Тутельман ходит вокруг меня. Меклер горячился, предлагал по тысяче рублей за выход в провинции, а в Москве и больше, и даже совал мне в руку в виде задатка, без расписки, тысячу рублей, лишь бы закрепить дело. В подтверждение того, что он международный менеджер, показывал телеграмму от Жиля Маршекса, в которой последний соглашался на двадцать концертов по сто десять рублей за концерт. Бедный Маршекс, так хваставшийся в Париже своими потрясающими успехами в России: сто десять рублей, да ещё полупочтенного импрессарио! Впрочем, на французский взгляд это уже кое-какой гонорар. Несмотря на международную телеграмму и на гонорар в десять раз больше против неё, я возвратил Меклеру сунутые мне в руку тысячу рублей и отделался от него неопределёнными восклицаниями.

Когда я поднялся в номер, то зазвонил телефон от Тутельмана. Не будучи в состоянии сразу взвесить все предложения, я и тут мялся и попросил Тутельмана отложить разговор до завтра. Завтра во всяком случае надо будет решить, потому что Тутельман уезжает на юг, а я в Ленинград.

Днём спал: вчера легли в два, сегодня вскочили в восемь, всё утро репетиция, затем продажа себя на Украину - в результате усталость и тяжёлая голова.

В пять часов я отправился в Большой театр, куда был приглашён специальной запиской от дирекции для обсуждения предстоящей постановки «Апельсинов».

Заседание происходило в ложе дирекции, точнее говоря, в гостиной, примыкающей к большой боковой ложе дирекции. В этой ложе также довольно часто сидят члены советского правительства. Нередко по окончании спектакля, они запирались в этой гостиной и решали государственные дела. В этой же гостиной вершились и дела театральные.

Придя на заседание, я по существу знал только Голованова, Рабиновича и Дикого, причём и Рабинович, и Дикий были в Большом театре новичками, в первый раз вступая в него. Понемножку, во время хода заседания я разобрался кто есть кто. Директор, коммунист Бурдуков, старый партиец, ничего в театральном деле не понимающий, являлся каким-то инородным шипом, вогнанным правительством в живое тело театра. Он был раньше, кажется, военным и это помогало ему в том смысле, что он умел как-то решать и командовать. Впрочем, держал себя он прилично, даже скромно, старался сглаживать разноголосицу всех артистов и произвёл на меня скорее симпатичное впечатление. Гораздо менее симпатичное впечатление произвёл на меня Лосский, главный режиссёр, которому, по-видимому, не нравилось появление на подмостках Большого театра нового режиссёра - Дикого и который тихим голосом всё время вставлял палки в колёса.

Кроме вышепоименованных лиц, был хормейстер, старик Авранек, и несколько человек, представителей технической части, освещения, бутафории и пр.

Цель заседания - выяснить, можно ли поспеть поставить «Апельсины» в течение этого сезона. Дикий требовал несметное количество репетиций, и Лосский сразу же дал понять, что с этим количеством репетиций нечего даже и думать поставить «Апельсины», хотя бы даже в мае. Говорили ещё о Голованове - об оркестровых репетициях, Рабинович - о декорациях, Авранек - о хорах, и технический персонал - о бутафории и костюмах, я же по существу лишь пассивно присутствовал и иногда лишь направлял то Дикого, то Голованова, подсказывая им мои мнения в полголоса.

Поперёк дороги стоял ещё «Красный мак», революционный балет с музыкой Глиэра, который на очереди шёл раньше «Апельсинов», но, по-видимому, Бурдуков получил какую-то инструкцию свыше, чтобы «Апельсины» шли как можно раньше, и потому он всячески настаивал на том, чтобы «Апельсины» были поставлены до первого июня. Не поэтому ли он мне показался симпатичным человеком? А может быть в поспешности Бурдукова сыграло роль желание переплюнуть этой постановкой постановку ленинградскую, с надеждой повезти в заграничную поездку московские «Апельсины» вместо ленинградских. Словом, заседание закончилось благополучно, с намерением приложить все усилия, чтобы «Апельсины» пошли в мае.

После заседания я вернулся домой, чтобы взять Пташку. К нам присоединился Рабинович и мы пешком отправились к Голованову обедать. По дороге Рабинович с увлечением рассказывал о своём проекте выкрасить Москву:

- Москва имеет отвратительный вид, - говорит он. - Масса домов облупившихся, давно нечиненных, и не скоро она застроится и примет надлежащий вид. А между тем, если всю её выкрасить согласно известному плану, то какой может получиться эффектный город. Вообразите, целая синяя улица, а другая пересекает её в две краски...

Мне этот проект очень понравился, но, конечно, это только проект.

У Голованова собрались те же лица, но присутствовала ещё Нежданова, с которой особенно хотела познакомиться Пташка, зная о той славе, которой пользовалась неждановская колоратура. Нежданова уже пожилая дама, очень высокого роста, очень милая. Говорят, она уже теряет голос, но Голованову хочется, чтобы она пела Нинетту - куда же с таким ростом влезать в апельсин!

Сегодня был такой же изумительный обед, как и в первый раз. К концу обеда

подъехал Держановский и увёз Пташку к себе, так как по воскресеньям у них собираются, и он непременно желал, чтобы присутствовала Пташка - очень жаль, что без меня, но тем более за нею будут ухаживать молодые композиторы.

По окончании обеда я сыграл третий и четвёртый акты «Апельсинов», причём, как и в прошлый раз. Голованов блистал «абсолютным ритмом» и на основании моей игры ставил метрономические обозначения, а Дикий записывал все мои замечания в записную книжку.

В одиннадцать часов прохождение оперы было закончено и я вернулся домой усталый и с тяжёлой головой. Заснул я как убитый. В час ночи раздался оглушительный звонок по телефону. Я долго сидел на кровати, ничего не соображая. Когда же подошёл к телефону, то оказалось, что это никто.

7 февраля

Проснулся усталый и ленивый, но понемножку разошёлся. Опять репетиция, но я пошёл не к началу. Учили главным образом 2-й Концерт, который удалось довести до значительной степени ясности. Для меня эти репетиции 2-го Концерта были не менее полезны, чем для оркестра, так как они мне дали возможность самому выграться в эту труднейшую штуковину и хорошо согласоваться с оркестром. В конце репетиции прошли ещё раз Увертюру. В зале Держановский, Голованов, затем Тутельман с контрактом, исправленным согласно моим вчерашним желаниям.

По окончании репетиции я удалился с Цейтлиным и, прочтя с ним контракт, подписал его. Таким образом, через месяц я еду на шесть концертов на Украину. Украинские Государственные театры на мне, конечно, наживутся, но то, что они предлагают - тоже сумма, к тому же в долларах, прямо чеком на заграницу.

По возвращении в «Метрополь», телефон от Хаиса, того самого ловкача, который умудрился мне выплатить за ленинградские концерты вдвое меньше, чем Тутельман платит мне за провинцию. Хаис только что явился из Ленинграда и желает засвидетельствовать мне своё почтение. Под предлогом, что очень занят, я отвечаю, что, к сожалению, не могу сейчас принять его. Однако оказывается, что Хаис уже в «Метрополе» и звонит мне снизу, кроме того, он имеет письмо для меня от Асафьева. Я отвечаю, что должен сейчас уходить и что, если он хочет меня подождать минуту, то я сейчас спущусь. Через пять минут я спускаюсь, обмениваюсь с ним несколькими официальными словами и ухожу.

Вечером концерт - вторая симфоническая программа. Весь Большой зал Консерватории продан. Первым номером идёт Увертюра оп.42. Все семнадцать музыкантов стараются по мере сил и возможностей, но всё же Увертюра проходит без блеска и успех малый. Вообще эта Увертюра была задумана для Эолианского зала[8] на двести пятьдесят человек и, разумеется, в зале в десять раз большем она растворяется в бедность.

По окончании Увертюры долго переставляют пюпитры и затем я выхожу играть 2-й Концерт. Я волнуюсь и рассуждаю с собой: из-за чего собственно? Из себялюбия, разумеется: что скажут, если сам Прокофьев изоврался? Доказываю себе, что платформа неверная: ну, ошибся, и неважно, Концерт всё равно остаётся тем же. Рассуждения помогают и я выхожу играть довольно спокойно. Однако это спокойствие не удаётся сохранить в наиболее трудных местах: в каденции, именно в колоссало, а также в начале третьей части, со скаканием руки через руку, - вру. Свинство. Впрочем, остальное играю хорошо и с подъёмом. Очень большой успех определяется сразу же после первой части. Перед скерцо немножко отдохнули. После скерцо крики «бис», но бисировать я, разумеется, не могу. После Концерта

[8] Aeollian-Hall, концертный зал в Нью-Йорке.

успех колоссальный. Совершенно очевидно, что он производит впечатление гораздо более сильное, чем Третий. После того, как я несколько раз выхожу кланяться, а оркестр всё ещё сидел на местах, Цейтлин шёпотом предлагает повторить скерцо. Я всё ещё чувствую себя неотдохнувшим, но триумфальное настроение зала и даже оркестра придаёт силы. Повторяем скерцо, на этот раз загнав его и чуть-чуть смазав.

В артистической Яворский с бурными встречами, затем Мясковский, мадам Литвинова. Тут же Надя Раевская и странно было видеть обеих рядом: одну - англичанку, несущую ботинки в руках и какими-то пружинами судьбы вынесенную на положение жены министра; другую - аристократку, с мужем в тюрьме, и не знающую, как вытянуть его оттуда. Однако знакомить их было бы неосторожно, и пришлось разговаривать то с одной, то с другой. Затем меня отозвали в сторону и познакомили с Сосновским, важным коммунистом, статьи которого пользуются большим влиянием и о котором Цуккер говорит с почтением в голосе. Сосновский спрашивает меня, прочёл ли я революционную поэму, которую прислали мне комсомольцы. Я всячески выпутываюсь, потому что действительно какую-то книжку мне прислали на адрес Персимфанса, но я так её в правлении Персимфанса и оставил. Сосновский необыкновенно скучным тоном бубнит мне о достоинствах комсомольской книжки и о желательности, чтобы я обратил на неё внимание. Я же в это время думаю: неужели так томительно скучны вожаки коммунизма и книги, ими рекомендуемые.

Наконец публика начинает расходиться из артистической, и Сосновский от меня отваливается. Начинается второе отделение концерта, сначала Марш и Скерцо из «Трёх апельсинов», в качестве «любимейших пьес народа», затем Сюита из «Шута». Я сижу в артистической и через щели тоненькой перегородки отлично слышу её. Сюита звучит хорошо. По окончании - громкие вызовы. При моём выходе на эстраду - целое торжество: оркестр играет туш, зал встаёт и орёт оглушительно. По окончании концерта надо ехать ещё в Рабис, то есть в клуб работников искусств, где меня давно просили сыграть хоть несколько пьес. Оказывается, я обещал играть сегодня после концерта, о чём мне энергично напоминают.

Пташка, я и Цейтлин отправляемся туда. Идём пешком, так как это совсем рядом, где-то в переулках около Никитской. Вокруг расходится публика с концерта, оживлённо обмениваясь мнениями,

В Рабис какая-то странная публика, есть совсем зелёная молодёжь, есть малоинтеллигентные лица, но оказывается, сейчас здесь съезд и оттого такой пёстрый состав. Я нетерпеливо прошу, чтобы мне дали поскорее сыграть мои пьесы и отпустили домой. Публику, циркулирующую по всему помещению, быстро сгоняют в зал, затем я играю пять коротких номеров и, несмотря на аплодисменты и крики «бис», стремительно уезжаю домой.

Завтра мы должны наконец тронуться в Ленинград. Оттуда уже письма, телеграммы и полное расписание нашего времяпрепровождения на всё наше пребывание, которое сделал Асафьев.

Между прочим, там пойдёт и 8-я Симфония Мясковского. Сегодня я спрашивал его, приедет ли он, но Нямочка всё пролечил на зубы и, кажется, поехать ему не удастся. Мне страшно хочется предложить ему денег на поездку. Ведь в сущности, сейчас они поступают ко мне без счёта и числа, но я не знаю, как к нему подступиться так, чтобы не обидеть.

8 февраля

Вчера отыграли вторую программу, сегодня мы уезжаем в Ленинград, и всё-таки репетиция. Четырнадцатого пятилетний юбилей существования Персимфанса,

посему торжественный концерт, на котором они играют только две вещи, два своих конька - «Скифскую сюиту» и «Экстаз»[9]. Сегодня меня просили непременно прийти на репетицию «Скифской сюиты», чтобы проверить, так ли они играют, как хочет автор. И действительно, мне пришлось исправить не один темп и расставить множество акцентов, что придало большую рельефность исполнению. Репетиция происходила так: они играли, а я разгуливал по залу и в нужный момент останавливал их.

- Ах, вот оно что, - радостно кричал Цейтлин после моего замечания и затем передавал «замечание Сергея Сергеевича» оркестру.

В «Восходе солнца» Табаков выдувал изумительные си-бемоли.

Завтракать мы с Пташкой отправились к Сараджеву, который давно добивался, чтобы мы у него побывали, и хотя времени у нас было страсть как мало, всё же первому исполнителю моих сочинений в Москве отказать было нельзя, тем более, что Сараджев, ныне уже седеющий, так-таки в большие дирижёры и не вышел, несмотря на свои огромные музыкальные данные, и потому чувствовалось, что в нём жила какая-то обида на окружающий музыкальный мир.

Сараджев занимает огромную комнату, похожую на большую студию художника, в здании Филармонии. Его дочки, которые в былые времена премьеры «Снов» ходили под столом, теперь стройные и очень милые молодые девушки. О Котике, в те времена девятилетнем мальчике, имевшем целый альбом пребойких пьес для фортепиано, я боялся спрашивать. За границей до меня доходили смутные слухи, что он страдает падучей и вообще какой-то безумец.

Завтракали ещё Мясковский и Держановский, которые немедленно затеяли нескончаемый спор о значении Персимфанса. Ясно, что дом всякого дирижёра был враждебной территорией для оркестра, обошедшегося без такового. Я мало вмешивался в этот спор, но в защиту Персимфанса всё же выдвинулась важность верных нот, которые играет этот ансамбль, а отсюда и проистечение лучшей звучности у оркестра.

После очень вкусного завтрака (вообще в Москве завтраки и обеды были один лучше другого) перешли к роялю, и Сараджев попросил сообщить темпы и мои пожелания в «Классической» Симфонии и Сюите из «Апельсинов». Дело в том, что ловкий Держановский, несмотря на лапу, наложенную на меня Персимфансом, успел отхватить для Ассоциации Современной Музыки московскую премьеру «Классической» Симфонии, которой и будет дирижировать Сараджев. Сараджев и тут блеснул своим музыкантским глазом и указал мне одну опечатку в моих печатных партитурах, внимательно мою прокорректированных.

Появился Котик, ныне молодой человек с бородой, со странными глазами и несколько странным манерами. Я не знал, как и о чём с ним говорить, и вообще его появление внесло какую-то неловкость. Однако пора было уходить, так как в «Метрополь» должна была явиться целая цепь визитёров, затем надо было собирать чемоданы и ехать в Питер.

Визитёры были расположены у меня в порядке, как у зубного врача, по полчаса на каждого. Но, как и полагается русским визитёрам, все они опоздали, сбились в кучу и потом были недовольны, что один мешает другому.

Первым номером явилась Чернецкая, та самая, которая своим балетом должна была перевернуть весь мир. Она появлялась в артистической на нескольких моих концертах, каждый раз добиваясь свидания, дабы рассказать мне свои проекты. Я в них ни на волос не верю, да и отзывы окружающих были о ней весьма посредственны, но Чернецкая была женщина настойчивая, демоническая, к тому же бывшая любовница Луначарского, и сверх того, отложившая на день свой отъезд,

[9] «Поэма экстаза» А.Н.Скрябина, Оп.54.

лишь бы прочесть мне свой манускрипт, - словом, пришлось её принять. Содержание балета было довольно сложно и изложено весьма подробно, так что на прочтение его требовалось минимум сорок минут. Это был сладкий советский сюжет, с благородными рабочими, развратными банкирами, фабриками, люксозными апартаментами буржуев и пр., т.е. всем тем, отчего теперь уже тошнит даже самых заядлых коммунистов. Чтение второй половины балета происходило при самой ужаснейшей для Чернецкой обстановке, ибо я видел, что это никуда не годится, между тем в номере появились следующие посетители, всё время звонил телефон, а Пташка отказывала какому-то интервьюеру, который опоздал против своего времени, словом, ад для чтеца, но Чернецкая с отчаянием продолжала читать, а я из приличия слушал её одним ухом, дивясь её геройству. Впрочем, надо сказать, что отдельные моменты были задуманы не без таланта, однако как-то странно опаздывали против событий: балет цифр на бирже, то возносящий, то низвергающий банкиров, был задуман неплохо, но ведь цифры поют и пляшут уже в последней опере Равеля, хотя об этом она могла и не знать; фабрика, приходящая в движение балетным образом – тоже неплохо, но ведь это мы с Якуловым использовали в моём последнем балете для Дягилева, чего опять-таки она не знала... Когда я обо всём этом сообщил ей, у неё прямо опустились руки и она растерянно сказала:

- Я этого не знала, вы меня убили.

Но по крайней мере одним ударом дело было ликвидировано.

Следующим пришёл Разумовский, секретарь московского общества авторов, очень милый господин, с которым я уже был в переписке из-за границы. С ним надо было решить целый ряд вопросов: о пресечении перепечатки моих сочинений на Украине, о получении мною процентов за исполнение моих сочинений в концертах, о том, чтобы они не делали отчислений в свою пользу с авторских гонораров, которые я получаю в Мариннском театре помимо них. Разумовский сообщил мне, что сборы первых двух концертов (симфонических) были по две с половиной тысячи рублей, а с клавирабенда по три с половиной тысячи рублей. По-видимому, за моё пребывание в СССР я получу одних авторских отчислений с концертов более тысячи рублей.

Мелькнуло ещё несколько лиц, затем пришёл Цуккер. Я спросил, как дело Шурика, он ответил, что данная мною справка лежит у него на столе и что он всё время помнит об этом деле, но что лицо, к которому надо обращаться, сейчас в отъезде и вернётся дня через четыре. У меня начинает возникать сомнение, не старается ли Цуккер отвертеться от этой щекотливости.

Между тем Пташка всё время укладывает вещи, торопимся и суетимся. Отельный посыльный представляет счёт за утюжку брюк – два рубля. Я возмущаюсь и говорю, что это эксплуатация. Он говорит:

- Такой тариф.

Я:

- Таких цен не существует ни в одной стране, даже в Америке, и такой тариф не может существовать. Для того, чтобы загладить брюки, требуется десять минут - значит портной зарабатывает двенадцать рублей в час. Тогда почему вся Москва не гладит брюки?

В дело вмешивается Цуккер, но посыльный ему дерзит. Цуккер чувствует себя до мозга костей коммунистом, т.е. офицером Л.Гв. Его Величества, и заявляет, что подобное его поведение будет сообщено в Профсоюз и ему будет нагоняй. Не знаю, чем это кончается, но я за брюки не плачу и мы в таксомоторе выезжаем на вокзал, причём Цуккер нас провожает.

На Николаевском вокзале, ныне Октябрьском, вижу Чернецкую, которая тоже едет в Ленинград, кажется, в связи с сегодняшним балетом, ибо она говорила мне,

что читала балет Луначарскому, и тот дал ей горячую рекомендацию к Экскузовичу. Очутившись на платформе, я с любопытством рассматриваю скорый поезд, с которым мы должны ехать. По путеводителю я уже знаю, что он сохранил свою довоенную скорость. Но состав вагонов сильно изменился. Раньше он был такой корректный и нарядный, теперь, правда, первый вагон, который мы видим, - спальный международного общества, но затем следует нескончаемое число вагонов третьего класса, ныне «жёстких», и только где-то далеко один вагон второго класса.

У нас маленькое купе международного общества. Цуккер, стоя с нами у входа, замечает:

- В вашем же вагоне едет Экскузович.

Я говорю:

- Ах, это очень кстати.

Мы прощаемся и поезд трогается.

Направляясь по коридору к нашему купе, я здороваюсь с Экскузовичем, но не очень смело, не будучи уверен, он ли именно это. Видя при этом некоторое удивление на лице Экскузовича, я решаю, что поздоровался с чужим человеком, и спешу пройти в наше купе. Минут через пятнадцать я снова выхожу в коридор и вижу рядом в коридоре Экскузовича: это действительно он. Но теперь он разговаривает с какими-то лицами и некоторое время выдерживает тон, не обращая на меня внимания, по-видимому, обиженный моей странной встречей с ним. Помилуйте, он поставил «Три апельсина», и так замечательно, а вдруг автор с ним еле поздоровался и сейчас же помчался дальше! Его разговор с соседями длился минут десять, затем он сразу повернулся ко мне с какой-то любезной фразой. Из купе появилась Пташка, перед которой он расшаркался как настоящий дамский кавалер, и затем разговор затянулся на целый час.

Экскузович подтвердил, что он собирается везти «Апельсины» в Париж и даже начал задавать мне вопросы о разных технических деталях, как, например, о цене билетов в Гранд Опера и о размерах полного сбора, на что я, разумеется, не смог ему ответить. Очень интересовался моим новым советским балетом - нельзя ли его как-нибудь выцарапать от Дягилева к предстоящему в будущем сезоне десятилетнему юбилею Октябрьской революции. Говорил, что у них замечательная новая балерина, совсем юная девушка, и что, конечно, надо приложить все усилия, чтобы Дягилев не выкрал её за границу. Вообще Дягилев рисуется какой-то хищной птицей, которая стремится выклевать всё, что ни появляется хорошего.

Около часу ночи разошлись наконец по нашим купе, причём Экскузович напомнил, что послезавтра дают «Апельсины» специально по случаю моего приезда. Я об этом уже знал по письмам Асафьева. Пташка нашла Экскузовича интересным собеседником и человеком не без шика.

9 февраля

Вскочил я в восемь часов, дабы успеть выбриться и посмотреть в окно на окрестности Петербурга, столь мне знакомые. Однако под толстым покровом снега я многого не узнал, в том числе и Саблина, моего знаменитого Зеда.

Десять часов - Ленинград. На платформе встречают Асафьев, Оссовский, Щербачёв, Дешевов и ещё человек шесть незнакомых - представителей от каких-то музыкальных групп. Пока носильщик вытаскивал наши чемоданы, а я обнимался с друзьями, Экскузович быстро простился и со своим чемоданчиком быстро умчался вперёд, но когда мы двинулись по платформе к выходу, то вскоре нас встретил Экскузович с группой людей и, знакомя меня с ними, сказал:

- Вот, Сергей Сергеевич, вас встречают представители от Актеатров.

Я со всеми ими раскланялся и затем мы расстались до завтра - на «Апельсинах».

Асафьев сказал:

- Ну и ловкий же этот Экскузович! Конечно, они приходили для доклада своему директору, а он сейчас же воспользовался, чтобы устроить встречу тебе.

Мелькает знакомый вокзал и нас сажают в автомобиль. Ленинград покрыт снегом, погода ясная и это придаёт ему чистый, опрятный вид. Бегемотообразный памятник Александру III - его оставили в назидание коммунистическому потомству о том, какие нескладные были цари. Едем по Невскому, я ощущаю радость и волнение. Памятник Екатерине тоже на месте и эта площадь с Александринским театром очень красива. В Гостином Дворе бросаются в глаза многие заколоченные магазины. Поворачиваем на Михайловскую, ныне улица Лассаля, и останавливаемся у «Европейской» гостиницы. Автомобиль заламывает какую-то огромную цену и отельный швейцар платит ему половину.

В «Европейской» гостинице нам оставили просторный номер с большой ванной и с кроватями в той же комнате, но отделёнными занавесками. Номер этот значительно просторней московского, но московский был чистенький, с иголочки и вид из него был изумительный. «Европейская» же гостиница как-будто несколько обветшала со времени своей былой славы, хотя по-прежнему остаётся лучшей в городе.

С нам приезжает также Асафьев и мы вместе пьём кофе. Асафьев страшно радуется и ещё раз объясняет мне составленный им план моего пребывания в Ленинграде. Особенно он заботится, чтобы один день был отдан всецело ему и чтобы мы этот день провели у него целиком в Царском.

Затем вновь появляется Оссовский и Щербачёв. Я чрезвычайно рад видеть Оссовского, который остался таким же мягким и обходительным, и лишь чуть-чуть поседел. Внимание Щербачёва меня удивляет, так как в былое время в Консерватории и после неё я мало имел с ним соприкосновений, но теперь Асафьев объясняет, что Щербачёв - ближайший его помощник во многих музыкальных делах.

Появляется Малько. Он такой же бойкий, как всегда, хотя и постарел. Вообще иные лица за десять лет изменились мало, другие - наоборот, и когда сравниваешь последних с их образам, оставшимися в памяти, вдруг видишь, сколько воды утекло. Малько теперь директор Филармонии, заместитель ушедшего Климова. Таким образом, в истории с обыгрыванием меня в смысле гонораров у Малько оказалась преудобная позиция:

- Я что? Я ничего - это мой предшественник, и его смета уже утверждена.

Малько пробыл недолго, рассказал несколько смешных историй совсем ровным
голосом и ушёл. Его сменил Дранишников. Вот этого время никак не коснулось: такой же молодой, весёлый - тяжёлые годы только несколько обточили его и сделали более привлекательным. Он сразу же стал захлёбываться «Апельсинами» и бойко объяснять, какие перемены и улучшения внёс он при постановке их. Впрочем, большая часть в мелочах, но потом вдруг оробел и просил завтра при слушании быть не слишком придирчивым.

Так как время приближалось к часу, то я оставил всех завтракать, т.е. Асафьева, Дранишникова, Щербачёва и Оссовского. Последнему давно уже было пора в Консерваторию по своим инспекторским обязанностям, но он позвонил, что не придёт. Завтрак длился до четырёх с половиной часов, затем все снялись с якоря. Пташка очень устала и легла отдохнуть, я же горел нетерпением поглядеть на Петербург и потому вышел вместе со всеми. Мы прошли Михайловскую улицу и повернули по Невскому направо - по направлению к Адмиралтейству. Всюду мои афиши, двух типов, одни объявляют о двух симфонических концертах, другие - о двух реситалях.

За долгие годы странствования за границей я как-то забыл Петербург, мне стало

казаться, что его красота была навязана ему патриотизмом петербуржцев и что по существу сердце России, конечно, Москва; мне стало казаться, что европейские красоты Петербурга должны меркнуть перед Западом, и что напротив, евразийские красоты иных московских переулков остаются чем-то единственным. Настроенный таким образом я сейчас был совершенно ошеломлён величием Петербурга: насколько он наряднее и великодержавнее Москвы! Белый снег и ясная погода способствовали этому впечатлению. Оссовский, Дранишников и Асафьев мало-помалу разошлись в разные стороны по своим делам, а Щербачёв взялся провожать меня дальше.

Мы вышли к Зимнему дворцу. Тут перемены: решётка у сада снята и сад открыт для циркуляции. Но это исчезновение решётки не портит картины и, наоборот, площадь становится как-то просторнее. Щербачёв объясняет, что необычайно разросшийся Эрмитаж перекинулся в Зимний дворец и слопал больше половины его комнат.

Генеральный Штаб выкрашен в ярко-жёлтый цвет с белыми колоннами. Это новость - раньше он был тёмно-красный, как и дворец. Последний ещё сохранил свою тёмную окраску, но и он намечен к перекрашиванию. Хорошо ли это? Я люблю его тёмно-красным. Но Щербачёв объясняет, что оригинальная его окраска была иная.

Наш выход к Неве совпадает с закатом солнца. Закат фантастический, розовый и розовым же цветом он заливает Неву, снег и даже стены зданий. В этом освещении Нева и Петропавловская крепость изумительно красивы. Мы идём по набережной и сворачиваем на Зимнюю канавку.

Щербачёв, который преподаёт теперь теорию композиции в Консерватории, с увлечением рассказывает про свою новую систему преподавания и про ещё более смелые планы дальнейших нововведений согласно этой системе. У меня в представлении ещё старая Консерватория с необходимыми и непререкаемыми звеньями - гармонией, затем контрапунктом, потом фугой и формой, и мне странно и любопытно теперь слушать новые теории Щербачёва, согласно которым все эти звенья летят к чёрту и устанавливаются совершенно новые принципы, о которых он с волнением рассказывал мне, считая меня главою современности в музыке.

Щербачёв проводил меня до «Европейской» и я повалился на постель, дабы передохнуть перед вечером, для которого была уже задумана довольно обильная программа. Заснуть, однако, не удалось, так как за стеною упражнялась певица, которая окончательно вывела меня из терпения. Я помчался вниз объясняться с конторой отеля, но там мне объяснили, что это тенор Смирнов.

- Да нет же, я умею отличать женский голос от мужского, - закричал я.

Но мне объяснили, что к нему ходят дамы, которые тоже поют. Впрочем, не дальше, как через несколько часов, Смирнов уезжает и всё это прекратится.

Звонила Лида Карнеева. Я давно не знал, какова её судьба, но оказалось, что у них всё относительно благополучно, и в десять часов вечера она явилась к нам, с нею Зоя, а также «Григорович», как называл Захаров мужа Лиды. Девочки хорошо одеты, и мне как-то по-прежнему хочется считать их молодыми барышнями, хотя Зое уже тридцать один год, а Лиде - двадцать три. Лида, впрочем, чуть-чуть постарела, хотя так же красива, и та же мягкость, и тот же шарм, что и раньше. С Зоей за эти десять лет ровнёшенько ничего не сделалось, она такая же ослепительно цветущая в тридцать один год, как и в двадцать один. «Григорович» в отставке. Я боялся, что ему, как морскому офицеру, придётся плохо. Но его не трогали.

Неважно пришлось Лёве, на которого окружающее впечатление революции в связи с малоудачной первой женитьбой так подействовало, что он сходил с ума.

Теперь он чувствует себя недурно и счастлив со второй женой.

Лида тоже страдала нервным расстройством, но дело обошлось благополучно и теперь она играет в кинематографе. С младшими сестрами тоже всё хорошо и мамаша жива.

Мы проболтали около часу и все они очень понравились Пташке.

В одиннадцать часов явились Асафьев, Дранишников и Щербачёв, дабы забрать меня и Пташку и отвести нас в литературно-художественный кружок на Фонтанке, где в мою честь был устроен вечер-встреча, о чём неделю тому назад была переписка с Москвой. Мы ехали мимо Александринского театра, который был освещен по примеру Гранд Опера ярко-малиновым цветом, т.е. точнее сказать, невидимо освещено было пространство позади колонн, и на этом светящемся фоне покрытые снегом деревья и памятник Екатерине выглядели чрезвычайно красиво.

В литературно-художественном кружке тьма народу, среди которых я сразу встречаю множество знакомых лиц, в том числе Ершова, Леничку Николаева, Дешевова, которого я уже видел утром, Берлин с мужем, которая также красива, супругов Оссовских и многих других.

Концертная программа начинается необыкновенно поздно, кажется, в половине второго ночи, так как музыканты где-то задержались. Начинают с «Еврейской увертюры», которую играют впрочем слишком медленно. Затем пианист Друскин, кончивший Консерваторию с премией, играет мою 4-ю Сонату, скорее неважно, и соната мне кажется скучной. Далее вылазят четыре фаготиста и играют Скерцо[10] - очень хорошо, бойко, с нахальством; чрезвычайный успех и бисирование. После этого мне дали понять, что моя очередь. Я не стал ломаться и сейчас же сыграл ряд мелких пьес, которые были встречены громкими аплодисментами.

Далее всех удалили из зала, в зале же появились столы и был накрыт ужин на массу человек. За нашим столом та же компания, что утром за завтраком, но ещё много других, среди них артист Юрьев, который умудрился до сих пор щеголять в царских запонках с коронами. Сам ужин был неважный, но всё же подписка на него, по-видимому, была довольно дорогая, ибо для учеников Консерватории (ныне студентов Консерватории) она была не по средствам. Поэтому они сложились и делегировали двух человек, это очень трогательно.

Затем Оссовский, сидевший рядом со мною, поднялся и произнёс речь, длинную и литературную, во время которой он несколько волновался, и пальцы, которыми он опирался на стол, несколько дрожали. Речь была обращена ко мне и касалась значения моего возвращения в Россию, значения моей музыки и даже моей личности, которую он охарактеризовал необычайно привлекательно. Я же в это время дрожал от ужаса, потому что это означало, что мне надо отвечать. Через некоторое время я тихонько спрашиваю у Оссовского:

- Александр Вячеславович, мне надо отвечать вам?

Но он смутился и сказал:

- Сергей Сергеевич, это уж как вы чувствуете.

Следовательно, надо было отвечать и притом чем скорее, тем лучше - раньше с плеч долой. Поэтому я встал и, вспоминая мою речь в Москве, пил на этот раз за Ленинград и за ленинградских музыкантов, вообще нёс какую-то посредственную ерунду.

Пташка была очень польщена, когда Оссовский поднялся ещё раз и произнёс тост в её честь.

Затем нас снимали и как только стало возможно, я сорвался удирать домой, ввиду репетиции завтра утром. И было время - мы попали в «Европейскую» в половине четвёртого, ужин же в нашем отсутствии продолжался до пяти.

[10] Юмористическое скерцо для четырёх фаготов, Оп.12б

10 февраля

Утром первая оркестровая репетиция с Дранишниковым. Идти недалеко: Дворянское собрание против наших окон, только перейти улицу.

Как красив Колонный зал! Вообще сколько воспоминаний связано с детства с этим залом. А какое благоговение вызывал большой симфонический оркестр, так широко раскинувшийся на эстраде! Но теперешний филармонический оркестр не первого сорта. Среди музыкантов много молодого элемента, в том числе моих бывших товарищей по Консерватории, которые когда-то играли в консерваторском оркестре под моим управлением. (Я, впрочем, лишь некоторых с трудом вспоминаю). Много, однако, в этом оркестре осталось из старых грибов, попавших сюда по наследству из придворного оркестра, от которого, впрочем, и ведёт начало теперешний филармонический оркестр. Некоторые из этих грибов до сих пор не привыкли к новой музыке и жмутся от неразрешённой секунды, как от укуса блохи.

- Кончится тем, что я когда-нибудь убью этого первого виолончелиста, - с раздражением сказал мне Дранишников в антракте.

Первую половину репетиции Дранишников посвящает Сюите из «Шута» и возится с ней с большим увлечением. Из Дранишникова выработался отличный дирижёр. В антракте меня окружают бывшие консерваторцы из оркестра и расспрашивают, надолго ли я приехал и собираюсь ли оставаться насовсем.

- Не оставайтесь, - сами же они говорят мне, - если вы устроились за границей, так и живите там, а здесь совсем нехорошо.

Во второй половине репетиции Дранишников занимается 3-м Концертом. Я сажусь за рояль и, наигравшись с Персимфансом, чувствую, насколько легко и просто играть с дирижёром. Но и тут мне подпортил Фейнберг, который играл здесь этот Концерт и делал его в совершенно других темпах, так что на замечания Дранишникова иные старые грибы обиженно возражали:

- А вы прошлый раз нас заставляли играть совсем наоборот.

Среди других на репетиции были Асафьев и Щербачёв, и по окончании её они, Дранишников, Пташка и я отправились завтракать. По дороге зашли в «Европейскую» и пока Пташка задержалась наверху в номере, а мы стояли внизу в вестибюле, появилась Катя Шмидтгоф, след которой я потерял с 1917 года. Расцеловались и уселись в сторонку. Я спросил:

- Ну, как же ты поживаешь?

Но она печально показала на свою правую руку. Оказалось, что она её потеряла ещё в 1922 году, упав из трамвая. Она на ходу выпрыгнула из переднего вагона, упала и вторым вагоном ей и отрезало руку. А между тем, в то время она уже преуспевала в театре, катастрофа же пресекла её театральную карьеру в корне. Сейчас она замужем за отставным моряком, как Лидуся, и имеет ребёнка немного моложе Святослава. Меня давно ждала и сторожила, и рада, что захватила меня сейчас же после приезда.

Так как меня ждали, то разговор был не слишком долгий и мы с ней простились, условившись, что она приедет на следующую репетицию моего Концерта.

Затем вся наша компания отправилась завтракать. Но в Ленинграде как-то не было такого симпатичного ресторана, как в Москве на Пречистенке. Никто не знал, куда идти. Наконец попали в какое-то странное учреждение тут же напротив, где нас долго заставили ждать и накормили дорого и скверно.

Между тем пора уже было идти в Эрмитаж, где нам сегодня должны были показывать различные достопримечательности. Мы все двинулись пешком по Невскому, по дороге показывая Пташке Ленинград. Асафьев и Дранишников уехали по делам, а Щербачёв отправился с нами в Эрмитаж, чтобы передать нас своей жене, которая служит там.

В Эрмитаж нас ввели через особый вход, так как мы являлись в качестве почётных посетителей. К нам вышел директор Тройницкий, очень интересный и не лишённый шика господин, который, несмотря на то, что он бывший лицеист и совсем не большевик, уже много лет состоит во главе Эрмитажа, с необыкновенной ловкостью и умением управляющий им, несмотря на все подводные рифы, рождающиеся из соприкосновения с коммунистическим правительством.

Тройницкий лично повёл нас осматривать самую сокровенную часть Эрмитажа - отдел драгоценностей. Это отдел, в который даже сам директор не так легко может попасть, ибо предварительно надо расписаться в книге, пройти через охрану и вообще проделать целый ряд формальностей. В комнате драгоценностей много красивого и любопытного, хотя я и не очень люблю все эти вещи несметной цены. Тут были и усыпанные бриллиантами уборы, и табакерки, и оружие царей, всё это переливавшее камнями всех цветов. Тройницкий с небрежной элегантностью, за которой скрывалась большая гордость, показывал нам эти предметы, давая нам короткие объяснения, иногда роняя между ними шутку.

Из комнаты драгоценностей, где, между прочим, мы были заперты во время осмотра, мы прошли в скифский отдел, причём Тройницкий удалился, а его заместил другой человек, специалист по этому отделу. Здесь были особенно интересны изделия из мягкого золота.

После скифского отдела - персидский, и новый специалист, но осмотр уже длился несколько часов и мы устали. Через картинную галерею пробежали не останавливаясь, так как уже стемнело. Мы бросили лишь общий взгляд и посмотрели, какой огромный кусок отвоевал Эрмитаж от Зимнего дворца.

Совсем замучавшись, вышли мы наконец наружу. Однако Эрмитаж оказал нам большое внимание тем, что сам директор показывал нам секретное отделение его, а в последующих отделениях прикомандировывался к нам для объяснений специалист.

Выбравшись из Эрмитажа, мы отправились с визитом к Глазунову. Ещё с консерваторских времён у меня с ним установились какие-то сомнительные отношения, но так как в Ленинграде он всё-таки остался крупной фигурой, даже несмотря на то, что музыкальная жизнь идёт теперь как-то мимо него, то ещё в Париже решил, что по приезде в Ленинград буду приличен и отправлюсь к нему с визитом.

Я не помнил номера его дома, но знал его «в глаза», и без труда нашёл его. Но парадный ход был закрыт. Я знал, что парадные были в Ленинграде закрыты ещё с самого начала революции, но не думал что это простиралось и до настоящего времени. Итак, надо было идти с чёрного. Мы вошли во двор. Двор огромный, с деревьями: купцы Глазуновы строили свой дом широко и просторно. Справившись у дворника, как пройти к Глазунову, мы стали подниматься по довольно скверной и грязной лестнице, пока на одной из дверей не увидели медную табличку, на которой было выгравировано «Глазунов», без имени и отчества.

Позвонили - ничего; ещё раз позвонили и ещё раз ничего. Постучали, на случай, если звонок не звонит - и опять ничего. Решили, что никого нет дома и начали вытаскивать визитные карточки, чтобы бросить их в ящик для писем. Мороз был порядочный и даже здесь, на лестнице, пальцы леденели, как только снимешь перчатку. На прощание постучали ещё раз, посильнее, и услышали за дверью шаги. Затем дверь была отперта и мы увидели двух дам, одну молодую, другую постарше, но всё же очень моложавую. Это были мать и дочь, причём мать была интереснее дочери.

Ещё в 1918 году, приехавши в Нью-Йорк, я услышал от Вышнеградского, что Глазунов женился, но это звучало анекдотом, да и передавалось как анекдот. Рассказывали, что его жена консерваторка и совсем молодая девушка. Другие

говорили, что это ерунда и что Глазунов и не думал жениться. Самое интересное это то, что и здесь, в Петербурге, в точности не знали, женат он или нет, и если да, то на ком, на матери или на дочке. Несомненно было одно, что эти две дамы, довольно живые и интересные, поселились у Глазунова и заботились о нём, а престарелому композитору нужна была женская рука, да, вероятно, и скучно было ему одному сидеть в своей огромной квартире, которую большевики, к чести их будет сказано, целиком оставили за ним.

Я объяснил дамам, что пришёл с женой засвидетельствовать почтение Александру Константиновичу, а дамы объяснили, что его нет дома и очень радушно стали просить нас войти. Нас провели через кухню, а затем мы попали в залу, которая была мне уже знакома по тем давним временам, когда я приносил Глазунову мою Симфонию е-моль, ныне погибшую, за исключением Анданте, вошедшего в переделке в 4-ю Сонату.

Мы просидели минут десять-пятнадцать, причём дамы жаловались на режим, на трудности житья в советском Ленинграде, на постоянную видимую и невидимую слежку, на то, как какая-то дама хотела уехать, но как в последний момент ей кого-то подослали и к чему-то придравшись, отправили не за границу, а под арест, и пр. и пр. Мы стали прощаться, дамы радушно проводили нас до самой двери и мы поспешили домой, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть перед спектаклем «Апельсинов». Дома письмо с приглашением в ложу дирекции и с приложением ложи для друзей и знакомых, но уже поздно и использовать эту ложу нельзя. Можно, впрочем, начать звонить по телефону, но мы предпочитаем посидеть спокойно и немножко прийти в себя.

Вскоре зашёл Асафьев и мы вместе отправились в Мариинский театр, Пташка и Асафьев сели в первые санки, я сзади них во вторые, торопя извозчика, так как времени оставалось в обрез. Мелькнули Казанская. Вознесенский, Офицерская - всё это такие знакомые места.

Вот Консерватория, а вот и Мариинский театр, перекрашенный в тёмно-красный цвет, на подобие того, как раньше был Зимний дворец. И хотя Зимний дворец я люблю тёмно-красным, всё же мне жалко, что Мариинский театр расстался со своей прежней желтоватой окраской.

Мы подъезжаем прямо к секретариату, где нам предлагают сесть или в боковую ложу первого яруса или в партер, чтобы лучше всё было видно. Я выбираю партер и секретарь проводит нас в четвёртый ряд у среднего прохода. Я счастлив вновь увидеть любимый Мариинский театр, оглядываю его несколько раз, но Дранишников уже у пульта и спектакль начинается. Пташка указывает мне на левую ложу у сцены: она заполнена Трагиками, которые в этой постановке преподнесены как рецензенты. Комики появляются на авансцене, но Пустоголовые вновь появляются из ложи бельэтажа с правой стороны, отсюда любопытно воспринимается контрапункт: один голос в правое ухо, другой в левое. Когда появляется Герольд, то он сам играет на тромбоне - трюк, о котором меня уже с гордостью предупреждал Дранишников:

- У нас есть такие певцы, которые даже на тромбоне играть умеют.

А рядом с ним маленький мальчик, который вообще ничего не делает, - очень смешно.

Все эти маленькие выдумки как-то сразу с необычайной остротой ввели меня в спектакль - видно было, что постановка была схвачена с увлечением и талантом.

Далее последовал ряд трюков и каждый из них меня очень веселил: тут и Труффальдино, которого зовут из зала, но который прилетает сверху сцены (кукла, моментально подменяемая человеком), тут и совершенно фантастический ад, разросшийся до подавляющих размеров, с куклами, плавающим и корчащимися во всех этажах сцены, и маг Челий, забавно трактованный как ёлочный дед мороз,

и стол со спрятанной под ним Смеральдиной, который бегает за Леандром, чтобы лучше подслушать его разговор с Клариче. Заклинание, которым кончается первый акт, поставлено всерьёз, с нестерпимым мельканием зеркальных бликов на заклинающих, придающих им фантастический характер.

Во втором акте, в сцене празднества, навешены трапеции, на которых сидит часть действующих лиц. Относительно этих трапеций я уже слышал два противоположных мнения: одни считают их замечательным изобретением, позволившим заполнить всю сцену доверху действующими лицами, другие же находят, что эти действующие лица, парализованные страхом свалиться, представляют собой жалкие фигуры. Я последнего, однако, не нашёл и сцена мне понравилась. Драка Уродов, однако, не удалась, как не удалась она во всех предыдущих постановках. Когда Труффальдино толкает Фату Моргану и она должна упасть задравши ноги, то оказывается, что у неё под юбкой привязана вторая пара искусственных ног, которые она и вскидывает - эффект уморительный. Следующая, однако, за этим темнота как-то прерывает действие, и я решаю, что эту темноту надо отменить. Чертенята во время заклинания Фаты (равно как и раньше, в инфернальной сцене) завывают в рупоры согласно моей рекомендации, и это выходит хорошо и страшно.

В третьем акте Челий, вызвав Фарфарелло, сам его боится; Фарфарелло же не только поёт, но всё время приплясывает, о чём опять-таки мне с гордостью сообщил Дранишников. Когда Челий останавливает Принца и Труффальдино, то он для этого появляется на мостике, перекинутом высоко наверху сцены, и эффектно ведёт переговоры сверху вниз; оттуда же он бросает красный бантик. Совершенно ошеломляюще проходит разговор Принца с Труффальдино в замке Креонты, перед покражей. Этот труднейший разговор на фоне стрекочущих скрипок, который Дранишников ведёт в сумасшедшем темпе, не только спет с совершенной точностью, но и непринуждённо разыгран на сцене. Сама покража Апельсинов сделана тоже аккуратно, вместе с музыкой. Заключительная фраза третьего акта («Его апельсин подгнил...») произнесена Леандром прямо в публику, слишком уж саркастично, пожалуй.

В четвёртом акте Фата Моргана вступает в форменную драку с ёлочным магом и даже отрывает ему бороду. Чудаки засаживают её не в башню, а в клетку, которую вытаскивают по этому случаю на сцену, и там она сидит как животное. В крысу стреляют из пушки и на помощь Король зовёт испуганным голосом. Заключительная беготня поставлена более внимательно, чем где-либо до сих пор. Подпущены акробаты, которые оживляют движение толпы, но зато уменьшают впечатление стремительности. В общем беготня поставлена почти хорошо, но ещё не совсем хорошо. Совсем хорошо она пока поставлена не была нигде.

В конце первого антракта, когда уже публика собиралась в зал, перед спущенным занавесом появился Вольф-Израэль, который сообщил публике о моём присутствии в зале и приветствовал меня. Публика устроила мне овацию, хотя и не такую горячую, как в концертах. Это вполне понятно: на концертах публика приходила специально видеть меня, а тут вообще пришла в театр, а потому мне менее обрадовалась. Во втором акте я сидел не в партере, а в ложе, и в ответ на аплодисменты вставал и кланялся из ложи. Во втором и третьем антрактах меня тоже вызывали и я тоже кланялся.

Между прочим, этот Вольф-Израэль как раз тот виолончелист Мариинского театра, который больше всего скандалил при первом проникновении моих сочинений на концерты Зилоти и особенно при первом исполнении «Скифской» Сюиты. Ловкий политик Зилоти сумел ему в то время заткнуть рот, предложив выступить в концерте с моей «Балладой» для виолончели. Времена меняются, и теперь именно этот Вольф-Израэль приветствовал меня.

В следующем антракте меня пригласили в артистическую оркестра и Вольф-Израэль сказал мне небольшую речь от имени оркестра. Я отвечал, очень искренне приветствуя замечательный оркестр, затем следовали поцелуи, разговоры, и всё как следует!

В другом антракте артисты меня потащили к театральному фотографу, тут же в верхнем этаже театра, и он снял группу участвующих со мной посередине. В гостиной, прилегающей к ложе дирекции, был сервирован чай с пирожным, закусками и вином. Тут Экскузович, Ершов, Малько, Оссовский, дирижёры, режиссёры, словом, целое празднество. Я ошеломлён и в восторге от изобретательной и необычайно оживлённой постановки Радлова и обнимаю моего старого шахматного партнёра. Благодарю также художника Дмитриева, но не нахожу для него достаточно живых слов, так как декорации бледны и вообще являются худшей частью спектакля.

По окончании спектакля Дранишников уводит нас к себе чай пить. Тут же Асафьев с женой и Радлов с женой. О том, женат ли Дранишников, не вполне ясно, но в квартире с ним живёт довольно миловидная женщина, кажется из балета Мариинского театра, и исполняет обязанности хозяйки. Появляются шахматы, но крокодилы не играют, то есть я, Радлов - не стоит, голова не тем занята, а пробуют сразиться Пташка с женой Асафьева, причём неизвестно, кто из них играет хуже.

Радлов вспоминает Чудовского, который уже несколько лет, как в ссылке в связи с каким-то политическим делом, с которым он по существу не имеет никакого отношения.

Вернулись домой в два. Пташке очень нравится Ленинград.

11 февраля

Среди сумасшедших ленинградских дней (да и московских перед тем), сегодняшний день - день отдыха, ибо ещё при первой встрече в Москве Асафьев гарантировал себе этот день, чтобы мы провели его в Детском Селе.

Встали не торопясь и в двенадцать часов сели в поезд на Царскосельском вокзале. Этот поезд, раньше такой элегантный, теперь состоял только из жёстких вагонов и шёл немножко медленнее. Публика едет довольно серая, однако наша довольно нарядная одежда и пташкин леопард не производят впечатления.

Асафьев нас радостно встречает в Детском Селе на вокзале и мы пешком по ослепительному белому снегу отправляемся к нему. Он живёт в большом просторном деревянном доме, неподалёку от вокзала, на краю Детского Села, так что с одной стороны город, а с другой - просторное снежное пространство. Он занимает во втором этаже три чрезвычайно просторных комнаты - часть квартиры, некогда принадлежавшей приставу. Обстановка - уездного русского города, и она вместе с ярким солнцем и снежной далью, открывающейся из окон, переносит нас в какой-то совсем иной мир.

Первая комната - столовая, в которой свободно может сесть за стол человек двадцать. Вторая комната - его кабинет, третья - спальня, но туда нельзя, так как там сидят две сердитые собаки. Одну из них Асафьев подобрал где-то паршивым щенком, щенок страдал подкожной экземой и Асафьев несколько месяцев мазал его вонючим составом. Теперь собака выздоровела, но совсем одичала, так что её к гостям не выпускают. Но так как мы пробыли у Асафьева целый день, то её раза два приходилось выводить на прогулку, причём она щетинилась, рычала и царапала когтями по полу.

Асафьев рассказывает, что во время одной из прогулок собака вдруг кинулась на козу. Но коза не испугалась и, встав в боевую позицию, встретила её лбом, после чего завязалась бешеная драка. Увидев приближающихся хозяев козы,

Асафьев в ужасе стал оттаскивать свою собаку за задние лапы. Надо именно знать Асафьева, этого кабинетного человека, чтобы вообразить всю эту сцену. В конце концов собака была оттащена и они оба юркнули в ближайшую рощу прежде чем владельцы козы успели прибыть к месту происшествия.

Мы решили воспользоваться солнечной погодой и, пока ещё не стемнело, отправиться на прогулку. Пташка чувствовала себя утомлённой от предыдущих скачек и потому она с женой Асафьева поехала на извозчике, мы же с ним отправились пешком.

Как красив зелёный Елизаветинский дворец! Мы долго на него любовались. Но одна из примыкающих к нему улиц переименована в улицу Белобородого, в честь того коммуниста, который расстрелял царскую семью. Это уже поза на бестактность: если для дела считалось необходимым расстрелять и взрослых, и детей, то форсить этим - глупо.

От Елизаветинского дворца мы с Асафьевым, утопая в снегу, отправились по бывшим царским садам. Однако пора было идти домой: во-первых, очень холодно, во-вторых, безумно хотелось есть.

Угостил нас Асафьев на славу. Уже с половины обеда не хватало места для второй половины. Затем уселись за письмо Экскузовичу.

Вчера после спектакля, секретарь Экскузовича намекнул мне, что хорошо бы, чтобы я написал два слова о моём впечатлении от спектакля. Намёк был излишним, так как я и без того хотел это сделать. Сейчас я решил использовать общество Асафьева, дабы вместе с ним проредактировать это письмо.

Затем Асафьев показывал мне брошюрку, выпущенную им обо мне в связи с постановкой «Трёх апельсинов», и просил исправить в ней неточности, если таковые попадутся.

Хотели заняться просмотром набросков книги Асафьева обо мне, которую он готовит для нашего издательства, но так заболтались, что не успели.

В десять часов вечера отправились домой. Узнав, что мы проводим день у Асафьева, к нему пыталась под предлогом какой-то справки проникнуть Вера Алперс. Но Асафьев, ревниво оберегая мой день, посвящённый ему, её не допустил. Впрочем, об этом я узнал лишь позднее.

Вернувшись в «Европейскую» гостиницу, нашли две визитных карточки Глазунова. Как корректный джентльмен, он отдал визит на другой же день. По этому поводу вспоминалось, как почти двадцать пять лет тому назад моя мать в первый раз привела меня к нему. И с той же корректностью он через несколько дней заехал к маме отдать визит, хотя, казалось бы, мамашам, приводящим молодых талантов к знаменитости, можно было бы визитов не отдавать. Но не потому ли это случилось, что это был единственный момент, когда Глазунов надеялся, что из меня выработается приличный композитор?

Кроме карточек Глазунова были ещё два письма-экспресса из Москвы. Дней пять тому назад в Москве ко мне обратился с письмом какой-то Гивнин. Письмо было трогательное, слёзное, он - начинающий талант, находится в ужасных условиях и просит о помощи. Я решил, может и в самом деле талантливый человек и перед отъездом из Москвы написал ему два слова, спрашивая его, какую и в каком размере он хотел бы от меня получить. Один из полученных сегодня экспрессов был от Гивнина, где тот восторженно, почти преувеличенно благодаря меня за внимание, высказывает свои чаяния, которые идут, кажется, от пятисот рублей и кверху.

Другой экспресс, написанный гораздо более интеллигентным почерком и стилем, предостерегает меня, что Гивнин - простой бездельник и развратник, и только и ищет, где бы сорвать копейку, дабы промотать её в ночном кабаке. Вот извольте после этого быть внимательным к будущим талантам!

12 февраля

Утром репетиция в Колонном зале. Дранишников, впрочем, репетировал и вчера, пока мы катались в Царское: учил «Шута» и «Скифскую».

В зале набралось довольно много народу, но им велено сидеть за колоннами и не мешать. Дранишников начал со «Скифской» Сюиты, причём я внёс ряд поправок в темп и звучность. Затем последовал «Шут» и 3-й Концерт, который выходит недурно.

Появляется Малько и сообщает, что Филармония готова рассчитаться с нашим издательством за все прошлые незаконные исполнения моих сочинений, то есть те исполнения, которые производились по писанным, а не напечатанным в издательстве экземплярам.

Поднеся таким образом приятную конфетку, он пользуется случаем попросить меня быть полюбезнее с Хаисом, «которого подобное отношение удручает».

Катя Шмидтгоф, которой я дал карточку для пропуска на репетицию, сидит рядом с Пташкой. К Пташке также присаживается Книппер, молодой московский композитор, приехавший сюда говорить с Экскузовичем относительно своего балета. Книппер всё время старательно ухаживает за Пташкой.

После окончания 3-го Концерта Тюлин и некоторые другие подходят ко мне и говорят о замечательной перемене в моём пианизме.

День провели тихо и спокойно, ввиду предстоящего концерта я отказался от каких-либо встреч и свиданий.

Когда вечером мы пришли в артистическую, то встретили Асафьева, который сообщил о сделанном им намёке Малько относительно несоответствующего гонорара, который они мне платят. Малько обещал обдумать это и, если возможно, изменить условия к лучшему.

В зале куча народу, то есть не просто куча, а феноменальная куча. В Москве пожарная комиссия допускает только сидячую публику, не разрешая стоять. Здесь же Хаис, который оказался не только ловок в смысле устраивания выгодных для Филармонии гонораров, но также в смысле устройства декоративной стороны концертов, добился разрешения на впуск и стоячей публики, причём это разрешение было использовано в такой мере, что зал был буквально чёрен от наполнившего его народа.

Первым номером шёл «Шут», после которого начались вызовы. Но я, повторяя московский ритуал, не вышел. Второй номер был 3-й Концерт. Когда публика успокоилась после «Шута», был выкачен рояль и затем меня пригласили на эстраду. При моём появлении Дранишников заиграл «Славу» и началась колоссальная овация, приблизительно как в первый раз в Москве. Описывать её дважды не стоит, но попутно с нею случился забавный инцидент: когда «Славу» сыграли уже два раза и начали играть в третий раз, то какие-то громогласные инструменты вступили на такт позже и так каноном и проиграли весь третий раз; останавливаться было невозможно, потому что кончили не вместе, и Дранишникову пришлось сыграть четыре раза, хотя вообще полагается три раза.

3-й Концерт проходит благополучно. Я относительно спокоен, хотя ещё не могу похвастаться тем замечательным спокойствием, которым наслаждался во время последнего американского турне. Между отдельными частями Концерта аплодисментов нет, но зато в конце такой же рёв, как в Москве. Сначала я выхожу кланяться один, потом несколько раз с Дранишниковым; играю на бис Гавот и две «Мимолётности». Приносят корзину цветов, впрочем, небольшую.

Антракт. Приходит Оссовский и передаёт от Глазунова: он был на концерте, но должен был уехать на какое-то заседание, куда сейчас уезжает и Оссовский. Словом, Глазунов вывернулся ловко: с одной стороны, показался из приличия на

концерте, с другой - под благовидным предлогом увильнул от встречи со мною.

На смену Оссовскому появилась группа - Штейнберг, Вейсберг и Андрей Римский-Корсаков - консервативная музыкальная оппозиция ещё со времён дореволюционных, когда эта группа бурно ссорилась с Сувчинским и Асафьевым, защищавшими Стравинского, Мясковского и Прокофьева. Однако группа теперь смирилась и с чрезвычайной готовностью приветствовала меня, не потому ли, что в противном случае им не на кого ставить ?

Затем появились Карнеевы, как всегда очень декоративные, Остроумова-Лебедева, сестры Боровского, к удивлению пренедурно выглядевшие брат и сестра Алперсы - брат ещё более нервный, сестра ещё более увядшая. Откуда-то из тьмы веков выплыла Рудавская, впрочем, мало изменившаяся, чуть лишь погрубевшая, но с такими же хорошенькими глазками.

Антракт кончается и Дранишников играет «Скифскую». Оркестр гораздо хуже Персимфанса, менее добросовестный и не так звучащий, но Дранишников машет с увлечением, на славу.

После «Скифской» сюиты успех, по-видимому, превзошедший все до сих пор существовавшие: весь зал, особенно стоячая публика, дико орёт. Я выхожу кланяться один, потом с Дранишниковым, потом опять один, несчётное количество раз, вероятно, раз пятнадцать, причём всё время орут.

В то время как я то выходил, то возвращался обратно в артистическую, в последней разыгрывалась забавная сцена - стоял Экскузович, а по бокам его Асафьев и Дранишников, которые при каждом новом вызове накачивали его необходимостью ставить «Игрока» и «Шута». Экскузович имел, впрочем, очень довольный вид, сел, был страшно любезен со мной и рассыпался перед Пташкой.

Артистическая вновь наполняется знакомым. Появляется Элеонора Дамская, раздавшаяся и ещё более подурневшая. Я с нею вежлив, но сух, и сейчас же перехожу к кому-то другому, желающему поговорить. Но Элеонора не теряет линии и через жену Асафьева знакомится с Пташкой, сообщая последней, что она сохранила кое-какие фотографии в момент разгрома моей квартиры на Первой Роте. Пташка добавляет, будто ей послышалось, что Элеонора сохранила какие-то письма - вот этого ещё недоставало, чтобы моя переписка из разгромленной квартиры попала в её руки. Впрочем, относительно писем Пташка не уверена, на фотографии же она падка, коллекционируя то, что осталось от моей юности, и поэтому была любезна с Элеонорой.

После концерта едем к Радлову, как было условлено раньше. У Радлова отличная квартира и отлично сервирован чай с закусками. Там же встречаю профессора Смирнова, шахматиста, и поэта Кузмина. Последний за чаем читает стихи, заикается и шепелявит, но выходит выразительно. Я сижу сбоку и с любопытством рассматриваю его череп, совершенно сверху плоский, как-будто ударом шашки снесли крышку его черепной коробки. Одет он бедно, пальто у него дырявое. Когда мы одеваемся в передней, то мне как-то стыдно за моё парижское на новой шёлковой подкладке, по которой он скользнул глазам.

Выходим все вместе. Морозная ночь, три часа утра. Ленинград обыграл Москву в смысле успеха.

13 февраля

День более спокойный. Я принимаю посетителей. Является Вейсберг (!) и Добычина. Последнюю я помню всегда милой, простой и сердечной. Бенуа рассказывал, что у неё теперь большие связи в коммунистических верхах и вследствие этого она в зависимости от желания может быть очень полезной или очень неприятной. Сегодня вид у неё похоронный и говорит она тихим голосом.

Дело в том, что вчера на концерте она уже намекнула мне, что Кружок Камерной музыки, председательницей которого она состоит, - при последнем издыхании за отсутствием средств. Нечем платить за помещение, и если я не протяну им руку помощи, дав концерт в пользу этого кружка, то он погибнет. Вчера на концерте я как-то отвертелся от её наступления, но сегодня она явилась в сопровождении Вейсберг и тихим голосом стала на меня нажимать. Мне же не только не хотелось давать ещё лишний концерт (лучше поехать к Асафьеву в Детское), но я кроме того знал, что таких кружков несколько, и если я сыграю для одного, надо играть и для другого. Словом, после двадцати минут мучительных отказов я, наконец, сбыл обеих дам с рук, ибо меня ждали уже следующие группы.

Вторая группа была менее тягуча, но более опасна: тут тоже хотели концерт, но на этот раз в пользу МОПра, а это по расшифровке означало в пользу международного общества помощи революционерам, то есть, если бы я дал такой концерт и если бы коммунисты это всюду разрекламировали, то мне ни одно государство не дало бы больше визы, ибо это не российское общество, а именно международное учреждение построения микробов, вызывающих брожение. Впрочем, я это дело ликвидировал просто и откровенно, сказав:

- Вы понимаете, я очень хотел бы вам помочь, но так как мне приходится много концертировать по заграницам (а чтобы я концертировал за границей важно для советской России), поэтому было бы осторожнее меня не втягивать в это предприятие, дабы мои заграничные концерты не встретили препятствий.

Моё объяснение было настолько простым и точным, что они сразу согласились со мной и удалились, дав место Балаеву, когда-то моему учителю русского языка в Консерватории.

Балаев - старичок, теперь он директор гимназии. Здесь тоже требовалось моё выступление в пользу чего-то, но он сам честно прибавил, что хотя исполняет желание пославших его, но вполне понимает безнадёжность своей просьбы. Таким образом, третий проситель был ликвидирован безболезненно и мы, расцеловавшись, расстались.

Днём пришлось пойти на общедоступный филармонический концерт: вчера очень просил Малько и даже взял с меня слово. Нас провели на почётные места в бывшую царскую ложу. Концерту предшествовала лекция, которую читал Карнович, «Вариации» которого я дирижировал лет пятнадцать тому назад на консерваторском акте, когда он оканчивал Консерваторию, а я был учеником дирижёрского класса. Вероятно, по заранее установленному с Малько плану, он в одном месте свою лекцию повернул так, что она коснулась и меня, хотя мои сочинения на сегодняшнем концерте не исполнялись. Это дало повод указать с эстрады на меня, сидевшего в ложе, публика зааплодировала, я встал и кланялся.

На этом же концерте исполнялись несколько романсов Римского-Корсакова в корсаковской же оркестровке. Эти партитуры всего лишь недавно раскопаны в архиве покойного композитора и сегодня они зазвучали в первый раз, впрочем зря, ибо оркестрованы они бледно, совсем не по-корсаковски.

Вернувшись с концерта, собирали чемоданы ввиду отъезда в Москву. Ехали мы в Москву всего на несколько дней, дабы затем снова вернуться в Ленинград.

Когда на санках мы подъехали к Николаевскому вокзалу, наш извозчик остановился бок о бок с другим извозчиком, - наши лошади вдруг взыграли. Не то наша лошадь заинтересовалась соседней кобылкой, не то просто она была бешеная, только начала выделывать такие прыжки и фортели, что оглобли затрещали. К тому же оглобля сцепилась с оглоблей и нельзя было двинуться ни вперёд ни назад. Пташка, сидевшая со сцепившейся стороны, заволновалась и закричала:

- Вылезай, вылезай скорее!

Но это было не так просто, так как полость была застёгнута и завалена

чемоданами. Пока я пытался выбраться из неё, лошадей разъединили и Пташка спохватилась, что впопыхах пропала её сумочка. Мы стали смотреть направо-налево, в это время услышали, как шагах в пятнадцати позади нас какие-то восклицания. Оказалось, что упавшую в снег сумочку подобрала баба и стала быстро удаляться, но её уличил какой-то пьяный человек, сумочка была отобрана и возвращена нам. Собравшаяся толпа выражала негодование по поводу происшедшего, а пьяный человек стал требовать с меня рубль за спасение. Требовал он очень энергично, но столько энергии и не требовалось, так как я с большой охотой дал ему этот рубль. Пьяный удалился под восклицания из толпы:

- Стыдно, гражданин, зачем же вы деньги вымогаете.

У нас было опять то же купе в международном спальном вагоне. В этом же вагоне ехали в Москву Экскузович и Асафьев, а в соседнем - главный режиссёр Мариинского театра Рапопорт, очень напоминающий бога Доннера из «Золота Рейна». Вся эта встреча предвиделась заранее и было решено её использовать для переговоров о будущих постановках моих вещей в Мариинском театре.

Вскоре после отхода поезда все собрались у меня в купе. Разговор касался прежде всего будущей постановки «Игрока», причём Экскузович обещал отдать мне мою оригинальную партитуру, застрявшую у него в библиотеке Мариинского театра, а я обещал, что премьера «Игрока» будет в Мариинском театре, о чём, впрочем, мы уже говорили два года тому назад в Париже. Кроме «Игрока» намечался ещё балетный спектакль, в который вошли бы «Шут», «Ала и Лоллий» и, если удастся добиться разрешения от Дягилева, то мой новый советский балет[11].

На мой осторожный вопрос о Мейерхольде как режиссёре «Игрока», ибо он должен был ставить и в 1917 году, Экскузович ответил охотным согласием.

Вообще Экскузович был интересен, даже блестящ и старался шармировать. Асафьев сидел в углу и по большей части молчал, а что такое Рапопорт - осталось для меня загадкой. Я интересовался, в какой мере он коммунист, ибо он ни с того ни с сего затеял разговор о том, что хорошо бы, если бы я написал что-либо к предстоящему десятилетию Октябрьской революции. Впрочем, эта тема была поддержана вяло и замерла.

Говорили ещё о «Трёх апельсинах», о возможности поездки с ними за границу и о необходимом исправлении в связи с этим некоторых промахов постановки.

- Вот подождите, - говорил Экскузович, - брошу я надоевшее мне директорство и сделаюсь режиссёром. Тогда посмотрите, как я поставлю «Апельсины».

Заседание кончилось и все разошлись по своим купе. Я задержал Асафьева и спросил, не было ли неприятно Экскузовичу, что я заговорил о Мейерхольде.

Асафьев:

- Наоборот, он очень доволен, что через тебя можно заполучить Мейерхольда. Так к нему было обращаться неудобно, а через тебя дело выйдет очень ловко.

14 февраля

Утром Москва и на вокзале Цуккер. В «Метрополе» тот же номер, который в наше отсутствие не сдавали и хранили за нами за полплаты.

Сразу начались телефонные звонки тех, кого я отложил до моего возвращения из Ленинграда. Перед отъездом из Москвы было очень удобно всех просить позвонить в день моего возвращения, теперь же приходилось расхлёбывать. К тому же у меня была тяжёлая голова, я чувствовал себя усталым и даже днём спал.

Вечером торжественный юбилей пятилетнего существования Персимфанса. Я подчеркнул, что приехал из Ленинграда как раз ради этого юбилея и даже мой

[11] Имеется ввиду балет «Стальной скок», Оп.41.

последующий концерт для беспризорных был прилажен к этому приезду на юбилей.

Концертная программа юбилея состояла только из двух относительно коротких номеров - «Поэмы экстаза» и «Скифской» сюиты, исполнением которых особенно гордился Персимфанс. Ввиду торжественного случая я в первый и последний раз одел смокинг, но это, пожалуй, оказалось некстати, ибо в толпе я выглядел каким-то инородным телом, свалившимся из-за границы. Смокинг в сущности никто не носит, за исключением, пожалуй, некоторых артистов, с успехом съездивших за границу и своим смокингом подчёркивающих свою причастность к иностранным успехам. На моих концертах я, по крайней мере, в смокинге видел только двоих - Сараджева и Яворского.

Нас посадили в восьмом ряду, рядом с папашей Цуккера и здоровенным красноармейцем, который, видимо, скучал за «Поэмой экстаза», но впоследствии сказал довольно сильную речь, будучи делегатом от какого-то учреждения, для которого когда-то выступал Персимфанс.

После «Экстаза» эстрада была очищена, направо был водружён большой стол для почётного комитета под председательством Луначарского, а за столом были посажены делегаты, которые затем выступали с приветственным речами. С левой стороны расселся Персимфанс с Цейтлиным во главе. Последовал миллион речей, которые вначале интересно было послушать, а потом просто приходилось высиживать, ибо уйти было, разумеется, нельзя.

Луначарский говорил очень талантливо и любезно, хотя Персимфансы утверждают, что за всю их пятилетнюю карьеру он не оказал им ни малейшей поддержки, а казалось бы, такому коммунистическому по своему духу институту как оркестр без дирижёра на чью же рассчитывать поддержку, как не на наркомпросскую!

Говорил также Сосновский, тот, который монотонно заморил меня в антракте одного из моих концертов, но на этот раз говорил он довольно недурно.

Выступила ещё масса других лиц - от театров, Консерватории, рабочих организаций и пр. Говорил также Держановский, но его хриплый голосок не был слышен.

Наконец антракт и обратное водворение всех стульев и пюпитров на эстраду. Играли «Скифскую» сюиту. Пляска нечисти вызывает громкие аплодисменты. Довольно настойчиво вызывают меня, но я не встаю, так как сегодня не мой день. Однако, в конце «Скифской» сюиты новые вызовы по моему адресу, на этот раз аплодирует и Цейтлин с эстрады. Тогда я встаю и иду к эстраде, чтобы пожать руку Цейтлину. Он протягивает мне руку и сильным движением поднимает меня наверх на эстраду, причём мы оба, потеряв равновесие, едва не летим обратно. Прежде чем раскланяться с публикой, я трясу руку Цейтлину, поздравляю его с юбилеем и затем мы публично целуемся. Вообще какую-то демонстрацию внимания надо было сделать, потому что я до сих пор никак их не приветствовал по поводу юбилея.

После спектакля - ужин. У меня болит голова, хочется спать и кроме того завтра концерт, но уклониться от ужина невозможно - уж и так многие видные лица, на которых рассчитывали, на ужин не являются. За столом на почётных местах приборы с карточками Луначарского и Литвинова пустуют. Чувствуется, что ужин не совсем удачен.

Как и всегда, много тостов. Намекают и мне, но я уклоняюсь, объясняя, что мой тост я сказал ещё полчаса тому назад в лице «Скифской» сюиты. Один из критиков воспевает индустриализацию деревни и предлагает, чтобы музыка более и более машинизировалась. Тут уж мне хочется встать и провозгласить тост за Ганона, впрочем меня удерживают за фалды, так как такой тост был бы некстати.

К часу ночи ужин оживляется, так как все уже подпили (но не я). Довольно

беспорядочные тосты следуют один за другим, пользуясь этим и напоминая Цуккеру о моём завтрашнем концерте, я делаю знак Пташке и мы удираем. Однако мы усажены на такое место, что удрать потихоньку нельзя. Приходится двигать столы, стулья. Кто-то ещё раз выражает желание, чтобы Прокофьев сказал речь, и под это желание мы исчезаем.

15 февраля

Голова прошла. Можно поупражняться к концерту, а то вчера совсем не играл, да и в последние дни пребывания в Ленинграде тоже не играл.

Завтракали на Пречистенке вместе с Асафьевым.

Когда третьего дня мы заседали в купе, то все они, Асафьев, Экскузович и Рапопорт, ехали в Москву на важное заседание относительно театральной политики - совещание, которое должно было по существу решить всё последующее направление театральных репертуаров. Состоялось оно вчера, а сегодня за завтраком Асафьев с увлечением рассказывал о происшедшем.

Бой был между двумя лагерями: коммунистическим, желающим из театра сделать прежде всего студию пропаганды («коль на рабочие деньги, так чтобы в пользу рабочему классу»), и театральным, желающим, чтобы театр прежде всего был театром, а не политической ареной («коль на деньги рабочих, так чтобы рабочим было интересно»).

Соль в том. что коммунистическую точку зрения защищали, разумеется, коммунисты, а театральную - некоммунисты, а может и антикоммунисты, а потому последних можно было в любой момент обвинить в контрреволюции и, следовательно, им надлежало быть очень осторожными и скромными.

Началось с того, что Экскузович выпустил Асафьева читать доклад об опере, который, по собственному его признанию, кроме скуки на заседающих другого впечатления не произвёл, и он сам перепрыгнул через добрую половину доклада, лишь бы скорее кончить.

Яворский, человек довольно высокопоставленный среди музыкальных чиновников, прочёл тоже что-то малопонятное, заботясь прежде всего, чтобы его не могли обвинить ни с той стороны, ни с другой.

Луначарский же, председательствовавший совещанием, предпочёл молчать: по положению он коммунист, но по вкусам эстет и театрал, а потому ему тоже надо было лавировать. Этим воспользовались присутствовавшие на совещании коммунисты и принялись громить театралов, резко и грубо, без всякой любви к театральному делу.

Тут поднялся Мейерхольд - с одной стороны, коммунист и почётный красноармеец, с другой стороны - яростный театрал. Он начал следующим образом:

- Товарищи, прежде всего попрошу вас не перебивать меня: я очень волнуюсь, только что выпил валериановых капель и за себя не ручаюсь. Помните, прошлый раз, когда меня перебивали, то что вышло?

(О том, что вышло в прошлый раз, Асафьев не знает, так как он отсутствовал, но, по-видимому, вышло что-то очень неприятное).

- Вы, товарищи коммунисты, по-видимому, плохо осведомлены о том, чего хотят товарищи рабочие.

(Мейерхольд роется в карманах и вытаскивает оттуда письмо).

- А вот обращение ко мне рабочих такого-то завода, у которых мы выступали.

(И он читает просьбу давать вещи драматические или комические, но ни коим образом не назидательно-политические).

- Что же, товарищи коммунисты, вы хотите такие пьесы, чтобы рабочие перестали ходить к нам в театр? А если театры будут пустые, то коммунистическому

правительству придётся увеличить субсидии на поддержку их. А чьи деньги будете вы на это тратить? Рабоче-крестьянские, то есть заставите платить рабочих за пустой театр вместо того, чтобы они платили за наполненный, то есть доставляющий им удовольствие.

К концу своей речи Мейерхольд так раскричался, что получился скандал и объявили перерыв. Луначарский говорил, что он вообще мечтает уйти из Наркомпроса, но украдкой хихикал себе в усы. Чем дело кончилось, Асафьев не знает, так как он уехал, но, во всяком случае, он говорит, что только Мейерхольд мог произнести такую сногсшибательную речь, ибо бояться ему нечего, так как посадить почётного красноармейца в тюрьму неудобно, а выслать заграницу - так Мейерхольд отлично и за границей устроится, и потеряет лишь Москва.

За этими рассказами пролетел весь завтрак, а затем мы вместе шли по улице.

Ввиду телеграммы от Дягилева, спрашивающего относительно Якулова, я звонил по телефону последнему. Но Якулов оказался в Тифлисе, и я говорил сначала с его женой, потом с братом. Брат обещал телеграфировать ему в Тифлис. Значит, Дягилев решил всерьёз ставить мой балет, следовательно, вступил в свои права исключительного обладания этим балетом на три года, а потому вопрос о его постановке в Мариинском театре в числе одного из трёх балетов прокофьевского балетного спектакля отпадает.

Искали с Асафьевым, чем бы дополнить этот спектакль. Мне приходило в голову взять увертюру и матлот, написанные два года тому назад для Романова[12], прибавить к ним три или четыре номера из Квинтета и присочинить один или два связывающих номера, в которые входили бы темы из того и другого. Если всё это оркестровать и придумать к этому сюжет, то между делом мог бы родиться новый балет.

Вечером отправил Пташку в Большой театр на «Китеж», а сам отправился в Колонный зал давать концерт для беспризорных. Какой-то скептик сказал:

- Это не для беспризорных, а для пуль беспризорных, ибо нет другого способа от них избавиться.

Очень приятно было играть в нарядном Колонном зале, который гораздо красивее Большого зала Консерватории, да и звучит здесь лучше. Сегодня я играл лучше, чем ту же программу в первый раз четвёртого февраля, но всё же в финале 4-й Сонаты все четыре пассажа с перехватами обеими руками гаммок - мимо. В конце вечера огромный успех. Я бисирую Маршем из «Апельсинов» и Гавотом из «Классической». В зале рёв.

На концерте была Надя Раевская, которая пришла ко мне в артистическую с интересной рыжей дамой, из артистической студии Вахтангова. Она жена Надиного бо-фрера[13] - Шереметева, которого я уже видел, но фамилии её я не запомнил. Затем явились благодарить меня представители комитета по ликвидации беспризорности: мужчина и древняя старушка. Последняя была трогательна, говорила:

- Если я умру, не забудьте беспризорных. У нас ведь план ликвидировать их в три года, и ребята ведутся строго по этому плану, но для осуществления его нужны средства.

Затем она ещё раз благодарила меня за концерт в их пользу.

Я отвечал:

- Ликвидация беспризорных - общее дело. Я работал на это дело час, а вы посвящаете всё ваше время, поэтому не вы должны благодарить меня, а я вас.

[12] Речь идёт о балете «Трапеция», заказанном хореографом Б.Романовым. Музыка к нему была позднее использована С.Прокофьевым для Квинтета и Дивертисмента.

[13] Шурин, от beau-frère (фр).

16 февраля

В десять часов уже ввалился Асафьев и Мейерхольд. Почётный красноармеец теперь такая важная личность, что я был даже удавлен той простотой, с какой он явился ко мне для того, чтобы принять на себя постановку «Игрока». Но не потому ли он держит себя так просто, что я в Париже тоже являлся к нему спозаранку, чтобы возить его на дягилевские репетиции? Сегодня он сразу заявил, что с удовольствием возьмётся за постановку «Игрока» и таким образом это дело слажено. А раз Маршшский театр специально для этого заполучает себе такого кита, как Мейерхольд, то значит спектакль будет с треском.

Я говорил Мейерхольду, что прежде чем приступать к переделке «Игрока», а переделка будет основательная, я хотел бы, чтобы он высказал бы свои пожелания относительно выправления моего старого либретто, если где-либо это требуется. Особенно меня беспокоила в этом отношении последняя картина.

Мейерхольд:

- Мы непременно поговорим о различных деталях, как только вы вернётесь из вашей вторичной поездки в Ленинград, то есть через неделю. Тогда приходите ко мне обедать, а я постараюсь ещё достать Андрея Белого, если вы ничего не будете иметь против этого.

Я:

- Наоборот, я буду рад, я очень люблю Белого, но разве он компетентен в делах сценических?

Мейерхольд:

- О да, он отлично чувствует сцену и сейчас очень интересно переделывает для меня один из своих романсов.

На этом мы расстались. Немножко позже зашёл за мной Мясковский и повёл меня в Музсектор, находящийся в бывшем магазине Юргенсона, где меня ждал Юровский для урегулирования со мной вопроса об издании моих старых сочинений, принадлежавших раньше Юргенсону и Гутхейлю и с революцией перешедших во власть Музсектора. Но Музсектор экспроприирует только издателей, то есть пауков, а композиторов он обижать не желает. Ещё сомнительно положение композиторов, живущих за границей, но Мясковский, пользующийся большим влиянием в Музсекторе, и вся его группа всё время поддерживали мысль, что я совсем не эмигрант, а человек, легально, с советским паспортом выехавший на продолжительный срок за границу. Мой теперешний приезд окончательно укрепил эту позицию и таким образом перед Музсектором в лице его председателя Юровского лежала задача узаконить со мной отношения. Это была недешёвая игрушечка для Музсектора, так как надо было заплатить за всё проданное в течение девяти лет революции, а также за приобретение прав на несколько лет в будущем.

Для определения вознаграждения за каждое сочинение в Музсекторе была принята система, предложенная Мясковским, которая заключалась в том, что высчитывалось количество четвертей в пьесе, которое множилось на достоинство вещи (фортепиано, ансамбль, оркестровая партитура), и затем помножалось на достоинство автора, которому выдавалось в общем от семи до двенадцати процентов с продажной цены экземпляра.

Разговор мой с Юровским продолжался около двух часов. Он мне сразу предложил двенадцать процентов, но, не видя при этом удовольствия на моём лице, сразу поднял до пятнадцати процентов. Эти пятнадцать процентов больше, чем двадцать пять процентов, выплачиваемых мне издательством Кусевицкого, так как они отсчитываются с продажной цены экземпляра, а у Кусевицкого - с фактической его цены, за которую экземпляр уступается магазину, а уступается он со скидкой чуть ли не в пятьдесят процентов.

Я не соглашался подписать окончательный договор на неопределённое время, но предлагал договор, ограниченный тремя годами, считая его пробным и проходным для будущего. Это был средний выход, но Юровский согласился на него, а затем говорил о пьесе к предстоящему через полгода юбилею советской революции. Это было самое неприятное, так как надо было во чтобы то ни стало отказаться, но отказаться под приятным и благовидным предлогом. Я отвечал, что писать какую-нибудь ерунду, и притом наскоро, я не считаю возможным, а для того, чтобы приготовить к Октябрю серьёзную вещь, у меня нет времени, так как летом, согласно контракту, я должен заканчивать «Огненного ангела», Юровский дал тогда понять, что иметь такую вещь от меня им настолько важно, что они не остановятся перед крупным гонораром, размер которого даже не важен для них. Тут я вспомнил про мой дягилевский балет и рассказал, что по существу у меня есть советская вещь, и трудность не только во времени, но и в том, что писать вторую вещь, пока я не увижу, что вышло из первой, те совершенно невозможно.

Словом, я так превосходно увёртывался, что, когда мы дружественно распростившись с Юровским, расстались, меня догнала его секретарша и, пока я в другой комнате одевал пальто, занимала меня разговором, между прочим сказав:

- Александр Наумович (Юровский) думает, уж не приняли ли вы его за коммуниста? Но ведь ему по обязанностям службы необходимо было переговорить с вами о юбилейной вещи.

Встретившись с Пташкой, отправились к Рабиновичу, который непременно хотел, чтобы я посмотрел его макеты к постановке «Трёх апельсинов». Приехали мы к нему усталые, к тому же еле его разыскали, но были вознаграждены: макеты действительно оказались ослепительными. Таких нарядных декораций для «Апельсинов» ещё не делалось. Особенно мне понравилась первая картина, с перспективой, уходящей вглубь зеркал. Рабинович изумительно ловко умеет строить свои макеты, а потому его замыслы были отлично преподнесены. Он не без торжественности заявил, что посвящает их мне.

Затем надо было спешить домой, где меня ждал Разумовский, секретарь общества авторов, ибо я хотел написать заявление в общество авторов, протестуя против пятнадцати процентов отчисления при взимании предстоящих моих гонораров за постановку «Апельсинов» в Большом театре. Пока им приходится взимать по несколько рублей, а иногда и копеек с концертных исполнений, тогда пусть себе отчисляют с этой мелкой работы по двадцать пять процентов и больше. Но когда дело касается крупных сумм в Большом театре, которые, кстати, и получать-то будут не они, а через «Книгу» - издательство Кусевицкого, то тут уж и пятнадцать процентов становятся грабежом. Французское общество авторов берёт что-то вроде двух процентов, а может, и меньше.

Всё это я объяснил Разумовскому и мы вместе написали моё заявление, причём Разумовский дал понять, что, вероятно, общество авторов пойдёт те навстречу, так как рассориться со мной в момент моих успехов было бы для них слишком невыгодно.

После ухода Разумовского надо было собирать чемоданы, так как сегодня вечером мы снова уезжали в Ленинград. Появился Цуккер, чтобы пожелать мне всего хорошего и проводить на вокзал. Я справился у него о Шурике, но он мялся, говорил, что это трудно, что дело щекотливое, надо быть осторожным, чтобы не повредить, и что то лицо, к которому надлежит обращаться, всё ещё не вернулось в Москву. Ясно было, что Цуккеру это предприятие было неприятно и что он не хотел своими ходатайствами набросить на себя какой-нибудь тени.

Мы погрузили чемоданы в автомобиль и, провожаемые Цуккером, поехали на вокзал. По забавному совпадению, у нас то же купе международного вагона, что и оба прошлых раза, но теперь Экскузович не едет с нами. Зато едет Асафьев.

Доплаты в международном обществе весьма высокие, в несколько раз дороже обыкновенного билета, и Асафьев, нагоняя экономию, едет на этот раз в жёстком вагоне.

После того, как поезд приходит в движение, я отправляюсь его разыскивать. Конечно, в жёстком вагоне не очень уютно, но у Асафьева отдельная скамья и мягкая подстилка для спанья. Мы с ним немножко поболтали - я только что получил от московского бюро газетных вырезок пачку с рецензиями, и мы её проглядывали.

Я рассказал Асафьеву, что сегодня, идя с Мясковским к Юровскому, я предложил Николаю Яковлевичу денег на поездку в Ленинград к исполнению его 8-й Симфонии, но Мясковский сказал, что ему вовсе туда ехать не хочется. А по-моему, это просто, чтобы не брать денег, но если бы у него деньги были, то он проехался бы с удовольствием. Асафьев согласился со мной и взялся написать ему, дабы вытянуть его в Ленинград на исполнение симфонии.

Уговорились затем относительно программы моего пребывания в Ленинграде (которая, впрочем, в главных своих чертах уже была размечена во время прошлого приезда), мы с ним расстались и я вернулся в мой аристократический спальный вагон, которого не вывели из обращения никакие перевороты.

Асафьев мне потом рассказывал, что его соседи по жёсткому вагону узнали меня, и после моего ухода были с ним очень предупредительны. Так как Асафьева раздражал дым, то они перестали курить.

17 февраля

В десять часов утра Ленинград, а перед тем несколько взглядов в окно на занесённые снегом окрестности. Знакомые очертания Саблина я на этот раз рассмотрел, несмотря на белый полог, скрывающий их.

Расставшись на Николаевском вокзале с Асафьевым, поехали в «Европейскую» гостиницу, где получили замечательный номер: просторный, светлый, состоящий из огромной гостиной, спальни, ванной, передней и даже комнаты для любовника, как я назвал прилегавший к передней большой тёмный чулан.

Первым появившимся лицом была Катя Шмидтгоф. Она рассказывала, как успешно перед катастрофой с потерей руки шли её занятия в театре, и что хотя теперь, конечно, её актёрская карьера погибла, она всё же могла бы учиться режиссуре, к которой чувствует большое призвание. Словом, не могу ли я дать концерт в её пользу, - и тогда она могла бы два года учиться режиссёрскому искусству с тем, чтобы вновь войти в театральный мир, который так трагически для неё закрылся. Просила она это с той же милой бесцеремонностью, с которой её брат забирал у меня когда-то деньги.

А с другой стороны, если стать на её точку зрения, то ведь в сущности это так просто: вот взял я, да и дал лишний концерт (не всё ли равно: одним больше или меньше - ведь и так много даю), а смотришь - у неё новая жизнь создастся.

Но я рассудил, что потеря руки слишком большой гандикап[14] для того, чтобы рассчитывать на удачный исход этих занятий, да и не так просто было бы организовать концерт. Поэтому я ответил, что в мой ленинградский приезд я связан с Филармонией и поэтому никакой концерт вне её невозможен.

Затем я отправился на репетицию симфонического концерта, а Катя Шмидтгоф долго сидела с Пташкой, рассказывала ей про свою жизнь.

Она уже третий раз замужем. Первый раз она вышла замуж в 1917 или 1918 году, вскоре после моего отъезда в Америку, за актёра. Это был брак по любви и поездка их в Сибирь, куда её муж отправился играть, осталась лучшим

[14] Помеха, затруднение, от handicap (фр).

воспоминанием её жизни, несмотря на все трудности междуусобствовавшей России. Но счастье длилось всего лишь несколько месяцев - муж заболел и умер, оставив её в самом беспомощном состоянии и безнадёжном настроении.

В состоянии подобной безвольности она вышла замуж за коммуниста, которого не любила, но в котором надеялась найти опору. Этот коммунист, типичный самец, был человек жестокий и ревнивый, и Катя Шмидтгоф была с ним несчастлива. Он запирал её и чуть ли не бил. Во время одной из подобных сцен один молодой человек пытался за неё заступиться, но во время схватки был убит коммунистом. Очевидно, муж ревновал молодого человека, хотя Катя утверждает, что к тому не было основания. Коммуниста посадили в тюрьму; но не прошло нескольких месяцев, как он вновь появился перед своей женой, освобождённый благодаря какому-то манифесту. Катя в ужасе перед ним отшатнулась, но он вновь требовал её в жёны, говоря:

- Ведь вы всё равно не скоро найдёте такого мужчину.

Катя, однако, к нему не вернулась, и теперь она замужем в третий раз за морским офицером, имеет от него ребёнка и довольно счастлива, хотя муж и много отсутствует, плавая по северным морям. Катя Шмидтгоф безостановочно курит, довольно ловко зажигая спички одной рукой.

Моя сегодняшняя репетиция происходила под управлением Малько - с новой программой, а именно: Сюита из «Апельсинов», «Классическая» Симфония, новая Увертюра и 2-й Концерт. Из этой программы сегодня Малько репетировал «Апельсины» и Симфонию: ничего, как всегда серьёзно и аккуратно, но без полёта и увлечения.

Когда я выхожу на улицу, то внизу огромный хвост за билетами. Меня узнают и аплодируют. Вот уж долготерпение! Стоят в хвосте два часа, да ещё аплодируют.

Возвращаюсь в «Европейскую» и с сожалением вижу, что рояля ещё нет, а между тем ещё в прошлый приезд я договорился с Хаисом, что мне пришлют его из Филармонии сегодня утром. Нетерпеливо звоню в Филармонию, там говорят, что рояль почему-то задержался, но его вот-вот пришлют. Досадно, ибо сегодня вечером мой первый клавирабенд и необходимо повторить программу, которую я не играл почти три недели.

В четыре часа наконец сообщают, что рояль привезли в гостиницу. Я открываю двери, убираю мебель и жду, но проходит полчаса и рояль не появляется. Спускаюсь в вестибюль и вижу, что огромный рояль действительно стоит, но вокруг него никого нет. Оказывается, что во время того, как его втискивали в отель, убежали лошади, на которых его перевозили, и извозчики их ловят; почему целые полчаса - неизвестно. Я опять звоню в Филармонию и наконец в половине шестого вечера рояль вваливается в мой номер на девяти коридорных, похожий на сороконожку.

Я сел за повторение программы, но в общем вся эта комедия с роялем испортила мне весь день. Не успел ни отдохнуть после некрепкой ночи в дороге, ни поупражняться как следует.

Вечером Колонный зал набит битком. Играю почти хорошо, кроме отдельных гаф[15]: пресловутый конец первой части в 5-й Сонате, кое-что в «Мимолётностях» и т.д. Успех по установленному плану: хороший после 3-й Сонаты и «Мимолётностей», сдержанный после Пятой, и бурный, как только заиграл Марш из «Апельсинов» и прочие мелочи. В конце три или четыре биса и рёв с пронзительными выкриками, пока не потушили электричество и даже после.

Андрей Римский-Корсаков, который уже написал хорошую рецензию про прошлый концерт, заговаривает о совместном создании вещи с текстом Разумника, декорациями Петрова-Водкина и режиссурой Мейерхольда. Я вообще далёк от

[15] Промах, ошибка, от gaffe (фр).

принятия каких-либо подобных решений, но раз ко мне обращается Андрей Римский-Корсаков - доселе мой принципиальный враг, а ныне новообращённый хвалитель, то я ускользаю, мягко говоря, что я всё равно завален работой до конца этого года, а потому не лучше ли отложить разговоры об этом проекте до моего следующего приезда.

Появляется Добычина и с тихой назойливостью меня преследует, чего-то добиваясь, по-видимому, того концерта в пользу квартетного общества, от которого я считал себя отвертевшимся. Пока я выхожу на вызовы, она стоит за колонной на пути в артистическую и тихим голосом говорит:

- Вот, орут. Может быть, вы думаете, что это успех? Может быть, вы думаете, что это любовь? Нет. Любовь не в крике, а в тихом понимании.

Я помню, что у неё связи в ЧК, и выслушиваю её. Но появляются Карнеевы, и Лидуся издали видит скуку на моём лице. Она подходит ко мне и отводит в сторону:

- Спасти вас, Сергуся, от этой старухи?

- Ах, ради Бога, Лидуся, - она отравит мне весь приезд.

Мы берёмся под ручку и за колоннами отходим подальше от Добычиной. Вдруг аплодисменты, которые начали было стихать, раздались с новой силой. Оказалось, что двигаясь позади колонны, мы попали в поле зрения публики, которая, увидев меня, захлопала сильнее. Мы сконфузились и быстро исчезли.

Вернувшись в артистическую, я застал там много народу. Среди них - Асафьев, Дранишников, Оссовский, Малько, Катя Шмидтгоф, брат и сестра Алперсы, Рудавская и пр. Последняя утром звонила ко мне, так как при прошлой встрече я пообещал ей билет на концерт. Сообщая в ответ, что билет ей будет оставлен в конверте в бюро отеля, я спросил её:

- Антонина Александровна, а сколько раз вы замужем? - вопрос вполне естественный ко всякой красивой женщине в советской России.

Но с обычной своей рассудительностью, она остановила меня словами:

- Сергей Сергеевич, о таких вещах неудобно говорить по телефону.

Пташке очень нравятся Карнеевы и она уговорилась с Лидусей, которая всё-таки осталась модницей, ехать завтра смотреть меха. Меха - это то, что необходимо закупить в России всякому человеку, обитающему за границей.

18 февраля

Следующая репетиция того же концерта. Оркестр распущенный, «игривый», как извинительно отозвался Малько. Музыканты хуже, чем в Персимфансе, однако Увертюра оп.42, которую репетируют сегодня, идёт с дирижёром лучше, чем в Москве. Кроме Увертюры много зубрили 2-й Концерт.

После репетиции Хаис и Малько пригласили меня в управление Филармонии, которое помещается в том же здании. Малько заявил, что Филармония платит моему издателю за все «незаконные» исполнения моих партитур по списанным материалам. Затем Хаис спросил, куда надлежит перевести мой гонорар. Я указал мой банк в Нью-Йорке. Хаис записал. При этом ни слова о прибавке к моему гонорару, лишь напряжённо смотрит, когда же заговорю об этом я.

Тем временем он пытается поторговаться со мной относительно размера суммы, которую мне надлежит получить за приезд. Это меня бесит, хотя я не показываю вида. Когда же он, не смущаясь, заговаривает о моих концертах в будущем году, я отвечаю:

- Едва ли это выйдет. Ведь мне концерты с Ленгосфилом не выгодны. Я лучше поеду на юг, в Харьков, на Кавказ, где мне платят вдвое больше.

Хаис откинулся на спинку. Эффект от моей фразы был так велик, что даже я его не учитывал. Малько мнётся и выгораживается, что он совсем недавно

директор, а все переговоры велись при Климове. Я его успокаиваю, говоря, что вполне отдаю себе отчёт в этом. Хаис заикается и Малько старается смягчить разговор.

Выходит, будто с Хаисом я вовсе не желаю вести переговоры о будущем сезоне, но может сговорюсь с Малько. Хаис вскакивает и говорит, что он выйдет, дабы не мешать нашему разговору. Мы его удерживаем и он остаётся, но через короткий промежуток времени всё-таки под каким-то предлогом выходит.

Малько хохочет. По-видимому, он очень доволен инцидентом, так как моим ходом я даю ему козырь перед Хаисом в делах управления Филармонией. Затем Малько переходит на другие темы и, коснувшись «Огненного ангела», рассказывает анекдот про Брюсова. Оказывается, когда умер Брюсов, у его жены стали просить его неопубликованные рукописи. Последних не оказалось или было слишком мало, но жена предложила его дневник, который он вёл последнее время на древнегреческом языке, блистая своей учёностью. Дневнику страшно обрадовались и немедленно засели за его перевод, но тут выяснилось, что почтенный коммунист в дневнике на чём свет стоит ругает советский строй. Так и неизвестно, что с дневником сделалось.

Возвратился Хаис. Обменявшись с ним несколькими фразами, я простился - с Малько мило, с Хаисом вежливо.

Но всё-таки хороши, так ни копейки и не прибавили и лишь вскользь дали понять, что они не могут выходить за пределы той суммы, которая утверждена, ибо, случись ревизия, им намяли бы за это шею.

Вернувшись домой, я повторял 2-й Концерт и спал. Пташка ушла с Лидусей смотреть соболь. Приходила Катя Шмидтгоф, сообщая, что она нашла какую-то замечательно выгодную квартирку для себя, но для этого ей нужно двести пятьдесят рублей, которых у неё нет. По-видимому, если не концерт в её пользу, то хоть что-нибудь. Пообещал ей половину - пришлю из Москвы, ибо сейчас у меня на руках денег не так много - весь мой гонорар Ленгосфил переводит прямо в долларах за границу.

Звонил Хаис и говорил о тягостном впечатлении, которое произвёл на него сегодняшний разговор. Он-де не виновен, а виноват Климов, который был тогда директором и теперь вышел в отставку. Врёт: конечно, всеми этими делами ворочает Хаис. Но сейчас, говоря по телефону, я был корректен и сказал:

- Вы вправе говорить это, ибо все письма из Ленгосфила ко мне были подписаны не вами, а Климовым.

Такой оборот мало удовлетворял Хаиса, ибо вполне соглашаясь с формальной стороной его объяснений, я всю вину всё же оставлял за ним. Так разговор ничем и не кончился.

Телеграмма от Якулова из Тифлиса. По-видимому, вопрос с постановкой моего балета у Дягилева налаживается. В связи с этим писал письма и телеграммы Дягилеву в Париж и Якулову в Тифлис.

В семь часов явилась Пташка в сопровождении Лиды и моряка, который живёт у них в квартире, очень молчаливого и корректного человека. Сидели, болтали. Я и Лидуся вспоминали Териоки и всякие шутки и шалости того периода.

Вечером никуда не пошли и легли спать пораньше.

19 февраля

Опять симфоническая репетиция. Увертюра идёт стройнее, чем в Персимфансе. Концерт я играю хорошо, но оркестр распущен и недостаточно серьёзно относится к делу. Говорят, когда приезжал дирижировать Клемперер, то он так ругал оркестр, что решили не пускать публику на репетиции, дабы не позорить оркестра.

На репетиции Асафьев, которому я сообщаю о вчерашней стычке с Хаисом. Как «патриот» своего города, Асафьев возмущён поведением Ленгосфила. Хаис появляется только для того, чтобы вручить мне билеты на концерт, холодно и быстро. Билетов он вручает, однако, столько, сколько я просил - десять или двенадцать, для друзей и знакомых.

Днём упражняюсь и сплю. За стеной поют с завыванием цыганские романсы. Революция вывела форсящую аристократию и кутящее купечество, но спасовала перед цыганщиной!

Вечером симфонический концерт под управлением Малько. Программа начиналась с Увертюры, которая для пущего вразумления публики была поставлена два раза подряд. Однако успех лишь немногим более московского, то есть слабый. 2-й Концерт я сыграл свободно и корректно, первый раз без инцидентов. Дальнейшее воспоминание об этом вечере смешалось с другими концертами, а в кратком дневнике записей нет.

20 февраля

Так как Луначарский приехал на несколько дней в Ленинград, то сегодня днём давались для него «Апельсины», которые он до сих пор не видал. Луначарскому надлежало решить, стоит ли послать эту постановку в Париж, как это теперь проектируется.

Дирекция любезно прислала мне целых две ложи для моих знакомых, чем я и воспользовался, разослав все двенадцать мест, в том числе и М.Г.Кильштетт, либреттистке моей детской «Ундины».

Когда мы с Пташкой приехали на спектакль, то в режиссёрском кабинете встретили Луначарского, Рапопорта и Экскузовича. Разумеется, между Луначарским и дирекцией шёл горячий, хотя и полушутливый разговор о предстоящей посылке одного из советских театров за границу.

- Ведь если мы пошлём вашу постановку «Апельсинов», то мне большевики жить не дадут, - сказал Луначарский.

При слове «большевики» он засмеялся, ибо это означало Московский Большой театр, который спешно приступает к постановке «Апельсинов», имеющей быть в декорациях Рабиновича более роскошной, чем ленинградская.

В режиссёрскую вошёл один из помощников и спросил, может ли Дранишников начинать спектакль. Нас провели в одну из лож в первом ярусе с левой стороны. В ложе сели так: Луначарский, я и Пташка в первом ряду, Экскузович и двое сопровождающих Луначарского - во втором. Луначарский наклонился ко мне и сказал:

- Мне очень приятно слышать эту оперу, сидя рядом с вами, - будто сказал комплимент барышне.

Это было так сладко, что я ничего не нашёлся ответить.

При вторичном слушании, или, вернее, смотрении, «Апельсинов», когда все трюки были знакомы и более не ошеломляли, начали выступать некоторые недостатки. О некоторых из них я пошептал сидевшему сзади меня Экскузовичу. Экскузович воспользовался моим критическим настроением и в антракте попросил меня записать все мои замечания и пожелания, дабы в дальнейшем это могло быть принято во внимание и исправлено.

В антракте мы все перешли в директорскую гостиную при боковой ложе, где был накрыт чай и угощение. Туда же в одном из антрактов ввалился Глазунов, который на спектакле, кажется, не был, а зашёл так, на огонёк. Луначарский сейчас же спросил, как ему нравятся «Апельсины», но Глазунов, промычав что-то невнятное, сунул в ответ Луначарскому пригласительные билеты на Бетховенский

концерт. А Дранишников тут же сочинил поговорку, перефразируя другую:

- Понимает, как Глазунов в «Апельсинах».

Экскузович отвёл меня в сторону и сообщил, что у него замечательная идея поставить одновременно с «Игроком» «Шута» так, чтобы обе вещи шли в один спектакль. Я в ужасе - одно впечатление будет выбивать из другого, да кроме того это разрушит проект балетного спектакля из моих сочинении. Поэтому я энергично протестовал и сейчас же передал этот проект Асафьеву, прося его тоже препятствовать при случае.

За стаканом чая Луначарский расхваливает «Скифскую» сюиту, её силу и натиск. Его кто-то спрашивает:

- А «Апельсины»?

- А «Апельсины», - отвечает Луначарский. - это бокал шампанского, который искрится и пенится.

Мы возвращаемся в ложу и спектакль продолжается. В одном из антрактов меня вызывают и я кланяюсь из ложи, а в конце выхожу вместе с артистами перед занавесом. В других антрактах большинство времени провожу в директорской гостиной.

В кулуарах перед ложей меня ловит Мария Григорьевна Кильштетт, потом Наташа Гончарова, которую я не сразу узнаю, а потом припоминаю туманно, хотя и раскланиваюсь любезно. Затем Барков приводит дочку Лидуси, прелестную девочку лет десяти. Но всё это проскакивает, как калейдоскоп. Вероятно, были ещё встречи, которых я не помню.

После спектакля отправляемся обедать к Малько вместе с Асафьевым. Луначарский прощается и спрашивает, еду ли я сегодня на вечер к Алексею Толстому, которого я знал по Парижу ещё до того, как он демонстративно покинул эмиграцию и обратился в доброго советского гражданина. Он действительно звонил вчера мне по телефону и приглашал прийти. Но вечер мой уж и так разделён между Малько и Щербачёвым, и я должен был отказаться.

Малько живёт тут же около Мариинского театра, на Крюковом канале, в доме, где некогда жил Зилоти. Пока обед ещё не готов и Малько беседует с Асафьевым, а Пташка - с женой Малько, очень хорошенькой еврейкой, которую он подцепил где-то на юге, я сижу за письменным столом с клавиром «Апельсинов», который перелистываю от первой страницы до последней, вписывая по просьбе Экскузовича все мои замечания, касающиеся как режиссуры, так и музыкального исполнения.

Обед очень вкусен, как все обеды, которыми нас угощали в России. Малько без остановки рассказывает: у него талант презанятно рассказывать о пустяках, почти что ни о чём. Он рассказывает так много, что под конец у меня начинает пухнуть голова. В девять часов вечера прощаемся и едем к Щербачёву, у которого сегодня сбор всех ленинградских молодых композиторов в мою честь.

Щербачёв живёт на Николаевской улице, ныне революционно переименованной, недалеко от того места, где раньше жил Лядов. По страшнейшему морозу едем в санках через весь город, Пташка и я на одном извозчике, Асафьев на другом.

Подъезжая к Щербачёву, я нахожу своё положение несколько дурацким: с одной стороны, молодые композиторы собрались мне играть свои сочинения, а с другой - я ведь не знаю, что за дух царит среди них, «свой» я или не «свой», а потом - очень хорошо быть знаменитым композитором, но ведь всякий молодой композитор считает себя открывателем Америки, и независимо от того, выйдет ли из него что-нибудь или не выйдет, очень часто смотрит на «мэтра» прежде всего с задором.

У Щербачёва хорошая квартира, но влезать в неё надо по чёрной лестнице, как почти всюду в Ленинграде. Мы приехали довольно поздно, поэтому все уже в сборе: сидят на всех стульях и диванах. Но атмосфера для меня сразу делается простой и более приятной, чем я думал, ибо первым долгом окружают старые знакомые -

Дешевов, Тюлин, Щербачёв.

Дешевов нисколько не изменился, такой же юркий, любезный, восторженный, приятный. Ему под сорок лет, а всё хочется сказать, что он начинающий и что подаёт много надежд. Однако времени тратить нельзя: впереди большой список сочинений, которые имеют быть мне сыгранными, а потому сразу приступаем к музыке.

Первым играет Шиллингер какую-то сложную и малоинтересную вещь. Если так будет весь вечер, то благодарю покорно. Он кончает и я не знаю, что сказать. Но Шиллингер подсаживается и начинает по нотам объяснять сущность построения, в которое входят различные революционные темы: «Интернационал», «Мы жертвою пали» и т.д. От этого пьеса не делается более понятной и я стараюсь отделаться задаванием вопросов, умалчивая при этом о моих впечатлениях.

Вторым номером играет Шостакович, совсем молодой человек, не только композитор, но и пианист. Играет он бойко, наизусть, передав мне ноты на диван. Его Соната[16] начинается бодрым двухголосием, несколько баховского типа, вторая часть Сонаты, непрерывно следующая после первой, написана в мягких гармониях с мелодией посередине. Она приятна, но расплывчата и длинновата. Анданте переходит в быстрый финал, непропорционально короткий по сравнению с предыдущим. Но всё это настолько живее и интереснее Шиллингера, что я радостно начинаю хвалить Шостаковича. Асафьев смеётся, что Шостакович оттого мне понравился, что первая часть его Сонаты написана под моим влиянием.

Затем следует напечатанный сборник, в который вошли сочинения пяти или шести композиторов, в том числе Тюлина (довольно приятно, но бледно, немного в стиле некоторых «Мимолётностей»), и Щербачёва - это гораздо интереснее, чем я думал, вспоминая его «Шествие», которым я когда-то дирижировал на консерваторском акте.

После чая следовало продолжение. Играл Дешевов, которого в своё время так расхваливал побывавший в Ленинграде Мийо. Дешевов жив, игрив, не слишком диссонирует, и если предварительно условиться, что он не метит в значительные композиторы, то его слушать очень приятно. На основании его отдельных пикантных пьес ему был заказан балет, но он не выдержал экзамена на большой вещи, хотя отдельные части этой вещи и удачны. Дешевов никак не хотел уходить от фортепиано, ему хотелось сыграть и то, и другое, и переложенное на две руки, и на четыре, а я уже начинал торопиться слушать следующих, потому что время было позднее и моё внимание начинало притупляться.

Когда Дешевова наконец деликатно удалили от рояля, его место занял Попов со своим Октетом и Нонетом, написанными для довольно странного состава карандашом и притом довольно неясно. Среди общей контрапунктической вязи мелькали интересные моменты и я, вероятно, воспринял бы гораздо больше, если бы в моём мозгу уже не шевелились бы какие-то тяжёлые волны от всей прослушанной за сегодняшний день музыки.

По-видимому, сознавая контрапунктическую вязкость своего письма, Попов для развлечения публики ввёл довольно легкомысленную темку, которая, однако, меня раздражала, ибо мне казалось, что он, в погоне за контрастом, переборщил. Теснимый усталостью, я с нетерпением ждал конца Нонета и просил Щербачёва, чтобы затем он сыграл кое-что из своей Симфониетты, после чего я мог бы идти домой. Но Щербачёв сказал, что необходимо выслушать ещё органную вещь Кушнарёва, очень интересную и хорошо сделанную, для исполнения которой только что приехала пианистка Юдина. Пришлось подчиниться и Юдина с автором сыграла на рояле эту вещь. Музыка здесь совсем другого рода, гораздо более старообразная,

[16] Первая соната для фортепиано. Оп.12.

не без уклонов к Рахманинову, однако, несомненно недурно сделанная.

Но я окончательно одурел и каждая нота впивалась в мозг огненным гвоздём. К концу вещи Кушнарёва я почувствовал, что не могу принять больше ни одной ноты. Мы прощаемся и уезжаем, очень жаль, что не прослушав Симфониетту Щербачёва, ибо, кажется, он колоссально самолюбив, а я как раз его и не дослушал.

За время нашего музицирования мороз на улице ещё больше покрепчал и кажется достиг максимальной точки за время нашего пребывания в СССР. Градусник, во всяком случае, переваливает за 20 градусов по Реомюру[17], что при отсутствии меховой шапки и мехового воротника становилось угрожающим. Пока мы на извозчике плелись в «Европейскую» гостиницу, я всё время шевелил пальцами на руках и ногах, дёргал бровью, губами и щеками, дабы движением согревать те части тела, которые могли быть отморожены. Впрочем, такая морозная встряска была полезна для выветривания всех звуков, собранных за день.

21 февраля

День Консерватории, о котором Асафьев писал ещё в Париж и о подробностях которого говорил со мной в Москве. После вчерашних музыкальных эксцессов мы проспали, встали лениво, поздно пили кофе и в результате оказалось, что когда ко второму часу за нами заехал ученик, чтобы нас везти в Консерваторию, мы не успели ещё позавтракать.

Когда в автомобиле ученик нас подвёз к Консерватории, то я с острым любопытством всматривался в учреждение, которое в течение десяти лет было центром моей жизни: с тринадцати лет до двадцати трёх. И странное впечатление – то же здание, в котором коридор, каждая ступенька знакомы, - и наполненное совершенно иными людьми.

Нас быстрым шагом проводили в кабинет директора, тот самый, где тринадцати лет от роду я держал вступительный экзамен. Тут оказалось несколько знакомых профессоров, к которым постепенно стали прибавляться другие: Асафьев, Оссовский, Николаев. Малько, Чернов, Штейнберг.

Малько уже начал что-то рассказывать, кажется о том, что Глазунов терпеть не может, чтобы портрет Рубинштейна висел криво, и о том, что ученики, заметив однажды, как Глазунов встал для того, чтобы его поправить, каждый раз теперь перед заседанием в кабинете директора (теперь в заседаниях принимают участие и представители от учеников), подвигали портрет Рубинштейна, накренив вбок, и с вожделением ждали того момента, когда Глазунов встанет и его поправит.

Между тем шли какие-то приготовления в Малом зале. Оссовский, Асафьев, Малько всё время то уходили, то возвращались, потому что ученикам Консерватории на вход в Малый зал были розданы билеты и они всячески жулили с ними, ибо Малый зал не мог принять всей Консерватории.

Оссовский ещё неделю тому назад спросил меня, где я желаю играть, в Малом зале или Большом, и я без колебания выбрал Малый, который составляет часть учебной Консерватории и который мне гораздо роднее, так как в нём прошли все мои занятия с оркестром и все экзамены, тогда как Большой зал более чужд Консерватории и обыкновенно просто сдаётся внаём под концерты. А если в Малом зале не разместятся все учащиеся, то ничего, пусть пожмутся - я помню, этослучалось не раз в моей жизни во время консерваторских событий и такая толкотня казалась очень весёлой.

Наконец выяснилось, что в Малом зале всё готово и мы через всю Консерваторию трогаемся в Малый зал: Оссовский, Пташка, я, Асафьев и ещё

[17] 25 градусов по Цельсию.

несколько профессоров, словом - торжественное шествие. Я как бы со стороны смотрел на это шествие и вспоминал, как в моё время, когда приезжала в Консерваторию какая-нибудь заграничная знаменитость, совершалось такое же шествие, ученики с любопытством глазели на него, а затем сломя голову бросались в Малый зал, чтобы не опоздать к началу и, кроме того, чтобы не прозевать ту ученицу, за которой ученик в этот момент ухаживает.

При входе в Малый зал я был встречен аплодисментами. На эстраде был расположен ученический оркестр с Малько во главе, ныне профессором оркестрового класса, на манер того, как в своё время был Черепнин. Оркестр заиграл первую часть Седьмой симфонии Бетховена, ту самую, которую в своё время проходили и в черепнинском классе. Не потому ли сыграли её и теперь? А впрочем, едва ли: ведь об этом никто не помнит. После Седьмой симфонии весьма бойко были сыграны первая и третья части из моей «Классической» Симфонии. Это было очень приятно - консерваторский оркестр готовился к моему приезду.

Затем первая часть консерваторских торжеств была кончена и мы снова вернулись в кабинет директора, так как в Малом зале надо было очистить эстраду от оркестра, а зал от учеников; теперь должен был играть я и, разумеется, на это больше всего и целились консерваторцы, и тут-то и происходило всё жульничество с пропусками.

В кабинете директора теперь нас встретил Глазунов, который в качестве хозяина дома старался быть любезным, но любезности выжимал из себя не без труда и говорил по обыкновению невнятно. Вместо обычных сигар у него во рту теперь трубка, может быть потому, что теперь трудно доставать в России сигары.

Через некоторое время, когда Малый зал был очищен и вновь наполнен, нас опять повели через всю Консерваторию обратно. На этот раз Малый зал набит до отказу. Эстрада тоже густо заселена и в артистической около выхода на эстраду тоже народ.

Когда я собирался из артистической выходить на эстраду, чтобы играть, то увидел, что тут же стоит и Глазунов. Я не понял значения его присутствия, но директор ведь может всюду присутствовать. Однако, когда я вышел на эстраду и раскланялся в ответ на овацию, то увидел, что вслед за мною вышел и Глазунов.

Последний обратился ко мне с речью, которая начиналась словами: «Глубокочтимый Сергей Сергеевич...», (вот до чего дожил паршивый декадент, то есть я). Далее в речи следовало нормальное приветствие и ещё дальше экскурсия в прошлое с воспоминанием о тех временах, «когда вы, Сергей Сергеевич, доставили...». Тут он запнулся и поискал слово, которое могло быть: «честь» или «удовольствие». Но на слово «честь» у Глазунова не поворачивался язык, а слово «удовольствие» выходило, это он чувствовал, недостаточным для того торжественного приёма, который помимо него устраивала мне Консерватория. Поэтому Глазунов продолжал: «...когда доставили радость быть в этой самой Консерватории».

Затем следовало ещё несколько слов и приветствие закончилось, а я уже думал, неужели нужно будет отвечать и какую глупость я отвечу на эту неожиданную речь? Чёрт возьми, «радость, которую я ему доставил, будучи в стенах Консерватории»! Однако Глазунов протянул мне руку и не успел я пробормотать несколько слов благодарности, как он пошёл с эстрады. Я мог благополучно сесть за рояль и, как только аплодисменты стихли, начать мою короткую программу.

Сыграл я Третью сонату, затем Вторую и ряд мелочей. Особенный успех имели мелочи, после которых в зале стояли не аплодисменты, а треск. После окончания программы Асафьев ведёт нас через лестницы и коридоры, густо наполненные расходящимися учениками, в свой класс, где стоит мой шредеровский рояль, Рубинштейновская премия, с прибитой к нему серебряной дощечкой. После ряда

приключений, вывезенный из моей разграбленной квартиры Элеонорой, этот рояль попал в Консерваторию и Асафьев забрал его в свой класс, помещавшийся внизу, при входе с улицы к лестнице Малого зала. В этом классе рояль отлично защищен от прикосновения грубых пальцев, ибо играет на нём почти исключительно Асафьев и то, главным образом, отдельные примеры во время своих лекций по музыковедению. В остальное время этот класс держится на ключе. Я взял несколько аккордов на рояле и нашёл, что он в гораздо лучшем виде, чем я думал (я полагал, что от него остались лишь дряблые останки).

Немножко посидев в классе Асафьева, мы отправились к Оссовскому, в обладание которого перешла квартира покойного инспектора Консерватории Габеля, тут же при Консерватории, в четвёртом этаже. Есть хотелось смертельно - мы ведь не завтракали, а энергии пришлось истратить немало. Но только через час был подан обед, к которому явились и многие другие приглашённые, в том числе Малько, Николаев. Асафьев. Обед был замечательно вкусен и сервирован в том широком стиле и с тем радушием, которое свойственно было Оссовским в старое дореволюционное время, о чём я не преминул сказать им. К концу обеда я чувствовал себя совершенно осовевшим, а между тем консерваторские торжества ещё не близились к концу. Я выпросил у хозяйки разрешение пойти заснуть на полчаса и нас отвели в спальную хозяев, где в темноте и на удобной кровати я заснул как убитый, а Пташка только подремала.

Квартира у Оссовских просторная и очень удобная - когда строили Консерваторию, то позаботились об удобстве её управителей.

Около девяти часов вечера я проснулся освежённый и вылез в столовую, где некоторые из гостей ещё сидели за столом. Предстоял концерт учеников Консерватории из моих сочинений, и мы двинулись в Малый зал, который опять был наполнен. Я чувствую себя очень гордым, что ученики дают целую программу из моих сочинений, но Оссовский объясняет, что желающих выступить на этом вечере было заявлено втрое больше и из этих заявлений пришлось сделать выбор.

В программе, среди других вещей, виолончельная «Баллада», Первый концерт с аккомпанементом второго рояля, Третья соната, мелочи. Нас проводили в первые ряды, но специальных мест не было и я сидел то здесь, то там. Между двумя номерами, пока на эстраду водружали арфу, я заговорился с профессором Мусиной, и когда ученица вышла на эстраду и начала играть, то увидел, что моё место в третьем ряду занято. Я оглянулся туда-сюда и увидел, что единственный свободный стул в первом ряду. Я сел на него, очутившись у самых ног арфистки. Это оказалось фатальным для неё и едва она меня увидела, как запуталась в до-мажорной прелюдии до полной безнадёжности. (Ну хоть бы играла арфную мимолётность - там сложнее, а то в до-мажоре!). Словом, исполнение превратилось в страдание и хотя под конец она немножко выправилась и ей для ободрения захлопали, она, не поклонившись, сорвалась с места и не пошла, а побежала с эстрады. Это, впрочем, был единственный инцидент. Остальные играли хорошо, хотя некоторые и несколько робко. А Первый концерт, который я давным-давно не слыхал, мне прямо-таки доставил удовольствие и я взял Асафьева за локоть, спрашивая его точно о чужом сочинении:

- А ведь, кажется, его всё-таки ещё можно играть в симфонических концертах?

На это Асафьев ответил:

- Я тоже об этом думал, когда слушал, и нахожу, что можно вполне.

После концерта ужин в конференц-зале, в том самом, где тринадцать лет тому назад бурно присуждалась мне премия при окончании Консерватории. Впрочем, виновник бурных протестов, Глазунов, на этот раз отсутствовал: произнесение речи «глубокочтимому Сергею Сергеевичу», по-видимому, слишком его утомило.

В длинном и узком конференц-зале стол поставили в виде «тверда», причём у

этого «тверда» длинная ножка и короткая перекладина. Я сижу между Асафьевым и Николаевым, остальные профессора расположились тут же, окружая перекладину, кто окружал длинную ножку - я не мог рассмотреть. Оссовский провозгласил первое приветствие от имени отсутствовавшего Глазунова. Я немедленно ответил тостом за дорогого отсутствующего и отца Консерватории Александра Константиновича Глазунова. Затем следовало множество тостов, в том числе коммуниста ученика, того самого, который является делегатом учеников при профессорах. Речь его была обращена ко мне и произнесена в самых восторженных тонах, причём я призывался в руководители юного музыкального коммунизма. Вот тебе и на: придите и княжите! Асафьев, видя мой несколько странный вид, шепнул мне:

- Это ничего, что он произносит зажигательные речи. Он очень любит Баха и любит Метеус-Пассион[18]. В наших консерваторских делах с ним очень легко разговаривать, надо лишь знать, как за него взяться.

Оссовский произнёс ещё одну речь:

- Я застал, как вам пришлось с трудом пробивать дорогу для ваших новых идей, - настолько они были неожиданны для людей, вершивших в то время судьбы нашей музыки, но теперь, Сергей Сергеевич, пришли ваши люди и музыкой управляют люди с вами согласные.

Это утверждение, между прочим, лишнее - действительно, за время моего отсутствия как раз выдвинулись мои друзья и теперь они впряглись в мою музыку, чтобы дать её воспринять остальным.

Очень сложную речь произнесла Мусина-Озоровская, теперь профессор Консерватории и после развода с Озоровским и смерти его просто Мусина. Не то она подпила, не то вся обстановка привела её в состояние экстаза, но её тост превратился в ряд таких восторженных выкриков, что всех присутствующих охватила весёлость и смех. За смехом ей даже не дали докончить.

Далее следовали тосты за других присутствующих и за отдельных профессоров. Этим я воспользовался, чтобы подняться во второй раз и предложить тост за здравие Асафьева «ко мнению которого прислушивается Европа».

Во втором часу ночи ужин ещё не клонился к концу, но я больше не мог. Мы откланялись, поблагодарили и отправились домой. Вообще Консерватория меня принимала с двух часов дня и до двух часов ночи.

Консерватория и та, и не та. Много старого, ей присущего; знакомые лица профессоров, те же коридоры, парочки на окнах, Малый зал с органом и зеркалами. Но как того изменилось за эти тринадцать лет! На прощание меня ловит Чернов и вручает мне несколько отрывков, оставшихся от «Великана»: его какая-то ученица жила на той же лестнице, что и моя квартира, и знала, что там сжигаются рукописи ввиду наступивших холодов; кое-что она выменяла на несколько поленьев дров, но, к сожалению, спохватилась слишком поздно, и то, что она выменяла, кроме нескольких страничек «Великана», не представляло никакой ценности. Это были или оркестровые голоса или копии вещей, у меня уже имеющихся.

22 февраля

После вчерашних эксцессов надо было провести более спокойный день ввиду концерта вечером.

Звонила Элеонора, всё-таки. Говорила она о делах, о том, что спасение моего рояля стоило ей многих хлопот и расходов - около двенадцати английских фунтов по курсу того времени. Кроме того, у неё сейчас затруднительное положение и

[18] «Страсти по Матвею» И.-С.Баха.

нездорова мамаша, словом, ей нужны деньги. Я сказал, что пришлю ей требуемые двенадцать фунтов, как только вернусь в Москву, но что она должна отдать взамен взятые фотографические карточки, которые ей удалось спасти при разгроме моей квартиры.

Днём заходил в управление Филармонии, где те сообщили, что мои гонорары уже переведены в долларах за границу (оттого я и не мог сразу расплатиться с Элеонорой). Хаис, видя, будто я смягчился (но не мог же я его безостановочно язвить), просил мою фотографию с надписью, вероятно, для того, чтобы в ответ на слухи о недоразумении с Прокофьевым тыкать пальцем в карточку и говорить: «Вот видите, с надписью». Я ему ответил:

- Отлично, в следующий приезд.

Вечером концерт, реситаль со второй программой. Пташку с Лидусей я отправил в Мариинский театр на «Веру Щелогу»[19] с тем, чтобы они вернулись к концу моего концерта.

Сегодня я был всё-таки усталый и играл сонно. Во время Четвёртой сонаты даже заставил себя встрепенуться, но к концу её разошёлся и финал сыграл корректно, в первый раз за этот приезд. Вальсы Шуберта я играл, по рекомендации Асафьева, с Каменским, очень способным пианистом, с которым они шли лучше, чем с Фейнбергом. Вальсы имели шумный успех и были повторены. Кроме них было много других бисов. Крики и аплодисменты достигли силы первого концерта, в котором меня встречали.

Масса народу толпилась в артистической и по дороге от неё к эстраде. Мадам Потоцкая рассказывала про гибель своей дочери Нины, с которой в раннем детстве я учился танцевать. Мадам Потоцкая сама выписала её в Петербург из укромного места, убедившись, что в Петербурге ей не грозит никакой опасности. Но тут она была заподозрена в сношениях с белыми, предана суду и расстреляна. Этот рассказ вёлся урывками между моими выходами на эстраду - и эта смесь ревущей публики и картины суда и расстрела, сообщённой с еле сдерживаемыми слезами, как-то странно вязались вместе.

Появилась Элеонора и вручила фотографические карточки, которые, впрочем, оказались менее интересными, чем я думал, так как большинство из них у меня было.

Пташка и Лидуся появились уже по окончании концерта, так как их задержали в Мариинском театре. Появились ещё Тоня и Зоя. Зоя с Лидой уже успели поссориться, как и встарь.

Простившись с Карнеевыми, едем в Дом Работников Искусств, который мне прислал ещё в Москву телеграмму, выражая желание меня чествовать. Там масса народу и ужин с дивертисментами. Дивертисменты - это музыка Шапорина к ленинградской постановке «Блохи». Для этого он использовал частушки и переложил их для малого оркестра, смешанного с гармошками, что дало преинтересную звучность. Затем была дана сцена из японской трагедии в постановке Радлова.

За нашим столом - Дранишников, Асафьев, Радлов, Мусина. Её дочка, Тамара Глебова, которую я помню вот уже двадцать лет и с которой мы в своё время до одурения ссорились, учиняет со мной форменный флирт.

Когда я во время какого-то разговора сказал фразу несколько рискованную по отношению к коммунизму, Дранишников подошёл ко мне и на ухо шепнул, чтобы я был осторожен, так как за нашим столом сидит кто-то из коммунистов довольно ядовитого типа.

Хотя я умолял, чтобы сегодняшний вечер прошёл без речей, но всё-таки

[19] Одноактная опера Н.А.Римского-Корсакова.

удержаться не могли и говорили, в том числе Брендер (из управления Акоперы), который в своё время, по словам Асафьева и Дранишникова, всячески мешал постановке «Апельсинов». Теперь он выражал радость по поводу таких удачных результатов с «Тремя апельсинами», на постановку которых было положено столько стараний и любви. При последних словах Асафьев вполголоса восклицает:

- Это с его-то стороны.

Говорит ещё Вейсберг, которая, между прочим, за эти два дня успела перекраситься и из седой сделаться чёрной.

Да, да, - меня приветствовала Вейсберг, мой принципиальный враг на протяжении всей моей музыкальной карьеры.

Очень всем хотелось, чтобы говорил и я, но я сегодня уже вовсе не мог ничего из себя выжать, да, кроме того, я предупреждал, что не буду говорить. С несколько разочарованным видом нас отпустили домой.

23 февраля

Со вчерашним концертом собственно закончилась официальная часть моего пребывания в Ленинграде и сегодня мы собирались переехать в Москву, где должны были начаться репетиции симфонического концерта, но у этих репетиций можно было урвать день, и Асафьев уговорил меня провести ещё один день в Детском. Это мне очень улыбалось и сегодня с утра мы отправились к нему.

День был опять чудесный, солнечный, с ярким белым снегом. Приехал ещё Дранишиков и мы все отправились в парк. Пташка и я по очереди щёлкали нашу группу маленьким аппаратом, привезённым нами, но, к сожалению, эти снимки не вышли особенно удачными.

К обеду приехали супруги Радловы и Щербачёв. Последний рассказывал много разных анекдотов из музыкальной жизни, в том числе о Глазунове. Когда последний был в Англии и посетил какой-то университет (кажется, в связи с поднесением ему докторской степени), директор попросил его зайти к нему в кабинет и расписаться в книге знаменитостей. Когда эта книга была раскрыта перед Глазуновым, то оказалось, что надо было расписаться как раз под Рихардом Штраусом.

- А впрочем, если хотите, вы можете подписаться на другой странице, - прибавил директор.

- Если позволите, то я предпочёл бы другую страницу, - сказал Глазунов.

Тогда директор, тоже не любивший Штрауса, выглянул в коридор, не идёт ли кто-нибудь, прикрыл дверь кабинета и, вынув из шкапа бутылку мадеры и две рюмки, сказал Глазунову:

- Выпьемте.

После чего оба единомышленника с удовольствием выпили.

День прошёл незаметно и мы с Асафьевым опять не успели заняться просмотром книги обо мне, которую он пишет.

Чрезвычайно мил был Дранишников и я радовался, что он так выдвигается за последнее время.

Опять из запертой спальни водили на улицу полудиких собак, которые рычали и скребли когтями, так что Драншнников в страхе прятался от них.

Ходили слухи, что Мясковский всё-таки приедет на репетиции своей Восьмой симфонии и, действительно, вечером раздались громкие крики жены Асафьева:

- Николай Яковлевич приехал! Николай Яковлевич приехал!

Он где-то достал себе деньги на поездку, помимо меня.

Понемногу все разъехались и остаток вечера мы уютно провели, беседуя с Мясковским и Асафьевым. Мясковский сказал, что после переговоров с Юровским

в Музсекторе уже несколько дней только и занимаются, что считают, сколько денег мне должны за сочинения, которые уже продали и которые я им разрешил продавать. Его сестра служит там и прямо-таки замучалась.

В двенадцатом часу ночи мы вместе с Мясковским вернулись в Ленинград и расстались с ним, уговорившись встретиться с ним завтра на репетиции его симфонии.

24 февраля

Когда утром я выходил из отеля, направляясь на репетицию, то на лестнице столкнулся с Элеонорой, которая, по-видимому, очень волновалась получить с меня деньги, а так как я с неособенно серьёзным лицом обещал выслать их из Москвы, то она боялась, что уехав, я попросту увильну. Я постарался успокоить её, сказав, что вышлю моментально по приезде в Москву. Затем мы обменялись несколькими фразами, причём разговор коснулся Демчинского и я ввернул, что хотя он показал себя блестящим критиком, но когда дело коснулось его собственного плана, то этот план не оправдал надежд. Элеонора промолчала, а я подумал, что об этом вообще не стоило говорить. Спеша на репетицию, да и не собираясь давать ей длинную аудиенцию, я стал прощаться с нею, а так как у неё оказались ещё какие-то фотографии, то послал её в наш номер, где оставалась Пташка. Элеонора пробыла там довольно долго, была потрясена размером отведённых нам апартаментов и жадными глазами рассматривала парижские платья.

На репетицию я попал к самому началу Восьмой симфонии Мясковского, которая показалась мне очень интересной, интереснее предыдущих, кроме Шестой, которую я не слыхал. Но всё же есть четырёхтакты с секвенциями и перестановками голосов из баса вверх и сверху в бас. Есть и чрезмерная растяжка, особенно в заключении анданте. Очень хорошо играет труба в первой части. В скерцо недостаточно маркировано «раз», это отчасти недостаток оркестровки, который, однако, может быть выправлен исполнением.

Сегодня была вторая репетиция и хотя Малько всячески старался, играли прескверно. Я сидел рядом с Мясковским за его черновой партитурой. Когда оркестр врал, Мясковский охал и хватался за голову, вообще очень переживал все промахи, хотя, казалось бы, мог уже привыкнуть к тому, что на первых репетициях новые вещи всегда звучат ужасно. К концу симфонии пришёл Асафьев, оба они остались поговорить с Малько, я по окончании симфонии вернулся в отель, взяв с них слово, что они придут ко мне завтракать.

Пока сервировали завтрак, я их щёлкал фотографическим аппаратом, благо был светлый день.

После завтрака Мясковский уехал, а мы с Асафьевым отправились в управление Актеатров: там сегодня заседание с Экскузовичем, Радловым и Дранишниковым по поводу «Трёх апельсинов» в связи с возможностью весенней поездки в Париж. Экскузович заявил, что он почти уверен в этой поездке и что у него в портфеле (тут он ударил по портфелю рукой) лежит даже бумага о ней, но что по горькому опыту он будет только тогда считать поездку состоявшейся, когда они сядут в вагон. Далее Экскузович справился, передал ли я Дранишникову и Радлову лист с моими замечаниями и заявил, что главные переделки должны коснуться, конечно, художника. Может придётся сделать совсем новые декорации и при том в само! Париже, так как там материал дешевле.

Мне задавалась масса вопросов, входя иногда в такие детали, что я начинал путаться и не знал, что говорить. Затем Экскузович обменялся со мной письмами о том, что я предоставляю ему право первого представления «Игрока», и пообещал доставить мне партитуру «Игрока» в Москву до моего отъезда за границу. Её не

дали теперь же, потому что решили предварительно переписать недостающие части.

Простившись со всеми, я возвратился в отель, где постепенно набилась масса народу: Малько, Лидуся, ездившая с Пташкой выбирать меха, Катя Шмидтгоф, кокетничавшая Тамара Глебова, молчаливая Алперс. В конце концов я спохватился, что уже поздно, а у нас ничего ещё не собрано.

- Господа, умоляю вас, моментально уходите, иначе мы прозеваем поезд! - закричал я им.

- Вы с таким убеждением нас выпроваживаете, что на вас нельзя даже обидеться, - несколько разочарованно сказала Тамара.

К поезду поспеваем с трудом, но вовремя. Провожают Щербачёв и Миклашевский: Щербачёв - просто по доброму расположению, а Миклашевский, жалуясь, что ему не дают здесь хода и надеясь через нас зацепиться как-нибудь за границу.

25 февраля

На этом месте прерывается мой сокращённый дневник и последующее пребывание в Москве восстановлено по записям Пташки и другим документам, вследствие чего какие-нибудь факты могли оказаться пропущенными, хотя сообщённые - несомненно точны.

По приезде в Москву из Ленинграда мы попали в тот же номер «Метрополя», в котором жили до сих пор. Я сейчас же отправился на репетицию, так как теперь из ведения Персимфанса я переходил в ведение Ассоциации Современной Музыки, во главе которой стоял Держановский. Это учреждение имело меньшие возможности, чем Персимфанс, а потому им приходилось довольствоваться объедками, оставшимися после Персимфанса. Платили они тоже меньше, но я, памятуя старую дружбу с Держановским, был галантен и заявил, что они заплатят мне то, что им удобно. При своей ловкости Держановский всё-таки умудрился устроить два концерта с почти что новой программой. Первый концерт был симфонический и им дирижировал, конечно, Сараджев, ибо Держановский и Сараджев по-прежнему неразлучны. На репетицию этого концерта я и отправился сегодня.

Сараджев за эти десять лет не пошёл в гору, а скорее опустился; недостаточно хватает оркестр и того тратит времени на разговоры. Это не только моё мнение, но и Мясковского. Жалко, ибо он всё-таки отличный музыкант и остаётся неплохим дирижёром.

Сегодня репетировал «Классическую» Симфонию. Это будет её первое исполнение в Москве - Держановскому удалось уберечь её от Персимфанса. Колонный зал, в котором происходила репетиция, был украшен полосами красной материи, ниспадающими вертикально рядом с колоннами. Это соединение красных полос с блестящими белыми колоннами напоминало какое-то бланманже красное с белым. Опять любовался залом и думал, который же красивее - этот или ленинградский.

После репетиции мы с Пташкой повели Сараджева и Держановского в ресторан на Пречистенке есть блины, а затем, расставшись с ними, отправились к тёте Кате, которая в наше отсутствие наконец прибыла из Пензы и остановилась у Нади.

Встреча была очень трогательная. Тётя Катя превратилась совсем в старушонку (ещё бы, ей шестьдесят девять лет), однако, несмотря на свою парализованную ногу, она была необыкновенно бодра и сохранила всё своё очарование. Кузина Катя подёрнулась сединой. Её глухота мешала более непосредственному общению с ней. Пташка им очень понравилась и они ей.

Вечер у нас был свободным и мы решили отправиться на концерт Метнера. Метнер прибыл в СССР несколько позднее меня и совершал свой цикл концертов приблизительно в тех же городах, что и я, хотя и с гораздо меньшим треском: за ним не шла толпа и не шли передовые музыканты, которые так удачно соединились в моём случае, но зато за Метнера держалась группа старых теоретиков и профессоров Консерватории, которые даже поднесли ему адрес по старой орфографии, чтобы этим подчеркуть свою точку зрения.

Сегодняшний концерт Метнера происходил в Большом зале Консерватории. Играл он по обыкновению хорошо, но скучновато. Загубил же концерт хромой певец, который скрипучим и неясно интонирующим голосом пел цикл однообразных романсов и тем вогнал нас в спячку.

В антракте мы удрали к Цейтлину, который помещался тут же, почти что против артистической; заболтавшись, просидели у него остаток концерта. Все же говорят, было с одобрением отмечено, что я появился на концерте Метнера, ибо сам Метнер, вместе с окружающей его кучкой, пылал ко мне нескрываемой враждой.

Дома нашёл телеграмму от Дягилева и ещё одно анонимное женское письмо, пересыпанное развязностями и цитатами из Уальда, с предложением, если «да», то сыграть на «бис» скерцо из «Трёх апельсинов»; тогда при выходе из концерта меня встретят.

26 февраля

Подробности об этом дне не сохранились. Были у тёти Кати. Вечером пошли в театр к Мейерхольду на «Ревизора». Об этой постановке кричит вся Москва и вся Россия: одни находят её замечательной, другие возмущены профанацией и бесцеремонным обращением с Гоголем. Так или иначе, пьеса продолжает идти по несколько раз на неделе и билеты всегда проданы.

Нас провели прямо к Мейерхольду, с которым мы немножко побеседовали, а тем временем весь театр ждал и спектакль не начинали. Затем Мейерхольд сказал:

- Начинайте, - и как только в зале погасили свет, он провёл нас в первый ряд.

Спектакль мне понравился, хотя мне показалось, что он был перегружен подробностями и выходил слишком длинным. Мейерхольд так увлекался созданием всяческих деталей, что забывал о времени. Но ведь я главным образом смотрю на Мейерхольда с точки зрения будущей постановки «Игрока», а в опере эта угроза не страшна, ибо опера будет длиться ровно столько, сколько написано в ней музыки, то есть хозяин времени не Мейерхольд, а я.

В этой постановке «Ревизора» у Мейерхольда нет собственно декораций, но обстановка каждой отдельной сцены помещалась на довольно тесной платформе, на которой и разыгрывалась эта сцена. Перемена декораций заключалась в том. что гасилось электричество и платформа уезжала вглубь или вбок, а другая с противоположной стороны выезжала на её место, причём на ней стояла новая мебель и новые люди, и непременно горела тусклая свеча, неясно освещая выезжающие силуэты. Эти выезды были очень эффектны, в них была какая-то театральная таинственность.

В антракте Мейерхольд угощал нас чаем и пирожными, был чрезвычайно мил, но жадно ждал комплиментов.

27 февраля

Сегодня Святославу три года, но вот уже десять дней нет о нём известий: Грогий страдает неаккуратностью.

Днём симфонический концерт под управлением Сараджева. Для начала

Держановский вытащил из пыли веков «Сны», которые я было не хотел давать, но Держановский урезонил меня, говоря, что «Сны» была первая моя симфоническая вещь, которая исполнялась в Москве и при том Сараджевым же. А если теперь я ушёл от них вперёд, то тем лучше: пусть видят, чем я был раньше и чем стал теперь.

Я слушал «Сны» из артистической - выходит не так плохо, мило, нежно и в достаточной мере снотворно. «Классическую» Симфонию Сараджев сыграл недурно, но без достаточной отделки и чистоты. В сюите из «Трёх апельсинов» Сараджев вдруг развернулся и Инфернальную сцену, которая обыкновенно проигрывала в концертном исполнении, провёл с таким шиком, что публика требовала «бис».

Я играл Третий концерт и по обыкновению был большой успех и «бисы», но не Скерцо из «Апельсинов», хотя я и вспомнил об анонимном письме, выходя на эстраду, подумав: «Ведь, вот, теперь ждёт, а какая будет досада, когда я заиграю другую вещь».

Сараджев очень подтянулся на концерте и вёл оркестр гораздо лучше, чем на репетиции. Я благодарил его и обещал подарить ему мой сегодняшний галстук в память первого исполнения «Классической» Симфонии в Москве.

Вечером мы отправились к Моролёву, который бурно требовал, чтобы я наконец побывал у него. Живёт он на Марксистской улице и так как это новое название, то ни один чёрт не знал, где она находится. Мы наняли автомобиль и прокатали немало денег, прежде чем попали к нему.

Он живёт со всей своей семьёй, то есть с женой и довольно взрослыми детьми, уютно, но тесно. Среди переплетённых нот я нашёл и свои рукописи, в том числе Марш, оп.12 в первой редакции, отрывки Первой сонаты, тоже в старой редакции, и другие отрывки, которые я ему посылал в те времена, когда меня никто не печатал.

По старой традиции мы, разумеется, сыграли в шахматы, причём я выиграл обе партии, хотя одну Моролёв и имел возможность свести вничью. В общем я провёл очень приятный вечер, но Пташка в обществе его дочек дико скучала и торопила к Держановским, где сегодня собирались, чтобы поболтать о дневном концерте и где, разумеется, были молодые композиторы, её поклонники.

Наконец поздно вечером, мы двинулись через весь город от Моролёва к Держановскому. Впрочем, народу сегодня было не так много и героем вечера был Сараджев.

28 февраля

Перевёл деньги Элеоноре и Кате Шмидтгоф. Днём в Большом театре официальные смотрины макетов Рабиновича к «Трём апельсинам». Я приглашён был присутствовать, но еле попал в театр, так как без разрешения коменданта внутрь здания не пропускали, а комендант в этот момент куда-то ушёл. Попал я в театр всё-таки задолго до начала осмотра, так как последний, разумеется, запоздал на полчаса.

На лестнице столкнулся с приехавшим из Ленинграда Экскузовичем, но он спешил предварительно осмотреть ещё какую-то перестройку на сцене, так как по своему образованию он, если не ошибаюсь, архитектор.

Наконец все собрались и пошли смотреть уже виданные мною макеты. Поставлены они в каком-то узком помещении, так что все толпились и мешали друг другу. Затем в большой комнате Рабинович разложил на полу эскизы костюмов. Весь осмотр был в конце концов формальностью, так как заранее было решено, что заказ, сделанный Рабиновичу, будет принят.

Экскузович вдруг взял меня под руку, отвёл в сторону и сказал:

- Относительно ленинградской постановки «Апельсинов» у меня замечательная

идея: для Парижа мы закажем декорации Головину. Что вы об этом скажете?

Я так и ахнул.

- Иван Васильевич, но ведь Головин ещё двадцать лет тому назад писал декорации к «Жар-Птице», когда её ставил Дягилев, и, следовательно, для Парижа он явится не новинкой, а вчерашним холодным. Да кроме того, недавно Ида Рубинштейн что-то поставила в его декорациях и это не произвело никакого впечатления.

Экскузович несколько разочарованно отошёл от меня. По-видимому, он совершенно не представлял себе, что с декорационной стороны может заинтересовать Париж.

Старик Сук подошёл ко мне, познакомился и сказал, что он собирался дирижировать «Апельсинам», но во время его отъезда Голованов прибрал эту оперу к рукам.

- Очень ловкий человек, этот Голованов, - закончил он с чешским акцентом.

Обедали мы с Цуккером на Пречистенке. Вечером в Колонном зале была объявлена лекция Троцкого. Нам очень хотелось его послушать - Троцкий первоклассный оратор. Однако Цуккер как-то мялся и, по-видимому, сам не хотел хлопотать о билетах для нас, ввиду того, что Троцкий ссорится с правительством. В конце концов Цуккер позвонил кому-то из своих знакомых, который должен был в свою очередь достать через кого-то. Но там ответили, что ни одного свободного места на лекцию нет. Так мы и не попали и вместо этого отправились на концерт Персимфанса, посвящённый памяти Бетховена, в котором Цейтлин играл бетховенский Скрипичный концерт. Конечно, это было не очень весело, и Цейтлин не первоклассный скрипач, но ввиду его забот о нас не пойти было нельзя.

По дороге из ресторана на концерт, я стал осторожно прижимать Цуккера на предмет освобождения Шурика, говоря ему, что в конце концов что-то неладно, ибо за несколько недель он не может сдвинуть это дело с места. По-видимому, так и было: Цуккер по существу трус или же он просто не желает впутываться в «контрреволюционное дело». Это отчасти выяснилось из его дальнейших и запутанных ответов. Я просил его высказаться яснее, ибо если ему неприятно браться за это дело, то я попробую, пока ещё есть время, другие ходы. Например, мне говорили о политическом Красном кресте, оказывающем помощь «политически больным», или же я могу поговорить об этом с Мейерхольдом - «почётным красноармейцем», у которого, вероятно, немало поклонников в коммунистических верхах.

И о том, и о другом ходе Цуккер отозвался с некоторым раздражением, находя политический Красный крест учреждением беспомощным, а Мейерхольда - человеком, не пользующимся достаточно хорошей коммунистической репутацией, чтобы влиять на освобождение политически неблагонадёжных. Словом, по Цуккеру выходило, что куда не кинь, всё клин. Это меня разозлило и положило лёгкую трещину на наши отношения.

Цейтлин очень благодарил нас за то, что мы посетили его выступление.

Когда мы после концерта ехали домой мимо Колонного зала, то вокруг здания чернела довольно большая толпа народу. Чувствовалось, что вокруг лекции Троцкого атмосфера заряжена электричеством, и мы обрадовались, что не попали на неё: ещё влипнешь в какую-нибудь политическую историю. Это совершенно излишне. Шурика, например, и без того трудно выпутывать.

1 марта

Держановский сказал, что во главе политического Красного креста стоит Пешкова, бывшая жена Горького. Он с нею знаком и осторожно говорил о моём

деле. Вообще же с ней можно говорить совершенно откровенно, потому что она для того и существует, чтобы спасать людей, влипших в политические отношения. В царское время её организация политического Красного креста уже существовала, но тогда нелегально и, разумеется, в обратном направлении, то есть в то время она спасала социалистов и коммунистов. Благодаря этим заслугам ей удалось добиться у советского правительства легального положения. Большевики, скрепя сердце, её терпят и её ходатайства исполняют по возможности реже, впрочем, кое-какой актив у неё имеется.

Мы с Держановским решили отправиться к ней, тем более, что она помещалась на Кузнецком мосту, недалеко от Международной Книги, где работает Держановский. Поднимаясь по лестнице, я чувствовал себя несколько не по себе, как будто шёл в антиправительственное учреждение по конспиративному делу.

Пешкова приняла нас очень любезно и несколько туманно припоминала фамилию Раевского, сказав, что, кажется, по этому делу они уже хлопотали. Для справки она позвала из другой комнаты своего помощника, еврея, говорившего на ужасающем русском языке, и тот, справившись в своей записи, сообщил, что в числе других они хлопотали за Раевского и что благодаря их усилиям Раевскому был сокращён срок на треть. Это верно, но я не знал, что это благодаря политическому Красному кресту. С чрезвычайной простотой она сказала мне следующее:

- Видите ли, если бы вы сами поехали в ГПУ хлопотать за Раевского, то, может быть, они и исполнили вашу первую просьбу, но исполнение этой просьбы они вам бы запомнили и при случае использовали бы. Поэтому я не советую вам обращаться лично. Но я сама как раз еду в ГПУ по другим делам и буду говорить с одним из ближайших сотрудников Менжинского (кажется она назвала тов. Ягоду). Я постараюсь тогда навести разговор на вас и так как он естественно поставит банальный вопрос: «Ну что, доволен ли Прокофьев своим приездом в Москву?», то я отвечу: «Очень доволен, хотя его и огорчает пребывание его родственника в тюрьме». Таким образом мне, быть может, удастся обрести какие-нибудь облегчения Раевскому без просьбы с вашей стороны.

Я поблагодарил за блестящий план, а Пешкова обещала о результатах позвонить завтра Держановскому и сообщить ему в иносказательной форме, чтобы опять- таки, даже телефонно, не впутывать меня в эту историю. Эта деликатность Пешковой доказывает всё-таки, насколько осторожно приходится орудовать с подобными вопросами.

Пташка днём ходила с Цуккером в Госторг, чтобы посмотреть меха. Цуккер добился для неё протекции, заключавшейся в том, что ей должны были показать меха, предназначенные для вывоза за границу, то есть лучшие, и уступить их за свою цену. Кроме того, Пташка побывала у тёти Кати, ехала с нею в санях и вместе с санями упала на мостовую, так как полоз попал в трамвайный рельс. По счастью снег был довольно мягкий и она не ушиблась.

Вечером нас ждали в Камерном театре, но я был кислый и Пташка отправилась одна.

2 марта

Сегодня днём я должен был играть для московской Консерватории. Разница с ленинградской Консерваторией была та, что на этот концерт билеты были платные и сбор шёл в пользу кассы учащихся. Утром мне кто-то позвонил и спросил, играю ли я сегодня. Я ответил, что, кажется, играю, но что об этом вообще говорилось давно, и теперь мне никто даже не сообщил, в котором часу и состоится ли в конце концов моё выступление.

По-видимому, этот телефонный разговор был передан в Консерваторию, потому что часа через два после него ко мне вдруг ввалился директор Игумнов и представитель от учеников. Они приветствовали меня, благодарили за согласие выступить у них и сказали, что в три часа за мной будет прислан автомобиль. Я чувствую себя несколько смущённым, так как приличие требовало, чтобы я, как приезжий, первый сделал визит директору Консерватории, а не ждал бы, чтобы он сам приехал ко мне.

Игумнов вскоре уехал, а я решил на другой день отдать ему визит.

В три часа действительно за нами приехал автомобиль и мы отправились в Большой зал Консерватории, который был полон. При выходе на эстраду меня приветствовали речью, поднесли мне бювар и корзину цветов. Затем я играл приблизительно то же, что для учеников ленинградской Консерватории, хотя и не испытывая в «чужой» Консерватории того же волнения, как в своей.

По окончании программы в фойе был сервирован чай, на котором присутствовали человек двадцать, в том числе Игумнов, Яворский, Гнесина и Борисова. Ученики в это время толпой спускались по лестнице, направляясь к выходу. Увидев меня, они устроили дополнительную овацию, которая мне была очень приятна.

Вечером мы были у Ламма, знакомство с которым восходит ещё к первым композиторским выступлениям в Москве - Мясковского с «Молчанием» и меня со «Снами». Ламм - немец по происхождению, о чём все забыли. В 1914 году, когда началась война, вдруг выяснилось, что у него паспорт немецкий. Тогда его интернировали куда-то на Урал, где он прожил всю войну, развлекаясь от нечего делать переложением в восемь рук симфоний. Таким образом он переложил все существующие русские симфонии и когда по окончании войны он вернулся в Москву, то этот порок сделался ему настоящей необходимостью, и он стал перекладывать все появляющиеся новые симфонии. Таким образом оказался переложенным весь Мясковский и целый ряд молодых композиторов.

После революции, стараниями Мясковского и других, устроили Ламма управляющим Музсектором, но из-за чьей-то грязной интриги, со скандалами, обысками и арестами, его с этого места согнали. Теперь он просто профессор Консерватории, имеет две больших комнаты в здании Консерватории и в одной из них - два рояля. Последнее обстоятельство побудило целый ряд друзей устраивать у него «среды», на которых собирались и музицировали, а угощение покупали в складчину.

Вот на такую «среду» и пригласил нас сегодня Мясковский. Кроме него присутствовал Фейнберг, Александров, Шеншин, Шебалин, Гедике, Мелких, Сараджев, В.Беляев и ещё несколько человек. Когда я что-то по неосторожности хотел проехаться насчёт Метнера, меня толкнули в бок, чтобы я молчал, так как Гедике его приятель и болезненно воспринимает всякое хуление последнего.

После чая с закусками музицировали: была сыграна в восемь рук Седьмая симфония Мясковского, причём я следил по партитуре, но симфония мне понравилась гораздо меньше, чем Восьмая. Затем Мясковский попросил, чтобы я терпеливо выслушал симфонию Шебалина, которая немножко длинная, но очень интересная. Действительно, симфония была минут на сорок пять, без чрезмерной яркости, она всё же не была лишена интереса.

Когда потом автор подошёл ко мне, я не знал, как высказаться, ведь это целое искусство высказываться о сочинениях, которые вам играют. Я отделался вопросом, в каком положении партитура и материал, на случай, если за границей мне удастся заинтересовать кого-нибудь из дирижёров. Но партитура оказалась ещё незаконченной, а материал непереписанным.

Чай и две симфонии заняли довольно порядочно времени и лишь в два часа

ночи мы отправились домой.

3 марта

Половина одиннадцатого утра зашёл за Пташкой Протопопов и повёл её осматривать Василия Блаженного. Он знаток по этой части и давал ей интересные объяснения.

Я же отправился на репетицию Квинтета в Консерваторию - к камерному вечеру, устраиваемому Держановским. Участники очень старались. Все они были отличными музыкантами и письмо Квинтета не слишком пугало их, но всё же на этой репетиции он шёл неважно. Репетиция вызвала интерес в профессорских кругах Консерватории и некоторые из них заходили послушать.

Гольденвейзер сидел рядом со мной за партитурой, про Квинтет не говорил, но спрашивал, когда же мы наконец сыграем в шахматы. Однако голова моя была занята другими вещами, проигрывать же Гольденвейзеру я не хотел, потому я уклонялся от сражения.

Приходил также Брандуков, известный своей непримиримой позицией по отношению к большевикам.

- Ну что, нравятся вам наши здешние порядки? - сразу заговорил он со мной, и я рад был, когда он ушёл.

Недавно пяти музыкантам было присуждено звание заслуженных артистов, в том числе Мясковскому и Брандукову. Когда это присуждение поступило на утверждение правительства, последнее признало четырёх, а Брандукову отказало.

Меня поймал Игумнов и сказал, что из-за какого-то заседания он никак не может быть дома сегодня в два. (В два часа я хотел побывать у него с ответным визитом). Не могу ли я приехать в четыре часа, но в четыре я ещё, вероятно, буду занят с Мейерхольдом, а завтра целый день занят у Игумнова. Словом, с моим визитом к директору выходила комическая неурядица. Так я у него и не побывал.

В три часа дня ко мне пришёл Мейерхольд побеседовать об «Игроке»; кстати прибыли уже из Акоперы старые литографированные клавиры. Я просил Мейерхольда дать мне некоторые сценические советы, которые я мог бы использовать при переделке в целях улучшения сценического либретто, но ничего от него не добился. Спрашивал у него и о том, как бы изменить само заключение оперы, где объятия Полины и Алексея казались мне сценически неприятными. Мейерхольд отвечал, что да, конечно, что как-нибудь лучше изменить, но как, он не видел и вообще хорошо бы на эту тему поговорить с Андреем Белым, которого он постарается вытащить для этого из окрестностей Москвы, где он живёт.

Перед уходом Мейерхольда мне удалось непринуждённо направить разговор на Шурика. Мейерхольд выразил живейшее участие и воскликнул:

- Подождите, у меня есть приятели в ГПУ, я им шепну словечко, но только вы мне дайте детальные данные о том, когда и за что он был приговорён.

На том и расстались, уговорившись, что в ближайшее время я должен буду к нему приехать обедать. Охота, с которой Мейерхольд взялся за дело Шурика, выгодно отличалась от вытянутой физиономии Цуккера.

Пташки не было дома во время визита Мейерхольда, так как ей надо было съездить к жене Литвинова. Ева Вальтеровна Литвинова, по происхождению англичанка, была так довольна встретить в лице Пташки человека не только чисто говорящего по-английски, но и по воспитанию близкого к англо-саксонской культуре, что взяла с Пташки обещание побывать у неё. Сама Литвинова была малоинтересна, но на любезность высокопоставленных лиц необходимо было отвечать любезностью - и сегодня Пташка отправилась к ней на Софийскую набережную. Литвиновы занимают шикарный особняк, принадлежавший раньше

Харитоненкам, людям чрезвычайно богатым. Если я не ошибаюсь, то как раз в этом особняке я завтракал в мае 1918 года, за несколько дней перед тем, как покинуть Россию. Пригласил меня туда князь Горчаков, родственник Харитоненкам и живший у них. Пташка нашла особняк огромным и красивым, но нежилым и содержавшимся в большом беспорядке.

Ева Вальтеровна угощала её чаем. Пришли её дети, с виду довольно грязные и распущенные, хотя и довольно миленькие. Глядя на их дурные манеры, Литвинова выражала желание в будущем воспитывать их в Англии. Забавно, что эти мечты совпадают с ядовитыми нотами, которые в это время её супруг посылал в Англию.

Вечером мы отправились в Малый театр на «Любовь Яровую», пьесу из периода революции, о которой много говорят. Между прочим, Любовь - это имя, а Яровая - фамилия героини пьесы. Пьеса сделана очень живо. Хорош следующий технический приём: в тот момент, когда действие склоняется к трагическому или жалостливому (разорение, предательство, грубость и т.д.), автор сейчас же перебивает действие каким-нибудь вводным комическим эпизодом, который сразу очищает атмосферу и даёт возможность спокойно продолжать дальнейшее. К сожалению, пьеса в последнем действии превращается в агитку, что портит её общий стиль. Но может быть, автору пришлось сделать эту концессию, чтобы пьеса не наступила на ногу. Главная героиня — преданная революционерка, производит своей внешностью скорее отталкивающее впечатление. Это уже постаралась контрреволюционная режиссура.

4 марта

Утром приходил скрипач Цыганов репетировать со мною «Песни без слов»[20] для камерного концерта. Цыганов играет хорошо; я, наоборот, в достаточной мере забыл фортепианную партию и вру. Цыганов выступает в одном концерте со мною, а в другом - с Метнером, и сейчас он приехал ко мне прямо от него. Смеясь, Цыганов рассказывает, что жена Метнера, узнав об этом, проводила его кислой гримасой.

Пташка ездила с Цуккером в Госторг и выбрала себе отличный голубой песец. Кроме того, завтра из холодильника обещали достать белку. Раньше белка в России презиралась, но за границей она теперь в почёте, о чём спохватились и в России, набивая на неё цены.

Самойленки очень просили нас посмотреть, что стало с их квартирой, и сегодня мы отправились на рекогносцировку. Квартира, конечно, оказалась заселённой массой семейств, но главными комнатами всё ещё владела бывшая прислуга Самойленок. Она сначала ничего не хотела слушать, но потом впустила нас, была любезна и показала целую кучу фотографий Бориса Николаевича, ибо он просил, если можно, привезти что-либо из них. Был и портрет его масляными красками с бачками и в гвардейском мундире, а потому мы его и не взяли, боясь нарваться на неприятность при таможенном осмотре.

Были у тёти Кати, которой, по случаю Масленицы, привезли свежей икры, а она угощала нас блинами. Затем я отправился к Кучерявому, а Пташка с Катечкой и Надей - в Художественный театр, на «Царя Фёдора Иоанновича». Кучерявый живёт в довольно пустынном месте, в районе Тверской-Ямской, но в новом доме, заселённом главным образом рабочими. У него маленькая, но чистенькая и при том отдельная (что особенно редко для теперешней Москвы) квартира. По сравнению с первыми письмами, которые он мне посылал по возвращении в СССР, тон его заметно понизился. Тогда он писал, что все должны возвращаться в СССР,

[20] «Пять мелодий для скрипки и фортепиано», Оп.35б.

независимо от своих симпатий, с единой целью приложения своих рук для восстановления хозяйства. Теперь он жаловался, что невозможно работать: всё и все мешают, а уж такая казённая волокита, что сил нет. Все грандиозные проекты - на бумаге. Надо было оставаться в Америке, но затащила его жена, которая тосковала по Москве, а теперь сама рвётся вон. Лиза, которую я знал в Америке девятилетней девочкой и которая с азартом дралась со мной на кулачках, теперь превратилась в поклонницу моей музыки, а её подруга в таком диком восторге от моих концертов, что Лиза стала выпрашивать для неё мою фотографию с надписью. На прощание Кучерявый, понизив голос, просил меня по возвращении за границу снестись с директором крупной германской клееваренной компании, с которым Кучерявый уже имел дело и с которым не хотел терять отношений, дабы, в случае чего, иметь ход за границу.

Домой я шёл пешком через всю Тверскую и покупал на улице тёплые баранки.

Пташка осталась довольна спектаклем, но её волновало неосторожное поведение Катечки и Нади, которые в театре отпускали такие фразы:

- Ах, как чудно было в те времена! (то есть царя Фёдора Иоанновича).

- Ах, как я люблю эти костюмы!

- А в программе опять объявление об этих красноармейских займах! Вот надоели!

Хотя Катя говорила это шёпотом, но так как она глухая, то шёпот выходил довольно громогласный, и Пташка толкала её в бок, причём та не понимала, почему её толкают.

5 марта

Утром я опять пошёл на репетицию Квинтета, а Пташка - смотреть меха. Других сведений про первую половину этого дня не сохранилось.

В пять часов мы обедали у Мейерхольда, который живёт на Новинском бульваре, во дворе, в старом, покривившемся доме. Внутри, впрочем, уютно. Белый приехать из своего пригорода не мог, ибо в данный момент он очень занят своей работой и никуда не показывается. Я мало возлагал надежд на его советы в «Игроке», но всё же пожалел об его отсутствии, было бы приятно поболтать и посмотреть на него. Мейерхольд показывал картину, которую послал ему Дмитриев, художник, делавший в Ленинграде декорации к «Трём апельсинам». Картина в довольно фантастическом виде изображает рулетку и является, по-видимому, намёком на то, что декорации «Игрока» должны быть поручены ему - жест, не обличающий серьёзного автора. Я:

- Мне не понравились Дмитриевские декорации «Апельсинов».

Мейерхольд:

- Мне тоже. В данном случае я не пойму его намёка.

Я:

- Кого же вы имеете в виду для декораций?

Мейерхольд:

- Об этом надо ещё подумать. Ставя «Ревизора», ведь я, по существу, обходился без декоратора.

Появилась его жена, до Мейерхольда бывшая замужем за Есениным. Двое детей от последнего жили теперь у Мейерхольда.

Сели за обед, который завершился превосходной дыней - очень эффектно для марта месяца и Москвы, покрытой снегом. В «Ревизоре» в последнем действии на сцене подают дыню и в публике многие, глотая слюни, сомневаются, не из папье-маше ли она. Мейерхольд объяснил, что дыня самая настоящая и что подобный сценически-вкусовой эффект он считает довольно удачной находкой. Дыни эти он

покупает в бывшем магазине Елисеева, и когда сегодня перед обедом он зашёл туда, то у него спросили, надо ли эту дыню записать на счёт театра.

Так как клавир «Игрока» уже стоял на пюпитре мейерхольдовского рояля, я кое-что поиграл оттуда Мейерхольду, главным образом из партии Бабуленьки, которая, как мне казалось, должна была подвергнуться наименьшей переделке в будущем. Я давно не смотрел «Игрока» и теперь играл его не без удовольствия.

После обеда Пташка уехала на «Снегурочку» в Большой театр. Ей было предоставлено место в ложе художественного совета. Пташка учит партию Снегурочки и нельзя было пропускать случай увидеть эту оперу на московской сцене. Я же с Мейерхольдами, мужем и женой, отправился в его театр на «Великодушного рогоносца», переводную пьесу, которую Мейерхольд всё же хотел мне показать, так как она была поставлена на совсем других принципах, чем «Ревизор». Пока мы ехали туда в таксомоторе, жена Мейерхольда рассказывала, что она очень любит ездить в спальных вагонах. Мейерхольд прибавил задумчиво:

- Да, я люблю...

Словом, почётный красноармеец заражается буржуазными наклонностями.

В постановке «Рогоносца» было введено много условно-театрального, в новом смысле этого слова: целый ряд условно-конструктивных декораций и условно-гимнастических движений, изобретением которых Мейерхольд, по-видимому, увлекался до того, что опять-таки страшно замедлил темп пьесы. А это досадно, так как автор «Рогоносца», завязав интригу довольно ловко, не сумел распутать её достаточно интенсивно и поэтому к концу спектакля интерес падает.

В антрактах Мейерхольд демонстрировал мне гармонистов, замечательных виртуозов своего дела, которые играют у него в «Лесе» Островского. Слышать их было очень интересно, так как они придумали немало оркестральных эффектов. На вопрос, что я могу порекомендовать им из моих сочинений, я подумал и предложил дешевовское Скерцо оп.12 - думаю, что на гармошках оно вышло бы презанятно.

В «Жизни искусства» против меня выпад: почему я, наконец, не открою своего лица и не скажу прямо о моём истинном отношении к советской власти. По-видимому, журналу очень не хотелось помещать этого выпада, но уклониться от помещения тоже было нельзя. Поэтому он оказался помещённым между чрезвычайно хвалебной статьёй обо мне и статьёй о Метнере, в которой всё сводится на сравнение со мной в мою пользу. Я сказал Мейерхольду:

- Послушайте, я должен выступить с ответным письмом на тот выпад!

Мейерхольд поморщился:

- Не стоит впутываться в эти мелочи. Сохраняйте олимпийское молчание. Я издаю мой театральный журнальчик специально для того, чтобы переругиваться с теми, кто нападает на меня или на артистов, близких мне по мысли. В этом журнальчике я сумею им ответить за вас.

Так я и не реагировал на этот выпад. Любопытнее всего, что эмигрантская пресса, не упомянув ни об одной из множества хвалебных статей, посвящённьк мне в СССР, перепечатала только этот выпад. Мол, Прокофьев поехал в советскою Россию - и вот вам результаты.

6 марта

Днём мой камерный концерт в Ассоциации Современной Музыки. Приятно было, что он происходил в Колонном зале, а не в Консерватории. Я немного запоздал и не слышал, как Фейнберг и Ширинский сыграли мою «Балладу». Вторым номером Цыганов и я играли все пять пьес из оп.35б. Цыганов играл хорошо, лучше, нежели я аккомпанировал, но успех был средний. Отчего бы? После скрипичных

пьес следовал Квинтет и тут московские музыканты развернулись и сыграли его с неожиданным блеском и увлечением. Квинтет звучал отлично. Конечно, со временем будут играть ещё лучше, но всё же это исполнение несравнимо с бостонским, когда Кусевицкий говорил мне:

- Дорогой мой, эта вещь совершенно не звучит.

Я страшно доволен и наслаждаюсь во время исполнения: неизвестно почему, заживо похоронённый, воскрес покойник. У публики значительный успех. Конечно, успех не равнялся успеху моих популярных вещей, но всё же чувствовалось, что публика слушала с интересом и что ей нравилось. Музыканты поздравляют и жмут руки. В совершенно невероятном восторге Мясковский:

- Совершенно невероятно! Нет ни одного такта, где интерес чуточку бы падал.

После Квинтета антракт и артистическая наполняется народом. Среди других приходит Рабинович и Дикий, которые несколько обиженно упрекают меня за письмо, которое я написал Экскузовичу, хваля ленинградскую постановку «Апельсинов». Это письмо Экскузович моментально напечатал в газетах, и Рабинович с Диким считают, что оно может служить козырем Мариинскому театру для того, чтобы повезли за границу его постановку, а не готовящуюся в Москве. Я их всячески старался успокоить.

Второе отделение начинается Пятой сонатой. Это первый раз в Москве, что я играю её корректно, но успех сдержанный - вещь не для публики. Затем следуют пьески из оп.12 и «Наваждение». Публика устраивает огромную овацию, думая, что это последнее моё выступление и прощаясь со мной. Дневной концерт оканчивается довольно рано, так как вечером мы уезжаем на Украину и надо торопиться, а до вечера программа дня ещё довольно обширная.

Едем обедать к Держановскому, где центром разговора является Квинтет, захваливаемый Мясковским. Затем коротенький визит к тёте Кате - и домой, укладывать чемодан.

Когда, выходя от тёти Кати, мы подзывали таксомотор, неизвестно откуда выскочил и стал здороваться с нами Меклер. Можно было подумать, что он нас сторожил. Он страшно волновался относительно моих концертов: уж если я обидел его в этом сезоне, то чтобы непременно работал с ним осенью. Так как мы торопились, то я предложил ему сесть в автомобиль, и по дороге он развивал планы будущих концертов, предлагая по тысяче рублей за провинциальные концерты, а за столичные больше. По его словам, выходило чуть ли не двадцать концертов с гонораром в двадцать тысяч рублей.

Уже выйдя из такси и поднимаясь по лестнице, он совал мне в руку пачку денег, говоря:

- Здесь тысяча рублей, а ещё четыре тысячи я вам донесу завтра.

Эти пять тысяч должны были идти в качестве задатка под осенние концерты. В общем сумма выходила большая и деньги бросались будто бы на ветер, а всё-таки Меклер казался несерьёзным, почти что клоуном. Кроме того, мне совершенно не хотелось ещё думать о будущем сезоне и брать обязательство на Россию, где всё так сложно и неустойчиво. Я вернул ему пачку денег и просил отложить разговоры до моего возвращения с Украины.

В промежутках между укладыванием чемоданов вваливаются Разумовский, с которым сложные переговоры об авторских правах, Цейтлин и Цуккер. Цуккер докторальным тоном даёт понять, что мне было бы весьма полезно вскоре совсем переселиться в СССР, хотя бы и для того, чтобы спокойно работать, что, на его взгляд, вполне возможно. Цуккер определённо меня раздражает.

Погрузившись в автомобиль, едем на Курский вокзал, столь хорошо мне знакомый с детских времён, когда мы переезжали в Москву из Сонцовки. Но времени мало; наскоро купив в буфете несколько съедобных вещей, мы

погружаемся в спальный вагон. Купе просторное, но вагон старый и скрипит. Поезд ненарядный - наш вагон единственный привилегированный, остальные все третьего класса. Вагона-ресторана нет. В одиннадцать часов вечера поезд отходит и мы отправляемся на шесть концертов на Украину: два в Харькове, два в Киеве и два в Одессе.

7 марта

Целый день едем в Харьков. Эта линия знакома мне с детства - и сколько воспоминаний связано со всеми проезжаемыми станциями. В Курске пьём кофе и покупаем куски жирного гуся. Мелькает Сонцево, у которого не останавливаемся; я стою у окна. Вот и Белгород, где мы выходим погулять. Немного пахнет югом и весною, но дует холодный ветер. Сколько раз проездом через Белгород мы ели здесь знаменитые белгородские щи, которыми славился этот вокзал.

В Харьков приезжаем в половине шестого вечера.

На платформе Тутельман, Воробьёв и Дзбановский. Воробьёв - это тот самый член украинского правительства, который посылал Персимфансу телеграммы, угрожая, что если я вместо Украинских Гостеатров выступлю в Харькове от какой- нибудь другой организации, то мои концерты допущены не будут. Тогда и Цейтлин, и я очень возмущались и прямо готовы были поднять перчатку и сыграть ему в пику. Но теперь, когда в конце концов я поехал на Украину по контракту с Украинскими Гостеатрами, Воробьёв встретил меня на вокзале в облике очень приятного и скромного человека. Нас усадили в довольно хороший открытый автомобиль и повезли через весь город в «Красную» гостиницу, по-украински - «Червонную». Харьков (по-украински Харкив) большой, грязный и некрасивый. Ближе к центру имеются недурные дома немецкого типа. Вообще, оказывается, немцы сыграли не последнюю роль в харьковской архитектуре.

По контракту гостиницы были на счёт Гостеатров. Нам был отведён огромный номер из двух комнат с ванной, в достаточной мере нелепый. В ванне, например, течёт только горячая вода, и чтобы её принять - надо её напустить и ждать полчаса, чтобы она остыла. Из номера телефон прямо в город, а звонка к официанту нет, так что я искал в телефонной книжке номер нашего отеля, дабы позвонить туда по городскому телефону. Рояль мне в номер не прислали, но повели в соседний номер директора гостиницы, где я и упражнялся в течение некоторого времени.

Вскоре концерт. Театр полон. Рояль довольно недурной. В мою программу входят Третья и Вторая сонаты, «Мимолётности», мелочи и «Токката». Большой успех, крики и бисы...

В антракте появляется Штейман. Он потолстел и будто обижен на свою судьбу. Действительно, блестящее предсказание Черепнина он не оправдал, но всё же главный дирижёр украинской оперы. За Штейманом появляется Лапицкий. У него будто грубоватые манеры, но я знаю, что он интересный человек. В своё время он много сделал, пытаясь оживить сценическую сторону опер, а это очень близко моей душе.

В конце концерта появляется Вера Реберг, от которой я получил уже письмо. Несмотря на своё болезненное детство - она выглядит недурно. Пообещав навестить её завтра, мы поспешили домой, ибо я устал после суток в поезде с концертом впридачу. Вообще я всё время устал со дня приезда в СССР.

Вернувшись домой, хотел взять ванну, но у неё частями соскочила эмаль и она выглядела какой-то прокажённой. Долго пытались добиться кого-нибудь из отельной прислуги, но это было не так просто, так как сегодня были какие-то выборы и прислуга вотировала. В конце концов нам объяснили, что ванна такая рябая не от грязи, а от чистоты, ибо после каждого постояльца её моют кислотой,

съевшей эмаль. Всё же мы отложили удовольствие выкупаться до Киева.

8 марта

Казалось бы, свободный день и можно отдохнуть. Но всё время являлись разные люди. Из них самым интересным был Лапицкий, который явился с клавиром «Апельсинов», в достаточной мере разученным ввиду проекта постановки в Харькове. Я должен был играть ему «Апельсины» и сообщать, каким образом то или другое было сделано во время других постановок. Лапицкий разошёлся и говорил, что я единственный оперный композитор и что со мною он хотел бы создать что-нибудь новое. Я охотно высказывал ни к чему не обязывающее согласие, ибо мне казалось, что Лапицкий, с его любовью к сцене, мог дать мне интересную тему и интересно осветить её.

За Лапицким числится немало промахов по части хорошего вкуса, но это не уменьшает скрытой в нём потенциальности.

Днём я вышел погулять и в магазине под названием «Пролетарий» увидел выставленные мои сочинения, но не в оригинальном издании, а контрефактно[21] перепечатанные Украинским издательством. Я не удержался и пошёл в магазин объясняться. Объяснив, кто я и что за издание у них выставлено в окнах, я спросил, на каком основании они продают их.

- Нас снабжает ими Киевское музыкальное предприятие, - ответил мне заведующий магазином.

- Но это предприятие незаконным образом напечатало мои сочинения и вы находитесь на положении лавки, торгующей краденым товаром.

Заведующий оглянулся по сторонам и, понижая голос, сказал:

- Не говорите, пожалуйста, так громко. Подобные выражения могут произвести неприятное впечатление на покупателей.

- Очень жаль, что ваша деятельность такова, что о ней можно говорить только шёпотом.

В общем, разговор мало к чему привёл, так как, по-видимому, надо было нападать не на лавку, а на само издательство. Заведующий магазином, впрочем, обещал впредь обращаться в Москву за оригинальным изданием, но не особенно охотно, так как, по его словам, из Москвы заказы исполняются не так аккуратно, как из Киева.

Вечером с Пташкой отправились к Ребергам. Шли пешком по довольно пустынным переулкам, где лежало много снегу. По дороге вспомнили, что на юге немало беспризорных, которые бегают целыми бандами, причём один из них бросается под ноги прохожим, сшибая их, а в это время другие обирают сумочки и кошельки, тыкая ножами и кусая сифилитическим укусом. Впрочем, на нашем пути улицы были тихие и сонные.

Вера Реберг пошла по медицинскому пути своего отца. С нею живёт её мать, Мария Иосифовна, теперь уже совсем старушка, необычайно милая: старость украсила её. С большим одушевлением вспоминала она года Сонцовки и Голициновки. Нина замужем: имеет двух детей и живёт в нескольких часах от Харькова. Однако на мои вопросы о ней, Вера отвечала неохотно: должно быть, что-нибудь не ладилось. Зина[22] умерла уже несколько лет, у неё всегда было плохое сердце.

Мы провели очень приятный вечер. И мать, и дочь были тронуты нашим визитом.

[21] Незаконное издание, подделка.

[22] Нина и Зина - сестры Веры Реберг.

9 марта

Продолжал разговоры с Лапицким и доигрывал ему «Три апельсина».

Заехал Розенштейн, чтобы вести нас в Консерваторию. Розенштейна я знаю давно: он виолончелист и бывший воспитанник Петербургской консерватории. Он был одним из первых исполнителей моей «Баллады», которую мы с ним играли на каком-то концерте ещё в консерваторские времена. Теперь он директор Харьковской консерватории и вчера ввалился ко мне, упрашивая во имя нашей старинной дружбы (хотя никакой дружбы не было) сыграть для учеников его Консерватории. Я никогда не отказываюсь играть для учеников Консерватории и даже люблю это делать. В результате я выступил сегодня перед весёлой и приятной молодёжью с гавотами, сказками, маршами, словом, всякой мелочью. После исполнения в зале оглушительный треск. Ученик говорит мне речь по-украински. Всё время слышно «перший», то есть первый (первый композитор, первый приз, первое знакомство и т.д.).

После Консерватории по хорошей погоде шли в «Червонную» гостиницу с Розенштейном и ещё несколькими профессорами. Какие-то консерваторки всё время следовали то сзади, то спереди. Сначала я не обращал внимания на это, потом стало смешно, потом навязчиво, - но перед самым отелем они вдруг собрались в группу, стали толкать друг друга: «Ну, иди же», и наконец подошли ко мне, причём каждая вручила по букетику белых цветов, которые по случаю наступления весны продавали на перекрёстках. Это вышло вовсе мило.

Вечером второй концерт. Пятая и Четвёртая сонаты, что очень глупо, так как Пятую никто не понимает, а Четвёртая слишком медлительна, чтобы вызвать энтузиазм, но у меня ничего не приготовлено, чтобы выбросить эти сонаты и заполнить пустоту. Когда я сказал об этом в Москве Тутельману, он ответил:

- Ничего, сойдёт. Только играйте Четвёртую и Пятую сонаты во втором концерте, тогда это не отзовётся на продаже билетов, а после вы ведь всё равно уезжаете из города.

Однако гавоты, отрывки из «Апельсинов» и «Наваждение», которыми я закончил концерт, расшевелили публику и по обыкновению создали большой успех.

После концерта устроители хотели делать мне ужин, но я взмолился, чтобы меня избавили от него.

Художник Хвостов показывал эскизы костюмов для харьковской постановки «Апельсинов» - смесь модерного с фантастическим. Трудно судить, но пока эти костюмы мне не особенно нравятся.

10 марта

Утром приходил ко мне квартет имени Леонтовича играть сочинения современных украинских композиторов. Когда я спросил, кто такой Леонтович. то оказалось, что это национальная гордость Украины, композитор, погибший во время революции. Кажется, тогда его расстреляли большевики, а теперь учредили квартет его имени. Сегодня квартетисты сыграли мне сочинения Лятошинского, Лисовского, Новосацкого и Козицкого. Всё это могло бы быть написано пятьдесят лет тому назад и тогда было бы довольно приятной музыкой: сейчас же это - мало кому нужные провинциальные потуги.

Днём заходил к Туркельтаубу, представителю украинского общества авторов, носящего ласковое название Утодик, что означает - Украинское товарищество драматургов и композиторов. Так как это общество работает совместно с московским, то я интервьюировал Туркельтауба насчёт киевских перепечаток, а также справлялся, какой гонорар способна мне платить харьковская Госопера в

случае постановки «Апельсинов». Оказалось, что Госопера, ведя переговоры с Вебером, предложила так мало, что мы даже подняв эту сумму, запросили с них вдвое меньше, чем они способны платить. Правда, пока переговоры ни к чему ещё не привели, но это важно знать для будущего.

Вечером выехали в Киев, причём Тутельман ехал с нами, а Воробьёв, тот самый важный коммунист, провожал нас на вокзале. Несмотря на то, что мы с нашими вещами были готовы вовремя, Тутельман не торопился и всё время ждал автомобиль, который должен был за нами заехать. В последний момент выяснилось, что автомобиль не приедет, и тогда началась страшная спешка. Достали двух лихачей, на одного сели мы с Пташкой, с чемоданами, на другой Тутельман и Воробьёв, и началась бешеная скачка через весь город. Грязь была ужасная, снег, лужи и ухабы. Нас обдавало с ног до головы и даже по возвращении в Париж я находил на чемодане остатки харьковской грязи.

На вокзал попали вовремя, но тут выяснилось, что несмотря на всё влияние Воробьёва, невозможно было достать для нас с Пташкой отдельного купе, что было весьма досадно, так как завтра в Киеве я прямо попадал в концерт и хотел перед ним выспаться. Тутельман волновался, бегал, вызывал начальника станции и в конце концов к самому отходу поезда мы ввалились в коридор вагона. Выглядело, будто в этом коридоре мы и будем спать, но на самом деле всё обошлось относительно благополучно. Правда, ни отдельного купе, ни подушек, ни постельного белья мы не получили, но Пташку поместили в маленькое купе с какой- то делегаткой, а меня и Тутельмана - в большом, четырёхместном, с двумя пассажирами, причём Тутельман всячески старался быть любезным, уступил нижнее место, предложил надувную подушку, которая была у него в чемодане.

Затем он занимал меня разговорами о том, как много он пьёт, и о том, как скрипач Кубелик приехал в Харьков с лакеем негром. В Америке с чёрным лакеем его, вероятно, не пустили бы ни в один приличный отель, но в Харькове это произвело сильное впечатление.

Соседка Пташки оказалась очень важной украинской делегаткой, имеющей отношение к украинскому правительству. Это была совсем простая женщина, которая с удовольствием рассказывала про деревню и про своих пятерых детей.

11 марта

Так как при поезде не было вагона-ресторана, то проснувшись утром я на большой станции пошёл пить кофе.

Несмотря на толкотню у стойки, мне удалось не только выпить свой кофе, но и принести Пташке в вагон, заплатив в буфете стоимость стакана и ложки, каковые Пташка затем подарила своей правительственной соседке, взявшей их с удовольствием.

В Киев приехали только в час дня - поезд на этой линии плетётся не Бог весть как скоро. Перед Киевом поезд медленно шёл через Днепр, ещё частично прикрытый льдом. В это время лёд взрывали динамитом, дабы предотвратить наводнение, и это было очень красиво.

В Киеве нас встретили на вокзале и в довольно плохом автомобиле повезли в гостиницу «Континенталь». В противоположность уродливому Харькову, Киев очень красив. Я как-то не оценил его, когда приезжал концертировать с Глиэром в 1916 году. Улицы, усаженные деревьями, отличные дома, но сколько разрушений! Недаром Киев столько раз переходил от белых к красным и обратно. До сих пор ещё много покинутых домов, зияющих окнами с выбитыми рамами.

Днём давал интервью, а затем проводил время спокойно, дабы быть в форме вечером.

Концерт состоялся в оперном зале. За кулисами десятка три праздношатающихся, а распорядителей не доищешься. Зал красив и полон публики. Я играю ту же программу, что на первом концерте в Харькове.

Во время исполнения, в суфлёрской будке, которая находилась у самых моих ног, вдруг зажигается свет. Потом свет потух, но появилась какая-то физиономия, которая с вниманием меня слушала. Потом физиономия исчезла, но опять зажёгся свет. Это ужасно раздражало и я боролся с искушением ткнуть физиономию сапогом. В антракте я бегал в поисках кого-нибудь из распорядителей, но никто не знал, кто распоряжается, несмотря на то, что толкалась масса народу, по-видимому, из театральной труппы, которые разговаривали, рассматривали меня, и просто ухаживали друг за другом, приятно проводя время.

Концерт прошёл с большим успехом, как в Харькове. В артистической привязалась некая Гольденберг, преподавательница здешней Консерватории, с необыкновенной настойчивостью упрашивая меня прийти завтра послушать её учеников, которые, между прочим, будут играть и мои сочинения. Но мне завтра хотелось отдохнуть от музыки и я не знал, как от неё отвязаться.

Когда мы вернулись в гостиницу. Пташка даже упрекала меня, что я был груб, но как же, в конце концов, мог я противодействовать подобной настойчивости?

12 марта

Снег хлопьями, поэтому целый день сидели дома. Завтракали у нас супруги Малько. Он приехал сюда дирижировать концертом. На программе моя «Классическая», но его концерт и мой совпадают. Как умно! За завтраком он, по обыкновению, говорил без умолку, очень искусно рассказывая всякие пустяки, так что потом невозможно передать, о чём собственно он говорил. Впрочем, его рассказы про Есенина и Айседору Дункан, с которыми он в России не раз встречался, были очень красочны. Малько описывал Айседору как весьма любопытную женщину. Он цитировал одно из её изречений:

- Лист всё время стремился к небу, к Шуберту оно само спустилось.

Это в самом деле сказано блестяще.

После ухода супругов Малько ко мне приводили молодого композитора Шиповича, двадцати лет, простоватого еврея, очень флегматичного. Впрочем, его флегматичность уравновешивалась необычайной настойчивостью папаши. Шипович сыграл ряд своих сочинений, убивая меня двутактами и грубым построением мелодии, но в марше из его балета «Конёк-Горбунок» мне показались неплохие моменты.

Ввиду того, что вчерашняя Гольденберг опять звонила к нам и даже прислала кого-то за мной, я решил наконец сдаться и пойти на её экзамен. В Консерватории меня ждала неожиданность: экзамен оказался в самом деле интересным. Играла самая зелёная молодёжь, от десяти до шестнадцати лет. причём некоторые карапузы в четыре руки разыгрывали номера из «Шута» по клавиру. Три девочки выступили с докладом о форме моего Гавота, которая была разрисована красками на плакатах (теория Яворского), но это оказалось слишком сложно для девичьих мозгов - или же присутствие автора смущало. Словом, одна из девочек запуталась и другая, более бойкая, ей помогала. В конце концов, одна из девиц обратилась ко мне с приветственной речью и мне-таки пришлось самому сыграть три пьесы. Но это было даже приятно. Дети окружили рояль и визжали от восторга.

Очень хорошо, что есть учреждения, где так обламывают молодёжь. Если в революцию, после гибели части интеллигенции, концертная аудитория понесла урон, то при таком способе воспитания молодёжи этот урон быстро пополнится.

Расстались мы с мадам Гольденберг друзьями, а её экзамен оказался одним из

ярких воспоминаний моей советской поездки.

13 марта

Утром несколько просителей, которые здесь на юге, в Киеве и Харькове, приходят чаще к дверям приезжих знаменитостей, чем в Москве и Ленинграде. Мне всегда было жалко их, и я давал им то по червонцу, то по пять рублей, причём некоторые были чрезмерно благодарны, а другие уходили недовольные. Но Пташка возмущалась, говоря, что приличный человек не придёт просить у двери, а придёт или нахал, или профессионал. У одного я спросил удостоверение в том, кто он такой. Тот охотно вынул бумагу о том, что два года назад он честно служил в ГПУ. Я сказал:

- Ну вот и обращайтесь туда за помощью, а я помогаю лишь товарищам по искусству.

Однако, вероятно, на других проезжих, особенно из непокровительственного класса нэпманов, эта бумажка производила впечатление, и они спешили дать, чтобы отвязаться от маложелательного просителя.

Днём второй концерт в Киеве, на этот раз не в опере, а в другом зале, меньшего размера. Одновременно с этим - симфонический концерт под управлением Малько, в котором вдобавок исполнялась моя «Классическая» симфония. Очень глупо: то ни гроша, то вдруг концерты в двух залах. В результате мой концерт запаздывает ни более ни менее как на час с четвертью. Говорили, что у Малько так мало публики, что концерт его, вероятно, вовсе не состоится, а потому задерживали начало моего, чтобы публика оттуда успела перейти сюда. Тем временем происходила трагедия вчерашних учеников, которым я раздал карточки с просьбой пропустить на мой концерт и которых не пускали. Один из них прорвался и сообщил мне об этом. Я настоял тогда перед кем-то из заведующих, чтобы их пропустили. Мне пообещали, но через некоторое время пришёл ещё кто-то и сообщил, что их всё-таки не пускают. Словом, наконец они попали и концерт начался.

Кроме Пятой сонаты у всех вещей программы колоссальный успех. Особенно усердствовали ученики, бросавшиеся на эстраду, благо подмостки невысоки, - так что я еле мог пробраться, чтобы уйти с неё. В общем, шум был чрезвычайный. А после концерта мы поспешили домой, чтобы собрать вещи и ехать в Одессу.

Перед самым отъездом в гостиницу явились ученицы Гольденберг и принесли мне анализ моего Марша из «Трёх апельсинов», в разрисованной обложке. Анализ был сделан по системе Яворского, с указанием ладов, так что я в общем ничего не понял в нём.

В поезде нам было задержано купе вагона Международного Общества, в котором, кроме нас, почти никто не ехал.

14 марта

Утром - Одесса. На платформе встречает с десяток неизвестных мне людей - представители Филармонии и Акоперы. Вообще мне неясно, от кого из двух я выступаю, и лишь впоследствии я выяснил, что раз я был ангажирован Тутельманом, то, значит, от Акоперы. Но так как меня непременно хотела иметь Филармония, то Акопера меня ей перепродала, по утверждению членов дирекции Филармонии за двойную цену против уплаченной мне. Впрочем, Украинская Акопера платила мне в долларах, а филармонийцы перекупали меня за рубли.

Комнаты нам были отведены в отеле «Бристоль», ныне - «Красная» гостиница, но по старой памяти называемая «Бристолем». Жаль, что не на берегу моря. У нас две огромнейшие комнаты, но отделённые от коридора тонкими дверьми, так что

слышен шум со всей гостиницы. К тому же телефон как раз против нашей двери. От этого шума не удаётся отдохнуть ни минуты.

Гуляем по Одессе. Для Пташки приезд в Одессу более значителен, чем для меня: я в Одессе в первый раз, она же жила там в раннем детстве, у дедушки, действительного статского советника и председателя суда. Здание театра она узнала сразу.

Мы вышли к морю. Порт совершенно пуст и само море серое: весна ещё не началась.

Вечером концерт в оперном театре. Зал полон, и кроме того рядов пятнадцать на эстраде, что всегда придаёт некоторую парадность. Я с интересом рассматриваю театр, красотой которого так гордятся одесситы. Мою программу публика принимает сначала сдержанно, но затем мало-помалу разошлась, хотя и не в той мере, как вчера в Киеве. В артистическую заходит Павлуша Себряков, который после концерта отправляется с нами в гостиницу.

15 марта

Об этом дне записи не сохранилось. Вечером второй концерт: в том же зале, при такой же обстановке и приблизительно с тем же успехом, что и накануне.

После концерта был ужин, после которого здешний тенор превосходно спел «Гадкого утёнка». Лишь аккомпаниаторша портила дело. Но его исполнение было настолько хорошо и свободно, что мне самому захотелось проаккомпанировать ему - и мы исполнили ещё несколько моих романсов.

16 марта

Утром зашла к нам сестра Горчакова. Революция и продвижение большевиков на юг разъединило её с семьёй. В своё время она пыталась перебраться в Румынию - вплавь через реку, но это кончилось неудачно. Теперь она учится в какой-то медицинской школе, живёт впроголодь и вообще выглядит человеком дичащимся и недоверчивым, так что потребовалось немало ласковых слов, чтобы услышать от неё человеческое слово. Выяснилось, что больше всего она боится, как бы её, по окончании образования, не услали куда-нибудь в деревню. Поэтому я обещал похлопотать за неё перед докторами, входящими в состав дирекции Филармонии.

Как раз скоро подъехал один из них, доктор Гольдман, для того, чтобы поехать с нами на автомобиле в Аркадию - местечко на берегу моря в нескольких километрах от Одессы.

До сих пор мы видели мало разрушений в Одессе по сравнению с Киевом, лишь сильно пострадали деревья, которыми были обсажены улицы: большинство из них было вырублено на дрова. Но теперь, по дороге в Аркадию, нам как раз пришлось ехать по бульвару (кажется, Французскому), по которому в своё время с боем наступали большевики, и вдоль которого с обеих сторон жарила артиллерия. Здесь огромное множество домов и вилл, в своё время очень парадных, было разрушено. Доктор Гольдман указывал на некоторые из загородных домов, ныне обращенных в дома отдыха для рабочих, но это было каплей в море по сравнению с общим разрушением.

В Аркадии чрезвычайно милый берег, защищённый от ветра пригорками и пригреваемый с юга солнцем. Здесь мы попали будто в иной климат, а доктор Гольдман тем временем преинтересно рассказывал о своём прошлогоднем путешествии по Закавказью и Закаспийскому краю. Про Бухару и Хиву, с которой сообщение аэропланом. Это было тем более интересно, что, живя в Париже, совершенно не знаешь, в каком состоянии эти полудикие окраины России. А между

тем оказывается, что советские граждане отправляются туда для отдыха и развлечения.

Возвратившись в Одессу и расставшись с Гольдманом, мы отправились завтракать в «Лондонскую» гостиницу, с окнами, дающими на море. Там к нам подсел Пресняков, бывший профессор пластики в Консерватории, которого там в своё время не особенно любили, но которым интересовались, так как к его классу естественно стремились наиболее красивые из учениц. Теперь вид у него был скорее просительный - главным образом на предмет того, как бы ему выбраться за границу, ибо жизнь в России ему осточертела.

Затем мы вернулись домой, за нами заехал Столяров и повёз в Консерваторию, директором которой он теперь состоит. Я обещал поиграть сегодня для учеников, которых собралось огромное множество, казавшееся особенно множественным благодаря сравнительно тесным размерам Консерватории.

Столярова я помню ещё учеником Петербургской консерватории по классу скрипки, затем он стал дирижировать, а теперь попал в директора, но вид у него несолидный и не директорский, что я ему со смехом и доказывал:

- Неужели вас всё-таки слушаются? Вы бы хоть отпустили себе бороду!

Играл я не очень много, но в набитом зале стоял страшнейший рёв: южный темперамент одесситов постоял за себя. Когда же мы со Столяровым вышли на улицу и уселись в открытый автомобиль для того, чтобы быть отвезёнными в гостиницу, то вся Консерватория, несколько сот человек, высыпала на улицу и провожала меня громкими криками; я же, отъезжая, раскланивался с ними. Словом, произошло целое народное волнение, очень симпатичное.

Вернувшись домой, мы собрали вещи и отправились на вокзал. Перед самым отъездом произошёл забавный инцидент. Оказывается, какой-то тип уже второй день внизу ресторана ел, пил и заказывал дорогие блюда, говоря, что он приехал с Прокофьевым чуть ли не в качестве его секретаря. Параллельно с этим он красочно рассказывал про заграницу и про разные случаи из жизни Прокофьева, а хозяин и прислуга слушали и записывали съеденное и выпитое на мой счёт. Когда в момент моего отъезда выяснилось, что означенный тип никакого ко мне отношения не имеет, в отеле поднялась тревога. Метрдотель кричал:

- Подождите, я его найду! Он от меня не уйдёт!

Впрочем, нам препятствий не чинили и отпустили нас с поклонами. На вокзале нас провожали приблизительно те же, кто и встречал, главным образом доктора, потому что ОФО (Одесское филармоническое общество) почему-то держится главным образом докторами. Была и Горчакова с букетом фиалок, которую я и рекомендовал заботам доктора Сигаля, одного из влиятельных членов медицинской организации, который, разумеется, всё готов был для меня сделать, и, как впоследствии выяснилось, не сделавший для неё ровнёшенько ничего.

Вагон нам был прямого сообщения до Москвы, но не Международного Общества. Впрочем, у нас было удобное полукупе.

17 марта

В одиннадцать часов дня Киев, где наш вагон перецепляется к московскому поезду, а потому один час сорок пять минут остановки, чем мы и воспользовались, чтобы поездить по городу. Наняли извозчика и поехали к памятнику Владимира. Владимир стоит на своей горе с крестом в руках - революции и междуусобицы не посмели тронуть его. Тёплый, солнечный день, тающий снег и ручейки, журчащие по склонам горы. Далеко вдаль виден вьющийся Днепр, но вид его зимний, неприветливый.

Довольно скверно позавтракав на вокзале, вернулись в вагон, где в соседнем

купе оказался Сеговия, концертировавший в Киеве и тоже возвращавшийся в Москву. Сеговия очень милый молодой испанец в роговых очках. Говорят, он замечательный гитарист, хотя я его и не слыхал. Его сопровождал представитель Росфила Кулишер, мрачного вида еврей. Сеговия чрезвычайно обрадовался нам и всё время трещал с Пташкой по-испански, жалуясь на то, что от Кулишера нельзя добиться ни слова: он только сидит и курит не переставая, отравляя дымом всё купе. На большой станции мы вместе с Сеговией выбегали в буфет и покупали цыплёнка. Затем, предоставив ему беседовать с Пташкой, я лёг спать, так как у меня болела голова.

18 марта

В одиннадцать часов сорок минут дня приехали в Москву. Встретил Цуккер и повёз в «Метрополь», где мы попали в тот же номер. Сразу же Цуккер повёл нас осматривать Кремль. Прошли через Оружейную палату, где мы присоединились к группе осматривающих, которым давал объяснение гид. Я обратил внимание Пташки на шапку Мономаха, действительно чрезвычайно нарядную. Затем мы попали в ведение некоего Н.Н.Померанцева, заведующего реставрацией живописи в кремлёвских соборах. Это был очень интересный человек, фанатик своего дела, культурный и тонкий, работавший за грошевое жалование при весьма неблагоприятных условиях. Он с увлечением показывал мне рублёвскую живопись, освобождённую от слоев краски, намазанной сверху во время ремонта соборов «в период некультурного царизма».

Меня смущало, что в церковь ходят в шляпе, и я решил её снять. Видя моё движение, Померанцев сказал мне:

- Эти церкви мы рассматриваем как музеи. Здесь службы больше не идут. Работать здесь без шляпы невозможно: посмотрите, как холодно.

Действительно, мороз был градусов в пятнадцать. На этом же музейном основании Пташку ввели в алтарь, чтобы показать ей рублёвские иконы.

Осмотр был очень интересен, но длился без конца. Хотелось есть, было холодно и ноги превратились в колодки с негнущимися пальцами. В конце концов я запротестовал, и в четыре часа, умирая с голоду, мы с Цуккером попали в «Большую Московскую» гостиницу, где нам подали есть в отдельном кабинете.

Вечером были в театре Мейерхольда на «Лесе» Островского, очень интересном и тщательно разработанном спектакле, как всё у Мейерхольда. Недостаток - медлительность, а медлительность - от желания насытить спектакль всяческими режиссёрскими деталями. Казалось бы, что это - от богатства изобретательности, но эта изобретательность не безгранична, так как немало повторяется из других мейерхольдовских постановок.

19 марта

Репетиция Персимфанса к моему последнему концерту, хотя в программе ничего нет нового. Завтракал без Пташки, затем заходил к тёте Кате.

Вечером был в оперной студии Художественного театра на «Евгении Онегине», которого я прослушал с чрезвычайным удовольствием. Крестьянская сцена из первого акта была выпущена, как оскорбляющая рабоче-крестьянское правительство. Очень хорошо был поставлен бал у Лариных, чему немало способствовали скромные размеры сцены этого театра. То есть это не был роскошный бал в огромном зале, как это делалось в больших театрах, так что в толпе не найдёшь ни Ленского, ни Онегина, а наоборот - бал в средней руки помещичьем доме, со столовой и большим обеденным столом с накрытым на нём

чаем на первом плане. Танцевать выходили в зал. находящийся в глубине сцены, вся же ссора Ленского с Онегиным происходила у чайного стола, и от этого вышла очень рельефной. Малые размеры сцены заставили во время дуэли оставить на сцене одного Ленского, в то время как Онегин был за пределами её. Благодаря этому вся дуэль проведена, если можно так выразиться, с точки зрения Ленского. Бал из последнего акта был выдержан в необычайно тонком стиле, как бы подчёркивая застылость этикета большого света. Мне было очень любопытно смотреть на то, как советские артисты, в этом театре почти исключительно молодёжь, не видавшая дореволюционной России, изображали придворный лоск николаевских времён. Некоторые из фрейлин были ярко выраженного еврейского типа.

Еврейского типа был и брат Луначарского, с которым нас познакомили в закулисной гостиной, куда мы были приглашены в антракте выпить чашку чая.

20 марта

Утром заходила к нам Шура Сеженская, моя троюродная племянница, столь мало понравившаяся Пташке на первый взгляд. Но сегодня она предстала в лучшем свете. У неё сын комсомолец. Как бы отвечая на наше удивление, она сказала:

- Ну, что-ж, когда раньше в гимназиях пичкали катехизисом, то это не значит, что дети становились от этого религиозными. Так и теперь: когда их пичкают безбожием, то это не значит, что они становятся антирелигиозными. Политграмота в теперешней школе - такая же скучная зубрёжка, как катехизис в царских гимназиях. Зато, будучи комсомольцем, мой сын имеет шансы на лучшую жизненную дорогу.

Днём мой последний московский концерт - с Персимфансом, в Колонном зале. Зал полон и настроение парадное. В программе «Классическая» Симфония, которую Персимфанс играет чище Сараджева, но кое-где пошатываясь в ритме; затем Второй концерт и в заключение «Скифская» сюита. Зная, что это мой последний концерт, публика самым триумфальным рёвом прощалась со мной.

На концерте был Рыков, глава правительства. Он прослушал только пол-программы. Когда он уходил через артистическую, Цуккер познакомил нас. Рыков - небольшого роста человек, с бородкой интеллигентского типа и гнилыми зубами. Он спросил меня:

- Как же вам у нас понравилось?

Я ответил:

- Мой приезд сюда — одно из самых сильных впечатлений моей жизни.

В сущности, я совсем не похвалил Большевизию, и в то же время выглядело, что я высказался в предельных похвальных выражениях. Словом, Рыков улыбнулся и с довольным видом заспешил дальше.

Среди публики выделялась красная феска Мейерхольда:

- Видите ли, - сказал он, - к весне я становлюсь немного нервным и потому всегда гладко остригаю волосы. А так как довольно холодно, то приходится носить феску.

В артистической масса народу: мадам Литвинова с детьми, Мясковский, Асафьев, Беляев, Яворский, Протопопов (последний поднёс Пташке цветы, но его сейчас же увёл Яворский, чтобы он не забалтывался с дамами), Сараджев, Оборин, похожий на Дукельского, и другие. Появился Блуменфельд, который умирал от паралича уже лет пятнадцать назад. Теперь он хромает, не очень гибко двигает языком во время разговора, но по-прежнему эффектен, и заблестел глазами, когда я представил его Пташке. Сараджеву я подчеркнул, что премьера «Классической» Симфонии была всё-таки за ним, и подарил ему галстук, бывший

на мне во время премьеры. Познакомил Надю Раевскую с Мейерхольдом, поручая Шурика его заботам в деле освобождения из тюрьмы.

После концерта зашли в гостиницу, а потом с Це-Це отправились на Пречистенку обедать. Было холодно и я устал от концерта. На площади стояло несколько таксомоторов, но ни один из них не желал везти по таксе. Цуккер, лейбгвардии коммунист, очень волновался, сердился, и наконец нанял какой-то из автомобилей. Когда мы подъехали к ресторану и я хотел платить, он закричал:

- Нет, нет, сегодня я плачу. Идите вперёд, не ждите меня.

Кажется, ему пришлось нанять его не по таксе и заплатить втридорога, но он не хотел признаться в том.

Вечером мы обещали с Пташкой пойти в театр на «Турандот», но я устал от толпы и зрелищ, и, отправив туда Пташку с Надей, пошёл к Мясковскому, куда пришёл и Асафьев (он вновь на короткий срок приехал в Москву). Было так приятно спокойненько посидеть у Мясковского и поговорить без напряжения. Кстати, я забрал у Мясковского два толстых пакета со старыми дневниками, которые решил увезти за границу. Асафьев, по его просьбе, передал объёмистую переплетённую тетрадь с фортепианными пьесами юношеского периода. Затем мы втроём отправились по тихим переулкам к Держановскому, у которого всегда собираются по воскресеньям вечером.

Среди других у Держановского был австрийский пианист Вюрер, который на днях должен был дать в Москве несколько концертов, играя, между прочим, целую серию современных русских сонат. На очень скверном держановском рояле он весьма неплохо демонстрировал Четвёртую сонату Мясковского, которую, впрочем, играл по нотам.

Вернулся я домой не очень поздно, таща по гололедице мои тяжёлые пакеты пустынными улицами, так как извозчиков, как назло, не было. Пташка вернулась очень довольная «Турандот». На спектакле был Будённый и на него все оглядывались.

21 марта

С окончанием концертов наступило предотъездное настроение. За нашими заграничными паспортами съездил кто-то из Персимфанса. Они уже некоторое время как были готовы - недаром я подал прошение о них чуть ли не на другой день по приезде в СССР. Сегодня я получил германскую визу и через весь город, куда-то к чёрту на кулички, поехал в польское консульство - за транзитной. Цуккер утверждал, что через Польшу никоим образом не следовало ехать, что Польша - враждебная держава, что надо ехать через Ригу и что вообще польской визы мне не дадут, - но путь через Польшу был на полсуток короче, и потому я не внял его мелодекламации. В польском консульстве были очень приличны, взяли паспорта и просили заехать за ними завтра.

Между тем Пташка была с Цуккером в Госторге, где он, благодаря каким-то протекциям, обещал достать из государственных холодильников хороший беличий мех со скидкой в десять процентов. Лучшие меха предназначаются для вывоза за границу, а худшие продаются для своих, поэтому его протекция в том и состояла, чтобы получить из заграничного отделения.

Так как революционные китайцы взяли Шанхай, то Цуккер был вне себя от радости, и даже громко кричал об этом на улице, смущая тем Пташку.

Завтракали мы вдвоём с Пташкой, затем пошли в Госторг покупать выбранную белку.

Днём приходил Асафьев, который был не в духе: его, с одной стороны, будто командировали в Вену, но давали так мало денег на командировку, что нельзя было

повернуться. Он сначала не хотел ехать, потом захотел, соглашался даже приложить своих денег, но оказалось, что какие-то затруднения с паспортами - словом, ерунда.

В половине седьмого вечера за нами заехали из Художественного театра, так как я обещал им поиграть. Приглашали меня накануне и даже спрашивали, сколько я за это возьму, но я ответил, что сочту за удовольствие сыграть для Художественного театра без всякой платы. Встречали нас очень ласково: Станиславский, Книппер-Чехова, Лужский. Особенно хорош был Станиславский. Узнав, что Пташка певица и в восторге от его оперной студии, он стал приглашать её:

- Ну вот и отлично, переезжайте в Москву и поступайте к нам.

После игры и аплодисментов мне поднесли чудесный букет из белой сирени, в объятиях с которым мы поехали к тёте Кате, а затем, оставив там часть букета, к Держановским, где собрались Асафьев, Мясковский, Сараджев.

Когда, уезжая от Держановских, я захотел взять хоть часть моих цветов, Леля довольно сердито закричала:

- Вот жадина, я знаю, он по тысяче рублей за концерт получает, а нам не может оставить даже своих цветов.

22 марта

Предотъездная беготня продолжалась. Опять через весь город носился в польское консульство, где визу выдали беспрепятственно. На обратном пути купили билеты. Едва вернулся домой, как зазвонил по телефону Цуккер. Я несколько грубовато подразнил его насчёт того, как просто и любезно мне выдали визу на Польшу - а он ведь городил из этого такое событие! Цуккер самолюбив, и обиделся. Ну и пусть: меня такие гвардейцы от революции раздражают, а за то, что он тянул и вилял в вопросе облегчения участи Шурика, у меня имелся против него зуб.

Днём укладывались, заходил Асафьев попрощаться, и прямо от нас уехал на Николаевский вокзал для следования в Ленинград, причём я всучил ему моё пальто (у меня их было два). Затем пришла Леля помогать Пташке сшивать белку - дабы она выглядела меховой накидкой, а не просто кусками меха. Засиделась у нас Леля до девяти часов. Курили массу русских папирос, которые мне очень понравились после заграничных, хотя русские знатоки и ругают теперешний табак. У меня в кармане была записная книжка времён моего итальянского путешествия 1915 года, которую я достал у Мясковского в чемодане. Я со смехом читал из неё некоторые отрывки из моих столкновений с Дягилевым во время получения заказа на «Шута».

Зазвонил телефонный звонок - из Коминтерна. Собственно говоря, я так и не понял, от кого это, но звонившее мне лицо назвалось каким-то длинным титулом, в который входил и Коминтерн. А раз Коминтерн, то надо было быть осторожным.

Дело касалось того, чтобы я выступил сегодня вечером в концерте, спешно организуемом в честь взятия Шанхая. Выступать мне смертельно не хотелось, но отказываться надо было осторожно. Я сразу же решил перейти в контратаку, и ответил:

- Но позвольте, я хотел бы знать, кто у вас организует этот вечер? Разве можно приглашать артиста чуть ли не за несколько минут до концерта? Что же это будет за вечер? Я совершенно не могу по такому важному случаю играть с бухты-барахты и как попало. Нет уж, увольте, и передайте вашим организаторам, чтобы они на следующий раз организовывали вечер на более серьёзных началах - и тогда я буду к вашим услугам.

Последнее было довольно безопасно, так как завтра мы уезжаем в Париж.

В десятом часу вечера пошли с Пташкой обедать в гостиницу «Европа». До сих

пор мы там только завтракали, а вечером оказалась открытая сцена с номерами, малоинтересными, так что мы сели подальше от сцены. Туда же к концу нашего обеда подошёл Цейтлин, чтобы произвести со мной расчёты за все мои выступления в Персимфансе. Этот расчёт оказался некоторым разочарованием, так как за границу они перевели мне гораздо меньше денег, чем я рассчитывал. Но я у них немало перебрал в червонцах на прожитие, затем гостиница, проезды, - всё это утекало незаметно.

23 марта

День нашего отъезда, и как раз день приезда Боровского из-за границы, чтобы начать своё турне. Боровский остановился в «Метрополе» же, в нашем же коридоре. Когда я пришёл к нему, Цуккер составлял с ним программу первого клавирабенда, в которую входили и мои сочинения. Со мною Цуккер был сух. Это за вчерашнее. Дурак. Боровский имел несколько оторопелый вид. Приезд в Россию производил на него сильное впечатление, и он, видимо, волновался, не зная, ждёт ли его здесь успех; и вообще: вдруг большевики ни с того ни с сего его арестуют? Хотя, казалось бы, с чего? Боровский уже успел сделаться латышским гражданином.

Заехал Цейтлин и мы с ним отправились в главное таможенное управление. Дело в том, что никакие рукописи нельзя вывезти из России, не имея на то специального разрешения. Это очень хорошее правило, предохраняющее русские библиотеки от расхищения. У меня же были мои старые дневники, куча писем, полученных во время пребывания в СССР, нотные рукописи, клавир «Игрока» со штемпелем «собственность императорских театров» и прочее. Я уже давно поднимал этот вопрос перед Цуккером и Цейтлиным, но в добром русском стиле они дотянули до последней минуты.

В главном таможенном управлении нас приняли очень любезно и послали на вокзал, где по приказу из таможенного управления должны были запечатать мои рукописи, тяжеленные пакеты, которые мы еле тащили с Цейтлиным.

На вокзале, в таможенном отделении, появилась какая-то официальная дама, которая двумя пальцами порылась в портфеле с письмами, и затем приказала всё это запечатать. Словом, дело кончилось вполне благополучно. Хуже было бы, если бы она начала читать дневники. Я как раз вспомнил, что там кое-где есть выражения, которые можно счесть контрреволюционными.

Когда дело было закончено и мы с Цейтлиным и с запечатанными тюками поехали обратно, он с увлечением рассказывал про историю Персимфанса и про то, что некоторые коммунисты говорили ему, что в сущности это единственное истинно коммунистическое учреждение во всём СССР. Сам Цейтлин болен, жена тоже больна, в правлении Персимфанса перевыборы и неразбериха, но энергии в Цейтлине тьма. По случаю искривления позвоночника доктора надели на него гипсовый корсет, но Цейтлин, проходив в нём два дня, сбросил его и продолжает свою деятельность без корсета.

В моё отсутствие, оказывается, к Пташке ввалилась мать Кошиц и упросила её взять для Кошиц браслет и брошку. Пташка ничего мне об этом не сказала, и, оказывается, затем всё время дрожала, пока мы не переехали границу.

Завтракали с Боровским в ресторане на Пречистенском бульваре. Боровский с наслаждением вкушал русские блюда. Затем заехали проститься к тёте Кате и поспешили домой заканчивать укладку. Пташка ещё успела купить себе парчёвый халат и брошку.

Дома последняя сутолка. Пришли Катя и Надя, но обе больше мешали, чем помогали. Катя, например, во что бы то ни стало пыталась уложить нам те вещи, которые мы ей же оставляли в подарок. Как назло, тут же ввалились люди, чтобы

забирать пианино. Словом, мы еле выкатились, и, сопровождаемые Цейтлиным, поехали на вокзал. Цуккер не выдержал до конца и отсутствовал. Цейтлину я отдал остававшиеся у меня червонцы с просьбой, если удастся, перевести их за границу.

Поезд отходил в пять часов дня с минутами. На вокзале, кроме Кати и Нади, нагруженных полученными подарками, Мясковский, трое Держановских, Цейтлин ж певица Держинская.

Поезд, с которым мы уезжали, в противоположность тому, с которым мы приехали, имел нарядный вид. Несколько вагонов Международного общества, вагон-ресторан, словом, всё, что полагается для международных поездов. Провожавшие глядели на нас не без зависти: ещё бы, через два-три дня в Париже. Мясковский привёз несколько коробок сластей, а я ему сегодня утром преподнёс всякие галстуки, рубашечки и прочие более элегантные части туалета, зная его склонность к ним.

Поезд тронулся. Был чудный, ясный мартовский день, с косыми лучами заходящего солнца.

24 марта

Утром сначала русская, потом польская граница, прошедшая без приключений. После того, как мои запечатанные пакеты прошли через таможню, их можно было распечатать и сложить в сундук. Таможенный чиновник знал, кто я, и, похлопав рукой по сундуку, пошутил:

- Чем наполнен сундук? Апельсинами?

Затем он объяснил, что во время отпуска ездил в Ленинград и хотел попасть на «Любовь к трём апельсинам», но почему-то это не удалось.

На польской границе мы пересели в международный вагон прямого сообщения на Париж, новенький как с иголочки. Можно подумать, что заграничные люди нарочно щеголяют им перед некоторой потасканностью русских вагонов.

Вечером Варшава и довольно длинная остановка, во время которой мы успели пообедать с мадам Гросман. Варшава здорово подтянулась за последние годы, и из довольно провинциального города начинает делаться похожей на европейскую столицу.

25 марта

Утром Берлин, где хочешь-не хочешь, надо было остановиться для того, чтобы взять бельгийскую транзитную визу (в России бельгийского консульства нет). Опять Вебер, Таня Раевская и Саша, который, впрочем, ничем особенным не блеснул.

В отеле Fürstenhof мы столкнулись с Сашей Черепниным и его женой. Вид этой пары, молодого мальчишки и старой богатой дамы, меня сразу же привёл в ярость. Сашенька Черепнин концертировал в нескольких городах, играя, между прочим, мою «Балладу» с виолончелью, о чём он и поспешил сообщить мне.

Я сказал:

- Ну, вероятно, играли её так же плохо, как в Париже.

Сашенька оторопел. Между тем я стал торопить Пташку кончать её разговор с «Луизитой», говоря, что мы торопимся обедать и нам некогда разговаривать. Словом, мы быстро расстались, причём Пташка была возмущена моим поведением, я же отвечал, что не могу их видеть вместе.

Пообедав с Таней, Сашей и Вебером в каком-то большом, но, как оказалось, подозрительном кафе, мы вечером выехали в Париж, разорившись на «Норд-Экспресс».

26 марта

В девять наш Nord пришёл в Льеж, где длинная остановка (глупо: мчались сломя голову, а здесь стоим). Встречали нас Андрюша и Жермэн и повезли к себе пить кофе. У них довольно милое Рено, которым Андре сам правит. Бришаны переехали в новый отличный дом - дела идут хорошо. В 3.30 Париж. Встречают Пайчадзе и Грогий, последний небритый, нелепый. Комнаты нам в отеле не задержал, хотя я писал и телеграфировал об этом. Я рассердился и с места пробрал его. Что за секретарь. Пайчадзе сказал: «Правильно, надо подтягивать». Впрочем в Victoria Palace оказался хороший номер. Очень устали. Пташка хотела было поехать к Святославу, но потом решила отложить до завтра. Поговорили с ним по телефону. Он что-то мило пролепетал. В семь часов вечера позвонил мне Дягилев, который узнал о моём приезде и телефоне от Пайчадзе. Он знает о моих успехах в России, поздравляет с ними и желает немедленно меня видеть, чтобы переговорить о делах, а то на днях уезжает в Монте-Карло. Я сказал, что сегодня мы у наших друзей Самойленок и что самое простое, если бы он туда приехал; хоть он их не знает, но в его приезде не будет ничего позорного, так как у них бывает и Стравинский, и Дукельский, и Ларионов. Дягилев справился, есть ли там угол для разговоров, и по получении утвердительного ответа, сказал, что приедет. Вероятно, слухи о моих российских успехах достигли его очень явственно, если он и звонит и соглашается приехать в незнакомый дом для переговоров. У Самойленко было очень приятно, они, разумеется, закидали вопросами и с интересом рассматривали московские конфеты, которые мы им привезли. Дягилев, впрочем, не появился: позвонил Нувель и сообщил, что у него на груди разыгрался нарыв.

27 марта - 3 апреля

Ближайшими задачами по приезде в Париж были: найти меблированную квартиру, где можно было бы прожить до лета, и купить автомобиль. С автомобилем выходило будто чуть неловко: наработали в голодной и ободранной России и бац, автомобиль. Но на это было некоторое, полуудовлетворительное объяснение: автомобиль я приторговывал и до поездки в Россию, и не на русские, а ещё на американские деньги. Если же теперь я мог свободнее купить его, то потому, что русские деньги мне обеспечивали жизнь и давали возможность более безоглядно тратить американские на автомобиль. Не очень убедительно, но всё же.

По обоим вопросам дороги скрещивались у Бенуа, ибо он говорил, что в апреле уедет в Россию (нельзя ли получить его квартиру?), а его beau-fils[23] Браславский был специалистом по автомобильной части и, следовательно, мог дать хорошие советы.

Съездив в Ville d`Avray к Святославу, который цветёт и вообще отлично перенёс наше отсутствие в семье сайентистов, я отправился к Бенуа. А.Н. был страшно мил, как всегда, тысяча вопросов о России, но сам он туда пока не едет, стало быть отпадает вопрос о квартире, а Браславского он видел несколько недель назад и телефона его не знает.

Вечером я обедал с Дягилевым, шли разговоры о моём балете, о приезде Якулова, о моей поездке в Монте-Карло для разговоров с Мясиным, которому Дягилев поручает постановку «Урсиньоля» (чему я очень рад, так как Баланчивадзе казался мне слишком эротичным и потому дряблым), словом, балет мой ставится вовсю, на все четыре ноги. Я принёс с собою записную книжку, привезённую мною

[23] Зять (фр).

из Москвы, из чемодана, хранившегося у Мясковского, в которую заносился дневник моей поездки в Италию в 1915 году к Дягилеву на предмет «Алы и Лоллия» и «Шута», и теперь, между двумя блюдами, читал оттуда отрывки, в которых описывался Дягилев и мои разговоры с ним. Нувель и Кохно смеялись, я хохотал больше всех, а Дягилев делал сердитый вид и говорил: «Совершенно верно, очень хорошо, что я так сказал, так и надо, я и теперь сказал бы то же самое».

Браславского мы вскоре разыскали и вместе с ним объехали главнейшие автомобильные магазины: Рено, Пежо, Доннэ, Фиат. Очень милый 10-сильный открытый Фиат, но дорог, хотя вообще цены на Фиаты заметно упали благодаря падающему франку. Видя, что мы интересуемся Фиатом, но что он нам дорог, Браславский предложил посмотреть два подержанных Фиата, которые он знал и которые мог рекомендовать.

Отложив этот осмотр до следующего дня, я пошёл к Башкирову, который бомбардировал меня письмами, ждал в отеле и вообще всячески хотел видеть. Застал я его, разумеется, в постели, так как он ездит ночным шофёром, а днём спит. Он чрезвычайно взволновался моим намерением купить автомобиль, сказал, что это не надо делать никоим образом через Браславского, о котором он кое-что слышал, и даже не очень хорошее, а через Руднева, на такси которого он ездит по ночам. Руднев - бывший профессор механики в императорской авиационной школе и сам очень известный лётчик. Эмигрировав после революции в Париж, он на последние деньги купил себе такси, днём сам эксплуатирует его, а ночью уступает Башкирову за пятьдесят франков в ночь. Так как эта машина его последний ресурс, то он бережёт её как зеницу ока, сам чистит и чинит, прислушивается к каждому шуму и стуку в моторе, и уж, конечно, понимает в устройстве автомобиля как никто. Кроме того, честнейший и серьёзнейший человек. Мне эти доводы показались убедительными и на другой день я с Рудневым, действительно очень милым и серьёзным человеком, отправился смотреть рекомендованные Браславским подержанные Фиаты. Фиаты оказались дрянью, и когда Леля позвонила Пташке с вопросом, последняя ответила, что Серж говорит - это не автомобили, а умывальники. Леля даже переспросила от удивления, и затем Браславские скрылись с горизонта. Затем я по объявлению нашёл Деляж, очень хороший, - и марка-то какая! Когда я как-то во время падения германских денег ехал из Ettal'я в Париж, со мною в купе сидел какой-то шикарный венец, которого патрон послал в Париж купить Delage. В то время это выходило на австрийские деньги несколько миллионов, но самодур-хозяин хотел не что иное, как Деляж. «Вы ведь знаете, что такое Деляж?» - вдруг небрежно бросил он мне. И хотя я не знал, но тон его был таков, что я поспешил ответить: «О да, конечно». С тех пор я уважал эту фирму, - а теперь вдруг возможность самому владеть Деляжем! Я привёл Пташку и Руднева, но Руднев нашёл, что хоть недурно, однако, не находка, когда же мы зашли ещё раз, то автомобиль был уже продан. Тем временем за дело принялся Б.Н. и целый день ходил по гаражам. Он вскоре действительно нашёл очень элегантный Panhard, тоже отличная марка, к тому же с литерами SLP на радиаторе, т.е. как раз литеры Пташки и мои. Мы его пробовали в Булонском лесу. Мотор пел отлично и шёл хорошо, но внутри автомобиль был какой-то неуютный, жёсткий, высокий. Решили пока не спешить и поискать ещё что-нибудь.

За эти дни Башкиров и Руднев довольно часто завтракали и обедали у нас в отеле, обсуждая в это время различные марки автомобилей, их достоинства, а также возможности покупки по случаю.

4 апреля

Утром был в издательстве, исправлял с Конюсом партию скрипки во 2-й

Симфонии. Вернувшись домой, застал Башкирова: он нашёл замечательный автомобиль марки Ballot, одной из лучших во Франции, за двадцать семь тысяч, а новый, говорят, стоит восемьдесят пять. Поехали смотреть с Рудневым, ездили пробовать, идёт отлично: 90 вёрст в час шутя. Руднев одобряет машину (авторитет). Сидеть удобно. Внешность отличная. Решили купить и дали три тысячи задатку. Как-то не верится, что я теперь собственник такой большой машины! Я в самом деле заработал довольно много денег. Вечером у нас в отеле обедали Руднев, Башкиров и супруги Пайчадзе. Спрыснули обновку двумя бутылками шампанского.

5 апреля

Кончил переделку хода. Заявил Пайчадзе, что Симфония готова к печати, но он опять мнётся: и дорого, и недоходная вещь. Я рассердился. Это в конце концов невыносимо. Когда же меня начнут безоговорочно печатать! Я заявил, что Симфонию надо гравировать немедленно - и точка.

Ходили с Башкировым смотреть автомобиль. Его подчищают и подправляют. Обедали у Кошиц. Марочка, которой пятнадцать лет, но которая выглядит восемнадцатилетней девицей, выучила и играла мне «Гавот» Op.32 - очень здорово. Мария Викторовна объявила, что Боровский зовёт её в Москву и она туда едет. Перед нашим отъездом в Россию она говорила, что не понимает, как мы можем ехать в Эсесерию, и что если Боровский отправится, то она умывает руки, а теперь лихо собралась сама. Я сказал ей об этом, она смутилась.

6 апреля

У Пташки дурное настроение: она не любит Б.Н., и её раздражает, что в связи с автомобилем он так энергично выплыл на сцену. Но ведь он же нашёл отличную машину. Заплатив деньги и выполнив формальности, мы в автомобиле (Башкиров у руля) подъехали к издательству. Взяли там Пташку и Пайчадзе и поехали в Bois. Там подобрали на скамейке Гречанинова и катали его. Он спросил: «Это что же, результат поездки в Россию?» Я ответил: «Нет, это налаживалось до неё». Затем мы с Б.Н вдвоём ездили в St.Germain. Машина идёт отлично. Он правил осторожно, так как не знает ещё машины, да к тому же она ещё не застрахована. По возвращении из Монте-Карло я беру несколько добавочных уроков (а то я уже всё забыл) и начинаю ездить самостоятельно. Поставили автомобиль в русский гараж, по рекомендации Руднева. Там им любовались, оценили тысяч в сорок, не меньше.

Вечером с Пташкой были на Wednesday Meeting[24] в Christian Science Church. Я в первый раз. Было интересно и волнующе слушать свидетельства исцелённых. Видел Miss Crain, она сказала, что надеется скоро увидеть меня у себя.

7 апреля

Переезд из гостиницы на квартиру: 5, avenue Frémiet. Укладка вещей. Пташка стонет. Затем съездили в Sèvres и привезли Святослава. Хозяйка по нём плакала, а он был очень доволен. Квартира приятная, удобная; из двух комнат окна в сад, а оттуда на Сену. Наскоро собрался и, поручив Башкирову красить автомобиль, в полвосьмого вечера отправился в Монте-Карло - по приглашению Дягилева натаскивать Мясина на темпы и выяснять линию постановки, так как он видит сюжет по-своему. Дягилев оплачивает мне билет первого класса и кушетку. Поезд очень быстрый. Думал, будет пусто, так как теперь скорее едут из Монте-Карло,

[24] Пятничная Встреча (англ).

чем в Монте-Карло, но оказалось совершенно полно. Б.Н. провожал на вокзал и не без зависти глядел на поезд, весь из вагонов первого класса и идущий в самоё Монте-Карло - царство рулетки и, стало быть, с его точки зрения, безграничных возможностей.

8 апреля

Соседи зашевелились рано и не давали спать. Читал «Повести Белкина», издание 1830 года, книжку, которую Нувель просил отвезти Кохно. Читал с удовольствием, я совсем их забыл. И всё же мир Пушкина, особенно в таких вещах, как «Выстрел», мне совершенно чужд.

В 12.30 Монте-Карло и Кохно на вокзале. Поселился в скромном отеле Ravel с окном на море. Завтракал с Дягилевым. Впрочем об «Урсиньоле» много не говорили, как будто я не для того приехал. Отправились на репетицию «Жар-птицы», которая возобновляется к XX юбилею Дягилевского балета (и «Птицы») в новых декорациях Гончаровой, - бледных в первой картине и очень красивых в конце. Появился Стравинский - из Ниццы. Оркестр захлопал ему и он сделал ручкой. Меня Стравинский приветствовал с успехом в России немного выспренно и искусственно.

После репетиции поехали в Menton на автомобиле Стравинского. У него их два: маленький Рено, старый, но недавно наново выкрашенный, и новый, огромный и дорогой Гочкис. Сейчас под рукой был первый, но в него нагрузилось шесть человек: правил старший сын Стравинского, рядом с ним сидели Стравинский и Кохно, а сзади - муж и жена Риети и я. На каком-то повороте сын въехал крылом в стену. Могли бы опрокинуться, тогда выбыло бы из строя сразу довольно много композиторов. Стравинский всю остальную дорогу волновался и кричал: «Федя, осторожней, видишь коза?» В Ментоне пили чай (я платил), затем вернулись домой. Вечером были на дягилевском спектакле. Стравинский познакомил со своим вторым сыном, Святославом. Я сказал: «Как жаль, что наши сыновья содержат в своём имени осла». Стравинские не поняли, я расчленил слово «Святослав». Стравинский криво усмехнулся и ушёл.

9 апреля

Утром встретились с Мясиным и, сидя на солнышке перед казино, обсуждали постановку балета. Началось с того, что Мясин совершенно отверг проекты сюжета, выдуманного Якуловым и мной. Я особенно не протестовал. Важно было только направить Мясина и удержать его так, чтобы его проекты не противоречили моей музыке. У него была в руках книжка Ровинского - исследование о русской гравюре (между прочим, аховое количество неприличия); из этой книжки Мясин и собирался черпать темы для своей хореографии. Завтракал с Дягилевым (но без Мясина - у них отношения всё ещё сдержанные). Затем собрались с Дягилевым, Мясиным и Копейкиным (будущим аккомпаниатором), и я играл балет. Мясин делал предложения, Дягилев и я их критиковали. В общем, многое наметили. По окончании Дягилев пил со мной чай и уговаривал вставить в «Урсиньоль» увертюру из романовского балета. Я отказывался. Видя беспомощность дальнейших рассуждений, Дягилев перешёл на вопросы о России, куда ему очень хочется ехать. Я сказал: в России больше всего боятся, что он будет выуживать оттуда танцоров и танцовщиц. Поэтому ему перед поездкой надо торжественно заявить, быть может даже в письменной форме, что он не собирается этого делать, а едет просто посмотреть; тогда ему будут очень рады.

Вечером был спектакль, но шли старые вещи и было скучно.

10 апреля

Утро опять провёл с Мясиным, беседуя о балете. Казалось, сначала было трудно сторговаться, когда, например, в первом номере я видел стихийную народную волну, а Мясин борьбу бабы-яги с крокодилом (по Ровинскому). Но затем он объяснял, что, разумеется, не будет ни бабы-яги, ни крокодила, но он берёт это за основу для получения стихийности. Днём Дягилев был занят спектаклем, а вечером уехал в Ниццу о чём-то говорить со Стравинским - очень жаль, мог бы больше времени посвятить разговорам о моём балете. Но он, кажется, верит Мясину и представляет ему свободу творчества. Мясин предложил новое название: «Pas d'acier», которое я сейчас же перевёл «Стальной скок». Название мне понравилось. Но Дягилев не одобрил: «Pas d'acier» точно «Puce d'acier» («Блоха» Лескова).

11 апреля

Дягилев рассказывал про «Эдипа», которого он вчера в первый раз слышал от Стравинского. Играл автор, подыгрывали два сына, один справа, другой слева, и все пели. Дягилев в восторге, но, по-видимому, не всё ему нравится - длинно и несценично. Дягилев хочет предложить дать в первый раз не со сцены, а без сцены. Затем Дягилев объявил мне, что раз я уж ни за что не даю ему романовской увертюры, то он согласен взамен уступить мне право на «Стальной скок» для России с первого января 1928 года, если его Луначарский об этом попросит. Я согласился. «Pas d'acier» сегодня оказался похожим на «Pas d'argent»[25], но всё-таки это лучше, нежели предложенное Дягилевым «Стрекоза и Муравей».

В три часа я выехал из Монте-Карло в Париж.

12 апреля

Возвращение в Париж.

Вечером французская премьера моего Квинтета. Сыграли хуже, чем в Москве, неуверенно и без огня. Но среди музыкантов - успех. Марнольд, Пуленк, Прюньер и другие говорили, что Квинтет - одна из лучших моих вещей.

12 апреля - 5 мая

Квартира на 5, avenue Frémiet очень симпатичная и удобная. В неё же поселили Грогия, как прозвал Святослав Горчакова. До завтрака я работал: в четыре дня оркестровал добавочный номер для Дягилева, затем принялся доделывать пятый акт. К пятому мая он был значительно подвинут, виднелся конец. Вообще с «Огненным ангелом» я завяз невероятно. День после полудня обыкновенно посвящался автомобилю. Б.Н. взялся быть моим профессором. Я был уверен, что всё выученное на Рождество забыл, но поехал я сразу недурно, и на второй день уже правил автомобилем за городом, под руководством Б.Н. Вскоре мы начали делать поездки в окрестности, беря с собой по очереди друзей и знакомых: Марию Викторовну, Пайчадзе, Самойленко etc. Двадцать третьего апреля, в день моего рождения, сделали большую поездку с Самойленко в Орлеан и дальше до замка Chambord, того замка, из которого последний Бурбон прозевал возможность вступить на престол. Ночевали в гостинице у замка. На другой день побывали в Blois и к вечеру вернулись в Париж. Правили по очереди, Б.Н. и я. Я доводил скорость до 75 км/час. Самойленки были очаровательны. Все эти поездки

[25] «Серебряный скок» или «Денежный скок», argent по-французски деньги, серебро.

омрачались лишь тем, что Пташка не переваривала Башкирова, и отсюда рождались семейные сцены.

В конце апреля я попробовал выезжать самостоятельно, что вызвало ряд малых аварий: помял крыло, выезжая из гаража, вонзился в автомобиль турецкого посольства, следовавший впереди меня и слишком быстро замедливший ход, вырвал зубы у шестерёнок заднего моста вследствие толчка при демараже[26]. Последнее вызвало четырёхдневную починку и расход в полторы тысячи франков, и, кроме того, некоторую деморализацию и робость при последующем управлении. Вообще же благодаря автомобилю я не потерял контакта с весною, ибо почти каждый день выезжал в поля и леса, что очень меня радовало.

6 мая

Ездил концертировать в Магдебург, мне очень не хотелось, но отказываться было неудобно. Я рассчитывал, что выйдет заскок с визами, но визы устроились и сегодня в 8.20 утра я выехал в Магдебург. В Аахене надо было ждать с четырёх до восьми часов, я купил план и ушёл гулять в загородные сады. Была чудесная весна и я прогулял всё время, кое-что придумывая в либретто.

В восемь часов подали спальный вагон и я отправился дальше.

7 мая

В семь часов утра Магдебург. Так как репетиция только в двенадцать, то я, умывшись и переодевшись, опять пошёл бродить по паркам. Когда чудная погода, весна, всюду цветут деревья, такие прогулки - одно наслаждение.

В двенадцать я был на репетиции. Дирижёр Beck моих лет. Я его встречал в Берлине на премьере «Апельсинов». Он здесь борец за новую музыку - против провинциальных рутин Магдебурга. После репетиции я вспомнил, что перед отъездом я получил от Вебера письмо, сообщающее о предстоящей премьере балета в берлинской Staatsoper, поставленного под «Скифскую сюиту». Я попросил Бека позвонить в Берлин Веберу - не сегодня ли. Оказалось точно, сегодня. После чего я отправился в Берлин, до которого два часа в скором поезде. У Вебера было два кресла, так что в администрации театра даже не знали, что я в зале. После двух скучных вещей шла «Скифская сюита» (без изменений), к которой балетмейстер Терпис приглядел какие-то сцены из Данте с демоническими силами, терзающими души, и ангелом, их освобождающим. Вышло не хорошо и не плохо, но всё же менее плохо, чем я ожидал. Соединять Данте со скифами - задача довольно сомнительного вкуса. Успех был, но средний. Вещь шла в конце спектакля, и публика устремилась в гардероб. После спектакля я за кулисы не показался. С Вебером пошли ужинать в кафе.

8 мая

Переночевав в Furstenhof'е, встал в семь и отправился обратно в Magdebourg. Там публичная репетиция, но народу мало, меньше ползала. Причина: окончание сезона и хорошая погода в воскресенье, все предпочитают ехать за город. Прошло ничего, был успех (четыре вызова). Днём Бек и я тоже собрались за город и совершили прогулку пешком в пятнадцать километров, вернувшись обратно по Эльбе на пароходе. Прогулка вышла отличная, но на пароходе было тесно. Вечером был у знакомых Бека, художника с женой - милые, простые и культурные люди.

[26] Трогание с места, от démarrage (фр).

Вчера я спросил у Вебера, почему за «Скифскую сюиту» я получаю в Staatsoper только 1,5% со сбора. Вебер объяснил, что Statsoper платит 3%, но из них половину забрал себе Terpis. Хапнул много, но иначе он не хотел ставить. Недурно? Впрочем, Вебер поступил правильно, пойдя навстречу выжимателю, ибо мне и издательству полезно, что моя вещь в репертуаре Staatsoper, платят же там так немного, что, в сущности, невелика разница, получу ли я на проценты больше или нет.

9 мая

Писал открытки, покупал обратный билет, догонял дневник и, чтобы не терять времени, починил зуб. Концерты в 7.30 вечера. Играли лучше, чем вчера, хотя Бек кое-где махнул не вовремя. Успех, довольно живой. Мы с Беком несколько раз выходили кланяться. От вчерашних дам - тюльпаны. «Лучше красные цветы, чем синие руки». С концерта я - в отель, переоделся, уложился, поел и в десять часов вечера выехал в Париж, провожаемый Беком и двумя дамами: женой художника и её сестрой. В спальном купе было ужасающе душно - еле заснул.

10 мая

Утром пересадка во Франкфурте, а вечером Париж. В моё отсутствие несколько раз был у Пташки Б.Н.. лебезил, завтракал и в результате попросил двести франков, но с тем, чтобы Пташка мне не говорила. Пташка ответила: «Вы напрасно просите, чтобы я не говорила: деньги Серёжины, - почему же я буду ими распоряжаться, не сказав ему?» И в самом деле, приёмчик так себе.

14 мая

Выехали в автомобиле искать дачу: Пташка, я и Грогий, которого взяли на всякий случай и который в сущности ничего не делал всю поездку, только катался и загорал. Ехали отлично. К вечеру приехали в Loches, старинный замок и городок, и заночевали. Я заснул как убитый, несмотря на то, что скорость доходила до 75 км/час и часто держалась на шестидесяти-семидесяти, средняя скорость, даже за вычетом остановок, вышла около сорока трёх.

15 мая

Поехали дальше - до St.André-de-Cubzac, где заночевали.

16 мая

Пересекли Бордо, город шумный, тесный и неудобный для автомобилиста, и покатили по ровной чудной дороге в Аркашон. По бокам сосновые леса. В Аркашоне принялись за поиски дачи, не в самом, ибо сам Аркашон шумен, дорог и праздношатающ, но в его окрестностях. Однако ничего приятного не нашли, и двинулись, огибая аркашонский залив, на север. Заночевали в Андерносе, тихом и приятном местечке на другой стороне залива.

19 мая

Наконец нашли дачу в St.Palais-sur-Mer, близ Royan: всё, что надо, т.е. просторно, нет соседей и у самого океана. Она уже была кем-то снята, но съёмщик отказался, по телефону мы поймали и его и дачевладелку в разных концах Франции - и

контракт был подписан. В пять часов мы тронулись обратно в Париж. В одиннадцать часов вечера заночевали в Poitiers, добрались не без труда, по скверному шоссе и освещая дорогу фонарями, светившими не очень ярко.

20 мая

Ехали очень быстро, делали до 88 км/час. Только между Версалем и Парижем завязли - вся дорога была заблокирована автомобилями. Вернулись в семь часов вечера, загорелые, пыльные, усталые. Результат поездки: сделали 1688 км в семь дней. Baby в порядке. Масса писем и телеграмм. Премьера «Апельсинов» в Москве состоялась вчера. От Princesse de Bassiano чек мне в две тысячи франков за мою игру у них в прошлом году. Я хотел было вернуть, ибо я играл у них так, после завтрака, полуофициозно, но затем решил использовать эти деньги, чтобы выписать из России Асафьева и оплатить ему дорогу.

21 мая

Из Москвы целый ряд телеграмм с поздравлениями по поводу успеха «Апельсинов».

Пошёл в театр, где Дягилев следил за развешиванием декораций. Якулов приехал, но Дягилев его почти не видел, так как тот, по-видимому, беспросыпно пьян, хотя и объясняет, будто его треплет малярия. Всё же стараниями Якулова был устроен завтрак Дягилев - Луначарский, на котором, кроме Якулова, присутствовали ещё жена Луначарского и Ларионов. Дягилев не без удовольствия рассказал про этот завтрак: «Сначала я его вежливо слушал, но его рассуждения оказались в стиле либерального интеллигента дореволюционного периода». Луначарский нападал на гнилой запад, но Дягилев ответил, что это старо, а советский наркомпрос должен отправляться за талантами как в лес за грибами - сегодня он найдёт рыжика под одним деревом, а завтра белый гриб под другим; так нет и гнилого запада, но таланты рождаются то тут, то там, и в разном виде. Луначарский очень расшаркивался перед Дягилевым и в конце разговора его жена резюмировала, что если бы она была слепой и присутствовала при этом разговоре, то, не сомневаясь, сказала бы, что советский министр - это Дягилев, а представитель буржуазного искусства - Луначарский. Но была одна вещь, которой Луначарский и уложил Дягилева. Он заявил: «Вы знаете, мы с русским искусством недавно одержали огромный успех в Вене. Я привёз туда выставку старинных икон, и эта выставка произвела колоссальное впечатление». «Когда я услышал, - рассказывает Дягилев - это сообщение из уст советского министра и официального безбожника, то тут уж я прямо не знал, куда деваться!».

Днём первый концерт Кусевицкого. Очень недурная f-dur'ная Сюита Русселя, музыку которого я вообще недолюбливаю. Но на этот раз первая часть вовсе хороша, вторая и третья похуже. Затем следовала ужасающая новинка Мийо, который сам принимал участие, солируя в лёгонькой партии на фортепиано. Его жена сидела с нами в ложе и на этот раз была даже не противная, как обычно, ибо неподдельно волновалась. Вечером обедали у Fearbanks, милые американцы, Christian Science-тисты.

22 мая

Утром побывал в Christian Science Church. Когда вернулся, то уже ждал автомобиль от Bassiano. Приятный (и очень вкусный) завтрак, Сувчинский, я сижу рядом с хозяйкой. Между прочим, благодаря за чек, объясняю ей о намерении

повернуть его на приезд Асафьева. Она говорит: «Но условие - привезите его ко мне». Я обещаю. Принчипесса[27] очень милая женщина.

После завтрака все переходят в гостиную пить турецкий кофе (очень вкусный). Происходит уморительный разговор: графиня Вольпи спрашивает у Пташки:

- Не ваш ли муж написал оперу про попугая?

Пташка смущается. Бассиано, с виноватой улыбкой, поправляет графиню:

- Вы хотите, может, сказать о «Соловье» Стравинского?

Графиня:

- Нет, нет, это не соловей, а какая-то другая птица...

Оказалось - «Петушок» Римского.

На обратном пути от Бассиано захожу к Кусевицким. Там застаю Стравинского, пьём вместе чай и ведём автомобильные разговоры. Впрочем, он не утерпел, чтобы не заявить, что Андрей Римский-Корсаков, который раньше всегда ругал его музыку, теперь пишет, что он, Стравинский, первый и недосягаемый композитор в мире, когда сочиняет русскую музыку, но когда обращается к интернациональной, то Андрей его не понимает. Должен ли Стравинский всё-таки говорить такие вещи в моём присутствии? Впрочем, мы очень мило расцеловались на прощание, хотя Стравинский и засиделся неимоверно, мешая мне проходить с Кусевицким «Увертюру» к предстоящему исполнению.

23 мая

Играл «Пиковую даму». Не очень нравится. Если исключить отдельные блестящие места (но ведь по ним надо ценить?!), то остальное написано слишком быстро и безразборно (накатано), и потому много случайного.

24 мая[28]

Якулов завтракал у нас. Луначарский в Париже, он и Раковский очень интересуются «Стальным скоком». Якулов советует позвонить Луначарскому, но я стараюсь держаться в стороне, хотя для будущей поездки в Россию может быть и надо было бы позвонить. О Дранишникове Якулов говорил с Луначарским. Луначарский сказал, что просить Экскузовича он не считает удобным, так как, по-видимому, «Апельсины» (Мариинская постановка) поедут по различным странам и предвосхищать Дранишникова неудобно. Но эти же страны, вероятно, не включают Францию?

Отдали 2-ю Симфонию (партитуру) гравёру. После стольких страданий!

25 мая

Репетиция Мясина. Балет приехал из Барселоны. Привозят огромные в полтора человеческих роста столы-подмостки Якулова. Артисты опасливо косятся. Мясин изобретает интересное фабрично-машинное движение.

Днём я всё-таки занимаюсь «Огненным ангелом» - дожимаю пятый акт.

В пять часов свидание с калькистом - отдали, наконец, голоса 2-й Симфонии. Я объяснил подробности гравировки.

Вечером опять на репетиции с Мясиным - совпадение: в том же зале, как

[27] Принцесса, от principesse (итал).

[28] С 24 мая по 20 июня 1927 г. сохранились лишь отрывочные черновые записи на отдельных листах.

26 мая

Репетиция с Мясиным и у Кусевицкого - «Увертюра». Ужасная Симфония Ганцмана. Сувчинский: «Лавка краденых вещей». Днём генеральная первого дягилевского спектакля. Соге, подражание чему-то простенькому - очень скучно, хоть была бы живость. «Нептун» Бернерса - интереснее, но опять стилизация, просто сочинять музыку уже не умеют! Стравинский сам дирижировал «Жар-птицей» - сделал успехи. В общем интересна обстановка репетиции, сам Дягилев - фигура, масса знаменитостей: Пикассо (очень мил), Кокто, Шестёрка etc.

Вечером концерт Орлова - 3-я Соната, несколько быстро и легковесно, но технически корректней меня.

27 мая

Репетиция Кусевицкого. Я не совсем доволен, как идёт «Увертюра», но лучше, чем в Москве. Днём работал над «Огненным ангелом», додушивая пятый акт. Вечером открытие Дягилева. Толкотня, еле попали - и плохо. «Нептун» - ничего; Соге - дрянь, хотя недурные конструктивистские декорации - операционная комната. «Жар-птица» - очень приятно, как всегда Стравинский после прочей дягилевской ерунды. Недостаток: нет сильных разов, отсюда рыхлость и вялость. Спесивцева сломала ногу, Данилова танцует à livre ouvert[29].

28 мая

Концерт Кусевицкого. «Увертюра» первым номером, но, к удивлению, успех и вызовы, которым я сначала не верил, считая демонстрацией друзей - и потому кланялся не сразу. Ужасная симфония Танцмана. Концертино Тайфер. Мило, но два такта точно из Рахманинова и построение в мелодии. Сисы[30] - и вот результат десяти лет их деятельности. Говорю ей - она конфузится, говорит, переделает. Разговор с Мийо: хвалит, я смущён - «Как мило с вашей стороны»; Мийо: давайте говорить правду, мы оба совсем не милы, но тем более. Много комплиментов «Увертюре» от французских музыкантов.

У Дягилева после Спесивцевой новое несчастье: потеряли вагон с «Ромео и Джульеттой» по дороге из Барселоны.

29 мая

Успел немного пооркестровать. Christian Science Church, затем поехал к Bassiano, автомобиль Falla, Mompou, у них Ehrhardt, разговор об «Огненном ангеле» или «Игроке» для Дрездена.

У Кусевицкого, Тайфер; Кусевицкий осторожно спрашивал про Танцмана, советует оркестровать «Увертюру» для большого оркестра. Очень нежен, и Наталья Константиновна. Вечером Полиньяк, колоссальный съезд, толпа стоит на улице. «Эдип». Хозяйка проводит нас в первый ряд, Пташка рядом с Zéro (подходит во всех отношениях). Я помогаю Стравинскому. Хор иногда расходится. Трудно судить будучи занятым. Но сильно и крепко. Было бы ещё лучше, если изъять чересчур нарочитые атрибуты из лавки старьёвщика. Я хотел бы знать о следующем сочинении, и через следующее, где несомненно будут и ещё большие очищения. Пуленк совершенно озадачен. Руше об опере на Ростане.

[29] Без подготовки (фр).

[30] Имеется ввиду Шестёрка композиторов, от six - шесть (фр).

30 мая

Утром пошёл на генеральную «Эдипа». Но показалось длинновато, кроме того оркестровано постно до нескладности. Днём приходил Дезормьер, которому проигрывал «Стальной скок». Звала Mme Cuin - продолжить разговор с Руше. «Мы, - т.е. она, муж, вдова Ростана и, по-видимому, Руше, - все ваши поклонники». Я просил отложить на после седьмого.

Вечером премьера «Эдипа», парадный спектакль. Но проходит скучно, поют неважно. Успех, но сдержанный. На спектакле Дукельский, только что из Англии, вид невероятный (с розой из материи) - утверждает, что последняя мода. Хвастается, что каждый день к нему приходит новая женщина. Но Сонату для оркестра кончил - я советовал поскорее уломать Кусевицкого, который уже собирался её отменить. После спектакля Дягилев устроил ужин в Café de la Paix, но не особенно оживлённый. Стравинский сидел между мною и Пташкой.

31 мая

Сегодня день без репетиции. Хотел выехать, но автомобиль всё красят. Пригласил я красильщика, который два раза не сдержал слова. Потом стало жалко его: он, вероятно, бывший офицер, перемазан краской, а я в палевых перчатках. Но ведь бедственное положение не освобождает от обязанности держать слово!

Оркестровал «Огненного ангела» и почти кончил пятый акт: остались последние шесть тактов, в которых сомнения. Заходил Шавич - репетировать сюиту из «Апельсинов», которую он даёт, к сожалению, одновременно с премьерой «Стального скока». Вечером концерт Кошиц - довольно бледно.

1 июня

Утром репетиция под фортепиано, днём первое чтение с оркестром. В три часа прочли музыки на двадцать минут. Звучит всё хорошо, с ругательствами. Вообще очень устал и болела голова.

2 июня

Утром репетиция Кусевицкого - «Классическая» Симфония, затем репетировали Мясковского. Днём пошли на генеральную - «Меркурий» Сати. Как всегда, репетиция интересна своей обстановкой: освещение, оркестр, декорации, танцоры - всё ещё не в порядке, кричат, бегают. Один Пикассо, автор декораций, сохраняет олимпийское спокойствие, как говорят, и в жизни, и даже в борьбе направлений в искусстве. Музыка - дрянь, в декорациях кое-что занятно, костюмы милы, мужчины изображены с грудями.

Обедал Дукельский, говорил, что Стравинский кончился, остался гипноз, пора сорвать гипноз и выступить со статьёй, предлагая мумифицировать Стравинского.

Вечером - у Прюньера, большое сборище: Равель, Фалья, Онеггер, Кусевицкий. Рубинштейн - и огромная толпа. Кусевицкий и Рубинштейн с пеной у рта ругали «Эдипа» и плохое дирижирование Стравинского.

3 июня

Утром поехал на репетицию «Классической» у Кусевицкого, затем к Мясину на репетицию. У него сбор всей труппы и он заметно нервничает, ибо всё ещё не ладится. В два часа вторая репетиция с оркестром. Пришёл Стравинский, уселся

рядом к партитуре и хвалил девятый номер, который репетировали. Оркестр утомлён, еле дует. Дезормьер ругается. Вторая половина репетиции со сцены. Разумеется, кавардак и сумасшедший дом, все орут: Дягилев, Мясин, Дезормьер. Я стараюсь держаться спокойно - как Пикассо. Вечером обедал у нас Дукельский, ругал, но пошёл на «Эдипа» с нами. Действительно, скучно, хотя есть отличные места.

4 июня

Репетиция под фортепиано, но в театре и на столах. Кое с чем я не согласен. Вообще Мясин ушёл от нашего сюжета совершенно напрасно. Днём концерт Кусевицкого, начавшийся с «Классической». Сыграна хорошо, но первые две части слишком скоро. Я люблю первую часть с некоторой важностью, а вторую - Larghetto, а не Andantino или Allegretto. Успех большой, я дважды кланялся. Стравинский присутствует, очевидно из-за меня, ибо 6-ю Чайковского и остальную программу не слушал.

После концерта я, наконец, выкатил автомобиль (две недели остановки), неудачно выкрашен. С Дукельским и супругами Пайчадзе поехал за город. Обедали в «Эрмитаже» в Медонском лесу. Я первый раз ездил вечером по Парижу.

5 июня

Взял автомобиль и поехал на репетицию, но сегодня репетицию отменили - труппе дали отдохнуть.

Дукельский с англичанином. Я возмущён бесцеремонностью. Не хочу ехать в автомобиле, Пташка говорит - неудобно, я сержусь; англичанина сплавляют, едем в Poissy, но у меня дурное настроение. Вечером парадный обед у Кусевицких в честь дамы из Бостона; три композитора и три красивые жены. Вечером молодёжь плясала и Кусевицкий тоже.

6 июня

Праздник - удобно ездить (приучаться) по Парижу. К девяти часам на репетицию Шавича, он привык к плохим оркестрам и от приличного не знает, чего добиваться. В десять репетиция Дягилева, последняя под фортепиано. Декорации Якулова заметно подвинулись и становятся очень интересными. Особенно доволен Дягилев, который не останавливаясь хвалит Якулова. Я Дягилеву о газетной статье, особенно для «Возрождения». Дягилев говорит, что если делать, то очень тактично, а то просто напишут: «Сегодня Дягилев заезжал в редакцию» etc.

День оказался свободным и мы с Пташкой ездили в l'Isle-Adam, очень милое и красивое место, пляж на реке, но воскресная нестерпимая публика.

7 июня

В восемь утра «осветительная» репетиция. Дягилев работал до половины четвёртого ночи, а Якулов до семи, но в полдевятого Дягилев уже был снова. Позавтракал дома и в половине второго оркестровая репетиция, в три часа оркестр со сцены. Оркестр играет слабо: утром репетиция у Кусевицкого, вечером спектакль, Дезормьер утверждает, что вечером будут играть хорошо. Как я рад, что не дирижирую. Репетиция до пяти, но затем остаются до семи, прилаживая к музыке движение колосников и освещение. Еду обедать и возвращаюсь к девяти часам. Дягилев не обедал, не брился и не оделся. Пташка тронута и просит

позволения его поцеловать, что он принимает с удовольствием. В ложе: Кусевицкий, Сувчинский, Пайчадзе, Дукельский - защищать на случай нападения. Изумлён программой. Хореография Мясина: местами изобретательная и сильная, местами неприятная, неуважение к музыке: форте и пиано, контрапункт балета, но по четыре или восемь, между тем как я ухожу от квадратности. Первый акт вижу, в сущности, в первый раз. Оркестр играл недурно, но без общей силы. К концу образуется подъём, вышедший и у Мясина, и у Якулова, и у меня - и это создаёт успех. Я иду кланяться, не торопясь (не будет ли политических свистков - но нет). Четыре вызова, большой успех. В антракте масса восторженных: Прюньер, Рубинштейн (я - ваш раб), Танцман, Кусевицкий, но не Стравинский. В конце антракта Фатьма Ханум угощает шампанским, Пташка, Mme Пайчадзе. Возвращаемся, когда начиналось. Кохно и Дукельский объясняют стычку о мюзик-холле с Кокто (все уже это видели в мюзик-холле - наоборот, это нисколько не мюзик-холл, а ваша попытка ввести мюзик-холл кончилась, ибо публика приветствует это). Дукельский почти счастлив. Я смущён. Иду к Дягилеву. Второе появление Кокто, его вид, просьба о пощёчине. Я готов ударить. Дягилев выводит. Пайчадзе и Сувчинский нас охраняют. Чествование Григорьева, появление Стравинского, принимаются за моё чествование. Ужин с Дягилевым, о брудершафте, третий раз.

8 июня

Я на репетиции Сонаты Дукельского, подчёркивая внимательно. Выходит занятно, но коряво, как при всяком первом чтении. Дукельский малость смущён. Днём загород в автомобиле. Вечером второй спектакль. Идёт хуже. Успех большой, но я не выхожу. Уезжаем после спектакля, так как очень устали.

9 июня

Реакция, усталость, тяжёлая голова.

Правые газеты (русские) ругают, но не затрагивая меня. Это очень удачно. Приехали Боровские из Москвы. Мария Викторовна ругает. Боровский дал тридцать три концерта. Вечером третий спектакль. Дезормьер и я по молчаливому согласию не показывались в зал во избежание какого-нибудь столкновения: до начала за кулисами, после начала в ложе и сейчас же по окончании за кулисы, пока публика в зале. Сегодня в театре меньше публики, но успех большой. Разговор с Мясиным об обществе авторов. Mme Sert о постановке.

Окончил оркестровку пятого акта.

10 июня

Репетиция Кусевицкого. «Весна»[31] из лоскутов. Дукельский лучше. Днём «Вальсы» Шуберта у Романова, медленный темп, он всё собирается поставить «Трапецию». В Обществе авторов, разговор с Мясиным - принципиален, ибо в сущности вопрос из-за грошей.

Самойленко болен. Свободный вечер.

11 июня

Концерт Кусевицкого. Руссель поблек при повторении. Дукельский мил, но на

[31] Имеется ввиду «Весна священная» Стравинского.

фортепиано выглядело лучше. Туалет Дукельского. За штанами не видно музыки. Успех средний. «Весну» слушал с удовольствием. Ужасный Псалом Флорана Шмитта. Пьём чай с Пайчадзе, Боровским, Волковысским. Дукельский тщательно расспрашивает, как ему выйти из положения. Особенно его волнует позиция Дягилева. Вечером «Стальной скок», последний спектакль. Лучше и очень большой успех. Я не выхожу. За кулисами благодарю Дягилева, брудершафт, посвящение балета («позволь, чтобы моё первое обращение к тебе на «ты»). Встреча с Черепниным: «Вы, кажется, встретили в Берлине Сашеньку[32]? Ну так вот, до свидания, до свидания». Дукельский сообщил о развязке с Кокто. Романов. Деревянные вальсы и ужасные темпы. Средний успех. Марш из «Апельсинов» - ужасный аранжемент[33].

12 июня

Чистил пятый акт. Большой приём у Кусевицкого. Масса вкусных вещей. Танцуют. Дукельский играет фокстроты и ухаживает за Mme Lazar, затем уезжает с нами кататься за город.

13 июня

Обед с сумасшедшим Maxwell. Титулы, турецкий посол. Монте-Карло, много денег, фестиваль Прокофьева, «Игрок». Самые модные: Прокофьев и Линдберг. Так как Линдберга, вероятно, скоро забудут, то кто он. По моей интриге на концерт Горовица, четыре ложи во фраках и бальных платьях. Очень хорошо, но есть и разочарование, чуть вещь глубже и размашистей.

Проверяю чек Башкирова. Как он мог получить. Печальный конец.

14 июня

Механический инструмент (концерт). Вступительное слово. Стравинский - первый композитор настоящего времени и, может быть, всех времён. Душа и сердце в механическом инструменте. Стравинский накачивает сюиту из «Жар-птицы». Ужасно сухо, беспедально и темпы иные, чем он дирижировал.

15 июня

У Polignac. Вечер Горовица. Довольно скучно.

16 июня

Перекладывал пятый акт. Вечером у Mme Dubost. Миллион народу. Веер Жанны. Мерзость, кроме Равеля.

Хозяйка: «Как?» Я: «Есть недурные моменты». Она, кажется, осталась моим ответом недовольна.

17 июня

Катали Кусевицких на автомобиле. Завтрак в Dampierre. Кусевицкий наслаждался как ребёнок, хвалил автомобиль, природу, меня, мою музыку и ругал

[32] Александр Черепнин, сын Н.Н.Черепнина.

[33] Аранжировка, от arrangement (фр).

Стравинского. «Эдипа» не будет играть в Америке. Назвал меня первым композитором и рекомендовал своего портного. «Если руль направо, то направо; это очень просто».

18 июня

Репетиция Квинтета для Bassiano. Идёт много чище. Квинтетом начинают интересоваться. Он становится, как я и хотел, вещью для избранных музыкантов.

Днём у Marnold, играю Увертюру Op.42 и «Стальной скок». Он и друзья восхищаются. Marnold будет вести новый журнал с Blois - про-прокофьевский. Звоню Cain, пора, ведь интересно, хотя заранее знаю, что ничего не выйдет - не подойдёт.

19 июня

У Bassiano. Едем в собственном автомобиле. Исполнили Квинтет. Чисто, кроме нескольких гаф, но без русского энтузиазма. Хвалят: Равель (оркестровку), Пуленк и много других. «О Прокофьеве много говорят в Париже». Отвозили Орика и Пуленка.

У Самойленко - лучше, но страдание в глазах.

У Cain. Очень любезный старик старого закала. Квартира-музей. Захваливает меня. Говорит о наследии Rostand. Назначаем чтение на завтра.

С Пташкой будируем, ибо она не готова к отъезду, а я рвусь на дачу, которая начинается завтра.

20 июня

Доканчивал переложение пятого акта.

У Cain. Не расположен. Объясняю. Указываю на некоторые несценичности либретто. Старик мил, расстаёмся друзьями. Готово полное собрание сочинений.

25 июня

Пташка держала автомобильный экзамен. Вернулась с рёвом: экзаменатор был чем-то раздосадован и сразу начал её тыркать; Пташка смешалась и ехала плохо, не получив в результате заветной carte rose[34]. Поэтому я один ездил в Versailles к Bassiano на завтрак (мне у них нравится), а затем отвозил Сувчинского в Clamart.

Вечером обедал у Кусевицких, которые были страшно ласковы, как вообще весь этот приезд. К сожалению, на лето едут не в Royan, как мы их уговаривали, а в горы. Разумеется, Лазари и Танцманы едут туда же. Наталья Константиновна уже в ужасе.

Стравинский в Лондоне, настроен нервно, будучи огорчённым неуспехом «Эдипа» в Париже. Его кто-то спросил, что он будет теперь сочинять. Стравинский ответил: «Во всяком случае не музыку с молотками». Камешек в огород «Стального скока». Но в молотках я невиновен. Предполагалось, что молотковый стук будет за кулисами, причём характер звука будет выработан во время репетиции. Я даже послал Дягилеву довольно цветистую партию больших и малых молотков. Но затем всё это пошло прахом: как и полагается, спохватились на последних репетициях и Дягилев приказал лупить танцорам прямо на сцене - грубо и топорно. Была идея: а вдруг окажется удачно... Но не оказалось.

[34] Водительское удостоверение (фр).

26 июня

Укладывали и упаковывали. Утром побывал в Christian Science Church.

27 июня

Оставили Горчакова доканчивать различные мелкие дела, а Gabrielle убирать квартиру, а сами (Пташка, Святослав и я) выехали в полдвенадцатого дня на автомобиле, держа путь в St.Palais-sur-Mer, близ Royan. Кроме нас, автомобиль был нагружен огромным множеством моих нот и бумаг, и ехала с нами прокатиться Miss Olmsted. Погода была дождливая, в одном месте мы попали прямо в смерч, но продолжали двигаться вперёд, хотя и не так скоро. Кроме того, у меня стала разбаливаться голова. В общем в этот день мы проехали через Орлеан до Amboise, и тут я забастовал, так как в связи с головной болью у меня пошли слёзы из левого глаза, да так сильно, что я не мог править. Amboise - прелестное местечко, на берегу Луары, со старинным замком. Здесь же похоронен Леонардо да Винчи. Miss Olmsted делала мне treatment и к вечеру мне полегчало.

За день сделали 224 км. Средняя скорость (за вычетом остановок) 43,4 км/час.

28 июня

Голова и глаз прошли. Olmsted сказала: «При том навсегда; если Бог что-либо сделал, то это не нуждается в переделывании». В 9.15 утра двинулись дальше. В Tours Miss Olmsted покинула нас и взяла поезд назад на Париж. Она скоро уезжает в Калифорнию и говорит, что знакомство с нами было одним из лучших воспоминаний её трёхлетнего пребывания в Европе. Автомобиль шёл хорошо и погода была отличная. В Poitiers мы завтракали. Святослав вёл себя как взрослый. К вечеру ландшафт принял более южную окраску и в шесть часов восемь минут мы были в Royan, сделав за день 307 км со средней скоростью 48 км/час. В 6.17 пришёл из Парижа поезд, а в нём Горчаков, Gabrielle и наши вещи. Но тут оказалось, что он не отправил на хранение к Р1еуе1'ю сундуки, которые мы оставили в Париже, а ещё один сундук, который надлежало привезти в Royan, вовсе забыл в квартире. Я рассердился и сказал, чтобы он немедленно уезжал за собственный счёт в Париж за сундуками. Грогий подчинился, но, подойдя к Пташке, чтобы разъяснить в чём дело, разревелся. Пташка стала просить, чтобы я не посылал его хотя бы сегодня. Я согласился и мы отправились в St.Palais на нашу дачу, которая находилась ещё в восьми километрах от руаянской станции. Дача оказалась прелестью, во много раз лучше, чем мы думали. Была она огромная, меблированная просто, но приятно, очень чистая. Сад тоже большой и вычищенный. Море у самых ног. Легли спать, впрочем, без наволочек, так как наволочки остались в сундуке, забытом Грогием. Решили в Париж его не посылать.

29 июня

Прелестное утро с запахом цветов, который смешивался с солёным воздухом океана. Дача дивная. С одной стороны выходит в сад, с другой - длинный балкон, а у ног его волны: гуляешь на нём, как на палубе парохода.

Утром разбирали вещи. Затем Грогий принялся за чистку автомобиля, а я за «Огненного ангела». В «Огненном ангеле» осталась заключительная сцена первого акта и весь второй акт, либретто и музыка. Сегодня выписывал из Брюсова материал для сцены с гадалкой, заключающей первый акт. Днём в автомобиле ездил в Royan, был у Захаровых, долго звонился к ним и, наконец, нашёл их в

палатке на пляже. Весело болтали; решено, что завтра мы приедем к ним обедать.
Вечером проигрывал партии нью-йоркского турнира.

30 июня

Всё утро работал. Сделал либретто сцены с гадалкой. В связи с этой работой вытащил переписку с Демчинским прошлого лета и его план либретто. Мысленно сердился на него, что он так долго тянул и обманывал меня - и в конце концов дал так мало и так плохо! А казалось, мог бы. И хотя в моём ответном письме я говорил ему о многих ценных указаниях, которые принял от него, всё это было сказано только в надежде на дальнейшее, на самом же деле перенял я от него какие-то пустяки, да разве ещё встряску для дальнейшей самостоятельной работы.
В час собрались к Захаровым, но у автомобиля расстроился амбрейаж[35], пришлось по жаре идти пешком до St.Palais и там взять наёмный автомобиль. У Захаровых нас накормили вкусным русским обедом, затем мы сидели у моря на песке, а дети копошились в воде. Но с моря дул прохладный ветер. Настоящее лето ещё не наступило. Святослав очень охотно влез босыми ногами в море, но затем сел и промочил штаны. Пришлось одеть другие, но он сел и в них. Сняли вторые и, за неимением третьих, подвязали носовой платок Захарова.
Вечером проигрывал партии нью-йоркского турнира. Я за последнее время отвык от шахмат и теперь вернулся к ним с удовольствием.

1 июля

Много работал над либретто второго акта, с перерывами почти целый день. Но без особого удовольствия. Я отошёл от «Огненного ангела» и доканчиваю его через силу, чтобы развязаться. Однако первую картину второго акта почти всю набросал. Не знаю ещё, хорошо ли, и не будет ли изменений.
Автомобиль починили и мы с Пташкой сделали тур по прелестным окрестностям. Но небольшой, так как каждый час налетали дожди. Июль - а лето не всерьёз. Океан тоже меняется каждый час. Это очень красиво.

2 июля

Утром опять сел за либретто. Пока рояль не приехал из Парижа, надо время использовать для либретто второй картины второго акта. Делал выписки из Брюсовской сцены с Агриппой, дабы по этим материалам сделать совсем новую, иную, нежели у Брюсова, сцену встречи Рупрехта и Агриппы. К одиннадцати часам уже устал, бросил работу и с Грогием на автомобиле поехали в лес. Неприятное письмо: страховое общество, где застрахован автомобиль, прогорело - и сейчас я без страховки, надо ездить особенно осторожно и ни на кого не наезжать (как будто при страховке было можно!).
Днём был в Royan по разным закупкам. Пил кофе у Бориса.
Вечер провожу так: читаю статью из Christian Science Journal и проигрываю шахматные партии.

3 июля

Ура, дивная погода. Красиво, тепло, ароматно. Дивный уголок!
Работал усиленно и сделал либретто всей второй картины. Днём отправился в

[35] Сцепление, от embrayage (фр).

Royan в автомобиле и привёз всех Захаровых: Борю и Цилю с дочкой, и Фриду[36] с сыном (пять лет). Последняя разошлась с мужем и живёт с Захаровыми. Гуляли по пляжу, обедали, подпили шипучки. В десять я отвёз их обратно. Было приятно и весело. Захаровы в восторге от нашей дачи. «Вот такую я купил бы» - сказал Борис.

Наша Габриэль приняла его за отца Цили и дедушку детей. Он, правда, зелёный и облезлый (хотя и одет франтовски), но дедушка... это уж слишком!

4 июля

Проглядывал и подравнивал либретто второго акта. Кажется, может идти. Кстати и рояль подъехал - совсем вовремя, завтра можно сесть за музыку.

Письмо от Мясковского. Как видно, в Москве до сих пор не успокоится муть зависти от моих успехов.

Приятная новость: валютное совещание разрешило перевести мне тысячу долларов в счёт гонораров за печатание моих сочинений. Я боялся, что в связи с трениями, которые недавно возникли в Советской России, перевод денег за границу будет затруднён.

Память есть один из важнейших атрибутов бессмертия. Если вообразить человека, абсолютно лишённого памяти, то он не поймёт бессмертия. И если мы сейчас сомневаемся в бессмертии, то только потому, что наши прошлые жизни отрезаны от нас дефектом памяти. И ещё: за памятью есть удивительное свойство - лучше хранить хорошее, чем дурное. Пример: наше детство или юность кажутся нам заманчивыми потому, что дурное стёрлось, а хорошее осталось (а в то время мы думали иначе и ждали будущего); или другой пример: поссорившись, мы через некоторое время готовы помириться, потому что обиды от ссоры стираются, а хорошее от старой дружбы вспоминается. Вывод: память есть Божественное свойство, созданное для постепенного уничтожения дурного (нереального), - по тому же принципу, как создан Божий мир.

5 июля

Сел сочинять музыку конца первого акта. Доехал до гадалки. Кусок без особого значения. Сочинялось, впрочем, без труда, хотя сочинённое надо будет ещё пройти начисто. Проиграл весь первый акт - понравилось. Но всё же пора кончить с этой вещью.

Днём поехали по разным делам в Royan. Пили кофе у Захаровых. Он затащил меня в казино, будучи неисправимым картёжником. При мне присел к столу chemin de fer[37], сначала проиграл двести, потом выиграл четыреста франков. Соблазнял меня. Но мне жаль убивать время.

Среди стола несколько отверстий, в которые крупье опускает отыгранные карты и процент государству. Это ловкое исчезновение карт и фишек во внутренний карман стола меня больше всего и занимало.

6 июля

Утром работал два часа. Музыка движется, хотя не уверен, хорошо ли или просто недурно.

Опять пошёл дождь, а собирались начать купаться.

[36] Сестра Цецилии Ганзен.
[37] Железная дорога, карточная игра (фр).

7 июля

Сочинял первый акт, гадалку.

8 июля

Много работал. Целый день лил дождь, но к вечеру унялся и мы в автомобиле поехали в Royan. Обедали у Захаровых (когда мы приехали, Борис, разумеется, «работал» в казино) и вернулись домой в темноте и под ливнем: всю дорогу ехали шагом. Ночью буря с сотрясением дома.

Письмо от Цейтлина, длинное, подробное, ласковое. Уже идут разговоры о моём приезде в будущем году.

9 июля

Работал энергично. Кончил первый акт и начал второй. Потом оказалось, что начало слишком низко для голоса, и потому дат его Горчакову транспонировать. На улице дождь и буря, лета нет как нет. Впрочем, дождь по всему свету, в Англии льёт не переставая три недели, и одна леди от огорчения отравилась.

Хорошие новости: «Стальной скок» прошёл в Лондоне четвёртого июля с огромным «шумным» успехом. Занавес поднимался двенадцать раз. Все газеты констатируют успех, хотя многие из них и бранятся, называя «Скок» «шумной дурью». Вот уж успех, которого я не ожидал: в Англии мою музыку не любят, да к тому же, после недавнего разрыва с большевикам, можно было ожидать протеста против советского сюжета. Я, перед отъездом Дягилева, прямо не советовал везти этот балет в Лондон. И вот...!

Очень любопытно интервью Дягилева: он называет этот балет самым значительным из представленных им балетов, за исключением «Свадебки». Ну а «Петрушка»? А «Весна»? Если, несмотря на всю свою любовь к Стравинскому, Дягилев делает такое заявление, то значит отливает пулю Стравинскому за его отречение от балетов и за оперу, написанную к дягилевскому двадцатилетию.

10 июля

Погода просветлела, а днём и вовсе солнце. Грогий купается и волной его бросило о скалу: вернулся кровавый, в восемнадцати порезах.

Продолжил второй акт. Пайчадзе пишет, что положение Бруно Вальтера в Берлине пошатнулось, да кроме того, германское общественное мнение устало от иностранных опер, так что с «Огненным ангелом» надо ещё готовиться к неожиданностям. Советует спешить, но такие новости - плохое поощрение. Впрочем я, независимо от всего, гоню второй акт вперёд. Надо ликвидировать «Ангела», тогда можно будет заняться музыкальными сонетами - новой формой, о которой я урывками думаю с прошлого лета.

Вечером проигрывал шахматные партии и читал статьи по Christian Science из сайентистских журналов, которые я очень люблю и которые дают мне даже больше, чем «уроки».

11 июля

Голубое небо и тепло, но купаться ещё не тянет, вода холодная.
Утром сочинял, дописал до появления Глока.
День прошёл мирно, без событий.

12 июля

Сегодня первый день, что не сочинялось, но всё же кое-что по части Глока сделал. Продиктовал Грогию много писем. Отвозили их на почту в Royan. Пташка ходила с Фридой за покупками, а я с Цилей сидел в chaise-longue на пляже. Дети ползали вокруг и занимали нас. Борис был невидим: он безвыходно сидел в казино за картами.

Боюсь, второй акт выйдет скучным. Или просто мне надоело сочинять его?

13 июля

Доделал Глока, но больше не работал, ибо начала болеть голова, поэтому днём гулял и спал. Затем зачитался «Вечным мужем» Достоевского, в запойном порядке, и голова, начавшая проходить, разболелась хуже. Читал проект либретто, присланный Демчинским и мною отвергнутый. Ещё бы: до чего это тяжело и сценически скучно. Прямо непонятно, как человек, давший мне в своё время такие интересные указания в рулетке «Игрока» и так блестяще раскритиковавший «Алалея и Лейлу»[38] Ремизова в присутствии автора и Мейерхольда, вдруг прислал такую нелепость !

14 июля

Двинулся дальше после ухода Глока. Пользовался старыми материалами, выходит красиво. Во всяком случае акт сегодня подвинулся. Днём, по случаю национального французского праздника, поехали к Захаровым, а по случаю хорошей погоды - отправились с ними купаться. Впрочем, кроме нас, купалась только Эльфрида, Циля глядела, а Борис скоро не удержался и пробежался в казино. День был солнечный, но вода холодная и входить было жутко. Святослав, увидя, что мамаша уходит в воду, заревел. Когда же ему предложили отправиться с нею, то он сначала пошёл, а когда вода дошла до пуза, опять заревел и вернулся. Кончилось тем, что его понесли в море на руках и затем под смех и рёв заплескали. Обедали у Захаровых, пили шампанское и играли в лото, а вечером смотрели на фейерверк. Святослав пищал со страху, а затем рассказывал Gabrielle, что видел, как солнце разбилось.

15 июля

После купания спал некрепко. Сочинялось не так, чтобы очень хорошо, тоже пользовался материалами из других актов. Вообще чувствовал себя нервным и мало к чему годным. Раздражало письмо агента, который никак не может прилично застраховать автомобиль. Вообще развинтился, что очень стыдно для CS'нтиста.

16 июля

Отсыпался и чувствовал себя сегодня лучше. Сочинял не особенно долго, но удачно. Второй акт движется не то что медленно, но не так быстро, как я не без легкомыслия рассчитывал.

День жаркий. Ездил в автомобиле в Royan по разным делам. Затем купались у нас в St.Palais, но вода леденющая. Святослав со слезами кричал «довольно!!», когда его затаскивали в воду.

[38] «Алалей и Лейла» послужил основой для сюиты «Ала и Лоллий», 0п.20.

17 июля

Сочинял, дошёл до спиритического сеанса. Надо гнать вперёд, пора кончать. Перед завтраком выезжал в автомобиле, ехал тихо по прелестным полям и лесам. В лесу остановился и просидел некоторое время в отвлечённом созерцании. Днём ездил с Пташкой к маяку Coubre. Там ресторан, автомобили и праздничные люди, но неподалёку, в ответвлении дороги - дивный открытый океан, пустынный песчаный пляж. Мы мечтали снова возвратиться сюда, чтобы купаться.

Читал «Новь» — либретто по Тургеневу, которое в Москве мне предложил писатель Крашенинников. Прочёл три картины, а драматического действия ещё нет. Вот как сочиняются сценарии! А казалось бы. Крашенинников - писатель опытный.

Старый дневник.

18 июля

Божий мир сделан так, как он сделан, и сделать его иначе было нельзя. Что есть зло? Попытка проверить - нельзя ли создать мир иначе. И вот любви к ближнему была противопоставлена любовь к себе; бесконечности - конечность и т.д. Получился новый мир, конечный, который именно в своих качествах, в своей конечности таит своё изжитие. Почему было допущено возникновение этого второго мира? Именно для того, чтобы через него человек понял, что Божий мир создан только так, как он создан, и иначе создавать его нельзя. Вернувшись в него через зло, человек с тем большей глубиной сумеет оценить всю мудрость творения мира добра. Естественно, что попытка мира иного, мира зла, мира конечного, мелькнёт как миг в бесконечности и забудется. Это. вероятно, одна из причин, по которой Christian Science считает зло нереальным.

19 июля

Вчера я ничего не сочинил в спиритическом сеансе, но придумал, как его надо сделать. Не только характер, движение, оркестровку, но и тактовое распределение, словом, всё, кроме главного - кроме музыки. Сегодня сел за музыку. Пошло не сразу. Занимался много: и утром, и днём, и перед вечером. Когда я подбирал гармонии и движение, Пташка сказала: «Это что-то вроде Фейнберга», но, разумеется, в медленном темпе – одно, а в быстром, да ещё в задуманной мною оркестровке – совсем другое.

Днём купались, но вода всё ещё холодная, и влезть жутко. Святослав просто орёт при одном приглашении приблизиться к воде.

Прочёл (кончил) «Новь» в переделке Крашенинникова. Неинтересно: ни как либретто, ни как пьеса.

20 июля

Просидел всё утро, доделывая вчерашнее. Ужасная возня, но, кажется, спиритический сеанс выйдет шикарным номером (я боялся за «сеанс»).

Несколько писем из Америки. Haensel, по обыкновению, не может найти ни одного порядочного ангажемента. Зато воскрес Готлиб и предлагает гарантировать мне концерт в Чикаго. А! Он будет самолично гарантировать мне концерт! А потом всю жизнь рассказывать, дабы создавать себе знакомства для страховочных дел.

Днём ездил в автомобиле в Royan по разным делам. Зашёл к Захаровым, чтобы спросить у Цили про скрипичные глиссанды для спиритического сеанса, но они

уехали на велосипедах. Вернувшись домой, нашёл их у нас.

Вечером догонял дневник и проигрывал партии матча Ласкер - Капабланка. Книжку матча мне подарил несколько лет назад Капабланка с надписью по-испански: «Моему другу Прокофьеву». В Эттале мы их прочитывали с Б.Н., поражаясь их величественной сухостью.

21 июля

Ещё возился со вчерашним куском и кончил его. От издательства немецкий перевод пятого акта и просьба незамедлительно проверить перевод и вернуть, чем и занимался пополудни. Затем, дабы проветриться, ездили с Пташкой по окрестностям. Какой прелестный, красивый и уютный уголок Франции. Кстати, автомобиль перестраховали - «Ломайте вовсю», - пишет Пайчадзе.

Вечером читал Christian Science Monitor, догонял дневник, проигрывал шахматные партии. Пташка, сидя напротив, тоже занимается своими делами. Я очень люблю наши вечера.

The overcoming of the carnal mentality is a warfare that brings much satisfaction. (Christian Science)[39].

22 июля

Закончил спиритический сеанс, ибо оставалось кое-что до него. А затем закончил и всю первую картину. Ура! Для второй картины и подхода к ней будет материал из старого варианта второго акта, так что, я думаю, справлюсь с ним быстро. После завтрака опять сочинял, а затем проигрывал третий акт по присланному из издательства литографическому экземпляру. Нравилось. Много музыки и хорошо сделано. Затем с Пташкой и Святославом выезжали прокатиться. Уж очень приятные окрестности!

23 июля

Не сочинял, но обдумывал антракт и вторую картину. В них почти не будет новой музыки, поэтому я сегодня распределял старый материал по тексту, который, в свою очередь, был написан, имея ввиду этот готовый материал. После завтрака отправился в Royan за Захаровыми и привёз их всех (четверо взрослых и двое детей) к нам. У нас гуляли, пили кофе, затем играли в лото по пять франков карта (Захаровы такие азартники, что даже приехали с лото, дабы не терять ни одного дня). Обедали, выпили две бутылки шипучки, затем я отвёз их обратно.

24 июля

Работал много и чуть было не закончил одним духом и антракт, и вторую картину. Но потом так одурел, что бросил, и всю остальную часть дня ничем особенным не занимался. Хотели выехать в автомобиле, но у него раздулась шина. Бэби сегодня говорил «сляпа». Я учил «шляпа». Но он отвечал «шлапа». Пташка с остервенением лепит мои рецензии. Она порядочно отстала (на полтора года) и теперь накопилось огромные папки, которые надо сначала разобрать, потом выбрать то, что не про меня и выкинуть, а оставшиеся «художественно» распределить на странице и наклеить.

[39] Преодоление плотского мышления - это борьба, приносящая большое удовлетворение (Христианская Наука) (англ).

25 июля

Слава Богу, кончил сочинять «Ангела».

После завтрака отправился в St.Palais, откуда позвонил в Бордо в Compagnie Transatlantique, чтобы узнать, когда завтра приходит пароход с пташкиными родителями, приезжающими из Нью-Йорка. Оказалось, завтра в пять утра, а выпускать пассажиров будут в семь. Поэтому в 4.40 дня мы уже выехали с Пташкой в Бордо - встречать. Очень приятно совершили весь перегон в 130 вёрст со средней скоростью 44,5 км/час и с остановками всего в пять минут (по дороге слегка поссорились из-за карты, но ненадолго) и в 7.50 приехали в Бордо. Когда мы его проезжали в мае, то у меня осталось впечатление узких улиц, наполненных автомобилями и велосипедами так, что еле пролезешь, но теперь, летом и вечером, город был пуст. Оставив вещи (пальто и зубные щётки) в гостинице, мы пошли обедать в Chapon fin. В Бордо два знаменитых ресторана: Chapon fin и Chapeau rouge. Один из них до того хорош, что Стравинский специально выехал туда на автомобиле, кажется, из Парижа, дабы насладиться дивной кухней, но по дороге у него заболел живот и, приехав, он ничего не мог съесть. Впрочем, в Chapon fin кухня оказалась хорошей, но не потрясающей, зато когда я спросил хорошего вина (Chateau Climent, Haut-Barzac, 1919, 25 франков пол-бутылки), то это оказалось такое изумительное вино, какого мы в жизни не пили. Выпили мы мало - полбутылки на двоих, - но так опьянели, как давно не случалось. Чуть-чуть прогулялись и повалились спать, кстати, завтра вставать рано.

26 июля

В St.Palais мы привыкли к такой тишине, что здесь, в Бордо, всё время мешали спать какие-то шумы. Разбудили нас в шесть. Было дивное утро. Встали бодро и в семь были на пристани, в автомобиле. Вскоре увидели Mémé и Avi на верхней палубе, но прошло более полутора часов, пока их выгрузили и пропустили сквозь таможню. Avi позеленел, ибо всю зиму прибаливал, притом довольно серьёзно. Ольга Владиславовна интересуется Christian Science, но не приняла её и пользуется лекарствами, хотя и с некоторой оглядкой. Поехали пить кофе, потом сделали некоторые покупки и в 11.18 выехали в St.Palais. Было жарко, но автомобиль шёл хорошо и дороги были хорошие, хотя и много заворотов. Ехали быстро и дали, за вычетом остановок, среднюю скорость в 54,1 км/час. Очень здорово! Так ещё я не ездил. Впрочем, остановка была длинная: пятьдесят одна минута среди поля, так как застучала шестерня у démareur[40]. Так что, прибавив ещё две маленькие остановки, мы приехали в St.Palais лишь в три часа, голодные. Днём я спал, крепко, затем купались во всё ещё холодном океане. Вечером у Avi был припадок, который скоро прошёл.

27 июля

Насел на оркестровку сочинённого в St.Palais. Работал много и сделал страниц двадцать партитуры. Грогий сейчас же мои сокращённые наброски переводит в официальную партитуру, но он сделал сегодня только шесть страниц.

Вечером я обычно занят: чтение журналов Christian Science, дневники, прочитывание шахматных партий: матч Ласкер - Капабланка, и мой с Б.Н., игранный в Эттале. Жаль, что у меня здесь нет шахматного партнёра, такого яростного, как Б.Н., но с другой стороны, может быть, хорошо, ибо после

[40] Стартёр (фр).

эттальских «запойных» вечеров часто приходилось просыпаться с тяжёлой головой, а мне тут надо гнать «Огненный ангел», а затем «Игрока».

28 июля

После вчерашней энергичной работы сегодня тяжесть в голове, к тому же идёт дождь, так что и проветриться нельзя. Впрочем, сделал тринадцать страниц партитуры. Если так работать, то завтра кончу первый акт. Днём письмо из моего нью-йоркского банка, что переведено туда ещё из Москвы семьсот семьдесят долларов. Большевики платят (Госиздат), хотя я рассчитывал, что пришлют тысячу. Может быть, отложили.

Вечером читал Christian Science журналы. С американской определённостью сказано в одной из статей: «We must make Christian Science business of our lives»[41].

29 июля

Сегодня опять энергично сел за оркестровку, кончил первый акт и начал второй. За три дня сорок шесть страниц, т.е. в среднем более пятнадцати страниц в день. Проигрывал второй акт - нравится. От Пайчадзе письмо - приедет с Верой Васильевной через неделю к нам на неделю. Я очень рад, они милые люди, хотя он и печатает мои сочинения с ещё большей медлительностью, чем Эберг.

30 июля

Оркестровалось хорошо, но сделал только одиннадцать страниц, так как днём ездили в Royan кое-что починить в автомобиле и кое-что закупить. Были у Захаровых: Борис, по обыкновению, в казино, в полосе невезения.

Днём, гуляя между двумя страницами, думал о том, что математика - несомненно высшая из человеческих наук и что сайентист-математик может открыть в ней новые законы. А как хороша математическая формула, доказывающая преимущество духовного над материальным! «Если я дам тебе доллар и ты дашь мне доллар, то у каждого из нас будет по доллару; если я дам тебе идею и ты дашь мне идею, то у каждого из нас будет по две идеи».

31 июля

Оркестровал успешно, но сделал меньшее количество страниц, так как они были сложнее. В 4.30 поехали к Захаровым купаться. Но те, под предлогом, что мы запоздали (а мы вовсе не запоздали), уже пошли на пляж и выкупались. Так как я шутя сказал, что мы поедем купаться домой, Борис и Цецилия вновь одели мокрые костюмы (Циля, блистая своей девичьей фигурой) и мы все полезли с мячом в воду, которая сегодня в первый раз была довольно тёплая. Я спросил Цилю, как дела Бориса. Она ответила: «Сегодня выиграл», и прибавила: «Потому что вовсе не ходил в казино». За обедом Борис рассказывал про их жизнь в Петербурге во время большевизма и про их бегство, очень похожее на бегство Башкирова, тоже на лодке вокруг Кронштадта в Финляндию, но Башкиров рассказывает помпезней и с большим нажимом на всякие ужасы. Когда они зашли как-то к Глазунову, его мамаша жаловалась на большевизм: «Даже детское бельё приходится мыть дома!» Детское бельё - это бельё Глазунова, которому в то время было шестьдесят.

Возвращались мы в одиннадцатом часу вечера в автомобиле с приключениями.

[41] Мы должны превратить Христианскую Науку в дело нашей жизни (англ).

Потухли фонари среди дороги - значит, налетай кто хочет, ибо ночь была тёмная. Затем фонари зажглись, но вышел бензин и автомобиль остановился. Приходилось бегать за бензином, по счастью всего лишь за версту. Когда в одиннадцать добрались домой, то Mémé и Грогий ждали у ворот.

1 августа

Сегодня двенадцать страниц, до ухода Глока. А кроме этого никаких событий. Грогий мазал автомобиль и мы сфотографировали его, или вернее, его ноги, торчащие из-под машины.

2 августа

Одиннадцать страниц, хотя голова была тяжёлая и под конец я одурел. Купались. Я надел тритон - костюм, который надувается воздухом и держит на воде. На рекламе - господин, флотирующий[42] с сигарой в одной руке и книгой в другой. Действительно поддерживал, но я боялся, что вода нальётся в уши.

3 августа

Опять одиннадцать страниц и опять до одурения.

Немного выезжали в автомобиле. Погода, воздух и окрестности восхитительны.

Святослав первый раз влез в воду. А то вчера такой поднял крик, что подошла какая-то чужая русская дама и стала меня упрекать, говоря, что у него будет нервный припадок. Я ответил: «У него нет нервов», после чего дама ушла, приняв меня за кретина. Сегодня он сначала тоже поднял рёв, но Пташка сказала: «Сделай в воду фись-фись». Он спросил: «А можно?» «Можно». После этого он успокоился и купался с удовольствием.

Дневник.

4 августа

Только восемь страниц, так как после завтрака поехали в Роян чинить автомобиль и проваландались целый день. На пляже нашёл Цилю, которая сидела в розовеньком купальном костюме и загорала на солнце. Через четыре дня они уезжают. Вдруг собрались, так как у неё концерты в Голландии. Вот уж, в самом деле! Мы только начинаем лето, а люди уже стремятся в город. Автомобиль не дочинили, но ездить можно. К тому же тормоза смазали керосином, они скользят, и на обратном пути я задавил курицу. Дома купались, я флотировал в тритоне.

Старый дневник, очень увлекательно.

5 августа

Хороший прыжок, страниц пятнадцать.

Ждали завтра Пайчадзе, но сегодня телеграмма, что их приезд откладывается. Жаль. Мы пожили в одиночестве и были непрочь, чтобы появились Пайчадзе.

6 августа

Оркеструю спиритический сеанс. Работа почти механическая, во всяком случае

[42] Плавающий, от flotter (фр).

во время оркестровки в этом куске - творчества ни на грош. Всё было обдумано во время сочинения музыки, осталось только выписать миллион нот. Чем и занимался до головного отяжеления. Днём были в Рояне, завязли у Захаровых обедать. Вечером я написал Боровским, что освобождается дача Захаровых, а сегодня, пока мы сидели у Захаровых, последние получили уже телеграмму от Боровских с запросом о снятии их дачи. Захаровы мнутся: да как, да что, да вдруг дача не понравится. Но неплохо, если взамен Захаровым явятся Боровские. Ольге Владиславовне, которая сегодня с нами была у Захаровых, очень понравились Цецилия и Фрида, но мало Борис: должно быть, неискренностью.

7 августа

Продолжал оркестровать спиритический сеанс. Ужас, сколько нот! И какая мука будет его разучивать и оркестру, и дирижёру, и певице, и хуже всего аккомпаниатору. Конечно, не стоило закатывать такой неудобоваримый номер, но у меня уверенность, что, однажды выученный, он будет выходить здорово.

Ждали всех Захаровых (пять человек), но утром явился Борис и заявил, что у Цили болит живот и поездку к нам надо отменить. Или болит со страху перед голландским концертом, или сочинили, чтобы в последние дни поиграть в казино.

Днём мы ездили в Ronce-les-Bains, но там не очень приятно, хотя дорога прелестная.

8 августа

Почти дописал сеанс. Лежит корректура 2-й Симфонии, напечатанию которой я так удивился, но я хочу все силы направить на дооркестровку «Огненного ангела».

9 августа

Окончательно развязался с сеансом и двигаюсь к концу первой картины. Масса убухано хорошей музыки на сюжет, за который я теперь ни за что бы не взялся. И за «Игрока» не взялся бы. На днях Пташка читала «Игрока», с которым не была знакома, а я перелистывал его. Год его написания совпадает с годом открытия Christian Science, и подумать, что в тот момент, когда в Америке создавалось величайшее учение, наш русский гений метался между шалой женщиной и игорным столом, и затем стремительно строчил автобиографический роман о том и о другом! Но всё равно: «Игрок» и «Ангел» принадлежат к тому моему периоду, из которого я вышел.

Честно приведу в порядок обоих и затем долой из этого чёрного мира - сначала к весёлой комедии, как передаточному пункту, затем к сонетам, к светлой симфонии, а потом, может быть, и к более крупным замыслам.

10 августа

Кончил первую картину. С антрактом, как полагается, дело пойдёт медленней, так как это сольный оркестровый номер - фактура сложней, да и эскизы довольно поверхностные, надо разработать.

От Марии Викторовны письмо, что они с радостью приедут к нам на неделю. Вопрос с захаровской дачей «уплыл в воду», так как Борис, как добрый купец, запросил за три недели две тысячи франков. Ходили St.Palais давать М.В. телеграмму о поездах, встрече и пр.

После перерыва купались. Было скорее прохладно. Самое моё большое

удовольствие, это затыкать себе уши и нос пальцами (нос первьм, а ухо третьим, по-бальмонтовски) и затем исчезать под водой. Но так как вода выпирает обратно, то Пташка становилась мне на плечи, чтобы держать меня в глубине.

11 августа

Антракт движется, но не очень быстро, так как приходится добавлять контрапункты, да и страницы жестокие.

Прочёл в газете рецензию о биографии Мечникова, этого блестящего атеиста. Мне очень хотелось бы поговорить с настоящим атеистом. Как можно быть атеистом? Мне кажется, что атеистами бывают люди или недодумавшие, или равнодушные (тоже, следовательно, недодумавшие), или разочаровавшиеся в вере, т.е. те, кого религия не убедила, что есть Бог, и которые этим удовлетворились, однако и не добившись противоположного доказательства, т.е. что Бога окончательно нет, следовательно, опять недодумавшие. Атеист же, который постарается додумать до конца, непременно должен запутаться в дебрях противоречий. Или он должен всё признать за плесень, химическую реакцию и случайность, но тогда к чёрту науку, ибо не всё ли равно, что плесень (человек) через посредство плесени (химических мозгов) думает о прочей плесени? - вино, карты и женщины, и пуля в лоб, или же он, храни Бог, заикнётся о мировом порядке, о воле в природе (как Шопенгауэр), или, ещё того хуже, о творчестве в природе, тогда, конечно, он уже не атеист, ибо он уже не может разумно утверждать, какое это творчество, механическое (но тогда что же это за творчество?!) или исходящее от какого-то сознательного начала, которое и есть Бог.

12 августа

Продолжал антракт.

От М.В. телеграмма: с Наташей приезжает завтра.

Читал старый дневник, Макс, много неприятного, как вредно волнение, и всё-таки я вспоминаю его с любовью.

13 августа

Вторая картина, но занимался только утром.

Днём поехали в Роян кое-что починить в автомобиле и встретить М.В. Последняя приехала в отличном настроении и страшно расхваливала нашу дачу, а в ней - балкон на море.

Вечером сидели и болтали: первый вечер, что я не читал Christian Science, не писал дневник и не проиграл пары шахматных партий.

14 августа

Целый день лил дождь, я довольно много занимался.

Читал дневник. Смерть Макса производит сильное впечатление.

15 августа

Побаливала голова, впрочем, не очень сильно. Работал над нею; к обеду начала проходить, а вечером прошла совсем. Все же день для занятий пропал.

Грогий надрывается над спиритическим сеансом: очень кропотливые страницы, а их будет больше двадцати пяти.

16 августа

После вчерашнего перерыва принялся за работу с чрезвычайной бодростью. Ура, виден конец. Послезавтра, может быть, кончу. Не верится прямо, что додушу моего «Огненного ангела». Правда, много ещё дополнительных работ: клавираусцуг, правка партитуры, писаной Грогием, но это уже дополнения. Хочется писать светлую симфонию. Вообще планов масса. Письмо от Мясковского с очень ядовитым отзывом об «Эдипе», которого я послал ему.

Днём с М.В.. Пташкой и детьми ездили по хорошей погоде в Роян, а затем купались. Были волны и погода нежаркая, зато вода кажется более тёплой.

17 августа

Занимался. Днём ездили к Кубрскому мажу. Там дикий песчаный пляж и открытый океан - природа и почти нет людей. Хотели купаться и даже приехали в купальных костюмах, но полил дождь, и под ливнем, с фонтанами, вылетающими из-под автомобиля, вернулись домой.

Взял «Игрока» и кое-что придумал в первом акте.

Вечером начал болеть зуб, тот, над которым я работал в поезде в Америке и который считал навсегда излечённым. Работал. Правда, зуб болел сегодня слабо. Скоро он совсем унялся.

18 августа

Утром, когда сел работать, оказалось, что нет ни перьев, ни чернил - всё растаскала Пташка. Я накинулся на неё, потом пожалел. Настроение у неё плохое: с отцом припадки жабы, вечером и позавчера. Ольга Владиславовна, которая одно время будто склонялась к Christian Science, теперь слышать не хочет. Днём была буря, солнце вперемежку с ливнями. Волны вздымаются у самого сада. Ветер воет. Много занимался и читал старый дневник. Это определённо событие лета.

Приезд М.В. несколько расстроил наши вечера. Всё же я каждый вечер читаю статьи из Christian Science Sentinel, пишу дневник (за сегодня и догоняю предыдущие дни) и перед сном прочитываю пару партий в шахматах.

19 августа

Сидел за работой всё утро и после завтрака, и в 2.15 кончил второй акт, а с ним и всю оперу. Как-то даже не верится, тем более, что завершение работы над пятиактной оперой вторым актом не создаёт иллюзии конца. Правда, ещё клавир второго акта, но всё же кончена, кончена, кончена опера!

Днём ездили в Роян, по дороге слегка столкнулись с другим автомобилем. У него пострадало крыло, у нас ничего. Остановились. Но когда из толпы раздались возгласы, что виноват он, то он вдруг дал полный ход и удрал.

Читал дневник, осень 1914, очень живая была осень, несмотря на войну.

20 августа

Ха! Не надо оркестровать «Огненного ангела». Этот кошмар сидел на моей шее два лета! Впрочем, он не так просто и отпускает. Сегодня писал наставления переписчику об изготовлении хороших партий, а затем уселся за клавираусцугание конца первого акта и за проверку работы Грогия.

Купались в довольно прохладных водах.

Читал дневник, осень 1914. Очень увлекательно, жаль, что кончилось, у меня лишь половина тетрадок, другие остались в Париже.

21 августа

От Боровского телеграмма: приезжает сегодня вечером. Затем вторая: опоздал на поезд, приедет завтра утром. Далее рассмотрели вторую телеграмму и увидели, что она послана в 10.30, а поезд отходит в 10.40. Как это опоздать на поезд за десять минут до отхода его?! Вероятно, попросту проспал до десяти часов, спохватился, что уложить чемодан и поспеть на вокзал не поспеет, и отправил телеграмму прежде, чем ушёл поезд.

Днём тяжёлая голова, которая вечером рассеялась. Делал клавираусцуг и кончил первый акт.

22 августа

Рано утром с М.В. поехали встречать Боровского, который прибыл в 8.40, такой же медвежонок, мягкий, нелепый, безумно рад был видеть свою дочь. Поговорив с ним немного, сел за работу. Но Боровский забыл на вокзале свою замечательную палку, поэтому перед завтраком опять ездили в Роян за нею. Разговоры о поездке в автомобиле в Биарриц. Боровские очень хотят. Я не прочь, раз с «Огненным ангелом» развязался. Купались, М.В. тоже, а Боровский ходил по берегу.

24 августа

Оставив детей на хранение Ольге Владиславовне, Боровские и мы отправились в автомобильную поездку. Ближайшим пунктом следования был Mortagne, на берегу Жиронды, откуда ходил паром на ту сторону. Мы надеялись перебраться с автомобилем на этом пароме, дабы избежать кружения по Бордо. Но таинственного парома, о котором я никак не мог расспросить в Royan, не оказалось: он ходит, когда хочет, и ушёл как раз вчера; поэтому мы двинулись дальше и завтракали в Бордо, в Chapeau rouge, знаменитом ресторане, который ещё лучше, чем Chapon fin, в котором мы ели, когда встречали Mémé. Завтрак нам дали действительно артистический, а Го-Сотерн старой марки был потрясающий и бил по голове, так что прежде, чем вновь садиться за руль, мы погуляли по Бордо, дабы выветрить пары. Двинувшись дальше, мы покатили на Биарриц через лесное пространство - Ланды. Промучившись сначала по кирпично-каменистой дороге, мы затем выехали на отличную и неслись с отличной быстротой, делая 70, 80 и доходя до 90 км/час. Под вечер мы приехали в Capbreton и решили тут заночевать, благо здесь жил Бальмонт. Искать его пришлось недолго: не успели мы доехать до отеля, как увидели его, сидящим в кафе с Анной Николаевной. Расцеловались, я сказал, что только найдём себе ночлег и затем вернёмся, чтобы вместе со всеми четырьмя Бальмонтами (кроме двух присутствующих ещё Елена Константиновна и Мирра) идти обедать. Пока мы искали отель, мои уверяли, что Бальмонт пьян, но я огрызался, что это их воображение. В трёх отелях мы комнат не нашли и поэтому должны были возвращаться мимо кафе Бальмонта, чтобы искать отель, находившийся в соседнем лесу. Бальмонт нас ждал, но едва я успел остановиться, как подбежала Анна Николаевна и тихонько сказала, что обедать с Бальмонтом сегодня нельзя, ибо он совсем пьян. Я должен был пойти и выдумать какой-нибудь предлог. Это было не так просто: Бальмонт был уже на границе бурности, требовал, чтобы я плюнул на отель и шёл с ним обедать, или остановился в той харчевне, где он сидел, и заставлял меня пить порто, не позволял уходить, грубо обругал меня,

когда я хотел уйти, затем назвал меня гением и тут же захохотал, что перед гением должны все двери раскрываться, а я не могу попасть ни в одну гостиницу; далее справился, отдаю ли я себе отчёт в его достоинстве, а когда я начал его уверять, что как раз приехал, чтобы рассказать ему об успехах «нашего» «Семеро их» в Америке, то вдруг стал благодарить меня за внимание к его дочери, оказанное мною, когда я был в Москве, хотя в то время всё ограничилось её визитом ко мне и контрамаркой, которую я ей дал на мой концерт. Видя, что это затягивается, а между тем уже стемнело, я сказал, что должен подойти к автомобилю что-то поправить, надеясь, что я смогу просто удрать, но Бальмонт, видно, догадался и последовал за мной. Пришлось вернуться. В конце концов мне удалось уговорить его, что я только съезжу занять комнату в лесном отеле (в харчевне, на моё счастье, ничего не оказалось), и затем приеду к нему на дачу провести весь вечер, а чтобы пока он шёл домой. Отель оказался довольно далеко, затем выяснилось, что одна из шин еле держит воздух, и я отвёл автомобиль в гараж. Пообедали. М.В. жаловалась на тортиколи. К Бальмонту, конечно, решили не идти.

25 августа

Встал рано и пошёл чинить автомобиль. Вчера мы сделали 311 км со средней скоростью 50,5 км/час. Это очень высоко, особенно если принять во внимание, что до Бордо, с заездом на боковые дорожки в Mortagne, мы ехали вовсе не быстро, со средней 36 км/час.

Выехали прямо в Биарриц. Бальмонта миновали: пусть гений выспится да пожалеет о своей «буйственности». Миновав Байонну, красивый город, приехали в Биарриц, это rendez-vous шикарной публики, банкиров, дорогих кокоток и всякой международной сволочи. Сюда же ездил Луначарский в то время, как «Стальной скок» шёл в Париже. Что меня больше всего поразило, это необычайное множество превосходных автомобилей, новёхоньких, чистеньких. Наш «Бало» тоже не скверной расы, но был он захлябан грязью до отказа (по дороге мы попали в дождь) и все на него косились, хотя ведь это шикарно: значит, издалека приехали. Всё было бы хорошо, но когда мы въехали в самую кашу (а движение здесь, как в самом центре Парижа), то у меня сломался ножной тормоз, причём при некоторых движениях он совсем стопировал машину, а то освободившись, отдавал её всю на милость ручного тормоза. С великими затруднениями, под вопли полиции, мы добрались, наконец, до гаража и оставили автомобиль чиниться, сами же пошли завтракать. В довершение всего полил дождь, а мы, для Биаррица, нарядились во всё красивое. Grand Hôtel, куда мы пришли принимать пищу, был набит, и мы долго ждали столика, но накормили нас отлично и вино было хорошее. Рядом сидела коко с посеребрёнными ногтями. После завтрака гуляли по морю - и как оно красиво, если бы убрать всю эту публику. Пили чай в казино, где в это время (пять часов) танцуют. Пташка тоже танцевала с Боровским, который, хотя михрютка, но кое-как разминается, а я не умею.

Автомобиль был починен и мы отправились дальше в St. Jean-de-Luz. Один раз, когда мы остановились у шлагбаума, какая-то оголтелая курица кинулась в автомобиль (вероятно, спасаясь от него же) и забилась между спиной Боровского и стеклом, находившемся позади него. Он ещё не успел сообразить, как курица высвободилась и через мою голову полетела дальше.

В St.Jean-de-Luz остановились в Hôtel de Postes, хотели у моря, но там не было мест. Боровский такой тюфяк, что, когда я при повороте сказал ему «Вытяните руку», чтобы сзади не наехали, то он дремал. Я заорал: «Руку!!» Боровский смутился, и я тоже. Автомобиль на нас не наехал и я потом извинился у него за крик. Обедали в баскском ресторане. Боровский подпил и мы над ним посмеивались.

Вечером я так дико устал, что еле добрёл до постели. Боровские же ещё ходили в казино искать знакомых. Пташка было пошла с нами, но скоро вернулась.

26 августа

Утром я разыскал Коханских, которые, по обыкновению, были необычайно любезны. В одиннадцать часов, в компании англичанок, знакомых М.В., мы купались (но не Боровские). Пляж довольно людный и нарядный, море синее, умеренно тёплое. Впрочем, Пташка наслаждалась, плавала, ныряла. Я же скромно потоптался у самого берега, ибо дно углублялось с гораздо большей быстротой, чем у нас в St.Palais.

Затем пили аперитивы в казино, где публика пьёт и танцует после купанья, чтобы погреться. К нам подсел Равель, подходила Лейка Любошиц, которая теперь важная, так как получила хорошее место в Америке. Мои колкости по этому поводу она, впрочем, перенесла кротко.

Спешно позавтракав, мы двинулись в путь, ибо я внёс проект захватить кусочек Пиренеев. Погода была чудной и виды прелестны. Автомобиль, после вчерашней починки (ему, кстати, подвинтили конус), шёл отлично, но в горах вдруг стал фокусничать, как будто шёл на постоянном тормозе, плохо лез в гору и очень нелихо спускался вниз. Это испортило поездку до самого St Jean-Pied-de-Port, где он был починен. Это место - у самой испанской границы, и переводится оно не Св.Иоанн- Свиньи-Ноги, а port в смысле порт - ключ к Испании. Затем мы повернули на север, скатываясь с Пиренеев по направлению к Даксу. По существу, настоящих Пиреней мы не видели - они дальше, здесь же лишь красивые пригорки. Автомобиль вновь шёл отлично и мы летели с горы на гору со скоростью 80 км/ час. Всё же до Дакса нам добраться не удалось и мы заночевали в Peyrehorade, маленьком местечке, впрочем, оказавшемся премилым. Пили местное красно-белое вино (называется vin gris[43], потому что не белое и не чёрное). Были сначала изумлены его дороговизной - для местного - но хозяйка уверила, что вино первый сорт, и таким оно оказалось, к тому же крайне пьяным.

27 августа

Вскоре после Дакса углубились в лес. Но, не желая ехать по той же дороге и стремясь миновать каменистое шоссе, выбрали другой путь, на Mimizan, куда благополучно и прибыли, раздавив по дороге белого петуха. Это была не моя вина: дорога была чиста, куры бежали налево, а петух направо, но, увидев в последний момент, что он один, он вдруг бросился к курам, прямо под автомобиль, и я увидел только его крыло, отброшенное в сторону колесом. В Facture мы попали на гладкую как стол, но опасную для быстрой езды, дорогу из Аркашона в Бордо, и около трёх часов приехали в последнее - завтракать в том же Chapon fin. Меня немножко разморили солнце и долгая езда, но я отдохнул за завтраком, и мы отправились дальше. Ехали быстро и налетели на телегу, державшуюся не своей стороны дороги. Впрочем, налетели мягко и лишь погнули себе крыло, не причинив кретину вреда.

К обеду дома. Mémé (с которой Боровский забыл поздороваться, несмотря на то, что она четыре дня нянчила его дочь) представила обоих младенцев в отличном состоянии, Святославу сегодня минуло три с половиной года. Несколько писем, в том числе от Дукельского с извещением об окончании им симфонии и с пикантным стишком. Всего сделали 738 км. Боровский всю дорогу сидел рядом со мною и восхищался. М.В. - рядом с Пташкой, частенько раздражая её своими

[43] Буквально - серое вино (фр).

рассуждениями, вроде: «Маникюр? Я никогда не делаю себе сама, только у маникюрши!», и прочее.

28 августа

Приятно быть дома! Сразу сел за работу. С удовольствием читал Christian Science. Делал клавир. Так занимался, что вечером Пташка вытащила к Боровским, а то завтра уезжают - неловко.

Боровский любовался на море, звёзды и прожекторы с крейсеров, пришедших в Роян. М.В. выпила наливки и говорила глупости. Завтра Боровские уезжают: его ждут ученики. Я говорю, что он выколачивает хлеб чужими пальцами.

29 августа

Встал рано, чтобы отвезти уезжающих Боровских на вокзал. Какие чудные утра! Боровские еле уехали: куча вещей, в вагоне нет мест, etc.

Днём исправлял работу Горчакова, делал клавир второго акта, чуточку посмотрел «Игрока». «Апельсины» предлагают поставить в Загребе, но предлагают пятьсот сорок марок за весь сезон. Ну и грошик!

30 августа

Проверял Горчакова и клавираусцужил. Работал над «Игроком», переделывал многое в первом акте, очень успешно.

Возил автомобиль в роянский гараж - выпрямлять крыло и укреплять рессоры. От Пайчадзе телеграмма: приезжает завтра.

Пришла корректура голосов первой части Симфонии. Ждал их ждал, а теперь в ужасе: когда я буду всё это корректировать?

31 августа

Утром - «Игрок». После завтрака прокорректировал десять страниц, а то приедет Пайчадзе и увидит, что я не корректирую.

С Пташкой поехали встречать Пайчадзе, которому были очень рады. Он рассказывает разные интересные вещи. Наследники Беляева начали процесс против беляевского издательства, ибо издательство не исполняет завещания: ничего не печатает, только Арцыбушев получает огромное жалование. Возможно, оно пойдёт с торгов, тогда возможно Кусевицкий постарается его купить. Это было бы очень хорошо, если бы к нашему издательству было такое приращение. Между прочим, к нам приняли нового композитора - Лопатникова. Год-два назад он приезжал ко мне как-то летом и показывал довольно пошлый Концерт и интересную сонатину (как будто два разных автора писали). Эту сонатину как раз у него и взяли.

Весь вечер проболтали, так что сегодня не писал дневника, не читал Christian Science и не проигрывал шахматных партий.

1 сентября

Ввиду присутствия постороннего человека не хотелось садиться за рояль и работать над «Игроком». Поэтому корректировал Симфонию. Сделал пятнадцать страниц партитуры.

Купались два раза. Пайчадзе отличный пловец и в молодости был даже инструктором. Он поклялся, что выучит меня плавать. Я больше всего боялся

ткнуться физиономией в воду. Сегодня я решился и удержался - т.е. понял, что вода поддержит (кроме того, слегка поддерживал тритон).

Пайчадзе рассказывает, что за этот сезон Бостонский оркестр должен был заплатить огромные суммы за прокат материалов, так как Кусевицкий играл массу новой музыки. Больше всего пришлось на долю нашего издательства. Возмущённые гаранты прислали письма, прося Кусевицкого умерить пыл, но он ответил, что именно благодаря новинкам Бостонский оркестр привлекает теперь к себе общее внимание, и потому он не считает возможным последовать их совету. Здорово! Значит, чувствует себя крепко.

Вечером я посадил играть в шахматы Грогия и Пайчадзе. Оба делали массу ошибок и в конце концов Пайчадзе нечаянно выиграл.

2 сентября

Сел за «Игрока» и хорошо двинул его. Днём диктовал письма и сделал десять страниц корректуры партитуры Симфонии.

Купались. Я, под руководством Пайчадзе, плавал: держался четыре взмаха; не густо, но ощущение, что вода держит, было. Пташка и Грогий в это время поучались от Пайчадзе более сложным приёмам.

Вечером играл против Пайчадзе в шахматы à l'aveugle[44]. Выиграл без ошибок и с пожертвованием качества.

3 сентября

Думал, что после вчерашнего авеглизма[45] и корректуры будет свинцовая голова, но нет, и потому сел за «Игрока», а днём за клавираусцуг «Огненного ангела» - тех страниц второго акта, которые доделывает Грогий.

Пайчадзе рассказывает, что в издательстве со «Скифской» случился досадный случай: её взяла Нижинская, чтобы поставить в Буэнос-Айресе как балет. Послали ей ноты, но Конюс (старик выжил из ума) вместо дублюр «Скифской сюиты» послал дублюры Сюиты из «Шута». Всё это плыло три недели, а затем пришла отчаянная телеграмма. Послали новую посылку, но она проплывёт новых три недели и Пайчадзе боится, что запоздает к сезону. Когда Конюс узнал о происшедшем, то у него сделалось расстройство желудка.

Ездили с Пайчадзе в Роян к поезду, так как ждали Веру Васильевну, но она не приехала, а дома нашли её телеграмму.

Вечером опять сеанс à l'aveugle, но на этот раз оба играли хуже. Я выиграл фигуру (выиграл, а не подставка), а затем ещё ладью. Пайчадзе сдался.

4 сентября

Утром «Игрок», а днём клавираусцуг и корректура Симфонии.

Вчера не купались из-за дождя, сегодня отправились все вместе. Я немного плавал, даже в обыкновенном костюме, не в тритоне. Даже Святослав лазил в воду: Пайчадзе так покорил его сердце, что даже сломил его страх перед водою.

Стравинский, по словам Пайчадзе, работает над сценической вещью. Вот вам и цена законам, которые изрекает Стравинский: то он всю жизнь писал сценические вещи, то «навсегда» отрёкся от них, заявив, что существует только чистая музыка, а теперь через «Эдипа» он вернулся на лоно сцены.

Вечером играли опять à l'aveugle. Пайчадзе играл хуже и опять проиграл.

[44 - 45] Вслепую, «авеглизм» - от aveugle (фр).

5 сентября

Утром «Игрок», но как-то менее успешно, чувствовал себя утомлённым и начинала болеть голова. Днём ездили на côte sauvage[46], за Кубрский маяк. Опять наслаждались фантастическим пляжем и открытым океаном. Но купаться было трудно из-за волн: держались на берегу и нас окатывали ближайшие валы. Вода была тёплая. Вечером начала разбаливаться голова и я лёг в девять. Но я помнил недавно прочтённое изречение: нельзя себе представить Бога больным; человек же создан по образу его и подобию, и болезнь ему так же несвойственна, как и Богу. К десяти часам голове стало легче, я встал и уговорил Пайчадзе не уезжать завтра. Он решил остаться ещё на день.

6 сентября

Последний день пребывания Пайчадзе ознаменовался дивной погодой. Утром я успешно работал над первым актом «Игрока». Днём купались. Я плавал: успешно на животе и неуспешно на спине. Но вода была грязной и плавали медузы, целые и в кусках. Вечером я выиграл интересную партию à l'aveugle: вставил ему коней в самый живот и ими оперировал. Говорили о Дукельском, благо я ему писал письмо. Пайчадзе утверждал, что из Дукельского не выйдет большого композитора, потому что у него нет того убеждения, которое заставляет хотя бы страдать за своё искусство, но всё же вести линию. А Дукельский с лёгкостью пожертвовал этой линией и стал писать оперетки, лишь бы получить материальное благополучие. Блестящий восход Дукельского на дягилевском горизонте Пайчадзе объясняет интимными причинами: им увлёкся Нувель и всячески выдвигал его, когда же и Нувель и Дягилев убедились, что Дукельский - человек не их ордена, то при первом неуспехе они выкинули его в окошко.

7 сентября

Встал в семь, так как боялся, что у автомобиля «плоская» шина. Отвёз Пайчадзе в Роян на поезд. Он уехал, благодаря за отдых, который получил здесь. Вернувшись, работал над корректурами и клавираусцугом оставшихся страниц «Огненного ангела». Вечером вернулся к обычным занятиям: чтение Christian Science, дневник, проигрывание шахматных партий.

8 сентября

Утром «Игрок». Кончил вчерне переделку первого акта. Теперь сяду за переделку оркестровки и вообще за приведение в окончательный вид. Днём корректировал Симфонию, как вдруг из сада стали меня звать: оказалось, Вера Александровна, жена Сувчинского, и её отец А.И.Гучков. По её письму выходило, что она приедет послезавтра, а сам Сувчинский не то да, не то нет. Я очень обрадовался, мне также интересно было познакомиться с её отцом, личностью романтической, хотя многими и нелюбимой, главным образом, за знаменитый «Приказ №1». В своё время он ездил в Африку сражаться вместе с бурами против англичан, много раз дрался на дуэли, был председателем Государственной Думы, первым военным министром революционного правительства, автором «Приказа №1» - «Солдаты, не повинуйтесь офицерам!». - довольно загадочного документа, и с этого момента пошёл его закат. «А теперь он уже старичок» - говорил про

[46] Дикий берег (фр).

него кто-то. Но Гучков был бодр, жив и говорил занимательно и не без шика. Так как Пташки не было, а они торопились домой (кажется, из деликатности, чтобы мне не мешать), то я пошёл их проводить. Гучков снимает скромную дачу, совсем в лесу, недалеко от нас. Он живёт совсем один и теперь пригласил к себе дочь, а с нею Марину Цветаеву и мужа Марины, Эфрона. Когда я проводил их до дому, Вера Александровна сказала: «Теперь я провожу вас обратно», и по дороге объяснила, что её отец и её муж терпеть друг друга не могут, и даже не делают из этого секрета. Поэтому было решено, что Петя приедет, как только папочка уедет. Гучков должен был уехать через четыре дня, но вдруг отложил отъезд на неделю, и теперь неизвестно, когда появится Сувчинский. Мне пришла идея пригласить Сувчинского к нам, но я не хотел этого делать, не поговорив с Пташкой, к тому же положение вышло бы курьёзное: муж на одной даче, а жена с отцом на другой. Почти оперетка.

9 сентября

Начал оркестровать начисто «Игрока». Хотя в старой редакции начало было сделано довольно прилично, но теперь оно будет наряднее. За утро сделал только две страницы, несмотря на то, что работал с увлечением. Вообще, по-видимому, переделка «Игрока» будет здоровенной работой, и лучше не думать, когда я её кончу. Ещё слава Богу, что я работаю по моей системе, т.е. пишу партитуру сокращённо, а Грогий будет всё это расхлёбывать.

Днём корректировал Симфонию, пришла ещё пачка корреспонденции. Опять-таки: когда я со всей этой корреспонденцией развяжусь? Конец не виден.

Читал дневник, старый, путешествие по Швейцарии.

Период моего романтического письма к Захарову, какой он был petit maître[47] и как вылинял теперь: остался лишь какой-то исторический памятник о прошлом. И бледное, каменное лицо его как раз присуще памятнику.

10 сентября

Продолжил работу над вступлением «Игрока», но не кончил. По-видимому, оно слопает у меня три дня. Где же моя скорость с глотанием двадцати страниц в день? По-видимому, она разовьётся дальше. Днём был в St.Palais, видел Гучковых, отца с дочкой. Я и дочка инсценировали перед отставным министром разговор о том, что Петя мне до отказу, и притом немедленно, нужен по делам либретто. В результате я послал ему телеграмму, поставив, однако, изумлённому beau-père[48] условие, что Сувчинский остановится у меня, против чего тот, впрочем, не протестовал. Затем подошла Пташка со Святославом и мы отправились есть мороженое. Гучков был галантен, поднёс Пташке цветы и очень понравился ей. Пташка не преминула заметить мне, что Вера Александровна очень ухаживает за мною и что она ответит тем же Сувчинскому. Я сказал, что очень рад, а то мне показалось, что она довольно кисло приняла проект его приезда.

11 сентября

И Пташка, и я были очень огорчены, прочтя в газетах о смерти Н.П. Рузского. У меня с ним связаны воспоминания о начале моей музыкальной карьеры в Петербурге. Всегда он относился ко мне исключительно любовно. К Пташке он

[47] Важный (фр).

[48] Свёкор (фр).

тоже всегда был очень внимателен, ещё тогда, когда она жила в Париже одна, до замужества. Последний раз я его встретил на улице Парижа перед отъездом в Россию. Мы расцеловались. Я сказал: «Николай Павлович, а я, кажется, в Москву еду...». Он ответил: «Ну что ж, ну что ж...». На одном из последних концертов Кусевицкого подошёл его сын и звал нас к ним в Le Vesinet, под Парижем. Мы собрались поехать в автомобиле, но за сутолкой grande saison[49] так и не собрались. Жаль.

Днём катали Гучковых; ездили по красивым маленьким дорожкам. Но конус пошаливал и автомобиль несколько раз останавливался. Я чинил, перемазался, но автомобиль после этого поехал. Затем они пили у нас чай, причём Гучков рассказывал про староверов, сам происходя из староверческой семьи. Он уговаривал нас пойти в кинематограф, но это было неудачно, и хороша была лишь лунная ночь, светлая, прохладная, по которой мы шли два километра обратно. Пташка опять хвалила Гучкова. Но во время автомобильной поездки он угощал её и Святослава шоколадом, от которого у них ночью разболелись животы.

12 сентября

Вчера я кончил трудное вступление к «Игроку» и сегодня быстро покатился по ровной дорожке. Подсчитали с Грогием количество страниц в партитуре «Огненного ангела» - вышло более восьмисот, это против четырёхсот пятидесяти у «Апельсинов». Вот так опера!

От Сувчинского телеграмма: он может приехать лишь через пять дней. Другая телеграмма от Кусевицкого: они в Париже, пятнадцатого празднуют день свадьбы вместо восьмого, и очень просят приехать. Кстати поговорим об Америке. Мне сначала показалось, что ехать - значит подлизываться. Но в конце концов Америка есть дело, а если это можно совместить с празднеством, то тем лучше. Вернёмся же обратно вместе с Сувчинским.

13 сентября

Много работал над «Игроком». Теперь идёт легко, и работать приятно. Ездил с Горчаковым в Royan; он правил, я делал указания. Хоть он имеет carte rose, но три месяца не был у руля, а между тем, после моего отъезда, ему придётся вести автомобиль с вокзала домой, поэтому надо, чтобы практиковался.

14 сентября

Утром отвёз Пташку на поезд. Целый день доделывал клавир «Огненного ангела» и проверял работу Горчакова, который, наконец, дописал партитуру второго акта. По окончании проверки карандаш был зафиксирован и последние сто страниц «Огненного ангела» готовы к отправке.

Читал старый дневник, с удовольствием. Он создаёт весёлое настроение.

Вечером читал Christian Science. До сих пор я как-то мало любил читать свидетельства исцелённых: я знаю, что Christian Science исцеляет и этого для меня достаточно: читать сообщаемые в журналах новые свидетельства мне казалось излишним и не таким интересным.

Очень я люблю, кончив чтение, перед сном выходить на наш длинный балкон, расположенный прямо над морем, ходить по нему взад и вперёд минут пятнадцать- двадцать, глядя на океан и на звёзды и направляя свои мысли на отвлечённые темы.

[49] Разгар сезона (фр).

15 сентября

Просил Грогия разбудить меня в семь, но он, в свою очередь, просил девицу разбудить его в половину седьмого, и та так ему дубасила, что я вскочил как встрёпанный. В девять я сидел в вагоне, держа путь на Париж. Купив на одной из остановок газету, дабы узнать, не начался ли матч Алёхин - Капабланка, я прочёл о смерти Айседоры Дункан, жены покойного Есенина. Она села в автомобиль и закинула длинный шарф за плечо. Автомобиль помчался, шарф попал в колесо. Её выбросило и она, задушенная, кончила свою жизнь под автомобилем.

В поезде ехало много русских. Когда я отправился в вагон-ресторан завтракать, за столик, за которым я уже сидел, метрдотель подсадил ещё двух русских девиц. Они, по-видимому, меня знали и были до того потрясены очутиться за одним со мной столиком, что я искусал себе все губы, дабы не рассмеяться. Чувствовал, что надо немедленно заговорить с ними, чтобы отвлечь себя от собственного смеха. Впрочем, дело обошлось, я с ними не разговаривал, а они не смели начать сами.

Так как у Кусевицкого дом был весь заселен, я с вокзала, встреченный Пташкой, отправился на нашу квартиру на avenue Frémiet. Жильцы, которым пересдали на лето, навезли туда немало грязи. Переодевшись, отправились к Кусевицким. У них по обыкновению замечательный обед со свежей икрой, омарами, крюшоном и какими-то необыкновенными птичками, но народ менее интересный, чем в прошлом году. Вечером он играл на контрабасе с Казадесюсом, который играл на viola-d'amore. Были очень интересные звучности, а мелодия в этих двух инструментах на расстоянии двух октав звучит прямо потрясающе. Кусевицкие были ласковы. Серьёзные разговоры были отложены на завтра.

Когда Mrs Newman стала просить Пайчадзе прислать её мужу мой Квинтет и 2-ю Симфонию, я из другого конца комнаты закричал: «Пошлите одни обложки!» Она рассердилась.

16 сентября

Проспали, так как вчера поздно легли, а рано утром разбудил шум ящиков - в Париже нет той тишины, что в благодатном St.Palais. Поссорились с Пташкой, так как она забыла вчера у Кусевицких свои денные туфли и теперь хотела, чтобы я поехал за ними; я же находил нелепым с утра нестись назад за туфлями - вот тема для домашней ссоры.

Весь день провёл в издательстве, говоря о разных мелких делах и исправляя ошибки в литографном клавире «Огненного ангела». Смотрел вновь принятую Сонатину Лопатникова и она мне опять понравилась, штучки же Фёдорова опять не понравились.

По поручению Горчакова спрашивал Пайчадзе, взялось ли бы издательство напечатать его фортепианные вещи за его счёт, но Пайчадзе ответил, что за чужой счёт издательство не печатает, если же вещи Горчакова интересны, то их можно будет взять и так. Но пока я мог хвалить только условно: т.е. что они, например, лучше Фёдорова, которого я, впрочем, не напечатал бы.

Вечером у Кусевицкого. Говорили об Америке. Он берётся мне найти другого менеджера, а я берусь внести Haensel`ю тысячу долларов моего долга, как только будет к кому перейти. Кусевицкий уверяет, что у меня будет масса ангажементов, и советует в несимфоническом концерте выступать с Пташкой, что очень её обрадовало. Вообще Кусевицкие опять были очаровательны и говорили, что если осенью у нас будут снова затруднения с квартирой, то чтобы мы ехали в их особняк и жили, сколько влезет. «Стальной скок» он будет исполнять в одном из первых концертов и повезёт в турне, если Пайчадзе поспеет с перепиской голосов.

17 сентября

Забежав к Боровским и прозвонив всё утро Пайчадзе насчёт голосов «Pas d'acier», в 10.40 утра мы сидели в поезде вместе с Сувчинским и ехали в St.Palais. Сувчинский был весел и рассказывал всякие интересные вещи. Стравинский ударился в церковную жизнь и среди распрей православной церкви поддерживает (даже денежно) одну из сторон. Я сказал, что для меня религиозное рвение Стравинского - загадка: с одной стороны - гордыня, властность, с другой - подчёркнутая религиозность, но в каком-то формальном, фарисейском плане. Ведь не настоящая же это религиозность, а если причуда, то во имя чего? Сувчинский утверждал, что это вполне серьёзно, что Стравинский очень занимается этими вопросами и к некоторым относится с такой горячностью, что с ним прямо спорить нельзя; но не всякий подходит к религии с моральной стороны, другие приближаются чересчур формально. Ответ, который, конечно, нельзя признать удовлетворительным. Сувчинский предполагает, что сам процесс творчества даётся Стравинскому нелегко, и это толкает его на мистический путь. Теперь Стравинский пишет балет для Дягилева. Пташка засмеялась и сказала, что ей пришла странная идея: сейчас Сувчинский говорит о Стравинском со мною, а, быть может, в другой раз так же говорит с ним обо мне. Сувчинский уверял, что нет, что со Стравинским он обо мне не говорит, ибо Стравинский всегда высказывает обо мне одно и то же мнение: «Прокофьев талантлив, но дикарь».

В 6.22 мы были в Рояне, где нас встретил Грогий, благополучно приведший автомобиль, и Вера Александровна, приехавшая встречать Сувчинского. Тут между супругами вспыхнула стычка: Сувчинский не хотел ехать к Гучкову (белому террористу), В.А. же настаивала, говоря, что он всё равно завтра уезжает, и это было бы неприлично, тем более, что старик ждёт Петю и «даже греет ему воду». Справедливо. И хотя Пётр Петрович ехал к нам, мы уговорили его: «Пётр Петрович, не надо к нам, поезжайте к папочке», чему он в конце концов подчинился.

18 сентября

Сел за «Игрока», с большим удовольствием: «ария» Алексея. Но занимался недолго. Пришли завтракать Сувчинские. Гучков благополучно уехал. Затем я их катал в автомобиле, а потом опять работал над «Игроком». Про Гучкова П.П. сказал: «Вот он вам объяснял, что православные крестятся тремя пальцами, а старообрядцы двумя, и почему двумя правильней; если же вы его спросите, как он сам крестится, то окажется, что он вовсе не крестится. В этом он весь».

19 сентября

Утром и днём «Игрок», и кроме того катали в автомобиле мать Грогия, которую надо было покатать, а то завтра она уезжает назад в Кишинёв.

Обедали Сувчинские. П.П. очень любит гулять по лесам и сегодня замучил жену, проходив шесть часов подряд. Опять говорили о Стравинском. Сувчинский находил у него какую-то, как он называет, «вторичность». Он хочет сказать, что у Стравинского есть свойство брать уже существующий материал и применять его по-новому так, что получается вещь, имеющая характерное его собственное лицо. Это идёт через всё его творчество: «Петрушка» на материале городских песен, «Весна» - на материал, почти буквально схожий с Римским-Корсаковым и Мусоргским, «Пульчинелла» - Перголези, далее «бахизмы» и прочее.

Между прочим Сувчинский сказал, что недавно, зайдя в один из русских ресторанов в Париже, «встретил вашу знакомую», которая заведует этим

рестораном. Затем Сувчинский долго не мог вспомнить фамилию и наконец вспомнил: Мещерская, теперь по мужу Кривошеина. Я ответил, что давно потерял эту семью из виду. Пташка спросила: как называется ресторан. Он ответил: «Какая- то «Астрахань», а может «Самарканд».

20 сентября

Много работал над «Игроком». Диктовал письма. Очень устал. Сенсационная новость: Алёхин выиграл первую партию матча у Капабланки. Я потрясён. Алёхин, видно, в необычайном ударе, ибо Капабланка так крепок, намного стоит выше остальных, что его поражение, да ещё в первой же партии, является чем-то необычайным. Недаром я подписался на London Times, чтобы иметь немедленно все результаты и сами партии.

21 сентября

Дивная солнечная погода. На пляже даже жарко. Не возобновить ли купание? Решили однако подождать до завтра, чтобы вода согрелась.

Опять много работал над «Игроком». Корректуру Симфонии пока вовсе отложил. Но работа идёт гладко и приятно. В пять часов совсем одурел, решил проехаться. Пташка тоже отправилась со мною и правила, а я давал ей указания. Обедали Сувчинские, выпили бутылку шипучки. После обеда я расспрашивал его о том, как он пришёл к идее издания «Музыкального современника». Сувчинский вспоминал с удовольствием, разошёлся, рассказывал и об основании, и о ссоре с А.Римским-Корсаковым, и о предложении Вейсберг назвать новый журнал «Прокофьев», и прочее.

22 сентября

Погода опять ни то ни сё, никаких купаний. Опять «Игрок» до одурения, затем прогулка в автомобиле, и Пташка правила. Вечером Christian Science и дневник.

23 сентября

Утром работал над «Игроком», но днём не работал, так как начала болеть голова, впрочем не очень. Зашли Сувчинские. Я воспользовался его присутствием, чтобы обсудить с ним названия отдельных номеров «Стального скока». До сих пор они были только приблизительные. Сувчинский дал несколько хороших советов, будут годны и для Советской России, и для заграницы (ведь всё время приходится смотреть с обеих сторон). Когда Сувчинские ушли, голова хуже. Я лёг и третировал[50] себя. Надо быть уверенным в исцелении, тогда работа над исцелением идёт успешней. Но как же быть уверенным, если я так мало ещё подвинут? Меня осенила замечательная мысль: хорошо, я не уверен, смогу ли я сейчас исцелить себя от головной боли; но в таком случае, уверен ли я, что с течением времени я навсегда исцелюсь от головных болей, будь то через год, или три, или пять? Да, в этом я совершенно глубоко уверен. А если так, то это положение можно формулировать иначе: судьба моей головы уже решена, но для того, чтобы окончательное исцеление пришло в исполнение, надо протечь нескольким годам. И ещё иначе: голова моя исцелена, но выявление произойдёт через некоторый промежуток времени. А если так, то и работая сейчас над исцелением, я могу быть уверенным

[50] То есть лечил, от treatment (англ).

в результате - неважно, что может быть не в сегодняшнем, лишь бы в конечном. По-видимому, это рассуждение было правильным, ибо голова вскоре улучшилась, а вечером совсем прошла.

К ночи разыгралась буря с дождём. Ветер ревел и дом дрожал. Хуже всего, что дождь хлестал через все щели окон и дверей, а ставни заржавели и не спускались. Вытирали пол тряпками, ибо вода просочилась уже вниз и в кухне набухал потолок («Позовите собаку, пусть она пьёт с пола»). Ночью дождь не прекращался и будил нас.

24 сентября

Писал «Игрока», но мешали сторож и сторожиха, которые пришли чинить ставни, у которых вчера Грогий оборвал все блоки, пытаясь опустить их. Днём погода разошлась, появилось солнце и мы с Сувчинскими поехали в автомобиле в La Rochelle, что в 75 км от нас. Сувчинскому надо было повидать своего знакомого, князя Святополка-Мирского, а я с удовольствием взялся отвезти его в La Rochelle в автомобиле, так как дорога мне казалась интересной. И действительно, сначала были красивые поля, затем, перед Rochefort'ом, мы переехали через реку на плоту, а от Rochefort до La Rochelle была дивная дорога, по которой мы неслись со скоростью 80 км/час, доходя до 90. С океана дул ветерок, который, проходя над лугами, смешивался с запахом травы. Это приволье с бешеной скачкой в придачу приводило Сувчинского в совершенный восторг. В La Rochelle мы встретили князя, с которым я уже встречался у Bassiano. Это человек довольно любопытный: начал карьеру гвардейцем, во время Деникина брал у большевиков Орёл, затем разочаровался в белом движении и, благодаря очень неплохим трудам по русской литературе, был охотно взят профессором в Лондонский университет. На почве его интереса к Евразийству, между ним и Сувчинским возникло общение. Мы втроём походили по городу, в котором есть красивые давности, затем Сувчинский угощал нас вкусным обедом, причём князь не без священнодействия выбирал коньяки.

С Сувчинским разговор, как и в некоторые предыдущие разы, перешёл на Стравинского, на его направление, на его религию. Сувчинский уверял, что религиозность чувств его самая подлинная и является результатом трудного творческого процесса, а также постоянного пребывания в страхе то за верность своего пути, то просто за свою судьбу и здоровье (он в каждом кармане носит по кресту).

Я сказал:

- Вот уж страх - не христианское чувство!

Князь:

- Наоборот, именно христианское, и в библии всё время говорится о страхе Божьем.

Я:

- Но это совсем другого рода страх, это не страх перед случайностями, а страх не оказаться образом и подобием Божьим.

Князь:

- Наоборот, самый реальный страх перед вечным наказанием.

Тут Сувчинский, объясняя страхи Стравинского, выпалил невероятную вещь:

- Да, да, страх быть избранным божеством, страх оттого, что на твоей шкуре свыше выбивают дробь, как на барабане.

Я:

- У вас понятие о Боге ветхозаветное, а не новозаветное.

И вдруг мне стало стыдно, что мы спорим о Боге, кончая вторую бутылку вина,

поэтому я постарался не поддерживать этого разговора и он скоро перешёл на другие темы.

25 сентября

Спал неважно, вчера выпил много кофе, хотя сайентисту стыдно поддаваться этому выражению. Кроме того, в St.Palais так тихо, что здесь раздражали всякие отдельные шумы. Встали рано и без четверти девять выехали обратно в St.Palais. Мирского Сувчинский уговорил поехать с нами. Но ночью шёл дождь и, хотя сейчас было солнечно, дорога была мокрой и скользкой, и приходилось ехать вдвое медленней. После Rochefort мы взяли другой путь, чем вчера, ближе к берегу, и по очень извилистой дороге приехали в Marennes, откуда на пароме переехали через рукав в Tremblade (очень занятно для автомобилиста). В Tremblade ели устрицы и в двенадцать были дома. Сувчинский, сидевший сзади, вдруг громко крякнул: оказалось, его подбросило на ухабе и он ударился лбом в потолок автомобиля. Шишка была огромная. У автомобиля лопнула даже подкладка там, где Сувчинский ударился. Дома всё благополучно и я сейчас же сел за «Игрока», проработав до пяти часов. В семь пришли Сувчинские и Мирский обедать. Я привёз из Tremblade ящик устриц (десять дюжин) и теперь мы почти всех их съели. Вечер прошёл очень приятно. Я играл 5-ю Сонату, которую Сувчинский слушал с увлечением.

26 сентября

Тяжёлая голова. Не слишком ли часто? «Игроком» не занимался, много гулял и продиктовал три письма. Голова не разболелась, а к вечеру и вовсе прошла. Догонял дневник и читал Christian Science.

27 сентября

Последние три дня «Игрок» шёл замедленным темпом. Сегодня засел почти на целый день и сделал хороший прыжок. Неожиданно зашли Сувчинские. Этой ночью кто-то ходил вокруг их дачи и трогал замок, кроме того, становится холодно и темно, поэтому сегодня они переезжают в Роян, а послезавтра в Париж. Сувчинский ругал название «Стальной скок» и советовал назвать балет «Двадцатый год». Мне такое название нравится, но не слишком ли теперь поздно? Когда они ушли, я сейчас же снова сел за «Игрока», а Пташка пошла их провожать, после чего Сувчинский провожал её обратно, много разговаривал, хвалил её, хвалил улучшение моего характера, вообще был красноречив и мил.

Из Москвы опять деньги: пятьсот тринадцать долларов, вероятно, от Музсектора. Молодцы, платят до срока.

28 сентября

Очень успешно работал над «Игроком». Вообще давно у меня не шла работа так гладко и легко. Днём вновь появились уехавшие вчера Сувчинские. Им скучно в Рояне и они пришли пешком сюда. Отвезли их в автомобиле обратно и покатали до Saujon. Вечером Ольга Владиславовна сказала: «Отчего бы вам не остаться месяц-два в Royan, если нет специальных дел в Париже, а в Royan можно найти квартиру очень дёшево». Так как наша квартира на Frémiet будет уступлена нам неизвестно на какой срок, может всего на месяц, то я имел неосторожность поддержать это предложение. Пташка ударилась не более не менее как в слёзы, говоря, что она не ожидала, что всё кончится жизнью в провинциальном городке,

и прочие глупости. Словом, вечер был испорчен, и партию Алёхин - Капабланка, выигранную Алёхиным, я рассматривал самостоятельно (а то Пташка стала интересоваться шахматами). А партия очень интересная. Ясная.

Начал перечитывать «Игрока», выписывая характеристики. Кроме того, могут родиться идеи для переделок.

29 сентября

Почти целый день работал над «Игроком», работалось отлично, едва не кончил оркестровку первого акта. Остановился, потому что стало мешать сердце. Рассуждал с собою.

Читал третью партию матча. Алёхин «влип» уже на девятом ходу, а затем длилась пятичасовая агония. Очень неприятно защищать такую партию.

30 сентября

Кончил оркестровать первый акт «Игрока». На первый акт был потрачен месяц. Хорошо бы, если бы следующие акты с такой же скоростью. Но увы, это самый короткий.

1 октября

Начал просматривать и намечать переделки во втором акте. Занимался всё утро, а днём клавираусцужил первый акт и перевозил Пташкиных родителей в Royan, которые устроились там на зимовку - климат лучше для больного Avi, чем парижский, дёшево и не надо трястись по железной дороге. Впрочем, по просьбе Пташки, которая восстанавливала дневник российского путешествия, сообщал ей различные данные из моей записной книжки, причём натолкнулся на письмо от Наташи. Пташка начала расспрашивать: да кто она, да что я с ней делал, да как познакомился. Я рассказал ей кое-что, хотя довольно приблизительно. Затем Пташка стала спрашивать: кто такая Мещерская, о которой упоминал Сувчинский. Я тоже рассказал сцену неудачного побега с участием Башкирова, ждавшего за углом в автомобиле. К концу вечера разговор зашёл опять на тему о квартире в Рояне и Пташка опять начала сердиться, настолько, что решили эту ночь спать в разных комнатах, «чтобы не мешать друг другу». Но в два часа ночи Пташка разбудила меня, сообщив, что под окнами кто-то ходит и даже слышен был заглушённый звук велосипедного звонка. Хотя я мало поверил в опасность, но для успокоения Пташка возвратилась на супружеское ложе, я же запер дверь в нашу спальню на ключ.

2 октября

Утром, как вчера, переделывал второй акт, добавлял, исправлял, а днём клавираусцужил первый. В общем целый день. Пташка находит, что я подвижник моей работы.

Вечером Christian Science и дневник.

3 октября

Ввиду отъезда родителей, поместили Святослава спать у нас, но он ночью кряхтел и охал, ворочаясь с боку на бок, точно старикашка, и мешал мне спать. По этой ли причине, или оттого, что вчера уж больно энергично работал, сегодня

«Игрок» шёл хуже, более вяло.

Алёхин проиграл Капабланке вторую партию после того, как первые шесть партий продержался на равной с ним ноге. Я расстроен и даже Пташка.

4 октября

Всё утро «Игрок»: пересочинял второй акт, сцену Астлея с Алексеем, всячески оживляя её, а то в старой редакции она была не без скучинки. Днём продолжал работу, а затем клавираусцужил.

Погода установилась чудная и сегодня я заходил к агенту, справляясь, не можем ли мы продлить пребывание на даче до пятнадцатого вместо десятого. Вечером с Пташкой следили как солнце, заходя без единого облачка, быстро погружалось в океан огненным шаром. Можно было почти видеть, как оно движется.

5 октября

То же, что вчера: «Игрок», переделка второго акта утром и клавираусцуг днём.

Погода скорее холодная, но солнечная и очень приятная. Днём приезжала из Royan Ольга Владиславовна и мы её отвезли в автомобиле обратно. Последний никак не заводился, так что Ольга Владиславовна даже уехала с местным поездом, но потом мы столкнули автомобиль с пригорка и тогда он сам завёлся, после чего мы догоняли Ольгу Владиславовну и сняли с поезда на ближайшей остановке. Сувчинский переслал «Русскую историю» Вернадского, изданную евразийцами. Очень увлекательно.

6-12 октября

Эту неделю не писал дневник, так как дни текли чрезвычайно однообразно, по выше заведённому образцу. Но в этом однообразии не следует усматривать и тени скуки. Наоборот: работалось отлично и погода держалась всё время удивительная.

Переделка сцены с приездом Бабуленьки проскочила очень быстро. Собственно даже переделки не было, а так, лёгкая ретушировка. Затем я начат писать партитуру второго акта; одновременно доканчивал клавираусцуг первого.

Событий было мало. Восьмого были мои именины, но про них забыли. Занимался, впрочем, в этот день меньше, так как болела голова, но не сильно: за последнее время сильно болит лишь очень редко. Затем Грогий надерзил Пташке и она надулась на него на несколько дней. Наконец Пайчадзе в довольно небрежном стиле сообщил, что Бруно Вальтер отказался ставить «Огненного ангела», обидевшись на моё запоздание. Опоздание, конечно, было, но не такое смертельное, и оперу можно было бы сколько угодно поставить в течение сезона. Но, кажется, за последнее время в Германии слишком много ставят иностранных опер, и возникло патриотическое течение за свои, родные. Говорят, Бруно Вальтер боролся против этого, но я не поддержал его с моим опозданием, вот он и «обиделся». Прочтя это сообщение, я сначала было огорчился и даже озлился, но Christian Science быстро успокоило меня, а также рассеяло гнев. Просто «Огненному ангелу», перегруженному чертовщиной, не везёт. И Демчинский ножки ставил, и я еле, как в гору, его вытянул, и Берлин теперь подвёл, - а сколько музыки ухлопано!

13 октября

В воздухе запахло переездом в Париж: увезли рояль, пришёл столяр обмерять ящик для книг. Пташка укладывает сундуки, - и только я упорно строчу партитуру.

Алёхин выиграл вторую партию у Капабланки. Я ошеломлён. Ну и развился Александр Александрович! К началу матча я, право, не знал, на чьей стороне будут мои симпатии. Я дружил с обоими. Но теперь они бурно на стороне Алёхина. Вечером с Пташкой разбирали эту партию.

15 октября

Отъезд. Шестнадцать вещей с Грогием и Мадленой отбыли на вокзал на грузовике, а Пташка, я. Святослав и ещё куча вещей (но более лёгких, а то плохие рессоры) выехали одновременно в Ballot. Ехали очень приятно, но в 5.30 уже стемнело и мы заночевали в Châtellerault.

16 октября

В 9.18 выехали дальше. В Dangé свернули с большой дороги на просёлочную, срезая путь на Blois. Впрочем, от этого мы только прогадали, так как было столько заворотов и разветвлений, что я раза два путался, и конечно, по маленьким дорогам (хотя они тоже очень хороши) нельзя ехать с такой ровной быстротой, как по большим. Виды, красиво расцвеченные осенью, были очень хороши; неожиданно вынырнуло несколько замков, один назывался Montpoupon; но приходилось чрезвычайно спешить, чтобы поспеть до темноты в Париж. Я не очень люблю ездить с фонарями.

Позавтракали в Blois и оттуда по отличной дороге помчались на Париж. Шли 70 км/час, иногда 80, редко 60. Старик вёз отлично и дивно пел всю дорогу. Мотор у Ballot действительно замечательный, не шумит, а поёт. В Париже могли бы быть с наступлением темноты, но километрах в двадцати попали в невероятный хвост автомобилей, возвращающихся с гонок, и так шагом и протащились этот кусок. Попали на наше avenue Frémiet в семь часов вечера. Грогий и Мадлен уже ждали нас.

На два месяца вновь вселяемся в ту же квартиру, а потом, кажется, возвращается хозяин. Пташка ехала всю дорогу молодцом, хотя у неё и нарывало в горле, но она с этим боролась - и побеждала.

Вечером, читая русскую газету, она нашла объявление ресторана «Самарканд» и, смеясь, сказала: «Вот ресторан, где твоя невеста подаёт». И прибавила: «На плохой улице».

18 октября

Принялся за оркестровку второго акта, очень напористо. Днём был в издательстве. Пайчадзе ещё не потерял загара, который он напёк у нас в St.Palais. В Париже всё издательство композиторы: Стравинский, Рахманинов, Метнер, Гречанинов, я. Не хватает Дукельского, который куда-то провалился, вернее, дела в Лондоне идут неважно. Пайчадзе дал мне последний опус Метнера (48-й), но это прямо не падение, а провал.

Вечером обедали у нас Щербачёвы, муж и жена, которые, оказывается, уже две недели как в Париже. Я, разумеется, первым долгом накинулся с вопросами, как Асафьев и почему он три месяца не пишет. Оказывается, в связи с разрывом с Англией и несколькими антисоветскими выступлениями внутри России, был ряд репрессий, и целый ряд лиц из оставшейся интеллигенции попали в тюрьму и ссылку. Между прочим, пришлось и Тюлину просидеть пять недель, после чего его выпустили. Асафьева не тронули, но так как очень интересовались теми, которые переписываются с заграницей, он был в панике, и в этом объяснение его

молчания. Теперь острый период миновал и спокойствие возвращается. Дранишников просил торопить меня с присылкой «Игрока». Мы постарались угостить их хорошенько: шампанское, омары, гаванские сигары и прочее.

19 октября

«Игрок» шёл хорошо, почти целый день. Я рад, что переезд в Париж не замедляет моей работы.

Пайчадзе звонит по телефону, что из Москвы за «Апельсины» мне перевели шесть тысяч марок - свалилась преогромная сумма, на которую я рассчитывал лишь очень туманно. Письмо от Башкирова: очень хочет меня видеть, был четыре месяца «в петле» (вернее, проигрался) и прочие сильные термины для описания собственного бессилия. Но слишком ярко ещё воспоминание о рудневском чеке, по которому он получил, и мне не хочется его видеть.

Вечером у нас супруги Пайчадзе, которых всегда приятно видеть. Оказывается, «Апельсины» прошли в Москве за два месяца (половина мая + половина июня и сентябрь) не более не менее, как одиннадцать раз, со сбором в сорок пять тысяч рублей. Завтра Пайчадзе идёт играть в винт с Рахманиновым, с которым у него большая дружба и чем он, кажется, очень гордится. Состояние Рахманинова исчисляется уже в полтора миллиона долларов и он берёт за концерт по три тысячи долларов. Притом скуп как чёрт. Сюита из «Шута» (четыре номера) шла первый раз в Лейпциге и вообще всего второй раз в Германии. Успех, по-видимому, средний, пресса пёстрая. Иные умники находят, что всё это они уже слышали в «Петрушке». Вот тебе и на! Но объясняется это так: когда в первый раз приезжаешь в Японию, то сначала все японцы кажутся одинаковыми. Вот и добрые немцы, столкнувшись не без опоздания с новой русской музыкой, настолько впечатлены её непохожестью на остальное, что кроме этой непохожести пока ничего не видят. Отсюда все вещи в непохожести похожи.

20 октября

Вчера Пайчадзе просидели до половины первого, а в деревне мы привыкли ложиться в одиннадцать, поэтому сегодня не выспался, к тому же в «Игроке» был трудный кусок - полз медленно и тяжело. Всё же перешагнул через него.

Вечером у Самойленок. Он совсем здоров и ходит без палки, но на ноге прощупывается огромный шрам, прямо целый овраг. Ещё бы! Вырезали чуть ли не четверть бедра! Рассказывали про Сталей, которые живут богато, угощают тонкими обедами, но сами на вечной диете и лечатся у доктора, которого порекомендовал им Стравинский. Доктор особенный, живёт за городом, берёт двести франков за визит и принимает только одного пациента в день, но зато вылечил Стравинского от мучительной болезни: у него лопалась кожа между пальцами ног (Фатьма по ошибке сказала «между ногами»). Теперь Стравинский всем его рекомендует.

21 октября

Сегодня «Игрок» шёл хорошо. Астлей убрался, пришёл маркиз.

Днём заходил в издательство и слегка сражался с Пайчадзе, защищая поступившую из Москвы сумму от пятнадцатипроцентного отчисления в пользу издательства, которое якобы выходило по одному из пунктов контракта, а по-моему нет. Решено навести справку. Привёз домой вторую папку старых дневников. Очень интересно. Вечер провёл дома.

22 октября

Утро и день занимался «Игроком».

В пять часов пришёл Сувчинский, который был сегодня очень мил. Играл ему отрывки из 2-й Скрипичной сонаты Метнера, которая у меня на пюпитре, и вместе ругали её за какое-то непостижимое убожество. Затем пришёл Щербачёв, который должен был сыграть свою Симфоньетту (ту, что я не слышал, когда был у него в гостях в Петербурге), но он не захватил её, так как с утра бегал по городу. Он много рассказывал про музыкальную жизнь в Петербурге. Консерватория, по его мнению, очень поднялась, так как теперь больше требований на приёме. В этом году было сорок восемь желающих в композиторский класс, а приняли восемь. Очень трогателен его рассказ о беспризорном, который за триста вёрст пешком пришёл поступать в Консерваторию, спал во время экзаменов на Невском на скамейке, и всё-таки оказался бездарным. Когда ему отказали, он сказал: «Да, если бы у меня были другие условия для работы, я бы не то показал!» В конце концов его устроили в какой-то интернат и будущей осенью он вновь предстанет перед экзаменаторам.

Завтра Щербачёв уезжает в Россию. Я послал Асафьеву stylo и ноты, а Щербачёву подарил Квинтет.

23 октября

Много работал. Днём с Рудневым смотрели мой автомобиль, который красится. Я объяснял летние порчи, а Руднев давал свои заключения. В общем он нашёл, что автомобиль в хорошем виде. Оказывается, Руднев, Башкиров и ещё несколько человек ездили в сентябре на отдых к морю в рудневском такси и жили две недели не более не менее как в St.Palais, в полутора километрах от нас. Вот номер! И ни разу не встретились. Б.Н., когда узнает, будет рвать на себе волосы.

Двадцать первого Пташке минуло тридцать лет. Вечером с Пташкой были на концертном исполнении «Снегурочки». Пташка учит партию Снегурочки, а я очень люблю эту оперу, несмотря на многие - с драматической точки зрения - промахи. Исполнение было среднее, лучше других, разумеется, Кошиц. В антракте Пташка при людях сказала, что я ничего не понимаю в пении. Я рассердился и не разговаривал с нею остаток вечера. Это глупо, но и делать мне публично такие замечания тоже глупо.

24 октября

Работа шла хорошо и приятно. С Пташкой помирились. Под влиянием CS ссоры если и бывают, то скоротечно ликвидируются. Завтракал с Дягилевым. Я вчера звонил Нувелю. что, хотя у меня нет особых дел к Дягилеву, но, если у него есть свободное время, то я рад его повидать, в результате чего получил приглашение на сегодняшний завтрак. Это была первая встреча на «ты». Я немного смущался, но Дягилев веско поддерживал. Вообще был очень мил, хотя не преминул со смаком рассказать про новый балет, который ему пишет Стравинский. «Мелодичный и весь в до-мажоре», - т.е. то. что я уже делал всё время: в 3-м Концерте, «Стальном скоке» и пр. Рассказывалось, впрочем, чтобы подразнить меня. Он скоро отправляется в турне по Германии, Чехословакии. Австрии, Венгрии, где требовали также и «Стального скока», которого он всё же не везёт ввиду трудности таскать конструктивистскую постановку. Вот уже и балету не везёт, и мне не везёт: вечно у меня громоздкие постановки.

В Париже Луначарский. Дягилев не прочь опять с ним позавтракать, хотя и

называет его «дураком из русского богатства». Однако он не хочет брать на себя инициативу, а вот если я приглашу обоих, то с удовольствием. Но я тоже не очень насчёт инициативы, особенно когда отсюда высылают советских послов.

Вернувшись домой, читал мои дневники консерваторских времён, когда мне было восемнадцать-девятнадцать лет. Очень интересно.

25 октября

Был у Miss Crein. Сердце у меня сейчас в хорошем периоде, но всё же от него надо излечиться вовсе. Голова тоже время от времени побаливает. Miss Crein сказала: надо помнить, что единый разум, единая голова есть Бог, и эта голова болеть не может. Об этом надо помнить, а не жить собственными мозгами. А когда вы свой разум перекладываете на Божий и свою голову на Божью, то и головные боли должны естественно исчезнуть. Я обратил её внимание на то, что «блохи» на руках, жившие на них более десяти лет, вот уже шесть месяцев, как исчезли. Но главная причина, по которой я пришёл, был тот зуб, боль в котором мне удалось остановить в поезде из Сан-Франциско. Теперь в нём выпала пломба. Если пойти к дантисту, он начнёт сверлить, сунется в корень, положит дезинфекцию и всякие лекарства, и мне жалко, что тот зуб, который так ответил на CS, подвергнется медицинскому воздействию. Miss Crein сказала, что не надо этого бояться, но только работать в том направлении, чтобы никаких болезненностей и воспалений вокруг зуба не было. Тогда и сверлить и класть лекарства не придётся: дантист только выполнит механическую часть работы. Miss Crein спросила, хожу ли я в CS церковь. Я сказал, что весною ходил, а теперь нет, потому что меня приводит в отчаяние фальшивое пение плохой музыки, а хоралы, которые там поются, дают мне иллюзию немецкой церкви. Она мне всё же советовала ходить и стараться не обращать внимания на это пение. Суть не в этом. Вышел я от неё, как всегда, с большим чувством подъёма.

Работал над «Игроком». Добрался до Бабуленьки. Тут переделок мало и я быстро скольжу вперёд.

Вечером должны были обедать Захаровы, вернувшиеся из Финляндского турне, но их позвал Рахманинов. у которого Метнер - Циля же учит Сонату его - и потому им надо было приобщиться к этому иссохшему роднику. Обед отменили, причём я назвал Бориса христопродавцем, а он пригласил нас к себе на субботу.

26 октября

Утром и днём «Игрок».

Вечером с Пташкой и Самойленками были в синема, на «Ben-Hur», картине из времён Иисуса Христа и римских владычеств, - по содержанию почти сайентистский. Я не люблю ходить в кинематограф, потому что недостаточно хорошо вижу, и кроме того, у меня мелькает в глазах. Глаза мои ещё не исцелены. Сегодня я тоже чувствую порядочное утомление: когда мы уходили из кинематографа, на голове как шапка. Но многие моменты постановки (морской бой, скачки с колесницами) произвели на нас прямо чрезвычайное впечатление.

27 октября

Я думал, что после вчерашнего будет болеть голова, но голова не болела, и я много работал.

Вечером - дома. Звонил Мясин, но я послал к телефону Грогия. который говорил, что я занят. После его дерзких писем зачем я буду с ним разговаривать?

28 октября

Почти кончил второй акт.

В Пташкино отсутствие читал старый дневник. Других событий за день не было.

29 октября

Кончил второй акт. Отличная и вполне равномерная скорость: по акту в месяц. Первый в течение сентября, второй в течение октября, причём переезд из деревни в город никак не отразился, чего я боялся. Второй акт длиннее первого, но зато в нём большой кусок с Бабуленькой, который почти не подвергался переделке, а только была подкрашена оркестровка. В третьем акте предвидятся большие переделки, но только он опять короче.

Обедали у Захаровых. Начитавшись старых дневников со всеми романтическими перипетиями наших отношений, я даже с интересом шёл к нему. И он, и Циля, и Фрида были чрезвычайно милы сегодня, а Захаров тряхнул старым, очень забавно изобразив Метнера, который, проходя с Цилей свою 2-ю Сонату, нервничал, вскакивал, снимал пиджак - и вообще был уморителен, во всяком случае в захаровской передаче. Концерт из сочинений Метнера состоится на будущей неделе у органиста Dupré, в частном зале. Самое смешное, что Грогий получил туда приглашение, а я нет. (Разумеется, я бы и не пошёл пугать Метнера).

30 октября

Проверял партитуру первого акта «Игрока» (писание Грогия) и делал клавир второго.

Был в CS Church, повинуясь совету Miss Crein. Сегодня хоралы были приятные и не производили впечатления протестантской церкви: один - переделка из Мендельсона, другой - из испанской песни. Пение solo было ужасно, но я терпел и старался не сердиться. От самого чтения урока[51] я выношу больше дома, когда читаю один и вдумываюсь. Может, если бы я лучше знал английский язык, то легче бы воспринимал урок в церкви.

31 октября

Слегка тяжёлая голова, которая, впрочем, не разболелась. Но занимался мало, сделал несколько страниц клавира.

Был у Кострицкого, бывшего царского зубного врача. Он сказал, что у меня выпала пломба из корня и корень просто открыт. Закрыл временно; если через четыре дня всё будет в порядке, то закроет совсем. Отличный случай для применения CS – борьба со всякой гадостью, которая, казалось бы, может появиться в корне.

Кострицкий сказал:

- Вы очень молоды для такой популярности, которую вы имеете.

Я:

- Мне тридцать шесть.

Кострицкий:

- Что вы? Я бы не дал больше двадцати восьми. Но зубы - не лучшее, что у вас есть.

[51] Подготовка к заданной теме воскресной проповеди, которая в Christian Science называется лекцией.

1 ноября

Прежде чем приступить к переделке третьего акта, читал соответствующие места у Достоевского и так зачитался, что когда разогнул спину, исчезла утренняя свежесть, столь необходимая для сочинения. Поэтому не сочинял, а делал клавир второго акта, довольно много.

Днём читал старый дневник. Несмотря на лодырничание с консерваторками и массу занятий в дирижёрском классе, всё-таки упорно и горячо работал над 2-м Концертом! Сочинял, не отрываясь, по несколько часов. Я заметил, что иногда, когда мешают, то как раз отлично сочиняется. И другой ещё случай: когда в период разрыва с Ниной Мещерской я ничем не мог заниматься и даже ни на чём сосредоточиться, как здорово урывками сочинялся материал для «Шута»!

Сегодня работал (CS) над зубом, дабы предстал он перед Кострицким в чистом виде и чтобы, минуя лечение. Кострицкий мог просто механически запломбировать его. Легко давалось сознание, что мой зуб вполне здоров.

2 ноября

Вчера прочёл в старом дневнике, что над 2-м Концертом иной раз работал с утра до трёх часов, забыв про завтрак. Это меня задело: а теперь посочиняю два часа и довольно. Правда, за оркестровкой я сижу иной раз с перерывами целый день, но когда сочиняю, то редко более двух часов подряд. Сел за переделку третьего акта, но не клеилось. Бросил работать и вновь садился. К концу дня неожиданно выяснилось, что всё-таки сделал порядочный кусок.

Когда днём пошёл гулять, то произошло любопытное явление. От Щербачёва я знал, что где-то в нашем районе живёт А.Н.Бенуа. которого мы очень хотели видеть, но точного адреса никак не могли добиться. Идя сегодня по rue de Passy, я совершенно отчётливо подумал: сейчас я встречу А.Н. и, шутя, скажу ему: «А.Н., так как мы никак не могли добиться вашего адреса, то я нарочно хожу вокруг да около, чтобы вас встретить хоть на улице». Не успел я пройти десяти шагов, как навстречу мне показался Бенуа, что представилось мне вполне естественным. Я подошёл к нему и сказал вышеозначенную фразу. В CS сказано, что человек в дальнейшем своём развитии получает дар предвидения, равно как дар чтения мыслей. Вероятно, оно должно являться в такой форме.

Что касается самой встречи, то А.Н. был очарователен, как всегда, затащил к себе и не хотел отпускать. Кока как раз вчера уехал на своём новом автомобиле в Рим, вместе с Марусей. Путешествие возьмёт дней пять. То-то Маруся! Кока получил отличный ангажемент в Римскую Констанцию.

Вернувшись домой, нашёл у себя Miss Johnsson, молодую американскую пианистку, CS, с мамашей. Она играла мне на рояле, недурно, очень обыкновенно. Сама она тихая и скромная. Я не знал, что говорить. Ну что скажешь в таком случае!

Обедали у Самойленко. Были ещё Пайчадзе. Очень приятный вечер, но я устал за день и мало разговаривал, больше пассивно слушал. Пайчадзе сообщает, что «Шут» пойдёт в двух германских городах и, может быть, с Романовым в «Скала», но что нет нотных материалов. Милое издательство, вечно поперёк горла!

3 ноября

Возился с третьим актом. Сделал сравнительно мало, но всё же кое-что сделал. Корректировал писания Грогия. Читал старый дневник. Начал диктовать Грогию дневник поездки в СССР по сокращённым записям, сделанным во время поездки.

Пора. А то скоро этак снова в России очутишься и старые впечатления спутаются с новыми, первая же поездка, вероятно, одна из важнейших в моей жизни, и её стоит записать подробно.

Сначала было как будто неловко диктовать дневник, но быстро освоился, так как уже привык диктовать Грогию письма. А если будут попадаться более интимные места, то я буду опускать их и припишу позднее.

4 ноября

Утром не пришлось заниматься, так как было rendez-vous у Кострицкого, живущего на той стороне города. Зуб мой оказался и не чистым и не нечистым, словом, Кострицкий опять его временно закрыл и велел прийти через пять дней. Странный этот царский доктор. Как будто всё скорее хочет отвязаться от своего пациента, да к тому же и денег взять поменьше. Кто-то недавно прочёл в напечатанном дневнике Николая II: «Заходил к Кострицкому», и на другой день опять: «Был полтора часа у Кострицкого». Когда у Кострицкого затем спросили, часто ли у царя болели зубы, что он постоянно заходил к нему, Кострицкий гордо ответил: «Царь заходил не лечить зубы, а просто побеседовать».

Днём я работал и читал старый дневник. Опять много о Захарове - тем интересней было, когда он, Циля и Фрида пришли обедать. Было чрезвычайно мило, но Борюся сер. Расцвёл лишь, когда заговорили про рулетку, но ведь это мало после всего того, что он обещал в юности! Ещё расцвёл, когда Пташка после обеда пела Римского-Корсакова. Пташка пела им в первый раз и, видимо, понравилась им. Особенное удивление вызвали мои романсы: никак не могли понять, как это такую сложность можно петь с такою свободой. Послезавтра Борис и Циля уезжают в Голландию.

5 ноября

Утром «Игрок»; днём приезжал автомобиль с Гартманом, раньше русским лётчиком, теперь автомобильным механиком. Чинили-чинили, проверяли, красили, а заводить машину - сущая мука. Надо проверить ещё магнето. Правил я по Парижу с удовольствием, хотя и не в центре.

Наконец открытка от Асафьева. Боясь политических преследований за сношения с заграницей, он молчал с июля.

6 ноября

Собрались было с Самойленками в автомобиле за город, благо автомобиль после лета подчинили и промазали, но как раз сухая и солнечная погода испортилась, и поездку отменили. И кстати, так как у меня заболела голова, которая и не выпускала меня целый день.

Я побывал в CS Church и целый день работал над головой. Пришло много хороших мыслей. Как важно ясно представлять себе любовь Бога к своему творению, человеку. Ясное представление этого как солнечный луч освещает и согревает душу человеческую, и как начинает развиваться человек под этими лучами! Были ещё мысли о 3-й симфонии (CS). Даже одна тема родилась, но ещё не знаю, настоящая ли это тема.

Вечером совершил большую прогулку километров в десять и пришёл к Пайчадзе, у которых была уже Пташка и Фатьма Ханум. Последняя отмечает, что я сделался непомерно солидным и дразнит меня «генералом». Чтобы встряхнуть меня, предлагает пойти пешком в Версаль за 20 км. Я с удовольствием.

7 ноября

Сегодня работалось хорошо, а то я что-то завяз с переделкой третьего акта. Пора и за партитуру садиться.

Днём поехал в автомобиле к электромеханику, чтобы исправить магнето, а то привести его в движение прямо нет сил. Сегодня механик до того заводил его, что ручка сорвалась и ударила его в зубы. Я был смущён. Через Париж я ехал благополучно и чувствовал себя свободно. Прогресс. Магнето исправлено, но пришлось возиться всё послеполудня.

8 ноября

Просмотрел всю Бабуленьку третьего акта, кое-что изменил, многое оставил без изменений. Будет нежно и трогательно. Вообще - Бабуленька, вероятно, наиболее удавшийся персонаж из всех трёх моих опер.

В газетах заметка о том, что «Апельсины» удачно прошли в Сербии (это там, где автору платят две копейки). Мне же пока никто не прислал ни программы, ни фотографий, ни рецензий.

Днём опять проездил в автомобиле из одного учреждения в другое, регулируя электрическую часть и заводку. Говорят, теперь будет заводиться легко.

Вечером дома - читал CS, писал дневник и делал клавир.

9 ноября

Очень хорошо работалось над Генералом (заключительная сцена третьего акта). Даже занял Пташкино время. Обыкновенно я занимаюсь до двенадцати, а с двенадцати до часу пускаю её петь. Но кончить сцену не удалось. Днём не сочинял, а клавираусцужил. Ездили с Пташкой в Ballot через весь город к Кострицкому. Я довольно свободно правил средь трудной парижской сутолки.

10 ноября

Работал над Генералом: удачно, хотя и менее плодотворно, чем вчера, и опять не кончил. Днём был в издательстве. Опять разговоры о том, как же быть: «Шута» спрашивают в целом ряде германских городов, а материала нет. Страшно мило. Рукописи «Трёх апельсинов» и «Шута» (партитуры) уже год лежат на шкапу и на палец обросли пылью. Очень неинтеллигентно со стороны Пайчадзе.

Вечером был на лекции CS, но лекторша говорила медленно и недостаточно ярко.

11 ноября

Кончил Генерала, но у меня ещё осталась средняя сцена, где Алексей один. Работал над нею, но не кончил. Устал.

Днём по хорошей погоде выезжали в автомобиле с Пайчадзе и Фридой за город и пили чай в St.Cyr. Приятно проветрились. Во время поездки Фрида «под большим секретом» рассказывала Пташке о том, какой невозможньй характер сделался у Бориса Захарова. Что он иногда целыми днями сердится и тогда с утра до вечера лежит в постели и только курит. Цилю это очень изводит, и тогда она ревёт, потому что («такая дура») воображает, что без него она ни на шаг. Вот не ожидал от Борюси; я думал, что он наоборот - отличный семьянин. Хотя возможно. Его характерец я знал ещё со времён, о которых читаю в дневнике, а так как он в

конце концов неудачник, то нельзя ожидать от него улучшения характера.

Вечером играл в бридж с Пайчадзами. Я уже Бог знает как давно не касался этой игры, и теперь предпочёл её вспомнить в обществе игроков похуже, дабы не слишком позориться.

12 ноября

Утром доделывал Алексея, а в двенадцать встретились с Фатьмой Ханум под Эйфелевой башней и вдвоём с нею отправились пешком в Версаль, как это было проектировано неделю назад. Погода была чудесная и настроение весёлое. Фатьма Ханум - очень бодрая попутчица, и мы сделали весь переход лихо, закусив по дороге где-то в ресторанчике в Sèvres.

«У вас никаких явлений?» - справилась Фатьма Ханум, уже приближаясь к Версалю. «У меня начинает болеть правая щека на левой ступне».

В три часа мы были уже на Версальском вокзале, сделав семнадцать километров в два часа сорок минут (двадцать минут ушло на завтрак). В 3.10 был поезд, а в 3.35 мы были уже обратно в Париже, очень довольные походом. Пташка, впрочем, осталась недовольна, чем меня очень удивила.

По возвращении я чувствовал себя настолько бодро, что прихлопнул переделку третьего акта и завтра сажусь за оркестровку. Делал клавир и читал старый дневник. Исчезнувшие было блохи вдруг вновь зачесались, правда, пока не очень сильно. Не потому ли, что в старом дневнике я подхожу к тем временам, когда они у меня зарождались? С общежитейской точки зрения это парадокс, а с точки зрения CS в этом много причин.

13 ноября

Был с Пташкой в CS Church.

Принялся за оркестровку третьего акта. Оба предыдущих акта начинал оркестровать девятого числа. С третьим опаздываю на четыре дня. Надо гнать. Сначала, впрочем, шло не очень, но так как я просидел почти целый день и было несколько кусков из третьего акта, то сделал около девятнадцати страниц партитуры. Хороший бросок.

Заходил Шуберт, муж Кошиц, к которому мы относимся с симпатией.

14 ноября

Оркестровал третий акт. Днём был у Кострицкого, который запломбировал зуб. Кусевицкий дал в Бостоне концерт в пользу недостаточных русских студентов в Париже и собрал для них двести тысяч франков. Вот молодец! Читал старый дневник про конкурсный экзамен в Консерваторию. Меня этот день до сих пор волнует. Вечером ещё оркестровал. От Пташки замечание, что я всё время то работаю, то занят другими вещами - и совсем не обращаю на неё внимания. Я думал, что она просто сердится за мою прогулку с Фатьмой. Глупо с её стороны.

15 ноября

Много работал. Сначала оркестровалось средне, потом пошло хорошо. Третий акт короче второго, но в нём тьма нового, а потому оркестровка пойдёт медленней.

Ездил в Ballot покупать ему набрюшник от морозов, также жидкость, которая примешивается к воде в радиаторе, и тогда вода не замерзает вплоть до -18°C.

Диктовал Грогию московский дневник.

19 ноября

Этот день и три предыдущих - главным образом оркестровка третьего акта, которой занимаюсь с большим удовольствием, иногда с увлечением. Других событий кажется не было.

Получили, наконец, окончательную телеграмму о нашем с Пташкой выступлении для Радио в Лондоне. Разумеется. Пташка уже начала нервничать. Я сержусь, что за две недели до концерта в доме уже настроение заряжено электричеством. Впрочем, были на концертном исполнении «Князя Игоря». Певцы, хор, оркестр и дирижёр были плохи; один баритон, Андронов-Эльский хорош.

В первый раз видели новую Salle Pleyel (на открытие меня почему-то не пригласили). Ничего, большой и спокойный, Парижу давно было пора иметь такой зал. Мы сидели сбоку и оркестр не сливался, но всё же я думаю, что оркестрован «Игорь» средне. Немало промахов.

20 ноября

Оркестровал, затем CS Church, затем оркестровал и диктовал Грогию московский дневник.

Вечером пошли на открытие нового шахматного кружка имени Зноско-Боровского, с сеансом Бернштейна. Шёл я с удовольствием. Как полагается русским, начали сеанс с опозданием на сорок минут. Ввиду того, что игроков было больше, чем досок, за каждую было посажено по два с предложением играть по консультации. Я тогда пригласил жену Зноско-Боровского, которая еле двигает шахматами, и таким образом мог играть самостоятельно. Впрочем, я дурил с нею, со Зноско-Боровским, с Бернштейном (поставил лишнюю пешку) и в результате партия вышла малосерьёзной. А вскоре разменял коня за три пешки, но удержать их не смог, и после полуторачасовой игры Бернштейн выиграл, сделав пару красивых ходов. Я вскоре ушёл, причём остальные партии, кроме одной, тоже стояли у него на выигрыше.

21 ноября

Оркестровал. Движусь быстро, и, хотя я начал оркестровку третьего акта с опозданием на четыре дня, кажется, кончил её раньше положенного себе срока.

Днём, чтобы передохнуть, решил прокатиться, взял Шуберта, кстати и Марину, которая для того, чтобы поехать, кажется, пропустила школу. Она, несмотря на свои пятнадцать лет, совсем взрослая барышня и перехватила многое от Кошиц, хотя Кошиц была, вероятно, красивее её. Прокатились, пили чай в Эрмитаже в Медонском лесу, а в 5.30 я снова продолжил оркестровку.

Фатьма спросила, как же произошёл вчерашний позор, когда я сдался Бернштейну. Я объяснил, что когда он поставил меня в невозможное положение, я перевернул короля и по стенке вышел из зала, а в это время Зноско-Боровский объявил: «Сдалась доска №9». Фатьма смеялась и, когда кто-нибудь проигрывал в бридж, говорила: «Сдалась доска №9».

24 ноября

Сегодня заблистал конец третьего акта, ибо кончил оркестровать Бабуленьку и появился Генерал со своими заключительными безумствами. Я очень доволен новой редакцией третьего акта. Раньше в нём было мало музыкального материала и вообще один эффект без музыки, а теперь этот акт очень поднялся. В старом

дневнике читал тот период, когда в 1916 году я сочинял третий акт «Игрока».

Дома говорил по телефону со Стравинским, который сегодня приехал из Ниццы. Я расспрашивал, что за такие новые биографически-объяснительные ролики, которые мне предлагают сделать Duo Art и подобные которым Стравинский недавно делал. Стравинский был мил и очень подробно объяснял. Выходит совсем интересного рода работа.

25 ноября

Оркестровал последнюю сцену третьего акта. Днём заходил в издательство взять денег. Там в подвале уже года три стоит мой чёрный, слоновой кожи, чемодан с дневниками, письмами и пр. Сегодня я достал несколько тетрадок российского периода, которые в 1917 году попали в Кисловодск и оттуда благополучно приехали с мамой через Константинополь в Париж. Я за эти три года совсем забыл, какие это были тетрадки, но теперь с удовольствием заметил, что это как раз те, которых недоставало среди привезённых мною теперь из Москвы. Таким образом, из моих дневников ничего не погибло. Погибли только письма начала 1917 года, может быть 1916 год, письма к отцу, которые я писал в возрасте пятнадцати-семнадцати лет, и шахматные партии.

Раньше Апокалипсис мне представлялся нелепым нагромождением непонятных фигур. Теперь они становятся всё образнее и интереснее. Планы написать большую вещь на Апокалипсис. Но раньше - мажорную симфонию.

26 ноября

Оркестровал и пришёл почти к самому концу третьего акта. Днём ходил в Salon d Automne[52], где душили голые тела. Недурны скульптуры Адриенны Жанакопулос. А когда три года назад она лепила мою голову, то выходило средне.

Вечером очень устал.

27 ноября

Утром CS Church, затем ездили с Пташкиной подругой Franciz смотреть её виллу, которую она устроила в сорока километрах от Парижа. Приятная поездка, сама же вилла слишком мала для своей цены. Если мы соберёмся что-либо покупать, то можно только лишь по случаю - тогда можно получить лучше.

Обедать пошли в Salon d'Automne, где теперь и кулинарная выставка. Накормили нас феноменальным обедом. До третьего блюда уплетали за обе щёки, а потом еле плелись. Благодаря всем сегодняшним выездам не удалось кончить третий акт, как я рассчитывал.

28 ноября

Ура, кончил третий акт. на день раньше второго и на два раньше первого.

Днём ходил по паспортным делам ввиду предстоящей поездки в Лондон. От Захарова открытка из Осло с приветствиями по поводу очень успешного исполнения сюиты из «Апельсинов» в присутствии короля. Подписал контракты на два концерта в Лондоне (BBC) и один во Фрейбурге, а также в Париже у Princesse Polignac. В эту зиму я бегу от концертных ангажементов, тогда они приходят сами с повышенными окладами.

[52] Осенний салон, ежегодная художественная выставка.

Конюс:
- Лучшие вещи Рахманинов написал, когда гипнотизировал его Даль.
Я:
- Значит, чёртова музыка, потому что от дьявола.
Конюс:
- Ну, не известно, Даль – это чёрная или белая магия.
Я:
- Раз гипноз, то только чёрная.

30 ноября

Когда утром я вышел сдать письма на почту, то из-за угла на меня выплыл Борис Николаевич Башкиров. Я удивился, а он удивился моему удивлению. Оказывается, он передал консьержке письмо, что ждёт меня на набережной - если он окончательно для меня не умер, то чтобы я вышел. Консьержка письма мне передать не успела, я же между тем вышел сам по себе. Башкиров потерял один из передних зубов, был плохо выбрит и выглядел жалко. У меня в памяти был незаконно полученный чек и деньги, которые он старался вымотать у Лины Ивановны в моё отсутствие и по секрету от меня. Как мне было держать себя? Я никак и не держал. Он начал, конечно, о трудном положении, о негодяе Владимире, не посылающем денег, о том, что ему грозит высылка из Франции, и в заключение, махая правой рукой, объяснял, что она у него привязана и что ему надо бы ехать в тепло. Я сказал: «Если вас будут высылать, то нельзя ли, чтобы в Алжир?» Несмотря на его жалкий вид, как-то невозможно было его принимать всерьёз, да и безнадёжное это было занятие. Вероятно, наши фигуры в этот момент напоминали картину, изображающую Пилата и Христа, причём я, круглый, довольно хорошо одетый, был похож, разумеется, на Пилата. Б.Н. проводил меня на почту и обратно. Подходя к подъезду, я ждал, что он попросит у меня денег, и потому начал ему рассказывать что-то постороннее, дабы отстранить момент. Но он промолчал и только сказал: «Когда вам вручат моё письмо, разорвите, не читая».

Днём хотелось делать клавираусцуг, но была тяжёлая голова, и я ходил по набережной, выветривая её. Обедали у Самойленок, у которых кушал также монсиньор Евреинов, русский, обратившийся в католичество и пытающийся насаждать католичество среди русских. Я всячески старался отказаться от обеда с ним и даже кричал в телефон: «Плюю я в кофе монсиньора!». - цитируя Достоевского, но Самойленки страшно разобиделись и Б.Н.Самойленко даже перешёл с «Сергуси» на Сергея Сергеевича, - пришлось согласиться. Монсиньор, впрочем, как и следовало ожидать, оказался очень светским господином, с приятным петербургским разговором и с большими пряжками на туфлях, которыми он поигрывал. Зашёл разговор о Тамаре Ханум. Фатьма Ханум сказала, что она сегодня обедает с друзьями в «Самарканде». Пташка взглянула на меня и засмеялась.

2 декабря

Сегодняшний день и вчерашний ушли на сборы в Англию. Я занимался на рояле, менял деньги, забирал ноты в издательстве, покупал билеты. Хотя брать обратный билет выгодней, решили взять только туда, так как есть проект обратно лететь. Miss Crein, зашедшая к нам, сказала: «Обязательно летите, это замечательное ощущение, когда вы отделяетесь от земли и парите над нею: тогда вы видите, какие все маленькие люди, ползущие по ней, и какие маленькие их земные интересы».

Пташка эти дни недурно пела, голос её заметно усилился и умения прибавилось,

но душат английские слова со сдавленными гласными и трещащими согласными. Пайчадзе советует остановиться в Лондоне в Albemarle Court, где стояли Стравинский и Дягилев: Стравинский там жил несколько недель и очень хвалил.

За эти дни я всё же успел порядочно подвинуть клавираусцуг второго акта.

3 декабря

Утром собрались и в одиннадцать отправились на вокзал. Поезд в двенадцать, «Flèche d'or»[33], очень шикарный train de luxe, из новых пульмановских вагонов, в которых тут же сервировали вкусный, хотя и дорогой завтрак. Через канал[54] ехали по тихой глади, но было холодно и мёрзли ноги, пока один матрос не дал нам свой макинтош, на чём и подработал. На этом же пароходе ехал испанский композитор Нин, шикарный, без шляпы, в светлом пальто. Я слышал кое-что из его вещей, но мне показалось, что это плохой Фалья. Он нам не кланялся: Пташка утверждает, что я когда-то его проснобировал и это потому, но я того не помню. Словом, выходило глупо, но при проверке паспортов мы очутились нос к носу. Пташка кивнула ему головой и мы разговорились очень мило. Он тоже ехал играть на Radio (BBC). Затем его выкрикнули: «Mr. Nin»[55] и мы расстались. Затем опять пульман, пили чай, я дремал, так как в окне уже темно.

В Лондоне поехали в Albemarle Court и попали как раз в тот номер, который занимал раньше Стравинский. Но рояля нет, хотя я писал в BBC, чтобы прислали. Жаль: Пташке надо распеваться, а то она хрипит. От её настроения зависит, как вообще будет окрашено пребывание в Лондоне.

Гуляли по Лондону с удовольствием.

4 декабря[56]

Дикий туман. Электричество целый день. Дважды ездил в BBC. С фортепиано путают ужасно. Стейнвей — меня там не знают и в фортепиано отказали. Злимся, хотя работаем CS, чтобы не злиться. Обещают прислать завтра.

Я корректировал «Игрока», второй акт.

Пташка хрипит, если так, то завтра нельзя; настроение поэтому тяжёлое.

5 декабря

Настроение среднее из-за Пташкиной хрипоты. Рояль не привезли, путают, я наконец ору в телефон, что не могу же упражняться на столе. В Duo Art принимает помощник, перегружены, играют Debussy, я говорю, что, вероятно, самому Debussy было бы занятно прослушать. Перегружены. Я намекаю на оркестровку «Увертюры». Принимается с интересом. Решено после поездки Reed'a в Америку.

Звонит Дукельский: оперетка, дела поправляются, очень хочет сыграть «Душеньку» и Симфонию. Сегодня постарается придти, но не раньше десяти, занят делами. Рояль привозят около шести. Пташка поёт, но хрипит, я повторяю 2-ю Сонату. Пташка как будто лучше, но всё равно нет надежды достигнуть хорошего: в лучшем случае посредственно, в худшем провал. Я советую не рисковать. Пташка соглашается. Но всё же, пока я одеваюсь, уныло повторяет «Я помню, мы вдвоём» в какой-то надежде. Однако в этот раз очень большое влияние CS на нас обоих, и

[53] «Золотая стрела» (фр).

[54] Т.е. пролив Ла-Манш.

[55] Т.е. «карлик» (созвучно «nain»). (Примечание автора).

[56] С 4 по 9 декабря - краткие черновые записи.

Пташкина attitude[57] гораздо лучше. В BBC Clark жалеет, но умеренно, я предлагаю 2-ю Сонату, он предпочитает несколько «Мимолётностей», вообще же программа длинная и он не прочь сократить. Я очень мало сижу в соседней комнате, затем выхожу играть. В большой студии с мягкими стенами человек тридцать приглашённых, но они далеко. Я ни на кого не смотрю и сажусь играть - деловито. Играю неизвестно почему хорошо, с толком и выражением, не гоню. Полезно дома иметь тугой рояль. 3-я Соната после короткого перерыва. Затем играет венгерский квартет, а я ухожу репетировать «Мимолётности». В заключение четыре «Мимолётности» и «Скерцо». По окончании, когда контакт закрыли, мне аплодируют, вежливо, но мало. Кальвокоресси. Передаёт адрес и привет Саше Черепнину. Предлагает придти в зал к жене. Тут же вертится Clark, но ни с кем не знакомит, хотя многие с любопытством меня рассматривают. Я прощаюсь и ухожу.

Дома Пташка ждёт меня с нетерпением. Она расстроена, но благодаря CS держит себя молодцом.

6 декабря

Корректировал.

Дукельский повёл нас завтракать. Разговаривал как англичанин, забыл по-русски. Но опечалился, когда я сообщил о том, что Дягилев против него, хотя старается не показывать виду. Вернулись к нам. «Душенька». Отличная тема, которая знакома, остальное частью под «Слыхали-ль вы», частью нельзя понять, так как колотил, хотя оркестр надо piano, иначе не слышен голос. Симфония очень интересная, хотя andante - опять старый знакомый. В голове - партия из пятого «Сарказма», побочная из «Весны». Если хорошо оркестровать, то будет хорошо. Советую начать немедленно. В феврале собирается приехать в Париж - мои указания. Статья о Глинке и чтобы я подписал. Я пока делаю указания, как изменить.

7 декабря

Седьмого и восьмого прошли главным образом в покупках. Дукельский водил, показывал, где покупать мужские вещи, чтобы и дёшево и шикарно. Дукельский читает статью по заказу Сувчинского о Дягилеве. Многое метко. О мощах, к которым прикладывается Дягилев. На ревю, где номер Дукельского - скучно. Мы с Пташкой оплакиваем Дукельского, который находится в этой атмосфере.

Среди беготни я всё же работаю: корректура второго акта. Восьмого первая репетиция с Ансермэ, он читает почти с листа, так как я только в антракте, перед читкой, показал ему некоторые темпы и подводные камни. Для таких обстоятельств прочли неплохо. Никак не мог добиться денег, нужных для покупок, хотя я предупредил об этом Clark'а. Вычет двадцати пяти гиней. Я удивляюсь. Идём к начальству, тот ссылается на другое начальство, высшее. Но сейчас же соглашается поговорить и надеется устроить. Clark пользуется случаем и просит прибавить «Вальсы» Шуберта. Нечего делать, соглашаюсь.

9 декабря

К двенадцати пришёл на репетицию. Ансермэ старался и хорошо схватывал идеи, но времени мало, прошли лишь грубо.

Был Дукельский, который сделал несколько дельных замечаний, например, что третья часть лишняя, но соглашался, что, с другой стороны, её жаль выкинуть. Я

[57] Отношение (англ).

его ругал за вчера, называя театральным подонком, а тут ему как раз предлагают новую оперетту и двести фунтов аванса. Днём повторял Концерт, который хотя идёт, но без достаточной отделки, и «Вальсы» Шуберта.

Взял билеты на Imperial Airline. Пташке уже давно хотелось лететь. В Париже, перед поездкой, мы решили, что, может быть, полетим. Теперь, когда мы решили привести наш план в исполнение, многие говорили: «Ну что-ж, летите, но я бы не полетел». Я сначала чувствовал лёгкое волнение, но быстро совладал с ним при помощи CS, и сегодня с уверенностью и интересом брал билеты. Как раз подошёл автокар с пассажирами, прибывшими из Парижа. Одна толстая пожилая дама, похожая больше на русскую уральскую помещицу, бодро вышла из автокара; другую даму, видимо, укачало, её вывели под руки и сейчас же усадили на стул.

11 декабря

Делал клавираусцуг второго акта. Пошёл в CS Church.

Днём был у нас Шуберт, завозил билеты на сегодняшний юбилейный концерт Кошиц, пятнадцать лет концертной деятельности; вся программа из романсов, ей посвящённых, причём аккомпанируют авторы. Ко мне Шуберт всячески подъезжал с тем же, но я уклонился от этой выставки обезьян. Послали ей корзину цветов, а вечером заехали за нами Сувчинские и мы вместе отправились на концерт. Ей посвящено довольно много недурных романсов, в том числе пять моих, семь рахманиновских, много черепнинских, но моих она пела один, рахманиновских два, а остальные были какой-то невероятной мерзостью, с каждым романсом всё хуже и пошлей. До того, что даже романс Лабунского показался среди них недурным. Были, конечно, делегации, приветствия, цветы и прочувствованный ответ Кошиц. Во втором отделении в нашей ложе появилась Зоя Лодий, недавно приехавшая из России и рассказывавшая о необычайном успехе «Гадкого утёнка», с которым она объехала всю провинцию от Астрахани до Одессы. В последнем отделении романсы стали особенно пошлы, но и они, и их полупочтенные авторы подносились Кошиц с такой помпой, что Зоя Лодий прямо страдала. Сувчинский прошептал: «Неужели вы после этого поедете к ней?!», (Кошиц приглашала нас ужинать). Мне сначала казалось забавным посмотреть на пьяную толкотню у Кошиц после юбилея, но «Эстрелита» и какие-то безумные мексиканские романсы, вызвавшие гром аплодисментов в зале, довели меня до белого каления и я, закричав находившейся тут же сестре Кошиц - «Ноги моей не будет у этой пошлячки!», - вылетел из ложи. Пташка возмущалась моим поведением, Сувчинский был одного со мной мнения. Словом, вместо Кошиц, мы поехали в кафе и там постарались отряхнуть мерзкое впечатление от этого юбилея.

12 декабря

Утром какой-то осадок от вчерашнего юбилея: и от падения Кошиц, и от того, что сам горячился и дерзил. Но хуже всего, что я сейчас готов опять повторить всё, сказанное вчера.

Днём кончил клавир второго акта. Заходил к Princesse de Polignac по поводу моего выступления у неё шестнадцатого декабря. Она очень обрадовалась, когда я предложил, чтобы одним из номеров были «Вальсы» Шуберта на двух роялях с её участием. Старуха Зингер очень недурно жарит на рояле. Вечером у неё гости: Самойленки, Пайчадзы, Зоя Лодий, Сувчинские и профессор Карсавин, последний в первый раз. В.А. остриглась и выглядит совсем девчонкой. Она сегодня успела побывать у Кошиц (я накинулся: «Как, и Пётр Петрович вас пустил?»), которой, разумеется, сестра передала о моём поведении, но которую оно, однако, не удивило,

так как это уже не первый раз, что я налетаю на неё за пошлость (впрочем, в первый раз так резко). В этот вечер у нас было очень мило, но Пётр Петрович разбил хрустальную вазочку.

13 декабря

Начал переделывать четвёртый акт. Но как-то Лондон отвлёк меня, или же я устал от трёх актов - словом, работал без энергии. Кое-что тем не менее сделал.

Сегодня три года со дня кончины мамы.

В русских газетах характеристика трёх жизней трёх крупных людей: Сологуба, недавно умершего, Пруста и Некрасова. Великие люди - а какая душевная непроглядность и темень! - страх перед жизнью у Сологуба, «потерянное время» у Пруста, неверие и ревность без любви у Некрасова... Какой луч CS, и в какие тёмные трущобы забирается человеческий дух, оказавшийся вне этого луча!

14 декабря

Работал над четвёртым актом. Приходил Никита Магалов, играл своё новое сочинение - «Allegro», которое идёт в темпе Moderato. Но он здорово развился со времени своего предыдущего визита весною. Тогда бледные шопенизмы и скрябинизмы первого периода, теперь - намёки на самостоятельность, правда, ещё не очень оригинальную, и исчезновение слащавости прошлого визита. Если через полгода он сделает ещё такой же прыжок, то музыка его сможет начать быть интересной. Я его обнадёжил и советовал не играть на рояле по пять часов в день (из пяти- и восьмичасников никогда толку не выходит), а побольше налечь на сочинение. Пианистов миллион, а композиторов много меньше.

15 декабря

Продолжал четвёртый акт. Днём с Пташкой и Святославом поехали на мамину могилу. Когда мы подъезжали к Bellevue, слева из ворот выехал другой автомобиль и, хотя по правилам он должен был смотреть вправо и пропускать нас, он чуть в нас не въехал, так как вправо не смотрел. Остановился он почти вовремя и мы только сорвали ему паршок[58], а себе чуть погнули заднее крыло. В результате полицейский, составление акта и час потерянного времени. Впрочем, и мой, и его автомобиль застрахованы: страдают только страховые общества, и то ненамного. Мамина могила заросла травой; поручили кладбищенской садовнице её очистить.

Miss Crein сообщает, что один сайентист, уезжающий в Америку, продаёт Hispano-Suiz'у за тридцать или тридцать пять тысяч. Я взволнован, так как если я на что-нибудь сменил бы мой Ballot, так именно на Hispano. Звонил по телефону и завтра американец привезёт её нам показывать.

Вечером перекладывал третий акт.

Звонил Захаров. Они только что из Голландии и через день уезжают в Америку. Звали к себе завтра. Грогий играл свою новую сонату. Среди уймы фальшивых ковыряний иной раз проскакивает настоящая недурная тема, правда не без моего влияния, но ведь композиторы любят, когда их обкрадывают!

16 декабря

Кончил первую картину. Завтракал с англичанином Trefusis, которого встретил

[58] Бампер, от pare-chocs (фр).

вчера у Полиньяк, репетируя «Вальсы» Шуберта. Он мил, говорит по-русски, недавно ездил в Москву, видел «Апельсины» в Большом театре.

Затем репетировал «Вальсы» у принцессы с пианистом Феврие, который отлично читает ноты, а затем, вернувшись домой, с волнением ждал приезда Hispano-Suiz'ы, стоя у окна, прямо как любовницу. Она вскоре подъехала, большая и зелёная, но вскоре нас разочаровала, так как каросри[59] была неудобная и некрасивая. Ездили пробовать её в Булонский лес. Машина тянет отлично. Решили подумать.

Пошли к Захаровым. У них мило, расцеловались, я с Цилей, а он с Пташкой. Вечером я играл у Princesse de Polignac, где, впрочем, сегодня меньше народу, среди других Ротшильд. Палеолог (с которым вспоминали Петербург и французское посольство), брат принцессы Зингер, фабрикант швейных машин. Племянница её сегодня накупила в издательстве моих сочинений на четыреста франков, Пайчадзе потирает руки. Я играл недурно: 2-ю Сонату, мелочи и «Вальсы» с Février. Последние имели больше всего успеха.

17 декабря

День ушёл на Hispano. Вызвали Руднева, я ездил в магазин Hispano для сравнения, затем приезжал владелец и мы все ездили смотреть машину. Руднев сразу нашёл, что мотор старый и не имеет никакой рыночной цены, т.е. послужить он ещё может, но продать его после этого уже не удастся. А так как каросри действительно дрянь, особенно по сравнению с нашим элегантным Ballot, то мы решили махнуть рукой. Тем закончился краткий роман со Suiz'ой. Но сегодня я не сочинял. Получил милое письмо от Стравинского.

18 декабря

Был в CS Church.

Обдумывал антракт, но как-то не клеилось, поэтому повторял 3-й Концерт к январскому выступлению во Фрейбурге. В пять часов отправились к Mme Dubost, у которой сегодня приём в честь Шёнберга, который теперь в Париже. Первый его концерт я пропустил из-за Лондона, а на второй поленился пойти. Меня сегодня с ним познакомили: он обычный, небольшого роста, очень лысый. Мы с ним обмолвились несколькими словами по-немецки, причём оба не знали, о чём говорить. Я сказал, что никогда не бывал в Вене, а он ответил, что да, Вена не на большой дороге. После этого к нему подлетел граф Сан-Мартино, а я отошёл к другим. Немецкий пианист Штейерман играл фортепианные переложения его камерной симфонии, но мне не понравилось: не за что уцепиться, а длинно до одурения. Переложение вальсов Иоганна Штрауса, сделанное Шёнбергом для квартета, флейты, кларнета н фортепиано, которое он сам довольно смешно продирижировал, показалось мне сначала глупым, я даже стал искать глазами вокруг - перед кем бы выругаться, чтобы душу отвести, но потом мелькнули занятные комбинации. И всё же из весёлых вальсов знаменитого салонщика Шёнберг умудрился сделать скучную тягучку. Потолкавшись ещё немного среди несметной толпы, несколько раз едва не столкнувшись с Жанакопулос, очень красивой, но не собравшей публики на вчерашнем концерте; получив приятное известие от двух молодых дирижёров (успех сюиты из «Апельсинов» в Шотландии - Гольшман, и предстоящее гала Дягилева со «Стальным скоком», через десять дней, в Grand Opéra - Дезормьер), мы отправились домой.

[59] Кузов, от carosserie (фр).

20 декабря

Несмотря на довольно сильный мороз решили поехать в имение к Trefusis'ам, которые нас звали сегодня. Ballot еле завёлся по такому холоду, но потом вёз нас отлично и к завтраку мы были у них в St.Loup-de-Nand, в семидесяти километрах от нас. Они живут в замечательном маленьком замке, недавно ими купленном и который они изнутри отделали с современным комфортом, хотя и уставив старинной мебелью. Пробыли мы у них недолго и, забрав хозяина, к обеду вернулись в Париж. Пташка ещё поспела на Зою Лодий, которая пела сегодня в полузакрытом концерте, но была разочарована её голоском, хотя и отдавала дань интерпретации.

21 декабря

Кончил антракт, но не знаю, сколь он хорош. Вообще четвёртый акт идёт с меньшей горячностью, чем предыдущие. Но надо дотянуть до конца, иначе эта работа отложится до бесконечности.

От Цейтлина письмо с повышением гонорара и страшным переполохом по поводу моего отказа концертировать в этом сезоне. Настолько, что я даже заколебался; но лучше выдержать характер и не играть — больше ценить будут, да и невозможно мне и в этот приезд превращаться в шарманку.

22 декабря

Обдумывал рулетку и сочинял отдельные кусочки и восклицания в замену менее удачным старым.

23 декабря

Рулетка сочинялась и переделывалась сначала удачно, потом неудачно, потом ещё хотелось работать, но не выходило. Устал и даже среднее настроение, что очень стыдно для сайентиста. Но вечером очень ласковое письмо от Натальи Константиновны, а в нём приятное сообщение о том, что меня берётся менеджировать в будущем сезоне Brennan, менеджер Boston Symphony; это означает, что в будущем сезоне у меня будет хорошее турне по Соединённым Штатам. Значит, прощай, мой снотворный, хотя и симпатичный, Haensel!

24 декабря

Удачно работалось над рулеткой и утром, и днём. Послал Персимфансу телеграмму с отказом от зала - т.е. с окончательным отказом от концертов. Предварительно колебался: не рано ли мне столь форсисто отказываться от хороших ангажементов (пятьсот долларов плюс то? что очистится свыше - таких условий в моей жизни ещё не случалось), но при мысли, что в случае моего согласия в мою мирную композиторскую жизнь должно ворваться приготовление к этим концертам (и очень серьёзное), мне вновь захотелось махнуть рукой на все эти доллары, тем более, что при подсчёте моих ресурсов вышло, что я гарантирован деньгами больше, чем на год: не буду же я ломать копья ради накопления богатств !

25 декабря

На земле мир, в человеках благоволение. Поэтому сегодня ночью компания в квартире над нами играла, топтала и выла до пяти часов утра и не давала нам спать.

Освежился, отправившись утром в CS Church, где у меня уже много знакомых: Wack'и, Miss Crein, продавец Suiz'ы, который, впрочем, сдержан, Mrs Getty, которую я не узнал, сама очень мило подошла ко мне. Сегодня я очень хорошо воспринимал службу и не раздражался от её музыкальной стороны.

Днём привели Святослава в гостиную, где стояла убранная нами вчера ёлка. Он был потрясён и ею, и подарками. Сочинять сегодня не вышло, поэтому порядочно сделал в клавире третьего акта.

26 декабря[60]

Занимался: днём на репетиции Дягилева в Opéra (два спектакля). «Стальной скок». Поехали в Ballot, я, Пташка, Грогий и Пайчадзе, который просил захватить его на репетицию, так как Дягилев должен издательству. «Стальной скок» уже учили на прошлой, а потому сегодня проиграли наскоро, с пропусками, через пень-колоду, в двадцать минут. Я возмущён, тем более, что над простенькой «Chatte» своего композитора Дезормьер возился долго. Дягилев доволен (но не больше), мил и рассеян. Кажется, неуспех в Германии и финансовые затруднения. Я ещё сбиваюсь - «ты»-«вы». Отводит в сторону насчёт Мясина (три автора и адвокат). Я элегантно соглашаюсь.

Одновременно с оркестровой репетицией - репетиция под фортепиано у чёрта наверху. Лезем с Дягилевым, который ругает Grand Opéra (для сохранения стиля Наполеона III не ставят лифтов). Ужасные французы, которые привыкли играть только de la belle musique[61] («Самсон и Далила»). Я играю. Новая редакция - ничего нельзя понять. Данилова с Лифарём учат под ту же музыку «Жар-птицу». По окончании репетиции Мясин меня абордирует. Пайчадзе и Пташка выручают, хотя не очень страшно. Уходим под впечатлением какого-то упадка в дягилевском балете.

27 декабря

Утром немного занимался, затем беру Ballot и еду на репетицию на сцене, но половину репетиции мне приходится играть, так как французы ковыряли. Мясин переставил, но не Бог весть как. Хороши Вербовщики. Мясин - опять разговоры о деталях соглашения. Я соглашаюсь написать письмо Якулову, а он освободить мои гонорары. Я ухожу с Ларионовым завтракать, затем еду через весь город к Кострицкому.

Вечером спектакль. У нас в ложе: Пайчадзе, Самойленко, В.А. Играют ужасно. К тому же акустика. Я извожусь. Пташка тоже как на углях и этим раздражает меня ещё больше. У неё болит живот. Всё же успех. Ballot стоит во дворе, развозим.

28 декабря

Утром работал над рулеткой, затем ездил в Opéra на репетицию, чтобы поговорить с Мясиным. Его мелочность. Днём Б.Н. Я боялся скучных объяснений, но разговор вышел довольно милым. Он порвал с родственниками, томится одиночеством, по-видимому, просто хотел поговорить. После полуторачасового разговора я решил его выпроводить под благовидным предлогом: автомобиль мёрзнет, надо отвезти. Вышли, потом он провожал домой, предлагал играть матч на тех же условиях, как Алёхин – Капабланка, мне интересно, он знает удочку, на которую можно меня поймать. Пташка возмущена.

[60] С 26 декабря по 31 декабря - краткие черновые записи.

[61] Красивую музыку (фр).

29 декабря

С утра тяжёлая голова, поэтому решил использовать день на визы и билеты. Также у Кострицкого, где вычистили зубы - замечательно. Прямо стыдно курить, а не попробовать ли бросить. Получил обратную французскую визу, немецкую, купил билеты, взял деньги в издательстве. Голова целый день побаливала, но несильно, а к вечеру прошла. Вообще теперь головные боли у меня не столько реже, сколько слабее. По CS я знаю, что они меня покинут, и мне интересен тот путь, который они избирают для своего отъезда.

Вечером второй дягилевский спектакль в Opéra, распродан, барышники, парадно. Мы в ложе у Дягилева: ещё Ларионов, Набоков. Monteux и много других; сам во фраке, но скоро уходит за кулисы и я с ним почти не говорю. Зато Набоков подлизывается, говорят, ко всем. Уже продал свою дягилевскую оду, к сожалению, в наше издательство. Он хочет прийти ко мне, я - с удовольствием. Во время «Жар- птицы» обменивались колкими замечаниями по отношению к «Птице». Влияния: «Садко», Скрябин. Я, шутя: «Какой бы вышел из Стравинского романтик, если-б он не сбился с пути». Кохно изводится: Стравинский непогрешим.

30 декабря

Переделывал рулетку, работал, не отрываясь, а то если оторвёшься, то наверху барабанили, что изводило. Не курю (при обдумывании и отдыхе). Давно идея бросить. Впрочем, я ещё не думал: совсем или просто так. Уют.

Днём ёлка Святослава: дети, кстати большие, маленький Риети, Таня Захарова и Лялька. Дети Цветаевой больны. В.А., Шуберт, Бенуа, Ларионов. Очень устали. Звонил Мясин.

31 декабря

Кончил переделывать рулетку, повторил Концерт, начал оркестровать четвёртый акт.

Miss Crein. Рассказ Miss Crein об исцелении. Не курил, особенно не тянуло, хотя иногда приятно бы. Но ещё приятней сознание, что вот, бросил же.

1928

1 января

Отъезд во Фрейбург. Встали бодро в семь, в восемь на вокзале за полчаса до отхода поезда. В восемь вечера во Фрейбурге, милый городок, где два раза были с Пташкой. Отель недорогой и хороший.

Гулял, все германские города благоустроены. Театр шикарный и идёт «Rosenkavalier», но поздно - через полчаса кончится. Вернулся в отель, почитал CS и лёг спать.

2 января

Отправился на репетицию. Моим приездом вообще будто никто не интересуется. Lindemann - молодой человек. На афише professor etc., и называет меня Herr Professor[1], а мне странно и всё хочется объяснить, что никакой я не профессор. Хорошо репетирует, не сравнить с лондонской спешкой. И я хорошо играл 3-й Концерт.

Днём гулял, делал кое-какие покупки, читал CS, боролся с некоторыми мыслями. В восемь часов концерт. Маленькая сюита Стравинского, слышу в первый раз. Конечно, много остроумного, но шумно и грубо, чувствуется шик. Наивные фрейбурцы умудряются ещё возмущаться и шикать. Я играл хорошо. Не волнуюсь, но всё же рассуждаю с собой. Новый способ: я не могу ошибиться. Почему раньше не смел так рассуждать? Три раза вызывали.

1 февраля

Дописал пять последних тактов в сцене рулетки и таким образом рулетка, ура, закончена. Сел сочинять новый антракт - бег Алексея из игорного зала домой. Как-то разгуливая вечером по набережной Сены, я открыл, что очень здорово было бы этот антракт сопроводить восклицаниями «двести тысяч выиграл!», «Les jeux sont faits», словом тем, что преследует Алексея во время его бега по тёмному парку. Теперь я решил привести этот план в исполнение. Днём делал клавираусцуг рулетки: за этой трудной картиной с моей стороны не должно быть задержек на случай, если «Игрока» начнут ставить в Мариинском театре. Днём заходил в издательство посоветоваться с Пайчадзе относительно предложений Duo Art. Во всяком случае, они согласны заплатить деньги за то, что я соркеструю Увертюру Op.42.

На пути исправления различных моих пороков (я всё-таки занимаюсь этим всё время) я решил прекратить сердиться. Для этого надо ясно представить себе, что сердиться - хуже всего. Если Z делает тебе пакость или глупость, то это скверно, но ещё хуже рассердиться на это. Я решил твёрдо установить такую истину и повиноваться ей. В течение дня у меня было несколько причин разозлиться, например, на Пташку, но я говорил себе: «То, что она сделала - глупо, однако рассердиться ещё глупей».

Резюме дня очень хорошее по двояким причинам: во-первых, были избегнуты неприятные ссоры; во-вторых, одержав победу, я чувствовал себя как-то выше.

2 февраля

Встал будто с тяжёлой головой и даже гулял утром, но потом сел сочинять и сделал весь антракт. Это здорово, даже несмотря на то, что нового в антракте

[1] Господин профессор (нем).

почти ничего нет - весь материал из предыдущей картины.

Звонил Башкиров: у него неприятности с Carte d'identité[2], но я уклонился от встречи: денег ему я больше давать не хочу, а выслушивать нытьё и не давать, так лучше не видеться. Я лишь сообщил ему, что выговорил ему починку зубов от брата.

После завтрака целый день клавираусцужил. Немного читал старый дневник: год перед окончанием Консерватории - интересно. После летнего и осеннего увлечения старым дневником я к нему охладел, а теперь опять взял не без приятности.

Конюс задал вопрос: как называется человек, съевший своего отца и свою мать? Ответ: круглый сирота. Вечером были на концерте Страрама, но было скучно. И старый француз Рамо, и молодой Delannoy были снотворны. Я сидел рядом с Марнольдом и в пику ему ругал Delannoy, так как Марнольд только что выбранил 4-ю Сонату Мясковского, которую я ему дал. хотя Delannoy можно было ругать и без пики. С интересом я слушал Концерт Берга, но он какой-то бескостный и вялый, и публика скандалила, будто не Париж, а деревня: шикала, аплодировала, сифлотировала[3], словом, останавливала вещь два раза, причём Страрам был хорош и громко заявил, что вещь всё равно будет сыграна до последней ноты, а нежелающие слушать могут уйти. За это я после концерта пошёл жать ему руку.

Мой Квинтет представлен французской секцией на международные музыкальные торжества в Сиенне, о чём мне торжественно заявил Прюньер.

3 февраля

Целый день клавираусцужил и почти кончил рулетку. А когда кончу, то более за мной перед лицом Мариинского театра задержек не будет.

Авто чинили-чинили, накатали счёт в тысячу франков, а машина стучит. Неужели старик заболел? - было бы обидно.

Вечером хотел бы бридж, но Фатьма Ханум не собрала партнёров.

Три дня не сержусь. Умно.

4 февраля

Делал клавираусцуг и проверял Грогия, ибо я делаю клавираусцуг со всяческими сокращениями, а он заполняет, после чего его работу необходимо проверять.

Пайчадзе звонит, что Страрам поставил мою 2-ю Симфонию на шестнадцатое февраля - это очень приятно. Недаром третьего дня я ходил ему жать руку. А может это в пику Стравинскому, который перед шестнадцатым и после дирижирует двумя концертами из своих сочинений. Так как Стравинский ругает Страрама, а моя Симфония до некоторой степени его конёк, так вот пожалуйте, сопоставлен.

Днём стала разбаливаться голова. Лежал и «третировал»[4] себя. Но надо было отправлять рулетку (первую половину) переписчику, проверять Грогия, подписывать спешные письма - и голова разболелась ещё хуже, так что пришлось отказаться от большого бриджа, который мне устроила Фатьма Ханум. Зато замечательная открытка от Асафьева: кажется, решили-таки ставить «Игрока», и Экскузович просит сообщить сроки, в которые может быть доставлен материал. Вслед за тем последует подписание контракта.

[2] Удостоверение личности (фр).

[3] Посвистывала, от siffloter (фр).

[4] Лечил, от traiter (фр).

5 февраля

Голова прошла ещё вчера вечером и сегодня я чувствую себя очень боевым, ввиду вчерашнего сообщения Асафьева. И в самом деле: «Игрок» и поездка в Россию: это привело меня в самое приподнятое настроение. Пташка тоже очень рада вновь поехать в Россию.

Был в CS Church, а в остальное время сплошь занимался: кончил клавираусцуг рулетки и делал клавир первой картины. Лишь вечером зашли на часок к Самойленкам.

6 февраля

Встал в таком же приподнятом настроении, как и вчера, и сел за переделку последней картины, но развлекли письма: тут и более пессимистическое от Асафьева (дирекция боится, что материал не будет готов - хорошо, что я вчера послал ему телеграмму); тут и Цейтлин - с надеждой, что я всё-таки у него выступлю, и с сообщением, что Цуккер их покинул; тут и Тарумов с концертами на Кавказе и даже в Туркестане (смотрели на карте, где Самарканд); тут наконец и Колечка Мясковский, который предупреждает, что в этом году плохо разрешают вывозить валюту за границу и что Персимфанс потерял многих видных своих покровителей. Последнее важно, ибо перед поездкой я именно через Цейтлина хотел пощупать почву о том, как меня на этот раз впустят и выпустят. Ведь я, хоть и с полуразрешения Литвинова, пользовался Нансеновским паспортом, а это карается тюрьмой; так что прежде, чем ехать, полезно выяснить, согласны ли на это смотреть сквозь пальцы. Все эти известия, возможности и невозможности, очень взволновали - и в то же время лихорадочно хотелось работать. Третья картина переделывалась, впрочем, недурно, а днём кончил клавир первой.

Тут ещё новое волнение: у Ballot разбирают мотор и я бегал в гараж, ведь это точно оперируют живот у близкого друга. Грогий тоже вдруг скис и поехал к practitioner. Это ему помогло и он, ободрившись, вновь сел за работу, но сделал сегодня немного, как раз когда надо, чтобы он гнал вовсю. Словом, я целый день кипел - и успокаивал себя через CS. А вдруг мы в конце апреля в Туркестане!

10 февраля

Все эти четыре дня почти сплошь работал над «Игроком» и почти кончил переделку последней картины. Во всяком случае перешагнул через самое опасное место - через объятия Алексея с Полиной. В старой редакции оно было развито у меня в грандиозный половой акт, но ведь половой акт - самая несценичная вещь на свете! Режиссёр ломает себе голову - как бы сделать это в границах деликатности и, с другой стороны, достаточно ясно, а зритель чувствует себя неловко и не знает, куда смотреть. Так или иначе, этот момент на сцене не вызывает у публики удовольствия, а лишь любопытство или неловкость. Поэтому в новой редакции я сделал гораздо скромнее, сразу оборвав на высокой ноте - зато музыкально будет лучше; сценическое же впечатление - не то поцелуй, не то порыв нежности, - вообще заретушевано. Переделкой я занимался, как всегда, по утрам, днём же догонял клавир, исправлял натканное Горчаковым и возился с переписчиками, за которыми теперь главная задержка и которые меня теперь больше беспокоят, чем моя собственная работа.

Пташка, по-видимому, не хотела понимать напряжённости моей работы и приставала со своим пением и тем, что я мало обращаю на него внимания, чем довела меня до того, что я заорал, чтобы меня оставили в покое, и, следовательно,

нарушил мой обет не сердиться. Это нехорошо, но, по-видимому, не сразу дано избавиться от этого порока.

Появился в Париже Стравинский - дирижировать своими двумя gala. Я его встретил дважды в издательстве, где он часами сидел с Конюсом, проставляя смычки в своём «Аполлоне». Стравинский на этот раз был мил и приятен и даже пригласил меня пойти с ним пить кофе, но платил, впрочем, я. Про «Аполлона» говорил, что вышел он очень здорово, но стоил больших трудов. Жаловался, что у него болят виски - это от парижских ветров. Впрочем, говорили мы больше про автомобили.

Стрaрам начал сегодня репетировать Симфонию, сначала с одними струнными. Я её слушал несколько враждебно: как-то отошёл от этой музыки. Нет, надо писать 3-ю Симфонию!

21 февраля

Обедали у нас Боровские. Он только что из Лондона, а перед тем был в России, поэтому я жадно его обо всём расспрашивал, зная, что никто как он может дать мне самые вернейшие сведения о положении там: о концертах, отношении к приезжающим артистам, о паспортах и прочем. Для предстоящей моей поездки этот разговор имел решающий характер. Так как в политических переговорах я решил опираться главным образом на Цейтлина, то я очень интересовался, можно ли на него положиться и сохранил ли он свою доброкачественность с точки зрения правительственных кругов. Ответы Боровского были довольно удовлетворительны, хотя и мелькнула жалоба Цейтлина, что, вот, Прокофьев перед поездкой в Россию говорил, что примет какие мы хотим условия, а приехав, пользуясь этим, вытянул с них всё, что можно. Цуккер, оказывается, принадлежал к оппозиции, так что уход его из Персимфанса не является в данный момент политической потерей для Персимфанса. Боровский рассматривал статью Дукельского о Дягилевском балете, восхищался ею и удивлялся, как это такой вертихвост мог иметь столь острый ум.

22 февраля

Днём оркестровал, а вечером ели блины с Боровским в русском ресторане. Там же встретил В.Н.Башкирова, который был пьян, но изысканно любезен. Я не преминул подразнить его, напомнив, что в день первого знакомства со мной он вышел к обеду без галстука и что этот отсутствующий галстук теперь навек прилеплен к нему.

После обеда были на вечере у Прюньера, где было много знаменитостей, толкотня и беспорядок. «О, как вы потолстели!», - сказал мне кто-то. «C'est parce qu'il est gonflé de gloire»[5], - прибавил сосед.

23 февраля

Набоков уже раз пять или шесть звонил мне по телефону. Сегодня он явился ко мне играть свою оду, которую он не только играл, но и пел оглушительным голосом. Ода произвела неровное впечатление: были интересные моменты, были менее удачные, были слишком «белые», были нарочито пошленькие - дурное парижское влияние последних годов, которое, вероятно, скоро само себя изживёт. Одно место показалось мне скучным и чрезмерно под «Кащея» Корсакова. Я сказал это.

[5] Это потому, что его переполняет слава (фр).

- Но это как раз больше всего понравилось Стравинскому! - воскликнул Набоков.

Я:

- Стравинский хвалил, потому что он злой человек.

Набоков:

- Я сам бы в новом сочинении не написал бы такого куска.

С Набоковым была его жена. Наталья, смазливенькая. Мне она показалась милой, а Пташка нашла её противной девчонкой.

24 февраля

Побаливала голова, поэтому не занимался, но много ходил. Вспоминал Шопенгауэра и моё увлечение им. Но он увлекал меня главным образом практическими советами жизни и перенесением меня из каждодневной жизни в мир отвлечённых идей, что тогда для меня было ново. Его же главная философская система не задела меня. Да, в той системе Шопенгауэр с необычайным блеском доказал, что он попал в тупик.

Вечером голова прошла. Концерт Боровского, который, однако, играл не всё хорошо. Не очень я люблю и его исполнение моих сочинений. «Сарказмы» я слушал как чужие вещи, так далеко я отошёл от них, «Скерцо» Op.12 было мне ближе. Кстати, и играет его Боровский отлично. После концерта ужинали в соседнем кафе, а затем Боровские хотели ехать с нами в какую-нибудь boite[6], но мне смертельно хотелось спать и мы уклонились.

25 февраля

Много заниматься не пришлось, так как отправился на репетицию Паделу, где давали отрывки из «Шута». Сначала я думал, что дирижирует René Baton и собирался не пойти, но звонил секретарь и сказал, что Вольф, мой приятель ещё со времени знаменитого метрополитенского фиаско. Вольф сообщил, что он очень старательно учил вещь с оркестром, и, действительно, звучало очень хорошо. Вернулся я домой очень довольный оркестровкой «Шута».

Днём диктовал письмо к Цейтлину, очень дипломатичное. Цель: нащупать почву у Литвинова, могу ли я вновь так же легко въехать и выехать, как в прошлом году! Обо всём этом надо было писать тонко и осторожно, дабы не сделать глупости, не сказать слишком много, но и не слишком мало.

Вечером проиграл весь третий акт «Огненного ангела» и получил большое удовольствие, даже взволновался. Когда я доиграл до конца, Пташка вошла в комнату и сказала: «Ну, ты, слава Богу, кончил». Это было для меня как ведро холодной воды. Но видя, что я обиделся. Пташка разъяснила, что сама она с чрезвычайным напряжением слушала, и это ей так действовало на нервы, что она рада была, когда я кончил.

26 февраля

Опять голова, хотя и не очень сильно. Но всё-таки это слишком часто. CS Church не разогнала её. Днём прогуливал голову по Булонскому лесу, где было очень хорошо, если бы не толпы воскресной публики, высыпавшей по солнечной погоде. Автомобиль мой наконец починили: сегодня пробовал и он тянет очень хорошо, будто припрягли несколько лошадиных сил. К пяти часам голова моя начала

[6] Ночной ресторан (фр).

ликвидироваться и мы с Пташкой поехали на «Фестиваль русской музыки» у Паделу, где Вольф играл пять номеров из «Шута». Играл вовсе не скверно, но, дирижируя наизусть (неожиданно для Паделу), и успех большой, после каждого номера. В другом дневном концерте Пьернэ играл «Классическую», но это, вероятно, было скверно; я не пошёл. Вечером аккомпанировал Пташке. Она очень подвинулась в пении, не сравнить с недавним прошлым.

27 февраля

Оркестровал, но только утром. Днём у Святослава гости, так как ему сегодня четыре года. А кстати присоединилась и масса взрослых, - перебывала пропасть народу, говорящего по-русски, по-французки, по-английски и по-итальянски: Цветаева, Набоковы, Мария Викторовна, Вера Сувчинская, Самойленки, жена Риети, Фрида, Шуберт etc. Сын Цветаевой (три года) - огромный, прямо борец, называет Святослава Святотатом. Пили чай, затем оставшихся кормили холодным мясом и те сидели до одиннадцати. Было приятно и весело. В.А.Сувчинская должна была уехать, так как её где-то ждал Петя, который сам не мог приехать, будучи безумно занят.

28 февраля

Утром взбесило письмо от Millet (переписчика), который, оказывается, благовидно водил меня за нос и вместо того, чтобы расписать партитуру третьего акта, едва начал его. С «Игроком» незадача: видно, ему не идти весною. Работал над собой и читал CS, и потушил гнев.

Оркестровал, делал клавир, исправлял работы Грогия. Ещё один скачок - и оркестровка «Игрока» будет закончена.

29 февраля

Кончил оркестровку «Игрока», а следовательно, вообще оперу, так как оставшийся кончик клавира не в счёт: кончается опера с окончанием партитуры. Хороший день для окончания большой вещи: 29 февраля случается лишь раз в четыре года! Ждал переписчика и всячески старался заставить себя не наорать на него или не наговорить ему колкостей и обидностей. Но этот червь оказался не только обманщиком, но и трусом: оставил ноты у швейцарихи и наверх не показался.

Вечером читал старый дневник: консерваторский конкурс. Я очень ушёл от этих настроений. Всякий конкурс есть особо острое выявление себялюбия, желание выдвинуть себя на трупах других, т.е. это есть низость, с которой надо бороться. И всё же я не могу без волнения читать это место в дневнике: так горячо и подробно оно описано и так втягивает в атмосферу того времени!

1-9 марта

Окончив партитуру «Игрока», я принялся за окончание клавираусцуга и за просмотр и исправление партитуры Грогия. То и другое кончил пятого марта и, таким образом, окончательно свалил с плеч «Игрока». Дело за переписчиками, которых работает у меня тьма: одни отказываются, другие запаздывают, третьи обманывают; надо бегать, отыскивать новых, принимать старых - словом, целое министерство. И притом не знаешь: зря ли, не зря ли такая спешка, т.е. пойдёт «Игрок» весною или же лишь осенью? Второго марта я решил послать Асафьеву энергичную телеграмму: «Контракта нет, театр водит за нос, изумлён», с тем

расчётом, чтобы Асафьев мог показать её кому следует, если найдёт это полезным. Пятого, в день окончания клавира, пришёл ответ, подписанный главным режиссёром Шкафером: «Вопрос «Игроком» решён, срочно выполняются формальности», что вновь породило волнения и впечатления, что «Игрок» идёт и что мы едем, хотя при более внимательном рассмотрении эта расплывчатая телеграмма ровно ничего не значит. Одновременно пришло и письмо от Тарумова о кавказских концертах, которые покрыли бы мне расход по пребыванию в СССР, не требуя от меня для себя особого напряжения.

Второго марта ко мне зашёл Набоков, предлагая пойти вместе к Ремизову, о чём он уже говорил мне в прошлый раз. Я с удовольствием отправился и нашёл Ремизова таким же уютным чучелом, как всегда, даже более уютным, так как было меньше разговоров о чертовщине и больше о человеческом. Ремизов вспоминал, между прочим, о Демчинском, так раскритиковавшем в своё время несценичность его «Алолея и Лейлы», и мне пришлось рассказать ему всю «демчинскую эпопею» с «Огненным ангелом». Ремизов сказал: «Да, я знаю таких людей; они не могут охватить целого, но являются складочным местом ценных сведений, мне самому приходилось не раз унижаться, стараясь вытянуть из таких людей нужные для меня вещи». Перед уходом мне дали книгу для автографов и попросили в ней расписаться.

- Вот ещё хочу, чтобы рядом с вашей подписью была и подпись Стравинского, - сказал Ремизов.

Набоков заметил:

- Ну разумеется, вместе, как Шиллер и Гёте! А мне с кем вместе? С Димой Дукельским?

Набоков принёс мне свою 1-ю Сонату, уже напечатанную. На первой странице написано: «Моей Наташеньке» (жене) и стоит погребальный крест. Что это, крест над предшествовавшими привычками и отношениями? В сонате приятная главная партия, умышленно пошленькая тема в Andante («коктовщина»), но с очень ловким развитием в мажор-миноре, и с большой свободой техники сделанный финал, хотя и не на самостоятельную тему, неприятную чрезмерным сходством с Бахом.

В воскресенье четвёртого мы с четою Набоковых ездили за город в моём автомобиле, который после починки тянет очень хорошо. «Наташенька» в будни служит манекеном в une grande maison de couture[7], и когда я заикнулся об этой воскресной поездке, то Набоков очень за неё ухватился. Поездка в самом деле вышла очень приятной, даже несмотря на то, что накануне мы с Пташкой не спали всю ночь, ибо под нами двадцатилетний хозяйский сын праздновал стодневку (сто дней до окончания гимназии), и в результате всю ночь шёл гик, крик, музыка, женский писк, хлопанье окон и дверей, словом, русская молодёжь распоясалась. И эти эмигранты считают себя будущими строителями будущей России! Не дай Бог. Осуждающие французы так возмутились ночным беспокойством, что на другой вечер перед домом гулял городовой, и кстати, так как стодневку пытались продолжать.

Седьмого марта Купер дирижировал симфоническим концертом русской музыки, который заканчивал тремя номерами из сюиты «Трёх апельсинов». Продажа билетов была не особенная, но выдали массу даровых, что создало при входе страшенную давку. Тут мы столкнулись с Дягилевым, недавно приехавшим из Монте-Карло в Париж и явившимся на концерт с целой толпой, где были Набоков, Риети и Согэ, все с жёнами (у Согэ очкастый мальчик вместо жены). Так как ни у них, ни у нас не было даже приглашений, то мы соединились вместе в поисках заведующего концертом, и, наконец, получив две ложи, ввалились в зал, причём Дягилев шумел и все оглядывались на нас. Впрочем, он был в хорошем

[7] Известном доме моделей (фр).

настроении и уверял меня: «Серж, я совсем не «Апельсины» пришёл слушать, но мне страшно, страшно захотелось симфонию Бородина». «Апельсины» имели успех, а Марш, которым закончился концерт, был повторен. По окончании концерта мы с Набоковыми и Пайчадзе пили кофе. Набоков говорил, что Ида Рубинштейн основывает целое балетное предприятие, в которое вошли все неосторожно отвергнутые Дягилевым, причём состав их оказался настолько силён, что Дягилев не в шутку заволновался, тем более, что денег у Идки, конечно, больше, чем у него.

Другие более мелкие события за эти девять дней: были с Сувчинским на советском фильме: интересно, а Сувчинские вечером были очень милы. Были мы с Пташкой на пьесе «Rabateur», но это довольно серо. Удивительно, как не умеют писать комедии. Если бы я не был композитором, то как бы я пёк комедии, и какой бы они имели успех! Играл в бридж у Самойленко и встретил Тамару, которой уже наговорили, что Прокофьев всюду ходит и рассказывает, что она, проиграв ему сто пятьдесят франков, не заплатила. «Ну, хотите пойти на мировую за пятьдесят?», - спросила Тамара. «Нет, я хочу, чтобы вы в счёт долга отдали мне ваш бриджевой столик». После некоторых упирательств Тамара наконец согласилась и на другой день Грогий был послан за зелёным столом, с букетом тюльпанов взамен.

10 марта

Телеграмма от Ithm`ы, венского концертного агентства, с которым я в последнее время в переписке и которое, кажется, пришло в движение: предлагается концерт в Цюрихе на двадцать шестое марта. Идея: поехать в Цюрих и вообще по Швейцарии в автомобиле. Если Россия кувырнётся на осень, то швейцарская поездка будет приятным утешением. Я так увлёкся проектом, что сейчас же купил автомобильную карту Швейцарии и стал составлять маршрут. Вечером были у Самойленко и предлагали им поехать с нами. Но дело в том, что русским необычайно трудно достать швейцарскую визу. В том-то и преимущество этого ангажемента, что я получаю её автоматически.

Начал пересматривать переложение «Стального скока», сделанное ещё осенью 1925 года, наскоро, и всего пять номеров. Надо теперь докончить этот клавир и издать его.

11 марта

Сегодня изменили CS Church и поехали в Vésinet, километров двадцать от Парижа, где была заупокойная обедня в память полугодовой кончины Н.П.Рузского. Осенью, узнав о его смерти, я послал семье телеграмму, но телеграмму вернули, не найдя адресата, и с тех пор я ничего не знал о них. Надо было сегодня отдать долг.

Панихида происходила в маленькой русской церкви, переделанной из оранжереи стараниями самого покойного. Я застал всю семью, траурную и поблекшую. Особенно меня поразила Таня, которая ведь всего на полгода моложе меня и которая осталась в моей памяти цветущей девушкой. За эти двенадцать лет она похудела, пожелтела и даже сморщилась, но я, должно быть, тоже изменился: О.П.[8] меня сразу даже не узнала, но потом была ласкова, нежна, и в будущее воскресение мы обещали к ним поехать. Дела их. кажется, очень трудные, а в Петербурге остался великолепный дом.

[8] Ольга Петровна - жена Н.П.Рузского.

12 марта

Издательство вручило мне отчёт за 1927 год. Продажа поднялась и я получаю за неё 1450 марок против 1300 марок в 1926. В общем это всё-таки немного. Но очень поднялся наём нотных материалов: 4150 против 2460, тут сыграли роль концерты Кусевицкого в Америке. В общем же издательство, вместе с оперными и балетными тантьемами (но не русскими и не французскими) платит мне за 1927 год 8726 марок, т.е. 2100 долларов, что есть большой скачок против 1926 года (4845 марок = 1150 долларов). Я сейчас в обладании капитала в $10.000, что очень неплохо, приняв во внимание, что целый год я не давал концертов. У Стравинского доход от издательства, наоборот, в этом году упал, хотя ещё во много превосходит мой. Это падение Пайчадзе объясняет тем, что его столько исполняли в 1926, что, естественно, должна сказаться реакция.

Вечером играл Метнера и на последней странице его e-moll`ной «Сказки» Op.34 нашёл мелодию, целиком украденную из моего «Отчаяния», сочинённого на десять лет раньше. Я в восторге! Метнер всю жизнь меня ругает и бессознательно (я уверен, что бессознательно) обращается ко мне как источнику творчества.

13 марта

Я уже давно решил, что сочинять нужно совсем иначе и что именно так, по-новому, я и буду работать, как только развяжусь с переделками «Огненного ангела» и «Игрока». Если Бог есть единственный творец и единый разум, а человек его отражает, то совершенно ясно, что человек тем лучше будет творить, чем ближе он отражает Творца (приближается к нему). Об этом надо неустанно помнить во время работы. Нельзя работать, когда не чувствуешь себя достаточно чистым.

Сегодня, думая об этом, кое-что сочинял: материал для фортепианных пьес, которые я хочу теперь пописать, как интерлюдию перед 3-й Симфонией. Если назвать их «Вещи в себе»?

Телеграмма: Цюрих не выходит. Зря карту Швейцарии покупал.

14 марта

Пробовал сочинять фортепианные пьесы, храня вчерашние заветы. Занимался клавиром «Стального скока». Купил для Асафьева по его просьбе статьи Дебюсси и его переписку с Дюраном. В переписке Дебюсси своею мимозистостью несколько напоминает Мясковского. Статьи более патриотичны, чем интересны, но есть одна меткая фраза: «Мы во Франции любим столько хороших вещей, что у нас не остаётся места для музыки». Действительно, француз сначала истратит деньги на тонкую еду и на женщину, потом на старинную мебель, и лишь тогда согласится заплатить таксу по даровому билету в концерт.

15 марта

Чувствовал себя утомлённым, не работалось. Немного сочинял и перекладывал «Стальной скок»; диктовал Грогию дневник путешествия в СССР. Пора его кончать: год прошёл со времени событий.

Вечером на концерте Страрама. Сначала «Бранденбургский концерт» Баха - одни струнные; затем Симфония для духовых Стравинского. Публика у Страрама последнее время так часто скандалит, что мы волновались: а вдруг во время Стравинского опять начнут свистать, и это волнение мешало слушать. Но публика сегодня удержалась - уж очень её за это пробирала пресса. В Симфонии есть

интересные моменты, есть какая-то общая сосредоточенность настроения, но нет сомнения: они нетекучи и неприятны. В виолончельной пьесе Сашеньки Черепннна много накрадено - грех общий и у сына, и у отца. Сначала у Мусоргского, потом не у меня, но под меня. Конец сделан изобретательно.

«Bourgeois-Gentilhomme» Штрауса - от начала до конца непристойная и провинциальная шутка: Штраус снял штаны и думает, что он очень остроумен. Но оркестровано блистательно. Непонятно: ведь такую оркестровку надо смаковать, когда её делаешь; неужели же Штраус мог смаковать такую пакостную музыку? А оркестровка в самом деле удивительная. Стравинский, например, который всегда на всё создаёт законы, объявил, что струнные и фортепиано (струна ударяемая и струна вытягиваемая) вместе не вяжутся, и поэтому даже Концерт свой написал без струнных. А тут струнная беготня с введённым внутрь фортепиано звучит прекрасно.

После концерта мы развозили в Ballot Марнольда и Пайчадзе. Марнольд был очень доволен, но так стучал палкой в стекло, когда я брал не ту улицу, что я боялся - разобьёт!

16 марта

Опять туманная голова. Вероятно, хочет болеть и не смеет. Работал над ней. Не сочинял. Перекладывал «Стальной скок». Возил Ballot к Зениту, где регулировали карбюратор. Теперь машина идёт отлично. Грогий играл отрывки из своего 2-го Концерта, который он строчил в свободные урывки от занятий «Игроком». Кое-что неплохо. И даже оркестровка выглядит неплохо. Настрочив более тысячи страниц моих партитур, он кое-что впитал.

24 мая[9]

Утром генеральная первого концерта Кусевицкого. «Скерцо» Лопатникова: мило, но мутно, есть ошибка в оркестровке. Сам несуразный, чрезмерно широкоплечий. Жена Элеонора, зубки, выскакивает с суждениями, еврейка, крашеная. Концерт Тоха, мало материала, но изобретательно, если не считать скучную среднюю часть. Тох, Сувчпнский. Пайчадзе, Дукельский, Бюцов (пришёл к Кусевицкому по моему письму), Танцман с женой. Наталья Константиновна очень благоволит к ним. Онеггер незначителен («Федра»).

Днём корректировал симфонию. Вечером концерт, народу мало и Наталья Константиновна, у которой мы в ложе с Тохами, расстроена. Лопатников сразу выскакивает на вызовы.

Идём пить кофе: Боровский, Пайчадзе, Лопатников. Отвожу в автомобиле. Лопатникова производит удручающее впечатление на Пташку и Марию Викторовну.

25 мая

Ввиду недоумения с «Огненным ангелом» работал над пьесами. Сочинялось хорошо всё утро. Днём был Шуберт, очень довольный, что Кошиц поёт в «Огненном ангеле», но там очень мало. В пять приехал Лопатников, которого я пригласил, и я смотрел «Скерцо». Масса недочётов в партитуре, полуинтеллигентный вид, слишком низкие Fc, Pic, Cor, слишком высокие Fag и Cl. Полтора часа занимался с ним, он благодарил, уходя.

[9] С 24 мая по 28 октября 1928 г. - черновые записи.

Вечером бридж: Захаров, Циля, Фатьма Ханум. Циля и Борис играют очень аккуратно и с чрезвычайной любовью, но проиграли -250. Я +115.

26 мая

Письмо от Елены, интересное. Хорошо работалось над «Пьесами в себе». Днём в издательстве, где Дукельский комично рассказывал про сцену встречи Рахманинова и Стравинского в его присутствии. Пайчадзе сердится за преувеличения и говорит, ничего особенного не произошло: только обмен вежливостями. Корректировал Симфонию.

Вечером Захаров и Дукельский. Играли в четыре руки 1-ю Симфонию Балакирева (очень интересно) и 3-ю Мясковского, но и Дукельский, и Захаров сошлись, ругая её. Захаров отлично читает ноты (как и в Консерватории).

27 мая

Взял Святослава в Sunday School[10]. Днём Боровские приводили к Святославу Наташу. Родители сегодня нарядные и интересные, а дочь матрёшка. Поехали в буа[11] и затем к Кусевицким, которые принимают по воскресениям. Все у окон, когда мы подъехали и вылезали (еле-еле): Дукельский, Боровские и мы. С Кусевицким рассуждения о Лопатникове. Я советовал заставить Лопатникова переписать партитуру.

28 мая

Немного тяжёлая голова, поэтому не занимался. Заявление Грогия о крови горлом и уходе. Я спросил, едет ли он в Кишинёв - нет; но как же существовать? Сказал, что пойдёт к Miss Crain, а я сказал, что когда обойдётся, чтобы появлялся.

Днём выезжали в лес. Установилась тёплая погода, даже жарко. Телеграмма из Москвы, значит «Игрок» налаживается.

29 мая

Сочинял, днём корректировал симфонию. Был у Mme Schmitz - об Америке в 1929-30 - вот как заранее. Вечером Пташка с Дукельским пошла на Гершвина, а я с Захаровым играть в бридж с Самойленками. Захаров очень наслаждался, но проиграли 420 вдвоём: рассердился и капризничал, когда прекратили бридж ввиду приезда с концерта Пташки. Дукельского и Боровских. Мне это даже понравилось - совсем как я раньше. Дукельского принимали за брата Пташки. Дукельский почему-то защищает Гершвина: говорит, что Дягилев ругал, но если Дягилев едет зимой в Америку, то ему навязывают новенького Гершвина.

30 мая

Сочинял, корректировал. Горчаков не появлялся, а между тем накапливаются текущие дела, я же не знаю, ушёл он окончательно или нет, и даже не знаю его адрес. Пташка говорит, что мать хотела женить его на девице со средствами, но отец девицы не соглашался; Грогий надеялся напечатать что-нибудь и тем поднять себя в его глазах, но я не мог рекомендовать вещи в том виде, как сейчас. Отсюда

[10] Воскресная школа (англ).

[11] Лес, от bois (фр).

его разочарование. В день ухода он получил письмо от матери и заволновался.

В пять Кошиц. Предварительный телефон: я не хотел к ней ехать - пошлячка, и заставил приехать её. Огорчена, что мала её партия в опере. Но держит себя мило. Вечером дома. Душно и жарко.

31 мая

Утром на репетицию второго концерта Кусевицкого. На улице встретил Сувчинского, потом Лурье. Сувчинский идёт посередине, разговаривая то со мной, то с Лурье. Я ухожу вперёд, разозлившись.

Хиндемит играет Концерт для альта, op.34, №4. Первый раз его вижу. Очень здорово, бодро; я нечто подобное когда-то задумывал для фортепианного концерта. Вторая часть хуже, растянуто, скучно, тема не очень яркая; третья часть и финал опять хороши, хотя странное впечатление: казалось бы, темы можно горизонтально два вправо и влево, и ничего не изменится!

Днём Софроницкий играл; хороший пианист, но идиотская программа.

Столкновение с Дукельским из-за Скрябина; я извинительно защищаю (а всё-таки... etc.), Дукельский с плеча ругает, я извожусь и говорю, что он под влиянием чужих мыслей, не имея своих; Дукельский первый раз серьёзно обижается; я: «Было у вас одно хорошее достоинство: хороший характер, а теперь и его не осталось». Дукельский уходит. Пьём чай с Софроницким. Он, по-видимому, придаёт большое значение тому, что со мною, но какая-то несуразность и корявость, вместе с московским обиженным чувством превосходства и скрытым чувством недоумения: почему я такой парижанин.

Вечером концерт Кусевицкого. Ужасный Феру. Успех Хиндемита. Дукельский восхищается Брамсом, я засыпаю. Стравинский приехал на Хиндемита и затем внимательно слушал Брамса. Новое течение?

1 июня

Утром сочинял. Фидлер подговаривал купить квартиру в строящемся доме в Bois de Boulogne. Соблазнительно, но масса денег и лишь через зиму дом будет готов.

У Кусевицких, очень милы: свидание с manager, с которым сводят. Кусевицкий видит моё турне в 1929-30, тридцать-сорок концертов с гонораром в двадцать тысяч долларов, от которых я привезу чистых десять тысяч.

Manager возил в этом году Ravel'я, а в будущем везёт Онеггера. Равель не умел ни дирижировать, ни играть (еле-еле), но им интересовались (посмотреть - и довольно, больше не получит ангажементов). Он теперь вернулся с деньгами и кутит. Вот не ожидал!

Вернувшись домой - открытка от Шавича, что дирижировал премьерой «Стального скока» в Москве. Я возмущён. Держановский дурак. Шавич провинциальная мазилка.

2 июня

Утром оркестровая репетиция «Стального скока», которым открывается дягилевский сезон. Репетиция - одна, но провозились больше двух часов; выходит недурно, оркестр на этот раз хорош, даже слышны в forte валторны (во Франции они умеют играть только piano). К концу репетируют «Оду». Приходит Набоков, жалуется на жизнь в Монте-Карло и вечные ссоры в балете. Мой приезд был солнечным лучом (он подчёркивает это). «Оду» репетируют кусочками, звучит

мило; у Набокова больше чувство оркестра, чем у Дукельского. Говорят, он в последнее время очень разошёлся и даже вчера в издательстве стучал кулаком о прилавок, крича, что при составлении программы Кусевицким его чем-то обошли; поэтому я сегодня был сух.

Дукельский живёт теперь у барона, франтишки, - и это общение его портит. Когда днём он зашёл ко мне за сонатой, я спал. Он ждал и ушёл. Затем был manager от Кусевицкого. Говорили об Америке. Он, по-видимому, серьёзно за меня принимается и говорит со мною почтительно. Турне в 1929-30 году. Вот как спозаранку.

3 июня

CS Church. Спрашивал у Miss Crain, был ли у неё Горчаков, но он не был, а говорил, что пойдёт на другой же день.

Днём болела голова и была страшная сонливость. Проспал даже визит Набоковых и не пошёл днём к Кусевицким, так что Пташка даже рассердилась.

Вечером голова прошла и мы были на антверпенском хоре: «Реквием» Моцарта и «Орестея» Мийо. Пела Жанакопулос - падение: напряжение голоса и плохой тембр. Мийо - блеф. Хорошее только место с декламацией, криком, барабанами, т.е. там, где как раз нет музыки. Но это отлично. Вспомнил о проекте говора с музыкой. Дукельский хочет объясниться насчёт денег. Я, довольно резко: объяснения излишни: если хотите возвращать, но я не спешу, а если хотите взять ещё, то я дам вам с удовольствием.

Увидев меня, здоровающегося со Стравинским, Набоков воскликнул: «С интересом смотрю на вас: здоровается между собою современная русская музыка».

После концерта едем с Набоковым к Dubost (Дукельский не приглашён, уходит домой), но там скучно и глупо. Идём с Набоковым в кафе, он очень мил и рассказывает про обычные нелепости дягилевского балета.

4 июня

Очень приятное письмо от Мясковского: невероятные похвалы «Огненному ангелу». Но «Стальной скок» успеха не имел.

Сочинял, но немного. Появится Горчаков после недельного отсутствия. Я, слава Богу, не накинулся на него, а очень прилично спросил про здоровье и предложил устроить к обоюдному удобству (аванс за полтора месяца: русский дневник[12]). Решили, что будет приходить на полдня за полжалования.

5 июня

Предгенеральная репетиция «Оды». Набоков очень мило усаживает меня с женой. Дягилев появляется в хорошем настроении: как вы смеете? (с чужой женой). В «Оде» есть приятные моменты (именно «приятные», я ещё не знаю - очень хороши ли), есть скучные или не удавшиеся. Но с постановкой, где намудрили кинематографом и всякими освещениями, - скандал. Комиссия запрещает колбу. Дягилев бегал звонить министру внутренних дел. Я спрашивал у Стравинского, хорош ли материал «Оды». Он отвечает о свежести кожи ребёнка. После репетиции отвожу Набоковых.

Вечером на концерте Горовица. Отличная техника и тембры, но не глубокий пианист. Публика ревёт.

[12] Имеется в виду дневник поездки в СССР в 1927 году.

Глазунов приезжает с матерью недели через две.

6 июня

Генеральная репетиция «Оды». Дягилев проработал до семи часов утра и в девять опять вернулся. И всё-таки не ладится. Колбу окончательно запретили. Министр: я вам искренне симпатизирую; но отчего не отменить запрещение; если она взорвётся, то всё разнесёт. От музыки то же впечатление. Я всё-таки думал, что Набоков талантлив, но не выписался, хотя я в нём менее уверен, чем в Дукельском. Дукельский отсутствует.

Днём корректировал клавир «Стального скока», награвированного с миллионом ошибок. Чтобы отдохнуть, отвёз Пташку в город и заехал в издательство за деньгами, но Пайчадзе не было, а Рахманинов беседовал с Конюс. Рахманинов был очень мил, но не встал, здороваясь (ему 55, мне 37 лет). Выглядел он довольно свежо, тысячи морщинок разгладились. Про мою толщину и я про отца (чахоточный, но в тридцать лет под семь пудов). Я тоже очень любезен, и Рахманинов разговорился: про моего сына, про американский копирайт и прочее.

Я:

- А где же главный директор?

Рахманинов (желая польстить Конюсу):

- Да зачем он вам, вот помощник директора.

Я:

- Но с этого денег не получишь.

Рахманинов (оживляясь при слове «деньги» и смеясь):

- Да, не получишь, не получить!

Вечер открытия Дягилевского сезона - «Стальным скоком».

Согласно элегантному дягилевскому стилю мне даже не дали приличного места, а страпонтен, который трещал. «Стальной скок» в слишком быстром темпе: противно, Дезормьер забывает темпы. Сцена не вся прилажена. Большой успех. Нувель зовёт выходить кланяться. Я упираюсь (не первое же представление). Затем иду, но путь далёк и я опаздываю. Дягилев: двенадцать минут аплодировали, а вы не могли выйти. Опять много комплиментов по поводу «Стального скока». А вот в России не имел успеха.

«Ода» идёт куда лучше репетиции, но есть скучные места (рамплиссажи[13] по заказу Дягилева, даже кто-то подсвистывает). Однако под конец успех. Набоков выходит, смущённо кланяется, и, видно от смущения, целует руку племяннице. Бесконечный антракт. «Свадебка» Стравинского. Такая сильная вещь, но все утомлены и проходит бледно.

7 июня

Генеральная репетиция Кусевицкого.

Мутный Концерт Русселя, тема из «Великана». Молодец Боровский, выучил в шесть дней. Флоран Шмитт гадость. Небоскрёбы, много интересных звучностей, но пошлятина.

Завтракал с Боровским. Херц - такой безнадёжный консерватор, вдруг заинтересовался современным, приглашает меня и, тряся толстой бородой, ухаживает за Пташкой.

Вечером концерт Кусевицкого: скучный, невозможно вечно пичкать такими тусклыми новинками.

[13] Длинноты, от remplissage (фр).

8 ИЮНЯ

Корректировал клавир «Стального скока», диктовал письма.
Зашли Набоковы. Он выявил массу нежности и советуется насчёт издания. Обедали у нас, пошли в кинематограф.

9 июня

Концерт Боровского, играет хорошо, хотя кое-что суховато. На бис пятый «Сарказм». Набоков в ложе с нами. Дукельский вызывает меня объясняться: почему я холоден? Я утверждаю, что он ошибается.

10 июня

CS Church. С Пташкой последние дни ссорюсь, но сегодня она первая подошла помириться. Она иногда невыносима при ссорах, но её достоинство то, что почти всегда первая мирится. Поездка за город с Camb (Denver), милые и бледные американцы. Днём приём у Кусевицких, вечером у Гиршман.

11 июня

Первая репетиция струнных, некоторые места звучат странно - «моей бедной матери» - и даже смешно, что веселит Дукельского и меня. Кислый звук (Дукельский об оскомине). Я выступаю против 30-х годов. С репетиции еду с Конюсом, исправившим голоса Дукельского, в издательство.
Рахманинов, ласково:
- А вот и Сергей Сергеевич!
Просит объяснить, кто такой Набоков, кто-то ему сказал, что это цветок между двумя безднами.
Завтракал с Херцем, играю ему. Замечание Дукельского: «А Прокофьев навязывает свои вещи», отповедь Пташки. Мальчишка наглит. Днём Спак. «Огненный ангел», но я успешно выдвигаю «Игрока». Везу его к Пайчадзе.
Вечером Пташка на «Flûte enchantée», Вальтер. Я дома.

12 июня

Вторая репетиция. Духовые и струнные. Симфония Дукельского, довольно шероховато, многое не выходит, но Дукельский всем восхищается. После второй части говорит: вот третья, никем не испорченная оркестровка, но хороша как раз первая страница, которую я оркестровал. Думаю, однако, что Симфония настоящий шаг вперёд. «Огненный ангел» идёт сразу довольно хорошо, так как написан большими линиями в отличие от коротких штрихов Дукельского. Звучит хорошо, как я и думал. После репетиции отвожу усталого Кусевицкого домой.
Днём хотел пойти на генеральную репетицию «Аполлона», но оказывается она уже состоялась вчера. В 5.30 спевка у Кусевицкого. Певцы выучили очень хорошо.
Обедали у Кусевицкого и с ним поехали на дягилевскую премьеру «Аполлона». Дягилев сердитый. «Аполлон» меня раздражает, хотя я стараюсь уговорить себя не быть враждебным. Моё двойственное положение перед собой и перед людьми: с одной стороны, увидь я такое сочинение и принадлежи оно неизвестному автору, я просто отложил бы его как средний балет. Но Стравинский мой «коллега» и мой конкурент, значит, надо взывать к благородству. И что же: плохое назвать хорошим? Успех довольно продолжительный, но не горячий. Стравинский

выбегает. Не уходит со сцены, а только занавес поднимается и опускается. В антракте никто не говорит об «Аполлоне»[14] (или со мною?). Моя гафа Ротшильду (что он заснул во время «Аполлона»).

13 июня

Третья репетиция. Симфония Дукельского проясняется, хотя много ещё мути. Одним нравится вторая часть, другие считают её игрою в красивость. Про вторую тему финала: я - «Прокофьев с уклоном к Глиэру». Сувчинский хохочет, но Дукельскому расхваливает Симфонию: зрелый композитор. Я сдержан. Получается положение навыворот: я всегда хвалил Симфонию и теперь, видя недостатки, ругаю их. Другие же всегда относились к ней скептически, а теперь увидели, что Симфония хорошая, и расхваливают её. Дукельский задирает нос и льнёт к ним.

(Набоков: Стравинский хвастается перед молодым композитором, спрашивая у Набокова, как «Аполлон». Набоков хвалит что-то в «Аполлоне». Стравинский: «Да, очень удачно. Уж не знаю, как это Бог сподобил меня написать это».)

«Огненный ангел», первый раз с певцами. Плохо слышно, а во второй картине одни открытые рты. Подвела акустика зала, но всё же досадно. Боровский. Prunières под большим впечатлением и, разумеется. Кусевицкий. Сувчинский и Набоков молча исчезают. Вообще «Аполлон» и «Огненный ангел» вызывают в музыкальных сферах острую партийность, умолчания, недоумения и прочее. Но «Аполлон» последнее слово Стравинского, «Огненный ангел» старая вещь (по замыслу), и я выступаю с такой вещью, от которой во многом отошёл.

14 июня

Кусевицкий, по гениальной идее, решил взять вторую картину pianissimo (в предшествующем антракте всё играл forte). Певцы выступают отлично, а перед концом картины медленное crescendo в оркестре, которое, наконец, всё покрывает. Руссель, Пуленк, которые хвалят.

Вечером концерт, довольно много народу. В ложе Наталья Константиновна, мы, Захаровы. Много дирижёров: Стоковский, Херц, Бичем и другие. Очень симпатичная сюита из «Псковитянки». Симфония Дукельского проходит приятно и имеет хороший успех. «Огненный ангел» проходит хорошо. Успех большой. Я просил Кусевицкого не сразу на меня указывать. Он так и сделал. Но меня вызывали трижды (для автора симфонической вещи довольно много). Антракт. У ложи страшная толкотня. Все поздравляют чрезвычайно горячо. В общем, настоящий успех.

Сабанеев (на моё недоверие):

- Нет, мне в самом деле это очень нравится.

Я:

- Как вам трудно будет заставить себя поверить!

Второе отделение: «Картинки с выставки», отлично звучит. Все устраивают Кусевицкому огромную овацию. Вобщем, он сияет, и я. Едем к Захаровым, как условлено давно: сначала предполагалась маленькая компания, но потом повалили все: Кусевицкий, Стоковский, Херцы. Дукельский. Боровский. Пайчадзе, Самойленки, Ларионов-Гончарова, Обуховы, квартет Кедрова, Гиршман. Еды еле хватило, но польщены, что были важные слоны. Когда по какому-то поводу расцеловался с Захаровым, я объяснил Фатьме Ханум, что двадцать два года дружим. Захаров вдруг приставил: за исключением двух весьма ужасных годов.

[14] «Аполлон Мусагет», балет И.Стравинского.

Ведь до сих пор помнит! Я ответил: это для циркуляции крови. Фатьма вдруг отвела и стала спрашивать про Мещерскую, не называя или не зная фамилии. Правда ли, что хотел соблазнить и увезти, так как «чьи-то» родители были против. Я, смеясь, сказал, что даже Башкиров стоял с автомобилем за углом.

Фатьма (через некоторое время):

- Я под впечатлением, считала вас до Америки человеком без прошлого.

Я (чтобы стереть впечатление):

- А когда я ездил в Россию, то сколько «прошлых» появилось!

Фатьма:

- А эта, может быть, тоже где-нибудь появилась?

(О, ещё бы, ввиду того, что портрет отца-Кривошеина стоит у Самойленко).

Но, чтобы сбить:

- Нет, эта была проклята за нерешимость при побеге.

15 июня

Приехал Haensel, деликатные разговоры о моём уходе. Haensel ведёт себя как джентльмен, разрешает и даже не спрашивает о долге (тысяча долларов). Про manager'a Кусевицкого говорит, что он честный, но маленький. Рекомендует предварительно запастись гарантиями с его стороны.

16 июня

Купил все газеты: после успеха «Огненного ангела» интересно прочесть, как хвалят. Но ни в одной. В три часа Дукельский и Марнольд. Последний хотел послушать симфонию первого и посмотреть её. Сажаю Марнольда и Дукельского за шахматы, но Марнольд бьёт дважды. Тогда я трижды бью Марнольда.

Едем обедать: Пташка, Дукельский и я, а затем к Самойленко, где Сомов, Боровский, Шухаев. Очень мило, хотя я веду себя пассивно и больше слушаю, чем разговариваю. Фатьма, оставшаяся наедине, опять пытается навести разговор, но нас перебивают.

17 июня

CS Church. В Версаль к Bassiano. Какие милые люди: артистические, породистые. Горовиц убеждает, что он не такой салонный, что выучил уже мой 32-й опус и будет летом учить мой Концерт. Какой? Рекомендую третий; второй мне самому нужен для Америки. Наварра - прост, песенки, Пташка - по-испански. У Кусевицкого масса народа, они, как всегда теперь, милы. Кажется, поедем в автомобиле в Haute Savoie - мы выбирать дачу, так как и они там. Вечером Марина Цветаева, на которую продали билеты за четыреста; это много, другие за пятьдесят и сто. Очень хорошие стихи, иногда трудные. Но как я всё-таки отошёл от стихов. Сувчинский лебезит, по глупости продал наши билеты на «Огненного ангела», а на репетиции «не понял». Я: «Удивительно, ведь это старая вещь». Сувчинский: некому писать о музыке, с осени я сам начинаю со статьи о вас. Я: «Это никому не страшно: вы пишете таким сложным слогом, что у вас всё равно никто и ничего не поймёт».

18 июня

Утро проездил в Версале: налоги, уже полтора года, как тянется. Задержали три тысячи, надо платить 2200, скинули 870. Принимая во внимание большие налоги

во Франции, я хорошо отделался, и к тому же оттянул, буду платить, когда есть деньги.

После завтрака диктовал «половинному» Горчакову письма, которых много накопилось. В пять часов у Dubost: trois opéra-minute[15]. Вопрос: сколько минут длится opéra-minute? «Хороший» Miriro, что я и сказал автору, который остался очень доволен, так как поняли по-разному: он считает себя хорошим, я плохим (развить). Стоковский подошёл и спросил, буду ли я завтра на завтраке. Вообще очень мил. Я был любезен, но сейчас же стушевался. Вечером Софроницкий, хорошие моменты, но неровно и много мест недоделанных. Нет заграничного тренинга, когда нельзя делать промахов. Но флюс.

Кончил корректировать клавир «Скока»: какая ужасная гравировка.

12 июля

Приехали в Vétraz. Я с Астровым в автомобиле (скучный попутчик, но ехали благополучно), Пташка в поезде со Святославом и англичанкой, оказавшейся ужасной неумёхой.

Я сажусь за переоркестровку «Увертюры» op.42 для большого оркестра. Сначала трудно - поймать идею, потом идёт легко. Корректура голосов 2-й Симфонии.

Мне нравится наш château. Пташку раздражают хозяева, «коровища».

8 августа

Днём Пташка, я и Святослав в автомобиле выехали к Кусевицким.

Я для похода, Пташка и Святослав гостить (их обоих чрезвычайно любит Наталья Константиновна). Подъём в автомобиле, выбежали два сына Стравинского. Оказывается, сам пьёт чай. Очень мил, рассмотрев автомобиль, хвалит. У всех настроение весёлое. О Бетховене, принципиальный враг, но почтенный враг. Бетховена любят не за то. Ругает Римского-Корсакова: я говорю, что главный недостаток Римского-Корсакова - это квадратность, унаследованная от Листа. Стравинский согласен, но говорит, что и квадрат иногда хорош, цитирует из Вебера и коду первой части 4-й Симфонии Чайковского. Стравинский начинает спрашивать, что я делаю, и тут же сам решительно: ничего? Отдыхаете от зимнего сезона? Я начинаю рассказывать про фортепианные пьесы (про симфонию «Огненного ангела» нельзя), но нас прерывают и зовут обедать. Пайчадзе готовит шашлык в поле. Изумительный шашлык и замечательное вино. Сыновья Стравинского подпили и изображают англичан. Заходит разговор о том, что делает Стравинский в Annecy, в отдельной избе: работает утром четыре часа с перерывом на завтрак и три или четыре часа днём до обеда. Балет для Иды[16]. Чайковский. Я потрясён. Трудность сочинения своих тем толкает на чужие. А тут и легко, и отражённый успех, и блестящая техника... Но: Андерсен, действие в Швейцарии и музыка Чайковского - какая мешанина! Хвалит Святослава, надо ещё бы и его в крестные. Все ночуют.

9 августа

Всю ночь кого-то громко тошнило и Наталья Константиновна жалела Пташку (беременна). Оказалось, что Стравинский: объелся шашлыком. Утром все

[15] Три оперы-минутки (фр).

[16] Рубинштейн.

мужчины у него, он лежит одетый, но с расстёгнутыми штанами, и уверен, что у него дизентерия. К завтраку лучше и он с сыном уезжает в Thonon, где назначил свидание друзьям, живущим по разным концам Женевского озера и Швейцарии.

Оказывается, Святослав ни с того ни с сего спросил: «Мама, а что такое - Стравинский?» Пташка рассказала об этом мэтру, который остался очень довольным и сразу начал объяснять Святославу: «Стравинский - это вот я; вот, посмотри...» и т.д.

Без четверти четыре вечера вышли, трогательно провожаемые. Начало подъёма очень приятное, лесная дорога. Шли долго. В девять, устав, нашли шале внизу Mont Joly. Страшно обрадовались. Обед и шипучка. Я про Порт-Артур и цингу (если-б пили вино?). Когда расписались музыкантами, нам принесли аккордеон (гармонию); презрение. Спать пошли на чердак. Пайчадзе и я на сене, подложив одеяло. Я засыпаю. Кусевицкий не спит. В три часа компания - кричат и галдят, их не пускают. В шесть часов выходим. Кусевицкий болен. Идём медленно, но мне это на руку. Решаем изменить маршрут. Кусевицкий возвращается с кофейным мальчишкой. Мы с Пайчадзе доходим до верха. Я иду лучше, но круто. Сначала зелёные луга, потом голый камень и серый песок. Почему Mont Joly, когда некрасиво? Наверху мало места, но вид во все стороны. Чудные виды. Кусевицкий еле дошёл до шале. Я тоже кислый. Отдыхаем. В четыре часа всем лучше. Спуск в St. Nicolas. Единственный отель. Чудный вид с терассы, где обедали: зелено, уютно. Идём опять: я, Кусевицкий, Пайчадзе. Пайчадзе рассказывает воспоминания двадцать первого года, спальный вагон, а также приключение с монетами в горшке от цветов. Кусевицкий тоже вспоминает спальный вагон. Я слушаю, но не рассказываю.

11 августа

Встаём в 5.30, спали как убитые. Великая Польша (четыре человека) провожают. Легко и приятно поднимаемся к Col de Voza. Маленькая размолвка с Кусевицким по поводу кофе. Я прихожу один в девять утра. Одинокий отель. Зубчатая дорога. Жаркое солнце, но прохладно от ледника. Я жадно пью три чашки кофе.

Приходит остальная компания. Кусевицкий бранит меня за уход: вообще понижает настроение. Отдыхаем в отеле, а в три часа начинаем спуск. В прошлом году Кусевицкий и Пайчадзе заблудились и завязли в болоте. Теперь сухое лето, но всё же заблудились в чаще кустов и деревьев. Кусевицкий сердится, теряет очки; Пайчадзе разбивает руку, я веселюсь. Найдя спуск, попадаем в долину Chamonix, замечательно красивую.

Вечером, усталые, - в Chamonix - суббота, миллион народу, хотели в лучший отель, но не тут-то было. Еле устроились в мансарде. Сегодня скис Пайчадзе.

12 августа

Утром не торопились с выходом, чтобы передохнуть. Chamonix наполнен народом, напоминает Кисловодск, но теснее и, несравненно, воздух Кисловодска лучше. После завтрака подъём, сначала лесом, потом по открытой горе, с чудным видом на Chamonix и на Mont Blanc.

Порядочно замучившись, пришли к Chalet de Planpraz - очень мило, простор, горы. Комнатки пресимпатичные, тёс, напоминает финляндские и русские дачи. Симпатичная дочка хозяина. С Кусевицким выпиваем шампанское. Сплю в одной комнате с Пайчадзе. Он рассказывал про антропософов, которые мне мало нравятся, - религиозные философские спекуляции. Гроза.

13 августа

Поднимаемся на Col du Brévent довольно лениво, но перевал и за перевалом действительно чудесно. Со всех сторон горы, разнообразные, и каменистые, и мягкие, зелёные. Очень интересный переход. Завтрак на берегу горного ручья, бутерброды и вода из вонючих роговых стаканов. Снова подъём. Chalet у Col d'Anterne. Завтрак. Несимпатичный хозяин, у которого я (кассир) выторговываю. Спуск к Servoz. Очень длинный спуск по булыжной дороге. Под конец запутались, попали на хорошую, но не туда ведущую, дорогу. Темнеет. Автомобиль. Попадаем домой в десять, где нас уже не ждали, удивлены, обрадованы.

8 сентября

Асафьев приезжает сегодня. Он приехал на автомобиле из Женевы, пока я встречал его четыре раза на вокзале. Отличный вид. Целый день рассказывал. Римский-Корсаков не мог убедить Мусоргского, что грязно, и потому пускался на хитрость, что психологически неверно, и это действовало. Из молодых хвалил Шостаковича (плохой характер) и Попова.

9 сентября

Отличная поездка в Evian и по озеру на пароходе, как яхта. Асафьев рядом со мною в автомобиле. Ему очень нравится французский пейзаж, но, увлекаясь разговорами, он иногда о нём забывает. Асафьеву не нравится «Аполлон». Ругает Набокова, особенно «Оду». Снисходительно хвалит Дукельского (романсы).

10 сентября

Я начал оркестровать вторую часть Симфонии. Играю Асафьеву две «Вещи в себе». Длинная более нравится, чем короткая, к которой приглядывается лишь после второго раза. Я удивлён. К названию относится неуверенно, но не протестует. Я волнуюсь, играя. Он согласен, что это новый я. Вспоминаем параллельное наше развитие в Консерватории и после. Мясковский, он и я впервые перезнакомились в Москве через Держановского.

11 сентября

Поездка на очень красивое озеро Annecy, хорош Talloires. (Стравинский уже в Голландии). Асафьев в упоении. Возвращаемся в сумерках по склону Salève. Асафьев пишет статью о «Стальном скоке» (у меня как раз корректура). Очень нравится (не нравилось, когда я привёз начало клавира в Россию). Пропаганда для России.

12 сентября

Сел работать: оркестровал и отделывал вторую часть Симфонии. Днём с Асафьевым в Анемасе по мелким делам, пешком, он отличный ходок.

13 сентября

Давно уже решил поговорить с Асафьевым о CS во время его приезда. Не знал, как начать. Сегодня вышло само собой. Зашёл разговор о взглядах европейцев на

религию. Я спросил, слыхал ли Асафьев о CS. Он не слыхал. Я начал объяснять, несколько волнуясь, но помня, что речь приходит свыше. Асафьев сразу заинтересовался и рассказал про его исцеление в римских катакомбах (рассказ: плохое сердце, доктора посылают в Париж, в другую обстановку, там ещё хуже, едет с женой в Италию, в Пизе припадок после похорон - просыпается от звона, не может пошевелиться. Едут всё-таки в Рим, замечательный монах, осмотр катакомб, его слова «вы здоровы и много ещё сделаете», думал, что гипнотизм, так как вся болезнь исчезла). Вечером я дал Science & Health.

14 сентября

Поездка в Onnion, где я был уже раз. Очень красиво. Асафьев в первый раз «соприкоснулся с ласковыми горами». Гроты. Довольно высоко и Пташке не следовало бы лезть. Не глубоко, нет лестницы, но зал и ход двести метров. Электрические фонарики бы!
О CS не говорили.

15 сентября

Работал над Andante. Играл первую часть Асафьеву, сильное впечатление. Идиотское письмо от швейцарского консула: залог. Прогулка пешком. Асафьев читает Science & Health, но медленно - трудно, так как очень новые мысли. Я считаю за лучшее - не прессировать его. Разговоры о Могучей кучке, о злом характере Римского-Корсакова, о какой-то тайне в жизни Балакирева, о барско-эпикурейской распущенности у Глинки и Бородина, в то же время это наиболее привлекательные фигуры. Смерть Глинки. Асафьев горячо защищал, что Чайковский не был ограниченным джентльменом (я сказал), а наоборот, тонкой личностью, во многом недооценённой. Уровень его письма часто зависел не от него, а от уровня его адресатов. Когда он писал, например, молодому Глазунову, в которого верил, то письма были замечательные. «Но я их тогда не оценил», - будто бы сказал недавно Глазунов Асафьеву.

16 сентября

Поехали с Асафьевым в Annemasse встречать Ламма (из Женевы). Он гораздо более живой, чем показался в Москве. Очень приятный день. Я играл 3-ю Симфонию, первую и вторую части и две «Вещи в себе». Особенное впечатление от первой части Симфонии, меньше от второй. Ламм и Асафьев забавно ссорятся из-за Москвы-Ленинграда, но вообще очень дружны и оркеструют привезённую Асафьевым «Хованщину» в оригинальный вид. Вечером Асафьев неожиданно рассказал о предложении учеников Консерватории выбрать меня директором (после моего посещения Консерватории в 1927 году). Тайное заседание с Асафьевым - как я отнесусь. Но Асафьев говорит, что это невозможно пока Глазунов. Из профессоров знали об этом лишь немногие, Глазунов не знал. На меня это произвело сильное впечатление, так как я люблю Консерваторию и это приходило уже в голову, хотя и данных для того до сих пор не было. В 10.30 отвезли Ламма.

17 сентября

Закончил музыку второй части, Асафьев закончил статью о Стравинском: очень глубоко и остро взято, указывает серьёзно и учёно настоящее место «Аполлону».

Асафьев в восторге от романовской Увертюры[17]. Как весело. Такую музыку ждут. Не советует смешивать с Квинтетом.

18 сентября

Окончил оркестровать вторую часть. Ходили в Анемас. Про CS Асафьев (которому я дал напечатанную лекцию - отличный конспект, а то трудно охватить) вдруг сказал: «Надо поверить в то, что зло нереально, а это трудно, по крайней мере сразу». Значит, он обдумывает и читает CS. Вечером говорили о «Черевичке» и «Ночи перед Рождеством», отдавая должное последней, но склоняясь к первой. Асафьев наиграл на фортепиано. Меня поражает побочная партия увертюры, которую я забыл со времён консерваторского исполнения и которая вдруг выплыла как из тумана, вместе со всем консерваторским исполнением. Какая красота и широта мелодии!

19 сентября

Делал середину финала (оркестровал). В два отправился в Анемас за Ламмом и затем в Chamonix с Пташкой, Асафьевым и Ламмом. Из Chamonix поднялись по подвесному фуникулёру в Planpraz, который мне понравился ещё с Кусевицким. Сильное ощущение при подъёме: у меня закладывает уши, но я не волнуюсь (CS); Асафьев и Ламм волнуются. Наверху надо было ещё немного подняться до отеля. Пташка отяжелела и еле дошла. Виды на Монблан, на долину и ползущие туманы. Утром в семь Ламм, Асафьев и я пошли до Col du Brévent, как с Кусевицким и Пайчадзе, и ещё наслаждались видами. Мы спустились в Chamonix и по дороге в Vétraz заехали в Servoz — Gorges de la Diosaz. Сначала так себе, но потом замечательно, даже после величавых картин с Col du Brévent. Влюблённым парочкам рекомендуется отправляться сюда. Вернулись в Vétraz, чрезвычайно довольные поездкой, которую больше всего переживал, конечно. Асафьев, а я «угощал». Ламм уехал в Женеву.

21 сентября

Вечером с Асафьевым был разговор о CS, который очень взволновал и его, и меня. Говорили об отдельных пунктах, для него неясных. Так как ему трудно охватить всё, то я дал ему отчёт об одной лекции CS. в которой изумительно ясно и просто охвачено всё учение. Мне нравится, что Асафьева интересует не целительная сторона, а моральная и познавательная.

24 сентября

Кончил оркестровать четвёртую часть. Осталась лишь половина скерцо.

25 сентября

Наконец мы получили (поздновато) швейцарскую визу и решили отправиться в четырёхдневное путешествие. Пошёл дождь, В 7.30 вечера под дождём провожали Асафьева пешком (автомобиль заряжал аккумуляторы); племянник Ламма должен был его без визы перевести через границу. Асафьев забыл вернуть зонтик. Переезжать границу с зонтом под дождём на мотоцикле - картина!

[17] Увертюра к балету С.Прокофьева «Трапеция» в постановке Б.Романова.

26 сентября

Выезжаем мы с Пташкой. Два месяца ждали визы, но на границе никто её не спросил.

Женевские окрестности чисты и богаты. В Женеве Ламм, его брат с семьёй и благополучно прибывший вчера Асафьев. Выезжаем вчетвером, мимо дворца Лиги наций. Отличное шоссе, вообще очень культурно, но нельзя быстро ехать: ввиду напоминания о замедлении. Долина Роны, углубляемся в горы. Diablerets, Ansermos, машина тянет недурно, мы восхищены видом. Под вечер садится Ламм рядом со мной, говорит, что до Spiez восемь километров, но едем без конца в темноте, Пташка замолчала, я волнуюсь за неё и, наконец, накидываюсь на Ламма, так как оказывается не восемь, а двадцать три, и попали в довольно дорогой отель (я плачу за всех).

27 сентября

Пташка стонет, вставая, я нервничаю, не следовало ей ехать. Да и поздно выезжали, а я люблю рано. Ссора портит впечатление от тунского и бриенцского озёр. Но затем очень интересно поднимаемся на перевал Grimsel. Окраска, наверху дичь, как на иной планете. Затем снег и холод. Завтракаем на перевале в крошечном ресторанчике. При выходе из него - воздух, как март в Петербурге, а потому прелестные воспоминания о прошлом. Спуск в Gletsch только для того, чтобы подняться на ещё более высокий перевал. Furka - разделяет ледник. Посещение грота в леднике. Невероятно синий цвет (подводный). Спускаемся в Andermatt и к Чёртову мосту (1,5 км). Воспоминания о Юрьевской и о переходе Суворова (книга, прочтённая только что). Какое дьявольски мрачное ущелье, особенно при наступающих сумерках.

Ночуем в Andermatt'e.

28 сентября

Моросит дождь. Поднимаемся на Сен-Готар. Облака несутся со всех сторон, под нами и над нами. Тут же манёвры швейцарской кавалерии и артиллерии. Едем по склону узкой долины, по которой шёл Суворов. Впечатление суровости и величия. Автомобиль ползёт медленно. Наверху туман вдруг рассеивается и мы видам пустынное озеро и отель. Спускаемся в тумане, как в молоке. Трудные повороты. Асафьев по растительности определяет соответствие широте в России. Вдруг среди тумана появляется зелёная долина - Airolo. Завтракаем, пьём итальянское вино, которое я очень люблю, Пташка изъясняется по-итальянски. Под вечер Лугано и отель с балконом прямо на озеро. Особенно доволен Асафьев, вспоминает, как он был здесь пятнадцать лет назад, но не узнаёт многого - так Лугано расширилось.

29 сентября

Солнце. Проект вернуться через Симплон, но для этого надо пересечь кусочек Италии, а без визы нельзя. Ходили к итальянскому консулу, но безрезультатно. Едем по озеру. Часть берегов итальянская, часть швейцарская.

После завтрака трогаемся обратно на Сен-Готар.

Лугано - красиво и привлекательно, но я не хотел бы здесь жить. Лопается шина - гвоздь. Ночуем в Airolo, несколько волнуясь за завтрашний подъём при испорченной шине.

30 сентября

Подъём на Сен-Готар, более трудный с юга, чем с севера. Опять шина - всегда сериями. На этот раз Ламм проявляет деятельность и помогает.

Взбирались наверх на этот раз при меньшем тумане. Перевал всё же импрессионантен[18]. Появляются два сенбернара. Пташка снимается с ними. Завтракаем в Andermatt'е. Потом подъём на Furk. Грязно и липко. Старик еле тянет (первая скорость с разгоном), а наверху попросил Ламма и Асафьева немного пройти пешком. Еле влезли. Я сердился и говорил, что пора продавать старика. На самом деле оказалось, что у него повреждена одна свеча, и он ехал на трёх свечах, как лошадь на трёх ногах. Спустившись с Furk, взяли долину Роны и в темноте заночевали в Фише. Глушь и грязные сёла, неосвещённые взрытые мосты. Вот так культурная Швейцария! Но отель в Фише удобен.

1 октября

Когда утром хотел тронуться в путь, новая история: опять шина, спустившаяся за ночь. Находим два гвоздя. Гаража нет, ближайший в двадцати километрах. Сначала расстроились, потом решили накачать шину и ехать останавливаясь и подкачивая в дороге. Но благополучно доехали до Brig. Дорога сначала скверная, потом лучше. Пташке дурнилось после плохой колбасы, съеденной за завтраком. Потом прошло. Под вечер благополучно достигли Франции у впадения Роны в Женевское озеро. Опять никто паспортов не спрашивает. В восемь часов вечера дома. Асафьев взволнован, не имея никаких писем и беспокоясь за жену и за участь посланных в Россию длинных статей.

2-5 октября

Второго Асафьев уехал в Париж, где ему надо было порыться в библиотеках. Кроме того, он рассчитывал найти в Париже свою почту. Он очень поправился и расцвёл за время своего пребывания у меня. После его отъезда - сборы и корректура 2-й Симфонии. Пятого днём выезжаем в Париж; чуть-чуть ссорились с хозяином, главным образом из-за колодца и из-за Пташки. Пташка, я, Святослав и англичанка в автомобиле, Астров с чемоданами по железной дороге.

6-7 октября

Переезд. Очень интересен Jura, красиво в позолоченных листьях, мягче красот Швейцарии. Инцидент с машинками в таможне. В пути Пташка стонет во время плохих дорог и тряски, но когда едем по ровным дорогам, тогда - хорошо. В Париже седьмого в четыре часа. В пустой дом Кусевицких, но Ксюша не пустила. Изумлены, рассержены, смущены. Отель найти трудно, всё полно. Hôtel Poussin, маленький, у Porte d'Auteuil.

8-28 октября

Поиски квартиры, как два года назад. Святослава взяла Ольга Владиславовна. Очень обрадовались видеть опять Асафьева. Его тут приветствовали Прюньер, Онеггер, Ансермэ - Асафьев сияет. Целые дни возится в библиотеках. Свои исторические поиски (форма у Филдера, отца шахматиста, пять и семь тактов, а

[18] Впечатляет, от impression (фр).

если восемь, то 5+3). а для оправдания командировки - о социальном положении музыки во Франции в таком-то веке. Разговор его с Ансермэ, который, по его мнению, натаскан Стравинским. Ансермэ защищает Набокова и не хочет слышать о Дукельском, а как раз я хотел через Асафьева повлиять на Ансермэ, чтобы он повёз в Россию 1-ю Симфонию Дукельского. Асафьев и я рассматривали оркестровку «Душки» и Сонату Дукельского, но впечатление неровное от Сонаты, а «Душка» плохо оркестрована. Пишу Дукельскому с целью пробудить его к более серьёзной деятельности.

Сувчинский Асафьева не разыскивал, но однажды, когда Пташка и я на Ballot заехали за Асафьевым, столкнулись у самого подъезда со случайно проходившим Сувчинским. Встреча Сувчинского и Асафьева почти любовная, хотя Сувчинский обижен, что Асафьев хотел уехать, не повидав его. Они уселись внутрь автомобиля и я спросил, не везти ли их в Bois de Boulogne, как шофёры возят любовные парочки.

Я смотрел «Поцелуй феи», но сухо, как будто вовсе не так занятно. Играют после «Черевичек». Какие опьяняющие широкие две темы! Увертюрная и «яблонько»! Стравинский засушивает даже Чайковского.

Обед: Асафьев, Сувчинский, Пташка, я. Сувчинский ведёт нас в простоватенький с виду ресторан, но очень вкусный, у Halle des Vins. Сувчинский про Стравинского: я его знаю теперь как никто: этот человек постарался совершить изумительный план, но у него не хватит сил его выполнить; это - отличное стратегическое расположение, занятое недостаточными войсками. Не потому ли Сувчинский нашёл нужным выступить в моём присутствии против Стравинского, что Асафьев уже наговорил ему за меня и против Стравинского. Приезжает из Лондона Дукельский, взволнованный моим письмом.

- Кто-то меня здесь травит. Кто?

Я:

- Тот, который раньше травил и меня, и у кого этот глагол в корне фамилии.

Дукельский знакомится с Асафьевым и затем играет нам, а также Сувчинскому,
свою новую, 2-ю Симфонию. Симфония производит на всех странное впечатление: ждали явственного шага вперёд от первой, но его нет. Будто недостаточно ярко и ясно. Пять романсов на Пушкина милы. Затем я играл две «Вещи в себе». Дукельский хвалит длинную. Сувчинский молчит, а затем начинает хвалить обе, хотя довольно косноязычно. Затем обедаем все вместе, весело. Сувчинский обрушился на Стравинского за то, что тот так материалистичен и так заботится о выколачивании денег. Для чего? Для того, чтобы потом обставиться со всех сторон «гочкисами».

Квартира продолжает занимать у меня время, хотя очень хочется сесть работать. Четыре срываются. Дукельский уезжает, показывает мне оркестровку «Душеньки», спрашивая совета и сейчас же отвергая всё, что я советовал. Асафьев находит его милым мальчиком, типичным для своей музыки.

Двадцать второго октября приезжает Дягилев и начинаются разговоры о: 1) заказе балета мне; 2) советскому композитору, согласно моей информации, которая, кстати, совпала с хиндемитовской (ибо последний получил её от Асафьева, чего Дягилев, конечно, не знал). Я привлекаю к разговорам Асафьева, один раз мы обедаем, другой завтракаем. Я играю Дягилеву две «Вещи в себе» (нравятся, но суховаты), а также 1-ю Сонату Шостаковича и «Вокализ» Попова. Асафьев утверждает, что от обеих вещей оба автора ушли вперёд. Дягилев решает остановиться на Попове и поручает Асафьеву устроить его приезд в Париж, платя дорогу по третьему классу и месячное пребывание. Много выспрашивает у Асафьева про различные старинные издания, которые Дягилев коллекционирует (увлечение последних лет, даже в ущерб балету). Асафьев очень доволен, что его командировка закончилась заказом балета советскому композитору: за это его

погладят по головке.

В третьем свидании Дягилев и Кохно излагают мне сюжет балета: притча о блудном сыне, перенесённая на русскую почву. Излагают оба и очень убедительно. Асафьев в восторге, находит, что Дягилев как раз угадал, что мне сейчас нужно. Мне нравится. И хотя я никогда не хотел работать с Кохно, кажется, возьму сюжет (Дягилев вложил переделку в уста Кохно, хотя я уверен, что три четверти в ней дягилевские).

Асафьев уезжает двадцать девятого октября. Я провожаю, также Мийо с женой. До скорого свидания - моего приезда в СССР в декабре. Двадцать шестого я нахожу квартиру, меблированную, чуть грязноватую, но спокойную и просторную, и в окне видна Avenue du Bois. Пора, ибо и я, и Пташка (ещё бы, в её положении) очень издёргались. Двадцать восьмого мы переехали и я сейчас же принялся за окончание скерцо в 3-й Симфонии.

2 ноября

Дооркестровал скерцо Симфонии, дабы, прикончив её, развязать себе руки для нового балета. Но в шесть часов вечера свидание с Дягилевым в Grand Hôtel и отчаянная торговля из-за гонорара, «с выходом». Дягилев сидел, угрюмый и тяжёлый, и болезненным голосом повторял: «У меня нет денег, больше не дам». Я требовал двадцать пять тысяч франков (и то мало, Идка заплатила бы семьдесят пять), а он не соглашался. Отложили разговор и я поехал играть к Самойленкам в бридж. Это был мой первый дебют после летнего перерыва и обошёлся он мне в триста сорок франков, так как партнёры были клубные, сильные.

3 ноября

Окончил 3-ю Симфонию.

Днём зашёл в издательство и сообщил эту печальную новость Пайчадзе: иначе говоря - пятьдесят тысяч франков на гравировку. Встретил там Сабанеева. У него смена вех: недавно в английских газетах появилась его статья об «Огненном ангеле», очень хвалебная. Открыл у меня глубину и нежность, которые я, оказывается, до сих пор скрывал из ложного стыда. Сабанеев сообщил, что он написал вторую статью для Америки, и выражал желание повидаться и прийти ко мне. Я уклонялся под предлогом того, что мы недавно переехали, а Пайчадзе, после его ухода, говорил:

- Не пускайте его к себе, у него изо рта воняет, он вам отравит всю квартиру.

Я ответил:

- Это от того, что он всю жизнь обдаёт всех грязью.

Вечером пошёл на Гизекинга. Это первоклассный пианист, один из лучших: Рахманинов, Горовиц и он. После концерта я зашёл к нему. Он сначала меня не узнал, а узнав, сказал: «Меня уже оповестили, что вы в зале». Выходя, нос в нос столкнулся со Сталями. Не кланяясь, мы отогнулись в разные стороны. Не ссора, а весёлый водевиль.

4 ноября

Псалом: «Сей день сотворил Господь: возрадуемся же и возвеселимся в этот день». Если бы каждый начинал свой день с этой песней на губах и в сердце, он был бы благословен и мог бы благословить других. (Это изречение я выписал из CS Sentinel).

Днём у Пташки была её приятельница с мужем акушером. Он осмотрел Пташку

и сказал, что ребёнка надо ждать через месяц.

- Мальчик или девочка? - спросили мы.
- А вы кого хотите?
- Девочку.
- Тогда я уверен, что девочка. Но при этом я вынимаю записную книжку и пишу в ней против сегодняшней даты - мальчик. Если выйдет девочка, то я вам скажу: я так и предсказал. Если же выйдет мальчик, то я выну записную книжку и покажу вам, что ещё сегодня я записал в неё: мальчик.

5 ноября

Симфонию кончил, а с Дягилевым ещё не столковались. Поэтому начал корректировать партитуру «Стального скока». Пайчадзе, по жадности, отдал её не настоящему гравёру, а гравёру на кальке. Поэтому тысячи ошибок и отвратительно выглядит. Корректировал с руганью на губах по адресу гравёров и издательства.

Вечером пошёл на концерт Черепниных: сочинения отца и сына. Неважно. Оба несамостоятельны в мыслях. Кроме того, сын ещё слаб технически. Саша в Америке, с милой женой.

Николай Николаевич встретил меня ласково. Это потому, что я весною в Монте- Карло походил с Сашенькой две минуты под руку, и за это отпущена моя выходка в Берлине. Николай Николаевич чрезвычайно хвалил «Огненного ангела» (исполненного у Кусевицкого) и приглашал меня к себе, чтобы поиграть его новую оперу.

6 ноября

Корректировал партитуру «Стального скока». Ошибок триллионы.

Днём опять разговаривал с Дягилевым о цене: он - двадцать тысяч, а я - двадцать пять. Я мотивировал тем, что иначе мне не повернуться. Он отвечал, что Хиндемиту он платит ещё меньше.

Я:

- Но Хиндемиту нужен Париж, где он почти неизвестен, так что и то ты дал дорого. Меня же ты хочешь держать впроголодь.
- Посмотри на свою физиономию, - сказал Дягилев, указывая на зеркало, где она отражалась розовой и толстой.

Опять разошлись. Дягилев просил подумать и поговорить. Вечером концерт Сен-Рома, очень способного пианиста, которому покровительствуют Кусевицкие. Играл недурно, но в зале тридцать пять человек.

7 ноября

Проверял внесённые поправки в корректуру клавира «Стального скока». Конечно, многое не внесено.

Был у Н.Н.Черепнина, после большого перерыва. Он играл своего «Ваньку Ключника», оперу, которую он заканчивает. Конечно, Черепнин есть Черепнин и через свою голову не перескочит, но похоже это лучшая его вещь. Есть сценическая изобретательность, и меня опять потянуло к сцене. Пора же, наконец, взяться за моё шахматное либретто!

За чаем вдвоём ругали Лермонтова. «Герой нашего времени» (я недавно перелистал его после двадцатилетнего перерыва) - ведь это же провинциальный гимназический роман! А вот Пушкин не дряхлеет.

8 ноября

Подумав и посоветовавшись с Пайчадзе, я решил, что глупо ссориться с Дягилевым из-за пяти тысяч. Поэтому я позвонил ему о согласии. Дягилев был очень доволен и в шесть я приехал к нему в Grand Hôtel в смокинге, так как потом ехал к американцам обедать.

- Вот так, по начальству в параде, - сказал Дягилев.

Но хорошее настроение было скоро испорчено, так как я заявил Кохно, что в счёт своих авторских он должен получить с Общества авторов не 1/3, как он хотел, а 1/5. Кохно упёрся, и я тоже.

- Тогда вам надо искать другой сюжет, - сказал Кохно.

- Ну, конечно, - ответил я.

- Где же тут, мы послезавтра уезжаем в Англию, — сказал Дягилев.

Опять сорвалось. Но так как тут против Кохно Дягилев не пожелал меня поддержать, я возмутился.

- Я сделал тебе очень серьёзные уступки, которые ты, по-видимому, не оценил, - сказал я Дягилеву. - Но хотя в этих процентах вопрос в грошах, я тут уж принципиально ни шагу вперёд.

Так и разошлись.

Я был взбешен. Уступить нельзя. Даже отлично, что так вышло. Если меня настолько мало ценят, что дело летит к чёрту из-за Кохно, то может даже лучше, чтобы мы поскорее разошлись.

9 ноября

Утром начал строить проекты: так как балет вылетает в трубу, то над чем работать? Решил сделать ещё две пьесы («Вещи в себе») и кончить оркестровую сюиту, приписав два номера к Увертюре и «Мателоту», написанным когда-то для Романова. Но позвонил Дягилев и сказал, что вчера всё произошло так неожиданно, что он не знал, как ему поступить. Но в сущности моё расхождение с Кохно равно двум тысячам франков, так он готов мне прибавить эти две тысячи к гонорару, а я взамен должен согласиться, чтобы Кохно получал 1/3 авторских, дабы не создавать нежелательного для него прецедента: до сих пор он всегда получал 1/3. Я согласился, и вечером договор был подписан. Дягилев даже выступил с маленькой речью, обращённой ко мне и к Кохно: «Конечно, господа, тут произошли небольшие трения, но работать над балетом мы должны дружно и совместно, и вообще... вообще... вот, собственно, что я и хотел вам сказать!»

10 ноября

Сразу сел сочинять балет. Есть темы готовые, сочинённые летом и весной. Нашёл в записной книжке также несколько более ранних, но очень подходящих. Легко сочиняются и новые.

Словом, я в полном вооружении - в бой. А ведь на днях ещё думал, что столько у меня накатано напечатанного и неигранного, что не пора ли немного остановиться и оглядеться? Да, но после этого балета. А этот балет я, кажется, напишу быстро и легко.

Два важных письма от manager'а Кусевицкого и Держановского о двух серьёзных турне: в Америку будущей осенью, и в Россию - теперь, на Рождество.

Днём Пьернэ играл сюиту из «Трёх апельсинов», но я не пошёл - побоялся пойти: старик слабоват - когда аккомпанировал мой Скрипичный концерт, то всё разлезалось.

11 ноября

Вместо CS Church пошёл в русскую церковь, так как по случаю тридцатипятилетия со дня смерти Чайковского исполнялась его обедня. Молитвенного настроения не было: толпа стояла плечом к плечу, давила и толкалась, диакон читал нечто непонятное, ему отвечали «помелосподи», архиерей стоял на возвышении и великолепно кадил направо и налево. Но это не имело никакого отношения к Богу и человеку, созданному по образу его и подобию. Музыка Чайковского мне тоже мало понравилась: в ней не было углублённости, а если нежность, то не та. Казалось, что сочинял светский господин, который хотел поиграть в церковь.

Днём не сочинял: я лучше всего умею сочинять утром. Впрочем, вечером вышла тема для первого номера (сёстры).

12-18 ноября

Всю эту неделю очень много работал над балетом, главным образом утром, но также днём и вечером. Сочинялось чрезвычайно легко, тем более, что я решил написать «Блудного сына» просто и не мудрствуя лукаво. Дягилев сказал на прощание:

- Твои фортепианные пьесы немного суховаты. Ты мне балет напиши попроще.

Я так и решил. К концу недели выяснилось, что я перемахнул через половину, и что если удастся сохранить такой «тем жизни», то я накатаю всё в две недели. Это колоссально, но не надо забывать, что у меня целый ряд тем взят из листков, набросанных весною, а кроме того, для одного номера (рабы) взят «Матлот», написанный в 1925 году Романову (за который он, кстати, и не заплатил), и одна тема (для №2) из записных книжек того же года. Однако, мне всё-таки сочинялось очень легко.

Сочинение вытеснило из жизни все другие события, которые жались больше по вечерам.

Появился Мейерхольд, был мил. Через десять дней едет в Россию ставить «Игрока», которого хочет также продолжить в Берлине, где его, Мейерхольда, ангажируют. С другой стороны, от Большого театра письмо, что он не может больше платить тантьемы за «Апельсины» в долларах. Но на что мне рубли - и театру Пайчадзе должен был ответить отрицательно: не согласны.

Приехали Боровские, которые перенесли в этом сезоне своё местожительство в Берлин. Боровский в целом ряде концертов по Европе играл с успехом мои сочинения, а теперь ему чрезвычайно понравились две «Вещи в себе».

Один раз я играл в бридж и отыграл триста франков.

Звонил БНБ, но его телефоны вызывали такое раздражение со стороны Пташки, что я старался с ним не разговаривать. Пташка за последнее время очень отяжелела и нервничала, поэтому надо было её беречь. До события оставалось две недели.

18 ноября

Был в CS Church, потом сочинял, потом пошёл на концерт Lamoureux, где В. А.[19] играл сюиту из «Шута». Хотя сюита имела успех, но сыграл он её хуже, чем в прошлом сезоне, и безумно загнал заключительный танец, причём махал как ветряная мельница. Я, однако, ничего не сказал, так как хотел попросить свидание для Дукельского - ввиду исполнения одной из его симфоний.

[19] Вольф, Альберт.

19 ноября

Как будто начинает ощущаться лёгкое утомление от сочинения, но мне всё-таки хочется не замедлять темп и сделать балет в две недели.

Вечером с Мейерхольдами были в театре на бродвейской модерной пьесе: music- hall'bi, контрабанда спиртными напитками, сыщики, стрельба. Место действия: кулисы, и трагические места прерываются выходами полуголых girls с пением и танцами. Испытанный и всегда удачный театральный приём: перемешивать трагическое со смешным.

20 ноября

Много сочинял. Темп не замедляется.

Принесли всякие костюмчики для имеющей родиться дочки. Смешно: существо где-то ещё в глубине живота и непонятно чем дышит, а костюмы уже готовы, и даже нарядные!

22 ноября

Кохно, наконец, прислал из Англии более подробно разработанное либретто «Блудного сына». А балет уже в главных чертах написан. Отлично. Раз музыка написана до «прибытия» либретто, то я и не связан с ним, особенно на будущее время. Кохно придумал несколько подробностей, некоторые - глупые.

Сочинялось сегодня хуже. Заряд слабеет? И настроение от этого было неважное, но ничего другого не хотелось делать.

Сегодня открытие балетного сезона Идки. Но мы с Пташкой пошли в оперетку: «Rose-Marie», которая идёт уже несколько лет во всех больших городах каждый день. Но Боже, что за ужас, и главное - что за скука! И как нелепо сценически, и как неизобретательно. О музыке, списанной с модернистов вчерашнего дня. я не говорю. Вот вкус толпы. Я бурно зевал весь спектакль.

23 ноября

Так как Дягилев вернулся из Англии, то позвонил ему в Grand Hôtel и сказал, что почти написал балет. Дягилев страшно удивился и не поверил. «Но тогда это вышло... довольно плохо?», - спросил он и прибавил, что сегодня же приедет ко мне слушать. Днём я кое-что досочинял, подчищал и учился играть балет на рояле, а в пять часов ввалились Дягилев, Мейерхольды и Боровские. Мейерхольду я устраивал свидание с Дягилевым, а М.В.Боровской с Мейерхольдом. Дягилев был сегодня очень интересен, моложав и оживлён.

- Когда? - спросил он сразу у Пташки.

- Du jour au lendemain[20], - ответила она, и прибавила: - Какой у вас, однако, глаз, Сергей Павлович!

- Ещё бы, - сказал он. - у меня тридцать женщин на руках, вот уже двадцать лет подряд!

Потом он с необычайным ядом рассказывал о вчерашней Идкиной премьере, а затем я сплавил Мейерхольдов и Боровских в столовую пить чай и, закрыв двери, сыграл написанные отрывки балета Дягилеву. Ему чрезвычайно понравились первый и второй номера, обкрадывание и пробуждение блудного сына, и материал для возвращения, гораздо меньше «красавица» и её танец с блудным сыном;

[20] Со дня на день (фр).

романовский же матлот он рекомендовал выбросить.

- Ты не замечаешь, что это два совсем различных стиля, - сказал он. - Теперь у тебя столько мягкости, а тогда ты вколачивал гвозди.

Не был придуман ещё конец балета. Я говорил:

- Конец здесь всё-таки задуман апофеозно, но апофеоза делать нельзя: надо найти какой-то нюанс.

Я предлагал применить тему из второй «Вещи в себе», которую я очень люблю. Дягилев не особенно соглашался:

- Надо проще, ласковей и мягче, - говорил он.

Да и я сам чувствовал, что предлагаемая мною тема, хоть и очень хорошая, но всё же не совсем то. Расстались мы хорошо. Дягилев уехал довольный балетом. Вечером, засыпая, я всё искал новую тему, чистую, ясную, и думал, что для иллюстрации евангельской притчи она должна явиться свыше. Около часа ночи встал и записал два такта.

24 ноября

С утра сел работать над вчерашней темой - заключительной для балета, когда отец обнимает сына. Работал, сохраняя тот же образ мышления, что и вчера ночью. Тема вышла совершенно изумительная - и я после этого чувствовал себя именинником целый день.

В половине первого пошёл в издательство, встретил там Стравинского и Пайчадзе, и пошёл с ними завтракать. Стравинский был приятен, и первый раз в жизни заплатил за всех. Затем отправившись на оркестровую репетицию «Поцелуя феи». Стравинский дирижировал, я сидел с Судейкиной и разговаривал с ней об автомобилях. Появилась Ида и уселась в первом ряду. Когда же в антракте она стала оглядываться на нас, то и я, и Судейкина улизнули в кулуар, избегая встречи с нею. На репетиции было довольно много народу, в том числе Ансермэ, который до сих пор ничего не сыграл моего в концертах Orchestre de Paris, а тут вдруг подлетел с шармантной улыбкой и стал расспрашивать про 3-ю Симфонию. Пришёл Сувчинский, исчезнувший со времени отъезда Асафьева. Сегодня вышел первый номер еженедельной газеты «Евразия», над выпуском которого Сувчинский работал как каторжник - оттого и не было его видно.

- Ну, теперь полегчает? - спросил я его.

- Куда там, - ответил Сувчинский, - теперь надо выпускать второй номер...

В музыкальном отношении в Сувчинском за это время произошли какие-то решительные сдвиги, в которых не последнюю роль сыграл, по-видимому, Асафьев. То есть Асафьев подточил - и что-то рухнуло. Дело касалось Стравинского, которого Сувчинский принялся свирепо поносить. Назвал его зубром, политическим и религиозным, возмущался «Поцелуем феи» и говорил:

- Я скажу, может быть, ужасную вещь, но этот балет попросту плохо инструментован - есть целые куски, которые не вышли. А музыка - сушь и скука. У людей бывают различные мании: мания преследования, страх перехода через улицу; так у Стравинского страх белого листа: когда он садится писать, у него ужас перед незаполненным листом - а вдруг сегодня его не заполнит? Поэтому прежде всего он спешит нанести на него какие-то готовые формулы, а затем уже начинает вышивать по ним.

«Поцелуй феи» действительно был скучным и бледным. В одном месте мелькнула и несколько раз повторилась фраза из 2-го Концерта Рахманинова. Не решаясь поверить, что Стравинский полез в карман к Рахманинову, я решил, что Рахманинов украл фразу у Чайковского, а Стравинский, сочиняя балет на темы Чайковского, законно почерпнул её из первоисточника. Но Сувчинский сказал,

что он уже спрашивал (невинно) у Стравинского, оригинальный ли это кусок или взятый у Чайковского, на что Стравинский ответил: «Нет, это мой собственный». Ай-ай!

Стравинский - золотой идол с глиняными ногами. И ноги эти треснули. Эта трещина уже носится в воздухе, но никто её не чувствует. Сувчинский - первая крыса, побежавшая с корабля. Когда божок упадёт, всем всё станет ясно, но сейчас, если заговорить о глиняных ногах, то с жалостью похлопают по плечу. Дай, Боже, быть свидетелем сочувствующим и благородным, и не опалить себя ни одной вспышкой торжества.

Вернувшись домой, с наслаждением играл тему, которую, идя домой, не мог вспомнить полностью. Тем приятней было вновь с нею встретиться!

25 ноября

Был в CS Church. Хотя во время службы пришло несколько хороших мыслей о музыке и творчестве в связи с CS, вернувшись домой, дулся на Пташку за её вчерашние капризы. Работал довольно много, но не очень клеилось. Вечером приехал из Лондона Дукельский, который хвастался своими мелодиями из «Барышни-крестьянки», которую он сочиняет. Но мне они не очень понравились. Так как он не успел пообедать, а у нас ничего не было, то пошли с ним поесть в русский ресторан, где цыганское пение, подвыпившие генералы в отставке, подтягивающие цыганским романсам и вспоминающие былое, в общем атмосфера страшно чуждая и отчасти оттого занятная для наблюдения, если бы наш столик не был так близок к пению. Занятность усугублялась тем, что через четыре недели я представлял себя в Москве.

Выйдя на улицу, Дукельский стал рыться в карманах и искать адрес одного дома, приглашая и меня.

Пожелав ему успеха, я ушёл домой.

26 ноября

Сегодня работалось лучше, и я подвинул последний номер.

Зашёл Сувчинский, так просто, был рядом. Однако это симптоматично в связи с его «сменой вех». Завтракал с Мейерхольдом, Дягилевым и Кохно. Последнему я элегантно возвратил его либретто, говоря, что оно пришло уже после сочинения музыки, и потому теперь может быть полезнее ему, чем мне. Кохно повертелся, но взял. Мейерхольд и Дягилев весь завтрак проговорили про возможность совместной работы и про способы привезти театр Мейерхольда в Париж. Возможно, что весною их спектакли состоятся в чехарду, то есть сегодня Дягилев, завтра Мейерхольд, послезавтра Дягилев и так далее, на совместной афише. Прощаясь. Кохно спросил, когда же я смогу «принять его» (он подчеркнул чуть иронически слово «принять»), чтобы поиграть ему музыку. Я любезно отшучивался и говорил, что предпочитаю отложить, если он позволит, до полного окончания музыки балета.

Вечером концерт Боровского в зале Консерватории. Дягилева и меня посадили в «царскую ложу» (президентскую). Дягилев наслаждался Мусоргским, брюзжал на Рахманинова и Скрябина, и поносил Метнера. Про мои вещи я сказал, что 3-я Соната старьё, от 5-го Сарказма я отрекаюсь, а всерьёз только «Сказки» Op.31 и «Гавот» Op.32. Дягилев сказал:

- Не извиняйся, - и похвалил «Гавот».

Я не особенно любил, как Боровский исполнял мои вещи.

Сегодня Пташка дулась на меня за вчера и на концерте не была.

27 ноября

Сомкнул весь последний номер, хотя ещё осталось отделать подробности. С Пташкой помирились. В четыре часа пришёл Дукельский, играл 2-ю Симфонию, которая на этот раз понравилась мне больше, хотя многое в финале недостаточно интересно. В «Барышне-крестьянке», из которой он играл почти весь первый акт, много забавной декламации, но музыка лишь на четвёрку. Должен был прийти Ансермэ, чтобы слушать симфонию Дукельского и мою Третью, но у него затянулась репетиция и он обманул. Мы сыграли с Дукельским две партии в шахматы, ибо он хвастался, что усилился, однако проиграл он обе, и притом довольно быстро.

Вечером писал дневник и играл на фортепиано. Занятия «внемую» очень помогают заучиванию вещей.

28 ноября

Отделывал последний номер и присочинил самый кончик. Заходил Сувчинский, слушал балет и страшно хвалил, даже «красавицу», которую Дягилев и Дукельский не одобрили. Вообще НЭП - новая эстетическая политика Сувчинского - продолжается: Стравинского ругает злостно. А ведь от всех моих предыдущих вещей - 2-й Симфонии, «Стального скока», «Огненного ангела» - Сувчинский отделывался молчанием.

Обед: Мейерхольды, Сувчинский, Дукельский, Пташка и я. Дукельскому нравится жена Мейерхольда и он предлагает намазать ей губы (показать, как надо подводить их). В промежутках рассказывает пикантные анекдоты. Удивительно: в эмиграции страшно модны неприличные анекдоты, приезжающие же из России не рассказывают их никогда.

29 ноября

Опять предоставил квартиру для встречи Дукельского и Ансермэ. Последний на этот раз пришёл, но с большим опозданием, очень извинялся и был любезен. Слушал обе симфонии Дукельского и мою Третью - и всё хвалил. Так что не понимаешь, нравится ли ему и намерен ли он играть (хорошая система?).

Вечером провожал Мейерхольда и вручил ему рукопись половины 3-й Симфонии для расписывания на голоса в Москве (а то здесь не хватает переписчиков). С Мейерхольдом расстались друзьями. Он обещал писать, сообщая, как дела с «Игроком», как лично ко мне относятся в сферах и почему мало дают валюты, по общему ли голоду или по персональной ко мне интриге. В поезде пять вагонов с надписью «Paris - Negoreloje»[21]. Казалось бы - с Большевизией такое туманное общение, а на самом деле каждый вечер идёт целый поезд.

30 ноября

Кончил десятый номер. Три темы соединены. Я вообще против соединения трёх тем: этого почти никогда не слышно как следует, но в данном случае после всей гомофонической музыки это соединение должно вызвать напряжение перед тем, как блудный сын падает в объятия отца, и оттенить вступление моей лирической темы.

Пошёл в издательство и встретил там Стравинского, который, узнав, что я ещё

[21] Негорелое - станция на границе СССР и Польши.

не был на его балете, обещал мне билет. Там же встретил Бехерта, который говорил, что, кажется, комбинация с менеджером в России не удастся (т.е. чтобы он получал в рублях, а мне заплатили валютой), а тогда не состоятся концерты и в Вене с Будапештом. От Кусевицкого тоже странные телеграммы с советом делать будущий сезон в Америке с Haensel`ем, то есть то, против чего они кричали вот уже три года. Словом, как будто концерты трещат по всем фронтам, но я как-то не волнуюсь: всё образуется. А в Россию надо ехать независимо от количества валюты.

Вечером у Самойленко, к которым в первый раз привели Маяковского. Я был рад посмотреть на него, не видав его чуть ли не со времени его битвы с Дягилевым в Берлине (в России лишь мельком). Маяковский такой же огромный детина, только поглубже легли складки на лице по сравнению с тем? когда он был «красивый, 22-летний». Он влюблён в племянницу Саши-Яши[22], красивую и развязную девицу, и она привела его к Самойленко. Дукельский, разумеется, сразу кинулся пленять её, играя рэгтаймы, которые она слушала очень благосклонно.

Под конец вечера я упросил Маяковского прочесть стихи, что он сделал бесподобно и громогласно. Но новые, лирические стихи, посвященные этой Татьяне[23] - слабые, зато хороша «Ванна» и старое «Солнце». Дукельский закричал, что это дивно и что он вдохновлён писать на «Солнце» ораторию.

Я:

- Ну куда вам, Дементий! Лучше я напишу о солнце, а вы про самовар (в стихах говорится про самовар).

Дукельский не сдался:

- Самовар иногда блестит больше солнца.

Я:

- Но пока что его отражает.

Все засмеялись.

На прощание я расцеловался с Маяковским. Он на всех произвёл впечатление, хотя в нём есть какая-то напряжённость и тяжесть. Татьяна никому не понравилась, кроме Дукельского.

1 декабря

Утром позвонил Дягилев и спросил, может ли он сегодня заехать ко мне - ещё раз послушать балет. Я ответил, что очень рад. «Тогда мы с Борисом приедем в пять часов», - сказал он. Ничего не поделаешь, приходилось принимать и Кохно («Бориса»), а я уж мечтал, чтобы он так и не услышал балета до официальной сдачи клавира.

Весь день я приводил в порядок написанное, чтобы прилично сыграть. Это хорошо: по крайней мере доделал и сомкнул всякие несомкнутые кусочки.

Дягилев слушал очень внимательно, и я часто слышал, как во время исполнения он тихо говорил Кохно: очень красиво... отлично... Но из-за третьего номера («красавицы») целое столкновение: я задумал туманный образ, взятый с точки зрения невинного мальчика: притягательный, но ещё непознанный. Дягилев же хотел образ чувственный и живописал его? по обыкновению, в целом ряде образных и неприличных выражений. А у меня совсем нет настроения заниматься чувственной музыкой, чего, впрочем, я не сказал Дягилеву, сообщив лишь, что балет задуман мною гораздо более акварельным, чем он представляет, и, стало быть, чувственные эксцессы тут неуместны. Дягилев горячился: «Но тогда какой

[22] Александр Яковлев, художник.

[23] Татьяна Яковлева, племянница А.Яковлева.

же это блудный сын? Вся сила в том, что он наблудил, а потом раскаялся, и отец его простил. Если бы он ушёл из дому и дал себя просто обобрать, то, когда он вернулся домой, его надо было бы не принять в распростёртые объятия, а высечь». В конце концов этот вопрос отложили и я сообщил, что закончил последний номер.

Дягилев:

- Как? Совсем? Ну играйте. Фу, как страшно...

То есть вся ставка Дягилева была на последний номер, и если я на нём опозорюсь, то балет пропал - без венца. Но я знал, что конец хороший, и сыграл его довольно спокойно. Дягилев остался доволен и даже советовал играть медленней, чтобы лучше распеть мелодию. Контрапунктическое соединение трёх тем заставил сыграть медленно и нашёл, что соединено хорошо. Вообще Дягилев ушёл чрезвычайно довольный, а на лестнице заявил, что мечтает в весенний сезон ничего не дать Стравинского. Невероятно! До сих пор Стравинский был божеством для Дягилева, и он явно отдавал ему предпочтение передо мной. Ещё симптом падения божества?

2 декабря

Был в CS Church. Днём не сочинялось; настроение несколько вялое. Вышла тема, но среднего достоинства: если не «отлежится» и не удастся претворить её в более интересную, то брошу. Днём бридж и -110.

Вечером концерт Рахманинова, первый в Париже за всю его жизнь. Париж не жалует рахманиновскую музыку, и Рахманинов объезжал его до сих пор. Сегодня блестящий съезд, толпы нарядного народа. Я - с Самойленками. В зале Дягилев, Глазунов. К последнему я подхожу с несколькими любезными словами. Жаль, что в программе нет Бетховена - это лучшее, что удаётся Рахманинову. Баха он играет хорошо, Шопена неровно: технику ошеломляюще, но лирику вычурно и со вбиванием гвоздей. Себя - плохо: убивает собственную поэзию, которую на старости лет забыл, заместив виртуозностью. Несмотря на всё – впечатление сильное: уж больно интересная фигура. Совершенно невероятно он выходит на эстраду: какой-то косой, неверной походкой, так что не веришь, что он дойдёт до рояля. Зато - тем большее впечатление, когда он заиграет. Публика ревела от восторга. Когда концерт окончился, я в толпе на лестнице слегка поскользнулся. Впереди как раз спускались дочки Рахманинова. Я сказал вполголоса: «Что это я хожу точно Рахманинов...». Фатьма шарахнулась от меня в сторону. «Пожалуйста, не портите мне клиентеллы[24]», - сказала она потом. Фатьма для поправления финансов занялась шляпным делом (и очень успешно), и рахманиновская семья была в числе её заказчиц.

3 декабря

Сочинялось туго. Но всё же вдруг вышло начало новой редакции третьего номера (красавицы), а также начало девятого номера. Всё-таки!

Играл на онемелом фортепиано и догонял дневник.

От Пташки ждём разрешения any minute[25]. На сегодняшний день было предсказано доктором ещё в Америке. Хотим дочку, но на имени не остановились. Есть четыре, два русских и два интернациональных: Светлана и Людмила; Лидия и Наталья. Если мальчик, то я хочу Аскольд. Но Пташке Аскольд не нравится (с английской точки зрения).

[24] Клиентуры, от clientèle (фр).

[25] В любую минуту (англ).

Хотя Пташка очень грузна и совсем готова быстро отправиться в клинику, сегодня решили отправиться в кинематограф. Поехали на бульвары, но ни в одном не понравилась программа (по случаю десятилетия окончания войны всюду боевые темы) - и вернулись.

4 декабря

Сочинялось не очень, но сделал кое-что в «напаивании». Работа идёт не так оживлённо, но время от времени выходят неплохие моменты.

От Дягилева чек на пять тысяч франков, а от Стравинского билет на «Поцелуй феи» в его ложу. Перед «Поцелуем феи» была премьера «Давида» Согэ, но это - ничто, сделанное никак. Во время «Поцелуя феи» Судейкина была очень мила и усадила меня в первый ряд ложи, чтобы я лучше видел. Самый тревожный симптом «Феи» - это скука. Но, конечно, много любопытного, и я с удовольствием прослушал бы ещё раз, с большим, чем «Аполлон», ибо здесь нет оскорбительного материала. В заключение шёл балет на отрывки из «Салтана»: пышно на сцене, но что за музыка! - квадратная, описательно-бессодержательная, с пренеприятным уклоном то к вагнеровщине, то просто к пошлятине. Об этом мы обменялись мнениями с Нувелем, сидевшим рядом со мною. Когда опустился занавес, Согэ, бывший в соседней ложе и злой из-за неуспеха своего «Давида», начал громко говорить, очевидно, желая нас задеть: «Вот вам русская музыка! Я, конечно, француз и я не понимаю, как можно тут что-нибудь любить!» Нувель выступил и начал объяснять, что как раз мы тоже браним её и находим совсем не такой русской.

Встретив при выходе Дягилева, я сообщил ему, что, кажется, поднесу ему другую женщину. Дягилев очень обрадовался и тут же на улице потрепал меня по щеке.

5 декабря

Кое-что присочинил в «красавице». Довольно много играл на рояле.

Дантист вырвал корень зуба, по кусочкам, под кокаином. Когда наркоз рассеялся, то десна ныла и мешала жить.

Кончились спектакли Иды Рубинштейн, прошедшие внешне пышно. Много денег, те же композиторы и балетмейстеры, что у Дягилева, но нет гениальной дягилевской головы - и что же? Балетмейстеры ставили хуже, композиторы сочиняли вялей - и того события, как при дягилевскпх постановках, не вышло!

6 декабря

Так как с композиторскими способностями заскок, то решил приступить к оркестровке готовых номеров. Обдумал весь первый номер: всё просто, без вычурности и донельзя ясно. Набросать сокращённую партитуру такого номера можно в один день.

7 декабря

Начал писать партитуру «Блудного сына». Шло легко. Но удивительно, как для всего нужна тренировка: сегодня сделал шесть-семь страниц - и не мог больше: одурел. А когда оркестровал «Огненного ангела», то и до двадцати дотягивал.

Пташка каждую минуту ждёт, что начнутся спазмы, продвигающие появление на свет дочки. Её докторесса обещала, что это произойдёт ещё до концерта Рахманинова, то есть неделю назад. Сегодня я собрался в симфонический, в ложу Mme Dubost, одной из председательниц общества (встретив меня на «Поцелуе феи»,

она спросила, нравится ли мне их оркестр, и я ответил: «Не знаю, меня не приглашали»: тогда она сейчас же пригласила меня в свою ложу).

8 декабря

Вернулся к мысли, которая не раз приходила мне раньше. Любовь к ближнему и к Богу многими не воспринимается или воспринимается лениво, как надоевшее, замызганное, остывшее. Формула притупилась. Я думаю, очень оживит её, если вместо «любви» подставить «интерес к ближнему». Бог не только создал мир и человека, но он интересуется им, как инженер интересуется мостом, который он строит, или композитор сонатой, которую он сочинил. Это очень важно: отношение с интересом или отношение без него. Острый интерес и есть любовь. Если бы у Бога не было интереса к миру, то не стоило бы и создавать его. Только в интересе к нему есть смысл создания мира. Направляя человека к своим высотам, Бог требует от него тоже интереса и к инженеру, и к ближнему, т.е. к другим вариантам нас самих. Когда нам говорят: «Полюби ближнего», то это часто звучит какой-то принудительной работой, а заинтересоваться соседним вариантом, право же, совсем не так скучно! Если мы заинтересовались, то готово: любовь заложена.

9 декабря

Утром в CS Church.

Затем немного сочинял. Выяснилось, что третий номер в новой редакции сомкнулся из разных отрывков, сочинённых в эти дни. Записал в один присест. Но потом начала болеть голова и челюсть: третьего дня дёргали зуб и набередили. Вторая половина дня была испорчена.

10 декабря

Два письма из России: от Асафьева - вернувшись из-за границы, он нашёл, что отношение к моей музыке в Ленинграде хорошее, тёплое; от Держановского – всё ещё надеются достать мне удовлетворительное количество валюты, но всё ещё окончательно не добились.

Ходил к Пайчадзе беседовать: ехать - не ехать? Кажется, надо сделать так: торговаться и грозиться, что не приеду; но если не дадут достаточно, то ехать всё равно...

Играл на рояле, оркестровал «Блудного сына» раскладывал пасьянсы (склонность к пасьянсам у меня совпадает каждый раз с тем периодом, когда Пташка делает меня отцом).

Приходил ко мне Никита Магалов, играл свои сочинения, написанные со времени визита в прошлом сезоне. Недостаточно ярко, хотя кое-какие искорки есть. Советовал ему завести записную книжку и заносить туда темы, каковые сочинять старательно, добиваясь яркости. Когда наберётся достаточно ярких тем - сесть писать на них сонату.

11 декабря

Кончил оркестровать первый номер. Думал махнуть в один день, а вышло четыре: завяз на «отце», да и не так много времени посвящал оркестровке. Играл на рояле порядочно. Раз решил ехать, надо быть в форме, дабы избежать неуверенности и взволнованности, идя на эстраду.

У Пташки настроение мягкое, но – когда же деторождение?!

13 декабря

Утром Пташка сказала, что у неё как будто начались боли, предвещающие рождение. Начались ещё ночью, но она не хотела меня будить. О том, что сегодня четвёртая годовщина смерти мамы, я промолчал. В одиннадцать часов мы поехали в клинику, где она рожала Святослава и где уже была задержана комната, но к завтраку вернулись, так как ясно было, что дело свершится ещё не так скоро. Вечером переехали туда окончательно. Я позвонил Mrs Getty, у которой Пташка перед тем бывала каждые три дня, и просил её помочь своей работой.

Приехала и Фабр, докторесса, русская за французом, братом тенора, первого исполнителя «Семеро их». Сначала мы с докторессой раскладывали пасьянсы, а в час ночи она стала советовать мне уехать спать домой, но Пташке, по-видимому, хотелось, чтобы я остался в клинике, и потому я пошёл подремать в другую комнату, как раз под той, где лежала Пташка. Я заснул часа на полтора, но потом меня разбудил двухдневный ребёнок, который спал тут же в люльке в углу и начал кричать. Наверху была слышна беготня и через регулярные перерывы - стоны Пташки, теперь уже довольно сильные. Я начал работать для неё. Около пяти часов утра Фабр, согласно обещанию, прислала предупредить меня, что роды начались.

14 декабря

Я поднялся наверх, но не решился войти в комнату, помня, что во время рождения Святослава меня в комнату не пустили. За дверью я слышал обрывочные восклицания докторессы: «Respirez tranquillement! Poussez! Ne poussez pas! Poussez encore! Un garçon![26]» В пять часов одну минуту утра. Ну вот, ждали девочку. Но, впрочем, я особенно не огорчён. Роды прошли отлично, ребёнок был крепкий, весил 3 кг 620 г, Пташка тоже была настроена хорошо. Я пошёл звонить о происшедшем бабушке.

Пташка понемногу приходила в себя. Ребёнок был уродлив и походил на Мишу Эльмана (чего хуже!). В седьмом часу докторша и я отправились по домам. Было ещё темно. Я зашёл в кафе, открытое ночью, выпить кофе, с любопытством рассматривал посетителей: кто заходит в это время? Зашли три почтальона, какой-то продрогший господин. Затем пешком пошёл домой, в отличном настроении, глядя, как постепенно тушатся фонари и начинается день. Дома я выпил ещё раз кофе, рассказал Мэмэ о всех подробностях, сказал ей, что совсем не хочу спать и тут же заснул на два часа, а затем снова вернулся в клинику.

15 декабря

Дитя похорошело. Вообще я отношусь к нему много любовнее, чем относился к новорожденному Святославу. Тогда я ещё смотрел скорее от семьи, чем в семью. Но самое замечательное было, когда я привёл Святослава смотреть нового братца («заводной братец», которого мы купили Святославу к Рождеству: «Лучше сестрицу», - сказал Святослав, но ему объяснили, что это слишком дорого). Святослав был тем не менее до крайности заинтересован братцем и даже волновался. Увидав же его, визжал и потом говорил: «Крошка дорогая, братик мой».

Пташка чувствует себя и выглядит хорошо, и каждый раз очень рада, когда я прихожу. Я у неё бываю дважды в день, по два - два с половиной часа, но она

[26] Дышите спокойно! Тужьтесь! Не тужьтесь! Тужьтесь ещё! Мальчик! (фр).

находит, что мало.

Надо из некоторых номеров «Блудного сына» сделать фортепианную сюиту, довольно вольно переделав отдельные номера в фортепианные пьесы.

16 декабря

Был в church. Оттуда повёл Святослава опять к братцу, и опять восклицания. Пташка хуже спала ночь, и у неё маленькая температурка.

Решали имя, ибо завтра последний срок для заявления в мэрии. Я хочу Аскольд, но Пташка говорит, что это ужасно звучит по-английски. Ну вот! Когда раньше был вопрос о девочке и я предложил Галину, то оказалось, что это ужасно звучит по-итальянски. Я даже под конец рассердился, хотя и не показал этого Пташке, оберегая её. Решили отложить на завтра, но завтра - это крайний срок.

Вечером играл в бридж у Самойленко. Борис Николаевич говорил, что когда он был в Шанхае и туда приходил русский крейсер «Аскольд», то англичане смеялись: холодный зад!

А доктор Алексинскии, церковник, сказал:

- Аскольд? Такого имени нет, — то есть это имя не канонизировано.

Я воскликнул:

- Позвольте! Ну, а Олег? Такой же был язычник и живодёр.

Алексинский ответил:

- Да, но потом был какой-то Олег-святой.

17 декабря

Я решил уступить Аскольда, и сегодня младенца записали в мэрии под именем Олег-Сергей, т.е. не то Олег Сергеевич, не то Олег и Сергей: во Франции часто дают по несколько имён, а Пташке, которой ничего не говорит имя Олег, хотелось назвать сына Серёжкой (но два Сергея Сергеевича в семье даст в дальнейшем ужасную путаницу), так и вышел Олег, но с какой-то надеждой для Пташки на Сергея.

От Держановского опять нет телеграммы. Я уже послал два запроса, ибо по одним паспортным делам мне надо побывать в семи учреждениях. Да и ничем не тянет заниматься - ни корректурой, ни балетом, когда знаешь, что вот-вот в путь. А зудить на рояле и не поехать - тоже глупо. Хотя, так или иначе, ехать надо.

19 декабря

Ждал опять телеграмму от Держановского. Позвонил по каким-то делам к Пайчадзе и тот невинно сказал: «Кстати, у меня для вас тут уже второй день телеграмма лежит». Телеграмма оказалась от Держановского: ввиду неполучения валюты поездку придётся отложить на февраль или март. Таким образом, всё меняется. Я огорчён. Хотя теперешняя поездка в Россию связана с кучей хлопот, но лишь после отказа я понял, как меня туда тянуло и как, в сущности, я уже настроился ехать! Надо будет взяться серьёзно за балет и постараться кончить его в течение января. Отмена поездки вызывает кучу писем. Был у Пташки, но она сегодня нервна и я тоже, поэтому небольшая стычка.

Вечером пошёл на концерт Глазунова, не без удовольствия: вспомнилось, как в юношеские годы я играл его симфонию в четыре руки. Народу немного, французов почти никого, больше русских - не сравнить с помпезным концертом Рахманинова. Первый номер - «Торжественная увертюра». Много милого, вероятно, по воспоминаниям, даже то, что подворовано. Но уже «Стеньку Разина» слушать было

тяжело - занятно лишь, что из «Стеньки» Стравинский украл фигурку для «Весны священной». А 2-й Концерт, который я слышу в первый раз, уже совершенно невыносим: непонятно, как композитор, имевший в каком-то отношении довольно славное прошлое, может мыслить таким образом! Играла его Гаврилова, та самая, которая принимала нас в Ленинграде в роли жены Глазунова. Теперь она замужем за Тарновским. Второе отделение: 7-я Симфония - многое очень приятно, а побочная партия первой части прямо здорово! В антракте я чувствовал себя нервным - после телеграммы Держановского и стычки с Пташкой, поэтому с одними был чрезмерно любезен, другим говорил резкости. Увидев издали жену Сашки (эту старую грубиянку, взявшую себе молодого мальчика, я не перевариваю), я поклонился довольно относительно, не помня, она ли это или нет. Затем вдруг они все трое подошли ко мне: папаша Черепнин, сын Черепнин и она. Сашенька по-молодецки закричал: «Папочка... папочка», имитируя воображаемого Олега. И вдруг она спросила: «Вы меня не узнали? You think it is polite?[27]» Я ответил, что не был уверен, она ли это. Мадам повторила: «You think it is polite?» Тогда я разозлился и, прибавив: «And then I wanted to avoid your remarks[28]», повернулся и заговорил с другими. После концерта я не пошёл в артистическую, чтобы не встречаться с Черепниными. Всё равно завтра буду на приёме в честь Глазунова.

Идя домой, думал о России и меня страшно тянуло туда. И в самом деле, какого чёрта я здесь, а не там, где меня ждут и где мне самому гораздо интереснее? Успокоило CS: не место и не окружение составляют счастье: царство Божье внутри нас.

20 декабря

Утром зашёл к Пташке, чтобы ликвидировать вчерашний «междусобойчик» (выражение Маяковского). Она была мила и нежна. Раз не еду, надо подгонять оркестровку балета: я застрял на втором номере. Диктовал письма.

Завтракал у Mme Dubost: Клемперер по одну руку хозяйки, я по другую. Клемперер любезен, но едва ли очень интересуется моей музыкой: он предпочитает Стравинского, но и на его счёт, говорят, проехался на утренней репетиции: «Дирижирует не автор, а дирижёр!», сказал он про себя: то есть - какой же дирижёр автор! Зато Cortot заговорил о Festival Prokofieff и о том. чтобы я у них дирижировал «Скифской сюитой». И в самом деле - сердце у меня за этот год окрепло, не вернуться ли к дирижёрству? Но надо хорошенько поработать летом.

Днём приём в честь Глазунова, устраиваемый фирмой Pleyel. Скромно, уютно, тесно. Глазунов беседовал с почтенными старичками о достоинствах того или другого сборника русских песен. Я подошёл и искренне похвалил ему Седьмую симфонию. Н.Черепнин - ни слова о вчерашней стычке, очевидно решив не обращать внимания на то, что происходит между мной и женой Сашеньки. Говорят, когда «Скифскую» играли в Милане, Тосканини приходил на репетиции и возмущался, но потом всё-таки признал, что есть моменты, в которых «il y a de la race[29]».

Дягилев даёт четыре спектакля в Opéra, «Скока» не даёт (не пристало большевицкой вещи осквернять это здание), зато целый фестиваль Стравинского. А что он говорил мне на лестнице, что обойдётся весною вовсе без Стравинского? Всё музыкальная политика. Или - анти-музыкальная? Сегодня первый спектакль. Я был. Милый балет, состряпанный на Генделя. Я зашёл за кулисы - поговорить с

[27] Вы думаете, это вежливо? (англ).

[28] И кроме того, я хотел избежать ваших замечаний (англ).

[29] Чувствуется порода (фр).

Дягилевым, как он понимает четвёртый номер, тот, для которого он просил не подсовывать старый романовский «Матлот». Но Дягилев был сегодня какой-то неприятный и рассеянный, и я ничего от него не добился. Спросил у Кохно. Он ответил: «Просто pas de deux двух танцоров с пролезанием между ногами».

21 декабря

Пробовал сочинять «слуг», о которых не удалось вчера поговорить с Дягилевым, но ничего не выходило. Диктовал письма Асафьеву. Оркестровал второй номер. Вечером пошёл слушать Концертнггюк 0р.40 Хиндемита. Хороша первая часть, хуже вторая и плоха третья (слабый материал, неизобретательно разработанный). Кроме того. Клемперер превосходно провёл «Пульчинеллу», которую я слушал с чрезвычайным удовольствием, удивляясь мастерству Стравинского. В антракте Сувчинский наседает на Кохно, браня «Поцелуй феи» и говоря: «Да что же это? Ну вот, скажите пожалуйста, ну что же это?» Кохно сначала косится на меня, и не смеет при мне ругать Стравинского, но потом сознаётся, что и он, и Дягилев в отчаянии от этой вещи. Я стоял молча, но тут вставил: «Чем же «Фея» хуже «Аполлона?» Сувчинский и Кохно начали защищать «Аполлона», шатко, вроде: «Нет. «Аполлон»-то я понимаю, что это всё-таки не то...». Что касается меня, то я нахожу, что «Аполлон» хуже «Феи», ибо в последнем есть хоть материал Чайковского, пускай иссушенный, а в «Аполлоне» - ничего. Но они, в своё время не смевшие ругать «Аполлона», а теперь не выдержавшие перед «Феей», поневоле должны выдерживать линию и как-то защищать «Аполлона».

Грустная новость про Набоковых: в конце лета у них родилась дочка, очень болезненная, и через три месяца умерла. С деньгами туго. В Польше поляк - управляющий грабит имение, и с ним, как с поляком, ничего нельзя сделать. Балет не поставлен Идкой (последнее, впрочем, правильно: балет плохой и только бы скомпрометировал автора).

Ужин у Сигети. Он через неделю играет мой Концерт.

Я:

- Я приду на репетицию.

Он:

- Прошу вас, не приходите. Я его играл тридцать пять раз и чувствую себя почти автором... А тут явится какой-то другой автор, который имеет право делать мне замечания. Это очень неприятно. Лучше приходите прямо на концерт.

Я обещал.

22 декабря

Не работал: пришлось бегать по делам и навещать Пташку. Хоть бы её выпустили скорее домой!

В знак примирения с Черепниными ходил слушать Сашеньку, игравшего у Pasdeloup свой 1-й Концерт. Есть интересные моменты (начало, кое-какие выдержанные ноты), но много дурного и неоригинального. Если бы это вычистить и собрать хорошие куски, то получилось бы минуты три хорошей музыки.

Пришёл ко мне Сувчинский с В.А. Я играл отрывки из «Блудного сына», Сувчинский хвалил, но заключение довольно сдержанно; я думал, он будет в восторге. Обедали вместе и были в театре: Jazz Hilton'a. Есть в этом Jazz'e много интересного, и, конечно, рэгтайм войдёт в симфонии, как некогда менуэт. Например: весь написанный pianissimo и сдержанно, без выкриков?

На «Евразию» около шестидесяти или восьмидесяти подписок из Кремля, а Сувчинскому - угрозные письма от правых эмигрантов. Он сияет.

23 декабря

CS Church. Оттуда вместе со Святославом пошли навещать «братца». Затем домой - оркестровать балет. Приходил Fourestier - слушать 3-й Концерт, который у них скоро играет какая-то пианистка. Orchestre de Paris чуть-чуть зашевелился в моём направлении. Вечером были Черепнины, папаша и сын, - слушать «Игрока». Оба всё время восклицали и восхищались. «Вот это настоящий «великий» - говорил за спиной Сашенька, когда я играл Бабуленьку из третьего акта. «Великим» Саша называет меня со своего четырнадцатилетнего возраста. О его жене - ни слова. Я так пел «Игрока», что потом говорил шёпотом.

24 - 26 декабря

Все три дня прошли тихо и спокойно: дома и у Пташки в лечебнице. Оркестровал вторую часть, досочинил девятую - пародирование с наворованными вендами. Кохно хотел сделать что-то наглое, но я отверг: вышло весело и воровато. И настроение при сочинении было весёлое.

Читал мои американские дневники за 1919 и 1920 годы с интересом, местами с увлечением; но есть и неприятные места. Я изменился.

27 декабря

Кончил оркестровать второй номер и соркестровал целиком №7. Последний - почти нечего оркестровать, но всё же впечатление, что треть балета оркестрована. Приятно. Кроме того, сочинял темы для новых слуг. Романовский номер по просьбе Дягилева отставлен. На это и на два визита к Пташке, а так же на полдюжины пасьянсов - ушёл весь день.

28 декабря

Много работал. Соркестровал весь №8. Хороший темп: в день по номеру. Днём перевезли Пташку и Олега из клиники домой, в карете Красного Креста - дабы избежать раннего вставания и хождения по лестнице. Несли её по лестнице в лежачем положении, головой вперёд, то есть когда вниз по лестнице, то вниз головою. Днём суета, так как младенца надо было взвешивать на весах до кормления и после, чтобы знать, сколько он слопал: Святослав всё время вертелся и бегал - в экстазе от прибытия «братика». Мэмэ волновалась и путала, etc.

В девять я ушёл в концерт слушать, как Сигети играет мой Скрипичный концерт. Я слышу его исполнение в первый раз, и надо сказать, оно было лучшее из всех до сих пор слышанных. Ясно, понятно, как бы вкладывание в рот.

Ансермэ аккомпанировал не первый сорт: недоучил с оркестром и, кроме того, перескромничал, тушуясь перед солистом. С темпами я всюду согласен, кроме одного места, в середине третьей части, когда V-I играют ритмическую фигуру, на которую вступает солист с гаммами и трелями. Эта фигура должна идти как механизм и замедляться очень постепенно, даже продолжая замедляться, кода у меня уже указано Meno Mosso, вплоть до цифры 50. Ансермэ же и Сигети переменили темп и «сломали механизм». Концерт имел большой успех и после скерцо кричали «bis», в том числе Пайчадзе, сидевший рядом со мною. Я остановил его, говоря, что неудобно, подумают, что я. Но он ответил: «Это ничего, если композитор кричит bis - вполне естественно, что он хочет послушать свою вещь; вот неудобно, если он закричит «автора!». Пайчадзе сегодня получил письмо от Держановского, в котором тот просит передать Прокофьеву, что мой приезд

пришлось отменить, так как он не получил для меня валюты. Просит верить, что тут была не какая-нибудь халатность, ибо меня ждали очень и как музыканта, и как человека, но вина в катастрофичности положения. Я расстроился: в телеграмме была надежда на получение хоть через месяца два, а тут и этого нет. Ясно: я всё равно приеду на «Игрока», а раз приеду, то мне нужны будут рубли, и я, стало быть, дам концерты: зачем уж в таком случае тратить на меня валюту? Но я тут же решил не сдаваться: да, приеду на «Игрока»; да, нужны будут рубли; но для этого дам концерты на Кавказе (приятно поехать весною), где всё равно не предлагали валюты, а в столицах сыграю лишь даром, для рабочих организаций, чем заткну рот властям, если последние захотели прижать меня.

30 декабря

CS Church, затем приводил в порядок разные кусочки балета, так как днём должен был придти Дягилев - слушать. Он явился с Кохно и Лифарём. Новая женщина и вороватый последний номер имели чрезвычайный успех. В мужском танце (который Дягилев почему-то называет танцем шутов) и в сцене напаивания - ещё не законченных, я играл лишь фрагменты - Дягилев дал очень дельные указания, которые я приму. Так же недурную купюру предложил в последнем номере, перед заключительной темой. И он, и я остались очень довольны свиданием. Дягилев сказал, что этот балет - одно из лучших моих достижений.

Дурное настроение Пташки. Но когда Дягилев полюбовался Олегом, поиграл с ним и похвалил обоих, его и Святослава, то настроение улучшилось, и вечер прошёл мирно.

Сегодня семилетний юбилей премьеры «Трёх апельсинов».

31 декабря

Оркестровал №10, не очень много.

Новый Год нигде не собирались встречать - и я лёг спать в одиннадцать часов.

1929

1 января

Дооркестровал №10 «Блудного сына». Итого пять номеров оркестровано. Раскладывал пасьянсы. Вечером пошёл на итальянских марионеток. Очень смешно. Я хохотал и аплодировал.

3 января

Чрезвычайно приятный телефон от Дягилева. Заговорил он даже как-то неохотно. Но дело касалось возобновления «Шута». Однако, при новой постановке надо исходить из оркестровой сюиты и приладить новый сюжет, а то до сих пор иностранцы вообще ничего не понимали - отсюда неуспех, например, в Англии. Если «Шут» будет возобновлён - возможен фестиваль из трёх моих балетов. Я в восторге, хотя не показываю этого Дягилеву. Днём зашёл в издательство взять ноты «Шута», балета и сюиты, а затем в Grand Hôtel - передать их Кохно для Дягилева, а кстати получить билет на вечерний дягилевский спектакль. Кохно с интересом говорил о «Шуте» (опять он либреттист?!, а кстати подсунул фишку «Блудного сына» для подписи заявления в Общество авторов). Вероятно, дрожал: а вдруг я откажусь дать ему одну треть авторских, на которые он претендует. Я подписал беспрекословно, но потребовал, чтобы стояло, что сюжет Кохно заимствовал из Евангелия. Он пробовал протестовать, но согласился (а вдруг откажусь подписывать или отложу?).

Кохно:

- Зачем вам ссылаться на Евангелие? Я чувствую, у вас какая-то задняя мысль, но никак не уловлю, какая.

Я:

- Простая справедливость. Ведь не вы же сочинили притчу о блудном сыне? Я и хочу, чтобы это стояло в бюллетене.

Задняя мысль, впрочем, была: ведь Кохно прислал мне своё либретто уже после того, как три четверти музыки были написаны, а большинство указаний, которые я принял, вытекают и без помощи Кохно, непосредственно из Библии. В дягилевской постановке Кохно, я допускаю, сыграет какую-то роль, но затем мы его отметём: пусть остаются библейский сюжет и моя музыка.

Вечером был на лекции CS, но она не показалась мне интересной. Затем к Дягилеву в ложу, где много неизвестных лиц, и всё время разговаривают. Дягилев представил мне Маркевича, нового композитора шестнадцати лет, который скоро придёт ко мне играть свои сочинения. Это он, по словам Дягилева, сказал, что Согэ - это голая пошлость, а Дукельский - приодетая. Встретил А.Рубинштейна, конечно, с красивой дамой. Он успел рассказать про одну даму, которая мечтает познакомиться с великим Равелем. Когда же мечта сбылась, она с изумлением посмотрела на крошечного maître'а и воскликнула:

- Comment, c'est ça Ravel?[1]

4 января

Вчера Дягилев сказах что приедет сегодня с Баланчивадзе, поэтому ждал их. Но Баланчивадзе приехал с Кохно и Лифарём. Играл им «Сына». Больше всех восхищался Кохно. Номер с появлением красавицы вызывает в нём «прямо-таки физическое удовольствие». Замечания Баланчивадзе пока не свидетельствуют, что он понял балет. Во всяком случае - попытка трактовать не так, как я хочу (уже

[1] Как, это и есть Равель? (фр).

1929 влияние Кохно?).

Ларионов в чрезвычайном волнении по поводу проекта возобновления «Шута». Декорации и костюмы будет делать опять он, но совсем по-новому.

5 января

Много возился над оркестровкой №3. который шёл медленно. Но, кажется, выходит хорошо.

6 января

Утром CS Church, а днём оркестровал №3, довольно много.

Приехал из Лондона Дукельский, и я ходил с ним есть блины в русский ресторан. Он взволнован: в Лондоне готовы сыграть его симфонию, но ноты увёз в Америку Кусевицкий и не играет её. В результате ни там, ни тут, а второго материала наше «бюро похоронных процессий» делать не желает.

7 января

Кончил оркестровать №3.

Приходил Маркевич - играл свою увертюру. Трудно сказать, талантлив ли он, и опасно сказать, что не талантлив. Увертюра скорее нескладная и, во всяком случае, безмелодийная, но, может, что-то в ней есть. Я советовал соркестровать хоть часть её и затем принести мне партитуру. Уходя, он забыл у меня тетрадь своих романсов.

Вечером пришли Самойленки, Шуберт, Дукельский, Ларионов и Гончарова, которой мы говорили, что если бы у нас вышла дочка, то, вероятно, была бы Наталией Сергеевной, как и она Гончарова. Дукельский заявил, что у него талант к рисованию, и потому рисовал со всех портреты - довольно ловко, но не очень похоже.

Ночью разболелся зуб. Работал. В три часа заснул.

8 января

Концерт какой-то певицы, родственницы Дукельского. Последнее отделение посвящено его романсам, автор аккомпанировал. Певица средняя, но романсы я прослушал с удовольствием. Сзади нас сидел какой-то французский критик, который во время их исполнения заснул. То есть не переносно, а физически. Разумеется, потом всё время этим дразнили Дукельского.

9 января

С Пташкой чрезвычайная ссора. Она рассердилась, почему я опять ходил с Дукельским есть блины. Это привело меня в бешенство, я хлопнул дверью. Вскоре успокоился и внутренне раскаялся. Это даже урок: таким поведением ничего не достигнешь. Раз я сержусь на неё, то потому, что она неправа. А отметить её неправоту можно только своим безупречным поведением.

10 января

Понемногу оркеструю балет и перекладываю в две руки. Досочинить оставшиеся три номера не могу - отшибло.

11 января

Был на концерте Софроницкого. Играл он неровно. После концерта с Дукельским были у него. Я привёз бутылку шампанского, которую моментально распили. Я сидел между двух дочек Скрябина - некрасивой Крыси от первой жены, и интересной, но порочной Ариадной, от второй. Не удержался и назвал Шлецера велосипедным торговцем. К оскорблению дедушки, Ариадна отнеслась благодушно. Дукельский был в дурном настроении, злясь на Софроницкого за то, что тот не сыграл в концерте его сюиты; сидел за роялем и всё время играл рэгтаймы. Мы говорили: «Опустите в него ещё двугривенный - пусть машина играет!»

13 января

CS Church. Затем с Пташкой примирение вышло как-то само собой, сразу перейдя в большую нежность. Говорили о том, как избегнуть ссоры. Первый раз после деторождения водил её гулять.

14 января

Только что начала сочиняться тема, несколько моцартовская, для №4, как позвонил Дягилев. Я сказал ему: «Ни для кого другого не подошёл бы к телефону, потому что как раз сочиняю для тебя новую тему». Дягилев хотел прервать разговор, но я сказал, что ничего, я её запомню. Дягилев только что из Бордо и справляется, что в Париже нового. Я был даже польщён: такой чести мне раньше не оказывалось. Но я почти всё время сидел дома, и мало чего мог сообщить ему.

Тема сочинилась не одна, а две, и, по-моему, обе очень хорошие. Решил написать этот номер в виде сжатого сонатного allegro.

Настроение, благодаря удачным темам и дружеским отношениям с Пташкой, очень хорошее.

15 января

Сочинил не так много, но экспозиция (кроме заключительной партии) готова. В семье мир, но Пташка не спит по ночам, и потому слаба и нервна.

16 января

Сочинил заключительную, незначительную, но заключающую. Идея: но ведь - раз-два! - и можно из балета состряпать 4-ю Симфонию! Сонатное allegro есть, а какое andante можно сделать из темы, которой заканчивается балет! Но не на опасном ли я пути? Ну, хорошо, сделал один раз из «Огненного ангела», но из каждой новой сценической вещи?... Впрочем, об этом забыть, пока не кончу балета.

Вечером был у Цили, которая позавчера приехала с Явы, а послезавтра уезжает в Лондон и дальше по Европе. Борис остался в Шанхае - преподавать, очень выгодные условия. Что это? Развод? Передышка друг от друга? Расспрашивать не пришлось, на вопросы же, когда он возвратится, Цецилия отвечала уклончиво. Вид у неё цветущий и интересный, и только, пожалуй, её природная холодность - некоторая гарантия для Бориса.

17 января

Пробовал сочинять разработку, но опять отшибло. Вечером был на небольшой

лекции Марины Цветаевой о Брюсове. Много интересного, но Остроумова-Лебедева два года назад рассказывала про него картины более яркие и жуткие.

Чтобы не терять времени, делал клавираусцуг балета. С Пташкой отношения отличные. Олег, родившийся с волосами и намёком на бачки, лысеет, причём полысение идёт со лба, как у папаши. Олегом его. впрочем, дома не называют, так как Пташке это не нравится, хотя ей и приходится постоянно слышать похвалы этому имени ото всех русских: зовёт «братиком» со слов Святослава. Последний относится к братику по-прежнему очень тепло и даже однажды, чтобы доставить ему удовольствие, дал пососать ему свой грязный палец.

18 января

Пошла разработка, хотя и помалу (хорошо бы одним махом всю!).

Дооркестровал девятый номер. Теперь у меня оркестровано всё кроме трёх не досочинённых номеров.

Вечером был дома и играл с Пташкой в рамми.

19 января

Разработка никак не клеится. Обидно. Но терпение. Перекладывал №9 в две руки. День без событий.

20 января

CS Church. Хотел потом сочинять, но опять ничего не вышло. Махнул рукой и решил несколько дней заниматься корректурой партитуры «Стального скока».

21 января

Сочинять не садился, а корректировал, ругая Пайчадзе, давшего мою партитуру такому паршивому гравёру.

Завтракать поехали с Пташкой в русский ресторан - и ели блины, а днём были у Dubost, где играл Софроницкий. Когда я здоровался с Milhaud, рядом с ним стоял неизвестный человек, который представился мне: Аренс. Это был советник советского посольства в Париже. До сих пор я держался в стороне от советского посольства, так как боялся, что пригласят играть на рауте, а потом об этом пропишут во всех газетах. Но так как у меня советский паспорт просрочен и вообще я собираюсь в Россию, то надо было быть любезным. Сначала Аренс ничего не сказал, и я тоже. Но позднее он подошёл к группе, с которой я стоял, и заговорил о том, что у них в полпредстве масса нот советских композиторов, в которых они никак не могут разобраться. Я сказал тогда, что с удовольствием помогу им выбрать то, что скорее всего понравится в Париже (это моя обязанность перед московскими композиторами). Аренс страшно обрадовался и записал мой адрес. Затем я представил его Пташке. Он расшаркался и поцеловал ручку. Вообще он недурён собой, хорошо одет, но говорит с сильным еврейским акцентом.

22 января

No good is, but the good God bestows. Science & Health[2]. Очень важное правило для того, чтобы отметать фальшивые желания и радости, и уметь ценить настоящие.

[2] Нет блага, кроме блага, дарованного Богом. Наука и здоровье (англ).

Это изречение есть компас, по которому надо вести жизнь.

23 января

Корректировал. Решил не браниться, а добросовестно обводить все ошибки и недочёты гравировки. Ему же, гравёру, хуже, что надо всё исправлять. Сделал порядочно. Сочинять пока не буду: я пересочинился и надо воздержаться несколько дней.

25 января

С Пташкой очень хорошие отношения.

26 января

Целый день тяжёлая голова. Кое-что придумал в разработке четвёртого номера балета.

Играл 4-й Концерт Рахманинова, 2-й Метнера, «Поцелуй феи» Стравинского. У Рахманинова хороша побочная партия, остальное довольно мёртво. Удивительно, как эти три композитора усохли на пятом десятке. К ним надо ещё прибавить Глазунова. Четыре больших русских композитора, которым надо было, как Скрябину, умереть в сорок три года. Впрочем, Стравинский слишком шустрый покойник: подождём его хоронить.

27 января

Разработка четвёртого номера закончилась, хотя я не вполне уверен, на высоте ли она. Затем сама собой вышла вся реприза до коды. В репризе несколько удачных находок. Работал с перерывами целый день, а коду отложил на завтра. Очень доволен, что этот номер сдвинулся, хотя не уверен, хороша ли разработка.

28 января

Очень лихо закончил четвёртый номер, хотя и обломал все ногти на пальцах. Чрезвычайно доволен, так как этот номер мне стоил немало возни и мучений. По инерции сел даже за следующий номер и даже кое-что сделал. Вернее: пришла идея, как можно его написать.

Вечером исполнение Квинтета в Pro-Musica, но Боже, что это было за исполнение! Плелись не вместе, играли не в тех ключах, расходились на целый такт в течение целой части - словом, позор. Говорят, они сделали лишь одну репетицию, и кроме того, у Дарье, скрипача, бронхит. Это для Квинтета-то, одну репетицию!

Увидев Марнольда в другом конце зала (я не видел его семь месяцев, старик мог умереть), я отправился к нему. Когда же я хотел вернуться, то в пустом ряду кресел, по которому я должен был пройти, уселся Сталь, я уверен - нарочно, чтобы я шагал через его колени. Но я, заметив вовремя, избрал другой путь, и встреча не состоялась.

29 января

Ночью просыпался и возмущался исполнением Квинтета. Решил послать ругательное письмо в правление Pro-Musica. Утром злился и даже не мог заставить

себя читать CS, но делаю это каждое утро до занятий. Наконец всё-таки сел и прочёл краткую, но интересную статью. Взята картина: солнечный день, мотылёк порхает вверх и вниз, рядом на белой стене порхает его тень, выбегает щенок и с лаем начинает гоняться за этой тенью, мотылёк тут же рядом, но щенок и не думает его схватить. Потому что до того занят тенью, что не замечает мотылька. Мораль: поскольку человек ясно сознаёт, что он отраженье Божье, ему не страшен людской лай, который направлен лишь на его материальное «я», являющееся слабой тенью настоящего человека, отражающего Бога.

Статья имела действие. Ругательного письма решил не писать. Но, с другой стороны, решил, что молчать - это поощрять недобросовестное исполнение. Поэтому написал письмо со строгим изложением фактов и с вопросами: сколько было репетиций (неужели всё-таки одна?), и почему меня на них не пригласили.

Сегодня не сочинял. Корректировал партитуру «Стального скока». Заходил в издательство, где Горчаков играл свои новые сочинения. Они лучше: меньше промахов, но едва ли талантливы.

25 января

Была несколько тяжёлой голова, поэтому ходил в дальнюю прогулку по Bois de Boulogne со Святославом. Последний изображал чуф-чуф, шлёпал по грязи, а один раз громко спел «чижика». Когда я оказался на одной тропинке, а он на другой, он философски сказал: «Ты сюда, а я сюда, у каждого своя дорога».

Днём голова прочистилась, пришёл Марнольд, мы сыграли две партии в шахматы. Правда, я ему отдавал ходы назад, но первую он выиграл и вторую тоже стал выигрывать. Тогда я решил: довольно возвращать ходы, дождался первого его зевка и выиграл вторую партию. Он слушал «Вещи в себе» и хвалил.

26 января

Корректировал и кое-что разрабатывал в pas-de-deux. Вечером на концерте Страрама, довольно скучном, 3-я Симфония Шумана так плохо звучит, что тоже было скучно. У «Заратуштры» Штрауса ошеломляющее начало (ведь без музыки, а как здорово!), но кроме начала ничего нет. Страрам в артистической бросился навстречу и спросил, что моего он играет. Я сказал: что хотите. На днях он придёт поговорить. Кстати, поговорю с ним о Симфонии Дукельского.

1 февраля

Корректировал и сочинял pas-de-deux. Общий план набросался. Но боюсь, это не то, что хочет Дягилев: недостаточно страстно. Дягилеву теперь нужно обратное тому, что он проповедовал мне в Риме в 1915 году. Черта, общая ему и Стравинскому: с убеждённейшим видом утверждать, что только такую-то музыку и можно сочинять, а через год доказывать обратное.

4 февраля

When we think only of good, of God and his Infinite ideas, harmonious conditions are externalized. Christian Science[3].

Совершенно верно. Отраженье Божье всегда гармонично, но мы, мысля

[3] Когда мы думаем о добре, о Боге и бесконечности его деяний, то выявляется их гармоничность. Христианская наука (англ).

материально и создавая вокруг себя материальную атмосферу, не видим этого. Когда же мы переключаемся в цикл добра и божественных идей, гармония выступает.

Меня очень огорчает, что Пташка после деторождения так завязла в медицинской атмосфере. Для родов надо было взять акушера - это допускают самые подвинутые из сайентистов, - но после надо как можно скорее отвязаться от докторов. Пташка же как-то от Science отстала, к докторам не пристала, сидит между двух стульев - и это очень нехорошо.

5 февраля

Оказывается, вчера я неожиданно кончил пятый номер. Я больше всего боялся, что он или не выйдет, или, если выйдет, то всё-таки не понравится Дягилеву. Как раз последний позвонил по телефону и сказал, что хочет прийти слушать новые номера. Я просил прийти завтра, надеясь, что, может быть, я к тому времени закончу шестой номер.

Днём был в гараже и объяснял мастеру некоторые поправки в машине. Мастер у нас очень важный, и я размышлял, можно ли ему дать на чай, и если да, то сколько. Как раз в этот момент приехал какой-то другой моторист, важный, и надо было видеть, как мой мастер, извинившись у меня, бросился к нему и стал что-то объяснять про его машину. Я терпеливо ждал минут двадцать, но когда тот, объяснив всё, начал ещё мыть стекло, извёлся и, подойдя, сказал: «Я вас жду, мыть фонари не ваше дело». Тот ответил «в самом деле», но не сразу вернулся. Тогда я в бешенстве ушёл из гаража. Я не знал, можно ли ему дать на чай, а это вот какой раб! Дома я скоро забыл про этот случай, но, проснувшись ночью, опять разозлился и не мог спать. В конце концов заставил себя думать по CS, успокоился и крепко заснул.

6 февраля

Тяжёлая голова. Некстати: надо бы к приходу Дягилева закончить шестой номер и подучиться играть вновь написанное, чтобы не тыкать в соседние ноты. Но пришлось пойти в длинную прогулку, чтобы голова не разболелась хуже. В пять часов явились Дягилев, Кохно, Лифарь и Нувель. Дягилев был в отличном настроении и наговорил комплиментов Пташке. Затем стал спрашивать: ну кому можно заказать балет на случай, если Хиндемит не поспеет? Кто такой Мартину? Кто Villa Lobos? Про последнего я постарался дать некоторые сведения, хваля его с оговорками. Поднимать вопрос о Дукельском нельзя было: ещё не та атмосфера. Я сыграл №№ 4, 5 и 6, которые Дягилев не слышал до сих пор, и, к удивлению, все три были одобрены. Я был приятно удивлён, так как боялся, что pas-de-deux будет найдено недостаточно амурозным, а про №4 будет сказано, что сонатное аллегро не есть часть балета. Дягилев сделал несколько дельных замечаний про pas-de-deux, именно: что надо играть его медленней, но так как от этого оно удлинится, то надо его чуть сократить, что я и обещал сделать. Затем Кохно начал выдумывать сюжет для неожиданно разросшегося №4, имел несколько «гениальных идей», но тут же взял их обратно. Когда же выяснилось, что выдумать не совсем просто, то начались восклицания, что эта музыка не так-то уж подходит и что, в сущности, она вовсе не такая танцевальная. Смущала побочная партия, ибо она вызывала женский образ. Ввести уже сидящую на сцене красавицу было нельзя, так как весь этот номер был задуман для того, чтобы разделить два её танца. Ввести же другую женщину значило бы отвлечь внимание от первой, что тоже было нежелательно. По счастью, занялись другими номерами, а этот вопрос отложился.

Очевидно, и Дягилев, и Кохно хотели подумать. Ушли в девятом часу. На прощание Дягилев пригласил нас к себе в ложу на «Снегурочку», сказал, что он в любой день свободен, чтобы прийти опять, и просил достать Villa Lobos, но будто от меня, а не от Дягилева, чтобы не связывать последнего.

После трёхчасовой игры и горячих разговоров, голова разболелась вдребезги, и я не пошёл на бридж к Самойленкам. К полуночи голова прошла.

7 февраля

Сегодня была замечательная ясность головы, и я не только выполнил все изменения, предложенные Дягилевым (в том числе расширил заключение балета), но и закончил шестой номер, то есть, иначе говоря, кончил сочинение балета. Осталось только дооркестровать три номера. Да ещё перекромсать четвёртый номер совместно с Дягилевым. Я его смотрел: он разбирается как по винтикам и его можно перекроить как угодно. В том виде, как сейчас, он войдёт сонатным аллегро в 4-ю Симфонию, для балета же я его сделаю, как Дягилев захочет.

Настроение очень хорошее.

8 февраля

Должен был позвонить Дягилеву - когда следующее рандеву, но не позвонил, не имея ответа от Villa Lobos'a. Тогда Дягилев сам позвонил дважды, спрашивая, что же обезьяна. Сам Lobos позвонил лишь к вечеру: страшно доволен и благодарен и к услугам, когда угодно. Словом, я попал в благодетели. Решено встретиться у меня послезавтра.

Наработавшись за день, вечером вдруг собрался в симфонический концерт - послушать Рубинштейна. Пташка, которая лежала, вдруг обиделась, что я оставляю её одну, а я рассердился - что такое в самом деле: шагу ступить нельзя. 4-ю Симфонию Бетховена послушал с удовольствием, 2-й Концерт Сен-Санса - тоже, знаю каждую ноту ещё со времён Консерватории. Сен-Санс отлично оркеструет фортепианные концерты (как странно, я ни разу не слышал своих!). Файя и Флоран Шмитт нагнали тоску.

9 февраля

Репетиция Poulet, который даёт сюиту из «Апельсинов». Оркестр молодой, горячий, и сам цыплёнок[4] старается; его ругали; но выходит недурно, гораздо лучше, чем я ожидал. Я попросил у менеджера ложу, так как собирался Дягилев. Тот сначала расцвёл, что Дягилев, но потом в глазах его замелькало сомнение: а вдруг я так, лишь бы получить ложу. Между тем. Дягилев сам заявил, что он хочет прийти слушать.

Вечером премьера «Снегурочки» в Русской Опере (Кузнецовой-Маснэ). Спектакль очень парадный. Мы в ложе у Дягилева. Но Купер тянет и голоса так себе, кроме двух мужчин: Попова и Пиотровского. В антракте Дягилев, указывая на меня, говорил Волконскому: «Ну, такой шедевр написал, такой шедевр...»

Увидев Соню Аванову, я подошёл к ней поздороваться.

Она:

- А, наконец-то вы узнали меня! А вот позвольте познакомить вас, это мой муж.

Мужем оказался... Кирилл Зайцев! Вот неожиданная комбинация! Я как раз

[4] Poulet - в буквальном переводе с французского - цыплёнок.

последнее время читал его статьи в газетах и знал, что он примкнул к группе монархистов. У Зайцева проседь в бороде и он поширел в плечах.

Он:

- Мы так давно не виделись - страшно подумать!

Я:

- Пятнадцать лет.

Они всего две недели женаты. Он недавно ездил в Белград, видел там Мещерских. Подошла Пташка и я познакомил их. Пошли по фойе: я с Соней, он с Пташкой. Разговор с Соней, конечно, о Кошиц, которую я несколько раз называю Ниной. Замечаю, что Зайцев прислушивается, и сейчас же говорю «Нина Павловна». Расставаясь, делаю Зайцеву комплимент за его бриджевые таланты и говорю, что надо бы сыграть. Зайцев отвечает, что не играл с петербургских времён. Записываем адреса и прощаемся. Странное впечатление, когда сочетались браком персонажи из двух разных пьес! Зайцев - мой один период, Аванова - совсем другой. И потом, она всё-таки грубиянка, хотя красивая женщина; я не думал, что Зайцев кончит ею. Но встреча интересная, пахнуло стариной; старина, оказывается, имеет власть надо мною. Почему? Потому ли, что революция отгородила стеной от прошлого? Или жизнь за границей, вдали от России, заставила жадно вспоминать о русском? Или просто чтение дневников? Не думаю, чтобы возраст.

Спектакль тянется долго. На ложу Дягилева обращают внимание. Сам хозяин, Маснэ, подходит к нему справляться - хороши ли костюмы.

10 февраля

Звонил Шуберт. Я сказал ему, что встретил Соню Аванову, которая вышла за моего знакомого. Шуберт:

- Да, да, от социалиста к монархисту.

Я:

- От социалиста?

Шуберт:

- Ну как же, недаром же она жила в одной квартире с Керенским.

Комбинация усложняется!

В три часа явились: Дягилев, Нувель, Кохно и Лифарь. Так как мой №4 развинчивается по винтикам и для надобностей балета его можно было перекомбинировать как угодно - то я на блокноте нарисовал наглядную схему этого номера, дабы Дягилев легче мог ориентироваться, и озаглавил рисунок: «Общеобразовательное пособие». Дягилев вырвал листок из блокнота и быстро спрятал его в карман. Однако номером заняться не успели.

Так моё общеобразовательное пособие пошло не для дела, а для дягилевской коллекции. Не успели также обсудить переделки в №5 и заключение в №6. Похвалил Дягилев лишь заключение балета (теперь пять с половиной тактов вместо прежних четырёх), как явился Villa Lobos в сопровождении испанского пианиста и ещё француза. Lobos, видимо, волновался и для апломба сосал сигару, которой надымил во всех комнатах. Играли два часа. Играл испанец, который с листа валял все труднейшие лобосовские измышления. Тут были и широкие замыслы, и бесконечные переливы, и раза два простые мелодии с приятными, наложенными в нескольких местах, пятнами. По-видимому, Lobos, не зная, что может понравиться Дягилеву, пробовал все свои манеры, но меньше всего обращал внимание на свои «мелодии с пятнами», а это было единственное, что имело шанс.

Наконец в пять часов я заявил, что концерт Poulet начался, мои «Апельсины» идут вторым номером, и надо или ехать или не ехать. Lobos простился и уехал со своими приятелями, а мы - Дягилев, Пташка, Нувель и я - сели в такси и поехали

на концерт Poulet. Дягилев кутался в свою потёртую бобровую шубу и говорил:

- Он всё-таки талантлив, но у него вкуса ни на грош. Часть людей без вкуса, но их спасает большой талант, как есть люди неумные, которых спасает такт. Вот есть у нас один очень большой композитор, но без вкуса.

Я:

- Это Чайковский.

Дягилев:

- Нет, я не о Чайковском. Чайковский не то что без вкуса, но он как-то по ту сторону всякого вкуса. Я говорю о Стравинском. У Стравинского нет вкуса, начиная с галстуков и носков, которые он выбирает, но у него есть гениальное дарование и большой ум, и это его спасает.

Дягилев в периоде контры со Стравинским, иначе он так бы не говорил о нём.

Я возвращаюсь к Villa Lobos и говорю, что он, сыграв столько музыки, как раз не почувствовал того, что могло заинтересовать Дягилева.

Дягилев:

- Он напоминает мне одну композиторшу, которая сыграла мне свои сочинения terriblement modernes[5], как она говорила с английским акцентом, и когда я сказал, что это уж слишком для меня модерно, то она была очень горда, более горда, чем если бы я принял её сочинения. Она ходила всюду и хвасталась, что уж так она пишет, так пишет, что даже для Дягилева слишком moderne.

Ключ к этому рассказу в следующем: слово «модерн» в музыке было пришпилено к поискам новых гармоний, а затем к поискам красивого в фальши и сложности; наиболее проницательные композиторы первые утомились этим и повернули к простоте, но не старой, а ища простоты новой, и, разумеется, Дягилев был с ними; композиторы же менее чуткие продолжали городить свои постройки и, уходя в тупик, думали, что открывают неведомые горизонты. К таким частично принадлежал и Lobos: у него было несколько дорог, и он не знал, которая выведет.

На концерт приехали вовремя. В ложе я посадил Дягилева с Пташкой в первый ряд, дабы менеджер видел, что он здесь. Poulet дирижировал неплохо, горячо. Затянул только Принца и Принцессу. Я не очень люблю эту сюиту и даже предупреждаю Дягилева, что «вещь так себе», но он хвалит и обещает сыграть в Лондоне во время своего сезона. Сюита имеет успех. За кулисами Blois говорит, что мне надо уйти от P1eye1'я к Гаво, который даёт мне значительную денежную гарантию на концерты.

Я:

- Но «Гаво» - ужасные рояли!

Blois:

- Уверяю вас, не многим хуже «Pleyel», да и хуже ли?

11 февраля

Утром оркестровал №6, но мало. Завтрак у Dubost, вкусный, хотя я во время работы не люблю завтраки, потому что они режут день надвое, и во второй половине не работается. Артур Рубинштейн всех смешил. Одна дама сказала ему:

- До чего вы уродливы!

- Что это, объяснение в любви? - спросил он.

- Да нет же, я серьёзно, - ответила та.

Днём были Набоковы, которых мы были рады вновь увидеть, но боялись показывать Олега, зная, что у них умерла дочка. Но обошлось. Обедали у нас и поехали на концерт Боровского, где нас посадили в царской ложе (loge d'honneur).

[5] Жутко современные *(фр)*.

Сегодня Боровский играл средне. После сидели в кафе: мы, Набоковы, Боровские, Лазар с красивой женой и Робер Лион. Последний меня раздражал и я был сух.

12 февраля

Оркестровал. Дягилев звонил по телефону и просил отложить свидание, так как на улице страшный мороз и он боится выходить.

Заходили: Blois - брать интервью: Le Flem - ознакомиться с партитурой «Семеро их», которых хотят играть в Orchestre Symphonique de Paris; Боровский - которому играл отрывки из «Блудного сына», ему очень нравилось, но перед заключением сказал, что в нём «старческая просветлённость». Это - апофеоз из «Аполлона», но без скуки последнего. Затем вместе обедали в «Prunier». «Вкусно, Маша».

13 февраля

Опять мороз, и опять отложили с Дягилевым. Мороз в самом деле большой, и хотя наша квартира хорошо отапливается, в ней холодно и неуютно. Вечером заходил Софроницкий и с совершенно серьёзным видом рассказывал, что один шофёр замёрз на ходу. Автомобиль продолжал ехать. Тогда два других помчались за ним, пока не схватили шофёра под руки и не остановили его машину (чудно!). Дела Софроницкого не клеются, к тому же он до крайности нелепый. Взял у меня сто франков. Спросил, звонил ли я Аренсу. Я сказал:

- Звоните вы, а если спросит про меня, то скажите, что я с удовольствием зайду посмотреть сочинения московских композиторов.

Софроницкий:

- Я не знаю телефона.

Я:

- Вот он, на карточке, которую дал мне Аренс.

Святослав рассматривал сегодня иллюстрации России, где конкурс детей на красоту, и сказал: «Смотри, какие смешные голенькие дамочки!»

14 февраля

Два месяца Олегу. Первый раз за сезон собрались у нас гости (до сих пор мешало деторождение, его предисловие и послесловие). Этим воспользовались, чтобы устроить чистку в квартире - и не давали заниматься. Но сочинилось очень хорошее отвлечённое - вступление к 4-й Симфонии. Я искал сначала материал в балете, но, не найдя ничего подходящего, сочинил новое - и выгадал.

Гости: сначала Рубинштейн и Набоковы, которым я играл «Вещи в себе» и отрывки из балета - оба шумно восхищались. Рубинштейн не совсем понял середину первой «Вещи в себе». Затем пришли: Валечка Больм, Софроницкие, Самойленки, Mme Dubost. Валечка, о романе с которой так трещал Дукельский, похорошела, очень подлизывается, замужем за англичанином, актриса. Набоковы остались обедать, затем мы были в кинематографе, дурацком.

15 февраля

Докончил сочинять вступление к симфонии. Оркестровал №4 из балета. Звонил Дягилев и просил опять переложить свидание на завтра. Я в телефон хвалил ему увертюру Набокова, которую последний играл вчера. Увертюра в самом деле не лишена симпатичности. Пришёл Набоков - с репетиции своей «Оды», которая идёт сегодня вечером в Orchestre Symphonique de Paris. Жаловался, что Ansermet

прохлопывает всё время на репетирование «Поцелуя феи», а «Оду» делает наскоро.

Вечером - в концерте. «Ода» звучит средне: виноваты и оркестровка, и акустика, и плохая певица, и малая численность хора. Есть милые номера, но много скучного. Надо давать неполностью. Затем «Поцелуй феи», во время которого сидели рядом с Дягилевым, который справляется про отдельные темы - из какого сочинения Чайковского взята.

Дягилев:

- Инструментовка глазуновская.

Я:

- Нет, не глазуновская; глазуновская такого свойства, что звучит в любом зале, а это будет звучать лучше не в таком сарае, как этот.

Дягилев:

- Что же это за инструментовка, для которой нужно строить особый зал?

Подходит Набоков и бранит «Поцелуй» за скуку, но Дягилев и «Оду» нашёл скучной. Посмеиваясь, он рассказывает:

- D'Indy тоже бранил «Китеж» за скуку; тогда кто-то сказал про D'Indy: et il en sait quelque chose[6]! В бровь Набокову: не брани других за скуку, а лучше избегай её в своих сочинениях!

Последний номер - «Свадебка». Сидим в глубине зала: Набоков с женой, Пташка и я. «Свадебка» по обыкновению производит на меня сильное впечатление, но Набоков всё время делает справки и ссылки на то, что темы взяты из Знаменного распева. Опять на чужой материал!

16 февраля

Встал поздно. Оказывается, сегодня Бродский играет мой скрипичный концерт. Поэтому звонил Дягилеву, прося отложить свидание на завтра. Отложили. Сочинил начало Andante 4-й Симфонии (четыре такта до мелодии); оркестровал №5 и №6 балета, но кусочками - для целого нет дягилевского утверждения. Бродский играл горячо и с техникой, но оркестр аккомпанировал плохо. У меня на коленях была программа, в которой напечатаны фамилии всех музыкантов оркестра. Когда инструмент не вступал, я писал против фамилии невступившего «crétin», а сидевший рядом Blois заглядывал. Особенно орала туба.

Вечером Самойленки звали на бридж, но оказалось, что партнёры так себе, и я остался дома.

17 февраля

Утром CS Church. Затем оркестровал. В пять часов пришёл Дягилев, сегодня один. Он снимает наконец себе квартиру, куда поместит коллекцию своих старинных книг, а также Кохно и Лифаря. Для декораций «Блудного сына» старается добыть Матисса, но это очень трудно, никак к нему не подъедешь: Матисс теперь самый дорогой художник, пишет картины и кладёт их в банк, так как после его смерти они сразу прыгнут в цене в десять раз. Из того, что Дягилев, с одной стороны, ходит в цирк, а с другой, спрашивал, нет ли у меня клавира «Лисички», я заключил, что он предполагает её поставить. Значит, запрет на Стравинского не вышел. А как же с «Шутом»?

Затем я играл ему pas-de-deux, где он снова указал на купюру, которую я охотно ему и сделал, решив ввести вырезанный кусок в симфонию. Про №4 же начались стоны, что это не танцевально, что предполагалось сделать из него боевой номер,

[6] И он кое-что в этом понимает (фр).

а на такой музыке ничего настоящего не поставишь («конечно, на всё можно что-нибудь поставить»).

Я:

- Наоборот, мне всегда казалось, что тут много танцевальной музыки, а менее танцевальную я тебе вырежу.

Дягилев:

- Не всё танцевально, что быстро и с акцентами.

Я рассердился:

- И вообще, сначала этого никто не замечал, и лишь когда выяснилось, что Кохно ничего не может выдумать, то вдруг открыли, что номер не танцевален.

Дягилев:

- Да тут и выдумывать ничего не надо. Просто надо, чтобы музыка била в нос, и я в таком случае хотел назначить для него моих двух лучших танцоров. А если не будет блестящего танца, то они и танцевать не станут. То есть я им прикажу и они послушаются, но за полчаса до спектакля окажется, что у них растянуто сухожилие.

В это время пришли Набоковы и Сувчинские, с которыми мы уговорились обедать. Дягилев, уходя, говорил, чтобы я пока об этом не думал, заканчивал оркестровки других номеров, а там, недели через две, новый номер сам собою сочинится. Я злился и сейчас же после его ухода играл сонатное allegro Набокову и Сувчинскому. Оба нашли, что музыка и хороша, и танцевальна. Затем ели блины у Аги, сидели в турецкой кофейне и встретили пьяного Шуберта. Сувчинский, раздражённый расколом евразийства, был не в духах.

18 февраля

Отделывал и оркестровал pas-de-deux. Заходил в издательство, где Пайчадзе расспрашивал про Набокова, который из другого издательства переходит в наше. Вышел клавир «Стального скока», в довольно неприличной красной обложке, выбранной Пайчадзе. По его описанию я думал, что она будет более тёмной. Обедали в клубе; после обеда я играл в бридж с клубными игроками и в холодной комнате, так что даже начал дрожать от волнения и холода.

19 февраля

Встал поздно (в одиннадцать) и пошёл за автомобилем, который сегодня вышел из починки. Заплатил 2200 франков. Неужели страховое общество не вернёт мне их?

Завтракали у Dubost, где были также Набоковы. Затем ездили с ними за город. Вечером догонял дневник и читал. Сегодня не сочинял и не оркестровал.

20 февраля

Когда я утром оркестровал, позвонил Софроницкий - из полпредства: что он там и разбирает ноты вместе с Сабанеевым - не прийду ли я. Я ответил, что сейчас работаю, но приеду в половине третьего. Поехал я в Ballot: в советское посольство, так в своём авто. При входе столкнулся с Сабанеевым, который через кучу лесенок и коридоров провёл меня в кабинет Аренса, по пути спрашивая меня, читал ли я его статью обо мне, хвалебную (я не читал).

Аренс, как и у Dubost, был очень любезен, говоря по-русски не без акцента. На диванах, креслах и на полу лежала груда нот, напечатанных Музсектором: тут и новые композиторы, и старые, и полустарые. Гедике, Вейсберг, Фейнберг, Житомирский - всё это для Парижа не годилось. Я отобрал Мясковского (но не

всё), Шостаковича, Мосолова, Шебалина, Дешевова. Выразил сожаление, что нет Попова. Взял некоторые партитуры, чтобы показать дирижёрам. Аренс был очень доволен, но тут же заявил, что посольство покушается на меня пятого марта: просит сыграть у них на приёме. Случилось то, чего я больше всего боялся. По крайней мере я надеялся, что хоть не сразу накинутся. Отказываться было нельзя (советский паспорт просрочен, и вообще я живу по антисоветскому), поэтому я с любезной улыбкой согласился, хотя и прибавив, что терпеть не могу играть во время приёмов. Вскоре я уехал домой, покатав в Булонском лесу Софроницкого и Сабанеева. Дома нашёл Набоковых и Базилевского, композитора, приведённого Набоковым, довольно милого, но незначительного.

Вечером у Фриды играл в бридж с Мееровичем и его женой, смазливенькой ирландкой, а по мнению Пташки - еврейкой. Вспоминали Японию.

Обязанность выступить в полпредстве злила. Ночью просыпался. Противно, если пропечатают в эмигрантских газетах и подымут ругань. Но надо, видимо, выбирать или Россию, или эмиграцию. Ясно, что из двух - Россию.

21 февраля

Оркестровал, кончил №5.

Завтракали у нас Набоковы, которые сегодня уезжают в Бельгию. После завтрака ездили в автомобиле за город. Набоков очень доволен, так как он сегодня перешёл в наше издательство. Я сказал ему небольшой предостерегательный спич: у него есть мелодический дар, но он недостаточно работает над своими мелодиями - слишком много у него оборотов по высочайше заведённому образцу. Слишком много также из Чайковского. Любовь к Чайковскому почтенна, но не надо впадать в слащавость, иначе он превратится в нового Гречанинова. Набоков выслушал очень прилично, но сказал, что едва ли он сможет от всего отречься.

Я:

- Если будете постоянно над этим работать, то мало-помалу и отречётесь, а если не будете работать, то кончите тем, что утонете в гречаниновском лимонаде.

Вечером Пташка хандрила и упрекала меня, что я недостаточно внимателен к ней (я читал английский детективный роман).

22 февраля

История с полпредством продолжает раздражать. Эмиграция будет бросать камни. Но я и так мало с ней в контакте.

Кончил оркестровать №6. Теперь всё оркестровано, кроме спорного №4. Но буду его тоже оркестровать: не для балета, так для симфонии.

Приходил композитор Градштейн, польский еврей, который играл не лишённые таланта скерциозные вещи. Я дал ему несколько советов.

23 февраля

Получил от Пайчадзе издательский отчёт за 1928 год. Он больше прошлогоднего: 9620 марок вместо 8726 в 1927 году. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и продажа упала (1398 вместо 1449), и наём тоже (2930 вместо 4155). Увеличилась же общая цифра оттого, что к ней присчитали какие-то оперные поступления из России. За подробностями я ещё обращусь к Пайчадзе. К опусам, у которых не упала продажа, а повысилась, относятся: Скрипичный концерт, «Бабушкины сказки», Марш из «Трёх апельсинов», 5-я Соната (!), 4-я Соната и «Мимолётности».

28 февраля

Вчера Святославу минуло пять лет, но праздновали сегодня, так как у ребятишек нет школы по четвергам. Было человек десять от пяти до одиннадцати лет, всех национальностей, пускали электрический поезд, граммофон, надели цветные шляпы, разыграли лотерею с ерундовыми подарками. За шоколадом был торт с пятью свечками по числу годов. Маленькие ели сосредоточенно, те же, что постарше (вроде Тани Захаровой), держали себя чинно и несколько смущались, что на них такие же шапки, как на мелюзге.

3 марта

Все эти дни - ничего особенного. Работал над Andante 4-й Симфонии и оркестровал Allegro. Корректировал (со скрежетом зубовным) партитуру «Стального скока». Прочёл «Казаков» Толстого, с удовольствием.

Сегодня был в CS Church. Днём никуда не ходил. Немного работал над Andante симфонии и корректурой. Злит, что надо играть в полпредстве.

5 марта

Выступление на приёме в полпредстве продолжало раздражать. Даже просыпался ночью. Представлялось, что потом будут ко мне врываться оголтелые монархисты и устраивать в квартире скандалы. Но утром взял себя в руки и начал читать CS - это единственный способ стать на путь истины. Как всегда в таких случаях попалась изумительная статья, которую я прочёл дважды и после которой настроение уравновесилось.

В половине пятого за мной заехал Софроницкий в огромном посольском автомобиле, который, однако, внутри поскрипывал, как скрипят спальные вагоны в России. Софроницкий, про которого никогда не знаешь, серьёзно он говорит или юродствует, воскликнул:

- А вдруг подумают, что едет посол и бросят бомбу?

Я:

- Но ведь посольского флажка же на автомобиле нет.

Софроницкий:

- А всё-таки может лучше опустить занавески?

У посольства мелькнуло несколько городовых. Мы въехали во двор и вошли внутрь. Я хотел раздеться у вешалки, где стояли лакеи, но Софроницкий сказал: «Лучше оставим наши пальто в артистической». Мы прошли мимо столика, где спросили наши приглашения, а так как их не было, то попросили расписаться. Поднявшись вверх по парадной лестнице, мы встретили человека с чёрными усами, как-будто с трудом говорившего по-русски. Мы представились ему и он посоветовал спуститься и оставить пальто внизу. Мы спустились, причём я ругал Софроницкого. Внизу уже начался съезд, от дам пахло духами, лакеи говорили «Oui, monsieur». Вот тебе и советское посольство! Мы вновь поднялись и прошли в артистическую, вернее гостиную позади большого зала, в котором кресла были расставлены рядами и где стояло два рояля. Появился Аренс, который уже держал себя старым приятелем. Он представил мне нескольких секретарей посольства и повёл меня в другой зал, где собирались гости. Там я встретил Русселя и Согэ, Эренбурга, и меня познакомили с Самойловичем, спасавшим вместе с Чухновским полярную экспедицию Нобиле. Так как он начал с того, что завтра ему в двухсотый раз надо говорить о своих полярных подвигах, я сразу, чтобы не говорить о надоевших ему вещах, перешёл на музыку, причём он обнаружил неплохое знание моих сочинений.

Рядом с ним была его жена глухопровинциального вида.

Аренс попросил меня начать, говоря, что едва мы возьмём два аккорда, как публика перестанет шуметь. Мы с Софроницким пошли к роялям. В это время ко мне подкатил Сикар, французский визный диктатор, и наговорил мне кучу комплиментов, что очень обрадовало меня, так как теперь я могу устраивать французские визы кому угодно. Мы сыграли вальсы Шуберта на двух роялях. Публика в зале слушала довольно хорошо, но из соседнего зала доносился гул, так как там продолжали прибывать гости. Однако дальше, когда играл Бродский и пела Кубацкая, публика шумела. Кубацкая успела рассказать мне, что Сталин был на моём концерте, когда я играл в Москве, и потом, по какому-то случаю не без гордости сказал «наш Прокофьев». Отлично: в Россию можно ехать спокойно! Когда я затем играл соло несколько пьес, то десятка два внимательно слушали, а из соседнего зала несся гул от разговоров. Однако я решил быть честным по отношению к тем, которые слушали, и прилично сыграл четыре мелкие пьесы. К концу народ нахлынул и кричал «бис».

По дороге в буфет я встретил Маяковского, только что из Москвы, и Лукьянова (когда-то «сокол», потом бежал из России на одной лодке с Башкировым, потом - сменовеховец, и теперь - в советском телеграфном агентстве в Париже). Я спросил, действительно ли так страшно было бегство на лодке, как его описывал Башкиров? Он ответил, что да, бегство было трагическое, но больше всех трусил Башкиров. Затем Аренс меня познакомил с довольно шикарным господином лет пятидесяти, с розеткой Légion d'honneur[7], который сразу наговорил кучу комплиментов про мою музыку, говоря, что он всю её играл на рояле. Я спросил потом Аренса, кто это. Аренс ответил: «Генерал-адъютант граф Игнатьев», и видя мой оторопелый вид, прибавил: «Теперь он с нами». На приёме был немецкий посол и несколько французских министров. Аренс сожалел, что я без жены, и выражал надежду, что я как-нибудь поиграю ему наедине, а то здесь ему надо было принимать гостей, и он почти ничего не слыхал.

Вернулся я домой с массой впечатлений и даже с улыбкой на лице. Этот приём, с французскими и немецкими вельможами, графом Игнатьевым и роскошными анфиладами русского посольства, сохранившими золотые короны на стенах, выглядел даже шикарным. Пташка с интересом слушала мои рассказы и жалела, что не пошла.

Вечером мы пошли на концерт из сочинений Стравинского. Так как это, кажется, пятый его фестиваль в сезоне, то народу не так много. Октет, «Серенада», Соната и «Солдат». Из всего мне более или менее понравилась первая часть Сонаты, кое-что в Октете и несколько, очень мало, моментов в «Солдате». По окончании программы мы зашли к нему в артистическую. После разговоров о моих сыновьях и о желании Стравинского зайти к нам посмотреть на них, Стравинский спросил:

- Ну вам, Серёжа, сегодня понравилось?

Я запнулся и сказал:

- Многое.

В ответ запнулся Стравинский и сказал:

- Но не всё?

Я:

- Больше всего Allegro Сонаты, - и затем стал говорить, как трудно в один вечер и дирижировать, и играть и что мне очень понравилась экономия его движений во время дирижирования Октетом. Расстались на том, что он придёт навещать моих сыновей. Несомненно, я втайне был доволен, что в приличной форме

[7] Орден Почётного Легиона.

зацепил Стравинского.

6 марта

У меня иногда от управления автомобилем и тяжёлых педалей - боли в животе. Кажется, это так и называется: автомобильная болезнь. Сегодня очень серьёзно работал над ней.

7 марта

Придумал новую тему для четвёртого номера балета - самого спорного из всех. Не знаю, хороша ли тема, но, во всяком случае, не каждодневная.

8 марта

В эмигрантских газетах статьи о приёме в полпредстве с упоминанием моего выступления. «Последние новости» впрочем приличны, а правое «Возрождение» - злобно, и называет меня резиновой куклой. Очень неприятно, когда в газете публично называют резиновой куклой. А на другой странице того же номера сообщается, что монархическая группа профессора Алексинского решила провозгласить императором принца Ольденбургского, и это совершенно серьёзно, не понимая всей опереточности такого сообщения. Откуда эмигрантские газеты узнали о подробностях? Ведь их же представитель уж конечно не был на приёме. Потом выяснилось, что гаденькую статью написал французский журнальчик Candide, от которого была на приёме девица, а русские газеты сейчас же перепечатали, причём «Последние новости» деликатно выпустили резиновую куклу, а «Возрождение» напечатало полностью. Вскоре зазвонил Шуберт: «Я хохотал...» Затем Самойленки, но эти дипломаты: вокруг да около, но о приёме ни слова, только сами приглашали обедать. В общем, история меня взволновала. Но я же шёл на то! Только трёхдневное молчание газет, да импозантность приёма убаюкали.

Пташка тоже взволнована. Я читаю CS и успокаиваюсь, но «Блудного сына» прячу в дальнем углу: если придут монархисты скандалить, так чтобы не разодрали рукопись. За обедом у Самойленок никаких вопросов, наоборот, приятно и интересно говорят о другом, так что не хочется переводить разговор на больную тему. Так и промолчали.

9 марта

Закончил четвёртый номер балета, но не уверен, хорошо ли получилось.

В издательстве встретил Стравинского. «Мне очень хвалят ваш балет», - сказал он и выразил желание придти ко мне послушать. Я ответил, что прежде всего мне хочется сыграть ему «Вещи в себе». Затем Стравинский неожиданно стал хвалить Скрипичный концерт (никак не могу понять, почему именно Скрипичный концерт?), и просил надпись на экземпляре «Стального скока» (но известно, что как раз «Стальной скок» Стравинский не любит). Словом, делал всё не так, как предполагалось. Он недавно читал интервью Рихарда Штрауса, который сказал, что композиторы сейчас не во Франции, а только в Германии и России. Стравинский: «Но к этому я предлагаю корректив: только в России; и притом только Стравинский и Прокофьев». Я, смеясь, прибавил, обращаясь к Пайчадзе: «Только то, что собралось сейчас в вашем кабинете; поэтому смотрите, чтобы потолок ваш не провалился».

После ухода Стравинского Пайчадзе сообщает о впечатлении, которое произвело на русскую колонию известие о моём выступлении в полпредстве. Всё время звонят по телефону. Пайчадзе: «Я за вас заступаюсь и говорю, что Прокофьева уже пять раз просили, и он больше не мог отказываться, поскольку он собирается в Россию».

По возвращении домой - телефон от Дягилева. С Матиссом дело окончательно не вышло, и декорации будут поручены Руо. Я не слышал о Руо, но Дягилев говорит, что первый сорт. Как, впрочем, и о всём, на чём он решает остановиться.

10 марта

CS Church. Тяжёлая голова, поэтому гулял в Булонском лесу. Дивная весенняя погода, поэтому тянет в дальнюю автомобильную поездку. Из-за головы и прогулки не успел отделать и подучиться играть четвёртый номер - для дягилевского визита. Заходила Циля, которая на несколько дней в Париже, между двумя концертными поездками. Борис в Шанхае. Циля же отпустила, что ей нравится путешествовать одной.

Около пяти явились: Дягилев, Кохно и Лифарь. Я сыграл новый №4, запинаясь и путая, так как он был написан на перечёркнутых листах. Самому мне не понравилось, но Дягилев и компания похвалил, указал на купюру и сказал, что отлично, можно оркестровать. В это время явился Руо, краснолицый господин лет пятидесяти пяти, в общем - жаба. Я сыграл: весь балет, с новым номером, - первое интегральное исполнение. Во время исполнения Дягилев довольно громко объяснял ему всякие сценические подробности. Я не особенно волновался по поводу их болтовни, так как Дягилев предупредил, что Руо в музыке ничего не понимает, но сыграть ему надо для порядка. Во время последнего номера мне даже показалось, что Руо затих и засопел, будто уснул. Затем он заговорил о розовом минарете, который пришёл ему в голову для декорации, о Матиссе, о Моро, а Дягилев рассказал про то, как он однажды пригласил Ренуара в ложу на спектакль русского балета, и последний явился в чёрном сюртуке, красных вязаных перчатках и фуражке с длинным козырьком. Пташка рассмотрела, что у Руо новые лакированные туфли, но носки сваливаются, и в одном месте видно тело. На прощании выяснилось, что дней через десять Дягилев увозит Руо в Монте-Карло, а то здесь ему не дадут работать. Я воскликнул: «Отлично, я повезу вас в автомобиле». После этого компания отправилась по домам, а Дягилев пригласил Пташку и меня завтра завтракать, чтобы потом пойти смотреть картины Руо.

11 марта

Старый вопрос - есть или нету Бога - принимает несколько иное освещение, если поставить его иначе, а именно: творчество в природе сознательно или бессознательно? Атеисты, по-видимому, утверждают, что оно бессознательно. Если же допустить, что оно сознательно, то это и есть уже Бог! В теориях атеистов - какая-то шаткость: как это бессознательное творчество природы нашло в себе элементы сознательного человека, и когда этот человек всё осознал, то он оказался всё-таки глупее бессознательной природы, постоянно удивляясь ей и получая от неё уроки? Довольно обидно и глупо. И как всё стройно, как только допустить сознательное творчество.

Утром, когда оркестровал новый четвёртый номер, пневмопочта - очень нелепая и сложная: от Rouault (фамилия-то как пишется!). Он желает уехать в автомобиле в Монте-Карло, да ещё с сундуками и с дочкой. Завтракали с Дягилевым (но без Руо), и я уговорил Дягилева поехать тоже, а то без него нелегко выносить жабье

общество знаменитого художника! Но Дягилев не переносит автомобиля и наотрез отказался. После завтрака смотрели картины Руо, мрачные и неприятные. Но по некоторым линиям и краскам мне пришло в голову, что он сможет сделать неплохие, суровые и в то же время красочные декорации и костюмы именно для библейской вещи.

12 марта

Звонил Стравинский (он уже звонил вчера, но меня не было дома) и спрашивал, когда же он может прийти послушать мой балет. А так как вчера Дягилев за завтраком успел сказать мне: «Да, да, Стравинский говорил, что ты умоляешь его прийти послушать «Блудного сына», - то я решил, нет-с, дудки, я сыграю, но не сразу. Поэтому сегодня на телефон я ответил, что я сейчас работаю над окончанием балета (это верно) и буду рад поиграть ему как можно позднее; когда он уезжает? Оказалось, что в пятницу.

Я сказал:

— - Ну, так может в пятницу днём?

Стравинский согласился и прибавил отечески:

- Работайте, Серёжа, работайте, это очень хорошо, а в пятницу утром я опять вам позвоню и буду держать для вас всё après-midi[8].

Значит, очень хочет послушать балет. Эффектно бы, чтобы в пятницу «Блудный сын» уже оказался отосланным Дягилеву!

Днём второе письмо от Руо - опять о поездке в автомобиле. Дягилев говорит: «Всю жизнь он проработал в погребе, et maintenant il a découvert le luxe![9]» (автомобиль, солнце и пр.).

Обедали у de Noyelle, где парадно, фраки, высокие чиновники из французского министерства иностранных дел. Тонкие познания в живописи и музыке смешивались с мещанством и скукой.

13 марта

Утром, когда я оркестровал №4, позвонила Фатьма и позвала обедать: у них сегодня неожиданно Стравинский, а также Пайчадзе. Меня сначала как-то мало потянуло на обед со Стравинским, но потом я поборол в себе гадкое чувство - и обед в сущности оказался очень весёлым, а сам «карманный савоаф» простым и приятным. Уже в начале обеда он похвалил укропную настойку за то, что она даёт вкусную отрыжку, затем восхищался вином такого-то года и сыром, действительно замечательно приготовленным Самойленкой, с луковым соком и коньяком в качестве привходящих элементов.

Отношения были самые непринуждённые и дружеские, и мне это было очень приятно, но вот зарежьте, я всё-таки никак не могу поверить в искренность Стравинского!

Днём выезжали в Ballot за город (последние дни были такие солнечные и такой был весенний воздух), но ландшафты ещё бурые и скорее осенние, чем весенние.

14 марта

Дооркестровал №4 и доделал клавир. Таким образом, балет закончен и на этот раз окончательно. Слава Богу.

[8] Вторую половину дня (фр).

[9] И теперь он открыл для себя люкс (фр).

15 марта

Немного работал над Andante 4-й Симфонии. Играл к Брюсселю. Ходил покупать автомобильный сундук. Когда я спеша вернулся домой, то уже сидели Стравинский с Судейкиной, и их занимала Пташка. Я сыграл две «Вещи в себе», из которых Стравинскому понравилась первая (интересная техника), вторую же он нашёл более обычно-прокофьевской. Затем подошёл Сувчинский, и я сыграл «Блудного сына» полностью. Стравинский сидел, уткнувшись в другой экземпляр. До сих пор все, кому я ни играл «Блудного сына», восхищались им, поэтому я был даже удивлён, что Стравинский отделался простыми вежливостями, да похвалил оркестровые замыслы. Сувчинский же тихонько сказал: «Замечательная вещь».

Потом поехали есть блины в русский ресторан, однако Стравинский, хотя был мил, но менее оживлён, чем у Самойленок. На прощание он опять благодарил за то, что я поиграл ему, и просил, когда я буду в Монте-Карло, побывать у него в Ницце, куда он уезжает завтра. Впечатление от этой встречи со Стравинским осталось скорее осадочное, особенно у Пташки, которая говорила: «Напрасно ты ему играл: он нарочно хотел послушать балет, чтобы иметь право критиковать его».

16 марта

В полдень пошёл к Дягилеву с тем, чтобы вручить ему полный клавир «Сына» и получить чек в пять тысяч франков. Дягилев сиял: он только что говорил по телефону со Стравинским о его вчерашних впечатлениях. Стравинский нашёл, что в новом балете я не сделал никаких шагов вперёд и что это такая же музыка, какую я писал раньше. Он не хочет ни критиковать, ни порицать меня, и я конечно единственный из современных композиторов, творчество которого он уважает и может слушать, но раз его спрашивают, то он считает своим долгом констатировать. Дягилев спросил его:

- Неужели ты не находишь, что техника этой вещи несколько иная, чем в предыдущих?

Стравинский ответил, что, может быть, и есть кое-что иное, но всё же это не лучше «Шута», а одна из лучших вещей Прокофьева - Скрипичный концерт.

Я воскликнул:

- Но никто так его не ругал после первого исполнения в 1923 году, как Стравинский и его компания!, - (к этой компании тогда принадлежал и Дягилев).

Дягилев продолжал цитировать Стравинского:

- Прокофьев не чувствует современности: у него по-прежнему барочные мелодии, а между тем в современной мелодике чувствуется стремление к классической простоте линий.

Я закричал:

- Как смеет Стравинский критиковать мои мелодии, когда он не может сочинить двух мелодических тактов?! Неужели-ж заключительная мелодия в «Блудном сыне» барочная? Или настоящая мелодия - это заключительная в «Аполлоне», украденная сразу у Шумана и у Вагнера?

Кохно ядовито вставил:

- Классической мелодией называется мелодия, сочинённая по высочайшему установленному образцу, - (намекая на несамостоятельность всех тем в «Аполлоне»).

Дягилев:

- Но ему больше «Блудного сына» понравилась фортепианная пьеса, которую ты сыграл вчера (первая «Вещь в себе»). Какая это пьеса?

Я:

- Та, которую я играл тебе осенью, ты нашёл её суховатой.

Дягилев улыбнулся:

- Ну вот, оттого она и понравилась Стравинскому.

В общем, он наслаждался всем этим разговором. Имея зуб на Стравинского ещё за «Бэзэ»[10], написанный не ему, а Идке, Дягилев был чрезвычайно доволен, что мой балет так удался в пику Стравинскому, и теперь, когда последний начал нести невероятные софизмы, Дягилев был в восторге. Он попросил надписать клавир. Я написал, что балет посвящается Дягилеву. Он был, видимо, польщён (гораздо больше, чем при посвящении других двух балетов), и сказал, что это ему особенно приятно, так как «Блудный сын» его любимая из моих вещей. Целовал меня, и мы расстались до Монте-Карло.

Днём я зашёл к Пайчадзе, чтобы взять деньги, и начал ему рассказывать про сегодняшний разговор с Дягилевым. Едва я сказал несколько слов, как в кабинете появился Стравинский. Я круто замолчал, затем спросил у Стравинского:

- Ну как после вчерашних блинов?

Стравинский:

- Отлично. Я уже за завтраком наелся.

И, обращаясь к Пайчадзе:

- Всё жрёшь и жрёшь, пьёшь и пьёшь! Слава Богу, хоть Великий Пост приближается.

Я:

- А когда Великий Пост?

Стравинский:

- Ах вы, российский атеист! Да послезавтра!

(Мило? Всё жрёшь и жрёшь, а меня атеистом!).

Стравинский стал прощаться, так как через несколько часов его поезд в Ниццу:

- Ну, Серёжа, заходите непременно, когда поедете в Монте-Карло.

Я:

- Непременно, и я надеюсь, вы поиграете мне из 2-го Концерта.

Стравинский замялся:

- Возможно да, возможно нет; это будет зависеть от настроения, - и тут же прибавил: - но вы непременно заходите, позвоните и заходите.

Я ответил в тон:

- Возможно да, возможно нет; это будет зависеть от настроения.

Стравинский бросился на меня и шутя схватил за горло.

- Ну хорошо, я вам сыграю, одну часть, но и она ещё в очень сыром виде, и вы обещайте никому не говорить о ней.

Затем мы простились и Стравинский уехал.

18 марта

В одиннадцать часов утра выехал в Брюссель. Поезд - без остановки до Брюсселя, и весь из пульмановских вагонов. Я ехал во втором классе, но это у Пульмана тоже очень удобно. В дороге следил по автомобильной карте, куда идёт поезд. Был чудный солнечный день, но растительность ещё жёлтая, мёртвая.

В Брюсселе меня встретил Putzeys, импрессарио. Продажа средняя: покроет гонорар, но что свыше - в убыток. Раздадут даровые билеты, чтобы зал выглядел прилично.

Я не играл с прошлого мая, а перед тем с января, но последние недели

[10] От baiser, поцелуй (фр). Имеется ввиду балет «Поцелуй феи».

добросовестно подзанялся и играл прилично и не слишком волнуясь (работал CS). Волновался только во время хроматизмов второй «Вещи в себе», но сошло без инцидентов. «Вещи в себе» (их первое исполнение) были приняты неплохо, но расхлопалась публика там, где не надо, во время Прелюда Op.12 и Марша из «Апельсинов», сыгранного на бис. Тут громко кричали и требовали ещё. По окончании концерта, которым я в общем остался доволен, ко мне заходило с полдюжины разного люда, а затем я пошёл есть в небольшую таверну немецкого склада.

19 марта

Долго спать не удалось: в шесть часов утра начал трещать звонок, как раз против моей двери.

Делал всякие мелкие дела: был у Putzeys'a (говорил о Пташке и Софроницком, получил чек), у Le Boeuf'a (о выступлении в симфоническом в будущем году), у Направника, сына дирижёра, у которого нотный магазинчик и дочка, изумительно напоминающая знаменитого дедушку.

В четыре часа отправился в Monnaie, как о том списались со Спаком. Я думал, что мне что-нибудь покажут или расскажут, но вышло наоборот: использовали они меня и заставили проиграть всю оперу. De Thoran следил по партитуре, Спака я время от времени просил переделать перевод, рядом же со мною сидел или второй дирижёр, или аккомпаниатор, который .уже подзубрил оперу, и всё время говорил мне: «Вы играете тут скорее, но это не написано... » и т.д. Если к этому прибавить, что я Бог знает когда играл «Игрока», а с французским текстом и совсем путался, то чувство у меня было препротивное.

Сыграв два акта, разошлись обедать, причём я взял с собою ноты, чтобы проглядеть, а вечером я доиграл остальное. Премьера назначена на двадцать девятое апреля, явно опережая Ленинград. Послал Асафьеву об этом открытое письмо на адрес дирекции, назвав последних зеваками, проворонившими премьеру. Хотел на открытке с видом Monnaie, но последний выглядит неважно, недостаточно эффектно.

20 марта

Надеялся, что сегодня мне дадут некоторых певцов, но они слишком мало ещё подвинуты. Таким образом дела в Брюсселе были закончены, и в девять часов утра я двинулся обратно, попав домой к завтраку. Очень радостная встреча с Пташкой.

21 марта

Начал оркестровать медленное начало 4-й Симфонии. Корректировал клавир Квинтета.

Святослава подстригли - и это ему не идёт. Олег пытается артикулировать какие-то слоги. Хороший ребёнок, который удивительно много смеётся.

Вечером приехал из Лондона Дукельский. Его оперетка принесла ему некоторые доходы гастролями в английской провинции и он намерен на эти деньги поехать в Америку - частью повидать мать, но главное - поискать заказов на новую оперетку. Странно, его вращение в опереточном мире и неуспехи в серьёзной музыке как-то сделали его менее интересным.

Тем не менее мы проболтали до полуночи и я с ним выходил поужинать (Пташка осталась недовольна).

22 марта

Играл Дукельскому первую часть 4-й Симфонии. Ему понравилось: «Написано в лучшем из ваших стилей». Когда же я рассказал о родственности этой симфонии с «Блудным сыном», он рассердился:

- Балет есть балет, а симфония - симфония, и смешивать танцевальную музыку с чистой симфонической есть величайшее непонимание!

Я:

- В принципе согласен с вами. Сделал я это только потому, что в балете оставался недоразвитый материал и некоторые идеи, которые нельзя было включить в балет - и мне было жалко не использовать их. Но моим оправданием служит то, что ведь когда я играл вам симфонию, вы хвалили её, и вам в голову не приходило, что это единоутробно балету; а когда я играл балет Дягилеву, который не знает симфонии, то он находил, что это мой лучший балет, а ведь Дягилев кое-что смыслит в балетах! Значит, всё дело в умении использовать материал: не всякий сумеет сделать это, и может как раз этим я и хотел блеснуть.

Играл я Дукельскому только первую часть, но вторая в сущности почти вся сделана.

25 марта - 7 апреля (черновые записи)

Поездка в Монте-Карло на автомобиле.

Выехали с Пташкой вдвоём двадцать пятого в одиннадцать часов утра. Заехализ за Шалонами. Их автомобиль с собаками. Готовы только в два. Тяжёлая голова. Завтракали в Фонтенбло, но я не в настроении из-за головы. После завтрака лопнула шина у Шалонов. По их совету уезжаем вперёд. Уговорились встретиться в Bligny – тётка секретарши. Не можем доехать из-за головной боли. Ночуем близ Avallon в живописной местности. Хотя весна, но ещё холодно: камин, который горит, освещая комнату, почти всю ночь и разводится утром вместе с кофе. Очень мило. Приезжаем в Bligny. Ждём Шалонов. Но у тех вторая panne[11] (телефонируют). Решаем ехать дальше: одни. Ночуем в Lyon в хорошем отеле. Двадцать седьмого едем по берегу Роны на юг, довольно быстро. Ставим рекорд: 110 км. С Пташкой очень хорошие отношения за исключением маленькой стычки: она не любит рано вставать - и выезжаем в десять утра, а я не люблю править в сумерках и останавливаюсь в седьмом часу - она же хотела бы ехать дальше. Ночуем в Aix-en-Provence (город Milhaud, водолечебное заведение). Красивый город. Двадцать восьмого выезжаем к берегу Средиземного моря и завтракаем в Saint-Raphael, на берегу. Море синее и солнце пригревает. Дальнейший путь утомителен - повороты. В четыре часа - Монте-Карло. Боялись, что на пасхальной неделе всё полно, но получаем хорошую комнату с ванной и видом на море в Albion (где в прошлом году с Дукельским), хотя и дорого. Чистимся, идём гулять и на почту. Затем в игорный зал. Никакого желания играть ни у меня, ни у Пташки. В игорных залах скорее скучно, вяло, хотя есть игроки с дёргающимися лицами. Вечером зашёл в Hôtel de Paris и оставил записку Дягилеву. Встретили Руо, который обрадовался, говорил, длинно и путано, и проводил до нашего отеля.

Я собирался пробыть в Монте-Карло три дня, но Пташке очень нравилось, и Дягилев задерживал - пробыли неделю. Погода всё время чудная. Что касается «Блудного сына», то всё свелось к тому, что натренировали пианиста (темпы) для будущей репетиции, теперь же репетировали балет Риети и «Байку» Стравинского

[11] Неисправность, поломка (фр).

(увы «Шуту» - выбрали «Байку»). Пианист был очень занят, а Кохно не потрудился раньше выдать ему мой клавир, так что он колупал довольно плохо. Дягилев был то очень мил, то ничего от него нельзя было добиться. В компанию входили ещё Руо (человек довольно первобытный, но вовсе не такой противный, каким показался сначала), Лифарь, Кохно и Павка, очень милый дядюшка Дягилева (l'aieul). Все они очень хорошо относились к Пташке и под конец даже целовали у неё руку (это дягилевские мальчики-то!). Мы несколько раз завтракали и обедали с Дягилевым, а один раз он опоздал на сорок пять минут. Мы уселись за другой столик и, несмотря на все его уговоры, завтракали отдельно. Но когда я хотел заплатить счёт, оказалось, что он уже заплачен Дягилевым. Тогда мы пересели к Дягилеву.

Я сказал:

- Очень мило, ты теперь угощаешь меня за отдельным столом, так сказать, на кухне.

Дягилев:

- И за капризное поведение.

Были ещё в Монте-Карло Штейман с женой, Циля (давала концерт, говорят - она расходится с Захаровым). Под конец мне надоело Монте-Карло и безделие, хотя я и соркестровал кое-что в первой части 4-й Симфонии, а также сделал план финала (хотя не уверен, останется ли он так: надо отложить и проверить недели через две).

Так как Стравинский просил меня позвонить ему, то я звонил, не застал. Затем он звонил: но у них был запоздалый грипп, я должен был позвонить через два дня. Но так как из телефонного разговора выяснилось, что он 2-го Концерта не поиграет, то я не звонил.

Четвёртого апреля выехали с Пташкой вдвоём обратно в автомобиле. В Ницце заезжали к Стравинскому, но его не было дома. Он, кажется, как раз поехал в Монте-Карло. Он живёт в большом доме с садом при въезде в Ниццу, с видом на море.

Из Ниццы мы взяли дорогу на Grasse, очень красивое место в горах, но с видом через них на море. Это место изделия духов - и потому покупали духи. Из Grasse начали подниматься к перевалу, холодный ветер режет лицо как нож. Около Digne попадаем на дорогу прошлого года (с Дукельским), но не доехав до Digne, сворачиваем влево и ночуем в Forcalquier. Маленький старинный отель, толстые стены, комната, к которой прилегает другая, спальная, без окон. Но мы довольны: при страшном холоде так теплее.

Утром дальше - приезжаем к Авиньону и сворачиваем на север по Роне, а затем влево - на Vichy - для разнообразия. Когда поднимаемся на 1200 метров - снег. Вокруг всё становится бело и мы даже снимаемся. Ночуем в Saint-Galmier, воду которого Пташка пила, но местечко крошечное, хотя отель новый и нарядный. Утром (шестого) - дальше и завтракаем в Vichy, предварительно неожиданно проехав через Glozel (раскопки). Едем по маленькой дорожке. Погода - точно русский март: тающий снег, ручейки, грязь, красиво и холодно. В Vichy всё ещё закрыто. В награду за трудную дорогу поели в дорогом ресторане и направились в Bourges (знаменитый собор, который посмотрели бегло, - холодно и торопились). Пташка хотела во что бы то ни стало доехать до Orléans. Я злился, так как надо было ехать в темноте.

Утром седьмого осталось всего 115 километров до Парижа по превосходной дороге. Но воскресенье и масса встречных. Столкновение. Дома в половине первого дня.

Дети здоровы и Mémé даже расцвела. Квартира чистая и на столе куча писем, но в ушах ещё гудит от мотора и большой скорости.

8 апреля

Пайчадзе вручил корректуру «Блудного сына». Давно мои вещи не печатались с такой медлительностью. Из Москвы скорее неприятные вести: Держановского выперли из «Книги» - и теперь нет своего человека для охраны моих сочинений в СССР. А Мясковский пишет: «Вы собираетесь сюда? Зачем? Наши идеологи находят, что ваша музыка рабочим вредна или в лучшем случае чужда...». Или наоборот: мне как раз надо ехать для того, чтобы вновь заставить поверить в мою музыку, которую, пользуясь отсутствием, заплевали ревнивые люди.

11 апреля

Вечером были у Самойленок «на Маяковском», который читал отрывки из «Клопа», пьесы, к которой Мейерхольд предлагал мне написать музыку. В пьесе есть хорошие моменты, но есть остроты просто невыносимые - и тут видно, какая пропасть лежит между Россией и заграницей! В пьесе Маяковского какой-то новый, невероятный мир, мне чуждый. Однако на это надо смотреть спокойнее. Ведь и раньше был мир Островского, тоже совсем особый, от которого хотелось на свежий воздух. Так, верно, и из мира «Клопа» самим же действующим лицам хочется вон, на волю!

Маяковский сквозь грубость был мягок, хотя и не мог не поломаться. Вызывал всех в шашки на поддавки: играть не на деньги, а на унижение. Я совсем не умею играть в поддавки, но из четырёх партий одну выиграл, хотя и не «на унижение». Маяковский объяснял, как меряют на аршин дурака. Для этого кладут в боковой карман катушку, а кончик нитки продевают в петлю на отвороте пиджака. Приятель подходит и услужливо снимает вам ниточку. Нитка тянется и он тянет всё больше, пока не догадается. После этого меряют вытянутый кусок, который тем длиннее, чем дольше приятель не догадался.

12 апреля

В Orchestre Symphonique de Paris первое выступление Monteux, нового дирижёра, в замену Ansermet, которого выперли за то, что недостаточно привлекал публику (Ansermet продирижировал пятьдесят концертов и сыграл из моих только Скрипичный концерт!). Так как надо куда-то поместить мою 3-ю Симфонию, то лучше всего к Monteux (Кусевицкий молчит, говорят, в этом сезоне он в Париже не даёт концертов вовсе). Поэтому я решил высидеть всю скучнейшую программу, чтобы повидать Monteux после концерта. Fauré, d'Indy и 2-я Симфония Брамса - можно заснуть. Брамса можно слушать лишь в моменты особого голода на музыку. Во 2-й Симфонии есть достоинства (и немало!), но темы часто краденые (Бетховен, Гайдн), и всё-таки она прескучная. Monteux был мил и сказал, что хотел бы сыграть что-нибудь моё, если можно, то новинку. Я ответил, что как раз у меня таковая есть. Он просил позвонить ему, но я решил позвонить не ему, а Пайчадзе, чтобы тот, как издатель, написал Monteux о моей 3-й Симфонии.

14 апреля

Днём был Сувчинский, с которым мы обсуждали названия отдельных номеров для «Блудного сына». Я хотел, чтобы в будущей партитуре не осталось даже кохновских названий. Узнав, что я окончательно не еду этой весной в Россию, Сувчинский советовал не прерывать с нею сношений: теперь у них нет валюты и они в упадке, но через несколько месяцев они опять вылезут - на нефти, на лесах,

лишь бы не подвёл урожай. О Руо Сувчинский говорил с большим интересом: это художник, который как раз теперь идёт в гору, прямо что ни на есть на первое место.

Вечером Дягилев пригласил нас в ложу на «Князя Игоря». Спектакль был скорее скучный: голоса плохие, а оркестр в нашей ложе не звучал. Дягилев явился с Маркевичем и был в отличном настроении. По-видимому, это - эскапада, пока Лифарь в Монте-Карло. Маркевичу лет шестнадцать и он похож на мышонка. Пташка передала Дягилеву пачку фотографий, которые мы нащёлкали в Монте-Карло. Увидев Пташку и Лифаря под руку, он передал снимок Прюна со словами: «M. et Mme Lifar». Стравинский действительно ездил в Монте-Карло в день нашего отъезда, т.е. тогда, когда мы заезжали к нему в Ниццу. Давали «Аполлона», который репетировал Штейман. Но вдруг Стравинский заявил, что по просьбе своей мамы он сам будет дирижировать вечером, и отобрал палочку у изумлённого Штеймана.

15 апреля

Оркестровал разработку первой части 4-й Симфонии, диктовал письма, ходил в издательство. Вдруг меня кто-то хлопнул по спине: оборачиваюсь - Дягилев. Он пришёл покупать клавир «Руслана». Ясно, что для образования Маркевича. Я показал партитуру «Блудного сына», только что пришедшую от переписчика. Дягилев раскрыл первую страницу и сказал:

- Я думал, начинают одни духовые.

Я:

- Нет, мне казалось, что со струнными напористей.

Вошёл Ансерме. Он через несколько дней уезжает в Россию дирижировать, но говорит, что число концертов урезано по безденежью (едут же все иностранцы, и не первой величины звёзды, а меня не могут пригласить). Будет он играть много Стравинского, но и моего «Шута». По просьбе Ансерме я стал играть ему «Блудного сына» (он в июне будет дирижировать его в Берлине), а Дягилев стоял сзади, волновался и говорил, какие номера надо показать Ансерме. Я спросил у Дягилева:

- Если бы я у тебя в самом деле продирижировал (Дягилев несколько раз заговаривал об этом), то это за деньги или задаром?

Дягилев:

- Ну конечно, я с тебя за это ничего не возьму.

Я (шутя):

- Да и то, как будто мне не очень выгодно.

Дягилев:

- Ну бутылочку шампанского после спектакля. Ты не думай, Игорь у меня в Монте-Карло задаром дирижировал.

Я:

- Ему заплатила мамаша.

Дягилев:

- А тебе заплатит твоя жена. Твоя красивая жена.

Я:

- Которую ты смущаешь поцелуями. (Вчера на прощание Дягилев вдруг поцеловал Пташку).

Дягилев засмеялся и ушёл. Вот тебе и разговор о гонораре!

16 апреля

Оркестровал первую часть 4-й Симфонии. Кончил разработку, начал репризу.

От Асафьева, наконец, открытка после долгого перерыва. Но это - самое

пессимистическое письмо из всех когда-либо мною от него полученных: и головные боли, и нервы, и устранение от дел. От бодрости заграничной поездки и от CS не осталось и следа! Да и в музыкальной жизни столицы что-то неважно: у молодых композиторов «другая ориентация», в Москве один Мясковский «твёрдо стоит в отношении музыки твоей» (моей), Дранишников и Радлов на пути к выходу из Акоперы... Словом, пора мне ехать в СССР - сразиться за своё знамя, но нелишне и покрепче уцепиться за заграницу (Гаво? Колумбия? Америка?). 3-я и 4-я Симфонии вывезут. Но больше всего - мой новый взгляд на музыку!

18 апреля

Снимался у Вассермана. Вечером у Straram'а дирижировал Купер, играл три номера из сюиты «Апельсинов». Я не пошёл: что за садовая манера - играть три номера. Ольга Владиславовна слышала по радио и говорит, что Марш был бисирован.

20 апреля

Ездил к адвокату, так как нас хотят выселить из квартиры (происки консьержки).

Обедали Сувчинский и Руо, последний с женой, очень приличной дамой, некогда красивой, теперь пожилой и провинциальной. Сам «примитив» разошёлся и проговорил не останавливаясь от восьми до двенадцати, часто интересно, часто же начав с одного перескакивал совсем на другое, много останавливался на всяких профессиональных подробностях и именах, никому кроме него неизвестных.

Был ещё Blois. Он уже два года как ушёл от Pleyel и снова завязал отношений с Гаво. В прошлом месяце он дважды заводил со мною разговор о моём переходе к Гаво. Pleyel только что перетянул от Гаво модного пианиста Итурби - и Гаво рад бы перетянуть к себе меня. Он платил бы хорошие деньги, тысяч сто франков (в прошлый раз Blois говорил сто пятьдесят), и, конечно, всячески меня выдвигал бы, но как Pleyel, где ко мне относятся по-свойски. Я сказал, что это меня интересует (ещё бы, сто тысяч!), и Blois будет послезавтра говорить с Гаво серьёзно.

23 апреля[12]

Встал в семь, в восемь поцеловал сонную Пташку и отправился в Брюссель. По случаю дня моего рождения - сладкий пирог, кусок которого попробовал с кофе. В 12.40 Брюссель, и прямо с вокзала в театр, так как через двадцать минут начиналась репетиция. Спак и De Thoran по обыкновению декоративны, вежливы и любезны. De Thoran даёт лист бумаги, просит не останавливать во время репетиции, а писать и поговорить после. Я сижу со Спаком в партере за пюпитром с привезённой партитурой, оригинальной, т.е. писанной Горчаковым. Впечатление от первого акта чрезвычайно мутное: и не звучит, и певцов не слышно, и музыка зачастую выходит совсем не так. Причин много: в пустом театре гудит, артисты волнуются, я слишком привык к клавиру и забыл оркестровые замыслы. Второй акт лучше. Затем берут Рулетку, которая тоже ничего. Общее впечатление - некоторая растерянность: надо писать новую оперу, и притом проще, и не в таких мелких и ломаных линиях!

После репетиции искал себе комнату (всё полно) и попал в тот же Grand Hôtel,

[12] С 23 по 29 апреля 1929 г. - черновики.

в котором дал себе слово не останавливаться, да ещё в дорогую и шумную комнату. Но я устал, и Брюссель полон. Лёг спать.

24 апреля

Звонки и людская, прямо против меня, не дали спать с шести часов, поэтому встал скорее вялый и пошёл гулять. В час репетиция третьего и четвёртого актов, которые выходят лучше, чем вчера первый и второй. Причин две: 1) артисты вчера перетрусили перед автором; 2) не привыкли к оркестру, а сегодня привыкли к тому и другому. Но есть и ещё важная причина: третий и четвёртый акты оттого лучше, что первый акт хуже остальных и сценически, и музыкально, и оркестрально. Я даже спросил у De Thoran: «Ne pensez-vous pas, que le premier acte n'est qu'une cochonnerie?[13]» De Thoran согласился, что он хуже других, но в оправдание этого акта прибавил, что его спасает новизна персонажей для публики. Пока она будет с ними знакомиться, не заметит, как проскочит акт. В связи с этим вечером ходил по Брюсселю и придумывал, что можно переделать в первом акте. Первое: некоторые места, мутные в музыкальном отношении. Второе: перерезать длинное объяснение Полины с Алексеем вставной сценкой: входят Генерал и Маркиз; Генерал кладёт в бумажник деньги и благодарит Маркиза за услугу; передаёт Алексею тысячу франков и велит разменять в кассе отеля. Затем уходят и объяснение продолжается. Это объяснит соотношения действующих лиц, и, с другой стороны, прервёт монотонность объяснения. Римский-Корсаков говорил, что иные купюры удлиняют вещь. В этом же духе можно сказать, что некоторые вставки укорачивают, внося разнообразие. Вечером вносил поправки в партитуру и нашёл две купюры для первого акта.

25 апреля

Утром нашёл третью купюру для первого акта, думал о вставной сцене и кое-что исправил в оркестровке. Библиотекарь с шести часов утра вносил мои поправки в партии.

Приходил интервьюер из Soir, очень приятный и горячий. В час репетиция - вся опера, но увы, всё ещё нет Бабуленьки - больна, да и Полина охрипла. Поставили декорации, но они до смешного «обыкновенны». Привыкнув работать с Дягилевым, с русскими театрами, где декорации - произведение искусства, я как-то был удивлён увидеть такие серо-служебные. У De Thoran болела голова, и я чувствовал себя виноватым, когда говорил насчёт модификаций темпов. Я сидел в середине партера, со Спаком и с партитурой, и отмечал на листке бумаги как неверные темпы или оттенки, так и изменения или прибавления в оркестровке, которые приходили в голову. От Дягилева телеграмма - задержать на премьеру два кресла. Ну и некстати. То есть очень приятно, что он интересуется, но не тогда, когда опера не клеится. Да и первый акт надо переделать. После репетиции спал.

Вечером хотел пойти на оперу Pizzetti, но её отменили из-за повальных простуд артистов. Провёл поэтому вечер, проверяя французский текст и отмечая, что переделать (использовать контакт со Спаком).

26 апреля

Утром сделал текст вставного номера для первого акта. Затем проверял французский текст «Игрока», исписал шесть страниц заметок, но кончил только

[13] Не думаете ли вы, что первый акт - дрянь? (фр).

второй акт. В час репетиция, под фортепиано, поэтому я думал, что менее интересно, но она оказалась более полезной для артистов и для отделки их игры. Кроме того, они были первый раз в костюмах, которые гораздо интересней декораций. Костюмы сразу как-то подняли интерес. Я считал Спака таким мягким, но он сегодня упёрся насчёт пустяка, и заставил режиссёра взбеситься: тот закричал и ушёл со сцены. Потом вернулся, и мне пришлось подходить то к нему, то к Спаку, чтобы внести мир в репетицию. Женщины всё ещё больны, но рассчитывают, что поправятся к спектаклю. Сегодня, когда я сидел на сцене близко, и видел выражения всех лиц, слышал все слова, да к тому же, когда нарядились в грим и костюмы, у меня совсем исчезло впечатление никчёмности, которое было в первый день, когда издали я не видел подробностей, не слышал всех слов и когда оркестр играл плохо и громко.

Труппа большей частью молодая. Артисты очень хорошо ко мне относятся, не то что трагикомический случай в Берлине, где мне посоветовали бегать и благодарить их.

Вечером просматривал перевод Спака, а затем сидел у него в кабинете и он очень охотно делал просимые изменения. Вообще он очень находчивый и изобретательный переводчик, охотно идущий навстречу автору.

В одиннадцать вечера встречал Пташку - очень были рады друг другу и проболтали до второго часа ночи. Пташка привезла дурацкое письмо от Держановского.

27 апреля

Проснулся рано с тяжёлой головой. Злило письмо Держановского. Работал, чтобы не злиться, и над головой. Пока Пташка спала, ушёл гулять по Брюсселю. Смотрел, как в парке против Королевского дворца пересаживали рыб из бассейна в бассейн.

Интервью со старичком из парижского «Фигаро», который больше сам говорил, чем спрашивал.

- Вот в этом же зале я имел интервью с Леонкавалло.

Я удивился:

- Когда же?

- О, вы хотите, чтобы я помнил!

Затем он перечислил мои сочинения:

- Symphonie Classique, Chout, le Suicide...[14]

Я:

- Suite Scythe?!

- Oui, oui, précisément.[15]

В час генеральная репетиция, к которой приехал Пайчадзе. Но Полина совсем без голоса: мимирует, поёт же за неё De Thoran, что убивает впечатление и расхолаживает артистов. Зато в первый раз появилась Бабуленька и, к удивлению, поёт недурно. Конечно, о всякой отделке, о переливах в темпах нечего и думать, - приходится принимать всё, что резко не противоречит основной идее. Алексей лучше всех: он молод, горяч и у него хороший голос. Рулетка идёт довольно гладко, но недостаточно оживлённо. Хор в последнем антракте плохо слышен, хотя он поёт в полном составе и. по моему совету, в рупоры. Ухожу с репетиции утомлённый и в довольно среднем настроении. Впрочем, у «Игрока» определённое достоинство:

[14] «Классическая» Симфония. «Шут», Самоубийство... (Suicide - по-французски самоубийство - по звучанию похоже на Suite Scythe, т.е. Скифская сюита).

[13] Скифская сюита?! Да, да, именно (фр).

интерес повышается и действие становится всё более интенсивным от первого акта до последнего. Это, конечно, не комплимент первому акту, но, может быть, пара небольших купюр и вставная сцена его оживят.

Отдохнув в отеле, вечером пошли на «Юдифь» Онеггера: De Thoran дал ложу. В «Юдифи» мало музыки, но здорово выходит битва. Первый сорт! Хотя музыки в битве тоже нет. Такую битву, да с музыкой! Зато перед битвой - тема, целиком свистнутая из «Скифской сюиты» (начало ночи). В антракте я пристаю к Пайчадзе с вопросами, что выйдет, если я устрою Онеггеру процесс за краденые вещи, и если выиграю, то при модности Онеггера, какая это реклама! «La vie brève» де Фальи, которая шла затем, скучна и незначительна.

28 апреля

Опять отдельные шумы разбудили ни свет ни заря, и опять голова неясная.

Гуляли: Пайчадзе, Пташка и я, осматривали город. Перед вечером голова разгулялась, и я уселся за проверку французского текста: сделал третий акт. Затем пошёл к Спаку, с которым проработал до одиннадцати часов вечера, причём он охотно и ловко придумывал все требуемые исправления. Зато голова разболелась опять.

29 апреля

Разбудил в девять часов телефон от княгини Шаховской, матери Наташи Набоковой, которой я написал вчера по просьбе Набокова. Затем длинный интервьюер. Пташка ушла покупать кружева с княгиней, а мы с Пайчадзе гуляли и завтракали. Звонил Нувель - он приехал специально на премьеру. Дягилев тоже, с Маркевичем (свадебное путешествие?). В восемь часов премьера. Проливной дождь. Едем: Пташка, княгиня и Нувель в одном такси, я и Пайчадзе - в другом. Настроение хорошее. Публика в театре нарядная и, кроме нескольких лож, театр полон. Пташка, я и Пайчадзе в ложе бель-этажа. Княгиня и Нувель имеют места в соседней ложе. Дягилев с Маркевичем сидят в третьем ряду. Полина почти выздоровела. Голос у неё и так не очень певучий, тут же он становится отрывистым и не всегда точным. Но и это приятно после абсолютного молчания на генеральной. Оркестр при наполненном зале звучит совсем иначе. Словом, всё ничего. Боюсь, что акт немного скучен, но сцена с баронессой Бурмергельм производит впечатление. В антракте забегает Спак и напоминает, что у меня остался клавир третьего и четвёртого акта, необходимый суфлёру. Я сам отправляюсь за ним в Grand Hôtel. Проливной дождь, но приятно проветриться. Успех первого акта небольшой, но он самый скучный, значит успех будет расти, это ясно, и настроение хорошее. Так и выходит. После третьего акта приходят Дягилев с Маркевичем и хвалят его. Я спрашиваю Дягилева:

- Ты, собственно, зачем привёз Маркевича? Показать, какую следует писать музыку, или наоборот, какую писать не следует?

Дягилев смеётся:

- Видишь ли, вопрос слишком деликатный. Позволь мне на него не отвечать.

Больше разговоров об «Игроке» нет. Дягилев начинает справляться о лучшем ночном ресторане. Я предлагаю идти всем вместе в тот, что напротив La Monnaie, но Дягилев пропускает мимо ушей, желая, по-видимому, кушать в tête-à-tête с Маркевичем. Последний акт проходит неплохо, но в конце Полина недостаточно женственна. Во время объятий тушат свет, который затем зажигается слишком рано, что сбивает певицу. De Thoran её ловко ловит. После окончания их вызывают несколько раз. Многие в публике уже знают, где я сижу, и поворачиваются в мою

сторону. Затем Алексей прямо со сцены указывает на меня. Весь зал поворачивается к нашей ложе. Я выхожу к барьеру и кланяюсь. Затем ухожу вглубь ложи, но публика продолжает аплодировать и скрыться некуда: ложа неглубокая, без аванложи. Я кланяюсь вторично и аплодирую артистам. После того, как аплодисменты стихли, мы идём за кулисы. Я обнимаюсь с De Thoran, поздравляю Полину и Алексея. Пайчадзе от имени издательства приглашает их ужинать, но все уже заняты, другие разошлись, третьим рано вставать. Ужинаем в нашей компании, пьём шампанское. Замечаем, что De Thoran, кое-кто из артистов и дирекции ужинают за другим столом. Странно! И если бы они все не были так милы, то можно было бы обидеться, но обижаться не хочется.

30 апреля

Утром укладывались. В 1.25 поезд в Париж. С ним должен был ехать и Дягилев с Маркевичем, но Нувель сообщил, что они не поспели и едут со следующим. Очевидно, уединённость свадебной поездки продолжается. В Париже в пять. Дома всё в порядке, но Олег заревел, увидя меня. Симфония из Москвы не пришла, так что есть надежда, что семнадцатого состоится её премьера у Monteux, но сколько надо ещё переписать! (Держановский сделал всего семь партий весьма некрасивым почерком). Пошёл звонить об этом Пайчадзе (у нас телефон не действует), а также адвокату: сегодня в 1.30 разбиралось наше дело - имеют ли право нас выселить с квартиры. Адвокат уже уехал в Марсель, велев, однако, передать нам, что, как и хотели, мы можем оставаться до конца июня. По этому поводу дома ликование, а то в самом деле, что за наглость: выселять... кого? Исправных плательщиков!

Из Москвы из Музсектора бандероль с «Черевичками». Играл их с наслаждением. Кто бы мог прислать: Асафьев?

1 мая

Утром повёз Симфонию к Пайчадзе, который уже вызвал к себе переписчиков (Астров, кроме того, строчит дома). Есть надежда, что всё будет к десятому готово; лишь бы Monteux не отказался, не имея до сих пор материала. Пайчадзе звонил ему и свидание назначено на воскресенье. Позавчера был «Игрок», семнадцатого Симфония, а двадцать первого «Блудный сын», причём репетиции двух последних переплетаются, то одна, то другая. Давно у меня не было такого скопления премьер.

Вернувшись домой, делал вторую корректуру клавира «Блудного сына» и дирижировал. Хотя с Дягилевым всё ещё не сговорились о гонораре за дирижёрство, но он меня уже объявил в своём проспекте, так что, надо полагать, намерен что-то заплатить. И в самом деле, днём пришёл pneu[16] от Нувеля с просьбой зайти завтра поговорить с Дягилевым о «предстоящем сезоне».

2 мая

Сидел и дирижировал: после семилетнего перерыва надо привести себя в форму, однако не слишком энергично, ибо я не знаю, сколь резистантно[17] моё сердце. Последнее время оно вело себя хорошо, «у меня не было сердца».

Кончил вторую корректуру «Сына».

Был у Дягилева, он предложил мне две тысячи франков, то есть грош, но я не стал торговаться, сказав, что, конечно, мы сойдёмся, если он прибавит. Сошлись

[16] Сокращённо от pneumatique, т.е. пневмопочта (фр).

[17] Крепко, от résistant (фр).

на трёх тысячах, хотя он всё же утверждал, что больше двух с половиной не даст и что я его подковал («кузнец Вакула»), Хвалил четвёртый акт и многое в Рулетке: «Ни на что не похоже, как говорит Маркевич...». Словом, теперь maitre'ы оцениваются цитатами из Маркевича. Я даже спросил, какое же впечатление произвёл «Игрок» на Маркевича. Дягилев сказал: «В начале он морщился, а под конец сказал: c'est formidable[18]». Паршивец, морщился.

3 мая

От Мейерхольда новый московский журнальчик с очень злобной статьёй про меня. Правда, там ругают и своих, даже коммуниста Рославца, но всё же: «В Прокофьеве видели гения, однако, каждое новое его произведение приносит разочарование... атмосфера охлаждения... искусство мстит за ложь...» и т.д. Конечно, статью строчил злюка и завистник, тем не менее, сопоставляя это с письмами Асафьева и Мясковского, ясно, что в России за эти два года меня оттёрли. Жаль, хотя не очень страшно: 3-й и 4-й Симфонии там не знают, «Игрока» и «Огненного ангела» тоже, «Блудного сына» тоже. «Вещей в себе» тоже. Все эти произведения должны придти на мою выручку.

Дирижировал. Но так и есть: чувствуется сердце. Этого не должно быть. Сразу начал работать против; уверен, что мне удастся победить.

Вечером были в симфоническом: первое исполнение Концерта для клавесина Пуленка. К своим маршикам он уже приучил, поэтому среди них можно найти кое-что очень милое, хотя всё же маршики одолевают. Я бы сказал так: клавесинная партия приятней оркестровой, совмещение же изредка удачно, чаще же плохо. Дягилев присутствовал с Маркевичем и бранил Концерт. Затем мы прошли в соседний зал, где молодой скрипач Бродский как раз играл мои две «Песни без слов», за которые публика неожиданно устроила мне овацию. Я зашёл к Monteux, который подтвердил своё желание играть 3-ю Симфонию, говорил о репетициях и придёт послезавтра ко мне слушать её. Кажется, он решил серьёзно взяться за меня. Я боялся, что он будет играть её неохотно или между прочим.

4 мая

Вчера Марнольд вдруг заявил мне, что я слишком скоро стал писать музыку, что мне надо уединиться, больше размышлять, больше знакомиться с музыкой (по его мнению, я недостаточно знаю Берлиоза). Так как дело, главным образом, касалось «Блудного сына» и 4-й Симфонии, то я ответил: «Да, я эти вещи написал в пять месяцев, это довольно скоро; но уже вовсе скоро, когда вы, прослушав их в пять минут, высказываете ваши суждения». Марнольд несколько смутился и сказал, что, конечно, надо их ещё послушать, но чтобы я всё-таки пришёл к нему познакомиться с сочинениями Берлиоза.

Дирижировал, но осторожно - из-за сердца. Работал над ним и чувствовал себя сегодня лучше.

5 мая

CS Church. Сегодня православная Пасха. Днём целым цугом - Пташка, я, Святослав, Олег в коляске и датчанка - отправились к Пайчадзам, у которых кулич и пасха.

К пяти домой, так как явился Monteux, которому я проиграл всю 3-ю Симфонию.

[18] Это потрясающе (фр).

Предварительно я подучился играть её на рояле, чтобы произвела лучшее впечатление, и проминутировал: тридцать четыре с половиной минуты; слава Богу, четвёртая короче. Monteux не хвалил, но был внимателен и встревожил меня, сказав, что без добавочных репетиций невозможно её поставить. Однако, с другой стороны, он, по-видимому, не хотел выпускать её из рук, а потому обещал приложить все усилия, чтобы получить две добавочные репетиции. Узнав, что за весь сезон меня почти не играли в Orchestre Symphonique de Paris, он спросил: «Vous n'êtes pas bien avec Stravinsky?[19]». Я ответил, что наоборот, мы всегда при встречах целуемся, но как только у меня в чём-нибудь начинает развиваться успех, так какие-то невидимые силы, близкие кругам Стравинского, строят мне противодействие, поэтому всегда, когда он меня обнимает, я гадаю, настоящий это поцелуй или поцелуй Иуды? Monteux сказал: «Oui, il doit avoir peur de vous[20]».

Просидел он три часа, тщательно знакомясь с Симфонией, но не высказывал мнения. Жена его, может, неглупая американка, сидела с Пташкой и рассказывала ей весь свой роман с Monteux.

6 мая

Завтрак у Mme Dubost, где, кроме нас, Monteux и Milhaud. Разбирали по косточкам неустройство организации их концертов. Я слушал. Monteux получил две добавочные репетиции для моей симфонии: значит, всего будет пять.

Затем заходил в издательство - подгонять переписку партий симфонии, а в пять часов вечера пришёл ко мне Désormière, которому я играл «Блудного сына» и высказывал некоторые соображения относительно дирижирования. Первой репетицией будет дирижировать он, остальными я. Очень хорошо: прежде, чем дирижировать, я послушаю.

7 мая

От Спака приятное письмо: второй спектакль «Игрока» прошёл живее первого и с большим успехом.

Дирижировал «Сына»; приводил в порядок голоса. Сегодня было свободнее - ходили поэтому с Пташкой покупать мне галстуки. В наше отсутствие заходил Blois - вероятно, о Гаво, а то это дело вдруг затихло. Досадно: серьёзное дело.

Вечером были на концерте Monteux, русская программа. Четвёртую симфонию Чайковского, которого в Париже так гонят, слушал французским ухом. И действительно, рядом с отличными творческими местами - сколько срывов в дурной вкус или просто в дурную технику. Горовиц играл 3-й Концерт Рахманинова. Я его не слышал, кажется, со времён памятной весны 1915 года, когда, гонимый тоской, я разыгрывал его на рояле.

Есть целый ряд очень хороших моментов, но всё это заплетено в бездну сухой музыки.

Подлетела ко мне Ариадна Никольская, не знаю, кто она теперь по мужу. Она всё ещё хочет сочинять и приехала в Париж месяца на два учиться теории композиции, но у кого? Я познакомил её с Пташкой, которая нашла её красивой, но не настолько, насколько восхищалась Марией Викторовной. Наши бывшие консерваторцы - Штейман, Тарновский, увидев её, расцвели: приятные консерваторские воспоминания. Конечно, пятнадцатилетней девочкой она была красивей.

[19] Вы не в ладах со Стравинским? (фр).

[20] Да, он должен вас бояться (фр).

8 мая

С утра болела голова. Что это, вчерашнее пиво? Гулял в Булонском лесу, днём спал. Работал над головой. К обеду прошла.

Утром Пташка звонила Кусевицким, которые приехали вчера вечером. Пошли к ним обедать и расцеловались. Зимний инцидент был ликвидирован. Из моих сочинений Кусевицкий играл почти исключительно «Классическую» Симфонию, зато четырнадцать раз. Вторую не играл - по вине, якобы, Стоковского: условились с ним дать одновременно - так, чтобы оба имели первое американское исполнение, но Стоковский начал увиливать, сезон же между тем проскочил. Может быть, это не так уж плохо: 2-я Симфония могла разозлить многих, что лишнее, ввиду моего предстоящего приезда. Кусевицкий советует мне непременно написать к будущему сезону 4-й Фортепианный концерт - новинку для Америки. Он говорит: «Удивительные вы люди: никому не нужно, чтобы Стравинский писал 2-й Концерт; гораздо интересней было бы услышать от него симфонию, но он сочиняет концерт. Тебе же как раз надо сделать концерт, а ты строчишь симфонию за симфонией». Когда я начал осторожно объяснять, что 4-я Симфония сделана собственно на материале «Блудного сына», он воскликнул: «И отлично! Бетховен тоже пользовался материалом «Прометея» для своей 3-й Симфонии». Я очень обрадовался: прецедент отличный: Бетховен был пренедурным симфонистом!!!

9 мая

Проснувшись утром, думал о 4-м Концерте. Его ведь не только надо сочинить, но ещё и выучить. А для того, чтобы всё это поспеть сделать до Америки, надо, чтобы Концерт был короток и прост. Может быть, это как раз то, что нужно. Довольно с меня мастодонтов типа 2-го Концерта! Лёжа в постели, сочинил тему.

Jasmin привёз переписанный материал «Блудного сына» и я с Астровым вносил разные поправки. Днём ходил к Monteux и играл ему 3-ю Симфонию.

10 мая

Первая оркестровая репетиция «Блудного сына». Делал её Désormière, я сидел с партитурой. Звучит всё просто и наверняка: поправок никаких. Désormière играл всё в медленном темпе и пришедший Дягилев, шутя сказал Ларионову: «Что за балет: весь Adagio! Тоска!» Когда некоторые темпы у меня были поручены скрипкам или виолончелям, Дягилев восклицал: «Как, так-таки поют виолончели? Скрипки? Но что же скажет Игорь?» В общем, Дягилев был очень доволен, что поют виолончели, и предвкушал, как сухой и догматичный Стравинский на это рассердится. Я спросил, будет ли мне ложа (Кусевицкий просил пригласить его), но Дягилев ответил, что только два кресла, чем очень разозлил меня. Я ответил: «В приличных учреждениях обыкновенно дают автору ложу». Но Дягилев жадничает: билеты по двести франков и продажа идёт вовсю. «Блудный сын» объявлен семь раз (небывалое количество) и «Стальной скок» четыре.

Вечером отвёл Пташку в концерт, а сам вернулся домой: дирижировал, читал и раскладывал пасьянсы.

11 мая

Утром дирижировал и немного перемахал: начал задыхаться. Днём первая репетиция 3-й Симфонии: одни струнные. Monteux учил старательно. Несмотря на то, что сегодня нет духовых, многое в первой части звучит очень интересно.

Вторую часть пропустили и взяли третью, которая оказалась легче для оркестра, чем я думал. Но первая треть её, в том однообразном виде, в котором она сделана, не годится: нужны сокращения, переделки, «развлечения». Идя домой, ломал себе голову, что можно придумать.

Вечером чувствовал себя усталым и сердце неважно, что очень огорчало. Работал над сердцем и старался не сдаваться.

Звонил Blois, расспрашивал про Bruxelles и добавил, что с Гаво всё улажено, надо нам повидаться, договориться о подробностях и кончить дело. Чтобы сохранить светский стиль ведения этого дела, я предложил Blois встретиться послезавтра на выставке Яковлева.

Однако, браво! Это крупное дело, на которое я уже было махнул рукой.

12 мая

Был в CS церкви, работал над сердцем и, хотя чувствовал себя не особенно важно, вернувшись домой, сел за переделку скерцо Симфонии. Работал довольно усидчиво и без труда придумал сокращения и добавления, хотя не вполне уверен, хорошо ли вышло.

Днём пошли к Кусевицким, у которых возобновились воскресенья. Он играл мне диски «Классической» Симфонии, только что наигранной на граммофон Бостонской Симфонией. Очень интересно, здорово сыграно, жаль лишь, что Кусевицкий слишком гонит темпы. Ведь у него не Largetto, а Alegretto ! Я спрашивал его, как мне быть с Гаво - он ответил: конечно, принимай предложение.

13 мая

Сегодня свободный день и кстати, так как я чувствую себя вялым и сердце не совсем, хотя я продолжал старательно над ним работать.

Был на выставке Серебряковой, которая как раз пишет портрет Святослава. Выставка очень приятная, много солнца и красок, одну марину мы прямо бы купили, будь квартира и Гаво! Ряд nu, которые мамаша писала с собственной девочки. Одна купальщица в костюме (очень удачная картина), как оказалось впоследствии, писана с Маруси Павловой.

Затем перешли на выставку Яковлева - его новая живописная манера - после рисовальной. Не ожидал от Саши-Яши: безрадостное и бессолнечное впечатление уносишь от него! Должны были встретить Blois, но его не было, и мы его ругали, но выяснилось, что мы перепутали время. В семь часов вечера он приехал к нам. Гаво даёт сто тысяч франков, но в виде гарантии за некоторое число концертов, т.е. не просто даёт, но надо их отработать. Я сказал, что если это десять концертов, то идёт, а если двадцать, то это мне не интересно. Кроме того, он будет устраивать ежегодно по два моих фестиваля в Grand Opéra и вести большую пропаганду. Blois ещё переговорит с ним о моём требовании (по десять тысяч за концерт) и затем состоится свидание. Я сказал Blois, что дружба дружбой, но за устройство дел я намерен заплатить ему проценты. Blois вскипятился и закричал: «Ни за что!».

Обедали с Prod'homme'ом, моим квартирным адвокатом, La Bergerie (депутатом) и его женой, дочкой Красина - очень приятная и живая французская компания.

14 мая

Утром отправился на оркестровую репетицию «Блудного сына». Сердцу лучше - над ним я много работал, но зато эти три дня я не упражнялся в дирижёрстве. Первую половину репетиции Désormière взял «Fâcheux» Орика и я даже был рад,

что он оставил мне только пятьдесят минут: достаточно с меня после семилетнего перерыва. Désormière представил меня оркестру, прибавив в представлении, что это, конечно, совершенно излишне: оркестр слабо похлопал, я сказал ему какую-то слабую любезность - и репетиция началась. Оркестр держал себя хорошо, я тоже освоился быстро. Важно было, что я помахал последние две недели, но, если бы помахал побольше, то было бы лучше. Некоторый скандал получился в четвёртой части, которая никак не выходила (на 5/4). Повозившись немного, я пошёл дальше, а после репетиции спросил Дезормьера, не моя ли была вина. Он сказал, что моя: я ждал оркестра, вместо того, чтобы бить, не обращая на него внимания: благодаря этому пятиугольный ритм получился к тому же неровным - и оркестр сбился окончательно. Пришедшему в зал Нувелю. я объяснил, что это мой дебют после семи лет.

Он спросил:

- И вы себя чувствуете как школьник?

Я:

- Совершенно верно.

Сердце выдержало, и настроение после того, как школьник прошёл через экзамен, сразу поднялось. Я всё время помнил: Божье отражение, воссоединяющее себя всё время с Богом, отталкивается от болезней и страхов.

15 мая

Сегодня две репетиции симфонии, утром и днём, полным оркестром. Когда заиграли разработку первой части, я пришёл в волнение. На денную репетицию пришла Пташка, и Monteux галантно проиграл для неё всю симфонию от начата до конца, но симфония ещё вовсе не клеилась. В скерцо мои купюры и прибавления пошли на пользу, но этого мало - надо придумывать ещё.

Шэфнер, составитель примечаний к программам, ведёт какую-то интригу. Уже при исполнении Скрипичного концерта в декабре, он написал какие-то недоброжелательности, поэтому теперь я сразу же спохватился и потребовал, чтобы мне показали программную заметку до напечатания. Шэфнер прислал мне корректуру - и в самом деле там оказались неприятные и глупые вещи. Я ждал, что сегодня утром он явится на репетицию, чтобы принять от меня корректуру, но Шэфнер как в воду канул. Я рассказал об этом Monteux. Он воскликнул:

- Ce sont des intrigues de Stravinsky?

Я:

- Je ne crois pas; plutôt de la part de ses amis.[21]

Шэфнера вызвали на дневную репетицию. Он явился больной и взъерошенный. Пташка просила не поднимать скандала, и я был с ним мягок и даже просителен, извиняясь за беспокойство. Шэфнер сказал, что теперь, вероятно, уже поздно («но тогда зачем же вы присылали мне корректуру?!»), однако он поедет в типографию и посмотрит, что можно сделать.

16 мая

Четвёртая репетиция. Вчера чинил симфонию. Астров вносил в голоса. Сердцу лучше, но ещё не совсем встало на место. Много работаю над ним. Может быть и хорошо, что из-за этого я как-бы в постоянном контакте с Богом, но не хорошо, что как только лучше, я сейчас же начинаю отделяться от него. Ловил себя на этом и стыдил.

[21] - Это интриги Стравинского? - Я не думаю: скорее, его друзей, (фр).

Monteux работал над симфонией очень тщательно. Он музыкальный и добросовестный, но не ждите полёта от этого толстенького и короткорукого буржуа. В скерцо нужны ещё переделки: облегчить загруженное струнами трио (я думал сократить его, но никак не выходит) и усилить напряжение у выстукивания в репризе. В конце репетиции я опять заявил Monteux, что Шэфнер не дал положительного ответа про программную заметку. Я сказал:

- Досадно, если вы, с одной стороны, вовсю страетесь на репетициях, а с другой – какой-то человек всё портит и настраивает публику против симфонии, помещая в программе недоброжелательную заметку.

Monteux не на шутку рассердился и вытребовал всех заведующих.

- Cela m'embête de voir partout la main de Stravinsky![22] - кричал он, требуя, чтобы программа была или исправлена, или, если поздно, то вовсе уничтожена.

О Стравинском он мог бы не упоминать, но, очевидно, он уже не в первый раз сталкивается с этим течением. Я ушёл, не дожидаясь конца этого шумного разговора, и решил больше не возвращаться к программному вопросу.

Дома возился с переделками, главным образом в скерцо, но увы, не поспеть сделать, так что я уже завёл особый лист, на который вносил проекты будущих переделок, после концерта.

Обедали у Кусевицких и поехали в Grand Opéra на открытие весеннего сезона Иды Рубинштейн. У Страрама играли сегодня мой Скрипичный концерт, но Darrieux
- неинтересно. У Идки шёл Бах в оркестровке Онеггера, неплохо, но слишком длинно. Затем «Давид» Согэ - скучная ерунда, я уже слышал осенью. Наконец, «Болеро» Равеля: на сцене испанская таверна с большим столом, на котором пляшут, а в оркестре мотив, повторяющийся тысячу раз в постоянно усиливающейся оркестровке. Равель сам дирижировал, очень забавно, держа палочку как операционный ланцет, но тыкал остро, и невозмутимо держал медленный темп. В конце забыли нажать кнопку для спуска занавеса: музыка кончилась, а занавес не опускается!

Французские композиторы все ругали друг друга: Онеггер - Согэ, Мийо - Равеля. Со мной Мийо был мил и хвалил «Блудного сына», партитуру которого он видел у Дезормьера. Я сердился, что пошли на такой нудный спектакль: лучше бы рано лечь спать - завтра репетиция. Вернулись в двенадцать; Астров ещё клеил голоса.

17 мая

Генеральная репетиция симфонии, на которую, впрочем, никого не пускали: была только Пташка да запоздавший к финалу Сувчинский. Симфония шла недурно; особенно довольна была Пташка: она говорит - не сравнить с репетицией третьего дня. Скерцо приняло более стройный аспект, хотя кое-что ещё надо изменить, но займусь этим после исполнения. Симфонию сыграли первым номером, после чего я сейчас же ушёл домой, не справляясь об участи программной заметки.

В три пошёл на балетную репетицию «Блудного сына». Пора, в самом деле: ведь я не видел ещё ни одного танцевального движения. Кроме того, надо было скоординировать темпы, которые они могли изменить со времени моего визита в Монте-Карло. Есть темпы, которые можно немного изменить в угоду танцору; есть другие, к которым надо подтянуть танцора. Но репетиция была неинтересная: возились с кусками, которые не выходили, и всё время топтались на одном месте. С репетиции поехал к Кусевицкому, которого я просил дать мне урок дирижёрства. Кстати, Кусевицкий интересовался ознакомиться с «Блудным сыном». Поэтому я

[22] Мне надоело повсюду видеть руку Стравинского! (фр).

играл по клавиру, а он следил по партитуре. Главный дирижёрский разговор был о четвёртом номере на 5/4. Кусевицкий посоветовал дирижировать его короткими и точными тычками, а главное - хорошенько выучить его самому, лучше наизусть. Про остальное сказал, что дирижировать легко, если вопрос идёт просто о том, чтобы продирижировать, но очень трудно, чтобы сделать тонко. Советовал не очень размахивать, но быть точным и острым в ударе. Что касается музыки, то она чрезвычайно понравилась. Кусевицкий сказал, что это одна из лучших моих вещей и большой прыжок вперёд в смысле техники.

Вечером концерт. Зал неполон - сами виноваты: в русских газетах не было почти никаких объявлений. Я сижу в ложе, откуда гораздо хуже слышно, чем утром из глубины зала: здесь перевешивают струнные.

Между частями мало аплодисментов: или не нравится, или подчиняются программным требованиям - не аплодировать между частями (кстати, программная заметка появилась в приличном виде с требуемыми мною изменениями). После окончания аплодисменты довольно сильные. Раздаются несколько свистков, в ответ им громкие крики «браво». Начинается борьба двух групп, которая разрастается в овацию. Я встаю кланяться три раза. Кусевицкий, который сидит рядом со мной, говорит, что это лучшая симфония со времени Шестой Чайковского. Приходят поздравлять: Продом, Blois, успевший шепнуть, что дела с Gaveau идут отлично, Сувчинский («мне надо с вами поговорить об этой симфонии») и много других. Дягилев присутствует, но молчит. Шэфнер выражает надежду, что я доволен заметкой, я извиняюсь за причинённое ему беспокойство. Иду благодарить Monteux, который дирижировал прилично, но без большой линии.

18 мая

Рано утром - уже на оркестровой репетиции «Стального скока» и «Блудного сына». Вызваны также балетные, которые к началу не готовы. Поэтому Désormière предлагает, чтобы он пока взял поучить отрывки из «Блудного сына». Я соглашаюсь - и он немедленно влипает в номер на 5/4, ничуть не лучше, чем я на предыдущей репетиции. Однако Désormière опытней меня: он возится, начинает сначала, берёт медленней - и через двадцать минул номер начинает идти. Во время «Стального скока» я делаю ряд замечаний по части замедления тема, очень загнанного в течение прошлогодних спектаклей.

Приходил Дягилев и хвалил скерцо из симфонии, а также заключение первой части, «да и многое в ней». Однако я чувствую, что многое в симфонии ему не нравится. Спрашиваю прямо:

- Какой же твой главный упрёк за эту симфонию?

Дягилев:

- Слишком преобладают струнные, прямо дышать невозможно.

Я:

- Ну тогда это пустяки! Виновата акустика зала. В глубине зала звучит совсем иначе.

После антракта я занимаю место у пюпитра: «Блудный сын» со сценой. Рановато: оркестр играет ещё совсем грубо. У меня точка преткновения только номер на 5/4. Дирижирую короткими тычкам, по-кусевицки, и знаю его почти наизусть. Идёт лучше. Под конец репетиции устаю, но сердце ведёт себя довольно прилично. Вернувшись домой, чувствую, что у меня как отпуск: отдыхаю и ничем особенно не занимаюсь. Что делалось на сцене, я не видел, но Пташка говорит, что в женских танцах немало неприличия, что вовсе не вяжется с библейским сюжетом. Так и есть: Дягилев разъезжал с Маркевичем по Парижам, а Кохно с Баланчивадзе ничего, кроме неприличных жестов, придумать не могли. Совсем

вразрез с моей музыкой и с декорациями Руо, очень сильными и библейскими.

Вечером были на «Итальянке в Алжире» Россини и на приёме в честь Monteux у Мазеля. Ни туда, ни сюда не стоило ходить.

19 мая

Утром CS Church. Вчера заходила Фаберша и настаивала, чтобы мы привили себя и детей против оспы; мы отказались.

Днём пошёл на хореографическую репетицию «Блудного сына». Так как репетируют то в одном месте, то в другом, то побывал в четырёх залах в разных концах города, пока нашёл. Пришёл я собственно для себя: чтобы подирижировать, да точно установить темпы, но оказалось, что в постановке масса прорех: сёстры в последнем номере появляются не вовремя; предпоследний номер, весь скачущий и синкопированный у меня, поставлен какими-то плавающими движениями; во втором номере выходы совершенно не в соответствии с появлением новых тем и т.д. Обо всём я заявил и Баланчивадзе, и Кохну, и подошедшему к концу репетиции Дягилеву. Что легко - то немного изменим, а трудное - поздно: завтра генеральная. Говорил я и о желательности смягчить всякие неприличия в танце Красавицы: беспутная женщина из Библии - не то, что проститутка сегодняшнего дня: в преломлении столетий она должна восприниматься как-то иначе. Боюсь, однако, что слова мои пойдут прахом, а потому вернулся с репетиции в плохом настроении. Пошли с Пташкой к Кусевицким, у которых собираются по воскресениям, но у них сегодня было не так интересно.

20 мая

Утром генеральная «Блудного». Я пришёл к без четверти девять, но Désormière сказал, что сначала будут читать «Бал» Риети. Я уже собрался пойти в кафе, как вдруг выяснилось, что Риети опоздал со своей партитурой, поэтому Désormière предложил поучить куски из «Блудного сына». Хотя Риети сейчас же пришёл, но назло ему (чтобы не опаздывал) Désormière провозился с «Блудным сыном» сорок минут (очень кстати) и лишь тогда взялся за «Бал». Между тем на сцене уже стоял Дягилев и заведывал развешиванием декораций, осматривал костюмы, освещение и прочее. Я опять подходил и к Дягилеву, и к Кохне, предлагая смягчить неприличия, но мне отвечали расплывчатым «да, да, надо подумать...». Поймав Руо, я высказал ему те же мысли, и он меня охотно поддержал:

- Мне самому не нравятся сёстры.,которые показывают почти голый зад, - сказал он.

Я:

- Так поговорите с Дягилевым - вас больше послушают, чем меня, потому что это по вашей части.

После антракта началась собственно генеральная репетиция. Я опять мало видел, что творилось на сцене. Дягилев сидел недалеко, позади меня и иногда подходил, прося взять номер снова, или чуть-чуть изменить темп. Я дирижировал неплохо и не очень устал в конце. Сердце вело себя прилично - это победа! Номер на 5/4 шёл средне, брали его три раза, один раз я промахнулся. Не трудно 5/4, а трудно то, что в середину вставлены такты на 2 и что всё время приходится показывать вступления то направо, то налево, каковые музыканты делают с колебанием и неуверенностью.

По окончании репетиции я подошёл к Кусевицкому (сидела группа: Кусевицкий, Пайчадзе и Стравинский, но последний пришёл к самому концу). Кусевицкий хвалил и вещь, и моё дирижирование, и ругал оркестр. Очень восхищались «Сыном» Mme

Dubost, Mme Sert, Согэ (!), Blois. Марнольд был сдержан, Сувчинский отсутствовал. Руо сообщил, что он говорил Дягилеву относительно голого зада, но что это не произвело никакого впечатления. Тогда мы подошли вместе.

- Я уже слышал об этом, - сказал Дягилев, - и этот голый зад мне очень нравится. Хореограф не вмешивается в твою музыку, а ты не вмешивайся в его танцы.

Я:

- Я не пишу музыку на Баланчивадзе, а Баланчивадзе ставит танцы на мою музыку. Он совершенно не понял её духа, и я об этом заявляю. Балет ставили в твоё отсутствие и изговняли, а ты теперь принципиально знаешь, что защищаешь позиции, которые невозможно держать.

Дягилев:

- Тут никакого принципа нет, а просто я, слава Богу, двадцать три года директор балета и отлично вижу, что поставлено хорошо, а потому ничего менять не буду.

Сказано было так категорично, что продолжать разговор было излишне. Я сел рядом со Стравинским и стал ему жаловаться.

- Я вполне вам сочувствую, Серёжа. - сказал Стравинский, - эти неприличия всем надоели и сюда совершенно не идут. Но я вообще бы не трогал для театра сюжетов из Евангелия.

Несколько позднее, когда Пташка, Руо и я оживлённо обсуждали постановку, неизвестно откуда вылетел вдруг Дягилев и довольно нервно сказал:

- Это с твоей стороны просто дилетантизм!

(Как дилетантизм? Я же дилетант за то, что обсуждаю постановку, идущую вразрез с музыкой?).

Я ответил:

- В таком случае, нам не о чём разговаривать, - и бросился вон в бешенстве, хлопнув дверью.

Руо и Пташка ещё некоторое время оставались с Дягилевым, причём Руо нёс околесицу, а Пташка сказала:

- Не то плохо, что показали зад, а плохо то, что показали его не вовремя, - причём потом она сама была потрясена, что во время разговора несколько раз сказала «si».

По возвращении домой настроение у меня было плохое. Противно, что наскандалил. Противно также, что два говнюка испоганили балет и что Дягилев всё-таки их защищает. Вечером у Polignac исполняли «Лисицу» Стравинского, но мы не пошли: нет настроения и не хочется встречаться с компанией.

21 мая

Утром дурное настроение продолжалось. Мысленно продолжал спор с Дягилевым:

«Да, ты двадцать три года директор и у тебя были гениальные достижения и потому ты можешь говорить авторитетно: но у тебя были и провалы, и хореография «Блудного сына» один из них. Скверно то, что ты пользуешься твоим авторитетом для того, чтобы защищать явный провал - из упрямства, из коммерческих соображений, и, якобы, из-за того, чтобы поддержать свой же авторитет!» и т.д.

Злился, уставал злиться и старался ликвидировать своё настроение. Но ведь почему я злюсь? Потому что защищаю правое дело - евангельскую притчу от неприличия. Но вот в чём я не прав: нельзя злобой защищать евангелие. И вообще, надо это настроение всё-таки ликвидировать к сегодняшней премьере, иначе пропала вся моя работа над собой за последние дни!

Пошёл в издательство узнать - не вышел ли клавир «Блудного сына». У

Пайчадзе сидел Стравинский. Я спросил: «У вас дела или это так, клуб?» Оказалось, что они просто болтают. Стравинский был мил, сочувствовал мне в моём споре с Дягилевым, он тоже с ним en froid за «Лисицу»; рассказывал про свой 2-й Концерт, который он рассчитывает кончить летом.

«Стиль элегантный и виртуозный, светский в хорошем смысле этого слова; если хотите, от сонат Вебера: темы очень простые, настолько, что некоторые обороты могут показаться общеизвестными, но на них наложен такой личный отпечаток, что я за них спокоен».

Всё это было очень интересно, кроме последнего: Стравинский, не умея сочинить собственные темы, берёт чужие и «откладывает на них личный отпечаток»! Но я промолчал, не желая нарушать приятной атмосферы. Вернувшись домой, я заснул - и к вечеру настроение улучшилось. Уменьшилась и нервность перед дирижёрским выступлением, которая чувствовалась днём. Приехал я в театр уже после начала: кончили первый номер: «Fâcheux» Орика. Стравинский подарил мне экземпляр «Байки» и ушёл ею дирижировать. Слушая его сложные ритмы, я окончательно перестал беспокоиться о моих 5/4. «Байку» я слышу в первый раз, но никакого впечатления не вынес: за кулисами было слышно плохо, да и я был невнимателен. Успех был довольно хороший, Стравинский выходил, Ларионов нет. Затем начали ставить декорации «Блудного сына». Я ушёл наверх в комнату Désormière'а, чтобы посмотреть партитуру и сосредоточиться. Зашёл Стравинский, перекрестил меня и поцеловал, прибавив:

- Хоть вы и неверующий.

Я сказал:

- Почему вы думаете, что я неверующий? Вы очень ошибаетесь.

Вообще в этот вечер Стравинский был чрезвычайно симпатичен.

Я спустился на сцену, где декорации уже были поставлены. Дягилев, уходя со сцены, сказал:

- Подожди, Серёжа, не выходи ещё с минуту, дай мне дойти до ложи - я хочу видеть, как ты выйдешь.

Я сделал как он просит, и затем вышел. Меня встретили довольно громкими аплодисментами. В первом ряду, в двух креслах от меня сидел Рахманинов, и я несколько раз во время дирижирования вспоминал о его присутствии. Шло недурно: оркестр как-будто подтянулся и играл лучше, чем на репетиции. Номер на 5/4 я продирижировал очень точно, что, однако, не помешало оркестру намазать. Когда я кончил балет, сразу начались громкие аплодисменты. Я отправился за кулисы, не торопясь, чтобы покланялись сначала до меня. Баланчивадзе вылетел одним из первых, вероятно, он боялся, что я не захочу выходить вместе с ним, и потому спешил накланяться до моего появления. Впрочем, я не собирался портить ему праздника, и мы выходили все вместе, я за ручку с Руо. Кохно был достаточно тактичен и отставал. Вероятно, ему приказал Дягилев. Вызовов было довольно много, не помню сколько. Первый явился за кулисы Стравинский и Пайчадзе, поздравили, поцеловали и исчезли. Затем я сейчас же ушёл менять совершенно мокрую рубашку. Туда ко мне пришли Пташка и Кусевицкие. Затем мы вернулись в фойе театра, где были Самойленки, Рубинштейн, Mme Гиршман, Blois и другие. Особенно был взволнован Б.Н.Самойленко - концом. Кусевицкий говорил: «Это гениальная вещь; какие два удара - симфония и это!» Самойленки повели в буфет пить шампанское. Позднее мелькнул Дягилев, поцеловал Пташку, поздравил меня и сказал: «Надо бы посидеть, но лучше в другой раз, сейчас мы все устали». На лестнице я встретил Рахманинова, подошёл к нему, взял под руку и спросил, как ему понравилось. Он ответил ласково: «Очень многое, особенно начало второй картины (конец первого номера или начало второго?) и самый конец».

Затем Пташка и я поехали к Кусевицким, где наскоро был собран ужин.

Кусевицкий продолжал говорить: «Это гениальная вещь», и «Ты отлично дирижировал, жаль, что лишь одним спектаклем».

22 мая

Если бы не тяжёлая голова, то настроение праздничное. По жаркой погоде гулял в Булонском лесу, затем спал. Голова прошла, и я пошёл в издательство, где вышел клавир «Блудного сына». Но Пайчадзе меня не порадовал. Я хотел, чтобы сразу начали гравировать 3-ю Симфонию, но оказывается, что сначала на очереди «Картинки с выставки» в оркестровке Равеля, затем новый материал для «Весны священной», затем партитура и материал «Поцелуя феи», и, кроме всего прочего, клавир «Игрока». Словом, я дожил до сорока лет и до почтенной известности, но гравировку каждой вещи должен выпрашивать. Неважно и с романсами Мясковского, которые тот просит издать. Пайчадзе мнётся: никто не понукает, а отвечать отказом Мясковскому неудобно.

Вечером на «Стальном скоке». Если на вчерашнем спектакле задолго всё было продано, то сегодня было очень пусто. В «Стальном скоке» темпы были лучше, но оркестр много врал. Постановка оставляет желать многого, но под конец всё-таки большой подъём - и неизменный успех. Меня многие поздравляли со вчерашним и ругали «Лису». Была Н.К.Кусевицкая, которая вдруг познакомила меня с Лурье, с которым я не кланялся со времени его возвращения из Советской России. Он всё это время неразливно дружил со Стравинским и был враждебен к моей музыке. Но за последние месяцы дал несколько холодных отзывов о новых сочинениях Стравинского, и, наоборот, стал хвалить мои. Мы церемонно раскланялись и улыбнулись.

23 мая

Завтракал у Кусевицких. Был ещё Стравинский и должен был быть Дягилев, но обманул. Завтрак был сервирован замечательный. Стравинский разговаривал почти всё время и был интересен, но говорил почти исключительно о себе и хваля себя. С Дягилевым у него тоже холодок, поэтому понятно, отчего последний обманул.

Вечером на втором спектакле «Блудного сына». Зал полнее, чем вчера, но всё же немало свободных мест. Нувель дал нам ложу и мы пригласили Самойленку, Шалонов и даже Mrs Ньюман. «Блудный сын» шёл вяло: Дезормьер брал неверные темпы и вёл без напряжения, распуская оркестр. Мне говорили многие, что когда я дирижировал, было лучше. Я не имею претензий дирижёра: просто подтянулись ради премьеры. Успех был - выше среднего. Досадно: с «Блудным сыном» соединялось столько надежд, а тут целым рядом исполнительских причин он сводится на будни.

24 мая

Сегодня внимательно пересмотрел первые две части 3-й Симфонии по заметкам, которые делал в записной книжке во время репетиций. Кое-где исправил, точнее, обозначил флюктуации темпов, сделал три маленьких купюры. Таким образом, эти части хоть завтра в гравировку, если Пайчадзе наскребёт денег.

Днём появился Blois и сообщил, что Гаво согласен: десять концертов ежегодно по десять тысяч франков, и кроме того, по два фестиваля в Grand Opéra. Контракт на три года. На днях меня пригласят для окончательных переговоров.

Вечером у Кусевицких: он наиграл «Классическую» Симфонию на граммофон

- надо было выбрать, который из четырёх дисков. Трудно: все четыре так хороши, что не знаешь, который.

Днём у Кусевицкого был Лурье; про «Аполлона» сказал, что это замечательное произведение, в котором, однако, нет ни одной ноты, откуда-нибудь не взятой.

25 мая

Чувствовал себя ленивым (жара?) и мало что сделал. Корректировал клавир Квинтета и разбирал рецензии «Игрока» - чтобы послать Асафьеву и Мейерхольду. Заходил в издательство, где мне сообщили, что Рахманинов купил экземпляр «Блудного сына».

Вечером у некоего Orcel`я. богатого француза, где играл Софроницкий: целый камерный вечер из моих сочинений: «Еврейская увертюра», пьесы для скрипки, виолончельная «Баллада», романсы, 3-я Соната, «Мимолётности» и прочее. Исполняли плохо, но отнеслись хорошо.

26 мая

CS Church. Вернувшись, нашёл длинное письмо от Держановского. Заведующий репертуарной частью в Большом театре Гусман хочет поставить «Стальной скок» и пригласить меня в репертуарную комиссию при Большом театре. Дабы я не терял связи с заграницей, достаточно, чтобы я проводил в Москве три месяца осенью и три весной. Письмо меня взволновало. Шесть месяцев - это, конечно, ерунда, много, особенно, когда у меня только что как следует начала налаживаться заграница. Но месяц осенью и месяц весной, это очень интересно. Главное, чтобы мне гарантировали свыше абсолютно свободное передвижение.

Днём были на лекции CS, но, стыдно сказать - у меня было такое сонное настроение, что я должен был бороться с собой, чтобы заставить себя слушать внимательно.

Обедали у Пайчадзе. Парадный обед.

27 мая

Вносил переделки в скерцо 3-й Симфонии, задуманные во время репетиций.

Днём пошёл на генеральную репетицию «Бала» Риети, но опоздал и застал самый кончик. К Дягилеву не подходил, продолжая будировать его за хореографию «Блудного сына» («капитан, которого не было на корабле в нужную минуту»). После «Бала» репетировали «Пастораль» Орика, которую возобновили с купюрами и новой хореографией. Орик всегда стремился к оперетке и после «Пасторали» действительно переключился на неё. В ней есть одна тема, до-мажорная, до того цирковая, что Дягилев вскочил и закричал: «Играйте её как можно скорее!» Дезормьер возразил, что скорее оркестр не сыграет. Тогда Дягилев сам задирижировал, стоя позади Дезормьера и загоняя темп. Говорят, на фортепианных репетициях он просил играть в этом месте один аккомпанемент, пропуская тему, чтобы её не слышать.

28 мая

Приехал из Америки Haensel с женой. Сегодня мы их кормили вкусным завтраком у Prunier. Haensel был исключительно мил, наслаждался едой. Затем они заходили к нам. Я подарил ему карты Франции и книги с отелями и ресторанами, так как завтра они едут на две недели в автомобиле кататься по Франции. Про

американские концерты мало нового. Кусевицкий, конечно, увлекается, говоря, что мне надо ехать на пять месяцев: надо ехать как в 1926 году: на Рождество, на два с половиной.

Так как с Пайчадзе я не мог договориться ни об издании 3-й Симфонии, ни о романсах Мясковского, а Кусевицкий завтра уезжает в Берлин, то сегодня я испросил у него аудиенцию - и в семь часов вечера Пайчадзе и я были у него. Разговор был приятный. Романсы Мясковского приняты, но так как, по словам Пайчадзе, никто сейчас романсов не покупает, то решено просить Мясковского дать ещё какие-нибудь вещи. Что касается моей 3-й Симфонии, то не без труда мне удалось протолкнуть, чтобы гравировали партитуру и, может быть, партии струнных. Пайчадзе пытался доказать, что наш парижский гравёр занят до отказа, и не скоро сможет приняться, но я ему напомнил, что есть хороший гравёр в Бордо, тогда он сдался.

Вечером на дягилевском спектакле. Первым номером «Стальной скок», по-прежнему идущий с успехом, затем премьера «Бала» Риети. Музыка довольно милая, но человека, потерявшего бразды: с мира по нитке - бедному рубашка. Декорации Кирико средние, но костюмы очень удачные. Успех с самого начала: громко аплодировали после каждого номера. Поймал себя на том, что злюсь. Что это? Зависть? Нежелание терпеть около себя успех? Но тогда это позор. Лучше, если я злюсь оттого, что незначительная и несамостоятельная, но приятная музыка («приятное свинство») вызывает энтузиазм. Но и то: раз по соседству замешан мой балет и я, конечно, полусознательно примериваю к нему, то и это «благородное негодование» надо подавить: ну что-ж, публика не на такой высоте культуры, чтобы сразу разобраться, пусть веселится. В конце овации. Риети несколько раз выходил кланяться, но публика кричала «Кирико!», который появился лишь в конце. В антракте я подошёл к Риети и поздравил его. Отношение у меня было к нему самое благожелательное, и мне было приятно, что он обрадовался моему поздравлению.

29 мая

Вечером было довольно неприятное письмо от Спака. «Игрока» отложили до осени из-за болезни Полины. Неужели нет дублёрши? Не думая, чтобы отложили по каким-либо другим причинам: столько труда, большой успех, хорошая пресса... Сегодняшний день был посвящён обсуждению с Пташкой, куда ехать летом. С дачей так запоздали, что теперь искать совсем нелегко. Наметили Yonne, живописный департамент центральной Франции: это и не очень близко от Парижа - значит, дачи не так разобраны: и не очень далеко в смысле автомобильной поездки на поиски. Послали письма на места с запросами.

30 мая

Вчера приехала жена Набокова и мы вместе были на «Блудном сыне». Но опять огорчение - и от сцены, и от оркестра, в котором были на этот раз заместители, провалившие и номер на 5/4, и кларнетное соло (грабёж!). Три кларнета играли чёрт знает что, вступали не вовремя, останавливались, слышно было, как Дезормьер ругался. Когда в антракте я зашёл к нему, он был в бешенстве и просил написать ему ругательное письмо, чтобы он мог предъявить его в синдикат музыкантов. Нет оркестровых музыкантов более распущенных, чем французские!

Писал письмо Дезормьеру. Также длинное письмо Мясковскому - о его романсах и о моих премьерах.

Приведя 3-ю Симфонию в порядок, вытащил заметки, сделанные во время репетиций «Игрока». Шутка сказать: семь листов! Сочинял вставную сцену в

первом акте.

После поездки в Монте-Карло, то есть после почти двухмесячного перерыва, взял автомобиль и поехал загород к смазчику.

31 мая

Много писем, в том числе от Мейерхольда, из которого можно заключить, что в России не так уж хорошо (если я поеду, то втянут в писание политической музыки);
и от брюссельской филармонии: в будущем апреле три концерта из моих сочинений,
предлагают семьсот пятьдесят долларов, но думаю, что получу тысячу. Это хорошо.
В моё отсутствие заходил Blois. Жаль. Пора кончить с Гаво.

Приехали Боровские. Настроение у них среднее: туго с деньгами. Вечером были
с ними в кинематографе на русском фильме: «Рязанские бабы». Много приятного и родного, особенно волнующееся поле ржи. Ехать - не ехать в Россию?

Кончил вставную сцену.

1 июня

Завтракали у Bassiano в Версале. Очень милые люди, вкусный завтрак, чудный сад. Много беседовал с Онеггером - об автомобилях: он как раз ехал с завтрака вносить задаток за новый. Я подвёз его к самому магазину Bugatti.

Днём длинный разговор с Mémé, у которой вечное несогласие с Пташкой. Mémé
отличный человек, но что за характер! Обидчивый и независимый.

Вечером у Бенуа.

2 июня

CS Church. Думал о сборнике CS гимнов. Со временем задача для меня: пересмотреть его и дополнить. Много случайного. И сколько можно прибавить хорошего!

Догонял дневник.

3 июня

Когда я выходил из парикмахерской на Champs Elysées, но из-за дождя не смел сунуться на улицу, кто-то сказал: «Здравствуйте». Оказалось - Глазунов: он медленно шёл под дождём, без зонтика. «К Годовскому», объяснил он. Я смутился, что он первый поздоровался, и начал поспешно выражать ему моё удовольствие по поводу встречи.

Когда я затем, придя в издательство и увидев там Стравинского, рассказал ему про встречу, Стравинский рассказал, в свою очередь, что после концерта, который под управлением Глазунова был на днях (я не пошёл), он, Стравинский, пошёл к Глазунову в артистическую, но Глазунов не узнал его, по-видимому, умышленно. Стравинский воскликнул: «Александр Константинович, да это я, Стравинский!» Тогда Глазунов сухо пожал ему руку и отвернулся. Стравинский при этом обиженно (совсем не по-стравински) прибавил, что давно он не чувствовал себя таким смущённым, как после этого.

Заходил Blois и предложил проект контракта. Гаво, собственно, за ширмой, а контракт от de Valmalet'a, импрессарио, близко к Гаво стоящего. Контракт не совсем то, что я ожидал, но сто тысяч франков за десять концертов гарантируют и пятьдесят тысяч на устройство двух симфонических дают (говорят, это мало, ничего хорошего не устроишь). Изучал контракт и делал пометки.

4-10 июня

Четвёртого и шестого были на «Блудном сыне», один раз с Боровскими. Кларнетиста, после заявления Дезормьера с моим письмом в руках, выгнали. Это произвело впечатление на оркестр, который теперь играл лучше (хотя в достаточной мере плохо). Народу в зале немого, не то, что на открытии. Дягилев отсутствует. Кохно иногда мелькает, здоровается прилично, я - сухо. Сувчинский сидел с Лурье и по окончании, потирая руки, заявил мне: «Будет статья». То есть про «Блудного сына» в «Евразии»; писать будет Лурье, которому Сувчинский не хотел поручать, пока «Блудный сын» не понравится тому. Лурье, видимо, под впечатлением и хочет что-то сказать мне, но я оживлённо здороваюсь и, быстро пожав ему руку, ухожу. Пусть на первое время останется с похвалой внутри себя.

В субботу восьмого подали повестку в суд. Я думал, что опять из-за квартиры, но оказывается, что Кохно требует конфискации клавира «Блудного сына» за то, что таковой поступил в продажу без указания автора либретто. Нахал! Наглец! Когда печатали обложку, я спросил у Пайчадзе: «Не будем помещать, что либретто Кохна? Какой он к чёрту либреттист!» На что Пайчадзе ответил: «Конечно не будем». Так и сделали, но горе в том, что Кохно заявлен либреттистом во Франции, в Обществе Авторов, и на это-то он и опирается.

На другой день, девятого в воскресенье, у Кусевицкого по обыкновению был чай и гости, и мы с Пайчадзе, который получил такую же повестку, уговорились остаться и поговорить. Когда я пришёл туда, там уже сидел Стравинский, который был необычайно возмущён инцидентом.

- Я специально приехал из-за этого, - сказал он. - Это не Кохно, а Дягилев. Кохно без Дягилева не смеет сделать такую вещь. Только когда грек кого-нибудь подцепит, тогда он и дышит. У него внутренняя часотка.

Я знаю, что у Стравинского ссора с Дягилевым из-за купюры в «Аполлоне», но всё же я тронут заступничеством Стравинского.

Десятого Пайчадзе, Стравинский и я отправляемся к адвокату, специалисту по литературным делам. Адвокат элегантен и пессимистичен: раз связались как сотрудники при заявке пьесы в Общество Авторов, то нельзя одного без другого. Больше всех говорит Стравинский, горячится, приводит тысячи доводов, характеризует Кохно. Я знаю, что Стравинский - почётный член Общества Авторов и любит вставить это в разговор, поэтому жду: когда же? Но он упоминает об этом лишь перед уходом. Адвокат объясняет, что ближайшее требование Кохна - изъятие клавира из продажи; разбирательство же по существу произойдёт через много месяцев. Надо постараться доказать, что издательство печатает ноты, а не текст, и потому имело в виду только автора нот. Может, суд согласится с этой точкой зрения. Тем временем Пайчадзе, для спокойствия, решил девятьсот экземпляров из тысячи напечатанных отослать в Берлин: туда не так скоро доберутся.

Прощаясь на перекрёстке, я благодарил Стравинского за дружеские чувства.

Он:

- Поверьте, Серёжа, я очень интересуюсь этим делом, и не только по любви к вам, но и по ненависти к Кохно. Но тут не один Кохно, тут и Дягилев, и не только против вас, но и против издательства. Мы с Пайчадзе ему повысим цены на материалы. Увидите, он ещё заплатит за нашего адвоката!

11 июня

Проснулся в шесть, потому что злила история с Кохно. Старался побороть злобу. Читал CS. Человек развивается по мере того, как ему удаётся преодолевать

препятствия. Историю с Кохно надлежит рассматривать исключительно с точки зрения препятствия, которое надлежит преодолеть. Упражнение. Упражнение себя в иммунитете ко всяким земным страстям и дрязгам. Это единственная правильная точка зрения на этот конфликт и единственный способ извлечь из него пользу.

Пошёл на первое свидание с Гаво. Внизу меня ждал Blois. Он опять повторил, что и слышать не хочет ни о каких процентах за устройство дел с Гаво: когда его, Blois, высадили от Pleyel`я, я был единственным человеком, который к нему относился тепло (я этого не помню), остальные все отвернулись. Гаво - человек пожилой, с длинным носом, блестящими глазами, говорит тихо и очень вежливо. После обмена любезностями, он пригласил к себе de Valmalet'a и началось обсуждение контракта, которое длилось больше часа. Они просили дать им подумать сорок восемь часов. Распростились изысканно, но я ушёл недовольный, спрашивая Blois: «Что за комедия? Они в конце концов согласны или не согласны? Ведь ясно, что на гарантиях они должны что-то потерять, и это что-то должен доплатить Гаво». Blois объяснил, что как раз Гаво хочет, чтобы часть доплатил Вальмалет - поэтому последний и торгуется.

Днём приходил Горовиц, я показывал ему некоторые из моих сочинений, которые он собирается играть в будущем сезоне.

Вечером играл в бридж у Самойленко. Профессор Алексинский простил моё выступление в полпредстве отечески мило и играл со мною в бридж. А тут опять приглашение на приём восемнадцатого, идти или не идти?

12 июня

Провожали Кусевицких, уезжающих в Америку на три дня - он второй раз получает докторскую степень при торжественной средневековой церемонии. Затем Фидлер предлагал купить квартиру и возил смотреть строящийся дом. Но дорого, далеко и тесно.

Днём кое-что переделывал в третьем акте «Игрока». Вдруг позвонил Дягилев и спросил, буду ли я дирижировать первым спектаклем в Лондоне. Я ответил, что меня не особенно тянет, но что прежде, чем разговаривать об этом, он лучше бы заплатил за парижское дирижёрство. Дягилев спросил, приду ли я сегодня на закрытие сезона. Я ответил:

- Не уверен.

Дягилев повернул фразу:

- Да, сегодня всё продано, так что нельзя быть уверенным, что получишь место.

Я молчал, говорил Дягилев: если моё решение относительно Лондона окончательное, то, конечно, нечего настаивать, так как в Лондоне на открытии и без того всё будет продано - это не из тех спектаклей, для которых нужны усилия, чтобы их вытащить; но если я передумаю, то об условиях можно поговорить завтра, но не поздней, так как завтра же он уезжает в Берлин.

Я ответил:

- Решение скорее окончательное.

Весь разговор вёлся в живой, почти полушутливой форме, причём Дягилев говорил долго, а я коротко. По окончании разговора Пташка возмутилась, сказав, что она изумлена моим тоном. Дягилеву просто надо было сказать самому собственным голосом, что меня нет дома. Я же думаю, что наоборот: как раз не надо было показывать, будто я сколько-нибудь взволнован нападением Кохна, но ничем не интересоваться, что говорит Дягилев, и мягко от него отстраняться. Так он лучше поймёт, что я отдаю себе отчёт о его роли.

Пташка встретила у одной американки Prima, который, узнав о процессе Кохно, в негодовании закричал, что этого человека все ненавидят. До сих пор все как-то

молчали, но теперь это вдруг всплыло наружу. Если бы Кохно сделал подобную вещь по отношению к нему, Prima, он оставил бы от Кохно одно мокрое место.

Вчера достал письмо к Мясковскому от Гаво, а сегодня от Ecole Normale - два фиктивных приглашения приехать в Париж для лекций. Отправил их порознь заказными, надеюсь, что помогут.

13 июня

Очень неглупо в одной французской рецензии написано про хореографию «Блудного сына»: «Nous avons l'impression que les nouveautés de M. de Diagilev sont réglées désormais par quelque professeur de culture physique qui serait devenu subitement fou en parcourant une galerie de tableaux modernes»[23].

Заходил в издательство. Пайчадзе настроен пессимистично: конечно, завтра Кохно выиграет дело и получит разрешение на арест всех экземпляров «Блудного сына».

Затем с Пташкой были у Mme Dubost, где масса народа и поёт чехословацкий детский хор. Многие поздравляют со вчерашним успехом «Блудного сына»: закрытие дягилевского сезона прошло при переполненном зале, и после «Блудного сына» занавес поднимался семь раз.

Мелькнул Сталь, как огурчик свеженький.

Вечером - концерт Кошиц, недавно вернувшейся из Америки. Из моих вещей пела заклинание Фаты Морганы. Выдранное из оперного действия, оно, по-моему, звучит нелепо. Поэтому я долго не хотел кланяться, когда меня потом вызывали. После концерта - ужин у Кошиц. Среди других - Стоковский, очень любезный, но почему он меня не ангажирует на будущий сезон, ведь знает же от Кусевицкого, что я приезжаю в Америку.

14 июня

Суждение по схватыванию экземпляров «Блудного сына» имело место вчера днём, но из-за посещения Dubost и Кошиц я не мог узнать вчера о результате. Сегодня довольно неохотно позвонил об этом к Пайчадзе, но оказалось, что мы выиграли: суд отказал Кохне и возложил на него судебные издержки. Теперь Кохно может начать процесс по существу, но это вещь долгая, продлится год или два, и стоит денег. Я, излишне говорить, был в восторге, особенно же была довольна Пташка. Но сейчас же я постарался взять себя в руки, чтобы не торжествовать и не злорадствовать. Если я нападение Кохна рассматривал как испытание, то и победу над ним надо рассматривать как испытание собственного приличия.

Завтракал Дукельский. Вчера он приехал из Лондона и уже знал от Пайчадзе о процессе. Сегодня я сообщил ему о результате, нарочно, между прочим. Дукельский был поражён: он был уверен, что Кохно не промажет. Играл Дукельский конец «Барышни-крестьянки», но он точь-в-точь под «Аполлона». Я так энергично накинулся на него, что Дукельский смутился и обещал переделать.

Приходил ещё Горчаков. Он скаутский инструктор в Ницце и загорел как индус. Показал свои новые сочинения. Среди прежней ерунды мелькнули два совсем недурных кусочка. Я советовал ему отобрать все отрывки, когда-либо отмеченные мною, и сделать из них сборник фортепианных пьес. Тогда его можно попробовать напечатать.

[23] «У нас впечатление, что новинки господина Дягилева отныне определяются неким профессором физической культуры, который неожиданно сошёл с ума, осматривая галерею современной живописи» (фр).

15 июня

По примеру прошлых дней работал над отделкой «Игрока» внесением поправок, намеченных в Брюсселе во время репетиций, и проверкой французских и немецких переводов. В общем коллосальная возня, прежде чем клавир можно отдать гравёру. Кстати, обдумываю оркестровую фантазию, которую можно сделать из «Игрока».

Выходит очень удачное Larghetto для дивертисмента: темы сочинялись понемножку за последнее время.

Вчера Горчаков рассказывал, что в Ницце он ходил к Стравинскому показывать свои сочинения. Стравинский, средь прочих нравоучений, сказал: «Я требую (!), чтобы молодые композиторы сочиняли за фортепиано, чтобы во время этого процесса плоть пальцев совокуплялась с плотью инструмента».

16 июня

Работал над «Игроком».

Вечером - у Самойленок. Был приехавший из Москвы Таиров.

17 июня

Пташкина подруга предлагает дачу в Bretagne на берегу Атлантического океана, километрах в ста к северу от Rochelets, где мы жили в 1921 году. По описанию соблазнительно, поэтому решили поехать посмотреть.

Кстати, завтра большой чай в полпредстве, куда я приглашён и где обещал быть: как раз полезно в этот день очутиться далеко за Парижем.

Как только поездка была решена и началось рассматривание карт и проба автомобиля, так у меня загорелось: ехать! Звонил Таирову, не прокатится ли он с нами. Он чуть не собрался, но как раз получил телеграмму из Барселоны - и должен был выехать туда.

Откликнулись Б.Н.Самойленко и Шуберт.

Обедали у Кошиц и после были вместе с нею на «Салтане». Я скорее не люблю эту оперу, хотя кое-что хорошее мелькнуло.

18 июня

Выехали смотреть дачу в автомобиле вчетвером: Пташка, Шуберт, Самойленко и я. Отличная погода, приятная компания, хорошие дороги. Заночевали в каком-то маленьком местечке на Луаре.

19 июня

Проехали через Нант и стали срезать на северо-запад к маленькому местечку Trinité-sur-Mer. Природа вдруг резко изменилась: пошли пески, холмики и кустарники. Не очень приветливо, но чудный океан.

К завтраку приехали в Trinité и под порядочным зноем пошли осматривать дачу. Вокруг - довольно хороший сад, но сама дача так себе, и притом вдребезги запущена. Пташкина подруга, направляя нас, не подозревала об этом.

Решили: не подходит. Посидели у моря, позавтракали и двинулись в обратный путь, не очень огорчённые: дачу не нашли, но сделали хорошую поездку. Обратный путь взяли северный, на Rennes, где и пришлось заночевать, так как задымило колесо.

20 июня

Всё утро провозились в гараже с починкой втулки. Поэтому в Париж попали поздно вечером. Я не люблю править в темноте, но рядом со мной сидел Б.Н.Самойленко и оживлял меня.

21 июня

Blois прилагал всяческие усилия и перед Гаво, и перед Вальмалетом, и передо мной, чтобы вынудить взаимные уступки и чтобы контракт был всё-таки заключён. Пайчадзе и Кусевицкий тоже советовали мне не очень упираться и не выпускать этого случая из рук. На сегодня у меня было назначено свидание с Вальмалетом. Последний произвёл на этот раз гораздо лучшее впечатление. Он откровенно сказал, что очень хотел бы меня иметь, но средства его не так велики и он не может идти на слишком большой риск. Гаво же торгаш, и старается контр-гарантировать гораздо меньше.

Вечером концерт Цили. Играла много дряни, причём скучной. В зале много знакомых.

22 июня

Так как я не был на приёме в полпредстве, а с другой стороны, нельзя было ссориться из-за просроченных паспортов, сегодня решил пойти к Аренсу объясняться.

Принял он меня очень любезно, а я начал с того, что показал ему прессу о «Стальном скоке»: выборку всего того, что говорилось о рабочей и большевистской стороне «Стального скока». Это было отлично настукано на машинке, с переводом на русский язык и с указанием газет и дат. Очень удачный документ, сразу же произведший на Аренса отличнейшее впечатление. К тому же, я подарил ему, большому любителю музыки, экземпляр «Стального скока» с надписью. После этого тон оказался самый дружественный и я просто рассказал ему, что мой советский паспорт просрочен на полтора года и что я продолжаю пользоваться нансеновским, считая, что приказ Наркоминдела о выдаче мне советского документа без отобрания нансеновского даёт мне на это право. Тут же я прибавил, что, по-видимому, с этим пора, однако, покончить. Аренс: «Я тоже так думаю; не мы, конечно, будем вам чинить неприятности, но у вас могут быть затруднения с иностранной полицией, когда узнают, что у вас два паспорта». После этого он забрал у меня советские паспорта и сказал, чтобы я дня через два зашёл в консульство, где мне их продлят.

- Конечно, вам придётся заплатить за это, - прибавил он.

Я:

- Я готов.

Затем разговор коснулся приезда Мясковского, и Аренс обещал своё содействие - написать в Москву от имени полпредства о желательном приезде Мясковского. Чтобы быть ему приятным, я сказал, что издатель и я решили перейти с долларов на рубли в расчёте за постановку моих опер.

- Но что же я буду делать с этими рублями? - полушутя прибавил я.

Арене:

- Стройте себе в Москве квартиру, а потом, почему бы вам не дать московским гравёрам заказ на гравировку ваших сочинений, хотя бы для заграницы?

Эти идеи показались мне интересными.

О квартире мне уже приходила мысль.

23 июня

Шалоны, у которых небольшое имение около Lac du Bourget, подыскали нам замок «замечательной красоты» и не такой дорогой, тысяч семь за лето. Поэтому сегодня сели в поезд и поехали смотреть. Восемь часов езды. Под вечер высадились в Culoz, это большая узловая станция, через которую идут поезда и в Женеву, и в Милан, и в Aix, и в Evian. В прошлом году мы здесь проезжали с Дукельским в Ballot по дороге из Монте-Карло в Париж, но проскочили без остановки, хотя местность осталась у меня в памяти. Пообедав, пошли посмотреть снаружи замок, который стоит на горке в километре от вокзала. Замок действительно чертовски эффектен и чуть мрачен. Башни и щели для стрельбы из пищалей. С хозяевами свидание по телеграфу назначено на завтрашнее утро, а так как они, по словам Шалонов, важные шателены[24], то решили их сегодня не беспокоить и вернулись в отельчик у вокзала - спать.

24 июня

Утром поднялись к замку, который невероятно импозантен. Ужасно захотелось пожить в нём. Встретила хозяйка, Mme de la Fléchère, одетая старомодно, но держащая себя любезно и по-барски, лишь слишком много говорящая, может быть от желания сдать замок. Выражаясь бессмертными словами Башкирова, «впечатление двойственное»: с одной стороны, средневековая постройка - основана в XIV веке (перестроена в XVII-ом) в самом деле очень увлекательна, и вид на все четыре стороны дивный (горы, холмы, луга, Рона, кусочек озера); с другой - нам совсем не нужна такая махина, где в иных местах пахнет плесенью, в других - пласты пыли; изволь-ка держать всё это в порядке! Ванна ужасная, кухня - совсем оперная декорация, но извольте жарить на такой плите. Я высказался, что, пожалуй, надо всё-таки взять этот шато, особенно ввиду позднего времени: через пять дней нас погонят с квартиры - куда мы помчимся ещё искать? Однако, зная характер Пташки, которой никогда ничто не нравится, я сказал, чтобы решала она. В ответ она помучилась с полчаса и затем, не особенно уверенно, решила, что, пожалуй, надо взять. При обсуждении условий, хозяйка оказалась барыней: всё было сделано на слово, без письменных условий. Затем мы сели в поезд и после восьми часов жары и копоти вернулись в Париж.

25 июня

Пташка в ужасе от снятого замка. Дурное настроение уже началось вчера в поезде, на обратном пути. Выходит, будто я заставил её снять эту ужасную казарму. Я разъясняю: наоборот, я как раз из осторожности предоставил ей решать.

- Да, но ты ведь хотел?
- Да, хотел, хотя не Бог знает как. Я и сейчас не жалею.

Днём занимался.

26 июня

Был у Аренса. Паспорта готовы и продлены. За это по тарифу девятьсот франков. Немало, но я рад, что этот вопрос улажен. Говорили о моей осенней поездке в Россию и о том, чтобы меня не задержали с обратным выездом. Аренс сказал, что советским гражданам, деятельность которых протекает за границей и

[24] Владельцы замка, от châtelain (фр).

едущим в СССР в отпуск, иногда выделяется сразу право на обратный выезд за границу. Из-за «Стального скока» (!) меня можно приравнять к таковым, и потому они из полпредства запросили Москву, не могу ли я воспользоваться этой льготой. Аренс ещё раз подтвердил своё желание поддержать приезд Мясковского за границу. Через неделю сам Аренс едет в Москву и там надавит кнопки.

27 июня

Утром примчался Blois и сообщил, что после боя, наконец, Гаво согласился дать Вальмалету контргарантию, и теперь всё в порядке. А то вчера дело клонилось к разрыву. Раньше Гаво очень меня хотел, но потом, очевидно, кто-то ему что-то нашептал. Я спросил:

- Но кто же, например?

Blois:

- Может быть, он посоветовался с каким-нибудь милым французским композитором.

Днём заходил в издательство. Мою 2-ю Симфонию взял Клейбер для Берлина, а Клемперер для Южной Америки. Последний, впрочем, с оговоркой. Я лично думаю, что оговорка довольно большая и что он по дороге испугается и не сыграет. Но с «Огненным ангелом» дело плохо: четыре больших немецких театра вернули, ссылаясь на трудность музыки и несценичность либретто. Я знаю, что там есть места несценичные, зато есть и чрезвычайно сценичные. Когда опера пройдёт в первый раз, предстоит многое перекромсать. То, что «Огненный ангел» не идёт, меня волнует меньше: он уже зазвучал через 3-ю Симфонию.

Стравинский вернулся из Берлина и уехал к себе в Ниццу. В Берлине он дал концерт как раз тогда, когда приехал Дягилев с труппой, но Дягилев отсутствовал на концерте, а Стравинский на дягилевских спектаклях.

Вчера встречали вторично вернувшихся из Америки Кусевицких. Он ездил туда короноваться в доктора Гарвардского университета, honoris causa. Таким образом, он уже «дважды доктор» (Агриппа[25] был трижды доктор). Вернулся Куся сияющий и подробно рассказывал про церемонию. Он честолюбив, и такие формальности его радуют.

28 июня

Всё утро сидели с Blois у Вальмалета и обсуждали всякие мелочи в контракте - к завтраку сговорились о всех пунктах. К завтра он отстучит его на гербовой бумаге и я явлюсь для подписи.

29 июня

Подписал контракт с де Вальмалетом (с «Вальдемалетом»).

The sum total of evil belief Jesus designated a lie; and a lie is a negation - nothing. Therefore, thinking about evil is thinking about nothing[26].

Июль

Июль начался под флагом отъезда и укладки. Из-за ликвидации квартиры эта

[25] Персонаж оперы «Огненный ангел».

[26] Иисус определил ложь как проявление зла, а ложь это отрицание, т.е. ничто. Следовательно, думать о зле значит думать ни о чём (англ).

возня была особенно большая. Ввиду накопления вещей, книг и детей, количество чемоданов, ящиков и сундуков вырастает геометрически. Конечно, тяжесть укладки на Пташке, но вместо того, чтобы взяться храбро и весело, она уже за две недели чувствует себя угнетённой и угнетает всех окружающих. Пять наиболее тяжёлых ящиков отвезли к Гаво, два такси всякого хлама - к Пташкиной учительнице пения, а десятка полтора чемоданов повёз Астров на дачу в поезде, плюс я повёз полный Ballot.

Из других предотъездных событий: были с Кусевицким в цирке (укротители львов и стрельба человеком из пушки); спорил с Пайчадзе насчёт «Игрока» - а то немцы последним заинтересовались, а Пайчадзе готов проспать, так как нет денег, чтобы делать новые материалы; писал энергичные письма Мясковскому, зовя его на лето; Robert Lyon, известный своей грубостью, вдруг на моё письмо об уходе от Плейеля ответил дружелюбно: Blois отказался от всяких процентов за устройство контракта, но просил, если Кусевицкий приедет в будущем году с Бостонским оркестром, пристроить его секретарём события - как это было, когда приезжал Нью-Йоркский оркестр. По этому поводу я возил Blois к Кусевицкому, но Blois мямлил и Кусевицкий тоже - и оба остались недовольны друг другом.

Наконец, пятого состоялся отъезд. Утром сделали инвентарь, затем осмотрели ещё предложенную квартиру, поколебались, отказались, и в третьем часу двинулись в Ballot. Братику на заднем диване была устроена постель, рядом сидела Эльза (очень славная датчанка по фамилии Бах - я всем выдавал её за внучку композитора) со Святославом на коленях, остальные свободные места доверху заложили вещами. Пташка и я сели спереди.

Ввиду позднего выезда в первый день сделали 250 км (и то много!) и остановились ночевать в Авалоне, очень симпатичном городке. Сыновья отлично перенесли путешествие, и на другой день к вечеру мы торжественно въехали в ворота нашего замка, куда уже прибыл Астров с вещами, потеряв кухарку, тоже датчанку, опоздавшую к поезду.

Замок колоссально эффектен со своими феодальными башнями. Внутри - неуютно, но просторно. Комнат много и далеко одна от другой - мы даже не сразу сообразили, как их распределить. Хозяева говорят, что чистили его пять дней, но вековая пыль лежала всюду - пришлось взять бабу, которая чистила ещё три дня - в шкапах, под кроватями, и особенно в балдахинах, висевших над каждой кроватью. Хозяева оказались настоящими графами: comte de la Fléchère de Beauregard, о чём свидетельствовала «забытая» на одном из столов брошюрка - речь аббата, произнесённая в день их свадьбы. Они в самом деле очень милы, хотя графиня говорит слишком много, и, если поддержать разговор, она никогда не остановится. Он нелепый и, видимо, безалаберно (или просто никак) вёл свои дела, которые пришли в окончательное разорение с гибелью виноградников, за которыми некому было ухаживать во время войны. В замке много старинной мебели, частью очень ценной, часто нелепой. На некоторых креслах вышиты графские короны - с девятью бубенчиками. В одной из башен - каменная винтовая лестница, у которой одна из ступенек почему-то всегда влажная (почему?). Хотя всюду проведено электричество, на лестнице я открыл бронзовый подсвечник, прибитый к каменной стене. Когда я показал его Шалону, он сказал: «Это не старинный, это от пианино».

Музыкальные задачи на лето были у меня следующие: переделать Симфониетту; сделать дивертисмент, материал для которого был почти готов; кончить 4-ю Симфонию: если успею, сделать оркестровую фантазию из «Игрока»; ввиду многочисленных концертов будущей зимой привести себя в фортепианном отношении в боевой вид; иногда немного дирижировать самому с собой; перекорректировать голоса «Стального скока», которые лежат уже скоро год, а также клавир «Игрока» и партитуру 3-й Симфонии, которые гравируются.

Неужели, всё поспею?

Для начала сразу препятствие: Гаво прислал рояль лишь к двадцатому. Свинья. Правда, я без рояля проглядывал Симфониетту и намечал переделки, но настоящая работа началась с его прибытием. Как и всегда с переделками, казалось, что это пустяковая работа, так, несколько штрихов; на самом же деле вышло полное пересочинение, как с «Игроком», и, по-видимому, - не меньше месяца работы. К первому августа кончил только первую часть.

Между тем потерянная и найденная кухарка скоро ушла от нас в Aix-les-Bains (там веселее), и начались несчастья с прислугой, каковую найти здесь было нелегко, а найденные быстро уходили от невозможной графской плиты. Кроме того, вдруг необычайно размножились тараканы, огромные, чёрные, которые из кухни начали распространяться в верхние этажи. По стенам ещё промелькнули быстрые и водянистые сороконожки. Пташка очень тяжело переживала все эти события, не спала по ночам и портила настроение всему дому. Травила тараканов, ненавидела их, считала прислугу негодяйками, словом, не умела умно проходить мимо мелочей жизни, а создавала из них трагедию.

Появился у нас на несколько часов Klein, недавно женившийся и совершавший в автомобиле свадебную поездку по Европе. Как всегда, мы были очень рады ему. Я рассказывал ему, какое влияние на мою музыку имеет за последнее время CS. Случайно оброненные им слова о CS пришлись очень кстати для некоторых вопросов, о которых я думал.

В двенадцати километрах от нас - небольшое имение Шалонов, друзей Боровского, тех самых, которые и нашли нам замок. Шалон мил, очень увлекается музыкой, quasi деловой, но безалаберный, хотя безусловно способный человек. Он француз, с англо-саксонской складкой. Жена у него очень милая, по происхождению испанка. Вдобавок много радушия, вино 1830 года, тоже Ballot и куча собак. Я его сейчас же использовал для поправок во французском тексте, тех, которые не удалось сделать со Спаком.

Взволновала телеграмма о чикагском ангажементе: дирижировать и играть в трёх концертах, гонорар тысяча долларов - мало за такую тяжёлую работу, но, с другой стороны, сумма большая, а кроме того, они не хотят платить за материалы издательству. Пришлось соображать, воображать, телефонировать в Париж, телеграфировать в Нью-Йорк, - и так до сих пор неизвестно, состоится ли ангажемент.

В Culoz'е и окрестностях у нас неожиданно развелось довольно много знакомых: оказалось, что моя слава проникла и в эту провинцию, главным образом через Лион, где зимой не раз игрались мои сочинения. Кроме того, контесса оказалась страстной любительницей музыки, а так как она знакома решительно со всеми окружающими шато, то моментально все узнали, что у неё живёт мэтр, и стали интересоваться.

Шалон, оказывается, поставщик Maison Pleyel, а так как он к тому же недавно купил по случаю рояль Плейеля, то немедленно похвастался Роберу Лиону, что Прокофьев играл на этом рояле и хвалил (рояль в самом деле неплохой). Присутствующий тут старик Лион, который раньше всегда изъяснялся в любви ко мне, ухаживал за Пташкой и один раз даже, в качестве дедушки, пытался взять её за нос, - вдруг вскипел и сказал: «Не говорите мне об этом субъекте! Когда он был начинающим музыкантом, мы всё ему делали, а как только вышел в люди, так наклеил нам нос». (Замечательно, что как раз Плейели ничего мне не делали, кроме приятных улыбок). Но Робер резонно возразил отцу: «Que veux-tu?[27] Мы ему ничего не гарантировали, а Гаво через своего агента Вальмалета предложил ему

[27] Чего же ты хочешь? (фр).

интересные гарантии - вполне естественно, что Прокофьев их принял. Я так же поступил бы на его месте». Таким образом, Робер, который слывёт грубияном, второй раз в этом деле проявляет себя барином, а старик, который так любил меня, купает меня в помоях!

Август

Вторая часть Симфониетты представила гораздо больше трудностей для переделки, чем первая. Когда в восемнадцать лет я сочинил это Andante, оно производило впечатление своими изобретениями, но изобретения потускнели, и на месте их выступило много неприятного. Такова, например, первая тема - и она трудно поддавалась переиначиванию. В середине Andante было тоже много бесповоротно увядшего. Я жалел, что нет под рукой чёрной тетради с фортепианными пьесами того периода, чтобы поискать там материал для замены. В конце концов кое-что подсочинил, кое-что переделал, кое-что оставил - и после порядочной работы вышло хорошее Andante, гораздо лучше, чем я ожидал. С удовольствием прыгнул на третью часть, Intermezzo; думал, что оно проскочит мигом, но и с ним завяз, однако иначе, чем с Andante: здесь пересочинять приходилось не так много, но ретуши почему-то не сразу удавались.

Параллельно с пересочинением Симфониетты корректировал голоса «Стального скока». Часто вспоминалась обстановка, и дягилевский сезон, и позиция Дягилева в деле Кохна. И чувствовался какой-то неприятный осадок, даже - через всю кохновскую историю - к «Стальному скоку».

В промежутках - приятные выезды с Шалонами. В окрестностях много маленьких таверн, где кормят на славу. Шалон оказался довольно ловким в исправлении спаковских промахов в переводе «Игрока». Я продолжал их выуживать. В 23 км от нас был Aix-les-Bains, большой курорт, довольно противный. Рядом с Aix жила Кошиц. Она угостила нас большим русским завтраком. Были Коханские, Аргентина (Шалон всё добивался познакомиться с ней). Сестра Кошиц вдруг сообщила, что, кажется, Сталь умирает. У него вдруг открылся рак горла. Жанакопулос концертирует на Яве. Сталь спросил у докторов, доживёт ли он до её возвращения. Те не ручались. Он хотел вызвать её телеграммой, но потом переменил решение и пошёл на операцию. Известие произвело на меня тяжёлое впечатление. Наша ссора, конечно, оперетка, и я всегда с удовольствием вспоминал о Стале. Известие было тем более неожиданным, что Сталь с виду молодел с каждым годом и последний раз, когда я видел его у Dubost (мы не поклонились), он выглядел огурчиком.

Другим соседом, более отдаленным, был Стравинский: он жил в Talloires, на озере Аннеси, в шестидесяти километрах от нас. Я запросил его письмом: можно ли навестить? И собирался сделать это с большим удовольствием. Последние годы я как-то сторонился Стравинского, теперь же, наоборот, мне хотелось повидать его. Причин такой перемены несколько. Во-первых, конечно, успехи и почести, которые воздавались Стравинскому на Западе, настолько превосходили мои собственные, что мне всегда казалось, что они несправедливы по отношению ко мне. Но работы по CS против эгоцентризма, против чувства конкуренции и зависти сделали своё дело - и я находился в положении искоренения их. Нет слов, что мои последние успехи и многочисленные концерты в перспективе - облегчили эту работу. Кроме того, Стравинский при всех встречах был так равномерно мил, а в последние разы и трогателен (крестил перед выходом к пюпитру), что недоверие сменилось предположением, что, может быть, Стравинский, всегда подчёркивающий свою религиозность, тоже совершает над собой работу морального порядка, а потому необходимо пойти ему навстречу. Наконец, в кохновской истории он так

энергично выступил в мою защиту и его защита так существенна для борьбы в будущем, что не следовало, чтобы это желание его угасло.

Словом, я ждал его ответа, чтобы поехать, как вдруг он сам вкатил в ворота нашего замка, в сопровождении обоих сыновей. Красивый жест: я спрашиваю позволения приехать к нему - так он сел в автомобиль и сразу прикатил ко мне. Стравинский был весел и интересен, говорил много и живо, хотя больше о себе - или же ругал Мийо, Дягилева и Казеллу, который, по его словам, вовсе не Казелла, а еврей Кассель. Разумеется, показывали ему наш великолепный замок. Войдя в мою комнату и увидя листы корректуры, всюду разбросанные - и на столе, и на полу, Стравинский чуть ядовито сказал: «А, поэтический беспорядок!». Выглядело действительно, как на одной надоевшей картине, изображающей сочиняющего Бетховена. Я заделся и поспешил объяснить, что корректирую быстро и поправки делаю жирно красными чернилами, а потому для просыхания вынужден раскладывать листы всюду вокруг себя. Стравинский интересовался разными ценами: сколько платим за замок, да сколько я буду получать в Америке. Сочинение фортепианного концерта подвигается: он закончил две части, но назовёт его, вероятно, не концертом, а, может быть, дивертисментом. Это, по-видимому, для того, чтобы отвести упрёки, полученные за недостаточную виртуозность Первого концерта. Я воскликнул: «Вот какая мода на дивертисмент — у меня тоже набросан, и Мясковский тоже заканчивает!» Стравинский ответил, что в таком случае лучше взять другое название, например, Каприччио. Про болезнь Сталя он знает из письма Судейкиной, которая даже навещала его в больнице. Операция была опасной, но он выжил и даже настолько поправился, что встретил жену на вокзале. Но так как ему с раковым наростом удалили голосовые связки, он потерял голос навсегда, и при встрече должен был шептать, ссылаясь на простуду - чтобы не сразу испугать её. Теперь они должны были поехать на отдых в Haute Savoie, где-то неподалёку отсюда (в прошлом году мы их тоже видели в Evian). Опять этот рассказ взволновал и расстроил меня. Захотелось увидеть Сталя, вспомнился его острый и чуть лукавый разговор с посмеивающимися глазами. Но ведь он уже не тот человек, и разговора больше никакого нет. А CS слишком далеко от его мышления!

Так как у нас не было кухарки, то решили поехать со Стравинскими обедать в Arlemare, в восьми километрах от нас, где Шалон показал нам первосортный ресторан, хотя и простой с виду. Я выкатил моего Ballot, который выглядел гораздо шикарней Mathis'a Стравинского, но его Mathis новенький, а мой - старик. Выехали: я впереди, со Стравинским рядом со мной; сыновья сзади с Пташкой. Федя просил ехать не слишком скоро, так как дорога плохая и их лёгкую машину больше подбрасывает, чем мою тяжёлую. В Арльмаре обед был первый сорт, но от рыбы (lavaret, здешняя специальность) Стравинский отказался, так как у него недостаточно сильные токсины, а потому рыба, даже самая свежая, разлагается в желудке скорее, чем он успевает её переварить. (Невероятно). Я не позволил Стравинскому платить за обед и затем проводил его несколько километров, чтобы он не сбился на перекрёстке.

На другой день (двадцать первого) приехал Сувчинский. В очень хорошем настроении я отправился встречать его, но первые его слова - о смерти Дягилева. Я воскликнул: «Нет?!», - но по существу не сразу воспринял, настолько жив и живуч образ Дягилева. Пока Сувчинский рассказывал: «Третьего дня... от фурункула... в Венеции», - до меня постепенно доходила сущность. От фурункула - он всегда боялся их. Когда, по моему возвращению из России, мы назначили свидание, он манкировал, потому что у него был фурункул (я удивился тому).

Смерть Дягилева случилась как раз тогда, когда я, в связи с расхождениями при постановке «Блудного сына», как-то отошёл от него. То, что в кохновской истории Дягилев стал против меня, ещё более подчеркнуло эти расхождения. Мне

стало казаться, что с этими балетами цикл моих отношений с Дягилевым исчерпан. В деловом отношении эта кончина, казалось, не ударяла по мне так, как она несомненно ударила по другим, более молодым композиторам: Риети, Набоков, Дукельский - для них, конечно, рушилась масса надежд. Но Дягилев - как гениальный руководитель, но Дягилев - как замечательно интересная личность, как «вещь» (Сувчинский когда-то про Шаляпина: «Мне он нравится как «вещь»!), - вот где я чувствую потерю.

Пташка тоже потрясена и не может придти в себя оттого, что вчера, когда Дягилев лежал на столе, мы сидели тут со Стравинским и всячески проезжались на его счёт. Есть вроде оправдания: проезжался, собственно говоря, Стравинский, но оправдание это малое: мы слушали с удовольствием. А Стравинский в третий раз рассказывал, какая была стычка из-за купюры в «Аполлоне». Дягилев, по его мнению, в конце концов не так много понимал в музыке, но понимание замещали опытность и привычка. Я внутренне не соглашался, так как я высокого мнения о понимании Дягилева в музыке - это он доказал своими замечаниями во время сочинения «Блудного сына». А Стравинский между тем продолжал рассказывать, как на Gare du Nord в суматохе его кто-то тронул за плечо. Это был Дягилев, который натянуто сказал: «Ах, ты тоже едешь в Лондон? И я еду в Лондон. Ну вот, в дороге поговорим». Но ни в дороге, ни в Лондоне они не встречались, хотя в Лондоне остановились в одном и том же месте (в Albermarle Court, где останавливались и мы с Пташкой). Обе стороны, однако, избегали друг друга.

Весь вечер прошёл под впечатлением события. Кто наследник прав и декораций? Неужели Кохно? Неужели он будет пробовать продолжать? Конечно будет, если получит права на то: это последняя волна, которая сможет его вынести в люди. Но не вынесет. Может быть, продолжит сражаться сезон, благо есть контракты в Испании, Голландии и ещё кое-где, да может есть новинка в лице сочиняемого Хиндемитом балета. Но усохнет скоро: дело держалось Дягилевым лично, его головою и его авторитетом.

На другой день у меня была тяжёлая голова. Я не занимался и на три часа уходил в горы. Сувчинский много говорил с Пташкой о пении; у него сильный тенор и он сейчас в полосе увлечения пением. Он нашёл, что Пташка понимает это дело и, сверх того, имеет способность ясно объяснять приёмы.

На свадьбе дочки Кедрова, в русской церкви, Сувчинский встретил Глазунова, который подошёл к нему и тут же в церкви, пока поздравляли молодых, принялся ругать Асафьева за интриги, которые тот затевает в Консерватории. Сувчинский опешил и заявил, что, по его сведениям, как раз наоборот: Асафьев совсем отстранился от Консерватории и почти безвыездно сидит в Детском, занимаясь научными работами. Глазунов подхватил: «Вот-вот, заперся и оттуда, из подполья-то, и гадит, и гадит...». Сувчинский прибавил, что в это время из другого угла показался Метнер, а из третьего – Черепнин – и он обратился в бегство при виде этого склада старинных вещей.

Евразийство, по словам Сувчинского, вступило в новую фазу. Тот советский офицер Ланговой, которого я однажды встретил на евразийском собрании в Берлине и с которым беседовал о Мясковском, теперь очень выдвинулся в начальники контрразведки, и через него один из евразийцев, Арапов, получил разрешение легально поехать в Москву - поговорить. Сувчинский говорит, что Маркс отлично разработал, как надо свергнуть капитал, но в дальнейшей стройке многого не хватает: ни предначертаний Маркса, ни новых идей у советского правительства. И вот тут и должны на помощь прийти евразийцы. Пока же они могут пригодиться большевикам как некоторый передаточный пункт для сношений с заграницей, пункт, менее одиозный для заграницы, чем сами большевики. Во всяком случае, Арапов уже в Москве - очень любопытно, во что это выльется.

Вечером пришло письмо от Стравинского: вернувшись от меня, он нашёл телеграмму о кончине Дягилева. Очевидно, он тоже был сконфужен, что всё время бранил его. То же случилось в 1915 году, когда в Милане он всё время ругал Скрябина, а через месяц Скрябин умер; и я, вернувшись в Россию, получил от Стравинского письмо с сожалениями по поводу его кончины.

На другой день, двадцать третьего, как раньше уговорились со Стравинским, мы, т.е. Пташка, Сувчинский и я отправились к нему в автомобиле. Была чудная погода, и ехали мы по красивой местности. Завтракали на берегу озера Annecy в том же ресторане, где в прошлом году с Асафьевым. Стравинский живёт по другую сторону озера, в чудном уголке, снимая небольшой пансион, который почти весь заполнен его семьёй. Шагах в двухстах, в расстоянии «фортепианного выстрела», небольшой переносной домик, где он работает. Разговоры, конечно, о Дягилеве. Стравинский играет вторую и третью части Концерта (первая ещё не готова). Интересно и лучше, чем я ожидал по разговорам. Но с первого раза и после плохого исполнения судить трудно. Начинаю понимать, в чём «светскость»: кое-где маршеобразный аккомпанемент с терц-кварт аккордами, в оркестровке, подчёркнутой медью, - эксплуатируется то, что считалось пошловатеньким. Но сделано отлично, много интересных комбинаций.

Затем Фёдор нарисовал мой портрет, быстро и удачно. Сели обедать. За столом философский разговор между Стравинским и Ansermet, который оказался не лишённым образования. Сувчинский сыпал научными терминами. Стравинский принимал участие слегка. Я молчал: с тех пор, как я занялся изучением CS, CS - божеское, философия - плотское. Все эти философские вопросы о познании суть приближения без надежды приблизиться, их символ - бесконечная десятичная дробь. Возобновляется разговор о рыбе. Я, шутя, но с серьёзным видом, спрашиваю:

- Что хуже, слегка тухлый рябчик (ведь в таком виде он вкуснее) или совершенно свежая рыба?

Стравинский, не задумываясь, отвечает:

- Конечно, рыба! Против разложения рябчика действует слюна, да и попав в желудок он не так быстро разлагается. Рыба же, минуя слюну в свежем виде, стремительно разлагается в желудке, и оттого она, конечно, гораздо вреднее.

После этой замечательной интерлюдии, разговор вернулся к философским темам, а затем к Дягилеву. Стравинский получил телеграмму: «Décédé sans souffrances»[28]. Кохно, конечно, не будет наследником. «Вот и дело против вас теперь само собой прекратится» - прибавил Стравинский, хотя для меня не ясно, почему.

Уезжаем в десятом часу вечера с обещанием возвратиться поиграть в четыре руки квартеты Бетховена. На прощание сыновья целуются со мной. Старшая дочка отсутствует. Младшая - очень славная, шестнадцать лет, не совсем чисто говорит по-русски. Я теперь с удовольствием правлю вечером при фонарях. В полночь заезжаем к Кошиц, будим. Она вылезает ненамазанная, что лучше ей идёт. Едем дальше. Сувчинский, сидя рядом со мною, говорит: «Оказывается, Дягилев был очень религиозен. Мне только что сказал Стравинский. Я не знал этого. А вы?» Я отвечаю, что знал. Помню, когда приходилось рассказывать Дягилеву про несчастье с кем-нибудь, он говорил: «Господи, твоя воля», и вроде как бы начинал креститься. Но эта религиозность - относительная, религиозность среди сквернословия и скабрезных выражений, которыми были пересыпаны каждодневные разговоры Дягилева. Та религиозность, когда говорят: не согрешишь - не покаешься; на этом основании грешат, но затем поклониться забывают.

Присутствие Сувчинского не мешало работать. Он подолгу гулял в горах, откуда иногда доносились высокие ноты, которые он брал. Пташка была в дурных

[28] Скончался без страданий (фр).

настроениях, потому что ей плохо поётся, а плохо поётся, потому что утомлена, а утомлена хозяйством – потому что нет приличной прислуги. Я: лучше есть яичницу, пить молоко и быть довольным, чем из-за кухонных неладов создавать драму. В один из вечеров я сыграл Сувчинскому три законченные части Симфониетты и наброски четвёртой. Ему очень понравилось, но прямо-таки сильное впечатление производит первая часть 4-й Симфонии: «Совсем новая для вас музыка и новый тематизм». Любопытно, что я ему уже играл Allegro первой части, правда, без вступления, зимою, тотчас после сочинения, но Сувчинский отнёсся довольно рассеянно, а сейчас совсем не вспомнил, что я уже играл. С другой стороны, Larghetto дивертисмента, которое я сыграл ему теперь в первый раз, не произвело на него впечатления, а я так люблю это Larghetto! Что это? Моя музыка доходит до него лишь через промежуток времени?

Раза два разговор заходил на религиозные темы. Сувчинский, как всегда в таких случаях, забрасывает научными терминами и справками из различных писателей. У него отличная эрудиция и память. Но в данном случае это не пугает меня, и я успешно спорю с ним, внутренне опираясь на CS. Расходимся: на вопросах о таинствах, о православной церковности, на том, что загробная жизнь, как утверждает Сувчинский, есть обратное отражение этой, то есть чем больше здесь страданий, тем больше радостей там. Расходимся, когда я утверждаю, что человек, как Сын Божий, имеет право на счастье («не имеет права! должен выстрадать!», кричит Сувчинский). Сходимся: что по существу нет настоящих атеистов, то есть таких, которые додумали до конца. Сувчинский в этом соглашается со мной и говорит, что атеизм разрабатывался в упадочный период философии, и атеисты производят один вид от другого, а от Бога просто отмахиваются. К удивлению, сходимся и в нереальности зла. Не ожидал от Сувчинского! Один раз спохватываюсь, что веду этот разговор за обедом с вином, которое Сувчинский попивает - и стараюсь ликвидировать, стыдно. Один раз это уже случилось, два года назад.

Сентябрь

Сувчинский приехал на несколько дней, но пробыл две недели, чему я был рад.

Седьмого кончаю Симфониетту. Но, ведь, уже начало осени! А я всего-навсего за лето переделал одну старую вещь! С этим чувством запоздания я на другой же день принялся за дивертисмент. Несколько дней занимался досочинением второй и четвёртой частей и пересочинением третьей. Шло приятно, так что около пятнадцатого можно было сесть за оркестровку, а всякие подробности и недоразрешённые места разрешатся во время оркестровки. Первую часть я оркестровал ещё два года назад для Дягилева, но при слушании остался недоволен: грубовато и вязко, а характер этого номера требует более сухой и острой звучности. Кроме того, я решил взять меньший оркестр: удобный для исполнения, да и зачем лишние инструменты, если можно обойтись без них? Двадцать второго первые две части готовы в партитуре, двадцать шестого - третья. Идёт быстро и легко, легче, чем переделка Симфониетты. Параллельно - корректура «Стального скока» и зуб по адресу полуинтеллигентных гравёров.

После отъезда Сувчинских вскоре приехала Пташкина учительница пения, Telly, на несколько дней, а пятнадцатого Мария Викторовна. Боровский в Южной Америке, но денег ещё не шлёт. По счастью, богатые американские старухи делают подарки Наташе в долларах — это Марвик и проживает.

Дурное настроение Пташки постепенно смягчилось к середине месяца, а затем отношения сделались и вовсе нежными. Она начала успешнее заниматься пением, и это способствовало улучшению характера. Под конец она несколько раз и с успехом пела перед гостями. Тридцатого у нас был большой чай для окрестных

шателенов, которых надо было пригласить после того, как мы бывали у них. Присутствовали и Флешеры, перед тем на полтора месяца уезжавшие. Оказывается, они не только графы, но и маркизы, но носят только графский титул, так как он, хотя и ниже маркизского, но древнее. Я играл. Пташка пела.

Другое интересное сборище - был пикник большой компанией в Pierre Châtel, очень эффектном форте на горе над Роной, ныне оставленный и даже поступивший в продажу. Спускались в большой грот, уходящий вглубь наподобие раковины улитки. Внизу было темно и холодно; искали низенькое отверстие, по которому на животе можно переползти в целую систему других гротов, длиной в полкилометра.

С Шалоном работали над чисткой перевода Спака. Шалон думал не очень быстро и времени мы ухлопали тьму, но находили отличные разрешения там, где Спак отказывался. Несколько раз он поймал его на бельгийских оборотах, тогда он набрасывался на них как коршун. Один раз Шалон обманул меня, когда было назначено свидание и я ждал с нетерпением. Я разозлился и мы чуть не поссорились, но всё обошлось при следующем свидании.

Часто снились Дягилев и Сталь. И во сне мне было неловко спросить Дягилева: как же мы разговариваем с ним, если он умер? А Сталь говорил звучным весёлым голосом, и я тоже всё не смел спросить его, почему он может говорить без голосовых связок?

3 октября

Эти дни бегло работал над оркестровкой финала Дивертисмента, и сегодня неожиданно подкатил к концу - и кончил. Очень приятно: я не надеялся, что до отъезда!

Насколько в Симфониетте я завяз, настолько Дивертисмент проскочил легко. Конечно, если бы лето было длиннее (и я бы работал быстрее над Симфониеттой)? и не так пакостно были сделаны партии «Стального скока», то я мог бы выполнить и всю мою «судостроительную» программу, т.е. докончить 4-ю Симфонию и сделать оркестровую фантазию из «Игрока». 4-ю Симфонию собственно морально затормозил Кусевицкий, уговаривая приберечь её для будущего сезона - юбилейного для Бостонского оркестра. На самом деле Симфония очень подвинута: первая часть оркестрована, вторая сочинена, третья выйдет целиком из «Блудного сына» (только ещё насчёт тональности я колеблюсь), и лишь над финалом надо поработать, да и то полностью его я уже набросал в апреле в Монте-Карло, и, судя по этому плану, там не так уж много надо присочинять. С фантазией, из «Игрока», работы будет больше; я подробно её ещё не обдумывал, но уже ясны целые куски. Однако, кажется, композиторскую лавочку придётся на этот сезон закрыть: сезон будет путешественный и концертный.

4 октября

После аккуратной работы целого лета даже странно, что сегодня утром не надо садиться за партитуру! Сел с утра за корректуру - и кончил «Стальной скок», работа немалая. 231 страница партитуры и 471 страница партий - с массой ошибок и переделок!

Немножко не совсем в эти дни моё сердце. С чего бы? С ним пора кончить. Болит грудь. Но надо помнить, что всякое испытание есть задача, которую надо разрешить и через это подвинуться вперёд.

Газеты полны скандалом о парижском Полпредстве: советник Полпредства Беседовский, провожаемый приехавшим из Москвы, бежал через забор и с полицией требовал задержанных в Полпредстве жену и сына. Слава Богу, мой

Аренс не причём, а Аренс - первый человек, к которому я пойду по возвращении в Париж, чтобы узнать, есть ли мне обратная виза для поездки в Россию.

5 октября

Пташка последние дни несколько раз пела для соседей, неплохо, и уже приобрела поклонниц и друзей. Настроение поэтому было отличное. Но вчера у неё тоже что-то с сердцем - и сильнее, чем у меня. Жаль, что она так отошла от CS. То есть, собственно говоря, и не отошла в полном смысле, но и не так близка, как раньше. Это недомыслие. Ведь если быть уверенным, что мир создан как духовный и распорядок в нём духовный, то какое недомыслие вертеться вокруг и на стороне! Пишу это и для себя: помни об этом, помни, помни.

6 октября

Нашёл хорошую систему для ликвидации неприязненных чувств к врачам: стараться мысленно войти в их жизнь, с их интересами, даже мелкими деталями; стараться при этом задерживаться на их симпатичных чертах, так как и у врачей они есть; словом, войти в их кожу, как входит опытный драматург в свои персонажи, не рисуя их злодеями, а людьми. Тогда и общие слова найдутся.

День, свободный от партитур и корректур. Догонял поэтому дневник.

10-26 октября[29]

Отъезд из Кюлоз десятого октября. Одиннадцатого в половине пятого accident[30], потеря сознания, первое воспоминание - автомобиль становится на ноги; вторая потеря сознания, сон, лихорадка. Отель задержан, пять дней лежим. МВ о муже трагично, но сдержанно; почва отношения к Борису, второй раз уже только Владимир, третий о его сумасшествии. Саша - сначала ничего, через десять дней синяки. Рука.

Визит к Аренсу - и решено ехать: хотя не дают бумагу, но гарантируют на основании разговора во время поездки. Пташка сначала равнодушна (не дошло), а потом смущается; очень нежная неделя.

Квартира - на Bassano.

Двадцать четвёртого известие о смерти тёти Кати; её последнее письмо пришло как раз в день смерти.

Последнюю неделю только и заняты отъездом: деньги, вещи, паспорт, покупки, подарки.

27 октября

Отъезд в 12.10. Провожает Пташка, Святослав, очень нежно с Пташкой. Отъезд менее весёлый, чем два года назад, потому что отвык ездить один. Но путь приятный.

28 октября

Утром Берлин. У Вебера. Покупки. Завтрак у него. Я покупаю игрушку (в первый раз обращаю внимание на детей). Отъезд в шесть часов вечера (польскую

[29] С 10 октября по 21 ноября - черновики из путевой записной книжки.

[30] Авария (фр).

визу получил сразу, боялся, что задержат на сутки). Вебер провожал. Некоторое беспокойство на польской границе: два паспорта, боялся сложностей; проводник отбирает паспорт. Утром Варшава - телеграмма Мясковскому и письмо Пташки. Дремал. Вечером Негорелое. Таможенные чиновники спокойны и любезны. Смотрели письмо Пташки.

30 октября

Выспался - один во владивостокском купе. Москва в одиннадцать часов утра: Мясковский (оброс бородой, постарел, стал походить на своего отца), трое Держановских (усы у Лели), Мейерхольд, Оборин. Ламм. Разговоры, конечно, о катастрофе: здесь одно время пришло известие, что я убит. «Наехал на трамвай» - оскорбительно! Отель только центральный - в Столешниковом; Мейерхольд пригласил остановиться у него, но неудобно. Едем в автомобиле с Держановским в гостиницу. Но номер ничего, тихий, чистая кровать. Окно на площадь, где недавно снесли церковь.

Настроение у Держановского вялое. Цветы от Лели и Екатерины Васильевны; Леля свободна и к моим услугам. Иду с Держановским по Москве. Сухо, тепло, солнечно, а я думал, что будет снег и грязь. Толпа серая. Сравнение с большим японским городом: перевес пешеходов над ездоками. Мейерхольд в новой собственной квартире: отличная. Настроение - полная противоположность: недавно вычистили 15%. Консультант в Большом театре с решительным влиянием. Говорит - необходимо, чтобы я тоже, хотя бы живя за границей. Звонит Гусману: сразу устраивает деньги (аванс), а то всё очень дорого; менял доллары и задержаны в таможне вещи.

Завтракаем, иду в театр. Александровский (толстая шея, нога через ручку кресла) и Гусман. Толстая пачка: пятьсот. Спешу в гостиницу, где ждёт Мясковский, едва не пробегаю мимо: Мясковский, Леля и Екатерина Васильевна у подъезда, стоят и смеются. Леля и Екатерина Васильевна принесли хлеба - не дают к кофе. Затем уходят, а Мясковский остаётся. О тёте Кате, и хуже: Надя. Я: справьтесь, можно ли навестить. Снова у Мейерхольда. Разговоры о Большом театре. Приходит Маяковский. Одежда (шёлковая рубашка? Во всяком случае очень чистая). Едем к печатникам читать «Баню». Новенький «Рено». Оказывается, привёз из Парижа. Мы на эстраде. Маяковский, как всегда, читает превосходно, орёт. Пьеса лучше «Клопа», много остроумия, менее тяжёлого, но особенно конец. Мейерхольд говорит - хуже. Рабочие, полурабочие. Разные мнения, интересно. Один начинает тихонько, но отчитывает Маяковского за непонятность; другой, конфузясь, защищает и благодарит. Едем к Ламм (меня подвозят). Картина, похожая на два года назад. Мясковский, Шебалин, Сараджев, ещё человек десять, которых не разберу. Три пьесы Мясковского в восемь рук. Я с Сараджевым по партитуре. Просто, чуть провинциально, четырёхтакты. Но есть замечательные моменты. Симфониетта скорее чуть разочаровывает. Ухожу в двенадцать пешком. Смешанное чувство. Жаждется бодрости, но утомлённые кисели.

31 октября

Утром ходил по Москве, смотрел на толпу, чувствовал свой отрыв. Вернулся в гостиницу. Пришли Леля и Держановский. Леля хотела идти со мной гулять, но увязался Держановский, к её, кажется, огорчению, не к моему. У Держановского уже планы, чтобы я выступил на Радио.

Иду в Персимфанс: Цейтлин, Мострас, кстати зашедший туда Юровский. Ласковая встреча, воспоминания, как в прошлый приезд все дела решались тут,

чем я воспользовался, чтобы сейчас же исследовать пути получения паспорта. Ряд телефонных звонков, в том числе к Литвинову, к которому хочу поехать с визитом, он был очень мил в прошлый раз. Возвращаюсь домой, ем в довольно вонючей (пахнущей кухней) столовой моего отеля. Утром прочёл надпись «Не превращай официанта в лакея» и не дал на чай. Видя сухой взгляд, спросил; ответ: «Получаем жалование». Я дал.

Держановскому дарю шляпу. Едем к Мясковскому. Играю «Вещи в себе» (пальцу лучше, служит, хотя немного больно). Мясковский заставляет каждую вещь играть дважды. Вторая нравится больше первой, хотя в первой больше нового. Меньше нравится середина. Оставляю ему Симфониетту. Он справлялся, можно ли мне зайти к Раевским. Говорят, можно, поэтому от него иду. Анна Петровна, Алёнушка, полудевочка, полубарышня.

Иду к Мейерхольду обедать. Он очень горячо о Шурике и Наде, но не первый раз горячо; впрочем, связи у него всё-таки есть. После обеда Гусман, Мейерхольд и аккомпаниатор. Играем «Стальной скок», объясняю возможности (играем в четыре руки). Производит иное впечатление. Планы - если поставить. Консультируют меня. Присутствует также Оборин, милый и ласковый юноша, напоминающий смягчённого Дукельского. В половине второго ночи Мейерхольды провожали меня домой. Мейерхольд о чистке, вопросы о постановлении такой-то партконференции. Гусмана чистят, собрался весь театр, начали с других, кричат: Гусмана, хотим Гусмана. Я прошу взять на чистку.

1 ноября

С Малышевым, молодым юристом, ловким юношей от Мейерхольда, идём устраивать паспорт. Через верхи? Низы? Самокритика. Главное: надо узнать и уметь. У Френкеля. Тип: внешность еврея и непрезентабелен, но шикарная манера говорить, с подчёркиванием, ударением, ускорением - всё очень ловко. В прошедшем - ГПУ. Сначала будто ничего не может сделать, но потом позвонит и выскажет соображения. Уходим. Малышев - дело в шляпе. Объясняет. Едем ещё выполнить формальности, там же, где два года назад, но теперь многое перестроено - и лучше. В промежутке - кафе, модное. Интересно. Довольно неплохо; кокотки. Строят дома. Я: как приятно. Малышев - это ГПУ строит.

Мясковский у меня. Про Симфониетту: жалеет, что уничтожена старая, но уж так мастерски. В пять часов кончается работа. Обедаем в четыре часа (!) у Мейерхольда. Говорили с Ев.Вальтеровной. Я - по-английски, она обрадовалась. Дома - Олеша. Сдержан, неяркий тип. Отъезд в Ленинград.

2 ноября

Ленинград. Штаны унесли. Узнать можно мало. Асафьев - невралгия, но я должен немедленно приехать. Мне не хочется сразу законопачиваться в Детское. Еду в «Европейскую». Огромный номер, как в прошлый раз, но меньше нет. Расхаживал и думал, что будто никому нет дела. Но я же сам так устроил. Звоню Дранишникову. Восклицания, он утром в театре, а дома с половины четвёртого, уговорился, что приду в это время. Иду гулять: Невский. Морская, Консерватория, Мариинский театр. Садовая - гулял час. Тепло, туманно, чуть грязно. Вернувшись, звонил Лидусе; немного страшно: не отвечала на письма. Она сама у телефона, суха. Когда узнала - восклицания, я обещал прийти вечером. Звоню Демчинскому (прошлый раз не позвонил). Он сначала не мог понять, кто это, потом: приветствую вас. Я спрашиваю, можно ли приехать и отправляюсь. Он не удерживается от шпильки по поводу «Европейской» гостиницы:

- Сановники останавливаются только там.

Я:

- Пора бы бросить это, Борис Николаевич.

Он почти не изменился, чуть похудел и постарел, зато ВФ даже помолодела, покрасила волосы. У него такая же спокойная и красивая речь, я стараюсь быть скромным и стираю своё «я», чтобы не провоцировать ироний. Живёт ничего, второй сын погиб, (о четырёх часах в день, сидит два месяца, доволен).

Ленинград ещё красивее, подёрнутый флером.

Несколько воспоминаний о Борисе Николаевиче[31], Элеоноре, но мельком. Обещаю зайти поиграть в шахматы, а пока пора к Дранишникову. ВФ, обыкновенно колючая, сегодня была совсем мила. Проезжаю мимо 1-й Роты, дома не узнаю, перекрашен.

У Дранишникова активное настроение: первый ленинградский, а то и СССР дирижёр, погрубел внешне, жалобы на трудность работы, директор Любимский, самокритика, все боятся друг друга. В Филармонии развал: он не дирижирует, Малько за границей. Кормил обедом, вкусные рябчики, нелепое время - половина пятого. Домой, затем к Лидусе. Хорошо ходят трамваи, много, скоро (из-за малого уличного движения). Лидуся постарела, потеряла фигуру, больше изменений за эти два года, чем за те десять. Масса рассказов о сёстрах, о Лёве, моих с Максом письмах и телеграммах. Муж молчалив и корректен, показывался от времени до времени. Барков вышел к чаю, сидел в уголке, помрачнел. Я старался быть внимательным.

3 ноября

В Детском у Асафьева, который в конце концов здоров, но боится выходить. Сначала стонал, паникёрствовал, и в конце концов действительно выходило, что он в безвыходном положении. Оживился с музыкой. У меня тяжёлая голова и я уходил гулять на час, один. Приехал Попов, играл симфонию и сюиту, но мне не очень понравилось. Есть рука Скрябина, а хотелось бы больше ясности и чистоты строения. Если бы Дягилев дожил и выписал Попова, как он собирался по нашему наущению, то вот бы ругался. Про Largo Попов сказал, что чем же это не пролетарская музыка: и мелодичная, и простая (может быть, слегка иронично).

Вернулся в Ленинград - и вечером в Москву на репетицию «Апельсинов» в два часа дня. Мой визит в Ленинград вышел уж очень инкогнитным, и я даже осторожно спросил Асафьева, не поместить ли заметку в газету или не сыграть ли мне Симфониетту в Филармонии, но он в газетах не пишет, а в Филармонии развал.

4 ноября

Утром приехал в Москву, забросил вещи к Мейерхольду и поехал в Большой театр. Сначала оркестровая репетиция. Играют ничего, но Небольсин так себе, неясный взмах. «Апельсины» давно не слыхал - приятно, много выдумки, хотя много накатано наспех. Сразу переходим на хоровую репетицию. Затем репетиция на сцене под фортепиано. Хор. статисты. Большая сцена заполняется и принимает парадный вид. Дикий, Гусман, Мейерхольд, которого слушаются. Сцена никак не идёт. Дикий в отчаянии. Мейерхольд выхлопатывает ему две добавочные репетиции. После репетиции захожу к Кучерявому, его нет. У Мейерхольда - блины, выдали белой муки по случаю праздников, - всю на блины. Оборин, которого Мейерхольд любит. 1-я Соната средне, но отрывки из Второй очень приятны, прогресс,

[31] Башкиров.

интереснее, чем Попов, и современней. Малышев сообщает, что паспорт будет к девятому. Браво, как вышло так легко? Или ещё не вышло? Письма от Пташки, приятно. Вечером Мейерхольды и я на митинге (сначала на «Кармен», второй акт, в ложе дирекции) в их зале; на сцене стол и кто? Сначала речи в высоко-вульгарном стиле, но интересен приём в партию. Мейерхольд провоцирует, чтобы заставили меня играть, когда же указав ему на руку, успокаивает, что никто не понимает, а важно, чтобы я сыграл хоть восемь тактов. Знакомит с Аграновым. Сдержанно любезен. Довольно красивое лицо. После объявления о моём присутствии зал хлопает (громко). Я играл, кое-как выходит (три недели не играл), левой играю только piano.

Ночь у Мейерхольдов, царские простыни, дивно провалился.

5 ноября

Суточные блины. В одиннадцать часов репетиция, сцена и оркестр, без костюмов. Встречаю Рабиновича, очень ласковая встреча, обещает подарить эскизы, говорит об американских планах. Опять парадный вид репетиции, оркестр ничего, хотя Небольсин делает промахи, например, вступление Марша. Серая толпа на улице, но есть красивые лица в театре и вокруг него, у спального вагона - провожающие.

Назад к Мейерхольду, грибы со сметаной. В пять часов к Литвинову, но не знаем - обед по-московски. Литвиновы на новой квартире, купили, тесно, но современно. Е.В. оживлённая, со мной по-английски, спрашивала про Пташку. Мейерхольд тоже оживлён, чуть искусственен - у министра. Дети ничего, а дочка прямо красавица. О чистке, логически, боится. Выезжаем вместе, Литвинов подвозит. О приёме меня седьмого, но я уезжаю, а если бы захотел остаться, то фрак в сундуке, в Ленинграде. О новой форме, которая вводится в Наркомате, несколько военная. Уезжаю в Ленинград в 9.30.

6 ноября

Подняв утром занавеску, увидел солнце и белый снежок, выпавший за ночь, но, к сожалению, тающий. Hôtel d'Europe, номер на этот раз так себе. Как уговорено (написав предварительно Пташке) - в Филармонию напротив, вызвал Асафьева, с ним сначала пошёл пить кофе (кофе дурной, а пирожки вкусные, хотя бурые), потом по городу в Консерваторию. Вольф ласков и не совсем на своём месте. Николаев, Тюлин. Рояль увезли. Прошлись по Консерватории. Многие ученики бегут, заглядывали в кабинет. Кто директор. При выходе - Оссовский, постаревший. Идём опять с Асафьевым гулять по городу, набережные, дворец зелёный, но полинял. Петербургская сторона. Асафьев возвращается на занятия, а я ещё по Каменноостровской, затем беру извозчика - к Дранишникову.

Обед. О «Черевичках» - перевёрнуты, должно быть хорошо. Смотрю «Вакулу», интересно в связи с моими переделками, но мои значительней. Тюлин. Разговор о «Носе» Шостаковича. Отсутствие материала. «А вы послушайте в оркестре». Впечатление: общий стон.

7 ноября

Письма и программа для Нью-Йорка, поэтому вышел на улицу в половине одиннадцатого. Праздник. Невский запружен демонстрантами. Импозантно. Идут медленно, много красного. Освещённые трамваи до того заряжены, что просят не трогать; радио с ударными.

Иду к брату Нувеля. Проходя Кирочную - дом Мещерских. Он импозантен, хорошо сохранился, внутри занавески и зелень. Брат Нувеля - старичок, учитель пения.

В Детское. Извозчик отказывается - через Неву не проехать. Я: через Октябрьский вокзал. Приезжаем за две минуты, хвост в пятьдесят человек. Я без билета, штраф в восемь раз. В Детском хороший воздух, но грязь. Асафьева снимаю. Разговоры о его переводе в Москву. Он пытается защищать симфонию Попова. О CS мало разговоров, хотя он про accident сказал, что сразу понял в чём дело. О Мясковском, его религиозных взглядах. Асафьев говорит, что Мясковский ни с кем об этом не говорит и невозможно упомянуть об этом, но, видимо, здесь скепсис и большое болезненное пустое место в жизни Мясковского. Мнения о 2-й Симфонии.

Уезжаю в Мариинский театр. Как я всё-таки люблю его и насколько он роднее, чем Большой. Публика - не разберёшь, кто и как относится. Интеллигенция одевается под рабочего. Радлов - речь о «Борисе Годунове» в новой передаче, ловко притянутой за волосы, выдвинут народ. Новая редакция «Бориса», в первый раз слышу. Плохо оркестровано. Звучат, собственно, только массовые сцены, благодаря умению владеть хором. У Пимена вставлен хороший кусок, но непомерно удлинён. В антракте хожу по театру, наблюдаю публику. Оркестр в антракте - ужасно, но, кажется, весь спектакль куплен. Захожу к Дранишникову.

После спектакля разговор с Любимским, еврей, молодой, невразумительный, не сравнить с Экскузовичем. Разговор был миролюбивый. «Апельсины» готовы хоть сейчас возобновить на рубли. «Игрок» - в будущем году и тоже на рубли. Иду с Радловой и Дмитриевым на Дворцовую площадь: репетиция массового действа Радлова. Не пропускают, только по паролю. Прожекторы. Простыня (парус) на арке. Любопытно как обстановка, но как репетиция - ничего интересного. Возвращаюсь во втором часу.

8 ноября

Зашёл к Кате Шмидтгоф (сначала забыл и фамилию, и адрес), застал мужа и сына, невзрачные. Потом у Демчинского, подарки: перчатки, с которыми он снимался, и ей духи, она даже вспыхнула как девица. Опять беседовали. Играли в шахматы, у обоих пропала воля к выигрышу. Ничья. Я спешу, так как за мной зайдёт жена Радлова. Получаю билет на вечер. В гостинице: заходят сразу Лидуся с мужем и Катя Шмидтгоф. Лидуся, снова похорошевшая. Катя как-то раздалась лицом, подурнела, жалуется на плохие лёгкие.

Иду на действо. Скамьи правительству, народ сзади, холодно. Автомобили заводов, школьница, рабочие вроде Маяковского, дымовая завеса, тревога, скачут, произнесение обета (Радлов в громкоговоритель, потом все), фейерверк. Спешу в отель, Демчинский, мелкие поручения.

Отъезд, Катя Шмидтгоф на вокзале.

9 ноября

Самый скорый поезд, но опаздывает на час, а я на репетицию. Номер в «Б.Московскую», теперь Grand Hôtel, а Држановские не могли.

Репетиция: сцена и оркестр, без костюмов. Дикий выбивается: очень неустроенный и распущенный театр. Утечка декораций.

Обед у Гусмана. Мейерхольды хотят непременно попасть на премьеру у Таирова; не прислали, звонят, и Мейерхольду, и Гусману, и на моё имя: не получаем. Идём в кино на «Обломки империи» - провинциальная вещь, не дай Бог попадёт за границу.

10 ноября

Решил, наконец, упражняться на рояле, как будто не так плохо, левое mezzo-forte повышенное после piano. Пишу письма и открытки, смотрю «Три апельсина» к предстоящему дирижёрскому выступлению на Радио (семнадцатого). У Анны Петровны, Надя, маленькая Соня, выселение. Обед у Держановских: Мясковский, Сараджев. Играл «Вещи в себе», доходят постепенно: играл по четыре раза. Приходят Половинкин, Яворский, Протопопов и некоторые, которых я не знаю. Рассказываю Половинкину про Дукельского. Играем с Мясковским 3-ю Симфонию в четыре руки: первая и вторая части выходят хорошо, третье ещё не переложена (её взял Шебалин), четвёртая выходит средне. Возвращаюсь в два, а в половине восьмого утра в гостинице поднимается шум - не высыпаюсь.

11 ноября

Генеральная репетиция. Но хор не играет, и, по словам Дикого, нет силы, которая может сдвинуть его, и иные лишь машут руками, как дешёвые куклы. Принц мудрит с Принцем, а надо делать его просто, задорно, весело, а иногда акварельно-лирично. Мейерхольд возмущается порядками сцены и сложностью декораций Рабиновича - длинные антракты.

С репетиции - к Моролёву; еле вылез из трамвая, такая толпа. Старшая дочь замужем за комиссаром, кавказцем, недурён. Перелом в разговоре. Шахматы - ничья. В «Вещах в себе» Моролёв ничего не понял.

Доклад в Большом театре (бывшее фойе царской ложи); человек пятьдесят. Я не знаю, о чём говорить: Дягилев, главным образом, немного об Америке, Бельгии, Англии. Масса вопросов, часа полтора. О «Стальном скоке»: почему советские, английские машины и прочее - группа пролетарских музыкантов. Могу ли я написать оперу на тему гражданской войны; нет; мой мотив невразумителен (на другой день: «Чистка Прокофьева», модное слово). Александровский благодарит - удивляется терпению.

12 ноября

Катя, Алёна (Раевские), Катя Игнатьева у меня, выселение; записка о матери и отце. Предложение в Харькове, но без валюты. В театре учат бегать. Пташка просит купить меха. Упражняюсь и обедаю у Мейерхольда. Там звонят с приглашением на пятницу (зовут к себе на вечер). Командарм, сижу с приехавшим Радловым. Неплохие стихи, но полное непонимание сцены, автор Сельвинский. Декламация с музыкой: то, что я имею ввиду развить. Пафос последней сцены. Как хочется написать оперу или декламационную пьесу с пафосом, но где искать пафос. Развить. Три ящика Радлова. В антракте в артистической норвежский посол с женой, он очень славный и Коллонтай, ещё не старая, но уже не молодая, когда- то, вероятно, хорошенькая. Со мной сдержанно любезна.

13 ноября

Первая репетиция. Радиоконцерт (устроен через Держановского, из моих сочинений, я дирижирую три номера из «Апельсинов», пятьсот рублей). Первое исполнение Симфониетты. Сараджев, который в восторге от того, как она сделана, репетировал всё время. Зал с ужасной акустикой. Струнных мало, а покрывают деревянные, между тем в радио наоборот, так что или залу или эфиру, а вернее, обоим плохо. В конце концов кое-как урегулировали, но всё же оркестровая

звучность без прелести, без обертонов, оскопленная. Сараджев занимается всю репетицию, и я сегодня не репетирую. После репетиции иду в Музсектор разговаривать с Юровским. Трёхлетний договор истекает через полтора месяца. Возобновляем автоматически. Юровский мил, говорит о Мясковском, о плохом отношении к нему, идеологически неподходящ, время уезжать из России, а то останется без заработка. Я: в Германии я не имею связей, во Франции Мясковский не подходит. Идея об Америке.

С Лелей меха. Леля понимает толк, но трудно, и часто полушепотом. В семь часов встречаемся у Мейерхольда, вся ложа: их двое, я, Мясковский, Радлов. Оборин и Петров-Водкин. Шествие. Первый акт проходит ничего, но вяло: второй очень красиво (толпа на сцене), но Принц смеётся искусственно, раздражает. Заходит в конце акта в ложу Гусман и ведёт меня за кулисы. Чествование перед занавесом, венок, надпись, артисты аплодируют. Третий и четвёртый - неплохо, но бег, конечно, не выходит. В антракте в ложу приходит Шебалин. Ужин в клубе, близ Тверской. Пока ждём разгримировывающихся артистов, журналы со всего света.

14 ноября

Ввиду позднего ужина и ранней репетиции - не выспался. Сегодня репетицию начал я. Работать почти не пришлось: номера лёгкие, общеизвестные: в оркестре многие из Персимфанса, к тому же с автором очень стараются. Затем Сараджев Симфониетту и Скрипичный концерт. Первая очень подтянулась, второй плохо: Сараджев и скрипач не сговорились, а Сараджев глохнет. «Мимолётности» для четырёх духовых, переложение гобоиста. Очень мило, а кое-что тут же исправляю: можно напечатать. Беседа о заказе оперы. Я цитирую Радлова. Агитопера не обязательна, нужно лишь, чтобы не шла в разрез с эпохой, и желателен пафос. Упоминание о Евразии. Я изумлён. Найдут валюту. Всё это даёт новый поворот делу, особенно по сравнению с разговором с Радловым. В результате интересных разговоров еле поспеваю домой, куда приходит Мясковский: быстро закусываем с ним и едем к Жиляеву. Я зондирую про Америку (преподавать), но Мясковский не ухватывается за идею (не сознаёт положение или оно неверно освещено Юровским?). Почему Мясковский затащил меня к Жиляеву? Еду, однако, послушно. Жиляев странный человек. Играю сначала «Вещи в себе». Затем заставляет меня играть более часа - от первых опусов, от которых я в значительной мере готов отказаться. Не так интересуясь последними. Возвращаюсь домой и ложусь спать. В пять - к Мейерхольдам, где должен обедать и Мясковский, но он обманывает. Уговорились сначала обедать у Мясковского, но замялось. Малышев говорит, что Мясковский просил аванс в Обществе авторов и ему не дали, так что обедать не пригласит: нет денег. Иду на «Клопа». Я его уже кусочками слышал от Маяковского в Париже, и тогда впечатление было скорее неприятное. Сейчас я убедился, что в самом деле пьеса грубая, а с точки зрения сцены не слишком изобретательная.

Появился Миша, познакомил со своей довольно интересной приятельницей, осматриваем вместе музей театра со всеми постановками Мейерхольда. Не досмотрев «Клопа», в Большой театр - играть «Стальной скок», в десять часов. Тот же зал, где делал доклад. Сыграли «Скока» довольно бойко, в четвёртый раз с тем же аккомпаниатором, немного переколотили. Предварительно меня просили рассказать содержание. Вместо содержания я рассказал об идеях Дягилева, Якулова и моих при сочинении: пластика - сначала искали от спорта, теперь от машин, костюмы и лица - новизна их для Запада. Однако много приходилось делать иначе, чем хотелось, и, разумеется, при постановке в СССР многое должно быть истолковано совсем иначе, чем в западной постановке. После исполнения мне

задавали вопросы. Все в зале (человек шестьдесят), я на эстраде за столом; ещё на эстраде Мейерхольд, секретарь и председательствующий истопник или монтёр, впрочем довольно ловкий. Вопросы (всех штук тридцать-сорок) разделились на деловые и на крючковатые. На деловые отвечать было легко, и я часто говорил с увлечением, когда дело касалось интересных воспоминаний в постановке или интересной возможности. К крючкам (почему нет тем, нарождённых революцией, а есть в перемене декораций, есть церковные мотивы; на какие фабрики ходил Мясин: пролетарские или капиталистические) я привык после вопросов третьего дня. На них я отвечал то обстоятельно, то начинал дерзить, когда вопросы выводили меня из терпения. Вопрос одной девицы: может быть, я не поняла, но комиссару браслеты даны в юмористическом виде. Как объяснить такое отношение автора к нашей действительности. Я: в вашем вопросе правильно поставлена первая часть - то, что вы ничего не поняли. Ирония касается только папиросников и противосоветского оратора. Неудачно выступил Беляев (другие уехали, а он вернулся). Гусман в публике раза два выступал в защиту, но на него нападают. Заключительное слово Мейерхольда, оговоренное, что возражений не будет. Какое дело, как шёл балет на Западе? Нас должно интересовать, как мы его сделаем здесь. Несколько проектов. Что касается фабрик, то я это считаю со стороны вопрошавшего товарища полной политической безграмотностью. На этом мы закончили наше заседание. Вой при «безграмотности». Вторая чистка Прокофьева!

15 ноября

Третья и последняя репетиция. Принца и Принцессу записали по радио на граммофон для научных целей. После репетиции разговоры с Лопашевым и Держановским. Я - кольт для заграницы. Об опере опять. Лопашев утверждает, что хоть сейчас контракт и аванс. Я отвечаю, что не выбрав сюжета, не могу писать контракт. С Лелей меха и переход в другое Общество авторов. Голова тяжёлая и потому лежал, так как вечером большое собрание у Мейерхольда. К вечеру голова действительно прошла. Мясковский. Оборин, Пастернак, Маяковский, Петров-Водкин, Олеша, Пшибышевскпй. Керженцев, Литвинова, Агранов, ещё кое-кто из генералов. Знакомлюсь с Пшибышевским, он интересный. Я играл, затем певица пела Брамса. Пшибышевский отмечает неуместность романтической музыки. Когда он хвалил мою музыку, я спрашивал, не нужны ли для Консерватории мои сочинения (не взятые Мейерхольдом). Он сказал, что, конечно, нужны и что приглашение летом за ним (надеюсь, не как в Ленинграде). Разговор с Аграновым, Мейерхольд отлично вводит, Агранов деловито спрашивает и всё записывает. Обещает навести справки. Я о благородстве Шурика, конечно, это преступление против государства, но я надеюсь, что пять лет тюрьмы успели отучить от благородства (полушутя). Выходит, будто дело в самом деле подвинулось. Длинный разговор с Литвиновой, под конец скучно. Маяковский ломается, я назвал его тенором и получил дерзость.

Я:

- Вот я играл и не ломался, а у вас замашки тенора.

Маяковский:

- Но вы меня просите читать, а я не просил вас играть.

Затем он читает «Ванн» («фу, как глупо выходит, невозможно читать»). «Ванн» очень ловко. Затем «Баню». Но это скучно. Ухожу в другую комнату, на диван с Петровым-Водкиным, разговариваем об Америке, я, помня, что в Bellevue мы встретились у Пасхальной заутрени, рассказывал про CS, он чрезвычайно заинтересован и не ожидал, что в Америке такая духовная жизнь. Вот, поди же, как люди некультурны и миллионы об этом не знают. Возвращался домой в

отличном настроении: думаю, что Шурика и Надю освободят.

16 ноября

Утром пришёл Кучерявый, толстый, тяжёлый, с одышкой. Отдал ему лекарства. Заговорил с ним об Америке и о CS, но это его не интересует. С Лелей меха. Есть набор шкурок каракуля. Но сегодня не показали, а сказали, что завтра. Шепотом. Я даже взял Малышева и спрашивал, законно ли. Обстановка такая, будто сейчас выйдут гепеушники. Малышев объяснил, что я имею право покупать, но что еврей этот не имеет права спекулировать, перепродавая чужое добро. Ждал в четыре Лопашева, но он надул. В воздухе уже отъезд (послезавтра) и потому спешка по целому ряду дел: билет, визы, очень помогает Малышев. Я у Мейерхольда - сколько заплатить Малышеву. Обедал у Мейерхольда с приехавшим Асафьевым. Брудершафт с Мейерхольдом. Мейерхольд про Маяковского: Маяковский всё-таки провинциал; его вчерашнее ломание - не что иное как глубокий провинциализм.

Второй спектакль «Апельсинов». В семь часов у меня сборище на ложу: двое Кучерявых, Анна Петровна и две маленькие Раевские, Мострас, Леля. Екатерина Васильевна и Держановский. Асафьев и я сидели в партере на приставных стульях (также Гусман, Керженцев и Рабинович, так как все билеты проданы). Гусман потирает руки. В спектакле много сценических недостатков и много красивых картин. Убивают антракты (тридцать-сорок минут каждый). Гусман гордится, что уже сократили каждый на пять минут. Меня злит смех Принца: не молодой, заразительный, а старческий, рассудочно-рефлекторный. Но Козловский - любимец Москвы (за что бы: голосок средний, хотя есть умение), и по окончании кричат больше «Козловский», чем «автора». Сейчас в учебных заведениях какие-то праздники, поэтому в зале доминирует молодёжь.

О вхождении в кооператив Большого театра, очень выгодные условия. Пятьсот рублей - заём индустриализации!

Разговор о спасении моего рояля.

17 ноября

Утром заходил брат Марии Викторовны, молодой человек не без шика, красивый. Так как это было в девять часов утра, то я встретил его неумытый, в пижаме. Затем всякие звонки по телефону, и Леля, с которой пошёл смотреть мех, который, наконец, принесли и который она признала за хороший. Дали задаток и оставили пальто подшивать. Ушёл в лёгком - европейском.

К Яворскому, далёкое Замоскворечье. Тесно - две комнаты на три четверти заставленные двумя огромными роялями. Ещё величественный Кубацкий и его жена-балерина. Обед отличный, хотя Яворский теперь не в прежней чести. Яворский о Сувчинском после того, как я оповестил его приезд. О Маяковском. Обратно подвозит Кубацкий в такси. Возможно, он станет во главе Софила, тогда он хотел бы серьёзный концерт из моих сочинений. Я: лучше будущей осенью: мой апрельский приезд будет слишком краток.

Отдохнув, в восемь отправился на Радио. Зал полон, но он не так велик. Лопашев, на которого Держановский накричал в телефон за некорректность по отношению ко мне, извинялся и спрашивал, можно ли придти завтра. Хотя завтра отъезд и пропасть дел, дело с Лопашевым может выйти серьёзным, и поэтому назначил ему на десять утра. Перед началом концерта волнение: Сараджев забыл пенсне. Звонки по телефону, его растерянность, постарелость. Держановский говорит несколько слов, Мейерхольд произносит речь обо мне (составил Держановский, исправил Мейерхольд). Программ нет. Держановский объявляет вещи и части и последнее

в Симфониетте выходит глупо, так как он прибавляет объяснение, не всегда удачное, например «финал, которым заканчивается Симфониетта». В зале смех. Сараджев дирижирует Симфониетту в не совсем верном темпе, пенсне взволновало, хотя его принесли. Я слушаю за кулисами, откуда Симфониетта звучит ещё хуже, чем из зала. Затем Скрипичный концерт, Еврейская увертюра и повторение Симфониетты. На этот раз слушаю по радио из другой комнаты. Звучит ясно, но крикливо и сухо. Затем дирижирую три номера из «Апельсинов»: Чудаки, Принц и Принцесса, и Марш. Публика, среди которой огромный процент музыкантов, до сих пор сдержанная, встречает меня довольно длительной овацией (три раза становлюсь к пульту, но снова приходится кланяться). Я дирижирую ясно, но чувствую себя за пультом не дома. Оркестр, однако, знает наизусть и вывозит. Впрочем Мясковский нашёл, что Принца и Принцессу я провёл с большим чувством. После Марша публика не расходится и требует биса. Выхожу четыре раза, но бисы продолжаются. Хотя я заявил в начале, что «не хочу поддерживать традицию повторения Марша», традицию пришлось поддержать и сыграть его после пятого выхода.

Половинкин о «Детских пьесах», об «Апельсинах»: «Я только теперь понял, что на эту вещь мы должны ходить учиться, как надо сочинять музыку». Искренне - или любезность под «Детские пьесы»?

Едем ужинать к Держановским: Асафьев. Мясковский, Половинкин, Сараджев, Мейерхольды. Мясковский делает несколько интересных замечаний по поводу ретушей в Симфониетте. Возвращаемся пешком в третьем часу с Мейерхольдом и Асафьевым[32]. Тепло, ветрено, сыро - совсем март. Расстаёмся на Тверской, но в три часа Мейерхольд звонит, что есть два письма от Пташки и одно спешное из Берлина.

18 ноября

Спал в сущности четыре с половиной часа. С утра начали являться люди: брат Марии Викторовны (сто пятьдесят рублей от МВ и поразившая его новость о нашедшемся муже); Анна Петровна за вещами для Шурика и Кати, люди за фотографией, за нотами от Пшибышевского (всё-таки какое свинство со стороны Ленинградской Консерватории!). В десять Лопашев, а затем Держановский. Я деликатно назвал цену в шесть тысяч долларов, смогу начать первого июля, возьмёт год, но нельзя заключать контракт без сюжета. Он говорит, что считает сумму возможной, во главе Радио стоит старый партиец, который желает моего участия. В крайнем случае валюту испросят в Политбюро. Просит прислать книги о Евразии, ему можно. Хочет Асафьева ассистентом. Беседа длится два часа. Затем захожу к С. Городецкому, которого третьего дня встретил в Драмсоюзе. Про него говорят плохо: он подлизывался к коммунистам, даже травил свою братию-писателей, но потом сам как писатель сошёл со сцены. Зашёл я по старой памяти (Скифский балет) и потому, что он жил как раз напротив. Необычно интересная квартира, на Красной площади, где вершились тайные дела при Годунове. В стене предполагают замурованных людей. Своды, старинная обстановка. Но неуютно. Он говорит о либреттах, захватывает меня, я прошу присылать, не хочу агитки, антирелигиозных выпадов и беру право перекраивать.

Спешу к Мейерхольду за письмами, затем с Лелей за шубой. Пальто подбито на славу, как всерьёз. Но вес! Тут же Малышев. Расплата проходит гладко и прилично: 1240 рублей. Но Леля говорит, что хороший мех. Визит Александровскому и

[32] Я с Асафьевым сзади; Мейерхольд шагает степенно с женой спереди, а Сараджев рядом с ним, что-то подробно ему рассказывая и, видимо, подлизываясь. (Прим. автора).

Френкелю. Последний на этот раз незначителен, стоял среди комнаты, небрит, с прыщом на носу. За столом он выглядел вельможей. Домой: Асафьев и Мясковский. Подарки. Малышев с билетом. Не дозваниваюсь до Цейтлина. Передаю Малышеву галстук для Цейтлина. Мясковский: это всё равно, что сказать собаке «здравствуйте» (цитирует Маяковского). Мясковский даёт доверенность на подписание контракта на его Симфониетту. Выходим вместе. Я - обедать к Мейерхольду. Деревянная игрушка. Малышев заезжает с автомобилем. На вокзал. Спальный вагон. Провожают: два Мейерхольда, два Гусмана, Асафьев, Мясковский. Анна Петровна с Алёной, Сараджев, Леля и Екатерина Васильевна (Держановский раскис): цветы и конфеты.

В 6.40 поезд отходит. На улице слякоть и дождит. До апреля.

19 ноября

Сначала один в купе. Утром Негорелое. В таможне очень милы. Переезжаем границу. Жаль расставаться с СССР. Цель поездки достигнута: я ясно и определённо укрепился. Поляки придираются к икре, которую я везу для Вебера, заставляют положить её в сундук транзитом. Целый день едем по Польше. В России снега не видел - так здесь. Опять один в купе, догоняю дневник. Вечером гуляю по Варшаве, которая приняла столичный вид. архитектурой напоминает Ленинград, но тот задуман много раз шикарней.

20 ноября

Берлин. Солнечно, чисто. Думал, что много дел, но всё вышло иначе: магазины закрыты: праздник поминовения усопших: весь город берёт цилиндры на прокат и отправляется на могилы своих родителей. А я хотел портфель (выпросил Держановский). Вебер болен: Клейбер, назначивший свидание по поводу «Игрока», сегодня занят (свинья). Завтракал с Таней Раевской, а затем ходил по Берлину (что очень трудно в тяжёлой шубе), и догонял дневник, сидел в кафе.

Выехал в десять часов вечера с Nord Express, благо билет купил до Парижа на рубли, в отличном маленьком купе. Везёт: от самой Москвы еду в отдельном купе.

21 ноября

Боялся французской таможни: аппарат Цейса и мех. Но даже ничего не смотрели. А в соседнем купе у немца что-то нашли.

21 ноября - 12 декабря

Встречала на вокзале Пташка. С ней исключительно нежные отношения. Братику одиннадцать месяцев. Ему в двери повесили качалку, и он, отталкиваясь ногами, раскачивается без конца: как не сделается морская болезнь!

Ближайшие задачи и планы: двадцать четвёртого декабря уезжаем в Америку. До этого двадцать девятого ноября - реситаль в Турине: приготовить программу; летом я вчерне всё приготовил, но из-за руки играл только в последние дни пребывания в Москве. Двенадцатого декабря 2-й Концерт в Амстердаме (повторить) и двадцать второго декабря мой фестиваль в Париже - повторить 3-й Концерт. Также вспомнить Первый, который играю в воскресенье по приезде в Америку. Итак, главным образом, игра на рояле. Но всё-таки выходит не более двух часов в день, а чаще полтора. Затем всякие паспортные и прочие накопившиеся дела. А в свободное время - корректура клавира «Игрока», неуклонно, по несколько

строчек в день.

Двадцать восьмого, когда я совсем собрался в Турин, неожиданная отмена по телеграфу и телефону. Глупо, но финансово это теперь касается Вальмалета, а не меня. Однако, так как я совсем собрался в путь, то вместо Турина я поехал в Брюссель посмотреть ещё раз «Игрока» - со вставной сценой. На этот раз спектакль несколько разочаровал меня. Публика была сдержанна, детали не доходили или не исполнялись, слышно было плохо (виновата акустика зала). Режиссёр, конечно, второстепенный. Некоторые актёры хороши, другие чурбаны. Вставная сцена вышла очень кстати.

А вообще пора писать новую оперу. Много думал о принципах оперного письма. Каждая сцена должна иметь форму, т.е. иметь не только сценическое, но и чисто музыкальное оправдание. Голоса должны петь, и не только петь, но часто ритмическое начало должно быть перенесено в пение. Ювелирная (слишком мелкая) отделка пропадает и смазывается: важнее верность и изобретательность больших линий.

На другой день сидел четыре часа со Спаком, выправляя французский перевод. Был на концерте, где в первый раз исполнили симфонию Набокова (приятно) и Симфониетту Маркевича. Последний начал по-юношески свежо, но дальше уморил однообразием и покражами из «Весны священной».

По возвращении в Париж первого декабря - в концерте OSP. Мой первый визит в концерт в этом сезоне - и первый раз в царстве Плейеля после ухода. Эффект неожиданный: вся администрация и сами Лионы страшно предупредительны. Первое исполнение «Обады»[33] Пуленка, автор у фортепиано, и первый раз слышу его как пианиста (для композитора даже здорово: лучше Стравинского, Дукельского, Мийо). Музыка не очень плохая (или приучил), кое-что даже мило.

В антракте масса народа и встреч. Стравинский: под пиджаком тёмная, вязаная рубашка (новый стиль?). Со мной мил, участливо расспрашивает про автомобильное крушение. Идём вместе в артистическую к Ансерме (мне - условиться о программе для весеннего концерта в Брюсселе).

Перед антрактом в зале через ряд впереди меня - Стали. Он как раньше, огурчик, подстриг бороду, весёлый, как будто никакой болезни. Собственно, надо было подойти к нему и выразить сочувствие, но как раз, когда после «Обады» он и Жанна выходили мимо нас, приходила запоздалая Пташка, и я, в сутолоке, по приобретённой привычке, отвернулся от них. Когда в антракте мы со Стравинским по лестнице взбежали в артистическую, он впереди, я сзади, то оказалось, у Ансерме как раз сидели они. Сознание, что не место подходить, или недостаток сознания, что надо подойти, или просто привычка, но я только сунул голову в артистическую и сейчас же вышел. Пошёл поздравить Пуленка, которому сделал комплимент за игру. За музыку же комплиментировал он меня, говоря, что всё лето играл «Блудного сына», и вообще объяснялся в любви.

Первым номером после антракта шла Сюита из «Апельсинов». Входя в зал, мы увидели уходящих Сталей: протест за моё поведение. Всё разыгралось глупо. Из Сюиты Ансерме играл только Марш (нельзя начинать с Марша), Скерцо и Побег, играл не очень хорошо, с качающимся ритмом. Успех сначала средний, но когда аплодисменты стали стихать, Флоран Шмитт громко закричал: «Bravo, ça c'est de la musique!»[34]. Аплодисменты возобновились, другие стали вставать и смотреть: кто кричал? Schmitt вышел из зала, с кем-то ругаясь. По окончании концерта зашёл к Ансерме, который очень невинно: в Брюсселе «Аполлон» в моём концерте: «Vous comprenez: cela sera un festival Prokofieff, dans la première partie

[33] «Aubade» («Утренняя серенада») - хореографический концерт для фортепиано и оркестра.

[34] Браво, вот это музыка! (фр).

duquel on va introduire «Apollon»[35]. Недурно? Конечно, этого допускать не следует.

Вечером в этот же день - концерт Рахманинова, очень парадный, заплатили триста франков за два билета. За несколько дней до этого встретил Рахманинова в издательстве. Он вошёл с младшей дочкой, согнутый: продуло спину. Старый, вялый. Я старался быть поласковей. Он беседовал довольно охотно, дочка (барышня лет двадцати трёх) тоже поддерживала разговор и поправила отца, когда тот, желая сказать «Сабанеев», сказал «Прокофьев». Во время концерта он тоже был не в форме, играл хуже прошлого года. Я всё же хотел пойти за кулисы пожать руку, но когда он последним номером сыграл свою новую парафразу на какую-то пошлость Крейслера (да и сама парафраза ординарная), я пришёл в такое бешенство, что не пошёл за кулисы. Как смеет человек, так импонирующий публике, демонстрировать такую гадость?!

Следующим событием была премьера «Каприччио» Стравинского шестого декабря. Набоков, обедавший у меня накануне, показывал свою статью о Дягилеве, где, между прочим, сказано, что Дягилев дал идеи многим композиторам, в том числе Стравинскому - сделать «Петрушку» из предполагаемого фортепианного концерта, и написать литургический балет, из чего родилась «Свадебка» с церковными темами. Это общеизвестный факт, но Стравинский, прочтя, пришёл в бешенство: никто не смеет давать ему идеи. Набоков смутился, написал Стравинскому извинительное письмо, но тот не ответил и отворачивался при встречах. Набоков находил это мелочным, но со Стравинским, имеющим такое влияние у Плейеля (Набоков теперь там служит), надо было помириться. По его поручению я на репетиции «Каприччио» осторожно затеял разговор, пользуясь хорошим настроением маэстро и его хорошим отношением ко мне. Но Стравинский сразу вскипел, сказав, что Набоков недурной сочинитель, но это интриган, и «мы все ещё от него дождёмся». «Вот мы, Серёжа, - прибавил Стравинский, - всегда занимались только музыкой и потому никогда не ссорились». Каково? И при этом взгляд прямо в глаза.

«Каприччио» прошло с чрезвычайным успехом, зал был полон музыкантов. Я случайно остался в ложе с Сувчинским и Лурье. Последний теперь со мной страшно мил и, вспыхивая, говорит комплименты - точно молодая девушка. Первая часть «Каприччио» мне понравилась больше других, в ней лучше материал; финал сделан наоборот блестяще, но материал сомнительный. Стравинский потом возмущался, что Равель, встретившись с ним после «Каприччио», ни слова не сказал. По моему мнению, это сочинение, во всяком случае, самое удачное у Стравинского за последние шесть-семь лет.

Анекдоты: 1) les trufes du père Igor (Нувель о детях Стравинского) и 2) Святослав Стравинский Маркевичу - «Неправда ли неприятно быть тоже Игорем?» Маркевич: «По-моему, ещё неприятней быть тоже Стравинским». 3) Шмулер, читая лекцию о музыке: «Стравинский много внёс в историю музыки. Это не значит, что он много внёс в самою музыку».

Репетирую с Пуленком 2-й Концерт, он в восторге и аккомпанирует недурно, держа ритм и выстукивая темы. Это очень полезно: 2-й Концерт до сих пор является для меня пугалом, но теперь, двенадцатого, приехав в Амстердам, я играл его уверенно, и лёгкое волнение не мешало результату. Поездка в Амстердам была удачна. Monteux, у которого припадки ненависти к Стравинскому, очень старательно играл «Классическую» Симфонию. Большой успех и приглашение на будущий сезон. Публика и оркестр, аплодируя, встали на ноги.

Восьмого декабря выступала Пташка в American Club, первое выступление

[35] Понимаете, это будет фестиваль Прокофьева, в первую часть которого будет вставлен «Аполлон» (фр).

после Риги. К выступлению она старательно готовилась и ещё более старательно волновалась, так что в последние дни со страха совсем потеряла голос, и думали, что не будет петь. Но пела, и притом довольно мило, с успехом. У неё приятный голос. В зале много американцев-сайентистов, и их присутствие несомненно помогло. Я сидел с Марией Викторовной, которая слушала с чрезвычайным интересом (в первый раз). Из фигур прошлого почему-то был Зайцев.

После возвращения из Голландии - приготовления к моему фестивалю у Lamoureux двадцать второго и к отъезду в Америку двадцать четвёртого. Неожиданно выползла через Гиршманов квартира на rue Valentin Haüi, не очень просторная, но выгодная, которую мы и взяли. Пташке тоже предложили выступить на моём концерте, но из-за хлопот укладки пришлось отказаться - или плохо спела бы, или не собралась бы до отъезда. Я повторял к фестивалю 3-й Концерт и учился дирижировать Дивертисментом, только что принесённым от переписчика.

Событие: старое французское учреждение Lamoureux первый раз даёт фестиваль современного композитора. Первый результат содружества с Гаво. Репетиций - три на две программы (я в воскресенье, а в субботу у них другая программа). «Классическую» Симфонию и «Шута» они уже играли, но всё же времени ужасно мало. В день концерта зал почти полон. Разговор на улице со Святославом Стравинским о даровых билетах. Обиделся? Но семья не была - на каком-то скучном концерте в Salle Pleyel. Есть пустоты среди дорогих мест, зато много стоячих, что придаёт вид наполненности. Публика - главным образом французы; русских не так много. Успех определился после первого же номера - «Классической» Симфонии. Когда же я сыграл 3-й Концерт, то это был треск, приближающийся к Москве и Ленинграду в 1927 году. Гаво и Вальмалет потирали руки. После пяти номеров из «Шута» (опять успех) я дирижировал Дивертисментом (первое исполнение) - и тут охлаждение: успех сдержанный. Не ожидал! Не поняли? Устали? Или. как кое-кто сказал, я неважно дирижировал (но на репетиции Лурье мне наговорил комплиментов как раз за дирижирование). Заключительный номер: Марш из «Апельсинов», повторение, опять успех. В общем - очень удавшийся концерт - отличное напутствие в Америку.

24-31 декабря. Paris - New-York.

Выехали двадцать четвёртого в 11.45 дня. С тем же пароходом Рахманинов, Эльман, Левицкий (приятный мальчик чуть типа Дукельского), Брайловский. Пароход называют boite à musique. Много провожающих, фотографы. Некоторые провожают сразу и меня, и Рахманинова и бегают от вагона к вагону. Набоков притащил почему-то Маркевича. Сообщает, что по случаю Рождества Стравинский прислал сказать, что он прощает Набокова. Cherbourg вечером. «Беренгария», 52000 тонн, невероятный колосс: семь освещённых этажей. Первый день укачивает, на второй привыкаем, на третий море успокаивается. Приятная компания Декосов. Кинематограф - вместе. Рахманинов - превосходная сюита. Показывается мало, гуляет по пустынным палубам. Скучает. Видя, что я любезен, приглашает на вечер к себе. Захожу почти каждый вечер, раскладываем пасьянсы (трогательная идиллия). Я получаю приглашение спеть (!) в благотворительном концерте. Мой ответ: благодарю, но боюсь, не доставлю почтенной публике удовольствия. Предлагаю дуэт со «скрипачом» Рахманиновым; в конце серьёзно рекомендую Бродского, едущего во втором классе.

Концерт состоялся без участия единой знаменитости и был довольно нелепый. У нас отличная просторная каюта, кормят с шиком, икрой и пр. Приехали в Нью-Йорк с опозданием на сутки, тридцать первого днём. Как он красив, когда подходит пароход, и как меняется с каждым новым приездом.

Haensel во Флориде, а Parmelee уехал в деревню на новый год. Встретил представитель от Steinway - Грейнер, русский.

1930

1 января

Приехав вчера в Нью-Йорк и выполнив формальности (довольно долго), мы отправились в Great Northern Hotel, где Parmelee задержал нам две комнаты. Тот же отель, что и четыре года назад, но для Нью-Йорка он как-то состарился. В Европе ещё простоял бы двадцать лет, а здесь, вероятно, скоро сломают. «Стейнвей» уже был там: приятно, надо подтянуться. Пташка устала, у меня болела голова. Новый Год мы нигде не собирались встречать, но от одиннадцати до двенадцати ночи погуляли по Бродвею, который был заполнен до отказа праздничной толпой. Всё это свистело в свистульки, пищало в пищалки, хлопало в хлопушки - невероятный Вавилон. Своеобразный и очень большой эффект.

Первого числа завтракали у Ольги Самаровой - и этим дело ограничилось. Пташка раскисла и её после парохода качало, а я был в настроении заниматься: шестого концерт в Нью-Йорке, а девятого в Cleveland'е; и то, и другое надлежало привести в порядок.

2 - 4 января

Ничего особенного за эти дни не произошло. Я не старался видеть людей, чтобы не отвлекали от занятий. Пташка капризничала. Причины: мой нью-йоркский концерт с Кошиц, а не с ней; я недостаточно рекламирую её как певицу. Но: с Кошиц я «пою» не по своему желанию, а потому что нас ангажировал Haensel, меня не спросившись; что касается рекламы Пташкиного голоса, то нет ничего глупее, чем рекламировать всухую. Пусть она приведёт себя в порядок и начнёт петь направо и налево, тогда реклама сама собой будет готова.

Были всё-таки: у В. Башкирова, который звонил. Он «выше л в люди»: пятьдесят тысяч жалования, красивая жена, квартира у самой 5-й авеню. Со мною нежен. Русским обедом нас накормил Грейнер, новый русский управляющий у Стейнвея.

Появился Асланов, постаревший, больной, трогательный. Он знал отца Дукельского, инженера, и теперь категорически утверждал, что эти Дукельские не евреи. Значит, из Димы может выйти композитор.

Заходил я дважды к Кошиц - репетировать романсы. Она та же, point d'honneur – петь со всеми композиторами по очереди: Прокофьевым, Глазуновым, Метнером. При ней Ариадна, которая с ней делала турне в качестве аккомпаниаторши. Держала себя скромно, показывала новое сочинение, несамостоятельное, но более порядочное, чем когда-то в Калифорнии.

Ходил по Нью-Йорку. Производит впечатление. Обстраивается невероятно. Вообще - невероятный город.

5 января

Были на большом вечере у Miss Wiborg.

Играл Коханский, аккомпанировал Итурби, испанский пианист, сделавший вдруг колоссальную карьеру в Америке; танцевал Мясин, который теперь балетмейстер в каком-то большом нью-йоркском шоу, за хорошие деньги, конечно. Он не так давно женился на советской танцовщице, которая жадно выспрашивала у меня московские новости. Мелькнули скучные и важные дамы - Mrs Vanderbilt, Mrs Otto Kahn, красивый старик. Я удивился, когда кто-то подал ему пальто. Оказалось, что русский Великий князь. Вернулись во втором часу. Не стоило: завтра мой концерт.

У меня немодный жилет у фрака. Проворонил: теперь носят гораздо более открытые. Немедленно купить, в Нью-Йорке на это очень обращают внимание.

6 января

Утром Грейнер возил меня сниматься для Стейнвея. Почти час жарили меня под яркими и горячими лампами. Грейнер рассказывал, что Рахманинов сидит терпеливо, а Горовиц прыгает как блоха.

Днём Пташка ходила заниматься к Любошицу, аккомпаниатору, который аккомпанирует в Нью-Йорке решительно всем. Он расхвалил Пташку - и от дурного настроения не осталось и следа. Как ни странно, но мнение его имеет некоторое значение, так как он ходит повсюду и авторитетно рассказывает.

Вечером концерт: в Town Hall[1], с участием Кошиц. Одни утверждали, что ошибка - слишком скромно, лучше было дождаться выступления с Бостонским оркестром. Другие утверждали, что это не играет роли. Зал так себе (ныне разрушенный Эолиан был симпатичнее) и публики на три четверти (мне показалось, что наполовину). Играл я, слегка рассердившись на Нью-Йорк за невнимание, и потому не волновался. Вначале чувствовался вполне определённый холодок, но затем публика расшевелилась - на «Наваждении», на Марше из «Апельсинов» (повторены) и на когда-то гармонизированных мною русских песнях, выкопанных Кошиц (я совсем забыл о них). В «Наваждении», которое в этом сезоне с большим треском играл в Америке Горовиц, я постарался подтянуться, чтобы играть не хуже него, и действительно, оно прошло хорошо. В «Вещах в себе», разумеется, ничего не поняли; выходило, будто их не стоило играть, но с другой стороны, как же не сыграть последнюю и значительную вещь? По окончании в артистической народ: Зилоти (с которым последние годы было вроде охлаждения, но который был сегодня мил), Klein, Судейкин, Саминский, выползший из прошлого Серж Базавов.

После концерта - прямо с чемоданами на вокзал, и в 11.45 я во фраке уехал в Cleveland. Хотя с Пташкой всё время ссорились, теперь она жалела, что я уезжаю.

Перед концертом я так старался не забыть всех вещей для Cleveland, что забыл часть нот, по которым должен был аккомпанировать сегодня Кошиц. Так что среди концерта Пташка и Parmelee носились домой, в отель, за ними. Haensel наступил ей на платье и оторвал хвост.

7-11 января. Cleveland.

Приехал в Cleveland седьмого в час дня и попал в отличный Cleveland Hotel, к сожалению, слишком отдалённый от концертного зала. Репетиция - через полтора часа после приезда. Оркестр большой и очень приличный, конечно, среди музыкантов - русские евреи, знавшие меня ещё по петербургской Консерватории. Главный дирижёр Соколов, тоже русский, двадцать лет в Америке, - отсутствовал, его замещал посредственный, но внимательный и благожелательный Ringwall. Концерт (я играл Первый после многолетнего перерыва) сразу пошёл хорошо. Дирижируя затем четыре номера из «Стального скока», я сначала не слишком хорошо слышал, но понемногу освоился. После трёх репетиций было два концерта, первый - с хорошо наполненным залом и прессой; второй - без прессы и с полупустым залом. Дирекция извинялась за немузыкальность своих граждан, которых не удаётся приучить к концертам, даже несмотря на низкую цену билетов. Моему Первому концерту хлопали, по-видимому, вполне искренне, «Скоку» же - из вежливости, но оркестру «Стальной скок» понравился. Про критиков мне сказали, что один есть отличный музыкант, а другие не очень. Но вышло как раз наоборот: немузыкальный похвалил «Стальной скок», а музыкальный нашёл, что

[1] Ратуша (англ).

это просто шум, куда лучше «Классическая» Симфония, сыгранная здесь недавно Кусевицким. А когда «Классическую» Симфонию я двенадцать лет назад в первый раз сыграл в Америке, то с такой же уверенностью критика сказала, что это - дрянь. В Cleveland же я получил пачку свежих нью-йоркских критик о моём концерте шестого. Это сплошная мразь: полуинтеллигентные кретины, важно восседающие в больших газетах большого города, со снисходительной небрежностью рассуждают о сочинениях, в которых ничего не понимают! Поймут ли в будущем, и если да, то скоро ли? Конечно, не поймут. Но уже теперь у некоторых из них проскальзывают оговорки: а не попадём ли мы в дураки, и не пора ли уже начать хвалить?

Пробыл я в Cleveland четыре с половиной дня, но время прошло незаметно. Между репетициями и концертами я корректировал «Игрока» (очень затягивающее занятие) и писал письма. Звонила Miss Crain, которая живёт теперь в Cleveland. По её приглашению я был на лекции CS и на Wednesday meeting. Огромные церкви и масса народу. Miss Crain познакомила меня со многими сайентистами, которые были очень милы, приходили на концерты, возили в автомобиле.

12 января

Утром вернулся из Cleveland в Нью-Йорк и застал Пташку раскисшей и скорее в дурном настроении. Сейчас же зазвонил ко мне Судейкин, уже несколько лет состоящий декоратором в Metropolitan, и спросил, смогу ли я иметь свидание с Серафином, главным дирижёром в Metropolitan, и Dr Lert, режиссёром - на предмет «Огненного ангела». Оказывается, что все трое - мои поклонники, и даже Гатти обмолвился, что интересуется моей музыкой. Словом, у Metropolitan - «перерождение сердца». У меня до сих пор ещё в памяти мерзейшая атмосфера, при которой десять лет назад в Metropolitan состоялось прослушивание моих трёх опер. Да, уже тогда они существовали, хотя и неотделанные.

В шесть часов вечера я явился к Судейкину и туда же приехал Серафин. Я рассказал сюжет. Серафин был в восторге, но вдруг запротестовал Судейкин, что это несценично, Судейкин, который заварил всю кашу (или это теперь шахматный ход?). Клавир в Париже и потому послал телеграмму Пайчадзе о высылке, пока же в Metropolitan заняты постановкой «Садка», и сегодняшние переговоры - предварительные. После ухода Серафина я пересказал Судейкину весь сюжет, и на этот раз он ему показался более театральным. Вечером появился Dr Lert, который сказал, что он мечтал поставить «Три апельсина» ещё когда был режиссёром во Франкфурте. Перерождение сердца! Перерождение сердца! Лучше поздно, чем никогда.

Утром были в CS church, а затем завтракали у Klein'ов, у них отличная квартира. Днём заходил Дукельский. Он в Америке вобщем ничего не сделал, но всё ещё надеется.

13 января

Обедали у Кусевицких, которые после четырёх концертов, данных в течение сорока восьми часов, отдыхают. У них в новом отеле Savoy Plaza чудный номер с фантастическим видом на Нью-Йорк.

Всё прошло мягко и ласково, но в общем они совсем не занимаются мною, как можно было ожидать. Симфониетту, которую передала ему Пташка, он едва ли сыграет - трудновато и длинновато, и не скучновато ли? - а вообще думал целую программу из моих сочинений, но едва ли сумеет срепетировать. Я сказал, что целая программа была бы для меня особенно важна в нью-йоркском концерте pour

me poser bien[2] в этом обожравшемся городе. Кусевицкий ответил: подумает, постарается, словом, неопределённости.

В одиннадцать вечера отправились (все мы были во фраках) к Mme Loomis, которая очень любит русских, и устроила сегодня встречу русского Нового Года. Там были и великие князья, и хор казаков, и провозглашение гибели «дьявольских узурпаторов» большевиков. После Москвы казалось, что больные люди играют в театр. Когда Великий князь Александр Михайлович (тот породистый старик, которого я видел у Wiborg) вставал, то вставали все. Я спросил тихонько Дукельского: «Можно ли сесть?», он ответил: «Нет, ещё опасно». А Орлов рассказал, что Александр Михайлович, услышав его игру, сказал: «Прекрасно! Какая лёгкость! Точно играете на балалайке». Меня судьба уберегла от разговора с ним, но меня представили сыну Великого князя Константина Константиновича, красивому юноше. Он спросил:

- Вы Прокофьев? Вас очень хвалят в Лондоне.

Я:

- Но мне казалось, что в Англии меня любят меньше всего...

Великий князь:

- Я слышал, как вас хвалили у Lady Cunard.

Казаки танцевали лезгинку - и в общем было нелепо. Вернулись в два, как из комедии. Кусевицкие уехали в Бостон.

14 января

Звонит Дукельский и убеждает пойти на вечер, который устраивает какой-то миллионер в честь Гершвина, после премьеры новой оперетки последнего. Гершвин - опереточное божество Америки, пытается также сочинять серьёзную музыку, иногда даже делает это остро, но не всегда удачно. Дукельский сказал, что раз Гершвин был у меня в Париже, то надеется, что и мы явимся сегодня. «Будут все звёзды опереточного и мюзикхольного мира - самый блестящий вечер сезона!». - захлёбывался Дукельский. В полночь он заехал за нами, мы оделись и пошли, хотя хотелось спать. Вечер оказался довольно странным. Пела басом кабареточная дива, красивая женщина, зарабатывающая по четыре тысячи долларов в неделю; играл сам Гершвин. А его папаша, маленький, полуинтеллигентный еврейчик, забывающий русский язык, стоял радом со мною (я сидел) и делал примечания: вот это он играет пьяный кончерто (фортепианный концерт).

- А эту мелодию играют виолины.

Я:

- По-русски говорят скрипки.

Папаша:

- Ну да, скрипки.

Разносили много шампанского; одного пошатывающегося и улыбавшегося господина деликатно увели в глубь квартиры - размышлять о «сухой» Америке. В два часа, засыпая, мы ушли домой, посмеиваясь над Дукельским и «самым блестящим вечером сезона».

15 января

В lobby[3] отеля подлетел скрипач Рабинович, который десятого играл с Кусей мой Скрипичный концерт:

[2] Чтобы представить меня с лучшей стороны (фр).

[3] Вестибюль (англ).

- Вы знаете, Кусевицкий сказал, что я так играл его, так играл, как никто до сих пор, ни Сигети, ни Коханский.

Я:

- Да, я видел Кусевицкого; он сказал, что вы играли вполне недурно.

Рабинович смутился и исчез.

16 января

Коханские - это теперь салон, в котором бывают решительно все. Итурби, испанский пианист, недавно приехавший в Америку, был у них сегодня, и, подойдя ко мне, сказал, что хочет играть мои сочинения. Я:

- Вы так знамениты, что я прямо не знаю, верить ли моему счастью...

Он (проглотив иронию):

- Да нет же, я серьёзно хочу играть ваш 3-й Концерт, - и начал по-испански уславливаться с Пташкой о том, чтобы она позвонила ему, как только мы приедем в Париж.

Сам он уезжает завтра.

Обедали у Базавовых. Он - страшно любезный, скучноватый, некрасивый (Нина и Таля Мещерские называли его гиппопотамом), очень благовоспитанный. Мне было приятно его увидеть, а его благовоспитанность, конечно, избавляла меня от вопросов, которых я, может быть, не желал. Он женат на сестре Бахметьева, бывшего российского посла в Вашингтоне, чрезвычайной поклоннице моей музыки. Бахметьев тоже присутствовал, красивый мужчина, болтун и хвастун. Был ещё Olin Dawnes, критик из New-York Times. Семь лет назад он выпал из аэроплана и ударился головой, что дало повод самой большой газете пригласить его музыкальным критиком. Тогда он заходил ко мне в Париже и обещал интересоваться моими сочинениями (хотя, видимо, мало понял в них), но с тех пор каждый раз, как слышал, находил, что я пустой композитор. Упасть на голову недостаточно, чтобы начать понимать музыку. Сегодня он страшно любезно расшаркался, и я заговорил о деле Асафьева, которого Dawnes уже давно хотел иметь в Times корреспондентом от СССР.

Dawnes:

- Нам надо увидеться ещё раз.

Я:

- Кстати, я вам хотел показать кое-что из...

Dawnes (польщённый, думая, что я хочу знать его мнение о моих сочинениях):

- О, конечно, с удовольствием!

Я:

- ...из сочинений молодых композиторов; вот, кстати, рецензии об одном, которого вы не знаете, но скоро узнаете: Набоков.

Dawnes (холоднее):

- Ах, это вполне интересно.

С Базавовыми говорили о музыке и о спичечной фабрике Бахметьева, где он администратор.

17 января

Завтрак у Mrs Reis, председательницы League of Composers. За завтраком Смоленс, Грюнберг и другие члены лиги. Она, вкупе со Стоковским, теперь предпринимает большие постановки, снимая для этого не более не менее, как Metropolitan. Дали таким образом «Свадебку», «Весну священную». В будущем году хотят «Стальной скок» и «Блудного сына». За завтраком разговоры и планы

на этот счёт. По возвращении домой Пташка пела песни Файи Арбосу, который с успехом гастролирует в Америке и стоит в нашем же отеле. Пташка собственно пригласила его якобы для испанских указаний, на самом же деле ей хотелось, чтобы он (директор мадридской филармонии) послушал её и имел в виду. Но Арбос принял свою роль всерьёз, не столько слушал, сколько останавливал и объяснял, и от увлечения заплевал мне всю мою полулысину, стоя позади, пока я аккомпанировал.

Обедали у Башкировых, после вместе - на оперетке Гершвина «Strike the band», той самой, премьеру которой праздновали три дня назад. Сценически - страшная неподвижность и неизобретательность: относится к настоящей оперетке как оратория к опере. Весь смех - в словесных оборотах локального характера. Но это же не театр! Театр же есть движение! Музыка для оперетки милая, большей частью ничтожная, иногда остроумная. Есть один пренеплохой и даже довольно ловкий ансамбль, но Гершвин или не понимает своих хороших сторон, или же это не во вкусе толпы, и он не смеет: развивать такие моменты может вскочить в копеечку, вернее, мешать ей.

18 января

Были у Mrs Steinway, владелицы фирмы, очень милой старушки. Говорили о нью-йоркских критиках. Что за собачья должность - два, три, четыре концерта в день, и вечером же статья о них! Критики часто несвободны и должны повиноваться директивам. Например, критик атакует Metropolitan и справедливо. Otto Kahn звонит приятелю-банкиру, владельцу газеты: «Знаете, неудобно, что ваш орган ругает наш театр...», и в результате критику приказывают: «Или хвали, или ступай к чёрту».

Днём Дукельский играл наброски концерта для контрабаса и уверял, что он совсем не подлизывается к Кусевицкому. Музыка слабоватая, да и инструмента он не понимает. Романсы лучше, но не Бог весть. Дукельский как-то иссох. Я боялся, что оперетки испошлят его; он, видимо, и сам того боялся - и ударился в другой порок, в сухость. Точь-в-точь Рахманинов, который впал в сухость, когда его задразнили доступностью его лирики.

Вечером был у Судейкина, он уже набросал карандашные схемы трёх декораций для «Огненного ангела», очень выразительных. Много говорили, разрабатывая сценические возможности в «Ангеле». Затем Судейкин рассказывал, как он объяснялся со Стравинским, когда, вернувшись из Америки, стал догадываться, что у Стравинского что-то с его женой. За завтраком Судейкин разбил стакан и облил Стравинского вином; потом «немного тряс его», после чего они долго ходили по улицам, говоря бессвязно, а на прощание поцеловались и больше никогда не виделись. «Достоевщина», - пояснил Судейкин, который до сих пор, по-моему, неравнодушен к ушедшей жене.

19 января

Когда мы были у Mrs Steinway, Olin Dawnes звонил и просил меня приехать к нему помочь разобраться в русских композиторах - толстой пачке нот, полученных из Москвы. Сегодня я поехал и провёл у него три часа. Ноты были почти все мне знакомые: Мясковский, Фейнберг, Половинкнн, Шостакович etc. Кроме того, новый для меня сборник пролетарских музыкантов, Давиденко и прочие, тех самых, которые ставили мне вопросики в Москве и интригуют против «Скока». Кое-что оказалось забавным как приёмы: хор, говорящий ритмом, с малым барабаном и голосом, появляющимся на этом фоне. Затем Dawnes интервьюировал меня, а я распространялся, что мелодия и субстанция — главное, над чем я работаю, сочиняя

музыку; однако я заметил, что мелодия, если это настоящая мелодия, т.е. новый мелодический рисунок, труднее всегда доходит до понимания. Метил я в самого Dawnes'a, писавшего, что он не нашёл у меня содержания. Dawnes внимательно впитывал говоримое и, прощаясь, благодарил за приятную беседу «с настоящим музыкантом». «Скрипачи, пианисты - ведь не это же меня интересует! », - прибавил он.

21 января

Повторяю программу реситаля, а также 2-й Концерт к Бостону. Пташка тоже готовится к первому выступлению, поэтому у неё нервы и хрипота, и дома настроение так себе.

Очень взбесило меня письмо Кусевицкого. При свидании он говорил, что хотел устроить всю программу из моих сочинений, только едва ли успеет всё срепетировать. Я сдуру и по простоте написал ему, прося всё-таки постараться - и получил в ответ по носу. Кусевицкий, который забывает сегодня, что он говорил вчера, писал теперь, что ещё не пришла пора устраивать мне фестивали. Вышло, что я напрашиваюсь, а папаша отказывает, причём не просто, а надуваясь от важности как индийский петух. Сначала я решил, что нет, в Бостоне ни за что не остановлюсь у Кусевицких, а поеду в отель. Потом как-то отлегло, особенно после визита к Клейну, который в ответ на вопрос, что такое вспыльчивость и как с этим бороться, сказал: «Помните, что как бы вам всё не показалось неправильным в момент горячности, Бог всё же управляет всем наилучшим образом. А если есть смертные, которые делают ошибки, то почему же мы должны из-за этого горячиться?»

22 января

Оставили номер за собой (стоит рояль и все вещи разбросаны) и поехали в Бостон. С Кусевицким решил быть милым и при случае мягко сказать, что он не к месту принял свой тон в письме. На самом деле всё даже оказалось проще: Наталья Константиновна выехала с автомобилем встречать нас на станцию - любезность, которую от неё не часто дождёшься. Надо сказать, телеграмма о нашем приезде была подписана Пташкой, так что неизвестно, вдвоём ли мы приезжали. Сам Кусевицкий лежал в постели с жаром, и я постарался культивировать в себе жалость, чтобы окончательно смягчить себя. Разговор был мирный и Кусевицкий всё время ломал себе голову, как составить программу. Придумал он неплохо: посередине «Скифскую сюиту» и 2-й Концерт, в начале Моцарт, а в конце Бах, - но не мог достать нужных нот Баха, и теперь не знал, чем его заменить.

23 января

Живут Кусевицкие за Бостоном, совсем в деревне, вокруг снег и деревья. Дом огромный, деревенский. У нас в комнате холодновато, и потому всю ночь горит газовый камин, разбрасывая блики, что очень приятно. Утром яркое солнце и снег. Мои выступления с Кусевицким через неделю, а сейчас мы приехали на две ночи, для концерта с Пташкой в большом женском университете под Бостоном. Пташка хрипит и нервничает, но не ссорится. Я вчера треснул себе палец о сундук, и он побаливает.

Кусевицкий всё ходит по комнатам и форменно мучается с составлением программы. Я, шутя, говорю: «Вот, не хотел всей прокофьевской программы - тебя Бог и наказывает». Он уже объявил предположительную программу с

Альбенисом вместо Баха, и она появилась в вечерних программах. Там же заметка: жаль, Прокофьев приехал, а его новых вещей не дают. Глас народа производит на Кусевицкого впечатление: он хочет прибавить Симфониетту, но выясняется, что Пайчадзе не прислал нот. Чёрт его возьми, новая услуга издательства. Ходил по комнате (Кусевицкий по одной, я по другой) и выдумывал формулу: работать с Пайчадзе, это жить в одной комнате с сумасшедшим и ждать - в какой момент и чем он треснет тебя по затылку?

В семь часов вечера присылают за нами автомобиль из Wellesly и везут на концерт. Wellesly - в полутора часах от Бостона, учится две тысячи девиц, и каждый год у них восемь серьёзных концертов. Действительно, зал полон girl'ов, хотя мелькают и смокинги. Но мы не в форме: у меня бо-бо на третьем пальце правой руки (нельзя делать gliss в Прелюде и «Наваждении»), а у Пташки полголоса. Да и программа выше девичьего ума. Успех сдержанный, у каждого из нас по бису. Получаем 750 долларов, пять минут беседуем с группой барышень, довольно милых, и нас везут обратно, где Кусевицкий всё ещё ломает голову над программой.

24 января

Встаём в 7.30, Пташка стонет, поезд в 9.00, прямого сообщения с Филадельфией, куда приезжаем в половине шестого, я в довольно приличной форме, Пташка - усталая. По дороге догоняю дневник и исправляю перевод брошюры по CS, недавно выпущенной по-русски с множеством ошибок и нерусских оборотов.

В Филадельфии остановились в том же отеле, где Смоленс. Смоленс как всегда шумен, грубоват, но bon garçon[4]. Пташка совсем без голоса. Решаем, что лучше ей не петь, и я сыграю взамен десять «Мимолётностей». Зал не очень большой, но симпатичный, с колоннами, полон публики. Первое отделение - скучный Квартет Онеггера, второе начинаю я. Концерт устроен Обществом современной музыки, и отношение совсем другое, чем у вчерашних красавиц: тут встречают громкими аплодисментами, после Andante из 4-й Сонаты несколько вызовов, словом, весь вечер проходит с большим успехом. Кроме того, я играю лучше вчерашнего, палец почти зажил. В общем, вместо всяких гавотов, можно было дать более серьёзную программу и играть, например, «Вещи в себе».

При выходе на эстраду были маленькие инцидентики, так как к эстраде вела лесенка из четырёх ступенек, на колёсиках, которая шевелилась, пока я шёл: приходилось каждый раз эквилибрировать на глазах у публики, с любопытством следившей за этим. Пташка оставалась дома и ревела, но потом, по окончании концерта, мы вместе сидели в номере у Смоленса.

25 января

Утром путь Филадельфия - Нью-Йорк. В поезде читал рецензии, которые уже появились про вчера: хорошие. В Нью-Йорке сразу телефон от Судейкина: сегодня днём в Metropolitan премьера «Садко», и для меня кресло первого ряда, рядом с Mrs Kahn (!). Еле поспеваю к началу, боюсь не узнать хозяйку. Но, оказывается, она в ложе с Сориным. Опера идёт хорошо, хотя темпы «подогреты» итальянцем Серафином. Но чур! Ни слова, надо прикусить язык и неприятных мнений не высказывать. Декорации Судейкина в добром русском стиле; в некоторых случаях - удачи; эффектны корабль, исчезающий в тумане после того, как Садка спустили в воду. Сорин неразлучен с Mrs Kahn. Подводит меня к ней. Она быстро болтает по-французски, хвалит декорации Судейкина, напоминает, что ждёт меня завтра в

[4] Хороший парень (фр).

пять.

Вечером у нас Клейны. Пташка возмущена, что Kahn пригласила меня без неё. Я объясняю, что ведь это же по делу. Klein осторожен во мнениях, но принимает мою сторону.

26 января

Концерт певицы Онегиной. Повели Клейны. Голос отличный, но программа так невыносимо пошла, а певица так заигрывает с публикой, что я сбегаю к смущению Клейнов, которые с ней знакомы и привели нас. От пяти до семи у Mrs Kahn. После прелиминарных[5] разговоров я рассказал ей содержание «Огненного ангела». Несколько её замечаний о необходимости хора. «Наш театр так велик, что в ложах, которые против сцены, публика сидит у 7-й авеню, а артисты на сцене играют у Бродвея. Вы понимаете, оперы с ажурной отделкой гибнут, а доходят только картины, написанные широкими мазками». Вобщем она хотела бы поставить «Огненного ангела», но надо поговорить с Серафином и Гатти.

Серафин-то за меня, а вот Гатти - сфинкс. Решили отложить переговоры до начала февраля - через неделю я вернусь из Бостона и прибудет из Парижа клавир.

Вечером я у Судейкина: с докладом. Замечания хозяйки он находит интересными: отчего бы не прибавить хор для оживления монотонности второго акта. Гатти, по его мнению, заинтересуется, но не для будущего сезона, а через год. Больше же всего надо опасаться партии, ратующей за заказ оперы Гершвину. Гершвин - опереточник, зато американец.

27 января

Учил 2-й Концерт; занимался с Пташкой - к её следующему выступлению.

Вечером концерт Мильштейна, скрипача, имеющего здесь отличный успех. Затем приём у Грейнера. Больше всего русских, из которых я половины не разобрал, кто есть кто. Марина разыгрывает взрослую барышню, то милую, то чуть наглящую. Кошиц лопала за обе щёки; она с каждым годом всё толще. Асланов сед и трогателен. Лучшее его воспоминание, это как он лансировал Прокофьева и Мясковского, и побоище при первом исполнении моего 2-го Концерта.

28 января

Пташку тошнит от вчерашнего крюшона: в сухой Америке Бог весть какой алкоголь. Дукельский рассказывает сенсационную весть о Славинском, который некогда ставил «Шута». Он в труппе Павловой выступал в Индии и интересовался туземными женщинами. Вернувшись в Лондон, он почувствовал себя нездоровым и пошёл к доктору. Доктор осмотрел и сказал: подождите минутку. А через четверть часа явились полисмены в перчатках и масках, надели ему наручники и в наглухо закрытом автомобиле увезли в больницу, откуда он был сослан на остров прокажённых, так как у него оказалась проказа.

Под этим впечатлением мы еле успели сложить вещи и попасть на поезд. В Бостон приехали в половине одиннадцатого вечера, остановились опять у Кусевицких. Опять деревенская комната с газовым камином, а на улице на аршин снегу и чудный зимний воздух.

С Кусевицким немного подзанялись моим 2-м Концертом. У него на пюпитре – партитура Шёнберга и в ней все инструменты in C, как у меня, с целым

[5] Предварительных, от préliminaire (фр).

предисловием по этому поводу. Что это, сам дошёл через двадцать лет после меня? Или увидел у меня и перенял?

29 января - 1 февраля

Две репетиции и два концерта с Бостонским оркестром. «Скифская сюита» и 2-й Концерт. Последний я выучил наконец хорошо, хотя всё-таки есть при игре недочёты, например в каденции. Четвёртый Концерт будет лёгким! Кусевицкий ведёт «Скифскую сюиту» блестяще. На первом (денном) концерте успех довольно большой, на втором (вечернем) - очень большой. Кусевицкий хвалит мой пианизм и говорит, что теперь я в Бостоне у себя дома. Дукельский присутствует, изумляется звучностью «Скифской» (слышит первый раз), но находит, что я в ней был не на правильном пути и что материал её средний. Лучшие, наиболее серьёзные бостонские критики, Philip Hale и Parker, хвалят и пришли на оба концерта, для лучшего уразумения. Оба они конфузливые на вид, я познакомился с ними.

Между концертами и репетициями у Кусевицких запрещают играть на рояле (резонно), поэтому нам давали автомобиль и мы ездили в Symphony Hall, чем я воспользовался, чтобы пойти в CS Publishing Society по двум делам: 1) мне хотелось устроить Асафьева корреспондентом «Christian Science Monitor» - по духу и эрудиции ему как раз там было место; 2) брошюрка (тринадцать статей, переведённых на русский язык), которую я всю проверил и частично исправил (много нерусских оборотов, невозможных русских слов, неверной пунктуации и пр.), надо было довести это до сведения того, кого это касается. Сначала я пошёл к Heitman'у, с которым Klein познакомил в Нью-Йорке. Он мил очень, но занят и послал, кажется, к Harrisson'у, который во главе печатания. Когда я пришёл к последнему, было поздно, и он уже ушёл. На другой день я явился вторично, но он был на заседании, и меня приняла секретарша. Даже полезно, что случилось так, а то я пришёл хотя с внешней скромностью, но не без тайной важности от исполненной работы. Секретарша - деловая, и как раз вопрос переводов по её специальности. В первой же поправке я, оказывается, сам сделал ошибку. Она предложила дать посмотреть третьему лицу, а затем провела меня к заведующему музыкальным отделом, который меня знал и принял к сведению мою аргументацию про Асафьева. Надежда есть, что Асафьев получит заказ на серию статей.

2 февраля

По окончании двух симфонических концертов - камерный концерт в Chamber Music Club, предложенный Бургиным. Гонорар только триста долларов, но я принял из-за Пташки. Последняя пела довольно удачно, хотя могла бы лучше. Успех и цветы. Похвала Пташке от Дукельского, от Кусевицкого сдержанная.

Вечером укладывали чемоданы.

Кусевицкий так-таки просолил мою 3-ю Симфонию (опять где-то застряли ноты, или так говорится). Может играть только в апреле, но ведь в марте я должен увезти рукопись в Европу, для исполнения в Брюсселе. Вот тебе и «лучшая симфония после 6-й Чайковского», как выразился Кусевицкий, услышав её в Париже.

3 февраля

Днём - обратный путь из Бостона в Нью-Йорк, в компании Дукельского, который в вагоне сочинял стихи на Стравинского (не даётся мелодия), и тут же иллюстрировал их, нарисовав довольно похожего Стравинского.

В Нью-Йорке тот же номер. Звоню Судейкину. Его впечатление, что «Ангела» поставят, хотя, может быть, и через сезон. Клавир пришёл - Пайчадзе на этот раз не подвёл. Судейкин спросил, думал ли я о переделках и о введении хоров, но я совсем забыл, пока возился с бостонскими концертами.

Целый вечер мучительно думал: что можно изобрести для оживления второго акта. Пташка говорила: «Спи, брось думать, завтра голова будет свежее».

4 февраля

За ночь придумал массовую сцену: крестьяне вокруг подохшей лошади, обвиняют Ренату в ведьмовстве. Рената появляется на лошади, ведомой Рупрехтом и до половины роста прикрытой кустами.

Пошёл к Судейкину не вполне уверенный, понравится ли ему лошадь и захочет ли он её на сцену. Но он одобрил - и это дало ему мысль озаглавить всю середину оперы «Путешествие Рупрехта и Ренаты», и построить в виде серии миниатюрных картин. Он сразу дал мысли для следующих сцен: Рената показывает Рупрехту фреску Огненного ангела («Если либретто понятно из слов, то это - плохое либретто; надо, чтобы всё было ясно без слов, из одного действия, а потому хорошо, что Рената покажет Огненного ангела»); затем Рупрехт покупает фолианты у чернокнижника, кого-то ведут с хором на сожжение; спиритические явления происходят в доме гадалки. Всё это так ловко подходило к музыке, что кроме придуманного мною эпизода с лошадью, почти ничего не надо присочинять. Проработали мы пять часов и начерно перестроили второй и третий акты - по Судейкину это соединяется в один беспрерывный акт из семи картин. Если «Огненный ангел» не пойдёт в Metropolitan, то всё равно стоило вести все эти разговоры, чтобы добиться такой переделки, которой я тщетно искал в своё время от Демчинского.

5 февраля

Пошёл опять к Судейкину дошлифовывать вчерашний проект переделки. Судейкин вдруг спросил меня:

- Считаете ли вы себя гением?

Я запнулся. Он:

- Я, например, - считаю себя.

Чтобы не уронить своего достоинства, я ответил, что, вероятно, тоже считаю, хотя тут же почувствовал, что можно было ответить как-то иначе. Вместе с Судейкиным мы вернулись ко мне - и я стал играть отрывки из «Огненного ангела». Он очень восхищался музыкой, хотя отметил, что рядом с замечательными местами есть невыносимые речитативы. Я сконфуженно объяснял, что опера начата десять лет назад, когда взгляды у меня ещё не установились, и что теперь я мало-помалу вырабатываю мой новый оперный стиль.

Вечером мы встретились у Mrs Kahn, которая, однако, не смогла достать Серафина, как хотела. Я всё же играл; она слушала внимательно и хвалила, но не думаю, чтобы она поняла как Судейкин, который даже указывал, какие куски лучше демонстрировать. Порешили, что надо дать Гатти сокращённое либретто, а Серафину клавир; когда же я вернусь из поездки в Калифорнию, устроить свидание. Вместе с Mrs Kahn поехали к Коханским, у которых сегодня приём в честь Орлова. Пташка была тем временем на его концерте с Дукельским и приехала из концерта. Среди присутствующих - Глазунов, Гречанинов, Зилоти, вся старая гвардия. Зилоти - прямо гоголевский тип. Глазунов подвыпил, охотно заговорил со мной, расспрашивая, ждут ли его назад в ленинградской Консерватории или же махнули

рукой. По-моему, в массе не ждут; поэтому я не знал, что ответить, и в общем путал.

6 февраля

Завтрак с Энгелем, который от имени Вашингтонской библиотеки предложил написать камерную вещь за тысячу долларов. Я спросил: квартет? И можно не очень длинный?

Вечером концерт в Бруклине с Бостонским оркестром. Кусевицкого и меня отвезли в отличном автомобиле. Перед моим выступлением Кусевицкий исполнял 6-ю Симфонию Чайковского, а я с интересом следил за техникой и пластикой его дирижирования. Моё выступление прошло недурно, был хороший успех. Кусевицкий говорит, что важно, чтобы я принял заказ на квартет. Исполнение у них обставлено торжественно. Так был написан и исполнен «Аполлон» Стравинского.

7 февраля

Так и есть: утром надо составлять с Судейкиным сокращённое либретто, вечером самый важный концерт, а голова тяжёлая. Тем не менее пошёл к Судейкину, но делом не занимались. Он рассказывал мне интересные вещи про Дягилева, который в молодости ездил в специальный немецкий санаторий, чтобы избавиться от дурной наклонности (следовало описание санатория), но ничего не помогло. Затем Судейкин расспрашивал про мою биографию, и я, увлёкшись рассказами об окончании Консерватории, о первой встрече с Дягилевым, про жизнь в Саблине и путь в Америку, не заметил, как прошла голова. «Это вам была отличная полировка крови», - сказал Судейкин.

Сегодняшнего концерта я побаивался, вернее, боялся собственного волнения. Но помня слова Клейна: «Божья любовь окружает вас и охраняет», - и видел стену, защищающую меня. И ещё: «Тот, кто сознаёт Божье присутствие, доверяется Богу; он освобождается от ложного чувства личной ответственности, и беспокойные стремления человеческой воли успокаиваются».

Играл почти спокойно; в каденции в первый раз не врал. Успех большой, оркестр встаёт. После «Скифской» Кусевицкий выводит меня, после Концерта я вывожу его, словом, папа любит маму, а мама любит папу, полный парад. После концерта Кнопфы везут нас и Кусевицких в шумное ночное кабаре на крыше небоскрёба, но там не очень интересно.

8 февраля

Сегодня днём повторение вчерашнего концерта, но я уже обстрелялся с Нью-Йорком и отношусь спокойно. Пошёл к Судейкину писать сокращённое либретто. Он ещё спал. Я извинился, что пришёл поздно, по уговору должен был прийти раньше. В конце концов писал я, а он одобрял, когда я читал ему. Пытался Судейкин заговаривать о разных интересных вещах и воспоминаниях, но я пришёл сегодня работать. Написав больше половины работы, я ушёл одеваться к концерту, обещав прислать кончик из поезда. Дома Пташка спешно укладывалась, так как вечером отъезд в Лос-Анжелес. В концерте сегодня нет «Скифской сюиты» (Кусевицкий, не решившись утомлять ею нью-йоркцев, играл вместо неё скучную симфонию Бакса), и публика принимает меня сдержанней. Вообще данная публика менее громогласна, чем вечерняя.

В артистической Розинг, теперь директор Американской оперной компании,

предлагает поставить «Огненного ангела», если сорвётся дело с Metropolitan. Вместо «Огненного ангела» предлагаю ему «Игрока» или «Три апельсина». Когда я вернусь из Калифорнии, он возобновит со мною переговоры. Другое предложение - из Парижа от Нувеля, написать балет для Opéra, где ставит Лифарь. Руше согласен. Вдруг чрезвычайный спрос на меня. Спешим домой, доканчиваем укладку и, провожаемые Дукельским , в 8.40 уезжаем в Калифорнию.

9 февраля

Чтобы отдохнуть от трёх концертных дней, взял отдельное купе, поэтому едем чрезвычайно комфортабельно. Поезд - отличный, с гостиной и балконом. Идёт на юг, в Новый Орлеан: я выбрал тёплый южный путь. Отвечаю на письма. От балета для Opéra придётся отказаться: не поспеть всего, да и после ухода Дягилева не хочется браться за балет! Но, может быть, удастся подсунуть старый?

10 февраля

Утром пересадка в Орлеане с двухчасовой остановкой. Осматривали город. Интересные дома с кружевными балконами в старинном квартале. После Орлеана поезд переправляется на плоту через многоводную Миссисипи, через которую нельзя построить мост из-за зыбучих песков. Затем постепенно мы выехали в пустыню. Тепло: можно без пальто сидеть на задней площадке. Докончил либретто и отослал Судейкину. Писал письма. Вечером подали телеграмму от киностудии Глории Свансон: просят подтвердить, что я на поезде. Ещё заказ? Или просто хотят кинематографировать меня в Los Angeles при выходе из поезда? Пташка дразнит меня «знаменитостью». Я отвечаю, что наверно хотят ангажировать фотогеничного Святослава.

11 февраля

Теплота и пустыня продолжаются. Подгоняю письма, а для отдыха сижу на задней площадке. Иногда пыльно и приходится уходить. Соседи американцы заговаривают. Один сказал: «Скучная страна»; другой: «Великая страна». Третий спросил: «Вы не знаете, отчего здесь у всех коров морды белые? Сама корова пёстрая, а морда непременно белая».

12 февраля

Утром на станции сидели индианки в пёстрых покрывалах и торговали бусами, коробочками, открытками. Пташка хотела купить, но всё это оказалось ужасной дрянью. Я вышел с фотографическим аппаратом, но как только они его увидели, сейчас же все отвернулись и закрылись платками.

Переезд был жарким, вагоны накалились. Говорят, летом все пассажиры лежат без движения и только трут лбы льдом, а проводники развешивают через вагоны мокрые простыни.

В Los Angeles приехали в пять часов дня. Никто не встречал. Остановились в Biltmor, очень шикарном отеле. Среди ждавшей нас почты, письмо от Нельсона, архитектора Глории Свансон. Последняя приглашает нас завтра завтракать и имеет меня ввиду для фильмы, которую теперь проектирует. Это здорово, и пахнет деньгами.

Пришёл Родзинский, молодой, деловитый - проходить 3-й Концерт. Никакого моего фестиваля, как предполагалось раньше, не будет: Родзинский столько наиграл

здесь новой музыки, что его попросили хоть временно образумиться. Поэтому «Скифская сюита» - в одном из следующих концертов. Родзинский, несмотря на незадачу фестиваля, мне понравился: приятный Дон Кихот, сражающийся с ветряными мельницами в лице здешних дам-патронесс.

13 февраля

Утром репетиция с Родзинским, а в двенадцать заехала за нами жена Нельсона в превосходном «Рольсе» Глории Свансон и повезла нас к последней завтракать. Нельсон - очень милый человек с синими глазами, американский архитектор, работающий в Париже и женатый на француженке. Он случайно был в LA, когда Глория увидела его проект (я видел, очень остроумный) особняка на крыше небоскрёба; а так как это было как раз нужно для её картины, то сразу вцепилась в него. Нельсон - артист, и возмущается той низкопробной музыкой, которая сопровождает картины. Поэтому он выдвинул меня. А так как постановку финансирует бостонский банкир Кеннеди (очень приятный, спокойный, совсем ещё молодой человек), который одобряет мою музыку, то в результате приглашён к завтраку. Ехали мы довольно долго: Глория живёт в кинематографическом
городке, где она крутит свою фильму. Сама она так красива и так знаменита, что не знаешь, как до неё дотронуться. Я и держался в стороне, предоставив Пташке разговаривать с нею. После завтрака меня повели в зал для просмотра фильмов, ибо я был так наивен, что до сих пор ещё не слышал фильма с музыкой и разговором, хотя эта форма кинематографа укрепилась уже год или два. Но вся сложность в том, что музыка нужна к первому апреля, т.е. её нужно написать тут же, в Америке, среди концертов. Это - ужасное напряжение - и не лучше ли вернуться к этому вопросу в следующей вещи? Я вскоре уехал - отдохнуть перед концертом, но вместо сна всё думал, можно ли сделать музыку простую, вполне доступную массам, и в то же время такую, под которую можно поставить свою подпись? Концерт я играл не так хорошо, как следовало бы: всё-таки последний раз я играл его полтора месяца назад в Париже и с тех пор почти не повторял. Но неожиданный успех и семь вызовов. После концерта сидели в кафе с Нельсоном и Калем, который мил, забавен и немного трогателен. Скажите, он для отдыха ездил в Новую Зеландию и на Фиджи !

14 февраля

Утром подтягивался - повторял в 3-м Концерте то, что не вышло вчера. Читал синопсис фильма, но там столько технических слов, что я ничего не мог понять, поэтому дал читать Пташке и она, по мере прочтения, рассказывала мне. Пьеса - ерунда, но архитектура Нельсона презанятная. Думал опять, какую можно сделать музыку; сочинилась тема очень удачная. Если не выйдет заказ, то во всяком случае останется тема.

Днём концерт, повторение вчерашней программы. Играл лучше, но публика аплодировала меньше: дневная публика всегда тише - дамы. После концерта мелькнули: опустившийся Альтшуллер, Миша Руманов. Позвонил Нельсону; он сказал, что можно ограничиться хотя бы вступлением в полторы минуты – пока показывают действующих лиц. Я просил узнать о цене. Через полчаса он отзвонил, что Кеннеди сам не знает и просит сказать мою. Я сказал: пять тысяч долларов. Мой расчёт был такой: за тысячу я писать не буду - лучше сосредоточиться на концертах; если же он хочет заплатить две или три, то он сделает контр-предложение. Ещё через полчаса Нельсон опять отзвонил, очень сконфуженно, что эта цена так высока, что не может даже быть и речи о контрпредложении.

Кеннеди объяснил: «Прокофьев первоклассный музыкант, но его имя недостаточно популярно в американских массах, чтобы могли истратить на него эту сумму». Ну, а художественные задачи? Глория играет превосходно, декорации неплохие, музыка же с улицы, и это они не замечают. Всё равно, что Кеннеди был бы одет в отлично сшитый костюм, а манжеты грязные. Когда ему предлагают их вымыть, он запихивает их под пиджак и говорит: «Ничего, массы не заметят». В общем, утром я был прав: контракта нет, но осталась хорошая тема.

15 февраля

Ввиду жары в LA и невыносимости моего зимнего пальто, купил себе красивое лёгкое, «в награду за отличный, хотя и несостоявшийся, контракт».

От репетиции в Сан-Франциско, на которую мне надо было мчаться, мне удалось оттелеграфироваться, и мы отправились в Santa Barbara к Mrs Garvin, Пташкиной знакомой, к той, которая в своё время наняла няньку Святославу, а теперь говорит, что если что с нами случится, то она усыновит детей. До Santa Barbara три часа поездом, частью по берегу Тихого океана, который Пташка видит в первый раз, а я с удовольствием увидел вновь. Mrs Garvin повезла нас в отличном автомобиле, погода была чудная, виды красивые - и я был очень доволен, что можно день отдохнуть. У неё просторный, по-американски удобный дом, с зелёным садом и видом на горы и океан. В Santa Barbara живёт до восьмидесяти крупных миллионеров (т.е. имеющих более пяти миллионов), и Mrs Garvin показывала нам сады соседей, гораздо более роскошные, чем её: там и изумительные полянки, остриженные под гребёнку, и вазы с трогательно капающими каплями, и мхи, в которых нога утопает как в дорогом ковре. Благословенный край, но не для нас: слишком далеко от всего.

16 февраля

Отлично выспались в чудной деревенской тишине. Солнце вовсю. Хотя хозяйка обещала избавить нас от светской жизни, но оказалось, что будет только небольшой завтрак в клубе, затем лишь на минутку посмотреть матч в поло, затем несколько человек у неё по случаю воскресения. Когда затем выяснилось, что мы ещё куда- то должны пойти обедать, я наотрез отказался. Впрочем, игра в поло на лошадях, бешено скачущих по зелёному полю, очень красива. Вечером в одиннадцать часов, предварительно поиграв на рояле и позанявшись с Пташкой, я выехал в Сан-Франциско. Попалась верхняя полка и спалось неважно.

17 февраля

Утром Сан-Франциско. Херц сказал, что сегодня репетиции нет, и он уезжает загород; предлагает мне сделать ему компанию, а кстати просмотреть с ним 3-й Концерт. Я обрадовался. Херц заехал за мной в автомобиле, который затем вкатили на пароход и повезли через залив, прямо мимо блаженной памяти Angel Island, на котором я узнал больницу, в которую был «сослан». На другой стороне залива мы попали в местечко Sanselito, а затем по простой просёлочной дороге поднялись на гору. Тут, на склоне, у Херца маленький деревянный домик с цветущими мимозами и с чудным видом на горы и на залив. Я был в восторге. Мы сыграли четыре партии в шахматы (я выиграл все) и позавтракали тем, что Херц привёз в корзинке. Перед вечером вернулись в Сан-Франциско и поехали к нему обедать. Дом его стоит тоже изумительно - прямо огромными окнами на Golden Gate, узкий пролив, соединяющий сан-францискй залив с океаном. Жена Херца прямо по лестнице

спускается купаться в проливе. Сам Херц - хромой, и поэтому не спускается. Сыграли ещё две партии; результат: по одной. Когда Мишу Эльмана спросили однажды про такой же результат, он ответил: «Одну я выиграл, ну а в другой я сделал ошибку».

Вечером пошли на концерт Гофмана. Я думал, что Гофман - это vieux jeu[6]. В конце концов, вероятно, так и есть: но тогда в его игре промелькнёт какое-то мальчишество, которое очень привлекательно.

18 февраля

Репетиция и встреча с Мишей Пиастро, с которым мы познакомились в Консерватории, когда нам было по тринадцать лет, а потом встретились в Японии. Сейчас у него трое детей - от той же красавицы, с которой он ссорился в Японии. Он концертмейстер сан-францисского оркестра.

Херц очень прилично репетировал Концерт, добродушно посмеиваясь в бороду в тех местах, которые казались ему диссонирующими. Затем я с полчаса порепетировал три номера из «Апельсинов». Завтракат с Daniel`ами, Пташкиными знакомыми; он мил, похож чуть-чуть на Демчинского.

Вечером концерт в огромном зале на десять тысяч человек, почти полном. Концерт играю лучше, чем в LA, «Апельсины» дирижирую свободно. Успех хороший. В артистической Miss Olmsted. Miss Cobbe, нянчившая Святослава в 1925 году, русский батюшка и молодёжь за автографами. Вернувшись домой, укладывал чемодан: завтра чуть свет в путь.

19 февраля

Встал в половине седьмого, а в 7.45 поезд повёз меня обратно в Los Angeles. Дорога приятная, но не Бог весть какая красивая, хотя посмотреть на Тихий океан всегда приятно.

В Билтмор попал в девятом часу вечера, за пятьдесят минут до начата концерта. Надо было быстро переодеться и слегка порепетировать с Пташкой (свои вещи я поиграл вчера). Пташка сегодня на автомобиле вернулась из Santa Barbara и была в средних настроениях, так как - фатально - перед каждым концертом была не в голосе. Концерт тут же в зале отеля. Народу не очень много, но пускали только членов Pro Musica и немногих приглашённых. Я играл довольно равнодушно. У Пташки была недурна интерпретативная часть, но голоса она дать не могла.

После концерта - ужин, тут же в Билтморе. Родзинский ухаживал за Пташкой. Я показывал всем статью из сан-францисской газеты, где меня требуют в заместители уходящему Херцу. Пикантно: я директор и главный дирижёр большого американского оркестра, с жалованием в двадцать четыре или тридцать тысяч долларов!

20 февраля

Критики про вчера - пёстрые. Доминирующая нота: почтительное неодобрение. Как и в Cleveland'е, критик, которого я считал лучшим, написал кучу глупостей. Пташка ревёт, потому что её задели.

Укладывались - это занимает немалое место в бивуачной жизни. После завтрака Mrs Garvin увезла Пташку в Santa Barbara - гостить на пять дней, а в шесть вечера я выехал в Чикаго. Начала болеть голова - от трёхдневной суеты, но, засыпая, я

[6] Устарел, старомодный (фр).

всё-таки сочинил главную партию для квартета; зажёг электричество и записал.

21 февраля

Чувствовал себя усталым, и голова тяжёлая, поэтому мало что сделал, просто ехал. Немножко развил вчерашнюю тему. Вижу вторую, для побочной партии, сочинённую раньше, в Нью-Йорке.

22 февраля

Поезд из El Paso, от мексиканской границы, повернул на северо-восток, к Kansas- City, поэтому делается постепенно прохладней, хотя всё ещё достаточно тепло: на станциях гуляю без пальто. Поезд идёт ровными степями, напоминающими Сонцовку.

Провёл активный день: нагонял дневник и писал письма.

23 февраля -1 марта

Двадцать третьего приехал в Чикаго и поселился в Congress Hotel, где уже стоял рояль, что очень важно, так как надо было повторить 1-й Концерт. Появился сейчас же Готлиб - с цветами, он думал, что со мной приезжает и Пташка. Со времени последнего приезда в Америку, я отстранился от него, но он оказался таким же преданным, услужливым и... слегка бестактным.

Двадать пятого я играл 1-й Концерт и дирижировал Дивертисментом (первое исполнение в Америке). Двадцать восьмого и первого - 2-й Концерт и три номера из «Стального скока». Сток простудился и уехал поправляться. Дирижировал Делямартр, как и в 1918 году, - человек музыкальный, но машущий как варёная муха. К тому же он не выучил партитуры и не знал, чего требовать от оркестра. Так что аккомпанементы Концертов фактически разучивал я, стоя за спиной Делямартра. Также, став за пульт для Дивертисмента и «Стального скока», я, после анемичного Делямартра, чувствовал себя заправским дирижёром, знал, что надо требовать от оркестра, и дирижировал гораздо лучше, чем теми же вещами в Париже и Cleveland. Результат: «Стальной скок» в первый раз имел успех в концерте (громкие аплодисменты после поезда). Дивертисмент тоже был сыгран неплохо (несмотря на одну репетицию), но успех средний. Кто бы мог подумать, что эта вещь неприемлема по первому слушанью! Но, разумеется, самый большой успех имели оба Концерта, особенно Второй. Критика пёстрая о композиторе и единодушно хвалебная о пианисте и дирижёре. Вообще я выхожу в люди как дирижёр. Оркестр отличный, и ко мне относился хорошо, но у него сто восемьдесят пять концертов в году, и потому он никогда не может достаточно репетировать.

Из старых знакомых видел Больмов, Анисфельдов, Карпентеров, доктора Шмидта. Последний мне устроил большой обед, на котором была и Пташка, подъехавшая из Калифорнии. После неудачи в Лос Анжелесе, она хорошо спела на частном концерте в Santa Barbara, и это подняло её дух. Самостоятельное путешествие из Santa Barbara в Чикаго она тоже совершила благополучно. Первого марта я отправил её в Detroit вперёд одну, чтобы она там успела выспаться перед концертом.

Чикагская опера была в отъезде, но вообще она сейчас в таких руках, что на неё надежды плохи. Построили новый театр, с хорошей акустикой, но вульгарной отделкой. Все жалеют о старом. Декорации «Апельсинов» сгорели во время небольшого пожара. Шутя, я сказал Карпентеру:

- Это, конечно, Johnson поджог?

Карпентер:

- Я тоже думаю, так как декорации моего балета сгорели одновременно, а он одинаково не любит нас.

2 - 3 марта. Детройт.

Утром приехал в Детройт. Пташка приехала накануне, вчера, и поселилась на двадцать четвёртом этаже, откуда видна река и за ней Канада. День ушёл на различные репетиции, так как концерт камерный: «Еврейская увертюра», Пьесы со скрипкой; затем надо было повторить с Пташкой и самому поиграть. Члены детройтской Pro Musica - люди, интересующиеся и приятные: помогали, в чём могли. Вечером концерт, прошедший очень живо, гораздо живей, чем с Pro Musica в Лос Анжелесе или Нью-Йорке. Пташка тоже имела хороший успех, а «Еврейскую увертюру» повторили. После концерта кормили бутербродами, поили кофием и жали руки. На другой день мы писали письма, читали рецензии, которые были хуже, чем приём публики, и под вечер выехали в Нью-Йорк.

Детройт - большой город, в котором немало эффектных небоскрёбов. Но помимо них он некрасив - той грубой некрасивостью, которая свойственна большинству средних городов Соединённых Штатов.

4 - 7 марта. Нью-Йорк.

Четвёртого марта закончилась наша почти месячная поездка в Калифорнию. Остановка в Нью-Йорке на три с половиной дня - и затем Гавана. Эту остановку я имел ввиду использовать для «Огненного ангела»; но Судейкин оказался занятым эскизами декораций для «Моряка-скитальца» и отстал от «Огненного ангела». Ясно: «Моряк-скиталец» предполагался для будущего сезона, а «Ангел», вероятно, через сезон. Либретто (сокращённое), которое Судейкин взялся перевести на французский язык и вручить Гатти, было только лишь вчера переведено и ещё не настукано на машинке. Делалось это кустарным образом: с русского перевели на плохой английский; с плохого английского переделали на хороший английский, а с последнего на французский. В результате от моего текста ничего не осталось: не только получилось нечто совсем невыпуклое, неживое, но и добрая четверть была переврана. Пришлось мне самому сесть за исправление и стучание на машинке, на что ушло два полудня и кончилось головной болью. Работал я у Судейкина и, не останавливаясь, ругал и переводчицу, и его самого, едва не выведя его из терпения. С Серафином тоже не повезло: он как раз уехал на неделю, правда, вместе с клавиром «Ангела». Посоветовавшись с Mrs Kahn, решено было отдать либретто Зиглеру, заведующему финансовой частью театра, с просьбой передать его Гатти, дальнейшие же переговоры отложить до моего возвращения из Гаваны.

Розинг тоже молчал, но я ему звонить не хотел; и лишь за четверть часа до отъезда мне сообщили о его телефоне. Таким образом и этот вопрос отложился до возвращения.

Приехали Кусевицкие давать очередной концерт в Нью-Йорке. Играл он симфонию Гайдна с четырьмя валторнами, которую я ему порекомендовал, и тупую сюиту американского композитора Грюнберга. Странный человек Кусевицкий: меня не играет, 2-ю Симфонию Дукельского всё откладывает, а для всякой мерзости, вроде Грюнберга или Лазара, место есть.

В Нью-Йорк приехал здешний кумир Тосканини, лавры которого не дают спать Кусевицкому. Так как Тосканини прошлой весной сыграл с большим треском мою «Классическую» Симфонию (до неё он вообще не играл русской музыки), то я решил пойти «пожать ему руку». Об этом я сообщил его другу и поклоннику Максу

Smith и получил от Тосканиии приглашение прийти на его репетицию. Это было чрезвычайно интересно. Тосканини горячился, терял палочку, кричал оркестру «vergogna» - но дело не в этом. Дело в том, как безоглядно отдаёт он себя той вещи, которой дирижирует. Даже взмах у него гораздо менее пластичный, чем у Кусевицкого. Но наш Куся всё время позирует и думает о себе и публике, Тосканини же забывает всё и вся и с головой уходит в исполняемую вещь. И как он знает партитуру! В общем - полезная для меня репетиция, т.е. для моего дирижёрства: 1) лучше учить партитуры; 2) больше сливаться с вещью и музыкантами.

Встреча произошла во время антракта. Тосканини был прост и мил, и правильно произносил мою фамилию, но забыл, что мы четыре года назад встречались за завтраком у Steinway, и сказал, что рад со мною познакомиться. Спросил, что я сочиняю. Я нарочно сказал, что симфониетту, хотя она уже кончена. Он ответил: «Отлично, сыграем её в будущем году». Если бы не неловкий шаг Пайчадзе, то он, вероятно, сыграл бы её и в этом.

В 6.50 вечера, седьмого, провожаемые по традиции Дукельским, мы сели в Havana Special и отправились на юг.

7-15 марта. Поездка в Гавану.

Весь день восьмого ехали вертикально с севера на юг. Это очень интересно: растительность постепенно меняется на субтропическую, и воздух становится всё теплей. Под вечер стали мелькать пальмочки, а вечером мы въехали во Флориду. Воздух был тёплый и пахучий, хотя, выходя на станциях, приятнее было одевать пальто. К сожалению, всю Флориду мы проехали ночью, но утром я встал в 6.30, чтобы посмотреть, как мы подъедем к Key West. Линия идёт по длинной цепи небольших низких островков, соединённых мостами через неглубокие проливы. Сам Key West не представляет ничего интересного. Мы покинули поезд и пересели на средней величины пароход. На эстакаде стояли белые и чёрные люди в купальных костюмах и кричали, чтобы им бросили в воду монету: если пассажиры бросали, то ныряли и ловили её.

Выход в море был очень приятным. Море было сначала бирюзово-голубое, потом вдруг переменилось на тёмно-синее. Затем задул ветер и пароход стало подбрасывать, так что мы с Пташкой лежали в каюте и под сердцем посасывало. Перед Гаваной (весь переход длился шесть часов) море успокоилось, и мы вышли на нос. Солнце пекло по-летнему. Гавана с моря некрасива, хотя старый форт недурён, и мы даже сняли его. При проверке паспорта разыгралась целая история: почему у Пташки паспорт на имя Лины Прокофьев, а было сообщено, что ангажирована Лина Любера? В конце концов её согласились пустить на берег, но брали её паспорт, причём расписки о взятии не давали, а мы не хотели отдать без расписки. После долгих и страстных переговоров по-испански и по-английски, расписку нам, наконец, выдали (благодаря вмешательству представителя от Pro Arte, которые нас ангажировали), и мы, рассерженные, поехали по Гаване. По совету Орлова остановились во французской гостинице-пансионе, в residential части города, застроенной очень милыми, часто шикарными, особняками. Заехала председательница Pro Arte - Mme de Giberga с мужем и повезла нас в автомобиле показывать окрестности города, красиво отделанные, но не законченные. Всё богатство Кубы - в сахаре; во время войны сахар взлетел в цене и деньги повалили валом; началась большая стройка по украшению Гаваны. Но война кончилась, сахар упал - и постройки остались незавершёнными. Мы пили кокосовое молоко, которое при нас же добывалось из кокосов (совсем не молоко, между прочим!), и слушали местную негритянскую музыку, однообразную, с довольно сложным, но негромким постукиванием нескольких барабанов.

Концертов было два; они состоялись в очень хорошем, недавно отстроенном зале на 2800 человек. Первый концерт я один, второй - с Пташкой. На первом концерте много народу, вежливо-любезного; после некоторых вещей попроще - успех. Но всё же целый концерт из моих сочинений - пилюля слишком тяжёлая для начинающей публики Гаваны. Это особенно чувствовалось при исполнении «Вещей в себе». Поэтому на втором концерте гораздо меньше народу (четверть зала), но программа легче, да и присутствие Пташки представляло развлечение. Пела она более удачно, чем в предыдущих концертах, имела хороший успех и букет красных цветов, - но всё же могла бы спеть лучше. Самое интересное было - появление представителя кружка современной музыки. Оказывается, таковой есть в Гаване, живо интересуется новой музыкой, издаёт свой журнал и даже (о, неожиданность!) очень оценил исполнение «Вещей в себе». Я пообещал им статью о Мясковском.

Между концертами нам был устроен приём ангажировавшим нас обществом Pro Arte. Приём был парадный и скучный. Много красивых женщин, одетых по парижской моде, но слишком накрашенных. Водили нас на сигарную фабрику, самую знаменитую в мире: Partagas. Здесь не применяется машинный метод, но как и пятьдесят лет назад все сигары делаются руками, с замечательной ловкостью. Эти сигары курят король английский, король испанский и «все оставшиеся монархи». Все «гаваны» - ничто рядом с ними. Я нюхал - пахнут дивно, но закурить не хотел. Предварительно табачные листья смачиваются водой и остаются год или два - бродить. При этом выделяют такой аммониачный запах, что, когда я вошёл в это помещение, у меня едва не потекли слёзы; другие, говорят, начинают безостановочно чихать.

По вечерам мы с Пташкой гуляли без пальто и шляп. Воздух был тёплый и слегка душный. Через пальмы просвечивала луна, стоявшая высоко в небе, почти в зените. Эти прогулки были очень приятны. Но в общем, каждый вечер я чувствовал себя безумно усталым - северянин не привык к тёпло-влажному климату. Днём я, впрочем, работал: комнату продувал ветерок.

Мой гаванский друг Капабланка был в Европе.

Четырнадцатого мы тронулись обратно в Нью-Йорк. Море было неспокойное, и большую часть пути до Key West мы лежали. Не тошнило, но подкатывало к горлу. Хотелось закрыть глаза, но по потолку каюты полз паук, который то приближался к койке, то вновь уходил. Перед Key West стало тише, и мы вышли на палубу. Пташка искала глазами акул, которые, говорят, здесь не редкость. Справка для рыболовов: акула лучше всего ловится на дохлую собаку.

После американской таможни в Key West (искали алкоголь; отобрали фрукты, чтобы не завозили бактерий; разрешили провезти сто сигар - подарки), сели в поезд - две ночи и день до Нью-Йорка.

Пятнадцатого путь на север и постепенная перемена пейзажа, в обратном направлении. Приятно было увидеть более северные картины и начинающуюся весну.

Увидел в газете портрет Амтера: в 1919 году он переписывал мне «Апельсины» и захлебываясь говорил о коммунизме: показывал мне свои сочинения - сложные партитуры, которые я пытался устроить к Коутсу исполнить, - неудачно. В связи с состоявшейся на днях в Нью-Йорке коммунистической демонстрацией (вероятно, на русские деньги), он с несколькими другими вожаками арестован. Поэтому их портреты в газетах.

16 марта. Нью-Йорк.

Вернувшись в Нью-Йорк, нашли довольно большое скопление писем. Кажется,

в Москве и Кадникове вновь остались без денег: видно, Гусман, уйдя в отставку, забыл выполнить мои поручения. Поэтому строчил письма в Большой театр. Звонил Судейкину, который сообщил, что Серафин вернулся, клавир «Ангела» просмотрел и очень хвалил, с оговоркой некоторых мест. Гатти, по-видимому, тоже прочёл либретто. Завтра встретятся Гатти, Серафин и Судейкин, и тогда станет известно, что решит Гатти.

Вечером нас пригласили на квартетный вечер, где исполнялась моя «Еврейская увертюра». Я - почётный гость, как, впрочем, и Гречанинов, другой почётный гость. Мы с Пташкой пришли не к началу и скромно уселись в конце зала. Меня, впрочем, открыли и попросили сесть в видную ложу, но я уклонился, сказав, что и тут отлично.

Увертюру сыграли слабовато; успех средний; несколько попыток вызвать меня, затем всё успокоилось. Вдруг выходит на эстраду председательница общества и говорит: «Если не ошибаюсь, в зале Прокофьев; может, он встанет и покажет себя присутствующим». В зале движение. Я сижу, уткнувшись в программу. Никто не встаёт. Начинается смех. Председательница смущённо уходит с эстрады. При начале следующего номера мы с Пташкой тихонько удираем, уклонившись от ужина, назначенного после концерта.

17 марта

В связи с приближающимся отъездом в Европу много суеты: пароходные билеты, визы, разговоры с Хенселем, который, оказывается, хочет с меня двадцать процентов, а я настаиваю на пятнадцати, как было до сих пор.

Самым приятным было свидание с Энгелем, чтобы окончательно решить заказ квартета для Вашингтонской библиотеки: тысяча долларов к первому января 1931 года, всё на слово. Так как Энгель стал теперь во главе Ширмера, я спросил его, не взял бы ли он представительство нашего издательства, так как теперешний представитель Максвел, вследствие своей невыносимой задирчивости, испортил нам отношения со всеми американскими оркестрами. К удивлению, Энгель сказал: «С удовольствием», поэтому я немедленно принялся за длинное письмо Кусевицкому.

От Судейкина поступили сведения неприятные: Гатти про либретто «Ангела» высказался, что оно «неприемлемо», и таким образом во второй раз прокатил меня, через десять лет после первого. Впрочем, сейчас же был выставлен «Игрок», и Гатти сказал, что такой сюжет может прийтись больше ко двору.

18 марта

Mme Стоковская пригласила нас в свою ложу на «Весну священную», которую будет дирижировать Стоковский в апреле. Но мы через десять дней уезжаем в Европу. Поэтому Стоковские пригласили нас сегодня завтракать и «посмотреть новую, совсем современную квартиру». Со Стоковским установились какие-то странные отношения: с одной стороны, он ломал палочку о мою 2-ю Симфонию, с другой, не приглашал играть, когда я в Америке. Но раз Куся не играет моей 3-й Симфонии и кочевряжится с Симфониеттой, то надо воспользоваться жестом Стоковского на сближение. Как назло, у меня начала разбаливаться голова, но отказываться от завтрака было неудобно. Я звонил Клейну, прося его о помощи. Завтрак прошёл приятно; голова не то что прошла, но очень не мешала. Стоковский много интересного говорил об Индии, произведшей на него большое впечатление, и вообще был покультурней, чем наш милый Куся. Через три недели Стоковский будет играть мою Увертюру Ор.42, которая, между прочим, переделанная для

большого оркестра, ещё ни разу не исполнялась.

Был я ещё у Розинга, который болен и просил меня зайти поговорить о постановке «Огненного ангела». Компания это довольно двусмысленная, одни говорят, что они достали денег для будущего сезона, другие - что у них ни гроша. Постановку тоже ругают, но зато они путешествуют по всем городам Америки. Розингу нравится сюжет «Огненного ангела», но у них оркестр в тридцать шесть человек: как же они будут ставить?

19 марта

Розинг предлагает, чтобы кто-либо из моих «учеников» под моим руководством сделал вторую версию партитуры «Огненного ангела» - для оркестра в тридцать шесть человек, за что они заплатят. Я отвечаю: лучше достаньте деньги и закажите мне новую оперу - тогда я сразу сделаю для малого оркестра.

Был у Серафина, он женат на русской, играл ему отрывки из «Игрока». Рулетку я врал неимоверно, но он остался ею очень доволен и взялся вручить завтра либретто Гатти. Посмотрим, что выйдет. Мои радости «перерождению сердца» у Metropolitan оказались преждевременными: перерождение пока неполное.

Вечером я выехал в Монреаль - концерт завтра.

20 марта

В Монреале оказался ледяной ветер, а под ногами довольно много снега. Остановился я у Fortier - очень милые люди и очень дружеская встреча. Метнер жил у них шесть недель.

Концерт в «Университете музыки», в небольшом зале на шестьсот человек, но и то лишь наполовину наполненном. Играл я довольно равнодушно, публика была сначала такая же, но под конец оживилась и потребовала два биса.

После концерта – гости и ужин у Fortier. Фортье жаловался на немузыкальность Монреаля.

Спал я в постели Метнера, но ничего не снилось.

21 марта

Распростившись с семейством Fortier (короткое, но очень приятное séjour[7]), в полдень тронулся в Чикаго. Холодно, снег. Когда с двумя чемоданами в руках я вышел на улицу, снесло шляпу. Пока бегал за ней, было ужасно холодно голове. Шляпу еле поймал таксист в конце улицы.

В окна вагона - сначала снег, который затем постепенно уступил место серым пейзажам: весенняя и зелёная травка ещё здесь не показатась. А то было бы красиво, с лесами, полянами, озёрами и камнями.

Догонял дневник.

В газете написано, что вчерашняя программа была недостаточно серьёзна. Вот, угадайте.

22 марта

Утром Чикаго. Готлиб. Congress Hotel.

Пташка приехала из Нью-Йорка в половине четвёртого. Перед двумя концертами она волновалась.

[7] Пребывание (фр).

23 марта

Сегодня первый концерт - маленький зал довольно аристократического клуба, присутствует - человек сто-двести, среди них Карпентеры, Mrs Рокфеллер-Мак Кормик, затем выплыли бывший консул Волков и Mme Больм, с которыми вспоминали мои первые годы в Америке десять лет назад.

Я играл спокойно, Пташка пела средне.

24 марта

Завтракали с Рахманиновыми: он с женой, я с Пташкой. Вчера он изумил нас вниманием, позвонив нам по телефону. За завтраком Рахманинов был в отличном настроении и даже подсмеивался над Метнером, рассказывая эпизоды из его американской поездки. Оказывается, Метнер не переносит американских спальных вагонов: то его будит шум, то шевелится занавеска. Однажды, измучившись ночью в спальном вагоне, он утром пересаживался, и в ожидании следующего поезда заснул на диване на вокзале. Подошёл служитель и заявил, что на диване можно сидеть, а лежать нельзя. Жена оберегала сон и всячески старалась объяснить служителю, кто такой Метнер. Но тот был непреклонен, и Метнеру пришлось сесть.

Рахманинов заявил, что придёт на концерт специально, чтобы послушать Пташку. Пташка всячески умоляла его не приходить и не смущать её, но Рахманинов ответил, что раз он на свои кровные купил билет, то должен его использовать. Поддразнивая Пташку, он вынимает билет и показывает ей.

Концерт в Orchestra Hall, слушателей человек тысяча, но большой зал выглядит пустовато. Зато приём удивительно равномерно-горячий. Пташка поёт совсем неплохо и имеет успех. Концерт проходит оживлённо. Пташка видит в партере Рахманинова, он сидит, внимательно уставившись. На половине концерта уходит, так как в десять вечера у него поезд в Детройт.

После концерта едем в два места, несмотря на бурю. С нами Больмы, Анисфельды, Волковы, Готлиб. У Брустеров чудный дом, полный современной живописи лучших художников. Замечательная коллекция!

Волков бедствует, но сегодня побрился и одел смокинг. С удовольствием пил шампанское, которого не пробовал несколько лет.

25 марта

Вчерашняя буря перешла в снежную метель и превратилась в целое общественное бедствие. На улицу невозможно высунуться. Встал вопрос, найдём ли автомобиль, чтобы попасть на поезд. В конце концов попали. В поезде тепло и удобно, а через час-два он и вовсе вышел из зоны метели.

Читали рецензии про вчера.

Пташка сначала не хотела их видеть, и действительно первые оказались незначительными, но затем появились хорошие. Особенно постарался Розенфельд, которому я вчера по старому знакомству подарил несколько сигар, из привезённых из Гаваны. Сигары помогли.

Вечером Рахманинов рассказывал, что недавно, придя на концерт Гофмана, он услышал на бис очень острый марш. После концерта Рахманинов сказал Гофману: «Вот какие вещи вы стали сочинять», будучи уверен, что Гофман сыграл что-то своё. Но тот ответил: «Это марш Прокофьева» (Op.12). Выходит будто комплимент, а на самом деле шпилька, если подумать, какой плохой композитор Гофман, за чью вещь принял Рахманинов мой Марш.

26 - 28 марта

Возвращение в Нью-Йорк из Chicago и хлопоты перед отъездом в Европу.

Серафин сказал по телефону: «Гатти прочёл либретто «Игрока» и не понимает, какую из этого можно сделать оперу. Но интересуется». Так как всё равно раньше, как через сезон, ставить не будут, то Серафин советовал прислать клавир, как только он появится из печати.

С Розингом тон другой. Через месяц выяснится, будут ли у них деньги на ведение будущего сезона. Для удобства мы с ним набросали предварительные условия: если придётся договариваться телеграфно - то чтобы иметь исходный пункт. Относительно того, будут ли у них деньги, ходят слухи разные: Mrs Borden, например, у которой я был в Чикаго, говорила, что ей удалось добыть для них ссуду (вернее, обещание ссуды) в двадцать пять тысяч долларов для гастролей в Чикаго, но при условии, что такая же ссуда будет найдена в Нью-Йорке.

Судейкин, видя, что с моими операми заскок, теперь занят вопросом о постановке «Моряка-скитальца» (уж очень ему удалась вода в «Садко»!). Конечно, это понятно, потому что надо же ему заботиться о следующем заказе от Metropolitan. И всё же я не мог отделаться от чувства какой-то измены с его стороны (попробовал - не вышло - занялся другим), и потому, встретив его, держал себя не то чтобы задирчиво, но несколько милитаристично. Прощаясь, он сказал несколько вяло: «Вы меня удивляете такими чрезмерно бодрыми настроениями... Это уже как-то слишком по-рупрехтовски».

28 марта - 3 апреля. Переезд Нью-Йорк - Франция

Отплыли мы в пять часов дня двадцать восьмого на «Ile de France». Это лучший французский пароход, но интересней было ехать на «Европе», новом немецком быстроходе, который вышел на полсуток позднее и обогнал нас на полпути. Мы страшно дымили и долго прикрывали её дымом, но вдруг завеса рассеялась и все высыпавшие на палубу пассажиры увидели, как «Европа» ушла вперёд.

Провожали нас Дукельский и Кока Штембер, который совал в руку часы и говорил: «Поедешь в Россию, так передай моей сестре Наде; понимаешь, не Соне, а Наде; Наде, а не Соне». Так что я в конце концов спутался, кому надо передать. Асланов тоже приезжал на пароход, но он так огромен и толкотня такая невероятная, что он нас не нашёл и оставил записку. О роскоши «Ile de France» говорили так много, что мы оказались разочарованными, как всегда в таких случаях. Каюта на «Беренгарии» была и в самом деле лучше. Впрочем, здесь мы получили ванну - любезность от компании в честь моих талантов. Публика оказалась тоже менее значительной, чем на «Беренгарии». Был Гречанинов, которому компания тоже оказала любезность: с билетом второго класса позволила пребывать и питаться в первом и только спать ходить во второй. Гречанинов в сущности мил и очень моложав для своих шестидесяти семи лет. Жена, наоборот, довольно несносная, хвастливая, хоть и старалась быть приятной.

Капитан по очереди приглашал к столу разные группы: то дипломатов, то инженеров. Когда настала очередь музыкантов, обедали и мы с Гречаниновым.

Довольно сильно качало, но это больше на меня не действует, и я порядочно занимался корректурой клавира «Игрока». С проверкой трёх текстов - это работа кропотливая.

4 апреля

Ехать надо было всё-таки не на «Ile de France», а на «Европе». Обещали, что

«Ile de France» придёт в Гавр третьего днём, но пришли мы лишь в час ночи на четвёртое. Я должен был мчаться на мой фестиваль в Брюссель и из Америки просил Cuvelier телеграфировать мне на борт, когда репетиции. Но никакой телеграммы (кроме как от Mémé, что дети здоровы) не было, и я не знал, сколь мне надо торопиться. Торопиться во всяком случае надо было, а между тем до двух часов продержали с формальностями, в шесть же утра разбудили и в половине восьмого поехали в Париж, куда прибыли без четверти одиннадцать дня. Хотя хочется спать, но решаю в шесть вечера ехать в Брюссель.

С Пташкой крупный разговор о квартире. Она хочет ехать в Le Cannet к детям, так как очень устала. Я говорю, что раз сняли квартиру, то надо сначала посмотреть, хоть в каком она виде; двинув же дело с ремонтом, можно ехать в Le Cannet. В конце концов, если Пташка и устала, то от концертов, которые делала для собственного удовольствия, да и всех-то их было шесть на протяжении трёх месяцев. Квартира оказалась в грязном виде: надо мыть, красить, менять обои, чистить бобрик[8].

Встретили нас супруги Пайчадзе и Mlle Artner от Вальмалета. Осмотрев квартиру, повздорив с Пташкой, поговорив о накопившихся делах с Пайчадзе и Вальмалет, я в шесть часов сидел уже в поезде по дороге в Брюссель. В поезде прочёл странное письмо от какой-то неизвестной женщины из Ленинграда, несомненно сумасшедшей, которая рассказывала о своих несчастьях, объяснялась в любви, звала приехать и увезти её. Адрес невероятный - я понять не могу, как такое письмо попало в бюро Вальмалета, а потом ко мне. Мелькнула мысль: а вдруг это Наташа, и стало не по себе при мысли, что она сошла с ума. Посмотрев внимательно, я увидел, что нет. Просто неизвестная безумная, которую мой образ почему-то преследовал.

Приехав в Брюссель, ни до кого не мог дозвониться и еле живой лёг спать, так и не зная о судьбе моего завтрашнего концерта. Ночью разбудил телефонный звонок от Ансерме - он где-то ужинал, вернулся в свой отель и нашёл записку, что я звонил. Концерт завтра, всё в порядке, репетиции идут благополучно, и завтра в восемь утра Ансерме зайдёт ко мне условиться о темпах.

5 апреля

В восемь явился Ансерме, с которым наскоро прошли темпы Симфонии и Дивертисмента. Я дразнил его, что буду рассказывать, как пьяный Ансерме звонил в три часа ночи и не давал спать. Репетиция в девять. Приятно было услышать 3-ю Симфонию, в которой пришло в голову несколько ретушей. Дивертисмент я собственно слушал в первый раз, по крайней мере сидя спокойно в зале (когда я им дирижировал в Париже и Чикаго, то слушать было некогда).

Концерт днём. Рояль стоит далеко от Ансерме, поэтому шероховатости и лёгкие расхождения, тем более, что мало сговорились. В остальных вещах Ансерме дирижирует хорошо. Симфония имеет успех: он выходит четыре-пять раз кланяться. 3-й Концерт - большой успех, но Дивертисмент успеха не имеет. Подумайте! Значит, нужно время, чтобы к нему привыкли. Надо сделать переложение в две руки и немедленно напечатать. В заключение - четыре номера из «Шута», большой успех, и я встаю кланяться из зала.

Пьём чай с Le Boef `ами. Le Boeuf мил и интересен, но говорит только о своём новом зале, который и впрямь чрезвычайно удачен. Вечером с Ансерме пошли в кинематограф. Ансерме рассказывал, что Стравинский пишет для Бостона симфонию с хором, «которая, впрочем, вовсе не симфония». Я заинтересовался

[8] Т.е. ковёр.

подробностями, но Ансерме замялся.

Я:

- Если вам поручили тайну, я совсем не хочу её выпытывать.

Ансерме:

- Тут тайны нет, но Стравинский сам не любит об этом говорить, вероятно потому, что не имеет уверенности, выполнит ли он свои проекты.

6 апреля

Повторение вчерашней программы. Симфонию слушаю из ложи Le Boeuf. В Париже играли лучше, но в том зале звучало хуже. Le Boeuf - рядом; он хороший музыкант, разбирается в форме, отмечает канон в разработке первой части. Когда открывали этот зал, он продирижировал - и наизусть - увертюрой из «Мейстерзингеров».

Успех был такой же и в том же порядке, что вчера.

7 апреля

Сегодня отдых и повторение вещей к завтрашнему реситалю. Корректировал «Игрока».

8 апреля

Реситаль. Я смущён, что в том же огромном зале, боялся, что будет аравийская пустыня. Но ничего, публики не так мало - ползала. Приём тёплый. Встретил Лелю Бришан[9]. С ним пили чай после концерта.

9 апреля

Путь в Париж, куда я попадаю, впрочем, на один день. С Пташкой сначала холодно, потом нежно; поссорились из-за квартиры, где ничего ещё ни с места, а Пташка уже устала.

10 апреля

Думал зайти в Полпредство к Аренсу, чтобы поговорить и выяснить, ехать ли в мае в Москву. Но в Париже настроение очень антисоветское: возмутил увоз Кутепова, много разговоров об антирелигиозных гонениях в России. Я бы не обратил внимания на эмигрантские настроения, но произвело впечатление письмо от Мясковского, которое прямо не советует приезжать из-за музыкальных перемен: всё перешло в руки моих адверсеров[10] - пролетарских музыкантов. Мейерхольд тоже странно молчит. Выходит, что как будто ехать не надо. Кроме того, я устал от скитания, а предстоит ещё метаться весь апрель по Европе.

Вечером - отъезд в Турин.

11 апреля

В полдень в Турине, а вечером реситаль, в довольно пустынном театре и при довольно холодной публике. Но директор Gatti, поклонник новой музыки, мил,

[9] Муж Сони Бришан - кузины С.Прокофьева.

[10] Противников, от adversaire (фр).

хвалит, считает, что для первого раза это успех, и с улыбкой платит четыреста долларов, гонорар - явно для него убыточный.

Не все Gatti свиньи.

12 апреля

Критики подтвердили мнение Gatti - хорошие. Путь из Турина в Cannes, очень интересный, через горы. В Le Cannet в одиннадцать вечера. Дачка не особенно удобная, но приятный сад, весь в цветах. Святослав чуть вырос, загорел, в общем изменился мало. Bébin - здоровенный пузырь, капризный и дичится. Пташка сегодня утром приехала из Парижа, стала слишком энергично его ласкать - и он боится её. Поэтому я старался быть осторожным с Bébin и не настаивать на своём внимании.

14 апреля

Настроение обитателей дачи было с внешней стороны хорошее, но существовали также различные внутренние течения: от Mémé по традиции попадало (и довольно сильно) Avi; кроме того, были шпильки Пташке; Эльза стремилась в Данию; Bébin капризничал, у меня с Пташкой имело место тоже некоторое раздражение.

Я делал корректуру, а четырнадцатого переехал в Monte-Carlo, где пятнадцатого апреля первая репетиция.

15 апреля

Monte-Carlo ненарядно. Больше всего немецких туристов, которые элегантностью не отличаются. Но для меня главным впечатлением была необыкновенная пустота от отсутствия Дягилева. Монте-Карло для меня так связано с ним, что я, не видя его фигуры, не чувствуя присутствия русского балета, бродил точно в пустом городе. Пошёл обедать в ресторан Сергея Павловича и с maître d'hôtel'ем говорил о нём.

Репетиция прошла под управлением Paray, который ещё не так давно выходил из комнаты, когда Боровский где-то играл мои сочинения. Теперь он дирижировал без любви, но честно, и даже хвалил Концерт за ясность, не за музыку. Затем я репетировал три номера из «Апельсинов», помня мои впечатления от репетиций Тосканини, а именно: надо быть с головой в пьесе и в оркестре - в этом залог удачи. Оркестр не то чтобы плохой, нет, музыканты неплохие, но им решительно наплевать и на музыку, и на исполнение. Очень типичная черта для французских оркестрантов.

16 апреля

Утром вторая репетиция, но у меня тяжёлая голова, которая, впрочем, улучшилась к трём часам, к концерту. На концерт надо было надеть фрак, несмотря на денное время, но таков уж тут обычай: считают, что так парадней (!).

Я играл 3-й Концерт, не без фальшивых нот; дирижировал недурно. В четвёртом ряду, во время исполнения, увидел Святослава, которого Пташка в первый раз привела на мой концерт. И она, и я боялись, что при моём появлении он закричит «Папа!» Но он большой мальчик и вёл себя как следует.

В артистической Григорьев, Павка - отзвуки русского балета. Я страшно рад Павло Егоровичу. Вместе обедаем в ресторане Дягилева и за тем же столом, за которым он всегда ел. Но в разговорах мало затрагиваем С.П. - как-то и П.Е., и я

боялись омрачить вечер, хотя все разговоры сами собой вращались вокруг.

Пташка со Святославом остались ночевать и мы хорошо провели время.

17 апреля

Всё утро возня с итальянской визой, которую в конце концов получил, и в 1.40 отправился в Милан, а Пташка со Святославом вернулись в Le Cannet.

Поезд чудный и переезд красивый. Но невероятная новость: самоубийство Маяковского! Из-за женщины, неужели Татьяны? Не может быть! Вернее, тут многое: и творческие, и политические конфликты, и, может быть, женщина, если верно то, что говорят газеты.

К вечеру Милан и отель Regina, довольно противный.

18 - 21 апреля

В Милане пришлось пробыть четыре дня. Из Regina я перебрался в Continental, где в 1915 году мы стояли с Дягилевым. Я боялся, что Continental страшно дорог, но нашлись и умеренные комнаты.

Концерт на выставке, в специально построенном зале, а так как музыка передавалась по радио, то возня как в Москве с Симфониеттой - никак не урегулировать звук: если хорошо слышно в зале, то плохо по радио, или наоборот. Пересаживали оркестр, передвигали приёмник, открывали и закрывали крышку у рояля, а потом вовсе сняли. Словом, потратили массу времени на занятия, к разучиванию вещей отношения не имеющих. Гаво послал рояль из Монте-Карло (в Милане нет концертного), но он опоздал к концерту, так что в программе стоял «Гаво», а на эстраде какой-то местный.

На второй репетиции звук удалось уравновесить, но всё же в этом временном павильоне Концерт как-то терял свою серьёзность. Дирижировал Pedrollo, старательный лысый итальянец, который, как я потом выяснил, - автор оперы на сюжет Достоевского, (он - на русский сюжет, а я «Апельсины» - на итальянский). Я дирижировал сюитой из «Апельсинов», объясняясь с оркестром на плохом итальянском и на французском. Оркестр добродушный, но невнимательный. На концерте публика странная, однако присутствует вся критика и много местных музыкантов, которые хвалят 3-й Концерт и его исполнение. Успех средний, но у 3-го Концерта и сюиты из «Апельсинов» гораздо больший, чем у других номеров программы. Марш пришлось повторить, причём больше всех кричали бис сами директора.

Между репетициями корректировал «Игрока» и покупал все русские газеты, чтобы прочесть про Маяковского. Как типичны оставленные им письма! И какое всё-таки невероятное спокойствие!

22 апреля

Снова Париж. Всё ещё не квартира, а Victoria Palace. С Пташкой отношения превосходные. Видя, как отвратительны все ссоры в доме её матери, она решила избегать их у себя.

Много писем, важнейшие от Боровского, который только что вернулся из России в Берлин. Видел Асафьева и тот категорически не советует мне ехать. В общем, это лишь поставило точку к тому, что писал мне Мясковский. Но Асафьев не решился об этом написать, а передал на словах через Боровского: Мясковский же храбрее - и написал прямо, в этом разница их характеров.

Итак, по-видимому, пролетарские музыканты таки вытеснили меня из России.

Но думаю, что сами они долго не удержатся. Чем они прошли? Политикой. Как спецы же они невысокой квалификации - и в этом залог их краткосрочности. Поездку в Россию надо отложить. На полгода? На год?

Конец апреля - май.

Очень дружеские отношения с Набоковым. Он ласков, занимателен, уморительно имитирует Дягилева или Ларионова, изображает геморроидального генерала, садящегося в кресло. Готовит большую статью про меня для «Чисел», нового русского журнала в Париже.

Когда я сказал, что тему из «Стального скока» в Москве назвали церковной, Набоков ответил: «Не только, такую же песенку пела Плевицкая». Вот тебе и раз.

В «Последних новостях» обличительная статья Бурцева по поводу похищения генерала Кутепова большевиками. Среди похитителей - Аренс. Говорят, он уже не в полпредстве, получив назначение в Москву. Убрали?

Вечер чтения Ремизова. Публика почти исключительно русская. Как всегда, когда я попадаю на такое сборище, - странное ощущение: одни смотрят на меня как на знаменитость, другие - как на большевика. Рахманинов мил. С Метнером я постарался быть любезным, но едва я заикнулся, что предпочитаю Достоевского Тургеневу, он накинулся на меня.

Десятого мая - телеграмма из Нью-Йорка от В. Башкирова: у Б.Н. тиф, он в больнице. Просит разузнать и сообщить. Иду со странным чувством: почти полтора года не было сношений. Может, лежит в бреду? Но его нет дома: только что вышел. На другой день звоню по телефону: тоже вышел. Нормальный блеф. Должен ли телеграфировать об этом Владимиру? Ведь сказать ему правду - утопить Бориса. Наконец, Борис звонит по телефону, страшно заикается, он болен, конечно, тиф, из отеля выселяют, нечего есть, etc. Решаю телеграфировать мягко: поправляется. Об остальном письмом.

Встреча со Стравинским на улице, обнимаемся. Он сочиняет симфонию с хорами, на тексты из псалмов, по латыни. Очень интересно по идее, за исключением латыни: это значит, что псалмы воспринимаются как нечто сухое, клерикальное, а не как пламенная поэзия. Я рассказываю Стравинскому о том, как нашу американскую судьбу топит Максвел, ссорясь со всеми учреждениями, которые собираются нас играть. Стравинский соглашается, хотя сдержанно. Вообще я рад его видеть и чувствую к нему прилив нежности. А когда Набоков отпускал по его адресу сарказмы, это ведь мне нравилось!

Тринадцатого мая приезд Кусевицких из Америки. Под благовидным предлогом мы не были на вокзале: Кусевицкий обещал сыграть Симфониетту в одном из последних бостонских концертов - и обманул. Тем временем Monteux спросил, нет ли у меня чего-нибудь новенького для одного из майских концертов в OSP. Я ответил, что должен беречь свои новинки для фестиваля, который устраивает мне Вальмалет. Monteux позвонил Вальмалету и уговорился с ним, что осенью будет в OSP мой фестиваль с моим участием и премьерой 4-й Симфонии. Тогда я согласился дать на конец мая Симфониетту. Обратились в издательство за нотами, но тут выяснилось, что Кусевицкий не только не сыграл Симфониетту в Америке, но вообще забыл привезти её ноты. Узнав, я даже задохнулся с досады. Телеграммы в Бостон. Спешное составление нового материала. Отмена исполнения Симфониетты в Варшаве (двадцать второго мая). С Кусевицким я не в сношениях, а всё через издательство, где, кстати, директора нет - в отъезде по личным делам Кусевицких. Тем временем у Monteux обморок в ванне - и последний концерт, в котором Симфониетта, отменён. Катавасия, в общем, зря (за исключением Варшавы, из-за которой не стоило волноваться), но принципиально поведение Кусевицкого,

который даже не нашёл нужным позвонить мне и извиниться, не похвально.

Мои музыкальные работы: главным образом над финалом 4-й Симфонии, который даётся не совсем легко. Вторая часть и третья, наоборот, сделались незаметно. Т.е. собственно вторая часть была вчерне сделана ещё в прошлом году - осталось отделать и оркестровать, а в третьей части и вовсе мало работы.

Почему я оставил её в си-миноре? Естественней в до-мажорной симфонии перетранспонировать её в ля-минор или до-минор. Но я не сделал этого не по лени, а потому что именно в си-миноре она звучит гораздо свежее после Andante, чем в других тонах. Недоверяющие пусть сравнят.

Закончена партитура второй части четвёртого мая, третьей — восемнадцатого мая. Кроме того, переложил в две руки Дивертисмент. По непонятным причинам его туго воспринимают. У меня надежда, что благодаря двуручному переложению его скорее раскусят и он приобретёт поборников.

Сувчинский долгое время где-то пропадал. Нашёл я его в несколько беспокойном состоянии духа: он по секрету собирается в СССР. В этом отношении у него уже налажены связи кое с кем в Москве, а главным образом с Горьким. «Евразия» закрылась: нет денег, зато много разногласий между евразийцами. В ожидании Сувчинский занимается пением: у него здоровенныш тенор.

Со Стравинским у него расхождения главным образом из-за Маркевича. Стравинский сказал:

- Я очень любил Серёжу Дягилева, и, может быть, нехорошо то, что я сейчас скажу, но, право, лучше, что он умер, а то бы он, наверное, в этом сезоне выпустил на меня этого мальчишку.

Сувчинский:

- Что вы, Игорь Фёдорович, точно Борис Годунов, в каждом младенце видите претендента на престол.

Этот разговор вызвал охлаждение. Мне Сувчинский развил теорию, что важны те композиторы, которые вносят в музыку что-то новое: в музыкальном языке и в составе музыкальной материи. Если пересмотреть все списки, то таких уж не так много. Бетховена, например, надо исключить. Из позднейших таковы лишь Дебюсси и Прокофьев. Сувчинский всю жизнь болтается как маятник между Стравинским и мною, и теперь склонился в мою сторону.

Семнадцатого мая Mémé привезла детей. Так как в Le Cannet Пташка и Mémé поссорились, то я ездил встречать на вокзал; но Mémé в хорошем настроении, дети тоже румяные и загорелые. Квартира ещё не закончена покраской, но две комнаты готовы, поэтому Mémé с Эльзой и детьми сразу въехали туда, а мы ещё остались в Victoria Palace. Обедали в ресторане. Когда запиликал бродячий скрипач, Святослав вдумчиво сказал: «Паршивая музыка». Перед братиком я и Пташка заискиваем, но он дичится и не идёт. Пташка со мной была мила всё время, но очень близко к сердцу принимала устройство квартиры и нервничала. Двадцатого я уехал в Варшаву.

20 - 26 мая. Поездка в Варшаву.

В Варшаве двадцать третьего концерт из моих сочинений. Должны были сыграть Симфониетту, но по Кусиной небрежности пришлось заменить Дивертисментом и Увертюрой Ор.42. Увертюру попробовали и отменили: трудно её сделать с двух репетиций.

Принимала меня Варшава отлично, хуже понравился невезучий Дивертисмент. Фительберг был мил и водил смотреть свой особняк, который он строит рядом с парком имени Падеревского. После концерта приставали отставные русские поручики с просьбой о помощи. Фительберг сердито от них отругивался, когда

они (пять человек) облепили автомобиль, в который мы садились после концерта. Мне же было их жалко, но всё-таки, что за безобразие так приставать! То же, говорят, было после концерта Орлова.

В окнах музыкальных магазинов выставлены перепечатки моих сочинений. Кто-то наживается, но значит есть спрос и интерес. Иначе говоря - «бескорыстная слава». В других окнах плакаты Гаво, что я играю - их рояль с моим портретом, но таким ужасным, что смотреть противно.

Мария Викторовна, ныне осевшая в Берлине, советовала остановиться хотя бы с утра до вечера, и обещала достать «тузов» для укрепления музыкальной связи с Берлином. Я послушался, тем более, что эта остановка вполне совпадает с расписанием поездов. Тузов она, впрочем, не достала, но познакомила с очень милой дамой Frau Lucie Mankiewitz, к которой по дружбе должен был прийти Клейбер, но не пришёл. Потом нас возили загород в автомобиле и мы пили чай в шумном ресторане на берегу реки. В общем время провели не полезно, но приятно. Вечером, провожаемый Марвик, - в Париж. В поезде недурная тема для скерцо Квартета.

26 - 31 мая

Двадцать шестого возвращение в Париж и восстановление добрых отношений с Пташкой, которая всё время плохо себя чувствовала; было даже вроде сердечного припадка.

Из Москвы приятное письмо: «Апельсины» всё ещё в репертуаре и были даны с ноября одиннадцать раз. Другое письмо - от Б. Башкирова, с обращением: «Сергей Сергеевич», без «дорогой». Он всё ещё болен, в трудном положении, а так как я «взял на себя освещать положение Владимиру», то чтобы я телеграфировал последнему и испросил денег. Дня через два Борис подстерёг меня у подъезда - и мы пили с ним кофе в кафе на углу. Татьяна выгнала своего сына, Колю Сидорова, пятнадцати лет, тот спал в парке и кроме того, стащил с лотка книжку о теннисе. Теперь он арестован - необходимо спасать, взять адвоката, а для этого нужны деньги. Кроме того, самого Бориса выгоняют из отеля за неплатёж и ему нечего есть. Словом, надо телеграфировать Владимиру. В заключение Борис настойчиво просил у меня денег. Владимиру я обещал не телеграфировать, а написать (в телеграмме всего не объяснишь), а денег Борису не дал (дельно!). Получилась театральная сцена: Борис бежал по площади и отчаянно требовал денег; я спешил уйти; он восклицал: «Где же мне достать?», - я прибавлял шагу и разводил руками, как делают французы.

После этого пришло ещё два письма, на этот раз на «Дорогой Сергей Сергеевич», где Борис писал о нарывах и необходимости операций. Может, он впал в наркотики и нарывы от этого? Владимиру я написал.

1 июня

Работаю над финалом 4-й Симфонии. Также немного над Квартетом. Возился с обмундированием квартиры. Много жуликов среди красильщиков, мебельщиков и пр. Пташка каждый их подвох воспринимает как личную обиду и вносит много страсти в это дело. Лучше заранее положить, что при устройстве квартиры тебя обкрадут, например, на десять процентов затрачиваемой суммы, огорчиться один раз - и затем сохранять спокойствие.

3 июня

Вечером у нас: Мейерхольд, Сувчинские и Набоковы. У Мейерхольда были

технические неприятности с театром, поэтому они никуда не показывались, но теперь «небеса дел проясняются». Сувчинский виделся с Шаляпиным и они вместе бродили по улицам Парижа. Шаляпин на этот раз не понравился Сувчпнскому: старался произрекать, но изречения были странные. Например: «Вот, говорят, там разные Карлы Марксы или Иисусы Христы. А я вам говорю: уют человеку нужен, уют!» Сувчинский передавал эту фразу, подражая голосу Шаляпина.

4 июня

Две длиннейшие телеграммы из Нью-Йорка от Владимира с просьбой, ввиду личной дружбы, разобрать, в чём дело с Колей Сидоровым, и, если можно, помочь; деньги будут возмещены, но ни копейки Татьяне и ни слова о Борисе. Вслед за телеграммой появилась Татьяна и, конечно, стала бурно тянуть с меня деньги. Мальчишка действительно арестован, нужен адвокат, нужны всякие взносы.

Вечером исполнение «Оды» Маркевича: хороший, небольшой оркестр, слова на Кокто. В снобистических кругах Парижа Маркевич нашёл поддержку и деньги для устройства концерта. Одни рады за него, других это злит. Во всяком случае, в концерте много лиц, которых привыкли видеть в дягилевских спектаклях. Сама «Ода» не плоха, но и не то чтобы очень интересна. Много хиндемитовских формул. В конце вечера вышел Дезормьер и сказал, что по желанию многих из публики «Ода» будет повторена - и повторил. Но ещё утром на репетиции было известно, что она пойдёт дважды. Маркевич подходил ко всем и спрашивал, как нравится. Я ответил:

- Посвятите её Бекмессеру.

Маркевич:

- Кто это, Бекмессер?

Я:

- Un poète.

Он ничего не понял. У Нувеля он тоже спросил:

- Как вам понравилось?

Нувель ответил:

- Менее, чем вам, - и потом всем хвастался своим ответом.

Нувелю не понравилось. Сувчинский, наоборот, восторгался, Набоков был эвазивен[11].

5 июня

Диктовал статью о молодых русских композиторах для Гаваны. Там очень милое Общество современной музыки, и я обещал им, когда был там.

6 июня

Концерт Горовица, масса нарядной публики. Горовиц - исключительно талантлив, но не исключительно умён. Поэтому была опасность, что с американскими успехами он остановится в росте. Но нет: в Сонате Листа поразительная нежность. В программе - целая группа моих сочинений, в том числе «Наваждение», про исполнение которого мне в Америке прожужжали уши: без педали, пружинисто, невероятно. Сыграл он хорошо, но не пружинисто, и с педалью, а глиссандо в конце не блестяще: болел ноготь, как он объяснил после концерта.

[11] Туманен, от évasif (фр).

7 июня

Первая встреча с Кусевицким: любезно пожали друг другу руки, но разговаривали только перед уходом. Я подошёл и спросил, как ему понравилась симфония Набокова, которую последний недавно сыграл ему. Но сразу возникли лёгкие разногласия. Я сказал, что лучше первая часть; Кусевицкий ответил: «Это оттого, что она похожа на твою музыку; мне же больше нравятся вторая и третья части».

9 июня

У Hammond чай со Стоковским. С последним я ласков - в пику Кусевицкому. Стоковский за последние годы начинает медленно просыпаться на мою музыку: играл 2-ю Симфонию, а теперь в апреле - Увертюру Op.42 (хотя и с ужасной купюрой, о которой я узнал после). Теперь он собирается ставить в Нью-Йорке «Стальной скок», со сценой.

11 июня

Пайчадзе всё время разъезжает по частным делам господ Кусевицких - и издательские дела неглижируются[12]. Теперь, хотя он здесь, я решил выразить протест и в издательстве не появлялся всё время. По поводу же дальнейшего печатания моих сочинений послал Пайчадзе деловое письмо. В ответ он звонил и просил заехать для личных переговоров. Я отправился. Решено: будут гравировать клавир Дивертисмента и струнные 3-й Симфонии. Партитуры награвированы, а духовые - слишком дорого, может сделают их литографским путём. На мои обвинения, что у Стравинского все вещи печатаются немедленно, а у меня хронический и безнадёжный затор, - Пайчадзе показал выписку расходов за несколько последних лет, из которой следует, что на меня регулярно тратилось вдвое больше, чем на Стравинского - и всё-таки не могли всего напечатать.

Расстались довольно мирно.

12-15 июня. Автомобильная поездка.

Канцлер Бетман-Гольвег, один из дипломатических героев войны, после революции и отставки сидел в своём имении под Берлином и играл Баха. У него сын, длинный, любезный, молчаливый. У сына огромный открытый «Мерседес», на котором он приехал в Париж. Так как с этим сыном очень дружат Набоковы, то состоялась поездка по Франции в «Мерседесе»: Бетман-Гольвег, двое Набоковых и я с Пташкой.

Поехали через Руан, Довиль (ещё пустынный), St.Michel; затем прорезали с севера на юг Бретань, уютную, но пустынную, и через Нант попали к замкам на Луаре. Здесь природа чудная и замки романтичны. Последняя ночёвка в Шамборе (как первая поездка на Ballot с Самойленками и Башкировым), и пятнадцатого вечером - Париж.

Бетман правит хорошо и машина сильная; на открытом воздухе, ветре и солнце лица наши превратились в медные сковороды. Но поездка вышла на редкость приятной: молчаливость Бетмана искупалась бурной весёлостью Набоковых. Слишком много сквернословия. Врывались к нам в комнату и заставляли сниматься в дезабилье.

[12] Запущены, от négliger (фр).

18 июня

Предложение от однорукого пианиста Wittgenstein'a написать концерт для левой руки. Сначала показалось нелепым, но... если хороший гонорар, то ведь это не так много возьмёт времени.

Завтрак у Кошиц, со Стоковским. Марина - большая семнадцатилетняя барышня, может быть и милой, и противной. После завтрака Стоковский приехал ко мне слушать 3-ю Симфонию, которую обещал исполнить зимой. Вечером у него был Набоков, играл свою симфонию, и Стоковский взял её тоже.

Приехал В.Н.Башкиров с женой, у него тут крупные хлебные дела. Просил хранить в тайне его пребывание от Бориса и Татьяны. Я ему подробно рассказал про Колю Сидорова, дело которого как раз разбирается. Владимир вытаскивал пачку тысячефранковых билетов в уплату моих расходов и страшно благодарил за беспокойство.

20 июня

Владимир Николаевич повёл нас обедать в Ambassadeurs, самый шикарный ресторан в Париже. Он отлично танцевал с обеими дамами (кто бы мог подумать об этом в Петербургско-Самарские времена!), я же совсем разучился. Видя, как он расплачивался по колоссальному счёту, я всё-таки привязался, чтобы он хотя бы заплатил за отель Бориса и взялся починить ему зубы. В.Н. обещал. Сегодня в газетах его портрет и интервью о хлебном рынке.

Набоков, после того, как Стоковский заинтересовался его симфонией, пошёл к Кусевицкому с вопросом, будет ли Кусевицкий её играть или отдавать Стоковскому. Кусевицкий сказал, что будет, и не только в Бостоне, но и в Нью-Йорке. Когда же Набоков заикнулся о непорядках в издательстве, Кусевицкий закричал: «Я знаю, это прокофьевская фронда! И вы туда же?» В общем вышла целая перепалка, так как Набоков под конец не стерпел и начал возражать (так по крайней мере он сам рассказывает).

21 июня

Пользуясь согласием Владимира, пошёл платить отельный счёт Бориса. В общем, очень пикантно. Я явился к хозяину отеля утром, то есть когда нет шанса встретить Бориса, так как он спит, и от имени брата предложил заплатить по счетам, которые, кстати, простирались до 1928 года. Отелишко небольшой и хозяин такой же. Поэтому он волновался, тыкая в прошлогодние книги, потом вдруг хорохорился и говорил, что больше этого не допустит. В конце концов счёт оказался в 1908 франков, каковые я и заплатил чеком, наказав ничего об этом визите не говорить Борису, так как «иначе он вам несколько месяцев ничего вносить не будет».

23 июня

Кончил 4-ю Симфонию.

Конец июня.

Ещё несколько завтраков и обедов с Владимиром, который хохотал как дитя насчёт Бориса, не знающего, что счёт уплачен. От Кугеля, представителя Витгенштейна, неожиданный ответ, что пять тысяч долларов за концерт для левой руки - подойдут. Но десять процентов за посредничество. Я возмутился. Однако

Владимир советует согласиться, иначе дело может не выйти.

Мы засиделись в городе, а дачи нет. Пташка по обыкновению не знает, чего она хочет, и винит меня, что я недостаточно энергичен. Без автомобиля трудно искать дачу. Поехали в поезде в Дьепп, чтобы поискать на берегу Ламанша. Дьепп, казалось бы, большой порт и центр, но уже в нескольких километрах от него нет ни газа, ни электричества. Ничего не найдя, вернулись.

Июль

Работал над Квартетом.

Рассматривал симфонию Горчакова (давно лежит).

Искали дачу, ездили в Etretat, на берегу Ламанша, левее Дьеппа. Etretat - милое место, но дач нет. В этом году засиделись в городе. Народ разъезжается: Набоковы - в Германии, Самойленки - на Корсике, Мейерхольды - в Пиренеях. В городе В.Н.Башкиров с женой - и с ними ряд обедов в разных нарядных местах. Десятого от Бориса трагикомическое письмо: он узнал, что Владимир был в Париже и уехал, не повидав его, по моей, конечно, вине, и за это я отвечу перед Богом.

Четырнадцатого ко мне явился каменщик, молодой немец, которого Б.Н. знал по Этталю. Приехав работать в Париж, он встретил Б.Н. и был поражён его бедственным положением. Как я понял из рассказа, Б.Н. успел заговорить каменщику зубы и перезанять у него двести франков. Последний явился ко мне парламентёром, держал себя робко, но дал понять, что Борис считает, что я ему не всё выплатил по моему долгу Владимиру (который перевёл его Борису), и что от этого все его несчастья. Я сказал, чтобы каменщик явился завтра за ответом, а в душе разозлился. Доказать, что я ему должен, я не мог ни ему, ни даже себе, так как с 1920 года выдавал ему деньги без расписок и без счёта, кроме того, он у меня в Эттале жил два года — как это вычислишь? В своё время он писал Владимиру, что всё с меня получил, теперь же, оказывается, что он в упадке по моей вине. Я решил переговорить с Владимиром, пусть Владимир сам к нему съездит - эффектно, после того как Борис уже отправил его в Америку и я ответил за это Богу.

Вечером, по поводу четырнадцатого июля и народных празднеств на улицах Парижа, мы пригласили В.Н. с женой обедать в ресторане с окнами на Place de Rennes, против Gare de Montparnasse, чтобы есть и смотреть, как народ пляшет. Были ещё Ларионов и Гончарова, у которых Владимир по моей рекомендации собирался купить картины для своей нью-йоркской квартиры. После обеда поехали на Place de la Bastille, но там большого оживления не было, и Ларионов потащил нас в какие-то сомнительные кабачки. В одном мужчины танцевали с мужчинами, в другой наших дам не впустили, так как там были свои дамы - в купальных трико; наконец мы попали уже в совсем неприличное место, где толпой ходили совсем голые женщины, так что узкое помещение было бело от тел. Мы, смутившись, попятились, но нас уже сажали за столик и голые тела тесно обступили его. Сунув двадцать франков за беспокойство, мы всё-таки ретировались - и вышли как из бани. Ларионов повёл нас узкими переулками и старинными проходными дворами: ночью, при луне это было очень живописно, какой-то другой век. Особенное впечатление эта эскапада произвела на жену Владимира, молоденькую, хорошенькую американку, которая, вероятно, долго будет о ней рассказывать своим подругам в Америке.

На другой день утром мы с Владимиром назначили rendez-vous перед отельчиком Бориса, и вместе отправились к нему. Хозяин, увидя меня, заплатившего ему деньги, и брата, от имени которого я заплатил, помчался впереди нас и услужливо распахнул дверь в номер Бориса.

Entré[13] наше было донельзя театрально. Борис спал - и спросонья наше появление было ещё невероятней. Поздоровавшись, Владимир медленно сказал:

- А ты что же, всё спишь?
- Мне нездоровится, Володя, видишь, у меня нарывы на руке...
- Сифилис, должно быть?
- Ну что ты, Володя, какие глупости говоришь...

Владимир занял позицию у печки, я сел на единственный стул. Борис сидел на кровати.

- А что это за каменщик, которого ты посылаешь просить за тебя? - спросил Владимир и начал длинную речь, в которой всячески пробирал Бориса: сорок лет, одинокий, и всё не может обучиться клянчить.

- Вот посмотри: Сергей Сергеевич - вот он умеет работать, и сделал себе жизнь. Посмотри, какие дети у него чудные!

Борис сидел смирно, но вдруг сделал выпад:

- Я удивляюсь, как Сергей Сергеевич может ходить к Довглевскому...

Владимир:

- Сергей Сергеевич занимает такое место, что может себе позволить ходить и к Довглевскому.

Борис:

- Именно потому, что он занимает такое место, он не может себе этого позволить.

Владимир:

- Я сам бы с удовольствием пошёл к Довглевскому, если-б он меня принял, потому что с Россией не надо порывать, если только это возможно. Вставай, одевайся, пойдём, я тебе выкуплю твою шофёрскую книжку.

Мы вышли, а минут через пять вышел и Борис, и мы отправились в кафе, где была заложена книжка. Борис шёл немного впереди, Владимир украдкой взглянул на меня и едва не рассмеялся. В кафе вызвали хозяйку. Борис долго с ней шептался (такой заклад - вещь незаконная, и она не хотела выдавать книжку при посторонних). Наконец книжка появилась, Владимир заплатил триста пятьдесят франков и мы сели за столик.

- Хочешь кофе? - спросил Владимир.
- Да, я, Володя, ещё не пил.

Спросили ему кофе и Владимир вынул толстую пачку денег.

- Я тебе дам ещё пятьсот франков, - и стал медленно, по-купечески, отслюнивать по стофранковке: клал её на стол, разглаживал, затем брал следующую и т.д.

Вручив, наконец, ему деньги и прочтя дополнительное наставление, Владимир встал и мы вышли. На другой день Владимир уехал в Америку.

Это было шестнадцатое июля, а дачи у нас нет как нет. Я решился на геройскую меру: выписал из Indicateur Bertrand адреса всех агентств в окружности Парижа, сделал общее письмо, велел Астрову его переписать в двадцати четырёх экземплярах, и разослал во все агентства с приложением марки на ответ.

Позвонила по телефону Ида Рубинштейн: она готовит через год балетный сезон и спрашивает, не напишу ли я ей балет. У меня всегда была к ней rancune[14] за «Юдифь» Демази, (в сущности, слава Богу, что не написал), но раз она сама звонила и была скромна, я решил быть корректным и поехал к ней разговаривать. Я сказал, что не отказываюсь, что предпочёл бы сюжет библейский и двадцать восьмого написал, запросив за балет в двадцать пять-тридцать минут пять тысяч долларов. Исходил я

[13] Появление (фр).

[14] Обида (фр).

из того, что Стравинский получил шесть тысяч за сорок пять минут и считал это отличным гонораром. Дня через два Ида позвонила, что согласна, и нам надо повидаться, чтобы поговорить о художественной стороне. Таким образом, вдруг за короткий срок наклюнулось два хороших заказа. Дача тоже стала наклёвываться, близ Rambouillet, по соседству с Рахманиновым - это даже пикантно. Ввиду заказов решили, что можно купить автомобиль - стали смотреть подержанные, но не старше одного года. Больше всего приводили нам четырёхместные Talbot, одиннадцать сил, décapotable[15]. Но выходило дороговато. На улице каждый день лил дождь, так что может уж не так плохо, что мы сидим в городе.

На одном из спектаклей русских опер (не советских, а эмигрантских) встретил Коутса, с которым не общались лет восемь. Он сразу подошёл ко мне, был мил, обещал позвонить, а через несколько дней явился ко мне, сидел, пил портвейн, сиял. Я решил быть корректным и на другой день отдал ему визит.

Август

С дачей в Rambouillet ничего не вышло: местность красивая, дача не новенькая, но какая-то неудобная: ни одного кресла. Вообще впечатление, что ничего уже нельзя найти: были в Bois-le-Roi, в Chantilly, даже видели какой-то запущенный chateau в Avalion, но всё полусимпатичное. Наконец - хорошая дача в Naze, близ Isle-Adam, час от Парижа - и десятого переезжаем. Одновременно вдруг устроились все дела: прекратился дождь, купили автомобиль, безрукий окончательно заказал концерт для левой руки. Автомобиль Chevrolet, небольшой, но шестицилиндровый и восемнадцатисильный, совсем новенький с виду. Его кто-то купил на выплату, но должен был отказаться за неимением средств, поэтому его нам уступили за двадцать тысяч вместо тридцати шести. Chevrolet в Америке - марка малопочтенная, но в Париже, где на американские машины большая пошлина, его уважают. Словом, Ballot был старый аристократ, а Chevrolet молодой демократ. Ездить на нём по городу и в горах в тысячу раз удобнее, он вёрткий и сильный. Но старик Ballot был несравним на ровной дороге.

Появился Лифарь: он теперь главный балетмейстер Grand Opéra и очень хочет, чтобы я написал ему балет. Он даже готов из собственного кармана заплатить тысяч тридцать-сорок франков. Но я показал ему письмо от безрукого, упомянул об Иде и сказал, что менее ста тысяч я не могу, да к тому же хочу, чтобы Grand Opéra приняла сверх балета «Три апельсина». Дело не клеилось. Но как-то я сыграл Лифарю Andante из Квартета, только что законченное. Лифарь пришёл в раж: «Замечательно! Это чистый Моцарт!» В это время явилась секретарша Иды, прося отложить свидание на два дня. Лифарь завертелся - и решил молниеносно: «Пишите бумагу! Я согласен на сто тысяч». Мы обменялись письмами и решили встретиться через два дня в ресторане, где всегда завтракал Сергей Павлович с тем, чтобы затем отправиться к Rouché. Это было одиннадцатого.

Двенадцатого мы отправились в деревню, а тринадцатого состоялся завтрак: Пташка, я, Лифарь и Ларионов. Ларионов как-то прилип к Лифарю и выходило, что декорации будет делать он, а Гончарова костюмы. После завтрака поехали к Rouché, с которым Лифарь подготовил свидание. Свидание было незначительное и мы тут же обменялись коротенькими письмами, что он предлагает написать мне балет, а через год готов поставить «Апельсины». Выходило, будто Opéra заказывает мне балет, а о ста тысячах Лифаря - ни слова. Прощаясь, я сказал Руше, что это для меня большая честь. Он ответил любезностью на любезность: «Что вы, это для нас удовольствие и честь». Лифарь потирал руки: «Вот видите, всё устроено и

[15] С откидным верхом (фр).

вы можете говорить, что вы de l'Opéra».

Я отправился к Иде и мягко отклонил её предложение, говоря, что разговоры с Opéra были начаты раньше. Это правда, так как Лифарь обрабатывал Rouché уже целый месяц, и Ида слышала от последнего, что предполагается заказать Прокофьеву балет. Она просит окончательно не отказываться, а сделать не к осени через год, а к весне через полтора года. Решили отложить разговор, а пока она будет думать о библейском сюжете.

Наша дача принадлежала Stevens'у, родственнику известного художника. Она была просторна, прилично обставлена, с садом, цветами, фруктовыми деревьями, ручьём и даже небольшим болотом. Одна из наших удачных дач.

Я немедленно сел за балет: из записных книжек наскреблось много материала, так что сразу оформилось несколько номеров. Сюжет мы наметили с Лифарём лишь приблизительно. Установили основное настроение, как мягко-лирическое, и разметив номера с точки зрения хореографической и музыкальной. Таким образом балет сидел на крепком скелете, а как мы завяжем и развяжем сюжет, т.е. кто кого полюбит и кто покинет - это в конце концов не так важно.

Пятнадцатого-восемнадцатого были праздники - приехали к нам Пайчадзе. Отношения окончательно восстановлены. Ходили в лес собирать грибы.

Восемнадцатого я окончательно подписал договор с Витгенштейном на сочинение концерта для левой руки (со временем я переделаю его для двух рук). Срок сочинения - будущее лето, так что я успею сначала сделать балет для Лифаря. Вскоре пришёл чек на половину гонорара - за вычетом десяти процентов.

Девятнадцатого Лифарь в Венеции открывал памятник на могиле Дягилева. Я послал телеграмму. Пайчадзе тоже. Лифарь молодчина.

Так как Святослав, которому шесть лет, с осени будет ходить в школу, а ни в одну не принимают без прививки оспы, то пришлось ему привить. Сайентисты говорят так: не надо противиться законам; но когда вы делаете прививку, делайте её как выполнение формальности, а не как медицинскую защиту.

В последних числах августа - переписка с Мейерхольдами, которые были сначала в Пиренеях, а потом в Виши, но с которыми мы никак не могли списаться, так как Пташка потеряла их адрес. Наконец они вернулись в Париж. Тридцать первого августа я в Chevrolet отправился в Париж и привёз их к нам на дачу. Кстати, у Chevrolet я переделал крышу, которая теперь может открываться - очень приятно в летнее время.

В Париже появился Горчаков. Он собрался было в тропическое плавание - матросом на небольшом судне. Но накануне отъезда один из офицеров начал к нему двусмысленно приставать. Горчаков дал ему в морду, был посажен под арест, но ночью выпущен товарищами и немедленно уехал в Париж. Здесь он не знал, куда устроиться, пошёл в наше издательство и, не задумываясь, поступил на единственную свободную вакансию: мальчика для вытирания пыли и разноски нот. Молодец. Я спросил:

- Поступивши в мальчики, будете ли вы всё-таки сочинять?

Горчаков:

- Постараюсь, жаль, чтобы такая биография пропала даром.

1 сентября

Мейерхольд рассказывал, что «пролетарские музыканты» не только сражались против «Стального скока» в Большом театре, но устроили против меня формальную травлю в стенах Московской консерватории. В стенной газете были всяческие выпады против меня. А что же Пшибышевский, который, когда я был в Москве, разыгрывал дружескую державу?

Мы купили маленький киноаппарат и решаем сегодня произвести первую съёмку. Зинаида Николаевна придумала сюжет: у Пташки похищает ребёнка разбойник Мейерхольд и прячет в подземелье (для этого в саду нашёлся живописный спуск в колодец). Начинается погоня. Но тут Пташка вдруг просыпается - всё это было только сон. «Ставили» мы фильм целый день, страшно увлекались, волновались, спорили. Когда в заключение детей купали, Мейерхольд привязывал верёвку к ветке и колебал её на первом плане, перед самым аппаратом, для того, чтобы было «поэтично», будто ветер.

2 сентября

Поехали в автомобиле в Париж: Мейерхольдам надо было по делам, нам тоже; кроме того, я повёз проявлять фильм, и надо было встретить Витгенштейна, приехавшего в Париж. Последний оказался молодым человеком, скорее невзрачным, но живым. Я уговорил его поехать к нам в деревню, и там помузицировать. Он охотно согласился, хотя несколько поморщился, узнав, что едет ещё Мейерхольд: он «не выносит большевиков». Я ему всячески объяснял, что Мейерхольд прежде всего замечательный артист, а если он почётный красноармеец, то это главным образом для того, чтобы ему не мешали вести театральное дело. В конце концов поехали мирно всей компанией, приехали в Назу к обеду, во время которого Витгенштейн очень ловко управлялся левой рукой. Астров, который вообще был потрясён, что существуют люди, способные заплатить за концерт сто двадцать пять тысяч франков, был разочарован невзрачным видом Витгенштейна. Пташка даже рассердилась: «А что, вы воображали, что он приедет во фраке и с орденами?». Вечером я показал Витгенштейну две темы, которые могли бы войти в его концерт, однако, зная, что они не очень простые, предупредил его, чтобы он прослушал несколько раз прежде чем давать суждение. Но Витгенштейн после первого раза закричал: «Вы можете играть их два месяца, я всё равно ничего не пойму». Затем он показывал свою технику, вернее технику, которая существует в сочинениях для левой руки: были и переложения этюдов Шопена, и Моцарта и даже Пуччини. Я спросил: «Послушайте, что толкнуло вас заказать мне концерт, когда вот какую музыку вы любите?». Он ответил, что ему нравятся мои фортепианные приёмы и он надеется, что я смогу сделать технически интересную вещь. Я начал расспрашивать более подробно о его желаниях, о форме концерта, о длине, но он отмалчивался, очевидно желая оставить за мною полную свободу. Зинаида Николаевна и Пташка, сидя в уголке и слушая, как он с такой любовью разыгрывал одной рукой, страдали за него душой, что именно такому человеку пришлось потерять другую на войне. Но я сказал им: «Я не вижу особенного блеска в его левой руке; может его несчастье неожиданно повернулось у него в счастье, так как с левой руки он всё-таки уникум, а если бы были обе, то он может и не выбился бы из толпы пианистов среднего разряда».

4 сентября

В автомобиле поехали в город по своим делам. Был у Лифаря; он вручил мне толстую пачку денег: тридцать тысяч, первый взнос за мой балет. Молодец. Кроме того, надо было получить проявленный фильм. Получив, взглянули - картинки вышли ясные, хотя пугали, что первый блин всегда комом. С нетерпением вернулись в Назу, но тут выяснилось, что Зинаида Николаевна, несмотря на уговоры Пташки, уже попробовала пускать аппарат, который она видела в Москве. Когда же пустила, то затрещали искры и всё остановилось. Я бросился к аппарату и тут выяснилось, что он рассчитан на парижский вольтаж, а в Назе вдвое сильнее, и его надо пускать

с трансформатором, а так всё к чёртовой матери перегорело. Когда я с отчаянием возился над аппаратом, Зинка приоткрыла дверь и спросила: «Можно?» Я ответил: «Нет уж, нельзя! » Зинка обиделась, ушла наверх и не спустилась к обеду, а я сердито говорил Мейерхольду, что нельзя хвататься за незнакомые аппараты, а то теперь ничего не вертится и нельзя увидеть фильм. Пташка говорит, что Зинаида Николаевна наверху ревела и ругала меня.

Когда дети сломают игрушку, то они тоже ревут с досады. Впрочем, я был не умнее и дулся, сидя внизу.

5 сентября

Отъезд Мейерхольдов уже давно был назначен на сегодня, но после вчерашней ссоры он протёк нелепо. Зинка, не попрощавшись, ушла на железнодорожную платформу, Мейерхольд забежал ко мне попрощаться. Пташка говорит, что он как будто тоже пытался удрать не попрощавшись, но, столкнувшись с нею, повернул ко мне. Я с ним расцеловался и вышел на платформу. Зинке сухо поцеловал руку. Когда поезд тронулся, махали (я с Мейерхольдом) друг другу рукой. После отъезда - осадок.

7 сентября

The sum total of evil belief Jesus designated a lie; and a lie is a negation - nothing: Therefore, thinking about evil is thinking about nothing[16].

9 сентября

Был в Париже и привёз в автомобиле Лифаря, Нувеля и Корибута. Приятно дохнуло дягилевской атмосферой. Во время чая снимали фильм, но выходило глупо: никто не знал, что делать - махали руками и снимали шляпы, а Лифарь, как жеребёнок, бросился обнимать Пташку.

Играл отрывок балета и квартета - нравилось. Вечером все уехали, хотя я и уговаривал остаться ночевать.

10 сентября

Работал над балетом. Между делом делаю оркестровку сюиты из «Блудного сына», из тех частей его, которые не вошли в 4-ю Симфонию. Всё сцепилось легко, кроме заключения сюиты, которое надо сочинить - не выходит.

13 сентября

После обмена с Набоковыми телеграммами о том, что не пора ли резать утку, мы выехали к ним в Chevrolet, держа путь через Компьеньский лес на Реймс и Верден. Много военных кладбищ, остатков траншей, непочиненных зданий, хранимых как миленькое воспоминание о «прелестях» войны. Chevrolet идёт хорошо, но на ровной дороге не так спокойно, как Ballot, а потому ехали шестьдесят-семьдесят, редко восемьдесят. Ночевали в Вердене - всюду продаются открытки, бюсты, сувениры; словом, геройский город бойко торгует своей славой. Неприятно ощущать, что вокруг каждый вершок земли густо полит кровью.

[16] Иисус обозначил сущность зла как ложь, а ложь есть отрицание, т.е. ничто. Следовательно, думать о лжи значит ни о чём не думать (англ).

14 сентября

Переехали через Вогезы, но не в высокой их части. Пейзаж мягкий и красивый. Chevrolet лезет в гору прекрасно, не сравнить с Ballot. Под вечер - у Набоковых в Kolbsheim, что близ Страсбурга. Там chateau их богатых знакомых, которые предоставляют им небольшой домик с садиком, стоящий в сторонке. Очень мило. Нам с Пташкой дали по комнате, ей внизу, мне наверху.

Освещение - свечка, окно - в поле. Чудно. Набоковы веселы и радушны; слишком много болтают непристойностей.

18 сентября

После четырёх дней очень приятной деревенской жизни у Набоковых, мы восемнадцатого выехали обратно, увозя с собою Нику, которому надо было в Париж. Chevrolet резво ввёз нас на перевал через Вогезы, где мы завтракали. Затем, отойдя в сторонку, к обрыву, решили быстро разыграть фильм, который тут же сочинили.

Трудность сочинения заключалась в том, что персонажей было три, а на сцене находилось два, третий (по очереди) должен был крутить. Выдумали: Пташка задумчиво сидит у обрыва, прогуливается Набоков и начинает к ней приставать; Пташка вырывается, бежит мне жаловаться; я беру палку и направляюсь к Набокову, поднимаю руку, но... это оказывается мой добрый приятель, садимся рядом, начинаем хлопать друг друга по коленке и обниматься. Пока мы разыгрывали, в окнах гостиницы появились физиономии, с любопытством следившие за нами, принимая нас за настоящий синема. Затем покатили дальше и заночевали на родине у Жанны д'Арк.

19 сентября

Утром никак не могли выехать и потеряли Бог знает сколько времени. Я разозлился вовсю; тронулись молча. Через полчаса езды Набоков сказал:

- Сергей Сергеевич, если вам моё общество неприятно, я могу сойти в ближайшем городке и отправиться в Париж по железной дороге.

Я ответил:

- Николай Дмитриевич, нельзя ли без таких официальностей?

Лёд был разбит и до Парижа доехали хорошо. Оставили там Набокова, я заехал в издательство, оказывается, Мейерхольд купил мои последние сочинения. Я решил заехать к нему в отель - что за глупая ссора, но Мейерхольд уже выбыл в Москву. Вернулись в Назу под вечер; дети в порядке, сад чудный.

20 сентября

Сел за балет; также играю на рояле, так как с октября концерты.

21 сентября

Unhappines is a phase of selfishness. An unselfish person cannot be unhappy, because unselfed love brings thought in direct at-one-ment with divine power[17].

[17] Несчастье есть фаза эгоизма. Неэгоистичный человек не может быть несчастным, потому что эгоистичная любовь приводит мысль в прямое противостояние с божественной силой (англ).

23 сентября

Были в Париже по делам. Позвонили Пайчадзам. Те ответили: приезжайте, у нас прощальный коктейль в честь Кусевицкого. Мы поехали. С Кусевицким после весеннего столкновения сношения были только телеграфные: мы поздравили их с двадцатипятилетием их свадьбы, а они пригласили нас к себе. Сейчас коктейль прошёл хорошо, не без некоторой забавной неловкости. Прощаясь, Кусевицкий сказал, что сыграет 4-ю Симфонию в одном из первых концертов.

28 сентября

Приезжали Пайчадзе и Самойленки. Ходили по грибы, но неудачно.

Устроили огромную киносъёмку, целую драму с индусом в чалме (Пайчадзе), злоумышленником (Самойленко) и сыщиком (я) - и их дамами. Работали с увлечением. В саду много фруктов, за которыми ходили охотиться в промежутках.

Октябрь

Дача стоит внизу у ручья, становилось сыро, и девятого мы переехали в Париж. Перед этим были у нас Набоковы (Набоков хвалил Andante из Квартета), затем приезжал Горчаков: неплохие сочинения, вернее, удачные моменты, тонущие в морях головной работы. Третьего выяснилось, что за неломанный Ballot ничего нельзя получить, так как экспертиза нашла, что это manque d'entretien[18]. Вот тебе и страховка!

Двенадцатого я отправился в Берлин - концерт из моих сочинений по радио, впрочем, программка маленькая, час музыки и концерт закрытый, так что всё не так значительно, как кажется. Увертюру Оп.42 (первое исполнение в Германии) сыграли средне, клочковато; Дивертисмент - тоже первое исполнение в Германии, немного лучше, но не первый сорт. В Larghetto контрабасы детонировали в своей мелодии, поэтому к ним подмешивали то фагот, то рожок. Я играл 2-й Концерт, немного нервно, но ничего. Среди немногих приглашенных (Мария Викторовна, Лопатников) был также Дмитриеску, пианист, который играл его в концертах, и это смущало меня.

В общем пробыл я в Берлине четыре дня. Был с Марией Викторовной на концерте Бруно Вальтера, где меня заморила симфония Малера.

- Я не могу, я сейчас уйду, - говорил я Марине Викторовне.
- Что вы, нам прислали билеты, увидят...
- Ну, хотите, я выползу?

Малер полон благородных порывов, выраженных несамостоятельной и третьесортной музыкой. В антракте мелькает Мери Бран, которая, оказывается, всё ещё существует. Вебер приглашает меня на чай и знакомит с Виноградовой, молодой композиторшей. Я её, впрочем, уже встречал лет восемь назад в Париже, когда Захаров попросил меня послушать её сочинения. Сочинения оказались очень провинциальными, под плохого Глазунова, о чём я и сказал ей. Виноградова ревела. Сейчас она сказала, что урок был жестокий, но пошёл на пользу. По её мнению. По моему - мало: в музыке есть проблески, но в слишком умеренной дозе. Её принял Кусевицкий в наше издательство, и, по-моему, зря. Композиторы нашего издательства разделяются на законных и незаконных детей Кусевицкого. Законные - это те, которые приняты с одобрения Стравинского и моего. Таковы Дукельский, Набоков. Незаконные - это те, которых Кусевицкий принимает по собственному

[18] Недостаточное техническое обслуживание (фр).

вдохновению, не спросясь у нас. Такие обыкновенно оказываются вторым сортом и через несколько лет отсыхают, например: Фогель, Фёдоров, теперь Виноградова. Сама она очень милая, а муж её, Бик, очень интересно рассказывал, как он лазил на снеговые вершины.

Шестнадцатого, перед моим отъездом, у Марии Викторовны большой приём в мою честь, много красивых дам и много начинающих талантов, очень почтительно на меня смотревших.

Семнадцатого я вернулся в Париж. Конец месяца протёк без особых событий. Сувчинский слушал Квартет и сказал, что это «musique à rêver»[19].

Двадцать девятого собрались Лифарь, Нувель, Ларионов и Гончарова. Я играл балет, кроме трёх недописанных номеров. Но либретто не выклеивалось. Хорошая идея - сколотить балет, исходя из балетной и музыкальной форм, но подогнать сюжет к этому скелету совсем не так просто.

23 октября

Были Набоковы. В марте в Страсбурге пойдёт симфония Набокова, кстати всюду имеющая успех, и в том же концерте я буду играть мой 3-й Концерт. Накануне проектируется камерный вечер из сочинений Набокова и моих. Набоков предлагает, чтобы Пташка пела его и мои романсы. Я доволен, а то между Пташкой и Наташей пробежала чёрная кошка. Пташка находит Наташу задирчивой.

2 ноября

Был Никита Магалов. Владимир и он - два серьёзных представителя среди беспутной башкировской семьи. Никита понемножку развивается в композитора, но мало занимается. А Коля Сидоров, после всех забот о нём, попав в школу в Chambéry, - ни слова, как только с глаз долой. Типик.

5 ноября

В Opéra, на «Прометее» Бетховена, постановка которого создала Лифарю положение в Opéra. В ложе: мы двое, двое Пикассо и Нувель. В антракте вваливается Кохно. Пташка отворачивается, я тоже, кажется, в тот момент, когда он собрался поздороваться. Кохно тем не менее довольно долго беседует с Нувелем и Пикассо. Я злюсь.

Про постановку Лифаря я не могу сказать, так ли она хороша. Увертюру к балету я очень люблю, особенно главную партию у струнных. Дальше, в балете, музыка много хуже, хотя мелькает тема, впоследствии взятая Бетховеном для его 3-й Симфонии. Важный прецедент для защиты от нападок на мои Третью и Четвёртую.

7 ноября

Большой приём в Полпредстве и приглашение на него. Колебался: идти или не идти. С одной стороны - надо поддерживать отношения из-за поездок в Россию; с другой - уж очень вокруг большое возбуждение, и после Кутепова, и в связи с разными гонениями внутри России. Решаю не идти, пошлю благодарность из Льежа, а то пойдёшь - все газеты пропишут с насмешечками, противно.

Письмо, длинное, от Дукельского: воскрес после полугодового молчания.

[19] Музыка, о которой можно мечтать (фр).

Приятно, но он всё плещется в своих оперетках.

8 ноября

Are we clamorous for succès built upon a material basis? Are we conspiring to displace another and expecting to benefit thereby? Are we envious of someone else's position, prestige, power? None of these false snares of mortal desire will get us unto the kingdom. Each idea of mind is already in his right place, and cannot displace, misplace or replace another[20].

Это очень важно знать, когда начинает думаться, что моей музыкой недостаточно интересуются, и почему Стравинским интересуются больше.

Вечером: Лифарь, Нувель, Гончарова, Ларионов. Много играли балет; рассуждали; обедали.

9 ноября

Концерт Пуле. Первое исполнение Концерта для двух роялей с оркестром Танцмана. С миру по нитке, и нитки все знакомые.

После концерта - чай у Шмитса. Там Подоли (Подольский), менеджер с Дальнего Востока, и интересные разговоры с ним о возможности моей поездки туда через два года. Он скоро едет в Китай, Австралию, на Яву, исследует на месте и к будущей весне возобновит разговор.

После разговора - загорелось поехать: интересно скользнуть по лицу земного шара.

10 ноября

У старушки Мейндорф, где был голландец, который только что из России, где видел Шурика. Пришёл ещё Бада, брат Нади; мы с ним не виделись восемнадцать лет, да и перед тем виделись всего несколько раз. Он забыл, что мы не на «ты» и попробовал сказать «ты». Я не расслышал и ответил на «вы»; так и осталось «вы».

Голландец жил в России до революции, имел богатые коллекции, и из-за последних не хотел уезжать, когда пришли большевики. Коллекцию в конце концов всё-таки отобрали, а ему позволили жить в деревне, в качестве простого крестьянина (он прилично говорит по-русски). Когда из-за границы ему родственники прислали двести долларов, он был арестован и попал в Бутырскую тюрьму. Это был период ареста кулаков и тюрьмы были переполнены. Два дня он стоял, так как камеры были наполнены плечом к плечу. Затем кто-то посоветовал заявить, что он хочет работать в тюремных мастерских - там свободней. Он попал в сапожную мастерскую. Сосед, узнав, что он голландец, сказал: «И я бывал в Амстердаме». Зная, что безопасней не втягиваться в разговоры, голландец молчал. Сосед прибавил: «Я служил до войны в Министерстве иностранных дел и отвозил в амстердамские банки аннулированные облигации». Голландец молчал. Разговорились они много позже, когда сосед предложил чистые кальсоны, что среди невероятной грязи показалось райским предметом для голландца. Сосед оказался Шуриком Раевским, с которым они подружились. Он сед и сгорблен, но бодро

[20] Стремимся ли мы к успеху, построенному на материальной основе? Стараемся ли мы вытеснить другого, надеясь получить выгоду? Завидуем ли мы положению, престижу или власти другого? Ни одна из этих фальшивых ловушек смертных не приведёт нас в Царство небесное. Все мысли ума находятся на своём месте и не могут быть смещёнными, затерянными или заменёнными (англ).

переносит свой плен. После нескольких месяцев голландец был освобождён и уехал из России. Как это произошло, он умалчивает. Думаю, заграничные родственники дали крупньп! выкуп. Он не хотел верить, переехав границу. В России он потерял всё состояние, но родные, наоборот, за это время разбогатели. Теперь они сложились и выплачивают ему пенсию. Он счастлив и отдыхает. Рассказ произвёл сильное впечатление.

Дома: Hammond, приятель Стоковского. Он завтра уезжает в Америку, явился с клавиром «Стального скока», просил объяснить всё, что надо в сюжете, дабы это послужило базой для американской постановки.

12 ноября

Были с Пташкой в кинематографе. В одном месте фильм Чаплина сопровождался Маршем из «Трёх апельсинов».

13 ноября

Выехал в Льеж, где играю 2-й Концерт, а затем в Варшаву.

14 ноября

Репетирую с несколько провинциальными дирижёром и оркестром. В промежутках корректирую партии Симфониетты, которая пойдёт в Варшаве. Но милое издательство подсунуло такие ужасные, наспех сделанные партии, что волосы дыбом становятся.

В Льеже Бришаны, у которых провёл вечер.

15 ноября

Концерт прошёл приятно, с успехом; ничего примечательного.

Душат партии, которые корректирую. Играть по ним без корректуры - подумать нельзя.

16 ноября

Выехал в Берлин.

17 ноября

Берлин, рано утром - и сразу за корректуру Симфониетты.

Завтракал у Боровских, они кислые. Вечером на концерте Бруно Вальтера, как и в прошлый приезд. С Бруно Вальтером было несколько лет взаимное дутьё из-за того, что он не поставил «Огненного ангела», как обещал (а по его мнению - мы опоздали с материалом). Кто-то мне недавно сказал, что он заинтересован CS. Поэтому я решил пойти к нему пожать руку. «Только не ругайте ему Малера»,
- сказали мне (он опять играл Малера). Вальтер был мил и мы говорили с ним о «Картинках с выставки» Мусоргского-Равеля, которые он играл сегодня.

В концерте мелькнул Коутс, весёлый и ласковый. Боровские, он и я поехали ужинать в какое-то огромное кафе с аттракционами. Коутс ухаживал за Марией Викторовной и рассказывал ей неприличные вещи.

Какая-то подвыпившая дама из публики вдруг вышла танцевать на эстраду, заплясала ногами и хлопнулась. Её вывели.

18 ноября

Выехал из Берлина в Варшаву. До поздней ночи сидел в купе и корректировал партии Симфониетты. Сосед, немецкий инженер, едет в Россию, где уже работал год, затем получил отпуск, теперь возвращается. Говорит, что среди общего неустройства, строятся замечательные заводы. Я спросил, что он думает о процессе против русских инженеров. Он ответил, что не знает, виноваты ли русские инженеры, может и нет, но одно несомненно для него: что слишком часто правительство встречает в русских инженерах если не пассивное сопротивление, то равнодушие к советским планам.

19 ноября

Рано утром Варшава; продолжаю корректировать. Заезжает Фительберг, с которым едем на репетицию - и то ещё несколько партий не докончил. Программа вся из моих сочинений: Симфониетта, 2-й Концерт, «Шут». Браво, Варшава: второй фестиваль Прокофьева за 1930 год!

Появился Шимановский, милый как всегда. Он некрепок здоровьем, поэтому живёт в деревне. Краковский университет сделал его доктором.

После репетиции Фительберг угощал меня крупенником. Это специальный польский напиток, крепкий, пряный, на меду, пьётся горячим и ударяет в нос. Мне очень понравился.

20 ноября

Репетиции продолжаются. Фительбергу нравится Симфониетта. Время в Варшаве провожу приятно. Завтрак со старыми знакомыми у Фительберга. Заходили в Консерваторию, но здание скромное.

21 ноября

Фительберг не выспался: вчера, когда мы с ним гуляли по парку Падеревского, его бульдог побежал по льду озера и провалился. Хотя мы сейчас же вернулись домой и закутали собаку в одеяло, она ночью кашляла - и в семье волнение, прямо хоть отменяй концерт.

Концерт тем не менее проходит отлично: как и полгода назад - настоящий, большой успех, меньше других номеров Симфониетта. После концерта мелькает Фрида Ганзен - она вернулась к мужу и живёт под Варшавой. Борис пишет ей из Шанхая, редко. Затем едем ужинать к Татьяне Яковлевой, той самой, за которой так ухаживал Маяковский (вечер у Самойленок). Теперь она за французским виконтом, секретарём французского посольства в Варшаве, и с увлечением рожает детей. Делает немало гаф, но её в дипломатических кругах понемногу дрессируют и в общем любят. Наделала она гаф и сегодня, сначала собравшись пригласить всю нашу компанию, потом пригласив не всех. Я поехал сердитый, но попал в очень культурную и музыкальную интернациональную среду - и в общем провёл остаток вечера приятно.

22 ноября

В полдень - в путь. Nord-Express. Чудный вагон. Рядом французский посол, с которым успевает познакомить Татьяна. В другом купе Chamiec, председатель всепольского радио, с которым много беседуем.

Вечером Берлин - и на платформе Марвик, затем Вебер. Поезд стоит недолго. По отходе de Chamiec лукаво спрашивает, кто та эффектная дама, с которой я под ручку прогуливался по платформе.

23 ноября

К завтраку - Париж. Нежная встреча с Пташкой. Я очень устал, но идём на денной концерт OSP, где Боровский, тем временем приехавший в Париж, играет Концертштюк Вебера.

Вечером Пташка рассказала, что в моё отсутствие она хотела купить шкап. Комиссионерша, рекомендованная шахматистом Бернштейном, предложила один, по случаю; Пташка смотрела шкап, но не сошлись в цене. Уходя, Пташка увидела на столе портрет, показавшийся ей знакомым, и спросила, кто это. Хозяйка ответила с оттенком гордости: «Это мой beau-père[21], Кривошеин. А что?» Пташка вспомнила, что такой же портрет видела у Самойленок, и быстро ответила: «Мне показалось, что я где-то этот портрет видела». Пташка была чрезвычайно изумлена, когда я сказал, что Кривошеина - это Нина Мещерская. Я был не менее изумлён. Слава Богу, в Париже шкапов много - надо же попасть именно к Н.Мещерской! Пташка давно интересовалась ею и, зная от Сувчинского, что она подаёт в русском ресторане, втайне рассчитывала в каком-либо ресторане её и встретить. Я стал расспрашивать о подробностях. Нина показалась Пташке очень милой, немного старомодно причёсанной, без косметики на лице - чего в Париже не встретишь. Квартира из двух комнат, очень бедная, но тщательно прибранная, и на отличной улице, хотя и в плохом доме. Номер дома - 22, как и в Петербурге. Самое замечательное - что Нина, конечно, знала от комиссионерши, кто Пташка, а Пташка не знала, кто Нина. Шкап оказался узким и скорее дорогим. Пташка сказала: «У моего мужа довольно широкие плечи — я не думаю, чтобы его костюмы можно было повесить, придётся наискось». «Впрочем, - прибавила она наивно, - я поговорю с моим мужем». На этом и распростились. Чудная встреча!

24 ноября

Проснувшись утром и придя в ванную бриться, я почувствовал себя скверно и хлопнулся носом в стул. Придя в себя, я встал, но вскоре увидел себя лежащим в той же комнате, в другом положении. Опомнившись вторично, я решил добраться до кресла в гостиной, но упал на полдороге и пришёл в себя в третий раз, когда Эльза давала мне воду из стакана. Добравшись до кресла, я потерял сознание в четвёртый раз, а Эльза пошла будить Пташку. В общем, в кресле я себя чувствовал довольно приятно, и постарался успокоить Пташку, которая спросонья прибежала несколько взвинченная. Остальной день много лежал и много работал над болезнью. Но улучшения не наступало: жар и всякая гадость. Чувствовалось, что предварительную работу я сделал, но своей силёнки не хватает: нужна помощь практишенера[22]. Пташка звонила: пришла Miss Colvy, первый раз у нас. Мы с ней беседовали почти весело, она работала. Ночью неотступно преследовала музыка вчерашнего концерта, просто душила, хоть кричи. Музыка принимала какие-то геометрические формы, превращалась в глиняные валы и циклы, вращавшиеся в голове.

Спасся я от них, начав вспоминать гимны CS. До сих пор я относился к ним никак, но тут произошла удивительная вещь: понемногу глиняные валы стали

[21] Свёкор (фр).

[22] Практикующий крисченсайентист, от practitioner (англ).

замещаться мягкой, спокойной музыкой - и я заснул.

25 ноября

Значительно лучше. Впечатление, что сильная болезнь пресечена. Но слабость. Лежу целый день. Болезнь пресечена в корне, остаётся допоправляться.

26 ноября

Чувствовал себя неплохо, но ещё не встаю. Разбирал письма - много накопилось за варшавскую поездку.

27 ноября

Встал. Диктую Астрову ответы. Но лежит Пташка. Слава Богу, концерт наш в Брюсселе с четвёртого декабря переложен на одиннадцатое.

28 ноября

Письмо от Наумовой, племянницы и секретарши Кусевицкого. 4-я Симфония была сыграна в Бостоне четырнадцатого ноября. После «холодов» с Кусевицким, я вообще не знал, будет ли он в конце концов играть её и заплатит ли гонорар за заказ - тысячу долларов, о которых уговорились на словах. Критика средняя. Успех, по-видимому, тоже средний. Я рассчитывал на немедленный, как с Дивертисментом и Симфониеттой, но вот подите же - все мои последние опусы сразу не доходят. Почему?

О шкапе несколько раз вспоминали шутя, потом постепенно забыли, что собирались купить.

1 - 5 декабря

В начале месяца чувствовал себя ещё не совсем поправившимся. Зато слёг Астров.

Перекладывал в две руки «Классическую» Симфонию, уже давно надо бы, но я всё боялся, что от переложения для фортепиано она очень потеряет. Собственно в некоторых моментах так и есть: финал, например, на фортепиано выглядит довольно пустеньким.

Отделывал Квартет. Летние эскизы оказались настолько подробными, что отделка оказалась лёгкой.

6 декабря

Собрание подкомиссии по выбору вещей для интернационального фестиваля, летом в Оксфорде. Каждая страна имеет свою комиссию, но так как во Франции живёт много иностранных композиторов, то для них учредили подкомиссию, в которую выбрали меня. Нина, Харсаньи, Онеггера и Сашу Черепнина. Последние двое отсутствовали, а сегодня у Нина заседали он, я и Харсаньи, незаметный венгерский композитор. Я рекомендовал 2-ю Симфонию Дукельского и оттёр вещь Танцмана. Из моих вещей Харсаньи предложил мой Квинтет. Члены комитета могут проводить собственные вещи, так как если вступление в комитет значило бы отказ от исполнения собственных вещей на фестивале, никто не пойдёт в комитет.

10 декабря

Отъезд (Пташка и я) в Брюссель.

11 декабря

Так как большой зал был занят оркестровой репетицией, то мы репетировали рядом, в маленьком. В большом же Ансерме готовил «Симфонию Псалмов» Стравинского. Это было первое исполнение симфонии, а сегодня первая репетиция, в которой свели хор и оркестр.

Пока Пташка пела упражнения, я пошёл слушать симфонию и очутился единственным в зале. Таким образом, я оказался первым, кто услышал эту вещь; до Стравинского даже. Последний приехал только вечером и неожиданно, в антракте нашего концерта, появился в артистической. Стравинский был мил и говорил Пташке комплименты: «Какая хорошенькая! Признайтесь - подмазались?» Но в общем своим присутствием он смутил Пташку. Она и так не очень была в голосе, а зная, что Стравинский в зале, стала петь ещё хуже. Я тоже конфузился легкомысленному характеру второй половины программы: как раз столпились наиболее «полярные» из моих морсо[23]. Но в Брюсселе я столько раз играл, что трудно составлять программу.

12 декабря

Пошёл на репетицию Стравинского, подсел к нему, к его партитуре.

В первой части здорово звучат аккорды, падающие в начале; хороши тромбоны внизу, стаккато аккомпанирующие хору, хотя эффект совсем не к Богу устремлённый, - проскальзывает какая-то инфернальность в лёгком порыкивании, сопровождающем пение псалмов. Фуга тонет сама в себе, в море переплетающихся голосов, и расплывается в неясность. Середина финала странная, но заключение хорошо, как и заключение первой части.

После репетиции завтрак.

Стравинский не останавливаясь ругает жидов. Больше всего попадает Мийо. Эйнштейн - «настоящий синагогальный жид». Хвалит мою игру на рояле. Рахманинов - пианист прошлого поколения.

Заходит разговор о Шопене. Я высказываюсь, что его надо бросить играть лет на пятьдесят. Сейчас невозможно слушать его чувственные эмоции. Надо подождать, чтобы они остыли совсем - через полвека Шопен будет восприниматься как Моцарт. Стравинский соглашается с готовностью.

Затем мы с Пташкой уезжаем в Париж.

Стравинский только что совершил большое турне по Германии, доставившее ему «большое удовлетворение».

13 декабря

По возвращении из Брюсселя - настроение и заботы «предфестивальные»: мой фестиваль восемнадцатого, первое исполнение 4-й Симфонии. Чищу партии Симфонии и подзубриваю 2-й Концерт, который в Париже надо сыграть как следует. Параллельно - повторение программы для Антверпена, куда надо выехать утром после фестиваля.

Между делом - перекладываю «Классическую» Симфонию.

[23] Произведений. Буквально: кусков, частей, от morceau (фр).

14 декабря

Кончил Квартет.

15 декабря

Первая репетиция фестиваля. Монтё начинает с Увертюры Ор.42 и учит серьёзно. Оркестр читает хорошо, и Увертюра скоро становится на ноги, лучше, чем в Берлине. Но меня интересует, конечно, Симфония. Звучит как будто хорошо; не всё выходит в финале. CF и туба в Andante, о которых писали в Америке, звучат, как им полагается, не знаю, почему бостонские газеты изумились, вероятно, Кусевицкий вывел тюленей.

18 декабря

Четвёртая репетиция.

Приходят Набоков и Сувчинский, которые восхищаются 4-й Симфонией, особенно второй частью и побочной партией первой. Monteux учит внимательно, но, несмотря на четыре репетиции, не успевает доучить четвёртую часть.

Вечером - концерт. Народу в огромном зале Плейель немного, меньше половины, пожалуй, треть. В последнюю минуту Monteux предлагает переменить места 2-го Концерта и 4-й Симфонии. Я доволен, так как отыграв Концерт, можно спокойно слушать Симфонию. Но потом мне говорили, что Концерт пианистическим успехом убил Симфонию, у которой успех был средний, хотя Monteux и выводил меня кланяться. Я склонен, однако, думать, что Симфония всё равно должна иметь сдержанный успех. То есть думаю теперь, а до исполнения казалось, что она сразу должна дойти.

После концерта - довольно много народу в артистической. Когда Симфонию называют лучшей моей вещью - я радуюсь, но таких - единицы. Затем едем к Шалонам. Шалон сначала предполагал собраться выпить стакан вина, но потом разрослось человек на тридцать, и было организовано угощение с шампанским, расходы пополам.

19 декабря

Путь Париж - Антверпен, а вечером концерт (клавирабенд) по приглашению Nouveaux Concerts. После концерта отличный ужин у Фестера. где старые знакомые по моему визиту в 1923 году.

Я немного дулся на Антверпен за то, что не играли после 1923. но это неверно: последние два-три года - каждый сезон по оркестровой пьесе: в прошлом году «Три апельсина», в этом «Классическую» Симфонию.

20 декабря

Вернулся в Париж - и прямо на фестиваль Стравинского. Это новые концерты Сиохана в небольшом, но новеньком зале, полном публики.

Программа без новинок. «Пульчинеллу» Сиохан дирижирует скорее плохо. Сам Стравинский играет свой 1-й Концерт, который окончательно мне не нравится. Но играет Стравинский бойко.

После концерта вино и закуски у Судейкиной: Лифарь, Сувчинский, Ларионов, Артур Рубинштейн, Лурье, Пайчадзе и прочие. Стравинский в отличном настроении и рассказывает неприличные и еврейские анекдоты.

21 декабря

Завтрак у Артура Рубинштейна. Стравинский с Судейкиной, я с Пташкой и красивая чилийка. Рубинштейн снимает на верху Монмартра маленький домик с садиком, очень занятный. Завтрак вкусен и подан на серебряных блюдах. Рубинштейн заявляет, что горд, принимая нас. Но не доканчивая, мы срываемся - на лекцию CS. Лекция бледнее прошлой, или мы сами виноваты - не удалось переключиться в иную атмосферу после завтрака Рубинштейна. Затем - домой, где Лифарь, Ларионов, Нувель. Я играл балет, который очень нравится. Минутировали отдельные номера. А сюжет ещё окончательно не додумали.

22 декабря

Послали гору поздравительных карточек - главным образом в Америку, тем, кто entertain[24] нас и оказывал нам внимание во время последней поездки.

23 декабря

Неожиданно позвонил Капабланка, откуда-то достав наш телефон. Я стал звать его обедать, а затем мы с ним поехали в английский шахматный кружок, где он давал сеанс. Усадили и меня играть, но моя былая слава в сеансах одновременной игры, видимо, безвозвратно померкла: всю партию пришлось «отбиваться», пока не проиграл. Одновременно вдруг проиграли и все остальные доски. Результат: из восемнадцати партий Капабланка выиграл восемнадцать. Затем мы с ним гуляли по Champs Elysées, болтая по-приятельски. Об Алёхине, конечно, ни слова. Дул холодный ветер, и я попросился домой. Капабланка смеялся, что он, уроженец тропиков, меньше боится холода, чем я.

24 декабря

Ёлка для детей и подарки: мамаша братику, Святослав Эльзе, Эльза Астрову, словом, все всем, только я ненавижу придумывать подарки.

25 декабря

Ничего особенного.

26 декабря

Рано утром выехал в Gand, куда приехал в два, и прямо на репетицию. Дефоу, дирижёр, оказался моим поклонником, играл «Скифскую сюиту» в Милане, Риме, Брюсселе. Вечер провёл спокойно, гулял по тихому Генту, в десять вечера спящего мёртвым сном. Впрочем, в одном переулке я набрёл на питейное заведение, из которого неслись музыка и смех, а за прикрытыми ставнями сиял свет. У одного из окон, вытянув шеи, смотрели в щель две старухи. Вспоминали молодость? Или искали, нет ли сыновей?

27 декабря

Утром репетиция, вечером концерт. Зал набит и все мои три вещи (2-й Концерт,

[24] Принимал, развлекал (англ).

сюита из «Апельсинов» и «Классическая» Симфония) имеют трескучий успех. Вот тебе и сонный Гент! После концерта сидели в ресторане и пили шампанское: Дефоу, я, дирекция.

28 декабря

Обратный путь в Париж. Делал переложение «Классической» Симфонии.

29 декабря

У нас ёлка: дети и большие. Среди последних - старушка Мейндорф, которую я привёз и отвёз в автомобиле. Старушка замечательная, свежая - со всеми нашла о чём поговорить. Я пускал кинематограф с нашими летними фильмами, которые имели больший успех, чем взятые напрокат.

30 декабря

Снаряжал толстый пакет материалов для Подоли - на случай, если тихоокеанское турне состоится.

31 декабря

Новый год встречали у Самойленок четыре супружеские пары: Самойленки, Пайчадзы, Тестенуары и мы, вскладчину. Мы принесли шаманское, икру, ананас. Пайчадзы индейку. Тесты - паштет etc. Очень мило встречали.

1932

2 мая

Весенний день - ездил днём в Медонский лес. Время от времени шёл дождь, но тем в лесу ароматней. Сидел, раскрыв окна, в автомобиле и читал: 1) Christian Science, 2) «Капитал» Маркса, сокращённое изложение по-французски.

Докончил проставлять оттенки в сонатинах и отослал их в гравировку.

Обедали у Шалонов. ещё Самойленки, в честь которых, как винных знатоков, редкие вина - немецкое 1875 года и прочие. Любопытно, но в общем я равнодушен.

3 мая

Почти кончил Ор.55[1], т.е. сочинение музыки, но ещё порядочно отделывать. Не вышла ещё кода: не смыкается, трудно. А именно её хочется сделать хорошо.

Вечером ходили слушать по радио у Цедербаума 3-ю Симфонию, которую играли в Берлине. Четверть Симфонии слышно было хорошо, в остальном мешали помехи - и получилось только раздражение. Из скерцо ничего не вышло.

4 мая

Концерт Горовица. Какой изумительный пианист; с усыханием Рахманинова, пожалуй, первый. Сколько градаций нежности, особенно, когда играет Листа!

Видел Набокова; я от него в стороне. Он жал Пташке руки и спрашивал, почему я так отношусь к нему.

Бридж у меня: Кепин, Alland и приведённый Кепиным Старосельский. Хотели до двух, но вышло до четырёх, хотя мне и хотелось спать. Я подхожу к бриджу шахматно, т.е. меня интересует не случай, а комбинация. Сегодня я обратил внимание на концы розыгрышей: средней руки игрок подходит к концу, как Бог на душу положит, а настоящий очень часто подводит игру к выгодному концу.

6 мая

Ида Рубинштейн, которую я не встречал почти два года, вдруг пригласила меня к себе и возобновила разговоры о заказе балета. Приятная новость. А то по «мировому кризису» никто ничего не заказывает. Но я отошёл от идеи библейского сюжета, как предлагал ей два года назад. Мне кажется, что балет надо делать чисто танцевальный, исходя из музыки, специально для танца написанной. Ида же наоборот мечтает о библейском.

Возвращался домой в очень хорошем настроении и мало обратил внимания на народ, группами стоявший на улице. Вернувшись домой, узнал, что пока я разговаривал с Идой, убили президента Думера.

Стрелял русский. Очень неприятно.

7 мая

Раненый вчера президент умер. Зря ухлопали старика. Неизвестно, зачем русский дурак сунулся, а теперь русских будут притеснять.

8 мая

Нет, балет надо делать лёгкий, танцевальный. Очень удалась темка.

[1] 5-й Концерт для фортепиано и оркестра.

11 мая

На чае у Дюбоста познакомился с Афиногеновым, молодым автором «Страха», пьесы, идущей в Советской России на девяноста сценах. Он недавно из Москвы, но всё же падение пролетарских музыкантов произошло после его отъезда. Он подтверждает большие перемены в курсе музыкальной и писательской жизни. Афиногенов мил и прост, чистый и ясный взгляд.

12 мая

Письмо от Демчинского - после многолетнего перерыва. Письмо интересное и изысканное, и очень «демчинское». Но всё же, как Christian Science развивает и даёт для всего высшую точку зрения! И как многое, что раньше в Демчинском казалось великолепным, теперь оказывается ненужным; что раньше казалось «безысходным», теперь имеет ясный выход.

У Стейнерта встретил Кусевицкого, только что из Америки. Встреча приличная и любезная. Установились отношения, которые я. кажется, хотел: хорошие, но без излишней близости.

Мысли о фантазии для виолончели с оркестром. Есть материал новый, к которому отлично подходят неиспользованные старые темы.

17 мая

Первая оркестровая репетиция «Утёнка» (новая редакция для малого оркестра). Звучит приятно, но резко; хорошо вышло нижнее si у басового тромбона, за которое я боялся. Но главное: первый раз попробовала с оркестром Пташка. Волновалась, однако вступала вовремя.

Присутствовали Риети и Mme Casafuerte, которые оба относились к Пташке очень мило.

18 мая

Поездка с Graham за город. Он живёт в таком невзрачном пригороде, что мне давно хотелось по весенней погоде повезти его и детишек в зелень. Смог поехать только он и трёхлетний сын, а я взял Святослава. Я выбрал лес Chantilly, где было чудесно.

Graham с увлечением всё время говорил о Christian Science. Разговор коснулся Пташки и её волнений, отозвавшихся на результатах. Graham рассказал про певца, потерявшего голос и ходившего в церковь и к практишьонеру, чтобы бороться с явлением; сам того не замечая, этим он лишь утверждал реальность зла и создавав себе божка, которого боялся. Искусство не персонально; искусство - выявление Бога. Вообще очень важно выучиться различать, что человек создан индивидуальным, но не персональным. Отбросить «персону», все её заботы - не значит потерять индивидуальность; наоборот, это очистит её и сделает лучше отражающей Бога.

Меня поразило, что Graham спит не больше четырёх часов в день, больше ему не надо. Он считает, что разум не может устать, и сон не нужен разуму для вдохновения.

Говорил я с Graham также о сюжете для Иды, о том, что я отошёл от идеи взяться за библейский, а она как раз разгорелась. Да и с Россией нельзя ссориться. Он сказал: «Почему бы вам не взять построение храма Соломона? Для России это тоже подошло бы как строительство во имя идеи».

19 мая

День Пташки. Сначала генеральная репетиция, где она пела «Утёнка» (голос звучал недурно, хотя могло бы быть лучше). Играли ещё Партиту Маркевича для фортепиано с оркестром и Симфониетту Риети. Звучит напористо, но странно, что этот девятнадцатилетний юноша уже не эволюционирует. Те же отражения хиндемитовщины и бекмессеровщины, что и два года назад. Симфониетта Риети мила, хотя темки не всегда приличные и часто на что-то похожие.

Вечером концерт. Пташка волновалась и от волнения теряла голос. В зале много знакомых, много интересного народу и много снобов. К снобам я отношусь враждебно: они часто культурны, обладают вкусом, понимают, но из искусства стараются сделать моду, как для платьев. Декретируется, например, что сегодня превосходно то-то; это «то-то» лансируется, возносится и через два года выходит из моды. Дягилев считался со снобами. Но замечательно, что то, что он делал для снобизма, увяло; а то, что для искусства, осталось жить. Пташка отлично выглядела с эстрады (особенно по окончании, когда ей поднесли белые лилии - с белым платьем), но начало пела недостаточно звучно и кое-где не без хрипоты, со страху. Во второй половине распелась и имела успех, хотя могла сделать лучше. После концерта нас пригласили к Ноаям, через Пуленка и Риети. Это как раз снобский дом высокого полёта, где культивируется музыка. Мне не хотелось, но так как туда поехали все, то и мы отправились.

Набоковы, оказывается, хихикали во время всего исполнения «Утёнка», и когда они у Ноаев разлетелись к Пташке, та их отшила. У Ноаев великолепный дом, кормили ужином, но мне скоро захотелось спать.

20 мая

Утром, когда я зажигал газ водогрейки, чтобы побриться, произошла вспышка, которая опалила мне волосы, брови, ресницы. Могло быть опасным для глаз, но они вовремя закрылись. Полдня пришлось пролежать с закрытыми глазами, так как веки, слегка обожжённые, распухли. Разболелась голова. Но к вечеру лучше.

21 мая

Я ношусь с идеей уменьшить часы сна. Сон должен естественно уменьшаться, как только войдёт в сознание, что он не нужен для отдохновения.

Завтракал с Афиногеновым, затем ездили с ним загород, в Rambouillet. Афиногенов мил, весел, чист, что особенно приятно после всей накипи позавчерашних снобов; вот уж подлинно «гнилой Запад».

22 мая

Приходил Пятигорский, хороший виолончелист. Кусевицкий им не нахвалится. Пятигорский очень хочет, чтобы я сочинил ему концерт, клянётся, что будет играть всюду. У меня даже есть проект (и темы) фантазии для виолончели с оркестром. Если бы Пятигорский достал деньги, я бы сделал. Но где ему достать, хотя и хвастается поклонниками. Он принёс виолончель, играл со мою «Балладу» - очень хорошо.

26 мая

Рубинштейн пригласила для дальнейших переговоров. Как же библейский

сюжет? Я сказал: вот, построение храма Соломона. Рубинштейн взволновалась, сказала, что это и ново, и увлекательно. Обещала подумать и посоветоваться - как это можно реализовать.

28 мая

Пуленк, знаменитый своей скупостью, пригласил целую компанию на week-end к себе в деревню, около Amboise, на Луаре, двести пятьдесят вёрст от Парижа. Сегодня отправились на нашем автомобиле, кроме Пташки и меня: Fevrier и Риети с маркизой. Феврие был занятен и всю дорогу, не закрывая рта, болтал. Приехали ещё супруги Laporte (приятные) и Согэ.

У Пуленка приятный дом с видом на зелёный и уютный туренский пейзаж. Под домом подвалы со складами вина.

29 мая

Компания весёлая. Ездили в Амбуазу, откуда привезли к завтраку престарелую даму - некогда знаменитую кокотку, заработавшую миллионы и разбросавшую их. Неожиданный дивертисмент для week-end'а. Но Пуленк хотел познакомить её с Лапортом, издателем, на предмет напечатания её мемуаров. Кокотка уехала, а мы сели играть в бридж - к огорчению дам, которые уехали тогда в Турень на моём Chevrolet, Пташка у руля.

По неопытности помяла крылья, чем рассердила меня.

30 мая

Обратный путь.

Вечером у Онеггера на организационном собрании нового камерного общества[2], куда притянули и меня.

31 мая

Начал оркестровку «музыки для фортепиано с оркестром».

Обедал у нас Афиногенов. Затем вместе были в кинематографе. Афиногенов пользуется своей заграничной поездкой, чтобы ввести в свою будущую пьесу элементы эмигрантской жизни. Поэтому ходит на всякие эмигрантские собрания. Был на докладе Цветаевой; возражал ей Бальмонт.

В передаче Афиногенова и с точки зрения перелицовки всей России, которая сейчас идёт, такие выступления выглядят действительно какой-то накипью.

1 июня

Меня беспокоит, как я примирю построение храма Соломона с Советской Россией. Т.е. даже примирять нельзя, ибо в этом зародыш неискренности. Можно лишь тогда писать, когда есть явная, без двурушничества, точка зрения. Ездил к Graham беседовать.

Но для него вопрос ясен: строят и во имя идеала, идеала божеского, хотя и материально истолкованного. Чем духовней я буду истолковывать идеал строительства, тем больше пользы от моей работы.

[2] Общество «Тритон».

2 июня

Открытие большой выставки русских художников, эмигрантских. Но я всё-таки пошёл. К тому же там мой портрет Шухаева. На выставке миллион народу, почти исключительно русские, даже стоят на улице, как на пасхальной заутрене. Мой портрет просто-таки доминирует над выставкой, во-первых, своим размером, во-вторых, розовостью щёк («charcuterie»[3] - как сказал кто-то, намекая на сходство с поросёнком). Много знакомых. Бенуа знакомит с Коровиным и Билибиным - не люблю. Минут десять разговаривали с Зайцевым и его женой. Я спросил: когда же мы сыграем в бридж? Зайцев сказал, что недавно, после большого перерыва, встретил Мещерского.

Я:

- Он жив ещё?

Зайцев:

- И даже мало изменился.

Кто-то спросил, почему мой портрет больше натуральной величины. Я: «Шухаев хотел повесить его на башне в Касабланке». (Шухаев действительно уехал в Касабланку расписывать чей-то дворец).

4 июня

Оркеструю «Музыку».

Вечером у меня бридж. Кепин, Тихомиров, которые играют отлично. Я тоже начал играть как следует. Но игра затянулась - встретили рассвет...

5 июня

Пятидесятилетие музыкальной деятельности Глазунова.

Я помню двадцатипятилетие (всё-таки какие сроки уже появились в моей жизни!). Тогда Римский-Корсаков, длинный, интересный лицом, и всё-таки немного нескладный, вышел дирижировать 1-й Симфонией; а перед выходом стоял в зале, около эстрады, у колонны. Меня в то время удивило: почему стоял на публике, а не прямо вышел из артистической? Тот юбилей прошёл пышно: делегаций и венков была тьма, со всей России. Сегодня было скромно: в Salle Garean, и народу меньше тысячи человек, почти исключительно русские, хотя кто-то, во время одной из речей, заранее приготовленных, сказал: «Здесь, перед лицом лучших французских музыкантов...», но их не было. У Глазунова болят ноги, он двигается с трудом; во время речей ему поставили на эстраду кресло. Говорили речи: Волконский, который сейчас директор Русской консерватории в Париже; Пирцев - директор «Русской народной» консерватории в Париже. Чествование ярко-эмигрантское, очевидно, Глазунов жжёт корабли и возвращаться в Ленинград не собирается. Затем вышла группа учеников Санкт-Петербургской консерватории. Я сидел рядом с Цецилией, с которой мы всё время вспоминали консерваторские времена (вероятно в публике решили, что идёт ухаживание); мы удивлялись: как же это так: мы, можно сказать, главные ученики, а вышли без нас? Разумеется, на эстраду мы не вышли, но пригласить нас следовало. Я, шутя, предложил Цецилии сформировать ещё делегацию из нас двоих и приветствовать «от лауреатов Консерватории»! Так мы потом и сказали Глазунову после чествования, когда зашли пожать ему руку в артистической. Я спросил у Цецилии:

- А что если бы я вышел на эстраду и приветствовал Глазунова, как числящегося

[3] Колбасные изделия (фр).

поныне директором Ленинградской консерватории, от имени советских музыкантов? Что случилось бы?

Цецилия:

- Стали бы свистеть.

Я:

- Нельзя свистеть из уважения к Глазунову - директор он или не директор Ленинградскоей консерватории?

Цецилия:

- Ну, побили бы вас, когда бы вы сошли с эстрады.

6 июня

Много работал над оркестровкой второй части.

Вечером Пташка пела по радио, но я должен был пойти на второе собрание нового камерного общества, и послушал её лишь ночью, от Самойленок. Передавало радио неважно, по тембру голоса узнать нельзя, хотя можно по манере. В первых трёх романсах Пташка спускала. Затем пела неплохо. Это был вечер с русской программой, но среди них масса моих вещей: «Баллада» для виолончели, фортепианные пьесы.

У Онеггера, среди прочих рассуждений придумывали название для общества. Я предлагал что-нибудь вроде фа-диеза, но не приняли. Хотели составное имя. Я предложил: «Nousomcontem» (nous sommes contents - nouvelle société de musique contemporaine[4]), но нашли что несерьёзно. В конце концов кто-то предложил Triton. Хотя не очень удачно, но все устали - и приняли.

12 июня

Неважное настроение. Но как оно подчиняется Christian Science!

13 июня

Концерт Серенады, из вещей, написанных по заказу Ноайей для праздника у них в имении; в Париже первое исполнение.

Большинство вещей полушутливые, некоторые под music-hall (Пуленк - недурно, на пошлейшие темки; Согэ - хуже: Орик - очень плохо); у Маркевича - галоп, незначительный, хотя один обработан неплохо; у Набокова - кое-что неплохо, но потом вдруг некстати «славянский» надрыв. В общем: снобистические круги собрали передовых музыкантов пошутить, но вышло не смешно, хотя и смеялись, чтобы поддержать настроение.

Ферру:

- Если быть нетребовательным, то можно найти удачные моменты.

Я:

- А если условиться, что это вовсе не музыка, то можно и совсем похвалить.

Подлетел Сувчинский. Этот тип пропадал всю зиму, хотя жил поблизости, не был ни на одном моём первом исполнении, а теперь, сияющий, появился.

- Я к вам приду в один из ближайших дней, - сказал он.

Я ответил:

- Пётр Петрович, я так отвык от вас, что лучше не приходите.

Сувчинский разочарованно обратился к Пташке:

- Право, Сергей Сергеевич плохой психолог!

[4] Мы довольны - новое общество современной музыки (фр).

15 июня

К Афиногенову приехала из СССР жена, американка. Мы гадали, что за жена у такого милого человека, да ещё американка? Оказалась ничего, не очень неудачная, но менее симпатичная; с коммунистической точки зрения, тоже более недавней, чем он, формации, и потому более резкая.

Решили сделать поездку в Гавр; гвоздь: часть пути на пароходе по Сене. Я дал Афиногенову план, чтобы он следил за дорогой, сказав, что правильное использование этого плана - экзамен на интеллигентность. Афиногенов следил внимательно, сведения давал верные, но всё-таки в одном месте мы взяли не кратчайшую дорогу.

Кроме того, из-за Пташки выехали на час поздней, а из-за меня в Руане подъехали не к тому вокзалу. Словом, хотя мы неслись довольно быстро, к поезду из Руана в Гавр мы не попали, поехали со следующим, и ввалились в Гавр в час ночи. К тому же отели были полны; легли в два.

16 июня

Встали в шесть, поспав четыре часа, а точнее три. Пароход из Гавра в Руан отошёл в семь. Устье Сены в Гавре превращается в целый морской залив, который при сереньком утре был не слишком красив. Но потом из-за облаков вышло и пригрело нас солнце, пароход вошёл собственно в Сену, показались чудесные берега: то довольно высокие с разбросанными на них городками и селениями, то низкие - с сочными лугами, пересечёнными деревьями. Афиногенов наслаждался, и поездка вышла приятной. В Руане купили всякой еды и в автомобиле поехали в Париж, устроив по пути завтрак на траве.

Афиногенов сказал, что хотел бы написать со мной оперу. Это встречается с моими желаниями: пора сделать советскую вещь. К тому же, кажется, у Афиногенова есть знание сцены.

Я сказал:

- Но непременно конструктивного, а не разрушительного характера.

Воскресла мысль сделать не оперу, а пьесу с ритмованной декламацией, сопровождаемой музыкой, как это я задумывал ещё в 1924 году.

17 июня

Был на выставке Lundstrom'а. Он Christian Scientist и про него говорил мне Graham. Его картины изображают музыку, как он её чувствует. Краски, линии, мелькают молнии. Музыка - самая современная: Дебюсси, Равель, Стравинский, или же наоборот - Моцарт. Есть и Скерцо из «Апельсинов». Я смотрел и старался понять, как такая или иная музыка в его голове могла породить эти краски и линии. Справедливость требует сказать, что я остался чуждым. А между тем, тот факт, что Lundstrom - Scientist, свидетельствует, что тут нет блефа, но что именно так он чувствует.

18 июня

Сегодня - замечательный случай в истории музыки: парижские критики собрались позавтракать в ресторане и пригласили меня своим гостем. Едва ли это до сих пор случалось часто! Скорее композиторы упрашивали критиков в поисках их благоволения. Как это произошло? Во-первых, они все ко мне очень мило относятся. Во-вторых, в течение зимы им часто, особенно по субботам и

воскресениям, приходилось толпой бежать с одного концерта на другой, чтобы захватить и ту программу, и другую; а так как их было семь человек, то они восклицали «Семеро их!» Вот и пригласили меня, раз мой дух носился с ними. Ресторанчик скромный, но были они милы, а я страшно польщён, и по окончании вручил им только что вышедшие и ещё не поступившие в продажу Сонатины.

Один из них, Dumesnil, повёл меня затем к себе и подробно описывал Нормандские острова в Ламанше, которые непременно надо посмотреть. Острова под протекторатом Англии, но имеют независимые правительства, а на одном есть даже местная королева, которую видели проезжающей по острову на осле.

Сегодня Стравинскому пятьдесят лет. Он в деревне, под Греноблем. Послал ему поздравительную телеграмму, но собрался только вечером, так что он получит лишь завтра.

Вечером был на балете монте-карловской компании. Организовано Де Базилем, художественный руководитель Кохно. Говорили, что свежо, продолжают традицию Дягилева - и сегодня мы решили посмотреть. Балерины у них молоденькие и горячие, художников и композиторов выбрали они современных: традицию как-будто и продолжают, но без творческого дарования Дягилева, а состригают купоны с его последних сезонов. Видели мы «Конкуренцию» Орика, но музыка никуда негодна, хотя Набоков почему-то и старался хвалить её.

19 июня

Обедали у Бур. Там, во-первых, Гобер, который недавно произведён в музыкального директора Opéra и очень удивился, узнав про заскок с «Апельсинами»; сказал, что это, наверное, какое-нибудь постороннее влияние, и обещал заняться ими. Во-вторых, Валери: Рубинштейн беседовала о построении башни, он затем думал, но не видит, чем можно заполнить такой балет. Поэтому ему придётся выдумать другой сюжет. Это приятно, что Валери: он музыкальный, меткий, несмотря на то, что страшно знаменитый. Я постарался немного направить его в круг моих мыслей: сюжет должен быть конструктивньш. не отрицательный, не декадирующий, не эротический.

20 июня

Концерт Артура Рубинштейна, который играл посвящённое ему Рондо. Помечено: «В первый раз», но это неправда - играл уже Боровский. Рубинштейн сыграл лучше, но ещё недостаточно свободно. Успех средний, вызвали меня лишь после Марша из «Апельсинов», сыгранного после Рондо. В артистической Рубинштейн кинулся ко мне с извинениями: он на самом деле играет Рондо гораздо лучше, но, увидев меня в публике, смутился, и это связало ему руки.

Я давно ломал себе голову над таблицей для турнира в бридж (каждую весну у меня назревает потребность бриджевого турнира), но это дико трудно, прямо астрономическая задача, если достигнуть, чтобы каждый играл с каждым равное число раз, против каждого тоже, и сравнивался с каждым тоже равное количество раз. Найти такое расписание никак не удавалось, но сегодня во время прогулки вдруг мелькнула математическая идейка - и таблица удалась, безукоризненно справедливая. Браво.

21 июня

Обедал у нас Пуленк, а также Фатьма, которая чрезвычайно ему нравится. Потом я, по просьбе Пуленка, играл ему отрывки из «Музыки для фортепиано с

оркестром». Он изумлён трудностью фортепианной партии; сам он тоже пишет концерт, но лёгкий. Я вспомнил, как на обратном пути с его week-end'a французы ругали своих композиторов за глупость: и Дебюсси ограничен, и Равель просто глуп; Стравинский умён, но sale caractère[5]. Вечером играли в бридж: Пуленк со Стейнертом и Фатьмой по-маленькой. а я с моими серьёзными партнёрами за другим столом.

22 июня

Обедали у нас Афиногеновы. Опять говорили с ним о предстоящей опере (или не опере). Он обещал дать прочесть свою пьесу «Страх», лучшую. Афиногенов прибавил: «Вытекающую, однако, из сюжета». Ну, конечно; форма и сюжет должны твориться параллельно.

23 июня

У Идки. Она с Валери додумалась до Семирамиды. Я в ужасе. Но тут же Серт, который подробно объясняет, как он всё видит. Кончается пьеса тем, что Ида Рубинштейн восходит на башню и оттуда говорит стихи Валери. Разумеется, это так для неё заманчиво, что тут ничего не поделаешь. Тем не менее, я решил поехать к Валери объясняться. Писать Семирамиду мне никак не хочется.

24 июня

Кончил оркестровку концерта. Поэтому, ввиду рекреации, поехал играть к Кепину в бридж, что и закончилось в три.

25 июня

Говорил с Валери. Он совсем не так увлечён Семирамидой, но ему сделать её легче, чем что-либо другое, так как над Семирамидой он уже думал раньше и многое продумал. Услышав, что я квалифицирую её отрицательным сюжетом, он сразу предложил другой: рождается на свет душа и входит в контакт с другими индивидуумами, но каждый индивидуум являет собой двойник - с одной стороны - его видимость, с другой - его душа. Это исходный пункт, на основании которого можно плести какие угодно соприкосновения и конфликты. Я сразу сказал, что эта идея мне в десять тысяч раз привлекательней Семирамиды. Валери обещал подумать, на этом расстались.

26 июня

В десять часов частный просмотр советского фильма «Златые горы» в Théâtre Pigale, все по приглашениям; театр полон. Три ряда впереди усаживаются Набоков и Сувчинский. Я утыкаюсь в программу. Набоков наоборот стоит напоказ и громко рассуждает на коммунистические темы. В фильме хорошие фотографии и изумительные голоса: таких бархатных голосов я в кинематографе не слыхал, да и в жизни редко. Но темп медленен, слишком много пауз между словами. Музыка Шостаковича, в большинстве на городские и фабричные песенки. Оркестровано ловко, но никак не разработано: таков, вероятно, был социальный заказ - чтобы простой публике было понятно. Но кое-где во время взрыва действия музыка совсем

[5] Несносный характер (фр).

мейерберовская - вот это плохо.

Днём уехал в Лондон - наигрывать 3-й Концерт; об этом всё время шли переговоры.

27 июня

Наигрываю я в первый раз в жизни, да ещё сразу с оркестром, поэтому постарался повнимательней повторять 3-й Концерт в последние две недели. Сегодня порядок действий был такой: сначала репетировали с оркестром час или полтора, затем стали наигрывать пробный диск. Если фальшивые ноты, то неважно: важно знать соотношение звучности фортепиано с оркестром и оркестровых инструментов между собой. Сыграли пробный диск и нашли, что фортепиано кое-где слабо, а в оркестре не звучат вторые скрипки, фаготы, гобои. Тогда последних двух подвинули на метр, а вторые скрипки частично смешали с первыми - и сыграли второй пробный.

Этот звучал так хорошо, что прямо жаль, что испортили (если по восковому диску сыграть, то он гибнет). Моя игра кое-где выходит хорошо, напористо, но кое-где манерно; это там, где лёгкая неуверенность или искусственность. Вообще, достаточно самой незначительной манерности, незаметной в обыкновенном исполнении, как граммофон сразу её подчеркнёт.

Начали наигрывать первый настоящий. Это, конечно, эмоция, и я играл не совсем спокойно, с большим напряжением. Первый диск вышел, однако, хорошо, только кларнет в побочной партии сыграл неверные ноты. Повторили; кларнет сыграл верно, но я играл хуже. Так продолжалось три часа. Я работал с большим интересом, но рад был, когда кончилось, так как устал от сосредоточия.

28 июня

Вторые три часа. Очень трудно сыграть целую сторону диска, т.е. четыре минуты, не задев ни одной фальшивой ноты. А как начинаешь играть осторожней, сейчас же игра становится искусственной и теряет свободу. К концу сеанса пришёл Prince George, второй сын короля. Он интересовался, как производится запись, был сначала в джазовом отделении, потом в студии, где декламировала актриса. Ввиду того, что актриса была хорошенькая, он задержался, а мы со всем оркестром сидели и ждали, так как не велено было начинать нового диска, пока не войдёт принц. Из-за жаркой погоды я снял пиджак и жилет, а кстати спустил подтяжки, чтобы не стесняли движений. Колингвуд, заведовавший записью и раньше учившийся в петербургской Консерватории, сказал мне по-русски: «Подтяжки, может, лучше скинуть». Когда пришёл принц и нас повели представляться, я их отстегнул, но пиджака можно было не надевать.

Принц молодой, породистый, недурен собой, хотя щуплый. Протянул нам всем руку и, видимо, не знал сначала, что сказать. Потом выбрал меня для разговора, спросил, когда Концерт написан, играл ли я его уже в Англии, и где я обыкновенно живу. Я отвечал ему весело, а на вопрос, где я живу, у меня вертелось сказать: «В Париже, но часто езжу в Советскую Россию». Однако вышло бы неловко, всё-таки я гость, а он хозяин, поэтому пришлось ограничиться Парижем. При принце зарегистрировали одну фразу и сейчас же попробовали. Затем принц удалился, а мы продолжали работу.

Каждый кусочек был зарегистрирован два-три раза. Теперь с них будут снимать негативы гальваническим путём, а затем пришлют в Париж сделать выбор.

После работы я страшно устал; чтобы размяться, шёл через весь город пешком; позавтракал, сделал покупки и уехал в Париж.

29 июня

Никитина, бывшая танцовщица Дягилева, влюбила в себя богатого лорда, получила от него кучу денег и теперь решила вспомнить свои танцы, и организовала в Champs Elysées целый вечер. В программе и Стравинский, и Пуленк, и Согэ. Из моих вещей - Гавот Op.32 в оркестровке Риети и первая часть Дивертисмента в виде антракта. Обставлен спектакль хорошо; в зале много интересных людей, но танцевала Никитина без блеска.

Стравинский благодарил за телеграмму и извинялся, что не ответил, но он сразу уехал во Франкфурт, и телеграмму, пришедшую на другой день, ему дослали. Я спросил его, как подвигаются его пьесы для скрипки и фортепиано. Стравинский ответил: «Отделываю их под микроскопом». Но летом он будет больше отдыхать, чем работать, так как у него колит, уж и так он в прошлое лето переработал (как будто сочинение отзывается на кишечнике!). Я спросил, принять ли приглашение Никитиной на ужин после спектакля. Он ответил: «Конечно пойдите».

За кулисами произошёл комический случай: какая-то русская борода читала Никитиной длиннейшие приветственные стихи, а Никитина не могла дождаться конца, так как другие люди поважней ждали, чтобы пожать ей руку. Второй случай, тоже, в конце концов, комический, произошёл, когда Пташка и я подошли к Стравинскому спросить, пора ли поехать в ресторан или подождать, пока поедет Никитина. Вдруг Стравинский через наши плечи закричал: «А, Борис Кохно». Последний подошёл и через наши же плечи протянул руку Стравинскому, который весело с ним заговорил. Я счёл это за слишком очевидную демонстрацию - и мы с Пташкой ушли.

Ужин происходил в шикарном ресторане, но был нелепый. Кохно меня раздражал, а поведение Стравинского ещё больше. Стравинский сидел между Пташкой и Никитиной, не обращал на Пташку внимания и страшно ухаживал за Никитиной, а затем любезничал с Кохно, до неприличия. В два часа ужин кончился, но пили ещё шампанское. Мы с Пташкой решили идти домой. Прощаясь со Стравинским, я отвернулся - протест за его поведение. Отойдя шагов на пятнадцать, я ждал Пташку, которая ещё не кончила прощание (за столом было человек двенадцать-пятнадцать). Вдруг Стравинский встал и направился ко мне, называя меня по имени. Так как я стоял вполоборота, то я имел право его не заметить, и потому направился к выходу. Но так как Стравинский догонял меня, то наступило время, когда я должен был услышать его. Я остановился и повернулся к нему. Стравинский несколько пьяным и смущённым голосом спросил:

- Серёжа, почему вы так рано уходите?

Я:

- Игорь Фёдорович, пора, уже два часа.

Он повторил вопрос и я повторил ответ. Стравинский:

- Вы отчего-то не в духе.

Я:

- Игорь Фёдорович, вы достаточно умны, чтобы не задавать мне этих вопросов.

В это время подошла Пташка и я, попрощавшись со Стравинским, ушёл.
(Теперь, когда я пишу это, мне немного стыдно, что не удержался на высоте: Стравинскому угодно любезничать с Кохно - и Бог с ними. Кохно - ничтожная душонка, и я могу его не замечать. Но должен делать это без тени ненависти и без всякой злобы).

30 июня

Меня пригласили в жюри по присуждению премий на экзаменах Парижской

консерватории. Не скрою, это мне очень польстило. Играло одиннадцать пианистов и кончилось около одиннадцати вечера. Рабо, плохой композитор, но, как выяснилось, пресимпатичный директор, посадил меня рядом с собою; всех было девять или одиннадцать человек, среди них Нин и три толстых господина с розетками. Мне разъяснили систему расценки - и я постарался как можно внимательней и серьёзней отнестись к делу, отмечая впечатление от каждого ученика.

Конкурсная вещь - Фантазия Шопена, и слушать её одиннадцать раз было скучновато. После двухчасового конкурса был объявлен перерыв, а затем публичное чтение с листа, для чего специальная пьеса была сочинена Парейем, и нам, экзаменаторам, розданы экземпляры для слежки. Надо сказать, читают они отлично, но в исполнении Фантазии ни один не выделился, хотя все играли очень прилично. Во время чтения я занимался тем, что выуживал ошибки из рукописи, лежавшей передо мной, и нашёл, правда, не очень страшных, но всё-таки штук одиннадцать, сообщив их всех Рабо и сказав ему, смеясь: «Что, если теперь сказать ученикам, что найдены ошибки, они взбунтовались бы и сказали бы - оттого мы и врали во время чтения!» Рабо смеётся; на самом деле это, конечно, не имеет значения, так как ученики, хотя и читали хорошо, делали по крайней мере сто ошибок на пьесу, из найденных же мною одиннадцати лишь три-четыре могли влиять на исполнение.

После окончания чтения - вотировали, разумеется, за исполнение Фантазии, чтение же принималось как общий показатель интеллигентности. Вотум прошёл не совсем так, как голосовали. Один раз я даже задумался (давать две или три первых премии; я дал бы только одну). Кто-то сказал: «Вам голосовать». Но Рабо сейчас же поправил: «Не торопитесь, у нас достаточно времени».

Если бы мне поручили сочинить пьесу для чтения, то я написал бы им двуголосицу и сплошь из консонансов, но такую, что они сломали бы себе шею.

Вечером у меня собрание Тритона, к которому через меня привлекли Корто, так как он устраивает концерты с малым оркестром и может быть нам полезным.

1 июля

Так как за зиму мы побывали во многих местах, то наступило время устроить ответный чай. Пташка составила список: получилось человек шестьдесят, хотя многих в него не включили.

Сегодня этот чай состоялся; были приличные угощения и всего человек пятьдесят, среди них Артур Рубинштейн со своей невестой, Пуленк, Согэ, Ферру, Никитина, Саша-Яша, Шухаев, Mme Валери, Mme de Felz и т.д. А вечером, когда все разошлись, осталась своя компания: Самойленки, Пайчадзе. Шухаев, Гончарова, Ларионов.

Пайчадзе сказал, что вчера в издательство заходил Стравинский и говорил: «Серёжа на меня сердится, не пойму почему... Может, я был недостаточно внимателен с его женой; или меня, а не его посадили рядом с Никитиной...». Пайчадзе ответил: «Не думаю, чтобы Прокофьева могли волновать вопросы местничества, тем более, что вы старше его».

Я сказал:

- Действительно, Стравинский был довольно противен в своём ухаживании за Никитиной, но разозлил он меня демонстративной дружбой с Кохно.

Пайчадзе:

- С Кохно - это меня удивляет, а с Никитиной - нисколько: как раз в этот день за завтраком Нувель сказал ему, что у Никитиной лежат в банке двадцать миллионов франков, и это произвело неотразимое впечатление (может будет заказ).

2 июля

Если вчерашний приём устраивала Пташка, то сегодня у меня возня с приготовлениями завтрашнего бриджевого турнира. Всего восемь человек - лучшие из тех, с которыми я играл в течение зимы. Турнир, таким образом, - итог сезона. Было сосредоточено до пятидесяти колод. Так как игра происходила обыкновенными картами на двух столах, то сегодня их подбирал Астров, чтобы во время турнира не было задержки. Подобрал он без всякого задания, просто сдавал, но среди игр было включено несколько каверзных из прошлогоднего турнира, а также шесть заданных положений из журналов, что придало некоторый яд всему состязанию, так как в каждом сложном положении все начинали думать, что это как раз задача.

Днём я ходил к Идке, где Валери и Серт. Валери опять сдал позиции и готов делать Семирамиду. Мне он сказал: «Не думайте, что это будет живописная Семирамида Древнего Востока, которая всех отталкивает; меня интересует психическая и духовная сторона». Я не стал сопротивляться. Надо получить заказ, а за сюжет пусть отвечает Валери.

У меня есть материал для 6-й Сонаты, которую я никак не соберусь сделать. Этот материал я использую для Семирамиды, но так, что буду иметь ввиду и сонату. Вернее, сонату я буду иметь больше ввиду, чем Семирамиду. Вечером у нас обедали Афиногеновы, которых мы побоялись пригласить на вчерашние буржуазные сборы. Афиногенов подарил мне свой «Страх», а я ему фотографию, оба с трогательными надписями.

3 июля

Турнир начался в приподнятом настроении. К трём часам все были в сборе, и я сказал речь о принципах, на которых устроен турнир: главным образом о справедливости расписания, о том, что результат не зависит от плохой и хорошей карты, и о мелких правилах, которые надо соблюдать. В прошлом году оценка производилась после каждой сдачи по специально выработанной мною таблице сравнения результатов. Сегодня сравнение производилось по обыкновенной бриджевой записи после каждых шести сдач, при расставании двух партнёров. В первом туре я играл с Мейндорфом и сразу попали на заданное положение, которое предложил Астров. Играли мы очень тщательно, но в результате не могли выиграть против сильнейшей пары Тихомиров-Кепин.

Во втором туре Кепин и я играли душа в душу, с редкой удачей, и выиграли большой удар. В третьем я с Феврие, не особенно согласно, но всё-таки выиграли. После этого выяснилось, что Феврие на первом месте, я на втором. К удивлению Альтман был в хвосте: он в первом туре проиграл благодаря ошибкам партнёра, проявившего невнимательность и приехавшего на турнир с вкусного завтрака в подвыпившем состоянии. Во втором туре Альтман разгорячился и сам наделал ошибок. Взлетев на второе место в таком сильном составе, я постарался не закидываться, а проявлять максимальную осторожность, чтобы сохранить положение. Я действительно после этого проигрывал, но ничтожно, и другим, шедшим зигзагами, не удалось меня обогнать. Так и кончилось: Феврие - первый, я - второй, Тихомиров - третий, Кепин - четвёртый. Конечно, первые двое незаслуженно высоко, но Феврие в этот день играл отлично, я же взял осторожностью. Кепин был огорчён, но он играл сегодня нервно. Очень огорчён был Мейндорф (третий с конца).

Турнир окончился в девять вечера. Я дико устал. Жаль, что не было Алёхина, но он в путешествии.

4 июля

Я решил отправиться на несколько дней на острова в Ламанш, про которые говорил мне Dumesnil: посмотреть средневековый уклад, погулять, побыть с собою, почитать Christian Science; кстати, Пайчадзе вручил мне корректуру сюиты из «Игрока» - можно было заняться ею во время поездки. Время тоже выходило удачное: оркестровку музыки Op.55 я кончил; а за Идку ещё рано приниматься: нет контракта, и Валери обещал приблизительные наброски либретто через неделю.

День ушёл на визы, узнавания расписания пароходов и ликвидацию писем.

5 июля

Выехал в двенадцать. В поезде сначала жарко, но пошёл дождь и освежил. Читал «Страх» Афиногенова. Ввиду проекта предстоящей работы с ним, воспринимал особенно остро. Это бытовая пьеса, конфликт старой интеллигенции (из тех, которые готовы работать с советской властью) с новыми выдвиженцами, менее культурными, но более энергичными.

Для моего либретто мне хотелось бы от Афиногенова меньшей чеховщины и большей пружинности, большей подобранности, чтобы сущность пьесы в большей мере зависела от сценического действия, чем от слова.

В шесть часов вечера я приехал в St.Malo, дождь перестал, был чудный вечер. На катере нас доставили на пароход, который к наступлению темноты пришёл на остров Jersey. На этой группе островов особое правительство, которое, хотя зависит от Англии, но, например, не взимает тех налогов, что в Англии. Говорят также, что если сюда попадается обанкротившийся банкир, то его не выдают. Входя в покрытую полумраком гавань, я воображал себя на месте такого банкира, достигшего после треволнений гостеприимного острова и обречённого остаться здесь до конца жизни.

Остров красив, на набережной ряд отелей, среди них старинный Grand Hotel, в котором я и остановился.

6 июля

Осмотрел остров в автокаре, который выехал в одиннадцать и возил до шести, не торопясь, с остановками для приятного препровождения времени. Видели церкву XII века, маяк, ущелье, завтракали в отельчике у моря, пили денный чай в другом.

7 июля

Утром переезд с острова Jersey на остров Quernsey на довольно большом пароходе, идущем в Англию. А затем прогулка по Quernsey в автокаре, опять с остановками и прогулками. Quernsey меньше, чем Jersey, но больше похож на сплошной сад. В общем я наслаждался путешествием. Начал делать корректуру, но, награвированная новым способом, она так плоха, что просто всё надо перегравировывать наново.

Много читал Christian Science и немножко размышлял в этом направлении. Сочинил несколько тем.

8 июля

Сегодня остров Sark, или по-французски Sercq. Это самый маленький, но зато

самый для меня интересный, ибо управляется он местной королевкой, которая титулируется La Dame de Sercq и живёт во дворце (скорее вилле), именуемой La Sciqneurie. Такое кукольное царство существует ещё с XVI века. Остров с незапамятных времён разделён между сорока семьями, которые и правят им, под скипетром своей Дамы и в подчинении Англии. До Sercq'a час езды на небольшом пароходике, который входит в крошечную бухту. Вокруг никаких строений, но просечённый в скале туннель ведёт к дороге, поднимающейся в гору. Далее приятный британский пейзаж, никаких городов, но время от времени разбросанные домики с хозяйством. Есть несколько отелей, тоже деревенского типа. В одном из них я остановился и меня чудно накормили. За проведённые здесь сутки я исходил весь остров (автомобили сюда не допускаются). Много красивых видов в связи с извилистой и скалистой линией берегов, однако нельзя сказать, что остров замечательно живописен: он мил, уютен; однако его прелесть составляет уединённость, средневековость, оторванность ото всего. Жители вежливы и кланяются при встрече; разгуливает много туристов. Средневековость Сарка иная, чем Нюрнберга, который больше действует на воображение своей архитектурой. Здесь же не архитектура, а склад жизни.

20 ноября[6]

Отъезд из Варшавы в семь часов утра, встал в половине шестого. Пташка ещё поёт на радио и едет в Прагу; не знает, как без меня. Целый день через Польшу, учу партитуру «Стального скока» и досыпаю.

В четыре Негорелое. Заходит солнце, небо золотое как раз позади, я на задней площадке. Короткая остановка на границе, арка, красноармеец: «Попрошу, пожалуйста, паспорт; вы одне?» Негорелое. Моя дюжина тюков. Долго жду досмотра и выспрашиваю, не приехали ли встречать. Досмотр благожелательный, но находят и задерживают женские вещи. Держановский - Шебалин. Деньги, также от Ленфильма. Поезд, мягкий. Вагон-ресторан, я угощаю. Держановский жалуется, что постарел, но в общем такой же. Музыка войдёт в колею, когда Прокофьев, Мясковский и Шебалин войдут в партию и поведут. Нет белья, вернее одеял.

21 ноября

Москва в без четверти десять.

Афиногенов: кожаное пальто, точно для моего приезда, его автомобиль в починке, едем в головановском. Ещё Шурик, Надя, Ламм. Шурик бодр. Превосходный номер в Hotel National. Разборка нот, телефоны к Голованову, все схлынули. У меня два свободных часа, иду гулять, дать телеграмму Пташке. Мало повозок, масса пешеходов. Толпа неприглядная, но хуже всего остаток короткой моды у женщин, и грубые чулки или валенки. Телефон с заграницей. Заказываю Пташку, гуляю, возвращаюсь, но телефон запоздал - отказываюсь, послал телеграмму. Ем в ресторане: парадно, накрахмалено, два меню: доллары и советские: доллар = двадцать рублей. Осетрину холодную, конечно. Голованов и Кубацкий, теперь не директор, а дирижёр. Проходим Концерт и Портреты. Вваливается Артур Рубинштейн, нравится. Слегка отдыхаю. Мясковский: как будто борода больше лопаткой, но такой же. Цветы от Зинки[7], звоню ей, Мейерхольд в Ленинграде. Держановский.

Забегает Шурик: поразительная бодрость и хороший взгляд на мир.

[6] С 20 ноября по 7 декабря - черновые записи о поездке в СССР.

[7] Зинаида Райх, жена Мейерхольда.

«Псковитянка», я в директорской ложе: сначала «Вера Шелога». как будто ни к чему, потом захватывает. Колокола. Малиновская - приятная, немолодая; Арканов. Интересуются новым балетом, объясняю принцип сочинения и сюжет. Рабинович.

22 ноября

Встал в восемь, темно: первая репетиция в девять часов в Большом театре. В оркестре старые товарищи. Я на сцене, плохо слышно, репетируем Концерт два часа. Репетиция будничная, понемногу всё складывается: под конец Портреты. Звоним Рубинину. Прямо к нему, кабинет (почти там. где в прошлый раз). сановная обстановка, сам прост, культурный, я рассказываю про Париж, всякие анекдоты. Он получил письмо, готов всё сделать, но не знает техники, звонит, - я должен сначала к Аркадьеву, а если надо, он подтолкнёт. Вырвавшись домой, отдыхаю. Завтра Держановский и через Атовмяна свидание с Аркадьевым. Чистые пруды. Менее шикарный кабинет, разговариваем больше получаса: про преподавание мало. В общем выясняется, что нет препятствий к моему продвижению. Аркадьев о балете и «Трёх апельсинах». Асафьев восходит. Охотно берётся написать про паспорт. Еду к Шурику, дико жмут в трамвае, но добродушно. Шурик встречает у подъезда, ведёт; невероятный ход, но в подвале тепло, сухо и уютно. Большие девочки; появление Кати (кузины), выглядит очень благопристойно, но вмешивается не вовремя. Уходим. Шурик не хочет с Катей. Торгсин, плохое впечатление.

Репетиция Квартета. Держановский говорит, что совсем иное, чем когда Роты[8]. Сонату не успели. К Асафьеву, опоздали на полчаса. Во дворе (саду), две комнаты, ход через кухню, приличный кабинет - из-за книг. Шампанское, икра, обед русско- американский, не такой вкусный, как в 1927 году, но очень сытный. Разговоры о пьесе, но разочарование. 1) Парижская; 2) Днепрострой, но длинно (три акта); 3) отрывки из материала. Почему не подходит; стараюсь наладить и направить: музыку к сатире мало пробовал, а к эмоции, мечте, надежде, толпе - много. Обещает думать, послезавтра уезжает в Сочи - работать, здесь американцы, видимо, заели. Возвращаюсь пешком и думаю о сюжете.

23 ноября

Опять встал в восемь и репетиция в девять: Портреты, «Классическая» Симфония и «Скок»: оркестр очень внимателен, послушен к жесту и аплодирует. Голованов хвалит «Стальной скок». Предложение повторения Концерта пятого, берутся хлопотать о паспорте, визах, что меня главным образом и толкает согласиться: легче Концерт отыграть, чем визы и прочее.

Дома сплю, тяжёлая голова и усталость. Иду пешком, чтобы прогуляться. Сначала к Мясковскому, разговоры обо всём понемножку, только полчаса. Чемодан цел. Он за корректурой Одиннадцатой. Красные похороны, первое впечатление, потом: есть чёрный траур.

На второй репетиции ансамбля: две скрипки, очень интересно как соната. Держат внимание, или моё? Ещё не выучили. Идём обратно с Екатериной Васильевной, она рассказывает о Горьком, Союзе композиторов и прочих сражениях и делах, провожает меня. Чтобы отдохнуть, решаю провести вечер дома и рано лечь, но телефон от Мейерхольда - Зины, затем повторение, затем телефон от Мирского.

[8] Имеется в виду квартет Рота.

24 ноября

Встал полвосьмого. Шурик с Надей.

Репетиция, сегодня композиторы, человек пятьдесят. Голованов сначала не хотел, но я заступился; при них Голованов нервничал и загонял «Классическую» Симфонию, после которой оркестр аплодировал мне, особенно после средней части. Концерт сегодня на хорошем «Бехштейне», но всё ещё далеко. Затем дирижировал «Стальной скок», чувствуется, что здорово выходит. Мясковский реабилитирован, по крайней мере среди музыкантов. Шурик в восторге.

Дома: приходят Мясковский и Держановский, первый относительно Сараджева, второй об интервью, ибо «в высших сферах желают, чтобы я высказался». Сначала интервью не клеилось, но потом я вдохновляюсь.

Завтракают у меня, Держановский уплетает охотно, Мясковский церемонится. По уходе, я от половины третьего до половины седьмого провожу один, читаю, отдыхаю, играл на рояле, повторяя Концерт и камерную программу. Захожу за Сараджевым, предварительная встреча у Рубинина с Гольденвейзером, очень дружеская, разговоры о шахматах. Вскользь о Консерватории. У Держановского: Мясковский, Ламм, Половинкин, Мосолов. Заставляют играть Сонатину. Половинкин играет: там, где немного по-сумасшедшему, там интересно, а где попросту, там сказывается бедность. Прошу советские романсы для Пташки, но это не так просто, Держановский подсовывает романсы Половинкина, но они старомодны, с нонаккордами и увеличенными трезвучиями: что же это за советское творчество! Редактировали с Держановским моё интервью, из которого он сделал нечто сложное и невразумительное, а между тем важно кормят довольно приличным ужином, засиживаемся до второго часа, я зол, так как завтра концерт.

На улице метель.

25 ноября

Сегодня репетиция в одиннадцать, народу человек сто пятьдесят - композиторы. Эстрада, и вдруг мы с Гольденвейзером рядом и всё пошло. Но акустика! Решили повторить программу пятого: многие музыканты не могут попасть. От Интуриста звонят в театр от имени Chalon, спрашивая, где я остановился. Днём он вваливается, весёлый, заинтересованный Москвой. Я объясняю, кто будет в ложе. Концерт в восемь. Я прихожу с Шалоном в директорскую ложу. Малиновская; разговор о Лифаре; неприятно высокомерный тон в этом вопросе. Я смягчаю. «Ну пусть приедет с вами в апреле посмотреть». Семёнова. Голованов дирижирует Портретами неплохо по темпам, загонит Концерт. По музыке - не знаю, от меня слышно лишь приблизительно. Успех, но не чрезвычайный. Я иду играть, почти спокойно; отличная встреча, но не как в 1927 году. Концерт проходит очень корректно, но я не уверен, всё ли слышно. Требование бисов. Антракт. Кучерявая; он умер в марте. Говорят, на концерте были Бубнов, Ворошилов, и ещё в ложе правительства мелькнули усы Сталина. «Классическая» Симфония, Гавот бисировали. Я дирижирую «Стальной скок». Идёт хорошо, с огнём. Бесконечные вызовы, приходится играть. Вторая «бабушка»[9], третий гавот, Марш Ор.12. Тут зал ревёт, как в 1927 году.

Тушим электричество. Ужин по случаю пятнадцатой годовщины (оркестра). За почётным столом: я, Мясковский, Голованов. Речь о загранице и здесь. Про заграницу много верных обобщений, хотя кое-что преувеличено. Я рано удираю, так как завтра концерт.

[9] Вторая пьеса из «Бабушкиных сказок», Ор.31.

26 ноября

Мирский. Он как-то ничего не рассказал. Я про Афиногенова, он обещал подумать о сюжете. Концерт в час. В ложе столкнулся с Мейерхольдами, подчёркнуто бурная встреча. Зинка мила. Голованов исправил некоторые темпы. Концерт проходит по тому же расписанию, как вчера, и с тем же crescendo, но я бисирую «Мимолётностями». Гавотом и «Наваждением». Мясковский находит сходство развязки из «Игрока» с «Сечей при Керженце». Атовмян о двух телефонах из Ленинграда: банкеты, я - ненавижу, так и телеграфируйте. Мейерхольд везёт меня на своём «Форде» к себе выпить кофе и закусить. О спасительном телефоне в Ленинград: работаю. Звоню Айви Вальтеровне[10]. Дома отдыхаю. Кучерявая: как отец умирал; был объявлен вредителем - причины неясны: её неудачное замужество; взгляд на жизнь; я стараюсь смягчить; даю денег; потом жалею, что мало: нет хлеба: картофель. Шурик, я проектировал обедать с Шалоном, но Шурик спешит. Про капризы Кати, а Шурик любит мир и ясность. Chalon доволен концертом, посылает телеграмму, мои услуги. Понравилась публика в ложе. Кормлю обедом: холодная осетрина, водка, шампанское, груши. Автомобиль везёт к Шебалину. Собрание композиторов. Кроме присутствовавших двадцать четвёртого: Фейнберг, Шеншин. Оборин. Мейерхольд, Шебалин. Я играю: Дивертисмент и 2-ю Сонату; затем прошу слова, принимаем с интересом, но без особого энтузиазма, с достоинством. Исполнение 11-й Симфонии Мясковского в восемь рук.

Красивые гармонии, много интересного, но как всегда не может отделаться от провинциального. Удираю не слишком поздно. Иду пешком. Белая зима.

27 ноября

Горячая ванна; чем питаюсь: цена денег в ресторане и моё впечатление об их цене. В авторских накопилось шесть с чем-то. С Chalon на репетиции «Еврейской увертюры» и Сонатины. Идём по снежной Москве, делаем снимок. У Цыганова, Увертюра подана хорошо, Chalon в восторге, снимает. Я показываю модный журнал жене; приглашение к завтраку от французского посла через Chalon. Сон лучше, но не совсем. Повторяю Сонатину и пр. У Мейерхольда отличный завтрак: заливной цыплёнок, компот, первый класс. Ионов: неожиданная удача с нотами, широта взглядов. К Айви Вальтеровне, на автомобиле Мейерхольда. Она мила и оживлённая, думала, что иностранный гражданин. Долгий отдых. Боялся за Сонатину и работал над этим. Консерватория, воспоминания о Персимфансе. Квартет играют бойко, но в одном месте разлезаются. Я играл мелочи - большой успех. Гольденвейзер, Шацкий. Соната для двух скрипок, ничего и даже успех. Сонатина - без приключений! Ура, неуспеха мало, хотя требуют бис, но не за неё. Играю, чтобы поднять настроение. Гавот Op.32 и Марш из «Апельсинов», хотя стыдно. Но большой успех «Еврейской увертюры». Бисируется после настойчивых требований. Пора на поезд. Выхожу кланяться в кожаном пальто, с портфелем под мышкой.

Домой, скорее укладываюсь. Атовмян видел: Чемберджи горячо аплодировал; знакомые слышали Пташку в Праге: «Гадкий утёнок», хорошая передача. Автомобиль Голованова. На вокзале. В международный вагон не достали, но отдельное купе. Соблазнял Держановского. «Красная стрела». Колеблется, но не едет. Я не очень настаиваю: наглупил с интервью, которое появилось сегодня в урезанном и искажённом виде, а между тем важно.

[10] Жена М.М.Литвинова.

28 ноября

Выспался. Ленинград в половине одиннадцатого. На вокзале Асафьев (вчера премьера «Пламя Парижа»), Щербаков, кто-то от Филармонии. В отличном автомобиле в «Европейскую». Гнилая погода после московского снега. Номер двойной, с ванной, но проще и не так сияет чистотой, как в Москве. Асафьев рассказывает: выходит в люди и предлагают в партию. Я говорю против его стонов и трусости. Дранишников такой же, репетиция, почти не выучил партитуру. Перемены в зале, блохи в красных диванах. Начинают с «Портретов», потом Концерт. Тюлин, Дешевов, и особенно Асафьев, расхваливают Концерт. Возвращаюсь в отель, звонит Лидуся, приходит, постарела, жалуется на сердце, но живёт хорошо, муж - морской спец. Звоню и иду к Демчинскому. Размеренная и красивая речь. Трудное положение, очевидно, должен был сжаться, сын. Я ищу иного воздуха. Иду в двенадцать ночи домой. Ленинград без снега, более гнилой.

Сравниваю свои переживания с 1927 годом. Теперь я дальше отошёл; исчезла такая любовь к самому городу, улицам. Или просто я дальше отошёл от вещей, мест, предметов?

29 ноября

Вторая репетиция, деловая, никто не присутствует, с десяти до часу, потом в дирекции, разные дела до двух. Я спрашиваю Дранишникова про «Апельсины». Не пойдут из-за залога. Я возмущён: залог отменён три года назад. Иду наверх в ресторан. Догоняю дневник. Пешком к Дранишникову.

Невозможность получить вечером «Красную газету» (интервью). Радловы. Директор Бухштейн. Дранишников уже говорил с ним об «Апельсинах». Дело сразу решено; и возможен спектакль из трёх балетов. Отличный обед. Директор отвозит Радловых и меня. Настаивает на моём появлении завтра на Съезде работников искусств, где меня желают видеть. Придётся говорить речь.

30 ноября

Нет репетиции. Поэтому встал не торопясь, обдумывал речь и, обдумав, старался запомнить. Снял дом Сувчинского, он облупился, школа. Бухштейн везёт на Съезд; заседание кончилось и рассаживают группы для съёмок. Меня встречают аплодисментами, слава Богу, можно не говорить речи. Меня снимают, рисуют карандашом. Едем в Михайловский театр, в фойе композиторы и музыканты устраивают мне приём (телеграмма из Москвы Атовмяна: Прокофьев ненавидит торжественные встречи). Всё же человек семьдесят. Речь Иохельсона, лишь потом узнал, что он бывший председатель ленинградского отделения пролетарских музыкантов. Говорит он приблизительно то, что я хотел сказать на Съезде: о расцвете интереса к музыке, о желательности привлечь меня к работе, к советской тематике, к связи с музыкальным миром Запада. Всё это в страшно лестной для меня форме: всё время Сергей Сергеевич и Сергей Сергеевич.

Мне надо отвечать: я говорю кратко, не особенно красноречиво, подтверждая то, что он сказал, и останавливаясь на фактической стороне обмена. Мои слова, что я и в самом деле собираюсь проводить как можно больше времени здесь, встречают продолжительными аплодисментами. Об обороте потихоньку к Асафьеву: так ли сказал. Затем переход в соседнее помещение, где чай и довольно много угощений. Предлагается ставить мне вопросы, и я отвечаю на тридцать- сорок, но это не предательски, как в 1929 году, а дружески и фактически. Много спрашивают Штейнберг, Андрей Римский-Корсаков и Вейсберг, которые сидят

против меня. Встреча с Добычиной на улице: что о ней говорят, моё поведение, о Бенуа и желании его пригласить; поручает мне. Дома слегка отдыхаю, звонит Струве, я сначала удивляюсь, потом очень приятно, обещаю ей билет. Вечером заезжает Бухштейн и везёт на капустник по случаю закрытия Съезда. Буду ли я преподавать в Ленинграде? Я отвечаю несколько расплывчато, но не возражаю. На капустнике ужин и затем ряд сценических отрывков, очень любопытных. Блестящая колоратурная певица Барсова. В первом часу я удираю.

1 декабря

Третья репетиция, а трёх мало! Вещи не идут и Дранишников как-то поверхностно трактует. Дирекция продляет репетицию на час. Один из скрипачей спрашивает: какой оркестр лучше, этот или московский. Я говорю: московский. Он: хоть вы и авторитет, но позвольте вам не поверить. Я: это ваше право. Оркестр отдыхает три раза и пытается разойтись. Я: надо сначала выучить вещь, а потом отдыхать. В общем я недоволен. На репетиции много народу. Вера Алперс: умер её младший брат. Репетиция кончается в третьем часу. Перерыв до концерта — провожу дома, спокойно, немного гуляю. Вечером зал полон, стоят как в 1927 году, но тогда и в проходах между стульями, а теперь только за колоннами. Директор говорит, что настроение праздничное. Соллертинский, полиглот - двадцать шесть языков, читает вступительное слово, очень выразительный тенорок. Дранишников после упрёка в поверхностности, очевидно, занимался весь день и волнуется «как дитя». Дирижирует всё гораздо лучше и в довольно верных темпах. Я не волнуюсь, концерт проходит хорошо, но успех при появлении и уходе меньше, чем в 1927 г. В антракте, пока ещё аплодируют, я выхожу кланяться. Струве и Chalon, с которым она оказалась радом; он провёл её - никого не велено пускать. Восемнадцатилетний перерыв она выдержала прекрасно и осталась очень интересной женщиной. Но такой же пугливой - и сейчас же стала прощаться. Я попросил позвонить мне завтра. Зато Таня Гранат сдала: и глазами, и зубами, и фигурой. Ещё А.Толстой, Гавриил Попов. Письмо от Петрова-Водкина, который очень болен.

Второе отделение: «Классическая» Симфония и «Стальной скок» под управлением Дранишникова, сыграны недурно, довольно много вызовов в конце, может надеются на бис. В артистической Демчинский; Элеонора: «А у меня ребёночек двух месяцев». Кто взял её в жёны? Говорят, латыш. Лидуся, Хайкин, многих не пустили. После концерта возвращаюсь в номер, вваливается Chalon, поздравляет с успехом, пьём «Нарзан», пиво и едим привезённый им кекс.

2 декабря

Встал позднее - отдыхал, гулял; звонила Струве, я запнулся, пригласил её придти, обещая духи; она смутилась, но охотно согласилась. Гусман; проект кино; Тынянов, знаком по Грибоедову, сюжет симпатичный и для заграницы приемлем. Возможна принципиальная заграничная эксплуатация. Потому завтра назначено свидание с режиссёром и Тыняновым. Асафьев, его головная боль; о страхе; о смерти, которую выдумали остающиеся позади; о его успехе и нажиме на вступление в партию. Тюлин приносит просьбу от директора Консерватории о нотах (я объяснил ему обиду в 1929 году). Идём на репетицию Сонаты и «Еврейской увертюры». Последняя идёт хорошо, но первая с запинкой, тем не менее очень нравится и Тюлину, и Асафьеву; последний подчёркивает постоянно мелодичность. Домой. В половине шестого Струве. Духи, конфеты. Сначала мне приятно видеть, приятно, что она не разрушилась, как другие, но разговор её скорее глуповатенький, и тема одна - уехать за границу, готова бросить детей и мужа, с которым даже

охлаждение на эту тему. За границей у неё родственники и возможности. Всё время стучатся и вваливаются, получив свидание на завтра. Chalon: как француз сейчас же исчезает, не войдя. Струве уехала, и я с Chalon еду к Дранишникову показать Chalon мебель; в распоряжении Chalon отличный автомобиль Интуриста. Мебель производит чрезвычайное впечатление, Chalon впивается в каждую вещь. Шампанское, но я спешу. Н.Радлов ведёт на выставку: русские художники за пятнадцать лет. Огромная выставка, очень пёстрая. Новые темы интересуют, но больше всего производят впечатление nature-morte'ы Петрова-Водкина, и заинтересовывают ковровo-мозаичные фантазии Филонова. Полтора часа, усталость. Иду отдыхать в Дом учёных. Дворец Великого князя Владимира Александровича на Неве, не особенно тонко, но добротно, выдержал и эскадрон с лошадьми, и другие превратности. Теперь Дом учёных. Турнир - Ботвинник проигрывает. Рохлин выражает удовольствие, называя меня шахматным ветераном. Н.Радлов приходит и тянет к себе, рядом, на Миллионной. Прихожу в половине двенадцатого, беседуем. Расспросы про Мещерских. Я: часть в Сербии, часть в Париже, но не было случая встретиться. Разговор о романах: в Летнем саду холодно, а в музеях слишком много народу; жилплощадь не располагает к углублению романов. Ухожу в час ночи по снегу, скользко.

3 декабря

Кофе приходит пить Себряков. Его мнение о строительстве и всё-таки о замечательных успехах. Так как он пессимист, то это, пожалуй, самое убедительное мнение, тем более, что он специалист с положением.

В половине первого о кино. Гусман, Тынянов и два режиссёра. Все очень изысканы и почтительны. Намечается лейтмотив и в общем как будто немного работы. Затем вваливаются ещё разные люди по мелким делам; завтрак с Демчинским. Он пробует произвести атаку на бодрость и радостность. Музыка должна передать общую тревогу, когда ни наука, ни общественность не даёт исхода. Я: если море бушует, то тем ценнее твёрдая скала среди волн. Он: но никто её не поймёт; и на чём основано это спокойствие - на здоровье, на самоуверенности, на личном я? Я: на упоре в Бога. Он: (сразу меняет тон): а, тогда вопрос другой. Атака отбита. Он получает костюм и другие вещи. Хочется предложить ему денег, но не решаюсь. Укладываюсь. Забегает Лидуся. Без четверти девять концерт. Опять полно и стоят. Я прошу пропускать в антракте. Квартет - средне, скомкал Скерцо и затянул заключительное Andante. Я играл мелкие пьесы хорошо: тут большой успех и крики «bis». Соната для двух скрипок тоже сыграна неважно, но дошла. «Баллада» принимается хорошо, хотя виолончелист вялый. 2-я Соната - холодно (я играл её спокойно и прилично, хотя, может быть, недостаточно красочно). «Еврейская увертюра» бисируется. Я начинаю посматривать на часы ввиду отходящего поезда. Во фраке меня отвозят на вокзал (вещи были собраны до концерта), где провожают Тюлин, Иохельсон, молодые юноши, очень трогательные, и другие. Асафьев вчера уехал в Москву на совещание. Международный вагон, спокойный и размеренный военный. Жаль расставаться с Ленинградом.

4 декабря

Москва в половине одиннадцатого, встречают Атовмян и Шурик - и сразу куча разговоров и визитов: ко мне в «Националь» Асафьев, с ним к Ионову, чтобы составить рекомендацию получения материала для «Апельсинов» - в Ленинград. Паспорт и билет получены. От Пташки, наконец, письмо, первое: она догадалась

послать его в Москву, когда я уехал в Ленинград. В пять с Мейерхольдом едем к Голованову обедать: там три народных: Юрьев, Нежданова и Мейерхольд, жена Бубнова (вампистая и шумная), Мясковский, Асафьев. Стол ломится от закусок, напитков и блестящей сервировки. Вкусно и весело, хотя я предполагал (и предпочёл бы) деловое свидание о будущем исполнении меня в Большом театре. До восьми часов. Затем снимаемся и с Мейерхольдом и Мясковским едем в «Националь», где приём Союза композиторов в мою честь. Стол, человек пятьдесят-семьдесят, я во главе. Краткая речь и мой краткий ответ; желание придать неофициальный оттенок. Но всё же масса речей, в том числе от Ипполитова-Иванова (старика) и Белого, вапмовца[11], который тоже приветствует меня. Группы «к дантисту»: Гольденвейзер о Консерватории: Филармония о будущем концерте; ВОКС об общении с заграницей (я рекомендовал Стока, Дезормьера. Р.Шмитса - последнего, как могущего исполнять советскую музыку в Pro Musica). Подходят и пролетарские композиторы, с которыми я ласков, интересуюсь их музыкой, говорю, что её обязательно надо исполнять за границей, как рождённую с революцией. Мейерхольд говорит острую речь, задевая Малиновскую (отсутствует) за то, что она не исполняет Прокофьева в Большом театре. Все аплодируют. В двенадцать я ухожу спать, но многие остаются до трёх. Много угощений, до которых я, после обеда у Голованова, не мог дотронуться.

5 декабря

Последний день пребывания в СССР начинается известием, что у Голованова температура, и он не может дирижировать сегодняшним концертом. Я должен во изменение программы играть полчаса соло, а во втором отделении продирижировать «Классической» и «Скоком». Пожар в библиотеке Большого театра. В одиннадцать репетиция оркестра. В час концерт. Зал наполовину - это портит впечатление от моей поездки. Но сегодня рабочий день, а за пропуск на службе теперь просто выгоняют: глупо назначили концерт. А Шурик говорит, что вчера многие в кассе не могли купить билет. В чём же дело? Программа проходит хорошо и меня хвалят за дирижёрство. После концерта, когда я мирно и полушутливо беседовал с Малиновской, вошли Мясковский и Шебалин. Малиновская: хотя вы и не ко мне пришли, но позвольте и мне поговорить с вами. Вот вы улыбаетесь сейчас, а вчера, когда меня поносили, не только не могли защитить меня, но аплодировали. Мясковский смущается, я не знаю - не выйти ли. Но тут появляется Мейерхольд и начинается стычка с ним. Уходим с Мейерхольдом, хохочем на улице. Дома укладка, упаковка нот. Шурик с Надей и Катя получают вещи, целый чемодан; другой получают Держановские. Атовмян телеграфирует Гусману, упаковывает ноты, мало бумаги и вообще нет хороших верёвок. Отъезд в половине десятого, автомобиль Голованова, невероятный голландец. Сдаю почти всё в багаж, чтобы поляки не беспокоили. Провожают Шурик, Надя, две дочери, А.П., Катя. Держановские, Леля, Шебалин, Атовмян. Международное общество, пью чай и ложусь спать еле живой.

6 декабря

Граница только в 12.40. Благодаря разрешению из Наркомпроса, к нотам не придираются, конфискованные при приезде вещи возвращают, всё гладко. Уезжать жалко. В Польше отдельное купе, отсыпаюсь. В Варшаве вечером, Фительберг с женой и сестрой - и паспорт.

[11] ВАПМ - Всесоюзная ассоциация пролетарских музыкантов.

7 декабря

Берлин и целый день тут.

8-17 декабря. Париж.

Недельное пребывание в Париже между СССР и USA.

Приехал восьмого в 11.25 дня, на вокзале Пташка и Астров. С Пташкой очень нежные отношения, кроме небольшой тени в начале, когда она начала жаловаться на окружающих, а также на своё пребывание в Праге. Вечером репетиция «Днепра» в Opéra на сцене с оркестром, в декорациях и частично в костюмах.

Несоответствия: 1) Лифарь и музыка - кое-где, особенно в первом номере, где огромные группы под лёгкую музыку; 2) декорации Ларионова и музыка; его декорации лишены поэзии. Музыкальная сторона оставляет желать многого, хотя Гобер старается, но «сенаторы» (так Стравинский называет музыкантов из Grand Opéra за старый и важный вид) играют фальшиво и плохо следуют за оттенками. Руше часто покрикивает на Лифаря: от форсистости последнего ничего не осталось: старик подмял. Под конец у меня стычка с Лифарём, придумавшим вдруг поднимать занавес во время вступления - а на сцене ничего. С репетиции на концерт Стравинского (первое исполнение дуэтов), на который он прислал приглашение, но концерт уже почти кончился. В артистической все расспрашивали про Россию. Стравинский пригласил ужинать, но завтра рано репетиция.

Сувчинский: когда же вы мне всё расскажете? Я: по возвращении из Америки (в пику за то, что весь прошлый год пропадал). Маркевич - развязно любезен и французит; я говорю два слова и затем продолжаю разговор с Сувчинским; Сувчинский бросается вдогонку за Маркевичем; я ухожу.

Девятого репетиция с Вольфом (фестиваль у Ламурё), который очень неплохо приготовил Симфониетту - урвал репетиции у других концертов.

Пропала партитура 5-го Концерта. Десятого генеральная и днём концерт: Симфониетта, Скрипичный концерт, шесть номеров из «Шута», 5-й Концерт (первый раз в Париже) и Марш из «Апельсинов» (глупо, но так хотел Вольф). Народу много и чрезвычайно горячий приём, особенно после Пятого концерта - для последнего до сих пор самый горячий. Стравинский присутствовал, очень хвалил новый Концерт, также Симфониетту и Скрипичный концерт: Бог Меркурий сделался ангелочком. Пташка при выходе видела Б. Башкирова, который смотрел на неё недобрым взглядом. Хорошо выглядит, хорошо одет (как заработал?). Пташка испугалась, что тот вдруг наскандалит (я прямо из России), но Самойленко сказал, что раздавит одним пальцем. После концерта у нас обедают Самойленки, Шухаевы, Пайчадзе подъехали поздно.

Затем началась подготовка к Америке: паспорта, визы, пароходы и ответы на кучу писем, накопившихся за три недели. Шестнадцатого, накануне отъезда, премьера «Днепра», и по несчастному совпадению первый концерт «Тритона», в котором первое парижское исполнение моей Сонаты для двух скрипок, также очень милой Сонатины Онеггера для скрипки и виолончели. Мою Сонату очень здорово играют Душкин и Сетанс, лучше чем в СССР. Чрезвычайный успех. Затем едем в Opéra, где «Днепр» последним номером. Стравинский тоже поспевает в оба места и называет Сонату «un bijou»[12]. В Opéra ложа: мы с Пташкой, двое Самойленок, Mme Сигети и Mme Chalon. Оркестр играет лучше, чем накануне на генеральной репетиции. Декорации тоже выглядят лучше - исправили освещение, но Гончарова костюмами не блеснула. После первой картины довольно значительный успех -

[12] Сокровище (фр).

танцу Лифаря. В конце успех малый, меня пытаются вызвать, но я не иду на сцену. После длиннейшего спектакля публика спешит домой. По окончании со сцены традиционное объявление о первом представлении, музыка Прокофьева, хореография Лифаря. Ларионов в бешенстве, что про него ни слова. Идём с Пташкой за кулисы пожать руки Руше, Лифаря и двух балерин.

Семнадцатого отъезд в десять часов утра. В Шербурге засветло. «Европа», небольшой, но приятный пароход, каюта наверху. Бруно Вальтер с женой. Смотрю на пароход как на санаторий.

Двадцать второго - Нью-Йорк.

1933

Апрель - июнь. Поездка в СССР.

8 апреля

Отъезд из Парижа восьмого апреля в 5.46, провожали Пташка, Святослав и случайно приехавший в Париж Вебер, который рассказывает ужасы про Германию. Стравинский на чёрной доске, как еврей, он в комическом бешенстве. Но Германию я проспал.

В Праге девятого, масса рассказов.

Десятого репетиция в Пражском радио - 3-й Концерт, оркестр хорош, но дирижёр вроде Глазунова, всё время позади.

Одиннадцатого концерт, закрытый.

Двенадцатого отъезд в Москву, предварительная покупка продовольствия для раздачи.

Тринадцатого в шесть часов утра Варшава, а в половине пятого Негорелое при чудном солнечном дне и холодноватой погоде. Случайно встречает Глинский, директор отеля «Националь» в Москве. Таможня редкостно мила, осмотр поверхностный; получаю деньги из сберегательной кассы. Спальный вагон. Кисельное настроение, но стараюсь изъять из него эгоистичные элементы.

14 апреля

Москва в 9.45: Афиногенов, Мясковский, Держановский, Атовмян, Шебалин. Ясный день, тепло, хотя утром под кустами попадался нерастаявший снег. У Афиногенова действительно «Форд», но меня везут в превосходном «Линкольне». Удобный и спокойный номер в «Национале» из двух комнат, как в прошлый раз, хотя слишком много и пёстро наставлено. Все едут ко мне пить кофе. Разговоры, планирование моего времени, рассматривание привезённых нот. Понемногу все рассеиваются, идём с Атовмяном в Союз композиторов за деньгами для меня.

Жадно гляжу на Москву; возвращаюсь, ем в неприятном помпезном зале отеля, полчаса отдыха и иду к Мясковскому. У него некоторое усовершенствование в квартире, но всё же не умеет. Ничего не сочиняет. Он уже посмотрел корректуру первой части 5-го Концерта и успел после меня найти ошибку, правда только одну. К сонате Горчакова относится со снисходительной недоверчивостью. Я играл ему «Chant symphonique»[1], первый раз кому-либо, он хвалит, хотя некоторые кадансы находит чрезвычайно прямолинейными. Говорим о квадратности в форме и необходимости обновления приёмов при сочинении.

Иду к Раевским, что рядом; не знаю, кто выслан в связи с паспортным контролем. Нахожу Алёну, Катю и двух Уваровых. Шурик уже на Урале. Очень хорошее впечатление от Алёны, выросла, самостоятельная, разумно говорит.

Вечером на «Вступлении» в театре Мейерхольда, сам Мейерхольд в Ленинграде. Пьеса наивно-пропагандистская и хромает с театральной точки зрения. Кое-что интересное, выдуманное Мейерхольдом (пьяный инженер обнимает огромный бюст Гёте и беседует с ним на «вы»), но растянуто. Пальто я снял и положил на колени, в антракте требовали, чтобы я отдал в вестьер[2], я сказал, что да, но удрал в зал и в следующем антракте не показывался: читал письма Шурика с Урала, которые дала мне Алёна. «Вступление» заканчивается отъездом немецкого профессора в СССР, где настоящая работа, нет притеснений, джаза, пьяной буржуазии.

Иду ужинать в ресторан «Националя»: джаз, танцы!

[1] Симфоническая песнь, Op.57.

[2] Гардероб, от vestiaire (фр).

15 апреля

Целое утро люди и, главное, разговоры с Атовмяном о поездке на Кавказ, о «Поручике Киже», об отчёте. Консерватория, предполагают организовать курс для композиторов, которые уже окончили её. В час Держановский и Сараджев, завтрак, прохождение 3-й Симфонии. Я дарю Сараджеву фрак. Мясковский, хвалит большую новую вещь, которую я оставил у него. Предлагает по-русски назвать не «Симфоническая песнь», а «Симфония-песнь» или «Песнь-симфония». Уходят, я отдыхаю, так как начинает болеть голова. Алёна за модным журналом, я даю деньги и мелкие вещи; разговариваем час. «Я не хотела бы за границу, как другие, разве проехаться». Браво! Выходим вместе, затем я в Большой театр на «Дионис», балет Шеншина: любопытная трактовка сцены, неплохая, но второстепенная музыка. В антракте иду в ложу дирекции: Арканов, Городинский, Кубацкий. Ухожу рано домой - устал.

На улице вдруг мокрый снег.

16 апреля

Утром удалось поиграть. Затем проверка двух интервью, данных вчера, и разговоры с дирекцией фильма №2: «Восстание рыбаков», но едва ли я успею сделать музыку.

Затем я у Пшибышевского, который временно замещает Аркадьева. Пшибышевский встречает ласково, я докладываю об обменах и рекомендациях дирижёров, он очень горячо благодарит. Хотя концертный план будущего сезона уже обсуждался, но будет ещё заседание, на которое пригласят меня. Я говорил о Малько и Горчакове - к первому отношение сочувственное, ко второму несколько ироничное. Вечером должен был пойти на «Страх» Афиногенова, но перемена пьесы, поэтому остался дома, укладывал вещи. Зашёл Шостакович, только что из Свердловска. Я думал, что омаж[3], но сущность скоро открылась: ему надо, чтобы я отвёз его партитуру в Ленфил. Я ему рассказывал о заграничных исполнениях его сочинений, свидетелем которых я был. Вместе шли на телеграф, его жена, но милая. Заходила мать Лурье, давно не имела писем; здорова, живёт ничего, хотя трудно; если можно, то перевод через Торгсин.

Отъезд в половине первого ночи с «Красной стрелой», новый состав, советский, с радио, которое играло до двух часов ночи, но по счастью сломано в моём отдельном полукупе. Провожает Атовмян.

17 апреля

Ленинград в 10.20, солнечно, но прохладно. Встречает только секретарша филармонии, автомобиль тоже паршивый - «Линкольн» только на валюту. Комнату дали в «Европейской» гостинице сначала среднюю, потом хорошую, привезли пианино. Не могут найти в Ленинграде Ор.35бис[4], послали телеграмму в Москву.

В двенадцать часов репетируем в филармонии Квинтет: они сделали уже пять репетиций, более или менее идёт, но ещё без блеска.

Днём заходит Лидуся, милая, пустенькая.

Созваниваюсь с Дранишниковым, чтобы завтра встретиться и посмотреть 3-ю Симфонию. Прошу его при встрече выругать Асафьева, что скрылся. Вечером у Демчинского, где, как всегда, спокойная речь и указания. Я рассказываю про

[3] Уважение, от hommage (фр).

[4] Пять мелодий для скрипки и фортепиано.

Америку, показав фотографии. Никаких философских разговоров. Играли в шахматы, партия затягивается до часу ночи.

Вернувшись домой, иду в ресторан гостиницы, где джаз и танцуют местные франтихи. Съедаю наскоро и иду спать.

18 апреля

Репетируем камерную программу.

Днём иду к Дранишникову поговорить о темпах для Симфонии. Асафьев, которого я вчера упрекнул (полушутя) по телефону, что он игнорирует меня, - по словам Дранишникова, «заболел» от огорчения и что это, конечно, «фрейдизм».

В семь часов у меня группа от Белгоскино с Гусманом, Файнциммером. Конечно и слышать не хотят, чтобы я работал для Москвы. Обсуждали детали. В половине девятого скрипач (Ор.35 с трудом нашли); в половине десятого интервью из «Красной газеты» (приём как у дантиста). Когда он ушёл около одиннадцати, я прогулялся и лёг спать.

19 апреля

Две симфонические репетиции: в десять и в два. С удовольствием слышу 3-ю Симфонию после большого перерыва, но играют средне, и Дранишников не очень уверен в темпах.

Вечером камерный концерт. Зал неполный: немного больше половины. Причины: мало денег; государство, чтобы поднять стоимость червонца и уронить цену товаров, придерживает дензнаки.

В филармонии всё время ужасные сборы, у Ансерме вдвое хуже, чем сегодня; у Барсовой шестьдесят рублей и концерт отменён. Всё-таки досадно. Квинтет играют прилично, но не блестяще; я 2-ю Сонату хорошо, мелкие пьесы не очень спокойно: в этот сезон почти не было реситалей - отвык играть соло. Успех большой, с криками и вызовами.

В артистической появляется выздоровевший Асафьев, Мейерхольд, Лидуся, Вера Алперс.

20 апреля

Утром симфоническая репетиция: «Скифская сюита» и Концерт. Играют средне.

Днём заходил ко мне Асафьев, затем я был у Лидуси и у Мейерхольда. Обедал у меня Демчинский, который произвёл очередную атаку: что я часто езжу и мой вчерашний концерт - менее праздничный; что я много сочиняю, и не лучше ли сделать перерыв в год и оглядеться; что я бегаю от жизни и жизнь этого не прощает, даже мои развлечения, например, бридж и шахматы, суть бегство от жизни. Я возражал: что я приезжаю не для срыва лавров, а чтобы постепенно знакомить слушателей с тем, что я делаю; что о путях моего творчества я за последние годы много думал и без перерыва в работе, и при том думал как раз в плоскости Демчинскому любезной - т.е. в духовной; что замечание о бридже и шахматах меткое. К сожалению, разговор уклонился и я не успел объяснить причины уклона, хотя много мог сказать.

Гусман говорил сегодня об оперном сюжете, который мог бы меня заинтересовать («Рассказ о простой вещи» Лавренева). Демчинский предостерегал, чтобы сюжет не оказался бы представляющим лишь временный интерес. Я возражал, что это зависит от угла, под которым он будет взят.

21 апреля

Генеральная репетиция. 3-я Симфония из рук вон плохо. Я сцепляюсь с инспектором оркестра:

- Точно коровы тянут в гору воз с навозом. Он:
- Наш оркестр первый в СССР. Я:
- Быть первым в СССР не даёт права играть хуже, чем за границей.

Днём Мейерхольд, который пригнал своего «Форда» в Ленинград, возит на Стрелку. Идёт по Неве лёд. Чудный солнечный день, но не тепло. Челнок утонул с пассажирами, которые спасались по пояс в воде. Зинаида: «Стрелка пахнет кладбищем» (= минувшим, не нашедшим ещё применения в новой жизни).

Приезжает директор фильма «Восстание рыбаков» уговаривать. Я хотел бы сохранить отношение на будущее, но сейчас - халтура.

Вечером концерт. На этот раз полно, хотя не битком, как раньше. Дранишников нетвёрд в темпах, но Симфония имеет неожиданный успех (не большой, но порядочный); 3-й Концерт проходит с блеском и я играю на бис «Токкату». Много вызовов после Концерта и «Скифской». Директор филармонии говорит о будущем годе, а то после утренней стычки с оркестром выходило будто в последний раз.

К Н.Радлову. Иду пешком с его женой, которой липстик[5] и модный журнал. У них Шапорин, С.Радлов, с которым играем до четырёх утра в шахматы (+1-1, что очень хорошо, так как он первая категория). Он предлагает написать балет для Мариинского театра на Til Eulenschpiegel, взятый под революционным углом. Я отклоняю. «Апельсины» они возобновят осенью в переработанном виде.

22 апреля

Свободный день перед отъездом. Не выспался.

В Белгоскино; любопытно, первый раз. Обсуждали материалы и музыку. Показывают несколько проб - костюмов и манеры говорить. Я атакую русский театр, манеру говорить, насколько американская естественней. Единственное хорошо, что после «кончено» - party[6]. Затем меня снимают для actualités[7], играющим Гавот и «Токкату». Свет слепит, прожекторы жарят. Затягивается. Куски «Токкаты» играю плохо, но некогда переигрывать. Возвращаюсь домой, сплю.

Вечером у меня: Демчинский, потом Вера Алперс, которая провожает на вокзал. «Хоть бы поцеловал руку». На вокзал приезжает Гусман. Едем с Асафьевым и говорим до полвторого ночи.

23 - 27 апреля

Возвращаюсь в Москву на две недели. На вокзале: Атовмяна нет, автомобиля нет, слякоть, в гостинице мой номер занят, дали тот, который занимал в декабре Рубинин; большой, угловой, с крошечной спальней. Встречает Держановский, едем в крошечном наёмном автомобиле при керосиновой лампе. Сегодня день моего рождения (42) и годовщина падения РПМ. Сначала по последнему случаю предполагал больше праздничности, но всё свелось к симфоническому концерту: 12-я Симфония Мясковского (средне: глазуновщина, квадратность, простота, но

[5] Губная помада, от lipstick (англ).

[6] Вечеринка (англ).

[7] Новости (фр).

не новая, а старая); вступление к большой Симфонии Шебалина (тоже неважно: два ненужных фугато); сюита из «Болта» Шостаковича: блестяще поднесённая пошлятина, будто «карикатура на пошлятину», словом то, что меня уже десять лет возмущает в Париже («Голубой поезд» Мийо, Пуленк, Согэ, Орик). Ансерме сказал: это бы в парижскую «Серенаду».

Двадцать четвёртого камерный концерт, в котором Шостакович играл 24 Прелюдии, тоже подражание всем стилям и ни одного своего приёма. Вообще же занятно и хорошо поднесено, и как раз поэтому досадно, что в корне такая ерунда. Передовой советский композитор пишет типичную упадническую музыку «гнилого Запада».

Репетиции к моему симфоническому и к камерной программе, как в Ленинграде, но для Квинтета не получили гобоиста, поэтому Квартет. Сараджев хороший музыкант, но не лидер: то заискивает перед оркестром, то покрикивает, и оркестр его ни в грош. Оркестр не лучше ленинградского, но больше старается, хотя и презирает Сараджева. В зале на репетиции довольно много музыкантов: Мясковский, Глиэр, Ламм, Александров. Концерты, камерный двадцать шестого и симфонический двадцать седьмого, проходят при том же количестве публики и том же порядке успеха, как в Ленинграде. Асафьев после Симфонии говорил, что он впервые почувствовал в ней настоящую духовность, и это его взволновало. По приезде двадцать третьего был на генеральной репетиции «Евгения Онегина» в Большом театре в декорациях Рабиновича, за исключением спальни Татьяны, очень хороших. Сама музыка поразительно сохраняет свежесть. Очень милая жена Рабиновича, с которой я сидел. В зале вся артистическая Москва, есть красивые лица. Вообще, когда приезжаешь в СССР, первое впечатление серости, но под этой серостью постепенно начинаешь рассматривать интересные и одухотворённые лица. В директорской ложе встретил всю дирекцию театра. Очень милый приём, но никаких особых разговоров.

Двадцать пятого был в Большом театре на «Лебедином озере», чтобы посмотреть Семёнову, которая действительно танцовщица выдающаяся: виртуозность, точность и лёгкость. Возил с собой Алёну, дали нам билеты в первом ряду, и мне было приятно выезжать с молоденькой племянницей, к тому же очень миловидной. Выезд был «секретный», так как из Кадникова приехала Катя Игнатьева, и я не хотел её видеть, пока не пройдут мои концерты.

28 - 30 апреля

Дела, отложенные по случаю концертов. Визит Рубинину - для поддержания отношений; Ионову, которому я предложил проект для снабжения СССР моими нотами за советские деньги.

Был у меня заведующий композиторскими факультетами в Консерватории - приглашал заниматься с учениками, но поздно, так как Союз композиторов уже посылает мне ряд окончивших композиторов. Отложили на осень. Был ещё представитель из Мосфила и решил послать приглашение всем рекомендованным мною дирижёрам. Здорово. А Смоленса хотел вообще взять на два года руководителем филармонии; тут уж я испугался. Все письма я просил дать мне на проверку.

С двадцать девятого начали ходить ко мне знакомиться молодые композиторы: Соколов двадцать девятого и Витачек тридцатого. Работы написаны с техникой, с первого взгляда как будто нечего и говорить (вдруг я взялся учить, а учить нечему?), но постепенно выступили разные злоупотребления: нонаккордами, комбинациями от плохого Чайковского, параллелизмы и прочее. Занимался я с одним в день, трое других смотрели, сидел два часа и под конец дурел. Была Катя Игнатьева,

трогательная и нелепая.

1 мая

Атовмян взялся достать мне билет на трибуну на Красную площадь, чтобы видеть парад, но напутал, не достал и с конфузу скрылся на пять дней, что оказалось ещё неудобней, чем остаться на виду. Я наблюдал из окон угловой комнаты. В пять утра приехали танки. В девять пробовал выйти на площадь, но везде кордоны, трудно передвигаться, еле попал обратно в отель. Очень эффектно летели аэропланы, по моему подсчёту двести пятьдесят, но говорят шестьсот. Танки тоже шли с дрожанием стёкол, но говорят, один остановился прямо против трибун и ни вперёд, ни назад. Самое интересное: шествие демонстраций: у меня под окном две ленты (одна с улицы Горького, другая от Большого театра) сливались воедино в нижнем отрезке улицы Горького - от тротуара до тротуара. На Красной же площади, говорят, шли стеною по восемьдесят человек в ряд, и так с половины двенадцатого до половины шестого. Очень красивы сверху ярко-красные платки и шапки у женщин, которые иногда сменяются белыми и изредка цветными. Море знамён и плакатов, преимущественно красные. Бесконечное множество оркестров, которые играли то маршик, то что-то весёлое, то «Маруся отравилась».

В шестом часу манифестация кончилась и я отправился играть в шахматы к Гольденвейзеру. Давнишний противник, сильный; борьба делалась более пикантной из-за разности музыкальных воззрений. Парадные шахматы, подаренные Чертковым, сафьяновая доска. Первая партия шла ровно и складно, но вдруг что-то случилось: прорыв, в который устремились все мои фигуры - и Гольденвейзер быстро проиграл. Вторая тянулась без конца, Гольденвейзер получил даже опасный проход пешек, но я заставил все ходы и выходы, и в двенадцатом часу ночи выяснилось, что ничья.

2 - 5 мая

Каждый день от двенадцати до двух часов молодые композиторы (нельзя назвать ни учениками, ни студентами, так как кончили Консерваторию): Цветов. Яцевич, Лев Шварц. Больше техники у второго, хотя симфония плохо задумана на оркестровку, но последний показал обработки восточных материалов, обработки не очень затейливые, но во всяком случае - по-иному, чем у Бородина, да и материалы иные. В заключение они спросили у меня, очень ли безотрадное впечатление они произвели в целом. Я сказал, что хуже всего обстоит дело с гармонической частью и увеличенными нонаккордными гармониями; много бороться надо с квадратностью и симметричностью. Расстались друзьями.

Появился Шурик с Урала (я заплатил проезд), как всегда в хорошем настроении и ни на что неозлобленный.

Был Файнциммер и остался очень доволен песенками для фильма. Сочинил между делом несколько дней тому назад. Задание с барабанами - проба, как передаст звуковое кино.

Отдал диски «Классической» Симфонии для Московского радио.

Третьего играл 2-ю Сонату и мелочь в клубе театральных работников (зал битком, духота, рояль крикливый); перед этим говорил о советской музыке за границей и кое о какой несоветской музыке. Смеялись, когда я сказал, что Рахманинов «мрачно делает большие деньги» и что Шаляпин, кончив фильм, уехал в Иерусалим.

Пятого играл в Доме учёных.

Четвёртого был на собрании в Союзе композиторов, где докладывал об обмене

и заграничных дирижёрах. Представитель ВОКС сказал:

- У меня штук сорок писем от заграничных музыкантов, желающих приехать, но я думаю, что это всё едва ли значительные и предлагаю на эти письма не отвечать.

Я:

- Так, вероятно, и есть в тридцати пяти случаях, но человек пять могут оказаться интересными.

Он обещал принести мне список на просмотр, взял rendez-vous, но затем позвонил, что не смог собрать всех писем. Милая российская халатность.

Занятия с учениками и некоторые их неловкие попытки написать что-либо современное, такие же неудачные попытки пролетарских музыкантов (попытки на простоту, которая без техники не давалась) и некоторые намёки, что я пишу слишком сложную для масс музыку - дали мне идеи о том, что именно надо сейчас делать, чтобы было и для масс, и в то же время оставалось хорошей музыкой. Мои предыдущие работы над мелодикой и поиски «новой простоты» порядочно подготовили меня для этого.

Думал. Сочинил тему и несколько приёмов.

6 мая

В 8.25 утра передача по радио «Классической» Симфонии по бостонскому диску, который я им подарил. Здесь очень странно: интересные передачи до девяти часов утра и после двенадцати ночи, т.е. до службы и после театра. Я не мог послушать, так как в «Национале» нет радио, кроме как у директора.

В 9.45 приехала Пташка. Держановский ездил её встречать в Негорелое, где в таможне были любезны и непридирчивы. На вокзале встречали много Раевских и Держановских.

Вечером юбилей Неждановой в Большом театре, очень парадно, с участием всех знаменитостей. Пташка попала удачно! После спектакля чествование на сцене, где и я выходил от Союза Советских композиторов с Мясковским, Гнесиным, Василенко. После ужин до семи часов утра, но мы ушли в третьем часу, так как завтра у меня репетиция и концерт.

7 мая

Повторение программы симфонического, по-моему зря, так как на этот раз, по безденежью, не собрали полный зал. С другой стороны - по отношению к музыкальной части публики - приятно было, что они лишний раз услышат 3-ю Симфонию, даже несмотря на посредственное исполнение.

Днём - у Аркадьева, который ласков, хотя многие говорят, что на этой ласковости всё кончится. Я сделал ему доклад о моих заграничных работах, показал пачку интервью. Он мельком заметил, что на одной дискуссии отмечалось, что я в моих сочинениях разрешаю сложнейшие технические задачи, но хотелось бы, чтобы я подумал о музыке для масс. Я ответил, что я как раз об этом и думаю и многое уже придумал.

8 мая

Толкотня перед отъездом, укладка, масса людей, которые хотят поговорить, разговор с художником Вано для мультипликатора (это интересно, если он хорошо рисует).

В 3.30 отъезд с синим поездом в Тифлис. В нашем международном вагоне несколько членов грузинского правительства.

6 мая

Утром Харьков проспали. В Лозовой и на следующих станциях заметен голод на Украине, просят хлеба, есть жалкие и измождённые лица. Вагон-ресторан с запасами из Москвы, кормят удовлетворительно. При поезде «Вагон культуры и отдыха» по типу американских observation car, с удобными креслами, шахматами (я выиграл две партии), площадкой позади и кинематографом (но фильм слабый, наивно-пропагандистский).

Вечером Ростов.

7 мая

Около двенадцати часов выгрузились в Беслане для Владикавказа и Военно-Грузинской дороги, но тут члены грузинского правительства закричали, что дорога закрыта, открывается в этом году позднее, и мы еле успели погрузиться обратно: спасибо, хоть наше купе ещё не продали. Поехали дальше: выходили на заднюю площадку, но, говорят, иногда запускают камнями. На станциях отпускают замечания по поводу нашего шикарного поезда, что «конечно, в нём едут одни пролетарии». На станции один пьяный в бархатной блузе, видимо раскулаченный кулак, тыкал в меня, говоря: «Вы вот нас ссылаете, ну и хорошо», а затем размахнулся и бросил пачку денег на землю. Члены смеялись, глядя, что это я «ссылаю». Вечером комиссар лёгкой промышленности Мдивани угощал нас кахетинским, был страшно радушен, сыпал комплименты и старался нас напоить. Подпили, но удержали благопристойный вид.

8 мая

Ночью проехали Баку, теперь ехали по Закавказью на запад. Я много времени провёл на задней площадке, где заведующий вагоном (пианист) предложил стул, а затем спросил, не хочу ли я играть на фортепиано, и что он тогда удалит всех из вагона. На площадке сочинил хорошую тему - по линии масс.

Поэт Василий Каменский («Путь энтузиаста»). «А, Серёжа Прокофьев, а я - Вася Каменский». Такое жантильниченье[8] меня сначала оттолкнуло, но он оказался неплохим парнем, а его приглашение к нему в дом в лесу около Перми и Камы меня и вовсе заинтересовало - в будущем мае на несколько дней.

В шесть часов вечера с опозданием Тифлис. Никто не встречает - ждут по Военно-Грузинской. На линейке, цепляясь за рассыпающиеся багажи, едем в «Ориант отель», где наталкиваемся на всех представителей местной Филармонии и на задержанный нам номер с высоченными потолками и огромными окнами без портьер. Едим шашлык и «зелень», т.е. кучу трав - лук, эстрагон и другие, нам неизвестные. Вечером поднимаемся по фуникулёру наверх, где чудный воздух и вид на огни Тифлиса.

9 мая

Немного отдыхали, Тифлис осмотрели мало. На улицах много красивых лиц, несравненно больше, чем в Москве. Предполагалось, что завтра я буду играть «Вальсы» Шуберта на двух роялях, но выяснилось, что нет второго пианиста. Вечером в грузинском театре, очень хорошем. Отличные актёры: интересно даже без языка.

[8] Фамильярность, от gentil (фр).

10 мая

Концерт в Малом зале на шестьсот мест, но набитом до отказа. Принимают сначала сдержанно, но очень горячо в конце. В полночь уезжаем в спальном вагоне в Ереван.

11 мая

Всё утро едем, вдали красиво - горы, но край унылый и пустынный. Поезд идёт вблизи турецкой границы, что я упустил из виду, когда на станции вышел и снял какого-то стрелка. Меня местное ГПУ пригласило объясняться, а затем отобрало плёнку, говоря, что по проявке вернут, если там действительно ничего предосудительного не снято.

Днём Ереван и облако пыли. Нас встречают и везут на извозчике, город в километре или двух; всюду строительные материалы, жалкие лачуги, ухабы и пыль без конца. Сам город строится, но дома некрасивые, мостовые проблематичны. Построили один эффектный комиссариат из розового туфа, но затем вышел декрет, что туф - это предмет экспорта, и другие здания пришлось отменить. Говорят, население в тридцать тысяч выросло до ста тридцати, приплод от турецких армян, которые бегут из Турции, и большинство пришедших вступает в коммунистическую партию: национальность стала причиной для вступления в Интернационал. Делаются нечеловеческие усилия, чтобы построить новый город, который, вероятно, со временем будет очень хорош, но пока что срубили все сады и завалили их строительными материалами. Ввиду невозможности гостиницы нас поместили в частную квартиру, очень скромную, в комнате чисто, но лишь с относительным комфортом. Пташка раскисла и легла, а я ходил в Дом культуры, к директору местной филармонии, который угощал меня обедом и местным вином, и где собрались армянские композиторы, среди них Кушнарёв, которого я знаю ещё по Ленинграду в 1927 году.

12 мая

Спим плохо, дико орал ребёнок в соседней комнате: некстати ввиду сегодняшнего концерта. Ребёнок - дочка пятнадцатилетней матери, и кричит от недостатка соответствующего питания. Купили ему кило рису. Утром любуемся Араратами, Большим и Малым, прямо против балкона. С большим опозданием прибыл за нами автомобиль, который достал у местного правительства директор филармонии Македонский. Поехали на озеро Севан в шетидесяти семи километрах, куда ведёт вполне приличное шоссе. Озеро огромное, километров семьдесят в длину и лежит на высоте почти два километра. На моторной лодке мы добрались до небольшого островка, на котором был раньше монастырь, а теперь дом отдыха. С небольшого и гористого островка чудный вид на все четыре стороны. Очень хороши две церковки IX века, внутри опустошенные. В озере много форели, но всё для экспорта, и лишь с большим трудом, после объяснений, нам делают исключение и варят две огромные и очень вкусные форели, которые едим руками за отсутствием других приборов. Возвращаемся в Ереван, я сплю, а в девять часов сижу уже во фраке. Но за мною присылают лишь без десяти десять: искали извозчика и не могли найти. Ждущей же публике объявляют, что Прокофьев устал после посещения озера Севан и спит. Я возмущён и хочу протестовать. Концерт проходит вроде как в Тифлисе: небольшой зал, публика битком, слушает внимательно и раскачивается к концу. Ввиду жары и духоты открыты окна и слышно, как со звоном и грохотом проносится трамвай - единственная линия в городе. Если пьеса

позволяла, я останавливался в этот момент. После концерта идём в кафе-подвал, где нас угощают чаем, печеньем и мороженым. Туда же приглашены местные народные музыканты, которые играют на «дудках» (коротенький гобой, который однако в piano переключается на большой мягкий кларнетный или флейтный тембр) и на «тарах», род мандолины, отсюда гитара. Кушнарёв объясняет, что в той музыке есть персидское влияние, и меня поражает, как много отсюда Римский-Корсаков почерпнул для «Шехеразады», не только в мелодике, но и в приёмах.

13 мая

Сегодня поевший риса ребёнок не кричал, но с семи часов утра чинили балкон и дико лупили молотками. Ввиду того, что вчера легли в два, не выспались. Опять прислали правительственный автомобиль, и с Кушнарёвым в качестве гида поехали в Эчмиадзин, монастырь IV века и резиденция армянского католикоса, которого советское правительство, несмотря на антирелигиозные чувства, оставляет в покое, находя полезным, чтобы связующее звено всех армян находитесь в Союзе. Впрочем, земли у него реквизировали и он живёт посылками из-за границы. Самих монахов оставили человек двенадцать. Одна монахиня (игуменья), которой девяносто лет, пригласила нас зайти в келью, просторную, с окнами в сад. Но разговоры её были о житейских дрязгах, и не без тщеславия она предлагала обратить внимание на её портрет в музее (она очень красива на портрете). В музее нам показали старинные армянские книги с чудесными рисунками и несколько картин Айвазовского (это неважно). Кушнарёв, человек чрезвычайно симпатичный и знающий, рассказал ряд легенд (переписка одного армянского царька с Иисусом Христом). Затем мы зашли на восточный базар и в облаках пыли вернулись в Ереван. В девять часов вечера выехали обратно в Тифлис, провожаемые Македонским, любезным, но постоянно всё путающим, и молодым заведующим Главискусства. Плёнку мне однако не успели вернуть и обещали дослать; или вовсе не собирались. Главискусство уговорил не обращать внимания: «Это в километре от границы, и они относятся несколько нервно». Я обратил его внимание на клинописную доску под открытым небом, тогда как копии Айвазовского в музее.

14 мая

Тифлис в час дня, а в три репетиция 3-го Концерта, с Микеладзе, очень способным дирижёром. Оркестр неумелый, еле справляется, но старается - и это его выгодная сторона по сравнению с Москвой. В девять симфонический концерт в Большом Оперном театре. Успех чрезвычайный. Тарумов доволен и успехом, и сбором. Я уговариваю его отменить Баку.

Восемнадцатого свободный день. Я корректирую 5-й Концерт, Пташка делает с родственницами Тарумова кое-какие покупки: ткани, камни: иногда трудно понять, стоящие или дрянь, но так как рублям всё равно цены нет, то я советую покупать. У Тарумова - обед, который проходит весело. Юдина и Рабинович ведут меня в Консерваторию, где собрались профессора и довольно много учеников, для которых я играю (шумные приветствия), а потом мне играют некоторых местных композиторов, скорее первобытных или отсталых. В полночь отъезд в Батуми, Тарумов едет с нами.

19 мая

Перед Батумом железная дорога идёт по берегу моря, синего и солнечного. Батум в час, гостиница у моря, с балконом на порт, но скорее первобытная, а в

уборную хоть не суйся. После некоторых переговоров нам дают добавочные подушки, простыни, одеяла (по вечерам холодно). Гуляем по бульвару (городскому саду), который красив и содержится щегольски, хоть куда.

Концерт в десять часов вечера в ужасном временном зале, к тому же неполном. Рояль скверный: ударишь слабо - нота не звучит, а ударишь чуть сильнее - сразу громко. Публика малопонимающая. Нелепо, что в провинциальном Батуме я играю, а от культурного Баку отказался, но Батуми нарядней географически.

20 мая

Свободное утро: корректирую. Тарумов в автомобиле везёт нас на Зелёный мыс и в Ботанический сад - это большое, свободное пространство, где много интересной растительности. Есть и чайные плантации, дающие недурный чай, но его продают за границу. В семь часов вечера зашли за мной из Музыкального техникума и повели к себе (вчера несколько студентов приходили в артистическую и я обещал придти в техникум). Учреждение скромное и провинциальное. Я беседую с ними, обещаю прислать мои сонаты.

В десять вечера отъезд в Тифлис, но утром было крушение и вся линия забита. Поезд отходит в одиннадцать. Провожает толпа молодёжи из техникума: семь девиц и три юноши, очень милых и весёлых. Приносят мне букет цветов.

21 мая

Вследствие крушения очень запаздываем: утром на перевале, который должны были проехать ночью. Но это приятно: на каждой станции стоим, чем мы пользуемся и идём на раскинувшиеся рядом восточные базары: очень интересно. Тифлис лишь в пять часов дня. Хорошо, что отменили Баку: всё равно не поспели бы. Пташка отправляется за покупками, я корректирую. От Консерватории подарки: эскиз местного художника, разные художественные изделия. Я обещаю мои сочинения. Укладываемся: завтра на север.

22 мая

Встали в пять, чтобы ехать на автомобиле по Военно-Грузинской дороге. Нам настоятельно наказывали не опаздывать, но автомобиля не оказалось: куча переговоров, неприятностей. Только в девять его подали. А затем два часа (да, два часа) ездили всюду по городу за бензином. Наконец в одиннадцать выехали на хорошем восьмицилиндровом «Форде», открытом. Первая часть дороги умеренно гористая, очень хороши Мцхеты. Затем большая горная дорога и Душет. Затем пропасть, Арагва. После перевала остановились у Нарзанного источника, замечательного по вкусу, лучше Кисловодского. Самое интересное - Дарьяльское ущелье, это действительно unique[9], и по величественности, и по рисунку и поверхности гор. Едем через Осетию и Пташка собирает в платочек родную землю для Фатьмы Ханум. Затем туман и Владикавказ. Из солнца попадаем в дождь, который не покидает нас целую неделю. Владикавказ - скверный городишко, как и в 1916 году. В гостинице «Интурист», которой принадлежит автомобиль, в котором мы приехали, я делаю заявление об утренней неисправности. Директор, немец, говорит, что он уже двух шофёров выставил, но они неисправимы. Ездят русские шофёры хотя и ловко, но не берегут машины и не соблюдают правил, которые так строго требуются за границей: не гудят на поворотах, срезают по

[9] Уникально (фр).

левой стороне - я возмущался. Уезжаем до Беслана (час езды в местном поезде, в купе для интуристов, грязном, жёстком, но и на том спасибо). В Беслане два часа ожидания. Вечер, внутри вонь, устраиваемся на вещах на платформе. Сидение это полезно: многого насмотрелись: и беспризорные, и нищие, и больные, и воришки; посадки в переполненные поезда, крики младенцев и матерей, лезут на крыши - ад. Наконец приходит наш поезд, куча вещей, два носильщика, узкая, запруженная народом платформа между двумя поездами. Кучи устремившихся путешественников. Нашли наш международный вагон. Но свободно ли наше купе, оплаченное от Тифлиса? Вдруг перепутали или уступили важному лицу? Но купе цело, к тому же сияет отделкой и чистотой. Из дичи и воя попадаем в культурные условия. Даже совестно. И очень полезно, чтобы ясно осознать то неравенство, которое ещё существует на шестнадцатом году коммунизма.

23 мая

Путь к Москве. В окне зелёные поля и дождь. Поезд идёт через голодный район. Просят хлеба на станциях. Одному Пташка дала, потом на другой станции показалось, что опять тот же. Потом в третий раз... Оказалось, едет на рессоре нашего вагона. Затем стали появляться станции, где бабы продавали масло, яйца, варёных кур, а хлеба все просили.

24 мая

На остановках старался корректировать, чтобы потом дать просмотреть Мясковскому: у него потрясающий глаз и после меня он, конечно, ещё найдёт ошибки. Москва лишь в одиннадцать вечера. Никто не встречает: телеграмма, посланная из Батума пять дней назад, не дошла. По счастью находим автомобиль и хороший номер в гостинице. Зная, что сегодня юбилей Собинова, звоню в Большой театр в директорскую ложу. Там говорят: конечно, приезжайте. Едем. Спектакль уже кончился, идёт чествование. Собинов растроганно благодарит за орден Красного Знамени. Кажется, можно пробовать пищу в казённом учреждении! Вообще юбилей не такой блестящий, как Неждановой, но там старался Голованов. Уходим до ужина, но всё же в два часа ночи.

25 мая

Встали поздно. Ванна: две недели не принимали. Правда, была в нашем номере в Тифлисе, но не было горячей воды, а потом и вовсе никакой. Паспорта и визы готовы: это даёт спокойствие и независимое состояние духа на остаток пребывания.

Вечером на концерте лауреатов Всесоюзного музыкального конкурса. Неожиданно очень интересно, есть таланты. В левой ложе, полузадёрнутой шторами, правительство. В зале шепчут, что также Сталин. Мы сидим во втором ряду, я не оглядываюсь. Пташка по окончании антракта, взглянула на ложу и встретилась глазами со Сталиным, который как раз туда входил. Взгляд его был настолько волевой, что она сейчас же отвернулась.

Рядом со мной уселся Л.Николаев, он был измучен и жаловался: «Серёжа, я прослушал на этом конкурсе десятки, сотни музыкантов... Я ненавижу музыку... Я люблю кулинарию!»

26 мая

Держановский говорит о моём будущем приезде. Находит, что я недостаточно

забочусь о связях с верхами: ничего не делаю, чтобы укрепить её с Литвиновым, Бубновым, даже с Головановым и то важно, потому что он дружит с Ворошиловым.

Разговоры с Вано о мультипликаторе: я критикую и обращаю внимание, насколько совершенна запись движения у американцев: всякий жест сделан вкусно; движения лиц тоже. Был в «Международной книге». Так трудно добиться, чтобы мои сочинения проникали в СССР, когда здесь нет валюты. Однако, предложенный мною проект, кажется, принят.

Днём были на генеральной репетиции «Машиналя» у Таирова (очень ловко преподнесено), вечером на «Свадьбе Кречинского» у Мейерхольда. В 12.30 ночи с «Красной стрелой» в Ленинград. Провожали девочки Раевские, которых мы очень любим. В поезде усовершенствование: в коридорах вагонов ужасно хриплое радио, которое орёт до половины второго и просыпается в половине восьмого. Я хотел писать комиссару путей сообщения.

27 мая

Приехали для Белгоскино, представитель которого встречает: автомобиль, хороший номер в «Европейской», Ленинград солнечней и весел. Днём отправляемся к ним. Кое-что из «Киже» снято и неплохо. Очень мил Тынянов. В пять часов звуковая съёмка с моей песенкой («Стонет сизый голубочек»). Но Павел не может вступить в тон (медвежье ухо). Я объясняю, пою, но не помогает. Терять время нельзя и Файнциммер просит, чтобы я так-таки для фильма пел, а Павел пусть только мимирует. Я работаю в поте лица, волнуюсь; кое-кто в этот момент меня снимает камерой поющим (с белым платком на голове, чтобы защищаться от горячего прожектора). Устраивают, чтобы дали пробу Пташке. Ей очень хочется, а у неё плюсы: знание языков без акцента и пение. Домой в девять, обедает Демчинский. Играем в шахматы, кончаем московскую партию. К половине третьего ночи я проигрываю. Досадно: стоило для этого возиться до конца белой ночи!

28 мая

Снилось, что глаза мои обожжены прожекторами и кто-то накладывает на них паюсную икру, говоря, что это помогает.

Белгоскино, разговоры о деталях музыкальных номеров. Демонстрируются вчерашние куски, вернее один звук (зрительная часть ещё не проявлена). Мой голос вышел здорово: очень смешно. Файнциммер говорит: у вас открылась карьера!

Вечером на «Спящей красавице». В музыке много хорошего, но много ненужного, равно как и на сцене. Отлично танцевала Дутникова, племянница Демчинского. Бухштейн мягок и мил, Радлов тоже. Возобновление «Апельсинов» в ноябре становится как будто реальностью. После спектакля Бухштейн отвозит нас и Радловых в автомобиле. Белая ночь: светло-голубая Нева, силуэт крепости, обрамлённой розовым, так как солнце село сзади. На Пташку огромное впечатление. Возвращаемся в час ночи; звонок от Белгоскино: проба Пташки завтра утром.

29 мая

Спешим к десяти, я страшно сержусь, так как опаздываем на двадцать минут; но мои западноевропейские замашки ни к чему: гримёр опаздывает на целый час. Сценка, набросанная Гусманом. Мало действия. Пташка поёт, я аккомпанирую.

Файнциммер добросовестен, хотя почти ничего не показывает Пташке. Возимся до часу. Все милы, но под конец торопятся, так как затянулось. Днём я делаю большую прогулку: Летний сад, Каменноостровский, вокруг крепости, Тучков мост. Вечером везу Пташку к Демчинским; ему чемоданчик с вещам и ещё костюм взамен проданного в тяжёлый момент («пропил», говорил он). Затем в Мариинский театр на вторую половину «Золото Рейна». Давно не слыхал и привык думать, что пустышка, но, приняв такую исходную точку, наоборот - много хорошего. Опять Бухштейн, Радлов, старый автомобиль дирекции и чудная белая ночь.

30 мая

Утром Гаук и разговоры об осенних концертах с Филармонией. В двенадцать Гусман: читает наброски его либретто из «Простой вещи» Лавренева. Вещь неплохая как завязка (конфликт между обязанностью по отношению к партии и порядочностью к другому человеку), но слишком мало элементов. Надо больше ввести в общественную жизнь и окружающие события. Импровизируем, сидим до двух часов, выходит лучше - может из этого выйти оперный сюжет.

Днём у Тюлина, отношу американские вещи.

В четыре у Радлова, играем два с половиной часа в шахматы, я, к удивлению, выигрываю обе партии. Обедаем (Пташка опаздывает) и едем на «Пламя Парижа». На первый акт опаздываем, второй производит впечатление слишком большой покорности при обработке материала, но третий живее и есть выдумка. Танцуют поразительно: Уланова, Чабукиани. Держись, Лифарь! Перепрыгнут. Насколько плохо вчера пели (особенно женщины), настолько изумительно танцуют.

31 мая

Завтракали у нас Радловы, другие: Николай и Надежда Константиновна, а также Мансурова. Завтрак проходит шумно и весело, хотя спорим, как будто поссорились. Пока я разговаривал с Мансуровой и её мужем, слышу, как Надежда Константиновна спрашивает у Пташки, неужели она в Париже не встречалась с Мещерской, и Пташка в ответ рассказывает историю с покупкой шкапа.

Днём, разминувшись с Асафьевым, едем в Белгоскино, где слышим звуковую часть вчерашней пробы Пташки. Недурно, но нельзя сказать, что превосходно. Появляется Асафьев, он из Москвы, расстроен, что премьеру «Пламени» опять отложили. Неожиданные признаки мании величия: он находит, что «Пламя» значительней «Пульчинеллы». Вот и с хорошими музыкантами случаются свихи, как только дело доходит до собственных сочинений!

Вечером поспеваем на «Маскарад» в старой постановке Мейерхольда и в половине первого ночи уезжаем со «Стрелой». Опять радио!

1 - 6 июня

Последние шесть дней в Москве перед отъездом за границу.

Визит к Кончаловскому. Его рассказы о подмосковном имении (чудо!). Партия с Гольденвейзером, ничья (скандальная, со взятием ходов обратно, сначала он, потом я). Мультипликаторы демонстрируют последний фильм Вано: лучше. Подписываем предварительный договор на «Царя Дурандая».

Обед у Афиногенова, у Таирова (дико опаздываем, я в бешенстве на Пташку). Ужин у Юрьева. Смолич о постановке «Игрока» в филиале Большого, Кубацкий о постановке «Шута» в балетной школе. Генеральная репетиция «Пламени Парижа» в Большом театре, Семёнова, Чабукиани. Я - Асафьеву: теперь надо сочинять

этот балет, как я с «Вальсами» Шуберта (в четыре руки) после того, как они были собраны для двух рук. Асафьев обиженно молчит, Мясковский втайне согласен.

Составление списка и оценка вывозимых вещей.

Шестого в одиннадцать часов вечера отъезд, провожают только Атовмян и девочки: все на премьере «Пламени». На границе всё же не пропускают вещи. Телефон-молния в Москву, в Главную таможню. Волнение. Получаем разрешение за десять минут до отхода поезда. Еле поспеваем.

Польша; гитлеровский Берлин, порядок и чистота. Я не даю гитлеровцу, собирающему пожертвования.

Nord-Express.

Восьмого Париж. Дети в отличном состоянии. Много писем.

(Конец рукописей)

Расшифровал и подготовил текст к печати Святослав Прокофьев.
Ему помогали Надежда Прокофьева и Сергей Прокофьев (Jr).
Корректура: Ирина Прокофьева.

Имена и названия

В тексте Дневника некоторые имена первый раз встречаются на иностранном языке. В общем списке имён эта особенность сохранена - имя даётся так, как в тексте, а в скобках его написание по-русски. В случае иностранного имени, указанного в тексте первый раз по-русски - ситуация обратная: в скобках дано его оригинальное написание латинскими буквами.

Биографические данные сведены до необходимого минимума, в случае неточной информации присутствует знак вопроса в скобках: (?).

Меры длины и веса:

1 вершок = 4,4 см. 1 аршин = 0,71 м. 1 сажень = 3 аршина = 2,13 м. 1 верста = 1,06 км. 1 фут = 30,48 см. 1 фунт = 409,5 граммов. 1 миля (морская) = 1852 м. 1 десятина = 2400 кв. саженям - 1,09 гектара.

Абашидзе - ученик Консерватории, виолончелист.
Абрамычева, О.Н. - ученица Консерватории.
Абутков - композитор, окончил Петербургскую консерваторию в 1906 г.
Аванова, Соня - поклонница и подруга Н.Кошиц.
«Августеум» - концертный зал в Риме.
Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925) - писатель.
Avi - см. Кодина, Хуан.
Авивит, Шошана - артистка Московского еврейского театра «Габима».
Авранек, Ульрих Иосифович (1853-1937) - хормейстер, дирижёр.
А.Г. - см. Жеребцова-Андреева,
А.Г. Агранов, Яков - сотрудник ОГПУ.
А.Дм, А.Д. - мать Б.Н.Башкирова (Верина) и В.Н.Башкирова.
Adams (Адамс) - менеджер в Гонолулу.
Adams (Адамс) - американский менеджер.
Adès (Адес) - писатель.
Адлер, Джулия (Adler, Julia) - сестра Стеллы Адлер.
Адлер, Стелла (Adler, Stella) - поклонница-американка, театральная актриса.
Адриенна - см. Волковысская, А.
Айвазовский, Иван Константинович (1817-1900) - живописец-маринист.
Ives (Айвз), мисс - менеджер в San José.
Акафьев, Коля - племянник Борковских, знакомых сестры М.Г.Прокофьевой.
Акименко Фёдор Степанович (1876-1945) - композитор, пианист.
Акцери - преподаватель Консерватории, певица.
Алапин, Семён Зиновьевич (1856-1923) - шахматист.
Александр Михайлович (1866-1933) - великий князь, внук императора Николая I. Александров, Анатолий Николаевич (1888-1982) - композитор.
Александрович, Александр Дмитриевич - певец (тенор), профессор Русской консерватории в Париже по классу пения.
Александровский, Сергей Васильевич (1864-1937) - юрист, директор Большого театра в Москве.

Имена и названия

Alexanian (Алексанян) - виолончелист.
Алексеев - ученик Консерватории (класс Соловьёва).
Алексеев, Алексей Иванович - русский консул в Риме.
Алексей - наследник царского престола.
Алексей Павлович - см. Мещерский. А.П.
Алексей Степанович - преподаватель истории в научных классах Консерватории.
Алексинский - доктор, знакомый.
Аленицын - знакомый семьи Башкировых.
Алёна - племянница С.Прокофьева, дочь А.А.Раевского.
Алёхин, Александр Александрович (1892-1946) - шахматист.
Alland - партнёр в бридж.
Алперс, Борис Владимирович (1894-1974) - брат В.В.Алперс. театровед.
Алперс, Вера Владимировна (1892-?) - пианистка, педагог, ученица Петербургской консерватории.
Алперс, Владимир Михайлович (1863-1921) - отец В. Алперс. железнодорожный
служащий, композитор, музыкальный критик.
Алперс, Сергей Владимирович - ученик Консерватории, пианист, брат В.Алперс. Алперсы - семья В.В.Алперс. Алфёров - служащий банка, биржевый маклер. Альбенис, Исаак (Albeniz, Isaac) (1860-1909) - композитор.
Альтман - партнёр в бридж.
Альтшуллер, Модест Исаакович (1873-1963) - виолончелист и дирижёр, окончил Московскую консерваторию, в 1895 г. переехат в Нью-Йорк, где в 1903 г. основал Русский симфонический оркестр.
Алчевский, Иван Алексеевич (1876-1917) - певец (драматический тенор), солист
Мариинского театра.
Алчун - см. Алчевский, И. А.
Аля П. - знакомая.
Амбражевич - городской пристав в Ессентуках. Ampico - американская фирма механических пианино.
Амтер - нотный переписчик, композитор.
Андерсен, Ганс Христиан (Andersen, Hans Christian) (1805-1875) - писатель.
Андреев, Леонид (1871-1919) - прозаик, драматург.
Андреев, Николай Васильевич (...-1919) - артист Мариинского театра, певец (тенор), (Андреев 2-й).
Андреев, Павел Захарович (1874-1950) - певец (бас-баритон), (Андреев 1-й).
Андреевы - Андреев Н.В. и Жеребцова-Андреева А.Г.
Андриенко - ученица Консерватории, певица.
Андронников, князь - знакомый семьи Башкировых.
Андронов-Эльский, Ю.К. - певец (баритон), хормейстер.
Андрюша - см. Раевский, Андрей.
Анисимова - ученица Консерватории, пианистка.
Анисфельд, Борис Израилевич (1879-1951) - художник-живописец, график и театральный художник.
Аничков - знакомый Тюлина.
Анна Григорьевна - см. Жеребцова-Андреева, А.Г.
Анна Николаевна - см. Есипова. А.Н.
Анна Петровна - см. Уварова, А.П.
Ансермэ, Эрнест (Ansermet, Ernest) (1883-1969) - дирижёр.
Antoinett'очка - см. Рудавская. А.
Antonelli (Антонелли), графиня - случайная знакомая в Риме. А.П. - см.

«Аполлон» - петербургский ежемесячный литературно-художественный журнал, издавался в1909-1917 гг. и возглавлялся художественным критиком С.К.Маковским.
Апухтина - сестра жены П.П.Сувчинского.
Арабелов, князь - знакомый Н.Кошиц.
Аравентинос - художник-постановщик «Трёх апельсинов» в Берлине.
Аракина - ученица Консерватории, певица.
Арбос, Энрике Фернандес (Arbos) (1863-1939) - скрипач, дирижёр, композитор.
Аргентина - испанская танцовщица.
Аренс - советник советского посольства в Париже.
Аренский, Антоний Степанович (1861-1893) - композитор, дирижёр.
Ариадна - см. Никольская (Руманова), Ариадна.
Ариадна - дочь А.Н.Скрябина от второго брака.
Аркадьев, Михаил Павлович (1896-...) - театральный деятель.
Арканов, Борис Самойлович - зам. директора Большого театра в Москве.
Армашевская - ученица Консерватории.
Артемьева, Зинаида Николаевна - певица, ученица А.Г.Жеребцовой-Андреевой.
Архимед (287-212 до Р.Х.) - греческий учёный.
Арцыбашев, Михаил Петрович (1878-1927) - прозаик, публицист, драматург.
Арцыбушев, Николай Васильевич (1858-1937) - юрист, композитор, один из руководителей Беляевских концертов.
Асафьев, Борис Владимирович (Игорь Глебов) (1884-1949) - музыкальный критик
и писатель, композитор, музыкальный деятель.
Асланов, Александр Петрович (1874-1960) - дирижёр, с 1909 г. руководил летними симфоническими концертами в Павловске.
Аслашка - см. Асланов, А.П.
Астров, Михаил Фёдорович - секретарь С.Прокофьева.
Астрюк, Габриэль (Astruc, Gabriel) (1864-1938) - музыкальный критик и театральный деятель.
Атовмян, Левон Тадевосович (1901-1973) - музыкально-общественный деятель, композитор.
Ауссем - российский консул в Париже.
Ауэр, Леопольд Семёнович (1845-1930) - скрипач, педагог, дирижёр.
Афанасьев, Александр Николаевич (1826-1871) - этнограф, писатель, собиратель
и исследователь русского народного эпоса.
Афиногенов, Александр Николаевич (1904-1941) - драматург.
Ахвледиани, Элли Корнелиевна - ученица Жеребцовой-Андреевой, поклонница и знакомая С.Прокофьева.
Ахматова, Анна Андреевна (1889-1960) - поэт.
Ахрон, Исидор Юльевич (1892-1948) - ученик Консерватории, пианист (класс Есиповой).
Ахрон, Иосиф Юльевич (1886-1943) - скрипач, ученик Л.С.Ауэра, композитор.

Бавастро, семья - попутчики в Италию. Бада (Мейндорф) - брат Нади Раевской.
Базавов, Сергей (Серж) - кузен сестёр Мещерских.
Базилевский, Юрий (Георгий) Петрович - композитор.
Бай - пианист, ученик Консерватории (класс Дроздова).
Бакланов, Георгий Андреевич (1880-1938) - певец (баритон).
Бакс, Арнольд (Bax, Arnold) (1883-1953) - композитор.
Бакст, Лев Самойлович (1866-1924) - живописец, график, театральный художник.
Балаев, Николай Васильевич (1862-...) - преподаватель русского языка в

Маринуцци.
Белокурова, Серафима - ученица Консерватории, певица (класс Фострем).
Белоусов, Евсей Яковлевич (1881-1945) - виолончелист.
Вельский, Владимир Иванович (1866-1946) - либреттист, друг Н.А.Римского-Корсакова.
Белый, Виктор Аркадьевич (1904-...) - композитор, музыкальный деятель, член Ассоциации пролетарских музыкантов.
Белый, Андрей (Бугаев, Борис Николаевич) (1880-1934) - поэт, писатель, теоретик символизма.
Беляев, Виктор Михайлович (1888-1968) - музыкальный критик, музыковед.
Беляев, Митрофан Петрович (1836-1904) - петербургский лесной магнат, музыкальный деятель, организатор музыкальных вечеров, носивших название Беляевские концерты, музыкальный издатель.
Беляевские концерты - Русские симфонические концерты, основанные в 1885 году Митрофаном Петровичем Беляевым и часто называвшиеся его именем.
Бендицкий - ученик Консерватории.
Бенуа - ученик(ца) Консерватории, пианист(ка).
Бенуа, Александр Николаевич (1870-1960) - художник и художественный деятель, искусствовед, театральный художник и режиссёр, один из основателей объединения «Мир искусства».
Бенуа, Mme - жена А.Бенуа.
Бенуа (Браславская-Бенуа), Елена Александровна (Лёля) (1898-1972) - дочь А.Н.Бенуа, художница, скульптор, сценограф.
Бенуа, Николай Александрович (1901-1988) (Кока) - художник театра и живописец, сын А.Н.Бенуа.
Бенуа, Маруся и Кока - Бенуа, Николай, художник, сын А.Н.Бенуа; и его жена - Марина Павлова.
Берг, Албан (Berg, Alban) (1885-1935) - композитор.
Бердяев - дирижёр в Кисловодске.
Березовская, А.Г. (Нюра) - ученица Консерватории, жена Пиастро-старшего.
Берлин, А.М. - ученица Консерватории, пианистка.
Берлиоз, Гектор (Berlioz, Hector) (1803-1869) - композитор.
Берлиц - языковая школа, носящая имя своего основателя - Максимилиана Берлица (Berlitz, Maximilien).
Бернгард, Август Рудольфович (1853-1908) - музыкальный теоретик, профессор и директор (1898-1905) Петербургской консерватории.
Бернерс, Лорд (sir Gerald Hugh Tyrwhitt-Wilson, 14-е baron Berners) (1883-1950) - дипломат, литератор, композитор, художник.
Бернштейн, Николай Давыдович (1876-1938) - музыкальный писатель, рецензент.
Бернштейн, Осип Самойлович (1882-1962) - юрист, шахматист.
Бессель, Василий Васильевич (1843-1907) - музыкальный издатель.
Бессонова - учешща Консерватории.
Бетман-Гольвег, Теобальд (Bethmann Hollweg) (1856-1921) - граф, политический деятель.
Бетховен, Людвиг ван (Beethoven, Ludwig van) (1770-1827) - композитор.
Бехерт - импрессарио.
Burness, Robert (Бёрнесс, Роберт) - переводчик романсов С.Прокофьева на английский язык.
Бизе, Жорж (Bizet, Georges) (1838-1875) - композитор.
Билибин, Иван Яковлевич (1876-1942) - график и театральный художник. Член художественного объединения «Мир искусства».
Бирюлин - ученик Консерватории.

Бихтер, Михаил Алексеевич (1881-1947) - пианист и дирижёр (в Музыкальной Драме).
Бичем, Томас (Beecham. Sir Thomas) (1879-1961) - дирижёр, композитор.
Blanche - см. Ганг (Wolfgang. Blanche).
Блех, Лео (Blech. Leo) (1871-1958) - дирижёр и композитор.
Блок, Александр Александрович (1880-1921) - поэт.
Блох, Эрнст (Bloch, Ernest) (1880-1959) - композитор.
Блуа, Пьер (Blois, Pièrre) - менеджер, музыкальный критик.
Блувштейн, Луиза - ученица Консерватории (класс Гелевера).
Блуменфельд, Феликс Михайлович (1863-1931) - пианист, дирижёр, композитор и педагог.
Блэкберн, Джозеф Гарри (1841-1925) - шахматист.
Б.Н., Б.Н.Б. - см. Башкиров. Б.Н.
Бобрович - ученик Консерватории, певец (тенор).
Бобровский, (Григорий), «дядя Гриша» - художник, знакомый Мещерских.
Богданов-Березовский, Валериан Михайлович - врач-отоларинголог.
«Богемцы», «Богемский клуб» («Bohemian Club») - клуб музыкантов в Нью-Йорке. Боголюбов, Николай Николаевич (1870-1951) - оперный режиссёр. В 1911-1918
годах - режиссёр Мариинского театра в Петербурге.
Боданский, Артур (Bodanzky. Artur) (1877-1939) - дирижёр, в 1919-22 годах - дирижёр Нью-Йоркского Симфонического оркестра.
Бойто, Ариго (Boito, Arrigo) (1842-1918) - композитор.
Бойль (Boyle, Robert) (1627-1691) и Мариотт (Mariotte) - учёные-физики.
Boquel (Бокель) - французский менеджер.
Болаховский - французский консул в Киеве.
Больм, Mme - жена Адольфа Больма.
Больм, Адольф Рудольфович (1884-1951) - танцовщик, участник дягилевской труппы, хореограф, педагог.
Больм, Валентина, Валечка - дочка А.Больм. актриса.
Боренька - см. Башкиров, Б.Н.
Борис - см. Захаров, Борис.
Борис Борисович - см. Гершун, Б.Б.
Борис Николаевич - см. Башкиров, Б.Н.
Бориславский - знакомый по спортивному обществу «Сокол».
Боровская (Барановская), Мария Викторовна - знакомая С.Прокофьева, ученица Мейерхольда, жена пианиста А.Боровского.
Боровская, Наташа (1924-...) - дочь М.В. и А.К. Боровских.
Борковские - знакомые сестры М.Г.Прокофьевой.
Боровские - А.К.Боровский и его жена М.В.Барановская.
Боровский, Александр Кириллович (1889-1968) - пианист, ученик А.Н.Есиповой. Бородин, Александр Порфирьевич (1833-1887) - композитор.
Бородины - знакомые Рузских и потомки композитора.
Борщ, Екатерина (Генриетта) Самойловна, («Кетьхен») (1891-...) - пианистка, ученица Петербургской консерватории.
Борюся - см. Захаров, Б.С.
Боссэ, Гуальтер Антонович (1877-1953) - певец (бас).
Ботвинник, Михаил Моисеевич (1911-1995) - шахматист, чемпион мира в 1948-57,1958-60 и 1961-63 гг.
Боярские, гвардейцы - знакомые Э. Дамской. Брайловский, Александр (Brailowsky) (1896-1976) - пианист.
Брак, Жорж (Braque, Georges) (1882-1963) - художник, один из основателей кубизма в живописи.

Волкова - жена русского консула в Чикаго. Волковысская, Адриенна - сестра В. Янакопулос, скульптор.
Волковысский - муж сестры В.Янакопулос.
Волконский, Пётр (Паоло) Григорьевич (1897-1925) - князь, художник, муж Ирины Сергеевны Рахманиновой (1903-1969), дочери С.В.Рахманинова.
Волконский, Сергей Михайлович (1860-1937) - литератор, театральный критик, директор Русской консерватории в Париже.
Волошин, Максимилиан Александрович (1877-1932) - поэт.
Вольпи, графиня - гостья у принцессы Бассиано.
Wolf - директриса большого немецкого концертного агентства.
Вольф, Альберт (Wolff, Albert) (1884-1970) - дирижёр, композитор.
Вольф, барон - «официальное лицо» от русского консульства в Нью-Йорке.
Вольф-Израэль, Евгений Владимирович (1874-1956) - виолончелист.
Воробьёв - украинский чиновник.
Ворошилов, Климент Ефремович (1881-1969) - маршал СССР, военный и политический деятель.
Врангель, Пётр Николаевич (1878-1928) - русский генерал.
Wood, Sir Henry (Вуд, Сэр Генри) (1869-1944) - дирижёр.
Вудберг - шахматист в Шахматном Собрании.
Woods - см. Wood, Sir Henry.
Вольф-Израэль, Евгений Владимирович (1874-1956) - виолончелист.
«Всадник» - см. «Медный всадник».
Вьенер, Жан (Wiener. Jean) (1896-1982) - композитор и пианист.
Вырубов - представитель российского посольства в Париже.
Высоцкий - знакомый В.Э.Мейерхольда в Иокогаме.
Вышнеградский, Иван Александрович (1893-1979) - композитор, знакомый С.Прокофьева. Вюрер, Фридрих (Wührer) (1900-1975) - пианист.

Габель, Станислав Иванович (1849-1928?) - певец (бас), профессор Петербургской консерватории.
Габрилович, Осип Соломонович (1878-1936) - пианист, дирижёр.
Гаво (Gaveau) - фирма по производству роялей одноимённой марки, организатор концертов и лекций.
Гаврилова, Елена - пианистка.
Гайдн, Йозеф (Haydn, Joseph) (1732-1809) - композитор. Gallié (Галие) - менеджер.
Галковский - ученик Консерватории, композитор. Гальперин - ученик Консерватории, пианист (класс Кусковой).
Гамбург, Иван - скрипач.
Гамсун (Педерсен), Кнут (1859-1952) - норвежский писатель («Пан». «Виктория», «Мистерии», «Бродяги»), лауреат Нобелевской премии в 1920 г.
Ганг, Бланш (Wolfgang. Blanche) - подруга Стеллы Адлер.
Гандшин, Жак (Handschin) (1886-1955) - музыковед, органист. В 1909-1920 гг. преподаватель Петербургской консерватории.
Ганзен, Цецилия Генриховна (Тиля) (1897-1989) - ученица Петербургской Консерватории, скрипачка, жена Б.Захарова.
Ганзен, Эльфрида Генриховна (Фрида) (1893-...) - ученица Консерватории, пианистка (класс Есиповой), сестра Цецилии Ганзен.
Ганс Закс - герой оперы «Нюрнбергские майстерзингеры» Вагнера.
Garvin, Mrs - знакомая американка Л.Прокофьевой.
Гарден, Мэри (Garden, Mary) (1874-1967) - певица (сопрано), в 20-х годах -

директор Чикагской оперы.
Гартман, М.Е. - автомеханик, бывший лётчик.
Гартман, Фома Александрович (1885-1956) - композитор и дирижёр.
Gatti - директор концертного зала в Турине.
Гатти - см. Гатти-Казаца.
Гатти-Казаца, Джулио (Gatti-Casazza, Giulio) - директор Метрополитэн-опера в Нью-Йорке в 1908-1935 гг.
Гаук, Александр Васильевич (1893-1963) - дирижёр и композитор.
Гвирцман, Илья Иосифович (1893-...) - ученик Консерватории, скрипач.
Гедике, Александр Фёдорович (1877-1957) - композитор, пианист, педагог.
Гейне, Генрих (Heine, Heinrich) (1797-1856) - писатель.
Геккерн (Геккерен), Луи де - барон, нидерландский посланник при русском дворе,
приёмный отец Дантеса (1833).
Гелевер, (П.) - преподаватель Консерватории.
Гельбак - знакомый по Петербургскому шахматному клубу.
Гендель, Георг Фридрих (Haendel, George Frederick) (1685-1759) - композитор.
Гендерсон - музыкальный критик.
Гензельт (Henselt) - пианист, композитор.
Георг V (Georg V) (1865-1936) - король Великобритании.
Гертруда (1905-...) - поклонница-американка.
Hertz, Alfred (Герц, Альфред) - дирижёр Симфонического оркестра Сан-Франциско.
Гершвин, Джордж (Gershwin, George) (1898-1937) - композитор, пианист.
Гершун (Божнев), Борис Борисович (1898-1969) - поэт, знакомый С.Прокофьева, кузен Э.Дамской.
Гессен, Иосиф Владимирович (1866-1943) - юрист и журналист, издатель газеты «Речь» и журнала «Право» в Петербурге, депутат, знакомый Прокофьевых. Getty, Mrs - проповедница Christian Science.
Гёте, Иоганн (Goethe, Johann Wolfgang von) (1749-1832) - писатель, драматург.
Guyonnet, Mme (Гионне) - знакомая М.Г.Прокофьевой.
Guyonnet, Mr (Гионне) - представитель автомобильной компании.
Гзовская, Татьяна - артистка балета, балетмейстер, художница по костюмам.
Giberga, Mme de (де Гиберга) - председательница общества Pro Arte Musical в Гаване.
Гизекинг, Вальтер (Gieseking, Walter) (1895-1956) - пианист, педагог, композитор.
Гиппиус, Зинаида Николаевна (1869-1945) - поэтесса, критик и мемуарист. Гирин - сотрудник паспортного отдела Наркомата иностранных дел. Гиршман, Гиршманы - меценаты и коллекционеры.
Глаголева, Леонида Михайловна (1890-...) - ученица Консерватории, пианистка.
Глаголевы - семья Л.М.Глаголевой.
Гладкая, Софья Николаевна (1875-1965) - певица (сопрано), в 1900-1906 гг. солистка Мариинского театра, преподаватель Консерватории.
Глазенап, фон - кавалергард, муж сестры Н.Гончаровой (из Консерватории).
Глазунов, Александр Константинович (1865-1936) - композитор, дирижёр, профессор и директор Петербургской консерватории.
Глебов, Игорь - см. Асафьев, Б.В.
Глебова, Тамара Андреевна (Тамочка) (1892-...) - ученица Петербургской Консерватории по классу арфы.
Глинка, Михаил Иванович (1804-1857) - композитор.
Глинский - директор отеля «Националь» в Москве.
Глиэр, Рейнгольд Морицевич (1874-1956) - композитор, дирижёр, педагог, первый
педагог Прокофьева.
Глушакова (Глушкова, Ольга) - случайная знакомая, почитательница.

Григ, Эдвард (Grieg, Edvard) (1843-1907) - композитор.
Григорьев, Борис Дмитриевич (1886-1939) - живописец, график.
Григорьев, Павло Егорович - из труппы русского балета Дягилева.
Григорьев, Сергей Леонидович (1883-1968) - танцовщик, балетмейстер и режиссёр труппы Дягилева в 1909-28 гг.
Гримальди - правящая фамилия в Монако.
Гришин, Фёдор Иванович - служащий музыкального издательства.
Грогий - см. Попа-Горчаков.
Гросман - представительница фирмы «Плейель» в Варшаве. До революции владелица в Петрограде большого фортепианного магазина «Герман и Гросман».
Грузенберг - знакомая Б.Башкирова, дочь адвоката.
Губ. - см. Губенко.
Грунау - знакомый.
Graham (Грэхэм) - крисчен-сайентист.
Грюнберг - американский композитор.
Губенко - композитор.
Гуно, Шарль (Gounod, Charles) (1818-1893) - композитор.
Гунсберг, Исидор (1854-1930) - шахматист.
Гурко - близкий друг семьи Шмидтгоф-Лавровых.
Гусенс, Юджин (Goossens, Sir Eugene) (1893-1962) - дирижёр и композитор.
Гусман, Борис Евсеевич (1892-1944) - театральный критик, заместитель директора и заведующий репертуарной частью в Большом театре в 1929 г. Густав-Адольф - Густав II Адольф (1594-1632), шведский король (1611-1632). Гутман - ученица Петербургской консерватории.
Гутхейль - музыкальное издательство, основанное Александром Богдановичем Гутхейлем (1818-1882). Было приобретено С. Кусевицким.
Гучков, Александр Иванович (1862-1936) - отец жены Сувчинского, первый военный министр революционного правительства.
Гучкова, Вера Александровна - жена П.П.Сувчинского.
Гучкова, М. - мать В.А.Гучковой, сестра А.Зилоти.
Гюго, Виктор (Hugo, Victor) (1802-1885) - писатель.
Гюнсбург, Рауль (1859-1955) - французский импрессарио Русских балетов С.Дягилева.

Давиденко, Александр Александрович (1899-1934) - композитор.
Давыдова, Мария Самойловна - певица.
Дагмара - см. Д.Годовская.
Даль, Николай Владимирович (...-1939) - врач-невропатолог.
Дамрош, Вальтер (Damrosch, Walter) (1862-1950) - дирижёр.
Дамская, Элеонора Александровна (1898-...) - ученица Петербургской консерватории, арфистка, друг С.Прокофьева.
Дамская, Вера Александровна - сестра Э. Дамской.
Данилов, А. - товарищ Б.Захарова по гимназии и партнёр по бриджу.
Данилова, Александра Диомидовна (1903-...) - балерина.
Данте, Алигьери (Dante, Alighieri) (1265-1321) - поэт.
Daniel (Даниэль) - испанский менеджер из Валенсии.
Даргомыжский, Александр Сергеевич (1813-1869) - композитор. d'Harcourt (д'Аркур) - переводчик (в частности переводил Ор.27: «Пять стихотворений А.Ахматовой для голоса и фортепиано»),
Дарьё, Марсель (Darrieux, Marcel) - скрипач, концертмейстер Парижского симфонического оркестра.
Downes, Olin (Даунс, Олин) (1886-1955) - музыкальный критик.

Двинский, М. - репортёр газеты «Вечерние биржевые новости».
Де Базиль - менеджер балета Монте-Карло.
Дебюсси. Клод (Debussy, Claude) (1862-1918) - композитор.
Désormière, Roger (Дезормьер, Роже) (1898-1963) - дирижёр, композитор.
Дейша-Сионицкая, Мария А(н)дриановна (1859-1932) - певица (драм, сопрано), педагог.
«Декамерон» - название сборника новелл периода 1348-1353 гг. Джованни Бокаччо (Giovanni Boccaccio) (1313-1375).
Демчинский, Борис Николаевич (1877-1942) - филолог, литератор, друг С.Прокофьева.
Delage, Charles Maurice (Делаж, Шарль Морис) (1879-1961) - композитор.
Де Ламартр (De Lamarter, Eric) - дирижёр в Чикагской опере, ассистент Ф.Стока.
Delannoy, Marcel (Делануа, Марсель) (1898-1962) - композитор.
Делямартр - см. Де Ламартр.
Демази, Поль (Demasy, Paul) - драматург.
Демчинская, В.Ф. - жена Б.Н.Демчинского.
Демчинский, Борис Николаевич (1877-1942) - филолог, литератор, друг С.Прокофьева.
Деникин, Антон Иванович (1872-1947) - русский генерал.
Державин, Гаврила Романович (1743-1816) - поэт.
Держановская (Колосова), Екатерина Васильевна - жена В.В.Держановского.
Держановский, Владимир Владимирович (1881-1942) - музыкальный деятель, редактор и издатель журнала «Музыка», один из основателей АСМ - Ассоциации Современной Музыки.
Держинская, Ксения Георгиевна (1889-1951) - певица (сопрано).
Дернов - шафер Л.Глаголевой.
Дерюжинский, Глеб Владимирович (1888-1975) - скульптор.
Дефоу, Дезире (Defauw, Désiré) (1885-1960) - скрипач, дирижёр.
Дешевов, Владимир Михайлович (1889-1955) - ученик Консерватории (класс Винклера), композитор.
Gentle (Джентл) - американская певица.
Джером-Джером - писатель.
Джесика - менеджер в Сан-Франциско.
Jesse, Mrs (Джесс) - представительница общества Pro Musica в Портланде.
Джиаргули - служащий Консерватории. Джонс - влиятельный музыкальный деятель.
Джонс(он), Johnson, также H.Johns - Джонсон, Херберт (Johnson. Herbert) - один из финансовых директоров Чикагской оперы (Business manager of Chicago Civic Opera Company).
Johnsson, Esther (Джонсон, Эстер) - молодая пианистка.
Джунковские - попутчики в путешествии по Военно-Сухумской дороге.
Дзбановский, Александр Тихонович (1870-1938) - композитор, музыкальный критик.
Дианов, Антон Михайлович (1882-1939) - музыкант, композитор.
Дива - см. Янакопулос, В.
Дидерихс, Андрей - антрепренёр, владелец фортепианной фабрики и депо роялей
и пианино Р. и А.Дидерихс (1810-1914).
Дикий, Алексей Денисович (1889-1955) - актёр и режиссёр.
Дмитриев, Владимир Владимирович (1900-1948) - театральный
художник.
Дмитриева, Ольга Петровна - дальняя родственница.
Дмитриеску - пианист.
Дмитрий Павлович - см. Романов, Дмитрий Павлович.

Ев.Вальтеровна - см. Литвинова.
Ева (Айви) Вальтеровна.
Евдокия Сильвестровна - приятельница В.Н.Мещерской.
Евреинов, А.Н. - русский священник, обратившийся в католичество и представляющий русских католиков.
Екатерина и Евдокия Николаевны - инспектриссы Консерватории.
Екатерина Васильевна - см. Держановская, Е.В.
Ершов, Иван Васильевич (1867-1943) - певец (драм, тенор), педагог.
Ершова, Мария - знакомая (в замужестве Торлецкая).
Есенин, Сергей Александрович (1895-1925) - поэт.
Есипова, Анна Николаевна (1851-1914) - пианистка, профессор Петербургской консерватории.

Жакоб, Максим (Jacob. Maxim) (1906-1977) - композитор.
Жанакопулос - см. Янакопулос, В. Янакопулос, А.
Жасмин, А. (Jasmin, А.) - нотный переписчик и печатник.
Жеребцова – см. Жеребцова-Андреева. А.Г.
Жеребцова-Андреева, Анна Григорьевна (1868-1945) – певица (меццо-сопрано), профессор Петербургской консерватории.
Жеребцовна - см. Жеребцова-Андреева. А.Г.
Жиляев, Николай Сергеевич (1869-1951) - композитор, музыкальный критик.
Житкова, Татьяна Григорьевна (.. .-1912) - младшая сестра матери С.С.Прокофьева.
Житомирский, Александр Матвеевич (1881-1937) - композитор.
Жюржансон - см. Юргенсон.

Заб - шахматист.
Завадский - руководитель хора.
Загорский, Александр Андреевич - адвокат в Париже.
Зайцев, Кирилл - поклонник Н.Мещерской, знакомый С.Прокофьева.
Зак, Лев Васильевич (1892-1981) - художник-декоратор.
Зак, Б.А. - профессор фортепиано и секретарь Русской консерватории в Париже.
Зальтер, Норберт - театральный делец из Берлина, менеджер.
Замятин, Евгений Иванович (1884-1937) - писатель.
Занб (Sanb), Mlle - учительница английского языка, знакомая Раевских.
Захаров, Борис Степанович (1887-1942) - пианист, ученик Петербургской консерватории, друг С.Прокофьева.
Захаров, Василий Степанович - брат Б.Захарова, виолончелист.
Захаров, Георгий Степанович (Жорж) - брат Б.Захарова.
Захаров, Николай Степанович - брат Б.Захарова.
Захарова, Зинаида Эдуардовна - жена одного из братьев Б.Захарова.
Захарова, Луиза Алексеевна - жена старшего брата Б.Захарова.
Захаровы - братья Б.Захарова – Василий, Степан и Жорж (Георгий).
Захаровы - Б.С.Захаров и Цецилия Ганзен.
Звягинцева, Елена (Леля) Венедиктовна - сестра жены В.Держановского.
Зеберг - ученик Консерватории.
Зейлигер, Александр Владимирович (1892-1959) - ученик Консерватории, пианист (класс Есиповой).
Зеленский - ученик Консерватории, пианист.
Зеликман, А.В. - ученик Петербургской консерватории, пианист (класс Николаева), участник конкурса выпускников-пианистов 22 апреля 1914 г.
Земская - пианистка, концертмейстер на репетиции «Шута» в Монте-Карло.
Зилоти, Александр Ильич (1863-1945) - пианист и дирижёр, организатор концертов в Москве и Петербурге.

«Зимро» - еврейский ансамбль (струнный квартет, кларнет, рояль), состоявший из бывших учеников Петербургской консерватории.
Зина, Зинаида - Рейх, Зинаида Николаевна, жена Вс.Мейерхольда.
Зингер - брат принцессы Полиньяк, фабрикант швейных машин.
Злобин - гофмейстер, знакомый Бориса Башкирова.
Змиев - анархист, случайный знакомый.
Зноско-Боровский, Евгений Александрович (1884-1954) - шахматист, журналист. Зора - см. Гревс, 3. Зоя - см. Карнеевы.

«Ибах» - фабрика и марка роялей.
Ibbs - английский менеджер пианиста Б.Моисеевича.
Ибсен, Генрих (Ibsen, Henrik) (1828-1906) - писатель.
Иванов - петербургский композитор.
Иванов, Вячеслав Иванович (1866-1949) - поэт-символист, драматург, историк и теоретик искусства. Иванов-Смоленский - профессор Консерватории (вокал).
Иванова - ученица Консерватории (класс Винклера).
Ives, miss - менеджер в San José.
Игнатьев, А.А. - граф, генерал-лейтенант, советский дипломат, мемуарист. Игнатьев, Паля - муж Кати Раевской, двоюродной сестры С.Прокофьева. Игнатьева, Катя – Раевская, Екатерина Александровна (1881-1943), двоюродная сестра С.Прокофьева.
Игумнов, Константин Николаевич (1873-1948) - пианист и педагог, профессор Московской консерватории.
Идка - см. Рубинштейн, И.Л.
Ижевский - врач, лечивший Б.Верина.
Изаи, Эжен (Ysaye, Eugène) (1858-1931) - скрипач, дирижёр и композитор.
Извольские - знакомые в Нью-Йорке.
Ильин – сын А.Н.Есиповой.
Ильин, Александр Фёдорович - профессор, из евразийцев.
Ильяшенко - композитор.
Ингерманы (Ingerman) - супруги-врачи, лечившие Прокофьева в Нью-Йорке, друзья.
Ингерман (Ingerman, Sergius) - врач-отоларинголог в Нью-Йорке (муж А.Ингерман).
Ингерман, Анна (Ingerman, Anna) - врач-терапевт в Нью-Йорке. Indy, Vincent d' (Инди, Винсент) (1851-1931) - композитор.
Insull - председатель финансовых директоров Чикагской оперы (сменивший Гарольда Мак Кормика).
Иоанн Грозный (Иван IV) - великий князь московский и Всея Руси, русский царь (1547-1584).
Иованович, Младлен Эммануилович - пианист, певец, композитор.
Иогансен - нотный магазин в Петербурге.
Ионин - знакомый в Петербурге. Ионов - музыкальный деятель в Москве.
Иохельсон, Владимир Ефимович (1904-1941) - заведующий литературной частью Малегота, бывший председатель ленинградского отделения пролетарских музыкантов.
Ипполитов-Иванов, Михаил Михайлович (1859-1935) - композитор, дирижёр, педагог.
Ирецкая, Наталья Александровна (1845-1922) - певица (лирико-колоратурное

сопрано), преподаватель Консерватории с 1874 года.
ИРМО - Императорское Российское Музыкальное Общество, существовало с 1859 по 1917 год. В 1859 году открыло в Петербурге Музыкальные классы, на базе которых в 1862 году была создана Консерватория.
Итурби, Хосе (Iturbi, José) (1895-1980) – пианист, дирижёр.
Иоффе – ученик Консерватории.

Каверин, Вениамин Александрович (1902-1989) - писатель.
Кавос, сестры - знакомые, из семьи художника Е.Е.Лансере (1875-1946).
Казадесюс, Анри (Casadesus, Henry) (1879-1947) - композитор, альтист.
Casadesus, Robert (Казадезюс, Робер) (1899-1972) - пианист и композитор.
Казальс, Пабло (Casals, Pablo) (1876-1973) - виолончелист, дирижёр.
Казаченко, Григорий Алексеевич (1858-1938) - композитор, дирижёр.
Casella, Alfred (Казелла, Альфред) (1883-1947) - композитор, пианист, дирижёр.
Калантарова - пианистка, преподаватель Консерватории.
Калафати, Василий Павлович (1869-1942) - композитор, теоретик, профессор Петербургской консерватории.
Калашникова, Таня - знакомая.
Каледин, Алексей Максимович (1861-1918) - казачий атаман, организовал около Ростова самостоятельный фронт, который пал в марте 1918 года.
Калинников, Василий Сергеевич (1866-1900) - композитор.
Калиновский – знакомый семьи Алперс.
Каль, Алексей Фёдорович (1878-...) – знакомый, бывший профессор Петроградской консерватории, музыкальный критик.
Calvé, Emma (Кальве, Эмма) - певица, педагог.
Кальвокоресси, Мишель (Calvocoressi, Michel) (1877-1944) - музыковед и критик. Каменева, Ольга Давыдовна (1883-1941) - сестра Л.Д.Троцкого, жена советского
посла в Риме, театральный деятель.
Каменский, Александр Данилович (1900-1952) - пианист.
Кампанини, Клеофонте (Campanini. Cleofonte) (1860-1919) - оперный дирижёр, музыкальный директор Чикагской оперы.
Камышанская, В.М. - ученица Консерватории.
Кан, Отто (Kahn, Otto) - секретарь Клеофонте Кампанини.
Mme Otto Kahn - жена Отто Кан.
Канкарович, Анатолий Исаакович (1885-1956) - дирижёр и композитор, ученик Консерватории. Канкароша – см. Канкарович.
Кант, Иммануил (Kant, Immanuel) (1724-1804) - философ.
Капабланка, Хосе-Рауль (Capablanca, José Raoul) (1888-1942) - шахматист, чемпион мира, в 1914 г. кубинский консул в Петербурге.
Capdeville (Капдевиль) - гравёр нот.
Капустин - знакомый.
Капустина, Софья - знакомая Б.Захарова.
Карагичев, Борис Васильевич (1879-1946) - композитор и музыкальный критик.
Каракаш, М.Н. - певец Мариинского театра (баритон).
Каратьпин, Вячеслав Гаврилович (1875-1925) - музыкальный критик, композитор и педагог.
Карахан, Лев Михайлович (1889-1937) - государственньш деятель, дипломат.
Каренин, Лев - знакомый Б.Верина и С.Прокофьева.
Карина - танцовщица.
Карнеевы, Лев Кузьмич, Лидия Кузьминична (1892-...) и Зоя Кузьминична (1894-

...) - соседи Б.Захарова по даче в Териоках, знакомые его и С.Прокофьева.
Карнеечки - см. Карнеевы, Л. и 3.
Карнейзон - см. Карнеева, Л. и 3.
Карнович - композитор, соученик С.Прокофьева.
Карпентер, Джон Олден (Carpenter, John Alden) (1876-1951) - композитор. Карпович - сотрудник русского посольства в Вашингтоне.
Карсавин, Лев Платонович (1882-1952) - профессор средневековой истории Петербургского университета, после 1922 года преподавал в Берлине, затем в Ковно.
Карский, Алексей - гимназист из Симферополя. Карташев - русский эммигрант в Париже.
Карузо, Энрико (Caruzo, Enrico) (1873-1921) - певец (тенор).
Каспари - петербургский фотограф.
Кастальский, Александр Дмитриевич (1856-1926) - композитор.
Катюша - см. Шмидтгоф, Е.
Катя, Катечка - см. Раевская, Е.А.
Катя, тётя - см. Раевская, Е.Г.
Качалов, Василий Иванович (1875-1948) - актёр.
Каченовский, Г.П. - знакомый Моролёва и Прокофьева, любитель музыки и шахматист.
Каянус, Роберт (1856-1933) - композитор и дирижёр.
«Квисисана» - петербургский ресторан. Кедров, Коля - сын Н.Н.Кедрова.
Кедров, Николай Николаевич (1871-1940) - профессор Петербургской консерватории, создатель и участник вокального квартета Кедрова.
Keil (Кейль) - брат владелицы дома в Эттале, который снимали Прокофьевы.
Кек – нотный переписчик.
Келлер – ученица Консерватории, пианистка (класс Лаврова). Кеннеди - банкир в Лос-Анжелесе.
Кепин - партнёр в бридж.
Керенский, Александр Фёдорович (1881-1970) - политический деятель, член Государственной Думы, министр Временного правительства. Керженцев, Платон Михайлович (1881-1940) - историк, общественный деятель, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств СССР.
Керзина, Мария Семёновна - организатор камерных концертов в Москве.
Кессель - знакомый Мещерских.
Кесслер, Иозеф (Kessler) (1800-1872) - композитор, пианист.
Кильштетт, Мария Григорьевна (1861-19...) - поэтесса, беллетрист. Кимонт-Яцына, Марцелина Ивановна (1884-...) - пианистка, преподаватель Консерватории.
Кинд, Серафима - ученица Консерватории, пианистка.
Кира Николаевна - поклонница К.Бальмонта.
Кирико, Джорджо Де (De Chirico) (1888-1978) - художник.
Кирлиан - ученик Консерватории.
Кирш, Нина - знакомая в Ессентуках.
Кишинские - общие знакомые Мещерских и Рузских.
Clark, Edward (Кларк, Эдвард) - сотрудник студии BBC в Лондоне.
Clausells - секретарь общества, устроившего концерт С.Прокофьева в Барселоне. Клейбер, Эрих (Kleiber, Erich) (1890-1956) - дирижёр, в 1922 г. главный дирижёр Мангеймской оперы.
Klein, Warren Charles (Клейн, Уорен Чарльз) - поэт, журналист в Christian Science Monitor.

Клементи, Муцио (Clementi, Muzio) (1752-1832) - композитор.
Клемперер, Отто (Klemperer, Otto) (1885-1973) - дирижёр.
Климов, Михаил Георгиевич (1881-1937) - хоровой дирижёр, ученик Н.Н.Черепнина, профессор Петербургской консерватории (с 1914), директор Государственной академической филармонии.
Клинг (младший) (Kling) - директор музыкального издательства Chester в Лондоне. Клинг, Отто (Kling, Otto) - директор музыкального магазина в Лондоне немецкой музыкально-издательской фирмы «Брейткопф и Гертель».
Клингман, Елена Максимовна - ученица Петербургской консерватории.
Книппер, Лев Константинович (1898-1974) - композитор.
Книппер-Чехова, Ольга Леонардовна (1868-1959) - актриса.
Кнопф - книгоиздатель в Нью-Йорке.
Cobbe, Janet - няня старшего сына С.Прокофьева.
Кобылянский, Александр Николаевич (1881-1942) - ученик Консерватории, пианист (класс Лядова).
Коган - ученик Консерватории.
Кодина, Лина (Codina, Carolina) (1897-1989) - артистический псевдоним Любера,
певица (сопрано), с 1923 г. - жена С.Прокофьева.
Кодина (Немысская) Ольга Владиславовна (18...-1947?) -мать Л.И.Прокофьевой.
Кодина, Хуан (Codina, Juan) (1866-1935) - певец, отец Л.И.Прокофьевой.
Козицкий, Филипп Емельянович (1893-1960) - композитор.
Козлова - ученица С.Прокофьева в Музыкальной студии.
Козловская - приятельница Б.Башкирова.
Козловский, Иван Семёнович (1900-1993) - певец (тенор).
Коини, Ж. (Coini) - американский оперный режиссёр, постановщик «Трёх Апельсинов» в Чикаго.
Кока - см. Бенуа, Н.А.
Коковцов, Владимир Николаевич (1853-1943), граф - политический деятель и премьер-министр в 1911-14 гг.
Кокочка - см. Штембер, Н.В.
Кокто, Жан (Cocteau, Jean) (1889-1963) - писатель, художник, театральный деятель.
Колаковский - профессор Консерватории.
Colvy, Miss - проповедница Christian Science.
Колечка - см. Мясковский, Н.Я.
Колини - см. Коллини, Л.
Коллини (Colini), Лиана (Лина) - итальянка, знакомая в Кисловодске.
Коллонтай, Александра Михайловна (1872-1952) - дипломат.
Коломийцев - ученик Консерватории, дирижёр.
Колчак, Александр Васильевич (1874-1918) - адмирал, руководивший белыми при взятии Омска (конец 1918 г.).
Комаров (...-1914) - полковник, родственник Мещерских.
Комаров, Анатолий - переводчик.
Комиссаржевская, Вера Фёдоровна (1864-1910) - драматическая актриса.
Комиссаржевский, Фёдор Фёдорович (1882-1954) - театральный режиссёр, теоретик театра.
Конан-Дойль, Артур (Doyle, sir Arthur Conan) (1859-1930) - писатель.
Конкурс Малоземовой - конкурс для пианисток, окончивших Петроградскую консерваторию. Малоземова, Софья Александровна (1846-1908) - пианистка и педагог.
Константин Константинович - Великий князь Константин Константинович Романов (1858-1915), писатель, поэт.

Кончаловский, Пётр Петрович (1876-1956) - живописец.
Коншин - директор Волжско-Камского банка, знакомый Рузского.
Коншина, Лили - знакомая Прокофьева.
Коншина, Тата - знакомая Прокофьева.
Конюс, Георгий Эдуардович (1862-1933) - композитор, теоретик, музыкальный критик.
Конюс, Ю.Э. - профессор Русской Консерватории в Париже (класс скрипки).
Конюс - помощник директора в издательстве Кусевицкого.
Копейкин, Н.К. - пианист, дирижёр.
Копикус - менеджер Метрополитен Опера в Нью-Йорке.
Копланд, Аарон (Copland, Aaron) (1900-1990) - композитор.
Копосова-Держановская, Екатерина Васильевна - см. Держановская Е.В.
Коргуев - преподаватель Консерватории (скрипичный класс).
Корево, супруги - случайные знакомые в Софии.
Корибут-Кубитович, Павел Георгиевич (1865-1940) - двоюродный брат С.П.Дягилева.
Корзухин - почитатель музыки Прокофьева.
Корнелия - знакомая.
Корнилов, Лавр Георгиевич (1870-1918) - русский генерал, в июле-августе 1917 г.
главнокомандующий армией, организатор «Добровольческой армии».
Коровин, Константин Алексеевич (1861-1939) - живописец, театральный художник.
Корсак, Владимир Евстафьевич - муж М.П.Корсак, подруги М.Г.Прокофьевой и Е.Г.Раевской.
Корсак, Мария Павловна (...-1915) - жена прокурора судебной палаты Петербурга
В.Е.Корсак, знакомая Е.Г.Раевской и М.Г.Прокофьевой.
Корсаков - см. Римский-Корсаков, Н.А.
Корсанька - см. Римский-Корсаков, Н.А.
Корто, Альфред (Cortot, Alfred) (1877-1962) - пианист, дирижёр.
Косато - знакомый в Иокогаме.
Кострицкий - зубной врач.
Котова - знакомая.
Котте, Э. - фаготист, преподаватель Консерватории (класс духовых).
Коутс, Альберт Карлович (Coates, Albert) (1882-1953) - дирижёр и композитор.
Коханский, Павел (1887-1934)-скрипач и педагог. В 1913-1919 годах-профессор Петербургской и Киевской консерваторий.
Kohnwald - американская знакомая.
Кохно, Борис Евгеньевич (1904-1990) – секретарь С.Дягилева, либреттист и хореограф.
Кошиц, Нина Павловна (1894-1965) – певица (сопрано).
Красильников - знакомый в Кисловодске.
Красин, Борис Борисович (1884-1936) - музыкально-общественный деятель, член
дирекции Российской Филармонии.
Красовская - певица.
Krauss, Clemens (Краус, Клеменс Генрих) (1893-1954) - дирижёр, пианист, интендант и музыкальный директор Оперного театра во Франкфурте.
Крашенинников, Николай Александрович - драматург.
Crain, Miss (Крейн) - проповедница Christian Science. Crane, Charles - влиятельный американец.
Крейслер - ученик Консерватории, дирижёр.

Кривошеина - см. Мещерская. Н.А.
Кропоткин. Пётр Алексеевич (1842-1921) - русский революционер, теоретик анархизма.
Кругловский - ученик Консерватории, певец.
Крыжановский, Иван Иванович (1867-1924) - музыкальный деятель, композитор. Крыся - Елена Александровна Софроницкая, жена В.В.Софроницкого, дочь
А.Н.Скрябина от первого брака.
Крюков, Владимир Николаевич (1902-1960) - композитор.
Кубацкая (рожд. Атовмян), Сирануш Тадевосовна (1890-1952) - певица (сопрано).
Кубацкий, Виктор Львович (1891-1970) - виолончелист, дирижёр, педагог, член художественного совета Большого театра.
Кубелик, Ян (1880-1940) - скрипач и
композитор.
Кугель, Георг (Kugel, Georg) - менеджер пианиста Пауля Витгенштейна.
Кудрин - знакомый шахматист.
Кузина Катя - см. Раевская. Е.А.
Кузмин (Кузьмин), Михаил Алексеевич (1875-1936) - писатель, музыкальный критик, композитор.
Кузнецова - ученица Консерватории, пианистка.
Кузнецова-Маснэ - см. Массне.
Кузовкова - ученица Консерватории.
Кузьмин - см. Кузмин, М.А.
Кук - «Кук и сын», транспортное и туристическое агентство.
Куклин - ученик Консерватории, певец.
Купер, Эмиль Альбертович (1877-1960) - оперный и симфонический дирижёр.
Куприн, Александр Иванович (1870-1938) - писатель.
Курзнер, П.Я. - певец Мариинского театра (бас).
Курлины, Евгения и Людмила (Люночка) - знакомые Башкировых.
Курляндский - чиновник в петербургском Красном Кресте.
Куров, Николай Николаевич (1882-...) - музыкальный критик.
Курц - виолончелист, брат Е.Курца.
Курц, Ефрем (Kurtz, Efrem) (1900-...) - дирижёр, ученик Н.Н.Черепнина.
Кусевицкая (урожд. Ушкова), Наталья Константиновна (1881-1942) - жена С.А.Кусевицкого.
Кусевицкий, Сергей Александрович (1874-1951) - дирижёр и контрабасист, основатель Российского Музыкального Издательства (1908).
Кускова - профессор Консерватории, класс фортепиано.
Кусов, барон – вице-директор Императорских театров в
Петербурге. Кутепов, Александр Павлович (1882-1930) - генерал,
эмигрант.
Куся - см. Кусевицкий, С. А.
Кучерявая - дочь Н.Т.Кучерявого.
Кучерявый, Николай Титович - инженер, почитатель музыки и знакомый С.Прокофьева.
Кучинский - муж кузины
Н.Мещерской.
Кушнарёв, Христофор Степанович (1890-1960) - композитор, музыкальный теоретик.
Куэ, Эмиль (Couè, Emil) (1857-1926) - фармацевт, один из основоположников аутогенной психотерапии.
Cunard, lady (Кьюнард) - богатая меценатка, покровительница лондонского театра
Covent Garden. Camb (Кэмб) - знакомые американцы.
Кюи, Цезарь Антонович (1835-1918) - композитор, музыкальный критик.

Лабунский - композитор, секретарь С.Прокофьева.
Lavary, lady - лондонская подруга Mrs Carpenter.
Лавренев, Борис Андреевич (1891-1959) - писатель.
Лавров, Николай Степанович (1861-1927) - пианист, профессор Петербургской консерватории.
Лавров, Максимилиан Иванович - настоящее имя Шмидтгофа Максимилиана Анатольевича (Лавров - фамилия матери, Шмидтгоф - фамилия отца, незаконным сыном которого Макс являлся).
Лаврова, Александра Николаевна - мать Макса Шмидтгофа.
Лавровы-Шмидтгоф - мать и сестра М.Шмидтгоф.
Лазаревский, Борис - писатель. Лазарь, Филипп (Lazar, Filip) - композитор.
Лазарюс, А. (Lazarus) - композитор, муж Ариадны Скрябиной (1905-1944), дочери А.Н.Скрябина.
Лазерсон - ученик Консерватории, скрипач. Лакиардопуло - музыкальный критик.
Лалуа, Луи (Laloy, Louis) (1874-1944) - переводчик, музыкальный критик, заведующий отделом прессы в Гранд Опера в Париже.
Ламберт - знакомый американец.
Ламберт, Констант (Lambert, Constant) (1905-1951) - композитор, дирижёр.
Ламбин, Пётр Борисович (1862-1923) - театральный художник, декоратор Мариинского театра.
Ламонд - пианист.
Ламм, Павел Александрович (1882-1951) - пианист, музыкальный деятель.
Lamoureux, Charles (Ламурё, Шарль) (1834-1899) - дирижёр, скрипач, основатель в 1881 г. оркестра Ламурё и общедоступных концертов, получивших позже имя Концерты Ламурё.
Lang (Ланг) - доктор в Обераммергау, лечивший М.Г.Прокофьеву.
Lankow (Ланкоу) - певец (бас) в Чикагской опере.
Ланьер (Lanier) - основательница «Общества друзей музыки» в Нью-Йорке.
Лапина - ученица Консерватории, пианистка (класс Дубасова).
Лапин(а) (Lapinà) - гравёр, владелец дома в Бельвю, который снимал Прокофьев с семьёй.
Лапицкий, Иосиф Михайлович (1876-1944) - оперный дирижёр.
Laporte - издатель, знакомый Ф.Пуленка.
Ларионов, Михаил Фёдорович (1881-1964) - художник, а также художник-декоратор некоторых дягилевских балетов.
Ласкер, Эдуард - шахматист, однофамилец Эмануила Ласкера.
Ласкер, Эмануил (Lasker) (1868-1941) - шахматист, чемпион мира. Лебедев - шахматист.
Лебедев - морской министр при Керенском.
Лебединцева - знакомая М.Г.Прокофьевой.
Левенстрен - владелица музьжальной Студии, в которой Прокофьев давал уроки фортепиано.
Левенфиш, Григорий Яковлевич (1889-1961) - шахматист.
Левин - знакомый шахматист.
Левин, Иосиф (1874-1944) - пианист.
Левин - случайный знакомый в Лос-Анжелесе.
Левит (Levit) - профессор в Университете Чикаго, любитель музыки. Левитан - ученик Консерватории,певец.
Левицкая, Елена - ученица Консерватории, подруга М.Павловой.
Левицкий - муж Н.Мещерской.

Mead – профессор, знакомый в Чикаго.
Mead – лондонский директор фирмы Aeolian Co.
«Медведь» - петербургский ресторан.
Медем, Александр Давыдович (1871-1927) - пианист, композитор, профессор Консерватории.
«Медный всадник» - петербургский литературно-музыкальный клуб.
Меерович, Альфред (Бернгардович) (1884-1959) - пианист, ученик А.Н.Есиповой.
Меерович, Mlle - сестра А.Мееровича (?).
Мейер, Марсель (Meyer, Marcelle) (1897-1958) - пианистка.
Мейербер, Джакомо (Meyerbeer, Giacomo) (1791-1864) - композитор.
Мейерхольд, Всеволод Эмильевич (1874-1940) - режиссёр, театральный деятель.
Мейнгард - ученица Консерватории.
Мейндорф - дальняя родственница.
Мейндорф, (Б.Б.) - партнёр в бриджевом турнире.
Меклер, МА. (Meckler, M.A.) - импрессарио.
Мелких, Дмитрий Михеевич (1885-1943) - композитор.
Mémé - см. Ко дина (Немысская), Ольга Владиславовна.
Менгельберг, Биллем (Mengelberg, Willem) (1871-1951) - дирижёр.
Мендельсон, Феликс (Mendelssohn-B artholdy, Felix) (1809-1847) - композитор.
Менжинский, Вячеслав Рудольфович (1874-1934) - советский государственный и
партийный деятель.
Мервольф - ученик Консерватории, композитор.
Мережковский, Дмитрий Сергеевич (1865-1941) - писатель, поэт, критик, философ.
Мериин, Вера - ученица Консерватории.
Мериманова - ученица Консерватории, пианистка (класс Есиповой).
Мерович - см. Меерович, А.
Метелева, Mme - знакомая Смецких.
Метнер, Николай Карлович (1879-1951) - композитор, пианист.
Метцль, Владимир Людвигович (1882-...) - композитор.
Мечников, И.И. (1845-1916) - учёный-биолог.
Мещерская, Вера Николаевна - мать Н.А.Мещерской.
Мещерская, Нина Алексеевна (1889-1981) - юношеское увлечение.
Мещерская, Наталья Алексеевна (Таля) - сестра Н.А.Мещерской.
Мещерские - петербургские знакомые С.Прокофьева.
Мещерский, Алексей Павлович (1867-1938) - отец Н.А.Мещерской, инженер-промышленник.
Murphy, Mrs (Мёрфи) - влиятельная американка в концертной жизни Лос-Анжелеса.
Мизантроп - литературный псевдоним Н.Я.Мясковского.
Millet (Мийе) - переписчик нот.
Мийо, Дариус (Milhaud, Darius) (1892-1974) - композитор, дирижёр, критик.
Микеладзе, Евгений Семёнович (1903-1937) - дирижёр, педагог. С1933 г. главный дирижёр Грузинского театра оперы и балета в Тбилиси.
Миклашевская (Михельсон), Ирина Сергеевна (1883-1956) - пианистка, с 1913 г.
преподавала в Петербургской консерватории.
Миклашевский - профессор Консерватории.
Миклашевский, Иосиф Михайлович (1882-1959) - музыковед.
Миклашевский, Игорь Сергеевич (1894-1942) - пианист, ученик Консерватории.
Милиант - знакомая М.П.Корсак.

Новаковский - профессор, знакомый.
Новаэс, Гиомар (Novaes, Guiomar) (1894-1964) - пианистка.
Новикова, Людмила - ученица Консерватории.
Нович, Ник.Ив. - преподаватель Консерватории (?).
«Новое время» - литературно-политическая газета, выходила в Петербурге в 1868-1917 гг.
Новосацкий - композитор.
Нодельман, Ида (...-1909) - пианистка, ученица Консерватории.
Нувель, Вальтер Фёдорович (1871-1949) - музыкальный и театральный критик, член редакции журнала «Мир искусства», один из организаторов «Вечеров современной музыки».
Нурок, Альфред Павлович (1860-1919) - музыкальный критик, один из основателей
«Вечеров современной музыки».
Ньюман (Newman) - менеджер С.Прокофьева в Чикаго. Newman, Mme (Ньюман) - жена лондонского музыкального критика.
НЯМ - см. Мясковский, Н.Я. Нямочка - см. Мясковский, Н.Я.
Обольский - случайный знакомый, хлопотавший об американской визе.
Оборин, Лев Николаевич (1907-1974) - пианист.
Обухов, Николай (1892-1954) - композитор, учился в Петербургской консерватории у Н. Черепнина и М. Штейнберга.
О.В., Ольга Владиславовна - см. Кодина, О.В.
«Огонёк» - еженедельный художественно-литературный журнал, выходил в 1899-1917 гг.
Одоевцева, Ирина Владимировна (1895-1990) - поэтесса, писательница.
Озаровские - знакомые В.Каратыгина.
Озеров - ученик Консерватории.
Окс - американец русского происхождения, женатый на ученице Консерватории. Олег - младший сын С.Прокофьева.
Оленин, Пётр Сергеевич (1874-1922) - певец (баритон), режиссёр Большого Театра в Москве.
Олеша, Юрий Карлович (1889-1960) - писатель.
Olmsted, Evelyn (Олмстед, Эвелин) - адепт учения Christian Science, дававшая консультации Прокофьевым.
Ольга Борисовна - классная дама в Консерватории.
Ольга Владиславовна - см. Кодина (Немысская) О.В.
Ольшанский, Борис Константинович - студент, поклонник Умновой Л.И.
Онеггер, Артур (Honegger, Arthur) (1892-1955) - композитор.
Онегина - певица.
Орик, Жорж (Auric, Georges) (1899-1983) - композитор.
Орлов, Александр Иванович (1873-1948) - дирижёр.
Орлов, Николай Андреевич (1892-1964) - пианист. Орлов, С. - ученик Консерватории.
Орлов - знакомый Ю.Н.Тюлина.
Орлова, Магда Густавовна - драматург, автор либретто «Мадцалены» (псевдоним
- барон М.Ливен).
Осипова (...-1908) - ученица Консерватории.
Осоргин (Ильин), Михаил Андреевич (1878-1942) - писатель, журналист.
OSP (Orchestre Symphonique de Paris) - Парижский симфонический оркестр.
Осповат - ученица Консерватории, пианистка.
Оссовская, Варвара Александровна (1876-1942) - пианистка, преподаватель

Консерватории.
Оссовский, Александр Вячеславович (1871-1957) - ученик Римского-Корсакова, музыковед, музыкальный критик, педагог и профессор консерватории.
Оссолинская, Ванда Иосифовна - поклонница.
Островский, Александр Николаевич (1823-1886) - драматург.
Остроумова - см. Остроумова-Лебедева.
Остроумова-Лебедева, Анна Петровна (1871-1955) - художник, график.
Осэ, Айко - японский издатель газеты о России.
Отагуро, Мотоо (Ohtaguro) (1893-..) - журналист, музыковед, опубликовал в 1918 году в Японии книгу о современной европейской музыке, где первая глава была целиком посвящена С.Прокофьеву.
Отец - см. Прокофьев, С.А.

Павел (1754-1801) - русский император (1796-1801).
Павлинов - преподаватель петербургской Консерватории (?).
Павлинова - ученица Консерватории, певица (класс Жеребцовой-Андреевой).
Павлова, Анна Павловна (Матвеевна) (1881-1931) - балерина.
Павлова, Мария Николаевна (Маруся) - ученица Консерватории, певица.
Павские, Павская, Надежда Владимировна - знакомые Раевских и М.Г.Прокофьевой.
Павский, Ваня - сын Н.В.Павской.
Паганини, Николо (Paganini, Niccolo) (1782-1840) - скрипач, композитор.
Pasdeloup (Паделу) - воскресные концерты, устраиваемые с 1920 г. в Париже «Ассоциацией концертов Паделу», названных по имени французского дирижёра и музыкального деятеля Жюля Этьена Паделу (Pasdeloup, Jules Etienne) (1819-1887).
Падеревский, Игнацы (Paderewski, Ignacy Jan) - пианист, композитор, премьер-министр и министр иностранных дел Польши (1919).
Пазовский, Арий Моисеевич (1887-1953) - дирижёр.
Пайчадзе, Гавриил Григорьевич - директор издательства Кусевицкого с 1925 года.
Паласова, Нюра - ученица Консерватории.
Пален, Константин Иванович (1833-1912) - граф, государственный деятель.
Палеолог, Морис Жорж (1859-1944) - французский посол в Петербурге, автор мемуаров о жизни в России и революции.
Палетик – профессор Консерватории (фортепиано).
Палечек, Осип Осипович (1842-1915) - певец (бас) и режиссёр Мариинского театра, профессор Петербургской консерватории.
Пам, Макс (Pam, Max) - один из директоров Чикагской оперы.
Панина (Панафутина), Антонина Ивановна - певица (меццо-сопрано).
Папа - см. Прокофьев, С.А.
Paray, Paul (Парей, Поль) (1886-1979) - композитор, дирижёр.
Parmelee, Horace J. (Пармели, Хорэйс) - пресс-агент менеджерской фирмы «Haensel and Jones».
Purrington (Паррингтон) - адвокат в Нью-Йорке.
Пастернак, Борис Леонидович (1890-1960) - поэт, писатель, переводчик.
Патер (Pater) - администратор (?) Чикагской оперы.
Péan - чиновник, ответственный за выдачу французских виз в Париже.
Pedrollo, Arrigo (Педролло, Арриго) - дирижёр.
Перголези (Перголезе), Джованни Баттиста (Pergolesi, Giovanni Battista) (1710-1736) - композитор.
Персиани - дипломат, случайный знакомый.
«Петербургская газета» - политическое и литературное издание в 1867-1917 гг.
«Петербургский листок» - газета городской жизни, выходила в 1864-1917 гг.

Petersen (Петерсен) - случайный знакомый, хозяин дома в Алтаден. Петренко, Елизавета Фёдоровна (1880-1951) - певица (меццо-сопрано), в 1905-15 гг. солистка Мариинского театра.
Петри, Б.Е. - знакомый Л.Глаголевой и шафер на её свадьбе.
Петров - ученик Консерватории,гобоист.
Петров, Алексей Алексеевич (1851-1919) - теоретик, профессор Петербургской консерватории.
Петров-Водкин, Кузьма Сергеевич (1878-1939) - художник.
Петрова, Е.М. - знакомая Прокофьевых в Петербурге.
Петрова, Надя - дочь (?) Петровой Е.М.
Петровы - братья, преподаватели Консерватории русского языка и истории церкви. Петц - ученица Консерватории, певица (класс Жеребцовой-Андреевой).
Пешкова, Екатерина Павловна (1878-1965) - жена А.М.Горького, общественный деятель.
Пётр Петрович - см. Сувчинский, П.П Пианкова - знакомая Каратыгина.
Пиастро, Михаил Б. - скрипач, соученик С.Прокофьева по научному классу Консерватории.
Пиастро-старший (Тося) - ученик Консерватории, знакомый С.Прокофьева.
«Пивато» - петербургский ресторан.
Пикассо, Пабло (Picasso, Pablo) (1881-1973) - художник, скульптор.
Пиотровский (Петраускас), Кипрас (1885-1968) - певец (тенор).
Пирцев - директор Русской народной консерватории в Париже.
Peto (Пито) - влиятельная в музьжальных кругах англичанка.
Пифагор (570-480 до Р.Х.) - философ и математик. Pizzetti, Ildebrando (Пицетти, Ильдебрандо) (1880-1968) - композитор.
Плансон, Надя - подруга Тали Мещерской.
Plantin, Christophe (Плантен, Кристоф) (1514-1589) - один из основателей печатного дела. Платонов - ученик Консерватории, певец (баритон).
Плейель (Pleyel) - концертная фирма и марка роялей, носящая имя своего основателя, композитора и музыкального издателя - Плейель, Игназ (Pleyel, Ignaz) (1757-1831). Плетнёв - ученик Консерватории. (?)
Погожев, Владимир Петрович (1851-1935) - композитор-дилетант, историк театра, управляющий конторой Императорских театров.
Подоли (Подольский) (Podoli, Michael) - менеджер на Дальнем Востоке (Manager, Distinguised Artists and Concert Tours).
Подольская, Полина - юношеское увлечение С. Прокофьева.
Подпевский - случайный знакомый.
«Подушка» - см. Шейнцвит, Клавдия.
Позняковская, Н. (1889-...) - ученица Консерватории, пианистка (класс Есиповой).
Полак (Polack) - глазной врач-хирург в Париже, оперировавший М.Г.Прокофьеву.
Polacco, Giorgio (Полако, Джорджио) - музыкальный директор Чикагской оперы (1920-1930).
Плевицкая, Надежда Васильевна (1884-1941) - певица (меццо-сопрано), исполнительница народных песен.
Полина - см. Подольская, Полина.
Polignac, Princesse Edmond de (Singer, Winarretta) (Полиньяк) (1865(78)-1943) - богатая меценатка и любительница музыки.
Половинкин, Леонид Алексеевич (1894-1949) - композитор, дирижёр.
Полоцкая-Емцова, Софья Семёновна (1878-1957) - пианистка.

Пуччини, Джакомо (Puccini, Giacomo) (1858-1924) - композитор.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799-1837) - поэт, писатель.
Пшибышевский, Болеслав Станиславович (1892-...) - композитор, музыковед, музыкально-общественный деятель.
Пьернэ, Габриэль (Pierné, Gabriel) (1863-1937) - дирижёр, композитор.
Пышнов, Лев - ученик Консерватории, пианист (класс Есиповой).
Putzeys (Пютзейс) - импрессарио в Брюсселе.
Пятигорский, Грэгор (Григорий Павлович) (Piatigorsky, Gregor) (1903-1976) - виолончелист.

Рааб, Вильгельмина Ивановна (1848-1917) - певица, профессор Консерватории.
Рабинович, (М.А.) - ученик Консерватории, пианист (класс М.Н.Бариновой).
Рабинович - скрипач.
Рабинович, Исаак Моисеевич (1894-1961) - театральный художник.
Рабо, Анри (Rabaud. Henry) (1873-1949) - композитор, директор Парижской консерватории.
Равель, Морис (Ravel, Maurice) (1875-1937) - композитор.
Радлов, Николай Эрнестович (1889-1942) - художник-карикатурист. (Брат С.Э.Радлова).
Радлов, Сергей Эрнестович (1892-1958) - режиссёр.
Радлова, Надежда Константиновна - жена Н.Радлова.
Радочка - см. Никольская, А.
Раевская, Екатерина Александровна (1881-1943) - кузина С.Прокофьева.
Раевская (урождённая Житкова), Екатерина Григорьевна (1857-1929) - тётка (сестра матери) С. Прокофьева.
Раевские - семья А.Д. и Е.Г. Раевских.
Раевский, Александр Дмитриевич (дядя Саша) (1850-1914) - дядя С.Прокофьева, действительный тайный советник, муж Е.Г.Раевской.
Раевский, Александр Александрович (Шурик) (1885-1942) - двоюродный брат С.Прокофьева, муж Н.Б. Раевской, сын А.Д.Раевского и Е.Г.Раевской (Житковой).
Раевский, Андрей Александрович (1882-1920) - двоюродный брат С.Прокофьева.
Раевская, Надежда Богдановна (урожд. Мейендорф) (1885-1950) - жена А.А.Раевского, двоюродного брата С.Прокофьева.
Раевские, Катя, Алёна и Соня - дети А.А. и Н.Б. Раевских.
Раевская, Татьяна Александровна (Таня) - кузина С.Прокофьева, жена Андрея Раевского.
Разумник - писатель, драматург.
Разумовский, Сергей Дмитриевич - представитель МОДПиК (Московское объединение драматических писателей и композиторов).
Райский, Назарий Григорьевич (1875-1958) - певец (тенор), заведующий Большим залом Московской консерватории и директор Росфила.
Райчев, Пётр (Raïtchev, Petre или Raiceff, Pietro) (1887-1960) - певец (тенор), оперный режиссёр.
Раковский, Христиан Георгиевич (1873-1941) - политический деятель, дипломат.
Рамо (Rameau, Jean-Philippe) (1683-1764) - композитор.
Ранвид, Мариан (Ranvid, Marianne) - знакомые М.Г.Прокофьевой.
Ранушевич, Екатерина Михайловна - пианистка, композитор, педагог.
Рапопорт - главный режиссёр Мариинского театра.
Рапп-Клезе - ученица Консерватории, певица.
Распутин, Григорий Ефимович (1864 или 1865 или 1872-1916) - лжепророк и аферист-предсказатель при Императорской семье.

Розенштейн, Яков Абрамович (1877(87)-19...) - виолончелист, окончил Петербургскую консерваторию по классу виолончели (класс Гербека), директор Харьковской консерватории.
Розинг, Артур (Rosing, Arthur) - директор Американской оперной компании (American Opera Company).
Розовский, Соломон (1878-1962) - ученик Консерватории, композитор (класс Лядова).
Роксиков - знакомый Н.В.Андреева.
Roland-Manuel, Alexis (Ролан-Манюэль, Алексис) (1891-1966) - музыковед, композитор.
Романов, Борис Георгиевич (1891-1957) - танцовщик, хореограф.
Романов, Дмитрий Павлович (1891-1942) - великий князь, внук Александра II.
Романовский, Гавриил Иванович (1873-1941) - пианист.
Рославец, Николай Андреевич (1880-1944) - композитор, музыкальный деятель.
Rossi, Mario (Росси, Марио) (1902-...) - дирижёр.
Российское Музыкальное Издательство (РМИ) - бывшее издательство Гутхейля, купленное С.А.Кусевицким.
Россини, Джоаккино (Джакомо) (Rossini, Gioacchino) (1792-1868) - композитор.
Ростан, Эдмон (Rostand, Edmond) (1868-1918) - поэт и драматург.
Ростовский - знакомый Б.Башкирова и С.Прокофьева.
Ростопчин - правовед.
Ротшильд, Роберт, барон - знакомый принцессы де Полиньяк.
Рохлин, Я.Г. - шахматист. Рубинин - чиновник.
Рубинштейн, Акиба Кивелевич (1882-1961) - шахматист, международный гроссмейстер.
Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829-1894) - композитор, пианист.
Рубинштейн, Артур (1887-1982) - пианист.
Рубинштейн, Ида Львовна (1885-1960) - бывшая танцовщица балетной труппы Дягилева, организовавшая позже свою труппу, меценатка.
Рудавская, Антонина Александровна - ученица Консерватории, знакомая С.Прокофьева.
Рудин - знакомый Б.Башкирова и С.Прокофьева.
Руднев - бывший лётчик, после эмиграции во Францию стал шофёром такси.
Рузвельт, Теодор (Roosvelt, Theodore) (1858-1919) - политический деятель, президент США в 1901-1904 гг.
Рузская, Ира - дочь виолончелиста
Н.П.Рузского. Рузская, Татьяна - дочь
Н.П.Рузского.
Рузский, Коля - сын Н.П.Рузского.
Рузский, Николай Павлович (...-1927) - виолончелист-любитель.
Рузские - Николай Павлович, Таня и Ира (его дочери) - семья виолончелиста Н.П.Рузского, петербургские знакомые С.Прокофьева.
Рузская, Ольга Петровна - жена Н.П.Рузского.
Рузский, Дмитрий Павлович - генерал, участник военных действий под Львовом.
Рузский, Н.В. - генерал, двоюродный брат Н.П.Рузского.
Рукин - ученик Консерватории (класс Соловьёва).
Рульман, Франсуа (Rühlmann, François) (1868-1948) - дирижёр.
Руманов - муж Ариадны Румановой.
Руманова, Ариадна Николаевна - в девичестве Никольская, ученица Консерватории,
пианистка, (композитор-дилетант). Руо, Жорж (Rouault, Georges) (1871-1958) - художник.

Свириденко - автор (?) книги о содержании «Кольца Нибелунга». Свирский - пианист.
Свободный театр - основан в Москве под руководством К.А.Марджанова.
Святловский - профессор, один из участников «Медного Всадника».
Святополк-Мирский, Дмитрий Петрович - князь, литератор, литературный критик. Святослав - см. Прокофьев, С.С.
Себряков, Сергей Алексеевич - сын Себряковой Т.П., троюродный брат С.Прокофьева. Себрякова, Надя - сестра (?)
Себрякова С.А.
Себрякова (Себрякова-Житкова). Татьяна Павловна - врач, практиковавший в Петербурге, двоюродная сестра М.Г.Прокофьевой.
Северянин, Игорь (Лотарев. Игорь Васильевич) (1887-1941) - поэт, писатель.
Сеговия, Андрее Торрес (1893-1987) - гитарист.
Сеженская, Мария Михайловна - дальняя родственница.
Сеженская, Александра (Шура) - троюродная племянница С.Прокофьева.
Селезнёва - ученица Консерватории, певица. Сельвинский, Илья Львович (1899-1968) - поэт.
Семёнов, Григорий Михайлович (1890-1946) - предводитель антибольшевистского движения в Забайкалье. С января 1920 г. преемник А.В.Колчака на восточных окраинах страны.
Семёнов, камергер - знакомый Бориса Верина.
Семёнова, Марина Тимофеевна (1908-...) - балерина, с 1930 г. в Большом театре в
Москве.
Сенека (2 д.р.Х-39) - философ.
Сенилов, Владимир Алексеевич (1875-1918) - композитор.
Сен-Ром - пианист.
Сен-Санс, Камиль (Saint-Saens, Camille) (1835-1921) - композитор, пианист, дирижёр и критик.
Серафин, Туллио (Serafin, Tullio) (1878-1968) - дирижёр, в 1924-34 гг. главный дирижёр Метрополитан Опера в Нью-Йорке.
Серебрякова, Зинаида Евгеньевна (1884-1967) - художник.
Сержинская, Шура - см. Сеженская, Шура.
Серов, Александр Николаевич (1820-1871) - композитор, музыкальный критик.
Серт, Мися (Sert, Misia) (...-1950) - меценатка и покровительница Дягилева, большая любительница музыки, жена художника Хосе Мария Серт.
Серт, Хосе-Мария (Sert, José-Maria) (1874-1945) - художник.
Сетанс, Роберт (Soetens, Robert) (1897-...) - скрипач.
Сибелиус, Ян (Sibelius, Jan) (1865-1957) - композитор.
Szigeti, Joseph (Сигети, Жозеф) (1892-1973) - скрипач.
Сигети, Ванда - жена Ж.Сигети.
Сикар - начальник французского отдела виз.
Сиохан, Робер (Siohan, Robert) (1894-1985) - дирижёр, композитор, музыкальный
критик. Основатель в 1929 г. оркестра Концерты Сиохана.
Sirota, Peter (Сирота, Петер) - берлинский антрепренёр.
Скалоны, Скалон Леля и Костя - знакомые Павских и Прокофьевых, посещали вместе с Прокофьевым танцкласс.
Скарлатти, Доменико (Scarlatti, Domenico) (1685-1757) - композитор.
Скворцов, Александр Иванович - служащий Саратовской консерватории, адвокат. Скляревский, Александр Фёдорович - пианист, профессор Саратовской консерватории.
Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843-1882) - русский генерал.
Скоруньский - ученик Консерватории, пианист.

Скрябин, Александр Николаевич (1871-1915) - композитор, пианист.
Славина, Мария Александровна (1858-1951) - певица (меццо-сопрано) Мариинского театра.
Славинский, Тадео (Тадеуш) (Slawinski) (1901-1945) - танцор, балетмейстер.
Сладкопевцев - литератор (?).
Слонимский, Николай Леонидович (Slonimsky) (1894-1995) - музыковед, лексикограф, композитор.
Смецкая (урожд. Филимонова), Ольга Юрьевна (1857-1940) - гимназическая подруга и знакомая М.Г.Прокофьевой.
Смецкие - супруги Н.Н. и О.Ю. Смецкие, друзья родителей С.Прокофьева.
Смецкой, Николай Николаевич (...-1931) - муж О.Ю.Смецкой.
Смирнов - шахматист.
Смирнов, Дмитрий Алексеевич (1882-1944) - певец (тенор).
Смирнова, Вера Яковлевна - ученица Консерватории, пианистка (класс Есиповой).
Смоленс, Александр (Smallens, Alexander) (1889-1972) - дирижёр.
Смолич - режиссёр (?).
Собинов, Леонид Витальевич (1872-1934) - певец (тенор).
«Современники», вечера «современников» - так С.Прокофьев называет концерты Петербургского музыкального кружка «Вечера современной музыки», организованного в 1901 году И.И.Крыжановским, В.Г.Каратыгиным, А.П.Нуроком, В.Ф.Нувелем. Кружок просуществовал до 1912 г.
Согэ, Анри (Sauguet, Henri) (1901-1989) - композитор.
«Сокол» - спортивное общество в Петербурге.
Соколов, Николай Григорьевич (Sokoloff, Nikolai) (1886-1965) - скрипач, дирижёр, главный дирижёр Кливлендского оркестра (1918-33 гг.).
Соколов - молодой композитор (в Москве).
Соколов, Николай Александрович (1859-1922) - композитор, педагог.
Солнышко - прозвище кузена Б.Верина.
Соллертинский, Иван Иванович (1902-1944) - музыковед, литературовед, театровед.
Соловьёв, Николай Феопемптович (1846-1916) - композитор, музыкальный критик, профессор Петербургской консерватории.
Соловьёв, С. - ученик Консерватории, дирижёр.
Сологуб, Фёдор Кузьмич (Тетерников, Фёдор Кузьмич) (1863-1927) - поэт и прозаик.
Соломон - ученица Консерватории.
Сомов, Константин Андреевич (1869-1939) - художник, график, член «Мира искусства».
Сонцов, Дмитрий Дмитриевич - помещик, владелец Сонцовки.
Соня - см. Бришан, С.
Сорин, Савелий Абрамович (1878-1953) – художник.
de Saussine, Renée (де Сосин, Рене) - скрипачка в Париже.
Соскис - знакомый дипломат.
Сосницкий - вице-председатель петербургского Шахматного Собрания.
Сосновский, Лев Семёнович (1871-1937) - партийный и государственный деятель.
Софроницкий, Владимир Владимирович (1901-1961) - пианист.
Софья Ивановна - тётя М.Шмидтгофа.
Спак, Пауль (Spaak, Paul) - переводчик текста оперы «Игрок» на французский язьж для постановки в Брюсселе в 1929 г.
Спендиаров, Александр Афанасьевич (1871-1928) - композитор, дирижёр, педагог.
Спесивцева, Ольга Александровна (1895-1991) - балерина.
Спивак - ученица Консерватории, певица.

Спиваковский - ученик Консерватории, композитор.
Спитзер, Леона (Spitzer, Leona) - композитор-любитель.
Spalding (Спалдинг) - американский издатель.
Spangler (Спэнглер) - менеджер Чикагской оперы.
Спис - случайный знакомый в Варшаве.
Ставрович - знакомый Б.Верина и С.Прокофьева.
Стали – Сталь, Алексей Фёдорович и его жена - певица Вера Янакопулос.
Сталин, Иосиф Виссарионович (1879-1953) - политический и государственный деятель.
Сталь, Алексей Фёдорович - адвокат, бывший член Временного правительства Керенского, муж певицы В.Янакопулос, знакомый С.Прокофьева.
Станиславский, Константин Сергеевич (1863-1938) - актёр, режиссёр, театральный деятель, теоретик театра.
Станчинский, Алексей Владимирович (1888-1914) - композитор, ученик С.И.Танеева.
Старосельский – партнёр в
бридж.
Стейнвей - владелец фортепианной фабрики «Стейнвей и сыновья», основанной в Нью-Йорке в 1853 г. Г.Стейнвеем (1797-1871).
Стейнвей, Фридерик (1860-1927) - в 20-е годы глава фирмы «Стейнвей и сыновья». После его смерти фирму возглавил Теодор Стейнвей.
Стейниц, Вильгельм (1836-1900) - шахматист, первый чемпион мира (1866-1894). Steinhardt (Стейнхард) - случайный знакомый в Сан-Франциско.
Стейнерт - знакомый, партнёр по бриджу.
Стелла - см. Адлер, Стелла.
Степанова, Елена Андреевна (1892-...) - жена НА.Малько, певица (сопрано).
Stevens (Стивене) - хозяин дачи в Ла Наз, Франция. St. Leger - репетитор в Чикагской опере.
Сток, Фредерик (Stock. Frederick) (1872-1942) - дирижёр, главный дирижёр Симфонического оркестра Чикаго с 1905 г.
Стоковский, Леопольд (1882-1977) - дирижёр, руководил Филадельфийским симфоническим оркестром (1912-1938).
Столяров, Григорий Арнольдович (1892-1963) - дирижёр, педагог.
Стравинский, Игорь Фёдорович (1882-1971) - композитор, дирижёр.
Стравинский, Гурий Фёдорович (1884-1917) - певец, брат И.Стравинского.
Стравинский, Святослав-Сулима Игоревич (1910-...) - пианист, младший сын И.Стравинского.
Стравинский, Фёдор Игоревич (1907-...) -художник, старший сын И.Стравинского.
Странский, Йозеф (Stransky, Josef) - дирижёр Филармонического оркестра Нью-Йорка в 1911-23 годах.
Страрам. Вальтер (Straram, Walther) (1876-1933) -
дирижёр. Строк - менеджер в Японии.
Струве, Лидия Н. - ученица Консерватории.
Струве, Василий Васильевич - студент, знакомый по Шахматному обществу.
Струве, Николай Густавович (...-1920) - композитор, заведующий издательством Кусевицкого.
Субботин, Игорь - брат Олега Субботина, знакомого С.Прокофьева.
Субботин, Олег Михайлович - знакомый Мещерских и С.Прокофьева. Субботкина - случайная знакомая в Софии.
Суворов, Александр Васильевич (1729-1800) - граф, русский полководец.
Сувчинская, Вера Александровна - жена П.П.Сувчинского.
Сувчинский, Пётр Петрович (1892-1985) - музыковед, музыкальный критик, издатель журнала «Музыкальный современник».

Умнова, Лидия Ивановна - ученица Консерватории, певица.
Walsh (Уолш) - сестра Мэри Гарден.
Уркс - главный директор фирмы «Стейнвей».
Урусов, князь - знакомый в Кисловодске.
Уткин, Иосиф Павлович (1903-1944) - поэт.
Утрилло, Морис (Utrillo, Maurice) (1883-1955) - художник.
Wake, Mrs (Уэйк) - знакомая англичанка.
Уэлс, Герберт (Wells, Herbert George) (1866-1946) - писатель.

Файнциммер, Александр Михайлович (1905-1982) - кинорежиссёр.
Файя - см. Фалья, Мануэль де.
Фалья, Мануэль де (Falla, Manuel de) (1876-1946) - композитор, пианист.
Фалеева, Надежда Павловна - племянница С.Прокофьева.
Фату - астроном в парижской обсерватории.
Фатьма - см. Ханум, Фатьма.
Фатьма Ханум - см. Ханум, Фатьма.
Фауст - журналист газеты New Republic.
Février, Henry (Феврие, Анри) (1875-1957) - композитор, пианист.
Фейнберг - ученица Консерватории, певица.
Фейнберг, Самуил Евгеньевич (1890-1962) - пианист, композитор. Первый исполнитель 3-го Концерта С.Прокофьева в России.
Felz, Mme de (Фельц) - знакомая.
Феона, Алексей Николаевич (1879-1949) - актёр, режиссёр.
Fearbanks (Фербэнкс) - знакомые американцы.
Ферни-Джиральдони - преподаватель Консерватории, (сопрано).
Феррарис - попутчик на пароходе из Америки в Европу.
Ферру, Пьер-Октав (Ferroud, Pierre-Octave) (1900-1936) - композитор, музыкальный критик, основатель в 1932 г. общества «Тритон».
Фигнер, Николай Николаевич (1857-1918) - певец (тенор), директор Народного дома.
Фидлер - знакомый архитектор Кусевицких в Париже, квартирный агент.
Philippe, Dora de (Филипе, Дора де) - певица.
Филипьева, Наталия (Николаевна) - подруга Н.Мещерской.
Филонов, Павел (1883-1941) - художник.
Философов, Дмитрий Владимирович (1872-1940) - публицист, критик.
Fink (Финк) - консервативный критик газеты «Evening Post» в Нью-Йорке.
Фирсова, Любовь Яковлевна - сестра О.Ю.Смецкой.
Фительберг, Гжегож (Fitelberg, Grzegorz) (1879-1953) - дирижёр, в 1914-1921 годах жил и работал в Петербурге.
Фишер - американский музыкальный издатель.
Фишер, Куно - писатель, автор книги о Канте.
Флешер, де ля (de la Flechère) - граф, владелец замка, где отдыхали Прокофьевы.
Флиге - ученица Консерватории.
Фл., Флямб. - шахматист.
Flannery, Mrs (Флэнери) - богатая американка.
Фогель - композитор.
Фок - служащий канцелярии Консерватории.
Фокин, Михаил Михайлович (1880-1942) - артист балета, балетмейстер.
Фолль - автор книги «Сравнительное изучение картин».
Фонарёв - случайный знакомый.
Fonbrune, Pierre de (Фонбрюн, Пьер) - сын мадам Гионне (Guyonnet).
Фонвизин, Денис Иванович (1744-1792) - писатель, драматург.

Форберг, Роберт - музыкальное издательство в Лейпциге.
Fauré, Gabriel (Форе, Габриэль) (1845-1924) - композитор.
Fortiers (Fortier) (Фортье) - супруги-канадцы, с которыми С.Прокофьева познакомил А.Ф.Сталь.
Форш, Ольга Дмитриевна (1873-1961) - писательница.
Фострем, Алма (Fohström, Alma) (1856-1936) - певица (колоратурное сопрано), солистка Большого театра в Москве (1890-99), преподаватель Петербургской консерватории (1909-18).
Фош, Фердинанд (Foch. Ferdinand) (1851-1929) - французский маршал, командующий силами союзников с 1918 г. и до победы.
Франк, Сезар (Franck, César) (1822-1890) - композитор.
Франк, Семён Людвигович (1877-1950) - философ.
Францис, Нелли - ученица Консерватории, пианистка.
Фрейд, Зигмунд (Freud, Sigmund) (1856-1939) - медик, основатель метода психоанализа.
Фрейман - шахматист.
Френкель - чиновник в Москве.
Фрибус, Александр Иванович - заведующий библиотекой Петербургской консерватории (Мариинского театра - в 1917 г.)
Фрида - см. Ганзен, Э.Г. Фридрих - ученик(ца) Консерватории.
Фролов, Юрий - знакомый.
Фроловы - братья и сёстры, знакомые Алперсов и Павских.
Фру-Фру - см. Барановская, М.В. Фулейхан - пианист и композитор.
Fourestier, Louis (Фурестье, Луи) (1892-1976) - дирижёр, один из основателей и главный дирижёр Симфонического Оркестра Парижа.
Фурман - ученик Консерватории, дирижёр.
Фуртвенглер, Вильгельм (Furtwängler, Wilhelm) (1886-1954) - дирижёр.
Фяка - см. Мещерская, Н.А.

Хаис - работник Ленфилармонин.
Хайкин - знакомый Захаровых и Карнеевых в Териоках.
Хайкин, Борис Эммануилович (1904-1978) - дирижёр.
Hammond, John Hays (Хаммонд, Джон Хейз) - знакомый Л.Стоковского, музыкант, изобретатель электрооргана.
Хансен - см. Ганзен, Ц.
Ханум, Тамара - сестра Фатьмы Ханум.
Ханум (Самойленко), Фатьма - знакомая С.Прокофьева, жена Б.Самойленко.
Ханцин Изабелла - ученица Консерватории, пианистка.
Хардинг, Уоррен (Harding, Warren) (1865-1923) - президент США в 1921-23 гг.
Харитон - ученик Консерватории, пианист (класс Венгеровой). Соперник Прокофьева на выпускном экзамене.
Харольд - см. Мак Кормик, Гарольд.
Харсаньи - композитор.
Хвощинский - секретарь русского посольства в Риме.
Хвощинская, Ружина - жена секретаря русского посольства в Риме.
Хейфец, Полина - сестра скрипача Я.Хейфеца.
Хейфец, Яша (1899-1987) - скрипач.
Хензель, Фицхъю (Haensel, Fitzhugh) - американский менеджер.
Херсон - ученик Консерватории, пианист (класс Оссовской).
Hertz, Alfred (Херц, Альфред) (1872-1942) - дирижёр.

Шмуллер, Александр Львович (Schmuller, Alexander) (1880-1933) - дирижёр, скрипач,
главный дирижёр Филармонического оркестра Роттердама в 1928-30 гг.
Шнее - ученик Консерватории, пианист.
Шницлер, Артур (Schnitzler, Artur) (1862-1931) - писатель.
Шоллар - композитор.
Шопен, Фредерик (Chopin, Frédéric) (1810-1849) - композитор.
Шопенгауэр, Артур (Schopenhauer, Arthur) (1788-1860) - философ.
Шоссон, Эрнест (Chausson, Ernest) (1855-1899) - композитор.
Шостакович, Дмитрий Дмитриевич (1906-1975) - композитор, пианист.
Шоу - менеджер (Чикаго).
Шпицер, Леона (Spitzer, Leona) - композитор-дилетант.
«Шредер» - марка роялей и фортепианная фирма, которую основал в Петербурге
в 1818 г. Иоганн Фридрихович Шредер.
Шредер, Иван Карлович (1848-1935) - владелец фортепианной фирмы «К.М.Шредер», устроитель музыкальных концертов.
Штакельберг, Константин Карлович, барон (1848-1925) - начальник Придворного оркестра.
Штейерман, Эдвард (Steuermann, Edward) (1892-1964) - пианист, композитор (ученик А.Шёнберга).
Штейман, Михаил Осипович (...-1949) - ученик Консерватории, дирижёр.
Штейнберг, Максимилиан Осеевич (1883-1946) - композитор, педагог, зять Римского-Корсакова.
Штембер, Николай Викторович (1892-...) -ученик Консерватории, пианист (класс А.Н.Есиповой).
Штембер-папа - отец Н.В.Штембера (пианиста).
Штемберя - Штемберы, семья Н.В.Штембер.
Штембер, Надя и Соня - сёстры Н.В.Штембер, друзья С.Прокофьева.
Штернберг - художник-карикатурист.
Штраус, Иоганн (1825-1899) - композитор, скрипач, дирижёр.
Штраус, Рихард (Strauss, Richard) (1864-1949) - композитор.
Штриммер, Александр Яковлевич (1888-1958) - ученик Консерватории, виолончелист.
Штробах, Ганс (Strohbach, Hans) - театральный режиссёр и художник.
Штубенраух - профессор в Мюнхене, лечил М.Г.Прокофьеву.
Шуберт Павел Христофорович (1884-19..) - пианист, соученик С.Прокофьева в классе Есиповой, позже инспектор Рижской консерватории.
Шуберт - художник, муж Нины Кошиц.
Шуберт, Франц (Schubert, Franz) (1797-1828) - композитор.
Шульцингер - ученик (ца) Консерватории.
Шуман, Роберт (Schumann, Robert) (1810-1856) - композитор.
Шумов, Пётр Иванович (1872-1936) - фотограф.
Шурик - см. Раевский, Александр Александрович.
Шурцман - валторнист, ученик Консерватории.
Шухаев, Василий Иванович (1887-1973) - художник.
Шэфнер - составитель примечаний к программам.
Щепкина-Куперник, Татьяна Львовна (1874-1952) - прозаик, поэт, драматург.
Щербаков - композитор (?).
Щербачёв, Владимир Владимирович (1889-1952) - композитор, педагог.

Эберг, Эрнест Александрович (...-1925) - директор РМИ и издательства А.Гутхейля. Эберто, Жак (Hébertot, Jacques) - оперная антреприза «Hébertot, Jacques. Théâtres

et éditions».
Эвальд - знакомый С.Прокофьева в Эттале.
Эдварде (Edwards) (...-1950) - см. Серт, Мися.
Эйзекс (Aisaaks) - англичанка, учительница английского языка.
Эйнштейн, Альберт (Einstein, Albert) (1879-1955) - физик-теоретик.
Экскузович, Иван Васильевич (1883-1942) - театральный деятель, с 1917 года управляющий петроградскими государственными театрами.
Элеонора - см. Дамская, Э.А.
Элли - см. Ахвледиани, Э.К.
Эли Корнелиевна - см. Ахвледиани, Э.К.
Эльгар, Эдвард (Elgar. Edward) (1857-1934) - композитор.
Эльза - см. Бах, Эльза.
Элькан, Евгений Вениаминович (1887-...) - ученик Консерватории, пианист.
Эльман, Миша (Михаил Саулович) (Elman, Misha) (1891-1967) - скрипач.
Engel, Carl (Энгель, Карл) - директор издательства «Ширмер».
Энгель, Юлий Дмитриевич (1868-1927) - музыкальный критик, композитор, переводчик.
Энеско, Жорж (Enesco, Georges) (1881-1955) - дирижёр, скрипач, пианист и композитор.
Эрасмус, Артур Андреевич - знакомый С.Себрякова и С.Прокофьева.
Эрдели - знакомый и поклонник Н.Мещерской.
Hérédia, José Maria de (Эредиа, Жозе Мариа) (1842-1905) - поэт, представитель Парнасской школы.
Эренбург, Илья Григорьевич (1891-1967) - писатель, поэт.
Эррио, Эдуар (Herriot, Edouard) (1872-1957) - французский политический деятель.
Эфрон, Сергей Яковлевич (1893-1941) - муж М.Цветаевой.
Эше, Софья Николаевна (Эше-младшая) - ученица Петербургской консерватории, пианистка.
Эше, Елизавета Нжолаевна (Эше-старшая) - ученица Петербургской консерватории.

Юденич, Николай Николаевич (1862-1933) - генерал, один из руководителей белого движения.
Юдина, Мария Веньяминовна (1889-1970) - пианистка.
Юлия - см.Вейсберг, Ю.Л.
Юнг, Аделина Августовна - поклонница, дочь первого альтиста Мариинского театра.
Юрасович - см. Юрасовский.
Юрасовский, Александр Иванович (1890-1922) - композитор, дирижёр.
Юргенсон - музыкальное издательство, основанное в Москве в 1861 году Петром Ивановичем Юргенсон (1836-1903).
Юргенсон, Борис Петрович (1868-1935) - директор московского издательства Юргенсон.
Юргенсон, Иосиф Иванович (1829-1910) - основатель музыкального издательства в Петербурге.
Юргенсон, Осип Иванович - директор Санкт-Петербургского отделения издательства Юргенсон.
Юровский, Александр Наумович (1882-1952) - пианист, профессор Московской консерватории, директор Государственного Музыкального Издательства (1922-1944).
Юрьев, Юрий Михайлович (1872-1948) - актёр.
Юрьевская, Зинаида (Зинаида Ленкина) - певица.

Содержание

9 782951 813816

ISBN : 2-9518138-1-3